

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

16/3a

ПОЭТИЧЕСКІЯ
ВОЗЗРѢНІЯ СЛАВЯНЪ
НА
ПРИРОДУ.

A 6.3

2

SLOVANSKÁ KNIHOVNA

3186059503

Типография Грачева и Комп. у Пречистенскихъ воротъ д. Шиловой.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

XXII. Нечистая сила: демоническій типъ громовника стр.—1, молнія—хромая нога—2, нечистые духи, какъ представители бурныхъ и грозовыхъ явленій—9, чортова мать—14, адское царство (пекло)—нѣдра грозовыхъ тучъ—15, огненная рѣка—22, адъ—туманное, облачное небо зимнихъ мѣсяцевъ—25, адскія мѣки—29, Морана, богиня ночнаго мрака, зимы и смерти—33, Смерть и Сонъ—братья—36, вѣра въ свидѣнія—39, олицетворенія Сна и Смерти—42, борьба Живота и Смерти—44, Смерть въ оковахъ—50, ангелы смерти—53, Смерть-невѣста—57, болѣзни—послы смерти и кѣра боговъ—58, представленіе болѣзней демонами—58, связь ихъ съ стихійными духами, эльдами—69; лихорадки—81, закліятія противъ нихъ—85, врачевные обряды—98, Моровая дѣва (чума)—103, гоиня—111, холера и коровья смерть—114.

XXIII. Облачныя жены и дѣвы: облака—женскія груди—117, представленіе дождевыхъ облаковъ нимфами, водными женами—119, русалки—121, облака—небесная пряжа и ткани—128, паутина—ткань эльфовъ—133, кикиморы и полудницы—136, русальи—140, вилы—152, самовилы и самодивы—182, лебединыя дѣвы—186.

XXIV. Души усопшихъ—195, душа—огонь—197, звезда—206, дымъ, паръ—209, воздухъ и вѣтръ—210, тѣни усопшихъ—212, душа—бабочка и вообще насекомое, образующееся изъ личинки: жукъ, пчела, муха, комаръ—214 и 292, душа—птица—218, крещеніе кукушекъ—226, души—эльфы—230, навь

235, вилы и русалки, какъ духи усопшихъ—239, мавки—241, участіе усопшихъ въ полетъ неистоваго воинства—244, ночь—время появленія мертвецовъ, мѣсяць—свѣтло затробо-наго міра—248; царство душъ, вселеніе души въ тѣло ново-рожденнаго младенца и удаленіе ея по смерти въ небесную отчизну—252; востокъ—царство блаженныхъ—277, странство-ваніе души въ небесныя селенія—279, млечный путь и раду-га—282, вліяніе временъ года на посмертное состояніе душъ—287, душа=змѣя, мышъ и вообще оборотень—299, похище-ніе и подмѣнъ дѣтей эльфами и сродными съ ними духами—305.

XXV. Дѣвы судьбы: Родъ и рожаницы—318, вліяніе звѣздъ на судьбу человека—321, добрые и злые часы—324, Зирка—327, Верпея—328, лаумы—331, рожаницы и судицы—333, вилы—339, орисницы—343, мойры и парки—344, фея—347, норны—349, счастливая сорочка и духи-хранители—359, валькирии—363, вѣра въ предопредѣленіе—368, рожденіе, бракъ и смерть, какъ три жизненные термина, устанавливаемые Судьбою—369, боги, какъ представители рока—376, жребій и гаданія—382, Родъ=Судьба—386, связь идеи судьбы съ солнцемъ—389, Судьба, Доля и Недоля—391, злыдни—404, Усудъ и Среѣа—409, колесо Фортуны—413, бѣдовики и счастливыцы—415, жертвоприношенія Роду и рожаницамъ—416.

XXVI. Вѣдуны, вѣдьмы, упыри и оборотни: названія, при-своаемыя вѣщимъ мужамъ и жепамъ—422; въ чемъ проявляет-ся вѣщяя сила вѣдуновъ и вѣдьмъ?—427, наузы—429, стихій-но-демоническій характеръ вѣдуновъ и вѣдьмъ: они насылаютъ грозовыя тучи, бури и градъ—441, похищаютъ дождь и росу—449, скрадываютъ свѣтила—453; гады-производители дож-дя—450; полеты вѣдьмъ, грозовая туча=затопленная печь, молнія=кочерга—456, гроза=варка небеснаго пива—459, воз-душныя поѣзды колдуновъ и вѣдьмъ на змѣяхъ, волкахъ и другихъ животныхъ—462, вѣдьмы—небесныя пряжи и прачки—467, лысая гора, вѣдовскія сборища и любовнѣйшая связь вѣдьмъ съ чертями—469, сближеніе преданій о вѣдовскихъ сборищахъ съ дѣйствительными религиозными празднествами—482, доеніе коровъ—485, гроза=пахтанье масла—489, обряды при весен-немъ выгонѣ стадъ въ поле—490, средства, охраняющія отъ колдуновъ и вѣдьмъ—496, вѣдьмы—производительницы засухъ, неурожаевъ и мора—500, мышъ, какъ порожденіе колдовства—505, избіеніе вѣдьмъ—507, казни ихъ черезъ сожженіе, пото-пленіе и зарытіе въ землю—509 и 523, чары на безплодіе

жень—513, порча и недуги, посылаемые вѣдьмами—518, оборотни—525, вовкулаки—527, превращенія въ звѣрей, птицъ и гадовъ—532, средства, силою которыхъ колдуны и вѣдьмы превращаютъ людей въ животныхъ—551, упыри—557, связь вѣдуновъ, вѣдьмъ и оборотней съ эльфами, упырями—души усопшихъ—566, созданіе вѣдьмами сердца—569, вампиры производятъ засуху, неурожай и смертность—572, пожирание упырями и вѣдьмами человеческого мяса—582, похищеніе и поѣданіе ими младенцевъ—585, баба-яга—587.

XXVII. Процессы о колдунахъ и вѣдьмахъ: враждебныя отношенія волхвовъ къ христіанству—596, двоевѣріе—600, протесты духовенства противъ волхвованія—601, отреченныя книги—605, сожженіе волхвовъ и вѣдьмъ—610, вѣра въ колдовство и вызванныя ею процессы въ XV—XVII столѣтіяхъ—614, чюта и кликушество—634, чары во время царскихъ свадебъ—638, дѣла о волшебствѣ, возникавшія при царскомъ дворѣ въ XVII столѣтіи—641, вліяніе Петровской реформы—653.

XXVIII. Народные праздники: времена года—659, мѣсяцевъ—663, народный дневникъ—670, олицетвореніе четырехъ временъ года и двѣнадцати мѣсяцевъ—675, знаменія весны—683, Жива—686, обрядовый призывъ весны—689, борьба Зимы и Лѣта—691, масленица—696, праздникъ весны—воскресающей природы—698, Остара—700, Троицкая недѣля и майскій праздникъ—704, лѣтній поворотъ солнца (Ивановъ день)—710, Купало—712, Кострома—725, Ярило—726, признаки приближающейся зимы—728, зимній поворотъ солнца—Боляда—729, баднякъ—733, Осень—747, святочные пѣсни—752, Корочунъ и Ситивратъ—760, земледѣльческія празднества—761, житные духи—771.

Дополненія и поправки . . . . . 776.
Указатель именъ и предметовъ . . . . . 817.

XXII.

НЕЧИСТАЯ СИЛА.

Древнѣйшія представленія о богѣ-громовникѣ носятъ двойственный характеръ: являясь, съ одной стороны, божествомъ свѣтлымъ, разителемъ демоновъ, творцомъ міра и подателемъ плодородія и всякихъ благъ, онъ—съ другой стороны— есть богъ лукавый, злобный, приѣмлющій на себя демоническій типъ. Эта двойственность въ воззрѣніяхъ первобытныхъ племенъ возникла подъ вліяніемъ тѣхъ естественныхъ свойствъ, съ какими выступаетъ гроза, то оплодотворяющая землю, разгоняющая мрачныя облака и вредныя испаренія, то посылающая градъ и бурные вихри, опустошающая поля, лѣса и нивы и карающая смертныхъ молвіями. Шествуя въ тучахъ, громовникъ усваиваетъ себѣ и ихъ великанскіе признаки, и согласно съ представленіемъ тучъ темными подземельями — становится богомъ подземнаго (адскаго) царства. Чтобы обозначить эти различныя, одна другой противоположныя стороны въ характерѣ громовника, народъ давалъ ему и соотвѣтственныя имъ прозванія, которыя вполнѣнствіи перешли въ имена собственныхъ, обособились и разъединили единое божество на двѣ враждебныя личности: рядомъ съ небеснымъ Зевсомъ является другой, владычествующій не на небѣ, а подъ землею — Ζεὺς κατὰ ὄβριος, Jupiter niger =

Плутонъ, царь того свѣта и усопшихъ ¹⁾; возлѣ благаго, плодородящаго Тора — лукавый Локи. Этотъ послѣдній вполне соответствуетъ Гефесту (Вулкану), богу подземнаго огня, искусному ковачу молніеносныхъ стрѣлъ, о которомъ греческій мифъ рассказываетъ, что [раздраженный Зевсъ схватилъ его за ногу и стремительно низвергнулъ съ высокаго Олимпа на землю, и что вслѣдствіе этого паденія Гефестъ повредилъ ногу] и навсегда остался хромымъ. Локи, хотя и числится въ обществѣ асовъ и признается ихъ товарищемъ, тѣмъ не менѣе есть существо коварное, обманчивое, состоящее въ самомъ близкомъ родствѣ съ демонскими силами ²⁾; низвергнутый съ неба и окованный цѣпями, онъ потрясаетъ землю (см. I, 756—7); подобно Гефесту, онъ — хромъ, и также клеймитъ боговъ злыми насмѣшками. Хромоту соединяетъ древнее сказаніе и съ славнымъ кузнецомъ Völundg'омъ ³⁾. Быстрота молній заставила сблизать ихъ не только съ летучими, окрыленными стрѣлами, но и съ ногами, какъ необходимыми орудіями движенія, рѣзваго бѣга. Отсюда объясняется, почему русскій сказочный эпосъ изображаетъ героевъ, представителей весеннихъ грозъ, съ ногами по колѣно въ золотѣ, почему греки давали своимъ богинямъ эпитеты сребро-и злато-ногихъ, почему на конецъ подвижная избушка вѣдьмы (—х одяче облако) сто-

¹⁾ Точно также Персефона есть подземная Гера—Juno inferna—Griech. Myth. Преллера, I, 621-2; D. Myth., 945. — ²⁾ Н. Гриммъ допускаетъ тождественность между богомъ Loki и великаномъ Logi (naturkraft des feuers, отъ liuhan—lucere), сыномъ Форниотра (forn-iotr, der alte iotr, iöfunn). — ³⁾ D. Myth., 220-1 („Zumal vorstehend ist die analogie, dass Hefäst durch Zeus vom Olymp herabgestürzt wird, wie der böse feind durch gott aus dem himmel in die hölle, obgleich die Edda von Loki weder einen solchen sturz berichtet, noch ihn als künstlichen schmied und meister der zwerge darstellt“), 351; Смирновъ. 113-5.

ить и повертывается на курьихъ ножкахъ, т. е. на ногахъ пѣтуха (кура), имя котораго донынѣ употребляется въ значеніи огня (I, 522). Богатырскіе кони и козлы Тора, ударяя своими копытами пооблачнымъ скаламъ, высѣкали изъ нихъ молніеносныя искры и открывали путь дождевымъ источникамъ. Такъ какъ молнія падаетъ съ воздушныхъ высотъ изломанной, искривленной линіей ¹⁾, то полетъ ея фантазія стала сравнивать съ шаткимъ, нетвердымъ бѣгомъ хромоваго человѣка или животнаго; а громовому удару стала приписывать отшибаніе пятъ или поврежденіе ноги у героя-громовника, когда онъ является въ облачныя подземелья добывать оттуда золото солнечныхъ лучей и живую воду дождя. Такой ударъ наносятъ ему тяжелыя двери демонскихъ кладовыхъ или желѣзныя врата адавы (см. II, стр. 686); подъ дверь здѣсь разумѣется то отверстіе, какое прорубаетъ въ темныхъ тучахъ Перунова палица. Когда заблеститъ молнія, чехи говорятъ, что это Богъ открываетъ въ небесномъ чертогѣ дверь или окно, и что въ ту минуту поютъ тамъ хоры ангеловъ, т. е. слышится грозовая пѣсня ²⁾. Зевсу въ битвѣ его съ Тифономъ были подрѣзаны на ногахъ жилы; по свидѣтельству индѣйскаго мифа, Кришна, славный побѣдитель дракона, былъ раненъ въ подошву, откуда объясняется и греческое преданіе объ Ахилесовой пяткѣ; наши сказочные герои иначе не могутъ освободиться изъ подземнаго міра, какъ отрѣзавъ свои йкры и скоринивъ ихъ дракону или вихрю-птицѣ, на крыльяхъ которыхъ вылетаютъ они на бѣлый свѣтъ (I, 507). Тоже увѣчы испытываютъ и мифическія животныя, въ которыхъ издревле олицетворялись грозовыя тучи. Такъ козель Тора охромѣлъ, потому что у него была разбита кость задней ноги I, 685); а конь Бальдура вывихнулъ ногу

¹⁾ Римляне чтили Марса подѣ образомъ криваго меча — *has-ta curvata*. — ²⁾ Пов. и пред., 153-5; Громаннъ, 36-37.

въ то самое время, какъ этотъ богъ сопутствовалъ Одну въ его бурномъ поѣздѣ. По указанію русской сказки, когда царевичъ доставалъ живую воду, толкучія горы (тучи) отшибли его богатырскому коню заднія ноги (см. II, стр. 353). Паденіе молніи на метафорическомъ языкѣ обозначалось утратою того члена, какому уподоблялась она въ данномъ случаѣ; богъ-громовержець или демонъ-туча терялъ свой золотой волосъ, зубъ, палець, фаллюсъ, церо изъ своихъ крыльевъ или ногу. Звѣри, въ образѣ которыхъ народныя преданія живописуютъ грозовыя явленія (собака, заяць и др.), весьма часто представляются треногими; нѣмецкія саги заставляютъ ликаго охотника ѣздить на треногомъ конѣ ¹⁾ и бросать съ высоты воздушныхъ пространствъ заднюю ногу оленя или коня, которая потомъ превращается въ золото (I, 726-7). Взвизывая на извивѣ молніи, какъ на тотъ непрямой путь, которыми шествуетъ богъ-громовникъ, древній человѣкъ, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ языка, связалъ съ этимъ представленіемъ понятія коварства и злобной хитрости. Въ эпоху незапамятной, доисторической старины ни одно нравственное, духовное понятіе не могло быть иначе выражено, какъ чрезъ посредство матеріальныхъ уподобленій. Поэтому кривизна служила для обозначенія всякой неправды, той кривой дороги, какою идетъ человѣкъ недобрый, увертливый, несоблюдающій справедливости; досихъ поръ обойти кого-нибудь употребляется въ смыслѣ: обмануть, обольстить. Лукъ — хитрый, злобный, буквально означаетъ: согнутый, искривленный, отъ слова лукъ — согнутая дуга, съ которой и смертные и самъ Перунъ бросаютъ свои стрѣлы; лукать — бросать, кидать, излучина, лукоморье — изгибъ морскаго

---

¹⁾ Der Ursprung der Myth., 140-1, 224-8; Beiträge zur D. Myth., I, 26.

берега; сравни: кривой, кривда и криводушный; во всѣхъ вельтскихъ нарѣчіяхъ ка ш—кривой, въ кимр.—худой, злой, а въ ирланд.—сильный, могучій кимр. ка ш и, армор. ка ш та—натягивать лукъ ¹⁾). Напротивъ съ понятіемъ правды соединяется представленіе о прямотѣ душевной; прямить — говорить правду (напрямкі, впрямь), прямой человекъ—честный, неподкупный, идущій прямымъ путемъ. Лукавство и хитрость считались у грубыхъ первобытныхъ племенъ существенными признаками ума, мудростью; другія выраженія сближаютъ умъ съ быстротою—понятіемъ, неразлучнымъ со всѣми представленіями стихійныхъ духовъ: владим. дострѣмиться (стрѣмный, стремый—скорый, проворный)—догадаться, дострѣмливый—тоже, что дошлый: смысленный, догадливый, буквально: добѣгающій, достаящій до цѣли; перм. угонка—смысленность, догадка; съ тѣмъ-же значеніемъ употребляется и слово дамѣтъ («не въ дамѣтъ» — не въ домѣкъ, отъ до-метнуть). Серб. хитар, тождественное съ нашимъ хитрыи, значить: быстрый, хорут. hiteti—снѣшить, старослав. хы(и)тити—схватить, поймать; сравни чеш. chwatali, новгор. и твер. хвататься—торопиться, серб. дофатити (=дохитити)—достигнуть и рус. хватъ—молодецъ; хапаты—схватывать и олон. хацистый—молодцоватый. Слѣдовательно хитрый первоначально могло означать тоже, что и прилагательное ловкой, т. е. тотъ, который удачно, скоро ловить, а затѣмъ уже—умный. Приведенный рядъ словъ переноситъ насъ въ тѣ отдаленныя времена охотничьяго быта, когда мѣткость стрѣлы, быстрота въ преслѣдованіи дичи были главными достоинствами иущины, ручательствомъ за его умъ ²⁾). Наряду съ словомъ лукавыи, которое сдѣлалось нарицательнымъ именемъ чорта (у нѣмцевъ: der böse, feindliche, и п-

¹⁾ Галлы, сочъ Георгіевскаго, 126. — ²⁾ Потебн., 62-66.

holde, утцовъ церкви: antiquus hostis¹⁾, хитникъ также служитъ для обозначенія нечистаго духа, какъ коварнаго обольстителя и въ то же время похитителя небснаго свѣта и дождей (см. II, 582), а впоследствии — похитителя душъ христіанскихъ; сравни: воръ и про-ворный. Подъ вліяніемъ указанныхъ возрѣній и языка, богъ разящихъ молній переходитъ въ хромоногаго демона, и донынѣ у разныхъ народовъ продолжаютъ давать этотъ эпитетъ дьяволу: der hinkende teufel, lahmer teufel, hinkenbein, diable boiteux²⁾, хромой бѣсъ, хромой чортъ³⁾; въ воронежской и другихъ губерніяхъ нечистаго называютъ: «Антипа (?) безпята»⁴⁾; чехи поминаютъ kulhavěho šerta и kulhavěho mu⁵⁾. Въ народныхъ сказкахъ чортъ нерѣдко является искуснымъ кузнецомъ, съ чѣмъ (какъ нельзя болѣе) гармонируютъ и его черный видъ, и его пребываніе въ покрытыхъ сажею и горящихъ адскимъ пламенемъ пещерахъ; въ самой короткой срокъ онъ можетъ перековать въ гвозди огромное количество желѣза; въ Германіи думаютъ, что, ударяя кузничнымъ молотомъ въ полночь, можно вызвать нечистаго духа⁶⁾. Падающіе съ облачнаго неба, молніеносные духи (чешск. světlopoši — зальфы⁷⁾ въ эпоху христіанства смѣшались съ тѣми нѣкогда-свѣтлыми ангелами, которые за свою гордость и высокоуміе были низринуты, по библейскому сказанію, во мракъ преисподней⁸⁾. Як. Гриммъ относитъ названіе Loki

*de l'antiquité
antiquus*

¹⁾ D. Myth., 940-2. — ²⁾ Ibid., 352, 945. — ³⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 152 — народная поговорка: „чортъ хромъ, да съ рожками“; Н. Р. Лер., 20. — ⁴⁾ Ворон. Г. В. 1850, 29. — ⁵⁾ Гавушъ о Дѣдѣ-Всецвѣдѣ, 28, 37. — ⁶⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 313. — ⁷⁾ Громаннъ, 20 : světlopoši собираются на лугахъ и поляхъ, танцуютъ, сбиваютъ путниковъ съ дороги и бросаются имъ на спину; можно навликать ихъ свистомъ. — ⁸⁾ Люциферъ, владыка ада, по самому значенію его имени былъ первоначально свѣтлымъ духомъ — D. Myth., 937.

къ корню *lukap* (*claudere*—запирать, *claudus*—хромой); скан. *lok-finis, consummatio, loka*—запоръ, засовъ у дверей: свидѣтельство языка—въ высшей степени любопытное и знаменательное, такъ какъ молнія изстари уподоблялась ключу, отпирющему весною дождевые источники и замыкающему ихъ на все время холодной зимы; «замкнутое небо»—небо, непосылающее дождей (см. т. II, стр. 399—405). Въ качествѣ демона, Локи замыкаетъ облака, налагаетъ на нихъ крѣпкіе запоры, задерживаетъ небесныя воды и производитъ неурожаи. Въ противоположность Тору, покровителю земледѣлія и произрастителю хлѣбныхъ злаковъ, онъ засѣваетъ поля сорными травами; въ Нордъ-Ютландѣ вредная для скота трава называется *Lokkens havge*—подобно тому, какъ на Руси осотъ считается чортовымъ зельемъ: «*ni saaeg Lokken sin havge*» (теперь Локи съѣтъ свою траву). Въ средніе вѣка чорта представляли подь символомъ молота, засова и запора. Въ шведской пѣснѣ о Тогкагъ чортъ, похитившій молотъ (сравни II, стр. 688), названъ *troll-tram* отъ скан. *trami, tremill*, др.-в.-нѣм. *dremil*—засовъ у дверей ¹⁾). Седьмой день, посвященный италійцами Сатурну (*dies Saturni*), у германскихъ племенъ называется: *Soetereisdäg, Soeternesdäg, Saturday, Saterdei, Satersdag*; англос. *soetere*—*insidiator*, скрывающійся въ засадѣ врагъ, подстерегающій злоумышленникъ (др.-в.-нѣм. *sâzagi*, ср.-в.-нѣм. *sâze*—*insidiae*—*lâga, lâge*). Такое названіе субботняго дня приводитъ на мысль скан. *laugardagr*, швед. *lögardag*, дат. *løverdag*, что въ болѣе раннюю эпоху могло быть равносильно выраженіямъ: *Lokadagr, Logadagr*—день, посвященный Локи. Итакъ Локи соотвѣтствуетъ Сатурну, жестокому богу преисподней; съ именемъ этого послѣдняго и съ

¹⁾ Ibid., 222-3, 951-2.

именемъ созвучнаго ему сатаны народъ и связалъ свои воспоминанія о древнемъ національномъ божествѣ демоническаго характера. Въ священномъ писаніи сатана есть отецъ лжи; сканд. *Locki*— *verführer, verlocker, nachsteller*, дат. *Loke löjemand* (*lovmand*) намекаетъ на *Juvе*— лгать, обманывать (грѣт. *löi*); Гриммъ подозрѣваетъ сродство между словами *lüge*— ложь, обманъ и *logi*— огонь, вихрь. У нѣмцевъ, русскихъ и чеховъ существуетъ примѣта: если огонь горитъ съ трескомъ и прыгаютъ изъ печи искры, то въ семьѣ произойдутъ ссора и брань. Слово *wind* употребляется въ значеніи клеветы, ложнаго доноса, *windbeutel*— лжець; точно также въ русскомъ языкѣ «слова, сказанныя на вѣтеръ» означаютъ: пустыя рѣчи, враки, вѣтренный человѣкъ— безпутный; у датчанъ есть пословица: *lögn er et skadeligt uveig* (ложь—опасная буря). *Der lügner*— не только лжець, но и насмѣшникъ, шутникъ, какимъ и представляется Локи въ сказаніяхъ Эдды; наши поселяне даютъ чорту, домовому и лѣшему названіе шута, шутика ¹⁾. Старинныя хроникѣ свидѣтельствуютъ, что и славяне чтили божество, подобное Сатурну. Такъ Массуди въ «Золотыхъ лугахъ» говоритъ, что во храмѣ, построенномъ на Черной горѣ, стоялъ идолъ, изображавшій Сатурна—въ видѣ старца, съ палкою въ рукахъ, которою онъ разгребалъ кости умершихъ; подъ правую его ногу были видны муравьи, а подъ лѣвою сидѣли вороны и другія хищныя птицы. Видукинъ упоминаетъ о мѣдномъ идолѣ Сатурна у вагровъ. Славянское имя этого бога, слѣдуя глоссамъ Вацерада, было Ситивратъ (см. гл. XXVIII). Словаки мѣстомъ входа въ адъ назначаютъ проасти горы Ситна (названіе, стоящее—можетъ быть—въ связи съ именемъ Сити-

¹⁾ *Ibid.*, 226-7, 568, 968; Громанъ, 42; Обл. Сл., 257 (черный шутъ), 269.

врата), и злаго духа называютъ пропастиникомъ, преда-
никомъ ¹⁾).

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что народныя преданія и по-
вѣрья о нечистыхъ духахъ изображаютъ въ нихъ—демоновъ
грозовыхъ тучъ и бурныхъ вихрей, а въ ихъ адскомъ жили-
щѣ—шрачные вертепы облачныхъ горъ. На это мы уже не разъ
указывали въ предыдущихъ главахъ нашего сочиненія, посвя-
щенныхъ великанамъ, карликамъ, водянымъ, лѣшимъ и дру-
гимъ стихійнымъ духамъ, съ которыми постоянно смѣшиваютъ-
ся черти. Вритра, Аги, Cushman и другіе демоны, упоминаемые
Ведами, суть только очеловѣченныя явленія природы, ибо дѣя-
тельность ихъ обнаруживается въ потемнѣніи неба громовыми
тучами, въ воздыманіи бурь и опустошеніи нивъ градомъ; оби-
тая въ облачныхъ горахъ или среди дождевыхъ водъ, они похи-
щаютъ небесныхъ коровъ и дѣвъ, солнце, мѣсяцъ и дождь, и
сражаются съ Индрою—молнія противъ молніи ²⁾). Въ шумъ
весеннихъ грозъ предки наши созерцали битву громовника съ
демоническими силами, которыхъ онъ разитъ своимъ мо-
лотомъ, палицей или стрѣлами, и доселѣ существуетъ по-
вѣрье, будто ударомъ молота по наковальнѣ можно наложить
на чорта оковы ³⁾). Къ тѣмъ свѣденіямъ, какія собраны по
этому предмету выше (I, 261 -- 6), мы добавимъ свидѣтель-
ство стариннаго англосаксонскаго памятника, сходнаго по со-
держанію съ русскимъ стихомъ оголубинной книгѣ. Здѣсь, меж-
ду прочимъ, описывается борьба сатаны съ Богомъ: дьяволъ
претворяется въ тьму, а Господь—въ свѣтъ: первый прини-
маетъ образъ исполинскаго змѣя, а послѣдній—копья.
Наконецъ сожженный божьею молніей, раздавленный громовой
колесницею и пронизанный дождемъ, сатана призгаетъ себя по-

¹⁾ Макуш., 81-82; Ч. О. И. и Д., годъ 2, III, ст. Срезнев., 45;
Nar. zriewanku, I, 429; Срезнев., 17. — ²⁾ Germ. Mythen, 167—8.
³⁾ Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 239.

бѣжденнымъ, и Господь налагаетъ на него желѣзные цѣпи ¹⁾. Подъ другимъ поэтическимъ воззрѣніемъ гроза и крутящіяся вихри представлялись чортовой свадьбою или пляскою (I, 330—1), и до сихъ поръ поселяне наши убѣждены, что зимнія вьюги и мятели посылаются нечистою силою; появленіе и исчезаніе чертей сопровождаются бурей и трескомъ ломающихся деревьевъ. Манихей и другіе еретики внесли въ свое ученіе догматъ, что буря есть дыханіе заключеннаго въ оковахъ дьявола (сравни I, 311), что громъ—скрежетъ его зубовъ, злобное ворчанье, а дождь—капли его пота ²⁾. Въ сербской рукописи (XIV вѣка) содержится отрывокъ закліянія противъ нечистой силы, въ которомъ читаемъ: «запрещаю ти четириими патриархи, запрещаю ти, діаволе, 308-ю святыхъ отецъ, иже въ Никей, да не имаша власти на троудѣль христіаньскихъ (т. е. надъ нивами) одѣждити (одождити) боурею и злимъ градомъ» ³⁾. По мнѣнію чеховъ, вмѣстѣ съ вихрями, поднимающими пыль столбомъ, движутся злые духи и причиняютъ людямъ болѣзни; сражаясь въ воздухѣ, черти бросаютъ другъ въ друга мельничныя камни, которые раздробляются на тысячи кусковъ и падаютъ на землю градомъ; когда приближается бурная гроза, чехи заклиняютъ ее слѣдующей заповѣдной формулой: «zaklínám vás, andělé pekelní kteří posíláte krupobití na tento svět, neškod'te ourodám božím, ani zemi, ani chmelnicím, ani lukám, ani lidem, ani hovadům, ani žádnému stvoření božímu... abyste na skály a na hustiny šli.» Подобно тому въ Ведахъ встрѣчаемъ молитву: «не повреди намъ, Рудра, на сынахъ нашихъ и внукахъ, на лошадяхъ и коровахъ!» ⁴⁾ Отъ XVI вѣка дошли до насъ сказанія, въ которыхъ опустошительныя бури изображаются, какъ дѣло нечи-

¹⁾ Омытъ истор. обзор. рус. словесн. О. Миллера, I, 332. — ²⁾ Кіевл. 1865, 57; D. Myth., 952. — ³⁾ Оп. Румян. Муз., 605—6. — ⁴⁾ Громанъ, 33—35.

стыхъ духовъ: въ 1570-хъ годахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Богеміи жители наблюдали ихъ полетъ въ стремительныхъ вихряхъ, а въ одной деревнѣ разсказывали, будто дьяволъ свелъ любовную связь съ бабою (вѣдьмою) и научилъ ее напускать грозу и градъ; когда виновную бабу спалили на огнѣ, то черти подхватили ея душу и унесли въ вихрь. Въ 1585 году крестьянинъ, у котораго градъ выбилъ ниву, такъ выразился о своемъ несчастіи: «však Pan Bůh tehda spal, když nám čert to obilí zdtíl a kroupami potloukl!» ¹⁾ Въ народныхъ клятвахъ донынѣ дается чорту стихійное значеніе: «hat dich der teufel aber herzu tragen?» «wo führt ihn der teufel her?» «daz dich der tiuvel hin füere!» «var du dem tiuvel in die hant!» «fahr hin zum teuffell!» «le diable t'emporte!» «куда тебя чортъ занёсъ! (или: завелъ)» «чтобъ тебя чортъ бралъ!» Сличъ съ заклѣтѣями: «was für ein wetter führt dich her!» «welches ungewitter (или: donnerwetter) hat dich hergebracht?» «wo schlägt dich der bagel her?» «ich will des wetters sein!» «ich bin des donners!» «какимъ вѣтромъ тебя занесло сюда?» (см. также т. I, стр. 317) у словаковъ: kde tam ideš do Paroma! «kde si bol u Paroma?» Клятва: zum teuffell! (къ чорту!) равносильна выраженіямъ: zum donner! и dass dich der hammer! Рядомъ съ благословеніемъ: gott walts! въ устахъ народа слышится: des walte der teufel, der donner! Названія teuffelskind и donnerskind, teuffelsgeld и donnersgeld (заклятыя деньги)—тождественны. Чорту приписывается быстрота вихря или несущихся въ грозѣ духовъ нештоваго воинства; подобно вѣфамъ, чортъ можетъ внезапно появляться, исчезать, оборачиваться въ различные образы и дѣлаться то великаномъ гигантскихъ размѣровъ, то карликомъ, способнымъ пролѣзть въ замочную скважину или въ

*у Gerhards
u Velusa!
Sohl mit dem
u Velusa*

¹⁾ Причекъ — въ Часописи 1863, I, 23-24.

Handwritten scribble

пустой орѣхъ. Въ средневѣковыхъ сагахъ герои приносятся изъ дальнихъ странъ домой съ необычайною скоростью чортомъ и бѣльшею частію чрезъ воздушныя пространства. Такъ король Карлъ въ единую ночь прискакалъ съ востока во Францію на дьяволѣ, превратившемся въ коня ¹⁾. Извѣстна легенда о святомъ пустынникѣ, котораго въ нѣсколько часовъ свозилъ чортъ въ Іерусалимъ или въ Римъ ²⁾. Другія саги допускаютъ замѣну нечистаго духа ангеломъ, указующимъ на быстроногаго коня: знакъ, что первоначально тутъ разумѣлся не злой демонъ христіанскаго ученія, а созданный язычествомъ стихійный духъ (= вѣтръ) или самъ Вуотанъ, несущій своего любимаго героя въ бурномъ полетѣ облаковъ ³⁾. Какъ представитель легко-измѣнчивыхъ облаковъ и тумановъ, чортъ можетъ превращаться во все тѣ образы, въ которыхъ древнѣйшій мнѣ олицетворялъ тучи. Согласно съ эпическими названіями облаковъ ходячими, а вѣтровъ буйными, черти вѣчно бродятъ по свѣту и отличаются неустанною, безпокойною дѣятельностью; на областномъ нарѣчій шатунъ означаетъ и бродягу, и дьявола ⁴⁾. По быстротѣ своего полета, тучи уподоблялись хищнымъ птицамъ, легконому коню, гончимъ псамъ и дикимъ козламъ и козамъ, а ради той жадности, съ какою онѣ пожираютъ (= помрачаютъ) небесныя свѣтила, — волку и свинѣ. Все эти животненныя формы принимаетъ и нечистый. Изъ сейчасъ-указанной саги видно, что онъ, наравнѣ съ вѣдьмами, можетъ превращаться въ бѣрзаго к'оня; въ другихъ сказаніяхъ онъ, подобно Вуотану и

¹⁾ D. Myth., 951, 964 6, 980; Nar. zpiewanku, I, 407. — ²⁾ Н. Р. Лег., 19, с в стр. 165 8; Семеньск., 52 53; Пам. стар. рус. литер., I, 245-8: „Сказаніе о великомъ святителіи о Іваннѣ, архіеп. великаго Новаграда, како былъ единой ноци изъ Новаграда въ Іерусалимъ-градъ и пакы възвратися.“ — ³⁾ D. Myth., 980. — ⁴⁾ Обл. Сл., 263.

Донару, выѣзжаетъ на черномъ конѣ или въ колесницѣ; осужденныхъ грѣшниковъ увозятъ въ адскія бездны черные кони; Локи превращался въ кобылу и породилъ осьминогаго Слейпнира отъ великанаова жеребца Svadhilfari. Прибавимъ, что и водяные представляются на половину, а иногда и совсѣмъ въ лошадиномъ образѣ; а кобольдамъ народныя повѣрья даютъ лошадиную ногу. Чортъ нерѣдко показывается въ видѣ собаки и даже называется hellehund, напоминая тѣмъ греческаго Цербера; какъ адскій песъ, онъ стережетъ спрятанныя въ облачныхъ подземельяхъ сокровища, оберегаетъ небесныя стада и участвуетъ въ дикой охотѣ—этой поэтической картинѣ весенней грозы, почему его называютъ также: hellehirte и hellejager. Въ силу мнѣнческаго сродства мертвецовъ съ стихійными духами создалось вѣрованіе, будто онъ охотится за душами усопшихъ, какъ гончая собака за убѣгающей дичью: «führt dich der zauch (др. верх.-нѣм. zôha—сука) schon wieder her?» Представленіе чорта козломъ ставитъ его въ особенно-близкія отношенія къ Тору. На праздничныхъ сборищахъ вѣдьмъ сатана является въ образѣ чернаго козла, которому онѣ воздаютъ божескія почести; въ заклятіяхъ козель служитъ замѣною древняго бога. Въ Швейцаріи народъ не употребляетъ въ пищу козлиныхъ ногъ, потому что такія-же ноги имѣетъ и самъ чортъ: это обыкновеніе объясняется изъ мѣста о козлахъ Тора, мясомъ которыхъ утолялъ онъ свой голодъ, а изъ собранныхъ костей снова воскрешалъ убитыхъ и съѣденныхъ животныхъ, и сильно гнѣвался, когда однажды кость козлиной ноги оказалась раздробленною. На подобіе Тора, чортъ ѣздитъ по ночамъ на козлѣ и щелкаетъ бичомъ, или правой рукою махаетъ серебрянымъ молотомъ, а въ лѣвой держитъ молніи. О превращеніяхъ злаго духа въ свинью и волка было сказано выше (I, 715, 732, 740, 781). Чортъ охотно воплощается въ чернаго

вдрона, коршуна и совы (I, 529); нѣмцы называютъ его *hellegabe*, и не только ради хищности и черного цвѣта этой птицы, но и потому особенно, что воронъ посвящался Одину, шествующему въ грозѣ и буряхъ ¹⁾. Животненныя формы даются бѣсамъ въ придатокъ къ тѣмъ безобразнымъ человѣческимъ формамъ, въ которыхъ рисовались они воображенію первобытныхъ племенъ; надѣлённый козлиными, коровьими или лошадиными ногами и ушами, рогами и хвостомъ, чортъ внѣшнимъ видомъ своимъ сближается съ античными фавнами и сатирами и нашими лѣшими (см. I, 715); онъ также космать, какъ *skraten* и *pilosen*; острые когти его и крылья суть признаки звѣринаго и птичьяго типовъ. По лѣтописному свидѣтельству, боги, живущіе въ безднахъ, «видомъ черны, крылаты, съ хвостами и летаютъ подъ небо» ²⁾. Сходно съ эльфами, цвергами и нисками, черти любятъ пляски и музыку (I, 331—4 ³⁾. На ряду съ бѣсами мужескаго пола, преданія говорятъ о чертовкахъ, которыя, по характеру своему, совпадаютъ съ облачными, водяными и лѣсными женами и дѣвами ⁴⁾. У малоруссовъ есть поговорка: дождался чортовой матери! ⁵⁾ Въ народныхъ сказкахъ въ жилищѣ чорта сидитъ его бабка, мать или сестра, которая въ большей части случаевъ оказывается благосклонною къ странствующему герою, прячетъ его отъ своего сына и помогаетъ ему въ нуждѣ (съ тѣмъ-же значеніемъ изображается и мать вѣтровъ— см. I, 313); самъ же чортъ, ворочаясь домой, чуетъ носомъ человѣческое мясо, какъ чуютъ его великаны и змѣи. По мнѣнію малоруссовъ, если «дощъ йде кризь сонце (т. е. при солнечномъ сіяніи), то чортъ жинку бье» или «дочку замѣжъ виддаѣ»; чехи говорятъ: *čert běli svou babu, či svou matku neb choť*

¹⁾ D. Myth., 946-9, 952, 958, 965, 974; Beiträge zur D. Myth., I, 66. — ²⁾ П. С. Р. Л., II, 273. — ³⁾ Ibid., I, 83. — ⁴⁾ D. Myth., 958—9. — ⁵⁾ Номис., 109: „дочекався чортовой мамі!“

(любовницу); французы: *le diable bat sa femme*. Въ Германіи о быстро-смѣняющейся погодѣ—то ясной, то дождливой и пасмурной выражаются поговоркою: *der teufel bleicht seine grossmutter*, въ Швейцаріи: *der teufel schlägt seine mutter*; когда громъ гремитъ при солнечномъ сіяніи, нѣмцы говорятъ: «*der teufel schlägt seine mutter, dass sie öl gibt.*» Польско-русинское присловье утверждаетъ, что вѣдьмы (чаровницы) сбиваютъ масло въ то самое время, какъ чортъ бабу колотитъ. Очевидно, чортъ выступаетъ здѣсь въ роли громовника; въ шумѣ лѣтней грозы онъ бьетъ свою мать или жену, т. е. облачную нимфу, и требуетъ отъ нея масла—дожда (I, 665—7 и гл. XXVI). Туча, въ нѣдрахъ которой рождается молнія, почиталась ея матерью; въ сказкахъ упоминается мать грома, латов. *Percona tete*. Съ другой стороны таже облачная нимфа, подъ инымъ поэтическимъ воззрѣніемъ, представлялась любовницею или женою грозового демона, съ которою онъ сочетается молніеноснымъ фаллусомъ¹⁾.

Вмѣстѣ съ присвоеніемъ громовнику и сопутствующимъ ему духамъ характера демоническаго, сатанинскаго, жилища ихъ, т. е. облачныя подземелья и пещеры, получили значеніе страшнаго царства нечистой силы; въ то же время царство это признано было обиталищемъ умершихъ, ибо и въ языкѣ и въ повѣрьяхъ Смерть роднилась съ нечистою силою²⁾, а тѣни усопшихъ съ грозowymi геніями. И та, и другія неслись въ рядахъ неистоваго воинства и дикой охоты, сопровождали Одина въ его воздушныхъ поѣздахъ и вмѣстѣ съ нимъ скрыва-

¹⁾ D. Myth, 157, 960; Номис., 282; Ганушъ о Дѣдѣ и Бабѣ, 25. Народныя поговорки утверждаютъ, что „чортъ и баба—родня между собою“, „гдѣ чортъ не сможетъ, туда посылаетъ бабу“. —
²⁾ Напомнимъ, что суббота (*dies Saturni*) есть по преимуществу день поминковъ.

лись въ облачныя горы и дождевыя источники. Тѣже самыя образы и краски, какіе созданы были поэтическимъ настроеніемъ древняго человѣка для тучъ, служили и для обрисовки царства демоновъ и мертвыхъ. Прежде всего это есть міръ подземный, куда ведетъ трудный путь черезъ пропасти и горныя ущелія,—міръ непроницаемой тьмы и страшно-клокочущаго, всепожигающаго пламени: тьма указываетъ на помраченіе неба черными тучами, а пламя—на горящія въ нихъ молніи. Таково было воззрѣніе арійскихъ племенъ. Веды знаютъ ужасный, подземный міръ Нагака, въ которомъ царствуетъ богиня Nirṛiti ¹⁾; по ученію древнихъ грековъ, души усопшихъ отходятъ въ подземный, вѣчно-туманный и иглистый адъ (ἄδης, ᾗδης), гдѣ властвуетъ богъ Аидесъ (Гадесъ), являющійся во всей грозовой обстановкѣ: онъ имѣлъ шлемъ-невидимку, жезлъ и златоблестящую колесницу (метафоры облака и молніи ²⁾). Греческому аду соотвѣтствуетъ германская гелла и славянское пекло. Сканд. Hel (гот. Halja, др.-в.-нѣм. Hellia, Hella, англос. Hell) принимается въ двухъ значеніяхъ: какъ названіе того свѣта (unterwelt) и какъ имя царствующей тамъ богини—точно также, какъ греч. Ἄδης и лат. Orcus (uragus, urgus) олицетворялись въ мужскомъ образѣ. Ульфилла переводитъ ᾗδης словомъ halja; верхненѣмецкій переводчикъ св. писанія infernus передаетъ черезъ hella, а gehenna—черезъ hellafing и hellawizi. Геллу, сверхъ того, чтли язычники какъ богиню смерти, существо злое, забирающее души усопшихъ въ свою печальную область, откуда уже нѣтъ возврата. По свидѣтельству Эдды, она была дочь Локи, порожденная великанкою, сестра волка Фенрира и чудовищной змѣи; она на половину или и совсѣмъ чернаго цвѣта, подобно тому, какъ,

¹⁾ Die Götterwelt, 53. — ²⁾ Der Ursprung der Myth., 171.

олицетворяя Смерть, народное воображеніе рисуетъ ее с у мрачною и черною. Царство Геллы лежитъ глубоко въ утробѣ земли, подъ корнемъ мировой ясени Иггдразилли и носитъ имя Niflheimr или Niflhel=nebelwelt, nebelhölle (облачный, туманный міръ или адъ); ея чертогъ—Eliudhnir (страданіе, бѣдствіе), блюдо—Húngr (голодъ), ножъ—Sultr (съ тѣмъ же значеніемъ), т. е. она пожираетъ съ ненасытнымъ голодомъ. Въ среднія вѣка изображали адъ жадно-раскрытымъ, поглощающимъ людской родъ зѣвомъ, подобнымъ волчьей пасти; старинные памятники говорятъ о безднѣ, дверяхъ и челястяхъ адскихъ. Идея зіяющей бездны, отверстой пасти, воротъ и крѣпкихъ, неодолимыхъ заповорь такъ естественно возникали въ данномъ случаѣ, что разные народы постоянно обращались къ этимъ образамъ. Наши церковныя и любочныя изображенія страшнаго суда рисуютъ адъ въ видѣ открытой, огнедышащей пасти чудовищнаго змѣя ¹⁾). Усопшіе ѣдутъ въ область Геллы на коняхъ или въ колесницѣ («saga til Heljar»); созвѣздіе Большой Медвѣдницы называютъ не только himmelwagen, но и hellewagen; имена, даваемые млечному пути, указываютъ на него, какъ на дорогу, которая ведетъ умершихъ на тотъ свѣтъ: любопытныя данныя, ярко-свидѣтельствующія, что подземное, загробное царство первоначально было только метафорическимъ обозначеніемъ небесныхъ, облачныхъ пещеръ. Греки помѣщали адъ то въ нѣдрахъ земли, то за предѣлами воздушнаго океана, гдѣ находились и блаженные острова. Рядомъ съ подземной страню Nagaka индѣйское вѣрованіе указываетъ на фиговое дерево (asvattha

¹⁾ У пророка Исаи, V, 14: „и расшири адъ душу свою, и разверзе уста своя“. На стѣнной живописи вологодскаго Софійскаго собора подъ стопами Спасителя, нзводящаго изъ ада души правотцевъ, изображены сокрушенныя врата, веревы и заклепы — Изв. Имп. Археолог. Общ., IV, 24.

—Иггдразилль), подъ сѣнью котораго пребываютъ праотецъ Яма и всѣ блаженные—Pitris, наслаждаясь невозмутимымъ покоемъ и вмѣстѣ съ богами вкушая безсмертный напитокъ. Рядомъ съ геллою скандинавскій мифъ называетъ валгаллу (valhöll). На высокомъ небѣ высился Ásgardhr—городъ свѣтлыхъ асовъ, гдѣ хозяиномъ и владыкою былъ Одинъ; окруженный крѣпкими стѣнами, городъ этотъ заключалъ въ себѣ славные чертоги и валгаллу. Эта послѣдняя имѣла 540 дверей, вмѣсто кровли была покрыта золотыми щитами, на стѣнахъ ея висѣли блестящія мечи и давали свѣтъ, озаряющій всю залу. Сюда поступали падшіе въ битвахъ герои (einherier) и продолжали свои воинскія занятія; каждый день они сражались на дворѣ и умерщвляли другъ друга, но когда наступало время трапезы—убитые возставали и пировали за однимъ столомъ съ побѣдителями, вкушая безсмертныя яствы и вдохновительный медъ; въ битвахъ этихъ принималъ участіе и самъ Одинъ. Ясно, что герои валгаллы суть стихійные духи, сражающіеся въ лѣтнихъ грозахъ и пьющіе живую воду дождя—представленіе, перенесенное потомъ на доблестныхъ народныхъ витязей, души которыхъ смѣшиваются съ безсмертною свитою Одина. Въ царство же Геллы поступаютъ умершіе отъ старости и болѣзней; первоначально это — мѣсто пребыванія усопшихъ, а никакъ не мѣсто наказанія грѣшниковъ; о казняхъ и мукахъ нѣтъ ни слова въ древнѣйшихъ памятникахъ, и обитатели Нифльгейма составлялись не исключительно изъ злыхъ и нечестивыхъ людей, но всѣ скончавшіеся не въ пылу сраженій, даже самыя благородныя и возвышенныя личности, отходили сюда, какъ свидѣтельствуя примѣры Брингильды и Бальдура. По греческому вѣрованію, почившіе герои поступали въ мрачныя вертепы ада. Тѣмъ не менѣе изъ этихъ мифическихъ основъ—съ теченіемъ времени, когда выработалась извѣстная сумма нравственныхъ правилъ, должны бы-

ли развитыя представленія о различной участи, ожидающей во смерти добрыхъ и злыхъ. Слабые зачатки такихъ представлений встрѣчаемъ уже въ мірѣ языческомъ, отдѣлившемъ небесное царство Ямы и блаженныхъ праотцевъ отъ подземной области Нараки. Съ забвеніемъ исконнаго смысла старинной метафоры, уподобившей облака горамъ и подземельямъ, и съ перенесеніемъ ада въ дѣйствительныя нѣдра земли, сказанія о немъ стали противопоставляться мнѣю о небесныхъ (райскихъ) обителяхъ боговъ и ихъ любимцевъ ¹⁾. Уже Гомеръ различаетъ тартаръ отъ елисейскихъ полей; тартаръ лежалъ еще глубже *ἄδης* а—въ безднѣ, гдѣ томились заключенные великаны, буйные противники боговъ, и позднѣе признанъ былъ за ту часть подземнаго царства, въ которой злые осуждены терпѣть казни; въ елисейскихъ же поляхъ проводятъ беспечальные дни тѣни блаженныхъ. У германцевъ также было вѣрованіе, принимаемое Я. Гриммомъ за сравнительно-позднѣйшее, что Всевышній (Allvater) даруетъ людямъ безсмертныя души, и какъ скоро трупъ покойника будетъ сожженъ на кострѣ или сгниетъ въ могилѣ—душа добраго возвращается къ Одину на небо (Gimill, Vingölf), а душа злаго идетъ въ Niflheimr. Собственно же говоря, строгое различіе между грядущими судьбами добрыхъ и злыхъ и мѣстами ихъ посмертнаго пребыванія указано христіанствомъ, которое потребовало отъ человѣка высокой нравственной чистоты и стало судить его по его внутреннимъ достоинствамъ. Въ XIII вѣкѣ уже утвердилось за геллою ея теперешнее значеніе подземнаго царства мукъ, въ которомъ пребываютъ души осужденныя, проклятыя ²⁾. Въ др.-вер.-нѣмецкихъ памятникахъ употре-

¹⁾ Между небомъ и подземнымъ царствомъ ада земля составляетъ средину — Midgardh (media domus) — D. Myth., 526; О м. христ. на сл. яв., 188 — ²⁾ D. Myth., 288-292, 663, 761-4, 777-8; Die Götterwelt, 58, 158, 162.

блается въ смыслѣ ада—bēsch (rēsch—riх, смола); новые греки называютъ преисподнюю π(σ)σα. Этотъ смоляной адъ извѣстенъ у славянъ и литовцевъ подъ именемъ пѣкла (пол. piekło, серб. пакао, слов. rekel, нл. ракаl, лит. rekla, др.-прус. rickullis), каковое слово происходитъ отъ глагола печь, пеку и равно означаетъ и смолу, которая гонится чрезъ жженіе смолистыхъ деревьевъ, и геенское пламя ¹⁾. Венгерское rokol (адъ) заимствовано отъ славянъ—точно также, какъ германскія племена заимствовали отъ римлянъ infern. На Руси смолу называютъ варомъ, а слово дѣготъ имѣетъ въ санскритѣ корень dah (dagh) — горѣть ²⁾. Слѣдуя буквальному значенію этихъ словъ, предки наши связывали ихъ съ представленіями весеннихъ водъ и дождей, рождающихся дѣйствіемъ яркаго солнца и молніеноснаго Перуна изъ растопленныхъ снѣговъ и тучъ. Такимъ образомъ смола и деготь издревле были метафорами дождя (I, 788-9), а слово пекло къ обозначенію «ада» перешло отъ понятія громовой тучи, пылающей молніями и преисполненной кипучею влагою живой воды. Въ старинныхъ славянскихъ рукописяхъ греч. τάρταρος переводится грозюю: «ниги грозѣ предаются» ³⁾. У люнебургскихъ вендовъ адъ—smela—смола. Литовскій Rokole (Roklus, др.-прус. Rikolos, Pekolos) есть богъ-пекельникъ, владыка того свѣта, тождественный Гадесу; чортъ по литовски—rusulas (др.-прус. rickuls). По народнымъ повѣрьямъ, появленіе и исчезаніе нечистыхъ ду-

¹⁾ Описан. слав. рукоп. моск. синодальн. библіотеки, отд. I, 109: пѣкло — смола; отд. II, вып. II, 239: пѣкла моуки — infernī roenas; Церковнослав. слов. Востокова: «посмоля же ковчегъ пекломъ»; пеколь, пекълъ, пѣколь — смола или асфальтъ. —

²⁾ Г Микуцій сближаетъ dah съ славянскимъ жег; d измѣняется въ ж, какъ въ словахъ: орудіе — орушіе, жудея — кужея (Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнограф., I, 589). — ³⁾ Описан. слав. рукоп. моск. синод. библ., отд. II, вып. II, 261—2.

ховъ всегда сопровождается громовымъ трескомъ и удумливыми парами, распространяющими сѣрный или смолистый запахъ ¹⁾. Малороссійская поговорка: «якъ дидько по пеклу шбаеця» указываетъ на властвующаго тамъ сатану или подземнаго Перуна; какъ у славянъ имя Дѣда—Перуна перешло въ названіе дьявола (дѣдько—см. II, 488), такъ у нѣмцевъ alt есть не только прозваніе Тора, но сверхъ того означаетъ и чорта, и великана; сравни наше: «старый чортъ» ²⁾. Славяне полагаютъ пекло подъ землею, куда надо спускаться чрезъ разинутую адскую пасть, подобную глубокому, извергающему страшное пламя колодцу. Простолюдины русскіе убѣждены, что душа во время «обмиранья» (летаргін), руководимая Николаемъ-угодникомъ, странствуетъ въ подземномъ царствѣ и видитъ тамъ адскія муки. По свидѣтельству Длугоша, язычники-поляки молили подземное божество отвести ихъ по смерти въ лучшія мѣста ада (*in meliores inferni sedes*) ³⁾. Въ Шлезіи «пекломъ» называютъ склепы съ погребальными урнами ⁴⁾; а словацкій *rikuljk* принадлежитъ къ разряду домовыхъ геніевъ, въ образѣ которыхъ чтились души усопшихъ предковъ. Въ народныхъ сказкахъ герои, отправляясь на тотъ свѣтъ, нисходятъ туда чрезъ глубокую яму. Словаки рассказываютъ объ одномъ охотникѣ, который, по указанію бабы-яги, ѣздилъ въ адъ и спускался для того въ пропасть; его везъ летучій змѣй (драконъ-туча), и когда не хватало запасовъ—странствующій молодецъ вынужденъ былъ дать змѣю кусокъ мяса отъ собственной ноги и остался навсегда хромъ ⁵⁾. Тѣже подробности находимъ въ нашихъ, нѣ-

¹⁾ D. Myth., 765; Lituanica, Шлейхера, 27; Диембахъ, I, 336-7; Галушъ о Дѣдѣ и Бабѣ, 13; Громанъ, 27; Киев. 1865, 57.— ²⁾ D. Myth., 957.— ³⁾ Ж. М. Н. П. 1847, II, ст. Срезнев., 188.— ⁴⁾ Вѣст. Евр. 1826, III, 210.— ⁵⁾ Пов. и пред., 153—5; Nag. zriewanku, I, 12.

мецких и норвежских сказкахъ, повѣствующихъ о возвращеніи героевъ съ того свѣта—изъ далекой страны чудовищныхъ демоновъ; но мѣсто змѣя заступаетъ громаднѣе птица, потемняющая своими крыльями солнечное сіяніе. Въ заговорахъ нечистая сила посылается «въ океанъ-море (=небо), въ бездны преисподнія, въ котлы кипучіе, въ жаръ палючій, въ сѣру горючую, въ тартарары—во тьму кромечную» ¹⁾. Изображая адъ пекломъ, т. е. возженною смолою, народная фантазія соединила съ нимъ представленіе объ огненной, бурно-клокочущей рѣкѣ, которая у грековъ называлась Πυριφλεγέθων (огненный потокъ ²⁾). Мнѣ о кончинѣ міра, живописующій разрушеніе въ шумѣ весеннихъ грозъ старой, одряхлѣвшей за зиму природы, свидѣтельствуешь, что въ то страшное время протечетъ рѣка огненная. При концѣ вселенной настанетъ царство антихристова, свѣтила небесныя померкнутъ, архангелы вострубятъ въ рога и мгновенно воскреснутъ мертвые. «Посемь, говоритъ Кириллъ Туровскій, огонь неугасимый потечетъ отъ «въ стока до запада, поядая горы и каменіе и древа, и море изсушая; твердь же яко бересто свертится (вар. небеса совіются), и вся видимая сущія вещи, развѣе человекъ, «вся отъ ярости огненныя яко воскъ истаютъ, и згоритъ вся «земля. И сквозь той огонь подобаетъ всему человѣческому «роду пройти... Въ нихъ же суть нѣдци, мало имуще «сѣгрѣшенія и неисправленія, яко человекъ, понеже есть Богъ «единъ безъ грѣха, да снмъ огнемъ искушени будутъ, очистятся и просвѣтятся тѣлеса ихъ яко солнце, по добродѣтели «ихъ: праведнымъ даеть свѣтъ, а грѣшнымъ опаленіе и омра-

¹⁾ Сахаровъ, I, 30—31. — ²⁾ Griech. Myth. Преллера, I, 637; φλεγω — пожигаю. Калевала упоминаетъ огненную рѣку; волны ея бьютъ въ скалу, на вершинѣ которой сидитъ орелъ (молніеносная птица) и точить свой клювъ.

«ченіе (см. I, 219). Прешедшимъ же имъ огненную сію рѣку, «огненная си рѣка, по божію повелѣнью, послуживше и отшедши къ западу, учинится во озеро огненное на мученіе грѣшнымъ. Посемъ будетъ земля нова и ровна, якоже бѣ искони, и бѣла паче снѣгу, и потомъ повелѣніемъ божиимъ премѣнится и будетъ яко золото; изидеть изъ нея трава и цвѣти много различніи и неувядающіи и нискогда-же... и възрастутъ дрова не яко видима си суще, но высотой, лѣпотою, величествомъ невозможно есть изъ глаголати усты человѣческими» ¹⁾). Въ стихѣ о страшномъ судѣ сказано: протечетъ рѣка огненная и запылаетъ огонь отъ земли до неба и пожретъ камни, лѣса, птицъ и звѣрей;

Сойдутъ съ небесъ ангелы грозные,
И снесутъ они орудія огненныя
И погонять грѣшныхъ въ рѣку огненную.

Вслѣдъ за тѣмъ начинается великій потопъ, омывающій грѣховную землю ²⁾). На картинахъ страшнаго суда изображается и эта неугасимая рѣка, съ толпами захваченныхъ ею грѣшниковъ. Въ путевыя записки Коробейникова и Грекова, при описаніи святыхъ мѣстъ Палестины, занесено преданіе: «и тою подолю, сказываютъ, хочетъ течи рѣка огненная въ день страшнаго суда» ³⁾). Въ народномъ стихѣ Михаилъ-архангелъ представляется въ роли Харона ⁴⁾): какъ на послѣдняго

¹⁾ Памят. XII в., 100-1; Рукон. графа Уварова, II, вып I, 118 — 9. Въ стихирахъ недѣли мисопустной, по рукописи XV столѣтія, читаемъ: «рѣка же огненная предъ соудищемъ течеть, оужасая всѣхъ... плачу и рыдаю, егда во оумѣ приемоу огонь неогасимый, тмоу кромѣшноую и пропасть глоубокою, лютаго червня неосушающаго и скрежетъ зубный» — Калѣки Пер., VI, стр. XVII. — ²⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, Кирѣвск., 196 — 205. — ³⁾ Съхаров., II, 146. — ⁴⁾ Имя, указывающее на грозное божество (χαροφ, χαροπός) — Der Ursprung der Myth., 273.

возложена была обязанность переправлять тѣни усопшихъ черезъ адскіе потоки, такъ этотъ перевозитъ души праведныхъ черезъ рѣку огненную «ко пресвѣтлому раю» (см. I, 575-7). Въ сказкахъ змѣй и баба-яга указываютъ богатырямъ на огненные источники (=тучи), въ которыя что ни брось — тотчасъ-же все объежится пламенемъ. Востокъ, откуда восходитъ (=нарождается) ясное солнце, чтился арійцами какъ райская страна, царство Весны и ея благодатныхъ даровъ; напротивъ западъ есть страна ночного мрака, смерти и адскихъ мукъ (см. I, 182). Младенческими племенамъ все то казалось за истину, что видѣлъ ихъ глазъ; солнце, удаляющееся вечеромъ съ небеснаго свода, и облака, гонимыя за горизонтъ вѣтрами, какъ-бы уходятъ подъ землю, а потому западъ, гдѣ умираетъ дневное свѣтило, признанъ былъ за подземное, загробное царство; тамъ полагали греки и свой $\alpha\delta\eta\varsigma$. Весенняя, пожигаемая молніями туча течетъ съ востока огненною рѣкою, поѣдаетъ обветшалый міръ и затѣмъ отходить къ западу, гдѣ и водворяется на муку грѣшнымъ. Всемирный пожаръ дѣйствуетъ за одно со всемірнымъ потопомъ, какъ поэтическія представленія грозового пламени и дождевыхъ ливней (см. I, 762 и II, 644—7), и затѣмъ наступаетъ блаженное царство весны: земля, обезсиленная рукою старости=зимы, юнѣетъ и обновляется, поля и лѣса одѣваются въ зелень и сулятъ обиліе плодовъ земныхъ. Согласно съ представленіемъ зимнихъ тучъ бесплодными горами и скалами, созданными владыкою демоновъ и разрушенными богомъ-громовникомъ, новый міръ изображается цвѣтущею равниною. Такъ какъ и съ огнемъ, и съ водою соединялась идея физическаго и нравственнаго очищенія (см. II, 14, 22, 181), то понятно, почему народъ сочеталъ съ огненною рѣкою двойное значеніе: во первыхъ — адскаго, наказующаго потока, и во вторыхъ — очистительнаго пламени (Fegefeuer); здѣсь коренится католическій догматъ о чистилищѣ (purgatorium).

Рисунки

По свидѣтельству народнаго стиха, грѣшныя души, очистившіяся въ огненной рѣкѣ, изымаются изъ ея хлябей неводомъ, что напоминаетъ намъ ту сѣть, съ которою являются боги во время грозы, уподобляемой древними поэтами рыбной ловлѣ въ водахъ небеснаго океана (см. II, стр. 153—5):

И прошелъ неводъ мукой вѣчною,
И вытащилъ душъ праведныхъ (прощенныхъ) изъ муки
вѣчныя ¹⁾.

Персы вѣрятъ, что добродѣтельныя души пойдутъ на небо, а злыя, грѣшныя будутъ прежде очищены огненною металлическою рѣкою (сравни II, 762), которая разольется при кончинѣ вселенной, и потѣмъ уже начнется всеобщее, безконечное блаженство, явятся новая земля и новое небо и воцарятся вѣчный свѣтъ и правда ²⁾.

Кромѣ запада, идея ада связывалась съ сѣверомъ, какъ страну полуночною, вѣющею зимними стужами. Понятія ночи, зимы, смерти и все-потемняющихъ тучъ отождествлялись въ языкѣ и мѣстахъ, что и повело къ представленію сѣвера царствомъ демоновъ, и напротивъ заставило югъ сближить по значенію съ востокомъ, видѣть въ немъ родину небеснаго огня. По скандинавскому преданію, царство Геллы лежитъ на сѣверѣ. Когда Негмôdhг посланъ былъ къ усопшему Бальдуру, онъ девять ночей (по русски слѣдовало бы сказать: девять дней) ѣхалъ мрачными глубокими долинами и достигъ рѣки Giöll (strepens—шумно-бурливая), черезъ которую велъ мостъ, покрытый блестящимъ золотомъ (т. е. радуга, назрѣвше признаваемая за дорогу въ небесныя обители и путь усопшихъ). Мостъ этотъ сторожила дѣва Môdhgudhri; она объявила страннику, что пять дней передъ тѣмъ толпа

¹⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 245-6. — ²⁾ Ж. М. Н. П. 1838, т. XX, 328; 1858, III, 277-8.

умершихъ мужей перешла черезъ мостъ и что жилище Геллы (helveggr) находится еще глубже и сѣвернѣе. мрачныя, глубокия долины соотвѣтствуютъ греческому Ἔρεβος и составляютъ проходъ, ведущій къ аду (Halja): это—холодная, туманная, охваченная непроницаемымъ мракомъ страна Niflheimr'a, гдѣ обитаютъ и носятся темныя эльфы. Посреди этой страны бьетъ источникъ Hvergelmir, изъ котораго истекаютъ двѣнадцать бурливыхъ рѣкъ и между ними Giöll, ближайшая къ жилищу богини. Потоки эти суть мифическія представленія дождевыхъ ключей, такъ какъ самый Niflheimr—поэтическое изображеніе тумановъ и сгущенныхъ облаковъ. Ту же обстановку встрѣчаемъ и въ античныхъ сказаніяхъ о мутномъ, окруженномъ постоянными туманами Стиксѣ ¹⁾ и другихъ адскихъ рѣкахъ ²⁾. По разсказу Гомера, адъ находится у водъ великаго (воздушнаго) океана и корабль Одиссея направляется туда сѣвернымъ вѣтромъ:

Тамъ киммеріинъ печальная область, покрытая вѣчно
Влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ; никогда не являетъ
Оку людей тамъ лица лучезарнаго Геліосъ...
Ночь безотрадная тамъ искони окружаетъ живущихъ ³⁾.

Хотя скандинавскій мифъ, описывая послѣдній день вселенной, и умалчиваетъ объ огненной рѣкѣ, но за то говоритъ о всесвѣт-

¹⁾ „Styx nebulae exhalat iners.“ — ²⁾ D Myth., 762-4. Сравни т. I, стр. 376, съ сказаніями о райскихъ рѣкахъ; дождевыя, грозовыя потоки равно принадлежатъ и раю, и аду, только на обрисовку ихъ здѣсь и тамъ употреблены различныя поэтическія краски. — ³⁾ Одис., XI, 13 — 19. Киммеріане—жители загробной области, усопшіе; Одиссей отправляется къ нимъ спросить душу мудраго Тирезія. „Auch deutet ihr name auf Erebus und Unterwelt, da sie auch Κερβέριοι hiessen, welches wahrscheinlich wie der name des griechischen höllenhundes Κέρβερος mit ἔρεβος zusammenhängt, während der name Κιμμέριοι auf eine andere form desselben wortes, nehmlich auf ἐρεμνός führt“ — Griech. Myth. Преллера, I, 634. Сравни съ преданіями о блаженномъ народѣ гиперборейяхъ — *ibid.*, 189.

номъ пожарѣ. Въ противоположность сѣверному міру зимняго холода и тумановъ, на югѣ лежитъ міръ огня, называемый въ Эддѣ Muspellsheimr¹⁾. Охранять Muspellsheimr приставленъ Surttr (род. Surtar=schwarzbraune)—имя, родственное съ словомъ svártr—niger; вулканическія разщелины скалъ въ Исландіи называются Surtarhellir. Surttr и Svártr встрѣчаются, какъ имена великановъ. Нигдѣ въ обихъ Эддахъ Суртуръ не выступаетъ въ качествѣ бога; подобно другимъ великанамъ, онъ—врагъ и соперникъ асовъ, демоническій представитель грозовыхъ тучъ: Völuspá огонь называетъ Surtta sefi—Surti amicus. Когда грѣхи превзыдутъ мѣру, на землѣ станутъ царствовать жестокость, властолюбие и неправда, и вселенною овладѣетъ суровая зима; тогда должна послѣдовать кончина свѣта (см. I, 759). Вооруженный блестящимъ мечемъ и окруженный пламенемъ, Суртуръ подымется вмѣстѣ съ грозными сынами Муспелля (Muspellssöhne), наступитъ войною на боговъ и предастъ вселенную страшному огню; при его появленіи задрожать скалы, люди пойдутъ путемъ смерти и небо распадется съ трескомъ. Асы будутъ побѣждены, старый міръ рушится и на мѣсто его возникнетъ новый, благословенный. Ясно, что огненная рѣка, текущая съ востока, и пламя всесвѣтнаго пожара, приносимое съ юга, — представленія совершенно-тождественныя. Подъ вліяніемъ христіанскихъ сказаній, старо-верхне-нѣмецкая поэзія выводитъ вмѣсто Суртура-антихриста и заставляетъ его сражаться съ Ильею-пророкомъ, пролитая кровь котораго вос-

¹⁾ Muspelli (muspille), по объясненію Я. Гримма, — слово сложное: вторая часть его spilli, spelli, spell родится съ сканд. spiðll — corruptio, spilla — corrumpere, англес. spillan — perdere, англ. spill, др.-в.-нѣм. spildan, др.-сакс. spildian; mud, mu (mû?) заключаетъ въ себѣ понятія земли или дерева. Следовательно mudspellli есть поэтическое названіе огня, какъ истребителя деревьевъ, пожирателя дровъ.

пламеняетъ всѣ горы ¹⁾. Славяне также соединяли идею ада не только съ западомъ, но и съ сѣверомъ; они донныѣ хранятъ воспоминанія о безопадной странѣ смерти, въющей стужей и мятелями. Адъ, по ихъ мнѣнью, состоитъ отчасти изъ пропастей и безднъ, наполненныхъ кипучею смолою; отчасти—изъ снѣжныхъ и желѣзныхъ горъ (т. е. изъ тучъ, окованныхъ зимнимъ холодомъ). Изъ желѣзныхъ горъ прилетаютъ зимою Морозы и сюда скрываются они на лѣто; вообще вьюги и морозы, по народному повѣрью, происходятъ отъ выхода нечистой силы изъ адскихъ вертеповъ. Отсюда же прилетаютъ въ известную пору своего губительнаго вліянія, определяемаго физическими условіями, весенніе лихорадки, коровій моръ и другія болѣзни, обыкновенныя спутницы и помощницы Смерти, которымъ простолоудины даютъ характеристическій эпитетъ «замороженныхъ» ²⁾. Вспомнимъ, что дивніи народы—великаны заключены въ горахъ на самой полунощи (см. т. II, стр. 455) Нѣмцы полагаютъ жилище чорта на сѣверѣ; этой страны боятся и русскіе поселяне, и эсты ³⁾. Въ древне-славянскихъ переводахъ и оригинальныхъ произведеніяхъ словомъ тартаръ обозначается подземная пропасть, никогда неосвѣщаемая и несогрѣваемая солнцемъ, мѣсто вѣчнаго, нестерпимаго холода, куда будутъ посланы души грѣшниковъ: «а се есть глаголемый тартаръ—зима не съгрѣема и мразъ лють». Лингвисты слово тартарос роднятъ съ тартар (σω—дрожу отъ холода ⁴⁾).

Такимъ образомъ съ адомъ соединялись самыя противоположныя представленія: яркаго пламени и непроницаемой тьмы, нестерпимаго жара и мертвящихъ морозовъ. Эти различныя дан-

¹⁾ D. Myth., 768—771. — ²⁾ Сахаров., I, 54; II, 27, 65. — ³⁾ D. Myth., 953. — ⁴⁾ Труды Моск. Археолог. общ., I, 74—75 (Матеріалы археолог. словаря).

ныя послужили основой для изображенія тѣхъ страшныхъ пукъ, на которыя осуждаются грѣшники. Злые демоны гоняются за душами усопшихъ грѣшниковъ, схватываютъ ихъ острыми когтями, связываютъ, какъ своихъ плѣнниковъ, и погружая въ адскія бездны, предають жестокимъ казнямъ; поэтому германскія племена даютъ чорту названія: henker, diebhenker—палачъ, воръ, мучитель, der mörder von anfang, der grausame seelenhenker ¹⁾. Подобно водянымъ духамъ, встрѣчающимъ всякаго утопленника съ плясками и весельемъ, черти, по русскому повѣрью, заводятъ неустовую гульбу возлѣ труповъ удушенника и самоубійцы ²⁾. «Будетъ мука розная, говоритъ стихъ о страшномъ судѣ: ннымъ грѣшникамъ будутъ огни негасимые, ннымъ—зима студбная, ннымъ—смола кипучая, ннымъ—червьядовитые, а ннымъ—тьма несвѣтлшая и пропасть глубокая ³⁾. Апокрифическая статья «Хожденіе Богородицы по мукамъ», рукописи которой восходятъ къ самому началу письменности ⁴⁾, рисуетъ полную картину адскихъ истязаній: одни грѣшники и грѣшницы мучатся въ огненномъ озерѣ (или огненной рѣкѣ), погруженные по поясъ, по грудь, по шею и съ головою; другіе возлежатъ на пламенныхъ одрахъ; многіе повѣшены за ноги, руки, языки, уши, сердце, и поѣдаемы червями и змѣями; нѣкоторыхъ дьяволы прободають желѣзными прутьями и рожнами, а нныхъ сосетъ лютый змѣй—чудовище съ огненнымъ языкомъ и желѣзными когтями. Сравни съ рассказомъ, записаннымъ въ Памсьевскомъ сборникѣ (XIV в.): «и видѣхомъ езеро полно змѣй, якожъ баше не видѣтъ воды подъ ними, и слыша-

*Eden
Lakotian
Lore:
Lakotian*

¹⁾ D. Myth., 956, 964. — ²⁾ Украин. мелодіи Маркевича, 117. —
³⁾ Ч. О. И и Д., годъ 3, IX, 201. — ⁴⁾ Списокъ Троицкой лавры относятся къ XII вѣку — Пам. отреч. литер., II, 23; Пам. стар. рус. литер., III, 118-124. Хожденіе по мукамъ апокрифическая литература приписываетъ и апостоламъ, и святымъ — Пам. отреч. литер., II, стр. 40 и дал.

хомъ плачь и стenanье люто, и бѣше езеро то полно чelовѣкъ, и приде гласъ съ небеси, глаголя: си суть людье осуженіи! ¹⁾ Въ одношъ рукописномъ отреченномъ сказаніи, сообщенномъ мнѣ проф. Григоровичемъ, сказано: «Адамъ поживе на землѣ лѣтъ 930 и умре, и приде Смерть сатанина и вземъ душу его и вне се во адъ мучи(ти)сь 3000 лѣтъ внутрѣ ада во огни горящемъ, руки и ноги связаны, на шесть цѣпляны.» Всѣ эти казни издревле рисовались на иконныхъ изображеніяхъ «страшнаго суда» и до послѣдняго времени продолжали служить богатымъ матеріаломъ для лубочныхъ картинъ. Не развитый умъ и огрубѣлое чувство простолюдина не въ силахъ представить себѣ, чтобы мѣки душевныя могли быть нестерпимѣе тѣлесныхъ, и онъ убѣжденъ, что за тяжкіе грѣхи посадятъ его въ котель съ кипящею смолою, повѣсятъ за языкъ, ребро или за ногу, стануть бить раскаленными прутьями и мучить на страшномъ ложѣ, составленномъ изъ острыхъ иглъ, бритвъ и ножей, снизу котораго пылаетъ жгучій огонь, а сверлукапааетъ растопленная сѣра ²⁾; онъ вѣритъ, что клеветникъ и лгунъ будутъ по смерти лизать горячую сковороду, что ростовщики и сребролюбцы будутъ выгребать изъ печи жаръ голыми руками, что на опойцахъ черти стануть возить дрова для подтопки адскихъ горновъ и воду для приготовленія кипятка, что любодѣйницу будутъ сосать лютые змѣи ³⁾. На лубочной картинѣ, изображающей «смерть грѣшника», сатана говоритъ осужденному: «любилъ ты на бѣломъ свѣтѣ мыться и нѣжиться на мягкомъ ложѣ; поведите теперь его въ мою баню огненную и положите на ложе огненное.» Черти ведутъ

¹⁾ Пам. стар. рус. литер., III, 137; Ист. очер. рус. слов., I, 493; О. З. 1857, XI, ст. Пыпина, 350-7. — ²⁾ Н. Р. Лег., 27 («Кумова кровать»); Шлехтеръ, 75—79. — ³⁾ Н. Р. Лег., № 29 и стр. 125; Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, стихи Кирѣев., 212-3; Срп. н. пјесме, II, 11-14

его въ баню, парятъ горящими вѣниками и кладутъ на раскаленное ложе; въ заключеніе разныхъ истязаній они звергають грѣшника въ огненный колодезь. Представленія эти запечатлѣны тѣмъ матеріальнымъ характеромъ, который ярко свидѣтельствуетъ за нихъ глубокую давность; связь ихъ съ древнѣйшими мифами язычества не подлежитъ сомнѣнію. Сосушіе змѣи, неусыпающій червь, раскаленные желѣзные прутья и огненные вѣники суть извѣстныя намъ метафоры молній; котлы и колодцы, налитые воспламененною смолою, — метафоры громовыхъ тучъ. При распредѣленіи загробныхъ мукъ, народная фантазія руководилась мыслію о соотвѣтствіи наказанія съ грѣхомъ: сейчасъ указано, что языкъ, произносившій клевету, долженъ лизать горячее желѣзо, а руки, загребавшія золото, — загребать жаръ, который самъ метафорически назывался золотомъ; бабы, которыя, торгуя молокомъ, подиѣшивають въ него воду, осуждаются поливать другъ друга водою, и т. д. Въ этомъ отношеніи любопытны слѣдующія преданія, занесенныя въ народный разсказъ о странствованіи души на томъ свѣтѣ: «Идемо степомъ, коли я ма така глибоченна, що й дна не видно. Дидъ (путеводитель по аду) каже: лизь! Мусила я полизти. Гляну, ажъ се вже другій свить. Скризь сидять помершіи души, усе по статтямъ... Идемо, ажъ миждь двома «дубами горить у пѣломъи чоловікъ и кричить: ой, прѣбш! «укрійте мене, бо замерзну! ой укрійте мене, бо замерзну! «Дидъ и каже: оце той чоловікъ, що просився до ёго зимою «въ хату подорожній, а на дворѣ була метелица та хуртовина, «а винъ не пустивь, дакъ той и змерзъ пидъ тиномъ. Оце-жъ «теперь винъ горить у пѣломъи, а ёму ще здаеця, що холодно, и терпить винъ такую мѹку, якъ той подорожній терпивъ «одъ морозу.» По другому варіанту такая мѹка назначается поджигателямъ. «Идемо дальшъ, коли лежить чоловікъ коло «бриници; тече ёму ривчакъ черезъ ротъ, а винъ кричить:

«прѣбш! дайте напиться! Дидъ и каже: сей не давъ чоловико-
«ви въ жива води напиться; жавъ винъ на ниви, ажъ иде
«старчикъ дорогою, а жара велика, Спасивська. Ой, каже, чоло-
«виче добрій! Дай, ради Христа, води напиться. А винъ ёму:
«оце-жъ для тебе вивизъ! вилю на ниву, а не дамъ такому
«дармојиду, якъ ти! То отъ теперь ёму ривчакъ черезъ горло
«бжигить, а винъ ще пить просить, и довику вичного буде ёму
«такъ жарко та тяжко, якъ тому старцеви, що-й шовъ доро-
«гою.» Или: стоятъ грѣшникъ по самыя уста въ водѣ, а не мо-
жетъ утолить нестерпимой жажды; только вздумаетъ напиться,
какъ вода бѣжитъ отъ него прочь ¹⁾. Подобное мученіе, по
свидѣтельству Гомера, было опредѣлено Танталу. Весьма вѣро-
ятно, что мѣны эти вначалѣ относились къ стихійнымъ ду-
хамъ и великанахъ, обитателямъ мрачнаго аида, и потомъ уже
были перенесены на души нечестивыхъ людей. Грѣшникъ,
испытующій холодъ среди пламени, напоминаетъ намъ ска-
зочнаго богатыря Мороза-Трескуна, заключеннаго въ огненную
баню; грѣшникъ, томимый вѣчною жаждою—великана Опива-
лу (см. II, 703); бабы, осужденныя поливать другъ друга во-
дою, приводятъ на мысль преданія о вѣдьмахъ-похитительницахъ
небеснаго молока, купающихся въ дождевыхъ ливняхъ, и гре-
ческую басню о Данавдахъ ²⁾. Народныя легенды ³⁾ описываютъ
загробныя муки, какія удалось набожному и сострадательному
страннику («Христову брату») видѣть на пути къ дому не-
беснаго владыки; въ другихъ редакціяхъ вѣстоэтого странника
выводится добрый шолодецъ, который отправляется къ крас-
ному Солнышку и по дорогѣ къ его царству видитъ муки грѣш-
никовъ. Очевидно, легенда о Христовомъ братѣ есть поднов-

¹⁾ Кулишъ, I, 306—8; Н. Р. Лег., стр. 124—5.— ²⁾ Греческіе мѣны о Тѣтїи и Сизифѣ (Одис., XI) стоятъ въ связи съ преданіями о Прометѣи и великанахъ, бросающихъ облачныя скалы и горы.—
³⁾ Н. Р. Лег., № 8 и примѣчан. къ этому номеру.

ленная въ христіанскомъ духѣ древнѣйшая сказка, съ замѣною языческаго божества Солнца именемъ Спасителя, называемаго въ церковныхъ невяхъ «справеднымъ солядемъ». Въ числѣ осужденныхъ сказочный герой видитъ мужина: стоитъ онъ на дорогѣ весь загрязнённый, дуетъ на него буйный вѣтеръ и несетъ ему въ ротъ и въ носъ густую пыль. Такая кара определена ему метительными стихійными богами за то, что, живя на бѣломъ свѣтѣ, онъ затыкалъ свою нзбу крѣпко-накрѣпко, чтобы вѣтеръ туда ни дулъ, ни солнышко не пекло. Живопису адъ и чистилище, поэзія и искусство постоянно пользовались образами, созданными народной фантазіей, и Дантова божественная комедія есть лучшее тому свидѣтельство; ибо въ ней поэтъ совѣстилъ все, что только дали ему литературы классическая и средневѣковая.

Живому неестественно не страшиться смерти; потому что жизнь уже сама по себѣ есть и высочайшее благо и высочайшее наслажденіе, объ исходѣ котораго нельзя думать безъ особеннаго тревожнаго чувства. У всѣхъ народовъ ходитъ много примѣтъ и совершается много обрядовъ, указывающихъ на тотъ страхъ и то опасеніе, съ которыми смотрятъ на все, что напоминаетъ о послѣднемъ концѣ. Такъ встрѣча съ похоронами считается предвѣстіемъ несчастія и неудачи; у грековъ прикосновеніе къ усопшимъ, долгое пребываніе въ домѣ покойника, посѣщеніе больныхъ и умирающихъ требовало очищенія; у римлянъ жрецамъ воспрещалось прикасаться къ мертвому тѣлу ¹⁾. На Руси кто прикасался къ труну покойника, тотъ не долженъ сѣять, потому что сѣмена, брошенная его рукою, омертвѣютъ и не принесутъ плода; если умереть кто-нибудь во время посѣва, то въ нѣкоторыхъ деревняхъ до тѣхъ поръ не рѣшаются сѣять, пока не совершатся похороны. Въ Литвѣ, какъ только

¹⁾ О храмахъ, богослуженіи и пр. древнихъ грековъ (СПБ., 1815), I, 144; Проппен, IV, 211.

примѣтять, что больной умираетъ, тотчасъ-же выносятъ изъ избы всѣ сѣмена, полагая, что если они останутся подъ одною кровлею съ мертвецомъ, то не дадутъ всходовъ ¹⁾. Съ другой стороны такъ какъ зерно, сѣмя есть символъ жизни, то по выносѣ мертваго лавку, гдѣ онъ лежалъ, и всю избу посыпаютъ рожью ²⁾. Тогда-же запираютъ и завязываютъ ворота, чтобы отстранить губительные удары Смерти и закрыть ей входъ въ знакомое жильѣ. Горшокъ, изъ котораго омывали покойника, солома, которая была подъ нимъ постлана, и гребень, которымъ расчесывали ему голову, везутъ изъ дому и оставляютъ на рубежѣ съ другимъ селеніемъ или кидаютъ въ рѣку, вѣря, что такимъ образомъ Смерть удаляется за предѣлы родоваго (сельскаго) владѣнія или спускается внизъ по водѣ ³⁾. Всѣ присутствующіе при погребеніи обязаны, по возвратѣ домой, посмотреть въ квашню или приложить свои руки къ очагу ⁴⁾, чтобы черезъ это очиститься отъ зловреднаго вліянія смерти (см. т. II, стр. 31).

Вмѣстѣ съ болѣзнями, особенно повальными, быстро-приближающимися человѣка къ его кончинѣ, смерть признавалась у язычниковъ нечистою, злою силою. Отъ того и въ языкѣ, и въ повѣрьяхъ она сближается съ понятіями мрака (ночи) и холода (зимы). Въ солнечномъ свѣтѣ и разливаемой имъ теплотѣ предки наши видѣли источникъ всякой земной жизни; удаленіе этого свѣта и теплоты и приближеніе нечистой силы мрака и холода убиваетъ и жизнь, и красоту природы. Подобно тому смерть, смежающая очи человѣка, лишаетъ его дневнаго свѣта, отнимаетъ отъ него ту внутреннюю теплоту, которая

¹⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1853, III, 5; Черты литов. нар., 112. Лужицане приостанавливаютъ въ этомъ случаѣ всѣ полевые работы — Neues Lausitz. Magazin 1843, III-IV, 331. — ²⁾ Ворон. Бесѣда, 221; Этн. Сб., I, 306; Маякъ, XV, 22 — ³⁾ Владим. Г. В. 1852, 25, 28. — ⁴⁾ Ворон. Бесѣда, 222.

прежде согрѣвала охладѣлый его трупъ, и обезображиваетъ лице покойника предшествовавшими болѣзненными страданіями и предсмертною агоніей. Смерть и чортъ въ народныхъ сказаніяхъ нерѣдко играютъ тождественныя роли. Слова: смерть (лит. *smertis*, нѣм. *schmerz*—боль, страданіе), моръ, Морана родственны по корню съ рѣченіями: морокъ (мракъ)— туманъ, за мерекъ (за меренъ)—первозимье, за мореки— начальные морозы ¹⁾, мара—у насъ: злой духъ, призракъ, у лужичанъ: богиня смерти и болѣзней ²⁾, мерекъ—чортъ (см I, 101). Основу родства означенныхъ рѣченій должно искать въ доисторической связи выражаемыхъ ими понятій. Краледворская рукопись сравниваетъ смерть съ ночью, приносящею тьму, (захожденіе солнца—его смерть, а восходъ —воскресеніе) и съ зимою, представляющею собой смерть природы, какъ весна есть ея возрожденіе. Убитый Влаславъ повалился на землю:

wstati ne možeš;

Morena iei supáše w noc črnu 3).

Въ другомъ мѣстѣ Краледворской рукописи встрѣчаемъ выраженіе: «*po puti wšei z wesny ro Moga pu*»—на пути отъ весны до Мораны; здѣсь подъ весною разумѣется юность, а подъ словомъ Морана—старость, смерть и зима. Морана представлялась чехами богиней смерти и зимы; ⁴⁾ Вацерадь сопоставляетъ это имя съ греческою Гека тою, богиней луны (=ночи) и подземнаго царства. Поговорки: *půjdeš na mogań; Moře-*

¹⁾ Предлогъ *za* означаетъ начало дѣйствія; слѣдовательно приведенныя слова буквально означаютъ начало мрака или смерти (= зимы). — ²⁾ *Volklieder der Wenden*, II, 268. У литовцевъ и леттовъ *Welnyas, Wels* — богъ смерти превратился въ дьявола — *D. Myth.*, 814. — ³⁾ Переводъ: встать не можетъ; Морана уснула его въ черную ночь. — ⁴⁾ Другое имя, данное этой богинѣ — *Smrtonoška*.

па на пѣј сáhla; proti Moĝe пѣ пепі koge пѣ означаютъ: скоро умрешь; его коснулась смерть; противъ смерти иѣтъ корешка (дѣкарства ¹⁾). Встрѣчая весну торжественнымъ праздникомъ, славяне совершали въ то же время обрядъ изгванія Смерти или Зимы, и повергали въ воду чучело Мораны (см. гл. XXVIII). Сербы даютъ зимѣ эпитетъ черная; въ одномъ изъ похоронныхъ причитаній говорится о покойникѣ, что онъ уходитъ туда, гдѣ померкло солнце и царствуетъ черная зима; тамъ будетъ онъ вѣчно зимовать, и лютая зима выпьетъ его очи! ²⁾ У насъ глаголь околѣтъ употребляется въ двоякомъ смыслѣ: озаяннуть и умереть; а глаголь исты вать (стынуть)—въ смыслѣ: издыхать ³⁾.

Если идея смерти сближалась въ доисторическую эпоху съ понятіемъ о ночномъ мракѣ, то также естественно было сближать ее и съ понятіемъ о снѣ. Сонъ нераздѣленъ съ временемъ ночи, а заснувшій напоминаетъ умершаго. Подобно мертвецу, онъ смежаетъ свои очи и дѣлается недоступнымъ впечатлѣнію свѣта; остальные чувства его также чужды внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Смерть и сонъ представляются потому въ мнѳологіяхъ различныхъ народовъ явленіями между собою близкими, родственными. Гомеръ называетъ Смерть и Сонъ близнецами, а Гезіодъ—чадами Ночи; и греки, и римляне признавали ὕπνος (Somnus) братомъ Смерти. Оба брата, по ихъ мнѣнію, живутъ вмѣстѣ на западныхъ границахъ міра—въ глубокомъ подземномъ мракѣ, возлѣ царства мертвыхъ ⁴⁾; тамъ возлежитъ Somnus на маковыхъ сновтворныхъ цвѣтахъ въ сладкомъ покоѣ, а вокругъ его лежа толпятся лег-

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1840, XII, 128, 130; Громиня, 5-6. — ²⁾ О. З. 1851, VIII, ст. Бусл., 52. — ³⁾ Обл. Сл., 76, 140 — ⁴⁾ Griech. Myth., I, 657—9: Смерть считали также порожденіемъ Земли и Тартара и давали ей эпитетъ αἰώνιος = всегда-сонящая.

к:я сновидѣнія въ неясныхъ образахъ ¹⁾). На такую древнѣйшую связь понятій смерти и сна указываютъ и наши преданія. Народная пословица утверждаетъ ихъ братство: «сонъ смерти братъ» ²⁾). Въ славянскихъ и нѣмецкихъ сказкахъ богатыри, убитые врагами, воскресая при окропленіи ихъ труповъ живою водою, обыкновенно произносятъ эти слова: «ахъ, какъ-же я долго спалъ!» — Спать бы тебѣ вѣчнымъ сномъ, еслибъ не живая вода и не моя помощь, отвѣчаетъ добрый товарищъ ³⁾). Въ современномъ языкѣ вѣчный сонъ остается метафорическимъ названіемъ смерти; наоборотъ сонъ латиническій слыветъ въ простонародьи обмираніемъ, во время котораго, по рассказамъ поселянъ, душа оставляетъ тѣло, странствуетъ на томъ свѣтѣ, видитъ рай и адъ и узнаетъ будущую судьбу людей ⁴⁾). Животныя, впадающія въ зимнюю спячку, по общепринятому выраженію — замираютъ на зиму. Заходящее вечеромъ солнце представлялось не только умирающимъ, но и засыпающимъ, а восходящее утромъ — возстающимъ отъ сна (I, 162—3, 180); зимняя смерть природы иначе называется ея зимнимъ сномъ; о замерзшихъ рѣкахъ и озерахъ въ тверской губ. выражаются, что они заснули (сравни II, 244 — о снѣ и пробужденіи водянаго). Языкъ засвидѣтельствовалъ близость и средство означенныхъ понятій до осязательной наглядности. Умершихъ называютъ: а) усопшими (успшими, усупеніе) отъ глагола спать,

v Pánie vesmít'

¹⁾ Обзоръ живій древн. о смерти, судьбѣ и жертвоприн., 8, 27; D. Myth., 307, 803; Илиада, XIV, 230-5. Энеида называетъ адъ жилищемъ тѣней и сна. — ²⁾ Полн. собр. пословицъ и поговорок. (СПб., 1822), 232; Старосл. Банд., 206. — ³⁾ Н. Р. Ск., I, 14 и др.; Škult a Dobsšinsky, I, стр. 6; Слав. Грим., II, стр. 413; Ганъ, II, стр. 47. — ⁴⁾ Москв. 1846, XI-XII, 155; Молодикъ на 1844, 88. Поэты думаютъ, что обмиравшіе могутъ предсказывать, и хитрецы пользуются иногда этимъ суевѣріемъ ради собственныхъ выгодъ — Ворон. Г. В. 1850, 20.

успитъ, т. е. ихъ буквально называютъ уснувшими, или в) покойниками — успокоившимися отъ житейской суеты вѣчнымъ сномъ; подобно тому о рыбѣ говорятъ, что она заснула, вѣсто: умерла, задохлась. Въ вышеприведенномъ мѣстѣ Краледворской рукописи Морена успила Власлава; малоруссы, при извѣстїи о чьей-нибудь кончинѣ, говорятъ: «нехай з' Богомъ спочивае!» Въ англосаксонской поэмі о Беовульфѣ сказано: *wygm liged swaefel sāge wund* — змѣй лежитъ, спитъ (вѣсто: издохъ) тяжело-раненный ¹⁾). Въ смоленской губ. жертвцы называются жиуряки (отъ глагола жиурить — закрывать глаза), т. е. сомкнувшіе свои очи; въ архангельской губ. существуетъ повѣрье: кто засыпаетъ тотчасъ, какъ ляжетъ въ постель, тотъ долго не проживетъ; у литовцевъ была примѣта: когда молодые ложились въ первый разъ вѣстѣ, то кто изъ нихъ засыпалъ прежде — тому и умереть суждено раньше.) Сербы не совѣтуютъ спать, когда заходитъ солнце, чтобы вѣстѣ съ умирающимъ свѣтиломъ дня не заснуть и самому вѣчнымъ сномъ. Слово отемнѣть употребляется въ народномъ говорѣ въ значенїи: ослѣпнуть и умереть; согласно съ этимъ свидѣтельствомъ языка, упырей (мертвецовъ, являющихся по смерти) большею частїю представляютъ слѣпыми. Какъ сонъ сближается съ смертію, такъ наоборотъ бодрствованіе уподобляется жизни; поэтому жилой означаетъ неспящаго, напримѣръ: «мы прїѣхали на жилыхъ», т. е. мы прїѣхали, когда еще никто не спалъ; глаголъ жить употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ смыслѣ: бодрствовать, не спать ²⁾). Въ причитаньяхъ, обращаемыхъ къ покой-

¹⁾ Номис., 8; Опытъ сравнит. обзор. др. памятн. нар. поэт., II, 20. Итал. *simetario*, фр. *simetiègre*, лат. *soemetarium*, греч. *κοιμητήριον* (отъ *κοιμάω* — дремлю, сплю) — кладбище = усыпальница — Тишкевича: Курганы въ Литвѣ и Зап. Руся, 141. ²⁾ Обл. Сл., 57—58; Вѣст. Р. Г. О. 1852, V, 59; Маякъ, XIII, 44—58; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 34; Рус. Сл. 1860, V, ст. Костомар., 25.

никакъ, слышатся такія выраженія: «и вы, наши роднинькіе, встаньте, пробудитесь, поглядите на насъ!» или: «пришли-то мы на твое жицьё вѣковъшноё, ужь побуданць-то пришли отъ сна крѣпкова». ¹⁾

Эти данныя, свидѣтельствующія о братствѣ сна и смерти, и то вѣрованіе, по которому душа во время сна можетъ оставлять тѣло и блуждать въ иномъ мірѣ и видѣть тамъ все тайное, послужили основаніемъ, почему сновидѣніямъ придано вѣщее значеніе. Для живой и впечатлительной фантазіи нашихъ предковъ видѣнное во снѣ не могло не имѣть прямого отношенія къ дѣйствительности, среди которой такъ много было для нихъ непонятнаго, таинственнаго, исполненнаго высшей, священной силы. Они признали въ сновидѣніяхъ тоже участіе божества, какое признавали въ гаданіяхъ и оракулахъ; сновидѣнія являлись, какъ быстролетные посланники боговъ, вѣстатели ихъ рѣшеній. Славяне до сихъ поръ сохранили вѣру въ пророческій смыслъ сновъ; такихъ, которые бы, по примѣру сказочнаго богатыря Василя Буслаева, не вѣрили ни въ сонъ, ни въ чохъ, а полагались бы только на свой червленый вязъ ²⁾, въ старое время бывало немного, и христіанскіе проповѣдники вынуждены были поучать народъ не довѣрять соннымъ мечтаніямъ ³⁾. У черногорцевъ если жена видѣла во снѣ, что мужъ ея подвергнулся какой-либо опасности, то этотъ послѣдній непременно отложить задуманное имъ предпріятіе ⁴⁾. Въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ есть нѣсколько прекрасныхъ поэтическихъ разсказовъ, содержаніемъ которыхъ служить «вѣра въ сонъ». Приведемъ примѣры:

Какъ по той-ли рѣкѣ Волгѣ-матушкѣ
Тамъ плыветь, гребеть легкая лодочка.
Хорошо лодка разукрашена,

¹⁾ Сахаровъ, II, 23; Терещ., III, 102; Этн. Сб., I, 161. — ²⁾ Бирша Дан., 169. — ³⁾ Изв. Ак. Н., III, 97. — ⁴⁾ Зап. морск оен-цера, Броневск., III, 277.

Пушквы, ружьндамъ настановлена;
 На корнѣ сидитъ асаулъ съ багромъ,
 На носу стоитъ атаманъ съ ружьемъ,
 По краямъ лодки добры молодцы.
 Добры молодцы — все разбойнички;
 Посередѣ лодки да и былъ шатѣрь,
 Подъ шатромъ лежитъ золота казна,
 На казнѣ сидитъ красна дѣвица,
 Асаулова родная сестрица,
 Атаманова полюбовница.
 Она плакала, заливалась,
 Во слезахъ она слово молвила:
 Нехорошъ вишь сонъ ей привидѣлся —
 Расплеталася коса русая,
 Выплеталася лента алая,
 Лента алая, ярославская,
 Растаялъ мой золотъ перстень,
 Выпалъ дорогой камень:
 Атаману быть застрѣлену,
 Асаулу быть пойману,
 Добрымъ молодцамъ быть повѣшеннымъ,
 А и мнѣ-то, красной дѣвицѣ,
 Во тюрьмѣ сидѣть, во неволюшкѣ. ¹⁾

Потеря обручальнаго кольца, по народной примѣтѣ, — худой
 знакъ, вѣщающій расторженіе брака и любовной связи; распу-
 щенная коса — символъ печали по усопшему другу или родичу
 (I, 117). Другая пѣсня:

Охъ ты, мать моя, матушка,
 Что севоднешну ноченьку
 Нехорошъ сонъ мнѣ видѣлся:
 Какъ у насъ на широкомъ дворѣ
 Что пустая хоромина —
 Углы прочь отвалилися,
 По бревну раскатилися;
 На печницѣ котиче лежить,
 По полу ходитъ гусыня,

1) Варианты этой пѣсни см. у Сахарова, I, 204, 224.

А по лавочкамъ голуби,
По окошечкамъ ласточки,
Впередѣ младъ ясенъ соколъ.

Пустая херомнина—чужая сторона, углы опали и бревна раскатылись—родъ-племя отступилось, котъ—свекоръ, гусыня—свекровь, голуби—деверья, ласточки—золовки, ясенъ соколъ—женихъ ¹⁾. Въ Словѣ о полку Игоревѣ встрѣчается слѣдующій рассказъ о вѣщемъ снѣ князя Святослава: «а Святъ-славъ мутенъ сонъ видѣ: въ Кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахте мя, рече, чръною паполомоу, на кровати тисовѣ; чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено; сыпахуть ми тѣщини тулы поганныхъ тальковинъ великый женчюгъ на лоно, и нѣгуютъ мя; уже дьски безъ кнѣса въ моемъ теремѣ златовръѣсмъ. Всю ночь съ вечера босувѣ врани възграху» ²⁾. Сонъ Святослава состоитъ изъ ряда печальныхъ прѣвѣтъ: черный покровъ и карканье вѣрона предзнаменуютъ грядущее несчастье; теремъ безъ кнѣса означаетъ лишеніе членовъ семейства, жемчугъ—слезы (1, 603); вино, смѣшенное съ горемъ, напоминаетъ выраженіе: упитъся горемъ ³⁾. Тотъ-же предвѣщательный смыслъ придается сновидѣніямъ и въ скандинавскихъ сагахъ, и въ Нибелунгахъ, и въ Одиссеѣ (пѣснь XIX). Греки и римляне присвоивали снамъ религіозный характеръ и вѣрили, что спящій человекъ можетъ находиться въ сношеніяхъ съ невиданнымъ міромъ; по случаю бла-

¹⁾ О. З. 1851, VII, ст. Бусл., 41; см. Срп. и. пјесме, II, № 47; Вязорус. пјеси Е. П., 52; Вост. Евр. 1818, II, 50—52. Приснился молодцу сонъ, говоритъ пјесня: упали на его домъ пчелы, а на подворье—звѣзда, и выпорхнула со двора кукушка. Пчелы предвѣщаютъ печаль (ихъ медъ необходимъ при поминальныхъ обрядахъ), звѣзда—рожденіе дитяти, а отлетъ кукушки—смерть матери (см гл. XXIV). Есть поговорка: „страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ.“ — ²⁾ Рус. Дост., 116—122. — ³⁾ Ж. М. Н. П. 1836, т. X, 466, ст. Максимовича.

гопріятныхъ сновидѣній у нихъ совершались празднества, а по случаю страшныхъ—очищенія ¹⁾).

И Сонъ, и Смерть были признаваемы славянами, какъ и другими индоевропейскими народами, за живыя мифическія существа. Слѣды такого олицетворенія сва замѣчаемъ въ колыбельныхъ пѣсняхъ:

Ой, ходитъ Сонъ по улоньцъ,
Въ бѣлесонькой кошулоньцъ,
Слоняетца, тыняетца,
Господыньки пытаетца. ²⁾

Или:

Сонъ идетъ по сѣнямъ,
Дрема по терему;
Сонъ говоритъ:
Усыплю да усыплю!
Дрема говоритъ:
Удремлю да удремлю! ³⁾

Вышеприведенныя выраженія апокрифа: «пришла Смерть, взяла его душу» донинѣ употребительны въ русскомъ языкѣ; по народной поговоркѣ: «Смерть ходитъ по людямъ». Кто лѣнивъ на подъемъ, медлителенъ въ исполненіи порученій, о томъ говорятъ на Руси: «его только что за Смертію посылать», въ Германіи: nach dem Tod senden, den Tod suchen; о весьма-престарѣлыхъ людяхъ нѣмцы отзываются: «der Tod hat vergessen sie abzuholen»—Смерть позабыла ихъ взять (утащить ⁴⁾). Къ опасно-больному приходитъ Смерть, становится около его постели и заглядываетъ ему въ очи ⁵⁾; если кто вдругъ, неожиданно вздрогнетъ—это знакъ, что ему «Смерць въ очи поглядѣла» ⁶⁾. Согласно съ злымъ, де-

¹⁾ Обзоръ мѣзній о смерти, судьбѣ и пр., 27; D. Myth., 1098—9. — ²⁾ Сборн. украин. пѣсень, 101. — ³⁾ Лѣт. рус. лѣт., кн. II, 108; сравни Срп. н. пѣсме, I, 192. — ⁴⁾ D. Myth., 802, 814. — ⁵⁾ См. сказки о кумѣ-Смерти. — ⁶⁾ Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнограф., I, 429.

моническимъ характеромъ Смерти, на которую (по пословицѣ), какъ на солнце, во всё глаза не взглянешь и отъ которой нельзя ни откупиться, ни отомлиться ¹⁾, она олицетворялась въ образѣ устрашающемъ. По мнѣнію античныхъ народовъ, *Mors* (*Kήρ*—смерть въ битвахъ) неумолима и свирѣпа; зубы ея опаснѣе клыковъ дикаго звѣря, на рукахъ страшныя, кривыя когти. Смерть, говоритъ Гезіодъ, черна (лат. *stors atra*), скрежещетъ зубами, быстро мчится на войну, хватается падшихъ ратниковъ, и вонзая въ тѣло свои когти, высасываетъ изъ нихъ кровь; Эврипидъ представляетъ ее крылатою и облеченною въ траурную мантию ²⁾. Русскіе памятники (старинныя рукописи, стѣнная живопись и лубочныя картины) изображаютъ Смерть или страшлищемъ, соединяющимъ въ себѣ подобія человѣческое и звѣриное, или сухимъ, костявымъ человѣческимъ скелетомъ съ оскаленными зубами и провалившимся носомъ, почему народъ называетъ ее курно сою. Это послѣднее представленіе встрѣчается у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ: кончина человѣка предастъ его тлѣнію, и тотъ образъ, въ который она измѣняетъ трупъ, послужилъ и для воплощенія самой Смерти. Такъ какъ слово Смерть женскаго рода, то, слѣдуя этому указанію, славяне олицетворяютъ ее женщиною, подобною Геллѣ; у нѣмцевъ же *her Tôdt, der heilig Tod* выступаетъ, какъ злой богъ. Наравнѣ со всѣми богами и дѣхами, она появляется внезапно, неожиданно-негаданно для человѣка (слетаетъ съ небесъ), изнимаетъ изъ него душу и увлекаетъ ее въ загробный міръ. Съ понятіемъ смерти фантазія соединяетъ различныя поэтическія уподобленія: Смерть то жадно пожираетъ людской родъ своими многоядными зубами; то похищаетъ души, какъ воръ, схватывая ихъ остры-

¹⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1852, V, 39. — ²⁾ Обзоръ мнѣній древн. о смерти, судьбѣ и жертвопр., 8.

ми когтями; то, подобно охотнику, ловить ихъ въ разставленную сѣть; то наконецъ, какъ беспощадный воинъ, поражаетъ людей стрѣлами или другимъ убійственнымъ оружіемъ. Тотъ-же типъ хитраго ловчаго и губителя христіанскихъ душъ присвоивается и владыкѣ подземнаго царства, искусителю-сатанѣ. Вооруженная въ ратные доспѣхи, Смерть вступаетъ въ битву съ человѣкомъ, борется съ нимъ, сваливаетъ его съ ногъ и подчиняетъ своей власти; судороги умирающаго суть послѣдніе знаки его отчаяннаго сопротивленія. Усопшіе слѣдуютъ за нею, какъ плѣнники за своимъ побѣдителемъ — опутанные крѣпкими веревками и цѣпами. Сказаніе о Беовульфѣ смотритъ на умершаго, какъ на убитаго огненною стрѣлою, пущенною съ лука рукою Смерти; нѣмецкіе поэты даютъ ей бичъ, стрѣлы и бердышъ; латовскій *Smertis* (слово, употребительное и въ мужескомъ, и въ женскомъ родѣ) выѣзжаетъ на колесницѣ могучимъ воиномъ, съ копьемъ и мечемъ въ рукахъ ¹⁾. Съ такою же обстановкою является Смерть въ русской «Повѣсти о бодрости человѣческой» или «о преніи Живота съ Смертію». Повѣсть эта принадлежитъ къ разряду общераспространенныхъ въ средніе вѣка поучительныхъ сочиненій, толкующихъ о тлѣнности міра, и попадаетъ во многихъ рукописныхъ сборникахъ XVII вѣка ²⁾; она извѣстна и въ нѣмецкой литературѣ. Составляя у насъ любимое чтеніе грамотнаго простоародья, она (по мнѣнію изслѣдователей) перешла изъ рукописей въ устные сказанія и на лубочную картину, и дала содержаніе нѣкоторымъ духовнымъ стихамъ и виршамъ ³⁾. Но можно допустить и обратное воздѣйствіе, т. е. переходъ

¹⁾ D. Myth., 799, 803—6, 809. — ²⁾ Пам. стар. рус. литер., II, 439—443; Истор. христом. Буслаева, 1355—8. — ³⁾ Сбора. рус. дух. стиховъ Варяцова, 110—127; Рус. Сл. 1859, I, 92—94; Лѣт. рус. лит., кн. II, 183—193.

устнаго древне-инопеческаго сказанія о борьбѣ Жизни (Живота) и Смерти въ старинныя рукописныя памятники, при чемъ оно необходимо подверглось литературной обработкѣ; соответственно съ воззрѣніями и приѣмами грамотниковъ допетровскаго времени, сказанію приданъ нравственно-наставительный тонъ и само оно разукрашено обильными примѣрами, заимствованными изъ доступныхъ автору хроникъ; Смерть лишается своего строго-трагическаго стиля и впадаетъ въ хвастливую болтовню о тѣхъ богатыряхъ и герояхъ, которыхъ нѣкогда сразила она своею косою. Тѣмъ не менѣе основная мысль повѣсти—борьба Смерти съ Жизнію, олицетвореніе этихъ понятій и вышніе признаки, съ которыми выступаетъ эта страшная гостья, безспорно принадлежать къ созданіямъ глубочайшей древности. Справедливость требуетъ замѣтить, что, пользуясь устными преданіями, книжная литература въ свою очередь не остается безъ вліянія на народное творчество, и взятое у него возвращаетъ назадъ съ новыми чертами и подробностями; но эти позднѣйшія прибавки легко могутъ быть сняты и не должны мѣшать правильному взгляду на сущность дѣла. Чтобы ярче изобразить непобѣдимое могущество Смерти, повѣсть противопоставляетъ ей не простаго слабого человека, но богатыря, славнаго своею силою и опустошительными наѣздами, гордаго, жестокаго и самонадѣяннаго; народная фантазія личность этого богатыря связала съ именемъ известнаго въ преданіяхъ разбойника Аника-война. Жилъ-былъ Аника-воинъ; жилъ онъ двадцать лѣтъ съ годомъ, пилъ-ѣлъ, силой похвалялся, разорялъ торги и базары, побивалъ купцовъ и бояръ и всякихъ людей. И задумалъ Аника-воинъ ѣхать въ Ерусалимъ-градъ церкви божіи разорять, взявъ мечъ и копьё и выѣхавъ въ чистое поле—на большую дорогу. А на встрѣчу ему Смерть съ острою косою ¹⁾. «Что это за чу-

¹⁾ Вариантъ: Ыздилъ Аника-воинъ по чистымъ полямъ, по тем-

дище! говоритъ Аника-воинъ; царь ли ты-царевичъ, король ли королевичъ?» — Я не царь-царевичъ, не король королевичъ, я твоя Смерть — за тобой пришла! «Не больно страшна: я мизиннымъ пальцемъ поведу — тебя раздавлю!» — Не хвались, прежде Богу помолись! Сколько ни было на бѣломъ свѣтѣ храбрыхъ могучихъ богатырей — я всѣхъ одолѣла. Сколько побилъ ты народу на своемъ вѣку! — и то не твоя была сила, то я тебѣ помогала. Разсердился Аника-воинъ, напускаетъ на Смерть своего борзого коня, хочетъ поднять ее на копьѣ булатное; но рука не двигнется. Напалъ на него велий страхъ, и говоритъ Аника-воинъ: «Смерть моя-Смерточка! дай мнѣ сроку на одинъ годъ». Отвѣчаетъ Смерть: «нѣтъ тебѣ сроку и на полгода». — Смерть моя-Смерточка! дай мнѣ сроку хоть на три мѣсяца. «Нѣтъ тебѣ сроку и на три недѣли.» — Смерть моя-Смерточка! дай мнѣ сроку хоть на три дня. «Нѣтъ тебѣ сроку и на три часа.» И говоритъ Аника-воинъ: «много есть у меня и серебра, и золота, и камня драгоцѣннаго; дай сроку хоть на единый часъ — я бы рѣздалъ нищимъ все свое имѣніе.» Отвѣчаетъ Смерть: «какъ жилъ ты на вольномъ свѣтѣ, для чего тогда не раздавалъ своего имѣнія нищимъ? Нѣтъ тебѣ сроку и на единую минуту!» Замахнулась Смерть острою косою и подкосила Анику-воина: свалился онъ съ коня и упалъ мертвой ¹⁾. Стихъ объ Аникѣ-воинѣ начинается такимъ изображеніемъ Смерти:

Ѣдетъ Аника черезъ поле,
На встрѣчу Аникѣ Ѣдетъ чудо:
Голова у него человѣческа,

нымъ лѣсамъ, никого не наѣзжалъ — не съ кѣмъ силы попробовать. „Съ кѣмъ бы мнѣ побиться? думаетъ Аника-воинъ; хоть бы Смерть пришла!“ Глядь — идетъ къ нему страшная гостя: тощяя, сухая, кости голыя! и несетъ въ рукахъ серпъ, косу, грабли и заступъ. — ¹⁾ Н. Р. Лег., 21.

Волосы у чуда до пояса,
Тулово у чуда звѣриное,
А ноги у чуда лошадинныя ¹⁾.

Косматые волосы и лошадинныя ноги — обыкновенные признаки нечистыхъ духовъ. Въ текстѣ лубочной картины Аника называетъ Смерть бабою: «что ты за баба, что за пѣяница! (намѣкъ на высасываніе ею крови) азъ тебя не боюсь и кривыя твоя косы и оружія твоего не страшусь.» Кроме косы, Смерть является вооруженною серпомъ, граблями, плугомъ и заступомъ:

Вынимаетъ пилы невидимыя,
Потираетъ ею (ими) по костямъ и жиламъ —
Аника на конѣ шатается
И смертныя уста запекаются.

Или: «подсѣче ему (Смерть) ноги косою, и возьмъ серпъ — и захвати его за шію, и возьмъ малый оскордецъ — и нача отсѣкати носъ и руцѣ и вся составы его, и расслабѣша жилы его». На лубочныхъ картинахъ Смерть рисуется въ видѣ скелета, съ косою въ рукахъ; Коровью Смерть (чуму) крестьяне наши представляютъ безобразною, тощею старухою, въ бѣломъ саванѣ, и даютъ ей косу или грабли ²⁾. Такая обстановка прямо вытекла изъ метафорическаго выраженія древнѣйшаго языка, который сравнивалъ губительную силу смерти съ понятіями, самыми близкими и доступными земледѣльцу и плотнику: Смерть косить и загребаютъ человѣческія жизни, какъ коса и грабли полевую траву; жнетъ родъ человѣческій,

¹⁾ Сравни со спискомъ о «преніи Живота съ Смертію: „Животъ бѣ человекъ и приде къ нему Смерть. Онъ же устращися вельми и рече ей: кто ты, о лютый звѣрь? образъ твой страшитъ мя вельми, и подобіе твое человеческое, а хожденіе твое звѣриное.“ — ²⁾ Сахаров., II, 10; Кулишъ, I, 305; Быть подолянъ, I, 16. Диеенбахъ сближаетъ слова: гробъ, гребу и грабли.

какъ серпъ колосья («яко не зарѣлую пшеницу»¹⁾; она какъ-бы вынимаетъ незримую пилу, и потирая ею по костямъ и становымъ жиламъ, расслабляетъ человѣка—и онъ падаетъ, словно подпиленное дерево; наконецъ Смерть, работая заступомъ, роетъ людямъ свѣжія могилы. Выше мы привели поэтическія сравненія поля битвы со вспаханною и застыною нивою и молотильнымъ токомъ (I, 297, 434). По указанію Слова о полку и народныхъ пѣсень, въ битвѣ земля застываетъ не пшеницею, а костями ратниковъ, поливается не дождемъ, а кровію, и растить не хлѣбные злаки, а печаль и общее горе. Современный языкъ удерживаетъ выраженіе: сѣять раздоры, вражду и крамолы; въ Словѣ о полку сказано: «тогда при Олзѣ Гориславичи сѣяшется и растяшеть усобицами»²⁾. Одну, какъ богу кровопролитныхъ войнъ, приписывались поѣзды раздоровъ и непріязни; бросая свое копьё (Gūngnir) или потрясая имъ, онъ умерщвлялъ вражескихъ воиновъ. О Смерти, играющей въ сраженіяхъ главную роль, у нѣмцевъ было выраженіе, что она застываетъ между людьми свое сѣмя, какъ-бы зловредную траву: «dō der Tōt sīnen sāt en under si gesaete»; тоже говорилось и о чортѣ³⁾. По словамъ старинныхъ русскихъ лѣтописцевъ, дьяволъ сѣтовалъ или радовался, смотря по тому: примирялись ли князья, или враждовали между собою. «Усобная рать, замѣчаетъ Несторъ, бываетъ отъ соблаженья дьяволя. Богъ бо не хочеть зла человѣкомъ, но блага; а дьяволъ радуется злomu убійству и кровопролитію, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнье, клеветы.»⁴⁾ Понятно, что Смерть, поражающая ратниковъ въ бою, стала представляться владѣющею всеми тѣми воинскими орудіями, какія только знала старина: въ нашихъ памят-

¹⁾ Тоже сравненіе находимъ и у нѣмцевъ—D. Myth., 808. — ²⁾ Рус. Дост., III, 76. — ³⁾ D. Myth., 806-8, 964. — ⁴⁾ П. С. Р. Д., I, 56, 72, 139 и др.

никакъ ей даются мечь, сѣчиwo, стрѣлы, ножи, рожны, (оскорды ¹⁾). Сказаніе о преніи Анники-воинна съ Смертію перешло въ народное драматическое представленіе, какое еще теперь разыгрывается въ нѣкоторыхъ артеляхъ фабричныхъ ²⁾,— подобно тому, какъ мнѣ о борьбѣ Лѣта и Зимы передается въ Германіи во всю сценическую обстановкою на праздникѣ весны (см. гл. XXVIII). Борьба Жизни и Смерти, Лѣта и Зимы, Дня и Ночи совершенно тождественны по значенію, ибо понятія эти издревле сливались и въ языкѣ и въ народныхъ вѣрованіяхъ. Зима называлась Мораною, а богиня лѣта Живаною (Живаною)—имя, знаменующее жизнь. Какъ царица зимы и ночнаго мрака, Смерть родится съ горными великанами; вышеприведенный стихъ присволяетъ ей названіе чуда (= дива—см. II, 618), и самое жилище ея помѣщается въ холодныхъ странахъ сѣвера, въ нѣдрахъ бесплодныхъ и покрытыхъ вѣчными снѣгами скалъ; въ Богеміи ее считаютъ владычицею горъ ³⁾. Всесильная, всеистребляющая, она тѣмъ не менѣе бываетъ побѣждаема, съ приходомъ весны, богиней жизни, и поверженная наземь заключается въ оковы. Съ другой стороны мнѣ, сроднившій представленія грозы и мрачныхъ тучъ съ адомъ и нечистою силою, признавшій въ молніяхъ смертоносныя стрѣлы владыки подземнаго царства, изображаетъ Смерть, какъ разрушительное существо, сопутствующее богу-громовнику въ его весеннихъ походахъ и битвахъ. Въ дикой охотѣ Одина, въ неистовомъ, бѣшеномъ воинствѣ этого славнаго отца побѣдъ (т. е. въ шумѣ бурныхъ грозъ), вмѣстѣ съ злыми духами и толпою усопшихъ душъ, выступаетъ и востаявая, прожорливая Смерть. Такимъ образомъ съ олицетвореніемъ Смерти соединяется тотъ-же стихійный характеръ,

¹⁾ См. между прочимъ житіе Василія Нового и сказаніе Θεодора о мытарствахъ. — ²⁾ Рус. Архивъ 1864, X, 1093-9. — ³⁾ D. Myth., 807.

что и съ демонами и жертвецами. Отсюда объясняются ея воздушные полеты, ея быстрое появленіе и исчезаніе, метаніе ея огненныхъ стрѣлъ (— молній) и вообще присвоенное ей обладаніе ратнымъ оружіемъ. Подобно вѣтрамъ и вьюгамъ, которыхъ Эоль заключаетъ въ облачные мѣха или держитъ на крѣпкихъ привязяхъ въ горѣ-тучѣ, подобно грозовому демону (Cushpa, Локи, сатана), сидящему въ цѣпяхъ во мракѣ преисподней (I, 311-2, 756-8), Смерть испытываетъ ту же участь. Здѣсь сходятся два различныхъ воззрѣнія: а) какъ представительница зимы, Морана побѣждается весеннимъ Перуномъ, который разитъ ее своимъ кузнечнымъ молотомъ (— заковываетъ ее въ цѣпи) и на все лѣтнее время низвергаетъ въ подземную темницу ада; б) какъ демонъ, шествующій въ грозѣ, она заключается въ ту же темницу на все время зимнихъ стужъ, налагающихъ на тучи желѣзныя (ледяныя) оковы. По греческому преданію, Зевсъ, желая покарать Сизифа (*Σίσυφος*), послалъ за нимъ Смерть, но тотъ опуталъ ее крѣпкими узами, и пока она была связана — никто не умиралъ въ цѣломъ свѣтѣ; наконецъ явился воинственный Аресъ, освободилъ плѣнницу и предалъ ей нечестиваго врага ¹⁾. По свидѣтельству нѣмецкой сказки, *Spielhansel* привязалъ Смерть къ дереву, и въ продолженіи семи лѣтъ она оставалась узницею и не могла похитить ни единой души человеческой ²⁾. Мифъ этотъ развивается и въ русской сказкѣ ³⁾. Явился солдатъ на тотъ свѣтъ, и поставилъ его Господь на часахъ у пресвѣтлаго рая. Приходитъ Смерть. «Куда идешь?» спрашиваетъ часовой. — Иду къ Господу за повелѣніемъ, кого морить мнѣ прикажетъ, «Погоди, я спрошу.» Пошелъ и спрашиваетъ: «Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?» — Скажи ей, чтобы три года морила самый старый людъ. Солдатъ думаетъ: «эдакъ, пожалуй, она отца моего и мать уморитъ; вѣдь они старики.» Вышелъ и говоритъ Смерти: «ступай по лѣсамъ,

¹⁾ Griech. Myth., II, 76. — ²⁾ D. Myth., 814. — ³⁾ Н. Р. Дег., 16.

и три года точи самые старые дубы.» Заплакала Смерть и побрела по лѣсамъ, три года точила старые дубы, а какъ изшло время—воротилась къ Богу за новымъ повелѣніемъ. Господь приказалъ морить молодой народъ, а солдатъ думаетъ: «эдакъ, пожалуй, она братьевъ моихъ уморить!» и передалъ приказъ Смерти, чтобъ она шла по тѣмъ-же лѣсамъ и цѣлыхъ три года точила все молодые дубы. Пошла Смерть по лѣсамъ, принялась точить молодые дубы, а какъ исполнилось три года—идетъ опять къ Богу, едва ноги тащитъ. Обманулъ ее солдатъ и въ третій разъ; Господь приказалъ морить младенцевъ, а солдатъ передалъ: «ступай по лѣсамъ и цѣлыхъ три года гложи малые дубки.» По исходѣ послѣднихъ трехъ лѣтъ, идетъ Смерть къ Богу—чуть живая, такъ отъ вѣтру и валится. «Ну, думаетъ, теперь хоть подерусь съ солдатомъ, а сама дойду до Господа! за что онъ девять лѣтъ меня наказуетъ?» Узналъ Господь, какъ хитрилъ солдатъ и повелѣлъ ему въ наказаніе девять лѣтъ носить Смерть на плечахъ. Засѣла Смерть на солдата верхомъ; повѣзъ ее солдатъ, вѣзъ-вѣзъ и уморился; вытащилъ рогъ съ табакомъ и сталъ нюхать. «Служивой! говоритъ Смерть, дай и мнѣ понюхать.» — Полѣзай въ рогъ, да и нюхай, сколько душѣ угодно. Только что влѣзла она, солдатъ тотчасъ закрылъ рогъ, заткнулъ его за голенище, воротился и сталъ на старое мѣсто на часы. Этотъ эпизодъ варьируется еще такъ: велѣлъ Господь солдату корнить Смерть орѣхами, чтобъ она поправилась. Солдатъ пошелъ съ нею въ лѣсъ и заспорилъ: «ты де не влѣзишь въ пустой орѣхъ!» Смерть сдуру и влѣзла, а солдатъ заткнулъ дыру въ орѣхѣ и спряталъ его въ карманъ. Господь освободилъ Смерть и приказалъ ей уморить солдата. Сталъ солдатъ готовиться къ послѣднему концу, надѣлъ чистую сорочку и притащилъ гробъ. «Готовъ?» спрашиваетъ Смерть. — Совѣтъ готовъ! «Ну, ложись въ гробъ!» Солдатъ легъ спиной къверху. «Не такъ!» говоритъ

Смерть. Солдаты легъ на бокъ. «Ахъ, какой ты! развѣ не видалъ, какъ умирають?» — То-то и есть, что не видалъ! «Пусти, я тебѣ покажу.» Солдаты выскочилъ изъ гроба, а Смерть легла на его мѣсто. Тутъ солдатъ ухватилъ поскорѣ крышку, накрылъ гробъ, наколотилъ на него желѣзные обручи и бросилъ пойманную Смерть въ море. И долго-долго носилась она по волнамъ, пока ни разбило гроба бурю. По другому разсказу, хитрый солдатъ сажаетъ Смерть въ торбу (или ранецъ), завязываетъ крѣпко-накрѣпко и вѣшаетъ эту торбу на верхушку высокой осины. Съ этой самой поры пересталъ народъ помирать: рождаться — рождается, а не помираеть! Много лѣтъ прошло, солдатъ все торбы не снимаетъ. Случилось разъ зайти ему въ городъ; идетъ, а на встрѣчу ему древняя старушонка: въ которую сторону подуетъ вѣтеръ, въ ту и валится. «Вишь какая старуха! сказалъ солдатъ; чай, давно ужъ умирать пора!» — Да, батюшка! отвѣчаетъ старуха, мнѣ давно помереть пора; еще въ тоѣ время, какъ посадилъ ты Смерть въ торбу, оставалось всего житья моего на бѣломъ свѣтѣ только единый часъ. Я бы и рада на покой, да безъ Смерти земля не примаеть, и тебѣ, служивой, за это отъ Бога непрощонный грѣхъ! вѣдь не одна душа на свѣтѣ также мучится! «Видно, думаетъ солдатъ, надо выпустить Смерть; пошелъ въ лѣсъ — прямо къ осинѣ и видитъ: виситъ торба высоко и качаетъ ее вѣтромъ въ разныя стороны.» А что, Смерть, жива?» Она изъ торбы едва голосъ подаетъ: «жива, батюшка!» Снялъ солдатъ торбу, развязалъ и выпустилъ Смерть; какъ только очутилась она на свободѣ, тотчасъ — подавай Богъ ноги! — и бросилась бѣжать отъ солдата. Точно также обманываютъ сказочные герои дьявола, заставляя его влѣзати въ червивый орѣхъ или въ суму (I, 282); самая Смерть представляема въ сказкѣ такою-же простоватою, недогадливою и прожорливую, какими изображаются обыкновенно вели-

каны, драконы и черти; вмѣстѣ съ тѣмъ народный юморъ, замѣчательный нами въ обработкѣ старинныхъ преданій о великанахъ и демонахъ, овладѣлъ и имеемъ о побѣжденной Смерти. Рогъ, суша и гробъ, окованный желѣзными обручами, — все это метафоры грозовыхъ тучъ (см. I, 311—2, 579—588; II, 671); въ близкой связи съ этими представленіями стоитъ и орѣховое дерево, вѣстари посвященное громовнику (см. II, 318). По своей стихійной природѣ, Смерть, подобно альфамъ, облачнымъ женамъ и чертямъ, участвуетъ въ бѣшеной воздушной пляскѣ и въ дикихъ пѣсняхъ завывающей бури; нерѣдко она показывается, наигрывая на музыкальномъ инструментѣ—дудкѣ или скрипкѣ ¹⁾). Отсюда средневѣковая поэзія и живопись западныхъ народовъ создали превосходное изображеніе Смерти: въ свою немстовую пляску она увлекаетъ представителей всѣхъ сословій отъ короля до нищаго, и быстро кружась съ ними подъ звуки ужасающей пѣсни, уноситъ ихъ души въ темныя области загробнаго царства.

Согласно съ указаннымъ отождествленіемъ Смерти съ грозовыми духами, древнее вѣрованіе заставило этихъ послѣднихъ исполнять ея печальную обязанность. Но такъ какъ громовникъ и его спутники являлись и устроителями небеснаго царства (=весеняго рая), и съ демоническимъ характеромъ властителей ада, то понятіе о Смерти раздвоилось, и фантазія изображала ее то существомъ злымъ, увлекающимъ души въ подземный міръ, то посланницею верховнаго божества, сопровождающею души усоншихъ героевъ (позднѣе—праведныхъ) въ его небесный чертогъ. Такъ Одинъ посылалъ валькирій принимать падшихъ витязей и возносить ихъ въ свое блаженное жилище—въ валгаллу. Греки вѣрили, что души умершихъ препровождались на тотъ свѣтъ Гермесомъ, скорымъ посланникомъ боговъ и обладателемъ чудесна-

¹⁾ D. Myth., 807—9.

го жезла, прикосновеніемъ котораго онъ повергалъ живыхъ въ непробудный сонъ. Кроме того, смерть представлялась греками не только страшною Керою, но и въ образѣ прекраснаго, кроткаго и юнаго генія—Θάνατος (слово, родственное по корню съ нѣмецкимъ Tod), хотя и ему придавались эпитеты чернаго и чернокрылаго: всѣмъ страждущимъ онъ даетъ вѣчное успокоеніе и всѣхъ утомленныхъ житейскими трудами и невзгодами погружаетъ въ тихій и сладкій сонъ. Θάνατος, очевидно, совпадаетъ съ понятіемъ о снѣ, благодѣтельномъ дарѣ боговъ, дружелюбномъ успокоителѣ міра, кротко вѣющимъ надъ морями и сушею. Античное искусство изображало Сонъ дитятею и юношею, съ крыльями орла или бабочки ¹⁾. Въ христіанскую эпоху это двоякое воззрѣніе на Смерть, какъ на существо съ одной стороны — злое, демоническое, а съ другой — свѣтлое, божественное, было перенесено на ангеловъ милостивыхъ и грозныхъ, смѣшанныхъ въ народныхъ преданіяхъ съ зльями свѣтлыми и черными. Такое перенесеніе совершилось подъ вліяніемъ ветхозавѣтныхъ сказаній о страшномъ ангелѣ смерти (II-ая кн. царствъ, 24, 16), который впоследствии признанъ былъ за князя тьмы; онъ нисходилъ изымать души грѣшниковъ; для добродѣтельныхъ же людей являлся тихій ангелъ и прекращалъ ихъ жизнь прощальнымъ поцѣлуемъ. Нѣмецкія саги рассказываютъ о двухъ ангелахъ добромъ и зломъ, обходящихъ землю и предающихъ людей смерти ²⁾. Народный русскій стихъ такъ изображаетъ кончину праведнаго и грѣшника ³⁾:

Ссылаеть Господь Богъ святыхъ ангеловъ,
Тихихъ ангеловъ, все милостивыхъ,
По его по душеньку по Лазареву.
Вынимали душеньку чество и хвадно,

¹⁾ Ibid., 800—1; Griech. Myth. Преллера, I, 656-8. — ²⁾ D. Myth., 814, 1134. — ³⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 183-5, 208, 211; Лвт. рус. лит., т. V, отд. 3, 83.

Честно и хваљно въ сахарны уста,
 Да приняли душу на пелену,
 Да вознесли же душу на небеса...
 Сослалъ Господь грозныхъ ангеловъ,
 Страшныхъ, грозныхъ, немилостивыхъ,
 По его душу по богачёву;
 Вынули его душеньку нечестно, нехваљно,
 Нечестно, нехваљно, сирозь рёберъ его,
 Да вознесли же душу вельми высоко,
 Да ввергнули душу во тьму глубоко,
 Въ тоё злую муку—въ геенскій огонь.

Таже мысль выражена и вънародной легендѣ ¹⁾: праведникъ умираетъ окруженный семьёю; лёжа на одрѣ болѣзни, онъ даетъ своимъ сыновьямъ и снохамъ родительское наставленіе и навѣки-нерушимое благословеніе, и прощается со всѣми; Смерть является къ нему съ ангелами, вынимаетъ душу, и ангелы относятъ ее на золотомъ блюдѣ въ пресвѣтлый рай. Грѣшникъ же умираетъ посреди житейскихъ заботъ и веселья; Смерть приходитъ неожиданно-негадано и ударяетъ его въ голову тяжелымъ и оло томъ. Грозныхъ, немилостивыхъ ангеловъ часто замѣняютъ дьяволы, которые схватываютъ душу грѣшника, какъ свою добычу. Сербская легенда ²⁾ повѣствуетъ о святомъ архангелѣ, который поражалъ смертныхъ: одного человека онъ изѣкъ въ куски, другаго ударилъ ножомъ три раза, а на третьего только замахнулся—какъ онъ уже умеръ. По словамъ архангела: «у оногъ е првогъ човека душа грешна па неће да изаће изъ тела, зато самъ га свега исекао докъ самъ е истерао. У оногъ другогъ човека душа е мало безгрешна, зато самъ га трипутъ ударіо. А душа овогъ трећегъ човека са свимъ е праведна, зато самъ на њу само замахнуо, а она мени те у недра сама ускочи.» Выше было приведено свѣдѣтельство духовнаго стиха, что архангелъ Михаилъ перево-

¹⁾ Н. Р. Лег., 25. — ²⁾ Сербскій летопись 1862, I, 150—1.

зять души праведныхъ черезъ огненную рѣку. По мнѣнію болгарь—онъ, принимая душу усопшаго, несетъ ее въ мытарства и передаетъ другимъ ангеламъ, а самъ возвращается за другими душами; души грѣшниковъ онъ схватываетъ за волосы, а праведныхъ обнимаетъ, какъ мать своего младенца. Прежде эта обязанность была возложена на архангела Гавріила. Однажды послалъ его Господь взять душу бѣдняка, у котораго было много дѣтей. Гавріиль сожалѣлся надъ ними и воротился, не исполнивъ приказанія: «какъ уморить его, Господи! вѣдь у него малыя дѣтки; они несчастны погибнутъ отъ голода!» Богъ разгнѣвался, взялъ у Гавріила мечъ и отдалъ его архангелу Михаилу. Но и Михаилъ, посланный предать смерти добраго семьянина, видя—какъ вокругъ больнаго все проливали горькія слезы, почувствовалъ состраданіе, воротился къ Богу и сказалъ: «мнѣ жалко поразить этого человѣка!» Тогда Господь завязалъ ему уши; архангелъ спустился на землю и взялъ душу, потому что не могъ слышать ни плача, ни сѣтованій ¹⁾). Передъ Смертью напрасны человѣческія мольбы и рыданія; она глуха къ нимъ, и эту неумолимость ея поэтическая фантазія болгарь изображаетъ тѣмъ, что Смерть является къ людямъ—съ завязанными ушами. Русская легенда ²⁾) рассказываетъ объ ангелѣ, который въ наказаніе за то, что не хотѣлъ взять души одной матери, долженъ былъ три года жить на землѣ. Родила баба двойни, и посылаетъ Богъ ангела вынуть изъ нея душу. Ангелъ прилетѣлъ къ бабѣ; жалко ему стало двухъ малыхъ младенцевъ, не вынулъ онъ обреченной души и полетѣлъ назадъ къ Богу.—Что вынулъ душу? спрашиваетъ его Господь. «Нѣтъ, Господи! у той бабы есть два младенца; чѣмъ-же они станутъ питаться?» Богъ взялъ жезло, ударилъ въ камень и разбилъ его надвое, указалъ въ трещинѣ двухъ червей и провѣщалъ: «кто питаетъ этихъ чер-

¹⁾ Каравел., 267. — ²⁾ Н. Р. Дер., 26; Slov. pohad., 502—7.

вей, тотъ пропиталъ бы и двухъ младенцевъ! И отнял Богъ у ангела крылья и осудилъ его въ теченіи трехъ лѣтъ вести земную жизнь.—Наряду съ легендами и стихами объ ангелахъ смерти, возникли средневѣковыя сказанія о борьбѣ ангеловъ и чертей за обладаніе душою усопшаго; сказанія эти извѣстны и у нѣмцевъ, и у славянъ. По свидѣтельству нѣмецкихъ памятниковъ, во главѣ ангеловъ выступаетъ архангелъ Михаилъ, какъ проводникъ душъ въ райскія селенія ¹⁾. По нашимъ преданіямъ, при одрѣ умирающаго присутствуютъ и спорятъ за его душу ангель-хранитель и дьяволъ; если добрыя дѣла человѣка перевѣшиваютъ злыя, то ангель-хранитель прогоняетъ дьявола копьемъ, а если перевѣшиваютъ злыя дѣла, то ангелъ удаляется съ плачемъ.

Въ числѣ другихъ представленій Смерти особенною поэтическою свѣжестью дышетъ то, гдѣ она является невѣстою. Этотъ прекрасный образъ объясняется изъ старинныхъ метафорическихъ выраженій, уподоблявшихъ кровавую битву—свадебному пиршеству, а непробудный сонъ въ могилѣ—опочиву молодыхъ на брачномъ ложѣ. Умирая отъ ранъ, добрый молодецъ, по свидѣтельству русской пѣсни, наказываетъ передать своимъ родичамъ, что женился онъ на другой женѣ, что со-сватала ихъ сабля острая, положила спать калена стрѣла (1, 369). Когда Смерть сражаетъ цвѣтущаго юношу, она (выражаясь поэтическимъ языкомъ) сочетается съ нимъ бракомъ. Въ сборникѣ «Westslawischer Märchenschatz» ²⁾ есть любопытный рассказъ, какъ одинъ богатый юноша напрасно искалъ невѣсты, которая пришла бы ему по сердцу. Разъ встрѣтилъ онъ прекрасную дѣвицу въ бѣломъ платьѣ. «Куда идешь ты?» спросила его красавица. — Ищу невѣсты по сердцу, и объ одномъ только прошу Бога, чтобы хотя единый часъ могъ на-

¹⁾ D. Myth., 796—7. — ²⁾ Стр. 143-4.

сладиться любовью—прежде, чѣмъ умру. «Юноша! сказала она, я согласна быть твоею женою.» Обрадованный и влюбленный, онъ повелъ ее въ свой домъ. Но когда прошелъ часъ времени—прекрасная невѣста вдругъ превратилась въ старое и беззубое привидѣнiе. Это была—Смерть. «О невѣрная соблазнительница! ты меня обманула», воскликнулъ женихъ.— Не я, а ты обманулъ самъ себя! возразила страшная гостья; ты обѣщалъ быть моимъ, и я беру тебя съ собою. Она взмахнула острой косою, и юноша палъ мертвымъ.

Болѣзни рассматривались нашими предками, какъ сопутницы и помощницы Смерти, а повальные и заразительныя прямо признавались за самую Смерть, и ни въ чемъ такъ ярко не выступаетъ стихійное значенiе этой древней богини, какъ въ народныхъ преданiяхъ и повѣрьяхъ о различныхъ недугахъ. Нѣмецкая легенда рассказываетъ, что одному юношѣ обѣщались Смерть прежде, чѣмъ возьметъ его душу, прислать своихъ пословъ, и онъ зажилъ весело и разгульно, не помышляя о послѣднемъ концѣ. Но вотъ онъ состарился и за нимъ явилась Смерть. На упрекъ, что она не исполнила своего обѣщанiя, Смерть отвѣчала: «какъ, я не послала къ тебѣ своихъ пословъ? развѣ не трясла тебя лихорадка, развѣ ты не чувствовалъ головокруженiя, лома въ костяхъ, зубной боли, ослабленiя зрѣнiя и глухоты?» ¹⁾ Славянскiя названiя болѣзней соединяютъ съ ними мысль о карающемъ божествѣ: bogine —оспа, boža rana — язва, чума, božj bič или boža moč (божья сила)—паучая, бѣшенство, boža ruka — параличъ; сравни нѣм. der gotes slac, die gewalt gottes, die hand gottes (schlagfluss, apoplexia) — названiя, указывающiя на быстрый, внезапный родъ смерти, въ противоположность тѣмъ болѣзнямъ, которыя сводятъ челоука въ могилу только послѣ продолжительныхъ мученiй. Въ русскихъ областныхъ говорахъ:

¹⁾ Скар. Грим., 177; Гальтрихъ, стр. 62.

божье или божья немочь—падучая; божья—эпидемія («божья ходитъ»); одержимыхъ припадками бѣснованія и помѣшанныхъ называютъ божевольными и божегнѣвными, что свидѣтельствуєтъ за древнѣйшее воззрѣніе на болѣзнь, какъ на божью волю и божій гнѣвъ ¹⁾). Индусы изгоняли прокаженныхъ изъ касты и лишали права владѣть собственностію, такъ какъ эти несчастные поражены «божьимъ гнѣвомъ». Въ Европѣ долгое время вѣрили, что каждая язва есть заявленіе божественнаго гнѣва и требуетъ всенароднаго покаянія. Изувѣченныхъ и калѣкъ называютъ: убогіи, ubożatko; малор. небожчикъ, пол. nieboszczyk—покойникъ, т. е. какъ-бы отвергнутый свѣтлыми богами, постигнутый небесною карою ²⁾. *niebożacy, nieważki.*

Далѣе, мы имѣемъ положительныя свидѣтельства языка, что болѣзни причислялись нѣкогда къ сонму нечистыхъ духовъ. Областной словарь представляетъ тому обильныя примѣры: стрѣль—чортъ и стрѣлы—колотье: «пострѣль бы тебя побралъ!» чѣморъ—дьяволъ («поди ты къ чѣмору!») и чѣмеръ—спазмы въ животѣ или боль въ поясницѣ, а чѣмеръ—головокруженіе, страданіе живота и болѣзнь у лошади; игрѣць—истерическій припадокъ, кликушество и дьяволъ; худоба—сухотка, истощенность, худобище—конвульси въ тяжкой болѣзни, худая боль—сифилисъ, сибир. «въ худыхъ душахъ»—при смерти и худой—злой бѣсъ; черная немочь (не-мощь—не-дугъ; мощный и дюжій—сильный, здоровый)—параличь, черна—скотская чума, черная смерть—моръ, опустошавшій русскую землю въ 1352 году (при Симеонѣ Гордомѣ), и черный—эпитетъ нечистаго духа (I, 99), черный шутъ—дьяволъ; лядѣтъ

¹⁾ О вл. христ. на сл. яз., 123; Обл. Сл., 12; Доп. обл. сл., 10; Москв. 1852, XXIII, 72; D. Myth., 1109—1110 — ²⁾ Старосв Ванд., 411; Обл. Сл., 236.

—долго хворать, лядить—томиться, изнывать, хирѣть, лядашцѣй—бессильный, больной, негодный и лядь—чортъ: «ну те къ ляду!» У бѣлоруссовъ лядашцѣйкъ—духъ, причиняющій людямъ порчу: «лядашцѣйкъ перелецѣу ямѣ», т. е. онъ сталъ полоумнымъ, сумашедшимъ; сравни бѣсъ, бѣсенующійся, бѣшенство и чешск. bĕsný pes (бѣшенная собака). Входя въ челоуѣка или животное, демонъ порождаетъ въ немъ болѣзненные припадки и безумную ярость; подобное-же дѣйствіе, производимое ядовитыми растеніями, также приписывалось демонамъ: euphorbia называется у славянъ—бѣсово мо-
лукъ
лукъ
малъ

 локо, у нѣмцевъ teufelsmilch, atropa belladonna—бѣшенная вишня и т. дал. Ворогуша—лихорадка и врагъ (во-рогъ)—дьяволъ; лихѣй—злой духъ и болѣзнь у лошадей, старинное лихновѣць (въ Святославовомъ изборникѣ)—сатана, лихо-радка (лихо-манка, лихо-дѣйка), лихота—нездоровье, немощь, лиховать—быть нездоровымъ, чувствовать тошноту; тоснуть—болѣть, скучать и тошная—не-чистая сила; шатунъ—чортъ и шатъ—обморокъ, головокруженіе, болѣзнь у собакъ; вологод. «тяжкая пришла» т. е. носѣтила болѣзнь и тяжкѣнь или тяжелой въ значеніи дьявола; икѣта (икѣтка)—болѣзненный припадокъ и челоуѣкъ, одержимый бѣсомъ, икѣтница—страдающая икотѣю; притка—падучая и всякій нежданный, нечаянно-приключившійся недугъ («чтобъ тебя разопритчило!» «мнѣ на такомъ-то мѣстѣ попритчилось!»), а слѣдующія выраженія: «къ ця притка принесла!» «притка его вѣдать, откуда онъ!» указываютъ на демона; сравни: «кой чортъ тебя принесъ!» «чортъ его вѣдаетъ!»
 Лишай—гнойный струшъ на головѣ и дьяволъ¹⁾. Тѣсная

¹⁾ Обл. Сл., 28-29, 42, 73-74, 104, 408, 434, 179, 218, 231, 235, 251; 256-7, 263; Доп. обл. сл., 102; Приб. къ Изв. Ак. Н. 1853, 183; Этн. Сб. I. 176-7; Годъ на Сѣверѣ, Максимова, II, 463; Матер. для исторіи письменъ, ст. Бусл., 8; Громаннъ, 8.

связь нечистой силы съ болѣзнями, расслабляющими тѣло человѣческое, подтверждается и слѣдующими названіями: обломъ (отъ ломать)—дьяволъ, домовой; костолбмъ и кожедѣрь — злой челоѣкъ, лѣшій, чортъ; въ числѣ болѣзненныхъ ощущеній извѣстенъ и ломъ въ костяхъ ¹⁾). Въ апокрифической статьѣ «Свитокъ божественныхъ книгъ» повѣствуется, что Господь, создавши тѣло перваго челоѣка, «поиде на небеса по душу Адамову; сатана же не вѣдая, что ему сотворити, и тну тѣло Адамово перстомъ. И приде Господь ко своему созданію, и видѣ тѣло Адамово и рече: о дьяволе! что ты сотворилъ? Отвѣщавъ же дьяволъ: Господи! забудеть тебя сей челоѣкъ; (но) аще у него что заболитъ, тогда Господа вспоманеть. И Господь обрати (болѣзнь) Адаму внутрь, и оттого во всякомъ челоѣцѣ... болѣзнь сотвори сатана; аще у кого поболитъ, тогда и вздохнетъ о Господѣ: помилуй мя!» ²⁾). Въ другомъ апокрифѣ—въ «Сказаніи, како сотвори Богъ Адама» ³⁾ читаемъ: создалъ Богъ перваго челоѣка изъ восьми частей, «и [поиде очи имати отъ солнца и остави Адама единого лежаща на земли. Приде же окаянный сатана ко Адаму и измаза его каломъ и тиномъ и възгрями. И приде Господь ко Адаму и восхотѣ очи вложити, и видѣ его мужа измазанна, и разгнѣвался Господь на дьявола и нача глаголати: «окаяние дьяволе, проклятый! не достоинъ ли твоя погибель? «что ради челоѣку сему сотворилъ еси пакость—измаза его? «и проклять ты буди! И дьяволъ и счезе, аки молнія, «сквозь землю отъ лица Господня. Господь же снемъ съ него «пакости сатанины и смѣсивъ со Адамовыми слезами, и «въ томъ сотвори собаку, и постави собаку и повелѣ стрещи Адама; а самъ отъиде въ горній Іерусалимъ подыханіе Адамъ»

¹⁾ Обл. Сл., 133; Вибл. для Чт. 1848, X, 122. — ²⁾ Рус. Сл. 1862, II, ст. Пыпина, 55. — ³⁾ Пам. стар. рус. литерат., III, 12—13.

«лево. И приде вторые сатана и восхотѣ на Адама напустити «злую скверну, и видѣ собаку при ногахъ Адамлевыхъ лежашу, и убояся вельми сатана. Собака начала зло лаяти на дѣвола; окаянный же сатана вземъ древо и истыка всего челоуѣка Адама, и сотвори ему 70 недуговъ.» Богъ помиосердовалъ объ Адамѣ, прогнавъ сатану и обратилъ всѣ недуги внутрь челоуѣческаго тѣла. Въ народной легендѣ о сотвореніи міра и потоуѣ ¹⁾ сказано, что собака первоначально была создана голою и что дьяволъ соблазнилъ ее, угрожая зимними морозами и обѣщая ей теплую шубу (т. е. шерсть); собака подпустила дьявола къ первосозданному челоуѣческому тѣлу, а тотъ оплевалъ и охаркалъ его ²⁾. Въ связи съ этими апокрифическими сказаніями должна быть поставлена и повѣсть о скверномъ бѣсѣ, занесенная въ раскольниковыя рукописи и на лубочную картину. Нѣкій святой старецъ увидѣлъ въ пустынѣ бѣса, отъ головы до ногъ оскверненнаго блуднымъ гноемъ. «И рече ему старецъ: да почто не омылся еси въ рѣцѣ или въ источникѣ? Онъ же рече: не велитъ ми вышній Богъ... повелѣваетъ ангелу водному отгоняти насъ; онъ же оружіемъ огненнымъ прогоняя(-еть) насъ. Старецъ рече ему: да гдѣ можешь измыться? Бѣсъ рече: помду въ христіанскіе домы, и гдѣ обрѣщу сосуды непокровенны, ту вниду и измыюся;

¹⁾ Н. Р. Лег., 14. — ²⁾ Преданіе это перешло и къ мордвѣ (Рус. Вѣст. 1867, IX, 229), и къ черемисамъ: Юма, создавши челоуѣческое тѣло, отправился творить душу, а къ тѣлу приставилъ пса, который тогда еще не имѣлъ шерсти. Злой Кереметь произвелъ такой холодъ, что песь едва не замерзъ; потомъ далъ собакѣ шерсть, и допущенный къ челоуѣку охаркалъ его тѣло, и тѣмъ самымъ положилъ начало всѣхъ болѣзней — Вѣст. Р. Г. О. 1856, IV, 282; Этн. Сб., V, роспись Межова, 41. Собака олицетворяетъ здѣсь стихійныя силы природы (см. I, 720—734), на что указываетъ и созданіе ея изъ слезъ, слюны и мокроты (= древнѣйшія метафоры дожда).

они же послѣ мене примутъ болѣзни тяжки—и кашлеве, и трясавицы, и иныя скорби.» ¹⁾ Сосудовъ и кринокъ съ напѣтками и кушаньями не совѣтуютъ оставлять непокрытыми, опасаясь, чтобы нечистая сила не осквернила ихъ; если нечѣмъ покрыть, то должно по крайней мѣрѣ перекрестить, или положить сверху двѣ лучины накрестъ. Народная легенда ²⁾ рассказываетъ о чортѣ, который засѣлъ въ кувшинъ съ водою, оставленный на ночь безъ этихъ предосторожностей. По ночамъ, такъ какъ въ это время злые духи бываютъ особенно дѣятельны, не слѣдуетъ пить воды, тѣмъ болѣе не благословясь; иначе наживешь «водяную» ³⁾. Итакъ болѣзнь есть дѣло враждебнаго демона: нападая на человѣка, онъ касается его своею рукою, наноситъ ему гнойныя раны, оскверняетъ его тѣло нарывами, вередями, сыпями, нерѣдко даже поселяется въ немъ, грызетъ и мучитъ его различными мучками. Вѣрованіе это принадлежитъ глубочайшей древности и встрѣчается у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. По мнѣнію индусовъ, всякая зараза и смертность насылались на людей и стада Вритрою и подвластными ему демонами; зендская отрасль арійскаго племени приписывала созданіе болѣзней Ариману. Atharva-Веда олицетворяетъ лихорадочный недугъ (такманъ); его проклинаютъ, гонятъ, вызываютъ изъ страдающаго тѣла, и когда ничто не помогаетъ, то кланяются ему, какъ божеству, и молятъ, чтобы онъ пощадилъ больнаго или поискалъ себѣ много нечестиваго человѣка. Силою чародѣйныхъ заклятій колдуны могли не только изгонять болѣзни (amivá), но и напускать ихъ на своихъ враговъ ⁴⁾. Гомеръ ⁵⁾ приписываетъ тяжкіе не-

¹⁾ Лѣт. рус. лѣт., т. V, отд. 3, 89—90. — ²⁾ Н. Р. Лер., 19. — ³⁾ О. З. 1848, V, ст. Харитонова, 24. О страдающихъ запоемъ простолудины думаютъ, что они проглотили маленькаго чортика, когда тотъ плавалъ въ рюмкѣ вина—Кіевлян 1865, 57. — ⁴⁾ Громанъ, 147-8. — ⁵⁾ Одис., V, 395-6.

дуги прикосновенію злаго демона; и въ античномъ мірѣ, и въ среднія вѣка умопомѣшательство и паучую болѣзнь объясняли нападеніемъ нечистаго духа ¹⁾). Относительно славянъ подобное воззрѣніе на болѣзни засвидѣтельствовано еще Несторомъ; рассказывая о Святополкѣ (подъ 1019 годомъ), лѣтописецъ выражается такъ: «и бѣжащю ему, нападе на-нь бѣсъ—и расслабѣша кости его, не можаше сѣдѣти (на конѣ), и несяхуть ѿ и носилѣхъ. Принесоша ѿ къ Берестью, бѣгающе съ нимъ; онъ же глаголаше: побѣгните со мною, женуть по насъ! Отроки же его всылаху противу: «еда кто женеть по насъ?» и не бѣ никого-же въ слѣдъ гонящаго, и бѣжаху съ нимъ; онъ же, въ немощи лежа, въсхопивъся глаголаше: о се женуть, побѣгните! Не можаше терпѣти на единомъ мѣстѣ, и пробѣжа лядскую землю, гонимъ божьимъ гнѣвомъ, прибѣжа въ пустыню межю ляхы и чехы—испроверже злѣ животь свой» ²⁾). Выше (II, 420-1) сообщено было лѣтописное преданіе о дяволѣ, который, бросая въ иноковъ цвѣтокъ, приводилъ ихъ въ расслабленіе. По свидѣтельству народныхъ сказокъ, бѣсъ, поселяясь въ женъ и дѣвъ, отымаеть у нихъ умъ, слухъ, зрѣніе, повергаетъ ихъ въ бѣшеное, изступленное состояніе и заставляетъ испытывать самыя мучительныя страданія ³⁾). Въ официальномъ показаніи шуанъ 1666 года читаемъ: «то намъ вѣдомо: Шунъ посаду Яковъ Григорьевъ скорбѣлъ и ктою и внѣ ума былъ весь и всячески отъ нечистаго духа... а Василей Несмѣяновъ скорбѣлъ отъ нападенія нечистаго духа, и его исцѣлила пресвятая Богородица, какъ сталъ молебствовать. А про Иванову жену, Елизарьева сына Ожималова, Марѳу слышали мы отъ сосѣдей, что она одержима была нечистымъ духомъ, и ее исцѣлила пресв. Богородица въ церкви на праздникѣ своемъ—въ литургію, въ

¹⁾ Москв. 1853, XXIV, 195. — ²⁾ П. С. Р. Л., I, 62-63. — ³⁾ Н. Р. Сл., I, 9, 10 и стр. 143, по 3-му издан.

большой выходъ; и она нынѣ здрава стала, а скорбѣла три сѹтки» ¹⁾. Въ 1670 году шуяне подали новую сказку, въ которой заявили: «пріѣзжаютъ въ Шую къ чудотворному образу пресв. Богородицы Смоленскія со многихъ городовъ и уѣздовъ всякихъ чиновъ люди молиться мужескій и женскій и дѣвичь полъ, и тѣ иногородные люди привозятъ съ собою различными скорбми одержимыхъ отъ нечистыхъ духовъ мужескій и женскій и дѣвичь полъ, и тѣ скорбные люди... въ божественную службу мечтаются всякими кознодѣйствы» ²⁾. «Есть на Поморіи (говоритъ рукописное житіе Зосимы и Савватія) наволокъ Унежма; въ мѣстѣ-же томъ (былъ) человекъ нѣкій именемъ Никонъ. Селу Никону случися болѣзнь тяжка зѣло. Два кудесника бысть въ волости той, имуще приютку межю собой. Никону же тому случися промежу ихъ свидѣтельствовати; единому (изъ в)ихъ угоди, а другаго оскорби.» Последній «зельнѣ огорчися», и «яко-же обычай имъ укоренился злокозненнаго дѣйства, бѣсовскою прелестію нача кудесъ бити —таже насылаетъ бѣса на Никона» ³⁾. Въ повѣсти о бѣсноватой женѣ Соломоніи (XVII вѣка) разсказывается, что однажды ей послышалось, «аки приде нѣкто ко храминѣ; она же возста отъ ложа своего и отверзи двери, и пахну ей въ лице, и во уши, и во очи, аки нѣкоторый вихоръ велій, и явися аки пламя нѣкое огненно и сине... И бысть во всю ночь безъ сна; приде на нея трясеніе и великій, лютый ознобъ, и въ третій день она очюти у себе во утробе деиона люта, терзающа утробу ея, и бысть въ то время во иступленіи ума отъ живущаго въ ней демона» ⁴⁾. И до сихъ поръ простой народъ думаетъ, что всѣ калѣки, разслабленные и хворые изурочены колдунами и нечистою силою ⁵⁾; всякое тѣ-

¹⁾ Описаніе гор. Шуи, Борисова, 428—9 — ²⁾ Ibid., 345, 425. —

³⁾ Шапов., 43. — ⁴⁾ Пам. стар. рус. литер., I, 153. — ⁵⁾ Сахаров., I, 36.

лесное страданіе и всякое тревожное чувство приписываются порчѣ «недобрыхъ людей», ихъ завистливой мысли, оговору и сглазу, и называются напускною тоскою; нервныя болѣзни — ^{схватки, истерика, параличи} кликушество, ^{буллія, туберку} икота и падучая, а равно ^{дѣтскія лихорадки} грижа, сухотка и колотье признаются поселянами за дѣйствіе злыхъ духовъ, посланныхъ на человѣка на срокъ или навсегда мстительнымъ колдуномъ. Сами больные, раздѣляя тоже убѣжденіе, выкрикиваютъ во время припадковъ имена своихъ враговъ, подозреваемыхъ въ насланіи болѣзни, и обвиняютъ ихъ въ этомъ мнимомъ преступленіи. Еще недавно, вслѣдствіе такихъ обвиненій, производились судебныя розыски. Въ пинежскомъ уѣздномъ судѣ хранится любопытное дѣло, рѣшенное въ 1815 году. Крестьянинъ Михайло Чухаревъ былъ обвиненъ въ порчѣ икотою своей двоюродной сестры Офимьи Лобановой, и ту Офимью (сказано въ прошеніи) теперь злой духъ мучитъ. Чухаревъ показалъ на допросѣ, что дѣйствительно насылалъ порчу на свою двоюродную сестру, а научилъ его тому крестьянинъ Федоръ Крапивинъ. Чара совершается такъ: снявши съ себя шейный крестъ, должно нашептывать на соль: «пристаньте къ человѣку (имярекъ) скорби-икоты, трясите и мучте его до скончанія вѣка; какъ будетъ сохнуть соль сія, такъ сохни и тотъ человѣкъ. Отступите отъ меня, дьяволи, а приступите къ нему.» Наговорную соль слѣдуетъ бросить на дорогу или вообще на то мѣсто, которымъ долженъ проходить осужденный на икоту. Судъ приговорилъ Чухарева къ тридцати пяти ударамъ кнутомъ и къ публичному церковному покаянію. Г. Максимовъ, сообщившій это дѣло въ своей прекрасной книгѣ: «Годъ на Стверѣ», слышалъ отъ ямщика разсказъ о дѣвкѣ-икотницѣ, у которой сто бѣсовъ животъ гложутъ ¹⁾. При такомъ взглядѣ на

¹⁾ II, 289, 310-5. Влад. Г. В. 1844, 53. Кавказскіе горцы бѣшенство и бредъ приписываютъ вліянію нечистой силы — Совр. 1854, XI, смѣсь, 2; подобныя же втраванія встрѣчаемъ у разныхъ инородцевъ — О. З. 1830, ч. XLIII, 249; Вѣст. Р. Г. О. 1856, I, смѣсь, 28.

болѣзни, весьма естественно было представлять ихъ существами живыми, одушевленными. Клятвы различными недугами, донинѣ приносимыя простолюдинами въ пылу гнѣва или досады, были нѣкогда дѣйствительными призывами злыхъ демоновъ на враговъ и обидчиковъ: «вбій ты трасця!» «хай тебе хиндя (?) потрясе!» «щобъ тебе родимецъ ¹⁾ побивъ!» (великор. «родимецъ ты возьми!») «щобъ на тебе причина (= притка) вдарила!» «бодай тебе грець внимивавъ!» «щобъ тебе лютъ турнула!» «щобъ тебе лунь вхопила!» ²⁾ «щобъ ёго смутокъ (печаль, тоска) узавъ!» «смутокъ би на ты темній та чорній упавъ!» «чортъ би тебе спикъ!» «чортъ би вбивъ (или: мучивъ) твого батька!» ³⁾ Слѣдую оборотамъ, употребительнымъ въ нѣмецкомъ языкѣ, болѣзнь натакивается, наскакиваетъ, нападаетъ, хватаетъ, осиливаетъ — *sie stösst an, fällt an, überfällt, überlauff, packt, greift an, überwältigt den menschen*; у насъ говорятъ о тяжелой болѣзни, что она съ ногъ свалила ⁴⁾. Нечистая сила смерти и недуговъ изображается въ народныхъ преданіяхъ вѣчно-голодною и прожорливою; она съ жадностію бросается на людей и животныхъ и питается ихъ кровью и мясомъ. По народному выраженію, больной изнашивается ⁵⁾ полнота и крѣпость его тѣла какъ-бы поглощаются злобными демонами; напротивъ изцѣлить — возстановить здравіе буквально означаетъ: сдѣлать человека цѣлымъ. За родство понятій смерти и голода свидѣтельствуя: готское *svults* — шогг и сканд. *sulttr* — fames, греч. λιμός — голодь и λοιμός — моровая язва ⁶⁾. О «черной смерти» летописецъ выражается: «егда бо видяше гдѣ въ который родъ или въ осподу (вар. въ семью) болѣзнь лютая

¹⁾ Параличъ—Обл. Сл., 191. — ²⁾ «Лунь ёго вхопивъ.—онъ околѣлъ—Старосв. Банд., 387. — ³⁾ Номис., 73. — ⁴⁾ D. Myth., 1106. — ⁵⁾ Износиться—похудѣть—Обл. Сл., 74. — ⁶⁾ D. Myth., 842.

и смертное то жало, мряху бо сполу наборзѣ... (сравни «божья ходитъ», «тяжкая пришла», «болѣзнь посетила»). Сана свѣтлостью не умалена бываетъ Смерть ¹⁾, на всѣхъ бо вынизааетъ многоядныя своя зубы» ²⁾). Итакъ моровой язвъ даются острые зубы и жало. Тоже представленіе соединяють съ болѣзнями и сербы, какъ очевидно изъ ихъ заклятій: болест га јела!» «тако ме губа (проказа) не јела!» «тако ме живина (ракъ) не гризла!» (или: не драла!) «тако ме не јела губа до паса, а живина од паса!» «тако ме пошама (бѣшенство) не напала!» ³⁾ Названіе грыжа (грызь = рѣзь, ломота, ноющая острая боль) происходитъ отъ глагола грызу ⁴⁾. Сибиряки считаютъ оспу за нечистаго духа, который бродитъ по свѣту и питается мертвыми тѣлами; а потому, желая умилостивить его, нарочно убиваютъ скотину ⁵⁾. Въ великорусскихъ губерніяхъ поселяне убѣждены, что Оспа ходитъ съ клювомъ, и ударяя имъ, патнаетъ челоуѣка щедринками ⁶⁾; областныя названія оспы — шадра и своробъ; шадриный, шадровитый — рябой, шадрина — рябинка, своробатый — шероховатый ⁷⁾. Въ олоонецкой губ. заболѣвшаго оспою приносятъ къ другому хворому тою-же болѣзною, и онъ отвѣшиваетъ ему три поклона и произноситъ: «прости меня Оспица, прости Аванасьевна, чѣмъ я предъ тобою согрубилъ, чѣмъ провинился!» ⁸⁾ Прощать въ старинномъ языкѣ употреблялось въ значеніи: выздороветь, излѣчиться отъ болѣзни. Новые греки представляютъ оспу мнѣической женщиной ⁹⁾. Народное суевѣріе утверждаетъ, что когда начинается болѣзнь, то не слѣдуетъ

¹⁾ Т. е. она не взираетъ на санъ. — ²⁾ П. С. Р. Л., IV, 61, 191. — ³⁾ Срп. и. послов., 21, 298-9. — ⁴⁾ Толков. Слов., I, 356. — ⁵⁾ Алев., 77-78. — ⁶⁾ Послов. Даля, 430. — ⁷⁾ Обл. Сл., 200, 261. — ⁸⁾ Обл. Сл., 144. — ⁹⁾ D. Myth., 1113.

ложиться на постель, а стараться быть на ногахъ, чтобы она не взяла силы и не одолѣла человѣка ¹⁾).

Нечистые духи, въ своемъ древнѣйшемъ, языческомъ значеніи, были существа стихійныя, демоны темныхъ тучъ, опустошительныхъ грозъ, вихрей и вьюгъ, то посылающіе на поля и нивы безвременныя ливни и градъ, то задерживающіе въ облачныхъ горахъ животворную влагу дождя и карающіе землю засухою; въ томъ и другомъ случаѣ они истребляютъ жатвы и лишаютъ человѣка его насущной пищи. Къ разряду стихійныхъ демоновъ причислялись нашими предками и болѣзни, какъ порожденіе тѣхъ-же естественныхъ причинъ: простуды, сырости, томительнаго зноя и вредныхъ испареній, разносимыхъ буйными вѣтрами, и какъ обычные спутники неурожаевъ, вельдъ за которыми въ древности всегда шествовалъ морь. Atharva-Веда свидѣтельствуетъ, что воспалительный недугъ (такманъ) появляется тогда, когда жаркіе луча солнца воздѣйствуютъ на болотистую почву — когда огонь изсушитъ воду. Эпидемическія, заразительныя болѣзни слывутъ на Руси: повѣтріе (пол. powietrze), вѣтроносное язво ²⁾ и морь; съ послѣднимъ названіемъ родственны слова: об-морокъ — болѣзненный припадокъ, мгла, туманъ, и обморочить. Летучая или вѣтренная оспа называется въ ярославской губ. хлопѹха — слово, означающее также: снѣгъ, падающій большими хлопьями ³⁾). У нѣмцевъ болѣзнь лошадей и рогатаго скота — der böse wind, въ Швейцаріи рожа — wolken, fliegende wolke ⁴⁾). По мнѣнію народа, болѣзни посылаются ибъ вѣтру или по водѣ: «съ вѣтру пришло», «съ воды приключилося». Колдунъ выходитъ на дорогу и выкидаетъ: не подуетъ ли попутный вѣтеръ въ ту сторону, гдѣ живетъ обреченный на порчу. Выждавши, онъ беретъ съ дороги горсть

¹⁾ Рус. въ св. посл., IV, 88. — ²⁾ Библия для Чт. 1848, IX, 51. — ³⁾ Обл. Сл., 105, 134, 141. — ⁴⁾ D. Myth., 1112, 1115.

пыли или сѣгу (смотря по времени года) и бросаетъ на вѣтеръ, причитывая: «слѣпи (=запороши) у раба такого-то черныя очи, раздуй его утробу толще угольной ямы, за суши его тѣло тоньше луговой травы!»¹⁾ Главныя напускныя болѣзни — икота и стрѣлы. Икотою называютъ на сѣверѣ Россіи припадки кликушества; икоть во псковской губ. — кричатъ, кликать²⁾. Силою чародѣйнаго слова нечистый духъ заклинается на чье-нибудь имя; быстро летитъ онъ на крыльяхъ вѣтра, и первый встрѣчный, кто носитъ означенное имя, дѣлается его жертвою. Иногда наговариваютъ икоту на камни или насѣкомыхъ, и тотъ, кто запнется о такой камень или проглотитъ летучую мошку, подвергается истязаніямъ злаго демона. Стрѣлы (колотье) напускаются такъ: берется коровій рогъ, насыпается пескомъ, дресвою, истолченнымъ стекломъ, и все это выдувается въ отверстіе рога, съ закліатіемъ на извѣстное лицо. Вѣтеръ подхватываетъ песокъ, дресву и стекло, несетъ ихъ на человѣка и производитъ въ немъ такое ощущеніе боли, какъ-будто вся внутренность его была наполнена острою пылью и рѣжущими осколками³⁾. Эта чара и самое названіе болѣзни напоминаютъ намъ: съ одной стороны — эпическое выраженіе Слова о полку о вѣтрахъ, вѣющихъ съ моря стрѣлами, а съ другой — то старинное олицетвореніе вѣтровъ, которое представляло ихъ дующими въ рога и трубы (I, 323—4). По свидѣтельству народныхъ преданій нечистые духи, купаясь въ источникахъ, оскверняютъ воды и порождаютъ различные недуги (см. выше, стр. 62). Эти источники первоначально означали дождевыя тучи, живительная влага которыхъ засушаетъ

¹⁾ Потебн., 80-81; Сахаров., I, 36. — ²⁾ Доп. обл. сл., 73. —

³⁾ Карман. книжка для любителей земледѣнія, 315; Очерки архангел. губ. Верещагина, 181—3; въ крестоцѣловальныхъ записяхъ читаемъ: „ни вѣдовствомъ по вѣтру ниваго лиха не посылати“.

ся знойнымъ дыханіемъ демоновъ, губителей земнаго плодородія; впоследствии же въ нихъ стали видѣть обыкновенные омуты и болота, заражающіе воздухъ своими тлетворными испареніями въ жаркіе мѣсяцы лѣта. Нѣмцы, чехи и лужицане думаютъ, что во время солнечнаго затмѣнія (= собственно передъ началомъ грозы, когда солнце помрачается сгущенными тучами и воздухъ дѣлается томительно-удушливымъ) нечистые духи пускаютъ съ неба ядъ и отравляютъ источники; поселяне закрываютъ тогда колодцы, не рѣшаются брать изъ нихъ воду для питья и не выгоняютъ скота въ поле ¹⁾. Германскія племена приписываютъ болѣзни вліянію раздраженныхъ эльфовъ; своимъ прикосновеніемъ и дыханіемъ (= дуновеніемъ) эльфы причиняютъ людямъ и домашнимъ животнымъ разслабленіе и смерть; кому нанесутъ они ударъ, тотъ теряетъ память и умственные способности: параличъ называется *divergslag* (*zwergschlag*), слабоуміе есть знакъ, что человекъ коснулась метительная рука эльфа — *eibentrottsch* (*blödsinnig, geistesschwach*). По указанію народныхъ сагъ, лица, попадающіе къ эльфамъ, рѣдко возвращаются назадъ, а если кто и воротится — то навѣрно на всю жизнь останется полоумнымъ: вѣрованіе это совпадаетъ съ общераспространеннымъ на востокѣ, въ Іудей и въ средневѣковой Европѣ мнѣніемъ, что бѣсноватые одержимы злыми духами, которые поселяются въ нихъ, какъ безпокойные, раздражительные мары (*poltergeister*) въ жилищѣ избранной семьи. Участие въ танцахъ эльфовъ дѣлаетъ человека разслабленнымъ. Болѣзнь, известная въ медицинѣ подъ именемъ Витовой

¹⁾ Beiträge zur D. Myth., I, 235; Громаниъ, 28; Neues Lausitz. Magazin 1843, III-IV, 337; см. также II Поэт. Возар., стр. 556—7. То же представленіе о порчѣ небесныхъ водъ распространялось и на тучи, окованныя злыми стужами; чехи не купаются до Юрьева дня, потому что до этого срока вода бываетъ испорчена, отравлена нечистою силою (Громаниъ, 51).

пляски (*chorea sancti Viti*) и состоящая въ судорожныхъ, произвольныхъ подергиваніяхъ всѣхъ членовъ тѣла, названа такъ вслѣдствіе уподобленія ея—прихотливой пляскѣ грозовыхъ духовъ, сопутствующихъ Святовиту въ его бурномъ шествіи по воздушнымъ пространствамъ. Въ Ирландіи и Шотландіи убѣждены, что дуновение эльфовъ вызываетъ на тѣлѣ желваки, чирей, вереды (греч. ἀλφός — пятна на кожѣ, сыпь); въ Норвегіи болѣзнь воспалительнаго свойства называется *alvgust*, *alvild* = *elfenfeuer*, ср.-сѣв. *âlfabruni*; она нападаетъ на человѣка, какъ скоро онъ ступитъ на то мѣсто, гдѣ эльфы пролили воду или наплевали. Бѣлоруссы не рѣшаются ступить на слѣдъ, остающійся на землѣ отъ ведра съ водою, ни туда, гдѣ волкъ зарѣзалъ козла, гдѣ былъ заколотъ пѣтухъ, гдѣ валялись лошади или собака скребла лапою; въ противномъ случаѣ неосторожный подвергается чесоткѣ и тѣло его покрывается лишаями ¹⁾. Вѣдра указываютъ на тѣ сосуды, изъ которыхъ грозовые духи лили на землю дожди; а пѣтухъ, козелъ, конь и собака—на ихъ животенныя превращенія. Въ сагахъ эльфы плюютъ въ глаза того, кто вздумаетъ подсмотреть ихъ игры, или дуютъ на него, и тѣмъ самымъ ослѣпляютъ любопытнаго. Вообще совѣтуютъ, при всякой встрѣчѣ съ ними, поспѣшно удалиться въ сторону. Эльфы имѣютъ при себѣ лукъ и стрѣлы (= молніи); этими стрѣлами они убиваютъ людей и животныхъ или причиняютъ имъ тяжкія страданія. Ощущеніе, производимое болѣзнями, языкъ сближаетъ съ ударомъ остраго оружія: ломъ («*daz gegihite brach ir hend und fûeze*»), колотье (*seitenstechen*), рѣзъ, стрѣльба и пр. Эльфы могутъ умерщвлять человѣка даже своимъ сверкающимъ взоромъ. Кто воспользуется отъ яствъ и напитковъ, для нихъ назначенныхъ, тотъ (по шотландской сагѣ) будетъ наказанъ смертію.

¹⁾ Нар. с.л. раз., 151—3.

Лихорадочный ознобъ (трясца) и стѣсненіе въ груди во время сна (удушье) приписываются ихъ-же злобѣ. Ирландскій рhика прыгаетъ въвечернемъ сумракѣ на спину путника и не оставляетъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не упадетъ обезсиленный на землю. У средневѣковыхъ поэтовъ эльфъ—злой духъ, который взнуздываетъ соннаго человѣка, ѣздитъ на немъ, трясетъ его, и такимъ образомъ доводитъ до совершеннаго истощенія силъ: «der alp zoumet dich», «der magritet dich». Эльфы и шары (сканд. и швед. мага, англ. night-mage, голл. paechtmaer), какъ уже было указано (см. II, 727), сочетали въ себѣ представленіе грозовыхъ геніевъ съ душами усопшихъ; но такъ какъ душа уподоблялась бабочкѣ и ея личинкѣ (червяку), и такъ какъ самые эльфы произошли отъ червей—молній (см. II, 718), то отсюда возникло вѣрованіе, что alp, посылаемый колдунами, вылетаетъ изъ ихъ сросшихся бровей бабочкою, садится на грудь спящаго человѣка и начинаетъ давить его; это напоминаетъ намъ убійственные взоры вѣя, предающіе все гибели, какъ скоро будутъ подняты его длинныя брови и рѣсницы, т. е. открытый взглядъ молніи разить смертію; брови и рѣсницы—метафоры облаковъ (I, 167, 170-1). Въ Швейцаріи toggeli означаетъ мотылька и эльфа; въ старинныхъ процессахъ о вѣдьмахъ злой духъ—der elbe изображается прилетающимъ въ видѣ бабочки; литов. drugis—бабочка и fiebervogel. лѣт. drudsis—летучая моль и лихорадка; литов. druggis kreczia, лѣт. drudsis kratta—трасеть лихорадка. Жгучая опухоль подъ ногтемъ пальца называется der wurm, der umlaufende wurm; опухоль на рукахъ и ногахъ, сопровождаемая нагноеніемъ,—der haagwurm, по русски волосъ или волосень, и по мѣтѣю нашихъ крестьянъ бываетъ отъ червя-волосатика; одышка—herzwurm; собака впадаетъ въ бѣшенство отъ червя, который сидитъ у ней подъ языкомъ; bläsende

worm — болѣзнь лошадей. Чехи убѣждены, что каждый человекъ имѣетъ въ своемъ тѣлѣ червя, отъ котораго и зависитъ его жизнь; сверхъ того, они рассказываютъ о зловредныхъ червяхъ, изъ которыхъ одни точатъ сердце, другіе пьютъ кровь, а третьи пожираютъ принятую человекомъ пищу — преданіе, принадлежащее глубочайшей древности, ибо уже въ Атарведѣ встрѣчаемъ заговоры, направленные на убіеніе червя, который гнѣздится въ головѣ, внутренностяхъ или крестцѣ больного ¹⁾. Итакъ грызущая боль недуговъ сравнивается съ подтачивающимъ тѣло червякомъ; входя внутрь человека, злой эльфъ принимаетъ образъ этого насекомаго и начинаетъ поѣдать мясо и пить кровь, почему поляки червей, причиняющихъ людямъ болѣзни, называютъ *białe ludzie*. Тѣже вѣрованія раздѣляли и греки, какъ видно изъ свидѣтельствъ языка: ἐπιάλτης, ἐφιάλτης (= *aufspringer*) — демоническій духъ, который давитъ по ночамъ и производитъ лихорадочное ощущеніе; ἡπιάλτης, ἡπιόλης — эльфъ; ἡπίαλος, ἡπίολος — лихорадка, ознобъ и удушье; ἡπίολος означаетъ также и бабочку ²⁾. Приведенныя нами выше народныя названія болѣзней, извѣстныя на Руси и у другихъ славянъ, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ древности онѣ признавались за существа демоническія, подобныя злымъ эльфамъ. Преданіе даетъ имъ божій бичъ и стрѣлы, и всѣ тѣлесныя страданія рассматриваетъ какъ слѣдствіе отъ удара или укола ихъ оружія: болѣзнь — это «божья рана» или язва, нанесенная рукою незримаго духа, свидѣтельство его карающей силы и раздраженія («божья мочь», «божій гнѣвъ»). Чтобы прелать людской родъ болѣзнями, сатана истыкалъ перстомъ или, по другому варианту, дровомъ (= жез-

¹⁾ Обл. Сл., 27; Громанъ, 152-3. — ²⁾ D. Myth., 429 — 430, 967 — 8, 1107—12, 1115; Irische elfenmärch., стр. XIV, CII — CVIII; Beiträge zur D. Myth., II, 280.

ломъ, палицею) тѣло перваго человѣка; поселяне называютъ медуги притками, отъ глагола при-ткнутъ — коснуться. Въ устахъ народа употребительны клятвы: «чтобъ тебя родимецъ и трясца побили!» «Чтобъ тебя притка ударила!» «чтобъ тебя язвило, пятнало, стрѣляло!» ¹⁾ Мы доселѣ говоримъ: разбить параличемъ, а въ областныхъ нарѣчіяхъ эту болѣзнь обозначаютъ выраженіемъ: его прострѣляло ²⁾. Въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича къ боярину Морозову читаемъ: «а про смертоносную язву не пишете, престала ли или нѣтъ... и котораго числа діяка нашего Петра Стеншина пострѣляло?» ³⁾ Сибирской язвѣ даютъ названія змѣльный пострѣлъ ⁴⁾; колотье и головная боль (мигрень) у чеховъ называются *střily*, рус. стрѣлы; стрѣляетъ — чувствуется колотье; во псковской губ. стрѣлицы — болѣзнь коровъ ⁵⁾. Въ первой пѣснѣ Илиады поэтъ рассказываетъ, какъ разгнѣванный Аполлонъ взялся за серебряный лукъ, и пуская крылатыя стрѣлы, наслалъ на ахейское войско моровую язву; тѣмъ-же оружіемъ поразилъ онъ и дѣтей Ниубен. Подобными стрѣлами обладала и богиня Артемидда. Одиссей обращается къ тѣни своей матери съ вопросомъ: скончалась ли она медленно отъ тяжелой болѣзни, или вдругъ Артемидда тихой стрѣлой ее поразила? Въ другомъ мѣстѣ Одиссея говорятъ о блаженной странѣ, гдѣ люди умираютъ не отъ старости и болѣзней:

Лукъ свой серебряный взявъ, Аполлонъ съ Артемидой нисходятъ тайно, чтобъ тихой стрѣлой безболѣзненно смерть посылать имъ. Это — быстрый ударъ паралича, разомъ, безъ долгихъ страданій пресѣкающій жизнь ⁶⁾; сравни съ русскимъ преданіемъ

¹⁾ Сынъ Отеч. 1840. т. V, 283; Обл. Сл., 273. — ²⁾ Доп. обл. Сл., 220. — ³⁾ Записки отд. рус. и славян. археолог., II, 725. —

⁴⁾ Толков. Слов., прибавл. 5. — ⁵⁾ Громанъ, 160; Доп. обл. сл., 257. — ⁶⁾ Одис., XI, 170; XV, 403 и дал.; Der Ursprung der Myth., 108.

о добрыхъ ангелахъ, мгновенно-изъемяющихъ душу добродѣтельнаго человѣка, чтобы водворить ее въ райскихъ селеніяхъ (см. стр. 54—55). Когда ребенокъ страдаетъ неизвѣстною болѣзною, мечется и кричитъ по ночамъ, простолудны кладутъ ему подъ голову — мальчику небольшой лукъ со стрѣлою, а дѣвчкѣ пряслицу, причитывая: «щекотиха - будиха! вотъ тебѣ лучокъ (или пряслица); играй, а младенца не буди» ¹⁾. О лѣсункахъ и русалкахъ рассказываютъ, что онѣ, завлекая путника, щекочутъ его до тѣхъ поръ, пока не упадетъ онъ бездыханнымъ; поэтому названіе болѣзни щекотихою намекаетъ на связь ея съ этими эльфическими дѣвами: прилетая къ ребенку, она щекочетъ — мучитъ его, и тѣмъ самымъ отымаетъ у него совѣ. Какъ всѣ облачныя (водяныя) дѣвы, русалки представлялись пряхами, приготовляющими туманные покровы, которыми онѣ застилаютъ небо (см. гл. XXIII), и потому пряслица точно также указываетъ на стихійный характеръ демона-болѣзни, какъ и лукъ съ стрѣлами. У чеховъ дѣвица, захворавшая лихорадкою, должна трижды обѣжать прудъ, и обѣгая въ первый разъ бросить въ воду кусокъ хлѣба, во второй — веретено, а въ третій — пачку льна; эти приношенія задерживаютъ лихорадку въ ея подводномъ жилищѣ, и она уже не приходитъ въ обычное время мучить больную. Отсюда-же объясняется обычай мѣрять больного ниткою, сожигать ее на огнѣ, а оставшійся пепелъ разводить въ водѣ и давать пить во время припадковъ ²⁾. Сербскія вилы, сродныя съ нашими русалками и нѣмецкими эльфами, причисляются къ мионическимъ пряхамъ, мечутъ смертоносныя стрѣлы, отравляютъ источники, повергаютъ людей въ тяжкія болѣзни и отымаетъ у нихъ разумъ. О лужицкой полудницѣ, принадлежащей къ тому-же разряду духовъ, рассказываютъ, что она является на поля допрашивать жен-

¹⁾ Послов. Даля, 403. — ²⁾ Громанъ, 163, 178.

шнѣ, какъ должно обрабатывать ленъ, и тѣмъ, которыя не сѣумѣютъ дать ей отвѣта, свертываетъ шею; въ средневѣковыхъ памятникахъ даемон meridianus (у греческихъ писателей *μασημεριανός δαίμων*) — надучая болѣзнь; у чеховъ *polednice* — названіе недуга ¹⁾). Замѣчательно, что въ нашемъ народѣ слово полудновать употребляется въ значеніи: жить послѣднія минуты передъ смертію ²⁾). Въ пѣсняхъ встрѣчаемъ слѣдующій оборотъ: «мало Стафидѣ можетъ — едва душа въ тѣлѣ полуднуетъ», «дерется Добрыня съ бабой-горыничкой, едва душа его въ тѣлѣ полуднуетъ» ³⁾). Рядомъ съ полудницами, въ архангельской губер. знаютъ двѣнадцать сестеръ полуночицъ (= марь), которыя нападаютъ ночью на дѣтей и заставляютъ ихъ кричать отъ боли ⁴⁾). Припадки кликушества ⁵⁾ называются игрецъ — слово, которымъ обозначается и нечистый духъ; это указываетъ на древнее воззрѣніе, что бѣсъ, входя въ челоуѣка, мучительно играетъ имъ. Соответственные выраженія находимъ — у чеховъ, которые объ умершемъ говорятъ: «*Smrtka v pish roh gá vá*» ⁶⁾), въ Несторовой лѣтописи: «бѣсъ тобою (возвжомъ) играетъ на пагубу тобѣ» ⁷⁾ и въ русской поговоркѣ: «чѣмъ чортъ не шутитъ!» Шутъ — дьяволъ, домовый, лѣшій, шутникъ — злой духъ, шутить — проказить, говоря о нечистой силѣ ⁸⁾). По народному убѣжденію, все, что выкриваютъ бѣсноватые и кланкуши, внушаетъ имъ поселившійся въ ихъ тѣлѣ демонъ, и потому имъ приписывается способность предсказывать будущее ⁹⁾). Повѣрье это отразилось и въ языкѣ: *блажѣ(ш)ть* — сходить съ ума, *блажной* — преверед-

¹⁾ D. Myth., 1114. — ²⁾ Обл. Сл., 168. — ³⁾ Карша Дан., 365, 3-5. — ⁴⁾ Пам. книжка арханг. губ. на 1864 г., 17. — ⁵⁾ Кликуша = крикуша, крикъ и кричь = кликъ и кличь — Обл. Сл., 93. — ⁶⁾ Ганушъ о Дѣдѣ и Бабѣ, 63. — ⁷⁾ П. С. Р. Л., I, 75. — ⁸⁾ Обл. Сл., 269. — ⁹⁾ Кликуши обыкновенно пророчатъ о гнѣвѣ божиѣмъ и своромъ свѣтопреставленіи — Иллюстр. 1845, 203.

ливый, хворый, и блаженный—юродивый, слабоумный, въ безсмысленной болтовнѣ которыхъ искали встарь пророческихъ вѣщаній, и самихъ ихъ признавали за одержимыхъ божественнымъ духомъ ¹⁾. Такъ необходимо, такъ неволью смѣшивались и спутывались въ нравственно-религіозныхъ представленіяхъ нашихъ предковъ понятія тупоумія, болѣзненнаго расслабленія и духовнаго предвидѣнія, небесной кары и дара высшихъ откровеній. Помѣшательство, безумный бредъ, столбнякъ объясняются на Руси проказами лѣшихъ; человекъ, котораго оболѣлъ (=овѣялъ вихремъ) лѣшій, дѣлается каженникомъ (искаженнымъ), теряетъ смыслъ и память ²⁾; блоруссы думаютъ, что тотъ, надъ кѣмъ пролетѣлъ злой духъ лядащикъ, непременно сходитъ съ ума. Наравнѣ съ эльфами, русалками и вилами, олицетворенные недуги населяли воды и лѣса; чтобы избавиться отъ нихъ, вѣтцы и славяне шли къ источникамъ или въ густыя, тѣнистыя рощи, и тамъ совершали свои цѣлебные обряды; особенно-важную роль играли въ этомъ случаѣ деревья, растущія надъ водами: ива, верба, плакучая береза и др. Чехъ, когда трясеть его лихорадка, отправляется къ вербѣ, склоняющей свои вѣтви надъ свѣтлымъ потокомъ, и по окончаніи параксизма привязываетъ къ дереву какой-нибудь даръ и быстро, безъ оглядки, бѣжитъ домой; или онъ отрѣзываетъ клочъ своихъ волосъ и лоскутъ собственнаго платья, буравитъ въ вербѣ отверстіе, влагаетъ въ него приготовленные отрѣзки и заколачиваетъ ихъ глоговымъ клиномъ. Наши поселяне вѣшаютъ на деревьяхъ, въ даръ русалкамъ, холсты и нитки; отъ болѣзней они купаются въ рѣкахъ, прудахъ или источникахъ и оставляютъ на прибрежныхъ кустахъ и деревьяхъ полотенцы и сорочки (см. II, 305, 321); верѣлку надъ головою болящаго завязываютъ

¹⁾ Вятск. Г. В. 1847, 42; О. З., т. LVII, смѣсь, 49. — ²⁾ Сахаров., II, 4.

въ лѣсу двѣ березовыхъ вѣтки, приговаривая: «коли ты (болѣзнь) покинешь — отпущу, не покинешь — сама сгнинешь!» Нѣмцы завязываютъ отъ лихорадки три узла на вѣтвяхъ ивы. Скважины въ древесныхъ стволахъ, сквозь которыя протаскиваютъ больныхъ дѣтей, называются въ Швеціи *elfenlöcher*. Чехи сотрясаютъ на одержимыхъ лихорадкою росу съ вѣтвей вишневого и другихъ деревьевъ. По совершеніи этихъ обрядовъ, возвращаясь изъ лѣсу домой, не слѣдуетъ оглядываться назадъ и отвѣчать на призванный голосъ: иначе демонъ-мучитель узнаетъ свою жертву и не прекратитъ своихъ посѣщеній ¹⁾. Вѣдьмамъ славянскія преданія приписываютъ ночную ѣзду на людяхъ, которыхъ онѣ оборачиваютъ конями; вылетающая изъ нихъ въ видѣ бабочки душа (вѣщица) налегаетъ на спящихъ страшною тяжестью. По другимъ сказаніямъ, злой духъ болѣзней и смерти — мора или мара (нижнелуж. *шуга ва*, пол. *штога* — удушье, чешск. *шѣга* — эльфъ, вѣдьма и мотылекъ) носитъ свою голову подъмышкою и блуждаетъ ночью подъ окнами избъ, произнося имена хозяевъ и домохозяевъ: кто отвѣтится на голосъ мара, тотъ умретъ; она садится на соннаго человѣка и душитъ его; у женщинъ и коровъ она любитъ высасывать молоко ²⁾. Какъ шведы и датчане видятъ въ марахъ души усопшихъ, такъ по вѣстію болгаръ, у ра есть душа младенца, умершаго безъ крещенія, прилетающая ночью давить сонныхъ ³⁾. Съ этими марами тождественны наши кики-моря (= кошмары) и марухи — безпокойные домовые карлики, занимающіеся пряжею, и самъ дѣдъ-домовой, который давитъ мужиковъ и бабъ во время ихъ крѣпкаго сна. По русскому повѣрью, вся-

¹⁾ Иллюстр. 1843, 566; Громанъ, 164-5; D. Myth., 1118, 1123. —

²⁾ Маякъ, VIII, 64; Этн. Сб., V, 71, 108 (о камубахъ); *Volkslieder der Wenden*, II, 268; Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 297. — ³⁾ Ж. М. Н. П. 1846, XII, 210.

кой человекъ бываетъ одержимъ по ночамъ разными недугами, и если разбудить его прежде, чѣмъ окончатся начатыя мѣки, то онъ навѣрно захвораетъ тою болѣзней, какою былъ угнетаемъ во снѣ. Отъ того крестьяне не рѣшаются будить своихъ товарищей на утренней зорѣ ¹⁾). Лѣтописецъ сообщаетъ подъ 1092 годомъ любопытное свидѣтельство о бѣсахъ, поражавшихъ смертію полочанъ: [спредивно бысть Полотьскѣ: въ мечтѣ ны бываше, въ ноши тутѣнь стаяше по улицѣ, яко челоуѣци рищюще бѣ си; аще кто вылѣзаше изъ хоромны, хотя видѣти, абые уязвленъ бѣ дѣше (вар. бѣше), невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху, и не смяху излазити изъ хоромъ. Посемъ-же начаша въ дне (~~вар. во дни~~) являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта, и тако уязвляху люди полотъскыя и его (~~вар. ихъ~~) область; тѣмъ и челоуѣци глаголаху: яко навѣе (мертвѣцы) бѣють полочаны.] ²⁾ Итакъ въ этихъ смертоносныхъ бѣсахъ, незримо-рыскающихъ на коняхъ, современники признавали существа эльфическія—души усопшихъ, о которыхъ нѣмецкія саги разсказываютъ, какъ о спутникахъ Одина въ его воздушныхъ поѣздахъ. Въ означенныхъ вѣрованіяхъ кроется основа той лингвистической связи, какую замѣчаемъ въ ниже-слѣдующихъ рѣченіяхъ: народъ называетъ покойниковъ родителѣми и употребляетъ это выраженіе безразлично, говорится ли объ усопшихъ предкахъ, или о преждевременно-скончавшихся младенцахъ; въ «Словѣ Данила-заточника» ³⁾ и въ нѣкоторыхъ церковнославянскихъ рукописяхъ подъ именемъ рода разумѣется духъ, что вполне согласуется съ областнымъ употребленіемъ этого слова: съ саратовской губ. родъ означаетъ видъ, образъ, а въ тульской—привидѣніе, призракъ; наконецъ родіицеъ—параличъ ⁴⁾). Вотъ живое

¹⁾ О. З. 1848, V, смѣсь. 24 — ²⁾ П. С. Р. Л., I, 92. — ³⁾ «Дѣти бѣгаютъ рода». — ⁴⁾ Памят. XII в., 236; Срезнев. 7; Обл. Сл., 191.

свидѣтельство языка, что души покойниковъ родились у славянъ съ тѣми стихійными духами, стрѣлы которыхъ наносятъ человѣку параличнѣйшій ударъ, — подобно тому, какъ германскія племена ту же самую болѣзнь приписывали вліянію эльфовъ, а этихъ послѣднихъ отождествляли съ тѣнями усопшихъ. —

Особенно интересны вѣрованія и преданія, живущія въ нашемъ народѣ — о лихорадкахъ. Названіе это происходитъ отъ глагола лихо-радѣть, т. е. дѣйствовать въ чей-нибудь вредъ, заботиться о комъ-нибудь съ злобнымъ намѣреніемъ, съ лихою; другія общепотребительныя названія: лихо-дѣйка и лихо-манка отъ мануть — качать, махать (= трас-ти; чеш. *manouti se* — метаться; сравни: мановеніе, по-наваю, манья — привидѣніе въ видѣ старой и щедушной женщины, манить — лгать, об-манывать, лихоманъ, лихоманчикъ — злой, обманчивой человѣкъ¹⁾). Лихорадокъ — девять или двѣнадцать крылатыхъ сестеръ²⁾; онѣ обитаютъ въ мрачныхъ подземельяхъ ада и представляются злыми и безобразными дѣвами: чахлыми, замороженными, чувствующими всегдѣшній голодъ, иногда даже слѣпыми и безрукими. Одна изъ нихъ — старшая повелѣваетъ своими сестрами и посылаетъ ихъ на землю мучить людской родъ: «тѣло жечь и знобить, бѣлы кости крушить». 2-го генваря Морозъ или Зима выгоняетъ ихъ, вмѣстѣ съ нечистою силою, изъ ада, и лихорадки ищутъ себѣ пристанища по теплымъ избамъ и нападаютъ на «виноватыхъ»; на зорѣ этого дня предусмотрительныя старушки омываютъ наговорною водою притолки у дверей, дабы заградить входъ въ избу незванымъ гостямъ. Повѣрье это условливается тѣми простудами и ознобами, которыя такъ обыкновенны въ холодную пору зимы. Напротивъ о весеннихъ бо-

¹⁾ Обл. Сл., 104, 110-1. — ²⁾ Финны признаютъ болѣзнь родными братьями, сыновьями старухи *Launavataar* — D Myth., 1113.

лѣзнихъ думаютъ, что онѣ забираются на зиму въ снѣжныя горы (=адъ) и сидятъ тамъ до начала оттепелей; когда же солнце согонитъ снѣгъ и отогрѣетъ землю, онѣ, вслѣдъ за всеинными испареніями, разбѣгаются по бѣлому свѣту тощія, заморенныя, и съ жадностью бросаются на неосторожныхъ. Уже съ 25 го февраля, по замѣчанію поселянъ, опасно предаваться сну съ ранняго вечера: можно наспать лихорадку ¹⁾. Подобно Смерти и владыкѣ демоновъ (сатанѣ), лихорадки сидятъ въ подземныхъ вертепахъ заключенныя въ цѣпи, и вылетаютъ мучить народъ только тогда, когда будутъ сняты съ нихъ эти желѣзныя оковы ²⁾, т. е. весной. Въ калужской губ. рассказываютъ, что старшая и злѣйшая изъ сестеръ-лихорадокъ прикована къ желѣзному стулу двѣнадцатью цѣпями и въ правой рукѣ держитъ косу, какъ сама Смерть; если она сорвется съ цѣпей и овладѣетъ человѣкомъ, то онъ непременно умретъ. Тоже преданіе у юго-западныхъ славянъ прилагается къ моровой язвѣ: три сестры куги были заключены отцомъ своимъ-королемъ въ тѣсныя узы и томилась въ темницѣ, но впоследствии, будучи освобождены, разбрелись въ разныя стороны и донинѣ блуждаютъ по свѣту ³⁾. Сбрасывая съ себя оковы, лихорадки прилетаютъ на землю, вселяются въ людей, начинаютъ ихъ трясти, расслаблять ихъ суставы и ломить кости. Измучивъ одного, лихорадка переходитъ въ другаго; при полетѣ своемъ она цѣлуетъ избранныя жертвы, и отъ прикосновенія ея усть человѣкъ немедленно заболѣваетъ; кому обмечетъ болѣзнь губы, о томъ говорятъ: «его поцѣловала лихоманка.» ⁴⁾ Точно также порождаетъ болѣзненныя страданія и поцѣлуй эльбины ⁵⁾. По другимъ рассказамъ лихорадка, прилетая ночью, называетъ спящихъ по име-

¹⁾ Сахаров. II. 3-4, 14, 27; Рус. въ св. посл., IV, 102-3. — ²⁾ Этн. Сб., VI, 129. — ³⁾ Иличъ, 302-3. — ⁴⁾ Абев., 230-1. — ⁵⁾ Irische ellemärch., стр. XII.

ни; кто проснется и откликнется на ее зовъ, тотъ сейчасъ-же захвораетъ. Иногда она оборачивается соринкою или мухою, падаетъ въ изготовленную пищу и вѣстѣ съ нею входитъ въ утробу челоуѣка. Но если кто догадается бросить эту соринку или муху въ печь, то лихорадка сгоритъ; а если вложить ее въ яичную скорлупу и повѣсить въ трубѣ — лихорадка будетъ страшно мучиться. Въ тульской губ. увѣряютъ, что шесть сестеръ уже погибли такимъ образомъ, а три и до сихъ поръ рыщутъ по миру ¹⁾. Въ прежнее время, говорятъ чехи, было сто лихоуадокъ; но одна изъ нихъ сгббла: она заползла въ кусочекъ хлѣба, намоченный въ молоко; люди узнали ея присутствіе, взяли тотъ кусочекъ, вложили въ свиной пузырь и привязали къ дереву. Заключенная въ пузырь, лихорадка начала метаться во всѣ стороны — точно также, какъ дѣлаетъ каждая изъ нихъ, входя внутрь челоуѣка, и долго-долго возилась она, пока совѣтъ не задохлась ²⁾. Сказанія эти представляютъ не болѣе, какъ варіаціи мива о Смерти, посаженной въ торбу (см. стр. 52 ³⁾). Боясь раздражить злобную, демоническую дѣву, простолюдинъ не всегда рѣшится назвать лихорадку ея настоящимъ именемъ, а даетъ ей названія ласкательныя, дружескія, съ цѣлію задобрить ее и отклонить отъ себя болѣзненные припадки; таковы названія: кумà (кумàха), добруха, тѣтка (тятюха), подруга и дитюха (двтя?). Съ тою-же цѣлью сербы, во время

¹⁾ Цебриков., 262; Тульск. Г. В. 1852, 27. — ²⁾ Громаннъ, 162. Нѣмецкая сага рассказываетъ, что одного бѣдняка давилъ по ночамъ эльфъ, а когда вносилъ въ комнату зажженную свѣчу — оборачивался въ соломинку или перо. Догадались сжечь эту соломинку, и мучительный эльфъ уже болѣе не явился. — ³⁾ Огонь очага — метафора грозоваго пламени; яичная скорлупа служить для эльфовъ и русалокъ кораблемъ, въ которомъ плывутъ они на тотъ свѣтъ; свинья — зооморфическій образъ тучи.

меровой язвы, называют ее кумою ¹⁾ а иѣщцы — *gevattegin*; вообще имена болѣзней принято въ Германіи замѣнять выраженіями: *das gute, gesegnete, selige* ²⁾). Временный роздыхъ, даваемый больному перемежающейся лихорадкою, народъ объясняетъ тѣмъ, что у нея много дѣла, и потому она переходитъ отъ одного человѣка къ другому, возвращаясь къ каждому изъ нихъ поочередно—черезъ день, черезъ два или три дня ³⁾); нѣкоторые же увѣряютъ, что въ дни, свободные отъ параксизмовъ, она предается сну. Постоянную, ежедневную лихорадку малоруссы называютъ: *трасця-невсяпуха*. Отсюда суевѣрные попытки переводить лихорадку съ себя на перваговстрѣчнаго, даже на птицъ, кошекъ и собакъ, въ которыхъ такъ охотно вселяются нечистые духи, или обманывать ее ложною надписью на дверяхъ избы, что больного нѣтъ дома. Такъ поступаютъ русскіе и чехи; послѣдніе пишутъ на дверяхъ: *Želtnice! (лихорадка) peshod' k nám; Jeník (имя больного) není doma, šel na hory*. Въ смоленской губ., и во время скотскихъ падежей, надписываютъ на воротахъ, что на дворѣ нѣтъ ни коровъ, ни овецъ, ни лошадей. Сибиряки совѣтуютъ больному чернить свое лицо и одѣваться въ чужое платье, чтобы не быть узнану злою лихоманкою, когда она вздумаетъ повторить свое посѣщеніе ⁴⁾). Сверхъ того, чтобы избавиться отъ лихорадки, ее умилостивляютъ приношеніями, или прогоняютъ силою чародѣйнаго слова. Страждущіе этимъ недугомъ, выходятъ на то мѣсто, гдѣ, по ихъ соображенію, вселилась въ нихъ лихоманка, обсыпаютъ вокругъ себя ячневую крупую, и раскланиваясь на всѣ стороны, произносятъ: «прости, сторона-мать сыра земля! вотъ тебѣ крупницъ на кашу; вотъ и тебѣ, кумаха!» ⁵⁾ Обращеніе къ землѣ знаменательно, такъ какъ

¹⁾ Обл. Сл., 47-48, 79, 88, 164, 228, 236; Срп. рјечникъ, 311. —
²⁾ D. Myth., 1108. — ³⁾ Houska, II, 535. — ⁴⁾ Громаничъ, 167 Терещ., VI, 16; Абев., 230. — ⁵⁾ Сахаров., II, 14.

въ ея нѣдрахъ заключенъ тотъ страшный міръ, гдѣ царствуютъ Смерть съ своими помощниками—болѣзнями и плѣнниками—мертвецами. Бѣлоруссы на поминки («дзяды»), вмѣстѣ съ усопшими родичами, приглашаютъ къ ужину и лихорадку¹⁾. Первобытная, народная медицина состояла въ произнесеніи молитвъ и заклятій, въ призывѣ боговъ-исцѣлителей, въ изгнаніи демоновъ и въ совершеніи различныхъ символическихъ и жертвенныхъ обрядовъ; она была дѣломъ исключительно религіознымъ. Древнѣйшія имена лѣкаря означаютъ: жертвоприносителя, заклинателя, колдуна; искусство врачебное ограничивалось знаніемъ клятвенныхъ формулъ—заговоровъ. За это свидѣтельствуютъ Atharva-Веда, Гомеръ, Пиндаръ и другіе античные писатели²⁾; за это-же говорятъ и многочисленныя преданія и обломки стародавнихъ заклятій, донныѣ сохраняемые въ памяти индоевропейскихъ народовъ. Въ высшей степени важнымъ и драгоценнымъ представляется намъ заговоръ противъ лихорадокъ, занесенный во многія изъ нашихъ старинныхъ рукописей и до настоящаго времени еще забытый русскими знахарями³⁾:

При морѣ черномъ стоитъ столпъ, на томъ столпѣ камень, на томъ камнѣ сидитъ святой отецъ⁴⁾ Сисиній и зрѣтъ на море черное. И вози утися море до облакъ⁵⁾—изыдоша изъ моря двѣнадцать женъ простоволосыхъ⁶⁾, окаянное дьявольское видѣніе.» По нѣкоторымъ спискамъ жены эти исходятъ изъ огненнаго столпа, утвержденнаго

¹⁾ Могилев. Г. В. 1849, 8. — ²⁾ Громянъ, 147-8. Сыновья Автолика останавливаютъ кровь, текущую изъ ранъ Одиссея, и Асклепій освобождаетъ больныхъ отъ мучительныхъ страданій—силою цѣлебныхъ заговоровъ. — ³⁾ Я предлагаю сводный, по разнымъ спискамъ исправленный текстъ. — ⁴⁾ Вар. мученикъ, великій апостолъ. — ⁵⁾ Вар. „видѣша: на морѣ возстали волны и возмутися море и земля до небесъ“. — ⁶⁾ Вар. сами червы, власы по поясъ.

на небеси. «И вопросиша ихъ святыи отецъ Сисиній: что есть злыя жены звѣрообразны? Онѣ же отвѣща ему: мы—окаяныя трясавицы, дщери Ирода, снявшаго съ Іоанна Предтечи главу. Вопросы св. отецъ Сисиній: почто пришли?—Идемъ въ землю сѣвѣрусскую родъ человѣческій мучити—тѣло повреждати, кости ломати, въ гробъ вгоняти (или: кости крушить, жилы тянуть, самихъ людей огнемъ жечи); аще кто зло творить, опивается, объѣдается, обѣдни и заутрени просыпаетъ, Богу не молится, тѣхъ мучимъ разными мѹками: они наши угодницы. Помолися Богу св. отецъ Сисиній: Господи! избави родъ христіанскій отъ таковыхъ діаволовъ. И посла Господь Михаила архангела ¹⁾ и четырехъ евангелистовъ, повелѣ ихъ (трясавицъ) мучити тремя (или семью) прутьями ²⁾ желѣзными, давая имъ по триста ³⁾ ранъ на день.» Имена архангела Михаила и святыхъ угодниковъ нерѣдко замѣняются и дополняются другими; въ одномъ спискѣ семь святителей и между ними Егорій Храбрый, Іоаннъ-креститель и св. Николай увидѣли двѣнадцать лихоманокъ, плавающихъ по морю и воздымающихъ бурю ⁴⁾. «Онѣ же начаша молитися: святыи отецъ Сисиній, Михаилъ-архангелъ, четыре евангелиста: Лука, Марко, Матеей, Іоаннъ! не мучьте насъ: гдѣ мы слышимъ—въ которомъ роду прославятся ваши имена, и того роду станемъ бѣгать за десять верстъ ⁵⁾. И вопросы ихъ св. отецъ Сисиній: какъ вамъ, діаволы, имена?» Лихорадки исчисляють свои названія и описываютъ тѣ муки, которыми каждая изъ нихъ терзаетъ больного. Вотъ эти названія: 1) трясея (тресучка, трясунница, въ областныхъ говорахъ: потресуха, трясучка, трясца отъ глагола трясти ⁶⁾), въ старинныхъ поучительныхъ словахъ XV—XVI стол. упо-

¹⁾ Вар. ангела Сиханла. — ²⁾ Вар. четырьмя дубцами. — ³⁾ Вар. по три тысячи. — ⁴⁾ «Мѣшай воду съ пескомъ». — ⁵⁾ Вар. за три дня, за три поприща. — ⁶⁾ Обл. Сл., 207, 232-3.

низается про «немошняго бѣса, глаголемаго трысцю»¹⁾; сравни нѣмецкое выраженіе: «dass dich der ritt (лихорадка²⁾) schüttel»³⁾ 2) Огня или огненная: «когого челоуѣка поймаю (говоритъ она о себѣ), тотъ разгорится аки пламень въ печи», т. е. она производитъ внутренній жаръ. Въ Швейцаріи лихорадку называютъ hitz и brand; англосакс. ādl — жгучая болѣзнь отъ ād—ignis; персы олицетворяютъ ее румяною дѣвою съ огненными волосами⁴⁾. Южно-славянское названіе грознаца ставитъ лихорадку въ связь съ грозовымъ пламенемъ, съ молніеносными стрѣлами⁵⁾. 3) Ледѣя (ледиха) или озноба (знобея, забуха): аки ледъ знобитъ родъ челоуѣчскій, и кого она мучитъ, тотъ не можетъ и въ печи согрѣться; въ областныхъ нарѣчіяхъ даются лихорадкѣ названія: студѣнка (отъ студа—стужа), знобуха и подрожье (отъ слова дрожь), а у чеховъ—зимница⁶⁾. 4) Гнетѣя (гнетница, гнетуха, гнетучка отъ слова гнѣтъ, гнестн—давить): она ложится у челоуѣка на ребра, гнететь его утробу, лишаетъ аппетита и производитъ рвоту. 5) Грынуша (?) или грудица (грудѣя)—ложится на груди, у сердца, и причиняетъ хрипоту и харканье. 6) Глухѣя (глохня)—налегаетъ на голову, ломитъ ее и закладываетъ уши, отчего болной глохнетъ. 7) Ломѣя (ломенная, ломовая) или костоломка: «аки сильная буря древо ломитъ, также и она ломаетъ кости и спину». 8) Пухнѣя (пухлѣя, пухлая), дѣтиха или отѣкная—пушаетъ по всему тѣлу отѣкъ (опухоль). 9) Желтѣя (желтуха, желтуница): эта желтитъ челоуѣка, «аки цвѣтъ въ полѣ». 10) Коркуша или корчѣя (спорчѣя)—ручныя и ножныя жи-

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свид., II, пол. I, стр. XXVII; пол. II, 48-49, въ отдѣлѣ свѣси; Правосл. Собес. 1859, IV, 475. — ²⁾ Отъ reiten, ибо она задитъ на челоуѣкъ, какъ мара. — ³⁾ D. Myth., 1107. — ⁴⁾ Ibid., 1106-8. — ⁵⁾ О. З. 1853, VIII, явостр. литер., 80. — ⁶⁾ Обл. Сл., 180, 218, 322.

лы сводить, т. е. корчить. 11) Глядѣя—не даетъ спать больному (=не позволяетъ ему сомкнуть очи, откуда объясняется и данное ей имя); вмѣстѣ съ нею приступаютъ къ чело-
вѣку бѣсы и сводятъ его съ ума. 12) Огнеястра и Невѣя—испорченное стар. нава—смерть или навье — мертвецъ, что служитъ новымъ подтвержденіемъ мнѣической связи демоновъ-болѣзней съ тѣнями усопшихъ. Невѣя (мертвящая) — всѣмъ лихорадкамъ сестра старѣйшая, пласавица, ради которой отсѣчена была голова Іоанну Предтечи; она всѣхъ прокляте, и если вселится въ чело-
вѣка—онъ уже не избѣгнетъ смерти. Въ замѣну этихъ именъ ставятъ еще слѣдующія: сухота (сухѣя), отъ которой иссыхаетъ больной, какъ дре-
во, зѣвота, блевота, потягота, сонная, блѣдная, легкая, вешняя, листопадная (т. е. осенняя), водяная и синяя (старинный эпитетъ огня и молніи). Ясно, что съ лихорадками народъ соединяетъ болѣе широкое понятіе, нежели какое признаетъ за ними ученая медицина; къ разряду этихъ мнѣическихъ сестеръ онъ относитъ и другіе недуги, какъ наприм. горячку, сухотку, разлитіе желчи и проч.: знакъ, что въ древнѣйшую эпоху имя «лихорадки», согласно съ буквальнымъ его значеніемъ, прилагалось ко всякой вообще болѣз-
ни. Тождество внѣшнихъ признаковъ и ощущеній, порождаемыхъ различными недугами, заставляло давать имъ одинаковыя или сходныя по корню названія, и такимъ образомъ смѣшивавъ ихъ въ одно общее представленіе злыхъ, демоническихъ силъ; сравни: огнея—лихорадка и горячка, называемая въ простонародьи огневицею и палачкою; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, вмѣсто сестеръ-трясавицъ, рассказываютъ о двѣнадцати безобразныхъ старухахъ—горячкахъ; огники—красная сыць по тѣлу, золотуха—въ областныхъ говорахъ огника (огница) и красуха, и жогоа—боль подъ ложечкою; у нѣмцевъ корь—götheln, рожа—

rose, rothlauf. Эпитеты: красный, желтый, золотой из-старин служили для обозначенія огня, и въ заговорахъ лихорадка называется не только желтухою, но и златеницею (I, 203—6). Сухота—имя, свидѣтельствующее о внутреннеи жарѣ, сближаетъ одну изъ лихорадокъ съ сухоткою; у сербовъ суха болест, сушица — dörrsucht ¹⁾; бѣлоруссы называютъ чахотку—сухоты. Вслѣдъ за приведеннымъ нами сказаніемъ о встрѣчѣ отца Сисинія съ лихорадкой ^{свѣдѣн; меже; болест; рожь; болесту} предлагается самое заклятіе: «во имя Отца и Сына и св. Духа, окаянныя трасавицы! заклинаю васъ святымъ отцемъ Сисиніемъ, Михаиломъ-архангеломъ и четырьмя евангелистами: побѣгите отъ раба божія (имярекъ) за три дни, за три поприща; аще не побѣжите отъ раба божія, то призову на васъ великаго апостола Сисинія, Михаила-архангела и четырехъ евангелистовъ Луку, Марка, Маттея, Іоанна, и учнутъ васъ мучити, даючи вамъ по триста ²⁾ ранъ на день.» Къ этой угрозы нныя списки прибавляютъ, куда именно должны удалиться злобныя жены: «подите вы въ темныя лѣса, на гнилыя колоды» или «въ мѣста пусты и безводны.» Заговоръ долженъ быть прочтаны священникомъ, и затѣмъ больному даютъ испить воды со креста, произнося слѣдующія слова: «крестъ—христіаномъ хранитель, крестъ—ангеломъ слава, крестъ—царемъ держава, крестъ—недугомъ, бѣсомъ и трасавицемъ прогонитель, крестъ—рабу божію (имярекъ) огражденіе!» ³⁾ Для сличенія приводимъ текстъ заговора, записанный въ сборникѣ Сахарова: «на горахъ Афон-

¹⁾ Срп. рјечник, 727. — ²⁾ Вар. по три тысячи. — ³⁾ Рѣчь г. Буслаева о нар. поэзи въ древней русск. литер., 38-39; Вѣст. Р. Г. О. 1859, VIII, 153-5; Пермск. Сборн., II, прилож., стр. XXXVI—VII; Пам. отреч. лит., II, 351-3; Библия для Чт. 1848, IX, ст. Гуляева, 51-52; Лѣт. рус. лит., т IV, отд. 3, 79-80; Архивъ вѣст.-юр. свѣд., II, въ отд. свѣси, 56-57.

скихъ стоитъ дубъ мокрецкой, подъ тѣмъ дубомъ сидятъ тридесять старцевъ сосарцемъ Пафнутиемъ. Идутъ къ нимъ двѣнадесять дѣвицъ простоволосыхъ, простопопыхъ. И рече старецъ Пафнутіи съ тринадцатю старцами: кто сіи къ намъ идоша? И рече (рекутъ) ему двѣнадесять дѣвицы: есмь мы царя Ирода дщери, идемъ на весь міръ кости знобить, тѣло мучить. И рече старецъ Пафнутіи своимъ старцамъ: слошите по три прута, тѣмъ станемъ ихъ бити по три зори утреннихъ, по три зори вечернихъ. Взмолишася двѣнадесять дѣвъ къ тринадцатю старцамъ со старцемъ Пафнутиемъ, и не почтоже бысть ихъ можба! И начаша ихъ старцы бити, глаголя: ой вы еси двѣнадесять дѣвицы! будьте вы тресуницы, водяницы — разслабленныя и живите на водѣ-студеницѣ, въ міръ не ходите, кости не знобите, тѣла не мучьте... Заговариваю я раба (такого-то) отъ изсушенія лихорадки. Будьте вы прокляты двѣнадесять дѣвицъ въ тартарары, отыдите отъ раба (внярекъ) въ лѣса темныя, на древа сухія.» Въ другихъ заговорахъ злые недуги съ принедугами и полунедугами отсылаются въ океанъ-море, въ бездны преисподнія, въ котлы кипучіе, въ жаръ палючій, въ сѣру горючую, въ тьму кромешную, т. е. въ адъ. Колючку грозить закланнатель заключить въ нѣдра земли, свербежъ утопить въ горячей водѣ, стрѣльбу залить кипучей смолою, огневицу заморозить крещенскими морозами, ломоть сокрушить о камень, и т. дал. ¹⁾ Малороссійскіе заговоры гонять лихоманокъ и другія болести въ дебри, болота и пустыни безлюдныя: «вамъ, уроки, у раба божого не стояты, жовтой кости не ломаты, червоной крови не пыты, сердца его не нудыты, билого тѣла не сушыты; вамъ идты на мха, на темныя луга, на густые очерета, на сухіе лѣса!» —

¹⁾ Сахаров., I. 24-25, 28-31.

«Пидать соби, уроки, на яры, на леса дремучи, на степы степучи, дѣ гласъ чоловичый не заходыть, дѣ пивни не снивають.»— «Чи ти гнетуха, чи ти трясуха, чи ти водана, чи ти ветрова, чи ти вихрова... буду я тоби лице заливати, буду тоби очи выпикатѣи, буду тебе молитвами заклинати, буду съ христьянскѣй вири висилати. Пиди соби, дѣ собаки не брешуть, дѣ кури не поють, дѣ христьянскѣй голосъ не ходѣ»¹⁾. Чешское заклятіе XIII-го вѣка посылаетъ нечистую силу (*siemě proklate*) въ пустыни— «*na púšči jděte, anikomu neškod'te*». Въ настоящее время чехи прибѣгаютъ къ такимъ формуламъ: «*já vyháním oubutě (сухотку) z tvého těla do moře — vodu přelévati a písek přesejpati, kosti nelámati a žily neškubati, a krev necucati a maso netrhati, a přirozenimu pokoj dáti*.»— «*Letěly tři střelci, zastavili jsou se v mé hlavě, v mých uších, v mých zubech, a já je zaklínám*» во имя Отца и Сына и св. Духа: если вы съ вѣтру — идите на вѣтеръ и ломайте деревья въ густыхъ борахъ, если съ воды—ступайте на воду и крутите песокъ въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ, если со скалъ—идите въ скалы и ломайте камни, а мнѣ, моей головѣ, ушамъ и зубамъ дайте покой.— «*Zaklínám vás, rakostnice—růžovnice, kostnice*»²⁾ do lesa hlubokého, do dubu vysokého, do dřeva stojatého i ležatého; tam sebou mlat'te a tříскеjte, a této osobě pokoj dejte... Jsi li z ouroku, jdi do ohně; jsi li z vody, jdi do moře; v moři vař vodu, počítej písek» (въ морѣ исчерпай воду, сочти песокъ). Подобныя-же заклятія обращаютъ вѣтцы къ эльфамъ; по ихъ мнѣнію, тѣ деревья засыхаютъ, на которыя будетъ передана болѣзнь. Индѣйскій врачъ гналъ лихорадку въ лѣсъ и

¹⁾ Полтав. Г. В. 1846, 38; Пассекъ, II, снѣсъ 20; Пам. стар. рус. литер., III, 167–8. «Поди ты (горловая жаба) на дубъ—на сухое дерево, на которомъ вѣтъ отраслей отыниа и до вѣну». —

²⁾ Рожа и ломъ въ костяхъ.

го ры; повинувась вѣшему слову, водные духи (аисарасы) должны были удалаться въ глубокіе источники и въ деревья ¹⁾. Заговоръ на изгнаніе лихорадокъ, обращенный къ св. Сисинію, упоминается уже въ статьѣ «о книгахъ истинныхъ и ложныхъ»; бѣольшая часть списковъ этой статьи принадлежитъ XVI и XVII столѣтіямъ, а древнѣйшая ея редакція, какая извѣстна нынѣ, найдена въ номоканонѣ XIV-го вѣка. Здѣсь читаемъ: «вопросы Іереміа къ Богородици о недузѣ естественнѣхъ и еже именують трясавици—басни суть Іереміа, поца болгарскаго; глаголетъ бо окаанный сей, яко сѣдѣшу святому Сисинію на горѣ Синаистѣй—и видѣ седмъ жонъ исходящи отъ моря, и ангела Миханла именуеть, и иная изыдоша седмъ ангелъ, седмъ свѣщъ держаше, седмъ ножевъ острящи, еже на соблазнъ людемъ многымъ, и седмъ дщерій Иродовыхъ трясами басньствоваше, свхъ-же ни евангелисты, ни единъ отъ святулъ — седми именоваша, но една, испросившаа главу Предотечеву, о ней-же явѣ есть, яко и та дщи Филиппова, а не Иродова» ²⁾. Это свидѣтельствоуетъ за южнославянское происхождение заговора, вмѣстѣ съ памятниками болгарской письменности, проникло къ намъ и заклятіе противъ лихорадокъ, составленіе котораго приписывается поцу Іереміа. Какъ множество другихъ апокрифическихъ сказаній, такъ и заклятіе Іереміа создалось подъ непосредственнымъ вліяніемъ древне-языческихъ воззрѣній, общихъ болгарамъ со всѣми прочими славянскими племенами, и этотъ-то національный характеръ представленій, занесенныхъ въ «отреченную» молитву, доставилъ ей легкій доступъ въ массы русскаго населенія. Не смотря на христіанскую прииѣсь, въ ней весьма явственны черты такъ

¹⁾ Громаниъ, 149-150, 158-161, 177, 185; D. Myth., 1122-3. Финская пѣсня заклинаеть чуму сокрыться въ твердыя, какъ сталь, горы. — ²⁾ Лѣтоп. занятій Археограф. Коми. 1861, I, 25-27, 39-40.

называемой естественной религіи (религіи природы). Святые и ангелы, наказующіе женъ-лихорадокъ прутьями и ножами, очевидно заступили мѣсто древняго громовника и его спутниковъ, которые разятъ нечистую силу молніями, или выражаясь поэтическииъ языкомъ—бичами, прутьями, палицами, сѣкирами и другимъ острыиъ оружіемъ; потому они возсѣдаютъ на каменномъ столбѣ, т. е. въ грозовомъ облакѣ, ибо камень (скала) и столбъ (башня)—метафоры облаковъ. Изъ различныхъ возрѣній на природу рождались и различныя мнѣніескія представленія: безсмертныя владыки, то помрачающіе небо тучами, посылающіе градъ, стужу и бури, то разгоняющіе демоновъ мрака и дарующіе свѣтлые дни, являлись народному воображенію не только грозными карателями людей и животныхъ, метателями моровыхъ стрѣлъ, но и богами-спасителями (storm-gods), силою которыхъ прогоняются злыя недуги. Такъ Индра исцѣляетъ отъ накожныхъ болѣзней и червей, а Тунаръ гонитъ изъ тѣла wîgshæg, т. е. мучительныхъ эльфовъ ¹⁾. Сестры-лихорадки отождествляются въ заговорѣ съ тѣми стихійными демонами, съ которыми обыкновенно сражался Перунъ: онѣ исходятъ изъ (дождеваго) моря или огненнаго столба (=грозовой тучи), воздымаютъ страшную бурю и разбѣгаются только отъ ударовъ (молніеносныхъ) прутьевъ. «Простоволосыя» и «простопоясыя», т. е. съ длинными распущенными косами и въ легкихъ, свободно-развѣвающихся по вѣтру (неподпоясанныхъ) одеждахъ, онѣ напоминаютъ этими признаками облачныхъ женъ и дѣвъ; сверхъ того, имъ даются и крылья—эмблема быстрого полета облаковъ и вихрей. Выше объяснено, что въ стремительныхъ вихряхъ предки наши усматривали пляску духовъ и нимфъ, и что въ эпоху христіанскую представленіе это было перенесено на Иродіаду, которая славилась

¹⁾ Герман. Mythen, 134-5. Въ русскомъ заговорѣ Христось громомъ отбиваетъ, молоньей ожигаетъ и стрѣлами отстрѣливаетъ" всякіе уроки и недуги—Рыбник., IV, 255.

иногда своими искусными танцами (I, 329). Такое смѣшеніе тѣмъ болѣе понятно, что самъ демоническій змѣй (=сатана) называется въ народныхъ сказкахъ Иродомъ ¹⁾. Въ связи съ этимъ, дѣвы воспаляющихъ и знобящихъ болѣзней были признаны дочерями Ирода и старшая изъ нихъ стала обозначаться именемъ плясавицы. По чешскому повѣрью лихорадки живутъ въ прудахъ и колодцахъ, и потому бываетъ время, когда никто не рѣшается пить оттуда воду. Заболѣвшій лихорадкою идетъ передъ восходомъ солнца къ колодцу и причитываетъ: «studně-studnice! nechod' na mne zimnice; Magia-rap-na zarovída, abys na mne nechodila.» ²⁾ Въ орловской губ. больного купаютъ въ отварѣ липоваго цвѣта, а снятую съ него рубашку онъ долженъ раннимъ утромъ отвести къ рѣкѣ, бросить ее въ воду и промолвить: «матушка-ворогуша! на тебѣ рубашку съ раба божьего (имярекъ), а ты отъ меня откачнись прочь!» Затѣмъ онъ возвращается домой молча и не оглядываясь (сравни стр. 78—79). Согласно съ стихійною природою женъ-лихорадокъ, онѣ прогоняются въ океанъ-море (=небо), въ студенцы и болота (=дождевые источники), въ скалы и горы (=тучи), въ камыши и деревья (=небесныя рощи), въ огонь и вѣтры, словомъ—въ жилища водяныхъ, лѣшихъ, эльфовъ и нечистыхъ духовъ. Не смотря на запретъ статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, въ самой иконописи до конца XVII вѣка было распространено изображеніе двѣнадцати трасавицъ; онѣ представлялись въ видѣ женщинъ и нерѣдко обнаженныя, съ крыльями летучей мыши, такъ какъ эта послѣдняя служила символомъ ночи. Отличительный характеръ каждой изъ нихъ живопись обозначала разными красками: одна лихорадка—вся бѣлая, другія—желтая, красная, синяя, зеленая (=лѣсная) и т. дал. Въ XVII вѣкѣ,

¹⁾ См. Повт. Вов., II, 569. Въ преданіяхъ среднихъ вѣковъ Гольда встречается подъ именами Иродиады и Діаны (D. Myth., 263), и этой послѣдней приписывались припадки паучей. — ²⁾ Громаничъ, 163.

при значительныхъ успѣхахъ техники, эти женскія фигуры отличаются даже нѣкоторымъ благообразіемъ. На верху, въ облакахъ, видны ангелы и между ними одинъ, который направляетъ на трасавицъ копье и хочетъ низвергнуть ихъ въ отверстую пропасть, а на пригоркѣ—колѣнопреклоненный и молящійся св. Сиснній ¹⁾. Чехи противопоставляютъ демонамъ-болѣзнямъ Христа и св. Аполону. Встрѣчаетъ Христосъ psotníky (спазмы и конвульсии) и спрашиваетъ: «kam ty jdeš, psotníku?»—Ja jdu do života té a té osoby—maso jísti, krev pítí, žily trhati, kosti lámati, chut' k jídlu a k pítí brátí, a spraní mu odjímati. Христосъ приказываетъ болѣзни выступить изъ чловѣка, не мучить его ни днемъ, ни ночью, и удалиться въ темные лѣса. Или: chodili střelci-střelice po horách, po krajínách; повстрѣчали св. Аполону, и на вопросъ ея: куда идете?—отвѣчали: идемъ къ такому-то чловѣку мозгъ ѣсти, кровь пить, мясо драти, кости ломати. И рекла имъ Аполон: воротитесь и дайте чловѣку покой ²⁾. Подобныя-же заклатія извѣстны и между другими народами. Я. Гриммъ приводитъ заговоръ, въ которомъ упоминаются семьдесятъ семь pöschen (подъ именемъ pöschen разумѣется бѣсъ падучей болѣзни); «wir wend gohn in das haus des menschen, говорятъ они про свои подвиги, und ihm sein blut saugen, und sein bein nagen, und sein fleisch essen.» Духи эти изгоняются въ сухое дерево: «ich gebeut dir pösch mit allen deinen gesellen, dann mit dir ist der stech (колотье) und der kampf (спазмы) und gespat (?) und geschoss (стрѣльба) und geicht (ломъ) und ge-sicht (сглазъ, изуроченье)...» ³⁾ Грузины провозносятъ слѣдующій заговоръ противъ чесотки: «гой ты, jelo-jelo (—ѣдучій), юродивый, безпріютный! откуда исходишь ты и

¹⁾ Рязь г. Вул. о нар. повѣи въ др. рус. литер., 40. — ²⁾ Чешск. пѣсни Эрбена, 507-9; Громаниъ, 162, 175-6. — ³⁾ D. Myth., 1110.

кудаходишь?—Исхожу я изъ черной скалы, вхожу въ тѣло челоуѣка, обдираю плоть, гложу кости, пью кровь. — Нѣтъ, не позволю тебѣ войти въ челоуѣка; раздроблю тебѣ на мелкія части, брошу въ мѣднѣй котелъ, раскалю его огнемъ и жупеломъ сѣрнымъ. Удались, отвѣжись отъ раба божьего (ширекъ). Аминеъ ¹⁾. На ряду съ заклятіями, обращенными на трясавицъ, индексъ запретныхъ книгъ осуждаетъ также и «лживыя врачевальныя молитвы о нежитѣхъ» ²⁾. Въ одной пергаменной сербской рукописи записано пять заговоровъ противъ нежита или нежитя; изъ нихъ два были сообщены г. Буслаевымъ: а) «Сходещу нежиту «от сухаго (= огненнаго) мора(я) и сходещу Іисусу отъ небесе, и рече ему Іисусъ: камо идиши, нежите? Рече ему нежити: сѣмо иду, господине, въ члвѣчю главу мозга сръчати, челюсти прѣломити, зубы ихъ ронити, шіе ихъ кривити и уши ихъ оглушити, очи ихъ ослабити, носа гугьнати, «крѣве ихъ проліяти, вѣка ихъ исушити, устья ихъ кривити и «удовь ихъ раслаблати, жиль ихъ умртвити, тѣла изъмьждати, «лѣпоту ихъ измѣнити, бѣсомъ мучити е. И рече ему Іисусъ: «обратисе, нежите! иди въ пустую гору и въ пустыну, обрѣти «ту елѣну главу и вселисе въ ню, тѣ бо все тръпять и все «страждеть... иди въ каменіе, тѣ бо все тръпять—зиму и знои «и всѣко плодство, тѣ бо о(тѣ) твари жестоць естъ, въ себѣ дръжати те сильнь естъ. Нежить! да ту имѣи жилище, дондѣже «небо и земля мимоидеть и кончається; отиди отъ раба божіа» (ширекъ).—b) «Святы Михаилъ-Гавриль гредѣше, възьмь же «лѣзнь лукъ и желѣзны стрѣлы, стрѣлати хоте елѣна «и елѣну, и не обрѣте ту елѣна и елѣну, нь обрѣте нижита, иже

¹⁾ Москв. 1852, XIX, соврем. извѣст., 98. — ²⁾ Іоаниъ, экзархъ болгар., 210; Лѣтоп. званій Археогрѣе. Ком. 1861, 39-40: «и о нежитѣхъ, сирѣчь изъ пустыни исходятъ... то все пощъ Іеремиа изглаголаа».

сѣдѣше, камы рацѣивъ ¹⁾); и въпроси его: что ты еси иже сѣдиши, камы рацѣивъ? Отвѣщавъ ему: азъ есмь нежить, иже чловѣче главе рацѣплю и мозыгѣ иеръчу, кровь ему пролѣю. И рече му Михайль-Гавриль: проклетыи проклетыче нежител! сие мозыга сръчи, ни главы рацѣпи, нь(но) иди въ пустую горю и вылѣзи²⁾ въ елѣну главу; та ти есть трыпѣлива трыпѣти что. Аще ли те по семь дни обрѣщу, любо те по сѣку, любо те прострѣлю. И възмолисе нежить: не по сѣци, ни прострѣли мене, да бѣжу въ гору и вылѣзу въ елѣну ³⁾ главу.» ³⁾ Сходство этихъ старинныхъ заговоровъ съ приведенными выше заклинаніями лихорадокъ и другихъ недуговъ очевидно для всякаго: и здѣсь — таже встрѣча благаго божества съ злымъ духомъ болѣзней, тѣже вопросы и отвѣты и тоже изгнаніе демона въ каменные пустыни побѣдоноснымъ оружіемъ громовника. Архистратиги небесныхъ воинствъ поражаютъ нежитя желѣзными стрѣлами (молніями); тѣмъ-же оружіемъ наносятся раны демонашь-болѣзнямъ и по свидѣтельству русскихъ народныхъ заговоровъ: «на окіанѣ-морѣ стоитъ золотъ стулъ, на золотѣ стулѣ сидитъ св. Николай, держитъ золотъ лукъ, натягиваетъ шелковую тетиву, накладываетъ каленую стрѣлу, станетъ уроки и призоры стрѣлять» ⁴⁾. Въ воронежской и владимірской губ., въ случаѣ глазнаго ячменя, подносятъ къ больному мѣсту кукишъ и приговариваютъ: «ячмень, ячмень! на тебѣ кукишъ; что хочешь — то купишь, купи себѣ топорокъ, сруби себя по перѣкь!» ⁵⁾ Существительное нѣжить донынѣ употребляется въ областныхъ говорахъ сѣверной Россіи, какъ собирательное имя нечистой силы: домовыхъ, водяныхъ, русалокъ и проч. ⁶⁾; въ чешскомъ языкѣ nežit — названіе болѣз-
нѣи

¹⁾ Разщеля (расколовъ) камни. — ²⁾ Въ рукописи испорчено: «вылѣзти». — ³⁾ Ист. очер. рус. слов., I, 115-6. — ⁴⁾ Памятн. книжка арханг. губ. на 1864, 15. — ⁵⁾ Труды владим. стат. комит., VI, 84. — ⁶⁾ Годъ на Свѣрѣ, Максимова, I, 78.

ни. Слово это образовалось от глагола жить съ отрицательною частицею не, и по значенію своему прямо соответствует Моранѣ (смерти) и повальнымъ болѣзнямъ, известнымъ у славянъ подъ общимъ названіемъ мора.

Древне-эпическія формулы заговоровъ, призывающіе на демоновъ карающее оружіе бога-громовника, мало-по-малу стали переводиться въ дѣйствіе; въ народной медицинѣ принято сопровождать заговоры различными символическими обрядами, главное назначеніе которыхъ наноситъ болѣзнямъ раны, разитъ ихъ и изгоняетъ изъ человѣческаго тѣла. Захворалъ ли кто утиномъ (боль поясницы), знахарка приказываетъ ему лечь ничкомъ на порогъ избы, т. е. у растворенныхъ дверей, которыми должна удалиться болѣзнь; затѣмъ кладетъ ему на поясницу березовый вѣникъ, и тихо ударяя обухомъ топора или косаремъ по вѣнику, причитываетъ: «сѣку-сѣку, присѣкаю; рублю-рублю, прирубая!»—Что, бабушка, сѣчешь? спрашиваетъ больной. «Утинъ сѣку!»—Сѣки да гораздо, чтобъ не было его! Эти вопросы и отвѣты повторяются до трехъ разъ ¹⁾. Вѣникъ—эмблема вихря, разсѣвающаго вредныя испаренія и туманы. Когда у дѣтей бываетъ «почесуха»—крестьянки парятъ ихъ ольховыми вѣниками, которые потомъ выбрасываютъ на воздухъ, съ приговоромъ: «съ вѣтру пришло, на вѣтеръ и поди!» ²⁾ Ничего такъ не боится куга (олицетвореніе мороваго повѣтрія), какъ метлы и ожога (кочерги, символа громовой палицы ³⁾). Въмѣсто топора, нерѣдко прибѣгаютъ къ помощи зубовъ на основаніи той древней метафоры, которая уподобляла молніи—золотымъ зубамъ, всегда-готовымъ растерзать демона. Такъ страдающіе грызью (ломомъ въ рукахъ и ногахъ) приываютъ къ себѣ мальчика

¹⁾ Эти. Сб., I, 163-4. — ²⁾ Во владимірской губ. больные, снимая съ себя нижнее платье, бросаютъ его въ полночь за окошко на вѣтеръ (Груды влад. стат. ком., VI, 75). — ³⁾ Иличъ, 299.

и заставляють его кусать колѣно больной ноги или локоть руки, при чемъ ведется слѣдующій разговоръ: «что грызешь?» — Грызь грызу.» Грызи да гораздо!» ¹⁾ Отъ сибирской язвы кладутъ на опухоль тряпку и со всѣхъ сторонъ обкусываютъ больное мѣсто ²⁾; ребенку, у котораго разстроены желудокъ, трижды кусаютъ слегка пупокъ ³⁾; отъ головной боли лѣчатъ такъ: наклоняютъ голову больного, обвиваютъ около указательнаго пальца прядь его волосъ и прикусываютъ ихъ зубами у самаго корня ⁴⁾. Чтобы охранить себя отъ порчи, поселене запасаются обломкомъ отъ лезвія косы и носятъ его въ правомъ сапогѣ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ знахари обрѣзываютъ съ рукъ и ногъ больного ногти, кладутъ ихъ въ нарочно-сдѣланное въ яйцѣ отверстие, залѣпливаютъ это отверстие воскомъ и относятъ яйцо въ лѣсъ, съ тайною надеждою, что какая-нибудь хищная птица унесетъ его вмѣстѣ съ болѣзней ⁵⁾; смыслъ обряда — тотъ, что у демона-болѣзни остригаются ея острые когти, и сама она передается во власть крылатаго вихря, который долженъ унести ее въ дальнія, пустынные мѣста ⁶⁾. Убѣжденные, что пламя грозы пожигаетъ нечистую силу, а дождевые ливни смываютъ, топятъ ее, предки наши лѣчили болѣзни огнемъ и водою (см. II, 14-21, 181-191). Какъ скоро почувствуетъ кто-нибудь изъ домашнихъ легкій ознобъ или жаръ, наклонность ко сну, ломоту и потяготу, крестьяне тотчасъ-же черпаютъ ключевую воду, кладутъ въ нее горячія уголья и щепотъ печной золы, дуютъ на воду три раза, мѣшаютъ

¹⁾ Полтав. Г. В. 1846, 26; Пузын., 160; Послов. Даля, 429. —

²⁾ Вибл. для Чт. 1848, IX, 54. — ³⁾ Пассекъ, II, 19 — 20. —

⁴⁾ О. З., т. LVII, смѣсь, 50. — ⁵⁾ Записки Авдѣев., 139 — 140.

⁶⁾ Въ Германіи существовалъ обычай замуровывать чуму въ церковную стѣну или заключать ее въ скважину дерева — обычай, возникшій изъ древнихъ заклятій, изгоняющихъ демона смерти въ камни (скалы) и лѣса — D. Myths, 1135, 1141.

ее остріємъ ножа и читають заговоръ; затѣмъ сбрызгиваютъ больного, смачиваютъ ему грудь, руки, ноги, спину, или даютъ выпить нѣсколько глотковъ ¹⁾. Приготовленная такимъ образомъ вода получаетъ цѣлебныя, живительныя свойства дождя; горячіе уголья знаменуютъ грозное пламя, дунуеніе—вѣтръ, ножъ—громовую сѣкиру. Старинный поэтический языкъ называлъ огонь-молнію раскаленнымъ желѣзомъ, блестящею мѣдью и золотомъ (деньгами), а воду-дождь—виномъ, медомъ, молокомъ и масломъ; въ силу этого возникли разнообразныя врачебныя обряды. Чехи заставляють больныхъ дѣтей глотать во имя св. Троицы три уголька, а чтобы вылѣчить скорбутъ, берутъ воду, въ которой купецъ охлаждалъ горячее желѣзо, намачиваютъ въ ней красный лоскутъ и трутъ имъ дѣсны ²⁾. На Руси раскалываютъ дѣкрасна мѣдный пятакъ, опускають его въ сосудъ съ холодной водою, и воду эту пьютъ по три раза въ день отъ лихорадки. Вмѣстѣ съ цѣлебными травами, нерѣдко кипятятъ въ водѣ золотыя, вѣнчальныя кольца, и потомъ поятъ или обливаютъ ею хвораго. Отъ горячки надѣваютъ на шею больного обручъ, снятый съ ведра, окѣриваютъ его стружками съ этого обруча, поятъ виномъ, настоеннымъ на золѣ, и провозносятъ закліаніе: «во имя Отца и Сына и св. Духа! тетка-баба (=горячка). отойди отъ раба божія (имярекъ).» Когда вино выпито, оставшеюся золою трутъ лице и грудь противъ сердца. Золотое кольцо—символь солнца, поборающаго демоновъ мрака; снятый съ ведра обручъ—знаменіе дождевыхъ сосудовъ, разбиваемыхъ богомъ-громовникомъ. Отъ «криксы» купаютъ дѣтей въ кѣрникѣ на деревянномъ обручѣ ³⁾. Если укуситъ человѣка бѣшеная собака, то стараются добыть клочъ ея шерсти и этою шерстью оку-

¹⁾ Сахаровъ, I, 53; II, 4; О. З. 1848, т. LVI, 202. — ²⁾ Громаннъ, 175. — ³⁾ Этн. Сб., V, бытъ вурск. крестьянъ, 89.

риваютъ нанесенныя ему раны. Бѣшеная собака есть воплощеніе дьявола; подобно тому, какъ небесныя молніи, пожигая облачное руно демоновъ, просвѣтляютъ омраченную ими природу, такъ и сожженная шерсть собаки удаляетъ мучительнаго бѣса и восстанавливаетъ поврежденное здравіе ¹⁾). Произнеся заклятіе, знахари трижды дуютъ на больнаго и сплевываютъ въ сторону. Слюна здѣсь—символь живой воды (дожда), точно также, какъ обдуваніе больнаго—символь вѣтра. Если слову человѣческому и слюня дана власть прогонять нечистыхъ духовъ, уроки и недуги, то естественно, что языкъ, какъ орудіе слова и метафора молніи (I, 728), долженъ былъ получить чародѣйную силу слизывать всякую хворь. И дѣйствительно знахари, умывая больнаго «наговорной» водою, лижутъ ему лицо до трехъ разъ, и за каждымъ разомъ сплевываютъ на землю, т. е. сбрасываютъ, вмѣстѣ съ слюною, слизанную языкомъ болѣзнь ²⁾). Въ саратовской губ. противъ лихорадки призывается помощь богини Зори: «Зоря-Зоряница, красная дѣвица! избавь раба божія (имярекъ) отъ жатухи, отъ знобухи, отъ летучки, отъ гнетучки, отъ всѣхъ двѣнадцати дѣвиць-трясавиць.» Великъ за произнесеніемъ этого заговора, слизываютъ недугъ крестообразно со лба, подбородка и щекъ больнаго и сплевываютъ на землю ³⁾). Нерѣдко слова лѣчебнаго заклятія сопровождаются очерчиваніемъ около больнаго круговой черты, дабы злой духъ болѣзни не могъ переступить за этотъ зачарованный кругъ ⁴⁾). Народныя заговоры сдѣлаются для насъ вполне понятными только тогда, когда будутъ разгаданы и объяснены всѣ древнѣйшія метафоры, на которыхъ зиждется ихъ цѣлебное значеніе. Вотъ, на примѣръ, заговоръ отъ болѣзни усоей, любопытный по своимъ именованіямъ: «Есть

¹⁾ Громанъ, 184. — ²⁾ Абав., 235. — ³⁾ Саратов. Г. В. 1850, 26. — ⁴⁾ Киевлянинъ 1865, 69. .

море золото, на золотѣ морѣ золото древо, на золотѣ дровѣ золоты птицы-носы и ногти желѣзные, деруть-волочатъ отъ раба божія (усови) на мхи-на болота. Есть море золото, на золотѣ морѣ бѣлъ камень, на бѣлѣ камени сидитъ красная дѣвица съ палицею желѣзною, тепеть, обороняетъ, отлучаетъ отъ раба божія усови на мхи-на болота. Есть море золото, на золотѣ морѣ золотѣ корабль, на золотѣ кораблѣ ѣдетъ святыи Николай, отворяетъ морскую глубину, поднимаетъ желѣзные врата, а залучаетъ отъ раба божія усови аду въ челюсти.» ¹⁾ Злой духъ болѣзни прогоняется во мхи-болота и въ адъ. Море—поэтическое названіе неба; эпитетъ «золотой», данный этому морю, означаетъ: свѣтлый, озаренный лучами солнца. Дерево и корабль — метафоры тучи, бѣлъ камень—метафора солнца. На деревѣ-тучѣ сидятъ золотыя птицы съ желѣзными когтями и клювами, т. е. молніи, острыми стрѣлами которыхъ и разитя нечистая сила болѣзни; подобно тому на солнцевомъ камнѣ возсѣдаетъ красная дѣвица Зоря, богиня весеннихъ грозъ и плодородія, и гонитъ демона желѣзною палицею; а на кораблѣ облакѣ плыветъ Николай-угодникъ, замѣняющій собой Перуна: онъ отворяетъ морскую глубину (=дождевыя тучи) и низвергаетъ демона въ челюсти ада. Итакъ изгнаніе болѣзни совершается при содѣйствіи громовника; какъ обновитель природы, побѣдоносный врагъ зимы—смерти и творецъ весенней жизни, онъ ищѣляетъ и всѣ недуги ²⁾).

¹⁾ Истор. Христом. Буслаев., 1353. — ²⁾ Изъ всего сказаннаго понятно, почему такъ долго удерживается въ массахъ простаго народа довѣріе къ знахарямъ и ихъ врачевнымъ пособіямъ и отвращеніе отъ научной медицины. За первыхъ стоятъ исконныя преданія, крѣпко-сросшіяся съ роднымъ словомъ, а слѣдовательно и съ самыми убѣжденіями человѣка. До сихъ поръ поселяне охотнѣе прибѣгаютъ къ помощи своихъ знахарей и ворожеекъ, а дѣ-

Повальные болѣзни, отъ которыхъ гибнутъ цѣлыя поколѣнія людей и животныхъ, отождествлялись въ языкѣ и вѣрованіяхъ съ представленіемъ Смерти: измереть—въ областномъ словарѣ: исхудать, исчахнуть, подмереть—завянуть, засохнуть, отошеть, замирать — захворать, морной — тощей (заморенной), морная корова — падежь рогатого скота, помора — отравы; пропадать — болѣть, чахнуть, пропадіна или пропастіна — мертвечина, стерво, прѣпасть — адская бездна, погибель, смерть и гнѣущій трупъ ¹⁾. Германцы эпидеміямъ давали названія: *der grosse töd*, сканд. *svarti daudhi*, дат. *sorte död* = *der schwarze tod*, а славяне: черная смерть или немочь. Когда туманныя испаренія и гвѣущая духота зноя отравляютъ воздухъ — внезапно появляется зараза, и направляя путь свой чрезъ населенныя мѣстности, похищаетъ жертвы за жертвами. Въ качествѣ богини Смерти и согласно съ грамматическимъ родомъ присвоенныхъ ей названій, зараза олицетворяется въ образѣ мнѣческой жены; лат. *pestis, lues*, нѣм. *die pest*, серб. *куга* (сравни ниже- и выше-нѣм. *koghe*,

карства, даваемые официальными врачами, называютъ „погаными“. Въвѣствъ съ этимъ, приведенныя свѣдѣнія убѣдительно доказываютъ, какъ несостоятельна, ничтожна и часто положительно-вредна народная медицина: лѣчить глаза искрами огня, заставлятъ отъ воспалительныхъ болѣзней вѣтъ сусальское золото (I, 204—6), сажать ребенка въ жарко-натопленную печь и тому подобныя средства, конечно, не могутъ быть признаны за полезныя. Нельзя отвергать, что заварямъ доступны нѣкоторыя званія цѣлебныхъ травъ, кореньевъ и другихъ сладобій, на которыя случайно набрелъ наблюдательный умъ нашихъ предковъ; но объемъ этихъ званій весьма ограниченъ и притомъ они такъ спутаны съ многочисленными суевѣрїями. что намъ вѣжется совершенно-неумѣстномъ то навязное сожалѣніе о расколѣ, существующемъ между ученою и народною медициною, какое еще недавно высказывалось представителями такъ называемой „русской науки“. — ¹⁾ Обл. Сл., 64, 74, 116, 164, 169, 181, 208.

koge) и мѳрија, рус. чума (džuma), язва, свирѳпица (черниг. губ.) — женскаго рода, и хотя, рядомъ съ этими названіями, у насъ, чеховъ и поляковъ употребляется еще слово моръ (литов. moga, лѳт. mehris), но въ поэтическихъ сказаніяхъ оно уступаетъ женскимъ формамъ. Завися отъ воздушныхъ перемѣнъ и климатическихъ условій, морвая язва, какъ и другія болѳзни, признавалась существомъ стихійнымъ, шествующимъ въ вихряхъ («повѳтріе») и владѳющимъ огненными, молніеносными стрѳлами. По указанію народнаго повѳрья, приведеннаго Я. Гриммомъ, она несется какъ синеватый паръ въ видѳ облака — «als blauer dunst in gestalt einer wolke». ¹⁾ Свидѳтельство Гомера о моровыхъ стрѳлахъ Аполлона совпадаетъ съ славянскими преданіями: общепринятая въ русскомъ языкѳ названія зараза (отъ разить) и язва указываютъ на раны, наносимыя острыми оружіемъ болѳзни; кроаты представляютъ чуму (гиргу) злою фуріей, легкою какъ молнія ²⁾; по рассказамъ болгаръ, она — вѳчно-озлобленная, черная жена, посылающая на людей и животныхъ огненныя, ядовитыя стрѳлы. Создавши ее, Христосъ сказалъ: «види и мори человѳческій родъ; а чтобы ты не страшилась никого—даю тебѳ лукъ и стрѳлы». Болгары видятъ въ ней существо, родственное съ облачными дѳвами, и называютъ ее чума-самодива или юдасамовила; самодивы и самовилы соотвѳтствуютъ вѳмецкимъ эльфамъ, и подобно имъ, различаются на добрыхъ и злыхъ (свѳтлыхъ и темныхъ). Приближаясь къ городу или деревнѳ, Чума точитъ свои стрѳлы, и кому случится на ту пору выйти въ поле — въ того и стрѳляетъ; а затѳмъ уже входитъ въ самое село или городъ. Отъ того первые заболѳвающіе страшнымъ недугомъ бываютъ пріѳзжіе и странники. На-

¹⁾ D. Myth., 1133-4. — ²⁾ Вѳст. Евр. 1819, XIII, 47.

равнѣ съ эльфами и вѣдьмами, Чума можетъ оборачиваться кошкою, лошадыю, коровою, птицею и клубкомъ пряжи; гдѣ она покажется—тамъ начинаютъ выть собаки, туда прилетаетъ воронъ или филинъ, и сядя на кровлю, крикомъ своимъ предвѣщаетъ бѣду ¹⁾. Чехи и малоруссы рассказываютъ, что Смерть, принимая видъ кошки, царапается въ окно, и тотъ, кто увидитъ ее и впустить въ избу, долженъ умереть въ самое короткое время ²⁾. Южные славяне увѣряютъ, что во время чумы пѣтухи хрипнутъ и замолкаютъ, а собаки теряютъ способность лаять и только ворчатъ и съ визгомъ бросаются на ужасную гостью. Одинъ крестьянинъ спалъ на стогу сѣна; пробужденный шумомъ, онъ увидѣлъ огромную женщину, въ бѣлой одеждѣ (= въ саванѣ), съ растрепанными волосами, которая бѣжала отъ стаи собакъ; она вскочила на лѣстницу, приставленную къ стогу, и стала дразнить собакъ ногою. Крестьянинъ узналъ Чуму, подкрался сзади и столкнулъ ее съ лѣстницы; Чума погрозила ему пальцемъ и исчезла, и хотя онъ остался въ живыхъ, но съ той самой минуты безпрестанно дергалъ ногою ³⁾. Выше (I, 298-301, 519) было объяснено, что громовые раскаты уподоблялись крику пѣтуха и колокольному звону, и что вслѣдствіе этихъ метафоръ пѣтухъ возгласомъ своимъ прогоняетъ нечистую силу, а отъ звона колоколовъ разсѣваются темныя тучи ⁴⁾ и устрашенные демоны, эльфы и вѣдьмы спѣшатъ сокрыться въ дальнія страны. Вѣстѣ съ этимъ пѣтушій крикъ и колокольный звонъ признаны были за цѣлебное средство противъ болѣзней, особенно противъ лома въ рукахъ, падучей, холеры и вообще

¹⁾ Сообщено г. Каравеловымъ. — ²⁾ Громанъ, 186. — ³⁾ Пов. и пред., 86-87, 177. — ⁴⁾ Въ 1576 г. звонил на Моравѣ „proci ptasny“; дьяволъ схватилъ звонаря и три дня носилъ его въ вихрѣ — Ганушъ о Дѣдѣ и Бабѣ, 53.

всякаго повѣтрія; «я слышу (читаемъ въ чешскомъ заговорѣ) — звучатъ колокола, поютъ св. ангелы, и ты, гѣже, должна удалиться!» ¹⁾ Сверхъ того, въ завываніи грозовой бури арійскія племена слышали лай небесныхъ псовъ, сопутствующихъ богу громовъ и вихрей въ его дикой охотѣ; по народному убѣжденію собака одарена чрезвычайно-тонкимъ чутьемъ и острымъ зрѣніемъ: она узнаетъ присутствіе нечистыхъ духовъ, чувствуетъ приближеніе Чумы и Смерти и кидается на нихъ, какъ вѣрный стражъ домохозяина и его семьи (сравни I, 733—4). Когда собака воетъ — это считается знакомъ, что она видитъ Смерть. Отсюда возникли повѣрья, что Чума боится собакъ ²⁾, что у пѣтуховъ она отымаетъ голосъ и вырываетъ хвосты, и что тамъ, гдѣ владычествуетъ нечистая сила смерти—зараза, уже не раздаются ни пѣтушиный крикъ, ни собачій лай; согласно съ этимъ, вышеприведенные малорусскіе заговоры отсылаютъ сестеръ-лихорадокъ и другія болѣзни въ тѣ пустынные страны, гдѣ не слышится ни пѣнія пѣтуховъ, ни лая собакъ, ни церковнаго звона, т. е. собственно въ царство тучъ, оцѣпененныхъ холоднымъ дыханіемъ зимы (= въ вертепы сѣвернаго ада). Рассказываютъ также, что Чума не любитъ кошекъ и при удобномъ случаѣ убиваетъ ихъ; эта враждебность объясняется страхомъ передъ богиней Фреею, которая выѣзжала на кошкахъ, участвовала въ дикой охотѣ и поборала демоновъ. Въ давнее время, по словамъ болгаръ, кошка была старшею сестрою Чумы и часто била ее; теперь же, при появленіи моровой язвы, кошки прячутся отъ нея въ пѣчахъ ³⁾. Любопытно, что чехи, для излѣченія дѣтей отъ сухотки, купаютъ ихъ въ ключевой водѣ, вмѣстѣ съ собакою или кошкою ⁴⁾. Въ большей час-

¹⁾ Громаниъ, 15, 39, 158; Beiträge zur D. Myth., II, 299. —

²⁾ Срп. рјечник. 311. — ³⁾ Сообщ. г. Каравеловымъ. — ⁴⁾ Громаниъ, 179.

ти земель, заселенныхъ славяно-литовскимъ племенемъ, моровая язва олицетворяется женщиною огромнаго роста (иногда на ходуляхъ), съ распущенными косами и въ бѣлой одеждѣ; она разбѣзжаетъ по свѣту въ повозкѣ или заста-вляеть какого-нибудь человѣка носить себя по городамъ и се-ламъ; своею костлявою рукою она вѣетъ на всѣ на четыре стороны краснымъ (кровоавымъ) или огненнымъ платкомъ — и вслѣдъ за взмахомъ ея платка все кругомъ выми-раеть. Былъ жаркой день; русинъ сидѣлъ подъ деревомъ. Приблизилась къ нему высокая женщина, закутанная въ бѣ-лое покрывало. «Слыхалъ ли ты про Моровую язву? сказала она; это — я сама. Возьми меня на плечи и обнеси по всей Руси; не минуи ни одного села, ни города; я должна вездѣ заглянуть. Кругомъ тебя будутъ падать мертвые, но ты оста-нешься невредимъ.» Затѣмъ она обвилась длинными, исхудалыми руками вокругъ шеи русина, и бѣднякъ пошелъ съ сво-ею страшною ношею, не чувствуя ни малѣйшей тяжести. На пути лежало мѣстечко, гдѣ раздавалась музыка и весело, без-заботно пировалъ народъ; но Чума повѣяла своею хусткою — и веселье исчезло: стали рыть могилы, носить гробы, кладби-ще и улицы наполнились трупами. Гдѣ ни проходилъ русинъ, всюду богатые города и деревни превращались въ пустыни; блѣдые, дрожащiе отъ страха жители разбѣгались изъ домовъ и въ мучительныхъ страданiяхъ умирали въ лѣсахъ, поляхъ и по дорогамъ. Наконецъ добрался онъ до своего роднаго села; здѣсь проживали его старушка-мать, любимая жена и малыя дѣти. Отчаянье и жалость овладѣли душою несчастнаго; онъ рѣшился утопить и себя и Чуму, ухватилъ ее за руки, и обойдя село, бросился вмѣстѣ съ нею съ крутаго берега въ волны Прута; самъ онъ утонулъ, но Моровая язва не могла погибнуть: съ легкостью стихiйнаго существа она поднялась изъ воды и, напуганная отважною смѣлостью человѣка, убѣ-

жала въ лѣсистыя горы ¹⁾. На Украинѣ существуетъ клятва: «а щобъ на васъ чума насѣла!» ²⁾ Луницкая Smertnica (богиня смерти) ходитъ по деревнямъ въ бѣдомъ платъѣ, и куда бы не направила свои стопы — тамъ непременно кто-нибудь умираетъ ³⁾; чехи называютъ ее Smrtnice, Smrtná žena: она облачается въ бѣлую или черную одежду, голову покрываетъ шляпою съ бѣлымъ перомъ, и бродитъ подь окнами дома, гдѣ въ скоромъ времени долженъ быть покойникъ ⁴⁾. По сказаніямъ сербовъ, Куга — «жива жена завѣшена биѣломъ марамомъ»; есть преданіе, что у ней козьи ноги. Блуждая по вечерамъ отъ одной избы къ другой, она останавливается подь окнами и пускаетъ внутрь жилья свой злочестивый духъ, отчего и погибаетъ все семейство. Многіе видѣли ее собственными очами, а нѣкоторымъ случалось носить ее. Встрѣтивъ человека на дорогѣ или въ полѣ, а иногда являясь къ нему въ ябѣ, она говоритъ: «я самъ Куга, веѣ хайде да ме носишъ тамо и тамо!» За такую услугу она обѣщается пощадить какъ его самого, такъ и всѣхъ близкихъ ему родичей. Тотъ, кто носитъ Кугу, или вовсе не чувствуетъ усталости, или изнемогаетъ подь тяжелымъ, сильно-гнетущимъ бременемъ ⁵⁾. Таже басня известна и въ Бретани: въ одной пѣснѣ разсказывается о мельникѣ, который перевѣзъ на конѣ черезъ рѣку бѣлую женщину, а по другому варианту — онъ перенѣсъ ее на собственныхъ плечахъ. «Знаешь ли ты кого перевѣзъ?» спросила она; я—Чума. Мой обходъ по Бретани оканчивается; теперь я пойду въ церковь, и кого только коснется мой посохъ—

¹⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 110; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. I, ст. Калачова, 45; Пов. и Прел., 83-85, 176; Ж. М. Н. П. 1836, VI, 464-5. — ²⁾ Номис., 73. — ³⁾ Volkslieder der Wenden, II, 268. — ⁴⁾ Громанъ, 6, 186. — ⁵⁾ Срп. рјечник, 311; Иличъ, 299—300.

тотъ немедленно долженъ умереть, но ты не бойся! тебѣ и твоей матери я не сдѣлаю никакого вреда». Слова эти оправдались на дѣлѣ: всѣ обыватели померли, исключая двухъ — старой вдовы и ея сына ¹⁾). Припомнимъ, что духи болѣзней ѣздятъ навсѣей жертвѣ и что, по свидѣтельству сказки, Богъ осудилъ нѣкогда солдата носить на плечахъ голодную Смерть (стр. 51). Въ Литвѣ чуму и вообще всякую повальную болѣзнь называютъ Моровой дѣвою; показываясь въ деревнѣ, она обходитъ дома, просовываетъ руку въ окно или дверь и махаетъ краснымъ платкомъ, навѣвая на хозяевъ и домочадцевъ смертельную заразу. При ея появленіи, жители запираются въ своихъ избахъ, не открываютъ ни оконъ, ни дверей, и только совершенный недостатокъ припасовъ и голодъ заставляютъ ихъ нарушать эту предосторожность. Въ старые годы жилъ-былъ шляхтичъ; рѣшившись пожертвовать собою для общаго блага, онъ взялъ саблю и сѣлъ у нарочно-открытаго окна; какъ только Моровая дѣва протянула въ окно руку, шляхтичъ ударилъ саблею и отрубилъ ей кисть. Самъ онъ умеръ, померло и его семейство, но съ той поры язва уже не показывалась въ этой мѣстности. Подобное-же преданіе уцѣлѣло и въ памяти русскаго народа: храбрый казакъ отрубилъ руку вѣдьмы, которая дѣйствовала также губительно, какъ моровая язва; въ глухую полночь являлась она вся въ бѣломъ, отворяла окно избы, просовывала руку съ кропиломъ и начинала кропить въ разныя стороны, а къ утру вымирала вся семья. Въ нижне-нѣмецкой сатѣ Смерть заглядываетъ въ окно, и на кого упадутъ ея взоры — тотъ дѣлается добычею могилы ²⁾). Рассказываютъ еще, будто Моровая дѣва, одѣтая въ бѣлое платье, объѣзжаетъ города и села на высокой колесницѣ; останавливаясь передъ домомъ, она

¹⁾ D. Myth., 1136—7. — ²⁾ Ibid., 1141; Н. Р. Сж., VII, 36. а.

махаетъ платкомъ и спрашиваетъ: «что дѣлаете?» Если ей отвѣчаютъ: «Бога хвалимъ!» — то она не касается никого изъ живущихъ и ѣдетъ далѣе, произнося угрюмымъ голосомъ: «хвалите Его присно и во вѣки вѣковъ!» А если на вопросъ Моровой дѣвы скажутъ: «спимъ!» — то она нарекаетъ смертный приговоръ: «спите-же вѣчнымъ сномъ!»¹⁾ Въ этихъ суевѣрныхъ сказаніяхъ поселянъ Мицкевичъ угадалъ свѣжія, никогда-нестарѣющія поэтическія краски, и съ талантомъ истиннаго художника воспользовался ими въ слѣдующихъ стихахъ: *Mogowa dziewczica*

w bieliznie, z wiankiem ognistym na skroniach,
czoljem przenosi bialjowieskie drzewa,
a w ręku chustką skrwawioną powiewa.
Dziewica stąpa kroki zljowieszczemi
na siolja, zamki i bogate miasta;
a ile razy krwawą chustką skinie,
tyle palaców zmienia się w pustynie;
gdzie nogą stąpi, świeży grób wyrasta.

У Гримма указана литовская клятва: «kad tawę Giltine pasmaugt!» — чтобъ тебя Чума удушила!²⁾ По своему стихійному характеру, богиня смерти и Чума роднятся въ преданіяхъ литовцевъ съ облачной женою — лаумой, о которой увѣряютъ, что она рядится въ различныя одежды: если лаума надѣваетъ зеленое платье — это предвѣщаетъ хорошій урожай — роскошную зелень на лугахъ и нивахъ; если она показывается въ красномъ платьѣ — это предвѣщаетъ жестокую войну — убійства и пролитіе крови, а если въ черномъ — это знаменуетъ приближеніе голода и мора³⁾. Поляки увѣряютъ, что Моровая дѣва разъѣзжаетъ въ дву-колесной повозкѣ⁴⁾; а лужичане рассказываютъ о невидимой колесницѣ, которая съ грохотомъ носится по улицамъ въ двѣнадцать ча-

¹⁾ Семеньск., 126-7; Иллюстр. 1848, № 28. — ²⁾ D. Myth., 1137. — ³⁾ Москв. 1846, XI—XII, 249. — ⁴⁾ Пов. и пред., 177.

совъ ночи, и въ томъ домѣ, возлѣ котораго она остановится, непременно кто-нибудь да сдѣлается добычею смерти ¹⁾. Поѣздъ Чумы въ Подолиі называютъ гѣминь ²⁾ — слово, означающее: громкій говоръ, неистовые звуки, шумъ, завываніе бури ³⁾. Потерявъ во время моровой язвы жену и дѣтей, русинъ покинулъ свою хату и ушелъ въ лѣсъ; къ вечеру онъ развелъ огонь, помолился Богу и заснулъ. Въ самую полночь его разбудилъ страшный шумъ: издали неслись нестройные, дикіе клики, слышались дудки и звонъ бубенчиковъ. Голоса приближались, и вскорѣ видно было, что по дорогѣ тянется гоминь. На высокой черной колесницѣ ѣхала Чума, сопровождаемая толпою чудовищъ, стаею совъ и нетопырей. Свита ея съ каждымъ шагомъ болѣе и болѣе умножалась, потому что все, что ни попадалось на пути, даже камни и деревья превращались въ чудовищныя привидѣнія и приставали къ поѣзду. Когда гоминь поровнялся съ разведеннымъ костромъ, Чума затянула адскую пѣсню. Подолянинъ хотѣлъ было съ испугу ударить въ ближайшее къ нему привидѣніе топоромъ, но и топоръ вырвался изъ его рукъ, превратился въ живое существо на козлихъ ногахъ и понесся вслѣдъ за демонскимъ сборищемъ. Подолянинъ упалъ безъ чувствъ, и когда очнулся — на небѣ уже сіяло солнце; платье его было изорвано въ лохкутья, а топоръ лежалъ переломленный ⁴⁾. Такимъ образомъ Чума, подобно древнимъ богинямъ, возсѣдаетъ на колесницѣ, и поѣздъ ея сопровождается бурей и привидѣніями, т. е. злыми духами и тѣнями усопшихъ — точно также, какъ, по германскому преданію, Одинъ — богъ, посылающій

¹⁾ Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 329—330. — ²⁾ Гомонъ = гомъ, гамъ. — ³⁾ Пѣсня: „Гоминъ, гоминъ по дуброви, Туманъ поле покрывае“. — ⁴⁾ Семеньск., 144-5; Эрбенъ, 126-7; Пов. и пред., 88—90, 178.

кой человекъ бываетъ одержимъ по ночамъ разными недугами, и если разбудить его прежде, чѣмъ окончатся начатыя мѣки, то онъ навѣрно захвораетъ тою болѣзною, какою былъ угнетаемъ во снѣ. Отъ того крестьяне не рѣшаются будить своихъ товарищей на утренней зорѣ ¹⁾. Лѣтописецъ сообщаетъ подѣ 1092 годомъ любопытное свидѣтельство о бѣсахъ, поражавшихъ смертію полочанъ: [«предивно бысть Полотскѣ: въ мечтѣ ны бываше, въ ноши тутѣнь станяше по улицы, яко человекѣи рищюще бѣси; аще кто вылѣзаше изъ хоромины, хотя видѣти, абые уязвленъ бѣдѣше (вар. бѣше), невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху, и не смяху излазити изъ хоромъ. Посемъ-же начаша въ дне (~~вар. во дни~~) являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта, и тако уязвляху люди полотскыя и его (~~вар. ихъ~~) область; тѣмъ и человекѣи глаголаху: яко навѣе (мертвѣцы) бьютъ полочаны.» ²⁾ Итакъ въ этихъ смертоносныхъ бѣсахъ, незримо-рыскающихъ на коняхъ, современники признавали существа эльфическія—души усопшихъ, о которыхъ нѣмецкія саги разсказываютъ, какъ о спутникахъ Одина въ его воздушныхъ поѣздахъ. Въ означенныхъ вѣрованіяхъ кроется основа той лингвистической связи, какую замѣчаемъ въ ниже-слѣдующихъ рѣченіяхъ: народъ называетъ покойниковъ родителями и употребляетъ это выраженіе безразлично, говорится ли объ усопшихъ предкахъ, или о преждевременно-скончавшихся младенцахъ; въ «Словѣ Даниѣла-заточника» ³⁾ и въ нѣкоторыхъ церковнославянскихъ рукописяхъ подѣ именемъ рѣда разумѣется духъ, что вполне согласуется съ областнымъ употребленіемъ этого слова: съ саратовской губ. рѣда означаетъ видъ, образъ, а въ тульской—привидѣніе, призракъ; наконецъ рѣдимецъ—параличъ ⁴⁾. Вотъ живое

¹⁾ О. З. 1848, V, смѣсь. 24 — ²⁾ П. С. Р. Л., I, 92. — ³⁾ «Дѣти бѣгаютъ рѣда». — ⁴⁾ Памят. XII в., 236; Срезнев. 7; Обл. Сл., 191.

свидѣтельство языка, что души покойниковъ роднились у славянъ съ тѣми стихійными духами, стрѣлы которыхъ наносятъ человѣку параличнѣйшій ударъ, — подобно тому, какъ германскія племена ту же самую болѣзнь приписывали вліянію эльфовъ, а этихъ послѣднихъ отождествляли съ тѣми усопшихъ. —

Особенно интересны вѣрованія и преданія, живущія въ нашемъ народѣ — о лихорадкахъ. Название это происходитъ отъ глагола лихо-радѣть, т. е. дѣйствовать въ чей-нибудь вредъ, заботиться о комъ-нибудь съ злобнымъ намѣреніемъ, съ лихостью; другія общеупотребительныя названія: лихо-дѣйка и лихо-манка отъ мануть — качать, махать (= трясти; чеш. *šapouti se* — метаться; сравни: мановеніе, пошавая, манья — привидѣніе въ видѣ старой и щедушной женщины, манить — лгать, обманывать, лихоманъ, лихоманщикъ — злой, обманчивой человѣкъ ¹⁾). Лихорадокъ — девять или двѣнадцать крылатыхъ сестеръ ²⁾; онѣ обитаютъ въ мрачныхъ подземельяхъ ада и представляются злыми и безобразными дѣвами: чахлыми, замороженными, чувствующими всегдѣшній голодъ, иногда даже слѣпыми и безрукими. Одна изъ нихъ — старшая повелѣваетъ своими сестрами и посылаетъ ихъ на землю мучить людской родъ: «тѣло жечь и знобить, бѣлы кости крушить». 2-го генваря Морозъ или Зима выгоняетъ ихъ, вмѣстѣ съ нечистою силою, изъ ада, и лихорадки ищутъ себѣ пристанища по теплымъ избамъ и нападаютъ на «виноватыхъ»; на зорѣ этого дня предусмотрительныя старушки омывають наговорною водою притолки у дверей, дабы загородить входъ въ избу незванымъ гостямъ. Повѣрье это условливается тѣми простудами и ознобами, которыя такъ обыкновенны въ холодную пору зимы. Напротивъ о весеннихъ бо-

¹⁾ Обл Сл., 104, 110-1. — ²⁾ Финны признаютъ болѣзнь родимыми братьями, сыновьями старухи *Launavatar* — D Myth., 1113.

лѣзняхъ думаютъ, что онѣ забираются на зиму въ сибѣжныя горы (=адъ) и сидятъ тамъ до начала оттепелей; когда же солнце согонитъ снѣгъ и отогрѣетъ землю, онѣ, вслѣдъ за внешними испареніями, разбѣгаются по бѣлому свѣту тощія, заморенныя, и съ жадностью бросаются на неосторожныхъ. Уже съ 25 го февраля, по замѣчанію поселянъ, опасно предаваться сну съ ранняго вечера: можно нас пать лихорадку ¹⁾. Подобно Смерти и владыкѣ демоновъ (сатанѣ), лихорадки сидятъ въ подземныхъ вертепахъ заключенныя въ цѣни, и вылетаютъ мучить народъ только тогда, когда будутъ сняты съ нихъ эти желѣзные оковы ²⁾, т. е. весною. Въ калужской губ. рассказываютъ, что старшая и злѣйшая изъ сестеръ-лихорадокъ прикована къ желѣзному стулу двѣнадцатью цѣпями и въ правой рукѣ держитъ косу, какъ сама Смерть; если она сорвется съ цѣпей и овладѣетъ человѣкомъ, то онъ непременно умретъ. Тоже преданіа у юго западныхъ славянъ прилагается къ моровой язвѣ: три сестры куги были заключены отцемъ своимъ-королемъ въ тѣсныя узы и томились въ темницѣ, но впоследствии, будучи освобождены, разбрелись въ разные стороны и донныѣ блуждаютъ по свѣту ³⁾. Сбрасывая съ себя оковы, лихорадки прилетаютъ на землю, вселяются въ людей, начинаютъ ихъ трясти, расслаблять ихъ суставы и ломить кости. Измучивъ одного, лихорадка переходитъ въ другаго; при полетѣ своемъ она цѣлуетъ избранныя жертвы, и отъ прикосновенія ея усть человѣкъ немедленно заболѣваетъ; кому обмечетъ болѣзнь губы, о томъ говорятъ: «его поцѣловала лихоманка.» ⁴⁾ Точно также порождаетъ болѣзненныя страданія и поцѣлуй эльбины ⁵⁾. По другимъ рассказамъ лихорадка, прилетая ночью, называетъ спящихъ по име-

¹⁾ Сахаров. II. 3-4, 14, 27; Рус. въ св. посл., IV, 102-3. — ²⁾ Этн. Сб., VI, 129. — ³⁾ Иличь, 302-3. — ⁴⁾ Абев., 230-1. — ⁵⁾ Irische elfenmärch., стр. XII.

ни; кто проснется и откликнется на ее зовъ, тотъ сейчасъ-же захвораетъ. Иногда она оборачивается соринкою или мухою, падаетъ въ изготовленную пищу и вмѣстѣ съ нею входитъ въ утробу человѣка. Но если кто догадается бросить эту соринку или муху въ печь, то лихорадка сгоритъ; а если вложить ее въ яичную скорлупу и повѣсить въ трубѣ — лихорадка будетъ страшно мучиться. Въ тульской губ. увѣряютъ, что шесть сестеръ уже погибли такимъ образомъ, а три и до сихъ поръ рыщутъ по міру ¹⁾. Въ прежнее время, говорятъ чехи, было сто лихорадокъ; но одна изъ нихъ сгибла: она заползла въ кусочекъ хлѣба, намоченный въ молоко; люди узнали ее присутствіе, взяли тотъ кусочекъ, вложили въ свиной пузырь и привязали къ дереву. Заключенная въ пузырь, лихорадка начала метаться во всѣ стороны — точно также, какъ дѣлаетъ каждая изъ нихъ, входя внутрь человѣка, и долго-долго возилась она, пока совѣтъ не задохлась ²⁾. Сказанія эти представляютъ не болѣе, какъ варіаціи мифа о Смерти, посаженной въ торбу (см. стр. 52 ³⁾). Боясь раздражить злобную, демоническую дѣву, простолюдины всегда рѣшится назвать лихорадку ея настоящимъ именемъ, а даетъ ей названія ласкательныя, дружескія, съ цѣлю задобрить ее и отклонить отъ себя болѣзненные припадки; таковы названія: кумѣ (кумѣха), добруха, тѣтка (тятюха), подруга и дитюха (дята?). Съ тою-же цѣлю сербы, во время

¹⁾ Дебриков., 262; Тульск. Г. В. 1852, 27. — ²⁾ Громанъ, 162. Нѣмецкая сага рассказываетъ, что одного бѣдняка давилъ по ночамъ эльфъ, а когда вносили въ комнату зажженную свѣчу — оборачивался въ соломинку или перо. Догадались сжечь эту соломинку, и мучительный эльфъ уже болѣе не явился. — ³⁾ Огонь очага — метеора грозового пламени; яичная скорлупа служитъ для эльфовъ и русалокъ кораблемъ, въ которомъ плывутъ они на тотъ свѣтъ; свинья — зооморфическій образъ тучи.

меровой язвы, называют ее кумою ¹⁾ а иѣмцы — *gevattegin*; вообще имена болѣзней принято въ Германіи замѣнять выраженіями: *das gute, gesegnete, selige* ²⁾. Временный роздыхъ, даваемый больному перемежающейся лихорадкою, народъ объясняетъ тѣмъ, что у нея много дѣла, и потому она переходитъ отъ одного человѣка къ другому, возвращаясь къ каждому изъ нихъ поочередно—черезъ день, черезъ два или три дня ³⁾; нѣкоторые же увѣряютъ, что въ дни, свободные отъ параксизмовъ, она предается сну. Постоянную, ежедневную лихорадку малоруссы называютъ: *трясця-невсипуха*. Отсюда суевѣрные попытки переводить лихорадку съ себя на перваго встрѣчнаго, даже на птицъ, кошекъ и собакъ, въ которыхъ такъ охотно вселяются нечистые духи, или обманывать ее ложною надписью на дверяхъ избы, что больного нѣтъ дома. Такъ поступаютъ русскіе и чехи; послѣдніе пишутъ на дверяхъ: «*Žemnice!* (лихорадка) *pechod' k nám; Jeník* (имя больного) *pení doma, šel na hogu*». Въ смоленской губ., и во время скотскихъ падежей, надписываютъ на воротахъ, что на дворѣ нѣтъ ни коровъ, ни овецъ, ни лошадей. Сибиряки совѣтуютъ больному чернить свое лицо и одѣваться въ чужое платье, чтобы не быть узнану злою лихоманкою, когда она вздумаетъ повторить свое посѣщеніе ⁴⁾. Сверхъ того, чтобы избавиться отъ лихорадки, ее умилоствляютъ приношеніями, или прогоняютъ силою чародѣйнаго слова. Страждущіе этимъ недугомъ, выходятъ на то мѣсто, гдѣ, по ихъ соображенію, вселилась въ нихъ лихоманка, обсыпаютъ вокругъ себя ячневую крупу, и раскланиваясь на всѣ стороны, произносятъ: «прости, сторона-мать сыра земля! вотъ тебѣ крупницъ на кашу; вотъ и тебѣ, кумаха!» ⁵⁾ Обращеніе къ землѣ знаменательно, такъ какъ

¹⁾ Обл. Сл., 47-48, 79, 88, 164, 228, 236; Срп. рјечник, 311. —

²⁾ D. Myth., 1106. — ³⁾ Houska, II, 535. — ⁴⁾ Громаниъ, 167 Терещ., VI, 16; Абев., 230. — ⁵⁾ Сахаров., II, 14.

въ ея нѣдрахъ заключенъ тотъ страшный міръ, гдѣ царствуетъ Смерть съ своими помощницами—болѣзнями и плѣнниками—мертвецами. Бѣлоруссы на поминки («дзяды»), вмѣстѣ съ усопшими родичами, приглашаютъ къ ужину и лихорадку¹⁾. Первобытная, народная медицина состояла въ произнесеніи молитвъ и заклятій, въ призывѣ боговъ-исцѣлителей, въ изгнаніи демоновъ и въ совершеніи различныхъ символическихъ и жертвенныхъ обрядовъ; она была дѣломъ исключительно религіознымъ. Древнѣйшія имена лѣкаря означаютъ: жертвоприносителя, заклинателя, колдуна; искусство врачебное ограничивалось знаніемъ клятвенныхъ формулъ—заговоровъ. За это свидѣтельствуютъ Atharva-Веда, Гомеръ, Пиндаръ и другіе античные писатели²⁾; за это-же говорятъ и многочисленныя преданія и обломки стародавнихъ заклятій, донныѣ сохраняемые въ памяти индоевропейскихъ народовъ. Въ высшей степени важнымъ и драгоценнымъ представляется намъ заговоръ противъ лихорадокъ, занесенный во многія изъ нашихъ старинныхъ рукописей и до настоящаго времени еще забытый русскими знахарями³⁾:

При морѣ черномъ стоитъ столпъ, на томъ столпѣ камень, на томъ камнѣ сидитъ святой отецъ⁴⁾ Сисвній и зрѣтъ на море черное. И вози утися море до облакъ⁵⁾—изыдоша изъ моря двѣнадцать женъ простоволосыхъ⁶⁾, окаянное дьявольское видѣніе.» По нѣкоторымъ спискамъ жены эти исходятъ изъ огненнаго столпа, утвержденнаго

¹⁾ Могилев. Г. В. 1849, 8. — ²⁾ Громининъ, 147-8. Сыновья Автолика останавливаютъ кровь, текущую изъ ранъ Одиссея, и Асклепійсъ освобождаетъ больныхъ отъ мучительныхъ страданій—силою цѣлебнаго заговора. — ³⁾ Я предлагаю сводный, по разнымъ спискамъ исправленный текстъ. — ⁴⁾ Вар. мученикъ, великій апостолъ. — ⁵⁾ Вар. „видѣша: на морѣ возстали волны и возмутяшася море и земля до небесъ“. — ⁶⁾ Вар. сами червы, власы по поясъ.

на небеси. «И вопрошиша изъ святыи отецъ Сисиній: что есть злыя жены звѣрообразны? Онѣ же отвѣща ему: мы—окаяныя трясавицы, дщери Ирода, снявшаго съ Іоанна Предтечи главу. Вопросы св. отецъ Сисиній: почто пришли?—Идемъ въ землю святорусскую родъ человѣческій мучити—тѣло повреждати, кости ломати, въ гробъ вгоняти (или: кости крушить, жилы тянуть, самихъ людей огнемъ жечь); аще кто зло творить, опивается, объѣдается, обѣдни и заутрени просыпаетъ, Богу не молится, тѣхъ мучимъ разными мѹками: они наши угодницы. Помолися Богу св. отецъ Сисиній: Господи! избави родъ христіанскій отъ таковыхъ діаволовъ. И посла Господь Михаила архангела ¹⁾ и четырехъ евангелистовъ, повелѣ ихъ (трясавицъ) мучити тремя (или семью) прутьями ²⁾ желѣзными, давая имъ по триста ³⁾ ранъ на день.» Имена архангела Михаила и святыхъ угодниковъ нерѣдко замѣняются и дополняются другими; въ одномъ спискѣ семь святителей и между ними Егорій Храбрый, Іоаннъ-креститель и св. Николай увидѣли двѣнадцать лихоманокъ, плавающихъ по морю и воздымающихъ бурю ⁴⁾. «Онѣ же начаша молитися: святыи отецъ Сисиній, Михаилъ-архангелъ, четыре евангелиста: Лука, Марко, Матѣей, Іоаннъ! не мучьте насъ; гдѣ мы заслышимъ—въ которомъ роду прославятся ваши имена, и того роду станемъ ѳбгать за десять верстъ ⁵⁾. И вопросы ихъ св. отецъ Сисиній: какъ вамъ, діаволи, имена?» Лихорадки исчисляють свои названія и описываютъ тѣ муки, которыми каждая изъ нихъ терзаетъ больнаго. Вотъ эти названія: 1) трясея (тресучка, трясунца, въ областныхъ говорахъ: потресуха, трясучка, трясца отъ глагола трясти ⁶⁾, въ старинныхъ поучительныхъ словахъ XV—XVI стол. упо-

¹⁾ Вар. ангела Сиханла. — ²⁾ Вар. четырьмя дубцани. — ³⁾ Вар. по три тысячи. — ⁴⁾ „Мѣшай воду съ пескомъ“. — ⁵⁾ Вар. за три дня, за три поприща. — ⁶⁾ Обл. Сл., 207, 232-3.

мивается про «немогшаго бѣса, глаголемаго трясцю»¹⁾; сравни вѣмецкое выраженіе: «dass dich der ritt (лихорадка²⁾) schüttel!»³⁾ 2) Огня или огненная: «кого челоуѣка поймаю (говоритъ она о себѣ), тотъ разгорится аки пламень въ печи», т. е. она производитъ внутренній жаръ. Въ Швейцаріи лихорадку называютъ hitz и brand; англосакс. ædl — жгучая болѣзнь отъ æd—ignis; персы олицетворяютъ ее румяною дѣвою съ огненными волосами⁴⁾. Южно-славянское названіе грознаца ставитъ лихорадку въ связь съ грозовымъ пламенемъ, съ молніеносными стрѣлами⁵⁾. 3) Ледѣя (ледиха) или озноба (знобея, забуха): аки ледъ знобитъ родъ челоуѣческой, и кого она мучитъ, тотъ не можетъ и въ печи согрѣться; въ областныхъ нарѣчіяхъ даются лихорадкѣ названія: студѣнка (отъ студа—стужа), знобуха и подро́жье (отъ слова дрожь), а у чеховъ—зимница⁶⁾. 4) Гнетѣя (гнетница, гнетуха, гнетучка отъ слова гнѣтъ, гнести—давить): она ложится у челоуѣка на ребра, гнететъ его утробу, лишаетъ аппетита и производитъ рвоту. 5) Грынуша (?) или грудица (грудѣя)—ложится на груди, у сердца, и причиняетъ хрипоту и харканье. 6) Глухѣя (глохня)—налегаетъ на голову, ломитъ ее и закладываетъ уши, отчего больной глохнетъ. 7) Ломѣя (ломения, ломовая) или костоломка: «аки сильная буря древо ломитъ, такоже и она ломаетъ кости и спину». 8) Пухнѣя (пухлѣя, пухлая), дѣтиха или отѣкная—пушаетъ по всему тѣлу отѣкъ (опухоль). 9) Желтѣя (желтуха, желтувица): эта желтитъ челоуѣка, «аки цвѣтъ въ полѣ». 10) Коркуша или корчѣя (скорчѣя)—ручныя и ножныя жи-

¹⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, пол. I, стр. XXVII; пол. II, 48-49, въ отдѣлѣ смѣси; Правосл. Собес. 1859, IV, 475. — ²⁾ Отъ reiten, ибо она вѣдитъ на челоуѣкѣ, какъ мара. — ³⁾ D. Myth., 1107. — ⁴⁾ Ibid., 1106-8. — ⁵⁾ О. З. 1853, VIII, иностр. литер., 80. — ⁶⁾ Обл. Сл., 180, 218, 322.

лы сводить, т. е. корчить. 11) Глядѣя—не даетъ спать больному (=не позволяетъ ему сомкнуть очи, откуда объясняется и данное ей имя); виѣтѣ съ нею приступаютъ къ чело-
вѣку бѣсы и сводятъ его съ ума. 12) Огнястра и Не-
вѣя—испорченное стар. нава—смерть или навье — мерт-
вецъ, что служитъ новымъ подтвержденіемъ мифической связи
демоновъ-болѣзней съ тѣнями усопшихъ. Невѣя (мертвящая)
— всѣмъ лихорадкашъ сестра старѣйшая, пласавица, ради
которой отѣчена была голова Іоанну Предтечи; она всѣхъ про-
клятѣ, и если вселится въ челоуѣка—онъ уже не избѣгнетъ
смерти. Въ замѣну этихъ именъ ставятъ еще слѣдующія:
сухота (су хѣя), отъ которой изсыхаетъ больной, аки дре-
во, зѣвота, блевота, потягота, сонная, блѣдная, лег-
кая, вешная, листопадная (т. е. осенняя), водяная и
синяя (старинный эпитетъ огня и молніи). Ясно, что съ ли-
хорадкашъ народъ соединяетъ болѣе широкое понятіе, неже-
ли какое признаетъ за ними ученая медицина; къ разряду
этихъ мифическихъ сестеръ онъ относитъ и другіе недуги,
какъ наприм. горячку, сухотку, разлитіе желчи и проч.: знакъ,
что въ древнѣйшую эпоху имя «лихорадка», согласно съ бук-
вальнымъ его значеніемъ, прилагалось ко всякой вообще болѣз-
ни. Тождество внѣшнихъ признаковъ и ощущений, порождае-
мыхъ различными недугами, заставляло давать имъ одинако-
вые или сходныя по корню названія, и такимъ образомъ смѣ-
шивать ихъ въ одно общее представленіе злыхъ, демониче-
скихъ силъ; сравни: огня—лихорадка и горячка, называе-
мая въ простонародьи огневницею и палачкою; въ нѣкото-
рыхъ мѣстностяхъ Россіи, виѣсто сестеръ-трясавицъ, раз-
сказываютъ о двѣнадцати безобразныхъ старухахъ—горяч-
кахъ; огни ки—красная сыщъ по тѣлу, золотуха—въ об-
ластныхъ говорахъ огника (огница) и красуха, изжога
—боль подъ ложечкой; у нѣмцевъ корь—götheln, рожа—

rose, rothlauf. Эпитеты: красный, желтый, золотой истари служили для обозначенія огня, и въ заговорахъ лихорадка называется не только желтухою, но и златеницею (I, 203—6). Сухота—ния, свидѣтельствующее о внутреннемъ жарѣ, сближаетъ одну изъ лихорадокъ съ сухоткою; у сербовъ суха болест, сушица — döggsucht¹⁾; бѣлоруссы называютъ чахотку—сухоты. Вслѣдъ за приведеннымъ нами сказаніемъ о встрѣчѣ отца Сисинія съ лихорадкой ^{сильнѣе болѣи} предлагается самое заклатіе: «во имя Отца и Сына и св. Духа, окаянныя тресавицы! заклинаю васъ святымъ отцемъ Сисиніемъ, Михаиломъ-архангеломъ и четырьмя евангелистами: побѣгите отъ раба божія (имярекъ) за три дни, за три поприща; аще не побѣжите отъ раба божія, то призову на васъ великаго апостола Сисинія, Михаила-архангела и четырехъ евангелистовъ Луку, Марка, Матѳея, Іоанна, и учнутъ васъ мучити, даючи вамъ по треста²⁾ ранъ на день.» Къ этой угрозы вные списки прибавляютъ, куда именно должны удалиться злобныя жены: «подите вы въ темныя лѣса, на гнилыя колоды» или «въ мѣста пусты и безводны.» Заговоръ долженъ быть прочитанъ священникомъ, и затѣмъ больному даютъ испить воды со креста, произнося слѣдующія слова: «крестъ—христіаномъ хранитель, крестъ—ангеломъ слава, крестъ—царемъ держава, крестъ—недугомъ, бѣсомъ и тресавицемъ прогонитель, крестъ—рабу божію (имярекъ) огражденіе!»³⁾ Для сличенія приводимъ текстъ заговора, записанный въ сборникѣ Сахарова: «на горахъ Аеон-

¹⁾ Срп. рјечник, 727. — ²⁾ Вар. по три тысячи. — ³⁾ Рѣчь г. Буслева о нар. повѣи въ древней русск. литер., 38-39; Вѣст. Р. Г. О. 1859, VIII, 153-5; Пермск. Сборн., II, прилож., стр. XXXVI—VII; Пам. отреч. лит., II, 351-3; Библ. для Чт. 1848, IX, ст. Гуляева, 51-52; Лѣт. рус. лит., т IV, отд. 3, 79-80; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, въ отд. свѣси, 56-57.

скихъ стоить дубъ мокроцкой, подѣтъмъ дубомъ смятъ тридесять старцевъ сосарцемъ Пафнугіемъ. Идутъ къ нимъ двѣнадесять дѣвицъ простоволосыхъ, простопопыхъ. И рече старецъ Пафнугій съ тринадесять старцами: кто сіи къ намъ идоша? И рече (рекутъ) ему двѣнадесять дѣвицы: есмь мы царя Ирода дщери, идемъ на весь міръ кости знобить, тѣло мучить. И рече старецъ Пафнугій своимъ старцамъ: слошите по три прута, тѣмъ станемъ ихъ бити по три зори утреннихъ, по три зори вечернихъ. Возмолишась двѣнадесять дѣвъ къ тринадесять старцамъ со старцемъ Пафнугіемъ, и не почто же бысть ихъ мольба! И начаша ихъ старцы бити, глаголя: ои вы еси двѣнадесять дѣвицы! будьте вы тресуницы, водяницы — разслабленныя и живите на водѣ-студеницѣ, въ міръ не ходите, кости не знобите, тѣла не мучьте... Заговариваю я раба (такого-то) отъ изсушенія лихорадки. Будьте вы прокляты двѣнадесять дѣвицъ въ тартарары, отыдите отъ раба (внярекъ) въ лѣса темныя, на древа сухія.» Въ другихъ заговорахъ злые недуги съ принедугами и полунедугами отсылаются въ океанъ-море, въ бездны преисподнія, въ котлы кипучіе, въ жаръ палючій, въ сѣру горючую, во тьму кромешную, т. е. въ адъ. Колючку грозитъ заклінатель заключить въ нѣдра земли, свербежъ утопить въ горячей водѣ, стрѣльбу залить кипучей смолою, огневцу заморозить крещенскими морозами, ломоть сокрушить о камень, и т. дал. ¹⁾ Малороссійскіе заговоры гонять лихоманокъ и другія болести въ дебри, болота и пустыни безлюдныя: «вамъ, уроки, у раба божого не стоятъ, жовтой кости не ломаты, червоной крови не пыты, сердца его не нудыты, билого тѣла не сушыты; вамъ нѣты на шха, на темныя луга, на густые очерета, на сухіе лѣса!» —

¹⁾ Сахаровъ, I. 24-25, 28-31.

«Пидать соби, уроки, на яры, на леса дремучи, на степы степучи, дѣ гласъ чоловичый не заходыть, дѣ пивни не сивають.»— «Чи ти гнетуха, чи ти трясуха, чи ти водана, чи ти витрова, чи ти вихрова... буду я тоби лице заливати, буду тоби очи вышкати, буду тебе молитвами заклинати, буду съ христьяньской вири вислати. Пиди соби, дѣ собаки не брешуть, дѣ кури не поють, дѣ христьяньскій голось не ходе» ¹⁾. Чешское заклятіе XIII-го вѣка посылаетъ нечистую силу (siemě proklate) въ пустыни — «*na púšči jděte, anikomu neškod'te*». Въ настоящее время чехи прибѣгаютъ къ такимъ формуламъ: «*já vyháním oubutě (сухотку) z tvého těla do moře — vodu přelévati a písek přesejpati, kosti nelámati a žily neškubati, a krev necucati a maso netrhati, a přirozenímu pokoj dāti*.»— «*Letěly tři střelci, zastavili jsou se v mé hlavě, v mých uších, v mých zubech, a já je zaklínám*» во имя Отца и Сына и св. Духа: если вы съ вѣтру — идите на вѣтеръ и ломайте деревья въ густыхъ борахъ, если съ воды—ступайте на воду и крутите песокъ въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ, если со скалъ—идите въ скалы и ломайте камни, а мнѣ, моей головѣ, ушамъ и зубамъ дайте покой.—«*Zaklínám vás, rakostnice—růžovnice, kostnice*.» ²⁾ *do lesa hlubokého, do dubu vysokého, do dřeva stojatého i ležatého; tam sebou mlat'te a tříскеjte, a této osobě pokoj dejte... Jsi li z ouroku, jdi do ohně; jsi li z vody, jdi do moře; v moři vař vodu, počítej písek*» (въ морѣ исчерпай воду, сочти песокъ). Подобныя-же заклятія обращаютъ вѣтцы къ эльфамъ; по ихъ мнѣнію, тѣ деревья засыхаютъ, на которыя будетъ перелана болѣзнь. Индѣйскій врачъ гналъ лихорадку въ лѣсъ и

¹⁾ Полтав. Г. В. 1846, 36; Пассекъ, II, снѣсъ 20; Пам. стар. рус. литер., III, 167—8. «Поди ты (горловая жаба) на дубъ—на сухое дерево, на которомъ нѣтъ отраслей отыгнѣ и до вѣку». —

²⁾ Рожя и ломъ въ костяхъ.

го ры; повинуюсь вѣщему слову, водные духи (апсарасы) должны были удалиться въ глубокие источники и въ деревья ¹⁾. Заговоръ на изгнаніе лихорадокъ, обращенный къ св. Сисинію, упоминается уже въ статьѣ «о книгахъ истинныхъ и ложныхъ»; большая часть списковъ этой статьи принадлежит XVI и XVII столѣтіямъ, а древнѣйшая ея редакція, какая известна нынѣ, найдена въ номоканонѣ XIV-го вѣка. Здѣсь читаемъ: «вопросы Іереміа къ Богородици о недузѣхъ естественныхъ и еже именують трясавици—басни суть Іереміа, попа болгарскаго; глаголетъ бо оказанный сей, яко сѣдѣшу святому Сисинію на горѣ Синайстѣй—и видѣ семь жонъ исходящи отъ моря, и ангела Михаила именуеть, и иная изыдоша семь ангелъ, семь свѣщъ держаше, семь ножевъ острящи, еже на соблазнъ людемъ многымъ, и семь дщерій Иродовыхъ трясцами басньствоваше, сихъ-же ни евангелисты, ни единъ отъ святыхъ — семи именоваша, но едина, испросившаа главу Предотечеву, о ней-же явѣ есть, яко и та дщи Филиппова, а не Иродова» ²⁾. Это свидѣтельствуеть за южнославянское происхожденіе заговора, вмѣстѣ съ памятниками болгарской письменности, проникло къ намъ въ заклятіе противъ лихорадокъ, составленіе котораго приписывается поцу Іереміи. Какъ множество другихъ апокрифическихъ сказаній, такъ и заклятіе Іереміи создано подъ непосредственнымъ вліяніемъ древне-языческихъ воззрѣній, общихъ болгарамъ со всѣми прочими славянскими племенами, и этотъ-то національный характеръ представлений, занесенныхъ въ «отреченную» молитву, доставилъ ей легкій доступъ въ массы русскаго населенія. Не смотря на христіанскую примѣсь, въ ней весьма явственны черты такъ

¹⁾ Громаничъ, 149-150, 158-161, 177, 185; D. Myth., 1122-3. Финская пѣсня заклинаеть чуму сокрыться въ твердыя, какъ сталь, горы. — ²⁾ Дятлов. занятій Археограф. Комм. 1861, I, 25-27, 39-40.

называемой естественной религіи (религіи природы). Святые и ангелы, наказующіе женъ-лихорадокъ прутьями и ножами, очевидно заступили мѣсто древняго громовника и его спутниковъ, которые разятъ нечистую силу молніями, или выражаясь поэтическииъ языкомъ—бичами, прутьями, палицами, сѣкирами и другиимъ острымъ оружіемъ; потому они возсѣдаютъ на каменномъ столбѣ, т. е. въ грозовомъ облакѣ, ибо камень (скала) и столбъ (башня)—метафоры облаковъ. Изъ различныхъ возрѣній на природу рождались и различныя мнѣшескія представленія: безсмертныя владыки, то помрачающіе небо тучами, посылающіе градъ, стужу и бури, то разгоняющіе демоновъ мрака и дарующіе свѣтлые дни, являлись народному воображенію не только грозными карателями людей и животныхъ, метателями моровыхъ стрѣлъ, но и богами-спасителями (шоттѣ-рес), силою которыхъ прогоняются злые недуги. Такъ Индра исцѣляетъ отъ накожныхъ болѣзней и червей, а Тунаръ гонитъ изъ тѣла вѣгшег, т. е. мучительныхъ эльфовъ ¹⁾. Сестры-лихорадки отождествляются въ заговорѣ съ тѣми стихійными демонами, съ которыми обыкновенно сражался Перунъ: онѣ исходятъ изъ (дождеваго) моря или огненнаго столба (=грозовой тучи), воздымаютъ страшную бурю и разбѣгаются только отъ ударовъ (молніеносныхъ) прутьевъ. «Простоволосыя» и «простопоясыя», т. е. съ длинными распущенными косами и въ легкихъ, свободно-развѣвающихся по вѣтру (неподпоясанныхъ) одеждахъ, онѣ напоминаютъ этими признаками облачныхъ женъ и дѣвъ; сверхъ того, имъ даются и крылья—эмблема быстрого полета облаковъ и вихрей. Выше объяснено, что въ стремительныхъ вихряхъ предки наши усматривали пляску духовъ и нимфъ, и что въ эпоху христіанскую представленіе это было перенесено на Иродіаду, которая славилась

¹⁾ German. Mythen, 134-5. Въ русскомъ заговорѣ Христось „громомъ отбиваетъ, молоньей ожигаеть и стрѣлами отстрѣливаетъ“ всякіе уроки и недуги—Рыбник., IV, 255.

иногда своими искусными танцами (I, 329). Такое смѣшеніе тѣмъ болѣе понятно, что самъ демоническій змѣй (=сатана) называется въ народныхъ сказкахъ Иродомъ ¹⁾. Въ связи съ этимъ, дѣвы воспаляющихъ и знобящихъ болѣзней были признаны дочерами Ирода и старшая изъ нихъ стала обозначаться именемъ плясавицы. По чешскому повѣрью лихорадки живутъ въ прудахъ и колодцахъ, и потому бываетъ время, когда никто не рѣшается пить оттуда воду. Заболѣвшій лихорадкою идетъ передъ восходомъ солнца къ колодцу и причитываетъ: «studně-studnice! nechod' na mne zimnice; Magia-rapna zarovída, abys na mne nechodila.» ²⁾ Въ орловской губ. больного купаютъ въ отварѣ липоваго цвѣта, а снятую съ него рубашу онъ долженъ раннимъ утромъ отнести къ рѣкѣ, бросить ее въ воду и промолвить: «матушка-ворогуша! на тебѣ рубашку съ раба божьего (имярекъ), а ты отъ меня откачнись прочь!» Затѣмъ онъ возвращается домой молча и не оглядываясь (сравни стр. 78—79). Согласно съ стихійною природою женъ-лихорадокъ, онѣ прогоняются въ океанъ-море (=небо), въ студенцы и болота (=дождевые источники), въ скалы и горы (=тучи), въ камыши и деревья (=небесныя рощи), въ огонь и вѣтры, словомъ—въ жилища водныхъ, лѣсныхъ, эльфовъ и нечистыхъ духовъ. Не смотря на запретъ статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, въ самой иконописи до конца XVII вѣка было распространено изображеніе двѣнадцати трасавицъ; онѣ представлялись въ видѣ женщинъ и нерѣдко обнаженныя, съ крыльями летучей мыши, такъ какъ эта послѣдняя служила символомъ ночи. Отличительный характеръ каждой изъ нихъ живопись обозначала разными красками: одна лихорадка — вся бѣлая, другія — желтая, красная, синяя, зеленая (=лѣсная) и т. дал. Въ XVII вѣкѣ,

¹⁾ См. Повт. Вов., II, 5с9. Въ преданіяхъ среднихъ вѣковъ Гольда встрѣчается подъ именами Иродіады и Діаны (D. Myth., 263), и этой послѣдней приписывались припадки падучей. — ²⁾ Громанъ, 163.

при значительныхъ успѣхахъ техники, эти женскія фигуры отличаются даже нѣкоторымъ благообразіемъ. На верху, въ облакахъ, видны ангелы и между ними одинъ, который направляетъ на трясавицъ копьѣ и хочетъ низвергнуть ихъ въ отверстую пропасть, а на пригоркѣ — колѣнопреклоненный и молящійся св. Сисиній ¹⁾. Чехи противопоставляютъ демонамъ-болѣзнямъ Христа и св. Аполону. Встрѣчаетъ Христосъ psotník (спазмы и конвульсии) и спрашиваетъ: «kam ty jdeš, psotníku?» — Ja jdu do života té a té osobu — maso jísti, krev pítí, žily trhati, kosti lámati, chut' k jídlu a k pítí bráti, a spraní mu odjímati. Христосъ приказываетъ болѣзни выступить изъ человѣка, не мучить его ни днемъ, ни ночью, и удалиться въ темныя лѣса. Или: chodili střelci-střelice po horách, po krajinách; повстрѣчали св. Аполону, и на вопросъ ея: куда идете? — отвѣчали: идемъ къ такому-то человѣку мозгъ ѣсти, кровь пить, мясо драть, кости ломать. И рекла имъ Аполон: воротитесь и дайте человѣку покой ²⁾. Подобныя-же закліянія извѣстны и между другими народами. Я. Гриммъ приводитъ заговоръ, въ которомъ упоминаются семьдесятъ семь пösch en (подъ именемъ пösch разумѣется бѣсъ падучей болѣзни); «wir wend gohn in das haus des menschen, говорятъ они про свои подвиги, und ihm sein blut saugen, und sein bein nagen, und sein fleisch essen.» Духи эти изгоняются въ сухое дерево: «ich gebeut dir nösch mit allen deinen gesellen, dann mit dir ist der stech (колотье) und der krampf (спазмы) und gespat (?) und geschoss (стрѣльба) und geicht (ломъ) und gesicht (сглазъ, изуроченье)...» ³⁾ Грузины произносятъ слѣдующій заговоръ противъ чесотки: «гой ты, jelo-jelo (лѣдучій), юродивый, безпріютный! откуда исходилъ ты и

¹⁾ Рѣчь г. Бусл. о нар. повѣи въ др. рус. литер., 40. — ²⁾ Чешск. пѣсни Эрбена, 507-9; Громаниъ, 162, 175-6. — ³⁾ D. Myth., 1110.

куда входишь?—Исхожу я изъ черной скалы, вхожу въ тѣло человѣка, обдираю плоть, гложу кости, пью кровь. — Нѣтъ, не позволю тебѣ войти въ человѣка; раздроблю тебя на мелкія части, брошу въ мѣдный котелъ, раскалю его огнемъ и жупеломъ сѣрнымъ. Удались, отвѣжись отъ раба божьего (имирекъ). Аминь» ¹⁾. На ряду съ заклятіями, обращенными на трясавицъ, индексъ запретныхъ книгъ осуждаетъ также и «лживыя врачевальныя молитвы о нежитѣхъ» ²⁾. Въ одной пергаменной сербской рукописи записано пять заговоровъ противъ нежита или нежитя; изъ нихъ два были сообщены г. Буслаевымъ: а) «Сходещу нежиту «от сухаго (= огненнаго) мора(я) и сходещу Іисусу отъ небесе, и рече ему Іисусъ: камо идеши, нежите? Рече ему нежитъ: сѣмо иду, господине, въ члвѣчю главу мозга сръчати, челюсти прѣломити, зубы ихъ ронити, шіе ихъ кривити и уши ихъ оглушити, очи ихъ ослѣпнѣти, носа гугьнати, «кръве ихъ проліати, вѣка ихъ исушити, устьнь ихъ кривити и «удовъ ихъ раслаблати, жилъ ихъ умртвити, тѣла изъмъждати, «лѣпоту ихъ измѣнѣти, бѣсомъ мучити е. И рече ему Іисусъ: «обратисе, нежите! иди въ пустую гору и въ пустыню, обрѣти «ту елѣну главу и вселисе въ ню, ть бо все тръпнѣти и все «страждетъ... иди въ каменіе, ть бо все тръпнѣти—зиму и зном «и вѣско плодство, ть бо о(т)ъ твари жестоць естъ, въ себѣ дръжати те сильнь естъ. Нежитъ! да ту имѣи жилище, довьдѣже «небо и земля мимоидеть и кончаетьсе; отвиди отъ раба божія» (имирекъ).—b) «Святы Михаилъ-Гавриль гредѣше, възьмь же «лѣзнь лукъ и желѣзны стрѣлы, стрѣлати хоте елѣна «и елѣну, и не обрѣте ту елѣна и елѣну, нь обрѣте нижита, иже

¹⁾ Москв. 1852, XIX, соврем. извѣст., 98. — ²⁾ Іоаннъ, экзархъ болгар., 240; Лѣтоп. завятій Археогрѣо. Ком. 1861, 39-40: „и о нежитѣхъ, сирѣчь изъ пустыни исходятъ... то все поць Іереміа изглаголаъ“.

«сѣдише, камы рацѣпивъ ¹⁾); и въпроси его: что ты еси иже сѣдиши, камы рацѣпивъ? Отвѣщавъ ему: азъ есмь нежить, иже чловѣче главе рацѣплю и мозыгѣ сръчу, кровь ему пролѣю. И рече му Михайль-Гавриль: проклетыи проклетъче нежите! «не мозыга сръчи, ни главы рацѣпи, нь(но) иди въ пустую горю и вылѣзи²⁾ въ елѣну главу; та ти есть трыпѣлива трыпѣти сто. Аще ли те по семь дни обрѣщу, любо те по сѣрку, любо те по стрѣлю. И възьмолисе нежить: не по сѣци, ни по стрѣли мне, да бѣжу въ гору и вылѣзу въ елѣну ³⁾ главу.» ³⁾ Сходство этихъ старинныхъ заговоровъ съ приведенными выше заклинаніями лихорадокъ и другихъ недуговъ очевидно для всякаго: и здѣсь — таже встрѣча благаго божества съ злымъ духомъ болѣзней, тѣже вопросы и отвѣты и тоже изгнаніе демона въ каменные пустыни побѣдоноснымъ оружіемъ громовника. Архистратиги небесныхъ воинствъ поражаютъ нежита желѣзными стрѣлами (молніями); тѣмъ-же оружіемъ наносятся раны демонамъ-болѣзнямъ и по свидѣтельству русскихъ народныхъ заговоровъ: «на окіанѣ-шорѣ стоитъ золотъ стулъ, на золотѣ стулѣ сидитъ св. Николай, держитъ золотъ лукъ, натягиваетъ шелковую тетиву, накладываетъ каленую стрѣлу, станетъ уроки и призоры стрѣлять» ⁴⁾. Въ воронежской и владимірской губ., въ случаѣ глазнаго ячменя, подносятъ къ больному мѣсту кукишъ и приговариваютъ: «ячень, ячень! на тебѣ кукишъ; что хочешь — то купишь, купи себѣ то порокъ, сруби себя по перѣкъ!» ⁵⁾ Существительное нежить донынѣ употребляется въ областныхъ говорахъ сѣверной Россіи, какъ собирательное имя нечистой силы: домовыхъ, водяныхъ, русалокъ и проч. ⁶⁾; въ чешскомъ языкѣ ne žít — названіе болѣз-

нравы

¹⁾ Разщепя (расколовъ) камни. — ²⁾ Въ рукописи испорчено: «възлѣзти». — ³⁾ Ист. очер. рус. слов., I, 115-6. — ⁴⁾ Памятн. книжка арханг. губ. на 1864, 15. — ⁵⁾ Труды владим. стат. комит., VI, 84. — ⁶⁾ Годъ на Свѣрѣ, Максимова, I, 78.

ни. Слово это образовалось отъ глагола жить съ отрицательною частицею не, и по значенію своему прямо соотвѣтствуетъ Моранѣ (смерти) и повальнымъ болѣзнямъ, извѣстнымъ у славянъ подъ общимъ названіемъ мора.

Древне-эпическія формулы заговоровъ, призывающіе на демоновъ карающее оружіе бога-громовника, мало-по-малу стали переводиться въ дѣйствіе; въ народной медицинѣ принято сопровождать заговоры различными символическими обрядами, главное назначеніе которыхъ наноситъ болѣзнямъ раны, разитъ ихъ и изгоняетъ изъ человѣческаго тѣла. Захворалъ ли кто утѣномъ (боль поясницы), знахарка приказываетъ ему лечь ничкомъ на порогъ избы, т. е. у растворенныхъ дверей, которыми должна удалиться болѣзнь; затѣмъ кладетъ ему на поясницу березовый вѣникъ, и тихо ударяя обухомъ топора или косаремъ по вѣнику, причитываетъ: «сѣку-сѣку, присѣкаю; рублю-рублю, прирубая!»—Что, бабушка, сѣчешь? спрашиваетъ больной. «Утинъ сѣку!»—Сѣки да гораздо, чтобъ не было его! Эти вопросы и отвѣты повторяются до трехъ разъ ¹⁾. Вѣникъ—эмблема вихря, разсѣивающаго вредныя испаренія и туманы. Когда у дѣтей бываетъ «почесуха»—крестьянки парятъ ихъ ольховыми вѣниками, которые потомъ выбрасываютъ на воздухъ, съ приговоромъ: «съ вѣтру пришло, на вѣтеръ и поди!» ²⁾ Ничего такъ не боится куга (олицетвореніе мороваго повѣтрія), какъ метлы и ожога (кочерги, символа громовой палицы ³⁾). Вмѣсто топора, нерѣдко прибѣгаютъ къ помощи зубовъ на основаніи той древней метафоры, которая уподобляла молніи—золотымъ зубамъ, всегда-готовымъ растерзать демона. Такъ страдающіе грызью (ломомъ въ рукахъ и ногахъ) приываютъ къ себѣ мальчика

¹⁾ Этн. Сб., I, 163-4. — ²⁾ Во владимірской губ. больные, снимая съ себя нижнее платье, бросаютъ его въ полночь за окошко на вѣтеръ (Груды влад. стат. ком., VI, 75). — ³⁾ Иличъ, 299.

и заставляют его кусать колѣно больной ноги или локоть руки, при чемъ ведется слѣдующій разговоръ: «что грызешь?» — Грызъ грызу.» Грызъ да гораздо!» ¹⁾ Отъ сибирской язвы кладутъ на опухоль тряпку и со всѣхъ сторонъ обкусываютъ больное мѣсто ²⁾; ребенку, у котораго разстроень желудокъ, трижды кусаютъ слегка пупокъ ³⁾; отъ головной боли лѣчатъ такъ: наклоняютъ голову больного, обвиваютъ около указательнаго пальца прядь его волосъ и прикусываютъ ихъ зубами у самаго корня ⁴⁾. Чтобы охранить себя отъ порчи, поселане запасаются обломкомъ отъ лезвія косы и носятъ его въ правомъ сапогѣ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ знахари обрѣзываютъ съ рукъ и ногъ больного ногти, кладутъ ихъ въ нарочно-сдѣланное въ яйцѣ отверстие, залѣпливаютъ это отверстие воскомъ и относятъ яйцо въ лѣсъ, съ тайною надеждою, что какая-нибудь хищная птица унесетъ его вмѣстѣ съ болѣзней ⁵⁾: смыслъ обряда — тотъ, что у демона-болѣзни остригаются ея острые когти, и сама она предается во власть крылатаго вихря, который долженъ унести ее въ дальнія, пустынные мѣста ⁶⁾. Убѣжденные, что пламя грозы пожигаетъ нечистую силу, а дождевые ливни смываютъ, топятъ ее, предки наши лѣчили болѣзни огнемъ и водою (см. II, 14-21, 181-191). Какъ скоро почувствуетъ кто-нибудь изъ домашнихъ легкій ознобъ или жаръ, склонность ко снѣ, ломоту и потяготу, крестьяне тотчасъ-же черпаютъ ключевую воду, кладутъ въ нее горячія уголья и щепотъ печной золы, дуютъ на воду три раза, мѣшаютъ

¹⁾ Полтав. Г. В. 1846, 26; Пузын., 160; Послов. Даля, 429. —

²⁾ Библ. для Чт. 1848, IX, 54. — ³⁾ Пассекъ, II, 19 — 20. —

⁴⁾ О. З., т. LVII, смѣсь, 50. — ⁵⁾ Записки Авдѣев., 139 — 140. —

⁶⁾ Въ Германіи существовалъ обычай замуровывать чуму въ церковную стѣну или заключать ее въ сѣважину дерева — обычай, возникшій изъ древнихъ заклятій, изгоняющихъ демона смерти въ камни (скалы) и лѣса — D. Myth., 1135, 1141.

ее остриемъ ножа и читаютъ заговоръ; затѣмъ сбрызгиваютъ больного, смачиваютъ ему грудь, руки, ноги, спинну, или даютъ выпить нѣсколько глотковъ ¹⁾). Приготовленная такимъ образомъ вода получаетъ цѣлебныя, живительныя свойства дождя; горячіе уголья знаменуютъ грозовое пламя, дуновение—вѣтръ, ножъ—громовую сѣкиру. Старинный поэтический языкъ называлъ огонь-молнію раскаленнымъ желѣзомъ, блестящею мѣдью и золотомъ (деньгами), а воду-дождь—виномъ, медомъ, молокомъ и масломъ; въ силу этого возникли разнообразныя врачевныя обряды. Чехи заставляютъ больныхъ дѣтей глотать во имя св. Троицы три уголька, а чтобы вылѣчить скорбутъ, берутъ воду, въ которой кузнецъ охладилъ горячее желѣзо, намачиваютъ въ ней красныя лоскуты и трутъ имъ дѣсны ²⁾). На Руси раскалываютъ докрасна мѣдный пятакъ, опускаютъ его въ сосудъ съ холодной водою, и воду эту пьютъ по три раза въ день отъ лихорадки. вмѣстѣ съ цѣлебными травами, нерѣдко кипятятъ въ водѣ золотыя, вѣнчальныя кольца, и потомъ поятъ или обливаютъ ею хвораго. Отъ горячки надѣваютъ на шею больного обручъ, снятый съ ведра, окуриваютъ его стружками съ этого обруча, поятъ виномъ, настоеннымъ на золѣ, и произносятъ зачатіе: «во имя Отца и Сына и св. Духа! тетка-баба (=горячка). отойди отъ раба божія (имярекъ).» Когда вино выпито, оставшеюся золою трутъ лице и грудь противъ сердца. Золотое кольцо—символъ солнца, поборающаго демоновъ мрака; снятый съ ведра обручъ—знаменіе дождевыхъ сосудовъ, разбиваемыхъ богомъ-громовникомъ. Отъ «криксы» кушаютъ дѣтей въ кѹрникѣ на деревянномъ обручѣ ³⁾). Если укуситъ человѣка бѣшеная собака, то стараются добыть клочъ ея шерсти и этою шерстью оку-

¹⁾ Сахаров., I, 53; II, 4; О. З. 1848, т. LVI, 202. — ²⁾ Громанъ, 175. — ³⁾ Эти. Сб., V, бытъ курск. крестьянъ, 89.

риваютъ нанесенныя ему раны. Бѣшеная собака есть воплощеніе дьявола; подобно тому, какъ небесныя молніи, пожирая облачное руно демоновъ, просвѣтляютъ омраченную ими природу, такъ и сожженная шерсть собаки удаляетъ мучительнаго бѣса и восстанавливаетъ поврежденное здравіе ¹⁾). Произнеся заклятіе, знахари трижды дуютъ на больного и сплевываютъ въ сторону. Слюна здѣсь—символъ живой воды (дождя), точно также, какъ обдуваніе больного—символъ вѣтра. Если слову человѣческому и слюнкѣ дана власть прогонять нечистыхъ духовъ, уроки и недуги, то естественно, что языкъ, какъ орудіе слова и метафора молніи (I, 728), долженъ былъ получить чародѣйную силу слизывать всякую хворь. И дѣйствительно знахари, умывая больного «наговорной» водою, лижутъ ему лицо до трехъ разъ, и за каждымъ разомъ сплевываютъ на землю, т. е. сбрасываютъ, вмѣстѣ съ слюною, слизанную языкомъ болѣзнь ²⁾). Въ саратовской губ. противъ лихорадки призывается помощь богини Зори: «Зоря-Зоряница, красная дѣвица! избавь раба божія (имярекъ) отъ матухи, отъ знобухи, отъ летучки, отъ гнетучки, отъ всѣхъ двѣнадцати дѣвиць-трясавиць.» Вслѣдъ за произнесеніемъ этого заговора, слизываютъ недугъ крестообразно со лба, подбородка и щекъ больного и сплевываютъ на землю ³⁾). Нерѣдко слова лѣчебнаго заклятія сопровождаются очерчиваніемъ около больного круговой черты, дабы злой духъ болѣзни не могъ переступить за этотъ зачарованный кругъ ⁴⁾). Народныя заговоры сдѣлаются для насъ вполне понятными только тогда, когда будутъ разгаданы и объяснены всѣ древнѣйшія метафоры, на которыхъ зиждется ихъ цѣлебное значеніе. Вотъ, на примѣръ, заговоръ отъ болѣзни усоей, любопытный по своимъ мнѣческимъ указаніямъ: «Есть

¹⁾ Громаничъ, 184. — ²⁾ Абев., 235. — ³⁾ Саратов. Г. В. 1850, 26.
⁴⁾ Кіевлянинъ 1865, 69. .

море золото, на золотѣ морѣ золото древо, на золотѣ древѣ золоты птицы-носы и ногти желѣзные, дерутъ-волочать отъ раба божія (усови) на мхи-на болота. Есть море золото, на золотѣ морѣ бѣлъ камень, на бѣлѣ камени сидитъ красная дѣвица съ пальцею желѣзною, тепеть, обороняетъ, отлучаетъ отъ раба божія усови на мхи-на болота. Есть море золото, на золотѣ морѣ золотъ корабль, на золотѣ кораблѣ ѣдетъ святыи Николай, отворяетъ морскую глубину, поднимаетъ желѣзные врата, а залучаетъ отъ раба божія усови аду въ челюсти.» ¹⁾ Злой духъ болѣзни прогоняется во мхи-болота и въ адъ. Море—поэтическое названіе неба; эпитетъ «золотой», данный этому морю, означаетъ: свѣтлый, озаренный лучами солнца. Древо и корабль — метафоры тучи, бѣлъ камень—метафора солнца. На деревѣ-тучѣ сидятъ золотыя птицы съ желѣзными когтями и клювами, т. е. молніи, острыми стрѣлами которыхъ и разитъ нечистая сила болѣзни; подобно тому на солнцевошъ камнѣ возсѣдаетъ красная дѣвица Зоря, богиня весеннихъ грозъ и плодородія, и гонитъ демона желѣзною пальцею; а на кораблѣ облакѣ плыветъ Николай-угодникъ, замѣняющій собой Перуна: онъ отворяетъ морскую глубину (=дождевыя тучи) и низвергаетъ демона въ челюсти ада. Итакъ изгнаніе болѣзни совершается при содѣйствіи громовника; какъ обновитель природы, побѣдоносный врагъ зимы—смерти и творецъ весенней жизни, онъ исцѣляетъ и всѣ недуги ²⁾).

¹⁾ Истор. Христом. Буслаев., 1353. — ²⁾ Изъ всего сказаннаго понятно, почему такъ долго удерживается въ массахъ простаго народа довѣріе къ знахарямъ и ихъ врачевнымъ пособіямъ и отвращеніе отъ научной медицины. За первыхъ стоятъ исконныя преданія, крѣпко-сросшіяся съ роднымъ словомъ, а слѣдовательно и съ самыми убѣжденіями человѣка. До сихъ поръ поселане охотнѣе прибѣгаютъ къ помощи своихъ знахарей и ворожеекъ, а лѣ-

Повальные болѣзни, отъ которыхъ гибнутъ цѣлыя поколѣнія людей и животныхъ, отождествлялись въ языкѣ и вѣрованіяхъ съ представленіемъ Смерти: измереть—въ областномъ словарѣ: исхудать, исчахнуть, подмереть—завянуть, засохнуть, отошаты, замирать — захворать, морный — тощій (заморенный), морная корова — надежь рогатаго скота, помора — отравы; пропадать — болѣть, чахнуть, пропадіна или пропастіна — жертвенна, стерво, прѣпасть — адская бездна, погибель, смерть и гніющій трупъ ¹⁾). Германцы эпидеміямъ давали названія: *der grosse töd*, сканд. *svarti daudhi*, дат. *sorte död=der schwarze tod*, а славяне: черная смерть или немочь. Когда туманныя испаренія и гнетущая духота зноя отравляютъ воздухъ — внезапно появляется зараза, и направляя путь свой чрезъ населенныя мѣстности, похищаетъ жертвы за жертвами. Въ качествѣ богини Смерти и согласно съ грамматическимъ родомъ присвоенныхъ ей названій, зараза олицетворяется въ образѣ мнѣической жены; лат. *pestis, lues*, нѣм. *die pest*, серб. куга (сравни ниже- и выше-нѣм. *koghe*,

карства, даваемая официальными врачами, называютъ „погаными“. Въѣсть съ этимъ, приведенныя свѣдѣнія убѣдительно доказываютъ, какъ несостоятельна, ничтожна и часто положительно-вредна народная медицина: лѣчить глаза искрами огня, заставлять отъ воспалительныхъ болѣзней ѣсть сусальское золото (I, 204—6), сажать ребенка въ жарко-натопленную печь и тому подобныя средства, конечно, не могутъ быть признаны за полезныя. Нельзя отвергать, что знахарямъ доступны нѣкоторыя знанія цѣлебныхъ травъ, корней и другихъ снадобій, на которыя случайно набрелъ наблюдательный умъ нашихъ предковъ; но объемъ этихъ знаній весьма ограниченъ и притомъ они такъ спутаны съ многочисленными суевѣріями. что намъ кажется совершенно-неумѣстнымъ то навное сожалѣніе о расколѣ, существующемъ между ученою и народною медициною, какое еще недавно высказывалось представителями такъ называемой „русской науки“. — ¹⁾ Обл. Сл., 64, 74, 116, 164, 169, 181, 206.

коге) и мѳрија, рус. чума (džuma), язва, свирѳница (черниг. губ.) — женскаго рода, и хотя, рядомъ съ этими названіями, у насъ, чеховъ и поляковъ употребляется еще слово моръ (литов. *mogas*, лѳт. *sehrgis*), но въ поэтическихъ сказаніяхъ оно уступаетъ женскимъ формамъ. Завися отъ воздушныхъ перемѣнъ и климатическихъ условій, моровая язва, какъ и другія болѣзни, признавалась существомъ стихійнымъ, шествующимъ въ вихряхъ («повѣтріе») и владѣющимъ огненными, молніеносными стрѣлами. По указанію народнаго повѣрья, приведеннаго Я. Гриммомъ, она несется какъ синеватый паръ въ видѣ облака — «als blauer dunst in gestalt einer wolke». ¹⁾ Свидѣтельство Гомера о моровыхъ стрѣлахъ Аполлона совпадаетъ съ славянскими преданіями: общеприняты въ русскомъ языкѣ названія зараза (отъ разить) и язва указываютъ на раны, наносимыя острыми оружіемъ болѣзни; кроаты представляютъ чуму (гиргу) злою фуріей, легкой какъ молнія ²⁾; по рассказамъ болгаръ, она — вѣчно-озлобленная, черная жена, посылающая на людей и животныхъ огненные, ядовитыя стрѣлы. Создавши ее, Христосъ сказалъ: «иди и мори человѣческой родъ; а чтобы ты не страшилась никого—даю тебѣ лукъ и стрѣлы». Болгары видятъ въ ней существо, родственное съ облачными дѣвами, и называютъ ее чума-самодива или юдасамовила; самодивы и самовилы соотвѣтствуютъ нѣмецкимъ эльфамъ, и подобно имъ, различаются на добрыхъ и злыхъ (свѣтлыхъ и темныхъ). Приближаясь къ городу или деревнѣ, Чума точитъ свои стрѣлы, и кому случится на ту пору выйти въ поле — въ того и стрѣляетъ; а затѣмъ уже входитъ въ самое село или городъ. Отъ того первые заболѣвающіе страшнымъ недугомъ бываютъ пріѣзжіе и странники. На-

¹⁾ D. Myth., 1133-4. — ²⁾ Вѣст. Евр. 1819, XIII, 47.

равнѣ съ зльфами и вѣдьмами, Чума можетъ оборачиваться кошкою, лошадыю, коровою, птицею и клубкомъ прѣжи; гдѣ она покажется—тамъ начинаютъ выть собаки, туда прилетаетъ воронъ или филинъ, и сядясь на кровлю, крикомъ своимъ предвѣщаетъ бѣду ¹⁾. Чехи и малоруссы рассказываютъ, что Смерть, принимая видъ кошки, царапается въ окно, и тотъ, кто увидитъ ее и впуститъ въ избу, долженъ умереть въ самое короткое время ²⁾. Южные славяне увѣряютъ, что во время чумы пѣтухи хрипнуть и замолкаютъ, а собаки теряютъ способность лаять и только ворчатъ и съ визгомъ бросаются на ужасную гостью. Одинъ крестьянинъ спалъ на стогу сѣна; пробужденный шумомъ, онъ увидѣлъ огромную женщину, въ бѣлой одеждѣ (= въ саванѣ), съ растрепанными волосами, которая бѣжала отъ стаи собакъ; она вскочила на лѣстницу, представленную къ стогу, и стала дразнить собакъ ногою. Крестьянинъ узналъ Чуму, подкрался сзади и столкнулъ ее съ лѣстницы; Чума погрозила ему пальцемъ и исчезла, и хотя онъ остался въ живыхъ, но съ той самой минуты безпрестанно дергалъ ногою ³⁾. Выше (I, 298-301, 519) было объяснено, что громовые раскаты уподоблялись крику пѣтуха и колокольному звону, и что вслѣдствіе этихъ метафоръ пѣтухъ возгласомъ своимъ прогоняетъ нечистую силу, а отъ звона колоколовъ разсѣваются темныя тучи ⁴⁾ и устрашенные демоны, зльфы и вѣдьмы спѣшатъ сокрыться въ дальнія страны. вмѣстѣ съ этимъ пѣтушій крикъ и колокольный звонъ признаны были за цѣлебное средство противъ болѣзней, особенно противъ лома въ рукахъ, падучей, холеры и вообще

¹⁾ Сообщено г. Каравеловымъ. — ²⁾ Громанъ, 186. — ³⁾ Пов. и пред., 86-87, 177. — ⁴⁾ Въ 1576 г. звонили на Моравѣ „proti mgasijemъ“; дьяволъ схватилъ звонаря и три дня носилъ его въ вихрь — Ганушъ о Дядѣ и Бабѣ, 53.

всякаго повѣтрія; «я слышу (читаемъ въ чешскомъ заговорѣ) — звучатъ колокола, поютъ св. ангелы, и ты, гѣже, должна удалиться!» ¹⁾ Сверхъ того, въ завываніи грозовой бури арійскія племена слышали лай небесныхъ псовъ, сопутствующихъ богу громовъ и вихрей въ его дикой охотѣ; по народному убѣжденію собака одарена чрезвычайно-тонкимъ чутьемъ и острымъ зрѣніемъ: она узнаетъ присутствіе нечистыхъ духовъ, чувствуетъ приближеніе Чумы и Смерти и кидается на нихъ, какъ вѣрный стражъ домохозяйна и его семьи (сравни I, 733—4). Когда собака воетъ — это считается знакомъ, что она видитъ Смерть. Отсюда возникли повѣрья, что Чума бьется собакъ ²⁾, что у пѣтуховъ она отымаетъ голосъ и вырываетъ хвосты, и что тамъ, гдѣ владычествуетъ нечистая сила смерти—зараза, уже не раздаются ни пѣтушиный крикъ, ни собачій лай; согласно съ этимъ, вышеприведенные малорусскіе заговоры отсылаютъ сестеръ-лихорадокъ и другія болѣзни въ тѣ пустынные страны, гдѣ не слышится ни пѣнія пѣтуховъ, ни лая собакъ, ни церковнаго звона, т. е. собственно въ царство тучъ, оцѣпененныхъ холоднымъ дыханіемъ зимы (= въ вертепы сѣвернаго ада). Рассказываютъ также, что Чума не любитъ кошекъ и при удобномъ случаѣ убиваетъ ихъ; эта враждебность объясняется страхомъ передъ богиней Фреею, которая выѣзжала на кошкахъ, участвовала въ дикой охотѣ и поборала демоновъ. Въ давнее время, по словамъ болгаръ, кошка была старшею сестрою Чумы и часто била ее; теперь же, при появленіи моровой язвы, кошки прячутся отъ нея въ пещахъ ³⁾. Любопытно, что чехи, для излѣченія дѣтей отъ сухотки, купаютъ ихъ въ ключевой водѣ, вмѣстѣ съ собакою или кошкою ⁴⁾. Въ большей час-

¹⁾ Громаниъ, 15, 39, 158; Beiträge zur D. Myth., II, 299. —

²⁾ Срп. рјечник, 311. — ³⁾ Сообщ. г. Баравеловымъ. — ⁴⁾ Громаниъ, 179.

ти земель, заселенныхъ славяно-литовскими племенами, морская язва олицетворяется женщиною огромнаго роста (иногда на ходуляхъ), съ распущенными косами и въ бѣлой одеждѣ; она разъѣзжаетъ по свѣту въ повозкѣ или заставляеть какого-нибудь челоуѣка носить себя по городамъ и селамъ; своею костлявою рукою она вѣетъ на всѣ на четыре стороны краснымъ (кровавымъ) или огненнымъ платкомъ — и вслѣдъ за взмахомъ ея платка все кругомъ вымираетъ. Былъ жаркой день; русинъ сидѣлъ подъ деревомъ. Приблизилась къ нему высокая женщина, закутанная въ бѣлое покрывало. «Слышалъ ли ты про Моровую язву? сказала она; это — я сама. Возьми меня на плечи и обнеси по всей Руси; не минуи ни одного села, ни города; я должна вездѣ заглянуть. Кругомъ тебя будутъ падать мертвые, но ты останешься невредимъ.» Затѣмъ она обвилась длинными, исхудалыми руками вокругъ шеи русина, и бѣднякъ пошелъ съ своею страшною ношею, не чувствуя ни малѣйшей тяжести. На пути лежало мѣстечко, гдѣ раздавалась музыка и весело, беззаботно пировалъ народъ; но Чума повѣяла своею хусткою — и веселье исчезло: стали рыть могилы, носить гробы, кладбище и улицы наполнились трупами. Гдѣ ни проходилъ русинъ, всюду богатые города и деревни превращались въ пустыни; блѣдные, дрожащіе отъ страха жители разбѣгались изъ домовъ и въ мучительныхъ страданіяхъ умирали въ лѣсахъ, поляхъ и по дорогамъ. Наконецъ добрался онъ до своего роднаго села; здѣсь проживали его старушка-мать, любимая жена и малыя дѣти. Отчаянье и жалость овладѣли душою несчастнаго; онъ рѣшился утопить и себя и Чуму, ухватилъ ее за руки, и обойдя село, бросился вмѣстѣ съ нею съ крутаго берега въ волны Прута; самъ онъ утонулъ, но Моровая язва не могла погибнуть: съ легкостью стихійнаго существа она поднялась изъ воды и, напуганная отважною смѣлостью челоуѣка, убѣ-

жала въ лѣсистыя горы ¹⁾. На Украинѣ существуетъ клятва: «а щобъ на васъ чума насѣла!» ²⁾ Луницкая Smert-pisa (богиня смерти) ходитъ по деревнямъ въ бѣдомъ платьѣ, и куда бы не направила свои стопы — тамъ непременно кто-нибудь умираетъ ³⁾; чехи называютъ ее Smrtnice, Smrtná žena: она облачается въ бѣлую или черную одежду, голову покрываетъ шляпою съ бѣлымъ перомъ, и бродитъ подъ окнами дома, гдѣ въ скоромъ времени долженъ быть покойникъ ⁴⁾. По сказаніямъ сербовъ, Куга — «жива жена завѣшена биѣломъ марамомъ»; есть преданіе, что у ней козьи ноги. Блуждая по вечерамъ отъ одной избы къ другой, она останавливается подъ окнами и пускаетъ внутрь жилья свой злочестивый духъ, отчего и погибаетъ все семейство. Многіе видѣли ее собственными очами, а нѣкоторымъ случалось носить ее. Встрѣтивъ челоуѣка на дорогѣ или въ полѣ, а иногда являясь къ нему въ избу, она говоритъ: «я самъ Куга, веѣ хайде да ме носишъ тамо и тамо!» За такую услугу она обѣщается пощадить какъ его самого, такъ и всѣхъ близкихъ ему родичей. Тотъ, кто носитъ Кугу, или вовсе не чувствуетъ усталости, или изнемогаетъ подъ тяжелымъ, сильно-гнетущимъ бременемъ ⁵⁾. Таже басня известна и въ Бретани: въ одной пѣснѣ разсказывается о мельникѣ, который перевѣзъ на конѣ черезъ рѣку бѣлую женщину, а по другому варианту — онъ перенѣсъ ее на собственныхъ плечахъ. «Знаешь ли ты кого перевѣзъ?» спросила она; я—Чума. Мой обходъ по Бретани оканчивается; теперь я пойду въ церковь, и кого только коснется мой посохъ—

¹⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 110; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. I, ст. Калачова, 45; Пов. и Пред., 83-85, 176; Ж. М. Н. П. 1836, VI, 464-5. — ²⁾ Номис., 73. — ³⁾ Volkslieder der Wenden, II, 268. — ⁴⁾ Громаниъ, 6, 186. — ⁵⁾ Срп. рјечник, 311; Иличъ, 299—300.

тотъ немедленно долженъ умереть, но ты не бойся! тебѣ и твоей матери я не сдѣлаю никакого вреда». Слова эти оправдались на дѣлѣ: всѣ обыватели померли, исключая двухъ — старой вдовы и ея сына ¹⁾. Припомнимъ, что духи болѣзней ѣздятъ на свѣей жертвѣ и что, по свидѣтельству сказки, Богъ осудилъ нѣкогда солдата носить на плечахъ голодную Смерть (стр. 51). Въ Литвѣ чуму и вообще всякую повальную болѣзнь называютъ Моровой дѣвою; показываясь въ деревнѣ, она обходитъ дома, просовываетъ руку въ окно или дверь и махаетъ краснымъ платкомъ, навѣвая на хозяевъ и домочадцевъ смертельную заразу. При ея появленіи, жители запираются въ своихъ избахъ, не открываютъ ни оконъ, ни дверей, и только совершенный недостатокъ припасовъ и голодъ заставляютъ ихъ нарушать эту предосторожность. Въ старые годы жилъ-былъ шляхтичъ; рѣшившись пожертвовать собою для общаго блага, онъ взялъ саблю и сѣлъ у нарочно-открытаго окна; какъ только Моровая дѣва протянула въ окно руку, шляхтичъ ударилъ саблею и отрубилъ ей кисть. Самъ онъ умеръ, померло и его семейство, но съ той поры язва уже не показывалась въ этой мѣстности. Подобное-же преданіе уцѣлѣло и въ памяти русскаго народа: храбрый казакъ отрубилъ руку вѣдьмы, которая дѣйствовала также губительно, какъ моровая язва; въ глухую полночь являлась она вся въ бѣломъ, отворяла окно избы, просовывала руку съ кропиломъ и начинала кропить въ разныя стороны, а къ утру вымирала вся семья. Въ ниже-нѣмецкой сагѣ Смерть заглядываетъ въ окно, и на кого упадутъ ея взоры — тотъ дѣлается добычею могилы ²⁾. Рассказываютъ еще, будто Моровая дѣва, одѣтая въ бѣлое платье, объѣзжаетъ города и села на высокой колесницѣ; останавливаясь передъ домомъ, она

¹⁾ D. Myth., 1136—7. — ²⁾ Ibid., 1141; Н. Р. Сл., VII, 36, а.

шагаетъ платкомъ и спрашиваетъ: «что дѣлаете?» Если ей отвѣчаютъ: «Бога хвалишь!» — то она не касается никого изъ живущихъ и ѣдетъ далѣе, произнося угрюмымъ голосомъ: «хвалите Его присно и во вѣки вѣковъ!» А если на вопросъ Моровой дѣвы скажутъ: «спишь!» — то она нарекаетъ смертный приговоръ: «спите-же вѣчнымъ сномъ!»¹⁾ Въ этихъ суевѣрныхъ сказаніяхъ поселянъ Мицкевичъ угадалъ свѣжія, никогда-нестарѣющія поэтическія краски, и съ талантомъ истиннаго художника воспользовался ими въ слѣдующихъ стихахъ: *Mogowa dziewica*

w bieliznie, z wiankiem ognistym na skroniach,
czoljem przynosi bialjowieskie drzewa,
a w ręku chustką skrwawioną powiewa.
Dziewica stąpa kroki zljowieszczemi
na siołja, zamki i bogate miasta;
a ile razy krwawą chustką skinie,
tyle palaców zmienia się w pustynie;
gdzie nogą stąpi, świeży grób wyrasta.

У Гримма указана литовская клятва: «kad tawę Giltine rasmaugt!» — чтобъ тебя Чума удушила!²⁾ По своему стихийному характеру, богиня смерти и Чума роднятся въ преданіяхъ литовцевъ съ облачной женою — лаумой, о которой увѣряютъ, что она рядится въ различныя одежды: если лаума надѣваетъ зеленое платье — это предвѣщаетъ хорошій урожай — роскошную зелень на лугахъ и нивахъ; если она показывается въ красномъ платьѣ — это предвѣщаетъ жестокую войну — убійства и пролитіе крови, а если въ черномъ — это знаменуетъ приближеніе голода и мора³⁾. Поляки увѣряютъ, что Моровая дѣва разѣзжаетъ въ дву-колесной повозкѣ⁴⁾; а лужичане рассказываютъ о невидимой колесницѣ, которая съ грохотомъ носится по улицамъ въ двѣнадцать ча-

¹⁾ Семеньск., 126-7; Иллюстр. 1848, № 28. — ²⁾ D. Myth., 1137. — ³⁾ Москв. 1846, XI—XII, 249. — ⁴⁾ Пов. и пред., 177.

совъ ночи, и въ томъ домѣ, возлѣ котораго она остановится, непременно кто-нибудь да сдѣлается добычею смерти ¹⁾. Поѣздъ Чумы въ Подоліи называютъ гоминь ²⁾ — слово, означающее: громкій говоръ, неистовые звуки, шумъ, завываніе бури³⁾. Потерявъ во время моровой язвы жену и дѣтей, русинъ покинулъ свою хату и ушелъ въ лѣсъ; къ вечеру онъ развелъ огонь, помолился Богу и заснулъ. Въ самую полночь его разбудилъ страшный шумъ: издали неслись нестройныя, дикіе клики, слышались дудки и звонъ бубенчиковъ. Голоса приближались, и вскорѣ видно было, что по дорогѣ таетя гоминь. На высокой черной колесницѣ ѣхала Чума, сопровождаемая толпою чудовищъ, стаею совъ и нетопырей. Свита ея съ каждымъ шагомъ болѣе и болѣе умножалась, потому что все, что ни попадалось на пути, даже камни и деревья превращались въ чудовищныя привидѣнія и приставали къ поѣзду. Когда гоминь поровнялся съ разведеннымъ костромъ, Чума затянула адскую пѣсню. Подоланинъ хотѣлъ было съ испугу ударить въ ближайшее къ нему привидѣніе топоромъ, но и топоръ вырвался изъ его рукъ, превратился въ живое существо на козлихъ ногахъ и понесся вслѣдъ за демонскимъ сборищемъ. Подоланинъ упалъ безъ чувствъ, и когда очнулся — на небѣ уже сіяло солнце; платье его было изорвано въ лохкутья, а топоръ лежалъ переломленный ⁴⁾. Такимъ образомъ Чума, подобно древнимъ богинямъ, возсѣдаетъ на колесницѣ, и поѣздъ ея сопровождается бурей и привидѣніями, т. е. злыми духами и тѣнями усопшихъ — точно также, какъ, по германскому преданію, Одинъ — богъ, посылающій

¹⁾ Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 329—330. — ²⁾ Гомонъ = гомъ, гамъ. — ³⁾ Пѣсня: „Гоминь, гоминь по дубровя, Туманъ поле покрывае“. — ⁴⁾ Семеновск., 144-5; Эрбенъ, 126-7; Пов. и пред., 88—90, 178.

валькирий за душами убитыхъ героевъ, ичтиса во главѣ не-
 стоваго воинства или дикой охоты, сопутствуемый де-
 монами грозы и вихрей, мертвецами и костлявою Смертью.
 Это—поэтическое изображеніе опустошительной бури, вѣяніе
 которой несетъ губительную язву; все, что ни встрѣчается на
 пути, вихри ломаютъ и увлекаютъ въ своемъ стремительномъ
 полетѣ; адская пѣсня, звуки дудокъ и бубенчиковъ—метафоры
 воющихъ вѣтровъ; Смерть, какъ мы видѣли, сама представля-
 лась музыкантомъ. По свидѣтельству нѣмецкихъ сказаній, Гел-
 ла ѣздитъ въ колесницѣ или на треногомъ конѣ (срав-
 ни выше, стр. 4), т. е. въ грозовой тучѣ, и шлетъ на божій
 міръ заразу; поражая людей, она схватываетъ дѣши и навью-
 чиваетъ ими своего коня. О смертоносномъ дѣйствіи моровой
 язвы выражаются: «die Hell ist verjagt», а когда захвора-
 вшій этою болѣзней выздоровѣетъ, о немъ говорятъ: «er hat
 sich mit der Hell abgefunden» (онъ раздѣлялся съ Геллою).
 Богиня смерти слѣдовательно является въ качествѣ охотни-
 ка, ловчаго христіанскихъ душъ; подобно Одну въ его бур-
 ныхъ полетахъ, она въ нѣкоторыхъ сагахъ выступаетъ на борь-
 бу съ жизнію въ сопровожденіи большого воинства; за ней слѣ-
 дуютъ свита и слуги, несущіе ея знамя и оружіе. Финны на-
 дѣляютъ Чуму конемъ и колесницею¹⁾; а наше лѣтописное
 свидѣтельство утверждаетъ, что тѣ незримые духи (навье),
 которые избивали полочанъ, ѣздили на коняхъ. Сербы зна-
 ютъ не одну, а нѣсколько моровыхъ женъ, рожденныхъ отъ
 демона и обитающихъ за моремъ: «Куге инају преко мора
 своју земљу, гдѣ само оне живе, па их Бог пошље амо (надъ
 људи зло раде и много гријеше) и каже им—колико ће људи
 поморити.» Обыкновенно насчитываются три сестры-Куги.
 Во время чумы поселяне не рѣшаются оставлять до утра невы-
 той посуды, ибо Куга приходитъ ночью въ избу, и если найдетъ

¹⁾ D. Myth., 290, 804—7, 1141.

немытыя блюда и ложки, то отравляетъ ихъ ¹⁾; въ этомъ повѣрьи она сближается съ богиней Гольдою, царицею нерожденныхъ и усопшихъ душъ, которая не терпитъ безпорядка въ домахъ и наказуетъ нерадивыхъ слугъ и хозяевъ. Об отвравъ сосудовъ демонами было сказано выше (стр. 62, 71). Чтобы сойдти на землю, Кугъ приходится переплывать воздушное море. Отсюда возникли рассказы, что на пути своемъ она переправляется черезъ рѣку. Колесница Чумы замѣняется иногда ладьёю, въ которой эта злобная дѣва, исполняя обязанность Харона или архангела Михаила, увозитъ души умершихъ. Когда въ царствованіе Юстиніана свирѣствовала чума, то на морѣ видѣли мѣдную барку; въ ней сидѣли черные мужи безъ головъ, и куда направляли они свой путь, тамъ немедленно начиналась язва. По хорутанскому преданію, Куга переѣзжала на ладѣ черезъ рѣку Саву ²⁾. Въ замѣну платка, которымъ вѣетъ Моровая дѣва, германскія преданія говорятъ о вѣнникѣ: этотъ платокъ—метафора бурнаго облака, а вѣнникъ—необходимый атрибутъ вѣдьмы, символъ вихря, нагоняющаго туманы и тучи. Въ Норвегін Pest, тощая, блѣдная старуха, ходитъ по землѣ съ граблями ³⁾ и вѣнникомъ; гдѣ она дѣйствуетъ первымъ орудіемъ—тамъ еще остаются нѣкоторые въ живыхъ, ибо грабли не все лѣчиста загребаютъ, а гдѣ мететъ вѣнникомъ—тамъ рѣшительно всё вымираютъ; часто она появляется въ красномъ платьѣ. Шведскія саги рассказываютъ о Моровой дѣвѣ (Pestjungfrau), что впереди ея идетъ крошечный и прекрасный мальчикъ (=эльфъ) съ желѣзными граблями (rifva—geibeisen), а сама она выступаетъ съ вѣнникомъ, и что остается въ живыхъ отъ ея передоваго спутника, то все подметаетъ безжалостной рукою ⁴⁾.

¹⁾ Срп. рјечник, 311; Иличъ, 299. — ²⁾ D. Myth., 1136; сб. Валявца, 243. — ³⁾ „Mit einer reibe (rive), einem gezahuen werkzeug, womit erde oder heu und getraide auseinander gezogen wird“. — ⁴⁾ D. Myth., 1139—1140.

Многочисленія представленія, соединяемыя съ моровою язвою, распространяются и на холеру, и на скотскій падежъ. На Руси холеру представляютъ старухою, съ злобынымъ, искаженнымъ страданіями лицомъ ¹⁾; въ Малороссіи увѣряютъ, что она носитъ красныя сапоги, можетъ ходить по водѣ ²⁾, безпрестанно вздыхаетъ и по ночамъ бѣгаетъ по селу съ возгласомъ: «була беда, буде лыхо!» Гдѣ она остановится переночевать, въ томъ домѣ не уцѣлѣтъ въ живыхъ ни единого человѣка. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ думаютъ, что холера является изъ-за моря, и что ихъ три сестры ³⁾, одѣтыя въ бѣлыя саваны; однажды мужикъ, отправляясь на базаръ въ городъ, подвѣзъ съ собою двухъ сестеръ-холеръ; онѣ сидѣли на возу, держа на колѣняхъ узелки съ костями; одна изъ нихъ отправлялась морить людей въ Харьковъ, а другая—въ Курскъ ⁴⁾. Сходно съ этимъ, новогреческое сказаніе упоминаетъ о трѣхъ страшныхъ женахъ, которыя странствуютъ вмѣстѣ по городамъ и селамъ и караютъ жителей моровою язвою: одна носитъ длинный свитокъ, гдѣ записаны имена приговоренныхъ къ смерти; другая — ножицы, которыми наносятъ людямъ смертельные удары; а третья — вѣникъ, которымъ сметаетъ съ лица земли все живое. Очевидно, что эти три моровыя жены, сербскія три куги и наши три сестры-холеры тождественны съ древними парками, эвменидами и фуриями ⁵⁾. Болгары утверждаютъ, что Чума и повальная Оспа, являясь по ночамъ, читаютъ по книгѣ: кто долженъ умереть и кто выздоровѣтъ ⁶⁾. О чумѣ рогатаго скота русскіе поселяне рассказываютъ, что это безобразная старуха, у которой руки съ граблями; она

¹⁾ Во владимірской губ. ее называютъ собачьей смертью.— ²⁾ Закавказ. край Гакстгаузена, II, 60.— ³⁾ Или: братъ и двѣ сестры.— ⁴⁾ Ворон. Г. В. 1850, 16; Владим. Г. В. 1844, 53; Рус. Рѣчь 1861, 41; Пов. и пред., 177.— ⁵⁾ D. Myth., 1136.— ⁶⁾ Ж. М. Н. П. 1846, XII, 212.

называется Коровья или Товаряча ¹⁾ Смерть, и сама рѣдко заходитъ въ сѣла, а болѣею частію ее завозятъ. Показывается она преимущественно осенью и ранней весной, когда скотина начинаетъ страдать отъ безкормицы и дурной погоды. Въ февралѣ-мѣсяцѣ, по мнѣнію крестьянъ, Коровья Смерть пробѣгаетъ по селамъ — чахлая и заморенная. Чтобы прогнать ее въ лѣса и болота, совершается торжественный обрядъ опахиванія, т. е. около селенія обводится круговая, со всѣхъ сторонъ замкнутая черта, черезъ которую Чума не въ силахъ переступить ²⁾. Обрядъ этотъ употребляется и противъ холеры. Я. Гримиѣ сообщаетъ слѣдующій рассказъ: встрѣтила Чума крестьянина и попросила подвести себя; узнавши дорогою свою спутницу, крестьянинъ сталъ молить о собственной пощадѣ, и Чума научила его обѣжать нагишомъ вокругъ своего дома и закопать у порога желѣзный крюкъ. Въмѣсто того, крестьянинъ обѣжалъ вокругъ всей деревни, а желѣзо закопалъ при самомъ ея въѣздѣ. Язва страшно свирѣпствовала въ окрестностяхъ, но не могла проникнуть въ деревню, огражденную невидимую чертою и желѣзнымъ запоромъ ³⁾. Коровья Смерть рѣдко принимаетъ на себя образъ черной собаки или коровы, и разгуливая между стадами, заражаетъ скоть. У насъ ее называютъ Морною коровою, въ Шлезвигъ-Голштейнѣ—Kuhtod и Viehschelm; въ Ирландіи рассказываютъ о быкѣ-эльфѣ (elfstier), который осенью приходитъ на сжатые поля и сѣшивается съ деревенскими стадами ⁴⁾. У словенцовъ чума рогатаго скота олицетворяется пестрымъ теленкомъ: своимъ мычаньемъ этотъ оборотень умерщвляетъ коровъ и овецъ ⁵⁾.

¹⁾ Товаръ—рогатый скоть. — ²⁾ Сахаров., II, 10—11; Зап. Общ. рус. и слав. археолог., I, отд. 2, 46. — ³⁾ D. Myth., 1138—9. — ⁴⁾ Der Urspr. der Myth., 182; Beiträge zur D. Myth., II, 307; Труды моск. археол. Общ., в. II, 181. — ⁵⁾ D. Myth., 1140; Терещ., VI, 42.

Въ томской губ. сибирская язва представляется въ видѣ высокаго, мохнатого человѣка, съ копытами на ногахъ; онъ живетъ въ горахъ и выходитъ оттуда, слыша клятвы: «язви те!» «пятнай те!» ¹⁾

---

¹⁾ Этн. Сб., VI, 135. У болгаръ существуетъ повѣрье, что Чума или Оспа, желая удалиться изъ деревни, является кому нибудь во снѣ и требуетъ, чтобы онъ проводилъ ее въ такую-то сторону. Избранный въ проводники беретъ хлѣбъ, намазанный медомъ, нѣсколько соли и штофъ вина; утромъ, передъ восходомъ солнца, онъ идетъ на указанное мѣсто, какъ-бы сопутствуя незримой страннице, и тамъ оставляетъ хлѣбъ, соль и вино. Послѣ того болѣзнь прекращается — Ж. М. Н. П. 1846, XII, 212.

XXIII.

ОБЛАЧНЫЯ ЖЕНЫ И ДЪВЫ.

Прародительское племя аріевъ называло дождь небеснымъ молокомъ; вмѣстѣ съ этимъ дождевыя облака рисовались его фантазіи соседями дойной коровы и грудями женщины-матери. Понятіе «воздоющеѣ» равно соединялось и съ коровою, и съ мамкою, кормилицею; а молнія, которая сосетъ облачныя груди, вытягиваетъ изъ нихъ молоко-дождь, получила названіе смока—сосуна (см. I, 665; II, 560). И женскія груди, содержащія въ себѣ молоко, и облака, несущія дождь, обозначаются въ санскритѣ тождественными выраженіями: *stapajitnu* (отъ *stap*—дышать, стелать, съ приставкою *jitnu*) и *paṁdhara* (отъ *paṁas*—питье, питаніе и *dhr*—содержать; буквально: то, что содержитъ питательную влагу)—*stapae* и *pubes* ¹⁾). Представленіе тучъ материнскими грудями засвидѣтельствовано поэтическими преданіями индусовъ ²⁾); слѣды того-же древняго воззрѣнія встрѣчаемъ и у другихъ индоевропейскихъ народовъ. Трогательная сербская пѣсня про «зиданье Скадра» рассказываетъ, что когда въ стѣны этого города была замурована молодая жена—она просила зодчаго:

¹⁾ У. З. 2-го отд. А. Н., VII, в. 2, ст. Лавровск., 4. — ²⁾ German. Mythen, 76.

Остави ми прозор на дојкама,
Истури ми моје б'јеле дојке;
Каде дође мој нејаки Јово,
Каде дође, да подоји дојке. ¹⁾

Просьба ея была исполнена.

И тако је у град уградише,
Па доносе чедо у кол'јевци,
Те га доји за нећел(ь)у дана;
По нећел(ь)и изгубила гласа,
Ал' ђетету онђе иде рана,
Дојише га за годину дана.
Како таде, тако и остаде,
Да и данас онђе иде рана
Зарад' чуда и зарад' лијека,
Која жена не има млијека ²⁾.

Говорять (прибавляетъ Вукъ Караджичъ), «да и сад из онијех прозора, гдје су сисе биле изможене, тече некака мокрина, која се низа зид хвата, као креч, и жене, које немају млијека, или их сисе боле, носе оно, те пију у води» ³⁾. Подобное-же италянское преданіе приведено у Я. Гримма: «est quoque non procul ab hoc oppido (Veronae) in valle quadam Policella dicta locus Negarina nomine, ubi saxum durissimum visitur, in quo mammae ad justam muliebrium formam sculptae sunt, ex quarum papillis perpetuae stillant aquae, qui-

¹⁾ Переводъ: Оставь мнѣ оконцы для грудей, выпусти мои бѣлыя груди; когда принесутъ моего бѣднаго Јована — пусть пососеть груди. — ²⁾ Итакъ положили се въ стѣну; приносили къ ней ребенка въ колыбели — и кормила она его цѣлую недѣлю, а потомъ хотя потеряла голось, но все давала пищу своему дитяти и кормила его цѣлый годъ. Какъ было тогда, такъ и осталось: и теперь идетъ отъ нея питаніе — ради чуда и ради исцѣленія женамъ, у которыхъ нѣтъ молока. — ³⁾ И донинѣ изъ тѣхъ оконцевъ, откуда вывазывались сосцы, течеть нѣкая влага, которая осѣдается внизу стѣны, какъ известъ, и жены, немѣющія молока или съ больными грудями, носятъ ее (при себѣ) или пьютъ въ водѣ — Срп. и. пјесме, II, 123—4.

bus si lactans mulier papillas aspersit et laverit, exsiccatuſ aliquo ut fit vel morbo vel alio casu, illi lacteus humor revocatur» ¹⁾). Прототипомъ этихъ сказаній былъ мифъ о небесныхъ, облачныхъ грудяхъ, дарующихъ неизсякаемое млеко дождя; припомнимъ, что, на ряду съ означеннымъ представленіемъ, тучи уподоблялись еще твердымъ скаламъ и возводимымъ на небѣ городамъ и башнямъ. Въ разныхъ мѣстахъ, изъ каменныхъ стѣнъ и утесовъ точится, по народному повѣрью, живительная вода или цѣлебное масло.

Олицетворяя явленія природы въ живыхъ, человѣческихъ образахъ, предки наши пришли къ убѣжденію, что эти облачныя груди принадлежатъ тѣмъ небеснымъ нимфамъ, которыя льютъ на землю дождевые потоки, и въ самыхъ облакахъ лѣтнаго періода стали признавать прекрасныхъ полногрудыхъ женъ. Такой взглядъ раздѣлялся всѣми народами индоевропейскаго происхожденія. Индусы видѣли въ облакахъ и тучахъ не только толпы демоновъ, но и божественныхъ водяныхъ женъ, обитающихъ въ воздушномъ океанѣ — āras, которыя изъ своихъ материнскихъ сосцевъ поятъ и питаютъ землю дождемъ. Этихъ мифическихъ женъ они называли матерями, супругами, родильницами (ambayas, mātagas, patnis, gnās, jānayas), и почитали ихъ возлюбленными подругами боговъ (dēvapātis). Съ ними родственны апсарасы — небесныя дѣвы, населяющія воздушную область между землею и солнцемъ; имя это, по объясненію Маннгардта, означаетъ: «невмущія образа» или «шествующія по водамъ» (die gestaltlosen, die im wasser gehenden). Облака и туманы

¹⁾ Недалеко отъ Вероны есть мѣсто, гдѣ видна твердая скала, въ которой выдѣланы груди на подобіе женскихъ; изъ нихъ постоянно капаетъ вода, и если мать-кормилица омоетъ этою водою свои сосцы, то ей снова возвращается молоко, утраченное вслѣдствіе болѣзни или по другой причинѣ—D. Myth., 1129.

отличаются необыкновенно-легкою подвижностью, безпрестаннымъ измѣненіемъ своихъ формъ, что и дало поводъ фантазіи представлять ихъ въ разнообразныхъ олицетвореніяхъ и породило многочисленныя басни о ихъ превращеніяхъ. По своей облачной, туманной природѣ, апсарасы любятъ превращаться, и нерѣдко являются коровами, несущими въ своихъ сосцахъ обильное молоко; въ этомъ видѣ ихъ настигаютъ и доятъ грозовые гении — гандарвы. Водяныя жены (*âras*) и апсарасы считались хранительницами амриты — безсмертнаго напитка, заключеннаго въ тучахъ ¹⁾. Греческія нимфы (*νύμφη* = *nubes*), по первоначальному ихъ значенію, суть облачныя дѣвы; онѣ живутъ въ пещерахъ (= нѣдрахъ тучъ), прядутъ, готовятъ ткани, купаются и поютъ пѣсни — все черты, указывающія на ихъ связь съ грозовыми явленіями ²⁾. Въ мифѣ дикой охоты германцы изображали картину лѣтней грозы; цѣлью этой охоты была прекрасная *windsbraut* или *waldfrau*, за которую гнался бурный, молніеносный богъ и которая, подобно нашимъ лѣсункамъ, представлялась съ большими, отвѣслыми грудями (см. II, 343). Въ Баваріи темное, дождевое облако называютъ: «*a nel* (= *grossmutter*) *mit der laugen*», т. е. бабка съ щолокомъ (= кипучимъ дождемъ); у чеховъ эти облака извѣстны подъ именемъ *bàby* *bàbky*: «*bàby vystupuj!*, *bude pršet*» (дождь); «*bàby vstavaj!*, *bude bouřka*»; объ осеннихъ туманахъ, когда они поднимаются вверхъ, выражаются: «*bàby vstavaj!*». Въ лѣтнее время бабы или Мраченки (отъ *шгацпо* — черная туча) выходятъ изъ колодцевъ и возносятся къ облакамъ, неся съ собою воду, которою потомъ орошаютъ землю, и тѣмъ самымъ даруютъ урожай ³⁾. Отсюда объясняется старинная рус-

¹⁾ Die Götterwelt, 53—55. — ²⁾ Sonne, Mond u. Sterne, 242. —

³⁾ D. Myth., 607; Ганушъ о Дѣвѣ и Бабѣ, 4; Громанъ, 32, 230; Ч. О. И. и Д. 1865, III, 148.

ская поговорка: «шла баба изъ-за моря, несла кузовъ здоровья», т. е. облачная жена несетъ изъ воздушнаго океана живую, цѣлющую воду — дождь; по народному повѣрью, эта спасительная вода скрывается на зиму въ крѣпкихъ затворахъ, и только въ мартѣ-мѣсяцѣ, прилетая изъ-за моря, легкокрылыя птицы, какъ воплощеніе вѣтровъ, приносятъ ее изъ неволи. Когда моютъ ребенка въ банѣ, то при этомъ причитываютъ: «шла баба изъ-за моря, несла кузовъ здоровья: тому-сему кусочекъ, тебѣ весь кузовочекъ!» а затѣмъ, окачивая водою, приговариваютъ: «съ гуся вода, съ тебя худоба; вода-бъ къ низу, а ты бы къ верху!» (подымался, росъ. ¹⁾) Когда въ мартѣ-мѣсяцѣ неожиданно завернуть холодъ и вьюги и оцѣпнѣть дождевыя тучи, тогда, по выраженію сербовъ, наступаютъ бабины уковы, т. е. облачныя жены снова падаютъ въ зимнія оковы. Но, кромѣ дождя, тѣже мифическія жены шлютъ на землю градъ и снѣгъ. По чешскому повѣрью, градъ падаетъ изъ тѣхъ тучъ, на которыхъ возсѣдаютъ вѣдьмы; въ Вестфалии о паденіи снѣга говорятъ: «die alten weiber schütten den pelz (шкура = облачный покровъ) aus» ²⁾; у насъ въ началѣ зимы, какъ только покроетъ землю первый снѣгъ, крестьянскія дѣти дѣлаютъ изъ него бабу, т. е. катаютъ снѣжный шаръ.

Обитая въ дождевыхъ тучахъ — небесныхъ источникахъ и моряхъ, облачныя нимфы получили прозваніе водяныхъ или морскихъ женъ и дѣвъ. Впоследствии, когда утратилось ясное пониманіе старинныхъ метафоръ и когда поэтическія сказанія о небесныхъ потокахъ были низведены на землю, эти жены и дѣвы покинули воздушныя области и овладѣли земными водами, хотя и удержали при этомъ многія любо-

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 155; Иллюстр. 1846, 333. — ²⁾ Громанъ, 32; Die Götterwelt, 88,

пытныя черты своего первоначальнаго происхожденія (см. т. II, стр. 203). Такъ явились въ Греціи наяды, nereиды, въ Германіи ниссы, у насъ и чеховъ русалки Русалка означаетъ водяную дѣву; во многихъ славянскихъ земляхъ (въ Россіи, Польшѣ, Богеміи, Сербіи, Болгаріи) встрѣчаемъ родственныя съ этимъ именемъ названія источниковъ, рѣкъ и прибрежныхъ странъ: Руса, Россъ, Русилровка, Rusesa, Ras, Rasa, Rasenica, Rasina, Rasinica и др., что заставляетъ предполагать въ нихъ древнѣйшій корень, служившій для обозначенія воды вообще. Въ санскритѣ gasa — жидкость, влага, вода, кельт. gus, gos — озеро, прудъ, лат. gos — роса (орошать, росинецъ — дождь); у древнихъ литовцевъ gasos szwente — праздникъ росы въ іюнѣ-мѣсяцѣ, соответствующій «русалиямъ»; нѣм. gieſ-elп — струиться, журчать, наше русло — середина рѣчнаго ложа ¹⁾. По рассказамъ поселянъ, рѣки (Днѣпръ, Десна, Сеймъ, Сула и др.), криницы, озера и моря населены русалками. Древность этого вѣрованія засвидѣтельствована Прокопиемъ, который въ своей хроникѣ замѣчаетъ о славянахъ, что они обожали рѣчныхъ нимфъ. Смотри по тому, гдѣ живутъ водяныя жены и дѣвы, ихъ называютъ водьянами (водьявами, воденицами) и морянами (у словаковъ: водоуи моѣскѣ раппу); первыя обитаютъ въ рѣкахъ, озе-

¹⁾ Časopis českého Museum. šestý roční běh, вып. III (1833 г.), ст. Шаоарика „o rusalkách“, 264; Рус. прост. праздн., IV, 6; Изв. Ак. Н., I, ст. Микуцкаго, 115. Выше было замѣчено, что понятіе быстрого разлива, равно соединявшееся съ стихіями свѣта и воды, выразилось въ опредѣленіи ихъ словами, производными отъ однихъ и тѣхъ-же корней (см. II, стр. 286—9). На этомъ основаніи допускаютъ сродство имени русалка съ прилагательнымъ русый (свѣтлый, рыжій), въ Ведахъ русат — rutilans; хотя санскр. русъ употребляется въ смыслѣ: ferire, laedere, occidere, но съ перемѣною нѣбаго съ вѣч (руч) означаетъ: lucere, splendere; въ русскомъ же языкѣ ручей — весенній или малый, незначительный потокъ — О вл. христ. на сл. яз., 16.

рахъ и колодцахъ, а послѣднія въ морѣ ¹⁾). Онѣ любятъ селиться обществами и по преимуществу въ пустынныхъ мѣстахъ — въ омутахъ, котловинахъ и подъ рѣчными порогами, устроенная тамъ гнѣзда изъ соломы и перьевъ, собираемыхъ по деревнямъ во время Зеленой недѣли. По другимъ повѣрьямъ, у нихъ есть подводные хрустальные чертоги, блестящіе внутри (подобно волшебнымъ дворцамъ драконовъ) серебромъ, золотомъ, алмазами, яхонтами, жемчугомъ, разноцвѣтными раковинами и кораллами; дневное солнце сіяетъ и свѣтлыя волны съ шумомъ катятся черезъ прозрачныя кровли и стѣны этихъ роскошныхъ чертоговъ. У чеховъ водна раппа, высокая, красивая, но блѣднолицая, виѣтъ жилище подъ водою, сдѣланное изъ чистаго серебра и золота и украшенное розами и перлами. Такой-же богатый дворецъ, по литовскому преданію, былъ у царицы Балтійскаго моря Юраты. Выходя на поверхность водъ, русалки плаваютъ, плещутся, играютъ съ бѣгучими волнами, или садятся на мельничное колесо (=громовый жорновъ, см. I, 291), вертятся виѣтъ съ нимъ, любуясь брызгами, а потомъ бросаются въ глубь и съ возгласомъ: куку! ныряютъ подъ мельницей. Эти черты принадлежать русалкамъ наравнѣ съ водянымъ дѣдомъ, подъ властію котораго онѣ и состоятъ по народному убѣжденію. Какъ водяной, такъ и русалки извѣстны своими проказами: сидя въ омутахъ, онѣ путаютъ у рыбаковъ сѣти, цѣпляють ихъ за рѣчную траву, ломають плотины и мосты и заливають окрестныя поля, перенимають заночевавшее на водѣ стадо гусей и заворачивають имъ крылья одно за другое, такъ что птица не въ силахъ ихъ расправить ²⁾; о морскихъ русалкахъ въ астраханской губ.

¹⁾ Стат. Шафарика, 272. — ²⁾ Иллюстр. 1845, 299; Полтав. Г. В. 1846, 24; Маркевич., 81 — 82; Абов., 283; Описан. олонек. губ. Дашкова, 218; Украин. мелодіи, 146; Ворон. Г. В. 1850, 16; Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 18—19; Терещ., VI 133; Arxiv za ro- věstnicu jugoslovensku, I, 101—4.

рассказывают, что, появляясь изъ водъ, онѣ воздымаютъ бурю и качаютъ корабли ¹⁾. Что колодцы, рѣки и моря, населенныя русалками, составляютъ не болѣе, какъ смутное воспомина-
 ніе о небесныхъ дождевыхъ источникахъ, это подтверждается и тѣмъ, что, наряду съ водами, фантазія населяетъ ими горы и лѣса (старинныя метафоры тучь), и такимъ образомъ род-
 нить ихъ не только съ водяными, но и съ горными и лѣс-
 ными, т. е. грозowymi духами. Преданіе о горахъ, какъ оби-
 талищахъ русалокъ, почти позабыто на широкихъ равнинахъ
 Руси, потому что отсутствіе горныхъ возвышеній лишило это
 древне-мнѣическое представленіе необходимой для него обста-
 новки и не позволило ему развиться въ цѣлый рядъ поэтиче-
 скихъ сказаній, какія встрѣчаемъ у другихъ славянъ. Тѣмъ не
 менѣе въ «Абевегѣ русскихъ суевѣрій» записано, что русалки
 живутъ не только въ рѣкахъ, но и въ горахъ, и любятъ бѣ-
 гать по ихъ скатамъ. Въ Галиціи рассказываютъ, что онѣ пля-
 шутъ и веселятся на горахъ, а тождественныя съ ними
мавки обитаютъ на горныхъ вершинахъ ²⁾; чехи называ-
 ютъ высокія скалы — bábí-hogu, babie gogu ³⁾. Эти бабы,
 русальи горы слились въ народномъ воображеніи съ возвы-
 шенными, нагорными берегами рѣкъ. Пансьевскій сборникъ и
 рукописи новгородскаго Софійскаго собора упоминаютъ о тре-
 бахъ, поставляемыхъ рѣкамъ, источникамъ и береги-
 нямъ ⁴⁾; г. Срезневскій указалъ подобное-же мѣсто въ одномъ
 старинномъ поученіи духовнымъ дѣтямъ: «и Мокоши и бере-
 гини (берегини) и всякимъ богомъ мерзѣскимъ требама не
 приближайся». «По лужицки (замѣчаетъ этотъ ученый) слово
 берегиня выговаривалось бы brëginja или bregina, а при

¹⁾ Совр. 1852, I, 123. — ²⁾ Маякъ, XI, 52; Семеньск., 123—4.—

³⁾ Ганушъ о Бабѣ и Дѣдѣ, 4.— ⁴⁾ Лѣт. рус. лит., т. IV, отд. 3, 97, 108.

замѣненіи звука б въ в—wregina. Слово wregina, во множеств. wreginy известно въ лужицкомъ языкѣ, какъ названіе злаго духа, альпа: wón ma wreginy значитъ тоже, что по нѣмецки: er hat die elfen». Древнѣйшее значеніе слова брѣгъ (берегъ) есть гора (сравни нѣм. berg и кельт. brig—mons); а потому названіе берегиня могло употребляться въ смыслѣ орсады, горыни (также, какъ у нѣмцевъ alp, alpe, alpen—горы, alpinna, elpinna—горный духъ), и вмѣстѣ съ тѣмъ служить для обозначенія водяныхъ дѣвъ, блуждающихъ по берегамъ рѣкъ и потоковъ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ разсказываютъ о лѣсныхъ русалкахъ, и вообще весною, выходя изъ глубокихъ водъ, онѣ разбѣгаются по сосѣднимъ лѣсамъ и рощамъ и совершенно смѣшиваются съ лѣсунками (первоначально тождественными облачнымъ женамъ, см. гл. XVII): также любятъ качаться по вечерамъ на гибкихъ вѣтвяхъ деревьевъ, также неистово хохочутъ, также защекочиваютъ на смерть и увлекаютъ въ омуты неосторожныхъ путниковъ, завидя которыхъ—манять къ себѣ ласковымъ голосомъ: «хадзи-пръ къ намъ на орели²⁾», колыхацся!» Чаше всего это случается на Троицкую недѣлю, и малоруссы боятся тогда запаздывать къ Гусю и откланиваться на чужое аukaanъ; въ харьковской губ. русалку называютъ лоскоталкою. Вѣроятно, въ связи съ мѣщанствомъ лѣсныхъ и русалокъ на древесныхъ вѣтвяхъ возникъ старинный обычай ставить при началѣ весны (на Свѣтлой и Троицкой недѣляхъ) качели, какъ необходимую принадлежность тогдашнихъ игръ, —обычай, строго осуждаемый моралистами допетровской эпохи (см. II, 718). До сихъ поръ крестьяне свиваютъ на Троицу вѣтви двухъ смежныхъ березъ, чтобы, цѣпляясь за нихъ, могли качаться русалки. Подобно лѣшнимъ,

¹⁾ Москв. 1851, V, 63; Volkslieder der Wenden. II, 269: здѣсь wreginy сближаются съ словомъ врагъ, пол. wróg. — ²⁾ Качели.

русалки носятъ по рощамъ и бьютъ въ ладоши, или свернувшись клубкомъ, съ громкимъ хохотомъ катаются по травѣ и дорогамъ, и хохотъ ихъ далеко раздается въ глубинѣ лѣсной чащи; волосы у нихъ обыкновенно зеленые, или увѣчанные зелеными вѣнками; чешская *vodna/ranna* носятъ легкую зеленую одежду и бѣлое покрывало, усыпанное перлами ¹⁾. На Днѣпрѣ есть старой густой лѣсъ, называемый гаемъ русалокъ ²⁾.

Какъ владѣтельница источника живой воды, все вызывающей къ бытію, всему дарующей красоту, молодость и силы, русалки вѣчно-юны и также прелестны собою, какъ эльфы, съ которыми у нихъ много общаго, близкаго, родственнаго; ибо въ сказаніяхъ о тѣхъ и другихъ лежатъ однѣ мнѣшескія основы. Лицо русалки исполнено несказанной, плѣнительной красоты, всегда-распушенные русые, черныя или зеленыя косы ниспадають по спинѣ и плечамъ ниже колѣнъ, станъ—стройный, глаза—голубые или черныя, съ длинными пушистыми рѣсницами; но вмѣстѣ съ этимъ, какъ въ существѣ стихійномъ, во всемъ ея тѣлѣ замѣчается что-то воздушно-прозрачное, безкровное, блѣдное. Сходно съ эльфами, русалки болѣею частію представляются семилѣтними дѣвочками; есть между ними и взрослыя дѣвы, съ полными, хорошо-развитыми и бѣлоснѣжными грудями, но это—несчастныя утопленницы, осужденныя по смерти быть русалками. Съ человѣческими формами русалокъ соединяются и тѣ особенныя признаки, какіе присвоены воднымъ нимфамъ у вѣхъ индоевропейскихъ народовъ; такъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ рассказываютъ о ихъ гусиныхъ ногахъ, или вмѣсто ногъ

¹⁾ Вѣст. Евр. 1818, XXII, 115—6; Полтав. Г. В. 1846. 21; Киев. Г. В. 1845, 15; Украин. Журналъ 1824, XI, 250; Терещ., VI, 134; Маякъ, XIII, 49; Описан. оловец. губ., 218; Украин. мелодіи, 144—5; Москов. Вѣстк. 1827, VI, 358.— ²⁾ Шафарикъ, 266.

даютъ имъ раздвоенный рыбій хвостъ, напоминающій греческихъ сиренъ ¹⁾. Какъ тѣ очаровывали пѣннемъ пловцовъ и увлекали ихъ въ глубину водъ, такъ, по русскимъ повѣрьямъ, всякой, кто увидитъ русалку и услышитъ манящія звуки ея голоса, поддается неодолимому обаянiю ея красоты, кидается въ волны и тонетъ — при злобномъ хохотѣ водяныхъ дѣвъ. Съ русалками могутъ купаться однѣ вѣдьмы; крещенные люди, рѣшаясь наэто, гибнутъ въ омутахъ. Германцы думали, что всѣ гибнущіе въ морѣ увлекаются на дно девятью дочерьми Раны и живутъ въ подводныхъ палатахъ этой морской богини. Мы знаемъ, что массы сгущенныхъ облаковъ сравнивались съ разбросанными по воздуху, всклокоченными и спутанными волосами, которые во время грозы расчесывалъ богъ вѣтровъ и молній. Эта поэтическая мысль нераздѣльна со всѣми олицетворенiями облачныхъ и грозовыхъ явленiй природы: длинные, косматые волоса даются и домовымъ генiямъ, лѣснымъ и водянымъ духамъ, вѣдьмамъ и трясавицамъ. Съ распущенныхъ волосъ русалки непрерывно сочится вода, т. е. по первоначальному значенiю — съ густыхъ прядей ея облачной косы льются дождевые потоки. Поселянамъ случалось видѣть, какъ русалки, сидя у колодца, на уединенномъ берегу рѣки, озера, или на мельничномъ колесѣ, расчесывали гребнемъ, сдѣланнымъ изъ рыбьей кости, свои русые или зеленныя косы, съ которыхъ цѣлымъ потокомъ струилась невзякаемая вода. Въ новгородъ-сѣверскомъ уѣздѣ есть двѣ криницы Заручейская и Сухомлинская, пользующіяся въ народѣ особеннымъ уваженiемъ. На срубкахъ этихъ колодцевъ каждый годъ на Зеленой недѣлѣ, при утреннемъ разсвѣтѣ, сидятъ прекрасныя дѣвы, съ распущенными русыми косами, и расче-

¹⁾ Польская сказка (Глинск., IV, 39) изображаетъ русалку дѣвою съ рыбьимъ хвостомъ.

сываютъ ихъ гребнемъ. Дѣвы эти называются криницами и русалками. Въ томъ-же уѣздѣ сохраняется преданіе о ручьѣ «Буковище». Въ его водахъ потонула когда-то дѣвочка, у которой мать была вѣдьма; опечаленная мать стала клясть ручей и бросила въ него горячую сковороду. Проклятiе было такъ сильно, что нимфа этихъ водъ удалилась съ прежняго мѣста на новое: красною дѣвицею, въ плахтѣ, монистахъ и съ растрепанной косою, пошла она изъ Юрнавки въ Бялицу и такъ горько плакала, «ажъ дуброва стонала». Окрестные жители видѣли, какъ она съѣла у Бялицы на криницѣ, расчесала свою косу, бросилась въ воду и исчезла. Если при русалкѣ есть гребень, то она можетъ затопить любое мѣсто, расчесывая свои волнистые локоны; но за то если волоса ея обсохнутъ—она немедленно умираетъ, т. е. съ окончанiемъ грозы и дождевыхъ ливней, съ появленiемъ яснаго, все-изсушающаго солнца облачныя дѣвы исчезаютъ съ просвѣтленнаго неба. Вотъ почему русалки боятся отходить далеко отъ береговъ рѣки или озера, не захвативъ съ собою гребенки ¹⁾. Точно также любятъ расчесывать свои длинныя косы германскія эльбины и никсы ²⁾.

Волоса, шерсть, пряди льну и конопля обозначались въ языкѣ тождественными выраженiями (I, 221—2, 681). Поэтому, одновременно съ уподобленiемъ облаковъ и тучъ спутаннымъ волосамъ, возникло представленiе ихъ мохнатою волною овецъ (руномъ) и куделями, изъ которыхъ прядутся нити; сверхъ того, облака, какъ небесныя покровы—

¹⁾ Иллюстр. 1845. 299; О. З. 1828, ч. XXXIV, № 96, 108—9; Черниг. Г. В. 1854, 15; Русск. Преданiя, I, 10—11; Записки Авдѣевой, 147; Терещ., VI, 124, 132—3; Пассекъ, III, 190; Рус. прост. праздн., IV, 12; Моск. Наблюдат. 1837, май, кн. II, 246; Маркевичъ, 81—82; Часописъ чешск. музея 1834, II, 186. —

²⁾ D. Myth., 459; Beiträge zur D. Myth., 282—3.

одежда, признавались тканями, приготовленными из легкой пряжи поднимающихся с земли паровъ и тумановъ (I, 542 — 6). Отсюда становится вполне-понятною связь облачныхъ женъ и дѣвъ съ работами пряденья, тканья, и съ воздѣлываніемъ льна. По болгарскому повѣрью, прастъ и ткать научилъ людей самъ Господь. На Украйнѣ прядка считается за даръ божій, врученный первой женѣ Евѣ. Въ великорусскихъ губерніяхъ увѣряютъ, что на краю свѣта—тамъ, гдѣ небо сходится съ землею, бабы затыкаютъ свои прядки и вальки за облака. Почти повсюду богиня весеннихъ грозъ, напоющая землю росой и дождями, признана была за покровительницу обработки льна. У грековъ Афина ткала легкія одежды ¹⁾, а золотое веретено составляло одинъ изъ атрибутовъ Артемиды; окруженная толпою горныхъ и рѣчныхъ нимфъ, эта послѣдняя то охотилась по горамъ и лѣсамъ и бросала мѣткія стрѣлы, то купалась въ источникахъ и участвовала въ танцахъ подъ сѣнію дубравъ и на цвѣтущихъ лугахъ ²⁾. По германскимъ преданіямъ, богиня Фрѣя, извѣстная какъ дикая охотница, занимается въ уединенныхъ мѣстахъ пряжею; на Рождественскія Святки (in dem Zwölften) она ходитъ изъ дому въ домъ, въ бѣлой развѣвающейся одеждѣ, и смотритъ: весь ли лёнъ выпрала дѣвицы? и если находитъ на гребнѣ кудель, то наказываетъ лѣнливую работницу, пачкая ея прядею; тоже преданіе прилагается и къ богинѣ Гольдѣ, которой приписываютъ низпосланіе дождя и снѣга; а въ Гарцѣ рассказываютъ, какъ она шла къ горному источнику, неся въ рукѣ золотое ведро безъ дна, что напоминаетъ бездонныя бочки Данаидъ и дождевыя урны облачныхъ нимфъ. Гольда носитъ длинное бѣлое платье и бѣлое покрывало; волосы у ней густые, всклокоченные и золотистые. Въ сообществѣ

¹⁾ Илиада, XIV, 178. — ²⁾ Griech. Myth. Преллера, I, 231.

двухъ дѣвъ, въ бѣлоснѣжныхъ уборахъ и съ золотистыми локонами, она купается въ тихихъ прудахъ и поетъ прекрасныя пѣсни. Гольда проживаетъ въ горахъ и колодахъ (—въ тучахъ). Сидя въ своемъ гротѣ или въ лѣсной чашѣ, она вертитъ золотое колесо прялки и прядетъ подъ звуки мелодическихъ пѣсень; если случится кому-нибудь получить отъ нея клубокъ—изъ этого клубка тянется безконечная нитка, сколько бы его не разматывали. По мнѣнiю тиролецвъ, обработка льна введена Гольдою. Въ то время, когда цвѣтеть лёнъ, она обходитъ засѣянные этимъ злакомъ поля, смотритъ на нихъ радостно, поправляетъ погнувшiеся стебли и благословляетъ цвѣтъ и зелень. По скатамъ горъ можно видѣть разостланные бѣлые холсты, на которыхъ она просушиваетъ связки льну. У лѣнивыхъ прякъ она спутываетъ, пачкаетъ или поджигаетъ кудели; а прилежнымъ даритъ веретена и сама прядетъ вмѣсто нихъ по ночамъ, такъ что по утру находятъ готовые шпульки нитокъ. На Рождество (Weihnachten) frau Holda странствуетъ по землѣ, а потому женщины и дѣвицы навязываютъ тогда на свои прялки новыя кудели и оставляютъ на ночь неубранными; увидя лёнъ на прялкахъ, Гольда радуется и говоритъ: «so manches haag, so manches gute jahr!» Передъ великимъ постомъ, когда она снова заглядываетъ въ домъ, весь прошлогоднiй лёнъ долженъ быть выряденъ. Въ противномъ случаѣ, находя на прялкахъ неоконченныя кудели, она гнѣвается и восклицаетъ: «so manches haag, so manches böse jahr!» Чтобы избѣгнуть этого проклятiя, хозяйки передъ самымъ заговѣнемъ снимаютъ съ гребней пучки невыряденнаго льна и тщательно прячутъ ихъ въ сокровенныя мѣста. Имя Holda указываетъ на дружественную, благодатную, кроткую богиню; другое прозванiе, даваемое ей, Berchta (Bertha)—Perchta означаетъ: блестящая, свѣтлая. Въ послѣднiй день года Берта, являясь въ до-

на, рветъ недоконченную пряжу; передъ Крещеніемъ она приноситъ пустыя шпульки, приказываетъ напирать ихъ къ назначенному сроку, и въ случаѣ неисполненія этого приказа мараетъ и путаетъ кудель. Итальянцы и французы давность золотого вѣка обозначаютъ выраженіемъ, что это было въ то время, когда прядя Берта («*du temps, que Berthe filait; non è più il tempo, che Berta filava*»). Берта носитъ бѣлую одежду; у ней длинныя льняныя волосы и большая нога, которою она управляетъ колесомъ прялки (*Berthe au grand pied*¹⁾). Подобныя же повѣрья соединяются у славянъ мнѣстскою Пятницею и св. Недѣлькою. Пятница изобразилась простовласою, т. е. съ распущенною косою; таинственный обходъ ея праздновали, по словамъ духовнаго регламента символическимъ обрядомъ: водили простовласую жонку по имени Пятницы. Параскева-Пятница въ народѣ слывется льняницею; съ 28-го октября, когда чествуется ея память бабы начинаютъ мять лёнъ²⁾). Въ Малороссіи сохраняютъ рассказы, что Пятница ходитъ по селамъ вся исколотая иглами и изверченная веретенами (I, 233), а св. Недѣля увѣряетъ пряхъ, что онѣ прядутъ не лёнъ, а ея волосы, и указываетъ при этомъ на свою изорванную косу. Какъ въ Германіи, такъ и въ Россіи поселянки считаютъ грѣхъ праять и ткать отъ Рождества до Крещенія³⁾; въ это-же время крестьяне не плетутъ лаптей, не вьютъ веревокъ и не сверлятъ дерева; у кашубовъ въ теченіи девяти дней, начиная отъ Рождества Христова, женщины не дотрогиваются до иглы и прялки⁴⁾). Въ основѣ этихъ повѣрій лежатъ древнія поэтическія представленія; какъ слова

¹⁾ Die Götterwelt, 271—2, 276, 284—8, 292—4; D. Myth., 244—8, 250—2, 258. Deut. Sagen, I, 7—8. — ²⁾ Терещ., VI, 55. — ³⁾ Ч. О. И. и Д. 1865, III, 222. — ⁴⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1852, V, 35; Нар. сл. раз., 165. — ⁵⁾ Этн. Сб., V, 75.

прясть (=вить, плести) и ткать употреблялись въ смыслѣ: собирать облака, потемнять небо туманами, такъ выраженія спутывать пряжу, пачкать и поджигать ее означали: крутить вихри облака, сгущать ихъ въ черныя тучи и предавать грозовому пламени; возженіе этого послѣдняго сравнивалось съ добываніемъ живаго огня (для чего обыкновенно сверляли дерево), а удары молній — съ уколомъ иглы и веретена. Сверхъ того, гроза, разносящая тучи, рисовалась воображенію нашихъ предковъ скромнымъ, домашнимъ занятіемъ богини-громовницы и подвластныхъ ей духовъ, которые, съ помощію молніеносныхъ стрѣлъ, разматываютъ облачную пряжу. Народная загадка называетъ громъ мотовиломъ, т. е. снарядомъ для размотки пряжи въ клубки: «мотовило-катовило по поднебесью ходило, всѣхъ утратило» ¹⁾). На эту близость представленій грозы и пряжи указываютъ и слѣдующія повѣрья: въ нѣмецкихъ земляхъ думаютъ, что не слѣдуетъ прясть вечеромъ на четвергъ (donderdag); иначе явится нечистый духъ, броситъ въ комнату пустую катушку и велитъ обмотать ее нитками ²⁾). Кто во время Рождества увидитъ веретѣна, тому (по мнѣнію русскихъ крестьянъ) грозитъ лѣтомъ частая встрѣча съ змѣями, подъ которыми первоначально разумѣлись, конечно, не простые гады, а летучіе, огненные змѣи. Наряду съ «громовою стрѣлкою», веретену присвоенъ цѣлебная сила: отъ колотья прикалываютъ больному бока прядильными веретѣнами (тимскаго уѣзда). Въ облачныхъ и туманныхъ покровахъ нѣмецко-славянскія племена усматривали работу грозовыхъ карликовъ. Тонкія сѣти, раскидываемыя паукомъ, народная фантазія, на основаніи очевиднаго сходства, уподобляла пряжѣ и тканямъ, а въ этой искусной пряжѣ и въ этихъ прозрачныхъ тканяхъ находила близкое

¹⁾ Сахаров., I, 101. — ²⁾ D. Myth, 945.

подобіе рукодѣлью крохотныхъ эльфовъ и цверговъ. Названія, присвоенныя пауку, указываютъ въ немъ прядильщика и ткача. Отъ снкр. *vāg* — покрывать, посредствомъ обыкновенной вокализации *v* въ *u* образовались существительныя: *uga*—волна, шерсть, *Ṭḡpā*—руно, *Ṭḡpāpābha*—ткачъ шерсти, паукъ ¹⁾; слово *паукъ* (павукъ, чешек. *pauc*, пол. *pauc*) возникло изъ первоначальной формы *уравānikā* — *агапеа* (отъ *vāpi*, *vēpi*—ткань, съ приставкою *ура*) и буквально означаетъ: наѣбкомое, приготавливающее ткани ²⁾; нѣм. *spinne*—прясть, *spinnrad*—прялка, *spindel*—веретено и *spinne*—паукъ, *spinnewebe*—паутина; серб. *свила* означаетъ и шелкъ, и летающую по воздуху паутину. На Руси рассказываютъ о работѣ паука: «проявился мизгирь (паукъ; сравни: мзга—пасмурная, мокрая погода и плакса, мзгнуть—говоря о погодѣ: портиться, измѣняться въ дождливую, мзгать—квелиться, плакать ³⁾), сталъ ножками трясти да мерѣшки (мрежи, сѣти) плести» ⁴⁾. По греческому сказанію, Аенна превратила въ паука славную ткачиху Арахну, которая вздумала было состязаться съ этою богинею въ искусствѣ изготовленія тканей ⁵⁾. Летающую въ исходѣ лѣта и осенью паутину принимаютъ въ Германіи за нити, выпряденныя эльфами; въ эту пору многочисленныя толпы эльбинъ, возвращаясь въ небесныя обители, несутся по воздуху подъ предводительствомъ Гольды, и въ полетѣ своемъ прядутъ *weissen herbstfäden* ⁶⁾. Швед. *dverg* означаетъ и карлика, и паука; *dvergsnät* (*zwergsnetz*)—паутина. Скандинавская сага упоминаетъ о чудесномъ плащѣ, сотканномъ эльбинами; на вершинахъ горъ, обитаемыхъ эльфами, прядутъ

¹⁾ У. З. 2-го отд. А Н., VII, в. 2, 25. — ²⁾ Пикте, I, 521.

³⁾ Доп. обл. сл., 113. — ⁴⁾ Н. Р. Ск., I—II, 188. — ⁵⁾ Griech. Myth., 175. — ⁶⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 250

по ночамъ незримые духи и далеко слышится, какъ жужжать колёса ихъ самопрялокъ. Такъ какъ въ христіанскую эпоху на Пречистую Дѣву были перенесены древнѣйшія преданія о богинѣ-громовницѣ, то вмѣстѣ съ этимъ Богородица стала изображаться прядущею и готовящею ткани, а осенняя паутинна получила названія *Marienfaden*, *Mariengarn*, средневѣк. *filamenta* или *fila divinae Virginis*, *chevaux* или *fil de la Vierge* ¹⁾. Подъ вліяніемъ указанныхъ воззрѣній, паукъ признанъ былъ воплощеніемъ эльфа, и соотвѣтственно добрымъ и злымъ свойствамъ эльфическихъ духовъ — связанныя съ нимъ примѣты и повѣрья запечатлѣлись двойственнымъ характеромъ. Съ одной стороны: увидеть прядущаго паука, всползеть ли онъ по утру на чье-нибудь платье, или спустится на человѣка—все это принимается за хорошей знакъ, за предвѣстіе счастья, прибыли, полученія денегъ; особеннымъ уваженіемъ пользуется крестовый паукъ (*Kreuzspinne*), названный такъ потому, что отличительный признакъ его составляютъ крестообразно-расположенныя бѣлыя или желтыя пятна. Въ отдаленной древности крестъ былъ эмблемою громоваго молота; убить крестоваго паука, изорвать его сѣти—нѣмцы и чехи считаютъ великимъ грѣхомъ: за это поражаетъ небесная молнія ²⁾. Съ другой стороны паукамъ приписываютъ неурожай. По разсказамъ бѣлоруссовъ, они собираютъ хлѣбныя крошки и несутъ къ Богу; на пути въ небесное царство каждая крошка вырастаетъ съ коровой. «Боже! говорятъ пауки, не давай людямъ хлѣба; ви дашь, какъ они его раскидываютъ!»—и послѣдствіемъ этой жалобы бывають голодные годы. У литовцевъ существуетъ такое преданіе: однажды человѣкъ уронилъ крошку хлѣба; паукъ

¹⁾ D. Myth., 440. — ²⁾ Записки Авдѣевой, 140—2; Пузин, 8, 157; Beiträge zur D. Myth., I, 233, 248; II, 457; Громанъ, 85.

подхватилъ ее, раздулъ пузырь, привнесъ къ Богу и сказалъ: «посмотри, какъ люди пренебрегаютъ твоимъ даромъ; вотъ какіе большіе куски бросаютъ на землю!» Господь узналъ клевету и на вѣчныя времена осудилъ паука таскать раздутый пузырь; съ тѣхъ поръ паукъ сдѣлался безобразнымъ горбуномъ ¹⁾. Припомнимъ, что цверги представляются горбатыми. Въ народныхъ легендахъ чортъ нерѣдко показывается въ видѣ паука. Выше объяснена связь эльфовъ съ болѣзнями; если по стѣнѣ, у которой лежитъ больной, или по его постели пробѣжитъ крестовый паукъ, то нечего ждать выздоровленія: болѣзнь окончится смертію ²⁾. Чехи употребляютъ отъ лихорадки слѣдующее средство: ловятъ трехъ пауковъ, зашиваютъ ихъ въ кошелекъ и привѣшиваютъ на шею больного; черезъ два дня больной идетъ къ рѣкѣ или источнику, бросаетъ кошелекъ въ воду и бѣжитъ домой безъ оглядки ³⁾. На Руси сажаютъ паука въ грецкой орѣхъ и носятъ на шеѣ: какъ высыхаетъ заключенный въ орѣхъ паукъ, такъ долженъ выздороветь и мучительный демонъ болѣзни. Кто убьетъ паука или змѣю, тому (по мнѣнію русскихъ поселянъ) прощается сорокъ грѣховъ; любопытно, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ не дозволяютъ класть на столъ прялку: не то «сорокъ грѣховъ наживешь!» ⁴⁾ Время, когда носится въ воздухахъ паутина, называется въ Германіи Mädchen-sommer, Marien-sommer, Alte-Weibers-sommer ⁵⁾; у насъ, подъ именемъ бабьяго лѣта (пол. *babie lato*, чеш. *babské lato*) извѣстно время отъ Успеньева дня (съ 15-го августа) по 1-ое сентября, или съ 1-го сентября по 8-ое, а въ иныхъ мѣстахъ такъ называютъ недѣлю, слѣдующую за праздникомъ

¹⁾ Изв. Ак. Н. IV, 333. — ²⁾ — Beiträge zur D. Myth., II, 457. — ³⁾ Громанъ, 165. — ⁴⁾ Иллюстр. 1846; 172; Архивъ ист.-юр. свѣд., I, ст. Кавсл., 10. — ⁵⁾ German. Mythen, 639.

Покрова пресв. Богородицы ¹⁾. Это—дни, въ которые Frau Holda и немецкія бабы (эльфины) изготовляютъ свои воздушныя ткани.

Съ нѣмецкими эльфами родственны славянскіе кикиморы и полудницы: первые соответствуютъ темнымъ эльфамъ (цвергамъ), а послѣднія — свѣтлымъ, что свидѣтельствуется не только соединенными съ ними повѣрьями, но и самымъ значеніемъ ихъ названій. Слова кики-мора, мора, мара, маруха указываютъ на существа мрачныя, темныя; это—духи, населяющіе воздухъ и каменные горы (=тучи); они рождаются отъ связей огненного змѣя съ красавицами, т. е. отъ брачнаго соитія демона-Вритры съ облачными дѣвами; вѣдьмы и кудесники учатъ ихъ мудрости, расчесываютъ имъ волосы, поятъ ихъ медвяной росой, а коть-баюнъ (I, 649) тѣшитъ ихъ своими пѣснями. Кикиморъ представляють безобразными карликами или малютками, у которыхъ голова — съ наперстокъ, а туловище—тонкое, какъ соломинка. Дорожнымъ людямъ случается находить брошеннаго въ полѣ, плачущаго ребенка; они кладутъ его въ сани или повозку, но лошади храпятъ, упираются и нейдутъ съ мѣста; несутъ найденыша на рукахъ, но только приблизятся къ деревнѣ—какъ онъ вырывается и съ дикимъ хохотомъ исчезаетъ съ глазъ. Кикиморы надѣлены способностію являться невидимками, быстро бѣгать и зорко видѣть на далекія пространства; они бродятъ безъ одежды и обуви, никогда не старѣются, вѣчно неугомонны, и какъ грозовые духи — любятъ стучать, гремѣть, свистать и шипѣть. По средству эльфовъ съ домовыми духами, кикиморы, поселяясь въ избахъ, живутъ за печкою, и по ночамъ надобѣдаютъ страшнымъ стукомъ. Любимое ихъ занятіе—прясть и ткать; въ тихіе

¹⁾ Маякъ, XI, 30

часы ночи (собственно: во шракъ черныхъ тучъ) явственно слышно, какъ они тянутъ и сучать нитки и свуютъ ткань ¹⁾. Въ кievской губ. извѣстны женскія мнѣческія существа вички (ночки = марухи, *nachtmar*), которыя въ ночное время, особенно по пятницамъ, стучать и шалать въ избахъ; бабы боятся, чтобъ онѣ не выпряли весь лёнъ, и прячуть отъ нихъ свои кудели ²⁾. Существуютъ народныя поговорки: «чу! кикимора пряжу прядеть»; «отъ кикиморы рубашки не дожدهшься!» ³⁾ Сказки упоминають о карликахъ (маленькихъ мужичкахъ въ червонныхъ шапкахъ), прядущихъ золотыя нити, о веретенахъ, которыя сами собой прядутъ и днемъ, и ночью мѣдныя, серебряныя и золотыя кудели, и наконецъ о трехъ сестрахъ, изъ которыхъ одна можетъ прокормить цѣлое царство (т. е. отъ нея зависитъ земное плодородіе), другая берется напрядь и наткать столько, что на весь міръ хватитъ, а третья обѣщается родить сына-богатыря ⁴⁾.

Полудницы (отъ полдень — югъ, теплая, лѣтняя сторона) тождественны съ солнцевыми дѣвами сербскихъ пѣсень (I, 82—85) и бѣлыми женами нѣмецкихъ сагъ, которыя въ полдень показываются у колодцевъ (=дождевыхъ источниковъ) и расчесываютъ свои длинныя косы. На Руси сохранились о полудницахъ слабыя и отрывочныя воспоминанія. Въ южной Сибири знаютъ подъ этимъ именемъ мнѣческую старуху, съ густыми, вклокоченными волосами, одѣтую въ лохмотья; она живетъ въ банѣ или въ кустахъ

¹⁾ Сахаров., II, 17; Ч. О. И. и Д., годъ 3-й, VIII, 104; Абев., 218—9, Москв. 1846, XI—XII, 151—2. Въ саратовской губ. шиши-моръ — привидѣніе въ видѣ бѣлаго старика — Обл. Сл., 266. — ²⁾ Ч. О. И. и Д. 1865, III, 217. — ³⁾ Послов. Даля, 1042; Архивъ ист.-юр. свѣд., II, полов. 2, 127. — ⁴⁾ Slov. pohad, 166—170; Глиньск., II, 146—9; Н. Р. Сл., III, 7; VI, 68.

вразивы и оберегаетъ огороды отъ шаловливыхъ дѣтей¹⁾. Въ архангельской губ. полудница — охранительница полей, засѣянныхъ рожью: «полудница во ржи, покажи рубежи, куда хошь побѣжи!» Родители пугаютъ дѣтей: «не ходи въ рожь, полудница обожжетъ!» или: «ужо ты полудница съѣсть!»²⁾ Безпоповцы-старовѣры творятъ въ полдень молитву на изгнаніе «бѣса полуденна». Вацерадъ толкуетъ слово *poludnice*—*dryades, deae silvarum*. И донынѣ въ лѣсныхъ областяхъ Богеміи народъ рассказываетъ о лѣсныхъ полудницахъ (*lesní* или *divé ženy polúdnice, polednice*), которыя въ полдень летаютъ въ крутящихся вихряхъ и воруютъ маленькихъ дѣтей. У лужичанъ *rřirofnica, rřezrofnica* носятъ бѣлое платье и отъ двѣнадцати до двухъ часовъ ходитъ по нивамъ, держа въ рукѣ серпъ, почему называется *seegruschuja*; останавливаясь неожиданно передъ тѣмъ, кто замѣшкается въ полдень на полевой работѣ, она начинаетъ подробно спрашивать: какъ обрабатывается ленъ и готовится пряжа и полотно? Кто не съумѣетъ отвѣчать на ея вопросы, тѣмъ свертываетъ голову или по крайней мѣрѣ наказываетъ ихъ тяжелою болѣзною. Есть поговорка: «*woła so rrağa, kaž rřirofnica!*» (она спрашиваетъ, какъ полудница). Кто въ полдень продолжаетъ работать на нивѣ, тому говорятъ: «*nebojiš so, so rřirofnica na tebe rřindžel!*»³⁾ Въ Малороссіи подобные вопросы дѣлаются упырями, которые (какъ увидимъ въ XXVI главѣ) принадлежатъ также къ разряду облачныхъ и грозовыхъ духовъ. Являясь ночью къ бабѣ, упырь начинаетъ допытываться, какъ готовится сорочки, съ тѣмъ, чтобы по

¹⁾ Обл. Сл., 168. — ²⁾ Памяти. книжка архан. губ 1864 г., 17. — ³⁾ Гавушъ о Дѣдѣ и Бабѣ, 8—9; *Volkslieder der Wenden*, II, 268—9; О вл. христ. на сл. яз., 29.

отобраніи отвѣта высосать изъ нея кровь. Умная баба должна, какъ можно долѣе, продлить свой разсказъ, и потому сперва описываетъ: какъ сѣютъ ленъ, какъ его собираютъ и вымачиваютъ, потомъ говоритъ о пряжѣ, тканьѣ, бѣленіи полотнъ и наконецъ — о шитьѣ сорочки. Пока она успѣетъ окончить всѣ эти подробности, започутъ пѣтухи и упырь пропадаетъ. По-явленіе полудницы на нивахъ и обычные ея распросы о воздѣлываніи льна доказываютъ, что издревле она сама занималась пряжею и тканьемъ и что ей, какъ облачной дѣвѣ, приписывался надзоръ за полями, засѣянными льномъ и другими полезными злаками. Обходы нивъ, совершаемые полудницею, сближаютъ ее съ нѣмецкими *roggenputzweib* и *kornweib*.

Тѣже черты присвоаетъ преданіе и русалкамъ; онѣ ходятъ или совершенно-нагія, прикрываясь зелеными листьями, или въ бѣлыхъ развѣвающихся сорочкахъ, безъ пояса; эти сорочки—метафора облачнаго одѣянія, волнуемаго вѣтрами—тоже, что плащъ Одина. О русалкахъ разсказываютъ, что онѣ любятъ прядь (кіевской губ.) и развѣшивать по деревьямъ прядево, похищенное ими ночью у поселянокъ. Какъ бѣлыя морскія жены и никсы германцевъ и бѣлыя панны чеховъ моютъ сорочки, развѣшиваютъ въ лѣсу и бѣлятъ ткани, такъ русалки разстилаютъ возлѣ источниковъ холсты и полотна, или подобно прачкамъ, моютъ ихъ въ ключевой водѣ ¹⁾. На Троицкую недѣлю, сидя на деревьяхъ, онѣ, по свидѣтельству народныхъ пѣсень, просятъ дать имъ намитку и рубаху:

Сыдила русалка *rusalka u klav*
 На кривій берези,
 Просыла русалка
 У жаночокъ намитокъ,

¹⁾ Громанъ, 7—8; Beiträge zur D. Myth., 285.

У дівочокъ сорочокъ:
„Живочки-подружки!
Дайте мнѣ намитку;
Хоть вона худенька,
Да абы-бъ биленька!“ ¹⁾

Въ Малороссіи еще теперь въ обычаѣ вѣшать, во время русальной недѣли, на дубахъ и другихъ деревьяхъ холсты, полотенцы, сорочки и мотки нитокъ—въ даръ русалкамъ; бѣлоруссы утверждаютъ, что на Троицкой недѣлѣ ходять по лѣсамъ голыя женщины и дѣти (=русалки), и тотъ, кто встрѣтитъ ихъ, долженъ, для избѣжанія преждевременной смерти, бросить имъ платокъ или лоскутъ, оторванный отъ своей одежды ²⁾. Въ это-же время крестьянки носятъ льняныя сорочки—для того, чтобы уродился хорошій лёнъ.

Жизненная дѣятельность стихійныхъ духовъ, или прямѣе—самой природы, проявляется въ лѣтнюю половину года. Пока лёдъ оковываетъ воды—водяной покоится тихимъ сломъ, и пробуждается не прежде вскрытія рѣкъ и озеръ; лѣшіе проваливаются на зиму въ подземное царство и выходятъ оттуда на свѣтъ божій при первыхъ начаткахъ весны. Точно также и русалки исчезаютъ на все время холодной и суровой зимы. Въ Малороссіи увѣряютъ, что онѣ показываются съ четверга Страстной недѣли, какъ только разольются по дугамъ весеннія воды, распусятъ вербы и зазеленѣютъ поля, и остаются въ этомъ (земномъ) мірѣ до глубокой осени ³⁾. Чет-

¹⁾ Другая пѣсня; На гнилой колодѣ, На бѣлой березѣ, Русалки сидѣли, Суки вязали, Да на тыхъ сукахъ Русалки гутали. Красныя дѣвочки Шли вѣнчочковъ вѣть; Просили русалки У дѣвокъ сорочки: „Дѣвочки-подружки! Дайте намъ сорочку...“ — ²⁾ Иллюстр. 1845, 299; Кіев. Г. В. 1845, 15; Метлянск., 303—9; Цебриков., 281—3; Терещ., VI, 126, 129—130; Шафарикъ, 265, 268; Часописъ чешск. музея 1834, II, 189. Въ 1092 году чешскій князь Бѣтиславъ II запретилъ на Троицкой недѣлѣ приносить дары источникамъ—Громанъ, 9. — ³⁾ Терещ., VI, 124.

вергъ, какъ день, посвященный богу-громовнику, владыкѣ
всѣхъ облачныхъ духовъ и дѣвъ, получилъ особенно - важное
значение въ преданіяхъ о русалкахъ. Языческій праздникъ
въ честь русалокъ совершался одновременно съ праздникомъ
весны, когда лѣса уже одѣлись листьями, поля украсились
цвѣтами, а нивы хлѣбными травами. Въ христіанскую эпоху
онъ приуроченъ къ Троицыну и Духову днямъ, при чемъ са-
мое названіе Духова дня наводило непросвѣщенный народъ
на мысль о чествованіи стихійныхъ духовъ и душъ усоп-
шихъ предковъ ¹⁾. Не смотря на то, народная память не из-
мѣнила стариннѣ и донинѣ связываетъ праздникъ русалокъ съ
Перуновымъ днемъ, начиная его съ четверга предшеству-
ющей Троицѣ, такъ называемой Семицкой недѣли, которая
еще въ XII-мъ вѣкѣ была извѣстна подъ именемъ русаль-
ной. Въ Кіевской лѣтописи подъ 1170 годомъ сказано: «Воло-
димеру бысть болѣзнь крѣпка, ею- же скончался мая въ 10-е
русальное (-ныя) недѣли въ понедѣльникъ»; а Троицынъ
день приходился въ томъ году 16-го мая ²⁾. На Украинѣ же
четвергъ на Троицкой недѣлѣ называется русальчинъ
великъ день, т. е. Свѣтлое Воскресеніе русалокъ ³⁾. Ста-
ринные памятники не разъ упоминають о русальяхъ, какъ
о бѣсовскихъ, богопротивныхъ и подлежащихъ церковному
запрету игрищахъ. Такъ Несторъ подъ 1067-мъ годомъ, воз-
ставая противъ языческихъ суевѣрій, говоритъ, что дьяволъ
отвлекаетъ людей отъ Бога «трубами и скоморохы, гуслими и
русальи; видимъ бо игрища утолчена и людій много множ-
ство, яко унихати начнуть другъ друга, позоры дѣюще отъ
бѣса замышленого дѣла, а церкви стоять (пусты)» ⁴⁾. Ки-
риллъ Туровскій въ числѣ «злыхъ и скверныхъ дѣлъ, изъ-
же ны велить Христось отступити», называетъ: «плясанье,

X
lehnice
turice

¹⁾ О связи русалокъ съ душами смотри гл. XXIV. — ²⁾ Ка-
рамз. И. Г. Р., III, примѣч. 10. — ³⁾ Рус. Бес. 1856, III, 94. —
⁴⁾ П. С. Р. Л., I, 73.

бубны, сопѣли, гусли, псковые, игранья неподобныя, русалья» ¹⁾. Въ Изборникѣ XIII-го столѣтія, въ толкованіи словъ апостола Павла, сказано: «а иже дома сѣдиши, егда играютъ роусалия, ли скомороси, ли пьяницѣ кличють... или како сборище идольскихъ игръ, ты же въ тѣ часъ пребоуди дома» ²⁾. Стоглавъ употребляетъ слово русальи для обозначенія народныхъ игрищъ, совершаемыхъ не только на Троицкой недѣлѣ, но и въ навечеріи Рождества Христова, Богоявленія, и на Ивановъ день. Въ азбуковникахъ русалія толкуются: игрища, игры скоморошскія ³⁾, и въ одномъ харатейномъ Прологѣ половины XV вѣка описаны такъ: «ови бяху въ бубны, друзія же въ сопѣли сопаху, иніи же возложиша на лица скураты ⁴⁾ и дѣяху на глумленье челоуѣкомъ, и мнози оставивше церковь, на позоръ течаху и нарекоша игры тѣ русалья» ⁵⁾. Изъ этихъ указаній очевидно, что игрища, происходившія на русальную недѣлю, сопровождались плясками, музыкой и ряженьемъ, что (какъ было объяснено выше — I, 336, 718) служило символическимъ знаменіемъ возстающихъ съ весною и празднующихъ обновленіе жизни грозovýchъ и дожденосныхъ духовъ. Принадлежа къ разряду этихъ духовъ, русалки сами облакались въ облачныя шкуры и смѣшивались съ косматыми лѣшными и чертами. Малорусскіе поселенцы саратовской губ. утверждаютъ, что русалки — стары и безобразны, имѣють острые ког-

¹⁾ Истор. Христом. Бусл., 504. — ²⁾ Ч. О. И. и Д. 1858, IV, ст. Лавровск., 22. — ³⁾ Сахаров., II, 182. — ⁴⁾ Скура = шкура. — ⁵⁾ Правосл. Собесѣдн. 1860, XI, 253. Въ Златоструѣ XVI вѣка: «да оубо о скомрасѣхъ и о русалиихъ ни покрову надлежащу многожды и дожду идоущоу трѣпите.» Приведа это мѣсто, Востоковъ (Мат. сравн. слов., VI, 314) замѣтилъ: «словенинъ замѣнилъ здѣсь чуждые ему иподромы (χαί ἐν μέν ἰπποδρομίαις) своими скомраками и русалиями». Описаніе Румян. Муз., 230, указываетъ на слово св. Наѳонта о русалияхъ.

ти и большое брюхо, что тѣло у нихъ покрыто косматой шерстью, а на спинѣ такой-же горбъ, какъ у нѣмецкихъ цверговъ ¹⁾. Съ тѣмъ-же двойнымъ значеніемъ: а) весенняго праздника и б) вообще народнаго игрища упоминаются русалии и въ памятникахъ другихъ славянъ. Такъ въ сербословенскихъ рукописяхъ говорится: о словѣ Іоанна Златоустаго «на роусалию» (XIII в.); «въ роусалияхъ ходили» (XVI в.); «глаголетъ о вѣрныхъ, послѣдующихъ еллинскимъ обычаемъ и плесанія на брацѣхъ и на стѣгну творящихъ или роусалькы или гласовомъ птичьимъ вѣроующе» (Номоканонъ XVII в.); въ антахъ Штитницкаго евангел. собора 1591 года: «na rusadlnie swiatky podle starjeho obyčęge králow staweti, tanze wywázeti, do starje kožuchy se oblačeti i gakžkolwěk se bláznili pod štraffanjm zakázáno bude». Въ толкованіяхъ Теодора Бальсамона, патриарха антиохійскаго, и Димитрія Хоматіана, митрополита болгарскаго (XIII в.), на 62-ое правило VI-го собора — ρουσαλία обозначены, какъ запрещаемый церковью праздникъ, совершавшійся послѣ Пасхи во вѣнскихъ (чуждыхъ) странахъ: такое замѣчаніе, по всей вѣроятности, вызвано празднованіемъ русалий у дунайскихъ славянъ, отъ которыхъ слово это перешло и къ румынамъ (русале, русали). Въ современномъ сербекомъ языкѣ русале, русали означаетъ праздникъ Троицы и Духовъ день; у словенъ risale — Троицынъ день, risalček, risalšček, risalščak — мѣсяць май; у чеховъ и словаковъ rusadljě, rusadla и rusadlné svátky — Троицкіе Святки ²⁾. Въ вологодской губер. Семикъ

¹⁾ Терещ., VI, 127—9; Иллюстр. 1845, 299. — ²⁾ Въ словахъ rusadla, rusadljě — о вставное, какъ и во многихъ другихъ рѣчевіяхъ, наприм. mydlo, sadlo, pravidlo — Die Rusalien, ein Beitrag zur slavisch. Mythol., Миклошича, 2—7, 15; Телескопъ 1833, VIII, 524; Зап. И. А. Н., I, кн. 2, ст. Гедеонова, 23; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 41.

(четвергъ седьмой недѣли послѣ Пасхи) называется русалка ¹⁾; вообще жена Руси Семицкой недѣль теперь даютъ названіе зеленой, клещальной, а три послѣдніе ея дни и три первые дни Троицкой недѣли именуется Зелеными Святками ²⁾. Въ это время на дворахъ и по улицамъ ставятъ нарочно-срубленные молодые клёны, березы, липы; стѣны и окна внутри избъ украшаютъ зелеными вѣтками и цвѣтами, а полы устилаютъ травой; хожденіе въ рощи и на рѣки, завываніе вѣтковъ, бросаніе ихъ въ воду, пляска вокругъ убранный разноцвѣтными лентами березки и пѣніе обрядовыхъ пѣсень — составляютъ донинѣ-уцѣлѣвшіе остатки старинныхъ игрищъ. На Зеленыя Святки никто не осмѣливается работать, чтобы не прогнѣвать русалокъ; въ особенности женщины не должны шить и мыть бѣлье, а мужчины вить изъ лозы плетни и бѣроны — по связи этихъ занятій съ работами мнѣчскихъ дѣвъ, которыя ткуть (вьютъ, плетутъ) облачные покровы и полощутъ ихъ въ дождевыхъ источникахъ ³⁾. По народному вѣрованію, русалки выходятъ тогда изъ рѣкъ, озеръ и криницъ на сушу, заводятъ по полямъ и лѣсамъ гульбища и продолжаютъ ихъ до самаго Петрова дня (29-го іюня). Май и іюнь мѣсяцы — пора полного развитія творческихъ силъ, пора явленія облачныхъ женъ и дѣвъ, шлющихъ землѣ плодородіе; въ шумѣ грозы выступаютъ на небо прекрасныя нимфы, начинаютъ свои легкія пляски, поютъ громкія пѣсни (= быстрый полетъ тучъ и завываніе бури), и сочетаясь съ богомъ-громовникомъ, орошаютъ нивы благодатнымъ сѣменемъ дождя. Отсюда возникли рассказы о пляскахъ, пѣняхъ и брачномъ весельи русалокъ. На Зеленой или

¹⁾ Обл. Сл., 193. — ²⁾ Рус. прост. праздн., III, 127; Сахаров., II, 83. Клещанье — деревья, вѣтки, цвѣты, которыми убрываютъ домъ и церкви. — ³⁾ Терещ., VI, 132; Вост. Евр. 1818, XXII, 115—6; Шафарикъ, 269; Этн. Сб., I, 326.

русальной недѣлѣ онѣ празднуютъ свои свадьбы, плещутся въ водахъ, бѣгаютъ по лугамъ и рощамъ, бьютъ въ ладоши, аужаются, водятъ хороводы, пляшутъ и поютъ пѣсни; тихіе, ласкающіе слухъ звуки вѣтровъ принимаются за ихъ отдаленныя напѣвы, а плескъ воды приписывается ихъ пляскамъ. Крестьянскія дѣвушки, приходя въ лѣсъ, бросаютъ русалкамъ зеленые вѣнки, съ просьбою доставить имъ богатыхъ жениховъ; а по вѣнкамъ, кинутымъ въ воду, онѣ гадаютъ о замужествѣ и будущемъ своемъ житіи. И послѣ, въ продолженіе всей Петровки, русалки выходятъ по ночамъ, изъ воды, и при свѣтѣ мѣсяца предаются танцамъ на избранныхъ для того мѣстахъ, называемыхъ игравицями. Въ Малороссіи и Галиціи рассказываютъ, что тамъ, гдѣ танцуютъ русалки и мавки, видны на поляхъ круги и «трава ще краще росте и заедно якъ рута зеленѣе». Нерѣдко онѣ заманиваютъ къ себѣ овчара (собственно: пастыря небесныхъ стадъ) съ рожкомъ или сопѣлкой, заставляють наигрывать во всю ночь и пляшутъ подъ его музыку; на томъ мѣстѣ, гдѣ овчаръ бьетъ ногою тактъ, остается на землѣ ямка. Черты эти общи русалкамъ съ эльфами и феями ¹⁾. Въ великорусскихъ губерніяхъ ходитъ рассказъ о томъ, какъ русалка являлась невидимкою къ молодому промышленнику и танцевала подъ звуки его гуслей (см. т. II, стр. 247). Также любовь къ пляскамъ приписывается и лѣснымъ женамъ; по рассказамъ чеховъ, онѣ охотно отдаются этому веселью въ полдень и ночью при свѣтѣ мѣсяца ²⁾. Была одна рѣзвая дѣвушка, дочь вдовы. Съ утра уходила она

¹⁾ Мажъ, XI, 52; Сахаровъ, II, 89; Терещ., VI, 132; Киев. Г. В. 1845, 15; Полтав. Г. В. 1846, 21; Ворон. Г. В. 1850, 16; Рус. Бес. 1856, III, ст. Максимовъ, 99—100; Киевлян. 1865, 74; Рус. Вѣст. 1842, V—VI, 122 (о пляшущихъ утопленникахъ на озерѣ Голѣ); Beiträge zur D. Myth., I, 250. — ²⁾ Ганушъ, 164.

въ лѣсъ пасты козье стадо, и пока козы щипали траву — пры-
 ла лѣнь. Разъ, увлекаемая своимъ веселымъ и живымъ ха-
 рактеромъ, стала она плясать, поднявъ надъ головою руки.
 Это было въ полдень; вдругъ — словно изъ земли выросла —
 явилась передъ ней прекрасная дѣва въ бѣлой и тон-
 кой какъ паутина одеждѣ, съ золотыми волосами
 до пояса и съ вѣнкомъ изъ полевыхъ цвѣтовъ на головѣ.
 Она пригласила пастушку танцевать вмѣстѣ; «миѣ хочется
 тебя поучить!» прибавила красавица, и обѣ пустились выка-
 зывать свое искусство подъ чудную музыку, которая неслась
 съ древесныхъ вѣтвей: то были звуки соловьевъ, жаворон-
 ковъ, ^{малиннокъ} и другихъ пѣвчихъ птичекъ. Ножки пля-
 шущей лѣсной дѣвы, какъ ноги нѣмецкихъ эльфовъ, были
 такъ быстры и легки, что даже не мяли травы, а станъ ея
 гнулся, будто ивовая вѣтка. Такъ плясали онѣ отъ полудня
 до вечера. Когда лѣсная дѣва исчезла, пастушка хватилась
 за свою пряжу; но было уже поздно, она не успѣла окончить
 своего урока и воротилась домой крѣпко-опечаленная. Надѣясь
 завтра наверстать потерянное время, она скрыла отъ матери
 то, что съ нею случилось. Но и на слѣдующій день явилась
 лѣсная дѣва, и онѣ опять проплясали до самаго вечера. По
 окончаніи танцевъ, лѣсная дѣва замѣтила печаль своей подру-
 ги и помогла ея горю: взяла лѣнь, обмотала вокругъ березы,
 тотчасъ спряла его въ тонкія нити, и затѣмъ исчезла —
 будто вѣтромъ ее спихнуло! Эта пряжа имѣла такое-же чу-
 бесное свойство, какъ и пряжа, подаренная Гольдомъ: сколько
 не сматывали ее съ веретена — запасъ нитокъ нисколько не
 истощался. Въ третій разъ лѣсная дѣва подарила пастушкѣ
 березовыхъ листьевъ, которые потомъ превратились въ зо-
 лото ¹⁾. Завидя любопытнаго, эльфы увлекаютъ его въ свою

¹⁾ Westsl. Märch., 198—203.

воздушную пляску и кружать съ такую необычайною быстро-
тою, что послѣ того онъ на всю жизнь остается расслаблен-
нымъ; подобно тому русалки, при встрѣчѣ съ человѣкомъ,
начинають передъ нимъ страшно кривляться и дѣлать дикія
движенія, и онъ волею-неволею перенимаетъ ихъ жесты — и
съ той поры до самой смерти будетъ постоянно трястись и
кривляться, т. е. страдать болѣзною, извѣстною подъ именемъ
Витовой пляски (сравни выше: стр. 71 ¹⁾). Такимъ обра-
зомъ русалки, наравнѣ съ эльфами и марами, рождаются съ де-
монами, насылающими тяжкія болѣзни и скорую смерть. За-
манывая къ себѣ юношей и дѣвцѣ, онѣ измучиваютъ ихъ
щекоткою, душа тѣ и топятъ въ рѣкахъ; дѣтская болѣзнь
довылѣ извѣстна подъ именемъ щекотихи (см. стр. 76).
Тотъ, кто ступитъ на холстъ, разостланннй русалками, дѣ-
лается расслабленнымъ или хромымъ; а кто не чтитъ
русальной недѣли, у того онѣ портятъ домашній скотъ и
птицу (см. еще стр. 57—о связи болѣзней съ полудницами).
Въ свѣтлыя, лунныя ночи нѣмецкія никсы и наши русалки,
выказываясь изъ водъ, поютъ чарующія пѣсни, которымъ не
въ силахъ противиться ни одинъ смертный. Когда раздадутся
ихъ звуки, странникъ бросается въ воду, увлекаемый столь-
ко-же обаяніемъ ихъ красоты, какъ и гармоніей сладостнаго
пѣнія; пловецъ спѣшитъ направить къ нимъ свою ладью и так-
же гибнетъ въ безднѣ, гдѣ схватываютъ его водяныя дѣвы. Ве-
черомъ никсы выходятъ изъ своихъ подводныхъ жилищъ и
принимають участіе въ сельскихъ танцахъ. По шведскимъ
преданіямъ, онѣ знаютъ одиннадцать различныхъ мелодій: че-
ловѣкъ можетъ слушать безъ опасности только первыя де-
сять, и то въ значительномъ отдаленіи; но когда онѣ запоютъ
одиннадцатую, то ветхіе старики и дѣти въ люлькахъ, боль-
ные и увѣчные, даже деревья и другіе неодушевленные пред-

¹⁾ Шаарикъ, 266; Рус. прост. праздн., IV, 9.

меты — все пускается въ неудержимую пляску ¹⁾. Тѣже характеристическія черты приписываютъ литовцы своимъ ундидамъ. Эти дѣвы, выходя при свѣтѣ луны на поверхность водъ и берега, поютъ и водятъ хороводы; помрачая своими пѣснями умъ юношей, онѣ схватываютъ ихъ въ объятія, и вмѣстѣ съ ними кидаются на дно озеръ, рѣкъ и источниковъ. Красота ихъ обольстительна, очи блестятъ, какъ небесныя звѣзды, а разсыпанныя по плечамъ кудри шелестятъ и звенятъ очаровательною музыкою; какъ скоро человѣкъ слышитъ музыку ихъ кудрей, онъ впадаетъ въ непробудный сонъ, и слѣдовательно испытываетъ тоже обаяніе, какое производятъ гусли-самогуды. Только тотъ, кто достанетъ волшебный цвѣтокъ папоротника (= молнію), можетъ свободно любоваться на легкую, граціозную пляску водяныхъ красавицъ и слушать ихъ плѣнительное пѣніе; онъ даже можетъ подчинить своей власти ундины, которыя будутъ гнать въ его сѣти рыбу и орошать его поля при засухѣ ²⁾. Какъ нимфы дождевыхъ источниковъ, литовскія ундины и русскія мавки и русалки носятся надъ нивами и полями, и съ одной стороны, напоая ихъ влагою, даютъ богатый урожай, а съ другой, посылая несвоевременныя ливни и бури, повреждаютъ зрѣющія жатвы. Выше было указано, что тамъ, гдѣ вьются ихъ легкіе хороводы, трава растетъ зеленѣе и роскошнѣе. По словамъ бѣлоруссовъ и жителей Полѣсья, русалки поселяются въ житѣ; въ Малороссіи вѣрятъ, что на-

¹⁾ Моск. Наблюдат. 1837, ч. XI, 531; D. Myth., 406—1; Сказ. Грим., 181 — «Die Nixe im Teich»: ниска увлекла на дно пруда молодого охотника; опечаленная жена его беретъ сначала гребень, потомъ «лейту и наконецъ прялку, и въ полнолуніе кладетъ ихъ на берегу пруда; всякой разъ, какъ она дѣлала это, подымалась волна и уносила положенный даръ, и вслѣдъ затѣмъ показывался изъ воды несчастный утопленникъ. Всѣ три означенныя вещи составляютъ необходимыя атрибуты водяныхъ дѣвъ. — ²⁾ Семеновск., № 129; Иллюстр. 1848, № 28; Черты литов. нар., 89.

канунѣ Троицына дня онѣ собираются на нивы, и съ возгласомъ: «ухъ-ухъ, соломяный духъ!» а нерѣдко и съ пѣснями, прихлопывая въ ладъ руками, весело бѣгаютъ по колосистой ржи, или катаются по ней взадъ и впередъ, отчего рожь волнуется, какъ-бы отъ дуновенія вѣтра. О малюткахъ-мавкахъ рассказываютъ, что онѣ ежегодно приходятъ на землю въ то время, когда хлѣбъ начинаетъ колоситься и можетъ служить имъ надежнымъ убѣжищемъ ¹⁾. Нѣмецкимъ крестьянамъ, въ ихъ полевыхъ работахъ, помогаютъ подземные карлики. У русиновъ (въ саноцкомъ и коломыйскомъ округахъ) во время русальныхъ Святковъ совершается крестный ходъ на засѣянные поля, при чемъ образы и хоругви убираются вѣнками и зеленью. Обыкновенно это бываетъ на Духовъ день, и между тѣмъ, какъ священникъ и церковный причтъ творять по требнику обхожденіе полей, сопровождающія ихъ женщины поютъ обрядовыя пѣсни, текстъ которыхъ содержитъ мольбу о благораствореніи воздѣховъ и изобиліи плодовъ земныхъ—хлѣба и винограда ²⁾. Вотъ одна изъ этихъ пѣсней:

Заваруй, Боже, горы, долины,
 Горы, долины, наши царины ³⁾,
 Же бы насъ тучи не заходили,
 Же бы продои не заливали,
 Зли вѣтрове не пановали;
 Зароди, Боже, горы, долины,
 Горы, долины, наши царины.
 Наша царица пречь ⁴⁾ поібрана,
 Сребромъ-златомъ ⁵⁾ пречь засѣяна,
 Стрицовымъ перомъ заволочена,
 Ясыми мечами обгорожена.

¹⁾ Называютъ ихъ и гречухами—отъ гречи, въ которой она любятъ прятаться. — ²⁾ Семеньск., 124; Маякъ, XV, 31—35; Сахаров., II, 85; Опытъ ист. обоарѣн. рус. слов. О. Миллера, I, 97 (примѣчан.); Die Rusalien Миллошича, 9—14. — ³⁾ Обгороженныя поля. — ⁴⁾ Ужс. — ⁵⁾ Т. е. золотистымъ зерномъ.

Злые вѣтры и пролог — дѣло русалокъ. Чтобы колосья налились, вызрѣли и дали хорошій урожай, нужна погода тихая, теплая, съ умѣренными дождями; а потому въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, тотчасъ по окончаніи Троицкихъ празднествъ, совершается обрядъ изгнанія или проводовъ русалокъ. Слѣдующее за Троицей воскресенье въ Спаскѣ рязанскомъ называется русальнымъ заговѣньемъ. На другой день, т. е. въ первый понедѣльникъ Петрова поста, тамъ готовятъ соломенное чучело, одѣтое въ женскіе уборы и представляющее русалку; потомъ собираютъ хороводъ, затагиваютъ пѣсни и отправляются въ поле; въ серединѣ хороводнаго круга пляшетъ и кривляется бойкая женщина, держа въ рукахъ соломенную куклу. Въ полѣ хороводъ раздѣляется на двѣ стороны: наступательную и оборонительную; послѣдняя состоитъ изъ защитницъ русалки, а первая нападаетъ и старается вырвать у нихъ чучело; при этомъ обѣ стороны кидаютъ пескомъ и обливаютъ другъ друга водою. Борьба оканчивается разорваніемъ куклы и разбрасываніемъ по воздуху соломы, изъ которой она была сдѣлана. Послѣ того возвращаются домой и говорятъ, что проводили русалокъ. Въ тульской губ. подобный обрядъ совершается на Зеленой недѣлѣ: женщины и дѣвочки идутъ толпою на засѣянные поля и ловятъ русалку, которая, по народному сказанію, воруетъ тогда хлѣбъ. Связавши изъ соломы куклу и нарядивъ ее въ женское платье, утѣряютъ, что это и есть пойманная русалка; съ пѣснями и плясками несутъ ее къ рѣкѣ и бросаютъ въ воду. Въ уѣздахъ ефремовскомъ, епифановскомъ и новосильскомъ наканунѣ Троицы (въ «клевальную» субботу) молодежь собирается вечеромъ на полянахъ и бѣгаетъ, размахивая помелами, съ криками: «догоняй! догоняй!» Иные утверждаютъ, что собственными глазами видѣли, какъ гонимыя съ полей русалки убѣгали въ лѣсъ съ

плачемъ и воплями. Въ Малороссіи на проводахъ русалокъ поютъ:

Проведу я русалочки до бору,
Сама я вернуся до дому!
Ой колы-жь мы русалочки проводылы,
Щобъ до насъ часто не ходылы,
Да нашего жытечка не ломалы,
Бо наше жытечко въ колосочку,
А наши дивочки у виночку.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ около того-же времени бываютъ проводы Весны, и въ соломенной куклѣ видятъ изображение именно этой дожденосной богини. Въ полетѣ весеннихъ грозъ исчезаютъ облачныя дѣвы; размѣтаемыя помеломъ-вихремъ, онѣ убѣгаютъ съ неба или, будучи размыканы, разорваны на части, тонутъ въ дождевыхъ потокахъ, и вслѣдъ за тѣмъ наступаютъ лѣтніе жары. Выпроваживая русалокъ, земледѣльческое населеніе думало отстранить отъ своихъ нивъ опустошительныя бури и безвременныя ливни, отъ которыхъ хлѣбъ ложится наземь, ломается, мокнетъ и неполнѣтъ вызрѣваетъ, или уже созрѣлый осыпается и проростааетъ безъ всякой пользы для человека ¹⁾).

Хранительницы живой воды, русалки, наравнѣ съ эльфами и никсами, обладаютъ тѣмъ высокимъ даромъ мудрости, какой дается вдохновительнымъ напиткомъ небесныхъ источниковъ. Народная троицкая пѣсня приписываетъ имъ загадываніе и разрѣшеніе трудныхъ загадокъ:

Ой бѣжить, бѣжить мила дѣвчинка,
А за нею да русалочка:
«Ты послухай мене, красна панночка!»

¹⁾ Сахаровъ, II, 85, 90, 94; Терещ., VI, 137; Рус. прост. праздн., IV, 11; Пассекъ, III, 189; Метлякскіе, 309; Опис. чернигов. намѣстничества, Шаевскаго, 30. Показаніе Сахарова (II, 80) о проводахъ русалокъ въ черниговской губ. въ концѣ Святой недѣли — невярно.

Загадаю тобѣ три загадки;
 Якъ угадаешъ — до батька пуцу,
 Коли-жъ не вгадаешъ — до себе возьму.
 Ой що росте безъ кореня?
 А що бѣжить безъ повода?
 А що цвѣте безъ всякого цвѣту?»
 Панночка загадки не вгадала,
 Русалочка ее залоскотала ¹⁾).

Въ сербской пѣснѣ на загадочные вопросы, предлагаемые дѣвицѣю, отвѣчаетъ рыба, въ образѣ которой являются въ преданіяхъ водныя божества и нимфы. Сидѣла дѣвица у моря, говорила сама съ собою: «ахъ, Боже милостивый! есть ли что шире моря, пространнѣе поля, быстрѣе коня, слаще меда и дороже брата?» Провѣщада ей рыба изъ воды: «глупая, неразумная дѣвица! Шире моря — небо, пространнѣе поля — море, быстрѣе коня — очи, слаще меда — сахаръ, дороже брата — милой!» ²⁾

Русалкамъ соотвѣтствуютъ сербскія вилы и болгарскія само-вилы: это только другое прозваніе, данное облачнымъ дѣвамъ по связи ихъ съ молніями и вихрями. Въ древности оно, вѣроятно, было извѣстно и русскимъ славянамъ, но потомъ позабыто вытѣсненное болѣе употребительнымъ именемъ русалокъ, тогда какъ въ преданіяхъ сербовъ и болгаръ, наоборотъ, русалки уступили мѣсто виламъ; этимъ послѣднихъ знаютъ и словенцы, босняки, кранцы, иллирійцы ³⁾. О суевѣрномъ почитаніи вилъ упоминается въ нашихъ старинныхъ рукописяхъ. Такъ въ словѣ нѣкоего христіянина читаемъ: «вѣрують въ Перуна и въ Хорса... и въ вилы, ихъ-же числомъ тридевятъ сестрѣницъ глаголють невѣгласи и мнѣть богинями, и тако покладывахуть имъ теробы (и короваи имъ ло-

¹⁾ Малорос. пѣсни Максимовича, 162. Загадки эти разрѣшаются такъ: камень растетъ безъ корня, вода бѣжить безъ повода, напороть цвѣтеть безъ цвѣту. — ²⁾ Срп. н. пјесме, I, 196. — ³⁾ Иличъ, 282.

мять), и куры имъ рѣжуютъ» и ниже: «молятся огневѣ подѣ овинномъ и виламъ и Мокоши». Тоже свидѣтельство повторено и въ другихъ памятникахъ, принадлежащихъ новгородской Софійской библиотекѣ: «и начаша жрети молніи и грому, и солнцю и лунѣ, а друзи Перену, Хоурсу, виламъ и Мокоши, оуширемъ и берегынямъ, ихъ-женарицають тридевятъ сестриницъ» ¹⁾. Это напоминаетъ намъ суевѣрное преданіе о двѣнадцати сестрахъ-трясавицахъ — эльфахъ томительныхъ недуговъ (см. стр. 85). Въ древнемъ переводѣ Георгія Амартола вилы отождествляются съ сиренами: «завистася же ся в рѣцѣ Нилѣ солнцу вшедшу челоувѣкообразнѣ двѣ животнѣ мужъ и жена, иже и сиринны нарицаются, рѣше вилы» ²⁾. Слово вила (иллир. willa) образовалось отъ глагола вить, вью ³⁾—плести, скручивать, соединять пряди въ одну нить или вервь, и указываетъ на мнѣшескую дѣву, которая прядетъ облачныя кудели и тянетъ изъ нихъ золотыя нити молній. Въ сербской пѣснѣ говорится: «се му ъе вију по облаку» ⁴⁾; у насъ: молнія и звивается—вьется огненной нитью или змѣйкою, мелькаетъ искривленной линіей; сравни: извилина, вилюга—кривизна, вилямъ—извилисто, вилватый—извилистый; глаголъ вьется прилагается и къ полету птицъ, и въ народныхъ загадкахъ (русской и сербской) ласточка, отличающаяся особенно-быстрымъ и извилистымъ полетомъ, называется вило. Такъ какъ видимая глазомъ кривизна наводила на понятіе нравственной кривды, хитрости и лукавства, составляющихъ самую существенную сторону въ характерѣ эльфовъ (стр. 4-5), то отсюда: вилватый—хитрый, лукавый, вила—юла, челоувѣкъ увертливый—вилующій (ви-

¹⁾ Лѣт. рус. лит., т. IV, отд. 3, 89—90, 94, 99, 108; Оп. Румян. Муз., 228—9. — ²⁾ Москв. 1851, V, стат. Срезневск., 63—64. — ³⁾ Какъ жила отъ жить, рыло отъ рыть, и т. д. — ⁴⁾ Сри. в. пјесме, I, 432.

лющій ¹⁾. Стремительные вихри, подымая столбомъ пыль или снѣгъ (въ ю-га, у болгаръ: вилни ветерушки ²⁾), крутить ихъ словно веревку; а неся на своихъ крыльяхъ облака и тучи, завиваютъ ихъ въ кудри и сбиваютъ вмѣстѣ, какъ спутанную пряжу или всклокоченные волосы. Рядомъ съ словами: куделя (ленъ, приготовленный для пряжи), кудло, кудеря, въ областномъ говорѣ употребляется глаголъ куделится — метѣть выюта; вихоръ, вихры (чубъ, пряди волосъ) одного происхожденія съ словомъ вихрь (вѣхорь), а пѣтлы (длинные, косматые волосы) отъ санскр. корня раt — летать ³⁾. Въ народныхъ сказаніяхъ вилы изображаются не только нимфами, управляющими полетомъ облаковъ и молній, но и вѣщими пряхами. Въ близкой связи съ южно-славянскою вилою стоитъ волошская vilva — имя, которымъ обозначаются духи, населяющіе облачный міръ, носящіеся по воздуху въ видѣ крылатаго змѣя и посылающіе на землю дождевые ливни и плодородіе. По всему вѣроятію, преданія о вильвахъ и самое названіе ихъ заимствованы валахами отъ сѣднихъ славянъ. Сверхъ того, нѣкоторыми учеными вила и vilva сближаются съ скандинавск. vala, valva или völvа (всѣ три формы равно употребительны и означаютъ вѣщую жену, чародѣйку); но это остается недоказаннымъ ⁴⁾.

Подобно русалкѣ, вила — существо, родственное свѣтлымъ эльфамъ, и потому данное ей имя сопровождается постояннымъ эпитетомъ бѣлая: бѣла вила. Этотъ эпитетъ, указующій на блескъ, сіяніе и красоту, также тѣсно сливается съ словомъ «вила», какъ въ нашемъ эпическомъ языкѣ прилагатель-

¹⁾ Обл. Сл., 25; Доп. обл. сл., 22; Срп. рјечникъ, 62; Этн. Сб., VI, 74. — ²⁾ Народне песме Македон. Бугара, Верковича, I, 2: „Подуналъ е тихи ветеръ, три вилни ветерушки“. — ³⁾ Доп. обл. сл., 94; Изв. Ах. Н., IV, 404, 409. — ⁴⁾ Шоттъ, 295-6; Germ. Mythen, 569; О вл. христ. на сл. яз., 21—23.

ное красная съ словомъ «дѣвица», и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуесть о тождествѣ вилъ съ бѣлыми женами (weisse frauen, biele ranje) германцевъ, чеховъ и моравовъ ¹⁾. Вилы представляются юными, прекрасными, блѣднотлицыми дѣвами, въ тонкихъ бѣлыхъ одеждахъ и съ длинными косами, распущенными по спинѣ и грудямъ; въ этихъ косахъ — ихъ сила и даже самая жизнь; тѣло у нихъ нѣжное, прозрачное, легкое какъ у птицы, очи блистають подобно молнии, голосъ — пріятный, сладкозвучный. По свидѣтельству хорутанскихъ сказокъ, косы у вилъ золотыя, низпадающія до земли, одежда — не только бѣлая, но и золотая, съ серебрянымъ поясомъ. Бѣда человѣку, который прельстится вилою! ему опостылитъ весь міръ, и жизнь будетъ не въ радость. Хваля красоту дѣвицы, сербы и черногорцы сравниваютъ ее съ вилою: «она хороша, какъ горная вила!» Наравнѣ съ русалками, вилы обитають на горныхъ вершинахъ, въ лѣсахъ и водѣ, и потому различаються на горныхъ, лѣсныхъ и водяныхъ: а) горска вила (бјела вила из горе), б) вила од планине (vila planinkinja); гора въ сербскомъ языкѣ означаетъ и mons, и silva, э планина — гору, покрытую лѣсомъ (mons silvovus, bergwald). Горныя вилы стануоть по горамъ и устроаютъ свои «дворнща» въ пещерахъ, пропастьахъ и ущеліяхъ; внутри жилье ихъ убрано цвѣтами и зеленью и ярко сіеетъ, какъ пресвѣтлый рай. По другимъ рассказамъ, вилы живутъ въ кристалльныхъ палатахъ, украшенныхъ перлами, и владѣють богатою золотою посудою. Наконецъ в) vila vodena или povodkinja обитаеть въ рѣкахъ, озерлахъ и студенцахъ, а morskа dēvica (morskа diklica), представляемая полу-дѣвою, полу-рыбою, — въ глубинѣ моря. По словамъ Караджича, вилы поселяются «по великимъ

¹⁾ Nar. zpiewanky, I, 412—3.

планинама и по камењацима око вода; онѣ любятъ плавать, купаться, заманивать и увлекать на дно крестьянскихъ дѣвухекъ. Принадлежащіе имъ источники (вилы и водица) считаются заповѣдными; юнакъ, который напьется отсюда воды или напоитъ своего коня, платитъ тяжелую дань: самъ онъ лишается очей, а конь его -- ногъ ¹⁾). Не смотря на эти повѣрья, заставляющія вилъ населять землю, народъ и донынѣ не утратилъ воспоминанія, что онѣ собственно облачныя дѣвы (vile oblakinje), обитательницы небесныхъ горъ, дубравъ и источниковъ. Въ замѣчательной далматинской пѣснѣ вила говоритъ о себѣ:

Mene je gora rodila,
U zeleni listak povila;
Jutrenja rosa padala,
Mene je vilu dojila;
Od gore vetrić puhao,
Mene je yilu šikao:
To su mi bile dadije ²⁾.

Какъ молніеносный эльфъ, вила рождается отъ горы-тучи, и вскормленная росой (дождевою влагою) убаюкивается вѣтромъ. Поселяне убѣждены, что вилы могутъ насылать бури, дожди и градъ; подымая буйные вѣтры, онѣ ломаютъ растущія по горамъ деревья, волнуютъ пучины и топятъ лодки и пловцовъ; во время морской бури случается видѣть, какъ онѣ бѣгаютъ по верхушкамъ волнъ и своими ногами пьютъ встревоженные воды ³⁾. По свидѣтельству сербскихъ пѣсень,

¹⁾ Срп. рјечник, 61—62; Срп. н. пјесме, I, 153, 274, 571; II, 51; Arhiv za povēstnicu jugoslavensku 1851, I, стат. Кукулевиѣча-Сакцинскаго, 87, 90, 97—104; сб. Валявца, 7—8, 18, 22, 47, 56. — ²⁾ Переводъ: меня гора родила, зеленымъ листьемъ повила; утренняя роса падала, меня вилу кормила; отъ горы вѣтеръ вѣялъ, меня вилу убаюкивалъ: то были мои няньки. — ³⁾ Кукулевиѣчъ, 88, 93, 104.

вилы носятся по воздуху, между небомъ и землею, собираютъ летучія облака и любятъ на молніи. Такъ Марку-кравлевичу, когда онъ вступилъ въ единоборство съ Мусею Кеседжія, явилась на помощь вила изъ облака ¹⁾; а когда банъ Секула преслѣдовалъ вилу — она сначала побѣжала глубокими водами, потомъ — чистымъ полемъ и наконецъ, настигаемая хортами, «дигне се небу под облаке» ²⁾. Въ одной пѣснѣ дѣвица, не желая смотрѣть на грозу, замѣчаетъ о себѣ: «нит' сам вила, да збијам облаке» (я — не вила, чтобы собирать облака ³⁾). Согласно съ уподобленіемъ облаковъ крѣпостнымъ башнямъ и стѣнамъ, вила, нагоняющая на небесный сводъ тучи, признается строительницею воздушныхъ замковъ:

Град градила б'једа вила
 Ни на небо, ни на земл(ь)у,
 Но на грану од облака;
 На град гради троје врата:
 Једна врата свл од злата,
 Друга врата од бисера,
 Трећа врата од шкерлета ⁴⁾.

Въ третьихъ воротахъ вила

Сама сједи, погледује,
 Ће се мув(ь)а с громом игра ⁵⁾.

Многъ о постройкѣ вилою облачныхъ городовъ, будучи низведенъ на землю, привлекъ ее къ участию въ сооруженіи твердынь, воздвигаемыхъ руками смертныхъ. Таково слѣдующее преданіе: выше Котора (Cattaro) въ каменной горѣ видна большая яма или пещера, о которой разсказываютъ, что ее выкопалъ царь Стефанъ и что именно здѣсь думалъ онъ постро-

¹⁾ Срп. н. пјесме, II, 409; сб. Валавца, 68. — ²⁾ Срп. н. пјесме, I, 183. — ³⁾ Ibid., 432. — ⁴⁾ Грана — вѣтвь, отрасль; бисер — жемчугъ, шкерлет — шарлаховос, красное сукно, багрець, пурпуръ. — ⁵⁾ Срп. н. пјесме, I, 151—2.

ить городъ; но вила посовѣтовала «да то не чини, јер му ондје у оној врлети нема ни броду пристаништа ни коњу понгришта»¹⁾, и указала на другое мѣсто у залива. Царь послушался виламъ и съ ея помощію построилъ градъ Которъ²⁾. Чародѣи, наученныя вилами премудрости, бродятъ вмѣстѣ съ ними и нечистыми духами по свѣту и водятъ за собой грозовыя тучи и бури³⁾. Вслѣдствіе этой власти надъ облачнымъ міромъ, виламъ приписывается вліяніе на земледѣльческія работы: въ старое золотое время онѣ приходили на поля и пастбища, помогали людямъ жать нивы, косить траву, полоть грады и оберегали ихъ стада. Въ Иллиріи убѣждены, что вила, если захочетъ, можетъ охранить ниву своего любимца отъ града, опустошающаго сосѣдніе участки. Возвращаясь съ полей въ горныя пещеры, вилы оборачиваются змѣями (= молніями), и въ этомъ видѣ проскользаютъ сквозь малыя отверстія въ горы, а внутри ихъ снова преобразуются въ дѣвъ⁴⁾: преданіе, напоминающее волошскихъ вильвъ, нѣмецкихъ бѣлыхъ *schlangenjungfrauen* (= *däsapatnis*) и старинный миѳъ объ Оди-нѣ (I, 395). Какъ нимфамъ грозовыхъ тучъ, виламъ присвоены всѣ характеристическіе признаки и поэтическіе атрибуты, соединяемые съ этимъ естественнымъ явленіемъ: быстрота полетовъ, чудесныя превращенія, бросаніе молніеносныхъ стрѣлъ и искусство ковать. Онѣ также внезапно исчезаютъ, какъ и являются; пѣсни даютъ имъ крылья («полећела вила на бијела крила»⁵⁾), и бѣззаго коня уподобляютъ вилѣ: «алъ је брза пушта бедевіја, брза му је, као горска вила»⁶⁾. И

¹⁾ Переводъ: не дѣлать того, потому что на этой крутизнѣ нѣтъ ни ладьямъ пристанища, ни коњу понгрища (раздоля). — ²⁾ Срп. рјечникъ, 294. — ³⁾ Ibid., 75. — ⁴⁾ Кукулевичъ, 99—100; Эрбенъ, 306. — ⁵⁾ Срп. н. пјесме, II, 49; Кукулевичъ, 89: черногорская пѣсня о легкокрылой вилѣ, что прилетѣла съ неба. — ⁶⁾ Переводъ: «но быстра у него дикая кобылица, быстра, какъ горвая вила» — Срп. н. пјесме, II, 399.

птица, и конь—обычныя метафоры вѣтра, молніи и облака; а потому вилы не только надѣляются крыльями и сказочными конями, но и сами оборачиваются то легкокрылыми птицами, то быстроногими кобылами. Общераспространенная сказка о яблонѣ, на которой каждую ночь зрѣютъ золотыя яблоки ¹⁾, т. е. собственно — о деревѣ-тучѣ, приносящемъ живую воду дождя (см. II, 309—315), отличается въ хорутанской редакціи нѣкоторыми любопытными особенностями ²⁾. Вмѣсто жаръ-птицы, похищающей золотыя яблоки, здѣсь каждую ночь являются девять вилъ и рвутъ дорогіе плоды; добрый молодецъ подстерегаетъ ихъ и получаетъ въ подарокъ три золотыхъ яблока. Вслѣдъ за тѣмъ онъ отправляется искать вилъ; на пути объявилъ ему пастухъ, что въ такомъ-то студенцѣ вилы купаются въ полдень. Два раза молодецъ проспалъ полуденное время, но въ третій разъ подсмотрѣлъ, какъ онѣ купались. Вилы взяли его къ себѣ въ дупло, держали тамъ девять лѣтъ и кормили его сахарными яствами, а при отпускѣ надѣлили богатствомъ. Тоже преданіе развиваютъ сказки сербская и болгарская ³⁾. Въ сербской повѣдкѣ прилетаютъ за яблоками девять золотыхъ павъ. Меньшой изъ трехъ царевичей, посланный караулить яблоню, поставилъ подъ нею кроватку и легъ на постель. Ночью прилетѣли павы; восемь сѣли на дерево, а девятая пала царевичу на кровать и превратилась въ красную дѣвицу; съ тѣхъ поръ вдвоѣмъ они проводили сладостныя ночи. Но вотъ подстерегла ихъ колдунья; золотая павъ улетѣла и больше не возвращалась. Царевичъ пустился искать свою невѣсту и пришелъ къ озеру, въ которомъ она любила купаться. Три дня сряду провелъ онъ возлѣ озера, сидя на конѣ; но всякой разъ, въ урочную пору, засыпалъ непробуднымъ сномъ. Прилетая, восемь павъ бросались купаться, а девятая садилась

¹⁾ Н. Р. Ск., VII, 11, 12. — ²⁾ Сб. Валавца, 31—32. — ³⁾ Срп. припов., 4; Эрбень, 213.

кѣ царевичу на коня, миловала-обнимала его и не могла добудиться. Послѣ того павы не прилетали на озеро; долго-долго странствовалъ царевичъ и наконецъ нашелъ городъ золотыхъ павъ и женился на своей невѣстѣ, которая царствовала въ томъ городѣ. Другія хорутанскія сказки ¹⁾ сохранили черты, еще болѣе древнія: вила прилетаетъ къ юношѣ бѣлой лебедью, оборачивается прекрасною дѣвою, въ бѣлоснѣжной одеждѣ, съ золотыми косами до земли, и ложится съ нимъ спать на золотомъ ложѣ; отъ блеска ея волосъ освѣщалась кругомъ вся ливада. Провѣдала про то мать добраго мѡлодца, взяла ножницы и отрѣзала вилѣ золотыя косы: вотъ почему красавица покинула своего милаго, и онъ долженъ былъ идти ее отыскивать. Итакъ вила родится съ лебедными дѣвами, которыя постоянно купаются въ озерахъ и источникахъ, т. е. въ дождевыхъ потокахъ ²⁾. Приведенныя сказки передаютъ мнѣ о бракѣ облачной дѣвы съ громовникомъ; въ лѣтнюю пору она прилетаетъ къ нему на ложе, но тотчасъ-же исчезаетъ, какъ скоро злая чародѣйка (Зима) лишитъ ее золотистыхъ (сверкающихъ молніями) локоновъ; юный супругъ обрѣтаетъ ее не прежде, какъ при возвратѣ весны, когда она снова является у дождевыхъ источниковъ и когда самъ громовникъ пробуждается отъ крѣпкаго зимняго сна. Согласно съ представленіемъ тучъ то небесными родниками, то садами съ золотыми яблоками, вилы въ одно и тоже время изображаются и водяными, и лѣсными дѣвами; увлекая къ себѣ сказочныхъ героевъ, онѣ держатъ ихъ въ морѣ и лѣсахъ ³⁾, или сажаютъ въ дупло и кормятъ сахарными яствами, т. е. медомъ = амритою.

¹⁾ Сб. Валявца, 21—24, 29—30. — ²⁾ Греческія сирены также представлялись птицами — Der Ursprung der Myth., 193. — ³⁾ Сб. Валявца, 13, 46: „a vu onom istom moxju bile so vile. Vile so prijelo ovo dete... Vre je prešlo pet let, kaj je dete vu vodi bilo i neizmerno lepo je bilo“.

Хорутанскія сказки предлагаютъ интересныя свѣдѣнія о вилиныхъ коняхъ (вилени, вилован конь), съ помощію которыхъ добрый молодецъ (=Перунъ) добываетъ себѣ златовласую красавицу. Это чудесные кони грозовыхъ тучъ; они дышатъ пламенемъ, летаютъ по воздуху съ быстротою стрѣлы, не боятся непогоды и опасностей, и надѣлены вѣщимъ характеромъ: человѣческимъ словомъ, предвидѣніемъ, мудростью. Визѣтъ съ этимъ, виламъ, наравнѣ съ эльфами, шарами и домовыми, приписывается страсть заѣзжать обыкновенныхъ лошадей; у коня, на которомъ ѣздитъ вила, грива бываетъ до такой степени сбита, спутана, что расчесать ее нѣтъ никакой возможности; распутать гриву можетъ только вила и никто—болѣе! Однажды геройсказки ѣхалъ на вилиномъ конѣ и нашелъ на дорогѣ три золотыхъ волоса и золотую подкову; конь даетъ совѣтъ не поднимать находки, но молодецъ не послушался, взялъ золотые волосы и подкову и поступилъ на королевскую службу. Какъ скоро узналъ король про его находку, онъ приказалъ ему добыть златовласую красавицу и златокованнаго коня. Молодецъ исполняетъ приказъ: сначала привозитъ дѣву съ золотою косою, а потомъ пригоняетъ вилиныхъ кобылицъ, доитъ ихъ, и купаясь въ ихъ кипучемъ, молокѣ, дѣлается неописаннымъ красавцемъ. Когда былъ поставленъ котелъ съ этимъ кипучимъ молокомъ (метафора весенняго дождя—I, 621-3), чудесный конь, принадлежащій сказочному герою, «*potegnul 'se one toplinjave iz mleka*», т. е. охладилъ его своимъ дыханіемъ—вѣтромъ; молодецъ окунулся «*i srečno izešel vun, pak još trikrat lepši postal kak prvo bil. Onda pustil konj nazad onu vrućinu (жарь), koju prvo vun potegnul z lampom*». Захотѣлъ искупаться въ кобыльемъ молокѣ сынъ короля, бросился въ котелъ—и погибъ; послѣ того златовласая дѣва досталась доброму молодцу. Въ соотвѣтствующей малорусскоѣ сказкѣ дѣва эта называется морскою

пани, а вилины кобылы — морскими или водяными. По другому преданію, вила даетъ мѣдодцу три узды: мѣдную, серебряную и золотую; стѣбитъ только потрясти ими, какъ въ ту же минуту предстанутъ три вилы на коняхъ: одна на мѣдномъ, другая — на серебряномъ, третья — на золотомъ. При содѣйствіи этихъ коней, герой женится на прекрасной царевнѣ, или на самой вилѣ. Потрясъ онъ уздою — и немедленно явилась къ нему вила: «*kaj si zmisлил?*» спросила она. — «*Ja sem si zmisлил da ti budeš moja žena... Onda su se skup oženili, imeli su skup dvoje dece, živeli su skup sedem let. Onda je on jeden put pozabil ključa od one ladice, gde je ona vuzda bila.*» Виланашла узду и исчезла. Подобно тому, лебединыя дѣвы и болгарскія самовилы только тогда отдаются витязю и вступаютъ съ нимъ въ бракъ, когда онъ овладѣетъ ихъ крылушками или пернатою сорочкою (*schwanhemd*); но едва получаютъ обратно свои крылья или сорочку, тотчасъ-же превращаются въ птицъ и улетаютъ ¹⁾. Такимъ образомъ конская узда хорутанской приповѣдки соответствуетъ крыльямъ; съ помощію узды вила можетъ превратиться въ быстроногого коня, какъ съ помощію крыльевъ — въ птицу, и тогда ей уже легко скрыться отъ влюбленнаго витязя ²⁾. По русскому повѣрью, если на вѣдму наложить узду, она немедленно дѣлается кобылицею и съ быстротою вихря скачетъ по горамъ и дѣламъ. Превращеніе облачныхъ дѣвъ въ коней принадлежитъ глубочайшей древности; у индусовъ веданческой эпохи было уже представленіе, что именно въ этомъ образѣ дѣва бурно-несущагося грозового облака убѣгаетъ пламенныхъ объятій бога-громовника ³⁾. Про славнаго богатырскаго коня Шараца рассказываютъ, что его подарилъ Марку-королевичу вила, что конь этотъ шлъ вивно и скакалъ такъ высоко, что могъ догнать самую вилу:

¹⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 212; сравни съ рассказомъ о поймающей марѣ — *ibid.*, 269. — ²⁾ Сб. Велѣвца, 5—12, 17—19, 38—42, 75; Иличъ, 281. — ³⁾ Die Götterwelt, 21.

Шарац језди посреди планине,
 Видје виле чути ни видети.
 Кад је Шарац сагледао вилу,
 По с три коп(ь)а у висину сваче,
 По с четири добре у напредак,
 Брзо Шарац достигао вилу ¹⁾.

Въ старину у сербовъ совершался обрядъ, тождественный по значенію съ нашимъ ряженьемъ (хожденіемъ окрутниковъ). Наряжались трое: чороје, вила и турица. Чороје (?) одѣвался въ косматую одежду, увѣшанную лосьими и другими звѣринными хвостами, на лицо накладывалъ маску («образину»), а въ рукахъ держалъ зеленую вѣтвь или пучокъ цвѣтовъ. Вила являлась въ бѣломъ женскомъ платьѣ, опоясанная красною перевязью, на головѣ имѣла бѣлое покрывало и вѣнокъ изъ цвѣтовъ, а въ рукѣ «као лук на три угла меклиѣн сав цвијеѣм». Тому, кто представлялъ турицу, придѣлывалась на длинной косматой шеѣ конская голова съ большими зубами, которая могла раскрывать ротъ и хлопать челюстями; ноги у турицы были косматыя и внизу походили на птичьи. Вместе съ этими ряженными шелъ человекъ съ бубномъ и ударялъ въ него. Впервые они совершали обходъ на Срѣтенье, и потомъ—на всякой праздникъ до великаго поста; «први дан су пролазили и кроз саборну цркву» ²⁾. Это обрядовое шествіе служило знаменіемъ скорого возврата дожденосныхъ облаковъ, которыя олицетворялись то бѣлыми дѣвами, то существами, одѣтыми въ звѣринныя шкуры, и даже прямо—коровами и конями. Турица своимъ названіемъ напоминаетъ намъ древнее поклоненіе Туру. Смѣшная старинная представленія, народъ даетъ ей, вмѣсто головы быка или коровы, голову лошади и заставляетъ сопутствовать вилѣ. По-

¹⁾ Срп. н. пјесме, II, 217; Срп. рјечник, 346. — ²⁾ Срп. рјечник, 828—9.

добно тому, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи совершается слѣдующій обрядъ: въ заговѣнье передъ Петровками два или три человѣка, избранные представлять русалку, покрываются парусомъ, и передній держитъ передъ собой лошадиную черепъ, на который надѣта упряжная збруя; а кто-нибудь идетъ сзади и погоняетъ эту акъ называемую русалку. Въ числѣ другихъ животненныхъ образовъ, въ какихъ издревле рисовались народной фантазіи облака и тучи, встрѣчаемъ оленя и козла. О вилахъ, блуждающихъ по лѣсамъ и роушамъ, рассказываютъ, что онѣ вибуютъ козыи ноги и конскія копыта ¹⁾). Вилы не всегда вьзять на чудесныхъ коняхъ; иногда онѣ носятся на быстрыхъ оленяхъ, заузанныхъ и погоняемыхъ змѣями, т. е. молніями. Такъ, по свидѣтельству одной пѣсни, вила поймала четыре змѣи и семигодовалаго оленя, «zauzda ga zmijom, načini od dvě zmije remenje za uzdu, a četvrtu zmiju uze mĕsto šibe (взяла витьто бича), sedue na jelena, pa hajde i potĕru» (и пустилась въ погоню ²⁾).

Какъ дѣвы весеннихъ грозъ, какъ существа, тождественныя эльфамъ, вилы куютъ крѣпкія сабли, ударяя которыми можно перерубать желѣзо и камень ³⁾, и пускаютъ изъ облачныхъ странъ острыя стрѣлы — молніи. Всякаго, кто раздражитъ вилу, она поражаетъ стрѣлою въ сердце, руку, ногу или другую часть тѣла и причиняетъ ему смерть или тяжкую, расслабляющую болѣзнь. Такъ подобная кара непременно постигаетъ того, кто помутитъ свѣтлыя воды вилина источника: повѣрье, въ основѣ котораго скрывается мысль о молніяхъ, видимыхъ во время грозовой бури, возмущающей небесныя родники. Родители запрещаютъ своимъ дѣтямъ ходить въ такія мѣста, гдѣ по общепринятому мнѣнію могутъ поранить

¹⁾ Кукулевичъ, 90. — ²⁾ Ibid., 102—3; German. Mythen, 571.—

³⁾ Кукулевичъ, 88.

нѣхъ мстительныя вилы. Если у кого заболѣетъ нога или рука — это приписывается дѣйствию вилъ ¹⁾. Такимъ образомъ эти мнѣшескія дѣвы ставятся въ такую-же тѣсную связь съ болѣзнями, какъ и русалки, полудницы и эльфы. Слово вилъ какъ означаетъ у сербовъ бѣсноватаго —человѣка, которымъ овладѣли вилы (какъ-бы вошли внутрь его тѣла). Царь Стефанъ, построивши Которъ, созвалъ на пиръ гостей, и между прочими пригласилъ помогавшую ему вилу. За пиромъ сталъ онъ хвастаться, какой удалось ему воздвигнуть славный городъ; на это вила возразила, что безъ нея онъ ничего бы не сдѣлалъ; раздосадованный царь ударилъ вилу по лицу, «а она се на то расрди, те све изворе (родники) и студенце по Котору отрује (отравила, испортила) и све гости царево полуди (и наслала на царскихъ гостей ѡдурь). Кад цар ту освету (мщеніе) види, он стане вилу молити и једва је којекако намоли те му госте поврати од лудила и очисти му од отрова само један извор иза јужнијех врата градскијех» ²⁾. Бросая что-то въ источники, или купая въ нихъ своихъ дѣтей, вилы отравляютъ воду, и тотъ, кто напьется этой воды, долженъ немедленно умереть ³⁾; сравни приведенныя выше (стр. 62, 113) повѣрья о колодцахъ и сосудахъ, ѡтравляемыхъ демонами различныхъ недуговъ. Сербскія пѣсни даютъ виламъ лукъ и стрѣлы: ставятъ шатѣръ угринъ Јанко у студеныхъ водъ Савы—на вилиномъ игралищѣ, и говоритъ ему бѣлая вила:

«Ход' отоле, угрин Јанко!
 Не пен(ь)и ми шатор тудар ⁴⁾;
 Ако запех стр'јеле моје,
 Устр'јели ѣу тебе, Јанко.»

Еще интереснѣе свидѣтельство другой пѣсни: ѣхали два побратима Марко-кравеличъ и воевода Милошъ; говоритъ Марко:

¹⁾ Срп. рјечник, 61; Иличь, 279—280. — ²⁾ Срп. рјечник, 62, 294. — ³⁾ Кукулевичъ, 101. — ⁴⁾ Не разбивай тутъ шатра.

«сильно одољвааетъ меня сонъ; запой, братъ Милошъ, и разгони мою дремоту.» Отвѣчаетъ ему Милошъ:

«Ја би тебе, брате, попевао,
Ал' сам синоћ много про вино
У планини с вилом Равијојлом,
Пак је мене запретила вила:
Ако мене чује да попевам,
Оће мене она устрелити
И у грло и у срце живо.»

— Пой, не бойся вилы, пока живъ Марко-королевичъ и есть у него вѣщій конь и золотой шестоперъ. Милошъ затанулъ вѣсно,

А Марку је песма омилила,
Наслони се седлу на облучје;
Марко спава, Милош попијева.
Зачула га вила Равијојла,
Па Милошу поче да отпева;
Милош пева, вила му отпева.
Лепше грло у Милоша царско,
Јесте хепше, него је у виле;
Расрди се вила Равијојла,
Пак одскочи у Мироч-планину,
Запе лука и две беле стреле,
Једна уд'ри у грло Милоша,
Друга уд'ри у срце јуначко.

— Марко, побратимъ по Богу! воскликнулъ Милошъ, вила меня устрѣлила. Очнулся Марко отъ сна, припустилъ Шараца и стагъ нагонятъ вилу.

Кад се вила виде у невол(ъ)и,
При јадна ¹⁾ небу под облаке;
Потеже се буздованом Марко,
Белу вилу међ' плећи удари,
Обори је на зема(ъ)ицу чарну,
Пак је стаде бити буздованом,
Преврће је с десне на лијеву,
Пак је бије шестопером златним.

¹⁾ Принула бѣднара.

Стала молитъ его вила: «пусти меня живою! я наберу зелья и залѣчу раны у Милоша.» Отпустилъ ее Марко-королевичъ; набрала вила цѣлебныхъ травъ и залѣчила юнаку тяжелыя раны: еще лучше (—сладкозвучиѣе) стало у Милоша горло, чѣмъ было прежде. Говорила потомъ Равијола между своими подругами:

«О чујете, вилс-другарице!
 Не стрељајте по гори јунака,
 Док је гласа краљевича Марка
 И његова видовита Шарца
 И његова шестопера златно.»¹⁾

Тоже преданіе рассказываетя у хорутанъ въ такой формѣ: хвали Марко и Андрей-королевичи. На просьбу Марка снѣтъ ему пѣсню—отозвался Андрей: «ei, mili brate, ja ti ne smem, mene bi vila oblakinja prestrelila. — Ei, pa naj se borjati, ja sem ti ovdí. Posluhne Andro i zapeva tak da su 'se grane²⁾ padale. Na jeden put doleti sulica (короткое, метательное копьё) vu Andra i prevali se. A Marko se ozre, odkud je to doletelo i opazi vu oblaku vilu, pograbi buzdovana i hiti ga vu vilu tak da ju je mam na kla hitil. Vila počne kričati: pusti me, Marko, ja ti oživim Andra i dam ti konja vilovitoga, kaj buš mogel po zraku leteti. Marko ji dovoli i ona nabere nekakove trave pa oživi Andra; a Marko dobi konja vilovitoga»³⁾). Итакъ вилы не только наносятъ смертельныя и болѣзненные удары, но и знаютъ искусство залѣчивать раны и умѣютъ находить нужныя для этого травы. Онѣ, по народному повѣрью, слетая съ неба, учатъ людей тайнамъ врачеванія; кто окажетъ вилѣ какую-нибудь услугу, тому она становится посестримою (названною сестрою) и сообщаетъ знаніе цѣлебныхъ травъ⁴⁾. Когда однажды моло-

¹⁾ Срп. н. пјесме, I, 184; II, 215—9. — ²⁾ Въ вѣтви. — ³⁾ Сб. Валавца, 68. — ⁴⁾ Кукудевичъ, 89—90; Иличъ, 281.

дой юнакъ сломалъ свою правую руку, для него, по словамъ сербской пѣсни ¹⁾, нашлась «л(ь)екарица, изъ горнице вила»; но раздраженная на его любовь—она отравила ему рану, и несчастный погибъ безвременной смертію. Виленикъ называется человекъ, въ котораго ударила вила стрѣлою и потомъ сама-же исцѣлила ²⁾. Чехи противъ недуговъ, которые подобно червямъ подтачиваютъ жизнь человекъ, произносятъ такой заговоръ: «Byla panna Maria přecistá, měla tři vlastní sestřičky (вариантъ: svatá Lucie tři dcery měla): jedna předla, druhá vila, třetí (motala i) na škrkavku žehnala, žehnala srdečním, jaterním, plíčním, krevním, střevním (закликала червей въ сердца, печени, легкомъ, въ крови и кишкахъ) té a té osobě, aby jí masa nejedly, krve nepily, a té osobě pokoj daly» ³⁾. Эти три дѣвы, изъ которыхъ одна прядетъ, другая вьетъ, а третья мотааетъ, суть вилы, о сродствѣ которыхъ съ тремя вѣщими пряхами (дѣвами судьбы) будетъ сказано въ главѣ XXV. Сила врачевать болѣзни принадлежитъ виламъ, какъ обладательницамъ живей, цѣлющей воды, какъ дожденоснымъ или водянымъ дѣвамъ. Нѣмецкія саги заставляютъ бѣлыхъ женъ возсѣдать около цѣлебныхъ ключей и колодець (heilquellen, gesundbrunnen); а по шотландскому преданію, лѣкарственные злаки указала морская жена ⁴⁾. Сверхъ тѣлесной крѣпости и здравія, живая вода надѣляетъ еще даромъ предвѣщаній и высшаго вѣдѣнія, и черезъ то необходимо становится облачныхъ нимфъ въ разрядъ вѣщихъ или мудрыхъ женъ (weise frauen, weissagerinnen). Всякая вила есть пророчица и чародѣйка; она знаетъ будущее, и состязаясь въ мудрости, легко побѣждаетъ своихъ противниковъ: слов. vilenik — колдунъ, vilenistvo, vilensztvo — колдовство ⁵⁾.

¹⁾ Срп. н. пјесме, I, 430. — ²⁾ Срп. рјечник., 62. — ³⁾ Громаничъ, 152—3. — ⁴⁾ D. Myth., 1101—6. — ⁵⁾ О вл. христ. на сл. яз., 21.

Бану Секулаѣ обѣщалась вила «три била казат': прво биле — да ти љуба роди сына, друго — да ти с'абља сјече турке, треће — да си стиман (честенъ) у дружину»; а Марку-королевичу она предсказала близкую смерть. Оступился Шарацъ и полился изъ глазъ его слезы; спрашиваетъ Марко королевичъ: что бы это значило? и отозвалась ему вила съ горы: «жалѣеть тебя добрый конь! скоро вамъ разставаться: заболѣешь ты, Марко, и умрешь «од Бога од старогъ крвника». Какъ будешь ты на вершинѣ горы, посмотри справа налѣво — тамъ стоятъ двѣ тонкія ели, а межъ ними струится свѣтлый ключъ; сойди съ коня, загляни въ воду на свое лице, и узнаешь, что тебя ожидаетъ смерть.» Послушался Марко,

Наднесе се над бунар ¹⁾ над воду,
 Над водом је лице огледао;
 А над Марко лице огледао—
 Виђе Марко над ће умријети ²⁾.

Этотъ горный колодець соответствуетъ тѣмъ скандинавскимъ источникамъ мудрости и предвѣдѣнїя, которые истекали изъ-подъ корней Иггдрасилли, и особенно Urdhsbrunnen'у, возлѣ котораго обитали норны, опредѣлявшїя теченїе жизни и смерть каждаго человѣка. Въ старину многіе съ боязнїю смотрѣли на свой отраженный образъ. Вѣроятно, на гаданїи, съ какимъ издревле обращались къ воднымъ источникамъ, основывается и позднѣйшее гаданїе зеркаломъ; донинѣ дѣвушки, желая увидать своего суженаго, смотрятъ или на дно колодца, или въ зеркало.

Владѣя стрѣлами и копьями, вилы являются въ народныхъ сказанїяхъ могучими, воинственными дѣвами, подобными сѣвернымъ валькиріямъ. Такъ какъ въ грозѣ древнїи человѣкъ созерцалъ борьбу стихїй, кровавыя битвы и дикую охоту облачныхъ духовъ; то о горныхъ вилахъ (vile gorske) расска-

¹⁾ Студенець, родникъ. — ²⁾ Срп. и вјесме, I, 182—3; II, 439—441; Путешест. въ Черногорїю А. Попова, 213—4.

зываютъ, будто онѣ, вооруженныя шѣткими стрѣлами, дѣяютъ ловы и сражаются между собою, при чемъ отъ нихъ неистовыхъ восклицаній и крика стонутъ горы и содрагается земля: «šela goša od krike i vike grmi i zemlja se tresе» ¹⁾. Съ затемнѣніемъ основнаго смысла преданія, фантазія допустила участіе вилъ въ человѣческихъ войнахъ. Онѣ помогаютъ своимъ любимымъ героямъ и низвергаютъ вонновъ противной стороны губительными ударами; хорутанская прпповѣдка ²⁾ упоминаетъ о ямѣ, наполненной головами людей, побитыхъ вилами («koje su vile preobladale»). Онѣ покровительствуютъ сербскимъ юнакамъ, заключаютъ съ ними побратимство (принимаютъ на себя обязанности посестримъ), дарятъ имъ крѣпкое оружіе и надѣляютъ ихъ силою и удачею въ бояхъ. Марку королевичу онѣ дали и богатырскую силу, и ратную саблю ³⁾. У хорутанъ сохранилось такое преданіе: въ дѣтствѣ своемъ Марко-королевичъ пасъ свиней и былъ такой слабой мальчикъ, что его постоянно колотили товарищи. Однажды онъ набрѣлъ на прекраснаго вилина ребенка, и видя, что дитя лежитъ на солнечномъ припѣкѣ, укрылъ его подъ тѣнь. Тутъ пришла вила и промолвила: «mi'i Bog! gdo je to vѣinil? da me prosi kaj god na svetu, ja bi mu dala». Мальчикъ попросилъ, чтобъ его не обижали товарищи. «A ona mu odgovori: ajda, gda to očeš, hodi me cecat (сосать). On ju posluhne i ide cecat. Gda se je nacesal, veli mu vila: no, vezda ⁴⁾ hodi ovoga kamena drmat ⁵⁾, jel' ga buš mogel zdrmati. Kamen imel je dvanajst centov. Ide ga drmat, ali ni z mesta. Onda mu veli vila: hodi išše cecat; gda se nacesaš, hodi ga pak drmat. Ide cecat, i gda se je nacesal — ide ga drmat, ali samo malo ga je zdrmal. Onda pak ide cecat... Onda ga je vre mogel vu visinu veliku i prek gore hititi,

¹⁾ Буквулевичъ, 96. — ²⁾ Сб. Валивца, 2. — ³⁾ Буквулевичъ, 96; Иличь, 289. — ⁴⁾ Теперь. — ⁵⁾ Трасти, поворачивать.

da ga v'ě pi bi'lo nigde». Такъ, по древне-поэтическому воззрѣнію на природу, сосеть богъ-громовникъ облачную жену, и упившись ея молокомъ (= дождевою влагою), предстаетъ во всемъ своемъ грозномъ величій — рушителемъ скалъ и камней. «Теперь, сказала вила Марку-королевичу, ступай—куда хочешь; никто тебя не одолѣеть!» Королевичъ сковалъ себѣ огромную боевую палицу и отправился на богатырскіе подвиги. Съ этихъ поръ онъ былъ непобѣдимъ въ бою; вилы постоянно помогали ему въ кровавыхъ встрѣчахъ. Нѣкогда, сражаясь съ русскимъ царемъ, онъ воскликнулъ: вила, помози мнѣ! и велѣдъ за тѣмъ побѣдилъ непріятельскія рати ¹⁾. Сербская пѣсня описываетъ единборство Марка-королевича съ Мусой Кеседжія: послѣ первыхъ ударовъ, изломалось у обоихъ воинское оружіе; они соскочили съ коней и схватились руками; долго боролись витязи, кровавая пѣна капала съ нихъ на землю, но вотъ Муса осилилъ, повалилъ противника на зеленую траву и сѣлъ ему на грудь. Завопилъ королевичъ Марко:

„Ѣе си данас, посестримо вило,
Ѣе си данас? ниѢе те не било!
Еда си се криво заклин(ь)ала
ѢегоѢ мене до невол(ь)е буде,
да Ѣеш мене бити у невол(ь)и?“ ²⁾

Явилась ему вила изъ облака и сказала: «зачѣмъ жалуешься, Марко-королевичъ! не я ли, бѣдный, тебѣ говорила чтобы, не начиналъ ссоры въ воскресенье? Срамъ нападать двумъ на одного, и развѣ нѣтъ у тебя змѣи за пазухой?» Въ послѣднихъ словахъ былъ намѣкъ на острый ножъ. Заслышавъ голосъ вилы, Муса взглянулъ на облако, откуда она вѣщала; а

¹⁾ Сб. Вялявца, 63—65. — ²⁾ Переводъ: „гдѣ ты нынче, посестрима вила, гдѣ ты? нигдѣ тебя нѣтъ! Развѣ ты невѣрно являлась помогать мнѣ въ бѣдѣ?“

Марко въ тоже мгновеніе выхватилъ ножъ изъ-за пазухи и распоролъ Мусу отъ пояса до самаго горла ¹⁾. Другая пѣсня рассказываетъ, какъ къ тому-же герою пришло девять-десять посестринъ вила на помощь противъ бана Свиланна. Къ молодцу Новаку прилетѣла изъ горы вила и помогла ему въ битвѣ противъ Мануйла Гречича; а когда Янко былъ убитъ Нукичемъ, вила взяла его сына Николу Янковича, унесла въ свою пещеру и воспитывала до юношескихъ лѣтъ, потомъ дала ему славнаго вилинскаго коня и вилинское оружіе и послала мстить за смерть отца ²⁾. Враги сербовъ и черногорцевъ — враги и ихъ виламъ. Вилы предупреждаютъ витязей этого славянскаго племени о всякой военной опасности, о всѣхъ нападеніяхъ, какія готовятъ на нихъ невѣрные турки.

Кличе вила од Кома-планине,
Дозивала вила на поле Цетине,
На Цетине на средь горе Црне
По имени и по прозиму
Петровича Данилу владыку:
О владыко, черногорска главо!
Это на те иде сильна војска
Од онога Отманович цара ³⁾.

Владыка спрашиваетъ вилу:

«Кажи мене, од планине вило!
Мош ли янати, колико је војске,
Од које ли земл(ь)е и крајне,
На коју ће страну окренути
И сад ко ће на нас ударити?» ⁴⁾

¹⁾ Срп. и. пјесме, II, 407—9. — ²⁾ Кукулевићъ, 88, 95. —

³⁾ Переводъ: кличетъ вила съ горы Комы, зоветъ вила на Цетинское поле, на Цетинское поле среди Черногорья, по имени и прозванію — владыку Данилу Петровича: «о владыка, черногорскій глава! иди на тебя сильное войско царя отомановъ». — ⁴⁾ «Скажи мнѣ, горная вила! знаешь ли ты — сколько войска, изъ какихъ земель и областей, на какую сторону хочетъ нападать, и кто на насъ ударитъ?»

И вила рассказываетъ, сколько у непріятеля войска, изъ какихъ земель оно набрано и на какія страны намѣрено ударить. По ея вѣстямъ, владыка распоряжаетъ дѣйствіями своихъ полковъ и одерживаетъ надъ турками знаменитую побѣду. Точно также, по словамъ недавно-сложившейся пѣсни, вила извѣщала о предстоящей битвѣ храбраго Вука Лешевича и пугала его бѣдами, если онъ не послушается ея совѣта и не сообщить о томъ другимъ ювакамъ ¹⁾. По волошскому повѣрью, у каждой страны есть своя *vilva*-защитница; охраняя свои земли, вилвы часто сражаются между собой въ воздушныхъ пространствахъ, и смотря по исходу битвы—въ подвластныхъ имъ странахъ устанавливается хорошая или дурная, благопріятная или гибельная для урожаевъ погода (сравни съ сказаніями о битвахъ лѣшихъ — II, 334-5, и вѣдогоней—гл. XXIV). Такимъ образомъ вилы получили вполне-народный характеръ, сдѣлались защитницами политической свободы и общественныхъ интересовъ южныхъ славянъ, подобно тому, какъ въ германскихъ преданіяхъ тѣже національныя черты усвоены Одину и валькиріямъ. Чехи донинѣ видятъ въ облакахъ и тучахъ толпы небесныхъ воиновъ, и когда собирается гроза — говорятъ: вотъ опять вооружаются *pebeští voja sí!* Громы и молніи принимаются за ихъ выстрѣлы, а сгущенные пары — за дымъ отъ огнестрѣльнаго оружія; когда небесный воинъ дастъ промахъ, то посланная имъ пуля падаетъ на землю и производитъ грозовый ударъ. Въ средѣ этихъ ратниковъ есть безголовый барабанщикъ; зашумитъ ли въ лѣсу буря — это онъ стучитъ въ свой грохотивій барабанъ ²⁾. Послѣ принятія христіанства, означенныя представленія были перенесены на ангеловъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ создались легенды о чудесной помощи, даруемой ими

¹⁾ Путеш. въ Черногорію А. Попова, 216—9. — ²⁾ Громаничъ, 5.

христолюбивому воинству. Ипатьевская летопись, описывая битву Владимира Мономаха съ половцами, замѣчаетъ: «падаху половци предъ полкомъ Володимировымъ, невидимо бѣеми ангеломъ, яко се видяху мнози чловѣци, и главы летяху невидимо-стинаемы на землю. И въпросиша колодникъ (плѣнныхъ), глаголюще: како васъ толико сила и многое множество не можете ся противити, но въскорѣ побѣдите? Си же отвѣщаху, глаголюще: како можемъ битись съ вами, а друзи ѣдяху верху васъ въ оружьи свѣтлѣ и страшни, иже помогаху вамъ! Токмо се суть ангели, отъ Бога послани помогать хрестьяномъ» (сравни т. I, 278—9). Въ «Гисторіи объ азовскомъ взятіи» разсказывается, что казаки, стѣсненные турками, возслали къ Богу горячія молитвы, и «для той казанкой печали того-же дня возста отъ сѣверной страны туча, а изъ той тучи вышла Дѣва Пречистая Богородица и съ ней множество прекрасныхъ юношей (ангеловъ и мучениковъ), и пришедъ прогна турокъ... Нападе на нихъ страхъ и трепеть, и ослаѣпи очи ихъ, и между собою начали сѣтися»¹⁾. Какъ валькиріи препровождаютъ падшихъ въ бою героевъ въ блаженное царство Одина, такъ и вилы увлекають присужденныя имъ души въ свои облачныя жилища. Одна мать, у которой было девять дѣвочекъ, молила Бога, чтобы онъ даровалъ ей сына; но вмѣсто мальчика, родила десятую дочь. Когда на крестинахъ спросили родильницу: какое имя дать ребенку? — она въ горькой досадѣ отвѣтила: «Яня—чортъ бы ее взялъ!» (ѣаво је однијо!) Яня выросла тонка и высока, бѣлолица и румяна; разъ взяла она ведро и пошла по воду.

Кад је била кроз гору зелену²⁾,
 Ал' повика на горице вила:
 „Ој чујеш ли, прелијепа Јаньо!

¹⁾ Рыбник., IV, 162-3. — ²⁾ Когда шла в зеленыхъ сонъ...

Баца ¹⁾ ведро у зелену траву,
 Ходи к мене у гору зелену;
 Тебе ј' мајка нама поклонила,
 Још малену куму на рукама²⁾.

И дѣвица пошла къ виламъ ³⁾. Доселѣ существуетъ клятва: «чтобъ тебя вилы унесли!» (виле те однеле! ⁴⁾). Въѣсто выраженія: «какая смерть тебя возьметъ!» сербы говорятъ: «какія вилы тебя одолютъ!» ⁵⁾. На Руси дѣти, проклятыя отцемъ или матерью, дѣлаются достояніемъ водяныхъ и лѣшихъ.

Наравнѣ съ эльфами и русалками, вилы любятъ пляски, пѣніе и музыку. Собираясь на избранныхъ мѣстахъ — въ лѣсахъ и по горамъ, онѣ водятъ коло, играютъ на свирѣляхъ и дудкахъ, поютъ, бѣгаютъ и рѣзвятся; морскія вилы выходятъ при свѣтѣ мѣсяца изъ своихъ подводныхъ жилищъ, затягиваютъ чудныя пѣсни и въ легкихъ, граціозныхъ пляскахъ носятся по берегу или по зыбкой поверхности водъ. Вилы охотно пляшутъ и подъ звуки гуслей, на которыхъ играетъ пастухъ; онѣ такъ пристрастны къ танцамъ, что предаются имъ до совершеннаго истомленія ⁶⁾. Высока Ловѣн-планина, говоритъ пѣсня, «виленски у њој станови,» свећ⁷⁾ (всегда) виле танце изводе» ⁸⁾. Смертнымъ небезопасно смотрѣть на ихъ веселыя забавы; всякой, кто набредетъ на ихъ хороводъ или вечернее пиршество, всякой, кто расположится станомъ на ихъ «дивномъ игралищѣ, дивномъ пѣвалищѣ» — подвергается мщенію и стрѣламъ раздраженныхъ виль ⁹⁾. Иногда, завидѣвъ чужошу, вилы увлекаютъ его въ свои танцы и кружатъ до тѣхъ поръ, пока онъ не испуститъ своей души ¹⁰⁾; но случается

¹⁾ Брось. — ²⁾ Срп. н. пјесме, I, 560 — 1. — ³⁾ Срп. н. послов., 35. — ⁴⁾ German. Muthen, 571. — ⁵⁾ Кукулевичъ, 94. 101; Сб. Валавца, 13, 46, 52—59. — ⁶⁾ Срп. н. пјесме, I, 190—1. — ⁷⁾ Ibid., 181—3; Срп. рјечник, 61. — ⁸⁾ Narod. zpiewanky, I, 8.

также, что, въ награду за долгую неутомимость и искусство въ пляскѣ, вилы вступаютъ съ нимъ въ побратимство и научаютъ его мудрости (дѣлаютъ вѣщницами), какъ своего любимца. Однажды Марко-королевичъ шелъ горою мимо того мѣста, гдѣ собравшіяся вилы коло играли. Онѣ увидали королевича и пригласили его состязаться съ собой въ танцахъ — съ тѣмъ условіемъ, что если онъ будетъ побѣжденъ, то навсегда останется въ ихъ власти. Но витазъ былъ крѣпокъ ногами и одержалъ побѣду надъ всѣми вилами, которыя, не смотря на свою легкую, воздушную природу, попадали наконецъ отъ усталости на землю. Побѣжденные вилы заключили съ королевичемъ братскій союзъ, и съ той поры какъ-бы состояли у него на службѣ и помогали ему во всякой бѣдѣ. По свидѣтельству черногорской пѣсни, на Мирочѣ всѣ вилы были Марку-королевичу посестрими, кромѣ одной Равијојлы, но и ту заставили подружки послѣдовать ихъ примѣру ¹⁾). Напѣвы вилъ до того обаятельны, что человѣкъ, услышавши ихъ однажды, уже не можетъ наслаждаться пѣснями земныхъ дѣвъ и всю жизнь свою томится и тоскуетъ. Любятъ вилы состязаться и въ искусствѣ пѣнія, и какъ равнодушны онѣ къ легкости и быстротѣ пляски, такъ точно равнодушны и къ звонкому, пріятному голосу. Выше мы указали преданіе, какъ вила Равијојла поразила стрѣлами Милоша — за то, что въ сравненіи съ нею онъ пѣлъ и звучнѣе, и лучше. Есть еще другое преданіе, что нѣкогда вилы вступили въ состязаніе съ самонадѣяннѣмъ пѣвцомъ, и доказавши превосходство своихъ голосовъ, ослѣпили его ²⁾). У хорутанъ извѣстенъ слѣдующій рассказъ: у бѣдной вдовы была малютка-дочь, наученная славнымъ пѣснямъ. По вечерамъ, когда она начинала пѣть, приходили прекрасныя вилы «z dugemi zlatnemi lasmi(воло-

¹⁾ Кукулевичъ, 87—90. — ²⁾ Ibid., 92.

сами) i zlatnemi orgavamí». Незримыя никому, кромѣ одной дѣвочки, онѣ внимательно слушали ея пѣсни и всякой разѣ оставляли ей какой-нибудь подарокъ. Дитя такъ полюбилось виламъ, что онѣ рѣшились завладѣть имъ, и вотъ когда дѣвочка была похищена—бѣдная мать отправилась на поиски и нашла ее въ полѣ, «gde su vile ž njenum čerjum ¹⁾ popevale. I vile zele su mater med se i davale nji kajkakve stvari ²⁾ da naj samo kčer pri nji' pusti, ali ona ne je štela ³⁾. Onda su nji dale lepe stvari da kči saki večer med nje dojde popevat.» Послѣ, когда мать померла, дочь ея сдѣлалась вилою («ro-stala je jedna lepa vila» ⁴⁾). Особенно интересна сербская пѣсня, изображающая хороводъ виль:

Ој вишњо, вишњице!
 Дигни горе гране,
 Испод тебе виле
 Дивно коло воде.
 Пред њими Радиша
 Бичем росу тресе,
 До две виле води,
 А трећој беседи:
 »Поћ' за мене, вило!
 Код моје ћеш мајке
 У ладу седити,
 Танку свиљу прести
 На златно вретено.« ⁵⁾

Дерево, подѣ которымъ собрались вилы, соотвѣтствуетъ міровой ясени Иггдразилли (см. II, 279); и есть не болѣе, какъ метафора дождевой тучи; подѣ ударами громоваго бича, съ

. ¹⁾ Съ ея дочерью. — ²⁾ Вещи, дары. — ³⁾ Не хотѣла. — ⁴⁾ Сб. Валявца, 47—48. — ⁵⁾ Сrp. и. пјесме, I, 111. Переводъ: Ой вишня, вишенька! подыми вверхъ вѣтви, подѣ тобою вилы дивный хороводъ водятъ. Передъ ними Радиша бичемъ росу стрясаетъ, двухъ виль водить, а третьей говоритъ: пожди за меня, вила! подѣ моей матери будешь сидѣть въ прохладѣ и пряхть тонкій шелкъ на золотое веретено.

вѣтвей этого дерева сотрясается роса—дождь. Такое сотрясение росы, сопровождающее пляску вилъ, указываетъ на ихъ стихійное значеніе и на сродство съ валькиріями, которыя въ своихъ воздушныхъ поѣздахъ также роняютъ росу. Послѣднія два стиха пѣсни свидѣтельствуютъ, что вилы занимались пряжею. Хорутанскія приповѣдки рассказываютъ, что за услуги, оказанныя виламъ, онѣ дарятъ такой клубокъ нитокъ, изъ которыхъ можно наготовить столько полотень, сколько захочется. Такъ одна пастушка укрыла спящую вилу отъ жаркихъ лучей солнца, а вила подарила ей «jedno klopko (клубокъ) i rekla: samo vezda snuj ovo klopko — i budeš imela dosti rubja (платья ¹⁾). Она je tak napravila i imela je tuliko platna da si je napravila rubja dosti sebi i svojemu bratu» ²⁾. Народное повѣрье утверждаетъ, что вилы шьютъ женскія одежды, и сидя на плоту, расчесываютъ свои золотистыя косы ³⁾. Цвѣтокъ *cuscuta europaea*, называемый у нѣмцевъ *flachsseide*, у сербовъ слыветъ: вилина коса ⁴⁾.

Одно изъ наиболѣе распространенныхъ въ народномъ эпосѣ сказаній основано на мифѣ о похищеніи облачныхъ женъ и сокрытіи дождевыхъ источниковъ злобнымъ демономъ — змѣемъ. Въ хорутанскихъ сказкахъ мифъ этотъ передается въ такой формѣ: царевичъ (=громовникъ) женится на прекрасной вилѣ; но приходитъ пора, и ее похищаетъ огненный король—старикъ, изъ устъ котораго исходитъ пламя; онъ уноситъ вилу на *ognjevitu gogu* или въ змѣиный городъ, и тамъ сажаетъ ее среди потока (=въ тучѣ) и оковываетъ цѣпами, т. е. зимнею стужею. Царевичъ отправляется добывать свою подругу, и чтобы достигнуть этой цѣли — долженъ слу-

¹⁾ Серб. руб, рубац = рус. рубаха. — ²⁾ Сб. Валявца, 60—62. — ³⁾ Кукулевачъ, 99—100; Илячъ, 281. — ⁴⁾ Срп. рјечникъ, 62.

жить у бабы-чародѣйки и пасти быстроногихъ вилиныхъ кобылицъ, въ которыхъ обращаются ея дочери. Такой подвигъ совершается имъ при содѣйствіи Солнца, Мѣсяца и Вѣтра; затѣмъ, купаясь въ молокѣ вилиныхъ кобылицъ, онъ дѣлается сильномогучимъ богатыремъ и получаетъ за службу чудеснаго коня; на этомъ конѣ онъ увозитъ свою красавицу отъ огненнаго короля, а самому королю отсѣкаетъ мечемъ голову¹⁾, т. е. при возвратѣ весны богъ-громовникъ, купаясь въ молокѣ небесныхъ источниковъ, обрѣтаетъ свою прежнюю силу, поражаетъ демона иранныхъ тучъ и выводитъ изъ заключенія дожденосную нимфу, какъ свою любимую супругу. Въ зимнее время, подъ вліяніемъ вьюгъ и морозовъ, царство облачныхъ дѣвъ каменѣетъ; соотвѣтственно этому поэтическому представленію, сказка, изображаетъ царство вилъ окаменѣннымъ сіялою злаго заклятія, но вотъ наступаетъ пора освобожденія (=весна) и сказочный герой несется туда на вилиномъ конѣ, входитъ въ церковь и начинаетъ звонить: «*kak on pozvoni, ali na jedenkrat vse oživi—ljudi, magha (стада) i vse kaj je predi bilo okamenjeno*». Звонъ—метафора грома; шумъ грозы пробуждаетъ мертвое царство, и добрый молодецъ женится на златовласой красавицѣ, царицѣ вилъ²⁾). Какъ всѣ облачные, грозовые духи могутъ посылать и жизнь и смерть, смотря потому—несутъ ли они живую воду дождя, или холодныя, всё-оцѣпляющія вьюги; такъ и вилы представляются съ тѣмъ-же двойственнымъ характеромъ: онѣ то разрушаютъ волшебныя чары и призываютъ окаменѣлыхъ героевъ къ жизни, то сами превращаютъ ихъ въ камень, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ отождествляются съ злыми чародѣйками—вѣдьмами. Царевичъ нанимается въ пастухъ къ слѣпому старику; съ гуслими въ рукахъ, онъ гонитъ стадо на пастбище, располагается вблизи вилина города и засыпаетъ крѣпкимъ сномъ; въ это время

¹⁾ Сб. Валавца, 1—5, 24—29. — ²⁾ Ibid., 17—19.

вилыоказали все его стадо. Проснувшись, царевичъ пошелъ къ виламъ. «Мам, veli jedna vila, da budu ga vezda na kamen napravile, a druga veli: ne-ne, ima gusle, naj nam igra, bumo tancale. On jim igra-igra, a one, gda jim preveč tancanja bilo, kričiju: naj igrati, naj-naj! ¹⁾ On samo igra dok su opadale vre vile. Onda kričiju: naj igrati, idi raiši v ono šikarje pak si onu i onu šibu (пруть, вѣтку) odreži pak vudri po sakem kamenu, 'sa bu ti nazad marha. On igra-igra. One kričiju: naj igrati, rajši otrgni onu travu tam pak namaži starcu slepomu tvojemu oči pak bu taki videl. On igra-igra, pak veliju mu vile: naj, naj igrati, idi k starcu dimo pak vudri po štali, mam bu 'se zlato i ves zlati konji 'se bu vu štali zlato. On nikaj, igra-igra. One veliju: naj igrati, vudri doma po pivnici ²⁾, buš tam dva kupe zlata i srebra našel, samo nam pusti mira pak naj igrati» ³⁾. Царевичъ пересталъ играть и воспользовался веѣмъ, что высказали ему вилы. Эта игра на гусяхъ—метафора грозовыхъ бѣшеней. Называя вой бури и раскаты грома небесною музыкою, фантазія создала басню о гусяхъ-самогудахъ, обладающихъ такимъ чародѣйнымъ свойствомъ, что пока они издають звуки—все кружится и пляшетъ; вилы поэтому и не могутъ оставить своей бѣшеной пляски, и усталыя просятъ о пощадѣ. Смыслъ преданія—слѣдующій: богъ громовникъ, искусный музыкантъ на волшебныхъ гусяхъ, выгоняетъ въ раннюю весеннюю пору свои небесныя стада, т. е. дождевыя облака; а вилы, пользуясь его отдохновеніемъ, превращаютъ ихъ суровымъ дыханіемъ стужи въ безжизненные камни. Но вотъ пробуждается громовникъ, начинаетъ наигрывать на гусяхъ, и заставляя виль

¹⁾ Когда вилы натапцовались, онъ закричалъ: довольно, будьте играть! — ²⁾ Штала—конюшня, pivница—погресбъ. — ³⁾ Сб. Вильявца, 33—34, 54—56.

плясать, приводить ихъ въ совершенное истомленіе, т. е. смиряетъ ихъ въ шумъ бурной грозы, дѣйствіемъ которой окаменѣлыя стада его возвращаются къ жизни (ударъ вѣтки есть ударъ молніи, см. II, 388-395), золото солнечныхъ лучей проленяется изъ-за разбитыхъ тучъ и верховному владыкѣ неба, ослѣпленному темными облаками и туманами, возвращается его зрѣніе—свѣтъ. Солнце, луна и звѣзды уподоблялись золоту, серебру и глазамъ. Тучи, закрывающія эти свѣтила, представлялись демонами, готовыми не только похитить драгоценныя сокровища, но и ослѣпить всевидящія, міровыя очи. Вилы, какъ собирательницы облаковъ, также отнимаютъ небесный свѣтъ, или выражаясь метафорически: похищаютъ зрѣніе (очи), пока могучій громовникъ не разсѣетъ сгущенныхъ тучъ и не выведетъ изъ-за нихъ яснаго солнца, или блестящихъ звѣздъ и мѣсяца. Приведенная сказка имѣетъ еще другой вариантъ ¹⁾: три вилы выкопали у стараго дѣда очи; смѣтливый пастухъ вызвался возвратитъ ему зрѣніе. Онъ приготовилъ шестнадцать клятвъ и погналъ овцу да барана на пастбище. Вскорѣ явились туда три вилы и начали танцовать подъ музыку пастуха; онѣ танцовали до тѣхъ поръ, пока не попадали наземь. Тогда добрый молодецъ прикрѣпилъ ихъ клятвами въ землѣ, а баранъ принялся подъ бока толкать; вилы принуждены были покориться и выдали пастуху шесть коробокъ глазъ, между которыми онъ нашелъ и глаза дѣда. Пастухъ воротился къ слѣпому, вставилъ ему очи, и съ помощью цѣлебной травы, указанной вилами, возвратилъ ему потерянное зрѣніе ²⁾. Г. Максимовичъ упоминаетъ о подобной жемалорусской сказкѣ про злую русалку, которая лишила зрѣнія дѣда и бабу—за то, что они пасли овецъ на ея заповѣдномъ лугу, и носила ихъ вынутыя очи въ платкѣ за поясомъ ³⁾.

¹⁾ Ibid., 52—53. — ²⁾ Сравни у Эрбена, 27—29: „Jezinky“.
³⁾ Рус. Бес. 1856, III, 100.

Тѣхъ-же мноическихъ дѣвъ болгары знаютъ подѣ именами: а) само-вила и в) само-дива; первая преимущественно обитаетъ въ горахъ, а послѣдняя — въ рѣкахъ и колодцахъ. Оба имени сопровождаются придаточнымъ само и напоминаютъ наши эпическія выраженія: коверъ-самолетъ, ска-терть-самобранка, топоръ-саморубъ и др. Самовила (самовьющая, самопраха) существенно ничѣмъ не отличается отъ сербской и словенской вилы; а самодива должна быть поставлена въ сродство съ дивами—великанами и змѣями-тучами. Какъ этимъ послѣднимъ присваивается прозваніе юдо (II, 216, 290, 618), такъ присваивается оно и самовиламъ («юдо-самовило!») Юды, по рассказамъ болгаръ, — жены съ длинными косами, живутъ въ глубокихъ рѣкахъ, озерахъ и водоворотахъ; выходя на берегъ, онѣ любятъ расчесывать волосы, а если завидятъ кого въ водѣ, то оплетаютъ и удавливаютъ его своими косами. Въ пѣсняхъ самовиламъ даются постоянные эпитеты: самогорека, прекуморска; у нихъ — славныя русыя косы, онѣ водятъ хороводы¹⁾, вступаютъ съ юнаками въ побратимство, помогаютъ имъ въ нуждѣ и спасаютъ ихъ отъ преждевременной смерти; подобно сербскимъ виламъ, онѣ создаютъ облачные города:

Градъ грядила самовила
 Ни на небо, ни на земли,
 Туку така подѣ облака.

Когда идетъ дождь и въ тоже время свѣтитъ солнце, тогда, по мнѣнію болгаръ, купаются самовилы²⁾, что соответствуетъ нѣмецкому и малорусскому повѣрью, что тогда чортъ—громовникъ бьетъ свою жену—вѣдьму (см. выше,

¹⁾ »Оро (коло, хороводъ) ми играде триста самовили На вѣрѣ на планина, на рамна рудина«. Когда юды водятъ коло, то движутся самыя горы—Др. болгар. пѣсня объ Орфеѣ, открыт. Веркови-чемъ; здѣсь же упомянуто, что юды собираютъ лѣкарственные травы. — ²⁾ Каравел., 240—1, 319; Милadini., 1—7, 524.

стр. 14-15). Наравнѣ съ эльфами, лѣсными и водяными духами, самодивы признаются за падшихъ свѣтлыхъ ангеловъ; низвергнутыя съ неба, онѣ населили воды, а инныя остались въ воздухѣ и по ночамъ нарушаютъ тишину своими чудными звуками, которые слышатся то какъ отдаленная музыка, то какъ дѣвичьи пѣсни, то какъ скрипъ безчисленныхъ колесъ. Самодивы поютъ и пляшутъ по лугамъ и оставляютъ на травѣ большіе круги, состоящіе изъ узкой, убитой ихъ ногами дорожки. Если человѣкъ, загляша ихъ пѣсню, осмѣлится приблизиться къ самодивскому хороводу, онѣ или убиваютъ его, или навсегда лишаютъ языка и памяти ¹⁾. На связь ихъ съ губительными болѣзнями указываетъ и то, что Морская дѣва причисляется болгарами къ самодивамъ и юдамъ-самовиламъ (см. стр. 104). Въ качествѣ сбланныхъ нимфъ, онѣ вліяютъ на земное плодородіе: когда нивы стоятъ еще зеленыя, въ нихъ, по народному повѣрью, прячутся самодивы и орисницы; послѣднія колосья, оставляемые на поляхъ жнецами, называются божья брада и считаются достояніемъ самодивъ; кто покусится и не оставитъ для нихъ колосьевъ на своей полосѣ, у того вихри отнимутъ ноги ²⁾; когда приѣзжаютъ на мельницу съ зерновымъ хлѣбомъ, то часть смолотой изъ него мукѣ бросаютъ въ воду самодивамъ, а мукѣ, которая, подымаясь пылью, осаживается по стѣнамъ мельницы, называютъ дьяволю хлѣбъ ³⁾.

Х Самовиламъ приписывается запираніе водныхъ источниковъ и похищеніе зрѣнія. Вотъ свидѣтельство пѣсни:

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1846, XII, 205. — ²⁾ Въ венгерской Сербіи послѣднія колосья на нивѣ, несрѣзанныя серпомъ, перевязываются золотыми нитями и лентами и называются брадой господина Бога (сравни: I, 697—8). Изъ этой бороды выдергиваютъ нѣсколько колосьевъ и плетутъ вѣнокъ, который потомъ прикрѣпляется къ пальцѣ, поставленной посреди нивы, и носитъ названіе Среѣа (счастье) — Археолог. Вѣстникъ 1867, II, 57. Орисницы и Среѣа — двѣ судьбы. — ³⁾ Сообщ. г. Каравеловичъ.

Шетялъ ¹⁾ Марко низъ гора зелена,
 Що ми шетялъ три дни а три нока ²⁾,
 Ни можитъ вода да ми найдитъ,
 Ни запитъ, ни да съ измѣтъ,
 Ни за себе, ни за бърза коня.
 Паговори Марко кралевике:
 „Ворай горо, горо Динна-горо!
 Камо ти вода да съ напѣамъ,
 Не машъ да пѣамъ, ни да съ измѣамъ.
 Да би ми те ветаръ исушило!
 Да би ми те сонце изгорило!“

Отвѣчаетъ Марку-королевичу Динна-гора: «гой ты, Марко-доб-
 рый юнакъ! не кляни меня, а кляни старую самовилу,

Що собрала седумдесетъ кля'енци ³⁾,
 Да внесла на варѣъ на планина,
 Да прода'атъ еденъ бардакъ вода ⁴⁾
 . . . . . за царни-те очи.“

Когда услышалъ это Марко-королевичъ, спрашиваетъ онъ сво-
 его добраго коня:

„Ай ти коню, мое мило добро!
 Али можишь ти да ме изнесишь,
 Да отепамъ стара самовила,
 Да растурамъ седумдесетъ кля'енци?“

Конь несетъ его на вершину горы; витязъ поражаетъ самови-
 лу, отмыкаетъ семьдесятъ колодцевъ и открываетъ ихъ во-
 дамъ свободный исходъ ⁵⁾. Точно также и сербскія вилы
 дозволяли юнакамъ пить изъ своихъ заповѣдныхъ источни-
 ковъ и поить оттуда коней — не иначе, какъ подъ условіемъ
 тяжелой дани:

На водици вила-баждарица
 Те узима тешку баждарину ⁶⁾:

¹⁾ Бродилъ. — ²⁾ Ночи. — ³⁾ Кладени. — ⁴⁾ И продаетъ
 одну кружку воды. — ⁵⁾ Милади., 8—9. — ⁶⁾ Дань, подать.

Од юнака оба черна ока,
А од ков(ь)а ноге све четыре ¹⁾

Основная мысль этих поэтических сказаний—та, что облачные духи, хранители дождевых источниковъ, только тогда допускають пролиться наземлю обильному дождю, когда заволокутъ небо тучами и потемнятъ его свѣтозарныя очи. Скандинавскій мифъ говоритъ о глазѣ-солнцѣ, отданномъ нѣкогда въ закладъ Одному за глотокъ воды изъ Мимирова источника (см. I, 374). Эти черты: задержаніе дождевыхъ потоковъ и сокрытіе небеснаго свѣта — зрѣнія принадлежатъ вѣламъ наравнѣ съ драконами (см. II, 532, 556) и придаютъ имъ демоническое значеніе; отсюда объясняется и выраженіе болгарской пѣсни: *стара самовила* ²⁾. Валахская сказка ³⁾ рассказываетъ о драконахъ, похитившихъ зрѣніе у одной старушки; добрый молодець нанимается къ ней пасти стадо; звуками музыки онъ побѣждаетъ драконовъ и возвращаетъ старухѣ зрѣніе, омывши ея глазныя впадины въ молочномъ прудѣ, т. е. дождевой водою. Богатырскіе кони (кони бога-громовника), напиваясь изъ вилиныхъ источниковъ, лишаются ногъ, т. е. пролитіе дождя сопровождается паденіемъ молній, ибо удары этихъ послѣднихъ фантазія древнихъ поэтовъ сравнивала съ ударами конскихъ копытъ (см. стр. 2-4). Еще яснѣе указываетъ на стихійное значеніе самовилъ другая болгарская пѣсня: *ѣхалъ молодець Иванъ Поповъ, заступила ему путь-дорогу самовила и хочетъ выпить его черныя очи*. Но богатырь не поддался, схватилъ ее за русую косу, вскинулъ на своего бѣззаго коня и привезъ домой; здѣсь отобралъ у нея правое крыло, заперъ его въ ларець и сдѣлалъ самовилу своею женою. Прошло три года, родила она сына; на крестинахъ стали просить самовилу, чтобы показала свое искусство

¹⁾ Путеш. въ Черногорію, 216; Кукулевичъ, 89. — ²⁾ Въ пѣснѣ объ Орееѣ старая юда изображена на подобіе змѣя, съ тремя головами и хвостами.—³⁾ Шоттъ, 10.

въ пляскахъ — поиграла малу 'оро самовилско. Отвѣчала самовила: «нек' ми пушитъ (Иванъ Поповъ) десно крило, тако 'оро да поигра». Но только что получила она свое правое крыло, какъ тотчасъ-же улетѣла. Закричала вслѣдъ ей свекровь:

Дете плачнть за лелянѣ,
За лелянѣ, за ццанѣ;

кто будетъ лелѣять ребенка? кто накормитъ его грудкѣ? И слышится отвѣтъ самовилы: какъ заплачетъ дитя «за ццанѣ» — я воздою его частой росой, а заплачетъ «за лелянѣ» — убаюкаю его тихимъ вѣтромъ! ¹⁾ Но если съ одной стороны вилы, сгущая облака, могли омрачать очи; то съ другой, проливая дожди, онѣ прочищали небо отъ темныхъ тучъ, выводили изъ-за нихъ ясное солнце и давали міру свѣтъ—зрѣніе. Отсюда возникло вѣрованіе, что вилы знаютъ источники, обладающіе чудесною силою исцѣлять слѣпоту. Когда великанъ-дивскій старѣйшина вынулъ у Јована оба глаза, ему помогла вила; она быстро прилетѣла съ горы, умыла его водою и сотворила ему очи ²⁾. По хорутанскому преданію, два брата ослѣпили третьяго, отвели его на высокую гору и тамъ покинули. Несчастный не зналъ что дѣлать, но явились вилы и стали говорить промежь собой: «*da bi ov človek znal da bi si zogjnim gosum* (росой, падающей на зорѣ) *oči pamazal, tam bi pregjedal.*» Слепой омочилъ свои глаза росой — и тотчасъ-же прозрѣлъ ³⁾.

Летучія облака предки наши уподобляли птицамъ; подъ вліяніемъ этого уподобленія облачнымъ дѣвамъ приписана была способность превращаться въ голубя, утку, гуся и всего чаще въ лебедя. Собственно на этияль птицахъ фантазія оста-

¹⁾ Младинъ, 1—3 — ²⁾ Срп. н. пјесме, II, 36. — ³⁾ Сб. В.-лявца, 36—37; Срп. н. припов., стр. 106; у чеховъ въ этомъ случаѣ мѣсто вилъ заступаютъ вѣдьмы — Сказ. Грим., III, стр. 342.

новились потому, что голубь издревле посвящался громовнику (I, 540 — 2), а гусь, утка и лебедь — птицы водяныя; облачныя же дѣвы (какъ извѣстно) признавались нимфами рѣкъ и источниковъ и постоянно плавали и купались въ ихъ водахъ. Сверхъ того, на сближеніе облачной дѣвы съ лебедемъ наводилъ самый языкъ. Выше указано, что эльфы, русалки, вилы и полудницы, какъ духи, вооруженные молніеносными стрѣлами, являющіеся весною подъ легкими покровами облаковъ, согрѣтыхъ нозаренныхъ яркими лучами солнца, представлялись существами свѣтлыми, блестящими, бѣлыми: бѣла вила, *bílá raní*. Что же касается лебеда (серб. лабуд, чеш. ^{ла}lavut', пол. łabędź, łabędź), то онъ получилъ присвоенное ему имя по бѣлоснѣжному цвѣту своего пера. Слово это роднится съ др.- и сред.-нѣм. albiz, alpiz, elbez, англос. elfet, ylfet, скан. álf, álp — cygnus, лат. albus (сабин. alpus), alba — славян. лаба, лабе, и первоначально означало «бѣлую» птицу; чеш. *lebediti se* — ярко бѣлѣть. Нѣмецкіе alp, elp, álf образовались отъ того же корня ¹⁾). Такъ возникли сказанія о дѣвахъ-лебедяхъ, и тѣмъ легче было сочетать эти различныя представленія, что слово лебедь въ народномъ говорѣ болѣею частію употребляется въ женскомъ родѣ; въ нѣм. albiz, elbez родъ

¹⁾ О вліян. христ. на сл. яз., 44—45; Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнограф., I, 574: славянскимъ лебедь, лабудь отвѣчаютъ литов. балайда, балайдас отъ балти—бѣлѣть. Нашъ эпическій языкъ даетъ женскимъ грудямъ постоянный эпитетъ бѣлыя, а народная загадка обозначаетъ ихъ слѣдующею метафорою: «бѣлый лебедь на блюдѣ не былъ, ножомъ не рушень, а всякъ его кушалъ» — Эти Сб., VI, 50. Санскр. hansa, hansi — гусь и лебедь отъ ha (вмѣсто ghan) — pulsare, icere; нѣм. schwan (старин. swan, англос. swan) отъ санскр. swan — sonare; лат. columba — слав. голубь отъ санскр. lamb — sonare (Зап. Р. Г. О. по отдѣл., I, 574).

колеблется между мужскимъ и женскимъ, а въ скан. *álft* осиливаетъ послѣдній.

Небесныя дѣвы индусовъ — апсарасы любили смѣшивать свой человѣческій образъ съ формами, заимствованными у лебедей и утокъ ¹⁾. У германо-славянскаго племени представленіе это пустило глубокіе корни и разрослось въ многочисленныя сказанія о лебединыхъ дѣвахъ. Средство этихъ дѣвъ съ эльбинами несомнѣнно; никсы узнаются по ихъ лебединымъ или гусинымъ лапамъ, которыя онѣ тщательно прячутъ подъ ихъ длинными платьями ²⁾; подобно тому, сербскія вилы оборачиваются и прилетаютъ лебедями, а у нашихъ русалокъ, по народному повѣрью, пальцы на ногахъ соединены перепонкою, какъ у гуся, что заключаютъ по ихъ слѣдамъ, какія остаются на мокромъ песку у береговъ рѣкъ и источниковъ. Слѣды эти можно видѣть только тогда, когда, застигнутыя въ расплохъ, русалки поспѣшно бросаются въ воду; обыкновенно-же онѣ прежде, чѣмъ покинуть берегъ, взметають песокъ и тщательно сглаживаютъ свои ступни ³⁾. Въ связи съ указанными повѣрьями, кажется, слѣдуетъ поставить и доселѣ-уцѣлѣвшій болгарскій обычай бросать самодивамъ въ воду кусокъ жаренаго гуся ⁴⁾. Богиня-приха Берта представлялась съ лебединою или гусиною ногою, и эта особенность, вмѣстѣ съ перенесеніемъ преданій о Бертѣ на королеву Бертраду (мать Карла Великаго) была усвоена послѣдней, какъ доказываютъ ея старинныя изображенія во многихъ церквахъ Франціи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ утверждаютъ, что Берта принимаетъ видъ лебедя, а въ Баваріи, что она является коровою ⁵⁾. У богини

¹⁾ Die Götterwelt, 54. — ²⁾ D. Myth., 407, 460. — ³⁾ Иллюстр. 1845, 299. — ⁴⁾ Москов. Газета 1866 г., стат. Каравелова; по костюмъ этого гуся гадаютъ о будущемъ. — ⁵⁾ Die Götterwelt, 296. Корова = дождевая туча. Отсюда объясняется любопытная по-

Френ была пернатая сорочка, надѣвая которую она могла совершать быстрые полеты; вмѣстѣ съ Однимъ, ей были подвластны вѣщія и воинственные валькирии (см. гл. XXV), которыя охотно проводили время на берегу моря, занимались пряжею и превращались въ лебедей. Въ англосаксонской поэзию морю дается эпическое названіе: лебединый путь (svangáð). Въ сказаніи Эдды о Вёлюндрѣ находимъ слѣдующія слова: «рано поутру нашли они (Вёлюндръ и его братья) на морскомъ берегу трехъ женъ, которыя пряли ленъ; при нихъ лежали лебединыя сорочки (álptarhamir); то были валькирии». Накидывая на себя эти сорочки, онѣ тотчасъ-же улетали лебедями, и одна изъ нихъ даже называлась Svanhvit (Schwanweiss — бѣлая лебедь) и имѣла лебединыя перья. Валькирія Kára является въ Hrðmundarsaga, какъ чародѣйка; облекаясь въ лебединою сорочку, она съ звучною пѣснею носится надъ рядами сражающихся героевъ. При ея содѣйствіи, любимецъ ея Гельги всегда побѣждалъ въ бою; но случилось, что въ одномъ сраженіи онѣ высоко вознесъ свой мечъ, взявша его по воздуху, и ранилъ валькирию ногу; она упала на землю, и съ той поры оставило его счастье. Сага о Вёлюндрѣ (въ томъ видѣ, какъ она изложена въ старо-нѣмецкомъ стихотвореніи) допускаетъ замѣну лебедей голубями: три голубки

дробность сказки о коровѣ-бурѣнушкѣ (Н. Р. Ск., VI, 54, 55; Худяк., 56; Кулишъ, II, 23—26; Собран. стар. рус. сказокъ — «Строева дочь»; Срп. в. припов., 32; сб. Валявца, 222—3; Гальтрихъ, 17): мячиха заставляеть падчерицу прясть и ткать и нарочно задаетъ ей большіе, невыполнимые уроки; дѣвица приходитъ къ бурѣнушкѣ, въ которую превратилась ея мать, кладетъ ей кудель въ правое ухо, а изъ лѣваго вынимаетъ готовую пряжу; иногда сама входитъ въ одно ухо, а выходитъ въ другое съ оконченною работою: все выпрадено, соткано и выбѣлено! Или, вмѣсто этого, корова начинаетъ жевать принесенный ленъ, а изо рта у ней тянется тонкая, ровная нитка — только успѣвай на катушку наматывать!

прилетаютъ къ источнику, и касаясь земли — оборачиваются дѣвами; Wielant похищаетъ у нихъ платье и не прежде отдаетъ назадъ, пока одна изъ нихъ не соглашается стать его женою ¹⁾. Валькирии обладаютъ высшимъ, божественнымъ вѣдѣніемъ: Брингильда сообщила Сигурду всѣ руны, какія только желаетъ знать человѣкъ, и научила его понимать чуждые языки и исцѣлять мазіями. Въ поэмѣ о Нибелунгахъ находимъ слѣдующій разсказъ: пріѣхали бургунды на берега Дуная, рѣка была въ разливѣ, какъ переправиться на другой берегъ? Хагенъ пустился вдоль берега искать перевозчика; вдругъ слышитъ — что-то въ водѣ плещется, глянулъ — передъ нимъ купаются бѣлыя дѣвы, словно лебеди. Хагенъ подошелъ, взялъ ихъ платья, и одна изъ дѣвъ провѣщала витязю: «благородный Хагенъ! если отдашь наши платья, мы тебѣ скажемъ, чѣмъ окончится ваше путешествіе». Вслѣдъ за тѣмъ онѣ начинаютъ предсказывать будущее, и пророчество ихъ вполне сбывается. Этотъ даръ предвѣщаній принадлежитъ валькиріямъ, какъ обладательницамъ божественнаго напитка (живой воды), и наравнѣ съ прочими облачными дѣвами ставятъ ихъ въ разрядъ вѣстницъ судьбы. На томъ же основаніи и лебедь признанъ былъ вѣщею птицею; въ нѣмецкомъ языкѣ употребительно выраженіе *es schwant mir* — мнѣ предчувствуется. Въ водахъ небснаго источника, у котораго обитали дѣвы судьбы (норны), плавало два лебедя. Въ индѣйской поэмѣ «Налъ и Дамаанти» златоперый лебедь или гусь (*hansa* — *anser*, *gans*) вѣщаетъ человѣческимъ голосомъ ²⁾. По свидѣтельству стародавнихъ мифовъ, живая вода надѣляла не только предвѣдѣніемъ и мудростью, но и поэтическимъ вдохновеніемъ; поэтому водянымъ (облачнымъ) нимфамъ приписыва-

¹⁾ D. Myth., 398 - 400; Смирновъ, 113, 122. — ²⁾ D. Myth., 398, 400.

лось созданіе сладкозвучныхъ пѣсень, и греческія музы первоначально были не болѣе, какъ существа стихійныя, которымъ доступны вдохновительныя воды небесныхъ источниковъ. Здѣсь коренится и преданіе о чудной, восхитительной лебединой пѣснѣ; это—послѣдняя пѣснь лебедя передъ его кончиною — пѣснь, звучащая въ бурной грозѣ, которую поетъ лебединая дѣва (= туча), ужирая въ пламени молній и потокахъ дождя, и которой съ трепетомъ внимаютъ вся природа (сравни съ пѣсней Феникса—I, 514). Воинственнымъ характеромъ своимъ валькирии сходятся съ сербскими вилами; онѣ приносятъ съ собой войну и всѣ ея ужасы, что напоминаетъ намъ чудесную дѣву «Слова о полку Игоревѣ», которая плескалась на синѣмъ морѣ лебединими крыльями и названа Обидою: «встала Обида въ силахъ Дажьбога внука, вступилъ(а) дѣвою на землю Трояню, вышескала лебединими крылы на синѣмъ море, у Дону плещущи» ¹⁾. Названіе Обида согласуется съ тѣми собственными именами, какія приданы небеснымъ воинственнымъ дѣвамъ въ преданіяхъ грековъ и германцевъ; наприм. Распри, Побѣда и проч. (см. гл. XXV). Имена эти нельзя считать искусственною риторическою прикрасою; они произвольно, сами собой образовались изъ тѣхъ эпитетовъ, какіе присвоились ратующимъ въ битвахъ, смертоноснымъ нимфамъ. Болѣе живыя воспоминанія о лебединыхъ дѣвахъ сохранились въ народныхъ сказкахъ. Особенно-интересною представляется намъ сказка о Мореконѣ царѣ и его премудрой дочери ²⁾: юный Иванъ-царевичъ отправляется въ подводное царство, приходитъ къ морю и прячется за кусты. На ту пору прилетѣли туда двѣнадцать голубокъ или утокъ, сбросили свои крылашки (или пѣрушки ³⁾), обер-

¹⁾ Рус. Дост., III, 92—94. — ²⁾ Н. Р. Ск., V, 23; VI, 48, 49. — ³⁾ Ibid., VII, 22.

нулись красными дѣвщами и стали купаться: это были водяныя красавицы, дочери Морскаго царя. Иванъ-царевичъ подкрался потихоньку и взялъ крылушки Василисы Премудрой. Дѣвщины испугались, похватали крылушки и улетѣли голубками или утками; оставалась одна Василиса Премудрая, начала упрашивать добраго молодца возвратить ей крылья, и царевичъ отдаетъ ихъ подъ условіемъ, чтобы она согласилась быть его женою. По народному повѣрью, превращеніе въ звѣря совершается набрасываніемъ на себя его мохнатой шкуры, тоже самое значеніе, какое въ данномъ случаѣ соединяется съ звѣриною шкурою, — при измѣненіи человѣческаго образа въ птицій, приписывается крыльямъ и перьямъ. По другимъ вариантамъ, вмѣсто крылушекъ, царевичъ похищаетъ сорочку и кушакъ морской дѣвы ¹⁾; эта замѣна основывается на поэтическомъ представленіи облаковъ — одеждами, покровами, что въ сляніи съ метафорою, сблизившею ихъ съ птицами, породило сказанія о чернатыхъ сорочкахъ (орлиныхъ, сокольныхъ, лебединыхъ), въ которыя рядились боги и великаны скандинавской мифологіи. Въ нѣмецкой сказкѣ ²⁾ вѣдьма накидываетъ на мальчиковъ бѣлыя сорочки (schwappenhaut) — и они превращаются въ лебедей; снимая въ урочные часы эти сорочки, лебеди снова принимаютъ человѣческія формы. Дѣвы-птицы встрѣчаются и во многихъ другихъ сказкахъ ³⁾, и вездѣ имъ равно придается вѣщее значеніе и необычайная мудрость; онѣ исполняютъ трудныя, свыше силъ

¹⁾ Ibid., VIII, 7. — ²⁾ Сказ Грим., 49. — ³⁾ Н. Р. Ск., VII, 4, 13, 22; VIII, 7 (здѣсь онѣ названы дочерьми Ворона Вороновича, которому повѣрью приписываетъ добываніе живой воды); Срп. и. припов., 4; Нар. сл. раз., 124—130. Въ сказкѣ о Ерусалимѣ (Н. Р. Ск., VIII, стр. 401) говорится: ровно въ полдень прилетѣло великое стадо птицъ-хохотуней (хохоть — одинъ изъ существенныхъ признаковъ водяныхъ, лѣвскихъ и русалокъ), сляли кругомъ дуба и учали измѣтываться красными дѣвщами.

человѣческихъ, задачи и заставляютъ себя подчиняться самую природу. Въ одной сказкѣ ¹⁾ эти мифическія дѣвы прилетаютъ бѣлыми лебедушками, а въ другихъ ²⁾ героиней выводится премудрая Лебедь-птица, красная дѣвица, или Лебедь-королева такой чудной красоты, что ни око не видѣло, ни ухо не слышало; въ былинѣ о Потокѣ-Михайлѣ Ивановичѣ добрый молодецъ увидалъ на тихихъ заводахъ бѣлую лебедушку: черезъ перо птица вся золотая, а головка у ней — краснымъ золотомъ увитая, скатнымъ жемчугомъ усаженная. Вынимаетъ Потокъ изъ налушна тугой лукъ, изъ колчана калену стрѣлу, хочетъ стрѣлять по лебеди;

Провѣщитъ ему лебедь бѣлая:
 Не стрѣлай ты меня...
 Выходила она на крутой бережокъ,
 Обернулась душой-красной дѣвицей,

и вышла замужъ за молодца ³⁾. Нѣмецкія саги и сказки ⁴⁾ часто упоминаютъ о плавающихъ въ прудѣ или озерѣ, прекрасныхъ лебединыхъ дѣвахъ (schwanenjungfrauen); вздумаетъ ли кто полюбоваться ими — онѣ тотчасъ-же скрываются отъ нескромныхъ взоровъ, улетая бѣлыми лебедями. Во французскихъ сагахъ это превращеніе въ лебедей приписывается феямъ; для того, чтобы задержать фею (= остановить ея полетъ), необходимо похитить у ней сорочку, — точно также, какъ болгарскіе юнаки, съ цѣлю овладѣть самовилою, похищаютъ ея крылушки.

Всѣ означенныя стихійныя существа: эльбины, вилы и русалки поставлены въ народныхъ преданіяхъ въ самую близкую связь съ мифическимъ представленіемъ душъ, издревле-

¹⁾ Н. Р. Ск., VIII, 3. — ²⁾ Ibid., VI, 60; Глинск., II, 61 и др. — ³⁾ Бирша Дан., 217; Рыбник., I, 208, 215; сравни т. I Поэт. Возрѣв., 515—6. — ⁴⁾ Наприм. въ сборн. Гальстриха, 5.

уподобляемыхъ то возженному огню, то дующимъ вѣтрамъ; онѣ или сами принимаются за души усопшихъ, или смѣшиваются съ тѣми вѣщими дѣвами, которыя, присутствуя при рожденіи младенца, какъ-бы влагаютъ въ него душу живу, а потомъ изымаютъ ее при кончинѣ человѣка, и такимъ образомъ опредѣляютъ начало и конецъ человѣческой жизни. Подробному изслѣдованію этихъ важныхъ вопросовъ о связи эфирическихъ духовъ съ душами усопшихъ и дѣвами судьбы мы посвящаемъ двѣ послѣдующія главы.

XXIV.

ДУШИ УСОПШИХЪ.

Послѣдній актъ, которымъ завершается земная жизнь человѣка, исполненъ таинственнаго значенія. Неумолимая смерть, постоянно унося новыя жертвы, для остающихся въ живыхъ поколѣній ничего не открываетъ о той безвѣстной странѣ, куда увлекла ихъ предшественниковъ. Но человѣкъ, по самому свойству своей возвышенной природы, жаждетъ знать о томъ, что будетъ съ нимъ за могилою. Мысль о конечномъ уничтоженіи такъ враждебна инстинкту жизни, ощущаемому человѣкомъ, что она уже въ глубочайшей древности отстранялась имъ во имя надежды въ жизнь загробную, которая составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ во всѣхъ религіяхъ ¹⁾. Праздники въ честь умершихъ, приношенія и возліанія на ихъ могилы, вѣра въ явленіе мертвецовъ и множество другихъ преданій ярко свидѣтельствуютъ, что наряду съ другими языческими племенами и славяне были убѣждены, что тамъ—за гробомъ начинается новая жизнь, и имѣли о ней свои довольно-подробныя, хотя и не строго-опредѣлившіяся представленія.

---

¹⁾ Ф. Кулаиъ, 9: «Какъ бы далеко мы не углублялись въ исторію индоевропейскаго племени, мы не найдемъ, чтобы раса эта когда-либо думала, будто съ настоящею жизнію все оканчивается для человѣка. Самыя древнія поколѣнія, еще прежде всякихъ философовъ, вѣрили въ загробную жизнь.»

Прежде всего отмѣтимъ тотъ многозначительный фактъ, что славяне признавали въ душѣ нѣчто отдѣльное отъ тѣла, имѣющее свое самостоятельное бытіе. По ихъ вѣрованіямъ, согласнымъ съ вѣрованіями другихъ индоевропейскихъ народовъ, душа еще въ теченіи жизни человѣка можетъ временно разставаться съ тѣломъ и потомъ снова возвращаться въ него; такое удаленіе души обыкновенно бываетъ въ часы сна, такъ какъ сонъ и смерть—понятія родственныя. Черногорцы и сербы убѣждены, что въ каждомъ человѣкѣ обитаетъ духъ, котораго они называютъ «вѣдогонь», и что духъ этотъ можетъ покидать тѣло, объятые крѣпкимъ сномъ. Вѣдогони нерѣдко ссорятся и дерутся между собою, и тотъ человѣкъ, вѣдогонь котораго погибнетъ въ дракѣ, уже болѣе не пробуждается: его тотчасъ же постигаетъ быстрая смерть. О колдунахъ и колдуньяхъ рассказываютъ, что они, погружаясь въ сонъ, могутъ выпускать изъ себя воздушное демоническое существо, т. е. душу, которая принимаетъ различные образы и блуждаетъ по тѣмъ или другимъ мѣстамъ, при чемъ оставленное ею тѣло лежитъ совершенно-мертвымъ. И во время обмиранья или летаргическаго сна душа, по русскому повѣрью, покидаетъ тѣло и странствуетъ на томъ свѣтѣ. Такимъ образомъ тѣло есть какъ-бы жилище живаго духа, та временная оболочка, въ которую онъ заключается при рожденіи дитяти и которую покидаетъ при кончинѣ человѣка, когда, по словамъ стариннаго проповѣдника, «нужею страшною душа отъ тѣлеси изидеть и станетъ одержима душа зрящи на свое тѣло, яко-же бо кто изволокся изъ ризы своея и потомъ сталъ бы зря ея»¹⁾.

¹⁾ Памят. XII в., 94. Таже мысль поэтически развита въ народномъ стихѣ о разставаніи души съ тѣломъ — Ч. О. И. и Д. годъ 3, IX, 209. Душа человѣка, тоскующаго въ разлукѣ по своему другѣ, можетъ вызвать къ себѣ душу этого послѣдняго, какъ бы далеко онъ не былъ: душа чутка (Кіевлянинъ, I, 213).

Душа человѣческая, по древнимъ языческимъ преданіямъ, представлялась въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: во 1-хъ, огнемъ. Славяне признавали въ душѣ человѣческой проявленіе той-же творческой силы, безъ которой невозможна на землѣ никакая жизнь: это сила свѣта и теплоты, дѣйствующая въ пламени весеннихъ грозъ и въ живительныхъ лучахъ солнца. Душа — собственно частица, искра этого небеснаго огня, которая и сообщаетъ очамъ блескъ, крови — жаръ и всему тѣлу — внутреннюю теплоту. Различныя душевныя движенія народъ обозначаетъ уподобленіемъ огню: чувству онъ даетъ эпитеты горячее, теплое, пылкое; о любви, враждѣ и злобѣ выражается, что они возгорѣлись или погасли (I, 440); на эпическомъ языкѣ сербовъ гнѣвъ называется живымъ огнемъ, а бѣлоруссы о раздражительныхъ, вспыльчивыхъ людяхъ говорятъ: «одзніъ съ огнемъ, другой съ поломемъ»¹⁾. Въ тѣсной связи съ указаннымъ возрѣніемъ стоятъ мѣны, приписывающіе богу-громовнику созданіе перваго человѣка и изведеніе огня на его домашній очагъ, дарованіе женамъ чадородія (= возженіе въ новорожденныхъ младенцахъ огненныхъ душъ) и устройство семейнаго союза (II, 75, 470). Еще теперь въ простомъ народѣ блуждающіе, болотные и свѣтятся на могилахъ, вслѣдствіе фосфорическихъ испареній, огоньки признаются за души усопшихъ; въ одномъ мѣстѣ тамбовской г., по увѣренію поселянъ, до сихъ поръ видны горящія свѣчи, потому что тамъ хоронятъ удавленниковъ и опойцевъ; въ другомъ мѣстѣ рассказываютъ, какъ на могилѣ безвинно-повѣшеннаго теплѣла съ свѣча, пока не совершили по немъ поминокъ. Въ южной приднѣпровской Руси ходятъ рассказы о синихъ огняхъ, вспыхивающихъ на могилахъ и курганахъ; огни эти разводятся русалками¹⁾. Поминію че-

¹⁾ Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнограе., I, 390. — ²⁾ Москв. 1844, XII, смѣсь, 28; 1848, VIII, ст. Даля, 71—72; Терещ., VI, 11, 129.

ховъ, надъ могилами летаютъ огненныя душички; въ блуждающихъ огняхъ они видятъ души некрещеныхъ дѣтей, отверженныхъ грѣшниковъ или скупцовъ, оберегающихъ зарытые ими клады; всякой проклятый за грѣхи осуждается по смерти на вѣчное странствованіе въ семь мірѣ и показывается то въ видѣ огненного столба, то въ видѣ человѣка, у котораго языкъ и глаза—огненные ¹⁾). Тотъ-же взглядъ на блуждающіе огни раздѣляютъ и лужичане ²⁾). Вѣрованія эти общи славянамъ съ другими индоевропейскими народами. Для мирнопочиющихъ мертвецовъ германцы имѣютъ выраженіе др.-в.-нѣм. *hiugi*, ср.-в.-нѣм. *gehiuge*, ново-в.-нѣм. *geheuer*—кроткій, тихій, блаженный; противоположное же понятіе безпокойнаго, блуждающаго духа, привидѣнія они обозначаютъ *unhiugi* (*ungeheuer*)—*dirus, saevus*; *hiugi*—божественный, *unhiugi*—чортъ, чудовище—тоже, что *hold* и *unhold*. Готская форма *hiugis* родственна съ *haiugi*—горячій уголь, сканд. *hug*—огонь. Древнесѣв. *draug*—фантомъ, духъ, окруженный пламенемъ, и *draughús*—могильный холмъ. Довнынѣ во всей Германіи существуетъ повѣрье, что души, не наследовавшія блаженного покоя—лишенныя небеснаго царства, блуждаютъ ночью порою по лугамъ и полямъ огненными видѣніями. Путниковъ, которые принимаютъ ихъ за деревенскіе огни, они сбиваютъ съ настоящей дороги, и то удаляясь, то приближаясь—заводятъ въ топкія болота и трупщобы. Явленіе это извѣстно подъ названіями: *iglicht*, *igwisch*, *zeusler* (*zünsler*, *zündler*, *zunselgespenst* отъ *zueseln*, *züseln*—играть огнемъ), *feuriger mann*, нидерланд. *gloiniger* (*glühender*) *man*, датск. *lygte mand* (*leuchte mann*), *blaasmand* (*feuermand*), *dwerlicht* (*wirbelnde flamme*), *dwellicht* (отъ *dwelen*, *dwalen*—блуждать),

¹⁾ Иречекъ въ Часописи чешск. музея 1863, I, 5; Громанъ, 19—22. — ²⁾ Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 353.

elflicht (слово, указывающее на связь души съ эльфомъ), словен. slepogeni, чеш. světlko, bludička, пол. błędnicą, луж. bludne zwieszke, рус. блудящій огонь; теперь эти огоньки большею частію признаются за души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія и потому неудоенныхъ блаженства ¹⁾). Когда дерево, брошенное на огонь, издаетъ трескъ, полѣшукѣ думаютъ, что звуки эти издаются душою скупаго чловѣка ²⁾).

Если душа понималась какъ огонь, то жизнь возможна была только до тѣхъ поръ, пока горѣло это внутреннее пламя; погасало оно — и жизнь прекращалась. У насъ удѣлѣно выраженіе: погасла жизнь; выраженіе это въ народной пѣснѣ замѣнено сравненіемъ смерти чловѣка съ погасшею свѣчею (стр. 208). Неумолимая Смерть тушитъ огонь жизни, и остается одинъ холодный трупъ. Отсюда возникли разнообразныя примѣты: если у жениха или невѣсты погаснетъ подъ вѣнцомъ свѣча, то случай этотъ предвѣщаетъ ему или ей скорую смерть; у кого изъ стоящихъ подъ вѣнцомъ сгоритъ больше свѣчи, тотъ и умретъ скорѣе; яркое пламя подвѣчныхъ свѣчъ сулитъ счастливое супружество — свѣтлую жизнь, и наоборотъ, когда свѣчи эти горятъ тускло — жизнь новобрачныхъ будетъ печальная ³⁾). Погаснетъ ли сама собою поставленная въ комнатѣ свѣчка — по мнѣнію чеховъ, тотъ, кто ее зажигалъ, умретъ въ продолженіи года. Если во время заговѣнъ, особенно въ воскресенье передъ великимъ постомъ, потухнетъ зажженная въ избѣ лучина, то, по русской примѣтѣ, изъ всѣхъ домочадцевъ тотъ умретъ прежде другихъ, кто ближе сидѣлъ къ лучинѣ; или: если огарокъ лучины упадетъ изъ свѣтца на полъ и тотчасъ-же погаснетъ — это знакъ, что въ

¹⁾ D. Myth., 866—870. — ²⁾ Киевлян. 1865, 52. — ³⁾ Тѣже примѣты встрѣчаемъ у чеховъ и лужицанъ.

теченіи года въ домѣ непременно будетъ мертвецъ. Поляки на «Громницы» (2 февраля) зажигаютъ столько свѣчъ, сколько въ семьѣ членовъ: чья свѣча потухнетъ прежде, тотъ и умретъ скорѣе. Въ псковской губ. на Святкахъ дѣвицы гадаютъ такъ: каждая приноситъ свою восковую свѣчу, отиѣчая ее какими-нибудь значкомъ, и потомъ зажигаютъ ихъ одновременно: чья свѣча горитъ ясно и плавно, у той жизнь будетъ тихая, безмятежная; чья горитъ съ трескомъ и меркаючи, той придется испытать много безпокойствъ и горя; чья свѣча догоритъ первая, той дѣвицѣ умереть прежде всѣхъ, а чья догоритъ послѣдняя — той долго жить. Въ другихъ мѣстностяхъ гаданіе это совершается по зажженнымъ лучинкамъ, съ припѣвомъ: «жиль-быль курилка, дай померь!» Курилка (отъ глагола курить-ся — горѣть) означаетъ лучину, которая живетъ, пока горитъ, а погасая — умираетъ. У закарпатскихъ русиновъ дѣвицы гадаютъ по зажженнымъ лучинамъ въ дни Успенія (15 августа) и Покрова (1 октября). Въ Славоніи думаютъ, что свѣча, погасшая наканунѣ Рождества, предзнаменуетъ смерть одного изъ родичей; то же повѣрье существуетъ и въ Швеціи, а въ нѣмецкихъ земляхъ оно прилагается къ кануну Нового года. По мнѣнію лужичанъ, если въ ночь на Рождество Христово (или на другіе большіе праздники) погаснетъ на алтарѣ свѣча — это предвѣщаетъ смерть главнаго духовнаго лица ¹⁾. Въ такихъ примѣтахъ теченіе жизни сравнивается съ горѣніемъ свѣчи или лучины: скорѣе сгоритъ свѣча,

¹⁾ Описан. олонец. губ. Дашкова, 193; Маякъ, XI, 54; Нар. сѣ. раз., 160; Иллюстр. 1846, 262; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 127; Терещ., IV, 102; VII, 224; Цебриков., 274; Быть подолянъ, II, 19, 50; Зап. Р. Г. О. по отд. вѣногр., I, 303; Volkslieder der Wenden, II, 258; Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 338; Громаниъ, 120, 220; Илчъ, 95; Гандельманъ: Weihnachten in Schleswig-Holstein, 59; Zeitsch. für D. M., I, 456; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 5.

ескорѣе окончится и жизнь, и наоборотъ. Въ старину, при произнесеніи на погибель врага проклятiя, почиталось необходимою принадлежностью обряда — погасить зажженную свѣчу. Въ Литвѣ ведется обычай: въ великій четвергъ, по окончаніи трапезы, хозяинъ беретъ горящую свѣчу, тушитъ ее и бросаетъ въ уголь, съ приговоромъ: «какъ погасла эта свѣча, такъ да погаснутъ очи у нашихъ враговъ и да пропадутъ они сами на вѣки!» ¹⁾ Въ настоящее время на Руси, чтобы отомстить врагу, ставятъ въ церкви передъ образомъ за бѣдную или задушную свѣчку, которую нарочно зажигаютъ съ нижняго конца, или ломая ее пополамъ, затепливаютъ съ середины ²⁾. Съ тою-же цѣлью между русскимъ населеніемъ Подлясья принято ставить свѣчу передъ иконою Божьей Матери, съ тайною мольбою: да встанетъ врагъ также, какъ эта восковая свѣча! ³⁾ Сербы клянутся: «тако ми се крсна свијећа не угасила!» — въ смыслѣ: тако сви од мога рода не помирли ⁴⁾. Древніе греки изображали Смерть съ потухшимъ факеломъ: геній смерти (Θάνατος) опускалъ зажженный факель, потрясалъ имъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ погасало пламя, померкалъ и свѣтъ жизни. У нѣмцевъ есть прекрасная сказка о кумѣ Смерти (der gevatte Tod ⁵⁾). Жилъ-былъ бѣднякъ, у него было двѣнадцать дѣтей; и день, и ночь работалъ онъ, чтобы пропитать свою семью. Когда родился у него тринадцатый ребенокъ, онъ вышелъ на большую дорогу и рѣшился взять съ кумовья встрѣчнаго. Идетъ костлявая Смерть и говоритъ: «возьми меня кумою.» — А ты кто? «Я — Смерть, которая всѣхъ уравниваетъ.» — Да, ты — правдива, ты не различаешь ни богатыхъ, ни бѣдныхъ! — и бѣднякъ взялъ ее кумою. Когда мальчикъ подросъ, онъ пошелъ однаж-

¹⁾ Сынъ Отеч. 1839, X, 120. — ²⁾ Саратов. Г. В. 1851, 29. —

³⁾ Потеби., 32. — ⁴⁾ Срп. ш. послов., 304. — ⁵⁾ Слав. Грим., 44.

ды навѣстить своего крѣстнаго. Смерть повела его въ лѣсъ, указала на одну траву и сказала: «вотъ тебѣ даръ отъ твоего крѣстнаго! Я сдѣлаю изъ тебя славнаго лѣкаря. Всякой разъ, какъ позовутъ тебя къ больному, ты увидишь меня: если я буду стоять въ головахъ больного — смѣло говори, что можешь его вылѣчить; дай ему этой травы, и онъ выздоровѣетъ; но если я стану у ногъ больного — онъ мой, и никакое лѣкарство въ мірѣ не спасетъ его!» Въ короткое время повсюду разнеслась молва о новомъ славномъ лѣкарѣ, которому стѣбитъ только взглянуть на больного, чтобы навѣрно узнать: будетъ ли онъ снова здоровъ, или умретъ. Со всѣхъ сторонъ звали его къ больнымъ, много давали ему золота, и вскорѣ онъ сдѣлался богачемъ. Но вотъ заболѣла тяжкимъ недугомъ дочь короля; это было его единственное дитя, день и ночь плакалъ опечаленный отецъ и повсюду приказалъ объявить: кто спасетъ королеву, тотъ будетъ ея мужемъ и наслѣдуетъ все царство. Лѣкаръ явился къ постели больной, взглянулъ — Смерть стояла въ ногахъ королевы. Дивная красота больной и счастье быть ея мужемъ заставили его прибѣгнуть къ хитрости; онъ не замѣчалъ, что Смерть бросала на него гнѣвные взгляды, приподнялъ больную, положилъ ногами къ изголовью и далъ ей травы; въ ту же минуту на щекахъ ея заигралъ румянецъ и она выздоровѣла. Обманутая Смерть приблизилась къ лѣкарю и сказала: «теперь настала твоя чередъ!» ухватила его своей ледяной рукою и повела въ подземную пещеру. Тамъ увидѣлъ онъ въ необозримыхъ рядахъ тысячи и тысячи возженныхъ свѣчъ: и большія, и наполовину сгорѣвшія, и малыя. Въ каждое мгновеніе однѣ изъ нихъ погасали, а другія вновь зажигались, такъ что огоньки при этихъ безпрестанныхъ измѣненіяхъ, казалось перелетали съ мѣста на мѣсто. «Взгляни, сказала Смерть, это горятъ человѣческія жизни; большія свѣчи принадлежатъ

дѣтямъ, наполовину-сгорѣвшія людямъ среднихъ лѣтъ, малымъ старикамъ, но нерѣдко и дѣти и юноши надѣляются небольшими свѣчами.» Лѣкарь просилъ показать, гдѣ горитъ его собственная жизнь. Смерть указала ему на маленькой огарокъ, который грозилъ скоро погаснуть. Устрашенный лѣкарь сталъ просить своего крѣстнаго: «зажги мнѣ новую свѣчу, позволь мнѣ насладиться жизнью, быть королемъ и мужемъ прекрасной королевы.» — Это невозможно, отвѣчала Смерть; прежде, чѣмъ зажечь новую, надо погасить прежнюю. «А ты поставь этотъ догорающій остатокъ на новую свѣчу—такъ, чтобы она тотчасъ-же зажглася, какъ скоро онъ потухать начнетъ.» Смерть притворилась, что хочетъ исполнить желаніе своего крѣстника, но переставляя старый огарокъ, нарочно его уронила: пламя погасло, и въ ту же минуту лѣкарь упалъ бездыханнымъ ¹⁾. Сказка эта извѣстна и у славянъ ²⁾. Смерть, разсказываютъ въ Малороссіи, «жила нидь землю, здоровецка ³⁾ хата уся буда освичена свичками: дѣ яки з'ныхъ начыналы горити, дѣ яки догорувалы ѣ погасалы.» Пришелъ къ ней въ гости кумъ и сталъ спрашивать про свѣчи; Смерть отвѣчала: «каждый чоловікъ, якій тилько је на свити, мае тутъ свою свичку; якъ винъ тилько родыцьця—свичка запалюетця, якъ свичка гасне — винъ умераетъ.» — А гдѣ-жъ моя свѣчка? спросилъ кумъ. Смерть указала ему догорающій остатокъ, и когда тотъ сталъ молить, чтобы она удлинитъ его свѣчку, строго замѣтила ему: «чи пам'ятаешъ, шо ты мене узявъ за куму за то, шо я живу по правду? чи уже-жъ съ той поры, якъ ты ставъ паномъ, тоби не мила правда?» Идея смерти и рока (*fatum*)

¹⁾ См. также Вольфа, 365; Zeitsch. für D. M., I, 358—360. — ²⁾ Чернигов. Г. В. 1857, 10; Быть подолянъ, II, 66—68: „Смерть за куму“; Эрбенъ, 37—39: „Smert-kmotienko“; Кульда, I, 87. — ³⁾ Огромная, большая.

въ убѣжденіяхъ арійскихъ племенъ роднились и сливались между собою, почему и въ приведенной сказкѣ богиня Смерть является при рожденіи младенца дружелюбной гостьей, возжигаетъ въ немъ свѣтъ жизни и приноситъ ему подарокъ — подобно тому, какъ при постелѣхъ родильницы являются дѣвы судьбы (парки, норны, суденицы), воспламеняютъ таинственный свѣточъ, съ которымъ связана нить жизни новорожденного, и надѣляютъ его своими дарами, т. е. опредѣляютъ его будущее счастье. Такое сближеніе Смерти съ дѣвами судьбы основывается на древнѣйшемъ вѣрованіи, что вся жизнь человѣческая, начиная съ перваго дня и до кончины, была опредѣленіемъ фатума: парки не только пряли жизненную нить, но и перерѣзывали ее, не только возжигали пламя души, но и гасили его, и въ этомъ смыслѣ отождествлялись съ неумолимою Смертью. Являясь во время родовъ, дѣвы судьбы воспринимали ребенка и исполняли обязанности повивальныхъ бабокъ, что позднѣе въ эпоху христіанства заставило соединить съ ними понятіе кумъ — воспріемницъ; по свидѣтельству народныхъ сказокъ, феи (=парки) приглашались въ крестныя матери къ новорожденнымъ младенцамъ. Тоже представленіе кумы фантазія сочетала и съ богиней Смертію; любопытно, что ср.-в. нѣм. *tote* и *töt* — смерть совпадаетъ съ др.-в.-нѣм. *tot* — кумъ¹⁾. По греческому сказанію, при рожденіи Мелеагра въ покой его матери Алтеи пришли три богини судьбы и бросили въ пламя очага полѣно, съ такимъ пророчествомъ: жизнь младенца будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не сгоритъ это полѣно. Когда богини удалились, Алтея встала съ своего ложа, выхватила изъ огня головню и немедленно спрятала ее, дабы приостановить исполненіе пророчества. Впослѣдствіи она же бросила головню въ огонь — и въ тоже мгновеніе вну-

¹⁾ D. Myth., 612—4.

треннее пламя опалило Мелеагра, и какъ только головня превратилась въ пепель—онъ испустилъ послѣднее дыханіе ¹⁾; подобное-же преданіе встрѣчаемъ въ Nöfnagestr (см. гл. XXV). Итакъ Смерть гаситъ огонь жизни и погружаетъ человѣка во тьму небытія. Самое слово Морана (моръ, смерть) лингвистически связывается съ словомъ шракъ; глаголь гасить донынѣ употребляется въ смыслѣ: истреблять, уничтожать, а гаснуть (черниг. губ.)—истощаться, худѣть; по-тухнуть говорится о погасшей свѣчѣ и заснувшей рыбѣ, а за-тухнуть — о боровѣ, въ значеніи: околѣть; тушить—издавать сильный, непріятный запахъ (про-тухнуть), по-тухлый—издохшій, разлагающійся, по-тухоль — начинающіе гнить съѣстные припасы; за-смирить свѣчу, серб. смирити свјећу (смирить=успокоить; покойникъ—мертвецъ, успокоиться — умереть) — погасить. Наоборотъ глаголь разжиглять—разводить, поддерживать огонь. Еще яснѣе связь понатій огня и жизни въ словѣ воскресать, которое образовалось отъ стариннаго кресъ—огонь (кресало, кресиво, пол. krzesiwo—огниво, кресать — высѣкать искры) и буквально означаетъ: возжечь пламя, а въ переносномъ смыслѣ: возстановить погасшую жизнь ²⁾. Весною, въ воскресенье четвертой недѣли великаго поста, совершая праздникъ въ честь мертвыхъ, лужичане ходятъ на Тодесбергъ съ зажженными факелами, поминаютъ покойниковъ и на возвратномъ пути поютъ: «смерть мы погасили, новую жизнь зажгли!»—слова, указывающія на вѣру въ возстаніе мертвыхъ вмѣстѣ съ воскресающей въ весеннюю пору природою. Славонцы ходятъ на кладбища съ зажженными свѣчами 1-го марта ³⁾.

¹⁾ German. Mythen, 583; Мнѣы класс. древности, I, 151. — ²⁾ Обл. Сл. 36, 66, 68, 92—94, 187, 241; Доп. обл. сл., 207, 272; Срп. рјечник, 693. — ³⁾ Иличъ, 315; Рануша: Die Wissenschaft des slawisch. Mythus, 408.

Наши простолюдны, когда съ больнымъ начинается агонія запаливаютъ восковую свѣчу и даютъ ее въ руки умирающему; употребленіе факеловъ при погребальныхъ обрядахъ и возженіе свѣчъ при поминкахъ—извѣстны съ глубочайшей древности ¹⁾. *См. въ рукописи: «Сказаніе о поминкахъ»*

По другому представленію, Смерть не погашаетъ животворнаго огня жизни, а исторгаетъ его изъ тѣла, которое послѣ того обращается въ трупъ. Въ старинной иконописи сохранилось изображеніе, какъ пораженный ангеломъ грѣшникъ испускаетъ свою душу въ пламени, о чемъ рассказываютъ и народныя легенды; въ раскольничей книгѣ, извѣстной подъ заглавіемъ «Исторія о отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ», находимъ слѣдующее свидѣтельство: «видѣша нѣци отъ житель столпъ огненъ отъ земли до небеси сіяющъ, и видѣвше разумѣша, яко пустынный отецъ ко Господу отыде».

Во 2-хъ, душа представлялась звѣздой, что имѣетъ самую близкую связь съ представленіемъ ея огнемъ; ибо звѣзды первобытный человѣкъ считалъ искрами огня, блистающими въ высотахъ неба (I, 177). Въ народныхъ преданіяхъ душа точно также сравнивается съ звѣздой, какъ и съ пламенемъ; а смерть уподобляется падающей звѣздѣ, которая, теряясь въ воздушныхъ пространствахъ, какъ-бы погасаетъ. Такое уподобленіе, когда позабылась его первоначальная основа, и метафора стала пониматься въ ея буквальной смыслѣ, послужило источникомъ тому вѣрованію, которое связало жизнь человѣческую съ небесными звѣздами. Каждый человѣкъ получалъ на небѣ свою звѣзду, съ паденіемъ которой прекращается его существованіе; если-же съ одной стороны смерть

¹⁾ Черемисы, совершая поминки, за каждого покойника ставятъ по свѣчѣ; за дѣтей свѣчи бываютъ маленькія — Записки о чужахъ и черемис., 194

означалась падениемъ звѣзды, то съ другой—рожденіе младенца должно было означаться появленіемъ или возженіемъ новой звѣзды, какъ это и засвидѣтельствовано преданіями индоевропейскихъ народовъ. Въ пермской губ. поселяне убѣждены, что на небѣ столько-же звѣздъ, сколько на землѣ людей: когда нарождается младенецъ—на небѣ является новая звѣздочка, а когда человекъ умираетъ—принадлежащая ему звѣзда падаетъ и исчезаетъ ¹⁾. Тоже самое утверждаютъ и чехи ²⁾. Вообще у славянъ существуетъ повѣрье, что, указывая на звѣзды пальцемъ, можно повредить живущимъ людямъ ³⁾. Древность этого воззрѣнія несомнѣнна; уже римляне, по свидѣтельству Плинія, думали, что каждый человекъ имѣетъ свою звѣзду, которая вмѣстѣ съ нимъ рождается, и смотря по тому: озаряетъ ли его земную жизнь блескъ счастья или омрачаютъ ее бѣдствія,—свѣтится то ярко, то сумрачно, а по смерти его упадаетъ съ небеснаго свода. Падающая звѣзда почитается въ русскомъ народѣ знакомъ чьей-либо смерти въ селѣ или городѣ; потому, увидя паденіе звѣзды, обыкновенно говорятъ: «кто-то умеръ!» «чья-то душа покатила!» Повѣрье это распространено и между нѣмцами ⁴⁾. Сверхъ того, на Руси утверждаютъ, что падающая звѣзда означаетъ слѣдъ ангела, который летитъ за усопшею душою, или слѣдъ праведной души, поспѣвающей въ райскія обители; если успѣешь пожелать что-нибудь въ тотъ мигъ, пока еще не сокрылась звѣзда, то желаніе непременно дойдетъ до Бога и будетъ имъ исполнено ⁵⁾. Народная пѣсня сравниваетъ смерть царевича съ падучею звѣздою:

¹⁾ Этн. Сб., VI, библи. указат., 58; Телескопъ 1833, VIII, 504.—

²⁾ Громанъ, 31.— ³⁾ Гавушъ о Дядѣ и Бабѣ, 47.— ⁴⁾ Сахаровъ, II, 14; Маякъ, VII, 72; Статист. опис. саратов. губ., 58; Владим. Г. В. 1844, 52; Сл. Мнв. Костомар., 55; D. Myth., 790.— ⁵⁾ Иллюстр. 1846, 262; Beiträge zur D. Myth., I, 248.

Упадаетъ звезда поднебесная,
 Угасаетъ свѣча воска яраго —
 Не становится у насъ млада царевича,¹⁾

*Манъ Тюдънъ
и его снѣ.*

Aluaidy
 Слово манъ якъ принимается и въ значеніи падающихъ звѣздъ,
 и въ значеніи проклятыхъ душъ, блуждающихъ по смерти.

Блудачіе огни, которые (какъ мы видѣли) признаются душами усопшихъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ считаются за падшія съ неба звѣзды²⁾. Рядомъ съ представленіемъ, что звѣзда сіяетъ на небѣ, пока продолжается жизнь человѣка, и угасаетъ вмѣстѣ съ его смертію, — было другое, по которому душа въ видѣ пламенной звѣзды нисходила изъ райскихъ странъ въ ребенка въ самую минуту его зачатія или рожденія, а когда человѣка постигала смерть — покидала его тѣло, уносила съ своею прежнею отечествомъ и начинала блистать на небесномъ сводѣ. Чтò таково было вѣрованіе кельтовъ, за это свидѣтельствуетъ ирландское сказаніе о св. Айданѣ, отецъ котораго увидѣлъ однажды въ снѣ, будто въ открытыя уста его жены упала сверху звѣзда; въ ту же ночь былъ зачатъ Айданъ, почему многіе и называли его сыномъ звѣзды³⁾. По словамъ Аристотеля, душа усопшаго превращается въ звѣзду, и чѣмъ во время земной жизни бываетъ она пламеннѣе, возвышеннѣе, доступнѣе для духовной дѣятельности, тѣмъ блистательнѣе горитъ она по смерти человѣка⁴⁾. Индусы вѣрили, что души блаженныхъ предковъ сіяютъ на небѣ звѣздами; славяне же и нѣмцы признаютъ звѣзды очами ангеловъ-хранителей, въ чемъ очевидно смѣшеніе душъ святыхъ угодниковъ съ ангелами; въ средніе вѣка ангелы, наравнѣ съ душами усопшихъ предковъ, представлялись прекрасными малютками, подобными

¹⁾ Сахаров., I, 253; Терещ., I, 97. — ²⁾ Сахаров., II, 63; О. З. 1818, 68; Этн. Сб., I, 215; Москв. 1853, XXII, 67. — ³⁾ Zeitsch. für D. M., I, 345. — ⁴⁾ Sonne, Mond u. Sterne, 270—1.

эльфамъ. Въ эпическихъ сказаніяхъ германцевъ упоминается о герояхъ, которымъ суждено по смерти блистать на небѣ яркими звѣздами ¹⁾. У насъ же есть преданіе о трехъ вѣщихъ сестрахъ, которымъ, послѣ ихъ кончины, досталось весь вѣкъ горѣть тремя звѣздами возлѣ млечнаго пути — на дорогѣ, ведущей въ царство небесное; звѣзды эти называются дѣвичьи зори ²⁾. Гуцулы знаютъ летавицу — духа, который слетаетъ на землю падучей звѣздой и принимаетъ на себя человѣческій образъ — мужской или женской, но всегда юный, прекрасный, съ длинными желтыми волосами ³⁾.

3. Какъ огонь сопровождается дымомъ, какъ молніеносное пламя возгарается въ дымчатыхъ, курящихся парамъ облакахъ, такъ и душа, по нѣкоторымъ указаніямъ, исходитъ изъ тѣла дымомъ и паромъ. Въ Софійскомъ временникѣ ⁴⁾ о смерти в. кн. Василія Ивановича сказано: «и видѣ Шигона духъ его отшедше, аки дымецъ малъ». Санскр. *dhūta* движущееся куриво, греч. *θυμα*, *θυος* — куреніе, фиміамъ, лат. *fumus* (съ замѣною *dh* звукомъ *f*) слав. дымъ, лит. *dūmas*, др.-нѣм. *tonn*, *taun* отъ снкр. *dhū* — *agitare*, *commovere* (= греч. *θυω*). Отъ того-же корня образовались слова, указывающія на душевныя способности: гр. *θυμος* — душа и движеніе страсти, слав. дума, думать, лит. *dumà*, *dumoti*, *dumti* ⁵⁾. Слово пара ⁶⁾ [паритъ — дѣлается душно передъ грозой и

¹⁾ Ibid, 272. — ²⁾ Сахаровъ, II, 62—63; сходный рассказъ о жень и семи дочеряхъ хлѣбника см. въ D. Myth., 691—2. Въ старинныхъ назидательныхъ словахъ св. отцы метафорически называютъ звѣздами и свѣтильниками; картина „Вѣнецъ Богоматери“ представляетъ Пресв. Дѣву, окруженную душами божіихъ угодниковъ — въ видѣ звѣздъ. Москв. 1853, XXII, 67: киргизамъ увѣрены, что души покойниковъ обитаютъ на звѣздахъ. — ³⁾ Пантеонъ 1855, V, 46. — ⁴⁾ II, 333. — ⁵⁾ Пикте, II, 242; Дюсенбахъ, II, 617—8. — ⁶⁾ Обл. Сл., 152—3.

дождемъ, прѣть, парунъ—зной, духота] имѣть слѣдующія значенія: паръ, духъ и душа; пара вонъ т. е. душа вонъ!

4. Далѣе—душа понималась, какъ существо воздушное, подобное дующему вѣтру. Языкъ сблизилъ оба эти понятія, что наглядно свидѣтельствуется слѣдующими словами, происходящими отъ одного корня: душа, дышать, воз(вз)-дыхать, д(ы)хнуть, духъ (вѣтръ), дуть, дунуть, дѣхомъ—быстро, скоро, воз-духъ, воз-дыханіе, вз-дохъ ¹⁾). Въ другихъ языкахъ также прилагаются душѣ названія отъ воздуха, вѣтра, бури: отъ санскр. корня ап—дуть образовались: апа, апа—дуновение и дыханіе жизни, апила—вѣтръ, апи—человѣкъ, т. е. живой, одушевленный, лат. animal — животное, animus, anima, греч. ψυμος—духъ, душа, ирл. a nail—дыханіе, дуновение, кимр. a nail, армор. б nail—дуновение, ирл. a nath, кимр. e n, e naid, e nudd, e ner, e nawr, корн. e nef, армор. é né, i neañ—душа, жизнь, гот. сложное u z-a n a n—пускать дыханіе, умирать, др-нѣм. u nst—буря, вьюга, сканд. andi—spiritus, önd—душа, перс. ā n—душевная способность, армян. a n t s n — умъ, душа ²⁾). Въ глубочайшей древности вѣтри, что вѣтры суть дыханіе божества (I, 285), и что Творецъ, создавая человѣка, вдунулъ въ него живую душу. Вѣтрамъ присвоилась сила призывать мертвыхъ къ жизни, одухотворять трупы и кости ³⁾). Покидая тѣло, душа возвращалась въ

¹⁾ Отъ санскр. корня dhū. Сравни переходъ звуковъ у и м въ словахъ: слухъ — слыхъ, слышать („слыхомъ не слыхнл“).

²⁾ Пикте, II, 540—2; О вл. христ. на сл. яз., 67. Можно указать еще на санскр. ātman — дуновение и душа, atasa — вѣтръ и душа; англ. soul — душа, готск. saivala, М Мюллеръ (Лекція о языкѣ, 291) производитъ отъ корня si, siv—колебаться; готск. saivs—море, т. е. волнующаяся вода. — ³⁾ Die Windgottheiten bei den indogerman. Völkern, von H. Genth, 3—4: So zeigt eine Miniatur des zwölften Jahrhunderts einer lateinischen Bibelhandschrift zu Erlangen die Belebung des Gebeines durch den Wind Hesek. 37, 1 bis 10, bes. 9: und er sprach zu mir: weissage zum Winde; weissage, du Menschenkind, und sprich zum Winde:

свое первобытное, стихійное состояніе. Когда вихрь срываетъ съ деревьевъ листья, и они, колеблясь, несутся по воздуху, — виною этого, по словамъ черногорцевъ, бываютъ борющіеся между собой вѣдогонн¹⁾); если въ трубѣ гудѣтъ вѣтеръ, бѣлоруссы принимаютъ это за знакъ, что вѣхату явилась душа, посланная на землю для покаянія²⁾); въ завываніи вѣтровъ моряки слышатъ плачь и стоны утопленниковъ, души которыхъ осуждены пребывать надѣ моря. Такое представленіе души совершенно-согласно съ тѣмъ физиологическимъ закономъ, по которому жизнь человека условливается вдыханіемъ въ себя воздуха. Въ южной Сибири грудь и легкія называются вдухи; простолюдины полагаютъ, что душа заключена въ дыхательномъ горлѣ, перерѣзаніе котораго прекращаетъ жизнь³⁾). Глаголы и з-дыхать за-душить, за-дохнуться означаютъ: умереть, т. е. потерять способность вдыхать въ себя воздухъ, безъ чего существованіе дѣлается невозможнымъ. Объ умершемъ говорятъ: «онъ испустилъ послѣднее дыханіе» или «послѣдній духъ!» Наоборотъ глаголъ отдыхать (отдѣхнуть) употребляется въ народной рѣчи въ смыслѣ: выздороветь, возвратиться къ жизни. Чтобы придти къ подобнымъ заключеніямъ, предкамъ нашимъ достаточно было простаго, для всѣхъ равно-доступнаго наблюденія: въ ту минуту, когда человекъ умираетъ, первое, что должно было поражать окружающихъ его родичей, — это прекращеніе въ немъ дыханія; передъ нимъ лежалъ

so spricht der Herr Herr—Wind komm herzu aus den vier Winden und blase diese Getödteten an, dass sie wieder lebendig werden, indem in die Todten lebendiger Odem von den vier Winden kommt, welche in den Ecken als blasende blaue Köpfe angebracht sind. Aehnlich blasen in einem der Münchener Bibliothek angehörenden Evangeliarium des eilften Jahrhunderts die vier Winde bei der Auferstehung der Todten als zweigehörnte blaue Köpfe aus den Wolken.

— ¹⁾ Путеш. въ Черногорію, 221. — ²⁾ Нар. сл. раз., 140. — ³⁾ Ж. М. Н. П. 1836, X, стат. Максимовича, 464.

успошій съ тѣми-же тѣлесными органами, какъ у живыхъ; у него оставались еще глаза, уши, ротъ, руки и ноги, но уже исчезло дыханіе, а съ нимъ виѣстѣ исчезла и жизненная сила, которая управляла этими органами. Отсюда возникло убѣжденіе, что душа, разлучаясь съ тѣломъ, вылетаетъ въ открытыя уста, виѣстѣ съ послѣднимъ вздохомъ умирающаго. По указанію Краледворской рукописи, душа исходитъ длинною гортанью и румяными устами (см. ниже стр. 219); чешская поговорка: «už má duši na jazyku!» означаетъ: онъ еле дышитъ, умираетъ ¹⁾). Слово о полку выражается о князѣ Изяславѣ, что онъ изронилъ свою душу изъ храброго тѣла чрезъ злато ожерелье ²⁾); а народныя русскія стихи говорятъ объ изъятіи души ангеломъ смерти «въ сахарныя уста» ³⁾). Обозначая различныя душевныя свойства, мы сравниваемъ ихъ не только съ пламенемъ, но и вѣтромъ; въ языкѣ нашемъ употребительны выраженія: буйное расположеніе духа, вѣтреный человѣкъ, буйная голова (сравни: «буйный вѣтеръ»), завихрился — загулялся, отбился отъ дѣла. У всѣхъ индоевропейскихъ народовъ находимъ рассказы о мертвецахъ, блуждающихъ привидѣніями, легкими какъ воздухъ, съ которыми они внезапно появляются и исчезаютъ, и также, какъ воздухъ, неуловимыми для осязанія. По смерти человѣка, тѣло его разлагается и обращается въ прахъ, и только въ сердцахъ родныхъ, знакомыхъ и друзей живетъ воспоминаніе о покойникѣ, его лицѣ, пріемахъ и привычкахъ: это тотъ безтѣлесный образъ, который творитъ сила воображенія для отсутствующихъ и умершихъ и который съ теченіемъ времени становится все блѣднѣе и блѣднѣе. Образъ умершаго хранится въ нашей памяти, которая можетъ вызывать его предъ наши внутреннія очи; но

¹⁾ Обл. Сл., 146; Громанъ, 194. — ²⁾ Рус. Дост., III, 180. — ³⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 20.

образъ этотъ не болѣе, какъ тѣнь нѣкогда-живаго и близкаго намъ человѣка. Вотъ основы древне-языческаго представленія усопшихъ безтѣлесными, воздушными видѣніями, легкими призраками — тѣнями. Греки и римляне думали, что друзья и родственники, по смерти своей, являются къ постели близкаго имъ человѣка, чтобы онъ въ сновидѣніяхъ могъ проводить съ ними время. Такъ Ахиллесу явилась во снѣ тѣнь Патрокла. Одиссей, постигнувъ Андъ, пожелалъ обнять тѣнь своей матери; три раза простиралъ къ ней объятія, и трижды она проскользала между его руками, какъ воздухъ ¹⁾). Нашъ летописецъ, рассказывая о полочанахъ, избиваемыхъ мертвецани (на вѣе ²⁾), изображаетъ этихъ послѣднихъ неупомянутыми для взора призраками ³⁾). По русскому повѣрью, кто послѣ трехъ-дневнаго поста отправится въ ночь, наканунѣ родительской (поминальной) субботы, на кладбище, тотъ увидитъ тѣни не только усопшихъ, но и тѣхъ, кому суждено умереть въ продолженіи года ⁴⁾). Слово тѣнь (= безтѣлесный образъ) употребляется и въ смыслѣ привидѣнія, и въ смыслѣ того темнаго изображенія, какое отбрасывается тѣлами и предметами, заслоняющими собою свѣтъ. Отсюда возникли примѣты и повѣрья, связующія идею смерти съ тѣнью человѣка и съ отраженіемъ его образа въ водѣ или въ зеркалѣ. Если на сочельникъ, когда станутъ вкушать кутью, не будетъ замѣтно чьей-либо тѣни, тотъ изъ домочадцевъ, навѣрно, уиретъ въ самое непродолжительное время ⁵⁾); ибо утратить тѣнь — все равно, что сдѣлаться существомъ безтѣлеснымъ, воздушнымъ. Въ числѣ другихъ чародѣйныхъ способовъ порчи извѣстно и заклатіе на тѣнь. Если основнымъ

¹⁾ Илиада, XXIII; Одис., XI. — ²⁾ Уже средній родъ этого слова указываетъ на что-то безличное, лишнее сущности человеческой природы. — ³⁾ П. С. Р. Д., I, 92. — ⁴⁾ Нар. сл. раз., 161. — ⁵⁾ Бытъ подолянъ, II, 19; Иллюстр. 1846, 262.

коломъ прибить къ землѣ тѣнь, падающую отъ колдуна, вѣдъмы или оборотня, то они потеряютъ свою силу и будутъ молить о пощадѣ. Существуетъ преданіе о томъ, какъ нечистая сила завладѣла тѣнью одного человѣка и какъ много онъ въ-страдалъ, пока не удалось ему возвратить своей тѣни назадъ. Многіе еще теперь не рѣшаются снять свой силуэтъ, основываясь на суевѣрной примѣтѣ, по которой снявшій съ себя такое изображеніе долженъ умереть въ теченіи года; другіе запрещаютъ дѣтямъ смотрѣть на свою тѣнь и на свое отраженіе въ зеркалѣ: иначе сонъ ребенка будетъ безпокоенъ и можетъ легко приключиться какое-нибудь несчастіе. Когда кто умретъ въ домѣ, то все зеркала занавѣшиваются, чтобы покойникъ не могъ смотрѣться въ ихъ открытыя стѣкла. Зеркало отражаетъ образъ человѣка—также, какъ и гладкая поверхность воды, а по сербскому повѣрью человѣкъ, смотрясь въ воду, можетъ увидѣть въ ней свой смертный часъ (см. выше стр. 169); по мнѣнію раскольниковъ, зеркало — вещь запретная, созданная дьяволомъ ¹⁾).

5. Въ отдаленные вѣка язычества молніямъ придавался мифическій образъ червя, гусеницы, а вѣтрамъ — птицы; душа человѣческая роднилась съ тѣми и другими стихійными явленіями, и разставаясь съ тѣломъ, могла принимать тѣже образы, какіе давались грозовому пламени и дующимъ вѣтрамъ. Къ этому воззрѣнію примкнула еще слѣдующая мысль: послѣ кончины человѣка, душа его начинала новую жизнь; кромѣ

¹⁾ Ворон. Г. В. 1851, 13; Иллюстр. 1845, 415; 1846, 341; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Бусл., 10—14. Евреи въ день новаго года идутъ къ рѣкѣ и смотрятъ въ воду; кто не увидитъ своего отраженія, тотъ вскорѣ умретъ — Кіевлян., 1865, 69. По суевѣрному преданію, члены масонскихъ ложъ оставляли въ обществѣ свои портреты; въ случаѣ измѣны своего товарища, масоны стрѣляли въ его портретъ—и онъ тотчасъ-же умиралъ, какъ-бы далеко не былъ.

естественнаго рожденія, когда человѣкъ является на свѣтъ съ живою душою, эта послѣдняя, въ таинственную минуту его смерти, какъ-бы снова, въ другой разъ, нарождалась къ иной жизни — замогильной. Оставивъ тѣлесную оболочку, она воплощалась въ новую форму; съ нею, по мнѣнію наблюдательнаго, но младенчески-неразвитаго язычника, должна была совершиться таже метаморфоза, какая замѣчается въ животномъ царствѣ. Фантазія воспользовалась двумя наглядными сравненіями: а) разъ-рожденная гусеница (червякъ), умирая, вновь воскресаетъ въ видѣ легкокрылой бабочки (мотылька) или другаго крылатаго насѣкомаго; б) птица, рождаемая первоначально въ формѣ яйца, потомъ, какъ-бы нарождаясь вторично, вылупливается изъ него цыпленкомъ. Это обстоятельство послужило поводомъ, почему птица названа въ санскритѣ дважды-рожденною (diviḍḍa ¹⁾); тотъ-же взглядъ встрѣчаемъ и въ нашихъ народныхъ загадкахъ: «двичи родятся, а разъ помира» ²⁾ или «дважды родится, ни разу не кстится» (переслав. уѣзда) — птица; «два раза родится, ни разу не крестится, а чортъ его боится» (новгород. губ.) — пѣтухъ. Младенца же народная загадка называетъ метафорически яйцомъ: «подъ дубомъ, подъ царскимъ, два орла орлуютъ, одно яичко балуютъ» — кумъ съ кумою воспринимаетъ ребенка отъ купели ³⁾. И птица, и бабочка, и вообще крылатая насѣкомая, образующіяся изъ личинокъ, (муха, сверчокъ, пчела и пр.) дали свои образы для олицетворенія души человѣческой. Нѣкоторые изъ славянскихъ племенъ считаютъ свѣтящихся червячковъ — душами кающихся грѣшниковъ ⁴⁾; а чехи принимаютъ червячка, который точитъ деревянныя стѣны дома, за душу покойнаго

¹⁾ О. З. 1852, XI, критика, 36. — ²⁾ Семенов., 29; Великорус. загадки Худяк., 41. — ³⁾ Ibid., 99. — ⁴⁾ Рус. Вѣст. 1842, V-VI, 122.

предка (см. т. II, стр. 113). Это — любопытные отголоски того стариннаго вѣрованія, по которому низведенная съ неба, пламенная душа обитала въ тѣлѣ человѣческомъ свѣтящимся червемъ или личинкою (сравни стр. 73—74), а въ минуту смерти вылетала оттуда, какъ легкрылая бабочка изъ своего кокона. Въ ярославской губ. мотылекъ называется душичка ¹⁾. Въ херсонской губ. утверждаютъ, что если не будетъ роздана заупокойная милостина, то душа умершаго является къ своимъ роднымъ въ видѣ ночной бабочки и вьется вокругъ зажженной свѣчки; почему на другой-же день послѣ такого посѣщенія загробнаго гостя родственники, для успокоенія его страждущей души, собираютъ и кормятъ нищихъ ²⁾. Бѣлоруссы думаютъ, что мотылекъ, пролетѣвшій во время поминокъ (на дзяды) мимо окна или надъ обѣденнымъ столомъ, есть посланецъ, отправленный покойникамъ за ихъ обрѣзанными ногтями (см. I, 120 ³⁾. По чешскому повѣрью, кто первую въ году бабочку увидитъ бѣлую, тотъ скорѣе долженъ умереть ⁴⁾. Сербы рассказываютъ, что душа вѣдьмы (вѣштицы) излетаетъ изъ нея во время сна въ видѣ бабочки или птицы, и пока душа странствуетъ — тѣло ея поконится, какъ мертвое; если въ это время перевернуть вѣдьму головою туда, гдѣ были ея ноги, то возвратившаяся душа не найдетъ входа въ свою тѣлесную обитель (= открытаго рта), и колдунья уже никогда не пробудится. Тоже самое рассказываютъ болгары о колдунахъ. Летящую ввечеру бабочку сербы принимаютъ за душу вѣштицы, стараются поймать ее и подпалить ей крылья ⁵⁾. Словен. *v esha* (вѣщая) означаетъ

¹⁾ Обл. Сл., 52. — ²⁾ Херсон. Г. В. 1852, 12. — ³⁾ Пантеонъ 1856, I, 28. — ⁴⁾ Громанъ, 85. — ⁵⁾ Срп. рјечник, 66—67: „вѣштица се зове жена, која има у себи некака ѣваоски дух, која у сну из ње извиѣ и створи се у лепира, у кокош или у ѣурку“ (въ бабочку, курицу или индѣйку).

колдунью, бабочку и блуждающій огонь ¹⁾; Слово о полку при-
даетъ душѣ эпитетъ вѣщей. Въ Англии сумеречныя бабочки,
прилетающія на пламя свѣчки, называются saules (souls), что
вполнѣ соотвѣтствуетъ нашей душичкѣ. Въ Германіи извѣ-
стенъ разсказъ о спящей дѣвицѣ, которую не могли разбудить
никакія услія—до тѣхъ поръ, пока не прилетѣлъ жукъ и не
вползъ въ ея открытый ротъ. У словенцевъ Ивановскій свѣтящій-
ся жукъ—kөг snica пользуется особенною любовью за то, что
леталъ по дому родителей Іоанна Предтечи и освѣщалъ ко-
лыбель святаго младенца. Вмѣсто выраженія: «когда я еще не
родился», нѣмцы говорятъ: «когда я еще леталъ съ бабочка-
ми или съ комарами» (ich flog noch den mücken nach, ich
flog noch mit den feiffaltern = schmetterlingen ²⁾). Тоже
представленіе встрѣчаемъ и у грековъ: слово ψυχή употре-
блялось въ двоякомъ смыслѣ: душа и мотылекъ. Пенхейю они
изображали бабочкою и даже въ человѣческомъ олицетворе-
ніи надѣляли ее легкими и прозрачными крыльями этого на-
сѣкомаго. Смерть греки представляли съ погасшимъ факеломъ
и вѣнкомъ, на которомъ сидѣла бабочка: факель озна-
чалъ угасшую жизнь, а бабочка — душу, покинувшую тѣло.
Въ древнія времена на гробницахъ изображалась бабочка, какъ
эмблема воскресенія въ новую жизнь ³⁾. По разсказамъ но-
выхъ грековъ, души усопшихъ въ теченіи сорока дней послѣ
Воскресенія Христова носятся надъ цвѣтущими лугами въ
видѣ бабочекъ, пчелъ и другихъ летучихъ насѣкомыхъ и
утоляютъ свою жажду изъ благоухающихъ чашечекъ весен-
нихъ цвѣтовъ ⁴⁾. Припомнимъ, что въ звѣздахъ арійскія

¹⁾ D. Myth., 1036; Рус. Дост., III, 200. У насъ въ щаница—кол-
дунья и сорока (птица, въ которую любятъ превращаться вѣдь-
мы). — ²⁾ Germ. Mythen, 367, 370—1, 729—730; Рус. Вес. 1857,
III, 117. — ³⁾ D. Myth., 789; Обзоръ мифній древнихъ о смер-
ти, судьбѣ и жертвоприп., 9, 20. — ⁴⁾ Рус. прост. праздн., IV, 3.

племени видѣли съ одной стороны души блаженныхъ предковъ, а съ другой—рои небесныхъ пчелъ (I, 385), и потому посмертный переходъ душъ въ пчелы долженъ былъ казаться для нихъ столь-же несомнѣннымъ, какъ и переходъ въ звѣзды. Въ Малороссіи, возвращаясь съ кладбища послѣ похоронъ, старухи садятся на цѣлую ночь караулить душу усопшаго и ставятъ на столъ сыту, т. е. медъ, разведенный водою; онѣ убѣждены, что душа непременно прилетитъ въ образѣ мухи и станетъ пить приготовленный для нея напитокъ ¹⁾. О вѣдьмахъ въ воронежской губъ рассказываютъ, что душа вылетаетъ изъ нихъ въ видѣ мухи, — подобно тому, какъ по сербскому преданію, она вылетаетъ въ видѣ бабочки ²⁾. По словамъ чеховъ, мара можетъ превращаться въ большую черную муху ³⁾. Въ Бѣлороссіи существуетъ примѣта: если сверчокъ летаетъ по комнатѣ, то надо ожидать въ семьѣ покойника ⁴⁾.

6. Народный языкъ и преданія говорятъ о душахъ, какъ о существахъ летающихъ, крылатыхъ. По мнѣнію нашихъ поселянъ, душа усопшаго, послѣ разлуки своей съ тѣломъ, до шести недѣль остается подъ родною кровлею, пьетъ, ѣстъ, прислушивается къ заявленіямъ печали своихъ друзей и родичей и потомъ улетаетъ на тотъ свѣтъ. Въ кievской губъ вѣрятъ, что душа некрещенаго младенца — прежде, нежели превратится въ русалку, семь лѣтъ летаетъ надъ землею ⁵⁾. «Его душа отлетѣла въ иной міръ!» — обычное у насъ выраженіе о всякомъ покойникѣ. Краледворская рукопись свидѣтельствуешь, что, пока не будутъ сожжены трупы, души умершихъ порхаютъ по деревьямъ вмѣстѣ съ птицами:

¹⁾ Этп. Сб., I, 371. — ²⁾ Ворон. Бесѣда, 193. — ³⁾ Громаничъ, 26. — ⁴⁾ Нар. сл. ряз., 166. Во владимірской губ. думаютъ: если въ домѣ заведутся сверчки, то кто-нибудь въ семействѣ тяжело заболѣетъ — Труды владим. статист. ком., VI, 85. — ⁵⁾ Киев. Г. В. 1845, 15.

Tamo i viele duš tieká
 Siemo-tamo po drevech.
 Jich bojié sie ptactvo i plachý zvier,
 Jedno sovy nebojié sie ¹⁾.

Въ другомъ мѣстѣ этого памятника читаемъ: «нѣтъ юноши!
 напалъ на него лютый врагъ, ударилъ въ грудь тяжелымъ
 молотомъ,

Vyrazi z juhoše dušu-dušicu!
 Sie vyletie piekným táhlým hrdlem,
 Z hrdla krásnymä rtoma ²⁾.

Тоже сказано и о сраженномъ Влаславѣ:

Ai, a vyide duša z rtwucci h^uby,
 Vyletie na drvo, a po drvech
 Siemo-tamo, doniž mrtew nezžen ³⁾.

Подобные обороты и выраженія донынѣ встрѣчаются въ мо-
 равскихъ и чешскихъ пѣсняхъ: «vylešěla duše z sěla,
 sedla na hájček, na ten zelený trávníček»; «z těla (душа)
 vyletěla, na zelenu luku sedla» ⁴⁾. Говоря о полетѣ душъ,
 они намекаютъ на древнѣйшее представленіе ихъ птицами.
 Такой намекъ получаетъ особенную силу при положительномъ
 свидѣтельствѣ другякъ сохранившихся у славянъ повѣрій.
 Кашубы твердо убѣждены, что души усопшихъ, до погребенія
 оставленныхъ ими тѣлъ, сидятъ въ образѣ птицъ на дымо-
 выхъ трубахъ и что дѣтскія души бываютъ одѣты нѣжными

¹⁾ Переводъ: Тамъ много душъ носятся туда-сюда по деревьямъ.
 Боятся ихъ птицы и пугливый звѣрь, только совы не боятся. —

²⁾ Исторгъ изъ юноши душу-душеньку! она вылетѣла прекрасною
 длинною гортанью, изъ гортани румяными устами. — ³⁾ Вотъ и
 вышла душа изъ стѣнящихъ устъ, взлетѣла на дерево и (порхала)
 по деревьямъ туда и сюда, пока не сожгли мертваго — Ж. М. Н. П.
 1840, XII, ст. Срезневск., 128, 133—5 — ⁴⁾ Часопись музея чеш-
 ского 1863, I, стат. Иречка, 4—5; Чешск. пѣсня Эрбена, 469.

пухомъ ¹⁾). Въ уѣздахъ мосальскомъ и живзренскомъ въ теченіи шести недѣль послѣ чьей-либо смерти стелютъ на окно бѣлое полотенце, выпуская одинъ конецъ на улицу, а на полотенце кладутъ хлѣбъ, и вѣрятъ, что душа покойника есть та самая птица, которая станетъ прилетать къ окну и клевать положенный хлѣбъ ²⁾). Суевѣріе это до половины прошлаго столѣтія раздѣлялось и лицами высшихъ слоевъ русскаго общества. Заимствуемъ слѣдующую любопытную замѣтку изъ мемуаровъ того времени: въ апрѣлѣ 1754 года умеръ гофмейстеръ Чоглоковъ; въ открытое окно спальни его жены влетѣла птица и сѣла на карнизѣ противъ постели; увидя птицу, Чоглокова сказала, что это прилетѣла душа ея мужа, и разубѣдить ее въ этомъ не было никакой возможности ³⁾). Г. Кулишъ записалъ прекрасный рассказъ о томъ, какъ обмирала одна старуха: «якъ прійшла же мнѣ година вмирати (передавала старуха), то Смерть и стала съ косою въ мене въ ногахъ. Якъ стала, то ноги такъ и похололи... Якъ замахне косою, то душа тилько пурхъ! такъ якъ пташка вилетѣла та-й полетѣла по хати, и сила въ кутку на образи, пидъ самою стелею. А грихи стали на порози та-й не пускають души съ хати. Отъ я бачу, що никуди вийти; дивлюсь, ажъ викно о(т)чинене. Я—пурхъ у викно! и пишла, пишла полемъ. Легко та любо мнѣ такъ, мовъ заразъ на свитъ народилась» ⁴⁾). Въ похоронныхъ и надгробныхъ причитаніяхъ слышатся такіа поэтическія обращенія къ милымъ родственному сердцу покойникамъ: «та прилизъ же ты до мене, мій братику, хотъ сивымъ голубемъ, хотъ яснымъ соколомъ, хотъ бѣлымъ либидемъ» ⁵⁾). — «Прилетай ко мнѣ хотъ кукучечкой, проку-

¹⁾ Roggenwolf u. Roggenhund, 29. — ²⁾ Изъ матеріаловъ, собран. Русск. Географич. Обществомъ. — ³⁾ Mémoires de Catherine II, 211. — ⁴⁾ Кулишъ, I, 305—6; Москв. 1846, XI—XII, 152. — ⁵⁾ Ворон. Г. В. 1851, 2.

куй мнѣ свою волюшку!» (тамбов. губ.) Невѣста-сирота, обращающаяся къ умершимъ родителямъ съ обычнымъ обрядовымъ причитаніемъ, голоситъ: «возстань, кормилецъ-батюшка, распечатай свои уста сахарныя, попроси у Господа Бога златы крылушки, прилети на свадьбу, благослови!» (твер. губ.) Въ нашей старинной символикѣ райскія птицы Алконость и Сиринъ нерѣдко означаютъ праведниковъ; въ этомъ значеніи, по словамъ гр. Уварова, встрѣчаемъ мы ту и другую птицу на изваяніяхъ Дмитріевского собора во Владимірѣ на Клязьмѣ ¹⁾. Наравнѣ съ прочими индоевропейскими народами, славяне сохранили много трогательныхъ разсказовъ о превращеніи усопшихъ въ легкокрылыхъ птицъ, въ видѣ которыхъ они навѣщаютъ своихъ родичей. Какъ скоро душа покидаетъ тѣло, она, смотря по характеру своей земной жизни, принимаетъ образъ той или другой птицы, преимущественно бѣлаго голубя или чернаго вѣдрона ²⁾. Малороссіяне думаютъ, что душа покойника въ продолженіе сорока дней летаетъ съ ангеломъ въ невѣдомомъ мірѣ, являясь каждую ночь въ свой домъ, гдѣ она, въ видѣ голубки, купается въ нарочно-поставленной водѣ ³⁾. Когда діаконъ Феодоръ и трое его товарищей-расколочителей были сожжены въ 1681 году, то по сказанію старовѣровъ — души ихъ взвились на небо въ видѣ голубей ⁴⁾. На кровлѣ бѣднаго дома, повѣствуетъ народная легенда, сидѣло три голубя; проходилъ мимо путникъ: что такое, думаетъ, сидятъ на кровлѣ три голубя и порываются къ небесамъ порхнуть? Заходитъ въ домъ и узнаетъ, что несчастная мать, не имѣя средствъ прокормить трехъ маленкихъ дѣтей, умертвила ихъ, а голуби—это три божь-

¹⁾ Древности, труды Моск. Археолог. Общ., I, 20 (матеріалы для археол. словаря). — ²⁾ Andeutungen eines Systems der Myth., 239—240 — ³⁾ Ворон. Г. В. 1851, 2. — ⁴⁾ Правосл. Собесѣд 1859, VII, 325; Годъ на Сѣверѣ, соч. Максимова, II, 61.

ихъ ангела, прилетѣвшіе за душами младенцевъ, чтобы отнести ихъ на небо ¹⁾). Моравскія сказки свидѣтельствуютъ, что душа вылетаетъ изъ устъ умирающаго и несется на небеса блюю голубкою ²⁾). Черногорцы душу называютъ голубицею; у западныхъ славянъ есть преданіе о сѣтующихъ на могилѣ голубяхъ. На древнихъ гробницахъ голубь изображался, какъ символъ отлетѣвшей души; лонгобарды, въ память родственниковъ, умершихъ на чужбинѣ или павшихъ въ битвѣ, ставили на церковныхъ дворахъ шести съ деревяннымъ изображеніемъ голубя и обращали голову птицы въ ту сторону, гдѣ лежалъ прахъ покойника ³⁾). Польскія преданія утверждаютъ, что каждый членъ рода Гербуртъ обращался по смерти въ орла; а первородная дочь Пилецкихъ превращалась въ голубку, если умирала до брака, и въ сову, если умирала по замужствѣ. По мнѣнію чеховъ, въ сову превращается жена, невѣрная своему мужу. Есть еще легенда: разбойникъ Мадей, терзаемый ужасомъ грядущаго наказанія на томъ свѣтѣ, обрекъ себя на покаяніе; онъ воткнулъ въ землю свою палицу и преклонилъ колѣна съ обѣтомъ не сходять съ мѣста, пока милосердіе божіе не отпуститъ ему грѣховъ. Долго оплакивалъ онъ свои злодѣянія, много утекло времени — палица разрослась въ вѣтвистое дерево и стояла осыпанная яблоками. Въ одинъ день проѣзжалъ мимо епископъ; Мадей умолялъ святителя дать ему разрѣшеніе, и по мѣртѣ того, какъ онъ исповѣдалъ свои грѣхи и небо разрѣшало ихъ, яблоки одно за другимъ срывались съ дерева невидимую силою, превращались въ бѣлыхъ голубей и улетали на небо: эти голуби были души убитыхъ разбойникомъ. Оставалось только одно яблоко: то была душа отца Мадеева, котораго за-

¹⁾ Щаповъ, 13. — ²⁾ Кульда, I, 551—3. — ³⁾ D. Myth., 788, 1088; О вл. христ. на сл. яз., 105; Вѣст. Евр. 1827, XIV, 148—9; Die Wissenschaft des slaw. Mythus Гануша, 319.

мучилъ онъ страшнымъ образомъ. Наконецъ и оно, послѣ высказанной исповѣди, превратилось въ сизаго голубя, который тотчасъ-же исчезъ въ слѣдъ за другими ¹⁾). Въ Подоліи известна пѣсня — какъ изъ могильнаго холма выросло дубовое дерево и какъ прилеталъ и садился на его вѣтви бѣлоснѣжный голубокъ ²⁾). По чешскимъ преданіямъ, невинная душа вылетаетъ изъ тѣла бѣлымъ голубемъ, а грѣшная — темноцвѣтнымъ, или иною какою птицею ³⁾). Въ одной изъ малорусскихъ пѣсень говорится, что душа убитаго мужа прилетала къ плачущей вдовѣ въ образѣ павлина ⁴⁾); а въ другой читаемъ слѣдующіе стихи о душѣ убитаго казака:

Прелитила пташка, коло мене впала:
Таки очи, таки брови, якъ у мого пана;
Прелитила пташка-малевани крыльця:
Таки очи, таки брови, якъ у мого Гриця! ⁵⁾

По свидѣтельству великорусской сказки, душа неповинно убитой дѣвицы прилетаетъ къ доброму молодцу соловьемъ и поетъ про свое несчастіе, словно человѣческимъ голосомъ выговариваетъ ⁶⁾). О душахъ умершихъ дѣтей рассказываютъ на Волыни, что весной онѣ слетаютъ съ неба, принимая видъ ласточки, конопляночки и другихъ пѣвчихъ птишекъ, и садясь по деревьямъ возлѣ отцовскихъ избъ, поютъ сладкозвучныя пѣсни, чтобы утѣшить своихъ осиротѣ-

¹⁾ Семеновск., 49, 145—8; Пов. и пред., 130—5; Шлейхеръ, 75—79; Громанъ, 194; сравни Этн. Сб., V (о кашубахъ), 93—95, 134—6; Н. Р. Лег., № 27, 28 и стр. 177—8; Худяк., 101; Бытъ подольск., II, 59—65; Шоттъ, 15; Гальтрихъ, 28, 30; Volklieder der Wenden, I, 283; II, 176—8. Въ нѣмецкой редакціи когда раскаявшійся грѣшникъ былъ помилованъ и умеръ, то душа его воспарила на небо бѣлымъ голубемъ. О значеніи яблокъ см. выше, II, 507. — ²⁾ D. Myth., 788. — ³⁾ Ирчицкѣ въ Часописи чешск. музея 1863, I, 5. — ⁴⁾ Костомар Сл. Мнѣ., 66—67. — ⁵⁾ Малорус. литер. сборн., 225. — ⁶⁾ Н. Р. Сл., VII, 29.

лых родителей ¹⁾). По итмеекой сказкѣ пасынокъ, убитый мачихою, оборачивается птичкою, прилетаетъ къ своему дому и поетъ: «меня мачиха убила, сестра сдоришила — и я сталъ чудесною птичкою!» — слова, одинаковыя съ тѣми, которыя въ русской сказкѣ наигрываются дудкою, сдѣланною изъ тростника, что выросъ на могилѣ убитаго мальчика ²⁾). Виѣтъ съ другими подобными свидѣтельствами, касающимися германскихъ племенъ, Я. Гриммъ приводитъ вѣрованіе, что когда тонетъ разбитый корабль, то души потонувшихъ поднимаются изъ водъ и восходятъ на небо бѣлыми голубями. Романская легенда также представляетъ душу голубкою ³⁾). У литовцевъ есть прекрасное поэтическое преданіе: пѣвецъ Дайнасъ страстно влюбился въ красавицу; напрасно онъ утромъ и вечеромъ пѣлъ передъ ея окномъ плѣнительныя пѣсни: суровая красавица не хотѣла отвѣчать его страсти. Дайнасъ утопился, и боги превратили его въ соловья. Только тогда почувствовала она къ нему любовь, умерла съ горести и была превращена въ стилищенную розу, которая начинаетъ цвѣсти въ то время, когда перестаетъ пѣть соловей. Существуетъ въ Литвѣ и другой рассказъ о томъ, какъ бѣдный земледѣлецъ, любившій сопровождать свою трудную работу веселыми пѣснями, былъ превращенъ по смерти въ жаворонка, который потому и вѣтается и поетъ надъ колосистыми нивами ⁴⁾). Литовское преданіе о Дайнасѣ напоминаетъ «Цецска и Гальціону» Овидія: въ этомъ стихотвореніи поэтъ сохранилъ намъ подобное-же преданіе древнихъ о превращеніи въ птицу двухъ любовниковъ, погибшихъ въ волнахъ коварнаго

¹⁾ Волын. Г. В. 1859, 18. — ²⁾ Сказ. Грим., 47; сравни польскую сказку въ сборникѣ Глинск., II, 236—7. Арабы вѣрили, что изъ крови убитаго зарождается птица, которая летаетъ близь могилы и жалобно кричитъ, пока не будетъ отомщено убійство. — ³⁾ D. Myth., 638, 640, 788. — ⁴⁾ Черты литов. нар., 73.

моря. «Одиссея» души умершихъ представляетъ летающими въ воздухѣ стаями и сравниваетъ ихъ съ летучими мышами¹⁾. Вотъ почему птица, влетѣвшая въ комнату, (воробей, голубь, ласточка) предвѣщаетъ покойника; ту же примѣту относятъ и къ нетопырю. Крикъ ворона, филина и совы, прилѣтъ дятла, жолны или кукушки въ дому считаются такимъ же печальнымъ предзнаменованіемъ чьей-либо смерти²⁾. Видѣть во снѣ, какъ улетѣла со двора кукушка или поднялся съ руки соколъ, означаетъ: смерть близкаго, любимаго человека³⁾.

Особенно-знаменательно представленіе души въ образѣ кукушки, которое можетъ навести на смыслъ загадочнаго обряда, извѣстнаго на Руси подъ названіемъ крещенія кукушекъ. Въ народныхъ малороссійскихъ пѣсняхъ кукушка прилетаетъ горевать надъ трупами умершихъ⁴⁾; она—эмблема сильной сердечной печали по милымъ покойникамъ: у сербовъ и литовцевъ есть преданіе о превращеніи въ кукушку неутѣшной сестры, которая долго и горько оплакивала смерть своего брата⁵⁾. На деревянныхъ могильныхъ крестахъ въ

¹⁾ Пѣснь XXIV. Египтяне, раздѣлявшіе тоже возрѣніе на душу, изображали ее въ видѣ птицы (кончика) съ человѣческой головою—*Zeitsch. für D. M.*, IV, 245; *O. Z.* 1858, VI, 442. — ²⁾ Иллюстр. 1846, 333; Статист. описаніе саратов. губ., 62; Абев., 157; Нар. сл. раз., 164; I-й т. Пост. Возр., 511—2. — ³⁾ См. народные пѣсни въ Вост. Евр. 1818, XXI, 50—52. — ⁴⁾ Никто, говорить пѣсня, не погрузитъ о погибшемъ на чужбинѣ; только воронъ прилетитъ, сядетъ на трупъ, поклюетъ и перестанетъ, да „прилетитъ зозуля да-й плакати стане“; къ умирающему казаку прилетали кукушки, „у головахъ сидали, якъ ридны сестры ковали“ — Ж. М. Н. П. 1837, т. XIII, 42; Пассека: Путев. Записки, Запорожск. Старина Срезневск., I, кн. 2, 80. — ⁵⁾ Срп. рјечник., 312; Черты литов. нар., 72. Сравни малорусское преданіе: «зозуля й дятель були перше людьми, а послѣ Богъ такъ давъ, що поробились птицами» — Булишъ, II, 36.

Сербія изображають столько кукушекъ, сколько родственниковъ и особенно сестеръ грустятъ по усопшему, и до сихъ поръ дѣвица, потерявшая брата, не можетъ удержаться отъ слезъ, какъ скоро заслышитъ голосъ кукушки ¹⁾. На Руси вѣрятъ, что когда эта птица кукуетъ, то изъ глазъ ея капаютъ на древесную вѣтку слезы; за эти слезы принимаютъ яички наѣкомыхъ ²⁾, облипающія древесную вѣтку и называемыя у нѣмцевъ *kukuks-spreichel*, у сербовъ кукавичја суза, у насъ кукушкины слѣзки ³⁾. Къ кукушкѣ обращаются съ вопросами о покойникахъ; такъ въ одномъ похоронномъ причтаніи надъ умершимъ отцомъ говорится:

Мій же ты таточку!
 Якъ будутъ садочки цвисты,
 И буде зозуленька куковаты,
 Я-жь буду, мій таточку,
 Зозуленьку пытаты:
 Чи не бачила-жь ты, зозуленько,
 Мого батьку ріднаго?

Въ свадебной пѣснѣ невеста-сирота посылаетъ кукушку за своими умершими родственниками, чтобъ они пришли съ того свѣта благословить ее на новое житье ⁴⁾.

Обрядъ крещенія кукушекъ въ разныхъ мѣстахъ совершается въ разное время — на третьей, четвертой, пятой или шестой недѣлѣ послѣ Пасхи, но преимущественно въ недѣлю Семицкую, когда поминаютъ усопшихъ. Женщины и дѣвцы собираются въ лѣсъ, дѣлаютъ изъ лоскутьевъ и цвѣтовъ чучело птицы и сажаютъ на вѣтку, а подъ нею привѣшиваютъ шейные кресты; иногда, вмѣсто того, отыскиваютъ тра-

¹⁾ D. Myth., 4088. — ²⁾ Cicada spumaria, ringelspinne. — ³⁾ D. Myth., 646. — ⁴⁾ Ворон. Г. В. 1851, 2; Иллюстр. 1848, № 1, бѣлорус. свадьба.

ву, называемую кукушкою (*orchis latifolia* ¹⁾), и вырвавъ ее съ корнемъ, одѣвають въ сорочку, потомъ кладутъ на землю и ставятъ надъ нею крестообразно двѣ дуги, покрывая ихъ платками и вѣшая съ двухъ сторонъ по кресту. Въ орловской и тульской губ. надѣвають крестикъ на самое чучело кукушки и поютъ: «кумушки, голубушки! кумитесь, любитесь, даритесь!» Это называется кестить (крестить) кукушку или кумиться. Двѣ дѣвицы, поцѣловавшись изъ-подъ дуги, мѣняются крестами и называются кумами. Въ праздникъ Семика поселяне приходятъ въ рошу, отыскиваютъ двѣ плакучихъ березы, нагибаютъ и связываютъ ихъ вѣтви разноцвѣтными лентами, платками и полотенцами въ видѣ вѣнка; надъ вѣнкомъ кладутъ означенную траву или чучело кукушки, а по сторонамъ привѣшиваютъ кресты. Двѣ дѣвицы, желающія покумиться, должны обоидти вокругъ этихъ березъ — одна на встрѣчу другой, потомъ трижды поцѣловаться сквозь вѣнокъ, и сквозь вѣнокъ-же передать другъ дружкѣ желтое яйцо. Хороводъ поетъ:

Ты, кукушка ряба!
Ты кому-же кума?
Покумимся, кумушки
Покумимся, голубушки!

Названныя «кумушки» обмѣниваются крестами и кольцами; а кукушку раздѣляютъ на части и хранятъ у себя на память кумовства. Затѣмъ слѣдуетъ пиршество, необходимою принадлежностью котораго бываетъ яшница. Тѣ, которыя покумились въ Семикъ, ходятъ на Троицынъ день развивать вѣнки или бросать ихъ въ воду, при чемъ поютъ: раскумимся, кумушки! раскумимся, голубушки! да ю, ю — Семикъ да и Тро-

¹⁾ Беременные женщины выкапываютъ эту траву и гадаютъ по ней: если на корнѣ будетъ два отростка—то родится дѣвочка, а если три—то мальчикъ (Вѣст. Р. Г. О. 1853, 1, 59).

нца!» Есть игра, указывающая на тотъ-же обрядъ кумовства; дѣвицы избираютъ куму и садятся въ кружокъ, кума обходитъ ихъ и спрашиваетъ: чье это дитя?— Твое и мое.— Кому его крестить? — Тебѣ и мнѣ. Послѣ того кума и та, которую она спрашивала, разбѣгаются въ разные стороны, и объѣзжавъ кругъ три раза, останавливаются. Кто прибѣжитъ прежде, та садится, а другая идетъ спрашивать. Сходная съ этою игра известна и въ Литвѣ ¹⁾.

Обрядъ крещенія кукушекъ получить для насъ болѣе осязательное значеніе, если мы сблизимъ его съ повѣрьюми о русалкахъ и мавкахъ, въ образѣ которыхъ (по народному повѣрью) являются души младенцевъ мертворожденныхъ или умершихъ безъ крещенія ²⁾. Въ теченіе семи лѣтъ, до превращенія своего въ русалокъ, души эти (преимущественно на Зеленыя Святки) летаютъ по воздуху и жалобно просятъ, чтобъ ихъ окрестили; кто слышитъ ихъ грустный, умоляющій голосъ, тотъ долженъ сказать: «крещая тебя, Иванъ да Марья, во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» Послѣ этихъ словъ онѣ возносятся на небо, какъ-бы воспринявшія крещеніе. О русалкахъ и мавкахъ рассказываютъ, что наканунѣ Троицына дня онѣ бѣгаютъ по колосистымъ нивамъ, хлопаютъ въ ладоши и приговариваютъ: «ухъ-ухъ, соломенный духъ! мене маты породыла, некрещену поло жыла (или: схоронила ³⁾). Любопытно, что въ черниговской губ. обрядъ завиванія семицкихъ вѣнковъ называется встрѣчею русалокъ, а развиванье вѣнковъ (на

¹⁾ Сахаров., I, 72—73; II, 86; Рус. прост. праздн., I, 183; III, 96—98; Вѣст. Евр. 1821, II, 195; Терещ., V, 42; VI, 165, 191—2; Саратов. Г. В. 1844, 6. У румыновъ на Троицкой недѣль совершается праздникъ кукушекъ — Телескопъ 1833, VIII, 501—2. —

²⁾ Терещ., VI, 124, 176, 181; Рус. прост. праздн., III, 98, IV, 10; Вѣст. Евр. 1821, II, 195. — ³⁾ Терещ., VI, 125, 129; Рус. прост. праздн., IV, 10.

Петровъ день) —проводами русалокъ. Если неокрещенныя души, летая по воздуху, испрашиваютъ себѣ крещенія; если самое появленіе ихъ совпадаетъ со временемъ совершенія обряда, извѣстнаго подъ именемъ «крещенія кукушекъ»; если наконецъ душа олицетворялась въ образѣ птицы и кукушка принималась эмблемою сиротства: то, кажется, позволительна будетъ догадка, что подъ «крещеніемъ кукушекъ» должно понимать символическій обрядъ крещенія младенцевъ, умершихъ безъ этого таинства и потому осужденныхъ блуждать по свѣту. Дѣти народному уму представляются чистыми, невинными, безгрѣшными; но умирая безъ крещенія — они не могутъ войти въ царство блаженныхъ. Сострадая ихъ безотраднѣй судьбѣ, простолюдинъ создалъ обрядъ посмертнаго крещенія, чтобы такимъ образомъ открыть душамъ младенцевъ вѣрный путь въ небесныя обители ¹⁾. Очевидно, что подобное воззрѣніе могло родиться только въ эпоху христіанскую, но тѣмъ не менѣе оно перешло въ обрядъ подъ сильнымъ вліяніемъ языческихъ представленій, и по всему вѣроятію описанное нами «кумовство» есть не болѣе, какъ видоизмѣненная форма древняго «побратимства» или «дружичала». За это свидѣтельствоуетъ сербскій обычай: на второй день Пасхи поселяне идутъ на кладбище, раздаютъ милостину и поминаютъ усопшихъ, а потомъ дружатся между собою («дружичаю се») — парни съ парнями, а дѣвцы съ дѣвцами, т. е. плетутъ изъ вербы вѣнки, цѣлуются сквозь нихъ и мѣняются красными яйцами и самыми вѣнками; послѣ того, въ продолженіе цѣлаго года, мужчины называются побратими, а дѣвцы — друге ²⁾.

Представленіемъ души въ образѣ птицы легко объясняется, почему между нашими крестьянами донынѣ соблюдается обы-

¹⁾ Припомнимъ лѣтописное свидѣтельство (подъ 1044 годомъ), что при Ярославѣ «выгребоша два князя Ярополка и Ольга, сына Святослава, и крестѣша крестъ ею, и положиша ѣ въ церкви свята Богородица» — П. С. Р. Л., I, 67. — ²⁾ Сри. рѣчники, 142.

новеніе: въ продолженіи шести недѣль по смерти родственника «кормить птицу небесную»; для этого каждое утро осыпаютъ могилу хлѣбными зернами ¹⁾. Въ астраханской губ., посѣщая на праздникъ Пасхи кладбище, крошатъ на могилахъ для птицъ яйца; въ другихъ мѣстахъ крошатъ для нихъ на могилы печеный хлѣбъ, а въ Москвѣ уцѣлѣлъ трогательный обычай кормить въ извѣстные дни года голубей, что совершается какою нибудь старухою на перекресткахъ улицъ и площадяхъ; деньги на кормъ собираются съ прохожихъ. Обычай этотъ соблюдается и у западныхъ народовъ. Я. Гриммъ сообщаетъ любопытное указаніе: «man entsinnt sich dabei des vermächtnisses für die vögel auf Walthers von der vogelweide grabstein, dessen name schon pasqua avium ausdrückt» ²⁾.

7. Понимая душу, какъ пламя и вѣтеръ, арийское племя должно было сроднить ее съ стихійными существами, населяющими небо и воздухъ. Такое сродство засвидѣтельствовано языкомъ: душа и духъ—geist (отъ gisa—дуть, вѣять), аніша и āvācōs. По индѣйскимъ вѣрованіямъ, толпы стихійныхъ духовъ, олицетворяющихъ небесные лучи, молніи и вѣтры, (ribhus, bhṛigus, angitasen, maruts) ничѣмъ не различались отъ pitṛis—patres, отцевъ, предковъ, т. е. отъ усопшихъ, называемыхъ у славянъ родителями и дѣдами. Ведическая религія признаетъ небо и воздушный міръ за двѣ отдѣльныя области. Въ безпредѣльныхъ пространствахъ неба пребываетъ свѣтъ, какъ вѣчная, творческая сила; между этою странною свѣта и землею простирается царство воздуха, въ которомъ плаваютъ облака и тучи, носящія живую воду дождей и преграждающія путь лучамъ солнца. Души отцевъ

¹⁾ Этн. Сб., V, о бытѣ курскъ крестьянъ, 82. — ²⁾ D. Myth., 635.

населяютъ и ту, и другую области, и отсюда позднеѣ, когда стали разсуждать о загробномъ возмездіи за земную жизнь человека, развилося вѣрованіе о двойственной судьбѣ усопшихъ: о душахъ блаженныхъ, наследующихъ царство небесное, и отверженныхъ, осужденныхъ блуждать по воздуху и вращаться въ пеклѣ грозовыхъ тучъ. Любопытно, что въ нашихъ старинныхъ рукописяхъ греч. *παράδεισος* (рай) переводится словомъ: по-рода, а *γενεα* (адъ) словами: родъ и родство ¹⁾. Высоко, по ту сторону облачныхъ водъ, лежитъ блестящее небо (*svarga*), съ котораго солнце, луна и звѣзды посылаютъ свой свѣтъ на землю; тамъ-то, на отдаленной границѣ вселенныя, живутъ отшедшіе изъ земной юдоли предки подъ властію Варуны, наслаждаясь вѣчнымъ блаженствомъ и блистая очамъ смертныхъ яркими звѣздами. Но чтобы достигнуть этихъ райскихъ селеній, они должны шествовать черезъ воздушный океанъ, странствовать посреди дождевыхъ потоковъ и грозоваго пламени и принимать участіе въ ихъ животворной или разрушительной дѣятельности. По свѣдѣтельству гимновъ, отцы носятся въ тучахъ, сверкаютъ въ молніяхъ, извлекаютъ изъ облаковъ дождь и проливаютъ его на поля своихъ потомковъ; они полагаютъ въ ночи тьму, а утромъ находятъ сокрытый свѣтъ и призываютъ къ пробужденію прекрасную Зорю, т. е. нагоняя черныя тучи, омрачаютъ небо нсчеподобными покровами, а разсѣвая ихъ въ грозѣ, выводятъ изъ мрака свѣтозарное солнце. Такимъ образомъ отжившіе предки смѣшивались и отождествлялись съ бурными и грозowymi духами. Сонмъ вѣтровъ (*маруть*), по мнѣнію индусовъ, постоянно пополнялся душами усопшихъ. Духи рѣбу (*ribhus*), стихійная природа которыхъ проявляется въ блескѣ солнечныхъ лучей

¹⁾ Описаніе славян. рукописей моск. синод. библ., отдѣл. 2-ое, I, 12; II, 24, 27, 57, 114, 149, 261, 397—8, 428.

и сверкающихъ молній, признавались и за души блаженныхъ; они стояли въ такомъ-же близкомъ отношеніи къ Индрѣ, какъ и маруты: участвовали въ полетахъ грозы, пѣли бурную пѣсню, низводили съ неба потоки, помогали земному плодородію и славились, какъ искусные кузнецы. Тоже двойное значеніе стихійныхъ духовъ и усопшихъ предковъ принадлежитъ и ангирасамъ, которые только тѣмъ отличаются отъ молніеносныхъ рибу, что сопутствуютъ богу Агни и вся дѣятельность ихъ ограничивается стихіей огня; но мы знаемъ, что Агни первоначально былъ богомъ грозового пламени. Ангирасы признаны предками на тѣхъ-же основаніяхъ, на какихъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ домовые пенаты были вѣстѣ и представителями очага, и обожествленными дѣдами (см. II, 74—82). У германцевъ марутамъ соответствуютъ духи неистоваго воинства и мары (māren), а rībhūs—буквально тоже, что (свѣтлые) эльфы (см. II, 720). Маруты и мары (моря, шарухи)—названія одного корня¹⁾; послѣдніе равно извѣстны и нѣмцамъ и славянамъ; съ одной стороны они принимались за тѣсныхъ или ночныхъ эльфовъ, а съ другой — за души усопшихъ (II, 100-3; III, 79). Подымая вѣтры, маруты нагоняютъ на небесный сводъ мрачныя тучи и сбиваютъ ихъ кудрями и космами; отъ этихъ сгущенныхъ и клубящихся облаковъ отецъ маруть Рудра назывался косматымъ, что напоминаетъ нашъ спутанные волосы маръ—mārenlocke²⁾. Отсюда понятно, почему эльфы, мары и цверги сближаются народными преданіями съ тѣнями умершихъ, и почему души представлялись нѣмецко-славянскимъ племенемъ летающимъ

¹⁾ Маннгардтъ указываетъ на санскр. корень mṛ, māg — раздроблять, разбивать; мы же сблизимъ эти названія съ словами мракъ (морозъ) и моръ (смерть), и видимъ въ нихъ: во 1-хъ, бурныхъ духовъ, омрачающихъ небо тучами, и во 2-хъ, усопшихъ (= души, какъ дыханіе тѣхъ-же вѣтровъ). — ²⁾ German. Mythen, 41-47, 709, 721-733; Die Götterwelt, 51.

излютами, эльфо-подобными карлами. Эльфовъ считаютъ въ народѣ за выходцевъ съ того свѣта; тѣло у нихъ—не то, какое у живыхъ людей: его нельзя ни схватить, ни осязать! они всюду проникаютъ, не нуждаясь въ дверяхъ и отверстіяхъ, и также быстро исчезаютъ, какъ дуновение вѣтра. Въ ночные часы эльфы собираются на церковныхъ дворахъ и кладбищахъ и пляшутъ на свѣжихъ могилахъ, съ радостью и весельемъ встрѣчая новую душу, пришедшую къ нимъ изъ міра живущихъ. Усопшіе поступаютъ въ кругъ эльфовъ, и потому смерть чловѣка празднуется ими, словно свадьба или прибытіе дорогаго гостя, музыкой и танцами. Финны вѣрятъ, что, когда совершается погребальная церемонія, на кладбищѣ и по дорогѣ къ нему летаютъ и кружатся маленькіе духи (*keijungaiset*), похожіе на бѣлыя снѣжинки, блестящіе лучи и куколки бабочекъ; они появляются въ домъ, гдѣ есть покойникъ, и наполняютъ комнаты трупнымъ запахомъ. Какъ существа, нѣкогда сами причастныя людской жизни, эльфы стоятъ въ близкой, родственной связи съ семьями ихъ потомковъ, продолжающихъ населять землю. Всякой родъ, всякая семья имѣетъ своихъ собственныхъ эльфовъ и питаетъ къ нимъ уваженіе и преданность, какъ къ домовымъ охранительнымъ божествамъ (пенатамъ), и въ свой черёдъ пользуется отъ нихъ помощью и защитой въ нуждѣ. Различныя партіи эльфовъ враждуютъ и сражаются между собой въ ночное время на перекресткахъ, и только дневной разсвѣтъ прекращаетъ ихъ борьбу; битвы эти часто вызываются споромъ, какой сторонѣ должна принадлежать душа усопшаго—эльфамъ его отца или эльфамъ его матери, и на какомъ церковномъ дворѣ должно быть совершено погребеніе ¹⁾. Такимъ образомъ битвы стихійныхъ духовъ, созерцае-

¹⁾ *Irische elfenmärch.*, XII—XIII; *D. Myth.*, 798; *Вѣст. Евр.* 1828, XIII (Нѣкот. обычаи, повѣрья и обряды ольвиандцевъ), 8-9.

мыя древними племенами въ грозѣ, подѣ вліяніемъ смѣшенія эльфическихъ существъ съ душами человѣческими, получили характеръ родовыхъ усобицъ за обладаніе ново-усопшими членами. Какъ съ олицетвореніемъ души, съ эльфомъ тѣсно сочетался ея поэтической образъ бабочки: эльфы являются въ видѣ легкокрылаго мотылька, шмеля или гусеницы, садятся на стебли и цвѣты растеній и пьютъ росу; названія *schrätteli* и *nachtoggeli* прилагаются и къ мрамъ, и къ бабочкамъ. Люди, у которыхъ срослись брови, могутъ въ случаѣ гнѣва посылать на своихъ враговъ эльфа (*alp*), который вылетаетъ изъ-подъ ихъ бровей въ видѣ маленькой бѣлой бабочки, садится на грудь спящей жертвы и начинаетъ давить ее. Этотъ эльфъ — первоначально: разящая молнія или тотъ сверкающій взоръ, который устремляется изъ-подъ густыхъ, нависшихъ бровей облака (I, 170-2), и потомъ, въ примѣненіи къ человѣку: душа, воспламенная гнѣвомъ; въ Ааргау бабочку называютъ *donnégkeil*. Такое выпусканіе эльфа-бабочки преимущественно приписывается колдунамъ и вѣдьмамъ, ради тѣсной связи ихъ съ грозовыми явленіями природы ¹⁾. Тоже вѣрованіе распространено и между славянами: когда спитъ вѣдьма, изъ нея (по мнѣнію сербовъ и черногорцевъ) исходитъ злой духъ въ образѣ бабочки, летаетъ по избамъ, садится на сонныхъ людей и поражаетъ ихъ смертельно въ лѣвую грудь. На побережьяхъ Адриатическаго моря такіе эльфическіе духи называются вѣдогона (вѣдогона) и признаются за души, обитающія въ тѣлахъ людей и животныхъ, и въ то же время за домовыхъ геніевъ, оберегающихъ родовое имущество и жилище. Каждый человѣкъ имѣетъ своего вѣдогона; когда онъ спитъ, вѣдогонъ выходитъ изъ тѣла

¹⁾ Irische elfenmärch., CVIII; D. Myth., 431; German. Mythen, 372, 715.

и охраняетъ принадлежащее ему имущество отъ воровъ, а его самого отъ нападенія другихъ вѣдогоней и отъ волшебныхъ чаръ. Доселѣ не позабыто ихъ стихійное значеніе: срываетъ ли вѣтеръ древесныя листья и они, колеблясь, несутся по воздуху—это (говорять) дерутся вѣдогони; въ полетѣ разрушительной бури вѣдогони отторгаютъ отъ горъ большіе камни, вырываютъ въ лѣсахъ деревья и бьются ими между собою, какъ враждующія рати. Адриатическіе славяне увѣрены, что къ нимъ прилетаютъ вѣдогони съ итальянскаго берега и сражаются съ туземными, и которые одоляютъ—тѣ уносятъ лѣтніе плоды (урожай) на свою землю (т. е. собственно перегоняютъ дождевыя тучи изъ одного края въ другой). Если вѣдогонь будетъ убитъ въ дракѣ, то человѣкъ или животное, которому онъ принадлежалъ, немедленно умираетъ во снѣ. Поэтому если случится воину умереть во снѣ, то рассказываютъ, будто вѣдогонь его дрался съ вѣдогонями враговъ и былъ убитъ ими ¹⁾. По чешскому повѣрью, шѣга—душа злой чародѣйки; въ полночь, покидая тѣло, она бросается на сонныхъ людей, давитъ ихъ и сосетъ изъ груди горячую кровь (сравни съ упырями — гл. XXVI). У кого срослись брови, въ томъ обитаетъ шѣга. У нѣмцевъ существуютъ подобныя-же рассказы о марахъ, обитающихъ въ людяхъ: если жаръ выйдетъ изъ тѣла и не воротится назадъ, то человѣкъ непременно умираетъ ²⁾. Отождествляя эльфовъ съ душами, народная фантазія надѣлила ихъ и высшими духовными способностями: хитрымъ умомъ, изобрѣтательностію и предвѣдніемъ.

Что души у славянъ представлялись существами эльфическими, карликами, наиболее-важное тому свидѣтельство предлагаетъ древне-русское навъ, навье. Отъ снкр. *naś*—умирать произошли лат. *nex*—смерть, греч. *νέχος*, готск.

¹⁾ Срп. рјечник, 66-67, 251; Путешест. въ Черногорію, 220-1.
— ²⁾ Громанъ, 23—25; Beiträge zur D. Myth., II, 268.

п а u s (множ. p a v e i s), p a v i s—мертвый, p a v i s t r—могила, сканд. p á—мертвое тѣло, трупъ, латыш. p a h w e—смерть, p a h w i g s—смертельный, ядовитый, p a h w e h t—убивать; въ древне-чешскомъ языкѣ п a w i t i значило: загубить, умертвить («mlatem čvrtého unavi»). а p a w, p a w a—смерть, могила, жилище усопшихъ: «Krok ide do pawi». Въ старинныхъ русскихъ памятникахъ, какъ и въ современныхъ областныхъ говорахъ, н а в ъ е—мертвецъ: «приведе Янка митрополита Іоанна скопчину, его же видѣвше людье вси рекоша: се н а в ъ е (по другому списку: мертвецъ) пришелъ; отъ года бо до года пребывъ умре» (Лаврент. лѣтоп.); «яко и н а в ъ изъ гроба исходящи» (Іоаннъ, экзархъ болгарск.) «въ н а в и зрѣти»—ожидать смерти (житіе муромск. князя Петра и Февроніи); въ древнихъ переводахъ библейскихъ книгъ н а в ъ употребляется въ смыслѣ ада, тартара, какъ царства мертвыхъ; наконецъ Радунница (вторникъ 9-ой недѣли), когда совершаются поминки по усопшимъ, называется въ народѣ н а в і й (=мертвецкій) день и н а в ъ и проводы. Слово н а в ъ, н а в ъ е стоитъ въ сродствѣ съ скандин. p á g (p á i g, p á i n n)—мрачный карликъ, цвергъ ¹⁾. Лѣтописецъ, рассказывая о явленіи въ 1092 году незримыхъ духовъ, которые рыскали на коняхъ и поражали смертію полочанъ (см. выше стр. 80), прибавляетъ, что въ то время говорили: «яко н а в ъ е бьютъ полочаны», т. е. мертвецъ караютъ народъ чуждыми стрѣлами (=молніями). Въ переяславскомъ спискѣ находимъ любопытный вариантъ: «они-жъ (люди) рѣша: изъ н а в е и дѣти насъ емлютъ» ²⁾. По мѣтнію украинцевъ, младенцы, умершіе некрещеными, являются въ лѣтній пол-

¹⁾ О вліян. христ. на сл. яз., 63—64; Мысли объ истор. рус. яз., 147—8; Матер. для исторіи письменъ, стат. Буслаев., 55; Архивъ ист.-юр. свѣд., II, полов. 2. 102; Иричекъ въ Часописи 1863, I, 16; Обл. Сл., 120. — ²⁾ Лѣтописецъ Переясл., 51.

день въ глухихъ чащахъ лѣсовъ и около озеръ, играютъ на солнышкѣ и прячутся вѣстѣ съ его закатомъ. Они такіе «малюснѣшкіе», что четверо могутъ уесться на крылѣ мухи ¹⁾. Бѣлоруссы блуждающіе огоньки, признаваемые за души усопшихъ, представляютъ себѣ одноглазыми малютками. Въ старинной иконной живописи душа изображается въ видѣ младенца, который исходитъ изъ устъ покойника, вѣстѣ съ его послѣднимъ дыханіемъ, и улетаетъ на небо, или возносится туда ангелами. Подобныя изображенія встрѣчаемъ и въ миниатюрахъ, украшающихъ древнія рукописи ²⁾, и въ печатномъ изданіи Патерика Печерскаго, и на лубочныхъ картинахъ ³⁾. Замѣчательно, что въ полтавской и другихъ южныхъ губерніяхъ мертворожденныхъ дѣтей закапываютъ подъ порогомъ избы — тамъ, гдѣ народное преданіе полагаетъ обиталище эльфовъ; теперь крестьяне объясняютъ этотъ обычай въ христіанскомъ духѣ: они говорятъ, что священникъ, идя со крестомъ, переступаетъ порогъ и тѣмъ самымъ сообщаетъ освященіе душѣ некрещенаго младенца. Для того, чтобы благословеніе умершаго почилло надъ жилищемъ его родителей, чехи, при выносѣ покойника, трижды — во имя св. Троицы — прикасаются гробомъ домашній порогъ ⁴⁾. Народныя повѣрья доселѣ связываютъ съ душами усопшихъ атмосферныя явленія, указывая тѣмъ самымъ на ихъ стихійный характеръ. Когда зимою, послѣ трескучихъ морозовъ, станетъ вдругъ оттепель, русскіе поселяне выражаются объ этомъ такъ: родители вздохнули, т. е. мертвые повѣяли (дохнули) теплымъ вѣтромъ. По нѣвнью полѣшукевъ, усопшіе родители въ день свадьбы своихъ дѣтей сходятъ на землю дождевой тучею, чтобы благословить молодую чету; вотъ что гласитъ свадебная пѣсня:

¹⁾ Степныя сказки Данилевскаго, 125-6. — ²⁾ См. рисунки въ Истор. очеркахъ Буслаева, I, 435; II, 153. — ³⁾ Таковы картины: „Смерть грѣшника“, „Молитва св. Сидору блаженному“ и др. — ⁴⁾ Грозаннъ, 189.

Матинька передъ Богомъ стоить,
 У Бога ся просить:
 Спусти мене, Боже,
 Надъ село хмарою,
 У село дробнымъ дождичкомъ,
 Яснымъ сондемъ-оконцемъ;
 Нехай-же я ся подывлю.
 Чи красно дитя убрано?

Въ бѣлорусской пѣснѣ усопшая мать просится у Бога поглядѣть на свадьбу своей дочери въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Боже, Боже!
 Пусци мене з' неба даловъ
 Дробнымъ дождчемъ,
 У поли мыглицою (мглою),
 У травъ расицою (росою)¹⁾

Болгары думаютъ, что Илья-пророкъ заставляеть умершихъ цыганъ дѣлать изъ сѣту градъ и пускать его лѣтомъ на поля и нивы грѣшниковъ ²⁾. Илья-пророкъ замѣняетъ здѣсь Перуна, а умершіе цыганы — темныхъ эльфовъ, злыхъ маръ. Налагая на старинныя преданія этнографическія и бытовыя черты, фантазія, подъ вліяніемъ народной непріязни къ цыганамъ и ради ихъ смуглаго цвѣта, сочетала съ этимъ племенемъ представленія, относимыя нѣкогда къ демоническимъ силамъ природы. Въ народныхъ сказкахъ — тамъ, гдѣ въ болѣе древнихъ редакціяхъ выводится злая вѣдьма, въ позднѣйшихъ передѣлкахъ уже стоитъ цыганка. Литовцы вѣрятъ, что души усопшихъ носятя верхомъ на коняхъ, съ копыями въ рукахъ, около своего прежняго жилища; по ихъ словамъ, если построятъ домъ на той дорогѣ, которою привыкли ѣздить мертвецы; то въ немъ — не житье: постоянно будетъ слышаться

¹⁾ Киевлянинъ 1865, 52; Сборн. памятниковъ народн. творчества, I, 277. — ²⁾ Каравел., 240.

шумъ, вѣтеръ станетъ срывать кровлю, и домъ скоро разрушится ¹⁾.

Нѣмецкимъ эльфамъ соотвѣтствуютъ у славянъ вилы и русалки—облачныя, грозовыя дѣвы, въ которыхъ, сверхъ того, видятъ и существа загробнаго міра. Такимъ образомъ душа, согласно съ грамматическимъ родомъ этого слова (чеш. duše, литов. duszia, греч. ψυχή, лат. и итал. anima, фран. âme, исп. alma, нѣм. seele), олицетворялась по преимуществу въ женскомъ полѣ, и это было до такой степени сильно, что у литовцевъ находимъ слѣдующее преданіе: въ 1279 году были замучены крестоносцами два упорныхъ язычника; одного изъ нихъ они разорвали съ помощью дерева, а другаго привязали къ коню и размыкали по полю. Душа перваго прилетала потомъ птичкою, а душа послѣдняго являлась въ образѣ дѣвы, возсѣдающей на конѣ ²⁾. Колларъ указываетъ на повѣрье (in Trentsiner comitat, in der gegend von Sillein—Žilina), что души невѣстъ, умершихъ послѣ помолвки, блуждаютъ по ночамъ, водятъ хороводы, поютъ пѣсни и называются вилами (wily ³⁾). Повѣрье это наводитъ на связь слова вила съ литов. wélės—души умершихъ и съ латышск. wels — богъ усопшихъ и потомъ чортъ, властитель ада ⁴⁾. Отсюда объясняется, почему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вилы, не смотря на свою неземную красоту, представляются безносыми ⁵⁾: черта, сближающая ихъ съ могильными привидѣніями и самую Смертію, изображаемыми въ видѣ скелетовъ (см. выше стр. 43). Какъ у насъ уцѣлѣло преданіе о душахъ трехъ вѣдьмъ, которыя горятъ на небѣ «дѣвичьими зорями» (= звѣздами), такъ у хорватовъ есть подобное же преданіе о созвѣздіи Плеядъ (Vlašice, Волосожары, Бабье со-

¹⁾ Рус. Сл. 1860, V, ст. Квстомар., 42-43. — ²⁾ Ibidem. — ³⁾ Nag. zriewanku, I, 412-3. — ⁴⁾ О вліян. христ. на сл. яз., 21. — ⁵⁾ Иличъ, 278.

звѣздіе): тамъ, говорятъ, обитаютъ семь вилъ; давно, при началѣ свѣта, ходили эти вилы по землѣ, пѣли и водили хоро- воды, а потомъ покинули земной міръ и водворились на звѣздахъ Плеядъ, гдѣ и донынѣ каждую ночь водятъ коло ¹⁾. Въ сербской пѣснѣ дѣвица молитъ посестрину-звѣзду надѣ- лить ее красотою, и вслѣдъ затѣмъ мольба ея исполняется- вилою ²⁾. На связь вилы съ бабочкою указываетъ на- званіе этой послѣдней вилинымъ конемъ (виленски копъ): какъ малютка-эльфъ или усопшая душа, вила летаетъ на крыльяхъ мотылька, ѣздитъ на немъ по воздушнымъ простран- ствамъ ³⁾. У болгаръ существуетъ повѣрье, что дѣти мерт- ворожденные или умершіа безъ крещенія поступаютъ въ сооб- щество воздушныхъ духовъ: мальчики дѣлаются навяками (= навани), а дѣвочки—самодивами; навяки обыкновенно принимаютъ видъ лебедей, и въ шумѣ колосистыхъ нивъ поселянамъ слышится ихъ неутѣшный плачъ ⁴⁾.

Русскіе поселяне убѣждены, что русалки суть души мла- денцевъ, умершихъ некрещеными, а также утопленницъ, удав- ленницъ и вообще женщинъ и дѣвицъ, самопроизвольно лишив- шихъ себя жизни, слѣдовательно души неудостоенныхъ по- гробенія. Но когда всѣ были язычники и не знали ни креще- нія, ни христіанскаго погребенія, тогда всякая душа сопри- числялась къ русалкамъ. Это древнее вѣрованіе удержано на- родною памятью за дѣтми и утопленницами—во первыхъ пото- му, что самыя души олицетворялись малютками, а во вторыхъ потому, что русалки признавались обитательницами водъ. Дѣви- цы, бросающіяся съ горя и отчаянія въ воду, подхватываются русалками и поступаютъ въ среду этихъ водяныхъ нинѣъ, по- добно тому, какъ у литовцевъ такіа утопленницы превращают-

¹⁾ Arkiv za povēstnicu jugoslavensku, I, ст. Кукулевича, 88. —

²⁾ Срп. в. рјечме, I, 150. — ³⁾ Срп. рјечник, 62. — ⁴⁾ Сообще- но г. Каравеловичъ.

ся въ удинъ ¹⁾). Младенцевъ мертворожденныхъ или скончавшихся безъ крещенія русалки похищаютъ изъ могильныхъ ямъ и уносятъ въ свои воды; онѣ крадутъ ихъ даже изъ-подъ порога избы. Въ теченіи семи лѣтъ въ Троицынъ и Духовъ дни души этихъ младенцевъ летаютъ по воздуху и выпрашиваютъ себѣ крещенія. Думаютъ, что ихъ можно спасти произнесеніемъ словъ: «крещаю тебя во имя Отца и Сына и Св. Духа!» и ежегодными панихидами въ первый понедѣльникъ Петровки. Если же въ семилѣтній срокъ онѣ не будутъ искуплены молитвами и не услышатъ ни отъ кого приведенной формулы, то навсегда остаются въ обществѣ русалокъ. Таже судьба ожидаетъ и тѣхъ несчастныхъ младенцевъ, которыхъ проклинаютъ матери еще въ утробѣ или до совершенія надъ ними таинства крещенія; они исчезаютъ изъ дому и становятся русалками. Эта порода русалокъ-дѣтей представляется народной фантазіи въ видѣ дѣвочекъ-семилѣтокъ съ русыми, кудрявыми волосами, въ бѣлыхъ сорочкахъ — безъ пояса. Въ Малороссіи и Галиціи называютъ ихъ мавками (малками, майками). По мнѣнію нашихъ изслѣдователей, мавка — тоже, что навка (уменьшительное отъ навъ), т. е. мертвшка. Какъ ни соблазнительно такое объясненіе, но мы не рѣшаемся принять его, потому что малоруссы доселѣ употребляютъ слова навъ, навскій, не допуская измѣненія начальнаго звука. Справедливѣе производить это названіе отъ малъ, малыій; въ областныхъ говорахъ малко — ребенокъ (мальчикъ, малышъ), малка — малорослая женщина или корова ²⁾; звукъ л въ малорусскомъ нарѣчій переходитъ въ в, какъ и во многихъ другихъ рѣченіяхъ: русавка вмѣсто русалка, вовкъ — волкъ, мовчать — молчать, и т. дал. Такимъ образомъ мавка означаетъ малютку, карлика — существо, подобное лу-

¹⁾ Черты литов. нар., 89. — ²⁾ Обл. Сл., 110; Доп. обл. сл., 109.

жицкимъ людкамъ. Мавки сопутствуютъ русалкамъ и стараются мстить живымъ людямъ за то, что допустили ихъ умереть некрещеными и лишили небеснаго царства. Въ лѣтнее время онѣ плаваютъ въ ночные часы на поверхности рѣкъ, источниковъ и озеръ и плещутся водою, а въ Зеленую или русальную недѣлю бѣгають по полямъ и нивамъ, съ печальнымъ возгласомъ: «мене маты породыла, некрещену скороньла!» Тѣ изъ нихъ, которыя тотчасъ послѣ рожденія были потоплены своими невѣнчанными матерями (дѣвницами), любятъ колыхаться на берегахъ, причитывая:

Новыи бильца,
 Нове барыльце; ¹⁾
 Мене маты не колыкала, ²⁾
 Да въ воду пускала!

Тамъ, гдѣ танцуютъ мавки, трава растетъ зеленѣе и гуще — точно также, какъ и на мѣстахъ хороводовъ, водимыхъ эльфами ³⁾. Есть повѣрье, что скорлупу отъ выѣденнаго яйца не должно бросать въ воду, не раздавивши напередъ; а то русалки построютъ себѣ изъ этой скорлупы корабликъ и будутъ на немъ плавать ⁴⁾: любопытный отголосокъ древняго преданія о переправѣ усопшихъ въ надземный миръ — по волнамъ воздушнаго океана; русалки, какъ эльфы-души, представляются здѣсь такими малютками, что яичная скорлупа можетъ служить для нихъ кораблемъ. Олицетворяя собою души, ли-

¹⁾ Вило—колотушка, барило—боченокъ. — ²⁾ Не баюкала въ колыбели. — ³⁾ Рус. Бес. 1836, III, ст. Максимовича, 96—97; Киев. Г. В. 1845, 15; Ворон. Г. В. 1850, 16; Шафарикъ въ статьѣ о русалкахъ—въ Часописи чешск. музея, 271; Терещ., VI, 124—5; Пасекъ, III, 189. По разсказамъ гуцуловъ, майки—прекрасны, стройны и рѣзвы, носятъ тонкія, прозрачныя платья и убирають свои длинныя, распущенныя по плечамъ косы весенними цвѣтами. Онѣ заботятся о благосостояніи полей и стадъ, и какъ только растаютъ снѣга—являются въ горы и долины, засѣвають травы и даруютъ урожай. Онѣ воруютъ по ночамъ ленъ, прядутъ кудели, ткуть и бѣлятъ полотна, и вьютъ вѣтки—Павтеовъ 1855, V, 49. — ⁴⁾ Терещ., VI, 126; Иллюстр. 1846, 171.

шенныя доступа въ райскія обители и потому осужденныя вѣчно блуждать, эльфы съ тоскливымъ чувствомъ сомнѣнія ожидаютъ помилованія на страшномъ судѣ и спрашиваютъ у встрѣчныхъ: могутъ ли они надѣяться на спасеніе при кончинѣ міра? Подобно тому въ астраханской губ. рассказываютъ о морскихъ русалкахъ, что онѣ выплываютъ на поверхность водъ и допрашиваютъ мореходцевъ: скоро ли будетъ свѣтопреставленіе? ¹⁾ Сверхъ того, и многія другія черты указываютъ на отождествленіе русалокъ съ душами усопшихъ. Одна изъ пѣсень, которую поютъ на Троицкой недѣлѣ, называетъ ихъ земляночками, т. е. обитательницами подземнаго міра мертвыхъ:

Русалочки, земляночки,
На дубъ лѣзли, кору грызли,
Звалилися, забиясы ²⁾.

Мы знаемъ, что душа носится по смерти блуждающимъ огнемъ; въ приднѣпровской Руси о блуждающихъ огняхъ, особенно о тѣхъ, которые свѣтятся по ночамъ на могилахъ и курганахъ, утверждаютъ, будто они разводятся русалками съ цѣлюю приманить къ себѣ путника ³⁾. Приношенія, дѣлаемыя русалкамъ, напоминаютъ покормы мертвыхъ. Какъ душа покойника, до удаленія своего изъ-подъ роднаго крова, питается паромъ поминальныхъ блиновъ; такъ для русалокъ кладутъ на окна горячія хлѣбъ, думая, что онѣ насыщаются его паромъ ⁴⁾. На русальной недѣлѣ, поминая утопленниковъ и удавленниковъ, родичи, за упокой души этихъ несчастныхъ, бьютъ на ихъ могилахъ красныя яйца и призываютъ русалку:

Русалка-царица,
Красная дѣвица!
Не забуди душии,
Не дай удавитца;
А мы тебѣ кланяемся.

¹⁾ Совр. 1852, I, 123. — ²⁾ Рус. Вес. 1856, III, 100. — ³⁾ Терещ., VI, 129; Пассежъ, III, 190. — ⁴⁾ Терещ., VI, 126.

Часть поминальных блиновъ оставляется на могилѣ въ жертву русалкѣ ¹⁾. Кто на русальной недѣлѣ забываетъ о своихъ покойникахъ и не дѣлаетъ имъ приношеній, тому мстятъ русалки ²⁾. При отправленіи обрядовыхъ проводовъ русалокъ, женщины произносятъ похоронныя причитанія и, распустивъ свои косы, съ плачемъ припадаютъ къ землѣ, «какъ-бы къ могиламъ» ³⁾.

Въ бурномъ полетѣ тучъ, разбрасывающихъ молніеносныя стрѣлы и какъ-бы погоняющихъ одна другую, древніе германцы видѣли битвы неистоваго воинства или дикую охоту грозовыхъ духовъ. Въ этихъ битвахъ и охотѣ принимаютъ участіе и души усопшихъ; разставаясь съ земною жизнью, онѣ возвращаются къ стихійнымъ элементамъ, и какъ вѣяніе вѣтра (=дыханіе) и летучее пламя (нѣкогда согрѣвавшее тѣло внутренней теплотой) несутся въ грозѣ, устремляясь въ блаженное царство свѣта. Въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи неистовое воинство извѣстно подъ названіями: *nachtvolk*, *toten(toden)volk*, *totenschar*. Въ Валлисѣ появленіе его считается предвѣстіемъ чьей-либо близящейся кончины. Въ его быстромъ воздушномъ поѣздѣ, при звукахъ грозовой пѣсни (*sturmlied*), съ шумомъ ичтятся тѣни умершихъ всѣхъ состояній, половъ и возрастовъ, и сама костлявая Смерть выступаетъ впереди со скрипкою въ рукахъ, или, сидя на совѣ, она заключаетъ шествіе. Воданъ, предводитель дикаго сборища, также представляется чародѣйнымъ музыкантомъ, который игрою своею приманиваетъ къ себѣ дѣтей (=души, олицетворяемыя малютками, карлами), побуждаетъ всѣхъ къ оживленной пляскѣ, и потомъ, вмѣстѣ съ увлеченными дѣтьми и со всею свитой, скрывается въ горы и озера, т. е. въ дождевыя облака. Какъ дикой охотникъ, онъ гонится за душами усопшихъ, за-

¹⁾ Ibid., 134; Рус. прост. праздн., IV, 13; Моск. Вѣстн. 1827, VI, 358. — ²⁾ Сахаров., II, 83. — ³⁾ Ibid., 94.

хватываетъ ихъ, какъ свою добычу, и въ этомъ смыслѣ отождествляется съ адскимъ ловчимъ — сатанюю (*infernalis venator*), который въ сопровожденіи чертей охотится за христіанскими душами. Сага рассказываетъ о двухъ дѣтяхъ, которыя лежали на перекресткѣ; одно изъ нихъ поклолось крѣпкимъ сномъ. Вдругъ послышался шумъ приближающейся толпы: это былъ *nachtvolk*. «Надо разбудить ребенка!» кричалъ одинъ голосъ. — Пѣтъ! отвѣчалъ другой голосъ, онъ и такъ скоро за нами послѣдуетъ. И дѣйствительно дитя вскорѣ умерло. Въ Норвегіи предводителемъ нештоваго воинства является Торъ. Подобно тому, по индѣйскимъ вѣрованіямъ, души усопшихъ участвовали въ воздушныхъ поѣздахъ Рудры и Индры; по сказанію же древнихъ грековъ, онѣ сопровождалсь чрезъ воздушныя пространства Гермесомъ, и еще нынѣ народное греческое повѣрье заставляетъ Харона вести тѣни умершихъ въ полетѣ облаковъ. Блаженные герои, поступающіе по смерти въ сообщество Одина, продолжаютъ въ небесной валгаллѣ воинственныя игры. Они состязаются въ битвахъ и поражаютъ другъ друга; падшихъ воскрешаетъ валькирія *Hildur*, и они снова вступаютъ въ борьбу, и такъ должны они сражаться во все дни до разрушенія вселенной. Въ Турингіи есть народная сага о битвѣ между кроатами и шведами: однажды въ году въ полночь пробуждаются отъ смертнаго сна нѣкогда-убитые и погребенные ратники и сражаются до тѣхъ поръ, пока не пробьетъ часъ; съ ударомъ колокола они погружаются въ нѣдра земли и цѣлый годъ лежатъ въ невозмутимомъ покоѣ. Донынѣ солдаты, вмѣсто: «умереть», говорятъ: *zug grossen агшее ge hen*. Въ Литвѣ существуетъ много рассказовъ, что на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ старину происходили кровавыя побоища, въ нынѣшнее время показываются вооруженные всадники, выѣзжающіе на коняхъ изъ своихъ вѣковыхъ могилъ. У леттовъ привидѣнія, загробные духи (*johdi* и *muigi*) изображаются

пристрастными къ битвамъ; увидя сѣверное сіяніе, говорятъ: johdi kaujajs—духи дерутся, kaugu lauschu dwehseles kaujajs—души падшихъ воиновъ сражаются ¹⁾. Слѣды тѣхъ-же представленій находимъ и у славянъ. Въ малорусской пѣснѣ встрѣчается слѣдующее знаменательное указаніе:

То ня хмары по небу громомъ выгремяють,
То не святыхъ (= блаженныхъ души) воны до Бога
провожаютъ.

Въ стихѣ о страшномъ судѣ сказано: «всѣ праведные взяты будутъ на облацы небесныя» ²⁾. По мнѣнію чеховъ, если при погребеніи блеститъ молнія и гремитъ громъ — это душѣ усопшаго отворяются небесныя врата; а если идетъ дождь—это знакъ, что ей простятся всѣ грѣхи, что она омоется (очистится) отъ всякой неправды ³⁾. Въ одинъ изъ актовъ 1240 года занесено, что языческіе жрецы поморянь показывали народу, будто они видятъ, какъ душа благочестиваго челоуѣка возносится на небо, сопровождаемая многочисленною дружиною ⁴⁾. Изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ (стр. 236-8) несомнѣнно, что и славяне и литовцы представляли мертвецовъ рыскающими на коняхъ и вооруженными стрѣлами или копьями. По древне-языческому воззрѣнію, въ воздушныхъ поѣздахъ участвовали всѣ усопшіе — и

¹⁾ D. Myth., 892—3, 897, 900; Die Götterwelt, 57, 116, 123—5, 155; German. Mythen, 44—47, 709—710; Der Ursprung der Myth., 126; Beiträge zur D. Myth., II, 157; Рус. Сл. 1860, V, 43. — ²⁾ Украин. нар. пѣсни, 22; Калѣки Пер., V, 200. Въ житіи замученнаго Евстратія повѣствуется, что душа его по смерти вознеслась на небо въ огненной колесницѣ и на огненныхъ коняхъ, на которыхъ, какъ мы знаемъ, развѣзжалъ богъ-громовникъ — ³⁾ Гриваннъ, 189. — ⁴⁾ Мацѣвскаго: Очеркъ исторіи письменности и образованія славянъ—въ Ч. О. И. и Д., годъ 2, II, 55. По свидѣтельству Оссиана, тѣни убитыхъ героев обитали въ облакахъ, управляли бурными вихрями, одѣвали солнце тучами, сражались между собой въ воздухѣ и охотились за небесными вепрями и оленями—Оссианъ, бардъ III-го вѣка, пер. Бострова.

добрые, и злые; первые являлись спутниками боговъ и пополняли толпы сопровождающихъ ихъ духовъ (рибу и маруть), а послѣдніе примыкали къ полчищамъ стихійныхъ демоновъ (великановъ, драконовъ, цверговъ) и вмѣстѣ съ ними творили ночную тьму, посылали стужу, непогоду, градъ, разрушительныя бури и отымали у земли плодородіе. Такъ и благодатныя, и вредоносныя силы природы приписывались дѣятельности блуждающихъ душъ ¹⁾. Позднѣе, преимущественно уже въ эпоху христіанства, участіе въ неистовомъ воинствѣ было ограничено душами некрещенныхъ младенцевъ и нераскаянныхъ грѣшниковъ: опойцевъ, самоубійцъ, притѣснителей, забіякъ, завистниковъ и лжецовъ. Некрещеныя дѣти вступаютъ сюда, какъ неосвященныя христіанскимъ таинствомъ и потому остающіяся подъ властью языческихъ боговъ; самоубійцы, грабители, охотники до ссоръ и дракъ стоятъ въ связи съ представленіемъ бурныхъ и грозовыхъ духовъ существами буйными, неистовыми, склонными ко всегдашнимъ битвамъ и насиліямъ, — точно также, какъ опойцы намекаютъ на ту жадность, съ какою эти духи опиваются небеснымъ виномъ — дождевою влагою. Въ разныхъ мѣстахъ Германіи существуютъ повѣрья: если три дня сряду дуютъ сильныя, непрерывныя вѣтры — это вѣрный знакъ, что кто-нибудь повѣсилъ; какъ скоро повѣсятъ преступника, тотчасъ-же возстаетъ буря, т. е. душа-вѣтръ, исторгнутая изъ тѣла чрезъ задушеніе, устремляется въ бурномъ полетѣ въ небесныя пространства. Этотъ родъ смерти былъ посвященъ Одину: кто вѣшался, тотъ по собственному произволу предавалъ себя Одину, поступалъ въ его воздушную свиту ²⁾. Русскіе поселане и чехи утверждаютъ, что вслѣдъ за тѣмъ, какъ человѣкъ повѣсится, удушится или утопится, начинаются гроза, вихри и не-

¹⁾ German. Mythen, 167, 719, 727. — ²⁾ Ibid., 270; Die Windgöttheiten bei indogerman. Völkern, 5.

погода; самоубійці нѣтъ покоя въ могилѣ, онъ осужденъ носиться въ бурѣ и терпѣть мѹки отъ злыхъ демоновъ ¹⁾. Когда возникало много дѣлъ по преступленіямъ, которыя карались смертію, галлы (по свидѣтельству Страбона) были убѣждены, что земля дастъ богатый урожай; это потому, что значительное число казней увеличивало свиту бога Тейтота (= кельтскаго Одина), которая составлялась изъ тѣней усопшихъ, и летая въ грозовыхъ тучахъ, орошала землю дождями ²⁾. Дантъ въ своей «Божественной комедіи» заставляетъ злодѣевъ вращаться въ бурномъ, стремительномъ вихрѣ. По нѣмецкимъ сагамъ, въ дикой охотѣ осуждены носиться души тѣхъ, которые во время земной своей жизни охотились въ воскресные дни и въ бѣшенномъ удовольствіи не щадили ни засѣянныхъ полей, ни имущества поселянъ. У чеховъ употребительна клятва: «ani v hrobě rokoje štíti nebude!» ³⁾. Вообще мертвецы у вѣхъ индоевропейскихъ народовъ представляются блуждающими ночными привидѣніями, которыя съ такою же быстротою и легкостью появляются, какъ и исчезаютъ. На Руся много преданій о мертвецахъ-полуночникахъ; ночью, когда все поконится крѣпкимъ сномъ, они встаютъ изъ могилъ, и свободно проникая сквозь затворенныя двери, посѣщаютъ свои прежнія жилища, показываются своимъ неотъшнымъ вдовамъ и невѣстамъ ⁴⁾, распоряжаются въ домахъ, словно хозяева, и становятся въ двойкія отношенія къ живымъ людямъ: съ одной стороны они и за гробомъ сочувствуютъ и помогаютъ интересамъ своихъ родичей, а съ другой завидуютъ ихъ наслажденіямъ, пугаютъ запоздалыхъ путниковъ и вредятъ домашнему хозяйству. Въ опустѣлыхъ комнатахъ помѣщичьихъ домовъ слышится шарканье усопшихъ владѣльцевъ. Рассказываются трогательныя повѣсти, какъ умершія матери

¹⁾ Громанъ, 35—36. — ²⁾ Галлы, соч. Георгіевскаго, 109. —

³⁾ Иречекъ въ Часописи чешскаго музея 1863, 1, 6.—⁴⁾ Казан. Г. В.

приходили по ночамъ къ своимъ осиротѣвшимъ дѣтямъ, мыли и чесали имъ головы, перемѣняли бѣлье и кормили ихъ грудью ¹⁾. Замогильные выходцы могутъ оставаться въ семь мѣрѣ только до предразсвѣтнаго крика пѣтуховъ, а какъ скоро онъ раздастся—тотчасъ-же исчезаютъ и прячутся въ гробахъ. Рѣдкій крестьянинъ согласится пойти на кладбище послѣ солнечнаго заката. Такому тревожному блужданію предаются мертвецы особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда беззаботные потомки не совершаютъ посмертныхъ тризнъ (поминокъ), необходимыхъ для поддержанія ихъ стихійнаго существованія (см. т. II, стр. 77), или когда усопшіе бываютъ лишены погребальныхъ обрядовъ, долженствующихъ напутствовать ихъ въ страну блаженнаго успокоенія. Греки и римляне вѣрили, что мертвецы, лишеныя погребенія или жертвенныхъ приношеній, скитаются въ видѣ призраковъ (ларвъ) и наказываютъ своихъ потомковъ не урожаями и болѣзнями; въ ночной тишинѣ можно слышать ихъ страдальческіе вопли ²⁾. Въ качествѣ грозовыхъ духовъ, эльфы, цверги и мары выступаютъ въ то время, когда наплывающія на небесный сводъ облака и тучи превращаютъ свѣтлый день въ непроглядную ночь. Мракъ, производимый сгущенными облаками, сближался съ ночью; а эта послѣдняя была отождествляема съ понятіемъ Смерти, увлекающей души въ темныя области подземнаго (=облачнаго) анда. Отсюда объясняется: во первыхъ — смѣшеніе мертвецовъ съ нечистою силою мрака, и во вторыхъ—вѣрованіе, что ночь есть обычная пора ихъ странствованій; вмѣстѣ съ этимъ и луна, какъ «царица ночи», окруженная частыми звѣз-

---

1859. 7; Семьск., 36—37. — ¹⁾ Русск. Преданія, I, 79; Н. Р. Ск., VI, 65, f; Киевлян. 1865, 52. По мнѣнію чеховъ, мать, умершая послѣ родовъ, въ продолженіи шести недѣль приходитъ въ полночь и кормитъ грудью своего ребенка — Громаниъ, 116.—²⁾ Куланжъ, 13, 22.

дами (въ которыхъ предки наши видѣли души усопшихъ), признана была за свѣтило, озаряющее загробный міръ. Греки считали Гекату (луну) богиней аида, и давали ей эпитетъ подземной ($\chi\theta\omicron\nu\nu\alpha$). По русскому народному выраженію, мѣсяцъ есть солнце русалокъ и утопленниковъ; выходя ночью изъ глубокихъ водъ, они грѣютъ свои прозябнувшіе члены при помощи его блѣдныхъ лучей; дневное-же свѣтило слишкомъ для нихъ жарко ¹⁾. Эльфы, ниссы и русалки любятъ ночную тишину и безмолвіе кладбищъ, и охотно танцуютъ при лунномъ свѣтѣ; первыхъ называютъ *stille volk* (сравни наше: покойники). Въ томской губ. существуетъ повѣрье, что на мѣсяцъ не слѣдуетъ смотрѣть долго; не то—онъ утащитъ къ себѣ, т. е. человѣка постигнетъ смерть ²⁾. По мнѣнію чеховъ, если мѣсяцъ свѣтитъ на спящаго, то сдѣлаетъ его лунатикомъ, т. е. бродячимъ въ лунныя ночи при видѣніемъ, или увлечетъ его на тотъ свѣтъ; при лунномъ затмѣніи кто нибудь увлекается въ загробный міръ. Звѣзда, усмотрѣнная около мѣсяца, и на Руси (въ кольскомъ уѣздѣ) и въ Богеміи принимается за предвѣстіе чьей-либо смерти ³⁾: примѣта, указывающая на водвореніе новой души въ томъ загробномъ царствѣ, гдѣ властвуетъ Геката. Индусы были убѣждены, что вмѣстѣ съ лучами мѣсяца и звѣздъ заглядываютъ въ ихъ окна блаженные предки. Въ пятнахъ луны народная фантазія видитъ тѣни святыхъ или грѣшниковъ, увлеченныхъ этимъ свѣтломъ въ свой таинственный міръ. Древне скандинавское преданіе свидѣтельствуетъ, что Máni (мѣсяцъ), примѣтивъ на землѣ двухъ дѣтей (Bil и Hiuki), которые несли на шестѣ ведро воды, взялъ ихъ къ себѣ, и что они-то и видны на мѣсяцѣ. Шведы до сихъ поръ узнаютъ въ

¹⁾ Шафарикъ въ Часописи чешск. музея 1833, III, 274. Подсѣжикъ, альманахъ 1829 г., 92. — ²⁾ Эги. Сб., VI, 118. —

³⁾ Громанъ, 31.

лунныхъ пятнахъ двѣ человѣческія фигуры, несущія на палкѣ большое ведро ¹⁾. Въ Германіи разсказываютъ, что въ мѣсяцѣ видѣнъ воръ, который на Свѣтлое Воскресенье рубилъ въ чужомъ лѣсу дрова, и въ наказаніе за это нечестивое дѣло попалъ на луну, гдѣ и донныѣ стоятъ съ топоромъ за спиною и съ вязанкою хворосту въ рукахъ; въ другихъ мѣстностяхъ, вмѣсто вора, усматриваютъ тамъ человѣка, который въ воскресный день вязалъ вѣники или раскидывалъ навозъ: въ первомъ случаѣ его представляютъ съ вѣникомъ, а въ послѣднемъ — съ лопатою. Сюда примѣшиваются и библейскія сказанія: въ пятнахъ луны видятъ Каина съ вязанкою терновника за плечами, которую онъ несъ Богу, какъ самый худшій даръ отъ своего поля, или Исаака, обреченнаго на закланіе и несущаго берема дровъ для собственнаго жертвеннаго костра ²⁾. По словамъ чеховъ, на мѣсяцѣ сидитъ святой Давидъ, играющій на гусяхъ, или человѣкъ съ охапкою хворосту, украденнаго наканунѣ Святокъ, или наконецъ воръ, выходявшій въ лунную ночь похищать горохъ ³⁾. Русскіе поселяне думаютъ, что на лунѣ видѣнъ Канинъ, осужденный за убійство Авеля стоять тамъ до скончанія вѣка и трястись надъ его неповинною кровію, или по другому разсказу: было вѣкогда два брата; «старшій братъ на Великъ день, коли ще добри люде на утрени стояли, пошовъ подкинуть воламъ сына, та замисць сына проткнувъ вилами меньшого брата; такъ ихъ Богъ такъ и поставивъ укущи на мѣсяци — на видъ усему хрищеному міру, щобъ бачили, що и скотили грихъ јисти у такіи великій празникъ, поки пасокъ

¹⁾ D. Myth., 679—680. Подобное-же преданіе встрѣчаемъ въ Запискахъ Веніамінова объ алеутахъ и колошахъ (стр. 86): разъ двое дѣтей, идучи за водою съ ведрами, отыгивались съ неуваженіемъ о лунѣ; луна разгнѣвалась, сошла долу и схватила ихъ, отчего и видны на ней пятна. — ²⁾ D. Myth., 680—3; Die Götterwelt, 105. — ³⁾ Громаничъ, 28—29.

не посвятить.» Разсказъ этотъ варьируется и такъ: братья, отправившись за сѣномъ, поссорились между собою, и одинъ изъ нихъ поднялъ другаго на вылы ¹⁾. Болгары въ пятнахъ луны различаютъ черты лица недавно-скончавшагося на солѣ старика ²⁾. Вѣроятно, подѣ влияніемъ указаннаго воззрѣнія на луну, какъ на свѣтило темныхъ странъ анда, посвященный ей день — понедѣльникъ (*dies lunae*, *monendach*, *montag*) стали считать тяжелымъ, несчастливымъ ³⁾, тогда какъ наоборотъ воскресенье — день, посвященный дневному свѣтлу, признается легкимъ и счастливымъ.

Кромѣ Одина, во главѣ неистоваго воинства носятя, по народнымъ сказаніямъ, облачныя богини Гольда и Берта (*Wegschta*, *Regant*): и та, и другая представляются окруженными душами нерожденныхъ или усопшихъ людей. Гора, внутри которой—въ ярко-блистающей пещерѣ обитаетъ Гольда съ своимъ воинствомъ и малютками-душами, есть метафора грозового облака. Другое поэтическое представленіе ея жилища — колодець (источникъ, прудъ или озеро — дождевая туча), подѣ водами котораго она владѣтъ чудеснымъ садомъ, устѣяннымъ роскошными цвѣтами, пренеполненнымъ сочныхъ и вкусныхъ плодовъ. По свидѣтельству нѣмецкой сказки, колодець Гольды ведетъ вверхъ — на небо, а не внизъ; когда черезъ этотъ колодець явилась къ ней дѣвица и Гольда за-

¹⁾ Статист. описаніе саратов. губ., I, 57; Ж. М. Н. П. 1851, X, 3; Маякъ, XII, 21; Иллюстр. 1846, 345; Основа 1862, IX, 26 („Наваръ Стодоля“). Ипатьевская лѣтопись, описывая лунное затмѣніе 1161 года (П. С. Р. Л., II, 90), говоритъ: „идяше бо луна... и посредь ея яко два ратъная съжущеса мечема, и одному яко кровь идяше изъ главы, а другому было акы млеко течаше.“ —

²⁾ Миладин., 525. — ³⁾ Въ понедѣльникъ не должно начинать дѣла и выѣзжать въ дорогу. „Посѣй въ понедѣльникъ, будешь безхлѣбникъ!“ говорятъ крестьяне — Рязан. Г. В. 1847, 48; D. Myth., 1092.

ставила ее перетряхать свою постель, то вмѣсто перьевъ посыпался на землю снѣгъ. Подводный садъ есть вѣчно цвѣтущій, пресвѣтлый рай — весеннее голубое небо, лежащее за дождевыми источниками (Gimill, Lichtland, Engelland, сказочный Glasberg ¹⁾), страна, гдѣ растутъ облачныя деревья, цвѣтутъ розы зори и яркіе цвѣты молній, и зрѣютъ золотыя, моложавыя яблоки. У грековъ—это элизій (см. т. II, стр. 140), у индусовъ — блестящее небо Индры, въ которомъ возвышался его царскій замокъ (=валгалла) и цвѣлъ неувядаемый садъ; тамъ, подъ сѣнію деревьевъ, пребываютъ души блаженныхъ, питаея живительной амритю; тамъ сияетъ свѣтъ безъ конца, тамъ невѣдомы ни зима, ни печали, а живетъ вѣчная радость и счастье, и всякое желаніе находятъ немедленное удовлетвореніе. Вмѣсто сада упоминается и одно большое, густолиственное дерево, подъ которымъ (по свидѣтельству Ведъ) возсѣдаетъ Яша съ усопшими предками; царь блаженныхъ, онъ отождествляется въ гимнахъ съ богомъ Агни или Индрою и есть прародитель человѣческаго рода (см. II, 471). Смертные не иначе достигаютъ въ райскія селенія Гольды, какъ черезъ глубокій колодець; сюда принимаетъ она души усопшихъ и отсюда-же посылаетъ на землю младенческія души вновь-нарождающимся дѣтямъ. Въ этихъ мифическихъ представленіяхъ кроется основа вѣрованія, что души новорожденныхъ приносятся изъ родниковъ и колодцевъ. Почти въ каждой деревнѣ въ Германіи указываютъ *kinderbrunnen*, изъ котораго являются въ семьи маленькіе братцы и сестрицы. Замѣчательны названія, даваемыя этимъ источникамъ: *Hollenteich*, *brunnen der Spilla-*

¹⁾ Engelland=England, Albion—страна альбовъ (эльфовъ), въ позднѣйшемъ, подновленномъ смыслѣ: ангеловъ; сравни преданіи объ островѣ Буяяѣ и разсказъ о перевозѣ душъ на островъ *Brittia* (I, 575).

holle (=Spinde'-Holda ¹⁾, Gütchenteich ¹⁾); во Фленсбургѣ думаютъ, что младенцы, до появленія своего на свѣтъ божій, плаваютъ въ колодцахъ какъ маленькія рыбки. Въ Ольденбургѣ и Фрисландѣ увѣряютъ, что дѣти приносятся изъ прудовъ, болотъ и моря. Такъ какъ души представлялись птицами и бабочками, то естественно было возникнуть убѣжденію, что именно при посредствѣ птицъ или бабочекъ прилетаютъ онѣ изъ небесныхъ странъ и вселяются въ тѣла новорожденныхъ, а покончивъ земную жизнь—на ихъ-же легкихъ крыльяхъ возносятся въ свое прежнее отечество. Нѣмцы считаютъ приносителями младенческихъ душъ: во 1-хъ, бѣлаго мотылька (miller-shaler) и во 2-хъ, аиста, какъ птицу, поставленную въ самую близкую связь съ мѣстомъ о низведеніи съ неба грозоваго пламени (1, 494). Своимъ длиннымъ клювомъ аистъ достаетъ изъ колодца малютку-душю и приноситъ ее въ домъ, гдѣ долженъ родиться младенецъ. По разсказамъ чеховъ, новорожденныхъ младенцевъ приносятъ аистъ, ворона, сорока и коршунъ (luňak); если ворона летаетъ возлѣ оконъ, это принимается за предвѣстіе, что въ скоромъ времени въ домѣ будетъ беременная женщина; этой-же птицѣ приписывается и похищеніе маленькихъ дѣтей. Въмѣсто глагола «умереть» чехи употребляютъ выраженіе: «svět s divokými husami hlidati». На Руси утверждаютъ, что душа убитаго ребенка возносится на небо голубями. Въ нѣмецкой мѣологіи обязанность сопровождать въ валгаллу души убитыхъ героевъ возлагается на лебединыхъ дѣвъ—валькирій, и самый лебедь изображается въ народныхъ сказаніяхъ—то какъ приноситель дѣтей, то какъ проводникъ усопшихъ на тотъ свѣтъ; такъ въ одномъ старинномъ романѣ онъ влечетъ ладью съ мертвымъ рыцаремъ. Сходно съ этимъ, поляки разсказываютъ о прекрасной

¹⁾ Gütchen, gütetel=guoten, holden.

дѣвъ-канѣ (коршунѣ), которая является по вечерамъ въ сѣла, приманиваетъ дѣтей лакомствами, одѣваетъ ихъ облакомъ и увлекаетъ съ собою. Кромѣ птицъ, роль душеприносителей исполняютъ у чеховъ лисица, а у вѣмцевъ заяцъ — зооморфическія олицетворенія грозовыхъ силъ природы. Эльфы и кобольды нерѣдко появляются въ видѣ трехногихъ зайцевъ, съ блестящими, огненными глазами. Въ Обергарцѣ указываютъ *Nasenteich*, въ водахъ котораго сидятъ нерожденные дѣти; а въ Швабін увѣряютъ, что дѣти достаются изъ заячьихъ гнѣздъ. Рядомъ съ этими данными, заяцъ принимается за воплощеніе духа, предвѣщающаго смерть, и въ народныхъ причитаніяхъ выступаетъ, какъ путеводитель въ блаженное царство *Engel'land'a*. Другія нѣмецкія преданія говорятъ о цвѣтущихъ лугахъ и садахъ внутри горы, гдѣ играютъ и рѣзвятся нерожденные души, питаются медомъ изъ чашечекъ цвѣтовъ и сплетая для себя прекрасныя вѣнки; оттуда, въ минуту разрѣшенія родильницы, выносятъ избранную душу позывальная бабушка (= богиня родовъ и судьбы — см. гл. XXV), и туда-же возвращаетъ ее, какъ скоро человекъ постигаетъ смерть. Въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи — на вопросы дѣтей, откуда явились ихъ новорожденные братцы и сестрицы? — принято отвѣчать, что они принесены изъ дупла стараго дерева (*kinderbäum*), у корней котораго бьетъ свѣтлый ключъ; если приложить тамъ ухо къ землѣ, то можно услышать радостные клики дѣтей, обитающихъ въ подземномъ мірѣ. На Руси, въ случаѣ подобныхъ-же распресовъ, говорятъ, что ребенка сняли съ дерева, словно сорвѣвшій на немъ плодъ. Въ памятникѣ XVI вѣка упоминается «*stauw Hollenbaum*». Это дерево, служащее мѣстопребываніемъ душъ, есть Иггдразилль, а бьющій возлѣ него источникъ — *Urdhargbrunn*. Объ эльфахъ извѣстно, что они живутъ не только въ горахъ и подземельяхъ, но и въ

стволахъ деревьевъ, и выглядываютъ сквозь нихъ дуплистыя отверстія, т. е. зоркими молніями и солнечными лучами пробиваютъ мракъ облачныхъ лѣсовъ. Въ царствѣ подземныхъ карликовъ есть большой прекрасный садъ, гдѣ солнце сіяетъ еще ярче, чѣмъ на этомъ свѣтѣ, а деревья даютъ золотые цвѣты и золотые плоды; это — тотъ-же небесный садъ, что растеть на Glasberg'ѣ и состоитъ изъ золотыхъ и серебряныхъ деревьевъ. У одной женщины, говоритъ нѣмецкая сказка, были дочь да падчерица: первая—злая, вторая — кроткая и услужливая. Разъ падчерица, работая у колодца, уронила въ него веретено; по приказу мачихи, она бросилась за веретеномъ въ колодець—и очутилась подъ водою на цвѣтущемъ лугу, пришла къ Frau Holle и поступила къ ней въ услуженіе. Богиня помѣстила ее къ золото-прихамъ (gold-springen), вмѣстѣ съ ними давала ей ѣсть жареную свинину, поила пивомъ и медомъ, а когда отпустила отъ себя — вывела ее въ золотыя ворота (Goldtor) и оросила дождемъ, такъ что она воротилась домой вся озолоченная, блестящая. Вслѣдъ за тѣмъ и завистливая дочь мачихи спустилась на дно колодца, но за свой злобный нравъ была помѣщена вмѣстѣ съ змѣями и жабами, не пила тамъ, не ѣла и не знала покоя ни днемъ, ни ночью; отпуская ее черезъ смоляныя ворота (Pechtor), Гольда вылила на нее котелъ смолы и сѣры, и мачихина дочь стала dreckiges mädchen. Основа сказки—та, что въ загробное царство Гольды, лежащее за дождевыми источниками, являются двѣ души добрая и злая: первая водворяется въ блаженной области свѣта (рай = ясное, весеннее небо) и становится золотомъ—осіяною солнечнымъ блескомъ, а послѣдняя поступаетъ въ туманное жилище демоническихъ змѣевъ (Nebelwohnung=адъ) и осуждается пребывать среди постоянной мглы и ненастья. Свинина — яства блаженныхъ геро-

евъ, обитающихъ въ валгаллѣ, а медь — ихъ безсмертный напштокъ; золотыя пряжи — вѣщія норны, дѣвы судьбы. Варианты приведенной сказки вмѣсто золотыхъ воротъ ставятъ прямо небо, а вмѣсто смоляныхъ воротъ—адъ или пекло; у доброй сестры (точно также, какъ у самой богини Зори) падаютъ изъ рта куски золота, слезы катятся перлами, а подъ стопами ея вырастаютъ свѣжія розы, т. е. блаженная душа вселяется въ ту райскую обитель, откуда восходитъ Солнце, и сливается съ его золотистыми лучами и розовыми красками дневнаго разсвѣта; слезы-перлы означаютъ утреннюю росу. Напомнимъ, что и Goldtor есть не болѣе, какъ поэтическая метафора солнечнаго восхода: это — тѣ небесныя врата, которыя каждый день отворяетъ на востокъ богиня Зора и въ которыя выѣзжаетъ свѣтозарная колесница Солнца. Напротивъ у злой сестры падаютъ изъ рта змѣи и жабы, т. е. градъ, снѣгъ и дождь (сравни гл. XXVI). Такимъ образомъ и за гробомъ души удерживаютъ присущій имъ характеръ: добрый или злой, и снѣшиваясь съ стихійными силами природы, заявляютъ себя то какъ существа божественныя, свѣтлыя, то какъ темныя демоны. Позднѣе, подъ вліяніемъ нравственныхъ началъ, это представленіе породило вѣру, что души усопшихъ въ царствѣ Гольды получаютъ награду и наказаніе за свою земную жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и сама Гольда стала изображаться съ двойственнымъ характеромъ: то какъ дружелюбная богиня, дарующая счастье и блаженство, то какъ злая, карающая вѣдьма (Смерть); она увлекаетъ къ себѣ живыхъ людей, и преимущественно добычею ея становятся дѣти (= малютки-души). Позади колодца Гольды тѣни усопшихъ ищутъ вѣчно-цвѣтущихъ луговъ и вѣчно-зеленаго сада, но достигаютъ туда только одни добродѣтельные. Этотъ небесный садъ (= рай) преисполненъ роскошными цвѣтами и плодами даже въ ту пору, когда на землѣ бываетъ всешмертвящая, холодная зима.

Народная сага рассказываетъ, какъ однажды зимою побѣжали крестьяне въ лѣсъ за дровами и взяли съ собою ребенка; окончивъ работу, они примѣтили, что дитя куда-то скрылось, и долго не могли найти его; наконецъ ребенокъ прибѣжалъ къ нимъ, неся въ рукахъ цвѣты и ягоды, которые дала ему бѣлая дѣва изъ своего чудеснаго сада, что стоялъ въ полномъ цвѣту, не смотря на суровое время года. Съ той поры ребенокъ томился непрестаннымъ желаніемъ посѣтить бѣлую дѣву и вскорѣ умеръ. Другая сага упоминаетъ о матери, которая, отыскивая своего ребенка, вошла въ пещеру, гдѣ блисталъ яркой свѣтъ и было множество дѣтей; среди нихъ сидѣла прекрасная бѣлая жена, она держала на колѣнахъ потеряннаго мальчика, и возвращая его матери, дала ему цѣлую горсть вишень. Всегда-зеленѣющіе и цвѣтущіе луга, по свидѣтельству Эдды, находятся возлѣ Асгарда; въ Швеціи донинѣ рассказываютъ о зачарованныхъ садахъ эльфовъ: серокъ лѣтъ жизни, проведенной въ этихъ садахъ, кажутся не болѣе часа. Соответственно тому, у кельтовъ находимъ преданіе о «странѣ вѣчной юности», проживая въ которой никто не старѣется; эта страна (= царство блаженныхъ) населена эльфическими духами и лежитъ подъ водою; тамъ вѣчно сіяетъ солнце, вѣчно зеленѣютъ и цвѣтутъ луга и деревья; оттуда приносятся весною растительныя сѣмена на землю и тамъ берегаются они во все продолженіе зимы. Люди, которые попадали съ страну юности и пребывали тамъ многіе годы, думаютъ, что они насладились счастливою жизнію не болѣе быстролѣтнаго мгновенія; триста лѣтъ проходятъ тамъ, какъ единый день. При восходѣ солнца, оттуда прилетаютъ силфы (= души) и пляшутъ на поверхности воды, которая остается недвижимыми подъ ихъ легкими ногами. Души некрещенныхъ младенцевъ, по народному повѣрью, возвращаются къ Гольдѣ, а въ полетѣ неистоваго вои-

ства ее сопровождаютъ тѣни усопшихъ — не только дѣтей, но и взрослыхъ. Норвежскія и датскія саги знаютъ лѣсную или горную жену Hulla, Huldra, которая является иногда юною и прекрасною, а иногда старою и безобразною, съ длиннымъ хвостомъ, т. е. принимаетъ демоническій типъ Смерти или злобной, враждебной всему живому вѣдьмы: она забираетъ и уноситъ некрещенныхъ дѣтей, и нерѣдко выступаетъ, какъ королева горныхъ духовъ (— подземныхъ эльфовъ), называемыхъ Huldrefolk (исланд. Huldufólk, Huldumenn). Въ Норвегii думаютъ, что души людей, несовершенство доброго, чтобы удостоиться рая, и настолько злаго, чтобы попасть въ адъ, осуждены до конца мiра носиться по воздуху, и во главѣ ихъ ѣдетъ Guggugusse или Reisaqova (gugo, guggi, сканд. gífr—великанка), съ длиннымъ хвостомъ. Съ Гольдой родственна Perahla, кроткая царица карликовъ — köningin der heimchen. Въ то время, когда люди начинаютъ пахать землю сверху, она пашетъ ее своимъ плугомъ съ и споду, т. е. занимается тою-же благословенною работою въ своемъ подземномъ царствѣ, или проще: съ возвращенiемъ весны она бороздитъ громовымъ плугомъ облачныя подземелья. Когда поселяне заступаютъ поля, Перата разсыпаетъ на землю лучшiя сѣмена, т. е. орошаетъ землю сѣменемъ дождя и возвращаетъ ей тѣ плодоносныя зерна, которыя въ теченiи зимы хранятся въ садахъ рая. По ея приказу, карлики (heimchen) увлажняютъ поля и нивы, при засухѣ изводятъ изъ-подъ корней деревьевъ журчащiе ключи и даютъ плодородiе; они же коуютъ подъ землею серебро и золото, и отъ жара ихъ кузнечныхъ горновъ вырастаютъ и зрѣютъ на земной поверхности роскошныя золотистыя колосья, т. е. урожай хлѣба есть плодъ весеннихъ грозъ, въ пламени которыхъ древнiй человекъ усматривалъ ковку небесныхъ металловъ. Съ удаленiемъ цверговъ (зимой или во время засухъ)

хлѣбъ не родится; но гдѣ только покажутся они, согрѣютъ землю подземнымъ огнемъ и откроютъ ея водныя жилы—тамъ почва становится урожайною. Ператѣ достаются дѣти, умершія безъ крещенія; она шествуетъ окруженная плачущими малютками и перевозитъ ихъ съ собою въ ладѣ—въ иной міръ ¹⁾). Нѣкогда у молодой женщины умерло единственное дити; глубокое горе овладѣло сердцемъ матери, каждую ночь она приходила на могилу и такъ горько плакала, что казалось — самые камни могли бы тронуться ея печалью. Въ ночь передъ праздникомъ Трехъ королей она увидѣла шествующую съ дѣтми Перату; одинъ ребенокъ былъ въ мокрой сорочкѣ и несъ въ рукахъ полную кружку воды; усталый, онъ не въ силахъ былъ поспѣвать за прочими, и невольно остановился у ограды, черезъ которую направила свой путь Перата. Мать узнала въ немъ собственное дѣтище, поспѣшила къ нему на помощь, подняла и пересадила его на другую сторону. «Ахъ, какъ жарки материнскія объятія! воскликнулъ ребенокъ ²⁾); но прошу тебя — не плачь такъ много: я долженъ собирать твои слезы въ мою кружку, видишь — какая она полная и тяжелая, да и рубашка на мнѣ вся смочена твоими слезами!» ³⁾). Въ южной Россіи рассказываютъ о бѣдной матери, которая, сторонивъ своего

¹⁾ D. Myth., 246—254, 260, 282, 872, 884—5, 897—8; Die Götterwelt, 280—290; German. Mythen, 238—9, 321—343, 406—472, 667—670, 728—733; Beiträge zur D. Myth., I, 163—7, 171; Громовъ, 234; Ч. О. И. и Д. 1865, III, 96—99, 107; Н. Р. Св., VI, 56; Slov. pohad., 250—262. — ²⁾ Въ загробномъ мірѣ, у цверговъ, его касались только холодныя руки мертвецовъ. — ³⁾ Въ сказкахъ, собранныхъ братьями Гриммами, встрѣчаемъ одну („Das todtenhemdchen“) сльдующаго содержанія: умеръ прекрасный, семилѣтній мальчикъ; опечаленная мать плакала по немъ дни и ночи, и вотъ въ ночное время явился онъ въ бѣломъ саванѣ и сказалъ ей: «ахъ, мама! перестань плакать; мой саванъ не высыхаетъ отъ твоихъ слезъ, и я не знаю покоя въ могилѣ».

любимаго сына, долго убивалась по немъ и неутѣшно плакала; въ полночь увидала она толпу мертвецовъ, шедшихъ съ кладбища; между ними былъ и ея сынъ: мальчикъ несъ полное ведро слезъ, наплаканныхъ его матерью. «Синови, по мнѣнію поселянъ, тяжело, якъ мати по ёму тужить; а матери весело лежать, якъ дѣти плачуть по јій» ¹⁾). Въ другихъ мѣстностяхъ русскаго царства утверждаютъ, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ много плакать по мертвому; иначе затопишь его слезами, и ему тяжело будетъ на томъ свѣтѣ. Чехи убѣждены, что слезы, роняемая надъ усопшимъ, жгутъ его; сколько упадетъ на покойника слезъ, столько же прольется на него капель кипучаго масла, когда онъ явится въ пекло. Однажды, когда вдова пришла на могилу своего мужа, онъ провѣщалъ ей изъ-подъ земли: «ступай домой и прикажи дѣтямъ не плакать по мнѣ; пусть не дѣлають мнѣ тяготы!» ²⁾ На древнѣйшемъ метафорическомъ языкѣ дождь уподоблялся горючимъ слезамъ и кипятку, приготовляемому на грозовомъ пламени. Если во время похоронъ идетъ дождь — это, по словамъ чеховъ, ангелы плачуть о кончинѣ челоуѣка ³⁾). Поступая по смерти въ число стихійныхъ духовъ, вращаясь вмѣстѣ съ ними въ вертепахъ дожденосныхъ, громовыхъ тучъ (= въ пеклѣ), тѣни усопшихъ облакаются въ мокрые облачные покровы, беспокойно блуждаютъ среди мглы и тумановъ и обливаются кипучими слезами дождя. Загробныя страданія, испытуемые усопшими отъ паденія этихъ небесныхъ слезъ, позднѣе—при забвеніи смысла старинныхъ метафоръ—стали объясняться, какъ послѣдствіе неутѣшнаго плача осиротѣлыхъ родичей; рядомъ съ этимъ сосуды, изъ которыхъ грозовые духи проливають на землю потоки дождя, получили значеніе погребальныхъ слезницъ.

¹⁾ Кулишъ, II, 42—44. — ²⁾ Громанъ, 192; Ирчехъ въ Часписи чешск. муз. 1863, I, 8; сравни Veitgäde zur D. Myth., I, 215. — ³⁾ Громанъ, 189.

Тѣже преданія о загробномъ царствѣ душъ и ихъ свѣтлой царидѣ встрѣчаемъ и у племенъ славянскихъ. Въ словѣ Кирилла Туровскаго сказано, что Христосъ, освободя души усопшихъ изъ ада, водворилъ ихъ въ странахъ эдемскихъ: «всѣхъ же языкъ душа(и) въ своемъ свѣтѣ на водахъ покойныхъ усели» ¹⁾, что соотвѣтствуетъ блаженному царству Гольды, лежащему за облачнымъ колодеземъ. Чехи рассказываютъ о колодецѣ, гдѣ щепетивно каждый годъ топятся, хотя одна дѣвица, которую призываетъ къ себѣ бѣлая пани; эта бѣлая пани показывается взрослымъ женщинамъ передъ ихъ кончиною ²⁾. Сверхъ того, души утопленниковъ (по мнѣнью чеховъ) поступаютъ къ водяному, который держитъ ихъ подъ водою въ опрокинутыхъ горшкахъ (= дождевымъ урнахъ); когда душа ускользнетъ изъ заключенія — она, какъ существо воздушное, выходитъ изъ воды въ видѣ пузыря. И по нѣмецкому повѣрью, души заключены въ горшкахъ въ жилищѣ wassermann'a. Въ Гамбургѣ, сидя подъ мостомъ, водяной таскаетъ мотыкою дѣтей въ воду и сажаетъ ихъ подъ старые горшки. Только по субботамъ, отъ двѣнадцати до часу, могутъ выходить эти малютки и играть на берегу, но водяной зорко сторожитъ ихъ и снова гонитъ въ темницу. Сказанія о зачатыхъ или осужденныхъ духахъ (эльфахъ, кобольдахъ), заточенныхъ въ сосудахъ, откуда раздаются ихъ жалобные голоса, извѣстны почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ ³⁾. Ибнъ-Фоцланъ упоминаетъ о колодезномъ срубѣ, заглядывая въ который дѣвица, рѣшившаяся раздѣлится съ умершимъ княземъ его погребальное ложе, видѣла по ея словамъ прекрасный зеленый рай, а въ раю своихъ покойныхъ предковъ; въ ихъ средѣ видѣла она и недавно-скончавшагося князя, который призывалъ ее къ себѣ ⁴⁾. По чешскимъ преданіямъ

¹⁾ Памят. XII в., 66—67.— ²⁾ Ч. О. И. и Д. 1865, III, 148.—
³⁾ Громанъ, 12; Beiträge zur D. Myth., II, 293, 297. — ⁴⁾ Стр. 17.

пав—страна усопшихъ есть zelena louka; этотъ «зеленой лугъ» въ моравскихъ пѣсняхъ представляется, какъ обиталище добродѣтельныхъ душъ. Враги народа были въ тоже время и врагами его національныхъ боговъ; поэтому они, а равно и всѣ злые люди, нарушившіе святость семейныхъ узъ, не принимались въ райскіе луга, а шли въ черную ночь, т. е. въ адскіе вертепы черныхъ тучъ, облегающихъ свѣтлое небо ¹⁾. По свидѣтельству народныхъ легендъ, мѣста будущей жизни, приуготованныя для добродѣтельныхъ и грѣшныхъ, находятся у колодцевъ. Для посмертнаго пребыванія первыхъ предназначены студенцы съ чистой ключевой водою, при которыхъ растутъ благоухающіе цвѣты, зрѣютъ на деревьяхъ вкусные плоды и поютъ райскія птицы; а грѣшники будутъ ввержены въ колодцы, наполненные змѣями, жабами, лягушками и другими гадами. Итакъ одинъ и тотъ-же поэтический образъ, только съ различною обстановкою, прилагается и къ раю—вирию, и къ аду—пеклу ²⁾. Праведныхъ ожидаетъ у райскихъ источниковъ такое полное блаженство, что время для нихъ какъ-бы перестанетъ существовать: годъ будетъ пролетать, какъ единый неуловимый мигъ, а триста лѣтъ покажутся за три счастливыя минуты. Такую нечувствительность къ полету времени, по указанію валахской сказки, испытываетъ дѣвочка, водворенная въ рай у пресв. Богородицы ³⁾. На одну

¹⁾ Громанъ, 193. — ²⁾ Н. Р. Лег., 3, 21 и стр. 124, 128. Райскому колодцу соответствуетъ Urdharbrunnen, адскому—Hvergelmir (Germ. Myth., 550). По словамъ гуцуловъ, мавки обитаютъ въ пещерахъ, гдѣ журчатъ прозрачные источники и растутъ чудные сады и виноградники—Пант. 1855, V, 49. — ³⁾ Св. Дѣва взяла съ собой дѣвочку и спрашиваетъ ее однажды: гдѣ ты была? — Я пробыла одинъ день въ раю, отвѣчала дѣвочка. „Не одинъ день, а цѣлый годъ!“ возразила Богородица. Въ другой разъ повторяетъ свой вопросъ Св. Дѣва: гдѣ ты была?—Я пробыла одинъ часъ въ раю. „Не часъ, а три человѣческихъ жизни!“ Въ третій разъ на слова дѣвочки: „я на одно мгновеніе побывала на небѣ“ — Пресв.

изъ лубочныхъ картинъ занесено преданіе о старцѣ, который молилъ Бога, чтобы даровалъ ему извѣдать сладость будущаго блаженства; Богъ исполнилъ его желаніе: разъ старецъ заслушался пѣнія райской птички, слушалъ-слушалъ, и триста лѣтъ пронеслися для него, какъ три часа ¹⁾. Наоборотъ муки адскія такъ ужасны, что грѣшнику, который имъ подвергается, одинъ день казни кажется цѣлымъ тысячелѣтіемъ ²⁾. Преданія о древней богинѣ, паридѣ малютокъ-душъ, въ среднія вѣка были перенесены на Пречистую Дѣву, а души блаженныхъ (свѣтлые эльфы) стали представляться ангельчиками. Божія Матерь собираетъ къ себѣ души нерожденныхъ, которыя въ видѣ дѣтей возсѣдаютъ на ея колѣнахъ, и души усопшихъ, которыя слѣдуютъ за нею въ царство небесное, въ вѣчно-зеленые сады рай. Въ Кельнѣ рассказываютъ, что новорожденныхъ младенцевъ приносятъ изъ колодца, находящагося у церкви св. Куниберты; тамъ, до своего рожденія, сидятъ они вокругъ Богоматери, которая кормитъ ихъ кашею и забавляетъ играми; въ этомъ колодцѣ свѣтло, какъ въ ясный день ³⁾. Чехи убѣждены, что когда умретъ некрещеное дитя—его принимаетъ Пречистая Дѣва и уноситъ въ свою небесную обитель, что на томъ свѣтѣ — въ райскихъ садахъ она раздаетъ усопшимъ дѣтямъ яблоки, вишни и землянику. Если оставшаяся въ живыхъ мать вкушаетъ эти плоды до Иванова (или Успеньева) дня, то Богородица обдѣляетъ ея умершихъ дѣтей ⁴⁾. Тоже повѣрье извѣстно и нѣмцамъ: на Ивановъ день Богородица ведетъ усопшихъ дѣточекъ въ рай угощать земляникою, а тѣмъ, чья мать уже вкусила ягодъ, приказываетъ:

Дѣва замѣчаетъ: „ошибаешься, дитя! не мгновение, а повѣчности провела ты въ жилищѣ блаженныхъ“. Слѣчи Срп. припов., 113—4.

—¹⁾ У народовъ романскихъ есть такое-же преданіе о пустынноикѣ, который заслушавшись въ лѣсу соловья, впалъ въ сладкое забытье на цѣлыя сто лѣтъ, и когда очнулся—все въ этомъ мѣрѣ было для него ново и незнакомо. — ²⁾ Пам. стар. рус. литер., I, 109. — ³⁾ Die Götterwelt, 280. — ⁴⁾ Громанъ, 106, 113; День 1864, 43.

«воротитесь назадъ! ваша доля уже съѣдена вашей лакомой матерью.»¹⁾ По русскому повѣрью, младенцы, какъ совершенно безгрѣшные, идутъ по смерти въ рай, и въ простомъ народѣ существуетъ убѣжденіе, что души ихъ гуляютъ по небеснымъ вертоградомъ и питаются гроздіями спѣлаго винограда и золотыми яблокамъ; не слѣдуетъ, говорятъ, хоронить умершихъ дѣтей неподпоясанными, чтобы они могли собирать за пазуху райскіе плоды²⁾. Мать, у которой умеръ ребенокъ, не должна ѣсть яблокъ до втораго Спаса; не то Богородица не дастъ ей ребенку золотого яблочка, какими дарить она на Спасовъ день всѣхъ водворенныхъ въ раю малютокъ. Въ дополненіе къ выше-приведенной сказкѣ о двухъ сестрахъ доброй и злой и ихъ пребываніи въ царствѣ Гольды, должно указать на слѣдующую, въ высшей степени любопытную варицію того-же мифа. Была мать, говоритъ словацкая сказка³⁾; у ней было двѣ дочери: одна — родная, а другая — падчерица. Собственную дочь она очень любила, а падчерицу просто не могла видѣть, потому что послѣдняя, Марушка, была гораздо красивѣе, чѣмъ ея Голена. Добрая Марушка не знала о своей красотѣ и не могла объяснить себѣ, почему мачиха такъ злилась, какъ скоро она попадалась ей на глаза. Она должна была отпирать всѣ работы: убирать комнаты, варить, шить, прастъ, ткать, приносить траву и заботиться о коровѣ; а Голена только наряжалась и оставалась постоянно къ праздности. Марушка трудилась охотно, и терпѣливо, словно овечка, переносила ругательства и проклятія мачихи и сестры. Но это не помогало; день ото дня онѣ становились злѣе, потому что чѣмъ далѣе, тѣмъ Марушка дѣлалась прекраснѣе, а Голена дурнѣе. Вздумалось матери: «зачѣмъ я должна терпѣть въ

¹⁾ German. Mythen, 428. — ²⁾ Иллюстр. 1846, 332. — ³⁾ Westsl. Märch., 20—26; Slov. pohad., 296—306; сравни у Эрбена, 293; въ сборн. Валявца, 221—2.

моемъ домѣ красивую падчерицу, если моя родная дочь далеко не красавица? Прійдутъ парни свататься, Марушка станетъ имъ нравиться, и они не захотятъ Голены». Съ той минуты мачиха съ дочкою искали случая, какъ-бы извести бѣдную Марушку; мучили ее голодомъ, били ее, но она все терпѣла и день ото дня становилась прекраснѣе. Однажды—это было въ срединѣ зимы—захотѣлось Голенѣ имѣть фіалки: «ступай, Марушка, принеси мнѣ изъ лѣсу пучокъ фіалокъ! я хочу заткнуть цвѣты за поясъ и обонять ихъ запахъ.»—Ахъ, Боже! что тебѣ вздумалось, милая сестрица? я никогда не слыхала, чтобы фіалки росли между снѣгами, отвѣчала бѣдная дѣвушка. «Ты смѣешь спорить, негодная тварь, жаба! когда я приказываю. Если ты не пойдешь въ лѣсъ и не принесешь фіалокъ, то я убью тебя до смерти!» угрожала Голена. Мачиха схватила Марушку, вытолкнула ее вонъ и заперла за нею двери. Горько плача, пошла дѣвица въ лѣсъ. Снѣгъ лежалъ глубокой, нигдѣ не видать было слѣдовъ ноги. Долго блуждала бѣдная; она чувствовала и холодъ и голодъ, и молила Бога, чтобы онъ взялъ ее лучше со свѣта. Замѣтивъ вдали огонь, она пошла на его блескъ и поднялась на вершину горы. На горѣ пылалъ большой костѣръ, а кругомъ огня на двѣнадцати камняхъ сидѣли двѣнадцать мужей: трое—старые, съ сѣдыми бородами, трое—немного помоложе, еще трое—возмужалыхъ лѣтъ, и наконецъ трое—самые юные и красивые. Они молчали и тихо смотрѣли на огонь. Это были двѣнадцать Мѣсяцевъ. Ледяной Мѣсяць (Ледень — генварь) сидѣлъ всѣхъ выше на первомъ мѣстѣ; волосы и борода его были бѣлы, какъ снѣгъ; въ рукахъ держалъ онъ жезлъ—символъ власти. Нѣсколько времени Марушка стояла въ изумленіи, но потомъ собралась съ духомъ, приблизилась и стала просить: «добрые люди! позвольте мнѣ обогрѣться у огня; я вся дрожу отъ холоду!» Ледяной Мѣсяць кивнулъ головою и спросилъ: «какъ ты, дѣвица,

сюда зашла? и чего ищешь?» — Я ищу фіалокъ, отвѣчала Марушка. «Теперь не время искать фіалокъ! вездѣ снѣгъ лежитъ», сказалъ Ледяной Мѣсяцъ. — Я сама это хорошо знаю, отвѣчала печально Марушка; но моя мачиха и сестра Голена приказали мнѣ принести лѣсныхъ фіалокъ; если я не принесу, онѣ убьютъ меня до смерти. Государи пастухи! умоляю васъ, укажите — не могу ли я гдѣ-нибудь отыскать фіалокъ? Тогда Ледяной Мѣсяцъ поднялся съ камня, подошелъ къ самому юному Мѣсяцу, отдалъ ему жезлъ въ руки и сказалъ: «братецъ Мартъ! сядь на первое мѣсто.» Мѣсяцъ Мартъ занялъ мѣсто выше всѣхъ и махнулъ жезломъ поверхъ огня: въ тотъ-же мигъ огонь запылалъ сильнѣе, снѣгъ началъ таять, на вѣткахъ стали показываться почки, подъ деревьями зазеленѣла трава, цвѣты пустили свои ростки — и вотъ наступила весна. Межъ кустарниковъ зацвѣли фіалки — ихъ было такъ много, такъ много, словно кто голубой ковѣръ разостлалъ. «Скорѣе рви!» сказалъ Мѣсяцъ Мартъ Марушкѣ. Она съ радостью набрала большой букетъ, поблагодарила двѣнадцать Мѣсяцевъ и поспѣшила домой. Какъ удивились Голена и мачиха, когда увидѣли, что Марушка несетъ имъ букетъ фіалокъ; отворили ей двери — она вошла и запахъ разлился по всему дому. «Гдѣ ты ихъ набрала?» спросила сердито Голена. — На высокой горѣ; тамъ ихъ много растетъ подъ кустами. Голена взяла цвѣты, заткнула за поясъ, нюхала сама и матери давала нюхать, а сестрѣ ни разу не промолвила: «понюхай и ты!» Послѣ того Голена и мачиха выгнали Марушку за земляничкой. Падчерица опять приходитъ къ Мѣсяцамъ и встрѣчаетъ у нихъ тотъ-же радушный приемъ. Узнавши — въ чемъ дѣло, Ледяной Мѣсяцъ всталъ съ камня, подошелъ къ тому Мѣсяцу, что сидѣлъ какъ разъ противъ него, отдалъ ему жезлъ въ руки и сказалъ: «братецъ Іюнь! сядь на первое мѣсто.» Прекрасный Іюнь сѣлъ выше всѣхъ и махнулъ жезломъ поверхъ огня: въ

тотъ-же мигъ пламя поднялось высоко, снѣгъ быстро растаялъ, земля одѣлась травою, деревья листьями, птицы начали свои пѣсни, разнообразныя цвѣты зацвѣли въ лѣсу, и вотъ наступило лѣто. Въ травѣ замелькали бѣленькія звѣздочки, какъ-будто ихъ нарочно насѣяли; быстро, на глазахъ, эти бѣлыя звѣздочки переходятъ въ земляники и тотчасъ-же созрѣваютъ ягоды. Не успѣла Марушка оглянуться, какъ ихъ много-много высыпало на зеленомъ лугу, словно кто обагрилъ его каулями крови. Марушка набрала земляники и отнесла Голенѣ; та кушала ягоды и матери давала полакомиться, во ни разу не сказала Марушкѣ: «покушай и ты, сестрица!» Въ третій разъ захотѣлось Голенѣ красныхъ яблочекъ, и она послала за ними Марушку. По глубокому снѣгу пришла бѣдняжка къ Мѣсяцамъ. Ледяной Мѣсяцъ передалъ свою власть брату Сентябрю. Сентябрь сѣлъ на первое мѣсто, махнулъ жезломъ поверхъ костра — огонь запылалъ ярче, снѣгъ пропалъ, и вскорѣ природа приняла грустный осенній видъ; листья падали съ деревьевъ одинъ за другимъ, и свѣжій вѣтеръ гналъ ихъ туда и сюда по сухой, пожелтѣлой травѣ. Марушка уже не видѣла разнообразныхъ цвѣтовъ, за то нашла яблоню съ сочными плодами; потрясла ее — упало одно красное яблочко, потрясла еще — упало другое. «Теперь скорѣе домой!» сказалъ Мѣсяцъ Сентябрь; дѣвушка послушалась и привнесла домой два яблока. Удивилась Голена, удивилась и мачиха. «Гдѣ ты сорвала яблоки?» — На высокой горѣ; тамъ еще много ихъ осталось. «Зачѣмъ-же ты не принесла больше? закричала со злобой Голена; вѣрно, сама поѣла дорогомъ?» — Ахъ, милая сестрица! я ни одного яблочка не попробовала. Я потрясла дерево разъ — упало одно яблочко, потрясла еще — упало другое; а больше трусить мнѣ не позволили, приказали домой идти. «Чтобъ тебя громомъ убило!» кляла Марушку Голена и хотѣла ее бить. Бѣдняжка заплакала и убѣжала на кухню.

Голена принялась за яблоко, которое показалось ей необыкновенно-вкуснымъ; съѣла, и говоритъ матери: «дай-ка мою шубу, я сама пойду въ лѣсъ; а то эта негодная тварь пожалуй опять все съѣсть дорѣгою. Я обтрясу всѣ яблоки—хоть позволять мнѣ, хоть нѣтъ!» Накинула шубу, платокъ на голову, и пошла изъ дому. Снѣгъ лежалъ глубокой, нигдѣ не видно было слѣдовъ ноги человѣческой. Долго она блуждала, наконецъ пришла къ Мѣсяцамъ; не спрашивая позволенія, Голена прямо подошла къ костру и стала грѣть свои руки. «Чего ты пщешь? зачѣмъ сюда пришла?» строго спросилъ Ледяной Мѣсяць.— А ты что за спросъ, старый дуракъ! зачѣмъ тебѣ знать, куда я иду? отвѣчала Голена и повернула въ лѣсъ. Ледяной Мѣсяць наморщилъ лобъ и поднялъ жезлъ надъ головою: въ тотъ же мигъ огонь сталъ горѣть слабѣе, небо помрачилось, снѣгъ повалилъ такими хлопьями, словно кто перину вытрясалъ; по лѣсу засвисталъ рѣзкій, всёоцпеняющій вѣтеръ. На одинъ шагъ передъ собою уже Голена ни зги не видала; она вязла въ снѣгу, проклинала Марушку и чувствовала, что члены ея коченьютъ. Поджидая ее домой, мать смотрѣла въ окно, выбѣгала за ворота; но часы проходили одинъ за другимъ, а Голены не было. «Вѣрно, яблоки ей такъ понравились, что она отстать отъ нихъ не можетъ, подумала мать; пойду-ка я сама посмотрю.» Тотчасъ надѣла шубу и пустилась искать дочку. Между тѣмъ время шло да шло; Марушка приготовила кушанье, убрала корову, а мачиха и Голена не ворочались. «Гдѣ онѣ остаются такъ долго?» думала Марушка и уѣзлась за прялку. Уже пряжа готова, на дворѣ смерклось, а ихъ все нѣтъ. «Ахъ, Боже мой! что съ ними приключилось?» сказала добрая дѣвушка; посмотрѣла въ окно—небо сіяло звѣздами, земля блистала снѣгомъ, но изъ людей никого не было видно. На другой день ждала ихъ Марушка къ завтраку, ждала къ обѣду, но понапрасну—обѣ онѣ замерзли въ лѣсу. Такъ глубо-

ко проникнута жизнью природы чистая, неподдельная народная поэзия! она слышитъ, какъ прозябаютъ травы, какъ шелестятъ лепестки распускающихся цвѣтовъ, и сочувственно отзывается на каждое, повидимому незамѣтное и едва уловимое, проявленіе жизненныхъ силъ. Другая сказка ¹⁾ рассказываетъ о бѣднѣжкѣ, который отъ зимняго холода вздумалъ идти на стеклянную гору, гдѣ всегда огонь горитъ, и тамъ согрѣть свои прозябшіе члены. На горѣ пылалъ костеръ (vatra), а вокругъ него сидѣли двѣнадцать мужей — sluhové krále nad časem (слуги, подвластные царю времени); въ теченіи года они двѣнадцать разъ мѣнялись своими мѣстами по порядку, такъ что по окончаніи годичнаго періода каждый изъ нихъ занималъ свое первоначальное мѣсто. Стеклянная гора (Glasberg) есть свѣтлое небо = Асгардъ, а костеръ, около котораго возсѣдаютъ Мѣсяцы, — метафора солнца, которое свѣтитъ то ярче (лѣтомъ), то блѣднѣе (зимомъ), и вѣстѣ съ тѣмъ то животворнѣе, то слабѣе вліяетъ на производительность земли. На это верховное свѣтило указываетъ и возженіе костровъ на праздникахъ солнечныхъ поворотовъ. Марушка и Голена — двѣ души добрая и злая — ищутъ на небесной горѣ вѣчно-цвѣтущаго, плодоноснаго сада, скрытаго за свѣжными, зимними облаками; первая протѣсняется сквозь ихъ туманное царство и обрѣтаетъ райскіе цвѣты и плоды, а послѣдняя погибаетъ на пути отъ суровой стужи Niflheimr'a, т. е. дѣлается добычею ада (см. выше стр. 25 — 28). Въ Скандинавіи и Германіи сохраняется вѣрованіе, что души усопшихъ обитаютъ на горѣ, вѣстѣ съ громовникомъ Торомъ, и выраженіе: «in den berg gehen» до сихъ поръ употребляется въ смыслѣ: умереть ²⁾. Что цвѣтущія подъ снѣгами фіалки и зрѣющія въ зимнюю пору яблоки и земляника принадлежатъ небесному царству праведныхъ, замкнутому отовсюду демонами зимы, — осязательное

¹⁾ Slov. pohad., 19 — 28. — ²⁾ German. Mythen, 240.

доказательство тому находимъ въ старинной сагѣ у Саксона: одинъ король пожелалъ узнать, гдѣ лежитъ та благословенная страна, въ которой даже зимою растенія красуются свѣжею, неувядаемою зеленью, и обрѣлъ ее тамъ, куда по смерти должна будетъ явиться его собственная душа ¹⁾. По свидѣтельству Краледворской рукописи: души усопшихъ порхаютъ по деревьямъ, а по словамъ русской обрядовой пѣсни: «русалочки-земляночки на дубъ лѣзли, кору грызли», т. е. пролагая себѣ путь въ царство блаженныхъ, онѣ грызутъ облачныя деревья острыми зубами молніи. Ясно, что всѣ эти преданія говорятъ собственно о цвѣтущемъ раѣ — виріи или островѣ Буазѣ, откуда при началѣ весны приносятся на землю разнообразныя растительныя сѣмена (II, 137—141). Выше было указано на связь имени Буяна съ мѣстами загробнаго упокоенія умершихъ; на этотъ святой островъ устремлялись души, по выходѣ ихъ изъ тѣлесной оболочки, и потому, вмѣстѣ съ творческими силами природы, тамъ возсѣдала и грозная птица-Смерть (I, 528). Вкушая въ райскихъ садахъ золотыя — молоджавыя яблоки и гроздія винограда (— вино-нектаръ), блаженные обрѣтаютъ неувядаемую молодость и живутъ, не вѣдая ни старости, ни болѣзней; тѣми-же благами надѣляется ихъ и живая вода небесныхъ источниковъ (jungbrunnen). Преданіе о странѣ вѣчной юности сохранилось и между славянами. Замѣчательная малорусская сказка о чловѣкѣ, искавшемъ «безсмертной земли», ²⁾ повѣствуетъ, что онъ пришелъ къ волку, который «пиле ³⁾ хвостомъ дуби». «Куды ты, чловиче, идешь? питае вовкъ.—Иду, каже, такой земли шукати, щобъ не старитьця и не умираты.—Оставайсь зо мною!—А ты-жь погы будешь жить, вовче?—Поты буду жить, погы сѣго дуба хвостомъ не перепиляю. — А потымъ умрешъ?—Умру.» Че-

¹⁾ Ibid., 440—1. — ²⁾ Изъ непечатныхъ матеріаловъ, собранныхъ редакціей журнала „Основа“. — ³⁾ Сваливаетъ.

ловѣкъ отправился дальше: «иде, колы бачыть—ажь стоить хатка, а въ тій хатци панночки сидятъ и передь ними скрынъки поввисеньки гòлокъ.—Живи у насъ!—А вы-жь покы будете жить?—Поты будемъ жить, покы уси гòлки въ вѣкахъ поломаемо» ¹⁾. Человѣкъ пошелъ къ Мѣсяцу; «а ты долго ли проживешь?» спрашиваетъ его.—«Я, каже, такъ: якъ мисяць у неби старый, то и я старый, а якъ винъ молодой, то и я молодой.» Остался человѣкъ у Мѣсяца, прожилъ лѣтъ сто и больше, «а тыиъ часомъ Смерть усе шукае чоловика», пришла съ запросами сперва къ волку, потомъ къ панночкамъ, и добралась наконецъ до Мѣсяца. «Чого ты прійшла? питаецця Мѣсяць.— За своєю душою.— То не твоя душа! — Ни, моя!— Ни, не твоя! Возьми, каже Мисяць, ты сѣго чоловика за ноги, а я за голову, тай розвихаймо: колы у гòру полетыть—мій, а колы внизъ, то твій! Узялы и розвихалы, такъ винъ у гòру и полетивъ, да и ставъ зяркою, що коло мисяця у неби видно» (сравни выше стр. 250). Вариантъ этой сказки, напечатанный въ моемъ сборникѣ ²⁾, сообщаетъ нѣсколько другихъ, не менѣе важныхъ подробностей: спасаясь отъ зубастой вѣдьмы, пожирающей живой людъ, Иванъ-царевичъ прїѣзжаетъ къ старымъ швеямъ и просить у нихъ пристанища. «Рады бы принять тебя, отвѣчали старухи, да намъ самимъ недолго жить; вотъ доломаемъ сундукъ иголокъ да изошьемъ сундукъ нитокъ—тотчасъ и смерть прїдетъ!» Заплакалъ царевичъ и побѣжалъ дальше; на дорогѣ минуеть онъ Вертодуба и Вертогора: первый долженъ умереть, какъ скоро повыдергиваетъ всѣ дубы съ кореньями, а послѣдній—когда перевернетъ всѣ горы. Наконецъ, послѣ долгаго странствованія, прїѣзжаетъ царевичъ къ Солнцевой сестрѣ; она его приняла, кормила-

¹⁾ Пока поломаемъ всѣ иголки въ корзинахъ. — ²⁾ Н. Р. Ск., VI, 57.

попла, давала ему молоджавыя яблоки. Сгрустнулось однажды царевичу, захотѣлось побывать дома; прибылъ онъ на родину, но тамъ уже все было съѣдено—оставались однѣ голыя стѣны а злая вѣдьма точила на него свои острые зубы. Иванъ-царевичъ обратился въ бѣгство. На пути старыя швеи подарили ему хусточку, и какъ только царевичъ махнулъ ею—позади его стало широкое озеро; а когда проѣхалъ онъ мимо Вертодуба и Вертогора, эти богатыри заложили дорогу грудами вѣковыхъ дубовъ и высокими горами. Вѣдьма переплыла озеро, протралаась черезъ лѣса и горы, и уже стала нагонять царевича, какъ онъ прискакалъ къ теремамъ Солнцевой сестры и закричалъ: Солнце, Солнце! отвори оконце.» Солнцева сестра отворила оконце, и царевичъ вскопчалъ въ него вѣстѣ съ конемъ. Вѣдьма требуетъ выдачи царевича и вступаетъ въ споръ съ Солнцевой сестрою. «Пусть же, говоритъ она, Иванъ-царевичъ идетъ со мной на вѣсы; кто кого перетянетъ!» Пошли на вѣсы; на одной сторонѣ сталъ царевичъ, а на другую полѣзла вѣдьма: только ступила ногой, такъ Ивана-царевича вверхъ и подбросило, да съ такою силою, что онъ прямо попалъ на небо, къ Солнцевой сестрѣ въ терема; а вѣдьма-змѣя осталась на землѣ ¹⁾. Вертодубъ или ивоническій волкъ, пиляющій хвостомъ дубы, и Вертогоръ— великаны, рушители облачныхъ лѣсовъ и горъ; старыя швеи— небесныя пряжи, дѣвы судьбы, которыя обитаютъ при источникахъ райскаго древа и ткуютъ облачные покровы; подаренная ими хустка—туча, проливающая дождевое озеро. Въ страну безсмертія, въ этотъ пресвѣтлый рай или царство Солнца, душа человѣка несется черезъ воздушныя пространства, занятія облаками и тучами; а за нею гонится поѣдучая вѣдьма-Смерть,

¹⁾ Сходная сказка есть у грековъ (Ганъ, 65); здѣсь вѣдьма прилетаетъ въ видѣ облака и душитъ лошадей; но преданіе значительно сокращено и лишено старинныхъ красокъ.

царица мрачнаго ада (= Гелла), стараясь захватить ея увлечь въ свои вертепы. Если душа обременена тяжкими преступленіями и грѣхами—ей не избѣгнуть плѣна; праведная же достигаетъ небесныхъ теремовъ (Асгарда), гдѣ властвуетъ богиня утренней зори и всеобновляющей, вѣчно-юной весны (Солнцева сестра = Фрея, Гольда, Лада; отворяемое ею окно—метафора дневнаго разсвѣта, Goldtor—см. I, 158-162), и вселяясь въ царство блаженныхъ, блещитъ оттуда яркою звѣздой. Вѣсы указываютъ на загробный судъ, ожидающій человека по смерти, когда взвѣшиваются его добрыя и злыя дѣла, и смотря по тому, какая сторона перетянетъ, душа его идетъ или въ рай, или въ пекло (см. гл. XXV). По указанной выше связи царства усопшихъ съ ночью и мѣсяцемъ, богиня, управляющая этимъ царствомъ, представляется воссѣдающею на лунѣ; а какъ создательница облачныхъ и ночныхъ покрововъ, помрачающихъ небесный сводъ, она признается пряхою (см. выше стр. 129—о Фреѣ-пряхѣ). Въ нѣмецкихъ земляхъ крестьяне усматриваютъ въ пятнахъ луны изображеніе пряжи съ веретенкомъ въ рукахъ, которая попала туда за то, что пряла въ воскресенье при лунномъ сіяніи; иные же отождествляютъ луну съ ликомъ Маріи Магдалины (вмѣсто Пречистой Дѣвы) и въ пятнахъ этого свѣтила узнаютъ слѣды ея покаянныхъ слезъ. Въ Альтмаркѣ думаютъ, что *Magienfäden* (*so ohne Gefäden*—летучая осенняя паутина—пряжа, изготовляемая зльфами) выдѣлываются искусными пряжами, обитающими на мѣсяцѣ; въ другихъ-же мѣстностяхъ ихъ считаютъ за остатки гробоваго савана, который сбросила съ себя Божія Матерь при своемъ вознесеніи на небо. Въ періодъ Бабьего лѣта, при ясномъ сіяніи солнца, шествуетъ по горамъ и лугамъ Св. Марія (= Гольда, Фрея), въ сопровожденіи многочисленныхъ дѣвъ-эльфовъ (т. е. душъ усопшихъ); впереди каждой дѣвы летитъ ангелъ съ золотою

прялкою, тянетъ серебристо-шелковыя нити и разстиляетъ надъ землею небесную пряжу ¹⁾. Тоже преданіе уцѣлѣло у люнебургскихъ славянъ; по ихъ словамъ, на мѣсяцѣ сидитъ пряха, вертитъ колесо и прядетъ тонкія бѣлоснѣжныя нити, которыя при самомъ концѣ лѣта падаютъ на землю легкою паутиною; пряжу эту можно видѣть во время полнолунія ²⁾. Облака-ткани приготавливаются богиней загробнаго (=небеснаго) царства и сопровождающими ее грозowymi геніями; какъ существа ствхійныя, какъ цверги и мары, души усопшихъ принимаютъ участіе въ этой работѣ и сами облакаются въ изготовленныя ткани. Длинные, бѣлыя, развивающіяся по вѣтру сорочки небесныхъ дѣвъ и эльфовъ — ничто иное, какъ метафора облачныхъ одѣяній; озаренныхъ лѣтнимъ солнцемъ. Въ примѣненіи къ тѣнямъ блуждающихъ мертвецовъ одѣянія эти получили значеніе гробовыхъ савановъ. Наши русалки, показываясь на Троицкой недѣлѣ, выпрашиваютъ себѣ при встрѣчѣ съ бабами и дѣвками бѣлыхъ рубахъ и намитокъ, и донныя крестьянки вѣшаютъ для нихъ по деревьямъ мотки нитокъ, полотенца и сорочки. Едва ли не подъ вліяніемъ этихъ воззрѣній возникъ обычай окутывать усопшихъ длинными бѣлыми саванами, постилать внутри гроба бѣлую пелену и самого покойника обматывать холстомъ (сравни въ гл. XXV — сказанія о сорочкѣ, которую прядутъ и ткуютъ парки для каждаго человѣка и которая приносится покойникомъ на тотъ свѣтъ, какъ исторія его земной жизни, представляемая на судъ боговъ). Сродство усопшихъ съ эльфами и богиней-пряхою свидѣтельствуется еще слѣдующими повѣрьями: въ воронежской губ. считаютъ за грѣхъ мыкать мычки и прясть кудели въ пятницу, ибо черезъ это оскорбляются покойные родители, такъ какъ шелуха и кострика легко могутъ

¹⁾ German. Mythen, 40; Die Götterwelt, 304. — ²⁾ Гануша: Дѣдъ и Баба, 48.

засорить ихъ свѣтлыя очи ¹⁾; въ курской губ. крестьянки ничего не шьютъ въ поминальные дни: по ихъ мнѣнію, кто шьетъ въ эти дни, тотъ своею иглою колеть покойникамъ глаза ²⁾. Означенныя повѣрья первоначально относились къ тѣмъ облачнымъ тканямъ, изготовленіе которыхъ помрачаетъ ясныя звѣзды — эти очи блаженныхъ предковъ, кротно-взирающихъ на землю изъ своихъ небесныхъ обителѣй. Тѣже домашнія работы (прясть, ткать и шить) воспрещаются по пятницамъ, чтобы не исколотъ иглами и веретенами мистической Пятницы и не запорошить ея пречистыхъ глазъ; Пятница же соответствуетъ Фреѣ (I, 226-242) и Гольдѣ, богинямъ, въ свитѣ которыхъ тѣни усопшихъ шествуютъ въ загробный міръ. Облачная ткань (покровъ, одѣяніе, коверъ-самолѣтъ) есть именно та пелена, на которой душа, по смерти человѣка, возносится въ царство блаженныхъ. По свидѣтельству народныхъ стиховъ, ангелы, являясь за праведною душою, принимаютъ ее на пелену и несутъ на небо (см. стр. 55); подблюдная святочная пѣсня: «по городу хожу, полотенцемъ стелю» предвѣщаетъ смерть ³⁾, т. е. указываетъ на путь въ загробное царство, такъ какъ всякая дорога, ведущая въ дальнюю сторону, на метафорическомъ языкѣ сравнивалась съ разостланнымъ полотномъ (см. I, 40). Моравскія пѣсни приписываютъ вознесеніе праведныхъ душъ на небо Пречистой Богородицѣ или св. Аннѣ; являясь къ одру умирающаго, онѣ изрекаютъ: «*chyc se, dušo, mého plášča, pŕjdžemu pŕed Pána Krista*», или: «*chyt' se, duše, mého kŕídla* (крыло — по кровъ), *poletíme v rajské sídla*» ⁴⁾. Въ тверской губ. каждому покойнику даютъ въ руки

¹⁾ Этн. Сб., I, 215; Послов. Даля, 1031. — ²⁾ Этн. Сб., V, 82. — ³⁾ Ворон. Г. В. 1850, 17. — ⁴⁾ Гануша: Дѣдъ и Баба, 48. Переводъ: Ухватись, душа, за мой плащъ (за мое крыло), пойдемъ передъ Господа Христа, или полетимъ въ райскія селенія.

полотенце; въ другихъ мѣстностяхъ когда везуть умершаго въ церковь, то гробъ его покрывается бѣлою пеленою, а дуга, возжи и повода обвиваются холстомъ. Гробъ принято опускать въ могилу на холстахъ или ручникахъ, которые потомъ достаются священнику и дьякону; къ могильному кресту прикрѣпляютъ кусокъ полотна или бѣлыя платъ; тотчасъ по кончинѣ кого-либо изъ членовъ семейства поселяне вывѣшиваютъ полотенце изъ окна избы на улицу, которое и остается здѣсь до истеченія шести недѣль, т. е. до того времени, пока душа не отлетитъ изъ сего міра на тотъ свѣтъ; послѣ шести-недѣльнаго срока полотенце это отдають нищимъ. Когда совершаются годовые поминки въ честь всѣхъ усопшихъ родичей, незримо-присутствующихъ при этомъ обрядѣ,—хозяинъ, по окончаніи трапезы, открываетъ окно, распускаетъ на улицу холстъ и приглашаетъ покойниковъ возвратиться въ свои загробныя жилища по разостланному полотну: «ступайте съ Богомъ! вотъ тутъ будетъ вамъ помилче!» Въ день годовщины усопшаго, при совершеніи литіи, могилу его покрываютъ холстиною ¹⁾.

Выше объяснено (I, 182; II, 134—141), что востокъ, какъ страна воскресающаго солнца, былъ признанъ за блаженное царство весны, и что именно тамъ арійское племя полагало вѣчно-цвѣтущій, пресвѣтлый рай—обиталище всецѣдрыхъ боговъ и блаженныхъ предковъ. По литовскому преданію, въ этомъ солнечномъ царствѣ, на востокѣ, пребываютъ души, пока не будутъ посланы на землю въ тѣла новорожденныхъ младенцевъ, и потомъ, по окончаніи земной жизни, снова возвращаются въ свое первобытное отечество ²⁾. По свидѣтельству малорусской сказки, душа добродѣтельнаго, пришедшая въ «без-

¹⁾ Черниг. Г. В. 1842, 37; Сынъ Отеч. 1839, VIII, 85; Вѣст. Р. Г. О. 1853, II, 92; III, 5; Ворон. Г. В. 1851, 2; Записки Авдѣев., 122; Этн. Сб., I, 266. — ²⁾ Черты литов. нар., 75.

смертную страну», приѣзжаетъ въ окно терема Солнцевой сестры, т. е. въ то свѣтлое окно небеснаго чертога, которое раннимъ утромъ открывается на востокъ богиней Зорею; этии же путемъ нисходятъ душа усопшей матери на свадьбу своей милой дочери (см. выше стр. 238). Въ Галиціи сохраняется преданіе, что далеко на восходѣ солнца, за черными морями (т. е. дожденосными тучами), обитаетъ счастливый народъ рахмане; они ведутъ святую жизнь, содержатъ постоянный строгій постъ ¹⁾ и только однажды въ году разрешаютъ на мясо — на Великъ день рахманскій, который приходится тогда, когда скорлупа освященнаго красного яйца доплываетъ къ нимъ отъ насъ черезъ широкое море. Въ южной Руси народъ этотъ называютъ навь, а празднуемый ими Великъ день — навьскій или русальный. На Святой недѣлѣ малоруссы бросаютъ въ воду скорлупу отъ крашеныхъ яицъ, чтобы она донесла покойникамъ радостную вѣсть о наступившемъ праздникѣ Воскресенія Христова ²⁾. Въ Польшѣ обращаются къ солнцу съ такою пѣснею:

Swieć, swieć, słońeczko!
 Dam ci jajeczko,
 Jak kureczka zniesie
 Na dębowem lesie.
 Wezmie jajo do raju,
 Wszystkie dusze radują ³⁾.

Слово рахманый (рахманый) доселѣ употребительно въ народныхъ говорахъ — въ слѣдующихъ значеніяхъ: а) веселый, щедрый, хлѣбосольный, угостительный, б) тихій, кроткій, воздержный, в) вялый, слабоумный, скучный — точно также,

¹⁾ Существуетъ поговорка: „постимо, якъ рахмане“. — ²⁾ Мажъ, VIII, 24; XI, 19; Рус. Ист. Сб., III, ст. Ходаковск., 146—7; VII, 370. — ³⁾ Письмо проф. Буслаева — въ Истор. Россіи Соловьева, II, 21.

какъ слово блаженный (кримъ общезвѣстнаго своего смысла) употребляется еще въ значеніи: полоумный, расслабленный, дряхлый, блажной; блажь—дурь, юродство ¹⁾). Такимъ образомъ съ этими эпитетами сочетались различныя понятія, съ одной стороны указывающія на призванныхъ къ вѣчному довольству и покою, а съ другой — на людей, отмѣченныхъ рукою Смерти: болѣзненныхъ, расслабленныхъ, тоскливыхъ, безумныхъ, словомъ—подобныхъ тѣмъ, которыми овладѣваютъ злыя (см. выше стр. 77—78). Въ костромской губ. о человѣкѣ, убитомъ горемъ, исхудавшемъ, дурно-одѣтомъ и нечесанномъ отзываются: «онъ ходитъ, какъ рахманный!» Собственно рахмане суть «брахманы» (брамины), о счастливой, безмятежной жизни которыхъ на Макарійскихъ островахъ, подъ самымъ востокомъ солнца, извѣстно суевѣрное сказаніе, занесенное въ рукописные сборники средневѣковой литературы ²⁾); но сказаніе это, перейдя черезъ посредство означенныхъ памятниковъ къ славянамъ, связалось съ ихъ національными вѣрованіями въ навовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ слово «рахманный» получило въ устахъ нашихъ поселенъ тѣ самыя значенія, на какія наводили ихъ старинныя представленія о душахъ усопшихъ.

Когда человѣкъ умираетъ, душѣ его предстоить далекое и многотрудное странствованіе; чтобы достигнуть свѣтлаго неба (Gimli) и водвориться тамъ въ блаженныхъ селеніяхъ, она должна перенестись черезъ широкія, необозримыя пространства воздушной области, которая отдѣляетъ міръ людей отъ царства боговъ и предковъ (pitris). По скандинавскимъ преданіямъ, Одинъ и подвластныя ему валькириі являлись на своихъ быстрыхъ коняхъ на поле битвы, забирали души надшихъ героевъ, увозили ихъ въ валгаллу и зачисляли въ сонмъ

¹⁾ Обл. Сл., 10, 190; Доп. обл. сл., 230. — ²⁾ Очеркъ исторіи старин. повѣстей и сказокъ, А. Пыпина, 49.

небесныхъ ратниковъ, подобно тому, какъ, по мнѣнію индусовъ, души сраженныхъ воиновъ шли въ небо Индры. Общеизвѣстныя на сѣверѣ выраженія: zu Odhinn fahren, bei Odhinn zu gast sein, Odhinn heimsuchen означаютъ: умереть; въ христіанскую эпоху выраженія эти частію обратились въ проклятія: far þu til Odhins! Odhinn eigi þik! частію стали замѣняться другими: zu Gott gehen, zu Gott heimkehren ¹⁾. вмѣсто глагола «умереть» чехи употребляютъ выраженіе: na dalekú cestu se strojiti ²⁾, а на Руси говорятъ: отойди къ Богу, къ отцамъ или предкамъ, и даже просто: отойди, что указываетъ на тотъ дальній путь, въ который пускается усопшій; канонъ, читаемый надъ умирающимъ, называютъ отходною. Если больному придутъ на мысль лошади, если къ дому его будетъ протоптана новая дорожка—то и другое принимается нашими простолюднами за предвѣстіе его скорой кончины ³⁾; если первою встрѣчею на пути будетъ бѣлый конь, чехи видятъ въ этомъ предназначеніе смерти ⁴⁾; примѣта, намекающая на бѣлаго коня, на которомъ ѣздитъ Одинъ. Согласно съ представленіемъ воздушной области всесвѣтнымъ моремъ или рѣкою, обтекающею со всѣхъ сторонъ землю, души усопшихъ должны были переправляться на тотъ свѣтъ черезъ обширныя и глубокія воды ⁵⁾; такая переправа совершалась на кораблѣ или ладѣ, какъ древнѣйшей метафорѣ ходячаго по воздушному океану облака (I, 574—9). Для уплаты за этотъ перевозъ, греки, германцы и славяне давали покойнику нѣсколько мелкихъ монетъ. Какъ громаносный Индра обладалъ кораблемъ и плавалъ по воздушному океану вмѣстѣ съ мару-

¹⁾ D. Myth., 132. — ²⁾ Гануша: Дядъ и Баба, 63. — ³⁾ Сл. нар. раз., 137, 151. — ⁴⁾ Громаниъ, 53. — ⁵⁾ Подобное вѣрованіе встрѣчаемъ и у племенъ сѣверо-американскихъ—Der Ursprung der Myth., 275.

тани; такъ объ Одиѣ сохранилось преданіе, что онъ отвозилъ души усопшихъ въ валгаллу на золотомъ кораблѣ ¹⁾. По свидѣтельству Льва-діакона, руссы, погребая убитыхъ воиновъ, задумали въ волнахъ рѣки пѣтуховъ и младенцевъ, какъ жертвы, обреченныя сопутствовать умершимъ въ ихъ загробномъ странствованіи. До сихъ поръ стружки, оставшіяся отъ подѣлки гроба, принято на Руси пускать въ проточную воду; туда-же пускаютъ и скорлупу красныхъ яицъ, чтобы извѣстить навовъ о праздникѣ Пасхи, а по другому повѣрью: скорлупа яйца, брошенная въ потокъ, служитъ кораблемъ, на которомъ русалки уплываютъ въ свое подводное (=заоблачное, небесное) царство. Сербы раздавливаютъ яичныя скорлупы, «да се не би вјештице (вѣдьмы-эльфы, души-мотыльки) у њима могле возити преко вода» ²⁾. Въ Германіи рассказываютъ, что эльфы, шары и вѣдьмы плаваютъ въ челнокѣ или яичной скорлупѣ въ блаженную страну душъ (Engelland, Elbenreich). Народная загадка, означающая яйцо, выражается о немъ такъ: «es kommt ein schiff aus Engelland, hat kein bügel und kein band, und doch zweierlei bier» (= бѣлокъ и желтокъ). Гладкое, искусно-созданное яйцо, безъ швовъ и связей, такъ что въ немъ не видно ни начала, ни конца, разсматривалось, какъ хитрая работа кузнецовъ-эльфовъ ³⁾. На страшномъ судѣ души — прежде, чѣмъ вселятся въ райскія обители, должны будутъ перейти черезъ огненную рѣку (= объятая грозовымъ пламенемъ туча) и очиститься отъ своихъ прошлыхъ грѣховъ въ ея бурныхъ, влокачущихъ волнахъ (см. стр. 22).

¹⁾ Germ. Mythen, 147—8, 356.—²⁾ Срп. рјечникъ, 67, 367; въ разговорѣ противъ моря высказывается желаніе, чтобъ она „ушла у јајеску л(ь)уску, утопила се у морску пучину“. — ³⁾ Germ. Mythen, 346, 415—8; Beiträge zur D. Myth., II, 273.

Млечный путь и мостъ-радуга въ поэтическихъ сказаніяхъ индоевропейскихъ народовъ представлялись священными дорогами, по которымъ боги сходили съ высокаго неба на землю; тѣми же дорогами слѣдовали и души усопшихъ, устремляясь въ пресвѣтлый рай. Въ ведическихъ пѣсняхъ нерѣдко упоминается о дорогѣ, шествую которою — боги нисходятъ къ воспріятію приносимыхъ имъ жертвъ; въ Ригъ-Ведѣ возглашатель гимна обращается къ божественнымъ мартутамъ съ мольбою не допустить его странствовать по пути Ямы, т. е. не обречь его смерти, а если уже такая судьба неизбежна, то защитить отъ владычицы ада — Nîrrtî. «Иди, возглашалось усопшему, по тому пути, какимъ прежде шествовали наши предки; ты долженъ узрѣть высокихъ влестителей Яму и Варуну». Путь Ямы раздѣлялся надвое: одна дорога вела внизъ—въ адскіе вертепы (=въ мрачныя пещеры тучъ), а другая вверхъ — въ свѣтлое небо. Двѣ четырехъ-глазныя собаки оберегаютъ дорогу, ведущую къ жилищу Ямы, гдѣ души праведныхъ успокоиваются отъ своего блужданія; сходно съ этимъ греческій андъ охранялся трехглавымъ Церберомъ. По указанію другихъ гимновъ, собака, какъ воплощеніе вихря или грозового облака, сопровождаетъ души въ царство блаженныхъ предковъ; отсюда объясняется и слѣдующій суевѣрный обрядъ, къ которому донинѣ прибѣгаютъ на Руси: когда умирающій страдаетъ отъ долгой агоніи, крестьяне наши—съ цѣлю ускорить исходъ души изъ тѣла, разбираютъ надъ его головою потолокъ и крышу и сквозь сдѣланное отверстіе протаскиваютъ изъ хаты на дворъ черную собаку. Сверхъ того, индусы вѣрили, что душа, шествующая въ царство отцевъ, перевозится черезъ бурный потокъ (Vâitaranî) и мостъ смерти облачною коровою. Такое вѣрованіе опредѣлило самую обстановку похороннаго обряда: корова влекла трупъ усопшаго къ костру; позади печальной колесницы до

мѣста погребенія вели черную корову, которая потомъ была убиваема; мясо ея возлагалось на костеръ вмѣстѣ съ покойникомъ, покрывалось снятою кожею, и все это предавалось огню. Думали, что убитая и сожженная корова явится на томъ свѣтѣ, что усопшій схватится за ея хвостъ и что животное это перенесетъ его черезъ глубокий потокъ. Тоже значеніе придавалось первоначально и сожженію съ трупомъ мертвеца коней, собакъ и кошекъ — обычай, соблюдаемый нѣкогда и славянами (см. гл. XXIX). Путь Ямы, эта «божья дорога и тропа блаженныхъ», есть путь млечный, который у разныхъ народовъ получилъ названіе «дороги» — по тому впечатлѣнію, какое производитъ на глазъ зрителя это длинная, тянущаяся по всему небесному своду полоса. У германцевъ извѣстны для млечнаго пути слѣдующія названія: а) Iringes wёс или stráza (Iringsweg, Iringstrasze, Euringstrasze, Erimingstraet). Irinc, Irmin (древнѣйшая форма должна быть: Irimo или Arimo) признавался божественнымъ героемъ, родоначальникомъ нѣмецкаго племени. Въ Ведахъ млечный путь называется дорогою Ариамы (Aryamaṇa mahān patha), кроткаго властителя въ странѣ усопшихъ предковъ, съ именемъ котораго въ несомнѣнномъ родствѣ стоитъ національное прозваніе аріевъ. Какъ въ санскритѣ агуа, въ зендѣ айуа означаетъ: лучший, почетный, господинъ, такъ въ ирл. ег—герой, великій, благородный, въ армян. агі—храбрый ¹⁾. б) Helweg—путь, ведущій въ загробное царство Геллы, и в) нижненѣм. kaupat, kuhpfad—сикр. gðratha—коровій путь, т. е. дорога, по которой умершіе слѣдуютъ за небесной коровою. Этимъ послѣд-

¹⁾ „Die Kelten (замѣчаетъ Маннгардтъ) haben in alter zeit denselben stammgott unter dem namen Erimon, Eirimon verehrt, nach ihm fñhrte das grüne Erin (Irland) und das volk der Iren den namen.“

нимъ названіемъ поясняется и словенское *šàvga, šàvǵiza* (пестрая, съ черными пятнами корова)—слово, употребляемое для обозначенія млечнаго пути и радуги; у чеховъ есть поговорка: «*šeg ná kǵá va mi na nohu šlápla*»¹⁾. Як. Гриммъ приводитъ указанія, свидѣтельствующія, что въ млечномъ пути видѣли дорогу Одина: *Wuotanes wec, Wuotanes stráza*²⁾; созвѣздіе Большой Медвѣдицы, въ которомъ издревле усматривали колесницу, называлось *lǵmines wagen* и *Woonswaghen* (*Woenswaghen* = *wagen des Wōdan*), а въ Голландіи оно слыветъ *Helwaghen* (*wagen des totenreichs*): ясное доказательство, что на это созвѣздіе было перенесено старинное преданіе о небесной колесницѣ, на которой души усопшихъ перевозились въ царство Одина³⁾. Литовцы называютъ млечный путь *raukszcziū kielės*, т. е. птичья дорога (тоже означаетъ и финское *lin purgata*); потому что души, возносящіяся по этой дорогѣ на небо, представлялись легкокрылыми птицами⁴⁾. Еще до сихъ поръ литовцы, когда умретъ кто-нибудь въ семействѣ, увѣряютъ, что они видѣли покойника — какъ онъ пронесся на бѣзромъ конѣ по птичьей дорогѣ (млечному пути), съ тремя звѣздами въ рукѣ, и вступилъ въ селенія вѣчнаго блаженства⁵⁾. Въ нашихъ областныхъ говорахъ млечному пути даются названія: а) въ нижегородской губ. мышины тропки (мышинная тропа), что указываетъ на древнѣйшее представленіе душъ мы-

¹⁾ Zeitschrift für vergleichen. Sprachforschung 1852, IV, 311; Die Götterwelt, 34, 52, 59, 70, 265—7; Germ. Mythen, 731—4; D. Myth., 330—5, 695, 899; Andeut. eines Systems der Myth., 239—240; Пяте, II, 583—4; Гануша: Двдъ и Баба, 6, 60. — ²⁾ D. Myth., 138, 263. — ³⁾ Die Götterwelt, 132. — ⁴⁾ D. Myth., 331; Die Wissenschaft des slawisch. Mythos. 272; Черты литов. нар., 69. — ⁵⁾ Ж. М. Н. П. 1844, IV, ст. Боричевск. 36. У киргизовъ млечный путь также называется птичьей дорогою — Москв. 1853, XXII, 73.

шани (см. ниже стр. 299); б) въ тульской губ. становище — мѣсто для отдыха дорожныхъ людей, странниковъ; с) въ пермской губ. путь въ Іерусалимъ, и во многихъ другихъ мѣстностяхъ поселяне убѣждены, что бѣлѣющая полоса млечнаго пути указываетъ дорогу въ этотъ святой городъ, т. е. собственно это — путь, ведущій въ божій градъ, въ небесный Іерусалимъ или рай. Въ Германіи есть преданіе, что Вуотанъ ѣздитъ ночью въ Іерусалимъ и забираетъ съ собой въ колесницу своихъ храбрыхъ ратниковъ. d) Въ тамбовской и тульской губ. млечный путь извѣстенъ подъ именемъ Батыевой дороги; рассказываютъ, что дорога эта идетъ отъ желѣзныхъ горъ, въ которыхъ заключены татары, т. е. она примыкаетъ къ тѣмъ адскимъ вертепамъ облачныхъ горъ, гдѣ мучатся «дивніи народы» — великаны разрушительныхъ бурь и грозъ. Мнѣніе сказанія объ этихъ послѣднихъ въ средніе вѣка были перенесены на суровыхъ, дикихъ кочевниковъ, безпощадно-опустошавшихъ русскую землю и названныхъ потому «бичемъ божіимъ». Въ ярославской же губ. между раскольниками сохраняется преданіе о священномъ городѣ, скрытомъ подъ глубокими водами и населенномъ благочестивыми старцами; въ этотъ городъ, напоминающій заоблачное царство «отцевъ», ведетъ Батыева дорога 1).

Въ скандинавской мифологіи радуга — чудесный мостъ, перекинутый черезъ воздушное море; Геймдалль, сынъ Одина, стоитъ на немъ безсмыннымъ стражемъ и оберегаетъ путь въ свѣтлое небо. Подобное представленіе у насъ соединяется съ головой млечнаго пути, которую въ тульской губ. называютъ косари; увѣряютъ, что тамъ стоятъ на стражѣ четыре коса-

1) Обл. Сл., 8, 118, 214; Доп. обл. сл., 222, Владим. Г. В. 1844, 52; Сахаровъ, II, 62—63; Рус. въ св. посл., IV, 43; Beiträge zur D. Myth., 158.

ря и рубить всякаго, кто вздумаетъ пройти этою заповѣдною дорогою; коса — эмблема и орудіе богини Смерти. Индусы и персы думали, что души усопшихъ должны переходить черезъ мостъ испытанія, что праведные легко совершаютъ этотъ переходъ, а грѣшныя низвергаются съ моста въ огненную рѣку. По народному повѣрью германцевъ, души праведныхъ ведутся на небо черезъ воздушный мостъ-радугу ангелами-хранителями. Негмôdhr, посланный къ усопшему Бальдуру, долженъ былъ перейти по блестящему золотомъ мосту, перекинутому черезъ шумный потокъ; замѣчательныя слова, обращенныя къ нему оберегательницею этого пути: «подъ тобою звучитъ мостъ сильнѣе, чѣмъ звучалъ онъ подъ пятою толпами усопшихъ, которые вчера переѣхали на ту сторону.» Тяжелая поступь живыхъ противопоставляется въ этихъ словахъ едва-слышной поступи мертвыхъ; какъ существа воздушныя, какъ неуловимыя тѣни, усопшіе также легки на ногу, какъ и родственныя имъ эльфы. Въ нѣкоторыхъ сагахъ разсказывается о переходѣ цверговъ черезъ узкій мостъ; каждый изъ нихъ, вступая на мостъ, бросаетъ въ нарочно-поставленный сосудъ пошлину, что соотвѣтствуетъ платѣ, вносимой душами за перевозъ ихъ черезъ всесвѣтное море или рѣку. Никто изъ живыхъ не можетъ безнаказанно присутствовать при этомъ переходѣ цверговъ; когда они движутся по мосту, то производятъ такой-же шумъ, какъ-бы переходило по немъ стадо овецъ ¹⁾. Снаряжая покойника въ далекій замогильный путь, вѣтцы клали ему въ гробъ странническій посохъ и новую обувь (todtenschuh ²⁾); наши крестьяне надѣваютъ ему новыя лапти, чтобъ они долѣе носились на томъ свѣтѣ (нижегород. губ.).

¹⁾ D. Myth., 335—6, 696, 794—5; Доп. обл. сл., 90; Сахаровъ, II, 63; Germ. Mythen, 363. — ²⁾ D. Myth., 795; Ч. О. И. и Д. 1860, IV, ст. Вейнгольда: „Разн. роды погребенія у норманновъ“, 348.

Вступая въ среду стихійныхъ духовъ, тѣни усопшихъ раздѣляютъ и ихъ судьбу. Въ зимній періодъ года окованныя стужей и морозами—онѣ повергаются въ тоже оцѣпеніе, въ тотъ-же долгій сонъ, какъ и всѣ творческія силы природы, и пребываютъ печальными узницами, заключенными въ мрачныхъ подземельяхъ тумановъ и снѣжныхъ тучъ—въ этомъ холодномъ царствѣ Зимы, которая издревле отождествлялась съ богиней смерти и ада. Весною же, вибѣтъ съ возрожденіемъ солнца и бога-громовника, души пробуждаются (воскресаютъ) для новой жизни, заявляютъ свою дѣятельность въ шумныхъ грозахъ и дождевыхъ ливняхъ и открываютъ ясное небо, или выражаясь мнѣтическимъ языкомъ: обрѣтаютъ источники живой воды и пресвѣтлый рай. По нѣмецкимъ сказаніямъ, злые демоны захватываютъ Гольду и подвластныя ей души и держатъ ихъ въ плѣну въ продолженіи семи зимнихъ мѣсяцевъ; окутывая небо снѣжными облаками, они запираютъ Engelland, т. е. скрываютъ эту блаженную страну отъ людскихъ взоровъ, и ломаютъ ключъ, которымъ она заперта. Только на короткое время Рождественскихъ Святѣкъ, когда народившееся солнце пророчитъ о грядущей веснѣ, отворяется небо и души-эльфы спѣшатъ посѣтить жилища своихъ родичей; въ эти святые дни домохозяева накрываютъ для нихъ столы и готовятъ жертвенныя яствы. Полное освобожденіе Гольды и эльфовъ совершается весною и тогда-же наступаетъ обычная пора сношеній между усопшими и живыми ¹⁾. Въ русскомъ народѣ ходитъ сказаніе, что гдѣ-то далѣко есть царство, въ которомъ люди умираютъ на зиму и воскресаютъ на вешній Юрьевъ день (23-го апрѣля), т. е. на праздникъ бога-громовника, пробудившагося отъ зимняго сна ²⁾. Во время зимы, по народному повѣрью, покойни-

¹⁾ Germ. Mythen, 491—523, 725—7. — ²⁾ Дебриков., 280; Сл. Млс., 81.

ки испытываютъ холодъ, мракъ и тоску; наканунѣ Рождества Христова и Крещенія поселяне жгутъ посреди дворовъ навозъ, чтобы родители (усоишіе) могли согрѣться на томъ свѣтѣ ¹⁾. Встрѣчая весну, славяне прогоняли изъ своихъ селъ Марану, богиню зимы и смерти; ибо съ возвратомъ теплаго солнца свѣтъ побѣждаетъ нечистую силу мрака и холода, жизнь торжествуетъ надъ смертію. Съ наступленіемъ марта у всѣхъ славянъ начинаются обрядовыя посѣщенія кладбищъ; въ первый день этого мѣсяца, передъ самымъ восходомъ солнца, лужичане, чехи и поляки ходятъ на кладбища съ зажженными факелами, служатъ тамъ панихиды и оставляютъ на могилахъ разныя яства; они думаютъ, что вмѣстѣ съ обновляющейся природою мертвецы чувтъ духъ жизни и обрѣтаютъ утраченныя силы. Лужичане возглашаютъ при этомъ слѣдующія знаменательныя слова: «смерть мы погасили, новую жизнь зажгли!» ²⁾ На Руси, по свидѣтельству Стоглава, рано въ четвергъ (день, посвященный громовнику, рукою котораго возжигается пламя жизни) на седьмой недѣлѣ великаго поста жгли солому и кликали мертвыхъ. Отсюда объясняется обычай полагать умирающаго на солому ³⁾ и давать ему въ руки зажженную свѣчу, какъ знаменіе будущаго воскресенія. Въ апрѣлѣ-мѣсяцѣ покойники, по мнѣнію поселянъ, скорбятъ о прежней жизни и

¹⁾ Послов. Даля, 1003; Вѣст. Р. Г. О. 1853, III, 8—9. У русиновъ существуетъ обычай жечь послѣ Коледы солому, что называется у нихъ сожженіемъ дида (Пантеонъ 1855, V, 47). — ²⁾ Терещ., III, 119—120; V, 3. — ³⁾ Какъ скоро у больного начинается предсмертная агонія, его перекадываютъ съ перины на солому; если не сдѣлать этого, душа будетъ мучиться и отдастъ на томъ свѣтѣ отвѣтъ за каждое перушко въ постели—Сынъ Отеч. 1839, VIII, 84; Иллюстр. 1846, 172. Если соломинка пристанетъ въ хвосту курицы — въ домъ будетъ покойникъ (Архивъ ист.-юр. свѣд., I, ст. Кавал., 12).

жаждут свиданія съ своими родственниками; чтобы утѣшить ихъ, старухи выходятъ раннимъ утромъ на могилы и окликаютъ родителей, причитывая: «ужь ты, солнце, солнце ясное! ты взойди-взойди со полуночи, освѣти свѣтомъ радостнымъ все могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не во тьмѣ сидѣть, ни съ бѣдой горевать, ни съ тоской вѣковать. Ужь ты, мѣсяць, мѣсяць ясный! ты взойди-взойди со вечера, освѣти свѣтомъ радостнымъ все могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не крушить во тьмѣ своего сердца ретиваго, не скорбѣть во тьмѣ по свѣту бѣлому, не проливать во тьмѣ горячихъ слезъ по милымъ дѣтушкамъ. Ужь ты, вѣтеръ, вѣтеръ буйный! ты возвѣй-возвѣй со полуночи, принеси вѣсть радостну нашимъ покойничкамъ, что по нихъ ли все родные въ тоскѣ сокрушились» ¹⁾. При началѣ весны, когда языческой культъ чествовалъ обновленную природу и пробудившихся отъ зимняго сна «предковъ», христіанская церковь установила праздники Лазарева воскресенія (въ субботу на шестой недѣлѣ великаго поста) и Пасхи или Свѣтло-Христова Воскресенія, съ которыми нераздѣльна мысль о несомнѣнной побѣдѣ жизни надъ смертію. Къ этому времени главнѣйшимъ образомъ относится и поминовеніе мертвыхъ. На первый день Пасхи отпирается небо, и въ продолженіи всей Свѣтлой недѣли души усопшихъ постоянно обращаются между живыми, посѣщаютъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, пьютъ, ѣдятъ и радуются вмѣстѣ съ ними ²⁾; а скончавшіеся въ эту седмицу вступаютъ, по народному повѣрью, въ отверстыя врата рая. Точно также, по мнѣнію чеховъ, кто умретъ въ страстную пятницу, страстную субботу, или въ Зеленый четвергъ, тому прощаются все содѣянные имъ грѣхи ³⁾. На

¹⁾ Сахаров., II, 23. — ²⁾ Ibid., 83; Чернигов. Г. В. 1853, 23. — ³⁾ Громаничъ, 189.

X СВѢТЛЫЙ праздникъ, Красную Горку и Радуницу (на Оми-
 ной недѣлѣ) красятъ яйца и ходятъ съ ними на кладбище
 христосоваться съ покойными родителями и родственника-
 ми. Обращаясь къ усопшимъ, произносятъ обычныя слова:
 «Христосъ воскрес!» Затѣмъ катаютъ съ могильныхъ при-
 горковъ красныя яйца и тутъ-же зарывають ихъ въ землю.
 Яйцо у всѣхъ языческихъ народовъ служило символическимъ
 знакомъ возрожденія къ новой жизни. Какъ на восто-
 кѣ (у персовъ) весеннее пробужденіе природы чествовалось
 красными яйцами, такъ и у насъ принято на Красную Горку
 закликаать весну съ краснымъ яйцомъ въ рукахъ, и во-
 обще красныя и желтыя яйца считаются необходимою
 принадлежностью праздничныхъ обрядовъ, совершаемыхъ въ
 дни Пасхи, Радуницы, Семика и Троицы. Всякому, кто умираетъ
 на Святой недѣлѣ, даютъ въ руки красное яйцо, съ
 которымъ и опускають его въ могилу, дабы на томъ свѣтѣ
 онъ могъ похристосоваться съ своими родичами ¹⁾. Въ Ма-
 лороссіи, какъ было уже замѣчено, бросаютъ въ воду скор-
 лупу крашенныхъ яицъ, чтобъ она донесла усопшимъ вѣсть
 о праздникѣ Воскресенія Христова, извѣстномъ въ южной Ру-
 си подъ именемъ Велика дня. Вѣсть эта доходитъ къ нимъ
 въ четвергъ русальной недѣли, въ который и празд-
 нуется на томъ свѣтѣ навскій (мертвецкій) Великъ
 день или Великъ день русалокъ, а на землѣ соверша-
 ются семипкіе обряды въ честь умершихъ предковъ. По дру-
 гимъ преданіямъ, навскій Великъ день празднуется въ чет-
 вергъ пасхальной недѣли, или вслѣдъ за масляницею — въ
 первый понедѣльникъ великаго поста, или (какъ думаютъ въ
 Галиціи) на Преполовеніе, т. е. въ среду четвертой недѣли

¹⁾ Сахаровъ, II, 75, 81, 85; Этн. Сб., I, 192, 226; Записки Авдѣев.,
 121; Вѣст. Евр. 1818, XXI, 412; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 85;
 Иличъ, 123.

по Пасхѣ ¹⁾: очевидно, это — праздникъ воскресенія мертвыхъ, время котораго древле совпадало съ началомъ весны. Ночью на мертвецкій Великъ день покойники встаютъ изъ гробовъ, оставляютъ деревенское кладбище, и одѣтые въ бѣлые саваны собираются въ приходскую церковь; давно-умершіе попы облачаются въ ризы, освѣщаютъ церковь и совершаютъ торжественную службу, по окончаніи которой всѣ предстоящіе христосуются (харьков. губ.). На Семицкой недѣлѣ въ поляхъ и рощахъ показываются русалки и мавки; крестьяне ходятъ тогда на кладбища, творятъ поминки, опахиваютъ (обметають вѣтками) могилы и катаютъ по нимъ красныя и желтыя яйца. Какъ на Пасху крошатъ на могилахъ яйца для птицъ, такъ на Семицкѣ бьютъ ихъ и кладутъ на могилы для покойниковъ, которые, по мнѣнію народа, охотно принимаютъ и вкушаютъ это приношеніе. Въ день Семика и на Троицу крестьянки готовятъ яшницу и несутъ въ лѣсъ, при пѣніи обрядовыхъ пѣсень:

Радуйтесь, бѣлыя березоньки! *to lani o me?*
Идутъ къ вамъ дѣвушки,
Несутъ къ вамъ яшницу.
Ю, ю, Семицъ да Троица! ²⁾

При обрядѣ крещенія кукушекъ также употребляются крашенныя яйца. Выше (стр. 142) мы привели свидѣтельства, что въ старину, празднуя «русальи», было въ обычаѣ наряжаться въ звѣриныя шкуры, что служило символическимъ значеніемъ тѣхъ облачныхъ покрововъ, въ которыхъ являются стихійные духи; эти «ряженые» заводили шумныя игры, пѣсни и пляски — подобно тому, какъ пробужденные отъ зимняго

¹⁾ Рус. Ист. Сб., III, 146—7; Полтав. Г. В. 1845, 22; Волин. Г. В. 1866, стр. 356—7; Прост. рус. праздн., IV, 9. — ²⁾ Сахаров., II, 83—84; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 85; Терещ., VI, 146, 152, 163—5, 175—6.

сна духи кружатся въ буйной пляскѣ вихрей и запѣваютъ дикую грозовую пѣсню. Древніе чехи, при совершеніи поминокъ по мертвымъ, бѣгали наряженные въ шутовскія (скоморшья) одежды и личины и предавались неистовому веселью ¹⁾. Понятно, что поминальныя празднества должны были получить двойственный характеръ: съ одной стороны оставшіеся въ живыхъ горевали по своимъ покойнымъ родичамъ, лили о нихъ слезы и сожалѣли о вѣчной съ ними разлукѣ; а съ другой, признавая усопшихъ за существа стихійныя, они считали религіознымъ долгомъ участвовать въ ихъ шумной радости при весеннемъ пробужденіи природы. Такой двойственный характеръ древней тризны и донынѣ остается любопытною чертою народныхъ поминокъ (см. гл. XXIX).

Стихійныя явленія природы рисовались фантазіи древняго человѣка въ различныхъ образахъ, воплощались въ тѣ или другія животненныя формы и даже принимали на себя подобіе нѣкоторыхъ неодушевленныхъ предметовъ. Согласно съ этимъ, душамъ-эльфамъ была приписана чудесная сила превращеній. Мы знаемъ, что душа, по мнѣнію нашихъ предковъ, излетала изъ человѣческаго тѣла птичкою, мотылькомъ или другимъ крылатымъ насекомымъ, и въ этомъ видѣ возносила въ царство блаженныхъ. Подъ вліяніемъ такого возрѣнія, въ исчезновеніи насекомыхъ и отлетѣ птицъ осенью стали усматривать удаленіе душъ въ небесныя области, гдѣ во все продолженіе зимы осуждены онѣ пребывать въ плѣну, подѣ крѣпкими запорами демоническихъ силъ; наоборотъ въ появленіи насекомыхъ и прилетѣ птицъ весною почерпалось твердое убѣжденіе, что настала пора освобожденія, что небо отверзало свои врата и души поспѣшаютъ посѣтить землю. Нѣ-

¹⁾ Терещ., III, 79; Ч. О. И. и Д., годъ 2, II, ст. Мацѣвскаго „Очеркъ исторіи письменности и просвѣщен. слав. нар. до XIV вѣка“, 31.

мецкія преданія представляютъ анста, лебедя, бабочку и жука то проводниками усопшихъ въ блаженный Engelland, то приносителями младенческихъ душъ, посылаемыхъ Гольдою на попріще земной жизни, то наконецъ видятъ въ нихъ самыя души. Осенью, когда птицы улетаютъ въ теплыя страны, анстъ возвращается въ свое небесное отечество — Engelland, сбрасываетъ съ себя пернатую одежду и получаетъ человѣческій обликъ, а въ весеннюю пору снова спускается на землю легкокрылою птицею и гнѣздится на домовой кровлѣ, въ сосѣдствѣ дружественныхъ ему людей ¹⁾. По нашимъ повѣрьямъ, весеннія птицы прилетаютъ изъ вирія, приносятъ золотыя ключи и отпираютъ свѣтлое небо и дождевыя источники: «прилетѣлъ куликъ изъ заморья, принёсъ весну изъ неволя» (сравни II, стр. 138, 450). Въ Германіи думаютъ, что ключъ отъ Glasberg'a (т. е. небеснаго свода) обрѣтается лебедемъ ²⁾. Поэтому русскіе поселяне встрѣчаютъ этихъ птицъ, какъ долго-жданыхъ и пріятныхъ гостей, и нарочно разыскаютъ для нихъ въ мартѣ и апрѣлѣ-мѣсяцахъ львяное и конопляное сѣмя по своимъ дворамъ ³⁾. При началѣ весны, особенно 25-го марта—въ день благой вѣсти о воплощеніи «праведнаго солнца» Христа — и на праздникъ его Свѣтлаго Воскресенія, существуетъ обычай выпускать птицъ на волю изъ кѣтокъ ⁴⁾: символическій обрядъ, знаменующій освобожденіе стихійныхъ геніевъ и душъ изъ той неволи, въ какой томилась они—заключенные злыми демонами зимы. Первый прилетѣвшій анстъ, первая ласточка или кукушка почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ пріивѣтствуются, какъ вѣстники благодатной весны; съ нихъ прилетомъ связываютъ начало теплой и ясной погоды. Стрѣлать въ этихъ птицъ и ра-

¹⁾ Germ. Mythen, 371—4, 397—400, 523. — ²⁾ Рус. въ св. посл., IV, 26. — ³⁾ Сахаров., II, 18, 26. — ⁴⁾ Терещ., VI, 97—98.

зорять ихъ гнѣзда считается за величайшій грѣхъ.) Французы и нѣмцы называютъ ласточку «птицей Господа Бога»; на Руси она почитается святою, а у чеховъ — птичкою Богородицы ¹⁾; кукушка, по указанію старинной польской хроники, была посвящена Живѣ, богинѣ міровой жизни (= весны), плодородія и любви, и принималась за ея воплощеніе (см. гл. XXVIII). Прилетая изъ вѣрія, изъ той заоблачной страны, откуда нисходятъ души новорожденныхъ, куда удаляются усопшіе и гдѣ пребываютъ дѣвы судьбы (парки, норны, роженицы), кукушка вѣдаетъ часы рожденія, брака и смерти. Донныѣ замужнія женщины спрашиваютъ кукушку, сколько будетъ у нихъ дѣтей, а дѣвицы — скоро ли будутъ сосватаны и какъ долго проживутъ въ брачномъ союзѣ? Сколько разъ прокукуетъ кукушка, столько лѣтъ суждено оставаться въ дѣвкахъ, или столько лѣтъ быть за мужемъ. Точно также, слышавъ впервые весенней порою кукушку, обращаются къ ней съ вопросомъ: сколько лѣтъ остается жить на бѣломъ свѣтѣ? Отвѣты ея признаются за пророчество, посылаемое свыше: по выраженію малорусскихъ пѣсень, «що вона ковала — промижъ святыхъ чувала», т. е. слышала на томъ свѣтѣ, въ царствѣ блаженныхъ; «що вона ковала — тому стати й бути!» ²⁾ Если ласточки и голуби летаютъ около дома во время свадебнаго пиршества, это предвѣщаетъ молодымъ счастье въ супружествѣ; вьется ли ласточка возлѣ оконъ — въ томъ домѣ, по народной примѣтѣ, скорѣ просватаютъ невѣсту ³⁾. Маленькой жучокъ — *coccinella septempunctata* назы-

¹⁾ Beitrage zur D. Myth., II, 432; Громанъ, 70. — ²⁾ Сборн. украин. пѣсень, 56. — ³⁾ Кто носитъ при себѣ сердце ласточки, тотъ (утверждаютъ нѣмцы) будетъ любимъ всѣмъ свѣтомъ; по французскому повѣрью: чтобы обрести любовь дѣвицы, должно подарить ей золотое кольцо, которое девять дней лежало въ гнѣздѣ ласточки. На Руси берутъ корень травы, называемой «кукушкины

звался индусами Indra-gōbra; литовцы называютъ его Dev ozys (ozelis) или Perkuno-ozys—небесная или Перунова козочка, нѣмцы—Gotteskühelein, Gotteskalb, Herrgottsvöglein, Marienkäfer, Marienvöglein, Marienheue, Frauenkuh, sonnenkäfer, sonnenkalb, русскіе — божья коровка и солнышко (сонечко), чехи—*boží kravička, sluníčko, slunečnice*, поляки—*babinka*, сербы — бабе. Исчисленные нами названія, а равно и причитанія, съ какими обращаются къ этому насекомому, (такъ называемыя «sonnenlieder») свидѣтельствуютъ, что оно было посвящено Фреѣ или Гольдѣ, вмѣсто которыхъ въ христіанское время стали разумѣть Дѣву Марію; у славянъ это — богиня Лада, прекрасная дѣва зори, дарующая дневной свѣтъ и цвѣтущую весну. Отчизна «божьей коровки» есть пресвѣтлый рай—Engelland или небесный колодець, откуда и прилетаетъ она къ намъ весеннимъ гостемъ. Вотъ свидѣтельства народныхъ причитаній:

- a) Marienwürmken flig furt,
Flig furt nach Engelland!
Engelland ist zugeschlossen,
Schlüssel davon abgebrochen.
- b) Herrgottspferdchen fliege,
Vater ¹⁾ ist im kriege,
Mutter ²⁾ ist in Engelland,
Engelland ist abgebrannt.
- c) Herrgottspferdchen fliege weg,
Dein häuschen brennt,
Dein kähnechen schwimmt,
De ne kinderchen schreien nach butterbrod,

слезы» (*orchis maculata* или *latifolia*), топятъ его въ водѣ, и приготовленный отваръ даютъ пить молодой чевѣ, чтобы она жила согласно и любовно; по этому-же корню гадаютъ — кого родить замужняя женщина: сына или дочь?—*Beiträge zur D. Myth.*, I, 247; *O. Z.* 1848, V, ст. Харитонов., 15, *Ввст. Р. Г. О.* 1853, I, 59.—¹⁾ Небесный владыка, отецъ боговъ и людей. — ²⁾ Фрея или Гольда.

или: *deine kinder weinen alle mit einander*. Въ другихъ пѣсняхъ говорится: *flieg in den himmel, flieg in's Herrgottsgärtchen*, т. е. лети въ небесное царство, въ сады блаженныхъ — Engelland; это царство, которое до сего времени было замкнуто зимнею стужей и омрачено сплошными тучами, уже загорѣлось пожаромъ весенней грозы и владыка его (= богъ-громовникъ) вступилъ въ борьбу съ демонами. Жукъ представляется здѣсь, какъ проводникъ малютокъ душъ; посѣщая въ райскія области, онѣ переплываютъ воздушный океанъ въ легкой ладѣ или переносятся черезъ него на крылья солнечнаго жука, почему этотъ послѣдній и называется бо жьи мъ конемъ. По основному представленію, *Marienkäfer* самъ есть воплощеніе души = мары (*markäfer*); на сѣверѣ *coccinella* извѣстна подъ именемъ *mariboene*. Подобно тому бабочку называютъ въ Норвегii *mariboena*, *muriboene*; мотыльку *libelle* въ Германii даютъ названіе *Gottespferd*, а на шведскихъ островахъ — *hogsho-många* = *pferdemâr*; точно также сербы именуютъ бабочку вилынымъ конемъ, а къ жуку *coccinella* обращаются съ названіемъ: *маро!* Комары, мухи и другія насѣкомыя, привлекающія весною по словамъ русскихъ поселянъ изъ вирiа, по нѣмецкому повѣрью приплываютъ на корабль изъ царства эльфовъ (*Elbenreich*). При заревѣ небснаго пожара, объемяющаго это царство, дѣти = мары плачутъ и просятъ хлѣба, т. е. лютъ дожди и призываютъ на землю плодородіе. Вслѣдъ за пронесшеюся грозой и пролившимися дождями, небо просвѣтляется и ясное солнце выходитъ изъ-за темныхъ тучъ, или выражаясь поэтическимъ языкомъ народныхъ причитаній — Маринъ жукъ выводитъ весеннее солнце изъ облачныхъ колодезъ:

а) *Käferl, käferl!*
flieg nach Mariabrunn
und bring uns ä schöne sunn.

b) Goldhennel! lass die sonne scheinen, die regenwolke, den wolkenfleck lass den wind vertreiben, klar auf im süden, die wolken gehn nieder im norden.» Поэтому Мари́на жука называютъ *sunpenschieken*, и увѣряютъ, что если убить его, то на другой день не будетъ солнца, т. е. жукъ не полетитъ на небо и не принесетъ хорошей погоды. Въ Швабii его величаютъ *sonnenkind* (= рус. солнышко); кто его убьетъ, тотъ попадетъ въ адъ ¹⁾). Чтобы освободить дневное свѣтло, дать просторъ его лучамъ, жукъ отпираетъ небо золотымъ ключемъ—молніей. Маленькихъ золотистыхъ жуковъ шведы называютъ *Jungfrau Maria's schlüsselmagd*; въ числѣ другихъ воззваній, обращае́мыхъ къ *Marienkäfer'u*, встрѣчаемъ и слѣдующее: «*flieg auf, flieg mir in den himmel n'auf, bring a goldis schlüssela runder und a goldis wickelkinda drunder.*» Ви́детъ съ солнечными лучами, обрѣтаютъ свободу и души-эльфы, полоненные демонами зимы и мрака. По свидѣтельству одной саги, жукъ вырылъ изъ-подъ земли ключъ, съ помощью котораго были отворены двери горы (= тучи) и освобождены заключенныя тамъ дѣти. На близкія отношенія рогатаго жука къ молніеносному пламени указываютъ придаваемыя ему названія: *donner-gueg*, *donner-purre*, *feuerschröter*, *fürböter* (*feueranzünder*), *hausböppner*; народное повѣрье утверждаетъ, будто онъ носитъ на своихъ рогахъ горячіе уголья и, въ случаѣ причиненной ему обиды, бросаетъ ихъ на кровлю дома и производитъ пожаръ; присутствіе такого жука въ жилищѣ зданіи привлекаетъ туда грозовой ударъ. Повѣрья эти стоятъ въ несомнѣнной связи съ баснею объ анстѣ-принесителѣ небеснаго огня и съ представленіемъ молніи летучими настькомыми (пчелами). Кобольды нерѣдко принимаютъ образъ жука или

¹⁾ Наоборотъ, кто поставитъ навознаго жука, лежащаго на спинѣ, на ноги—тотъ очищается отъ семи грѣховъ.

шмеля. Наравнѣ съ нѣмцами, славяне обращаются къбожьей коровкѣ съ тѣми-желюбопытными причитаніями. Чехи и моравы, сажая это настѣкомое на руку, произносятъ: а) «sluníčko, sluníčko! kam poletíš—do nebe, neb do rekla?» (словенцы: «prověz ty ma, kde sa vydám, či hore, či dolú, či k milemu Bohu?») б) «let' do nebes (или: na zlaté okénko — къ солнечному восходу, на окно богини Зори), prověz mi—vujde li sluníčko dnes?» («bude li zítra svítit slunéčko?»¹⁾) в) «Sluníčko boží! tvůj doměk hoří, dej pozor, ať ti nehoří» (сравни т. I, 242-3 — съ преданіемъ о Середѣ). Въ народной русской сказкѣ навозный жукъ заставляеть разсмѣяться печальную Несмѣяну-царевну, т. е. вызываетъ на небо румяную зорю (см. I, 601-2). Убить «божью коровку» считается за великій грѣхъ, влекущій за собою разные несчастія. Какъ кукушка повѣдаетъ о грядущемъ супружествѣ и долготѣ жизни, такъ тѣже предвѣщанія даетъ и Marienkäfer; посланникъ богини любви и жилецъ загробнаго царства, онъ знаетъ, когда человѣку суждено вступить въ брачный союзъ и когда наступитъ часъ его смерти. Въ Германіи дѣти сажаютъ Маріинна жука на ладонь и начинаютъ считать: разъ, два, три, и такъ далѣе по порядку — до тѣхъ поръ, пока онъ не улетитъ; сколько успѣешь насчитать, настолько годовъ и продлится жизнь. Съ той стороны, куда направить онъ свой полетъ, дѣвицы ожидаютъ жениха. Въ Малороссіи, Сербіи и Богеміи допрашиваютъ это настѣкомое: откуда ожидать сватовъ; «кажи, маро, (говорятъ сербскія дѣвойки) откуда ће сватови доћи?»²⁾

¹⁾ Переводъ: лети на небо и повѣдай мнѣ — выйдетъ ли сегодня солнце, будетъ ли свѣтить оно завтра? — ²⁾ German. Mythen, 242—255, 346—356, 369—371; Beiträge zur D. Myth., II, 448—9; D. Myth., 656—8; Sonne, Mond u. Sterne, 69; Ганушъ: Дядь и Баба, 43—44; Дѣва, златовласая богиня, 15; Чешск. пѣсни Ёрбена, 78; Сри рјечник, 9.

Душа является не только птичкою или крылатымъ насекомымъ; она, по свидѣтельству нѣмецкихъ сагъ, можетъ исходить изъ открытыхъ усть челоуѣка змѣею, мышью, кошкою и звѣркою ласХочкою. Однажды король Gunth-гаш заснулъ въ лѣсу на колѣнахъ своего вѣрнаго слуги; пока онъ спалъ изъ рта его выползла змѣя, приблизилась къ ручью и стала пытаться какъ-бы переправиться на другую сторону. Чтобы помочь ей, слуга положилъ черезъ ручей свой мечъ; змѣя скользнула по немъ, и перейдя на противоположный берегъ, исчезла въ горѣ. Спустя нѣсколько времени, она возвратилась тѣмъ-же путемъ назадъ и вошла въ спящаго короля. Вскорѣ затѣмъ король проснулся и рассказалъ, что ему видѣлось во снѣ, будто онъ переправлялся черезъ желѣзный мостъ въ гору, наполненную золотомъ. Объ одномъ мельникѣ рассказываютъ, что онъ рубилъ дрова на Шварцвальдѣ, и утомленный работою заснулъ; изъ него выползла мышь, пустившись бѣжать, и такъ какъ болѣе она не возвращалась, то мельника нашли мертвымъ. Другія саги повѣствуютъ: о ратникѣ, изъ котораго выходила ласХочка (wiesel); о чортовой невѣстѣ (вѣдмѣ), изъ открытаго рта которой выползала кошка или красная мышь, при чемъ оставленное таинственнымъ звѣркомъ тѣло впадало въ сонное оцѣпенѣнiе. Въ поминальные дни, когда тѣни усопшихъ приходятъ на землю, въ Германiи считается непозволительнымъ убивать жабъ и лягушекъ, потому что въ ихъ видѣ являются души ¹⁾. Малорусская легенда передаетъ видѣнiе старца: въ глубокую полночь собрался онъ въ путь, входитъ въ одну комнату — тамъ «два свички стоятъ и два голуби цылуотця», входитъ въ другую комнату — «и тамъ два свички горятъ и два гадюки кусаютця». Въ первой комнатѣ спали мужъ съ женою, жившіе между собой въ постоянной любви и согласiи,

¹⁾ D. Myth., 789, 1036; Germ. Mythen, 723.

змея
пантера
had, myr, birch
mole, hawk

а въ другой покоилась сномъ несогласная, враждующая чета ¹⁾. По чешскому повѣрью, если человекъ во время сна почувствуетъ сильную жажду—душа его выползаетъ въ открытыя уста въ видѣ маленькой змѣйки или бѣлой мыши и спѣшитъ напиться; если въ это время перевернуть спящаго въ другую сторону, то душа не найдетъ дороги въ покинутое ею тѣло—и человекъ умираетъ ²⁾. Преданія о змѣяхъ, вползающихъ въ сонныхъ людей черезъ ихъ разинутые рты, известны и между русскими поселянами (см. т. II, стр. 560). Змѣи, какъ воплощеніе небеснаго пламени молній, признаны были за родовыхъ пенатовъ, за духовъ-представителей усопшихъ предковъ и охранителей семейнаго счастья, за одинъ изъ главнѣйшихъ образовъ души человѣческой. Въ каждой избѣ, по мнѣнію чеховъ, обитаетъ гадъ-господарикъ (=домовой цмоукъ), вмѣстѣ съ смертію котораго умираетъ и хозяинъ дома. У этого гада есть самка и дѣтеныши, съ жизнью которыхъ связано существованіе хозяйки и остальныхъ членовъ семьи (см. II, 539-540). Тоже суевѣріе уцѣлѣло и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи; въ нѣмецкихъ и славянскихъ сагахъ змѣи нерѣдко изображаются, какъ гении, охраняющіе колыбели младенцевъ; какъ скоро будетъ убита такая змѣя, тотчасъ-же умираетъ и младенецъ ³⁾. Любопытно, что слово щуръ=предокъ (II, 93) въ памятникахъ старинной письменности означаетъ кузнечика, а въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ употребляется въ смыслѣ ужа и крысы ⁴⁾, подобно тому, какъ нѣм. heimchen означаетъ и сверчка, и душу-эльфа. Въ литовскомъ и волынскомъ Полѣсьи утверждаютъ, что усопшія вѣдьмы выходятъ по ночамъ изъ могилъ, выползая оттуда, сквозь узкія отверстія, въ ви-

¹⁾ Основа 1862, VI, 45—46. — ²⁾ Громанъ, 60. — ³⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 443—4; Труды Археолог. Общ., в. II, стр. 174. —

⁴⁾ Давровскаго: Корен. значеніе названій родства у славянъ, 35.

Na ot. jire
ryl. up. r. mme
kadi a p. i. i.

shur = m. b. k.

дѣ мышей и ящерицъ ¹⁾). Встрѣчая въ саду мышъ, чехи принимаютъ это за предвѣстіе близкой смерти кого-либо изъ своихъ родичей ²⁾). Выше было объяснено, что грызуны: мышъ, крыса и заяцъ служили для обозначенія разящихъ молній; вмѣстѣ съ этимъ они сроднились съ представленіемъ души, и Гомеръ, какъ мы видѣли, изображаетъ тѣни усопшихъ летучими мышами. Подобныя-же сближенія заставляли олицетворять душу быстро-скользящею ящерицею, прворною ласчочкой и сверкающею очами кошкою. Наконецъ жабы и лягушки приняты были за воплощеніе душъ (по преимуществу отверженныхъ, грѣшныхъ) на томъ основаніи, что въ этихъ гадахъ олицетворялись демоны разрушительной бури, ливней и града; какъ существа, замирающія на зиму и оживающія весной, какъ обитатели водъ и суши, жабы и лягушки были отождествляемы съ душами, о которыхъ общее вѣрованіе утверждало, что онѣ при началѣ весны освобождаются изъ темницъ Смерти и нисходятъ на землю изъ (облачныхъ) источниковъ и колодцевъ. Покидая тѣло, душа принимаетъ тѣ различные образы, какіе фантазія соединяла съ стихійною природою боговъ и демоновъ грозы, вихрей, облаковъ и другихъ воздушныхъ явленій. По свидѣтельству скандинавскаго мифа, въ то самое время, какъ тѣло Одина лежало недвижимое, оцѣпенѣнное сномъ или смертію, духъ этого верховнаго бога быстро переносился въ отдаленныя страны, оборачиваясь птицею, звѣремъ, рыбою или змѣемъ ³⁾). Съ этимъ свидѣтельствомъ вполне совпадаетъ указаніе старинной статьи о запретныхъ книгахъ, которая въ числѣ другихъ чародѣйствъ упоминаетъ опрометныя лица звѣриныя и птичіи: «тѣло свое хранитъ мертво, и летаетъ орломъ и ястребомъ, и ворономъ, и дятлемъ, и совою, рыщутъ

¹⁾ Кивелинниъ 1865, 71. — ²⁾ Громаннъ, 229. — ³⁾ D. Myth., 1037.

лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ змиемъ, рышутъ рысію и медвѣдемъ¹⁾. И донытѣ народъ, убѣжденный въ близкой, неразрывной связи колдуновъ и вѣдьмъ съ нечистою силою, рассказываетъ, что какъ скоро они предаются сну или обмираютъ—души ихъ освобождаются отъ тѣлесныхъ узъ, подвергаются различнымъ превращеніямъ и участвуютъ въ воздушномъ полетѣ демоновъ. Здѣсь коренится основа ученія о метемпсихозѣ или переселеніи душъ по смерти изъ одного тѣла въ другое. Украинцы думаютъ, что усопшіи бываютъ поочередно муравьемъ (насткомымъ), птицей, звѣремъ, рыбою, и потомъ снова возрождается человекомъ²⁾; въ литовскомъ и волынскомъ Полѣсьи существуетъ вѣрованіе, что иногда, наказуя за грѣхи, Богъ облекаетъ душу человѣка въ тѣло того или другаго животнаго³⁾. О дѣтяхъ, приспанныхъ матерями, говорятъ, что они превращаются въ животныхъ, и вообще оборотень признается нашими поселянами за душу младенца, умершаго некрещенымъ, или за душу чародѣя и вѣроотступника, осужденную вѣчно блуждать и не вѣдать покоя. Оборотень обыкновенно показывается въ сумерки и ночью; съ дикимъ воемъ и неудержимою быстротою мчится онъ, перекидываясь въ кошку, собаку, сову, пѣтуха или камень, бросается подъ ноги путнику и перебѣгаетъ ему дорогу; нерѣдко онъ подкапывается клубкомъ, снѣжною глыбою, копною сѣна, а въ лѣсу встрѣчаютъ его страшнымъ звѣремъ или чудовищемъ⁴⁾. По нѣмецкимъ преданіямъ, души усопшихъ могутъ принимать образы зайца, собаки, свиньи, теленка, коровы, козла, овцы или барана; мары, проникая внутрь домовъ сквозь замочныя скважины, превращаются въ кошекъ,

¹⁾ Иоаннъ, вѣзсархъ болгар., 211; Лѣтописи занятій Археогр. ком., I, 42—43. — ²⁾ Москв. 1846, XI—XII. 152. — ³⁾ Бѣвлявинъ 1865, 52. — ⁴⁾ Иллюстр. 1845, 299; Вѣст. Р. Г. О. 1853, III, 6.

ласточекъ, мышей, куніць, въ пухъ или перья, влокъ волосъ, соломѣ и колосья ¹⁾). Звѣринные образы, принимаемые покойниками, указываютъ на тѣ облачныя одежды, въ какія облакаются они въ качествѣ стихійныхъ духовъ; превращеніе въ перо и камень стоитъ въ связи съ преданіями о громовой стрѣлкѣ, превращеніе въ соломѣ и колосья — съ преданіями о переходѣ душъ въ растенія и злаки (II, 508), а превращеніе въ клубокъ нитокъ и волоса — съ представленіемъ облаковъ небесною пряжею и руномъ. Такъ какъ мара съ одной стороны признавалась пряхою, а съ другой — отождествлялась съ облачною коровою; то отсюда объясняется, почему въ народной сказкѣ мать, превратившаяся по смерти въ корову - бурѣнушку, прядетъ для своей дочери ленъ ²⁾). Въ русскихъ легендахъ, изображающихъ загробную жизнь и мѣки грѣшниковъ, души усопшихъ представляются въ звѣринныхъ образахъ: «идемо (читаемъ въ повѣсти о странствованіи по тому свѣту), коли-жъ гризутця два собаки надъ шляхомъ — такъ гризутця, такъ гризутця! А дидъ и каже: се не собаки, се два брати, щѣ погризлись та-й побились, идучи степомъ; то Богъ и сказавъ: коли вже-й ридни брати бѣютця, то дѣ-жъ буде те добро мнѣжъ людьми? Нехай-же, каже, стануть вониі собаками и гризутця. Идемo, ажъ ходять волиі въ такому спашу, що-й ригъ не видно съ травы, а сами худи-худи, якъ дошка. А била ихъ ходять волиі по самій земли — ни травинки видѣ ногами нежа, да жиръ ажъ по земли тлипаецця. Отъ дидъ и каже: оцѣ, що худіи воли, то то богати люде, щѣ жили сами въ роскоши, а биднимъ не помагали; а ситіи воли, то то бидни люде, щѣ одъ своего рота одніймали та старцямъ (вищимъ) изъ послѣднѣго давали; отъ-же вони теперъ и сити й

¹⁾ Germ. Mythen, 483, 490, 730; Beiträge zur D. Myth., II, 267—8; Поэт. Воар., II, 103 — ²⁾ Н. Р. Сж., VI, 54, 55; VIII, стр. 515—6.

напоени, а ти по роги въ спашу — та худи, якъ дошка» ¹⁾). Въ другой легендѣ мальчикъ-сирота ѣдетъ къ Богу спрашивать, зачѣмъ онъ взялъ къ себѣ его мать? На пути въ небесное царство мальчикъ увидѣлъ поле: на полѣ трава сочная, высокая, по колѣно лошадямъ будетъ, а кони ходятъ по ней худые, только кости да кожа! Увидѣлъ потомъ и другое поле — всеѣмъ голое, нѣтъ ни былинки, а кони гуляютъ добре рьяны и тучны. И повѣдалъ ему Господь: «худые кони, что пасутся въ густой травѣ по колѣно, — это нѣкогда были скупые богачи, незнавшіе состраданія къ бѣднымъ, а кони тучные — милосердые бѣдняки, которые и послѣднимъ кускомъ охотно дѣлились съ нищими.» Тѣже образы встрѣчаемъ и въ сказаніяхъ литовцевъ и сербовъ ²⁾). Души несогласныхъ братьевъ сербская легенда олицетворяетъ боровами, осужденными на вѣчную ожесточенную борьбу другъ съ другомъ. Поэтическое представленіе скупыхъ богачей тощими конями, а бѣдняковъ, довольныхъ своимъ состояніемъ, — конями сытыми, тучными занесено и въ апокрифъ, извѣстный въ рукописяхъ XVIII-го вѣка подъ названіемъ «Бѣсѣды трехъ святителей», гдѣ означенная мысль выражена въ любимой формѣ загадокъ: «Вопросъ: что есть — стоитъ конь на гумнѣ, а трава у него по самое чрево, а на траву зря изсъ (изсохъ)? Толкъ: «богатый человекъ въ величѣмъ богатствѣ живетъ, а на богатство зря изсохъ. Вопросъ: что есть — стоитъ конь на гумнѣ, не имѣя ни травы, ни жита, а всегда сытъ? Толкъ: «нищій человекъ, не имѣя у себя ничего, а Бога славить — «всегда сытъ бываетъ» ³⁾). Въ старинномъ поучительномъ словѣ, приписанномъ Іоанну Златоусту, встрѣчаемъ сравненіе праведныхъ съ овцами и волами: «и будутъ въ лузѣ ограды овцамъ. Лугъ наречется рай, а ограды — райская мѣ-

¹⁾ Булишъ, I, 306. — ²⁾ Шлейхеръ, 72—74; Срп. и. припов., 111—4. — ³⁾ Пам. стар. рус. литер., III, 156.

ста, а овецъ — вѣрніи людіе. И дебрь Охорьска въ покои во лошѣ. Дебрь есть вышняго Ерусалима пажить, а волове — кротціи епископи и попове, иже ходять по церковному ученію и нѣхъ добрѣ учаще¹⁾. Чехи убѣждены, что душа самоубійцы въ продолженіе всего времени, какое бы прожилъ онъ, еслибъ не прекратилъ своей жизни самовольно, блуждаетъ въ образѣ чернаго пса; въ нѣхъ суевѣрныхъ сказаніяхъ души усопшихъ представляются стадою безголовыхъ овецъ, бѣлыми конями, кошками, зайцами и бѣлыми курами²⁾.

Малютки и души, разставаясь съ землею жизнью, постушаютъ въ среду стихійныхъ духовъ — эльфовъ и карловъ — становятся ихъ добычею и увлекаются ими въ загробный міръ. Отсюда возникли повѣрья, что духи эти причиняютъ людямъ тяжкія, неизлѣчимыя болѣзни и смерть (см. стр. 71—80), и что сверхъ того они похищаютъ дѣтей, т. е. собственно забираютъ къ себѣ человѣческія души. Эльфы, цверги, мары и никсы воруютъ у матерей младенцевъ или подмѣниваютъ ихъ на своихъ собственныхъ — безобразныхъ, съ большой головою и вылупленными очами; иногда на мѣсто похищеннаго младенца, эльфъ, никсъ или карликъ ложится въ колыбель самъ въ видѣ уродливаго и болѣзненнаго ребенка. Такой подмѣнышъ (*wchselbalg*) отличается злыми свойствами цверговъ: онъ коваренъ, дикъ, необыкновенно силенъ, прожорливъ и крикливъ, радуется всякой бѣдѣ, не произноситъ ни слова — пока не будетъ вынужденъ къ тому какою-либо угрозою или хитростью, и тогда голосъ его звучитъ какъ у старика. Гдѣ онъ поселится, тому дому приноситъ несчастія: скотъ заболѣваетъ, жилье ветшаетъ и разваливается, предпріятія не удаются. Онъ сохраняетъ общую эльфамъ склон-

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свид., II, ст. Срезневск., 100. — ²⁾ Громанъ, 197.

ность къ музыкѣ, что обнаруживается и быстрыми успѣхами его въ этомъ искусствѣ, и чудесною силою его игры: когда *wechselbalg* играетъ на какомъ-нибудь инструментѣ, то все— и люди, и животныя, и даже неодушевленные вещи предаются неудержимой пляскѣ. Чтобы узнать, действительно ли ребенокъ подиѣненъ эльфами, надо развести огонь и кипятить воду въ яичной скорлупѣ; тогда *wechselbalg* невольно восклицаетъ: «я старъ, какъ древній лѣсъ ¹⁾, а не видалъ еще, чтобъ варили въ скорлупѣ яйца!»—и влѣдъ затѣмъ исчезаетъ. Бывали случаи, что подиѣвшись, когда несли его по мосту черезъ потокъ или рѣку, вырывался изъ рукъ, прыгалъ въ воду и возвращался въ царство духовъ ²⁾. Такъ какъ падучая, параличъ, бѣшенство и другія болѣзни, сопровождаемыя слабоуміемъ, приписывались вліянію эльфовъ; то поэтому всякой ребенокъ, родившійся съ физическими и душевными недостатками, въ глазахъ суевѣрнаго народа былъ существо, въ которомъ поселился нечистый духъ, или прямо признавался за элфа, которымъ подиѣнено настоящее дитя при самомъ его рожденіи. Вотъ почему, вмѣстѣ съ обычными свойствами эльфовъ, *wechselbalg* соединяетъ всѣ признаки болѣзненнаго, ненормальнаго состоянія: уродливость, тупоуміе, неспособность къ человѣческой рѣчи, дикость и жадность. Таковы и бываютъ идиоты и безумцы, страдающіе падучими припадками. Эльфы, по указанію древняго мифа, были созданы прежде людей, и потому нисходя съ заоблачныхъ странъ и вселяясь въ тѣла новорожденныхъ, сами о себѣ свидѣтельствуютъ, что они старѣе вѣковыхъ лѣсовъ ³⁾. Яичная скорлупа, какъ мы видѣли, служитъ для эльфовъ, маръ и русалокъ ладью, на которой уплываютъ они въ загробное цар-

¹⁾ «Ich bin so alt, als der greise wald!» — ²⁾ *Irische elfenmärch.*, XIV; *D. Myth.*, 437, 798; *Beiträge zur D. Myth.*, II, 304—6, 321—3. — ³⁾ *Germ. Mythen*, 716.

ство; несясь по воздушному океану, среди тучъ, пожигаемыхъ грозовымъ пламенемъ, ладья эта подвергается опасности потонуть въ бурливыхъ потокахъ дождя. Отъ того какъ скоро личная скорлупа наполняется кипучей водою, *wchselbalg* чувствуетъ невольный страхъ и тотчасъ-же исчезаетъ. По свидѣтельству другихъ сагъ, его прогоняють ударами бича или розги (—*blitzespeitsche* ¹⁾). Литовцы убѣждены, что маленькихъ дѣтей воруютъ лаумы, о тождествѣ которыхъ съ эльфами смотри въ главѣ XXV-й. Въ замѣнъ похищенныхъ младенцевъ, лаумы оставляютъ своихъ собственныхъ, или дѣлаютъ изъ соломы и прутьевъ куклы, сообщаютъ имъ чудеснымъ образомъ жизнь и кладутъ въ колыбели. Это повѣрье легко объясняется изъ той близкой связи, въ какую поставлены эльфическія существа по отношенію къ зеленѣющимъ нивамъ и вообще растительному царству. По нѣмецкимъ сказаніямъ, эльфъ, проникая въ избу, то превращается въ солому или колосья, то снова дѣлается неугомоннымъ малюткою; въ Саксоніи и другихъ мѣстностяхъ Германіи матери не позволяютъ дѣтямъ забѣгать далеко въ рожь, опасаясь, чтобы ихъ не унесла *kogpenge* и *roggenstuhme* ²⁾). Однажды позднею ночью вошли въ домъ двѣ лаумы, подкралась потихоньку къ спящей матери, взяли у ней новорожденного ребенка и понесли въ кухню; тамъ окутали его своимъ покрываломъ, а въ дѣтскія пеленки повили голыкъ, и затѣмъ заспорили между собою, кому изъ нихъ отнести подмѣныша и положить въ люльку. Чтобы прекратить споръ, онѣ рѣшились отнести голыкъ вмѣстѣ; настоящій ребенокъ былъ оставленъ ими въ кухнѣ. Все это случилось подсмотреть работницу; онъ взялъ ребенка и спряталъ его въ своей постели. Когда лаумы воротились назадъ, онѣ не нашли младенца и начали

¹⁾ *Der deut. Volksglaube*, 116. — ²⁾ *Beiträge zur D. Myth.*, 246, 275.

ссориться: «ты во всем виновата!» говорила одна. — Нетъ ты! возражала другая. Вдругъ заплъ пѣтухъ, и лаумы исчезли. Съ большимъ усиленіемъ растолкала работникъ хозяйку; такъ глубоко былъ ея сонъ, насланный лаумами. Пробудившись, она не хотѣла вѣрить разсказу работника; но вскорѣ убѣдилась въ истинѣ его словъ, увидя двухъ ребенковъ, изъ которыхъ одинъ былъ похожъ на помело. Приходскій священникъ, къ которому обратились за совѣтомъ, приказалъ отрубить подмѣнышу голову, и притомъ сдѣлать это въ теченіи того-же дня, пока голикъ не обратился въ совершенно-живое существо. Тотчасъ взялись за топоръ, отсѣкли у подмѣныша голову — и что-же? внутри его оказались соломенные стебли, изъ которыхъ сочилась кровь. По мнѣнію литовцевъ, подмѣнышъ живетъ не болѣе десяти или двѣнадцати лѣтъ, постоянно остается недоросткомъ (карликомъ) и имѣетъ огромную голову, которую не въ состояніи держать прямо. У одной женщины было подмѣненное дитя; оно достигло двѣнадцатилѣтняго возраста, но ни разу не промолвило ни словечка и было такъ слабо, что его надо было носить на рукахъ. По совѣту опытныхъ людей, мать взяла куриное яйцо, выпустила изъ него бѣлокъ и желтокъ, и наполнивъ скорлупу водою, повѣсила ее надъ разведеннымъ огнемъ, точно маленькой котелокъ. «Мама! неожиданно проговорило дитя, что ты хочешь дѣлать?» — Хочу варить алусъ ¹⁾. «Боже милостивой! я очень старъ, я былъ на свѣтѣ прежде, чѣмъ были засѣяны лѣса, которые потомъ разрослись въ громадные, нынѣ уже истребленные деревья, а такого дива не видывалъ.» Послѣ того дитя захворало и умерло. Пока ребенокъ не окрещенъ, литвинки, опасаясь подмѣна, держатъ по ночамъ, при постели родильницы, зажженный огонь ²⁾. Чаше всего лаумы являются и похищаютъ дѣ-

¹⁾ Родъ домашнего пива. — ²⁾ Сравни Beitrage zur D. Myth., II, 303.

тей по четвергамъ, и потому въ этотъ день нужно съ особенною заботливостью оберегать новорожденныхъ младенцевъ ¹⁾. Подобныя же повѣрья существуютъ и между славянами. Мары и домовые наваливаются на сонныхъ людей, давятъ и душатъ ихъ; русалки и лѣшіе схватываютъ запоздалыхъ или заплутавшихся путниковъ и защекочиваютъ ихъ до смерти; вилы своими шѣпками стрѣлами наносятъ смертельныя раны; навь поражаетъ населеніе моровою язвою и увлекаютъ души въ загробный міръ; наконецъ всѣ утопленники считаются жертвами водяныхъ и русалокъ, что вполне соотвѣтствуетъ нѣмецкимъ сказаніямъ о никсахъ ²⁾. Отъ нападенія русалокъ предохраняютъ полынь и зоря; потому прежде, чѣмъ станешь купаться, надо набросать этихъ травъ въ воду, а отправляясь въ лѣсъ—вплетать ихъ въ вѣнки и подвязывать подъ мышки. При встрѣчѣ русалка спрашиваетъ: что у тебя—полынь, мята или петрушка? Если ей скажутъ: «полынь», она сердито отзывается: «цуръ тоби, сгинь!» и тотчасъ-же убѣгаетъ; а если будутъ названы мята или петрушка, то схватываетъ встрѣчнаго и начинаетъ его щекотать, причитывая: «стутъ твоя й хата!» — «ты-жъ моя душка!» На Украинѣ приписываютъ русалкамъ еще слѣдующее восклицаніе: «дайте мени волосинку заризати дитинку!» ³⁾ При договорахъ съ лѣшимъ, онъ обязуется помогать тому, кто вступаетъ съ нимъ въ сдѣлку, но въ уплату за свои услуги требуетъ его души ⁴⁾. Эти-же коварные духи похищаютъ и новорожденныхъ младенцевъ. Едва родится дитя, какъ они уже изыскиваютъ средства овладѣть имъ; поэтому надо, какъ можно скорѣе, освятить его крещеніемъ. Въ противномъ случаѣ того и смотри, что некрещеный ребенокъ пропадетъ изъ дому: дѣвочка обратится

¹⁾ Шлейхеръ: *Lituanica*, 31—36, и сказки, 91—93. — ²⁾ *Beiträge zur D. Myth.*, II, 301. — ³⁾ Полтав. Г. В. 1845, 24; 1846, 21; Киев. Г. В. 1845, 15; *Номис.*, 6. — ⁴⁾ О. З. 1848, IV, 137.

въ русалку, а мальчикъ въ лѣшаго ¹⁾). Выше (т. II, 243, и въ этомъ томѣ, стр. 262) мы видѣли, что водяной при- маниваетъ къ себѣ дѣтей и запираетъ ихъ въ глубокихъ ому- тахъ; по мнѣнію чеховъ, всякая мать, если вскорѣ послѣ ро- довъ случится ей переходить по мосту, должна бросить въ воду какую-нибудь монету, дабы водяной не унёсъ ея ребен- ка ²⁾). Въ новгородской губ. похищеніе младенцевъ приписы- вается домовымъ духамъ, проживающимъ въ баняхъ, куда обыкновенно водятъ обмывать родильницу ³⁾). Сербскія вилы, подобно эльфамъ, пляшутъ на могилахъ убитаго, держа въ ру- кахъ зажженные лучины; дѣтей, проклинаемыхъ родителями, онѣ уводятъ въ свою средѣ (см. стр. 174), а собственныхъ малютокъ подкидываютъ къ замужнимъ поселянкамъ ⁴⁾). Въ подмѣнѣ новорожденныхъ младенцевъ обвиняются также дикія жены (пол. dziwożony, чешск. divé ženy, нѣм. die wil- den frauen), средство которыхъ съ русалками подтверждает- ся уже тѣмъ, что и тѣ, и другія представляются обитатель- ницами лѣсовъ. По словамъ Сѣменьскаго ⁵⁾, «najwięcej cier- pią od nich położnice ⁶⁾). Dziwożony szpiegują ⁷⁾ takie kobiety, a upatrzawszy porę, kradną nowonarodzone dziecko, a swoje na miejscu skradzionego zostawują, które są zwykle szpet- ne, garbate i koszlawe ⁸⁾). Podrzucone ⁹⁾ dziecko wyno- szą zwykle na śmietnik, gdzie smagają je rozgą, para- wają wodą se skorupki jaja i wołają: odbierz swoje, oddaj moje! Dziwożona litując się ¹⁰⁾ nad cierpieniem swego

¹⁾ Ж. М. Вн. Д. 1848, ч. XXII, 130. По лужицкому повѣрью, ребенокъ, неокрещенный до шести недѣль, непременно будетъ под- мѣненъ — Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 332. — ²⁾ Гро- маннъ, 115. — ³⁾ Новгор. сборн. 1865, I, 284. — ⁴⁾ Статья Бу- кулевича, 91, 100. — ⁵⁾ Стр. 121—2; Пантеонъ 1855, V, стат. Ва- гилевича о гудулахъ, 50. — ⁶⁾ Родильницы. — ⁷⁾ Высматриваетъ. — ⁸⁾ Безобразное, горбатое и кривоногое. — ⁹⁾ Подкинутое. — ¹⁰⁾ Сжалась.

dziecka oddaje ukradzione, a swoje z Bierga. Porywają ¹⁾ niekiedy i dorosłe dziewczęta.» Дзивожоны бояты цвѣтовъ, называемыхъ колокольчиками (dzwonekami), т. е. собственно обнаруживаютъ страхъ передъ огненнымъ Перуновымъ цвѣтомъ, распусканіе котораго сопровождается всепотрясающимъ звономъ грома. По чешскому повѣрью, divé ženy и věšti-se подмѣниваютъ некрещеныхъ младенцевъ и вредятъ родильницамъ; чтобы противодѣйствовать ихъ замысламъ, подъ подушку родильницы кладутъ ножъ—символъ разящей молніи. Если ребенокъ явится на свѣтъ мертвымъ, въ этомъ виноваты дивьи жены; старинный обычай требуетъ, чтобы отецъ отрѣзалъ у него голову и бросилъ ее въ воду. Не менѣе опасною считается у чеховъ полудница (polednice)—лѣсная жена, которая бродитъ по нивамъ въ полуденное время, и маленькихъ дѣтей, оставляемыхъ крестьянками безъ присмотра, подмѣниваетъ на своихъ собственныхъ. Смотря по тому, какъ обходятся въ семьѣ съ подмѣнышемъ, точно также хорошо или худо бываетъ и похищенному полудницей ребенку. Когда дитя начинаетъ кричать, суевѣрная мать унимаетъ его угрозою: «вотъ прійдетъ полудница и возьметъ тебя!» ²⁾. На Руси преданія о похищеніи и подмѣнѣ дѣтей связываются съ лѣшимъ. Какъ нѣмецкій erlkönig (лѣсной царь), такъ и наши лѣсовики воруютъ некрещеныхъ младенцевъ и уносятъ малолѣтнихъ дѣтей, отсулѣнныхъ имъ родителями и даже просто-заблудившихся въ лѣсу. Отцы и матери пуще всего остерегаются, чтобы не обмолвиться въ сердцахъ и не сказать своему сыну или дочери: «лѣшій бы те унесъ!» «лѣшій те побери!» Слова эти, вылетая изъ устъ родителей, обладаютъ пагубною силою; отсулѣнные дѣти забираются лѣсовиками и поступаютъ къ нимъ въ кабалу. Тоже приписываютъ и водянымъ: они, уво-

¹⁾ Похищаютъ. — ²⁾ Громаниъ, 13—14, 114; Beiträge zur D. Myth., II, 245.

дять проклятыхъ въ свои подводныя жилища. Въ замѣтъ похищеннаго младенца, лѣшіе кладуть въ колыбель связку соломы или полѣно, превращая ту и другое въ живаго ребенка ¹⁾; иногда-же оставляютъ свое родное дѣтище—безобразное, глупое и обжорливое. До одиннадцати лѣтъ подмѣнышъ только ѣсть, пьеть, спитъ и оглашаетъ избу провзительнымъ крикомъ, не обнаруживая никакихъ признаковъ ума; но за то бываетъ силенъ, какъ добрый конь. Когда ему исполнится одиннадцать лѣтъ, онъ обыкновенно убѣгаетъ въ лѣса; если же и послѣ того остается между людьми, то дѣлается страшнымъ колдуномъ и губителемъ христіанскихъ душъ. Малорусскій рассказъ ²⁾ даетъ подмѣнышу черты, отождествляющія его съ эльфами: «з' одною жинкою було ось яке привидѣніе. Що прийде въ поле жать, або братъ конопли, да поставитъ у печи «страву, дакъ хтось повіймае з' печи горшки да-й повиждае «все чисто. Думала думала, щобъ воно значило?—никакъ не «збагнула. Прийде—двери позамикани, а въ хати тилько й «ставалась що мала дитинка, може въ пивъ года, у колісци», и не смотря на то, всѣ кушанья съѣдены. Бросилась къ знахаркѣ; эта послала ее въ поле, а сама спряталась въ хатѣ и смотритъ: «коли-жъ дитина скикъ изъ коліски! Гляне, ажъ то вже не дитина, а дидъ-самъ низенькій, а борода отта кѣлезна!» Повынималъ изъ печи горшки, поѣлъ всѣ яствы и снова сдѣлался ребенкомъ. «Тоди знахарка за ёго; поставила «на деркачъ (голикъ, вѣникъ) и почала обрубовать деркачъ пидъ ногами. Воно кричить, а вона рубаетъ; воно кричить, а вона рубаетъ. Дали бачитъ, що попавсь у добри руки, «зробивсь изновъ дидомъ да-й каже: вже я, бабуся, перекидавсь неразъ да-й не два; бувъ я спершу рибою, потимъ «зробивсь птахомъ, мурашкою, звирукою, а се ще по-

¹⁾ Сравни съ сказаніями о происхожденіи человека изъ обрубка дерева—т. II, 470—485. — ²⁾ Кулишъ, II, 34.

«пробувавъ быть чоловікомъ. Такъ нема лучче, якъ жить «нижъ мурашками, а нижъ людьми — нема гирше!» Захватывая дѣтей, лѣшіе уносятъ ихъ въ густыя дебри или скрываютъ въ подземныхъ пещерахъ, гдѣ они становятся такими-же лѣсовиками, если не будутъ освобождены во время; взрослыя дѣвицы принимаются лѣшими въ жены. Чтобы освободить этихъ несчастныхъ — единственное средство служить молебны (повѣрье, возникшее уже въ христіанскую эпоху); такое средство дѣйствительно лишь въ томъ случаѣ, если они, во все время пребыванія своего между лѣшими, ни разу не отвѣдаютъ ихъ пищи. Только тогда выдаютъ лѣшіе своихъ плѣнниковъ, и выносятъ ихъ на то самое мѣсто, откуда похитили; но и воротясь въ людской міръ, эти невольные соучастники иной жизни между духами надолго сохраняютъ слѣды ихъ роковаго вліянія: подобно тѣмъ, которыми овладѣваютъ эльфы, они бываютъ дики, угрюмы, слабоумны и насилу привыкаютъ къ человѣческой рѣчи ¹⁾). По указанію хорутанской приповѣдки, дятя, которому случилось погостить у виля («vi rišini»), долго потѣмъ носило на себѣ вилинскій духъ ²⁾). Такъ какъ стихійные духи постоянно смѣшиваются съ нечистою силою, то рядомъ съ приведенными повѣрьями существуетъ убѣжденіе, что и самыя черти похищаютъ и подмѣниваютъ младенцевъ. Убѣжденіе это, общее всѣмъ индоевропейскимъ народамъ, послужило источникомъ многихъ сказокъ, въ которыхъ нечистый духъ, являясь къ отцу, невѣдающему о беременности своей жены, вызывается помочь ему въ нуждѣ, если онъ отдастъ ему то, чего не знаетъ дѣма ³⁾). Черти уносятъ

¹⁾ Памяти. книжка архангел. губ. 1864, 52—53; Абев., 234; Совр. 1856, XI, свѣсь, 28, 33, 38; О. З. 1848, IV, свѣсь, 138; Рус. Дневникъ 1859, 37; Н. Р. Ск., VII, 33. — ²⁾ Сб. Валявца, 60—62. — ³⁾ Н. Р. Ск., V, 23; VI, 48, 49; Н. Р. Дер., стр. 177—180; сб.

дѣтей—или еще-неокрещенныхъ, или приспанныхъ шатерями, или пораженныхъ родительскимъ проклятіемъ. Рассказываютъ даже, что если обрядъ крещенія будетъ почему-либо не доконченъ или совершенъ пьянымъ попомъ, то ребенокъ дѣлается колонянникомъ «чернородныхъ демоновъ» ¹⁾. Приспанный (задавленный во снѣ) младенецъ достается нечистыиъ; [чтобы освободить его, мать должна простоять три ночи въ церкви—въ кругу, очерченномъ рукою священника, и тогда въ третью ночь, какъ только пропоютъ пѣтухи, черти отдадутъ ей мертваго ребенка ²⁾]. О проклятыхъ, отверженныхъ родителями, въ нашемъ простонародьи ходитъ много рассказовъ. какъ они пропадали и потомъ были освобождаемы. Жилъ въ Заонежьѣ старикъ со старухою, кормился охотою, и была у него собака—цѣны ей нѣтъ! Разъ попался ему на встрѣчу хорошо-одѣтый челоуѣкъ: «продай, говоритъ, собаку, а за расчетомъ приходи завтра вечеромъ на Мянъ-гору.» Старикъ отдалъ собаку, а на другой день отправился на верхъ горы и очутился въ большомъ городѣ, гдѣ живутъ лемби (черти); отыскалъ домъ своего должника: тутъ гостя накормили, напоили, въ банѣ выпарили. Пармль его мѡлодецъ, и покончивъ дѣло, палъ ему въ ноги: «не бери, дѣдушка, за собаку денѣгъ, а выпроси меня!» Дѣдъ послушался: «отдай, говоритъ, мнѣ добра мѡлодца: замѣсто сына у меня будетъ.»—Много просишь, старикъ! да дѣлать нечего, надо дать. По возвращеніи въ село, сказываетъ мѡлодецъ старику: «ступай ты въ Новгородъ, отыщи на улицѣ Рогатицѣ такого-то купца.» Старикъ пошелъ въ Новгородъ, попросился къ купцу ночевать и сталъ его сира-

Ваявца, 193; Семеньск., 33—34; Иллюстр. 1848, № 27 (литовскій рассказъ о Румшицѣ); Нар. сл. раз., 78—79; Гальтрихъ, 26; Вольфъ, 199; Св. норвеж., I, 9. — ¹⁾ Шаповъ, 32, 36—37; Ж. М. Н. П. 1840, XI, 84. — ²⁾ Абев., 197; Иллюстр. 1846, 332.

звать: «были-ль у тебя дѣти?»— Былъ одинъ сынъ, да мать въ сердцахъ крикнула на него: лембой те возьми! Лембой и уиѣсь его. «А что дашь, я тебѣ ворочу его?» Оказалось, что добрый молодець, котораго вывелъ старикъ отъ лембова, и былъ тотъ самый купеческій сынъ. Купецъ обрадовался и принялъ старика со старухой къ себѣ въ домъ ¹⁾). Одна мать прокляла свою дочь на Свѣтло-Христово Воскресенье, и нечистая сила похитила дѣвушку. Случилось какъ-то бѣдному солдату раздуматься о своемъ житьѣ-бытьѣ: «эхъ, сказалъ онъ, плохое житье! хоть бы чертовка за меня замужъ пошла!» И явилась къ нему ночью эта самая дѣвица; онъ сейчасъ крестъ ей на шею и повелъ ее въ церковь. Нечистые начали пугать солдата разными страхами; видѣлось ему, будто горы на него катились, превалы разверзались, кругомъ все пожаромъ охватывало, да онъ не убоился—шелъ себѣ бодро, привелъ дѣвицу въ церковь и раннимъ утромъ обвѣчался съ нею. Вотъ еще любопытный разсказъ, записанный во владимірской губерніи; жилъ старикъ со старухой, и былъ у нихъ сынъ, котораго мать прокляла еще во чревѣ. Сынъ выросъ большой и женился; вскорѣ послѣ того онъ пропалъ безъ вѣсти. Искали его, молебствовали объ немъ, а пропащій не находился. Недалеко въ дремучемъ лѣсу стояла сторожка; зашелъ туда ночевать старичокъ-нищій и улегся на нечкѣ. Слуста немного слышится ему, что пріѣхалъ къ тому мѣсту незнакомый человекъ, слѣзъ съ коня, вошелъ въ сторожку и всю ночь молился да приговаривалъ: «Богъ суди мою матушку — за что прокляла меня во чревѣ!» Утромъ пришелъ нищій въ деревню и прямо попалъ къ старику со старухой на дворъ. «Что, дѣдушка! спрашиваетъ его старуха, ты человекъ мирской, завсегда ходишь по миру, не слыхалъ ли чего про наше-

¹⁾ День 1862, № 52, стр. 14.

го пропавшаго сына? Ищемъ его, молимся о немъ, а все не объявляется.» Нищій разсказалъ — что ему въ ночи почудилось: «не вашъ ли это сынокъ?» Къ вечеру собрался старикъ, отправился въ лѣсъ и спрятался въ сторожкѣ за печкою. Вотъ пріѣхалъ ночью молодецъ, молится Богу да причитываетъ: «Богъ суди мою матушку — за что прокляла меня во чревѣ!» Старикъ узналъ сына, выскочилъ изъ-за печки и говоритъ: «ахъ, сынокъ! насилу тебя отыскалъ; ужъ теперь отъ тебя не отстану!»—Иди за мной! отвѣчалъ сынъ, вышелъ изъ сторожки, сѣлъ на коня и поѣхалъ; а отецъ вслѣдъ за нимъ идетъ. Пріѣхалъ молодецъ къ пролуби и прямо туда съ конемъ—такъ и пропалъ! Старикъ постоялъ-постоялъ возлѣ пролуби, вернулся домой и рассказываетъ женѣ: «сына-то сыскалъ, да выручить трудно; вѣдь онъ въ водѣ живетъ!» На другую ночь пошла въ лѣсъ старуха, и тоже ничего добраго не сдѣлала; а на третью ночь отправилась молодая жена выручать своего мужа, взшла въ сторожку и спряталась за печкою. Пріѣзжаетъ молодецъ, молится и причитываетъ: «Богъ суди мою матушку — за что прокляла меня во чревѣ!» Молодуха выскочила: «другъ мой сердечной, законъ неразлучной! теперь я отъ тебя не отстану!»—Иди за мной! отвѣчалъ мужъ и привелъ ее къ пролуби. «Ты въ воду, и я за тобой!» говоритъ жена.—Коли такъ, сними съ себя крестъ. Она сняла крестъ, бухъ въ пролубь—и очутилась въ большихъ палатахъ. Сидитъ тамъ сатана на стулѣ; увидалъ молодуху и спрашиваетъ ее мужа: «кого привелъ!»—Это мой законъ! «Ну, коли это твой законъ, такъ ступай съ нимъ вонъ отсюда! закона разлучать нельзя.» Выручила жена мужа и вывела его отъ чертѣй на вольный свѣтъ¹⁾. Если мы сличимъ эти сказанія съ народными преданіями о стихійныхъ духахъ, подпадающихъ въ зимнюю

¹⁾ См. подобные-же разказы въ Н. Р. Св., V, 48; VIII, 19.

пору заколдованію или проклятію и до возврата весны томящихся въ царствѣ нечистой силы (въ облачныхъ горахъ и источникахъ); то необходимо должны прійти къ заключенію, что тѣ и другія имѣютъ одинаковыя мнѣшескія основы. По русскому повѣрью, [младенцы, проклятыя родителями, или умершіе некрещеными, захватываются демонами и обращаются въ кикиморь. Въ ихъ сообщество поступаетъ также игоша—мертворожденный ребенокъ, недоносокъ, выкидышь, уродецъ безъ рукъ и безъ ногъ, который поселяется въ избѣ и тревожитъ домохозяевъ своими проказами] (II, 101—2¹⁾).

¹⁾ Абев., 218; Пузин., 126; Иллюстр. 1845, 298.

ДѢВЫ СУДЬБЫ.

Облачныя дѣвы, какъ хранительницы живой воды, надѣляющей мудростью и предвѣдніемъ, какъ спутницы бога грозовыхъ бурь, призванныя съ одной стороны принести на землю младенческія души, а съ другой — увлекать души усопшихъ въ загробное царство, явились въ народныхъ представленіяхъ устроительницами судьбы человѣческой. Согласно съ этимъ, древнія племена присвоивали имъ эпитеты, обозначающіе ихъ вѣщій характеръ и вліяніе на рожденіе, смерть и вообще на всю жизнь человѣка. Такіе эпитеты впоследствии стали употребляться, какъ имена нарицательныя, и мало по малу приняты были за прозванія особеннаго разряда божественныхъ существъ. Тѣмъ не менѣе преданія и донинѣ удерживаютъ многія черты первоначальнаго сродства ихъ съ облачными и грозowymi нимфами. У славянъ дѣвы эти назывались рожаницами, такъ какъ онѣ присутствуютъ при рожденіи младенцевъ и опредѣляютъ ихъ судьбу при самомъ появленіи на божій свѣтъ. Прежде всего обратимъ вниманіе на свидѣтельства азбуковниковъ и Пансьевскаго сборника (XIV вѣка). Въ послѣднемъ памятникѣ находимъ «Слово св. Григорія о томъ, како первое погани суще языци кланялися вѣдомъ и тробы имъ клани»; въ этомъ словѣ читаетъ:

«изыкоша елени класти требы Атремиду и Артемидѣ, рекше Роду и рожаницѣ; тацѣи же и гуптыне. Також и до словѣнъ доиде ея слов(о), и ти начаша требы класти Роду и рожаницамъ»¹⁾. Желая указать на языческое происхождение вѣры въ Родъ и рожаницу, проповѣдникъ сближаетъ ихъ съ подобными-же мифическими представленіями у другихъ народовъ. По его мнѣнію, Родъ и рожаница значили у славянъ тоже, что у грековъ Артемида; для полного соответствія онъ придаетъ ей имени и мужское окончаніе: Артемидъ²⁾, и противопоставляетъ это новое имя—Роду, божеству мужескаго пола. Одно изъ главнѣйшихъ свойствъ, приписанныхъ Артемидѣ, касалось дѣторожденія. Она считалась покровительницею женщинъ и брачныхъ союзовъ, завѣдывала родами, разрѣшала поясъ родильницы, играла роль повивальной бабки и кормилицы, и вѣстѣ съ тѣмъ была доброю пряхою, какъ-бы одною изъ наркъ. Греки давали ей названіе *Ἐλεθούσα* = рожавица³⁾; Гомеръ же знаетъ не одну, а многихъ *ἄλεθούσαι*, и видитъ въ нихъ дочерей Геры⁴⁾. Съ Артемидою сродна латинская богиня *Natio (Nascio)*, которая, по свидѣтельству Цицерона, названа такъ потому, что ея попеченію ввѣрены роды женъ (*partus matronarum*⁵⁾). Хотя Артемидъ, о которомъ упоминается въ Пашевскомъ сборникѣ, и не существовалъ

¹⁾ Повѣдка въ Кирилло-Бѣлозерск. монастырь, Шевырева, II, 33—34; Москв. 1851, V, ст. Срезневск., 52—64; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, кол. 2, 64—65. — ²⁾ „Атремиду“ поставлено, конечно, по ошибкѣ писца вѣсто: „Артемиду“. — ³⁾ Рожденная прежде своего брата-близнеца (Аполлона), Артемида тотчасъ-же исполнила въ отношеніи къ нему обязанности повивальной бабки—*Der Urgangung der Myth.*, 115 — ⁴⁾ Илиада, XI, 270; XIX, 119. — ⁵⁾ Басни до сихъ поръ вѣрятъ въ богиню судьбы (*Sorgsaina* — отъ *sorga*, *sortio*), какъ въ „*esprit qui préside à la naissance des enfans*“—Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, стат. Срезнев., 111.

въ греческой мѣологіи; но за то греки присвоили эпитеты рождающихъ, производящихъ и Зевсу, и Посейдону. Таже творческая, призывающая къ жизни сила принадлежала Роду и рожаницамъ, на что указываютъ самыя названія ихъ, относящіяся къ одному корню съ словами: рожать или рождать, родитель, родильница, родной, рождёный, родина, роды, на-родъ, за-родышъ, у-рожай, по-рода, родникъ и ин. др. Роже(а)ница въ словарѣ Памвы Берынды опредѣлена такъ: «матица, породѣля, пороженница». Словомъ родъ въ древнихъ памятникахъ означаются: родственники и потомки, земляки и цѣлый народъ, какъ образующійся чрезъ на рожденіе ¹⁾; отъ тѣснѣйшаго смысла слово это восходило къ болѣе широкому, по мѣрѣ того, какъ человѣкъ отъ тѣсныхъ, исключительно-семейныхъ и родовыхъ связей переходилъ къ связямъ и отношеніямъ болѣе широкимъ — племеннымъ и общиннымъ. Но всѣ эти понятія, усвоенныя роду, вытекли изъ того первоначальнаго, основнаго его значенія, по которому подъ нимъ разумѣлась производящая сила природы вообще. Еще теперь въ народной рѣчи слышится выраженіе: «земля принялась за свой родъ» ²⁾.

По указанію старинныхъ азбуковниковъ, рожаницами «еллиньстѣи звѣздословцы наричють семь звѣздъ, глаголемыхъ планиты, и кто въ кую планиту родится — и по той планитѣ любопрятся предвозвѣщати нравъ младенца, или къ комъ похотемъ естествомъ уклонителенъ будетъ. И того ради рождышагось, якоже они мнятъ, въ планиту Арисъ предглаголють тяжела быти нравомъ, яра же и гнѣвлива и дерз(к)а во бранѣхъ; а въ планиту Афродиту рождышагось сластолюбива предглаголють быти и удобна на блудное смѣшеніе; смце же и въ прочая планиты

¹⁾ Тюриня: Обществ. жизнь и земскія отнош. въ др. Руся, 26 — 27; Сахаров., II, 89. — ²⁾ Обл. Сл., 192.

рождающихся предгаголють нравы, а не хотят окоявнн дни звѣздамъ-законицы разумѣти, яко не по естеству въ челоувѣцѣхъ лежитъ злое, но по произволенію.» Названія «планиты» и «зодій» такъ объяснены въ азбуковникахъ: «планиты суть семь звѣздъ, ижъ на аерныхъ седми поясѣхъ, кояждо на особомъ поясѣ: 1) Арисъ (Марсъ), 2) Ермисъ (Меркурій), 3) Завесъ (Юпитеръ), 4) солнце, 5) Афродита (Венера), 6) Кронъ (Сатурнъ), 7) Ккати (Ехатт), еже есть луна. Сими звѣздами окоявннн звѣздословцы мнятъ ся угадывати челоувѣческіе нравы и счастье». «Зодіями наричють звѣздословцы дванадесять звѣздъ, ихъ-же глаголють суща на седмомъ поясѣ аерномъ (слѣдуютъ названія знаковъ зодіака). Сими звѣздами умовреднн астрологи мнятъ ся угадывати счастья и добродѣйственное и злоденствѣнное житіе челоувѣкомъ»¹⁾.

Приведенныя нами свидѣтельства, приписывая рожаницамъ вліяніе на рожденіе, характеръ и счастье челоувѣка, вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ, что эти мнѣшческія дѣвы стояли въ таинственной связи съ звѣздами. Простой, непросвѣтленнн наукою взглядъ наблюдателя не различаетъ планетъ отъ звѣздъ, и если рожаницами названы въ азбуковникѣ собственно планеты, то такое ограниченіе было слѣдствіемъ того средневѣковаго астрологическаго ученія, которое перешло къ намъ сравнительно уже въ позднѣйшее время—въ переводныхъ книгахъ, извѣстныхъ, подъ названіями: Астрономія, Зодій и др. Но какъ самое астрологическое ученіе возникло изъ древ-

¹⁾ Мы пользовались рукописными азбуковниками изъ хранилища г. Погодина; сличъ съ текстомъ, напечатаннымъ у Сахарова, II, 159, 177—8, 182, и въ Архивѣ ист.-юрид. свѣд., II. стат. Срезнев., 105: «рожденицы—кумири елленьстіи, ихъ-же погани влѣшешиемъ рожденія нарицаху быти»; «рожденицы—свато дни рожденія младенца; въ кой-же днь кто родится, той нравъ и осудъ (судьбу) пріемлетъ».

нѣйшихъ народныхъ вѣрованій, общихъ всѣмъ племенамъ и востока и запада, — изъ вѣрованій, утверждающихъ зависимость жизни человѣческой отъ сіянія звѣздъ; то понятно, почему оно всюду такъ легко было принимаемо и всюду пользовалось сочувствіемъ массы. Оно ничего не говорило такого, что бы противорѣчило національнымъ преданіямъ. Этимъ объясняются и тѣ постоянные протесты, съ которыми вынуждена была выступать церковь противъ такъ называемаго «звѣздословія». Древній переводчикъ хроники Григорія Амартола употребляетъ выраженіе: рождественное волшебіе — въ смыслѣ искусства предсказывать судьбу по звѣздамъ. «Немвродъ (читаемъ въ этомъ памятникѣ), персомъ старѣйшина бывъ, наочувъ тѣхъ звѣздочтию и звѣздословью... Отъ нихъ же еллини рождественное влѣшвеніе навыкше, начеша рождаемыхъ подъ звѣзднымъ двизаніемъ принашати, не бо звѣздочтіе и звѣздословіе же и влѣшеніе отъ магоусей (маговъ) или персѣвъ начета бысѣ ¹⁾. Тоже значеніе придавалось словамъ: родословіе, роженіе и рождество. Въ старинномъ индексѣ, между книгами «отреченными», упоминаются книги: а) Звѣздочетецъ, въ которой «безумнии ищутъ дни рожденія своего, саяновъ полученіе и урока житію и бѣдныхъ напастей, различныхъ смертей и казней, въ службахъ и въ купляхъ и въ ремеслахъ» и б) Рожденикъ, въ которой указаны добрые и злые дни и часы и вліяніе ихъ на судьбу нарождающихся младенцевъ ²⁾. Кормчая книга (по рязанскому списку 1284 г.) заноситъ на свои страницы запрещеніе 6-го вселенскаго собора (правило 61), направленное противъ тѣхъ, «иже въ получаніи вѣрують и въ родословіе, рекъше въ рожданица» ³⁾. Подобные запреты и осужденія повторялись

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Срезнев., 106. — ²⁾ Іоаннъ, възархъ болгарск., 214; Лѣт. рус. лѣт., т. IV, отд. 3, 109 — ³⁾ Лѣтопись занятій Археограф. Комис. 1861, I, 29.

въ различныхъ памятникахъ допетровской Руси. Иосифъ Волоцкій, въ обвиненіяхъ своихъ противъ жидовствующихъ, говоритъ: «и баснословія нѣкаа и звѣдозаконія оучахоу и по звѣздамъ смотрити и строити роженіе и житіе человѣческое, а писаніе божественное презирати, яко ничто-же суще» ¹⁾. Максиму Греку принадлежатъ «слово о томъ, яко промысломъ божіимъ, а не звѣздами и колесомъ счастья вся человѣческая устроятся» и другое «противу тщашихся звѣдозрѣніемъ предрицати о будущихъ» ²⁾. Поученіе митрополита Давида между другими, подлежащими церковному осужденію, суевѣріями упоминаетъ: «случай, полученіе и роженіе по звѣздословію» ³⁾. Авторъ Домостроя упрекаетъ своихъ современниковъ: «въ получая вѣрують, и въ родословіи, рекше въ рожаницы, ивъ обаяніе по звѣздословію» ⁴⁾. Въ одномъ поучительномъ словѣ конца XVI-го или начала XVII вѣка читаемъ: «неразумнии чловѣцы несвершенымъ своимъ разумомъ увѣряють себе въ переходныя звѣзды, рекше въ зодейныя, и въ томъ звѣздномъ хоженіи мятутся и гаданіе творять по сему, понеже безумнии людіе вѣрують въ дванадесать переходныхъ звѣздъ и семь звѣздъ большихъ планидъ; въ нихъ-же невѣгласи вѣрують и волхвуютъ, понеже ищутъ дней роженіи своихъ и сановъ полученіе, въ нихъ-же ищутъ рока житію и бѣдныхъ напастей и различныхъ смертей и казней, въ службахъ и въ куплехъ и въ ремеслахъ и въ ыныхъ строеніяхъ» ⁵⁾. По древне-арійскому воззрѣнію, душа представлялась искрою небснаго огня или звѣздою, зажигаемою при самомъ рожденіи младенца; какъ скоро звѣзда эта погасала, вмѣстѣ съ нею погасала и жизнь чловѣка, а пока

¹⁾ Привосл. Собесѣд. 1455 („Просвѣтитель“, 60). — ²⁾ Ibid., 1860, IV, 399; Описан. рукоп. синодальной библиот., II, отд. II, 582.—

³⁾ Пам. стар. рус. литер., IV, 202. — ⁴⁾ Времен., I, 42—43.—

⁵⁾ Лвт. рус. лвт., т. V, отд. 3, 100.

она горѣла — ея блескомъ и мерцаніемъ условливались всѣ его житейскія радости и печали (= его свѣтлые и черные дни). И донинѣ народныя повѣрья связываютъ зарожденіе младенца и его будущую судьбу съ звѣздами. Надъ чьимъ домомъ упадетъ звѣзда, въ той семьѣ (по мнѣнію поселянъ) дѣвица утратила дѣвственность = сдѣлалась беременною. Въ одной пѣснѣ сынъ, жалуясь на свою долю, обращается къ матери съ этими словами:

Ты скажи-скажи, моя матушка родная,
Подъ которой ты меня звѣздой породила,
Ты какимъ меня счастьемъ надѣлила?

Богатырь Добрыня упрекаетъ мать, что породила его несчастливаго, а та отвѣчаетъ:

Видно ты, чадо мое милое,
Зародился ты въ ту звѣзду,
Въ ту минуту безсчастную, не въ таланную!

Василій Буслаевичъ говоритъ въ сказкѣ: «не даромъ мнѣ моя счастливая звѣзда дала силу богатырскую» ¹⁾. Въ-ра въ таинственную связь рожденія съ звѣздами, въ благое или враждебное дѣйствіе этихъ послѣднихъ на участь отдѣльныхъ людей, была распространена у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ; думали, что звѣзды, сіявшія при рожденіи человека, берутъ его подъ свою охрану и что рожденные подъ благопріятнымъ вліяніемъ этихъ свѣтилъ должны быть непременно-счастливы, и наоборотъ. До сихъ поръ въ русскомъ языкѣ сохранились выраженія: «онъ родился въ добрый, счастливый часъ, подъ счастливой звѣздой (планетой)» или «въ недобрый часъ, подъ злую, дикую годину, подъ несчастной звѣздой»; сравни вѣмъ. «zu

¹⁾ Сахаров., I, 205; Собраніе Капновыхъ пѣсень, 116; Рыбник., III, 85; Рус. сказки Сахарова, 246.

glücklicher, guter stunde geboren werden», «unter einem guten, glücklichen stern geboren werden». Выраженія: «прости, моя звѣзда!» «закатилась моя звѣзда!» употребляются въ томъ-же смыслѣ, какъ и выраженіе: «закатилось мое счастье!» ¹⁾ Простодюдины убѣждены, что въ теченіи дня или года бываютъ такія минуты, когда всякое высказанное желаніе, всякое благословеніе и проклятiе мгновенно исполняются; почему, передавая собесѣдникамъ о какомъ либо несчастiи, они спѣшатъ оговориться: «въ добрый часъ сказать, въ худой помолчать!» — «дай Боже! у добрый часъ говоришь, у благи маучаць!» — «нехай не въ пору буде сказано!» — «на задніе (прошлые) дни нехай будзецъ помянуто!» ²⁾ Сербск. «дobre часе давати» означаетъ: желать счастья. На Украинѣ рассказываютъ о бабѣ, которая, разсердившись на теленка, крикнула на него въ одну изъ роковыхъ минутъ: «о чтобъ ты пропасть!» — и теленокъ тотчасъ-же издохъ. Баба бросилась къ окну и отиѣтила углемъ тѣнь, какую въ то время дѣлало солнце. Въ слѣдующіе дни, какъ скоро солнце доходило до намѣченной черты, она начинала проклинять своихъ недруговъ, и такимъ образомъ многихъ сгубила. Другой рассказъ: пришелъ жидъ въ лату къ мужику. Хозяйка работала, а дѣти шумно рѣзвились и мѣшали матери. «Скажи, чтобъ у нихъ глаза повылѣзли!» молвилъ жидъ. — Пусть лучше у тебя повылѣзутъ! возразила съ гнѣвомъ хозяйка. И что же? какъ только сказала, очи у жида въ ту же минуту выскочили вонъ ³⁾. Точно также различаются и дни: счастливые слывятся легкими, несчастные — тяжелыми и черными: «береги денежку про черный день»; у древнихъ были свои dies atrі и dies albi: первые отмѣчались въ кален-

прости me
закатилась
закатилось
закатилось
закатилось

¹⁾ Послов. Даля, 28—29. — ²⁾ Приб. къ Пав. Ак. Н., II, 179; Зап. Р. Г. О. по отдѣл. вѣногр., I, 351; Кіевлян. 1865, 52 — ³⁾ Lud Ukrain, II, 88, 108; Срп. рјечник, 125; D. Myth., 684.

даряхъ черными знаками, какъ дни несчастій и неудачъ, а послѣдніе — бѣлыми ¹⁾). «Отреченныя» сочиненія, наполненныя толками «о добрыхъ и злыхъ часѣхъ», «о рожденіи человѣчествѣмъ—въ которую звѣзду или часть: добръ или золь», постоянно подновляли и укрѣпляли въ народѣ эти суевѣрныя мнѣнія. По расположенію звѣздъ при рожденіи младенца астрологи предсказывали его судьбу, будетъ ли онъ добръ или злобенъ, ожидаетъ ли его долгая жизнь или краткая, богатство или нищета, и т. дал. Въ одной рукописной астрономіи XVII вѣка сказано: когда звѣзда Чигирь будетъ въ такомъ-то мѣстѣ, тогда «съ женами не спи: аще родится сынъ, ино будетъ курчя и безплодны» ²⁾. Въ чешской думѣ о битвѣ христіанъ съ татарами упоминаются знахари-звѣздоцеты (hwezdaři); ихъ обыкновенно называли *godowěstnik*, *godowěstec* — тотъ, который «*šťastny aueb nešťastny rod z hwezd hada*»; польск. *godowieszczek* — звѣздоцеть, астрологъ ³⁾.

Представленіе души звѣздою заставило нашихъ предковъ вѣрить, что рожденіе и смерть каждаго человѣка обусловливаются появленіемъ и паденіемъ принадлежащей ему небесной звѣзды. Вѣрованіе это народная фантазія связала съ тѣми божественными дѣвами, которыя являлись съ своимъ свѣточемъ возжигать жизненное пламя въ новорожденномъ младенцѣ и потѣмъ тушили его на одрѣ смерти, которымъ ввѣрила она начало и конецъ человѣческаго бытія. Хорутане убѣждены, что всякой человѣкъ, какъ только родится,

¹⁾ Совр. 1852, V, 4. На Руси не совѣтуютъ отымать дѣтей отъ груди въ дни, посвященные св. мученикамъ; иначе ребенокъ будетъ томиться, мучиться. — ²⁾ Очеркъ домашн. жизни великор. нар., 186; Шевырева: Пѣздка въ Кирилло-Бѣлозер. монастырь, II, 22; Лѣт рус. лит., т. IV, отд. 3, 106; Оп. Румян. муз., 15. — ³⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, ст. Срезнев., 119.

получаетъ на небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою рожаницу; эта послѣдняя опредѣляетъ и предсказываетъ его судьбу ¹⁾). У бѣлоруссовъ сохраняется преданіе, что всякой человѣкъ имѣетъ свою Зирку, которая, какъ духъ-хранитель, неотступно находится при своемъ избранникѣ. Собственно зирка значить: звѣзда; но въ народѣ подъ этимъ именемъ слыветъ богиня счастія. Есть поговорка: «что изъ него будетъ, коли онъ не въ милости у Зирки!» Зирка, по мнѣнію поселянъ, является на свѣтъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, и назначается для его охраны ²⁾). Вотъ почему въ азбуковникахъ слово «рожаница» истолковано звѣздой (планетою). Подобныя вѣрованія находимъ и у другихъ народовъ. Я. Гриммъ ³⁾ приводитъ слѣдующее свидѣтельство изъ одного поучительнаго слова XI вѣка: *cavete, fratres, ab eis, qui mentiuntur, quod quando quisque nascitur, stella sua secum nascitur, qua fatum ejus constituitur, sumentes in erroris sui argumentum, quod hic in scriptura sacra dicitur «stella ejus»* ⁴⁾). Съ паденіемъ язычества, въ замѣнъ мнѣческихъ дѣвъ, выступаютъ ангелы: каждая звѣз-

---

¹⁾ Срезнев., 7. — ²⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 12. — ³⁾ D. Myth., 820. — ⁴⁾ Переводъ: Остерегайтесь, братія, тѣхъ, которые думаютъ, что когда кто родится, то съ нимъ нарождается и его звѣзда, устроившая его судьбу, принимая за доказательство своего заблужденія сказанное въ священномъ писаніи: «звѣзда его», т. е. ссылаясь на появленіе новой звѣзды, предвозвѣстившей рожденіе Спасителя. До сихъ поръ на Руси наканунѣ Рождества Христова не вѣшаютъ до восхода первой звѣзды, а въ самый день праздника носятъ по домамъ «вертепъ» и «звѣзду». Въ вертепѣ представляются событія, какими сопровождалось рожденіе Спасителя; звѣзда дѣлается изъ бумаги, укрѣпляется на шесть—такъ, чтобы она могла обращаться, и освѣщается внутри зажженной свѣчей—Москва. 1852, VI, 82; Шафонскаго: Черниговск. намѣстничества топографич. описаніе, 28; Этн. Сб., I, 320; Херсон. Г. В. 1844, 52.

да (по народному повѣрью, общему у русскихъ съ нѣнцами) имѣеть своего ангела, который назначаетъ ей мѣсто и направляетъ ея путь; на Руси звѣзды почитаются очами ангеловъ-хранителей, зорко-наблюдающихъ за дѣяніями людей, а въ блескѣ падающей звѣзды усматриваютъ слѣдъ, оставленный ангеломъ при полетѣ его за душою усопшаго ¹⁾. У румыновъ мѣсто богини Зирки занимаетъ духъ Арминдянь, обитающій на той звѣздѣ, подъ которою родится его кліентъ. Эта родная звѣзда имѣеть непосредственное вліяніе на всю жизнь челоуѣка: отъ нея зависятъ всѣ счастливыя и несчастныя приключенія, и румынъ въ пѣсняхъ своихъ и въ бесѣдахъ то благословляетъ, то клянетъ ее ²⁾.

По литовскому преданію, какъ скоро родится младенецъ, тотчасъ-же Верпея (Wегреја = приха, отъ wegrju — пряду), возсѣдающая на небесномъ сводѣ, начинаетъ прядти нить его жизни; конецъ этой нити она прикрѣпляетъ къ новой звѣздѣ которая непремѣнно является въ минуту рожденія челоуѣка. Когда-же наступаетъ его послѣдній часъ, Верпея перерѣзываетъ нитку: звѣзда упадаетъ, гаснетъ въ воздухѣ, и челоуѣкъ умираетъ: повтому въ каждой изъ падающихъ звѣздъ видятъ знаменіе чьей-либо смерти ³⁾. Здѣсь слиты во едино два мифическія представленія: а) возженіе пламенной, звѣздо-подобной души и б) пряденіе жизненной нити. Народившійся младенецъ только тогда вступаетъ въ среду живущихъ, когда его пуповина будетъ перевязана, или выражаясь пластически: когда онъ будетъ привязанъ къ жизни выпряденною ниткою, что у славянъ обозначается словомъ по-

¹⁾ Т. I Повт. Возвр., 161, 177, т. III, 207; D. Myth., 684. — ²⁾ Телескопъ 1833, VIII, 503—4. — ³⁾ Ж. М. Н. П. 1844, IV, стат. Боричевск., 11; D. Myth., 685; Die Wissenschaft des slawisch. Mythus Гануша, 272.

вить (повой, повитуха, повивальная бабка; сравни выше стр. 153). Облачные дѣвы, какъ мы видѣли, признавались пряхами; являясь при родахъ, влагая въ ребенка «душу живу», онѣ въ народныхъ вѣрованіяхъ получили характеръ повивальныхъ бабокъ и помощницъ при разрѣшеніи беременныхъ женъ. Какъ своимъ свѣточемъ онѣ таинственно возжигали въ ребенкѣ огонь жизни, такъ своею пряжею, незримо для смертныхъ, привязывали его къ бытію, и пока связь эта оставалась крѣпкою — душа не могла отрѣшиться отъ тѣла; но едва Смерть или дѣвы судьбы разрывали ее, человекъ немедленно умиралъ — точно также, какъ умиралъ онѣ вмѣстѣ съ угасшимъ пламенемъ души: это двѣ различныя метафоры, выразившія одну и ту же идею. Отсюда, во 1-хъ, теченіе человѣческой жизни стали уподоблять тянущейся нити, а затрудненія, ожидающія человека на жизненномъ пути, представлять узлами, которые надо распутывать (завязка и развязка событія). Выраженіе «нить жизни» пользуется гражданствомъ почти во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ; счастливый ходъ жизни соответствуетъ ровной, гладкой нити, и наоборотъ жизнь, исполненная страданій и бѣдствій, тянется суровою, узловатою нитью, опутываетъ человека словно сѣтями и налегаетъ на него тяжелой обузою. Во 2-хъ, образовалось убѣжденіе, что дѣвы судьбы суть вѣчно-работающія пряхи; своими руками онѣ прядутъ жизненную нить и вплетаютъ въ нее все, что должно совершиться съ человекомъ во время его земнаго существованія. Подъ вліяніемъ означенныхъ воззрѣній, повои младенца получилъ религиозный характеръ; дѣло это поступило въ руки вѣщихъ женъ, служительницъ боговъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ отдаленной древности оно сопровождалось священными обрядами; существительное бабка имѣетъ при себѣ глаголъ бабкати — нашепывать, ворожить; въ одной болгарской рукопи-

си огуждаются жены, «кои завезують деца малечки» ¹⁾. Кроме указаннаго преданія о мненческой пряхѣ, литовцы рассказываютъ еще о семи богиняхъ (*dejwes walditojes*), изъ которыхъ первая (= Верпея) прядетъ человѣку жизнь изъ кудели, данной верховнымъ божествомъ; другая мотаетъ выпряденныя нити и дѣлаетъ изъ нихъ основу; третья ткётъ холстъ; четвертая старается пѣснями и рассказами обворожить своихъ сестеръ, и когда онѣ заслушиваются — портитъ ихъ работу, отчего тотчасъ-же постигаютъ смертнаго неудачи, болѣзни, ссоры и прочія бѣды; пятая ей противодѣйствуетъ, не даетъ портить холстъ и побуждаетъ сестеръ къ труду: когда ея усилія не остаются напрасными и работа идетъ безъ помѣхи, то жизнь человѣка бываетъ исполнена спокойствія, радостей, здоровья и счастья; шестая отрѣзываетъ холстъ — и человѣкъ умираетъ; наконецъ седьмая моетъ изготовленную ткань и вручаетъ ее верховному богу. Изъ этой ткани дѣлается рубашка, которую и долженъ носить усопшій на томъ свѣтѣ; такимъ образомъ онъ постоянно имѣетъ передъ собою полную исторію земной своей жизни, всѣхъ ея радостей и горя ²⁾. По основному значенію мифа, посмертная рубашка, изготавливаемая богинями судьбы, есть та облачная ткань, въ которую одѣваются стихійные духи и родственные съ ними тѣни усопшихъ ³⁾; въ погребальномъ обрядѣ ей соответствуетъ бѣлый саванъ (стр. 275—6). Въ настоящемъ случаѣ

¹⁾ Архивъ ист.-юрнд. свѣд., II, стат. Бусл., 41. Въ Малороссіи умершей повивальной бабкѣ кладутъ въ гробъ палку и привязываютъ къ поясу платокъ съ макомъ; на томъ свѣтѣ, говорятъ, нападутъ на нее дѣти (= души усопшихъ) за то, что помогла вѣзъ родиться для горестей земной жизни, и если она не успеетъ отойтись палкою, то разсыпаетъ макъ; дѣти бросятся подбирать макковыя зерна, а повивальная бабка тѣмъ временемъ сплзпитъ отъ нихъ удалиться—Кулишъ, II, 44. — ²⁾ Ж. М. Н. П. 1839. т. XXII, 14—16; Черты литов. нар., 68, 90; D. Myth., 121—6. — ³⁾ Occisanz, I, 324: «онъ видитъ облакъ, долженствующій принять тѣнь его;

это представление о посмертной сорочкѣ сдѣшивается съ другимъ, не менѣе древнимъ, представленіемъ о тѣлесной одеждѣ, облекающей душу со дня рожденія по день смерти чловѣка (см. ниже).

Пряха Верпея и мнѣнческія ткачихи стоятъ въ несомнѣнной связи съ лаумами, что прямо свидѣтельствуетъ за нѣхъ первоначальное тождество съ облачными нимфами. На участіе лаумы въ грозовыхъ явленіяхъ природы указываютъ названія: громовой стрѣлки — ея сосцемъ, радуги — ея поясомъ (I, 359) и воды (т. е. дождя) — ея пѣтомъ; вмѣстѣ съ этимъ, ей приписывается и вліяніе на земное плодородіе: она предвѣщаетъ урожай и голодъ, помогаетъ воздѣлывать нивы и собирать жатвы. Какъ сербскія вилы и наши русалки, лаумы живутъ въ лѣсахъ, поляхъ и въ водѣ, и наравнѣ съ ними характеристическими своими признаками напоминаютъ германскихъ эльфовъ. Онѣ крадутъ и подмѣниваютъ новорожденныхъ младенцевъ (см. выше стр. 307), налегаютъ на сонныхъ людей, даютъ ихъ въ грудь или животъ ¹⁾, и любятъ заниматься пряжею и тканьемъ. Въ четвергъ, какъ въ день, посвященный громовнику, лаумы являются по ночамъ въ избы, и гдѣ найдутъ неубранную прялку—салятся за работу и пря-

---

онъ видитъ туманъ, изъ котораго должна быть соткана его (посмертная) одежда. — ¹⁾ «Laimė gul ant skilvio»—лаума лежитъ на животѣ—давить. Въ одну избу, сквозь небольшое отверстіе въ стѣнѣ, прокрадывалась по ночамъ лаума и душила молодого парня, такъ что онъ совсѣмъ извелся. Знающіе люди научили его, какъ изловить лауму; слѣдуя ихъ совѣту, онъ приготовилъ дубовый клинъ, и когда явилась ночная гостья—тотчасъ-же заколотилъ отверстіе. Цѣлую ночь слышалъ онъ, что кто-то возится и царапаетъ въ углу, а поутру увидѣлъ передъ собою прекрасную, но печальную дѣву. Молодоцъ женился на лаумѣ и пришилъ съ нею двухъ дѣтей. Впослѣдствіи, уступая ея просьбамъ, онъ вынулъ дубовый клинъ — и вслѣдъ за тѣмъ лаума исчезла и болѣе не возвращалась къ мужу; только въ продолженіи года каждый четвергъ приносила она своимъ малюткамъ по бѣлой сорочкѣ (сравни стр. 185—съ преданіемъ о вилѣ).

дутъ до пѣтуховъ; готовую же пряжу уносятъ съ собою. Поэтому вечеромъ, наканунѣ четверга, литвинки ни за что не стануть прясть и тщательно скрываютъ свои кудели ¹⁾). Также охотно садятся лаумы и за ткацкой станокъ. Одной сироткѣ подарили онѣ много кусковъ полотна, но съ условіемъ, чтобы она ихъ не мѣрила; дѣвочка нарушила запретъ, и въ ту же ночь полотно исчезло изъ ея клѣти. Какъ ни искусно прядутъ и ткуть лаумы, сами онѣ не умѣютъ ни начать, ни закончить своей работы, — чѣмъ существенно и отличается ихъ механическій, безцѣльный (свойственный стихійнымъ силамъ) трудъ отъ разумнаго труда человека. Сверхъ того, подобно нѣмецкимъ вѣдьмамъ, онѣ могутъ свое бѣлье — по четвергамъ, послѣ солнечнаго заката, и сильный стукъ отъ ихъ вальковъ далеко разносится по окрестностямъ: повѣрье, указывающее на поэтическую картину грозы, когда небесныя дѣвы, при звукахъ громовыхъ ударовъ, полощутъ въ дождевыхъ ливняхъ свои облачныя ткани (см. гл. XXVI). Только удары плети (= молніи) могутъ разогнать лаумъ и остановить ихъ шумную работу. Какъ мненческія пряхи, лаумы поступаютъ въ разрядъ вѣщихъ дѣвъ, завѣдующихъ рожденіемъ и смертію, а слѣдовательно и судьбою человека. Въ старинномъ словарѣ *laime* (*laime*) объясняется словомъ *fortuna* (доля, счастье); а *laume* (множ. число *laumes*) толкуется: *Lucina, dea partus* — богиня родовъ; *lem ti* — судить, опредѣлять, назначать. Съ одной стороны — лаумы помогаютъ родильницамъ, заботливо ухаживаютъ за грудными младенцами, купаютъ ихъ, баюкаютъ и укачиваютъ въ колыбели, почему и присвоивается имъ прозваніе *mašina* (мать). До сихъ поръ въ Литвѣ свято соблюдается обычай «обмывать новорожденнаго въ поту лаумы».

¹⁾ Латышскія *swethas jumprawas* представляются съ прялками въ рукахъ — Архивъ ист.-юр. свѣд., II, ст. Срезнев., 119.

т. е. въ холодной водѣ ¹⁾). Съ другой стороны — какъ дѣвы, опредѣляющія не только начало, но и конецъ жизни, лаумы похищаютъ дѣтей (= увлекаютъ души въ свой таинственный ширь) и поражаютъ родъ людской внезапными смертельными ударами: когда лаума показывается въ зеленой одеждѣ — это знакъ будущаго урожая; если же она облекается въ красное платье, то предвѣщаетъ кровавую, губительную войну, а если въ черное, то сулитъ всеобщій голодъ и морь; въ послѣднемъ случаѣ ее называютъ моровою дѣвою ²⁾). Какъ предвѣстница войны, она сближается съ германскимъ валькириями, на которыхъ возлагалась печальная обязанность забирать души убитыхъ воиновъ. Если ребенокъ расплатится ночью, то литвины совѣтуютъ класть его за спиною матери — въ полной увѣренности, что невидимая покровительница дѣтей накормитъ и усыпитъ его; но какъ скоро дити успокоится, сейчасъ-же слѣдуетъ переложить его въ люльку; иначе оно можетъ заспать до смерти ³⁾). Соответственно характеру облачныхъ дѣвъ, то дарующихъ живую воду дождя и пробуждающихъ природу къ жизни, то насылающихъ разрушительныя бури, градъ и стужу, съ ними необходимо сочетались противоположныя идеи рожденія и смерти. Опираясь на эти различныя воззрѣнія, народныя преданія представляютъ лаумъ то благотворными юными красавицами, то злобными и безобразными старухами (см. II, 781-3).

Собственно о рожаницахъ мы не встрѣчаемъ свидѣтельствъ, чтобы онѣ пряли жизненную нить; думаемъ однако, что и съ ними въ старину соединялось подобное-же представленіе и только позабыто въ теченіи послѣдующихъ вѣковъ. На эту

¹⁾ Шлейхеръ, 91—97; Lituanica, II, 24, 31—37; Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, ст. Милуца., 555; Рус. Сл. 1860, V, 19, 82; Вѣст. Р. Г. О. 1857, IV, 258; D. Myth., 387—8, 832. — ²⁾ Москва, 1846, XI—XII, 249. — ³⁾ Черты литов. нар., 95.

мысль наводятъ насъ хорутанскія сказки, отождествляющія рожаницъ съ вилами. Едва народится младенецъ (разсказываютъ хорутане), какъ тотчасъ-же — Богъ знаетъ откуда и какъ — являются въ избу три сестры-роженницы (gojenice), садятся за столъ и въ краткихъ изрѣченіяхъ опредѣляютъ судьбу новорожденнаго; произнеся свои предсказанія, онѣ тихо удаляются, и если на ту пору свѣтитъ сквозь окно мѣсяцъ, то озаренные его лучами — бываютъ видны ихъ легкіе, воздушные образы и радужные покровы. Въ верхней Краинѣ ихъ называютъ чисте, беле деклице и жене (чистыя, бѣлыя дѣвы и жены); въ Карвинтїи — желкнине, желне жене, отъ глагола желати (желать, заботиться), подобно тому, какъ валькиріямъ давалось прозваніе «wunschmädchen»; въ другихъ мѣстностяхъ — живицы, суженицы и судицы (sujenice = sojenice, sudice = sodice), т. е. дѣвы жизни и судьбы. Последнее имя извѣстно также лужичанамъ (sudzicke), словакамъ и чехамъ (sudice, sudičky). По повѣрью, уцѣлѣвшему между вестрианъ, роженницы обитаютъ въ горныхъ пещерахъ (= въ нѣдрахъ облаковъ); поселяне донинѣ носятъ имъ хлѣбъ и кладутъ его у входа въ пещеру ¹⁾. Въ сборникѣ Валявца ²⁾ находимъ цѣлый рядъ любопытныхъ приповѣдокъ о роженцахъ, являющихся «sudit deteta», т. е. опредѣлять новорожденному его будущую судьбу. Одѣтыя въ бѣлыя одежды («vu belech orgavan oblečene»), онѣ подходятъ къ постели только что разрѣшившейся матери; каждая изъ нихъ держитъ въ рукахъ по горящей свѣчѣ — знаменіе того свѣточа, которымъ возжигается въ ребенкѣ пламя жизни (душа), почему и называютъ ихъ кресницами (возжигательницами, отъ кресъ — огонь ³⁾). Чтобы облегчить страданія родильницы и скорѣе

¹⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, ст. Срезнев., 107—8 — ²⁾ Стр. 76—91. — ³⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, ст. Срезнев., 107.

призвать въ сей міръ новую душу, на Руси принято во время родовъ зажигать вѣнчальную свѣчку ¹⁾). Совѣщаніе роженицъ главнѣйшимъ образомъ сосредоточивается на опредѣленіи той смерти, какою нѣкогда долженъ скончаться новорожденный, или какъ выражаются хорутане: «to su ove babe, koje sudiju sako dete s kakvim smrtijm prejde iz ovoga sveta». Отсюда объясняется общезвѣстная у насъ и въ Германіи примѣта, что три зажженные свѣчи предвѣщаютъ чью-либо смерть въ домѣ ²⁾); отсюда-же становится понятнымъ, почему самая Смерть является въ преданіяхъ съ характеромъ богини судьбы. Подобно роженицамъ, она, по свидѣтельству народныхъ сказокъ, воспринимаетъ новорожденныхъ младенцевъ, и какъ тѣ называются у чеховъ кумами (k motřičku), такъ тоже названіе кумы присвоится и Смерти; въ своихъ пещерахъ она хранитъ свѣтильники человеческой жизни и опредѣляетъ срокъ ихъ горѣнія (см. выше стр. 201—4). Изъ трехъ сестеръ-роженицъ, устанавливающихъ судьбу младенца, мнѣніе послѣдней постоянно принимается за окончательное рѣшеніе; она есть дѣйствительная владычица смертнаго часа, и потому соответствуетъ злой паркѣ, перерѣзывающей жизненную нить человека, или Смерти, погашающей огонь его души. То, что присуждено роженицами, нельзя не измѣнить, не устранить никакими силами: это приговоръ всемогущаго, непреложнаго рока! Чтò бы ни дѣлалъ человекъ, какихъ бы предосторожностей ни принималъ, онъ не можетъ воспрепятствовать божьей волѣ — «božji jakosti zarpečiti». Предрекутъ ли вѣщія жены смерть отъ волка —

¹⁾ Труды владимір. губ. статист. комит., VI, 86; Повѣст. Возвр., II, 12. — ²⁾ Записки Авдѣев., 142—3; Владим. Г. В. 1844, 49; Пузан., 159; Beiträge zur D. Myth., I, 214; D. Myth., 1028: въ той комнатѣ, гдѣ горятъ три свѣчи, вѣдьмы могутъ творить злыя дѣла.

звѣрь этотъ явится въ урочный часъ къ своей жертвѣ, хотя бы она скрывалась за каменными стѣнами; присудятъ ли человѣку погибнуть въ водѣ, и хотя бы кругомъ на далекое разстояніе не было ни единого источника — онъ задохнется въ лужѣ. Одной царевнѣ было предсказано, что она умретъ отъ укушенія змѣи. Царь устроилъ стеклянный теремъ, куда даже и муравей не могъ пробраться; заключилъ тамъ свою дочь и приказалъ не выпускать ее изъ терема. Когда наступилъ «суѣенъ данъ», царевна пожелала винограду; слуга принесъ ей большую кисть, въ которой скрывалась малая ядовитая змѣйка, — и предсказаніе исполнилось! ¹⁾ Подобные рассказы существуютъ и въ нашемъ народѣ, хотя древнія краски въ нихъ болѣе или менѣе уже стерлись. Такова, напримеръ, сказка про Марка Богатаго ²⁾. Жилъ-былъ Марко Богатый; такъ вездѣ прозывался онъ, потому что у него было несмѣтное богатство. И Марко тѣмъ весьма величался, и былъ непошррно гордъ своимъ прозвищемъ. Во снѣ и на яву ему грезилось только его богатство. Однажды, стоя въ церкви. Марко сказалъ своему сосѣду: «что это, сосѣдъ! какъ ни богатъ я, а хоть бы разъ Господь Богъ пожаловалъ ко мнѣ въ гости!» — Чтожъ, отвѣчалъ сосѣдъ, приготовься получше, и Господь посѣтитъ тебя своею благодатію. Сосѣдъ разумѣлъ по христіански, а Марко понялъ по своему: изготовилъ роскошный обѣдъ, пышно разубралъ свой домъ, устлалъ всю дорогу отъ воротъ до церкви парчами и бархатами, и сталъ дожидаться гостя. Прошла обѣденная пора, а Марко все ждетъ... Вотъ и солнце стало садиться; Марко не выдержалъ и приказалъ слугамъ своимъ собирать парчи и бархаты. Въ это время приходитъ на его дворъ съденкой старичокъ и

¹⁾ Срп. рјечник, 724; Кнјжевник 1866, вып. II, 249. — ²⁾ Н. Р. Ск., I, 13; II, 35; Н. Р. Дег., отр. XXVI; Денница 1834, 5—21.

просить почлега. «Не до тебя мнѣ! сказалъ ему съ сердцемъ Марко. — Ради Бога, Марко Богатый! укрой меня отъ темноты ночной». И Марко, чтобъ только отвязаться, велѣлъ впустить его въ избу, гдѣ лежала у него при смерти хвора тетка. На другой день видитъ Марко, что идетъ къ нему тетка совсѣмъ здоровая. «Какъ это тебя угораздило?» спросилъ онъ съ удивленіемъ. — Ахъ, Марко Богатый! отвѣчала тетка знаешь ли что? Видѣлось мнѣ, будто самъ Господь ночевалъ въ моей избушкѣ, и будто прилеталъ къ нему ангелъ съ вѣстію, что въ эту ночь родилось три младенца: одинъ у купца, а другой у крестьянина, третій у нищаго, и спрашивалъ: какой таланъ присудишь имъ, Господи? И Господь провѣщалъ: купеческому сыну обладать отцовскимъ таланомъ, крестьянскому сыну обладать землепашествомъ, а бѣднякову сыну — Марковымъ богатствомъ. «А еще что?» спросилъ Марко. — Да вотъ еще какая благодать: какъ проснулась я, то встала совсѣмъ здоровая! «Ладно, сказалъ Марко; только съ бѣднякова сына много будетъ обладать Марковымъ богатствомъ!» По другому варианту, Господь приходитъ въ видѣ убогаго старца, въ худомъ рубищѣ, и ночуетъ въ скотной избѣ. Въ ту пору, когда надо быть заутренѣ, затеплилась у иконы сама собой свѣчка; Господь всталъ, облекся въ ризы и началъ совершать службу. Прилетаетъ ангелъ: «Господи! въ такомъ-то селѣ, у такого-то крестьянина родился сынъ; какъ ему повелишь нареши имя и какимъ надѣлишь его счастьемъ?» — Имя ему, отвѣчалъ Господь, нарицаю Василий, прозваніе — Безсчастный, а награждаю его богатствомъ Марка Богатаго. Не желая покориться божьему суду, Марко покупаетъ бѣднякова сына и бросаетъ его въ открытомъ полѣ въ сугробъ снѣгу; но въ тотъ-же день проѣзжали мимо купцы, запримѣтили, что изъ сугроба паръ подымается, подошли и видятъ: посреди снѣговъ проталинка, на проталинкѣ

трава зеленѣетъ и цвѣты красуются, а въ цвѣтахъ лежитъ младенецъ и кротко улыбается. Купцы взяли его и увезли съ собою; когда узналъ про то Марко, онъ въ другой разъ купилъ ребенка, перерѣзалъ ему брюшко, положилъ въ ящикъ и пустилъ пою водою. Волны прибили ящикъ къ берегу, на которомъ стоялъ монастырь; монахи достали ребенка, заживили его рану, вскормили его и воспитали. Случилось Марку Богатому лѣтъ черезъ пятнадцать заѣхать въ тотъ монастырь; свѣдалъ онъ про Ивана Безсчастнаго, уговорилъ его поступить къ себѣ въ услуженіе и послалъ съ письмомъ къ женѣ, а въ письмѣ отдалъ приказъ, чтобы затравили его собаками (или сварили въ кипучемъ котлѣ). На подорогѣ утомленный юноша заснулъ; въ то время прилетѣлъ ангелъ-хранитель, взялъ у него Марково письмо и замѣнилъ другимъ, въ которомъ тою-же рукою было написано, что Марко нашелъ жениха для своей единственной дочери и велитъ тотчасъ-же выдать ее за Ивана Безсчастнаго. Свадьба была сыграна, и послѣ того что ни дѣлалъ Марко, а богатство его все-таки досталось бѣднякову сыну. Сказка о Маркѣ Богатомъ, не смотря на то, что многія подробности въ ней переработаны въ христіанскомъ духѣ, несомнѣнно принадлежитъ глубокой доисторической старинѣ. Она основана на древнѣйшемъ вѣрованіи въ предопредѣленіе Судьбы, которая при самомъ рожденіи младенца уже напередъ рѣшаетъ его будущность и притомъ такъ окончательно, что рѣшенія этого не въ состояніи измѣнить никакія человѣческія усилія. Вопросы, обращенные къ Богу: какииъ счастлиемъ надѣлитъ онъ новорожденнаго?—въ другихъ народныхъ разсказахъ обращаются къ самой Судьбѣ (см. ниже). Древность означенной сказки подтверждается и ея повсемѣстнымъ распространеніемъ у различныхъ индоевропейскихъ народовъ ¹⁾. Наиболѣе важ-

¹⁾ Н. Р. Ск., I, примѣч. къ № 13.

ными представляются намъ редакціи: хорутанская ¹⁾, въ которой будущую участь ребенка предсказываютъ «*tri belo oblečene ženske, pak saka je imela v roki svečo, a to so bile sojenice*», и чешская ²⁾, въ которой выведены *su dičky* — «*tri stare babičky, celé bílé, každá měla v ruce svíce rozsvícenou*»; онѣ-то и подмѣниваютъ письмо, написанное съ цѣлю погубить ихъ любимца. Въ норвежской редакціи ³⁾ вѣщія дѣвы замѣнены звѣздочетами — ради той связи, въ какую народныя вѣрованія ставятъ судьбу чловѣка съ расположеніемъ звѣздъ при его рожденіи; а въ русской — онѣ уступили свое мѣсто христіанскому Богу и ангелу-хранителю. По рассказамъ чеховъ, судички — три бѣлыя жены; въ полночный часъ являются онѣ подъ окно избы или въ самую комнату, гдѣ лежитъ новорожденное дитя, и совѣщаются о его будущей судьбѣ; при ихъ приближеніи все, что обитаетъ въ домѣ, погружается въ глубокій сонъ. Онѣ держатъ въ рукахъ зажженные свѣчи и тушатъ ихъ не прежде, какъ произнеся свой непреложный приговоръ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ думаютъ, что судички садятся ночью на кроватъ дома, возлѣ дышовой трубы, и предсказываютъ судьбу младенца по звѣздамъ ⁴⁾. Хорутанскія приповѣдки смѣшиваютъ роженницъ съ вилами. Однажды убогой пришелъ въ избу, гдѣ только что разрѣшилась хозяйка отъ бремени, и сѣлъ возлѣ печки. На ту пору явился три *sojenice*: «*bile so čisto belo oblečene, imele so na glavi bele velike robce, a okol vrata grole samih demantov, zlata i srebra, lica bile so okrogloga, velekrasne žene kakti vile*». Подошли къ столу и устланы около него съ разныхъ сторонъ. Первая изрекла: «*пусть, когда сравняется новорожденному семнадцать лѣтъ, станетъ онъ зимою рубить дрова, и въ то время набѣжитъ звѣрь и рас-*

¹⁾ Сб. Валявца, 87—89. — ²⁾ Эрбенъ, 1—7. — ³⁾ I, 5. — ⁴⁾ Громаниъ, 7.

терзаетъ его». — Нѣтъ! возразила другая, пускай будетъ солдатомъ и умереть на службѣ. — Не такъ! сказала третья, пусть онъ утонетъ на двѣнадцатомъ году. Убогой все выслушалъ и передалъ матери, и какъ та ни оберегала своего сына, а приговоръ совершился. Когда наступилъ роковой часъ, мальчикъ «*miništrival (vu cirkvu), stane se ide doli gde je bila blagoslovljena voda pak pogiae noter glavo i tak vumge*»¹⁾. И такъ роженцы столь-же прекрасны и носятъ такую-же бѣлую одежду, какъ и вилы. Изъ одной приповѣдки можно заключать, что онѣ, подобно виламъ, владѣли смертоносными стрѣлами; такъ однажды присудили онѣ младенцу, что когда исполнится ему 13 лѣтъ, 13 дней, 13 часовъ и 13 минутъ—ударить съ яснаго неба стрѣла и поразить его смертію²⁾. Но этого мало; мы имѣемъ прямые указанія, что вилы заступали мѣсто роженецъ и играли ту-же самую роль вѣщихъ дѣвъ, опредѣляющихъ судьбу человѣка. При роженіи одной знатнаго рода дѣвочки, рассказываетъ хорутанская приповѣдка³⁾, позваны были на пиръ вилы. Онѣ явились въ золотыхъ одеждахъ, съ серебряными поясами; чудные золотые волосы ихъ ниспадали до самой земли; каждая изъ нихъ одарила новорожденную дорогимъ даромъ (— добрымъ предвѣстіемъ будущаго), а одна «злочеста» дала ей шкатулку, въ которой было написано, что дитя будетъ прекрасно, но рано погибнетъ. И вотъ, когда дѣвочка выросла и наступило время выдавать ее замужъ, злая вила пришла въ замокъ, ударила ее волшебнымъ прутомъ (— молніеносной стрѣлою), и въ тотъ-же мигъ красавица окаменѣла, т. е. сдѣлалась жертвою смерти. Съ тѣмъ-же значеніемъ выступаютъ вилы въ переводной съ латинскаго сказкѣ, писанной на сербо-болгарскомъ нарѣчій

¹⁾ Сб. Валявца, 85—86. Переводъ: прислуживалъ въ церкви, по-дошелъ туда, гдѣ стояла освященная вода, опустился въ нее головою и умеръ. — ²⁾ Ibid., 81—82. — ³⁾ Ibid., 56—57.

(XIV-го вѣка), отрывокъ которой напечатанъ покойнымъ Востоковымъ въ «Описаніи рукописей Румянцовскаго музеума» ¹⁾: «оувѣдѣште то (брачное торжество короля Пелея) три вилы пророчицъ, коѣ бѣхъ найдѣшъ въ морскихъ отозѣхъ, и доидошъ на оно веселие, развѣ единъ, ѡжъ нева, зане бѣше свадлива, именовъ Диевошь кордиа; где идѣше — все свадъ строаше, за то не хотѣхъ я звати». Эта свадливая вила, оскорбленная тѣмъ, что ее не позвали на пиръ, даетъ злое предвѣщаніе, и есть *Discordia*, о которой говорится въ древней повѣсти о Пелеѣ. Въ сербскихъ пѣсняхъ вилы являются пророчицами ²⁾ и указываютъ смертнымъ присужденную имъ долю:

Јунак ми ков(ь)а јездеше,
 Предрагу срећу искаше;
 Виле ми п(ь)ага виѣше,
 Јунака сташе дозивит':
 „Овамо свраћај, јуначе!
 Твоја се срећа родила,
 Сунчаном ждраком повила,
 Мјесецем сјајним гојила,
 Звјездама сјајним росила“ ³⁾.

Марку-королевичу вила предвозвѣстила его смертнѣй часъ, и въ подтвержденіе словъ своихъ послала его къ горному источнику, заглянувъ въ который, королевичъ тотчасъ-же прочиталъ на своемъ лицѣ близкую кончину (см. выше стр. 168 — 9). Чехи до сихъ поръ убѣждены, что, глядясь въ колодцы на «щедрѣй» вечеръ, можно угадать свое будущее; они ходятъ къ источникамъ, прудамъ или рѣкамъ, бросаютъ

¹⁾ Стр. 385—7. — ²⁾ Кукулевичъ, 91, 94. — ³⁾ Срп. и. пјесне, I. 191. Переводъ: ѡзидль юнакъ на конъ, искаль дорогу долю; увидали его вилы, стали звать юнака: «поворачивай сюда, мѡлодецъ! твоя доля родилась—солнечнымъ лучемъ спеленалась, яснымъ мѣсяцемъ вскармлена, ясными звѣздами воспоена».

въ нихъ куски праздничныхъ яствъ, плоды, орѣхи, и причитываютъ: «studánko! pověz ty mně pravdu» (II, 192, 209 ¹). Обитая въ облачномъ небѣ, вилы — роженкицы обладали живою водою райскихъ ключей, черпали изъ нихъ напитокъ мудрости и становились въ разрядъ вѣщихъ женъ, определяющихъ грядущія судьбы. Самое названіе вила указываетъ въ ней пряжу (отъ слова витъ), т. е. дѣву, прядущую нить жизни, и вмѣстѣ повитуху (повивальную бабку), присутствующую и помогающую при родахъ; свидѣтельства о ея прядильныхъ работахъ приведены выше (стр. 177—8). Ганка упоминаетъ о мнѣческихъ пряхахъ—lichoplezi (=плетушія ляхо, т. е. жизненные бѣды и смерть), соответствующихъ паркамъ ²); болгары знаютъ злату бабу, которая научила женщинъ прясть и ткать ³); а въ преданіяхъ словацкихъ еще не забыть золотой сплетѣнный шнуръ, тождественный съ золотою веревкою германскихъ норнъ ⁴). На Руси существуетъ нѣсколько повѣрій, поставляющихъ занятія пряжею и тканьемъ въ связи съ родами и смертію: во всѣ святочные вечера не вьютъ веревокъ, опасаясь, чтобы беременная женщина не родила урода ⁵); гдѣ на Рождество плетутъ лапти, въ томъ домѣ родится кривой ребенокъ ⁶); если предъ Благовѣщеньемъ или страстною недѣлею будетъ вывѣшенъ новый холстъ и подъ него подойдетъ звѣрь, то сейчасъ околѣетъ ⁷), что напоминаетъ намъ посмертную сорочку, изготовляемую литовскими парками.

Болгары вѣрятъ, что ко всякому новорожденному являются три (иногда двѣ и четыре) чудесныя дѣвы и присуждаютъ ему счастливую или несчастную долю; одна изъ нихъ — старшая, которой и принадлежитъ окончательно-рѣшающій го-

¹) Рус. Вѣст. 1862, I, 352. — ²) D. Myth., 407. — ³) Показалець Раковскаго, I, 3. — ⁴) Ганушъ, 206. — ⁵) Могна. Г. В. 1852, 4. — ⁶) Нар. сл. раз., 162. — ⁷) Ibid., 164.

юсть. Дѣвъ этихъ они называютъ: а) урисници или урисници и б) наржчници. Первое названіе: урис(з)ници имѣетъ при себѣ въ болгарскомъ языкѣ выраженіе: «тѣи му было урисано», т. е. предопредѣлено ¹⁾, и ризик = ризик — счастье, судьба ²⁾. Наржчници — тѣ, «ком наржчватъ колку и како ке живять родено-то, и що ке наржчатъ третья-та, това ке бидить» ³⁾. Въ первую ночь послѣ родовъ приходятъ урисницы въ домъ разрѣшившейся матери и предвѣщаютъ ея младенцу: сколько лѣтъ онъ проживетъ, какова будетъ его жизнь — счастливая или бѣдственная, съ кѣмъ вступитъ онъ въ брачный союзъ, какими болѣзнями будетъ страдать и какую смертью умереть. Рассказываютъ еще, что есть три урисницы добрыя и три злыя, что тѣ и другія никогда не бываютъ согласны и ведутъ между собою вѣчную борьбу. Изъ трехъ добрыхъ урисницъ первая даетъ младенцу умъ и знаніе грамоты, вторая надѣляетъ здоровьемъ, красотой и даромъ слова, а послѣдняя руководитъ его въ продолженіи всей жизни, учитъ ремесламъ и доставляетъ случаи разбогатѣть ⁴⁾. Показываясь взрослому человѣку, онѣ предохраняютъ его отъ угрожающаго несчастія. Всѣхъ урисницъ много; онѣ всегда юны и прекрасны и живутъ на небѣ ⁵⁾; по свидѣтельству народной пѣсни ⁶⁾, онѣ нисходятъ за душой умирающаго человѣка въ туманахъ (мглы) и вихряхъ:

Здаде съ силии-не вѣтро'и,
Здаде съ мжги и пра'о'и,
По нимъ идѣтъ силии вѣулици.

¹⁾ Баравел., 140. — ²⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, стат. Срезнев., 108; Germ. Mythen, 582: ризик, ризик = новогр. ριζικός, итал. rischio, исп. riesgo, отъ др.-греч. ῥιζω — termino, deserno, statuo. — ³⁾ Младни., 525. Переводъ: которыя нариваютъ (изрекають), сколько и какъ жить новорожденному; что изречетъ третья, то и сбудетъ. — ⁴⁾ Баравел., 171. — ⁵⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Срезн., 108. — ⁶⁾ Младни., 16—18.

Большую частію урисницы являются въ дома невидимо; но инымъ удавалось и видѣть, и слышать ихъ. Такъ однажды какой-то путешественникъ остановился ночевать въ домѣ, гдѣ хозяйка родила дѣвочку. Въ полночь — когда всѣ уснули, только не спалъ прїѣзжій—явились урисницы; первая сказала, что дѣвочка должна прожить 50 лѣтъ; вторая — что она будетъ терпѣть бѣдность; третья — что на тридцатомъ году она сильно заболѣетъ, но черезъ четыре мѣсяца выздоровѣетъ; наконецъ четвертая сказала, что она выйдетъ замужъ за этого самаго путешественника, которому тогда уже было тридцать лѣтъ отъ роду. Услышавъ такое предсказаніе, онъ подумалъ съ горечью: «я и такъ оставался неженатымъ до тридцати лѣтъ; неужели еще буду ждать, пока вырастетъ эта дѣвочка?» Въ досадѣ схватилъ ребенка, выбросилъ вонъ и потихоньку удалился изъ дому. Поутру нашли окровавленную дѣвочку у забора; жизнь ея была спасена, но остался небольшой знакъ на спинѣ. Прошло двадцать лѣтъ; тотъ-же путешественникъ, проживая въ другомъ городѣ, прїскалъ себѣ невѣсту, сосватался и повѣнчался; замѣтивъ у жены знакъ на спинѣ, онъ спросилъ ее — и узналъ, что судьбы своей не минуешь ¹⁾. Нѣкоторыя женщины въ Болгаріи и Македоніи увѣряютъ, что онѣ, послѣ родовъ, видѣли урисницъ при своей постели и что одна изъ нихъ мѣряла нить, а другая отрѣзывала ее ²⁾, т. е. первая отиѣривала нить человѣческой жизни, назначала ея продолженіе (=долготу земнаго существованія), а вторая пересѣкала ее=опредѣляла минуту смерти. Англосаксонское имя богини судьбы было Mēten (mettena= die abmessende), т. е. измѣряющая; тонкія нити паутины, развѣвающіяся осенью (въ Бабье лѣто) по заборамъ и кустамъ, признаются за работу искусно-прядущихъ эльфовъ и дѣвъ

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1846, XII, 210—1. — ²⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Срезн., 108.

судьбы и въ нижней Саксоніи называются *metten*, *metjen*, *sommer metjes*, *mettkensommer*; въ Дитмархѣ говорятъ про нихъ: «*de Metten hebt spinnen*». Если такая шаутина повиснетъ на чьемъ-либо платьѣ — это принимается за предвѣстіе счастья ¹⁾).

Славянскимъ рожаницамъ соответствуютъ греческія мойры, римскія парки, романскія феи и германскія норны. Такъ какъ главная, существенная обязанность дѣвъ судьбы состояла въ опредѣленіи начала и конца человѣческой жизни, т. е. рожденія и смерти; то отсюда и самыя названія, приданныя имъ, указываютъ на одинъ изъ этихъ пунктовъ, ограничивающихъ земное существованіе чловѣка. У славянъ, какъ мы видѣли, осиливаетъ мысль о началѣ жизненнаго поприща. Напротивъ греч. *μοῖρα* образовалось изъ *μῆρα*, отъ корня *мог*, *шаг*, снескр. *mg* — рмирать, и значитъ: умерщвляющая, убивающая; сходно съ этимъ, и римлянинъ первоначально называлъ свою парку *moeta*. Такое значеніе слова *μοῖρα* было позабыто уже въ глубокой древности, и изъ понятія могучей смерти возникло общее представленіе судьбы — точно также, какъ *μῆρος* (*mois*, моръ — не только смерть вообще, но и соединенная съ насиліемъ) у Гомера употребляется въ смыслѣ «жребія жизни», предназначеннаго чловѣку со дня рожденія; почему и понадобилось дополнять означенныя рѣченія приставкою слова *θάνατος*: «*θάνατος καὶ μοῖρα κραταῖη*», «*θάνατος τε μῆρος τε*». Въ поэтическихъ сказаніяхъ мойра является, какъ олицетвореніе

¹⁾ Germ. *Mythen*, 638—640. Въ нашихъ заговорахъ упоминаются какія-то загадочныя жены — метницы: „сохрани мене, Господи, отъ вѣдуновъ и полувѣдуновъ, отъ тридцать колдуновъ и полуколдуновъ, отъ еретиковъ и полуеретиковъ, отъ метницъ и полуметницъ“ — Этн. Сб., VI, библиогр. указ., 5. Въ арханг. губ. метище — сѣтчатый рыболовный снарядъ (Обл. Сл., 113); серб. метница = преѣа, *das gagn, netz* (Срп. рјечник, 355).

губительной смерти: она участвует въ битвахъ, нападаетъ на человѣка, душитъ и убиваетъ его, сватываетъ его руками, повергаетъ наземь, опутываетъ крѣпкими узами.¹⁾ и застигаетъ ему очи безысходнымъ мракомъ. Такимъ образомъ смерть принималась за непреложный законъ природы, за требованіе неумолимаго рока, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ — за жребій, выпавшій по волѣ враждебной богини. Древнѣйшее народное вѣрованіе знало многихъ прядущихъ (*κατακλώθεις*) и разящихъ смертію (*μοῖραι*) женъ судьбы; наряду съ мойрами выступали и убійственныя керы; и тѣхъ, и другихъ, по свидѣтельству Гезіода, породила черная Ночь. Число мойръ у него ограничено тремя: первая *Κλωθώ* (*die Spinnerin*) прядетъ жизненную нить, вторая *Λάχεσις* (*lossung*) бросаетъ жребій, рѣшающій направленіе и исходъ грядущихъ событій, а третья *Ἄτροπος* (*die unabwendbare*), старѣйшая и ничѣмъ неотвратимая, перерѣзываетъ выпряденную нить и прекращаетъ біеніе жизни; она выражаетъ собою неизбѣжный конецъ, ожидающій каждаго человѣка, завѣдываетъ его смертнымъ часомъ, и потому *Ἄτροπος* есть мойра по преимуществу, въ первоначальномъ значеніи этого слова²⁾. По указанію Платона (*de republ.*), три мойры — дочери Судьбы (*Ἀνάγκη*); онѣ возсѣдаютъ въ бѣлыхъ одеждахъ и вѣнцахъ, и подъ жужжаніе вертящагося веретена поютъ свои предвѣщанія³⁾. Всякая — и счастливая, и печальная участь человѣка опредѣляется ими при самомъ его рожденіи, и все, что ни случается съ смертнымъ, уже напередъ вполетено въ

¹⁾ Индѣйцы давали богу усопшихъ (Ямъ) веревки и путы, которыми онъ и его послы связывали людей; тѣже атрибуты приписываетъ Смерти и древне-нѣмецкій поэтъ — *Germ. Mythen*, 580; сравни выше стр. 44. — ²⁾ *Germ. Mythen*, 579—583; *Griech. Myth.* Преллера, I, 414. — ³⁾ *D. Myth.*, 386.

его жизненную нить пряхою Κλωθώ¹⁾. Тѣже вѣрованія у римлянъ прилагались къ паркамъ; рагса заключаетъ въ себѣ понятіе пряжи (=вилы) — отъ санскр. раг' (смѣшивать, связывать; гр. πλέω, лат. plecto, слав. плету²⁾). У новыхъ грековъ Міга, Тісн і Risiko (ή Μοῖρα, ή Τύχη, τὸ Ροιζικό) признаются за существа, тождественныя тремъ паркамъ: а въ албанскихъ сказкахъ мѣры являются вѣщими старухами, опредѣляющими человѣческую судьбу³⁾.

Съ той поры, какъ на историческую сцену выступили романскія народности, названіе рагса было позабыто и въ замѣну его создано новое: отъ существительнаго средняго рода fatum (судьба, рокъ) образовались итал. fata, испан. hada, прованс. fa da, фран. fée (подобно тому, какъ пѣе отъ паta). Какъ рано употребительно было такое названіе въ Италіи, указываютъ Авзоній и Прокопій (de bello goth.). Эти мненческія жены — феи бѣльшею частію представлялись въ тройственномъ числѣ; но встрѣчается также и число семь или тринадцать. The fate, странствуя по свѣту, являются къ родильницѣ, предсказываютъ судьбу новорожденнаго младенца, прилагаютъ его къ своей груди и оказываютъ ему нѣжную заботливость, какъ попечительныя матери (matres, матронае), почему французы называютъ ихъ повивальными

¹⁾ Илиаде, XX, 127—8; XXIV, 209—210; Одис., VII, 197—8; XIX, 145—6. По приказу Аполлона, мойры должны были присутствовать при рожденіи Эваднe; а при рожденіи Геракла, посланныя ревнивою Герою, онѣ продолжили мученія матери его—Алкмены. — ²⁾ Бурциусъ: Grundzüge der griech. etymologie, 134—5. Г. Срезневскій сближаетъ лат. рагса съ словани рагіо (рождаю) и рагс (часть), греч. μοῖρα съ μέρος, а слав. часть производитъ отъ корня чѣ=чън=кън, отъ котораго образовались и глаголы чѣти (за-чѣти), и существит. чѣдъ, чѣдо—Архивъ ист.-юр. свѣд., II, 113—4. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, парка означаетъ то же, что и роляница; но какъ ни соблазнительно такое производство, принять его нѣтъ достаточныхъ основаній. — ³⁾ Germ. Mythen, 582.

ми бабками—*obstetrices, ventrières*; двѣ фаты напутствуютъ ребенка въ жизнь добрыми пожеланіями, а третья даетъ зловѣщее предсказаніе. Есть такой разсказъ: было въ одной странѣ семь фей; шесть изъ нихъ были приглашены въ кумы и на родильномъ пиру посажены на почетныя мѣста за столомъ; о седьмой-же забыли, но она явилась и непрощенная, и между тѣмъ, какъ приглашенныя феи одаряли ребенка различными благами, эта послѣдняя изрекла ему проклятіе ¹⁾. Феи живутъ въ ущеліяхъ скалъ и въ лѣсахъ, возлѣ озеръ и источниковъ; въ славномъ лѣсу у ключа de Berenton народное воображеніе видѣло *dames faées*, облеченныхъ въ бѣлыя одежды: онѣ надѣляли дѣтей дарами счастія, и только одна изъ нихъ, недобрая и завистливая, дарила бѣдствіями. Эти скалы, лѣса и источники первоначально усматривались на небѣ — въ темныхъ грядѣхъ дождевыхъ облаковъ. О паркахъ также думали, что онѣ обитаютъ въ горахъ. Когда наступаетъ жатва, феи показываются на деревенскихъ празднествахъ и награждаютъ прилежныхъ пряхъ. Ихъ шерѣдко представляютъ съ «рогомъ изобилія» въ рукахъ, что намекаетъ на испосланіе ими земнаго плодородія. По французскимъ сказаніямъ, онѣ, подобно нѣмецкимъ великанкамъ, носятъ на головѣ или въ передникѣ огромные куски скалъ, а свободною рукою въ тоже самое время кружатъ веретено; въ крестьянскія избы онѣ являлись черезъ дымовыя трубы — путь, которымъ пользуются и наши вѣдьмы ²⁾.

¹⁾ Феи явились въ ночь рожденія Огера Датскаго и каждая дала ему особенный даръ; онѣ же присутствовали при рожденіи Оберона и надѣляли его всевозможными жизненными благами, кромѣ одной, которую позабыли пригласить и которая, въ отмщеніе за свою обиду, осудила его на ростъ карлика—Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Срезнев., 118. — ²⁾ D. Myth., 382—8, 401—3, 1102.

Тождество дѣвъ судьбы съ облачными нимфами съ особенною наглядностію обнаруживается въ скандинавскихъ преданіяхъ о норнахъ. Nôgn означаетъ тоже самое, что мойра, т. е. «умерщвляющая»: корень этого слова — pak (снкр. паç, лат. пес-аге), откуда лат. пес-s, греч. νέχου-ς, νεχ-ρός, гот. па h v-s, скан. пâг, лит. па h w i — умереть, па h we — смерть, слав. на в и т и — убавать и на в ъ е. Западная отрасль аріискаго племени знала демоническую жену Naçus, которая поражала людей смертію и бросалась на ихъ трупы ¹⁾. Эдда говоритъ о трехъ норнахъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое собственное имя: Urdhr (die gewordene ²⁾), Verdhandi (die werdende ³⁾), Skuld (die werden sollende ⁴⁾), готск. Vaurps, Vairpandei, Skulds, др.-в.-нѣм. Wurt, Werdandi, Scult. Имена эти означаютъ: минувшее, совершающееся и долженствующее быть, или прошлое, настоящее и будущее, и такимъ образомъ характеризуютъ намъ германскихъ паркъ въ присвоенныхъ имъ занятіяхъ: первая знаетъ все бывшее, вторая завѣдываетъ текущими минутами жизни, а послѣдняя опредѣляетъ грядущія событія; «sie legten loosse, bestimmten das leben der menschengeschlechter, schicksal zu ordnen» ⁵⁾. Подобныя представленія соединялись и съ мойрами: Лахезисъ вѣдала τὰ γέγονότα, Клото — τὰ ὄντα, Атропосъ — τὰ μέλλοντα; латинскіе писатели распредѣляютъ эти обязанности нѣсколько иначе: у Апулея Clotho заботится о настоящемъ, Atropos вѣдаетъ прошедшее, а Lachesis устрояетъ будущее. По имени норны Urdhr названъ колодець, бьющій изъ-подъ небеснаго корня міровой ясени — Urdharbrunnr; возлѣ этого источника, въ прекрасномъ залѣ, обитаютъ норны; изъ него черпаютъ онѣ воду, и окропляя вѣтви священнаго

¹⁾ Germ. Myth., 584—5. — ²⁾ Von verdhā—werden aus dem plur. praeter. urdhum gebildet. — ³⁾ Fem part. praes. von verdhā. — ⁴⁾ Part. praet. von skula. — ⁵⁾ Смирновъ, 5—6.

дерева, посылають ее на землю россою; вода эта все молодить и оживляетъ, слѣдовательно обладаетъ тѣми-же свойствами, что и благодатный jungbrunnen Идуны. Тутъ-же у источника Урды собираются боги творить свой праведный судъ и давать законы вселенной. Три норны суть дѣвы вѣщія, опредѣляющія каждому человѣку продолжительность и всѣ обстоятельства его жизни; обязанныя изрекать непреложные приговоры (=судницы), онѣ возсѣдаютъ на судейскихъ креслахъ. Приближаясь къ колыбели новорожденного, норны прорицають ему судьбу и собственными руками прядутъ его жизненную нить. Когда народился герой Гельги (Helgi), ночью явились въ замокъ норны, свили нити его судьбы и протянули посреди неба (unter dem Mondessaal) золотой шнуръ (gullinsimi—goldseil); одна норна скрепила конецъ шнура на востокъ, другая — на западъ, а третья (schwester des Neri) прикрѣпила нить къ сѣверу:

Westlich und östlich
die Enden bagen sie —
in der Mitte lag
des Königs Land.
Einen Faden nordwärts
warf Neris Schwester,
ewig zu halten
hiess sie diess Baud.

Вся область между концами протянутого шнура, от востока до запада, должна современемъ подчиниться власти героя, быть ареною его подвиговъ. У одного средневѣковаго поэта сказано:

Zwô scephter flähten mir ein seil,
dâ bi diu dritte saz;
diu zebrachz: daz was min unheil. ¹⁾

¹⁾ Переводъ: двѣ творческія жены плели мнѣ веревку; тутъ-же сидѣла третья и разрывала: то было мое несчастье.—Какъ отголовокъ стариннаго преданія о норнѣ, разрывающей нить жизни, до-

Эта послѣдняя, рвущая пряжу и тѣмъ самымъ творящая бѣды, соответствуетъ третьей норнѣ, что бросаетъ сдерживающую привязь на сѣверъ — въ печальную страну ночи, зны и смерти. Nöfnagestsaga рассказываетъ о вѣщнихъ женахъ (völvaug, þógnir), которыя странствовали по свѣту, стучались въ дома и предсказывали смертнымъ будущее. Люди приглашали ихъ въ свои жилища, угощали и чествовали дарами. Однажды явились онѣ къ отцу Норнагеста; дитя лежало въ колыбели, а возлѣ горѣло двѣ свѣчи. Первыя двѣ вѣщуньи благословили ребенка счастьемъ; но третья, младшая норна была раздражена: ей досталось сѣдалище такое тѣсное, что она упала съ него, и подымаясь — она воскликнула: «ich schaffe, dass das kind nicht länger leben soll, als die neben ihm angezündete kerze brennt!»¹⁾ Въ ту же минуту старшая völva схватила свѣчу, погасила и отдала матери, совѣтуя не прежде зажечь ее, какъ въ послѣдній, предсмертный часъ ея сына, который потому и получилъ имя Норнагестъ (Nöfnagestr, Nöfnengast). Онъ прожилъ до глубокой старости, и когда наскучила ему жизнь — зажегъ роковую свѣчу и предался смерти. Эта любопытная сага указываетъ на тождественное значеніе словъ: völva и þógn; изъ нея очевидно, что норны опредѣляли новорожденному его грядущую судьбу, что онѣ создавали (sie schaffen) его счастье и несчастье: выраженіе, свидѣтельствующее за нихъ божественную, творческую силу (срав. ниже сагу о Старкадрѣ). Съ Норнагест-сагою родственно греческое сказаніе о Мелеагрѣ; при его рожденіи предвѣщали три мойры, и Атропосъ назначила ему жить до тѣхъ поръ, пока не сгоритъ положенное

себѣ существуетъ примѣта, что встрѣча съ прихою предвѣщаетъ неудачу — D. Myth., 1078. — ¹⁾ Переводъ: «я творю (=присуждаю), что дитя должно жить до тѣхъ поръ, пока не сгоритъ зажженная при немъ свѣча».

на очагъ полѣно; встревоженная такимъ предсказаніемъ, мать ребенка — Алтея тотчасъ-же выхватила полѣно изъ пламени, погасила его и спрятала (см. выше стр. 204). Дѣвы судьбы, какъ мы знаемъ, возжигали въ новорожденномъ пламя жизни и гасили его при кончинѣ человѣка; фантазія воспользовалась этимъ мнѣческимъ представленіемъ и заставила ихъ опредѣлять долготу жизни по времени горѣнія свѣчи или обрубка дерева. Сверхъ того, обязанность зажигать и тушить огонь жизни народныя сказки возлагаютъ и на богиню Смерть, ради тѣсной связи ея съ третьєю царкою, разрывающею жизненную нить (стр. 203). Саксонъ-грамматикъ называетъ норнъ сестрами и для обозначенія ихъ употребляетъ слова: рагса и пурһа. Изъ трехъ сестеръ двѣ первыя благосклонны къ ребенку, а третья, младшая — Skuld враждебна; она-то и назначаетъ срокъ жизни и опредѣляетъ, какою именно смертію долженъ погибнуть человѣкъ. Эдда говоритъ, что между норнами есть добрыя и злыя, и хотя по имени называетъ только трехъ; но допускаетъ и большее число; добрыя норны происходятъ отъ боговъ (асовъ) и свѣтлыхъ эльфовъ, злыя — отъ мрачныхъ, подземныхъ карликовъ (цверговъ); первыя создаютъ людское счастье, а послѣднія стараются имъ противодѣйствовать и посылаютъ горести и страданія ¹⁾). Преданіе о вѣщихъ женахъ, странствующихъ по землѣ и надѣляющихъ человѣка, при самомъ его рожденіи, благами и бѣдствіями, было сильно распространено въ средніе вѣка и донныѣ повторяется въ народныхъ сказкахъ и сагахъ. Такъ сказка про царевну «Dornröschen» (II, 423) упоминаетъ о тринадцати вѣщихъ женахъ (weise frauen); изъ нихъ двѣнадцать одарили дѣвочку красотой, богатствомъ и всевозможными добродѣте-

¹⁾ D. Myth., 377—381, 385—7; Beiträge zur D. Myth., II, 167, 183, 195—6; Germ. Mythen, 542—4, 554—6, 568—9, 674; Сямрокъ: Эдда, 128. Вѣщія жены völur произошли отъ великановъ.

лани, а тринадцатая, которую не хотѣли пригласить на родильное пиршество, явилась незванная и изрекла ей проклятіе: въ пятнадцать лѣтъ, сказала она, царица уколется веретеномъ и падетъ мертвая! Предсказаніе сбылось вполнѣ. Въ роковой день царица взшла на старую башню, гдѣ сидѣла старуха и прядла кудель; дотронулась до веретена, уколола палецъ и тотчасъ-же погрузилась въ долготнѣй, непробудный сонъ. Выше приведены подобныя-же сказанія о феяхъ и вилахъ. Какъ вила ударомъ волшебнаго прута окаменяетъ красавицу, такъ вѣщая жена посылаетъ на нее смертельный сонъ уколомъ веретена. Въ Баваріи рассказываютъ о трехъ представительницахъ судьбы, называемыхъ heilgätinnen (т. е. присуждающія людямъ счастье). Двѣ изъ нихъ—добрыя: одна—бѣла что снѣгъ, а другая (сходно съ литовскою лаумой) носить бѣлую и красную одежду; третья же—злая и даннымъ ей именемъ (Held) родится съ Геллою; какъ эта послѣдняя, она представляется или совершенно-черною, или на половину-бѣлою, на половину-черною; изъ страшнаго, сумрачнаго лица ея блистаютъ два огненныхъ глаза. Добрыя сестры прядутъ спасительную нражу и готовятъ холстъ, который подстилаютъ родильницамъ для скорѣйшаго и благополучнаго разрѣшенія отъ бремени. Такимъ образомъ онѣ сходятся съ ивнеческими помощницами при родахъ—греческими εἰλεθῦλαι и съ богиней Гольдою или Бертою, которая въ бѣлоснѣжной одеждѣ приходитъ въ домъ, качаетъ и баюкаетъ дѣтей, если спятъ ихъ мамки, и о которой (по справедливому замѣчанію Я. Гримма) трудно сказать, что въ ней перевѣшиваетъ: характеръ ли богини, или вѣщей жены. Злая сестра Held плететъ веревку, которою связываетъ смертныхъ и увлекаетъ къ себѣ — на тотъ свѣтъ. Чтобы унять шаловливыхъ дѣтей, нѣтъ — говорятъ: «будьте смиренны; не то придетъ злая (die böse) и

связетъ васъ веревкою!» Въ другихъ мѣстностяхъ уцѣлѣли рассказы о трехъ таинственныхъ дѣвахъ, вѣщія пѣсни которыхъ раздаются при родинахъ (крещеніи), свадьбѣ ¹⁾ и похоронахъ; пѣсня двухъ первыхъ сулитъ новорожденному и новобрачнымъ счастье, третья же поетъ о житейскихъ невзгодахъ и смерти. У каждой изъ нихъ имѣется съ боку прялка со льномъ, а въ рукахъ веретено. Онѣ прядутъ веревку (seil), протягивая ее съ одной горы на другую, и разбрасываютъ по воздуху прекрасныя ткани, которыя, вися въ поднебесьи, предвѣщаютъ хорошую погоду ²⁾. Въ этомъ повѣрьи съ особенною наглядностію выластается ихъ близкая связь съ облачными и водяными (дожденосными) нимфами. О нихсахъ рассказываютъ, что онѣ, выходя изъ воды, являются къ родильницамъ, помогаютъ ихъ разрѣшенію, предвѣщаютъ будущее, прядутъ ленъ и въ ясные дни просушиваютъ свое бѣлье; въ народныхъ сагахъ нѣкій духъ или святой угодникъ бросаетъ на воздухъ одежды и полотна и оставляетъ ихъ висѣть на солнечныхъ лучахъ. Эти бѣлыя ткани, висящія въ воздухѣ и обѣщающія вѣдро, суть поэтическое представленіе облаковъ, озаренныхъ лѣтнимъ солнцемъ. Небесныя дѣвы ткуть ихъ изъ паровъ и тумановъ, вышиваютъ золотомъ (=разцвѣчиваютъ солнечными лучами) и моютъ въ дождевыхъ потокахъ. Въ южной Германіи существуетъ поговорка: «so wollte ich ja lieber mit den hexen auf dem Schwarzwald nebel spinnen». По лужиц-

¹⁾ Нѣмецкая сказка говоритъ о трехъ старыхъ прихахъ, которыя помогаютъ дѣвушкамъ пряхъ и требуютъ за то позвать ихъ на свою свадьбу; по литовскому преданію, это были лаумы, по итальянскому—феи (Ск. Грин., 14; Норвеж. ск., I, 13; Шлейхеръ, 12; Germ. Mythen, 671—2). Мойры также присутствовали при свадьбахъ, и невѣсты чествовали ихъ жертвенными приношеніями — Germ. Myth., 583. — ²⁾ „Jetzt wird es schönes weiter, die frauen haben ihre wäsche aufgehängt“ говорятъ поселане.

кому повѣрью, если wóдна žona разстиляетъ по берегу свое бѣлье, то должно ожидать дождливой погоды (см. гл. XXVI). По указанію дѣтскихъ причтаній, одна изъ трехъ дѣвъ судьбы отпираетъ небо — да воззрѣть оттуда свѣтлое солнце или сама Пречистая Марія (=Фрея или Гольда); она прядетъ чистое золото, шьетъ красную одежду для Господа Бога и выводитъ дневное свѣтило, т. е. ей приписывается творческая дѣятельность богини Зори, открывающей на востокъ райскія врата, устилающей путь восходящему солнцу резвою, золотистою пеленою и дарующей міру ясные дни—благодатное, плодородящее лѣто. Neilgätin-пеп чествуются въ Баваріи, какъ подательницы урожаявъ, и во время жатвы имъ оставляютъ въ даръ три хлѣбныхъ колоса. Съ бѣлыми лѣтними облаками издревле соединялись идеи плодородія, зачатія и брака (I, 237); наоборотъ—съ черными тучами, несущими опустошительныя бури, связывались представленія о злыхъ демонахъ ночи и смерти (см. гл. XXII). Въ силу этихъ воззрѣній облачныя дѣвы стали за-вѣдывать рожденіемъ, бракосочетаніемъ и кончиною человѣка, что все виѣстѣ и опредѣлило понятіе о могучей судьбѣ, властвующей надъ смертными въ предѣлахъ ихъ земнаго существованія — отъ колыбели и до могилы. Согласно съ троякими обязанностями, возложенными на облачныхъ дѣвъ, изъ толпы ихъ выдѣлялись три богини судьбы, изъ которыхъ на долю каждой выпалъ особый трудъ. Изъ нихъ двѣ — представительницы бѣлоснѣжныхъ облаковъ: одна распорядилась родами, другая — брачными союзами; а третья — дѣва черной, молніеносной тучи разила смертію. Впослѣдствіи, съ забвеніемъ стихійныхъ, натуралистическихъ основъ, на которыхъ возникло означенное вѣрованіе, цвѣта эти приняты были за символы нравственныхъ понятій; бѣлый цвѣтъ сдѣлался знаменіемъ благихъ, дружелюбныхъ чувствъ, одушевляющихъ

богиню счастья, а черной — знаменіемъ злобы и коварства богини Смерти. Почти у всѣхъ индоевропейскихъ племенъ преданія говорятъ о трехъ дѣвахъ судьбы; число это одинаково прилагается къ мойрамъ, паркамъ, феямъ, норнамъ и роженицамъ. Рожденіе, свадьба и смерть, колыбель, брачное ложе и смертный одръ или могила наводили мысль на соотвѣтственныя имъ понятія дѣтства, юности и старости — утра, полдня и вечера или заката человѣческой жизни. Когда человекъ мужалъ и задумывался о могуществѣ всемогущаго рока, его рожденіе и первые годы дѣтства были уже прошлымъ, а смерть ожидала его въ будущемъ, и потому съ тремя дѣвами судьбы онъ необходимо сочеталъ представленіе о трехъ составномъ времени: одна изъ нихъ должна была вѣдать прошедшее, другая — настоящее, третья — будущее (вчера, сегодня и завтра). Богиня прошлаго Wurt признавалась старѣйшею изъ норнъ; она возрастаетъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, и стоитъ передъ нами съ открытымъ и яснымъ лицомъ: это богатая опытомъ, кроткая и добродушная старушка, которая являлась у колыбели младенца и привѣтствовала улыбкою его первое утро. Другая Verdhandi (настоящее) также дружелюбна и откровенна, какъ и сестра ея Wurt; вмѣстѣ съ человекомъ она радуется его счастью, печалится о его горѣ, и вмѣстѣ съ нимъ борется противъ житейскихъ бѣдъ; ей принадлежить текущій мигъ и сфера ея дѣятельности единымъ волоскомъ отдѣляется отъ того, что подвластно прошедшему и будущему. Наконецъ Sculd — юная, но обманчивая и враждебная норна: это — темное будущее; никто не вѣдаетъ, чего она хочетъ и что таитъ подъ своимъ непроницаемымъ покровомъ. Минувшее и настоящее человека могутъ быть счастливы, какъ внезапно является она, разбиваетъ всѣ надежды и отнимаетъ самую жизнь. Ежедневно выѣзжаетъ она на поля бит-

вы «todeswahl zu halten». Есть, впрочемъ, указанія, что и другія сестры (согласно съ кореннымъ значеніемъ слова «норна») обладаютъ тою-же роковою, влекущею въ загробный міръ силою. Всѣ три нисходятъ онѣ на землю, чтобы возбуждать распри и убійства; всѣ три стоятъ въ несомнѣнной связи съ темною ночью. Такъ въ ночное время приступили онѣ къ колыбели Гельги и протянули его жизненные нити по небу, озаренному мѣсяцемъ (mondessaal); въ Sturlunga saga норна Urdhr прилетаетъ черною птицею — туда, гдѣ луна свѣтитъ на поле усопшихъ. Преданія славянскія говорятъ о трехъ кугахъ и холерахъ, а новогреческія — о трехъ шоровыхъ дѣвахъ, изъ которыхъ одна, подобно паркъ, держитъ въ рукахъ ножницы, а другая — свитокъ съ именами тѣхъ, кому назначено умереть (см. выше стр. 114). Какъ небесныя прахи, дѣвы судьбы, исполняя свои обязанности въ отношеніи къ тремъ главнѣйшимъ пунктамъ человѣческой жизни, прядутъ тѣ невидимыя нити (связи), какими повивается младенецъ и скрѣпляется брачный союзъ юноши, и ту страшную веревку, какою удушается человекъ въ минуту смерти. Дѣтская пѣсня гласитъ:

Sonne, Sonne, schein!
 Fahr über den Rhein,
 Fahr über goldene Haus,
 Da schauen drei alte Jungfrauen heraus.
 Eine spinnt Seiden,
 Die andre wickelt Weiden,
 Die dritte geht an's Brunnchen,
 Findet ein goldenes Kindchen. 1)

Золотое дитя, пребывающее въ колодцѣ, есть пламенная, чистая младенческая душа; дѣвы судьбы изъемяютъ ее изъ облачного источника Гольды и выпряденной нитью связываютъ

1) Илл: Die dritte spinnt das klare gold, die vierte ist meinem lüblein hold.

съ тѣломъ новорожденнаго; когда враждебная парка перерѣзываетъ эту нить своими ножницами — душа отторгается отъ тѣла и человекъ умираетъ. Нѣмецкія преданія упоминаютъ о золотой связи, изготовляемой въ блаженномъ царствѣ Engelland'a, которою обвивается младенецъ. Черезъ посредство этой связи опредѣляются и душевныя свойства человека и его счастье. Отсюда возникъ обрядъ — при повиваньи ребенка, завязывать ему въ пеленки хлѣбъ-соль, сыръ и деньги—эмблемы довольства и богатства. Въ разныхъ областяхъ Германіи подарокъ, даваемый крестнику, называется eingebinde, einbund, gebindnis, strick, strecke, einstrickete (отъ einstricken—mit dem seil festbinden). Вѣроятно, въ старину подарокъ этотъ привязывался къ тѣлу новорожденнаго нитью или тесемкою. Донныѣ соблюдается обычай привязывать имениннику приносимые ему подарки. Дары въ дни рожденія, именинъ, при крещеніи и свадьбахъ называются angebinde, die helseta или wörgeta (отъ helsen, würgen — ein band um den hals drehen). Тоже обыкновеніе соблюдалось и славянами. Народная легенда рассказываетъ, что Христосъ и св. Петръ, приглашенные бѣднымъ крестьяниномъ въ кумовья, совѣщались между собою: «со ши (ребенку) budou vázati». У чеховъ употребительны выраженія: «ditěti při křtu ¹⁾ zavázati», «kmotři ²⁾ dávají na povíjan», а самый подарокъ называется závinek. Одна изъ трехъ дѣвъ судьбы dreht, flicht или wickelt weiden. Weide (wide, отъ got. viþan—fesseln, откуда и сканд. vidja—оковы, vadg—веревка) означаетъ: изъ древесной коры или гибкихъ вѣтвей свитую веревку, которая употреблялась при казни черезъ повѣшеніе. Въ глубокой древности, въ замѣну пеньковой веревки, плели лыки и крутили свѣжія поросли ивы и дуба. По этому выраженію «dreht weiden» должно перевести: вьеть оковы,

¹⁾ При крещеніи. — ²⁾ Кумовья.

во мнѣ
алъ не мѣтвен
паранево?
дѣтѣ и
вѣтвѣхъ?
паране!

крутить удушающую веревку (todesstrick). Въ поэтическихъ сказаніяхъ славянъ и нѣмцевъ Смерть, нападая на человѣка, опутываетъ его веревками, связываетъ по рукамъ и по ногамъ, душитъ и увлекаетъ въ загробное царство (см. выше стр. 44). Сверхъ всего этого, такъ какъ веревка изстари служила для измѣренія пространства и опредѣленія границъ, то и въ рукахъ норнъ она принималась за орудіе, которымъ эти вѣщія дѣвы обозначали кругъ будущаго владычества и подвиговъ новорожденнаго дитяти (стр. 350); переступить за черту, проведенную норнами, не дано ни одному смертному.

Предки наши смотрѣли на тѣло, какъ на временную одежду, въ которую облачается безсмертная душа: на сканд. тѣло — *lík-amr* (*lík-hamr*), др.-в.-нѣм. *lîh-hamo*, англос. *lîc-hama*, *flaes-hama* = *körperhemd*, *fleischgewand*; скан. *fjadhr-hamr*, англос. *fedher-homa* (пернатая сорочка) = *vögelkörper*, сканд. *úlfs-hamr* (волчья одежда) = *wolfskörper* (сравни выше стр. 196). Эта тѣлесная оболочка создавалась божественною силою; въ качествѣ небесныхъ пряжъ и ткачихъ, дѣвы судьбы изготовляли ее своими искусными руками и одѣвали въ нее душу, предназначенную для земной жизни. По литовскому преданію, какъ только нарождался младенецъ, онъ тотчасъ-же начинали ткать его жизненную сорочку и продолжали работу до тѣхъ поръ, пока злая, неумолимая сестра ихъ, опредѣляющая смертный часъ, не перерѣзывала ткани острыми ножницами; всякой вредъ, всякая порча, наносимая этой ткани, ощущались человѣкомъ на своемъ собственномъ тѣлѣ, причиняли ему болѣзни и страданія (см. выше стр. 330). Чтобы избавиться отъ недуга, больной долженъ идти къ колодцу и омочить въ немъ свою сорочку, т. е. по основному смыслу повѣрья: поврежденная жизненная ткань восстанавливается не иначе, какъ живою водою того райскаго источника, у котораго обитали вѣщія ткачихи. Это — цѣлеб-

ный источникъ Урды (jungbrunnen); норна настоящаго прядла нити, норна прошедшаго (Urdhr) ткала изъ нихъ холстъ и заботливо охраняла его отъ злой Sculd'ы. Преданіе о ткани, приносимой дѣвами судьбы къ родильницѣ, намекаетъ именно на ту тѣлесную одежду, въ какой является душа въ сей тѣнный міръ. Народныя легенды говорятъ о чудесной сорочкѣ, выростающей вмѣстѣ съ ребенкомъ, которому она принадлежитъ; такую сорочку соткала св. Марія маленькому Іисусу. Смерть срываетъ этотъ покровъ съ утомленной житейскими страданіями души, и освобожденная она возвращается въ свое небесное отечество ¹⁾. Подъ вліяніемъ означенныхъ воззрѣній, создано вѣрованіе въ счастливую сорочку (schicksalshemd), возлагаемую на младенца при самомъ его рожденіи. Когда метафора эта, служившая первоначально для обозначенія тѣла человѣческаго, затемнилась въ народномъ сознаніи, — за такую сорочку приняли тотъ пузырь или плеву, въ которой является дитя изъ материнской утробы. Дѣти, рожденныя обвитыи плевой, признаются счастливыми; по русскому выраженію, они родились въ сорочкѣ, серб. — у кошульнице, чеш. — v košilce, пол. — w szerku. Сорочку эту свертываютъ въ маленькой узелокъ, привѣшиваютъ къ тесемкѣ и вмѣстѣ съ шейнымъ крестомъ возлагаютъ на младенца, вѣря, что такимъ образомъ счастье останется привязаннымъ къ нему навсегда; нерѣдко зашиваютъ ее въ шанку или рубаху и носятъ при себѣ ради здравія и благополучія; случается, что крестьяне, отправляясь въ дальній путь, выпрашиваютъ на время такую привѣску у своихъ пріятелей и берутъ съ собою, чтобы удалось задуманное предпріятіе ²⁾. Въ Германіи

¹⁾ D. Myth., 257, 1128; Germ. Mythen, 524—538, 555, 576—700; Die Götterwelt, 322—3; Beiträge zur D. Myth., II, 168, 184—194, 199—200, 286—7; Volkslieder der Wenden, II, 267. — ²⁾ Абев., 295; Записки Авдѣев., 138; Громанъ, 106; Стоглавъ возрастъ

родильная плева называется *glückshaube*, *wehmutterhäublein* ¹⁾; ее тщательно берегают и привешивают къ ребенку, какъ спасительную наузу. Здѣсь думаютъ, что родившійся въ сорочкѣ имѣетъ способность видѣть духовъ, привидѣннѣй и вѣдьмъ ²⁾. Черногорцы убѣждены, что въ немъ обитаетъ вѣдогонъ, а сербы даютъ ему эпитетъ видовит: по ихъ рассказамъ, онъ ходитъ съ вилами и знаетъ болѣе, чѣмъ всѣ другіе люди ³⁾. Въ Исландіи повивальная бабка закапываетъ «сорочку» подъ порогомъ (мѣсто, гдѣ пребываютъ домовыя эльфы), и общее повѣрье утверждаетъ, что съ нею невидимыми узами связаны душа ребенка и его добрый гений-хранитель. Если выброситъ или сжечь счастливую сорочку, то охранительный духъ тотчасъ-же удаляется отъ ребенка. Духъ этотъ называется *fulgia*, какъ незримо-слѣдующій за человѣкомъ въ теченіи всей его жизни («*weil er dem menschen folgt*») и *hamingia* (*felicitas*; швед. *hamn* — *genius* ⁴⁾). Только смерть разрываетъ связь между человѣкомъ и его таинственнымъ покровителемъ. *Fulgia* вѣдаетъ прошедшее и будущее, и нерѣдко принимаетъ образъ того животного, нравъ котораго болѣе подходитъ къ нраву его кліента; иногда, подобно валькиріи, онъ является въ видѣ прекрасной женщины и принимаетъ участіе въ битвахъ. Передъ самою кончиною человѣкъ видитъ, какъ погибаетъ его духъ-покровитель. *Gisli Súrsson* имѣлъ два фильгія: добраго, призывающаго къ мирной жизни, и злаго, побуждающаго къ распрямъ и крово-

---

противъ обычая приносить такіи сорочки въ храмъ и оставлять ихъ въ теченіи шести недѣль на престолѣ. — ¹⁾ Въ Голландіи говорятъ: «*met den helm geboren zin.*» — ²⁾ *D Myth.*, 362, 828, 1061. — ³⁾ Путеш. въ Черногорію, 220; Срп рѣчникъ, 60. — ⁴⁾ *Genius* (одного корня съ *gens*, *geno*, *gigno*) — духъ, присутствующій при рожденіи человека и охраняющій его во все продолженіе жизни; слово это служило также для означенія судьбы, счастья и душевныхъ свойствъ.—*Römische Myth.* (1858 г.), 67.

пролетію. *Fylgjen* принадлежатъ не только отдѣльнымъ лицамъ, но и цѣлымъ семьямъ и родамъ, и вообще весьма близко соприкасаются съ эльфами, блюстителями домашняго покоя и довольства. Очевидно, что фяльгін соединили въ себѣ представленія: во 1-хъ о душахъ-эльфахъ, являющихся въ сей міръ въ тѣлесной одеждѣ младенцевъ, и во 2-хъ о вѣщихъ генияхъ, управляющихъ судьбою смертныхъ и устрояющихъ ихъ счастье. Въ христіанскую эпоху эти древнѣйшія представленія перенесены на ангеловъ. По народному убѣжденію, у каждаго челоѵка есть свой ангелъ добрый или злой, отъ котораго зависятъ и счастье, и горе, встрѣчаемая на жизненномъ пути. Выше (стр. 54-57, 207) указано, что ангелъ поражаетъ челоѵка смертію, изъимлетъ изъ него душу, т. е. исполняетъ обязанность злой парки; рядомъ съ этимъ существуетъ другое повѣрье, что ангелъ приноситъ съ неба младенческую душу и присутствуетъ при рожденіи ребенка, Если въ шумной бесѣдѣ вдругъ всѣ замолкнуть—это знакъ, что мимо пролетѣлъ тихій ангелъ и гдѣ-нибудь вблизи родился младенецъ. Нѣмцы въ этомъ случаѣ замѣчаютъ: «ein engel flog durch das zimmer», а греки выражались: 'Ερμῆς ἐπεσοῦλθε! Когда дитя улыбается или смѣется во снѣ, на Руси думаютъ, что на него смотритъ ангелъ, а въ Силезіи—что съ нимъ играетъ *judel* (*gütel, gütchen*)—духъ-покровитель. Укладывая спать ребенка, русскія няньки считаютъ необходимымъ разстегнуть воротъ его рубашки, чтобы ангелъ хранитель могъ свободно взирать на его чистую душу. Выраженіе: «счастливъ твой богъ!» принадлежитъ той отдаленной старинѣ, когда вѣрили, что у всякаго челоѵка есть свой гений счастья¹⁾. Когда душа сброситъ съ себя тѣлесную ризу, дѣвы судьбы увлекаютъ ее въ воздушныя пространства, одѣваютъ въ облач-

¹⁾ D. Myth., 829—831, 1052—4, 1078; Germ. Mythen, 306—8, 572—4; Этн. Сб., VI, 140.

ныя ткани и кусаютъ въ кипучихъ источникахъ дожда, дабы очищенная отъ земнаго праха—она могла вознестись въ царство блаженныхъ. Нѣмецкая сага рассказываетъ о бѣлой жени, которая по вечерамъ приходитъ къ прачкамъ и моетъ саваны (to tēn hē mē den), что всегда служитъ предвѣстиемъ чьей-либо смерти. Одному старостѣ случилось въ ночное время ѣхать мимо источника; заслышавъ удары вальковъ, онъ спросилъ: «кто моетъ такъ поздно?» — Это мы! раздался отвѣтъ; сегодня умеръ мельникъ, такъ мы смываемъ пыль съ его грѣшной души. — Да хорошъ ли щелокъ? «Попробуй!» сказала кто-то и плеснулъ водою. На другое утро староста замѣтилъ, что у коня его обожжена кожа ¹⁾).

Облачныя дѣвы являлись мужественными вонительницами, такъ какъ самая гроза, напоръ тучъ, удары молній и грохотъ грома въ поэтическихъ сказаніяхъ древности изображались битвою воздушныхъ духовъ. Изъ среды этихъ дѣвъ—вѣщія богини судебъ прерывали нить человѣческой жизни и увлекали души въ царство усопшихъ. Смерть и парки стоятъ въ тѣсномъ родствѣ; но нигдѣ такъ не очевидно владычество Смерти, нигдѣ не предстаетъ она въ такомъ грозномъ могуществѣ, какъ въ кровавой войнѣ, и нигдѣ такъ ярко не выступала идея рока, поражающаго однихъ и щащающаго другихъ, какъ въ шумѣ битвы. Древне-нѣмецкое *uglas* (*uglouc*) означаетъ не только *fatum*, но и *bellum*. Смерть, какъ мы видѣли (стр. 44-49), рисовалась воображенію нашихъ предковъ неистовымъ, кровожаднымъ и вооруженнымъ въ ратные доспѣхи воинномъ. Отсюда родилось вѣрованіе въ мнѣческихъ дѣвъ, сопутствующихъ богу весеннихъ грозъ и вихрей, принимающихъ участіе въ человѣческихъ битвахъ и собирающихъ души убитыхъ героевъ. Дѣвы эти, родственныя богинямъ судьбы, въ германской мнѣологіи носятъ имя валькиріѣ. Какъ существа

¹⁾ Germ. Myth. 653.

стихийныя, облачныя, валькириі летаютъ по воздуху надъ сушею и морями, ѣздятъ верхомъ на летучихъ коняхъ по небеснымъ пространствамъ, при чемъ кони ихъ трусятъ съ своихъ гривъ росу на лѣса и доли и даютъ землѣ плодородіе, т. е. онѣ ѣздятъ на облакахъ и тучахъ, бурный полетъ которыхъ заставилъ фантазію сравнивать ихъ съ быstroногими конями. Одной изъ валькириі присвоено имя Mist (туманъ), и «облако» называлось ея конемъ — Mistar marr (de^r Mist goss, буквально: туманный конь). Гдѣ несутся валькириі, тамъ лопитъ опустошительная буря, змѣяется и ударяютъ молніи. Это—дѣвы воинственныя; сканд. valgr, англос. vâl, др.-в.-нѣм. wal — вся масса сраженныхъ въ бою, падшихъ на полѣ чести; англос. vâlcyrie (vâlcyrge, vâlcyrge= Valkyria, др.-в.-нѣм. walachuriâ—избирающая: кому пасть въ битвѣ ¹⁾) въ старинныхъ переводахъ служить для обозначенія богини войны (Bellona) и фуриі (Erinnys, Alecto, Tisiphone); сканд. valmeyjar (= Valkyrjur) — schlachtmädchen и норвеж. valdöger — schutzgeist. Валькириі изображаются прекрасными всадницами, въ шлемахъ, со щитами, копьями и мечами въ рукахъ, и потому называются skialdmeyjar, hialdmeyjar ²⁾; въ древнѣйшихъ пѣсняхъ имъ присвоены собственные имена, указывающія на бранные доспѣхи: Grimhildr (helmjungfrau), Brynhildr (die panzergekleidete), Geirdriful (speere werfend), Geirögul (die lanzennährende), Geirskögul (die mit dem speer hervorragende), Randgrídh (wut der schilde) и др. Валькириі состоятъ въ распоряженіяхъ Одина, вождя неистоваго воинства и «отца побѣдъ», который въ рукахъ своихъ держитъ жребіи войны, и какъ ему давались имена Oski, Wunsch, такъ валькириямъ присвоилось названіе öskmeyjar=wunschmädchen, что ука-

¹⁾ Сканд. kiosa (нѣм. kiesen) — избирать жертву, kûr (др.-в.-нѣм. chur) — electio. — ²⁾ Schild und helm-mädchen.

зываетъ въ нихъ не только спутницъ этого бога, но и дѣвъ судьбы (см. ниже о значеніи слова «wunsch»). Сродство ихъ съ норнами свидѣтельствуется многими тождественными чертами. Какъ норны обитаютъ подъ стѣною міровой ясени, у небеснаго источника Урды, гдѣ плаваютъ два лебедя, отъ которыхъ произошла извѣстная человѣку порода этихъ птицъ; такъ валькиріи живутъ въ небесномъ лѣсу *Murgvidhr*, куваются въ озерахъ, носятъ лебединыя сорочки (*schwanheden*) и тѣмъ самымъ сближаются съ водными женами (*áras*). Какъ норна *Urdhr* устремляется на поле сраженія черною птицею, такъ валькиріи перелетаютъ воздушныя области лебедями. Подобно норнамъ, онѣ предвѣщаютъ будущее, прядутъ и готовятъ ткани; такъ *Völundarquidha* упоминаетъ о трехъ валькиріяхъ, которыя, сидя на берегу моря, прили лень, и одна изъ нихъ носила имя бѣлой лебеди — *Svanhvít*. Съ ихъ красною, кровавою тканью связывалась судьба сраженія. По свидѣтельству саги XI-го вѣка, когда ткали валькиріи, то книжки человѣчьи замѣняли для нихъ основу и утѣкъ, мечъ служилъ челнокомъ, а стрѣла — бѣрдомъ. Какъ скоро раздастся на землѣ военный кличъ, Одинъ посылаетъ своихъ бранныхъ дѣвъ, — и онѣ, сопровождаемыя орлами и вѣронами, поспѣшаютъ на мѣсто битвы на своихъ облачныхъ коняхъ, смѣшиваются съ толпами сражающихся и выбираютъ (*auswählen*) тѣхъ, которые должны послѣдовать за ними въ валгаллу (*valhöll*) — въ сообщество боговъ, т. е. быть убитыми. Орлы, вѣроны и волки любятъ питаться трупами, и потому считались необходимыми спутниками ратующего Одина и смертоносныхъ дѣвъ; орлы и вѣроны назывались птицами валькиріи, а волки — собаками норнъ (*grauhunde der nornen*). Тамъ — въ небесномъ чертогѣ валькиріи обязаны были подносить богамъ и блаженнымъ героямъ (*einherien*) рогъ съ медомъ (= нектаромъ); о норнѣ *Urdhr*

известно сказаніе, что она сторожила вдохновительный Odhgö-
 rig — напитокъ, тождественный по значенію съ живою водою
 Urdharbrunnen'a. Во главѣ валькирій, какъ-бы старшая между
 ними, стояла богиня Фрея, которая (подобно Одину) прини-
 мала къ себѣ души павшихъ витязей, называлась Valfreyja
 и на пиру асовъ исполняла обязанность кравчаго; лебедь былъ ея
 птицею. Въ рукахъ валькирій и военный успѣхъ, и пораже-
 ніе; онѣ приносятъ съ собою божественный приговоръ: на чью
 сторону должна склониться побѣда; въ нихъ самихъ замѣчает-
 ся неодолимаѣ страсть къ битвамъ. Преданія говорятъ о де-
 вяти, тринадцати и дважды-девяти валькиріяхъ (изъ нихъ
 девять — въ бѣломъ одѣяніи, а девять въ черномъ), ко-
 торыя скачутъ на коняхъ, блистая шлемами, копьями и щит-
 ами. Особенно замѣчательна между ними Skuld — ния,
 связующее валькирій съ норнами, ибо такъ называлась и млад-
 шая норна; эта послѣдняя разрывала жизненную нить, и по-
 тому болѣе своихъ сестеръ соотвѣтствовала дѣвамъ, забираю-
 щимъ души убитыхъ воиновъ. Своими любимыми героями
 валькирій помогали побѣждать въ бою, и въ случаѣ опасно-
 сти закрывали ихъ щитами. Ту же роль, какъ мы знаемъ
 (стр. 170-4), играютъ въ битвахъ сербскія вилы, съ кото-
 рыми преданія соединяютъ всѣ разнообразныя чѣрты, усвоен-
 ныя эльфамъ, норнамъ и валькиріямъ. Поэтическій образъ
 воинственной дѣвы не чуждъ былъ и народамъ античнаго
 міра. Я. Гриммъ проводитъ любопытную параллель между пред-
 ставленіями германской и греческой мифологіи: нидисы (nidiſ)
 соотвѣтствуютъ нимфамъ (νύμφαι), норны — мойрамъ (μοῖραι),
 валькиріи — керамъ (κῆρες). Керы — страшныя спутницы
 убійственнаго Ареса; онѣ являются на поле сраженія въ
 красныхъ, омоченныхъ кровію одеждахъ, схватываютъ и
 увлекаютъ убитыхъ. Всякому, кто долженъ умереть насиль-
 ственною смертію, уже при самомъ рожденіи назначается своя

керы, и она непременно настигаетъ его въ роковую минуту. Ахиллесу опредѣлены были два рода смерти — двѣ керы, между которыми онъ долженъ былъ выбрать по собственному желанію (срвни выше, стр. 361, съ преданіемъ о двухъ фильгіяхъ добромъ и зломъ). Наиболее употребительный эпитетъ, даваемый керѣ, есть черная—*μέλαινα* ¹⁾. У Гезіода ирачныя, бѣлозубыя керы носятя надъ толпами сражающихся, запускаятъ въ раненныхъ свои острые когти и съ жадностью высасываютъ изъ нихъ горячую кровь; равнымъ образомъ тѣже когти и ту же жажду крови онъ приписываетъ и мойрамъ ²⁾. О южнорусскихъ мавкахъ рассказываютъ, что онѣ, захватывая молодыхъ парней, зачекочиваютъ ихъ на смерть и питаются ихъ кровью ³⁾. Между собственными именами валькирій извѣстны еще: *Hildr* и *Gunr* (*Gudhr*), означающія *ругна*, *ргоelium*, что указываетъ на олицетвореніе понятій битвы, войны — точно также, какъ у грековъ были олицетворены *Ἔρις* (распря, вражда), которую Зевсъ посылалъ возбуждать усобицы между людьми, *Ἐνώ, Νίχη*, у римлянъ *Bellona*, *Victoria* и у славянъ *Обида*, дѣва съ лебедиными крыльями (см. выше стр. 188 — 193). Итакъ облачныя жены и дѣвы, подъ вліяніемъ различныхъ мифическихъ сближеній, принимаютъ вѣщей и воинственный характеръ, дѣлаются участницами божественнаго суда, и мало по малу, съ забвеніемъ древнѣйшихъ основъ преданія, освобождаются отъ почвы естественной религіи (религіи природы) и переходятъ въ абстрактныя представленія то трехсоставнаго времени (прошлаго, настоящаго и будущаго), то крова-

¹⁾ Илиада, IX, 411; XVI, 687; XVIII, 535—540. Маннгардтъ производить слово *κέρ* отъ *κρίτ*—рѣзать, рубить. — ²⁾ D. Myth., 306, 388 — 398, 406, 607, 939; Germ. Mythen, 543, 557—567; Beiträge zur D. Myth., II, 203—210; Griech. Myth., I, 656. — ³⁾ Семеновск., 124.

вой войны и ея отдѣльныхъ эпизодовъ. Въвѣстѣ съ этимъ, при посредствѣ полнаго антропоморфизма, онѣ усваиваютъ себѣ черты чисто-человѣческія: въ народѣ возникаютъ сказанія, по свидѣтельству которыхъ дѣвы эти рождаются отъ земныхъ матерей, вступаютъ въ связи съ прославленными героями, чувствуютъ боль отъ нанесенныхъ ранъ и падаютъ бездыханными въ пылу ожесточенной битвы. Здѣсь-то должно искать и объясненія старинной басни объ амазонкахъ ¹⁾.

Изъ приведенныхъ данныхъ очевидно, что съ вѣрою въ Родъ и рожаницъ соединилась идея судьбы, предопредѣленія. Случайности, опутывающія челоѣка, не могли не поражать его фантазію — тѣмъ болѣе, что въ первобытномъ своемъ состояніи онъ всецѣло отдавался матери-природѣ, и все, что ни случалось съ нимъ, объяснялъ вліяніемъ добрыхъ или враждебныхъ силъ, дѣйствующихъ на него извнѣ, а не изъ собственной воли, не изъ своихъ личныхъ расчетовъ, побужденій и ошибокъ. По его мнѣнію, жизнь со всеи ея радостями и бѣдами уже напередъ опредѣлялась при самомъ рожденіи младенца. На такую связь Рода и рожаницъ съ судьбою указываетъ намъ и народная поговорка: «такъ ему (или мнѣ) на роду написано!» — поговорка, мнѣніе которой подтверждается хорутанскимъ преданіемъ о книгѣ Рожденникъ, гдѣ записаны грядущія событія въ жизни каждаго челоѣка ²⁾. По словамъ сербской сказки, при рожденіи одной дѣвочки присутствовали три предвѣщателя (замѣна рожаницъ) и «снешто у руцы као књигу држи» ³⁾.

¹⁾ Народный эпосъ весьма часто выводитъ богатырскихъ женъ, дѣйствующихъ мечемъ и стрѣлами и поражающихъ вражескія рати и страшныхъ змѣевъ — Н. Р. Ск., I, 14; Сказки Сахарова, 57; Кирша Дан., 95—99, 125—131; Приб. къ Изв. Ах. Н. 1852, 81—86; 1854, 257—9; Семеновск., 36; О состояніи женщины въ Россіи, Шульгина, 67—68. — ²⁾ Срезневск., 8. — ³⁾ Сербскій летописъ 1862, I, 152—3.

Наши простолюдины вѣрятъ, что ангель у всякаго на роду (т. е. въ минуту рожденія) пишетъ его судьбу ¹⁾, а болгары говорятъ: «тѣмъ му било написано на небе-то!» — выраженіе, тождественное по смыслу съ сейчасъ-приведенною русскою поговоркою ²⁾. Новогреческое повѣрье утверждаетъ, что Моровая дѣва, начиная свое губительное шествіе вычитываетъ изъ длиннаго свитка имена обреченныхъ ей въ жертву (стр. 114). Въ Нормандіи рассказываютъ, что высшій надзоръ за этой страной принадлежитъ феямъ, что онѣ каждый вечеръ сходятся вмѣстѣ и сообщаютъ собранныя ими свѣдѣнія своей царицѣ, что эта послѣдняя держитъ въ рукахъ книгу живота, въ которой обозначены имена всѣхъ жителей, и что, смотря по доставленнымъ ей свѣдѣніямъ, она ставитъ при всякомъ имени бѣлую или черную отмѣтку ³⁾.

У славянъ сохранилось множество пословицъ и поговорокъ, намекающихъ на стародавнее вѣрованіе въ судьбу, идея которой (какъ мы видѣли) неразрывно связывается съ рожденіемъ, бракомъ и смертію человѣка: родился ни хорошъ, ни пригожъ, родился счастливъ (бѣлор. не родился красный, а родился щасный; малор. не родился богатій та вродливій, а родился при доли та щасливій; не родился гарній, а родился щасливій); не накормить коня сухопарова, не надѣлать дитя безсчастное; счастливый — къ обѣду, а роковой — подъ обухъ; счастливый скачетъ, а безсчастныи плачетъ; кому щастя, тому й пѣвень несещя, а коли (счатья) не ведещя, то й курка не несещя; счастливый — что калачъ въ меду (къ нему все пристаеъ, все на прибыль); кому счастье служить, тотъ ни о чемъ не-тужить; таланый и въ морѣ сыщеть; безъ счастья и по грибы въ лѣсъ не ходи; коли нѣту талану, такъ не пришить къ сарафану;

¹⁾ Рус. въ св. послов., II, 125—7. — ²⁾ Каравеловъ, 140. — ³⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 348—9.

всѣмъ бы молодецъ, да нѣтъ талану на роду; мой таланъ пошелъ по горамъ (или по рукамъ, т. е. нѣтъ счастья); мое счастье разбѣжалось по сучкамъ, по вѣточкамъ; такова наша доля—на то знать мы и родились; таковъ нашъ рокъ (отъ реку, какъ fat ĩш отъ fat ĩ, т. е. приговоръ судьбы¹⁾), что вилани въ бокъ! На кого рокъ (или Богъ — замѣна весьма знаменательная), на того и добрые люди; никто отъ своего року не уйдетъ; чему быть, того не миновать; такъ рокъ судилъ; знать такъ ужь суждено! видно такая судьба! Отъ судьбы не уйдешь; бойся-не бойся, а отъ части своей не уйдешь; злая напасть—и то часть; судьбу на поршнвомъ поросенкѣ не объѣдешь; бѣду (или суженаго) и на кривыхъ оглобляхъ не объѣдешь (малор. що написано на роду, то-й конемъ не объѣдешь); судьба придетъ — ноги сведетъ, руки назадъ свяжетъ²⁾; сравни нѣм. «das ist mir bescheert», «was bescheert ist—entläuft nicht»³⁾. Слово судьба (серб. усуд, суђење — «такъ ти је усуд усуди!»⁴⁾ одного корня съ глаголомъ судить, и слѣдовательно означаетъ то, что присуждено—предопредѣлено человеку высшимъ божественнымъ судомъ. По народному русскому выраженію: «Богъ—судья!» Онъ «виноватаго сыщеть»⁵⁾ и «кого Богъ судить, чоловикъ не розгудить»⁶⁾; серб. «да Бог не усуди!»⁷⁾ «ako bilo od Boga sudjeno.» Кто избѣгаетъ опасности или наказанія, тому говорятъ: «счастливъ твой

¹⁾ Описан. слав. рукоп. моск. синодал. библиотеки, II, отдѣлъ, II, 150: «звѣднаго ради и а-рока»—ради неотразимаго вліянія звѣздъ, ради судьбы. — ²⁾ Пословицы и притчи Снегирева, 278, 387, 451; Послов. Даля, 27—28, 32, 42—43, 94; Полн. собр. пословиць (СПб., 1822), 173, 288; Собраніе 4291 древ. рус. пословиць, 9, 128, 131, 198; Ношис., 35—36, 171; Этн. Сб., I, 35; Приб. къ Изв. Ак. Н., I, 58; II, 231, Абев., 305. — ³⁾ D. Myth., 822. — ⁴⁾ Срп. рјечник, 791. — ⁵⁾ Рус. въ св. послов., III, 5. — ⁶⁾ Ношис., 171. — ⁷⁾ Срп. рјечник, 791.

Богъ! Въ вологодской губ. употребляется сложное рѣченіе с удѣбogi, употребляемое въ смыслѣ жалобы или клятвы ¹⁾. Чешское преданіе о княжнѣ Любушѣ и двухъ вѣщихъ дѣвахъ (по свидѣтельству лѣтописцевъ — ея сестрахъ), которыя завѣдывали судомъ, мечемъ-карателемъ неправды и святочудною водою, обличающею людскую кривду, въ основѣ своемъ есть преданіе о трехъ дѣвахъ судьбы (судницахъ ²⁾). Въ старинныхъ памятникахъ слово судъ прямо употребляется въ значеніи судьбы; напримѣръ въ Словѣ о полку сказано: «ни хытру, ни горазду, ни птицѣ горазду суда божія (=судьбы или смерти) не минути»; «Бориса же Вячеславича слава на судъ (на смерть) приведе». Въ посланіи Мономаха къ Олегу Святославичу встрѣчаемъ подобное-же выраженіе: «судъ отъ Бога ему пришелъ». Здѣсь смерть разсматривается, какъ опредѣленіе Судьбы, которая въ рукахъ своихъ содержитъ все благое и гибельное и приговоровъ которой невозможно отклонить ни умомъ, ни хитростью ³⁾. Выше было указано, что конецъ жизни человѣческой опредѣляется судицами. Объ умершихъ насильственной или случайною смертію говорятъ: «такъ ему на роду написано» или «рокъ головы ищетъ». Въ слѣдующей поговоркѣ слову «рокъ» придается значеніе смерти: «бойся-не бойся, а року не миновать!» По глубокому убѣжденію народа, запечатлѣнному въ его пословицахъ:

каждый
120

¹⁾ Послов. Дила, 45; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Буслаев., 47. — ²⁾ Отъ снвр. корня *dis* — *disāmi* — *indico*, *ostendo*, лат. *dico*, *in-dico*, *ju-dex*, греч. *δειχῶμι* — *zeige*, *δειχῆ* — *recht*; снвр. *dishtam* (вмѣсто *diktam*) означаетъ судьбу, *fatum* — Курциусъ, 105. Я. Гриммъ слово *schaagen* — учреждать, распоряжаться ставить въ связь съ *scheege* — ножницы, которыми вооружена парка — О повѣи въ правѣ, въ Смыслъ Отеч. и Свѣ. Архивъ 1831, т. XXIII, 45. Сравни выраженія: разрешить (развязать, разсѣчь) узелъ, разрешить или распутать дѣло. — ³⁾ Рус. Дост., III, 74, 202; П. С. Р. Д., I, 106.

«безъ року смерти не бываетъ; кому быть повѣшену, тотъ не утонетъ; кому за тыномъ окоченѣть, того до поры обухомъ не пришибешь; кому суждено опитъся, тотъ обуха не боится; кому быть на висѣлицѣ, того и грозой не убьетъ; кому скоромнымъ кускомъ подавиться—хоть вѣкъ постись, комаромъ подавится! Ловить волкъ роковую овечку; обреченная скотинка ужь не животинка» (непремѣнно околѣетъ или достанется хищному звѣрю ¹⁾); у сербовъ: нема смрти безъ суѣна дана», «када мени суѣен данак дође!» ²⁾ Дочь Соловья-разбойника, желая убить Илью Муромца, ринула на него тяжелую подворотню, да «Ильѣ то не къ суду пришло» — и онъ остался невредимъ. Въ древне-русской повѣсти о борьбѣ Живота съ Смертію эта послѣдняя говоритъ человеку: «въ чемъ ты застану, въ томъ и сужду» ³⁾. Бракъ, по народному выраженію, — божій судъ ⁴⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ и причитаніяхъ фраза: «идти ко суду божію» употребляется въ смыслѣ: «идти подъ вѣнецъ» ⁵⁾; согласно съ этимъ, женихъ и невѣста называются у насъ сужеными, у сербовъ — суѣеник и суѣеница ⁶⁾. Обращаясь къ брату невѣсты, пѣсня возглашаетъ отъ имени жениха:

Ахъ, шуринъ мой, шуринъ ласковый!
Ты отдай мой даръ, мое суженое,
Мое суженое, мое ряженое (т. е. невѣсту ⁷⁾).

Въ мадороссійскоѣ пѣснѣ читаемъ:

Ой иде Маруса (невѣста) на посадъ,
Зострича је Господь самъ
И з' долею щасливою,
И з' доброю годиною ⁸⁾.

¹⁾ Рус. въ св. посл., II, 31, 125, 127; Послов. Даля, 27, 46. —
²⁾ Срп. рјечникъ, 724. — ³⁾ Рус. Вѣст. 1856, XIV, ст. Бусл., 316. —
⁴⁾ Доп. къ обл. сл., 316. — ⁵⁾ Рус. прост. праздн., IV, 170; Сахаров. — свадебныя пѣсни. — ⁶⁾ Срп. рјечникъ, 724. Въ сербскихъ пѣсняхъ встрѣчаемъ слѣдующія выраженія: «da mi носе Миѣо суджен бити», «мој судженік», «zete насудjenі» — Книжевникъ 1866, св. II, 249. — ⁷⁾ Сахаров., I, 137. — ⁸⁾ Метлинск., 144.

Пословицы утверждают: «смерть да жена Богомъ суждена»; «судьба придетъ и руки ¹⁾ свяжетъ», т. е. наложитъ на избранную чету супружескія узы, виднымъ, символическимъ знаменіемъ которыхъ дониндѣ служатъ полотенце, связующее, по требованію обряда, рѣки новобрачныхъ (см. гл. XXIX). Супружескій союзъ, со всѣми его удачными и неудачными послѣдствіями, не зависитъ отъ произвола и расчетовъ чловѣка, а уже напередъ опредѣляется божественною волею: «кому на комъ жениться, тотъ въ того и родится», «всякая невѣста для своего жениха родится». Приговоры судьбы въ этомъ отношеніи также неотвратимы, какъ и самая смерть, предназначенная чловѣку: «суженаго конемъ не объѣдешь» ²⁾, «сужено-ряжено не объѣдешь въ кузовѣ» ³⁾. Соплетеніе, связыванье брачныхъ узъ народный эпосъ приписываетъ существамъ мнѣческимъ, божественнымъ. Приводимъ малорусскую сказку, записанную около Збруча и Смотрича ⁴⁾: «пославъ панъ козака з' лыстомъ и ему выпала дорога черезъ лись, и винъ якъ јихавъ тымъ лисомъ, то надыбавъ святого Мыколая, що винъ вязавъ лыка—једно добре, а друге кепське. Але святой Мыколай показався ему въ постати ⁵⁾ старого дида. Дѣ той козакъ, прыјихавши близько св. Мыколая, я дывытьця на тоє и повидает: що то вы, лидуно, отто робыте? А св. Мыколай видзыває ся до него: а щожъ? ты бачышь добре, що я роблю; лыка вяжу. — Та я, лидуно, бачу, що вы лыка вяжете; ино не знаю: на що?—Ото-такъ, козаче! тѣмъ лыка, которѣмъ я вяжу до купы, то вони свидчать людськю долю! — А чого вы вяже-

¹⁾ Вар. по рукамъ. — ²⁾ Или: суженаго не обойдешь и на конѣ не объѣдешь. Название «суженый-ряженный» объясняется тавтологической формулой: судить-рядить. — ³⁾ Послов. Даяя, 27, 380, 841, Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Бусл., 86. — ⁴⁾ Изъ матеріаловъ журнала „Основа“. — ⁵⁾ Въ образѣ.

те једно лыко добре, а друге кепське? — Бо такъ треба; бо и люды такы на свити: есть добрыи и недобрыи, то треба ихъ такъ винчаты, щобъ были злы з'добрыми, а добры зо злыми. — А то для чого? — Для того, бо якъ бы съ звинчалы сами злы, то вони бы не могли въ свити жыты, а якъ бы съ повинчалы добры, обоє робучи, то вони-бъ з'велького добра забулы Бога». Тоже преданіе встрѣчаемъ въ разсказѣ о свадьбѣ богатыря Святогора. Повстрѣчавъ Микулу Селяниновича, Святогоръ спросилъ его: «ты скажи-повѣдай, какъ мнѣ узнать судьбину бо жію?» — А вотъ поѣзжай къ гора мъ; у тѣхъ горъ подъ великимъ деревомъ стоитъ кузница, и ты войди туда и спроси кузнеца про свою судьбину. Ъхалъ Святогоръ цѣлыє три дня, доѣхалъ до кузницы и видитъ — куётъ кузнецъ два тонкихъ волоса. «Что ты куешь?» спрашиваетъ богатырь. — Кую судьбину: кому на комъ жениться. Спросилъ Святогоръ о своей невѣстѣ, и услышалъ въ отвѣтъ, что невѣста его въ поморскомъ царствѣ — тридцать лѣтъ лежитъ во гноищѣ, тѣло у ней словно кора еловая. Не захотѣлось богатырю жениться на такой хворой и некрасивой женѣ, поѣхалъ въ поморское царство, поднялъ свой острый мечъ, ударилъ дѣвицу въ грудь — и поскакалъ своею дорогою. Отъ того удара спала съ дѣвицы кора и очнулась она красавицей невиданной и неслыханной. Въ урочный часъ посватался за нее Святогоръ-богатырь и женился. Какъ легли они опочивъ держать, увидалъ Святогоръ у своей новобрачной рубецъ на груди, распросилъ, и на самомъ дѣлѣ спозналъ, что отъ судьбы не уйдешь ¹⁾: Вѣщій кузнецъ, кующій судьбы человѣчески, есть богъ-громовникъ (см. I, 465—6); мастерская его устроена въ горахъ, т. е. грозovýchъ тучахъ. Обрядовая свадебная пѣсни призываетъ его скрѣпить союзъ моло-

¹⁾ Рыбник., I, 40—41; см. варианты въ Запискахъ о южн. Руси, I, 308—9, и въ Периск. Сб., II, 166.

лей четы: «подъ на свадьбу, боженька! скуй намъ свадьбу крѣпко, твердо, долговѣчно, вѣковѣчно» ¹⁾). Въ малорусской сказкѣ богъ-громовникъ замѣненъ уже Николаемъ-угодникомъ, и на этого святаго возлагается обязанность связывать до купы жизненныя нити (веревки, лыки) тѣхъ, которые въ свое время должны соединиться супружескою связью. Народная фантазія заставляетъ мненческаго кузнеца сковывать во-едино два тонкихъ волоса; эти волосы — не что иное, какъ двѣ нити, выпряденныя парками для жениха и невѣсты ²⁾). Оба понятія: нить и волосъ отождествляются какъ въ языкѣ, такъ и въ повѣрьяхъ; поэтому и въ сказаніяхъ о судьбѣ имъ придано одинаковое значеніе. По свидѣтельству сербской приповѣдки ³⁾, дѣва, свѣтлая какъ самое солнце, сидя надъ озеромъ, вышивала солнечными лучами по основѣ, сдѣланной изъ юнацкихъ волосъ (т. е. по облачной ткани); сама-же она китѣла въ головѣ червленныя какъ кровь волосъ, напоминающія красно-огненныя кудри громовника. Когда взяли и раздѣлили этотъ волосъ надвое, то нашли, что въ немъ было записано много славныхъ дѣяній, совершившихся отъ начала свѣта. И-такъ устранился отъ своей суженой — невозможно; наоборотъ, сколько бы ни старался добрый молодецъ взять за себя дѣвицу, неназначенную ему судьбою, хлопоты его будутъ напрасны. Въ малорусской пѣснѣ сестра, убѣждая брата не жениться, говоритъ ему:

Не бери їея, брате! та дивчина безъ доли росла,
 Безъ доли росла, въ несчастью вродилася,
 Она тобі, брате, дружиною не судилася ⁴⁾.

¹⁾ Торопецъ, соч. Семеновскаго, 3. — ²⁾ Луничане называютъ вѣдьмъ — kuzłarnicje (Volklied der Wenden, II, 233); у чеховъ кузельникъ—ходунъ, чародѣй (Срезнев., 60); у насъ кузленца — кузница, кузлѣ—ковка (Обл. сл., 95; Доп. обл. сл., 95) и кузничий молотъ (тверск. губ.). — ³⁾ Срп. припов., 34. — ⁴⁾ Ч. О. И. и Д. 1863, IV, 298.

Несомнѣнно, что и славяне, подобно другимъ индоевропейскимъ племенамъ, признавали судьбу таинственнымъ, всемогущимъ существомъ, съ царственною надъ всѣмъ міромъ властію и съ божественнымъ характеромъ. Они называли ее Судомъ божиимъ. Самое слово богъ первоначально означало *τύχη*, *fatum*. Въ санскритѣ ему соответствуетъ *bhaga* (отъ *bhag*—дѣлить) — часть, доля, отломокъ, а потомъ счастье и высочайшее существо, имущее въ своихъ рукахъ всякіе дары и раздѣляющее ихъ между смертными; сравни часть, участь и счастье: «сидень сидитъ, а часть (*fortuna*) его растеть»; обл. щаска означаетъ и счастье, и участокъ; серб. честит — счастливый (съ-частънь), обладающій частью, злочест — *malus* = тотъ, кому досталась злая часть, Отъ глагола дѣлить (нѣм. *theilen*, гол. *dailjan*) образовалось слово доля, означающее не только *parts* (отдѣль, моя судьбу (=то, что выпало человѣку на часть, и на долю, что досталось ему въ удѣль; нѣм. *theil*, ан-*theil* и *un-theil*). По свидѣтельству пословицъ: «Богъ дастъ долю и въ чистимъ поли», «лежень лежитъ, а Богъ для него долю держитъ» ¹⁾, «счастливому таланъ отъ Бога данъ», серб. «Богъ и среѣна дала». Отъ него исходятъ и всѣ блага, и всѣ лишенія, какъ это очевидно изъ производныхъ: богатый (снкр. *bhagavat*, сравни: *deus*, *divus* и *dives*), богатыйрь (слово, доселѣ употребляемое въ нѣкоторыхъ областяхъ въ смыслѣ богача) и у-богій (бѣдный, одержимый болѣзней, слѣпой, калѣка), малор. не-бога (бѣднякъ, сирота, лит. *pa bagas*), не-божчикъ (покойникъ, луж. *pa bogi*), т. е. обдѣленный судьбою, лишенный даровъ счастья: довольства, здравія и долголѣтія; съ-божіе аналогично съ словомъ съ-частіе: въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ оно означаетъ или вообще — имущество, достояніе, богатство, или въ част-

¹⁾ Вар. Лежухови Богъ долю дае.

ности — хлѣбъ, главное богатство земледѣльца, а верхне-луж. z bo žo — счастье ¹⁾. «Господь, говорятъ малоруссы, николи не спитъ: у того щасте одбирае, а тому дае» ²⁾. Какъ для всѣхъ другихъ представленій язычества источникомъ служило обожаніе природы, такъ и мысль о судьбѣ въ глубочайшей древности должна была связываться съ естественными, стихійными явленіями. Отвлеченныя понятія предполагають долгое развитіе; по своей безтѣлесности, отрѣшенности отъ тѣхъ самыхъ предметовъ, свойствами и признаками которыхъ опредѣлялось ихъ значеніе, понятія эти не могли быть доступны грубымъ, младенческимъ племенамъ. Ученыя изслѣдованія показали, что вѣщія дѣвы = судицы принадлежали къ существамъ облачнымъ, дождевымъ. Судьба слѣдовательно была не болѣе, какъ олицетвореніе всемогущихъ, то благотворныхъ, то разрушительныхъ, но всегда-неотвратимыхъ силъ природы. Слова, служившія для обозначенія этого понятія, были въ началѣ эпитетами или прозваніями верховнаго божества неба, бурныхъ грозъ, дождевыхъ ливней и земнаго плодородія. Въ скандинавской мифологіи это — Одинъ, шествующій въ облакахъ и буряхъ, богу, которому служили валькири и отъ воли котораго зависѣли торжество и смерть сражающихся героевъ. Его всевидящее око = солнце, вѣщіе вороны Huginn и Muninn, напитокъ мудрости изъ колодца Мимира суть выраженія его всевѣдѣнія; онъ знаетъ и бывшее, и настоящее, и будущее, онъ надѣляетъ людей высочайшими дарами духа и плоти, онъ —

¹⁾ О вліян. христ. на сл. яз., 122; Мат. сравн. слов., II, 547, 559; Диембахъ, II, 610; Обл. Сл., 126, 236; Номис., 25. По указанію г. Потебинъ часть (отъ сикр. чн'ид, чн'иват-ти — scindege) и доли (отъ сикр. дѣл-ати — колоться) означаютъ нѣчто отрѣзанное, отколотое, кусокъ — Труды моск. археолог. общ., в. II, 154. — ²⁾ Куляшъ, I, 148.

владыка желаній, и потому называется *Oski=Wunsch* ¹⁾, т. е. въ рукахъ его все счастье, какого только можетъ пожелать смертный. Поэты XIII столѣтія изображали *Wunsch*, какъ живое, могучее и творческое существо; валькирии назывались *Óskameyjar = wunschmädchen*, тоже что славянскія желкниѣ, желѣне жене; души блаженныхъ героевъ, увлекаемыя валькиріями въ жилище Одина, — *Óskasynir = wunschsohne*. Чудесному жезлу, съ помощію котораго Гермесъ могъ усыплять живыхъ и пробуждать мертвыхъ, соответствуютъ *wünschelruthе* и *schlafdorn* германскихъ преданій: это жезлъ, возжигающій пламя жизни въ новорожденномъ младенцѣ и погашающій его въ минуту смерти. Когда Одинъ возаялъ въ Брунигилду *schlafdorn*, она тотчасъ-же впала въ непробудный сонъ; подобное-же дѣйствіе, по свидѣтельству сказки, производитъ веретено вѣщей пряжи (= норны). Наконецъ *wünschhütlein* и *wunschmantel* (= *hut* и *mantel des Wunsches, Wuotans*) напоминаютъ «счастливую сорочку», которая готовится дѣвами судьбы ²⁾: Одинъ — творецъ и владыка міровой жизни; виѣтъ съ своими братьями *Vili (der wollende)* и *Vé (weiher, heiliger)*, онъ вывелъ изъ предвѣчнаго хаоса небо и землю, даровалъ вселенной законы и устроилъ въ ней физическій и нравственный порядокъ; онъ создалъ первую чету людей — мужа и жену, и вдунулъ въ нихъ живыя души; онъ — царь, управляющій и смертными и богами, *Allvater* и *Mjötudhr* = измѣритель, взвѣшиватель всего сущаго, опредѣлитель судебъ ³⁾. Выше указано, что длиною нити, выпраденной парками, опредѣлялась

¹⁾ *Oskabygg = óskis wind, wunschwind*. — ²⁾ Въ русскомъ языкѣ бажѣнный, забажанный — дорогой, желанный, и говоря о дѣтяхъ — вымоленный, выпрошенный у Бога; бажать (бажѣть) — сильно желать (Обл. Сл., 5, 59). — ³⁾ *Die Götterwelt*, 152, 181; *D. Myth.*, 390.

baizle
die wunsch   *baizle*
zu sein

долгота человеческой жизни, что веревкою норнъ измѣрялось пространство владѣній, на которыя должна распространиться власть новорожденного героя, и что дѣвамъ судьбы присвоилось название *mēten* (стр. 344). По выраженію русской поговорки, «Богъ не гуляетъ, а добро перемѣряетъ» ¹⁾ — одному даетъ, у другаго отымаетъ. *Gautrekssaga* повѣствуетъ, что Одинъ и Торъ, подобно норнамъ, феямъ и рожаницамъ, творили грядущія судьбы. Въ полночь разбудилъ Одинъ своего приемыша Старкадра (*Starkadhr*) и на лодкѣ переправился съ нимъ на островъ, гдѣ въ тѣнистомъ лѣсу засѣдало одиннадцать судей; двѣнадцатый стулъ былъ свободенъ, его занялъ Одинъ — и предложилъ судьямъ изречь свои приговоры. Тогда началъ гнѣвный Торъ: «*ich schaffe ihm (Старкадру), dass er weder sohn noch tochter haben und seinen stamm enden soll*». Одинъ продолжалъ: «*ich schaffe ihm, dass er drei mannesalter leben soll*». Торъ: «*in jedem alter soll er ein nǫdhingsverk' ²⁾ thun*». Одинъ: «*ich schaffe ihm — er soll die besten waffen und kleider haben*». Торъ: «*er soll weder land noch grund haben*». Одинъ: «*ich gebe ihm, dass er viel geld und gut habe*». Торъ: «*ich lege ihm — in jedem kampf soll er schwere wunden empfangen*». Одинъ: «*ich gebe ihm die gabe der dichtkunst*». Торъ: «*was er dichtet, soll er nicht behalten können*». Одинъ: «*das schaff ich ihm, dass er den edelsten und besten männern werth erscheine*». Торъ: «*dem volk soll er verhasst sein*». Торъ играетъ въ этой сценѣ роль враждебной норны; каждый благой даръ онъ старается умалить злымъ пожеланіемъ ³⁾. Греки сочетали идею судьбы съ громоноснымъ Зевсомъ, въ рукахъ котораго были вѣсы, опредѣляющіе участь не только отдѣльныхъ героевъ, но и цѣлыхъ народовъ:

¹⁾ Послов Дала, 4. — ²⁾ Безчестное, темное дѣло. — ³⁾ Герг. *Mythen*, 596—7; D *Myth.*, 818—9.

Зевсъ распростеръ, промыслитель, вѣсы золотые; на нихъ онъ
Бросилъ два жребія смерти, въ сонъ погружающей долгій:
Жребій одинъ Ахиллеса, другой Пріамова сына.
Ваалъ по среднѣ и поднялъ: поникнулъ Гектора жребій,
Тяжкій къ Анду упалъ...

Также взвѣшивалъ онъ и жребіи троянъ и данаевъ: «жребій данайскихъ сыновъ до земли многоплодной спустился, троянъ же до звѣздного неба вознесся» ¹⁾. Вѣсы — эмблема Феиды богини правосудія (= суда божьего), взвѣшивающей людскую правду и кривду. По свидѣтельству украинской сказки, Смерть, какъ одна изъ трехъ паркъ, требуетъ, чтобы душа усопшаго становилась на вѣсы, которыя подъ тяжестью грѣховъ склоняются долу, а праведнаго подбраеиваютъ вверхъ — на свѣтлое небо (см. выше стр. 273—4). Послѣ водворенія христіанства народная фантазія дала эти вѣсы архангелу Михаилу, вождю небеснаго воинства и побѣдителю демоновъ; на страшномъ судѣ онъ будетъ взвѣшивать добрыя и злыя дѣла каждаго человѣка, и смотря по тому, чтѣ перетянетъ, назначить ему или вѣчное блаженство, или адскія муки ²⁾. Въ связи съ этими «вѣсами правосудія» должно поставить и исковокское преданіе о горѣ Судомѣ (въ порховск. уѣздѣ). Надъ этою горою висѣла нѣкогда спущенная съ неба цѣпь; въ случаѣ спора или бездоказательныхъ обвиненій соперники приходили сюда и каждый поочередно долженъ былъ достать цѣпь рукою; но цѣпь позволяла до себя дотронуться только праведной рукѣ. Однажды сосѣдъ у сосѣда украдъ деньги и положилъ ихъ въ толстую, выдолбленную внутри палку. Оба пошли на Судому; сперва взялся за цѣпь обвинитель, а затѣмъ воръ, когда настала его очередь, попросилъ своего противника подержать палку, и доставая цѣпь, сказалъ: «деньги у те-

¹⁾ Илиада, VIII, 69—74; XXII, 209—213. — ²⁾ См. храмовыя и лубочныя изображенія «Страшнаго суда».

бя! Цѣпь и ему далась, но послѣ того неизвѣстно какъ и куда исчезла ¹⁾). Для предковъ нашихъ судъ и законы имѣли священное значеніе; по общему, глубоко-укорененному убѣжденію, они исходили отъ боговъ и составляли неотъемлемую принадлежность религіи. Древнѣйшій чешскій памятникъ «Судъ Любуши» говоритъ: «у насъ правда по закону святу, уже принесеху отци наши», «по закону вѣкожизненныхъ боговъ» ²⁾). Греки вѣрили, что законы имъ посланы Аполлономъ и Зевсомъ, а по сказанію римлянъ, Нума записалъ ихъ со словъ богини Эгеріи. Въ теченіи долгаго времени они даже не были закрѣплены письмомъ, и въ краткихъ ритмическихъ изрѣченіяхъ (сигіпа, *вѣмос* ³⁾) передавались устно отъ отца къ сыну, вмѣстѣ съ вѣрованіемъ и молитвами; какъ эти послѣдніе должны были произноситься въ совершенной точности, не допускали ни малѣйшаго измѣненія, такъ и юридическія формулы только тогда имѣли обязательную силу, когда произносились съ подобающимъ уваженіемъ къ ихъ заветнымъ, нерушимымъ словамъ. Вступая въ гражданскія отношенія, человекъ обязывался священной формулой. Впоследствии, занесенные въ «служебники», промежъ обрядовыхъ восстановленій, зачатій и молитвъ, законы хранились въ храмахъ, подъ надзоромъ жрецовъ ⁴⁾). О славянахъ извѣстно, что они собирались на сходки и обсуждали свои общественныя дѣла при штетинскомъ храмѣ ⁵⁾). Въ нашихъ памятникахъ можно указать на позднѣйшіе слѣды этого древняго обычая; такъ въ «Псковской судной грамотѣ» читаемъ: «а который позовникъ

¹⁾ Географ. Извѣстія, изд. Р. Г. Общ., 1850 г., III, 527. Сходныя преданія, уцѣлѣвшія у другихъ народовъ, указаны въ Ист. очерк. рус. слов., I, 464—9. — ²⁾ Приб. къ Изв. Ак. Н., I, 13—15. — ³⁾ Отъ *вѣмос* — раздѣляю; *вѣмос* — раздѣль, мѣра, стихотворный ритмъ, пѣсня. — ⁴⁾ Буланжъ, 250—6, 402. — ⁵⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 2, III, ст. Срезнев., 47.

пойдетъ исца звати на судъ, и той позванный не пойдетъ на погостъ къ церкви позывницы чести... ино позывница прочести на погосте предъ попомъ»; «а противъ той рядницы не будетъ во святой церкви въ лари въ тѣ-жъ рѣчи другой...» ¹⁾.

Вѣра въ таинственную, всеѣмъ управляющую волю Судьбы съ особенною наглядностію заявляетъ себя: а) въ судѣ божіемъ (ордаляхъ), самое названіе котораго тождественно съ именемъ Судьбы (см. II, 195-9); б) въ обычай метать въ сомнительныхъ случаяхъ жребій, и его указаніе принимать за приговоръ всевѣдущаго божества, и с) въ гаданіяхъ о будущемъ. Рѣшеніе частныхъ тяжбъ и общественныхъ вопросовъ жребіемъ было употребительно у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. Дѣло, въ которомъ боролись противоположные интересы, черезъ это возвышалось надъ произволомъ и страстями людей и восходило на тотъ верховный, непреложный судъ, передъ которымъ умолкали всѣ личные разсчеты; ибо избѣгнуть опредѣленій рока не дано ни одному смертному. Лат. *sortis* и нѣм. *loos* означаютъ и жеребій, и счастье, долю, участь; точно также и рус. жребій употребляется въ двоякомъ значеніи: метать жеребьи — бросать нарочно-нарѣзанныя и помѣченныя палочки или прутки, чтобы по ихъ расположенію разрѣшить спорный вопросъ; знать, таковъ мой жребій! виѣсто: таково мое счастье! Одна изъ трехъ дѣвъ судьбы бросала жребіи для опредѣленія грядущихъ событій (см. выше стр. 346, 349). И греки, и римляне вопрошали свои прорицалища посредствомъ жребіевъ. Для этого они металы кости, или изъ урны, наполненной водою, доставали дощечки, на которыхъ начертаны были различные зна-

¹⁾ Стр. 5, 7 и др. При такомъ взглядѣ на судъ и законы, нѣтъ ничего удивительнаго, что при введеніи христіанства духовенство тотчасъ-же приобрѣло значительное участіе въ судебныхъ дѣлахъ.

ки, а жрецы поясняли ихъ сокровенный смыслъ. Выборы въ общественныя должности долгое время совершались по жребію, т. е. отдавались на божью волю. У германцевъ жребій былъ рѣшителемъ споровъ и провозвѣстникомъ будущаго. По свидѣтельству Тацита, отломленную отъ дерева вѣтвь они разрѣзывали на части и на каждой клали особую шѣтку; жрецъ или старѣйшій въ родѣ бросалъ эти прутыки, и смотря по тому, какъ они выпадали, дѣлалъ свои заключенія. Отсюда очевидна связь жребія съ рунами и гаданіями ¹⁾. Тотъ-же обычай существовалъ и между другими племенами; скифы по расположенію жеребьевыхъ прутиковъ или стрѣлъ угадывали будущее и давали отвѣтъ на всякое возникшее недоумѣніе ²⁾. Саксонъ-грамматикъ говоритъ, что на островѣ Ранѣ славяне кидали три дощечки — съ одной стороны бѣлая, а съ другой черныя, и замѣчали: какой именно стороною упадутъ онѣ кверху; бѣлая предвѣщала успѣхъ, а черная — неудачу. Къ этому гаданію прибѣгали и штетинцы, чтобы опредѣлить исходъ морской битвы ³⁾. Въ числѣ запретныхъ книгъ и суевѣрныхъ обрядовъ старинный памятникъ называется: *Метаніе или Розгомечецъ*. Какая жертва угодна богамъ?—это изстаря рѣшалось жребіемъ; такъ при св. Владимірѣ кіевляне метали жребій на отрока и дѣвицу: «на негоже падеть, того зарѣжемъ богомъ» (II, 260). По словамъ Константина Порфиророднаго, руссы метали жребій, и слѣдуя его указанію, однихъ птицъ заколали въ жертву, а другихъ пускали на волю. Стихъ о Елизаветѣ Прекрасной рассказываетъ: когда при царѣ Агеѣ покинулъ народъ вѣру христіанскую, то Господь прогнѣвался и напустилъ на царство зѣва лютаго, поѣдучаго; тогда-то князья и бояре собирались на *соймище*

¹⁾ D. Myth., 1064; Germ. Mythen, 599; Куланжъ, 241—2. — ²⁾ Двт. рус. лит., кн. I, 140. — ³⁾ Срезнев., 81.

И жеребьи закладывали:
 Кому напередъ звѣрю доставутся
 На създеніе, на смертное потребление? ¹⁾

Даже въ выборѣ жениха и невѣсты предки наши руководились жребіемъ, какъ это можно заключать изъ слѣдующаго выраженія Слова о полку: «връже Всеславъ жребій о дѣвицу себѣ любу» ²⁾

Въ торговомъ договорѣ Новгорода съ нѣмцами и готландцами (XIII-го столѣтія) постановлено, чтобы тяжбы между русскими и ганзейскими гостями, при недостаткѣ судебныхъ доказательствъ и противорѣчіи свидѣтелей, рѣшались жребіемъ ³⁾. Въ Судебникъ Ивана Грознаго занесено слѣдующее узаконеніе, подтвержденное потѣмъ и въ Уложеніи (XIV, 4): если между русскимъ и чужеземцемъ возникнетъ дѣло, которое не иначе можетъ быть рѣшено, какъ развѣ присягою, то цѣловать крестъ предоставляется той сторонѣ, чей вынется жребій. Англичанинъ Лэнь описалъ намъ самый обрядъ вниманія жребія: два восковыхъ шарика съ именами спорящихъ клались въ шапку и кто-нибудь изъ постороннихъ доставалъ одинъ шарикъ голою правою рукою; чье имя вынималось, тотъ давалъ клятву и выигрывалъ дѣло. Изъ уставной грамоты шуянамъ 1606 года видно, что и въ томъ случаѣ, когда оба противника были люди русскіе, право цѣловать крестъ опредѣлялось жребіемъ. Тѣмъ-же способомъ рѣшали въ XVI-мъ столѣтіи вопросъ: кому изъ тяжущихся о поземельномъ владѣніи должно предоставить право ядти съ образомъ на головѣ и указывать между ⁴⁾. По Уложенію (XIV, 10) искъ не свыше рубля рѣшался жребіемъ, а больше

¹⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 155; см. также Повт. Воз., II, 199—200. — ²⁾ Рус. Дост. III, 186. — ³⁾ Городское или средн. состояніе рус. нар., соч. Плошинскаго, 59. — ⁴⁾ Мануш., 104; Исторія Росс. Соловьева, VII, 158, 334, 414; Карамз. И. Г. Р., IX, примѣч. 788; Описаніе гор. Шуй, 226.

рубля — присягою. Выборъ духовнаго владыки совершался въ старину по жребію: имена кандидатовъ писались на отдѣльныхъ листкахъ, и запечатанныя полагались — въ Новгородѣ на престолѣ у св. Софіи, а въ Москвѣ — передъ иконою Владимірской Богоматери въ Успенскомъ соборѣ; послѣ молебствія выносили одинъ свертокъ, распечатывали и объявляли народу избраннаго. Наказывать десятаго по жребію, въ случаѣ какихъ-либо общественныхъ смутъ, долго удерживалось на ряду съ другими судебно-административными мѣрами ¹⁾. Но еще долговѣчнѣе жребій въ обычаяхъ поселянъ, которые выражаются о немъ пословицами: «жеребій — божіи судъ», «жеребій—святое дѣло», «жеребій сыщеть», «отъ жеребья не уйдешь!» ²⁾ Донинѣ въ деревняхъ и селахъ бѣольшая часть спорныхъ дѣлъ и очередныхъ обязанностей рѣшается жребіемъ. При дѣлежѣ имущества и выборѣ рекрута крестьяне всего охотнѣе полагаются на этотъ безстрастный, независимый отъ человѣческаго произвола судъ. Въ нижегородской губ. при развѣрткѣ поземельныхъ участковъ бросаютъ жеребьи; въ ярославской и другихъ губ., когда умереть отецъ и не оставить послѣ себя никакого распоряженія, два сына его (что называется «ровный бой») берутъ каждый свою часть по жребію ³⁾. Метанье жеребьевыхъ знаковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ замѣняется обыкновеніемъ конаться, и слово это въ рязанской губ. употребляется въ смыслѣ: бросать жребій. Слѣдуя завѣту старины, русской человѣкъ — когда наступать Рождественскіе Святки — силится разгадать: что присудила ему на будущій годъ могучая Судьба? Съ этою дѣлю совершается обрядъ гаданія, описанный нами во II-мъ томѣ, стр. 194. У болгаръ, наканунѣ Нового года, дѣвѣицы

¹⁾ Рус. въ св. посл., III, 215—8. — ²⁾ Послов. Далъ, 50; Толков. слов., I, 477. — ³⁾ Этн. Сб., I, 13, 21; Вѣст. Р. Г. О. 1853, II, 108.

выносятъ на площадь котель, наполненный водою, опускаютъ въ него кольца, браслеты, ожерелья, и все это отдаютъ на сохраненіе такъ называемой царицѣ солнца. Царицею назначается обыкновенно дѣвушка не старѣе шестнадцати лѣтъ, съ русою косою и голубыми глазами. На другой день сельская молодѣжь отправляется къ ея дому, съ музыкой и пѣснями; царица подымаетъ котель и выходитъ на встрѣчу, красуясь длинными, распущенными по плечамъ волосами; подруги убираютъ ее цвѣтами, надѣваютъ ей на голову вѣнецъ и красное покрывало, и затѣмъ все вмѣстѣ идутъ на площадь. Тамъ приступаютъ къ гаданію; хоръ поетъ предвѣщанія, а царица вынимаетъ изъ котла одну за другою погруженныя въ него вещи. Чья вещь будетъ вынута, тому и вѣщаетъ провозглашенная пѣсня его грядущую судьбу ¹⁾: «кому вынется, тому сбудется—не минется!» Царица солнца представляетъ въ этомъ обрядѣ дѣву-судницу (сравни I, 82—85), а кольца, браслеты и ожерелья замѣняютъ собою жребіи гадающихъ.

Литовскій Прамжинасъ (=божіе предопредѣленіе, судьба) почитался высочайшимъ изъ боговъ; его судомъ содержится вселенная; отъ его ударовъ дрожитъ мать-земля, какъ отъ небесныхъ громовъ Перкуна; онъ посылаетъ всемірный потопъ (=весенніе разливы) и потѣмъ создаетъ на землѣ новую жизнь и новое поколѣніе людей, заставляя спасенную имъ чету прыгать черезъ камни. Тотъ-же мифъ о происхожденіи людскаго племени греки связывали съ Гермесомъ, а славяне, какъ свидѣтельствуетъ старинный памятникъ ²⁾, — съ Родомъ: сидя на воздуси, Родъ мечетъ на землю груды — и въ томъ рождаются дѣти (II, 474—5). Изъ этихъ сближеній

¹⁾ Москов. Газета 1866, стат. Караведова: «Святки у болгаръ»; см. также Гласник. срп. учен. друштва, кн. V (1867), 127. — ²⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, предисл. стр. XXIII.

позволительно заключать, что первоначально подъ именемъ Рода разумѣлось божество, заправляющее весенними грозами, оплодотворяющее землю сѣменемъ дождя и созидающее широкую жизнь. Бѣлый свѣтъ, по выраженію стиха о голубиной книги, зачался отъ суда божіа. Выше мы видѣли, что богъ-громовникъ, какъ миенческій кузнецъ куетъ людямъ брачныя узы и назначаетъ, кому на комъ жениться (стр. 373—5); какъ повелитель волковъ («волчій пастырь»), онъ опредѣляетъ, какіе именно люди должны умереть отъ зубовъ этого хищнаго звѣря, и приговоры его также неотвратимы, какъ и приговоры рожаницъ; волки слѣдуютъ за нимъ — подобно тому, какъ слѣдуютъ они за Однимъ и валькиріями (I, 710-1). Въ древнихъ рукописяхъ рай и адъ (= тѣ загробныя области, гдѣ обитаютъ души предковъ) обозначаются словами по-рода и родъство: «а уже убогихъ не миловати, и родъство обѣштано е(сть) и огнь негашжштии и съ бѣсы мученіе» ¹⁾. Это наводитъ насъ на мысль, что съ Родомъ могло соединиться представленіе о владыкѣ усопшихъ предковъ (сравни выше, стр. 283, преданіе о ведическомъ Аріамѣ); что, царствуя въ воздушныхъ сферахъ, онъ—съ одной стороны—посылалъ на землю младенческія души (=порождалъ дѣтей), а съ другой, наравнѣ съ скандинавскимъ Однимъ и греческимъ Гермесомъ, препровождалъ души усопшихъ въ страну безсмертія. Въ паремейникѣ 1271 года слово Родъ употреблено при переводѣ еврейскаго гад (fortuna, τύχη, богъ счастья): «готовяще Родоу трапезж» ²⁾. Въ древле-славянскомъ переводѣ хроникъ Малалы и Амартола греч. εἰμαρμένη, означающее судьбу, объясняется словомъ рожденіе: «Имармѣнню же съдѣлавшія прелесть нѣкоюю, глаголемую рожденіе, еяже развѣ ничесоужъ пострадати, ли творити могоуще кому-либо,

¹⁾ Матер. для истор. письменъ, 9 (Святославовъ Изборникъ 1073 года). — ²⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II. ст. Срезнев., 109.

знаменословятъ, и въ таковою прелесть и нечестіе въпадаютъ; ииѣвъ бо нѣкыи, яко развѣ рожденія—кромѣ Имармѣни никто-жъ ни сѣтворити, ни пострадати власть имать». Замѣтимъ, что и греки съ словошъ γένεσις соединяли понятіе судьбы: такъ у Іоанна Златоуста, чаще другихъ возражавшаго противъ фатализма, читаемъ: «ἐὶ θεός, ἢ γένεσις» — въ старинномъ переводѣ: «аще Богъ есть, нѣсть рожденія»; «ἐὶ γένεσις, ἢ νόμος, ἐὶ δὲ νόμος, ἢ γένεσις» — «аще рожденіе—то не законъ, аще законъ—то не рожденіе». Тотъ-же смыслъ средневѣковые латинскіе и нѣмецкіе памятники придаютъ рѣченіямъ: *genesis, genitura, nascentia, gaburt, giburt, gaburgia* ¹⁾. Въ одномъ изъ поучительныхъ сочиненій VII-го вѣка записано: «*nullus sibi proponat fatum vel fortunam aut genesin, quod vulgo nascentia dicitur ut dicat: qualem nascentia attulit, taliter erit*» ²⁾. Хотя въ старинныхъ переводахъ слово «рожденіе» и есть повидимому не болѣе, какъ буквальная передача греческаго «γένεσις»; но это еще не доказываетъ, чтобы переводчики употребляли его машинально, безсознательно, и чтобы само по себѣ оно не имѣло никакой связи съ понятіемъ о всецильномъ рокѣ. Наоборотъ, надо думать, что и переводчики, и ихъ современники очень хорошо понимали: противъ какого «рожденія» были направлены протесты проповѣдниковъ; можно ли сомнѣваться въ этомъ, если дѣвы судьбы назывались у славянъ рожаницами, если и донинѣ народъ русской выражается пословицей: «отъ рѣду (=отъ судьбы) не въ воду!» ³⁾ Во всѣхъ памятникахъ, свидѣтельствующихъ о поклоненіи Роду и рожаницамъ, имя перваго постоянно встрѣчается въ единственномъ числѣ. Очевидно, что рожаницы и Родъ стоятъ въ такомъ-же отношеніи другъ къ другу, какъ парки и *Fatum*, мойры

¹⁾ Изв. Ак. Н., IV, 171—6. — ²⁾ D. Myth., 818; Germ. Myth., 631. — ³⁾ Послов. Даля, 920.

и Ἄνδρην или Εἰσαρμένην, норны и Örlög ¹⁾); тогда какъ рожаницы завѣдывали участію отдѣльныхъ людей (каждому, при его появленіи на свѣтъ божій, давалась своя рожаница), Родъ олицетворялъ собою общее понятіе о судьбѣ, какъ о божественной силѣ, все производящей и всѣмъ правящей въ мірѣ.

Но творческая дѣятельность природы возбуждается не однимъ дожденоснымъ Перуномъ; она не менѣе зависитъ и отъ ясныхъ, согрѣвающихъ лучей солнца. Для нашихъ предковъ солнце было божество рождающее — дарующее землѣ урожай и надѣляющее смертныхъ изобиліемъ, богатствомъ, а слѣдовательно и счастіемъ. Снескр. *bhaga* употреблялось, какъ одно изъ названій этого свѣтила; у славянъ «солнце» — синонимъ счастья, на что указываютъ слѣдующія выраженія: «взойдетъ солнышко и на нашъ дворъ!» «померкло мнѣ солнце!» «закатилось мое счастье!» (I, 67) Какъ всевидящее око, озирающее небо и землю, — Солнце знаетъ все явное и сокровенное, что только совершается въ мірѣ. Отъ его воровъ ничто не можетъ утаиться! Свѣтъ и зрѣніе — обычные метафоры знанія, мудрости, а мракъ и слѣпоты — невѣжества, отсутствія всякихъ свѣдѣній ²⁾). Въ гимнахъ Ригъ-Веды Солнце называется всевѣдущимъ ³⁾). Оно — представитель высочайшей правды, всегда открытой и «ясной, какъ божій свѣтъ», противникъ и каратель «темной» лжи, и тотъ, кто обманываетъ (морочитъ) другихъ, грѣшитъ именно противъ этого всевѣдущаго божества. Въ силу этихъ воззрѣній, съ нимъ необходимо сочеталась идея пра-

¹⁾ D. Myth., 382. — ²⁾ Мы говоримъ: про-свѣщеніе, свѣтъ знанія (правды, истины), мракъ невѣжества, прозорливость, ясновидѣніе, умственная слѣпота, дальновидный или темный человекъ. — ³⁾ Die Symbolik von Sonne und Tag in der germanisch. Mythol., 7.

веднаго суда божія. Въ любопытной чешской сказкѣ юный герой отправляется за разрѣшеніемъ загадочныхъ вопросовъ къ Солнцу, тогда какъ, по сербскому преданію, онъ съ тою-же цѣлю идетъ къ Судьбѣ. Солнце названо въ этой сказкѣ златовласымъ дѣдомъ-Всеvѣдомъ, а въ матери ему дана пряжа-судица, которая вечеромъ принимаетъ его на западъ и успокоиваетъ на своихъ колѣнахъ; по утру Солнце пробуждается отъ сна, прощается съ матерью и вылетаетъ восточнымъ окномъ на дневное странствованіе. О значеніи Солнцевой матери сказано было выше: это, во первыхъ,—облачная, дожденосная жена, изъ темныхъ нѣдръ которой нарождается Солнце весною, и во вторыхъ богиня Зоря, которая каждое утро выводитъ его изъ мрака ночи, или выражаясь поэтически: каждое утро рождаетъ свѣтозарнаго сына и разстигаетъ для него по небесному своду золотисто-розовую пелену (I, 88; II, 124—6). Зоря также представлялась прямою, какъ и дѣвы судьбы (см. гл. V); по указанію нѣмецкихъ причитаній, одна изъ этихъ дѣвъ отпираетъ небо и выводитъ изъ-за темныхъ затворовъ ясное солнце (см. стр. 355). На Руси уцѣлѣла старинная поговорка: «дожидайся Солнцевой матери божья суда!»¹⁾ Солнцева мать упоминается во многихъ сказкахъ, и вездѣ о ней говорится, какъ о вѣщей пряхѣ: она даетъ странствующимъ героямъ мудрые совѣты и на золотой прялкѣ прядетъ золотую кудель²⁾.

¹⁾ Снегирева: Послов. и притчи, 99. — ²⁾ Slov. povesti Škultety a Dobsinsk., I, 60—61; Slov. pohad., 280, 452; Глинск., IV, 43.—По мнѣнію г. Потебни (Труды моск. археол. общества, в. II, 193), въ чешской сказкѣ о дѣдѣ-Всеvѣдѣ спутаны два различныя преданія; подъ именемъ дѣда-Всеvѣда скрывается драконъ, а что сказка называетъ его солнцемъ — это не болѣе, какъ ошибка расказчика. Мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Правда, что тѣже самыя подробности, какія встрѣчаемъ въ сказкѣ о дѣдѣ-Всеvѣдѣ, повторяются и во множествѣ другихъ сказокъ,

Впоследствии, когда нравственные представленія стали брать перевѣсъ надъ религіознымъ натурализмомъ, идея судьбы отрѣшилась отъ стихійныхъ боговъ, строителей міровой жизни, и обособилась въ отдѣльное, самостоятельное божество. Въ Малороссіи сохранилось такое преданіе: шелъ крестьянинъ по лѣсу и заблудился. Наступила ночь, вдали заблестѣлъ привѣтливый огонёкъ; крестьянинъ поспѣшилъ на его свѣтъ, набрѣлъ на ветхую избушку и попросился ночевать. Его приняла бѣдная

гдѣ герой отправляется за разрѣшеніемъ трудныхъ вопросовъ къ царю-змѣю, дракону, горному великану и даже чорту; но это только доказываетъ, что одинъ и тотъ-же мифъ могъ варіироваться различно. На сказочнаго героя возлагается обязанность узнать: отчего высохъ источникъ живой воды? отчего яблоня не даетъ моложавыхъ плодовъ? кѣмъ похищена прекрасная царевна, или какъ излѣчить ее отъ тяжелой болѣзни? и куда затерялся ея золотой ключъ? Вопросы эти живописуютъ зимнее состояніе природы, когда изсякаетъ живая вода дождей, когда въ небесныхъ рощахъ перестаютъ зрѣть моложавыя яблоки, когда богиня лѣтнаго плодородія попадаетъ во власть демоновъ и теряетъ свой ключъ-молнію. Но увяданіе и возрожденіе міровой жизни обуславливаются дѣятельностью боговъ и демоновъ, и потому съ вопросами о концѣ зимы и началѣ лѣта народная фантазія съ равнымъ правомъ могла обращаться и къ царю-змѣю (Вритрѣ), какъ похитителю прекрасной богини, живой воды и моложавыхъ яблокъ, и къ Солнцу, какъ владыкѣ пресвѣтлаго рая, и наконецъ къ Судьбѣ, какъ представительницѣ суда божьяго, которымъ видится и управляется вся вселенная. Затѣмъ остается одна черта въ сказкѣ о дѣдѣ-Всецвѣдѣ, которую, кажется, слѣдуетъ признать заимствованною изъ преданій о драконѣ и перенесенною на Солнце: это вырываніе золотыхъ волосъ изъ головы дѣда-Всецвѣда (Эрбенъ, 4—9; Н. Р. Ск., I, № 13 и стр. 165; Ганушъ о Дѣдѣ-Всецвѣдѣ, 23—41; Шульцъ, I, 134; Норвеж. ск., I, 5; сказ. Грим., I, 29). Замѣтимъ, что странствованіе къ Солнцу за разрѣшеніемъ различныхъ вопросовъ вовсе не составляетъ исключительной принадлежности сказки о дѣдѣ-Всецвѣдѣ, а напротивъ есть одинъ изъ обычныхъ мотивовъ народнаго эпоса (Westsl. Märch., 36—40; Slov. pohad., 447—455; Малый (изд. 3), 62; Н. Р. Ск., стр. 172—3; VIII, стр. 623—4; Шгиръ, 17).

старушка, и на вопросъ гостя: «кто ты?» назвалась Судьбою. Еще крестьянинъ не успѣлъ заснуть, какъ кто-то постучался въ окно. «Что?» спросила Судьба. — Столько-то родилось мальчиковъ и столько-то дѣвочекъ, отвѣчалъ невѣдомый голосъ; какая ихъ судьба? «Таже, что у меня сегодня!» За окномъ послышался вздохъ. На утро проснулся крестьянинъ не въ бѣдной избушкѣ, а въ богатыхъ палатахъ: всюду роскошь и золото! и остался онъ у Судьбы еще на одни сутки. Ночью повторилась прежняя сцена: кто-то постучался въ окно и сказалъ: «столько-то родилось мальчиковъ и дѣвочекъ; какая ихъ судьба?» — Таже (раздалось въ отвѣтъ), что у меня сегодня! Судьба жила попеременно — одинъ день, какъ нищая, а другой, какъ богачка, обладающая несмѣтными сокровищами; кто въ какой день родится, таково его и счастье. Возвратясь домой, крестьянинъ нашелъ, что жена родила ему двухъ сыновей: одного — въ безталанный день, а другаго — въ счастливый. Вся жизнь близнецовъ послужила оправданіемъ той судьбы, которая каждому изъ нихъ была опредѣлена при рожденіи ¹⁾. Не менѣе интересна малорусская сказка о двухъ Доляхъ. Жили два брата — младшій въ доводствѣ и счастіи, а старшій въ бѣдности. Настало лѣто. Старшій братъ нанялся у младшаго жать хлѣбъ. Разъ приходитъ онъ въ поле и видитъ: женщина въ нищенскомъ рубищѣ ходитъ между копнами, выдергиваетъ самые крупные колосья изъ сноповъ, полученныхъ старшимъ братомъ за работу, и втыкаетъ ихъ въ снопы младшаго. «Кто ты?» спросилъ бѣднякъ. «Я — Доля твоего брата; онъ спитъ, а моя обязанность денно и ночью трудиться на него, какъ на своего господина, съ самаго рожденія его до смерти я ему вѣрная слуга: берегу его отъ опасностей, лелѣю его дѣтей, окропляю его поля и огородъ росой, гоною ему рыбу въ бредень, роняю пчелъ — въ улья, охра-

¹⁾ Майя 1842, VI, 127.

наю отъ хищнаго звѣря и холю его скотину, привожу къ нему кунцовъ, набиваю цѣну на его товаръ и дарю его семью здоровьемъ. Твоя же Доля — бѣлоручка, думаетъ только о пѣсняхъ и нарядахъ, и потому ты бѣденъ» ¹⁾). Великорусская редакція этой сказки такова: раздѣлились двое братьевъ и стали жить особо. У старшаго брата чтò ни годъ — то дѣти рожаются, а хозяйство все плоше да хуже идетъ; до того дошло, что совсѣмъ разорился — и дѣтямъ не радъ! Пришелъ бѣдный къ младшему, богатому брату: «одолжи, просить, хоть на одинъ день лошади; пахать нѣ на чѣмъ!» Тотъ позволилъ: «возьми на одинъ день, да смотри — не замучь!» Бѣдный отправился въ поле, а тамъ невѣдомо какіе люди на братниныхъ лошадяхъ землю пашутъ. «Стой! закричалъ онъ; сказывайте, чтò вы за люди?» — А развѣ не видишь, отозвался одинъ изъ пахарей, что я — Счастье твоего брата; онъ пьетъ-гуляетъ, ничего не знаетъ, а мы на него работаемъ. «Куда-же мое Счастье дѣвалось?» — А твое Счастье вонъ подъ кустомъ, въ красной рубашкѣ, лежитъ; ни днемъ, ни ночью ничего не дѣлаетъ, только спитъ! «Ладно, думаетъ мужикъ, дай-ка я доберусь до него!» Пошелъ, вырѣзалъ толстую палку, подкрался къ своему Счастью и вытянулъ его по боку изо всей силы ²⁾). Счастье проснулось и спрашиваетъ: «что ты дерешься?» — Еще не такъ прибью? Люди добрые землю пашутъ, а ты

¹⁾ О. З. 1840, II, смѣсь, 42—44. — ²⁾ Вариантъ: Жили были два брата рыбака: одинъ богатый, другой бѣдный. У богатаго завсегда всѣ верши рыбой полны, а бѣдному коли попадетъ двѣ-три плотнички — и то слава Богу! „Что за чудо! ужь не веруетъ ли кто мою рыбу?“ подумалъ онъ, взялъ плеть и пошелъ ночью на рѣку. Послышался плескъ по водѣ; глядь — кто-то въ братнину сѣть рыбу загоняетъ. „Ты кто?“ спрашиваетъ рыбакъ. — Я Доля твоего брата, гоню ему рыбу. „А гдѣ-жъ моя Доля?“ — Твоя Доля — лѣнвая, вверхъ брюхомъ на камнѣ лежитъ, пѣсни поетъ да въ гусли играетъ; отъ того ты и бѣденъ. Рыбакъ бросился къ камню и давай стегать свою Долю плетью...

безъ просыпу спишь! «А ты небось хочешь, чтобъ я на тебя пахаль? и не думай!» — Чтожь, все будешь подь кустомъ лежать? вѣдь эдакъ мнѣ умирать съ голоду прійдется! «А ты коли хочешь, чтобъ я тебѣ помочь дѣлалъ, такъ брось крестьянское дѣло да займись торговлею. Я къ вашей работѣ со всемъ непривыченъ, а купческія дѣла всякія знаю.» — Займись торговлею!... мнѣ ѣсть нечего, а не то что въ торгъ пускаться. «Ну хоть сними съ своей бабы старой сарафанъ да продай; на тѣ деньги купи новой — и тотъ продай! а ужъ я стану тебѣ помогать, ни на шагъ прочь не отойду!» Послушался мужикъ, и вскорѣ разбогатѣлъ отъ счастливаго торгу ¹⁾. Жалуюсь на бѣдность, поселяне говорятъ: «плаче твоя доля!» «эко счастье — на мосту съ чашкой!» или: «моя-то доля съ чашкой въ подѣ!» (т. е. мой удѣлъ собирать милостину ²⁾). Про счастье выражаются, что оно «якъ трясця: кого схоче, на того я нападе» ³⁾ Когда невѣста собирается подь вѣнецъ, она съ тревогой задумывается о той судьбѣ, какая ожидаетъ ее замужемъ.

Дзѣвочка къ вянцу вѣзя,
Яѣ Доля спатыкая ⁴⁾;
Она съ Долей размовляя:

«Доля моя, Доля! коли ты добрая — садись со мной на возъ; коли ты якая — ушлыви съ водою.» ⁵⁾ Въ пѣсняхъ малороссійскихъ часто слышатся горькія жалобы на несчастную Долю и ея безотвязность:

- а) Ой бодай ты, моя Доля, на днѣ моря утонула,
Якъ ты мою головоньку въ неволю втопыла!
б) Породыла мене маты у святу недилю,
Дала мини гирьку Долю—ничого не вдію.

¹⁾ Н. Р. Ск., V, 51. — ²⁾ Послов. Даля, 30. — ³⁾ Или: „счастье что лихорадка — къ кому привяжется“ — Номисъ, 35-36. — ⁴⁾ Встрѣчается. — ⁵⁾ Сборн. памятн. нар. творчества въ свѣ.-западн. краѣ, I, 282.

Ой пиду я до сусида воза позмычаты,
 Та повезу гирьку Долю на торгъ продаваты;
 Люды знаютъ гирьку Долю, нейдуть купуваты,
 Ты не хочуть купуваты, не хочуть пытаты.
 Повезу я гирьку Долю з' торгу та до до́му,
 Тай ударю гирьку Долю з' воза та до долу:
 „Отъ-туть тоби, моя Доля, отъ-туть пропадаты,
 Що не вмила, не хотила мене шануваты!“

- с) Породыла мене маты въ несчастну годину,
 Дала мини злую (лиху) Долю; де-жь еји подину?
 — Да пиди соби, Доле, пиди, несчастная! пиди утопися,
 А за мною, да за молодою, да не волочися.
 „Хочь я пиду, молода дивчино, пиду утоплюся,
 А якъ вйдешь рано води брати—я за тебе учплюся.“

Далѣ дѣвица заклинаетъ злую Долю заблудиться въ лѣсу
 или сгннуть въ полѣ, но та отвѣчаетъ: что въ этомъ! пойдешь
 ли ты въ лѣсъ калину ломать, или станешь жать въ полѣ—
 «я за тебе учплюся!» Въ другой пѣснѣ мать на жалобы не-
 счастной дочери замѣчаетъ ей: «така тоби, доню, Доля су-
 дилася» ¹⁾. Замѣчательна по силѣ мысли записанная мною
 пѣсня, въ которой безталанный молодецъ вызываетъ свою До-
 лю пошѣриться съ нимъ въ полѣ:

Ой шовъ казакъ съ дому,
 Та-й съ дому до Дону,
 Та-й снавъ надъ водою;
 Сивши надъ водою,
 Проклинае Долю:
 „Ой, Доля-жь, ты Доля,
 Доля моя злая!
 Чомъ ты не такая,
 Якъ Доля чужая?
 Ой, колибъ ты, Доля,
 Та вышла бы въ поле;
 Тогда-бъ ты сгадала—
 Кого забижала!

¹⁾ Обь истор. зн. нар. поэз., 154; Украин. пѣсни Максимовича, 170; Малор. литер. сборн., 263; Бѣлорус. пѣсни Е. П., 65 — 66; Метаньск., 12—13, 80, 275, 365-6; Мат. срав. слов., II, 187.

Доля употребляется въ народной рѣчи иногда въ смыслѣ положительно-счастливой судьбы, а съ отрицаніемъ не (недоля) въ смыслѣ судьбы несчастливой, печальной: «гдѣ нѣтъ доли, по пословицѣ, тутъ и счастье не велико» ¹⁾; «не то сирота, що роду не мае, а то сирота, що доли (счастья) не мае» ²⁾; «дитинка спить, а доля јѣн росте»; «лежень лежитъ, а Богъ для него долю держитъ» или: «лежухови Богъ долю дае»; «безъ доли хочь (выйди замужъ) за пана — и панъ скрутиця», а «якъ моя добра доля, то-й пъяница поправиця» ³⁾; «якъ твоя, долю, доля — то накупить чоловікъ (мужъ) поля, а якъ бездила (бездолье), то продасть и подвирра»; «своей недоли и конемъ не объїдешъ» ⁴⁾. Недоля нерѣдко замѣняется выраженіями: бѣда, лихо, напасть, горе и нужда. Въ народныхъ пословицахъ, пѣсняхъ и сказкахъ Бѣда выступаетъ, какъ-бы нѣкій демонъ, какъ существо живое, самодѣйствующее. Она странствуетъ по бѣлому свѣту, ищетъ людей, обреченныхъ несчастію, идетъ къ нимъ на встрѣчу, гонится за ними: «бѣда (горе) ходитъ не по лѣсу, а по людямъ», «бида не спить, а по людямъ ходитъ», «напасть (лихо) не по дереву ходитъ, а по тихъ людахъ», «гдѣ бѣда ни шаталась, а къ намъ пришатилась», «гдѣ бѣда ни голодала, а къ намъ на пирушку», «пришла бѣда — растворай ворота!» «дома-ль хозяйня? бѣда пришла», «не кличь биди до себе, сама прійде до тебе», «лиха не шукай — воно само тебе найде», «де ти, лихо, ходило? — тебе, пане, шукало!» ⁵⁾ серб. «нашла га беда на суву путу», «лихо спот-

¹⁾ Поля. собр. послов. 1822 г., СПБ., 36—38. — ²⁾ Старосв. Бандур., 190. — ³⁾ Варіантъ: «якъ вродилась шасниця, такъ поправиця и пъяница». — ⁴⁾ Номис., 35 — 36; Зап. Р. Г. О. по отл. этногр., I, 294. — ⁵⁾ Сказка повѣствуетъ о чоловікѣ, который искалъ Лиха, и оно предстало ему въ образѣ одноглазого великана (Н. Р. Ск., III, 14).

кало» (сравни: «щастя споткало» = встрѣтило, «щастя переходя живе» = сегодня гостить у одного, завтра у другого), «видь биди не втикти», «ты отъ бѣды, а бѣда впереди» (вар. «а бѣда въ очи!»). Неутомимая въ преслѣдованьи, она настигаетъ, схватываетъ человѣка, цѣпляется за него, и подобно злобному зѣфу, садится ему на плечи, бьетъ, давить и мучить свою жертву: «лихо его не берець!» «лихо не возмець, коли Богъ не даець», «кого бида учѣпцица, того тримаецца ¹⁾ и руками, и ногами», «нужда-бъ тя побила!» «побила-бъ тебе лихая година!» ²⁾ пол. «żeby go licho ciężkie rognęła», «niech się bieda weźmie», серб. «тако ми се туга на срце не савила!» ³⁾ Несчастливецъ жалуется:

Чому-жъ мени горилка не пьстца?

Коло мого серденька якъ гадина вьстца.

—Ой, тожъ не гадина, то лиха година

Коло твого серденька соби гнздо звла ⁴⁾.

Лихая, горькая, недобрая Доля, по выраженію народныхъ пѣсень, рождается виѣстѣ съ человѣкомъ, шагъ за шагомъ слѣдуетъ за нимъ въ продолженіи всей жизни и провожаетъ его въ самую могилу:

а) Ой пиду-жъ я, пиду, да съ сего края пиду,

Ой покину я да у симъ край Биду;

Ой оглянусь я за крутою горою—

Ажъ иде Бида слѣдочкомъ за мною...

„Ой, чего-жъ ты, Биде, за мною вѣщплася?“

—Я з' тобою, безталаннй, з' тобою родылася.

„Ой, чего-жъ ты, Биде за мною ввязалася?“

—Я з' тобою, безталаннй, з' тобою ввнчалася ⁵⁾.

б) Ой ты, Горе мое, Горе сѣрое,

Лычкомъ связанное, подпоясанное!

¹⁾ Держится. — ²⁾ Послов. Даля, 30—33; Номис., 35, 37, 40, 43—44; Записки Р. Г. О. по отд. этногр., I, 338, 446. — ³⁾ Срп. послов., 305. — ⁴⁾ Метлици., 250. — ⁵⁾ Бодян. О нар. повѣст. славян. плем., 133.

Ужь и гдѣ ты, Горе, ня моталося—
 На меня, бѣдную, навязалося...
 Ужь я отъ Гора во чисто поле;
 Оглянусь я назадъ—Горе за мной идетъ,
 За мной идетъ, во слѣдъ грозить:
 „Ужь я выжну-повыжну все чисто поле,
 А сыщу я, найду тебя горькую!“
 Я отъ Гора во темны лѣса,
 Оглянусь я назадъ—Горе за мной идетъ,
 За мной идетъ, во слѣдъ грозить:
 „Порублю я-посѣку всѣ темны лѣса,
 А найду я тебя горемычную!“
 Ужь я отъ Гора къ гробовой доскѣ,
 Оглянусь я назадъ—Горе за мной идетъ,
 Съ топорешечкомъ, со допаточкой ¹⁾.

- c) Не отростать дерева суховерхаго,
 Не откормить коня сухопараго...
 Ай Горе, Горе-Гореваньце!
 А и лыкомъ Горе подпоясалось,
 Мочалами ноги изопутаны.
 А я отъ Гора въ темны лѣса —
 А Горе прежде въ лѣсъ зашелъ;
 А я отъ Гора въ почетной пиръ—
 А Горе зашелъ, впереди сидить;
 А я отъ Гора на царевъ кабакъ—
 А Горе встрѣчаетъ, ужь пиво тащить:
 Какъ я нагъ-то сталъ — насмѣялся онъ ²⁾.

Замѣчательны обороты: «Горе зашелъ», «Горе насмѣялся»;
 изъ нихъ очевидно, что (не смотря на средній грамматическій
 родъ слова) горе въ воззрѣніяхъ народа доселѣ не утрати-
 ло характера одушевленнаго, демоническаго существа.

- d) Обувалося Горе въ лапти, одѣвалося въ рогозиночки,
 опоясывалось лыками, приставало къ добру мѡлодцу.

Видить мѡлодецъ: отъ Гора дѣться некуда!
 Мѡлодецъ вѣдь отъ Гора во чисто поле,
 Во чисто поле сѣрымъ заюшкомъ,

¹⁾ Совр. 1856, X, 117—8; Рус. Бес. 1860, I, 73. — ²⁾ Саха-
 ров., I, 224.

А за нимъ Горе въ слѣдъ идетъ,
 Въ слѣдъ идетъ, тенета несетъ,
 Тенета несетъ все шелковыя:
 „Ужь ты стой, не ушелъ, добрый мѡлодецъ!“
 Мѡлодецъ вѣдь отъ Горя во быстру рѣку,
 Во быстру рѣку рыбой-щукою,
 А за нимъ Горе въ слѣдъ идетъ,
 Въ слѣдъ идетъ, невода несетъ,
 Невода несетъ все шелковыя:
 „Ужь ты стой, не ушелъ, добрый мѡлодецъ!“
 Мѡлодецъ вѣдь отъ Горя во огнѣвушку ¹⁾,
 Во огнѣвушку, да въ постеляшкѣ —

а Горе въ ногахъ сидитъ. Видитъ мѡлодецъ — нѣкуда отъ
 Горя спрятаться, какъ развѣ въ тесовый гробъ да въ моги-
 лушку, а Горе и тутъ съ лопатою:

„Ужь ты стой, не ушелъ, добрый мѡлодецъ!“
 Загребло Горе во могилушку,
 Во могилушку, во матушку-сыру землю ²⁾.

Въ такихъ прекрасныхъ поэтическихъ образахъ, достойныхъ
 великаго художника, представляется народной фантазій Горе.
 Оно доводитъ безталаннаго мѡлодца до кабака и злобно на-
 смѣхается надъ его наготою; оно ловитъ его въ разставлен-
 ныя сѣти и тенета; выживаетъ его съ бѣлага свѣта, и явля-
 ясь съ топоромъ и лопатою, сколачиваетъ ему гробъ и роетъ
 могильную яму. Какъ третья недобрая парка, разрывающая
 нить жизни, Горе отождествляется съ богиней смерти; эта
 послѣдняя также охотится за живущими въ мѣрѣ, опутываетъ
 ихъ своими сѣтями и роетъ заступомъ свѣжія могилы (см.
 выше стр. 44, 48). Сказочнымъ героямъ удавалось обманыва-
 вать Смерть и томить ее въ тѣсномъ заключеніи; тоже пре-
 даніе прилагается и къ Горю. Въ одной деревнѣ жили два му-
 жика, два родные брата: одинъ — бѣдный, другой — богатый.
 Богачъ переѣхалъ въ городъ, выстроилъ себѣ большой домъ

¹⁾ Въ горячку. — ²⁾ Рыбник., I, 470—1.

и записался въ купцы; не то выпало на долю бѣднаго: иной разъ нѣтъ ни куска хлѣба, а ребятшки — малъ мала меньше — плачутъ, вѣтъ просятъ. Съ утра до вечера бьется мужикъ, какъ рыба объ ледъ, а все ничего нѣтъ. Пошелъ къ богатому попросить хлѣба. Тотъ заставилъ его проработать цѣлую недѣлю, и далъ за то одну ковригу. — И за то спасибо! сказалъ бѣдный и хотѣлъ было домой идти. «Постой! приходи-ка завтра ко мнѣ въ гости — на именины, и жену приводи.» — Эхъ, братецъ! куда мнѣ? къ тебѣ придутъ купцы въ сапогахъ, въ шубахъ, а я въ лаптяхъ да въ худенькомъ зипунишкѣ хожу. «Ничего, приходи! и тебѣ будетъ мѣсто.» Наутро пришелъ бѣдный братъ съ женою къ богатому; поздравили и усѣлись на лавку. За столомъ ужъ много именитыхъ гостей сидѣло; всѣхъ ихъ угощаетъ хозяинъ на славу, а про бѣднаго брата съ его женой и думать забылъ — ничѣмъ ихъ не подчуеетъ. Кончился обѣдъ; гости поѣхали домой пьяные, веселые — шумятъ, пѣсни поютъ; а бѣдный идетъ назадъ съ пустымъ брюхомъ. «Давай-ка, говорятъ женѣ, и мы запоемъ пѣсню!» — Эхъ ты, дуракъ! люди поютъ отъ того, что сладко поѣли да много выпили; а ты съ чего? «Ну все-таки у брата на именинахъ былъ; какъ запою, всякой подумаетъ, что и меня угостили.» — Пой, коли хочешь, а я не стану! Мужикъ затянулъ пѣсню, и послышались ему два голоса; онъ пересталъ, и спрашиваетъ жену: «это ты мнѣ подсобляла пѣть тоненькимъ голоскомъ?» — И не думала! «Такъ кто же?» — Не знаю! сказала баба, а ну запой — я послушаю. Онъ опять за пѣсню; поетъ-то одинъ, а слышно два голоса; остановился и спрашиваетъ: «это ты, Горе, мнѣ пѣть подсобляешь?» Горе отозвалось: «да, хозяинъ! это я.» Пришелъ мужикъ домой, а Горе зоветъ его въ кабакъ. — Денегъ нѣтъ! отвѣчалъ бѣднякъ. «Охъ ты, мужичокъ! на что тебѣ деньги? вишь, на тебѣ полушубокъ надѣтъ, а на что онъ? скоро лѣто

будетъ, все равно носить не станешь! ПоИдемъ въ кабакъ, да полушубокъ по боку...» Мужикъ и Горе пошли въ кабакъ и пропили полушубокъ. На другой день Горе захохотало (съ похмѣлья-то голова болитъ!) и зоветъ хозяина винца испить. «Денегъ нѣтъ!» отвѣчаетъ мужикъ. — Да на что намъ деньги? возьми сани да телѣгу — съ насъ и довольно! Нечего дѣлать, не отбиться мужику отъ Гора; взявъ онъ сани и телѣгу, потащилъ въ кабакъ и пропилъ вдвоёмъ съ своимъ неотвязнымъ товарищемъ. На утро Горе еще больше захохотало-зоветъ мужика опохмѣлиться; мужикъ пропилъ соху и борону... Мѣсяца не прошло, какъ онъ все спустилъ; даже избу свою сосѣду заложилъ, а деньги въ кабакъ снёсъ. Горе опять пристаётъ къ нему: «пойдемъ да пойдёмъ въ кабакъ!» — Нѣтъ, Горе! воля твоя, а больше тащить нечего. «Какъ нечего? у твоей жены два сарафана: одинъ оставь, а другой пропить надобно.» Мужикъ взялъ сарафанъ, пропилъ — и думаетъ: «вотъ когда чистъ! ни кола, ни двора, ни на себѣ, ни на женѣ!»¹⁾ Поутру проснулось Горе; видитъ, что съ мужика нечего больше взять, и говоритъ: «хозяинъ!» — Что, Горе? «Ступай къ сосѣду, попроси пару воловъ съ телѣгомъ.» Привелъ мужикъ пару воловъ, сѣлъ вмѣстѣ съ Горемъ на телѣгу и поѣхали въ чистое поле. «Хозяинъ! спрашиваетъ Горе, знаешь ли ты на этомъ полѣ большой камень?» — Какъ не знать! «А когда знаешь, поѣзжай прямо къ нему.» При-

¹⁾ Сравни съ малорусскою пѣсней (Метлин., 366 — 7):

Пиду я, сяду въ зеленыхъ конопелькахъ,
Ажъ иде до мене Доля—вже трошки-й пьяненька.
„Де-жъ ты, Доле, була, що-й мене забула?“
—Ой я въ людяхъ була, горилочку пыла...
Пиду-жъ я, сяду въ зеленихъ садочку,
Ажъ иде моя Доля—пропыла й сорочку!
Була, каже, въ шиночку, пыла горилочку,
Пропыла й сорочку...

ѣхали. Горе велитъ мужику поднимать камень; мужикъ подымаетъ, Горе пособляетъ; вотъ подняли, а подъ камнемъ яма — полна золотомъ насыпана. «Ну, что глядишь? сказываетъ Горе мужику; таскай скорѣе въ телѣгу». Мужикъ принялся за работу, все изъ ямы повыбралъ, и говоритъ: «посмотри-ко, Горе, никакъ тамъ еще деньги остались?» Горе наклонилось: «гдѣ? я что-то не вижу!» — Да вонъ въ углу свѣтятся! Полѣзай въ яму, такъ увидишь. Горе полѣзло въ яму; только что опустилось туда, а мужикъ и накрылъ его камень. «Вотъ эдакъ-то лучше будетъ! сказалъ мужикъ; не то коли взять тебя съ собою, такъ ты Горе горемычное, хоть не скоро, а все-же пропъешь и эти деньги!» Воротился мужикъ на деревню, купилъ лѣсу, выстроилъ большіе хоромы и женилъ вдвое богаче своего брата. Случилось позвать ему брата на именины; уподчивалъ его и медами, и винами. Спрашиваетъ тотъ, откуда ему досталось такое добро? Мужикъ рассказалъ все по чистой совѣсти. Завистно стало богатому: дай, думаетъ, поѣду въ чистое поле, подыму камень да выпущу Горе; пусть оно до гла разоритъ брата! Погналъ въ поле, своротилъ камень въ сторону и только нагнулся посмотреть въ яму, а ужъ Горе выскочило и усѣлось ему на шею: «а, врочить, ты хотѣлъ меня уморить! теперь отъ тебя ни за что не отстану.» — Это мой братъ засадилъ тебя, а я пришелъ тебя выпустить! «Нѣтъ, врешь! разъ обманулъ, въ другой не проведешь!» Крѣпко наслѣло Горе богатому купцу на шею; привезъ онъ его домой, и съ той поры пошло у него все хозяйство вкривь да вкось. Горе ужъ съ утра за свое принимается, каждой день зоветъ опохмѣлиться; много добра въ кабакъ ушло! ¹⁾ Въ основѣ сообщенныхъ нами преданій кроется

¹⁾ Н. Р. Ск., V, 34. По другому варианту (*ibid.*, 51), мужику удалось запереть Горе въ сундукъ и зарыть въ землю. Богатый изъ зависти вырылъ сундукъ и выпустилъ Горе на волю: ступай,

мысль, что Доля и Недоля — не просто олицетворенія отвлеченныхъ понятій, не имѣющія объективнаго бытія, а напротивъ — живыя мнѣшескія лица, тождественныя дѣвамъ судьбы (рожаницамъ). До сихъ поръ необразованному люду еще мало доступно понятіе о счастіи и несчастіи, какъ о необходимомъ послѣдствіи тѣхъ обстоятельствъ, въ какія ставятъ чело-вѣка борьба житейскихъ интересовъ и его собственные наклонности: предприимчивость, ловкость, догадливость, трудолюбіе или апатія, неразсчетливость, лѣнь и т. дал. Какъ болѣзнен-

говорить, къ брату, разори его до послѣдней нитки! „Нѣтъ, отвѣ-часть Горе, я лучше къ тебѣ пристану: ты—добрый чело-вѣкъ, ты меня на свѣтъ выпустилъ, а тотъ лиходѣй въ землю упряталъ!“ Подобный-же разсказъ, записанный въ вятской губ., напечатанъ въ Современникѣ 1856, XII, 189—193: Богатый братъ выстроилъ новый домъ, задумалъ сдѣлать вѣзны (новоселье) и позвалъ къ себѣ въ гости и бѣднаго брата съ женою „Куда намъ съ богатыми знаться!“ говоритъ бѣдный женѣ. — Чтожъ, отвѣчаетъ она, давай сходимъ; намъ отъ этого безчестья не будетъ. „Да вѣдь на вѣзны надо гостиницы вѣсть, а мы что повесемъ? развѣ заняты у кого, да кто намъ поверить?“ — А Нужа-то! сказала баба съ горькой усмѣшкою; ужи она выдастъ? вѣдь мы съ нею вѣкъ въ ладу живемъ. Отвѣчаетъ Нужда изъ-за печки: „возьмите-ка праздничной сарафанъ да продайте, на тѣ деньги купите окорокъ и отнесите къ брату“. Переглянулись мужикъ съ бабою, не знаютъ что и подумать; по-смотрѣли за печь—никого не видно. „А давно ли ты, Нужа, живешь съ нами?“ спросилъ мужикъ.—Да съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ ты съ братомъ раздѣлился. „И привольно тебѣ со мною?“—Благодаренье Богу, живу помаленьку! „Отчего-жъ мы тебя никогда не видали?“—А я живу невидимкою. Мужикъ продалъ сарафанъ, купилъ окорокъ и отвесъ къ богатому брату на вѣзны.. На обратномъ пути онъ случайно набрѣлъ на кладъ; забралъ золото, пришелъ домой и спрашиваетъ жену: „ты гдѣ спать ляжешь?“ — Я въ печь залѣзу. „А ты, Нужа, гдѣ уляжешься?“—Въ корчагѣ, что на печѣ стоитъ. Выждавши время, мужикъ спрашиваетъ: „баба, ты спишь?“—Нѣтъ еще! „А ты, Нужа?“ Та и голосу не подаетъ—заснула. Мужикъ взялъ послѣдній женинъ сарафанъ, завязалъ корчагу и забросилъ ее, вмѣстѣ съ Нуждою, въ прорубь...

ные припадки и страданія заставляют простолюдина предполагать удары, наносимые ему демономъ; такъ точно счастье и несчастье, по народному убѣжденію, обуславливаются добрыми или недобрыми дѣйствіями сверхъестественныхъ существъ. Доля и Недоля дѣйствуютъ по собственнымъ расчетамъ, независимо отъ воли и намѣреній человѣка, которому онѣ принадлежатъ: счастливый вовсе не работаетъ — и живетъ въ довольствѣ, потому что за него трудится его Доля: «твоя Доля тоби робе», «ой я-бъ Бога молила, щобъ моему миленькому Доленька служила», «чомъ ему не пить, коли его Доля не спитъ!» (т. е. неусыпно заботится о его хозяйствѣ). Когда Доля покидаетъ своего кліента, перестаетъ на него работать — онъ впадаетъ въ нищету. Несчастный страдаетъ, испытываетъ всевозможныя лишенія, потому что Доля его предается сну, праздности или гульбѣ, бражничаетъ, веселится и не хочетъ знать никакого труда. Наоборотъ дѣятельность Недоли постоянно направлена во вредъ человѣку; пока она бодрствуетъ — бѣда слѣдуетъ за бѣдою, и только тогда становится легче безталанному, когда засыпаетъ его Недоля: «коли спитъ Лихо, не буди-жь его», пол. «nie budź Licha, kiedy Licho śpi», «niech śpi Licho!» ¹⁾

Особенно-важны для ученаго изслѣдователя преданія о злыдняхъ, соответствующихъ Горю, Лиху и Недолѣ сказочнаго эпоса. Злыднями называются въ Малороссіи маленькія существа неопредѣленныхъ образовъ; гдѣ они поселятся, тому дому грозитъ большое зло: какъ-бы ни было велико богатство хозяина, оно быстро сгинетъ и намѣсто довольства наступитъ страшная нищета ²⁾. Существуетъ клятва: «най (нехай) го злыдни побъють!» ³⁾ У бѣлоруссовъ сохранилась пословица: «впросилися злыдни на три дни, а въ три годы не

¹⁾ Номис., 34—35, 40; Метлив., 20. — ²⁾ Морск. Сборн. 1856, XIV, ст. Чужбинск., 47, 65—66. — ³⁾ Номис., 72.

выживешь!» ¹⁾ Своимъ крохотнымъ ростомъ и неугомоннымъ характеромъ они напоминаютъ домовыхъ карликовъ (злыхъ эльфовъ, кобольдовъ, кикиморъ,) и тѣмъ самымъ даютъ новое свидѣтельство о древнѣйшей связи мифическихъ олицетвореній судьбы и смерти съ духами стихійными, грозowymi. Подобно мариѣ, злыдни, поселяясь въ домахъ, живутъ невидимками и непремѣнно за печкою; тоже рассказывается о Горѣ, Нуждѣ и Кручинѣ ²⁾. Въ бѣлорусскихъ деревняхъ невѣста, покидая отцовскій домъ, причитываетъ: «добрая Доля! да иди за мной — съ печи пламенемъ, з' хаты каминомъ (дымовой трубою ³⁾). И мари, и злыдни странствуютъ по свѣту и располагаются на житье обществами; точно также, по свидѣтельству народныхъ поговорокъ, «Бѣда не приходитъ одна», «Бѣды вереницами ходять». Какъ злой кобольдъ или мари, Горе насѣдаетъ на спину бѣдняка; въ одной изъ сказокъ ⁴⁾ Горе похваляется, что нѣтъ такой щели, куда бы не могло оно спрятаться, и въ подтвержденіе словъ своихъ влѣзаетъ въ ступицу колеса; по другому разсказу, Нужда почуветъ въ корчагѣ: ясно, что народному воображенію они представляются малютками, карлами. Но есть и другія черты, роднящія ихъ съ стихійными духами. Такъ великорусская пѣсня надѣляетъ Горе чудесною способностью превращеній; изображая бѣгство удалаго добра молодца отъ неустанно-преслѣдующаго Гора, она живописуетъ слѣдующую поэтическую картину:

Повернулся добрый молодець яснымъ соколомъ,
 Поднимался выше лѣса подъ самыя облаки,
 А Горюшко вслѣдъ чернымъ ворономъ
 И кричитъ громнымъ голосомъ:
 „Не на часъ я къ тебѣ Горе привязался!“

¹⁾ Записки Р. Г. О. по отд. этн., I, 274. — ²⁾ Рыбник., I, 482.
 — ³⁾ Пантеонъ 1853, I, ст. Шпилевскаго. — ⁴⁾ Н. Р. Сл., V, 34.

Падеть добрый молодець сѣрымъ волкомъ,
 Сталъ добрый молодець сѣрымъ волкомъ поскокивать,
 А Горюшко вслѣдъ собакою. ¹⁾

Въ одномъ изъ многихъ вариантовъ сказки о двухъ братьяхъ счастливомъ и несчастномъ, Доля является въ образѣ мыши, что стоитъ въ несомнѣнной связи съ представленіемъ души-эльфа (= пената, оберегающаго семейное счастье и богатство) этимъ шаловливымъ звѣрькомъ ²⁾. Почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ сохраняется преданіе о Вѣтрѣ, который за развѣянную имъ у бѣднаго крестьянина мукѣ даритъ ему желанныя (= счастливыя) вещи, wunschdingen (I, 313—4); тѣже самыя диковинки получаетъ сказочный герой и отъ своей Доли. Жило-было два брата: старшій — богатый да злой, меньшой — работающій, добрый да бѣдный. Что ни дѣлалъ бѣднякъ, все ему не удавалось. Вотъ онъ вздумалъ и пошелъ искать свою Долю; долго ли, коротко ли — нашелъ ее въ полѣ: лежитъ себѣ Доля, прохлаждается! Сталъ ее бить плетью, а самъ приговариваетъ: «ахъ ты, Доля лѣнивая! у другихъ людей Доли ночь не спать, все для своихъ хозяевъ труждаются; а ты и днемъ ничего не дѣлаешь. По твоей милости мнѣ скоро и съ женой и съ дѣтками съ голоду умереть придется!» — Полно, перестань драться! отвѣчаетъ ему Доля; вотъ тебѣ лубочный кузовокъ — только раскрой, будетъ что и попить и поѣсть тебѣ. Мужикъ пришелъ домой, раскрывъ кузовокъ, а тамъ — чего только душа желаетъ! Старшій братъ прослышалъ про то, пришелъ и отнялъ у него диковинку силою. Отправился бѣднякъ опять къ Долѣ; она ему дала золотой кузовокъ. Вышелъ онъ на дорогу, не сталъ долго раздумывать — тотчасъ же открылъ золотой кузовокъ: какъ выскочутъ оттуда мѣлодцы съ дубинками и давай

¹⁾ Рыбник., I, 484—5. — ²⁾ Труды моск. археол. общ., в. II, 171.

его бить! Больно прибили и спрятались въ кузовъ. «Ну, думаетъ мужикъ, этотъ кузовокъ не накормить, не напентъ, а больше здоровья отыметъ! Не хочу его и брать-то съ собою!» Бросилъ золотой кузовъ на землю и пустился въ путь; прошелъ съ версту, оглянулся назадъ, а кузовъ у него за плечами виситъ. Испугался мужикъ, сбросилъ его долой и побѣжалъ во всю прыть; бѣжить, ажно задыхается! Оглянулся назадъ — а кузовъ опять за плечами... Нечего дѣлать, принёсъ его домой. Старшій братъ польстился на золотой кузовокъ, пришелъ мѣняться: «я тебѣ, говорить, отдамъ лубочный кузовокъ, а ты подавай сюда золотой». Помѣнялся, да потомъ долго-долго помнилъ эту неудачную мѣну ¹⁾. Первый кузовокъ соотвѣтствуетъ скатерти-самобранкѣ, а второй — кнуту-самобюю (метафоры дождевой тучи, поящей и насыщающей мать-сыру землю, и Перуновой плети = молніи). Эти диковинки, принадлежащія богу вѣтровъ и бурныхъ грозъ, въ настоящемъ разсказѣ принимаются въ значеніи тѣхъ даровъ счастья, какими надѣляютъ смертныхъ вѣщія дѣвы судьбы. Въ одной изъ лубочныхъ сказокъ невидимка-Кручина (=Горе), выскочивъ изъ-за печки, отымаетъ у бѣднаго старика послѣднюю краюху хлѣба, а потомъ даритъ ему утку, несущую золотыя яйца ²⁾; въ новогреческой же редакціи этого сказочнаго преданія несущую золото птицу даетъ Счастье (=Доля), которому бѣднякъ, ожесточенный жизненными неудачами, вцѣпился въ волоса ³⁾. Возвращаемся къ злымъ намъ; въ народной сказкѣ, записанной г. Максимовичемъ ⁴⁾, они играютъ ту же роль, что и Горе. Было два брата: убогой и богатой. Убогой наловилъ рыбы и повѣсъ на поклонъ богатому въ день его именинъ. «Славная рыба! сказалъ тотъ; спасибо, братъ, спасибо!» — и только; нѣ далъ ничего ему на

¹⁾ Н. Р. Ск., I—II, 332. — ²⁾ Ibid., V, 53, b. — ³⁾ Ганъ, 36. — ⁴⁾ Три сказки и одна побасенка, (Кіевъ, 1845), 35—44.

бѣдность и даже къ себѣ не позовалъ. Сгрустнулось убогому, повѣсилъ онъ голову и пошелъ со двора. На дорогѣ повстрѣчался ему старичокъ: «что ты, дѣтинушка, такой невеселой?» Бѣднякъ разсказалъ свое горе. «Чтожь, сказалъ старикъ, спасибо — дѣло великое! продай мнѣ его.» — Какъ-же продать-то его? бери, пожалуй, даромъ! «Такъ спасибо мое! молвилъ старикъ, сунулъ ему мошну въ руки — и съ глазъ пропалъ. Мужикъ посмотрѣлъ — полна мошна злата, радѣхонекъ воротился къ женѣ, купилъ себѣ новый домъ и живо перебрался на новоселье, а старую избушку заперъ, заколотилъ наглухо. Какъ-то разговорился онъ съ женою про свое прежнее убожество. «Неладно, Иванъ, говоритъ баба, что мы покинули въ старой избушкѣ свои жернова; вѣдь они насъ кормили при бѣдности, а теперь какъ ненадобны стали — мы и забыли про нихъ!» — Правда твоя! отвѣчалъ Иванъ и поѣхалъ за жерновами. Пріѣхалъ — покинутое жильѣ полынью поросло, и слышатся ему голоса изъ ветхой избушки: «злодѣй Иванъ! сталъ богатъ — насъ покинулъ, заперъ тутъ на долгую мѣрку.» — Да вы кто такіе? спрашиваетъ Иванъ; я васъ всеѣмъ не знаю. «Не знаешь! видно, забылъ нашу вѣрную службу: мы твои злыдни!» — Богъ съ вами! мнѣ васъ не надо! «Нѣтъ, ужъ мы отъ тебя не отстанемъ!» — Пойдите-же! думаетъ Иванъ, и говоритъ вслухъ: «хорошо, я возьму васъ, только съ тѣмъ уговоромъ, чтобы вы донесли жернова на своихъ плечахъ.» Припуталъ къ нимъ тяжелыя жернова и заставилъ идти впереди себя. Надо было переходить черезъ глубокую рѣку по мосту; мужикъ собрался съ силою, да какъ толконѣтъ — и пошли злыдни какъ ключъ ко дну. Окончаніе этой сказки — тоже самое, что и выше-приведенной про Горе горемычное ¹⁾. Подобное-же преданіе разсказывается въ

¹⁾ Сравни Эрленвейн., 21; Труды курск. статистич. комитета, I, 541—2; Эрбенъ, 122—3; Н. Р. Сж., III, 9: здѣсь выведены двѣ панны Счастье и Несчастье.

Германіи о кобольдахъ: жили по сосѣдству два хозяина, и такъ какъ домовыя карлики не давали имъ покоя, то рѣшились наконецъ покинуть свои избы и перебраться на новоселье. Когда вся утварь была вынесена, вышли изъ воротъ двѣ служанки, съ вѣниками на плечахъ. «Куда ты?» спросила одна другую, и въ ту же минуту множество тонкихъ голосковъ отвѣчало съ верхушекъ вѣниковъ: «мы перебираемся!» Испуганныя служанки побросали вѣники въ прудъ и затопили ихъ поглубже; съ тѣхъ поръ въ домахъ водворилось спокойствіе, а въ пруду подохла вся рыба и нерѣдко слышались оттуда тонкіе голоса: «мы перебрались!» ¹⁾

Въ сербскихъ приповѣдкахъ Караджича ²⁾ напечатанъ превосходный разсказъ о Судьбѣ и двухъ Доляхъ, дополняющій нѣкоторыми любопытными подробностями преданія нашего сказочнаго эпоса. Жили вмѣстѣ, сообщдъ двое братьевъ: одинъ — работающій, а другой — безпечный и лѣнливый. «Что имъ на брата трудиться!» думаетъ работающій — и вотъ они раздѣлились. У работающаго все пошло не въ прокъ, на убытки; а лѣнливый богатѣетъ себѣ, да и только. Идетъ однажды безсчастной и видитъ на ливадѣ стадо овецъ, пастуха нѣту, а замісто его сидитъ прекрасная дѣвица и прядетъ золотую нитку. «Чьи это овцы и кто ты сама?» — Я Доля (Среѣна ³⁾) твоего брата, и овцы ему принадлежать. «А гдѣ-жъ моя Доля?» — Далеко отъ тебя! ступай помщи ее. Безсчастной зашелъ къ брату, и тотъ, видя его боса и нага, сжался и подарилъ ему постолы. Повѣсивъ на спину торбу и взявъ въ руки палку, бѣднякъ отправился искать свою Долю; шелъ-шелъ и попалъ въ лѣсъ, посмотреть — подъ однимъ ду-

¹⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 335. — ²⁾ Сrp. припов., 13.—³⁾ Старославян. съ-ряшта (отъ съ-рѣсти) — встрѣча; счастье, по народному убѣжденію, зависитъ отъ дѣйствительной встрѣчи съ нимъ человека.

божь спитъ сѣдая старуха. Онъ размахнулся налкою и ударилъ ее по заду. «Моли Бога, что я спала! сказала старуха, открывая глаза; а то не Добыть бы тебѣ и постоловъ!» — Что такъ? «Да я—твоя Доля!» Вслѣдъ за этимъ посыпались на нее удары: «если ты — моя Доля, то убей тебя Богъ! кто мнѣ далъ тебя убогую?» — Судьба (Усуд!) отвѣчала Доля. Бѣднякъ отправляется искать Судьбу; встрѣчные на пути, распросивъ — куда онъ идетъ, умоляютъ его развѣдать о своей участи... Наконецъ странникъ является къ Судьбѣ; въ то время она жила богато, весело, въ большомъ дворцѣ, но потомъ съ каждымъ днемъ становилась все бѣднѣй и бѣднѣе, а домъ ея меньше и печальнѣе; каждую ночь Судьба назначала младенцамъ, народившимся въ продолженіи сутокъ, точно такую-же долю, какою пользовалась сама въ истекшіи день. На распросы пришельца она сказала ему: «ты родился въ сиротинскую ночь — такова и доля твоя!» и посоветовала ему взять къ себѣ братнину дочь Милицу, рожденную въ счастливый часъ, и все что бы ни приобрѣлъ онъ — не называть своимъ, а Милицынымъ. Безсчастной послѣдовалъ этому мудрому совѣту, и съ той поры сталъ жить въ довольствѣ. Разъ какъ-то былъ онъ на нивѣ, на которой уродилось славное жито; проходилъ мимо путникъ и спросилъ: «чье это жито?» Хозяинъ въ забывчивости отвѣчалъ: «мое!» — и въ тотъ-же мигъ вспыхнула его нива. Увидя огонь, бросился онъ догонять прохожаго: «постой, брате! это жито не мое, а моей племянницы Милицы». И какъ только вымолвилъ эти слова — тотчасъ пожаръ затихъ и погасъ ¹⁾). Усуд и Среѣна являются и въ другой сказкѣ, напечатанной въ изданіи Матицы ²⁾), какъ существа живыя, состоящія въ божіихъ повелѣніяхъ. Въ народныхъ пѣсняхъ находимъ слѣдующія выраже-

¹⁾ Сравни въ сборн. Валянца, 236-7. — ²⁾ Србскій лѣтописъ 1861, II, 132-3.

ня: «тако њему Бог и Срећа даде», «с вама дошла свака Срећа и сам Господ Бог», «сусрела вас добра Срећа и сам Господ Бог», «однесе ме (говорить невеста) Бог и Срећа Јову (жениху) на дворе» ¹⁾. Какъ у насъ различаютъ Долю счастливая и несчастная, такъ сербы знаютъ Срећу добрую и злую. На обычное привѣтствіе съ добрымъ утромъ или вечеромъ отвѣчаютъ: «добра ти Срећа!» О человекѣ, который не уберется отъ бѣды, говорятъ: «не даде му зла Срећа» ²⁾; въ пѣсняхъ читаемъ: «зла ти Срећа» «зла Несрећа Вонну прискочи» ³⁾. Сербская сказка неслучайно представляетъ добрую Срећу прекрасною дѣвою, прядущею золотую нить; эти черты свидѣлствуютъ за ея тождество съ паркою, и доселѣ-употребительное въ народѣ выраженіе: «такъ ми Срећа напредовала!» означаетъ тоже, что наша поговорка: «знать, такова моя доля!» (=такъ ми среће!) Недоля также прядетъ нити, какъ это видно изъ пословицы: «Несрећа танко преде», т. е. бѣда легко можетъ приключиться ⁴⁾. Наравнѣ съ вилами, вѣдогонями и валькиріями, Доля и Недоля принимаютъ участіе въ человѣческихъ распряхъ и битвахъ. Когда Сербянин Тадија съ двумя товарищами взялъ въ плѣнъ тридцать турокъ и дивились тому дѣвицы, онъ промовилъ имъ:

Не чуд'те се, Сен(ь)анке ђевојке
 То се срела Срећа и Несрећа,
 Моја Срећа, и(ь)ихова Несрећа,
 Моја Срећа Несрећу свезала ⁵⁾.

Подобныя представленія извѣстны и у другихъ родственныхъ народовъ. У нѣмецкихъ поэтовъ XIII-го вѣка Saelde

¹⁾ Срп. н. пјесме, I, 32, 34, 45; II, 51-52. — ²⁾ Срп. рјечник, 125. — ³⁾ Срп. н. пјесме, I, 536; II, 398. — ⁴⁾ Срп. н. послов., 209, 306. У Гомера одицетворенная αἶσα (Я. Гриммъ сближаетъ это слово съ др.-в.-взм. éga, н.-в.-взм. einge, гот. áisa, áisa = honor, dignitas—D. Myth., 385) прядетъ новорожденному нить его жизни. — ⁵⁾ Срп. н. пјесме, III, 292.

изображается, какъ богиня счастья—Fortuna, и называется fꝛō (frau) Saelde. Гриммъ приводитъ цѣлый рядъ выраженій, указывающихъ на олицетвореніе этого понятія. Она спитъ или бодрствуетъ, и является то благосклонною, то враждебною: то идетъ на встрѣчу къ своимъ любимцамъ, обращаетъ къ нимъ свое лицо, прислушивается къ ихъ желаніямъ, улыбается имъ; то удаляется (улетаетъ, отступаетъ) отъ человѣка, обращается къ нему спиною, преграждаетъ ему путь. Донинѣ принято выражаться: «das glück ist ihm hold, kehrt bei ihm ein, verfolgt ihn», у русскихъ: «ему улыбается счастье», или «счастье отвратило отъ него свои взоры, показало ему затылокъ, улетѣло, покинуло его», у чеховъ: «šťěstí se mu směje, obličej k němu obrací»¹⁾. Въ сагахъ frau Saelde обладаетъ тремя чудесными дарованіями: вѣдать чужія мысли, заговаривать раны, полученные въ битвахъ ратниками, и быстро переноситься — куда ей вздумается; дикой охотникъ (Одинъ) гонится за нею, какъ за лѣсною (=облачною) дѣвою. Saelde принимается въ смыслѣ счастливой, благопріятной Доли (bona Fortuna, ἀγαθὴ Τύχη); а съ отрицаніемъ — Unsaelde равняется нашей Недолѣ, сербской Несречѣ: «Unsaelde hât uf mich gesworn», «Unsaeldes imir uf getan», «wie in diu Unsaelde verriete», «sô wirt Unheil von mir gejaget». Слѣдующій рассказъ сходится съ нашею сказкою о Горѣ: бѣдный рыцарь, сидя въ лѣсу, увидѣлъ надъ собой на деревѣ страшное лицо, которое кричало ему: «ich bin din Ungelücke!» Рыцарь пригласилъ его раздѣлить свою скудную трапезу; но едва Несчастье сошло съ дерева, какъ онъ схватилъ его и заключилъ въ дубовое дупло; съ тѣхъ поръ онъ ни въ чемъ не зналъ неудачи. Одинъ завистникъ, узнавши про то, отправился въ лѣсъ, освободилъ Несчастье, но оно наслѣло на его собственную шею. Въ средневѣковыхъ памятникахъ встрѣчаются выраже-

¹⁾ Гавушь, 210.

вія: der Saelden schibe или rat (gelückes rat) — колесо счастья (rota Fortunae), о которомъ такъ часто упоминають классическіе писатели. Это представленіе возникло въ отдаленной древности изъ поэтического уподобленія солнца вертящемуся колесу. Бѣгомъ солнечнаго колеса условливаются день и ночь, лѣто и зима, жизнь и смерть природы, а слѣдовательно и людское счастье и несчастье. Возжигаемое по утру, оно катится по небесному своду, вызывая все, вмѣстѣ съ воскресающимъ днемъ, къ бытію и дѣятельности; а вечеромъ, когда оно погасаетъ на западѣ, земля и ея обитатели повергаются въ сонъ — замирають. Съ поворотомъ этого колеса на лѣто земная жизнь начинаетъ пробуждаться отъ зимняго оцѣпенѣнія, а съ поворотомъ на зиму снова подчиняется владычеству Смерти. Возженіе и погасаніе дневнаго свѣтила, его утреннее или весеннее народженіе и вечерняя или зимняя смерть, слились въ убѣжденіяхъ народа съ тѣмъ жизненнымъ пламенемъ, какое возжигали и тушили могучія парки. День — эмблема счастья, радости, жизненныхъ благъ; ночь — несчастья, печали и смерти. Сербская пѣсня выражается:

Бад се д'јели срећа од несреће,
Тавна ноћца од бијела дана ¹⁾.

Поэтому родиться на утренней зарѣ, при восходѣ солнца, принимается за добрый знакъ, за предвѣстіе счастливой жизни; напротивъ роженіе по закатѣ солнца, когда воцаряется на землѣ нечистая сила мрака, не сулитъ младенцу ничего хорошаго въ будущемъ. Понедѣльникъ потому и тяжелый день, что издревле былъ посвященъ лунѣ, богинѣ ночи и темнаго анда (стр. 252). Подобныя же примѣты счастливья и несчастливыя соединялись и съ годовымъ обращеніемъ солнца,

¹⁾ Переводъ: когда счастье отдѣляется отъ несчастья, темная ночь отъ блага дня, т. е. на равнемъ утреннемъ разсвѣтѣ — Срп. в. пјесме, III, 278.

при чемъ лѣто соотвѣтствовало дню, а зима—ночи. Небесные боги, столь богатые и щедрые на дары въ лѣтніе мѣсяцы, нищали и становились скудными, жестокосердыми въ зимнюю половину года. Отсюда объясняется сказочное преданіе, что Судьба жила попеременно — то среди роскоши и богатства, то въ совершенной бѣдности, и сообразно съ этимъ, назначала новорожденнымъ то добрую, то лихую долю. Итакъ время рожденія человѣка (добрыя или злой часъ) было причиною, почему ему опредѣлялась та или другая доля:

Щасливой годиновки
 Козакъ уродился;
 Ой куди винъ подумаетъ,
 То-й Богъ помогаетъ¹⁾.

На древнемъ метафорическомъ языкѣ лучи солнечные уподобляются золотымъ нитямъ; вмѣстѣ съ этимъ солнце стало разсматриваться, какъ колесо самопрялки, а прекрасная богиня Зоря явилась пряхою и сблизилась съ дѣвами судьбы, прядущими жизненныя нити (см. стр. 390). Съ разсвѣтомъ дня и съ началомъ весны она принимается за свою работу, прядетъ и разбрасываетъ золотыя нити, и пробуждая мировую жизнь, даруетъ землѣ плодородіе, а смертнымъ изобиліе и счастье; но какъ скоро злыя силы (Ночь и Зима) прекращаютъ этотъ благодатный трудъ, обрываютъ ея свѣтоносную пряжу — тотчасъ-же наступаетъ владычество Смерти. Народныя преданія, говоря о дѣвахъ судьбы, выпряденныя ими нити нерѣдко называютъ золотыми. Подъ вліяніемъ указанныхъ воззрѣній, колесо сдѣлалось эмблемою быстрого бѣга и непостоянства богини счастья. Богиня эта или сама стоитъ на вертящемся колесѣ, или вращая его своею рукою, подымаетъ счастливицевъ вверхъ, а несчастныхъ сталкиваетъ

¹⁾ Труды моск. археол. общ., в. II, 157; Метлиск., 329.

внизъ. Поставленное надъ воротами колесо, по уцѣлѣвшему въ Германіи повѣрью, приноситъ хозяину дома счастье ¹⁾.

До сихъ поръ между русскими простолюдинами хранится твердое убѣжденіе, что нѣкоторые люди уже такъ и родятся на свѣтъ бѣдовиками и бездольными: что бы они не дѣлали, за ними всегда и во всемъ слѣдуютъ неудачи и бѣдствія ²⁾; другіе же напротивъ рождаются счастливыми. Подобно тому, какъ въ сербской приповѣдкѣ бездольный беретъ къ себѣ счастливую Милицу и живетъ ея счастьемъ, такъ въ русской сказкѣ ³⁾ Иванъ Безсчастный женится на «таланливой» дѣвицѣ, и чрезъ то избываетъ житейскихъ невгодъ и скоро богатѣетъ. Если у родителей умираютъ дѣти, они, не довѣряя болѣе своему счастью и желая вновь-на-родившагося ребенка привязать къ жизни, закрѣпляютъ его на чужое имя. Съ этою цѣлью совершается символическій обрядъ продажи младенца: кто-нибудь изъ постороннихъ, преимущественно старуха, становится подъ окномъ; ей подають ребенка, за котораго она уплачиваетъ копѣекъ пять или десять, а потомъ, возвращая его родителямъ, говоритъ: «живи на мое счастье!» На деньги, заплаченные за ребенка, покупаютъ свѣчу, зажигаютъ въ церкви и ставятъ передъ иконою. Свѣча знаменуетъ въ этомъ обрядѣ возженное пламя жизни ⁴⁾. Всѣхъ, кто только родится въ сорочкѣ, богиня счастья объявляетъ собственными дѣтьми; выраженія: ein schosskind des glückes, ein glückskind, dem glück im schosse sitzen (сравни русскую поговорку: «жить счастливо, что у Христа за пазухой») указываютъ на усыновленіе; Вуотанъ, какъ богъ, одаряющій счастьемъ, принимаетъ дѣтей подъ свою охрану: er nimmt kinder in seinen schoss auf». Любимца своего Фортуна надѣляетъ «дарани

¹⁾ D. Myth., 822-7, 832-3, 895, 1091. — ²⁾ Абев., 261. — ³⁾ Н. Р. Сл., VIII, 3, b, 21. — ⁴⁾ Записки Авдѣев., 138.

счастія», осыпаетъ его изъ «рога изобилія»¹⁾, даритъ ему разные диковинки: шапку-невидимку, скатерть-самобранку, волшебную палицу (wünschelruthe), кошелекъ съ золотомъ, изъ котораго сколько не бери—онъ все полонъ, и птицу, несущую золотыя яйца. По свидѣтельству народныхъ сказокъ, при рожденіи избранника Фортуны являются три святые старца, или Спаситель и два апостола (позднѣйшая замѣна трехъ вѣщихъ роженицъ) и одаряютъ его счастливыми мыслями: все, чего ни пожелаетъ онъ, то и сотворитъ ему Господь!²⁾

Роду и рожаницамъ совершались жертвенныя приношенія. Въ вопросахъ Кирика (XII стол.) читаемъ: «аже се Роду и Рожаницѣ крають»³⁾ хлѣбы и сыры и медъ? Боронаше вельми (епископъ): нѣгдѣ, рече, молвить: горе пьющимъ Рожаницѣ!»⁴⁾ По всему вѣроятію, здѣсь разумѣется ссылка на 11—12 стихи LХV-й главы Исаіи, которые въ старинномъ переводѣ (въ паремийникѣ 1271 года) переданы такъ: «вы же оставшии мя и забы(въ)шии гороу святоую мою и готовящии рожаницамъ (варианты по другимъ спискамъ: Рожаници, Роду) трапезоу и исполняюще дѣмонови (вар. кумиру, идолу, рожденицамъ) чърпаніе — азъ прѣдамъ вы во ороужіе»⁵⁾. Текстъ этотъ, вмѣстѣ съ послѣдующими стихами Исаіи, повторяется съ истолкованіемъ въ словѣ о поставляющихъ вторую трапезу Роду и рожаницамъ, которое

¹⁾ „Mundanam cognoscipiam Fortuna gestans“, „formatum Fortunaе habitum cum divite cognu“. — ²⁾ D. Myth., 827 — 8; Н. Р. Ск., VIII, стр. 638 — 640. Всѣ приведенныя нами свидѣтельства положительно убѣждаютъ, что мнѣніе Прокопія, будто славяне не признавали Судьбы,—несправедливо. — ³⁾ Кроить—рѣзать. — ⁴⁾ Памят. XII в., 179. — ⁵⁾ Сличн переводъ позднѣйшихъ изданій: „вы же, оставившии мя (Бога) и забывающіи гороу святоую мою, и уговоряющіи демону трапезу, и исполняющіи щастію раствореніе — азъ прѣдамъ васъ подъ мечъ.“

почти постоянно входитъ въ составъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Златоустовъ, и приписывается Іоанну Златоустому: «Рече Господь: наследятъ горжъ святѣя мож избраннїи раби мои. Раби сѣт' то-иже слоужатъ Богу и воля его творятъ, а не Родоу, ни рожаницамъ, ни коумиромъ соуетнымъ: то сѣтъ слоугы божїа... Вы же оставльше мя и забывающе горжъ святѣя мож и готовашще трапезоу Родоу и рожаницамъ, наплгнѣюще бѣсомъ чръпанїа—азъ предамъ вы на оржїе, и вси заколенїемъ падете... Се работащїи ми ясти начнѣтъ; вы же възлчете, нѣ тожъ сыти есте трапезоуж, жже готовасте рожаницамъ. Се работащїи ми пити начнѣтъ; вы же въздаете, нѣ то пїите, иже то испол(н)иваете чръпанїа бѣсомъ... Се работащїи ми възрадуются въ веселїи сердца; вы же работащїи бѣсомъ и слоужащїи идоломъ и ставляюще трапезоу Родоу и рожаницамъ възопїете въ болезни сердца вашего и отъ ск(р)оушенїа доуха възплачетеся. Томоу-же ся събыти нѣсть зде, нѣ въ ономъ вѣцѣ... работащїи ми благословятся, пожтъ Богу истинномуу, а вы поете пѣсни бѣсовьскыя идоломъ Родоу и рожаницамъ.. Се же чада слышаше и останѣте ся поуестошнанаго того творенїа и службы тоя сатанины и ставленїа трапезы тоя коумирьскыя, нареченыя Родоу и рожаницамъ»¹⁾. Въ словѣ христолюбца, въ числѣ другихъ остатковъ язычества, указано и слѣдующее: «молятся... Мокоши и Симу и Рьглу и Перуну и Роду и Рожаницѣ... не такоужъ зло творимъ просто, но и мѣшаемъ нѣкїи чистыя молитвы со проклятымъ моленїемъ идольскимъ, иже ставятъ лише кутьяины трапезы законнаго обѣда, иже нарицаются безаконная трапеза, мѣнимая Роду и рожаницамъ.» По другому списку христолюбцова сло-

¹⁾ Архивъ ист.-юрїд., т. II, полов. 1-ая, ст. Срезневъ, 99—101; тоже мѣсто приведено и во 2-й половинѣ означеннаго тома, стр. 66; Истор. Росс. Соловьева, II, письмо г. Бусл., 30; Ч. О. И. и Д. 1858, IV, ст. Давровск., 22.

ва: «то суть идолослужители, иже ставят трапезу рожаницамъ, корован молятъ, виламъ и огневи подъ овиномъ и прочее ихъ проклятельство... Не тако-же простотою злѣ служимъ, нѣ(о) смѣшаемъ съ идольскою трапезою тропарь святыя Богородицы съ рожаницами въ прогнѣваніе Богу» ¹⁾. Въ рукописи Волоколамскаго монастыря (сборникъ Леонида, епископа рязанскаго) сказано: «аще ли кто крестить вторую трапезу родству (Роду?) и рожаницамъ тропаремъ св. Богородицы, а кто ясть и пьетъ, да будетъ проклятъ» ²⁾. Въ Паисьевскомъ сборникѣ — въ словѣ, приписанномъ св. Григорію, читаемъ: «такоежъ і до словѣнъ доіде се слов(о), і ти начаша требы класти Роду і рожаницамъ. преже Перуна бога ихъ. а переже того (г. Срезневскій исправляетъ это мѣсто такъ: Переже бо того Перуна бога и иныхъ словили и) клали требу (имъ и) оупиремъ і берегинямъ. По святѣмъ же крещеніи Перуна отринуша, а по Христа бога яшась; но і ноне по оукраинамъ молятся ему проклятому богу Перуну і Хорсу і Мокоши і Вилу, і то творять отай: сего не могутъ ся лишати проклятаго ставленья вторыя трапезы, нареченныя Роду и рожаницамъ, (въ) велику предельсть вѣрнымъ крестьяномъ і на хулу святому крещеню и на гнѣвъ Богу». Въ другомъ спискѣ вслѣдъ за этими словами прибавлено: «по святѣмъ крещеніи черевоу работни цопове оуставиша тре(о)парь прикладати рожества Богородицы къ рожаничнѣ трапезѣ, отклады дѣюще» ³⁾.

¹⁾ Оп. Румян. Муз., 228—9; Лѣт. рус. лѣт., т. IV, отд. 3, 90 94—95. — ²⁾ Истор. Росс. Соловьева, I, дополнен. стр. 3. — ³⁾ Лѣт. рус. лѣт., IV, отд. 3, 97, 101; Повѣзда въ Кирилло-Бѣлозерск. мон., II, 33; Москв. 1851, V, 52—64; въ Архивѣ ист.-юрид. свѣд., II, на стр. 104 указаны и другіе протесты противъ требъ, совершаемыхъ виламъ и рожаницамъ, а въ предисловіи на стр. 23 приведено слѣдующее мѣсто изъ сборника Московскаго Архива министер. иностр. дѣлъ: „се буди всѣми вѣдомо, яко Несторій еретикъ научи трапезу ставити рожаничную, мня Богородицу—человѣкородицу; святѣи же отци лаодикійскаго собора... писавіемъ полевѣша не творити того.“

«Самый бѣглый взглядъ (по справедливому замѣчанію профес. Срезневскаго) на языкъ и правописаніе представленныхъ выписокъ достаточенъ для убѣжденія, что большая часть памятниковъ, изъ которыхъ онѣ сдѣланы, въ первоначальныхъ своихъ спискахъ принадлежала не намъ, а нашимъ югозападнымъ соплеменникамъ: болгарамъ, сербамъ. Тѣмъ не менѣе однако они перешли къ намъ небезсознательно, не какъ сказанія о суевѣріи, чуждомъ нашимъ предкамъ, а какъ поученія, близкія сердцу нашихъ народныхъ учителей, заботившихся объ искорененіи языческихъ суевѣрій не только своимъ собственнымъ словомъ, но и помощію авторитета другихъ христолюбцевъ... Словомъ, вѣрованіе въ роженицъ представляется въ старинныхъ памятникахъ не какимъ-нибудь мѣстнымъ отродіемъ древняго язычества, а однимъ изъ остатковъ древности общеславянской» ¹⁾). Итакъ, наравнѣ съ другими языческими богами, Роду и рожаницамъ, возсылались молитвы, приносились жертвы и учреждались законныя (обрядовыя) трапезы, т. е. родильныя пиршества, на которыхъ присутствующіе вкушали и пили отъ жертвенныхъ приношеній, возглашали пѣсни въ честь Рода и рожаницъ и молили ихъ быть благосклонными къ новорожденному младенцу, взять его подъ свой покровъ и надѣлать счастьемъ. Такъ какъ, послѣ принятія христіанства древняя богиня, царица младенческихъ душъ, (= Гольда) смѣнилась въ глазахъ суевѣрнаго народа Пречистою Дѣвою; то рожаничныя трапезы стали сопровождаться славословіемъ Богородицы. Трапезы эти обозначаются эпитетами: вторыя и кутейныя. «Вторая трапеза» есть буквальный переводъ выраженія: *secunda mensa* ²⁾); кутья—на-

¹⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, 105—6 и предислов. 22—23. —

²⁾ *Secundus* означаетъ: и второй, и благопріятный, счастливый, благополучный; *res secundae*—счастье, *fortuna secunda*; *secundae*—все, что послѣ родовъ выходитъ изъ утробы, мѣсто младенческое, послѣдъ дѣтскій.

ша изъ разваренной пшеницы или ячменнаго зерна, съ медовой сытою, доннынѣ составляющая необходимую яству на родинахъ (крестинахъ), похоронахъ и поминкахъ. Въ сборникъ прошлаго столѣтія въ числѣ суевѣрій упомянуто: «съ ребячь первые волосы стригутъ и бабы каши варятъ на собраніе рожаницамъ» ¹⁾. Надо думать, что въ отдаленной древности обрядъ постриговъ (см. гл. XXIX) имѣлъ религиозное значеніе, что ребенка постригали его рожаницѣ — отдавали подъ покровъ его генія хранителя или счастливой, доброй Дюли. У грековъ и кельтовъ былъ обычай посвящать волоса богамъ. Другія жертвенныя яства въ честь Рода и рожаницъ: хлѣбъ и сыръ долгое время оставались принадлежностію свадебнаго стола, а напитокъ медъ постоянно сопровождалъ все религиозныя приношенія и пиршества. Когда въ семействѣ народится дитя, чехи ставятъ на столъ хлѣбъ-соль для судичекъ, незримо присутствующихъ въ домѣ ²⁾. Въ хорватскомъ приморьи дѣвѣны оставляютъ въ пещерахъ и на камняхъ плоды, цвѣты и шелковыя ленты виламъ, приговаривая: «izmi, vilo, što je tebi milo!» ³⁾ Паркамъ, норнамъ и феямъ приготавливались подобныя-же трапезы. У скандинавовъ первую яствою, которую вкушаетъ мать послѣ разрѣшенія отъ бремени, бываетъ каша, называемая *pögnagreuttur* (*pögnegrütze*); по всему вѣроятію, первоначально это было жертвенное приношеніе норнамъ за ихъ милостивую помощь въ родахъ. Въ Германіи, когда родится младенецъ, накрываютъ особенный столъ и ставятъ на немъ кушанья для дѣвъ судьбы, что согласуется съ свидѣтельствомъ народной сказки о красавицѣ *Dornröschen*: ея рожденіе праздновали пиршествомъ, на которомъ присутствовали вѣщія жены и были угощаемы съ золотыхъ тарелокъ ⁴⁾. У бретонцевъ было въ обыкновен-

¹⁾ Оп. Румян. Муз., 551—2. — ²⁾ Громанъ, 7. — ³⁾ Кугулевичъ-Сакцинск., 97. — ⁴⁾ Germ. Mythen, 588, 632.

ни приготовляют для фей обѣдъ—возлѣ той комнаты, гдѣ лежала родильница, и до сихъ поръ ходятъ рассказы о таинственныхъ трапезахъ, на которыя собираются феи въ свѣтлыя лунныя ночи ¹⁾. Литвины приносили жертвы на камняхъ, посвященныхъ дѣвамъ судьбы ²⁾. У румыновъ въ честь родимой звѣзды бываетъ 1-го мая празднество; они вѣшаютъ на окнахъ и дверяхъ своихъ домовъ вѣнки изъ дубовыхъ листьевъ и полевыхъ цвѣтовъ, а вечеромъ, когда показываются на небѣ звѣзды, приносятъ въ рощу столъ, покрытый бѣлою скатертью, ставятъ на немъ хлѣбъ, медъ, вино и между двумя восковыми свѣчами икону семейнаго патрона, и затѣмъ начинаютъ пиршество ³⁾.

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Срезнев., 119—120. — ²⁾ Ж. М. Н. П. 1839, т. XXII, 14—16. — ³⁾ Телескопъ 1833, VIII, 503.

XXVI.

ВЪДУНЫ, ВЪДЬМЫ, УПЫРИ И ОБОРОТНИ.

Народныя преданія ставятъ вѣдуна и вѣдму въ весьма близкое и несомнѣнное сродство съ тѣми мнѳическими существами, которыми фантазія издревле населяла воздушныя области. Но есть и существенное между ними различіе: всѣ стихійные духи болѣе или менѣе удалены отъ человѣка, болѣе или менѣе представляются ему въ таинственной недоступности; напротивъ вѣдуны и вѣдмы живутъ между людьми и съ виду ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ смертныхъ, кромѣ меньшаго, тщательно-скрываемаго хвостика. Простолудинъ ищетъ ихъ въ собственной средѣ; онъ даже укажетъ на извѣстныя лица своей деревни, какъ на вѣдуна или вѣдму, и посовѣтуетъ ихъ остерегаться. Еще недавно почти всякая мѣстность имѣла своего колдуна, и на Украинѣ до сихъ поръ убѣждены, что нѣтъ деревни, въ которой не было-бъ вѣдмы ¹⁾. Къ нимъ прибѣгаютъ въ нуждѣ, просятъ ихъ помощи и совѣтовъ; на нихъ же обращается и отвѣтственность за всѣ общественныя и частныя бѣдствія.

¹⁾ Иллюстр. 1845, 415; Москв. 1846, XI—XII, 149.

заклавиѣ пѣтуха (=остатокъ древней жертвы пенатамъ, см. II, 106). Стоглавъ замѣчаетъ, что когда соперники выходятъ на судебный поединокъ, «и въ тѣ поры волхвы и чародѣйки отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творять, кудесы бьютъ» (II, 274). Въ основѣ приведенныхъ словъ лежитъ корень куд=чуд; старочешск. *śuditi* — очищать, *śudna* вода т. е. очистительная, *śudař* — судья (по связи древняго суда съ религіозными очистительными обрядами). Профес. Срезневскій указываетъ, что глаголъ кудити употребляется чехами въ смыслѣ: заговаривать; у насъ про-куда — хитрый, лукавый человекъ ¹⁾. Корень чуд вполне совпадаетъ по значенію съ див (свѣтить, сіять); какъ отъ послѣдняго образовались слова: диво, дивный, дивиться, такъ отъ перваго — чудо (множ. чудеса=кудеса), чудный, чудесный (въ новгор. губ. кудесный ²⁾), чудиться; какъ съ словомъ кудеса соединяется понятіе о чародѣйствѣ, такъ тотъ-же самый смыслъ присваиваютъ древніе памятники и рѣченію дивы. Въ Святославовомъ Изборникѣ (1073 г.) читаемъ: «да не будетъ вълхвуйи вълшьбы, или вражай и чародѣиць, или баяй ³⁾ и дивы творяй и ѡтробный вълхвъ ⁴⁾»; Коричная книга запрещаетъ творить коби ⁵⁾ и дивы ⁶⁾. Сверхъ того, дивами издревле назывались облачные духи=великаны и лѣшіе (дивіи люди и дивожены); согласно съ этимъ, и слову чудо, чудо-вище давалось и дается значеніе исполина, владыки небесныхъ источниковъ и лѣсовъ (II, 616—8). Такимъ образомъ языкъ ясно свидѣтельствуетъ о древнѣйшей связи чародѣевъ и кудесниковъ съ тученосными де-

¹⁾ Срезнев., 60; Обл. Сл., 180; Доп. обл. сл., 173; Повт. Воз., II, 324: прокудливая береза=чтимаая язычниками. — ²⁾ Доп. обл. сл., 94. — ³⁾ Отъ баяти — заговаривать. — ⁴⁾ Матер. для истор. письменъ, ст. Бусл., 7. — ⁵⁾ Коби—въ старинныхъ рукописяхъ: волшебство, а въ современномъ языкѣ (въ пермск. губ.): худое дѣло, зло. — ⁶⁾ Рус. Дост., III, 38; Обл. Сл., 85.

монахи—великанами и лѣшниками; связь эта подтверждается и сканд. *tröll*, которое служитъ общимъ названіемъ и для тѣхъ, и для другихъ ¹⁾. Слово «колдунъ» въ коренномъ его значеніи доселѣ остается неразъясненнымъ. По мнѣнію г. Срезневскаго, колдуномъ (славянскій корень *клд*—*колд* или *калд*—*клюд*—*куд*) въ старое время называли того, кто совершалъ жертвенныя приношенія; въ хорутанскомъ нарѣчій *калдовати* — приносить жертву, *калдованць* — жрецъ, *калдовница* и *калдовише*—жертвенникъ ²⁾. Въ словарѣ Даля *колдовать* истолковано: ворожить, гадать, творить чары («чѣмъ опъ колдуеть? снадобьями, наговорами» ³⁾). Наконецъ *волхвъ* — названіе, извѣстное изъ древнихъ рукописей и донинѣ-уцѣлѣвшее въ лубочныхъ сказкахъ и областныхъ говорахъ: у Нестора слова *волхвъ* и *кудесникъ* употребляются, какъ однозначущія ⁴⁾; въ переводѣ евангелія: «се волхви отъ востокъ приидоше во Іерусалимъ» (Матѣ. II, 1); въ троянской исторіи о Колхасѣ сказано: «вълховъ и кобникъ хитръ» ⁵⁾; въ вологод. губ. *волхатъ* (*волхитъ*) — колдунъ, *волхатка* (*волхвитка*) — ворожея, въ новгор. *волхъ* — колдунъ, *угадчикъ*, *прорицатель*, въ калуж. *валхвѣтъ*—предугадывать, предугадывать, малорус. *волштити* — хитрити; производныя *волшебный*, *волшебство* пользуются гражданствомъ и въ литературной рѣчи; болгар. *волхвъ*, *вохвъ* — прорицатель, *волшина* — брань, хорв. *вухвецъ*, *вуховець* — *python* и *вухвица* — *pythonissa* ⁶⁾, у Вачерада: «*phytones, sagaretae*—*wlchwec, wlchwice*». Сверхъ дара прорицаній, волхвамъ приписывается и врачебное искусство (I, 410). Рядомъ съ мужскою формою *волхвъ* встрѣ-

¹⁾ D. Myth., 993. — ²⁾ Срезнев., 59–60. — ³⁾ Толк. Слов., I, 747. — ⁴⁾ Смотри разсказъ о смерти Олега. — ⁵⁾ Іоаннъ, виз. болг., 182. — ⁶⁾ Срезнев., 61; Обл. Сл., 27; Ч. О. И. и Д., годъ 2, VII, 24 (словоотдѣлникъ Макарова),

чаемъ женскую вѣхва ¹⁾, которой въ скандинавскомъ со-
отвѣтствуетъ völvа (valvа, völa, vala)—колдунья, про-
рочица и притомъ, по свидѣтельству древней Эдды (см. Vö-
luspá), существо вполне-миѳическое. Г. Буслаевъ сближаетъ
съ этими рѣченіями и финское völho, velho — колдунъ;
«какъ скнд. völvа (говорить онъ) является въ сжатой формѣ
«völa, такъ и финн. völho измѣняется въ völlo. По свой-
«ству славянскаго языка гласный звукъ передъ плавнымъ
«переходитъ по другую сторону плавнаго, напр. helm —
«шлемъ; потому völvа, völho является въ Остром. ев.
«въ древне-славян. формѣ вѣхвъ, а русскій языкъ ставитъ
«гласный звукъ и передъ плавнымъ и послѣ, напр. шеломъ:
«слѣдовательно волхвъ или волховъ (у Нестора: волъ-
«сви) собственно русская форма.» Корень для слова волхвъ
г. Буслаевъ указываетъ въ санскр. валг — свѣтить, бли-
стать, подобно тому, дакъ жрецъ происходитъ отъ жрѣтъ,
горѣтъ ²⁾, и старинное поучительное слово принимаетъ
имена «волхвъ» и «жрецъ» за тождественныя по значенію
(II, 60).

Итакъ обзоръ названій, присвоившихся вѣдунамъ и вѣдъ-
мамъ, наводитъ насъ на понятія: высшей, сверхъестественной
мудрости, предвѣднія, поэтическаго творчества, знанія свя-
щенныхъ заклатій, жертвенныхъ и очистительныхъ обрядовъ,
умѣнья совершать гаданія, давать предвѣщанія и врачевать
недуги. Всѣ исчисленныя дарованія изстари признавались за
существенныя, необходимыя признаки божественныхъ и де-
моническихъ существъ, управлявшихъ дождевыми тучами,

¹⁾ Лѣтоп. Переяслав., 43. — ²⁾ О вліян. хр. на сл. яз., 22—23.
Связь колдовства съ жертвоприношеніями подтверждается и сви-
дѣтельствами нѣмецкаго языка: fornaeskja—колдовство и fögn
— жертва; zoupaг, др.-в.-нѣм. zēpaг, англос. teafog и tifer
роднять оба эти понятія — D. Myth., 984—5.

вѣтрами и грозю. Какъ возжигатель молніеноснаго пламени, какъ устроитель семейнаго очага, богъ-громовникъ почитался верховнымъ жрецомъ (см. гл. XV); съ тѣмъ-же жреческимъ характеромъ должны были представляться и сопутствующіе ему духи и нимфы. Какъ обладатели небесныхъ источниковъ, духи эти и нимфы пили «живую воду» и въ ней обрѣтали силу поэтическаго вдохновенія, мудрости, пророчества и цѣленій, словомъ становились вѣщими — вѣдунами и вѣдьмами. Но тѣже самыя прозванія были приличны и людямъ, одареннымъ особенными талантами и свѣдѣніями въ дѣлѣ вѣроученія и культа; таковы — служители боговъ, гадатели, ворожен, врачи, лѣкарки и полты, какъ хранители мнѣческихъ сказаній. Въ отдаленную эпоху язычества вѣдѣніе понималось, какъ чудесный даръ, ниспосылаемый человѣку свыше; оно по преимуществу заключалось въ умѣньи понимать таинственный языкъ обожествленной природы, наблюдать и истолковывать ея явленія и примѣты, молить и заклинать ея стихійныхъ дѣятелей; на всѣхъ знаніяхъ, доступныхъ язычнику, лежало религиозное освященіе: и древній судъ, и медицина, и поэзія—все это принадлежало религіи и вѣстѣ съ нею составляло единое цѣлое. «Волсви и еретицы и богомерскіи бабы-кудесницы и иная множайшая волшебствуютъ» замѣчаетъ одна старинная рукопись, исчислявъ разнообразныя суевѣрія ¹⁾. Колдуны и колдуньи, знахари и знахарки до сихъ поръ еще занимаются по деревнямъ и селамъ врачеваніями. Болѣзнь разсматривается народомъ, какъ злой духъ, который послѣ очищенія огнемъ и водою, покидаетъ свою добычу и спѣшитъ удалиться. Народное лѣченіе главнѣйшимъ образомъ основывается на окуриваньи, сбрызгиваньи и умываньи, съ произнесеніемъ на болѣзнь страшныхъ заклятій ²⁾. По общему убѣжденію, знаха-

¹⁾ Оп. Румян. Муз., 551. — ²⁾ Записки Авдѣев., 134—6, 139; Сахаров., II, 23—24; Малор. и червонорус. думы и пѣсни, 99.

ри и знахарки заживляют раны, останавливают кровь, выгоняют червей, помогают от укушения змеи и бешеной собаки, вылечивают ушибы, вывихи, переломы костей и всякие другие недуги ¹⁾; они знают свойства какъ спасительныхъ, такъ и зловредныхъ (ядовитыхъ) травъ и корней, умѣютъ готовить цѣлебныя мази и снадобья, почему въ церковномъ уставѣ Ярослава ²⁾ наряду съ чародѣйками поставлена зеленница (отъ зелье — злакъ, трава, лѣкарство, озелить — обворожить, околдовать, стар. зеленничество — волшебство ³⁾); въ областномъ словарѣ: травовѣдъ — колдунъ (калужск. губ.), травница и кореньщица — знахарка, колдунья (нижегор. губ. ⁴⁾). Въ травахъ, по народному повѣрью, скрывается могучая сила, вѣдомая только чародѣямъ; травы и цвѣты могутъ говорить, но понимать ихъ дано однимъ знахарямъ, которымъ и открываютъ онѣ: на что бываютъ пригодны и противъ какихъ болѣзней обладаютъ цѣлебными свойствами. Колдуны и вѣдьмы бродятъ по полямъ и лѣсамъ, собираютъ травы, копаютъ корни, и потомъ употребляютъ ихъ частію на лѣкарства, частію для иныхъ цѣлей; нѣкоторыя зелья помогаютъ имъ при розыскѣ кладовъ, другія надѣляютъ ихъ способностью предвѣдѣнія, третьи необходимы для совершенія волшебныхъ чаръ ⁵⁾. Сборъ травъ и корней главнымъ образомъ совершается въ срединѣ лѣта, на Ивановскую ночь, когда невидимо зрѣютъ въ нихъ цѣлебныя и ядовитыя свойства. Грамота игумена Памфила 1505 года возстаетъ противъ этого обычая въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «исходятъ обавниці, мужи и жены-чаровниці по лугамъ и по болотамъ, въ пути же и въ дубравы,

¹⁾ Во многихъ мѣстахъ коновалы считаются за колдуновъ. —
²⁾ Лѣтописецъ Переяслав., 43. — ³⁾ Обл. Сл., 70, 139. — ⁴⁾ Сравни D. Muth., 1016. — ⁵⁾ Сахаров., I, 42—44: Москв 1846, XI—XII, 153.

ищуше смертныя травы и привѣта чревоотравнаго зелья, на пагубу человѣчеству и скотомъ; ту же и дивія копаютъ коренія на потвореніе и на безуміе мужемъ; сіа вся творять съ приговоры дѣйствомъ дѣволимъ» ¹⁾). Заговоры и заклятія, эти обломки древне-языческихъ молитвенныхъ возношеній, донинѣ составляютъ тайную науку колдуновъ, знахарей и знахарокъ; силою заповѣднаго слова они насылаютъ и прогоняютъ болѣзни, содѣлываютъ тѣло неуязвимымъ для непріятельскаго оружія, измѣняютъ злобу враговъ на кроткое чувство любви, умиряютъ сердечную тоску, ревность и гнѣвъ, и наоборотъ — разжигаютъ самыя пылкія страсти, словомъ овладѣваютъ всѣмъ нравственнымъ міромъ чловека ²⁾). Лѣчебные заговоры болѣею частію произносятся надъ болящимъ шопотомъ, почему глаголь шептать получилъ значеніе: колдовать; шептунъ — колдунъ, наговорщикъ, шоптунья или шептуха — колдунья ³⁾; у южныхъ славянъ лѣкаръ называется мумлавецъ отъ мумлати — нашептывать ⁴⁾; въ нѣкоторыхъ деревняхъ на Руси слово ворожея употребляется въ смыслѣ лѣкарки, ворожиться — лѣчиться, приворожба — таинственныя заклятія, произносимыя знахарями, ворожитъ — колдунъ, знахарь ⁵⁾).

Въ народной медицинѣ и волшебныхъ чарахъ играютъ значительную роль на узы, у злы, навязки — амулеты. Старинный проповѣдникъ, исчисляя мытарства, по которымъ шествуетъ грѣшная душа по смерти, говоритъ: «13-е мытарство — волхованіе, потворы, на узы» ⁶⁾). Софійская лѣтопись подъ 1044 годомъ рассказываетъ о Всеславѣ: «матери бо родивши

¹⁾ Доп. къ Ак. Ист., I, 22. — ²⁾ Малор. и червоноор. думы, 100; Поэт. Воз., I, 404 и далее; D. Myth., 996. — ³⁾ Обл. Сл., 265—8. — ⁴⁾ О. З. 1853, VIII, иностр. литер., 78. — ⁵⁾ Обл. Сл., 28, 176. У чеховъ лѣченіемъ недуговъ завѣдывали věstci, hovociči, zaklínací, čarodějníci, hadači — Громанъ, 148—9. — ⁶⁾ Рукописи гр. Уварова, 112.

его, бѣ ему на главѣ знамя язвено — яма на главѣ его; рекоша волеви матери его: се язвено, навязи на-нѣ, да носить е (наузу) до живота своего на себѣ¹⁾. По свидѣтельству Святославова Изборника: «проклять бо имѣй надеждѣ на челоуѣка: егда бо ти дѣтищѣ болить, то ты чародѣищѣ иштеши и облищѣнная писання на выѣ дѣтѣмъ налагаеши»²⁾. Въ вопросахъ Кирика, обращенныхъ къ новгородскому епископу Нифонту, упоминается о женахъ, которыя приносили больныхъ дѣтей къ волхвамъ, «а не къ попови на молитву»³⁾. Въ словѣ о злыхъ дусѣхъ, приписанномъ св. Кириллу, читаемъ: «а мы суще истинные христїане прельщены есмы скверными бабами... оны прокляты и скверны и злокозньны (бабы) наузы (наузами) много вѣрныя прельщаютъ: начнетъ на дѣти наузы класти, смѣривати, плююще на землю, рекше — бѣса проклинаеть, а она его болѣ призываетъ творится, дѣти врачующе», и нѣсколько ниже: «а мы ныня хотя мало поболимъ, или жена, или дѣтя, то оставльше Бога — ищемъ проклятыхъ бабъ-чародѣищѣ, наузовъ и словъ прелестныхъ слушаемъ»⁴⁾. Въ Азбуковникѣ или Алфавитѣ сказано: «а бѣсовска нарицанїя толкованы сего ради, понеже мнози отъ челоуѣкъ приходящи къ волхвамъ и чародѣемъ, и приѣмлютъ отъ нихъ нѣкаякая бѣсовская обоинїя наузы и носятъ ихъ на собѣ; а иная бѣсовская имена призываху волхвы и чародѣи надъ ѣствою и надъ питїемъ и даютъ вкушати простой чади, и тѣмъ губять душа челоуѣческая; и того ради та здѣ писаны, да всякому православному христїанину явѣ будетъ имя волчье, да нѣкто невѣды имя волчїе вмѣсто агнеча прииметь неразумїемъ, мяя то агнечье быти»⁵⁾. Митрополитъ

¹⁾ П. С. Р. Л., V, 138. — ²⁾ Истор. Христомат. Бусл., 274. —

³⁾ Памят. XII в., 202. — ⁴⁾ Москв. 1844, I, 243—5. — ⁵⁾

По другимъ спискамъ это мѣсто читается такъ: «отпадшая же, рекша бѣсовскїя имена на обличенїе волхвомъ и чародѣемъ здѣ

Фотій въ посланіи своемъ къ новгородцамъ (1410 г.) даетъ такое наставленіе церковнымъ властямъ: «учите (прихожанъ), чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не пріимали, ни узловъ, ни примовленья, ни зелія, ни вороженья» ¹⁾. Но обычай былъ сильнѣе этихъ запретовъ, и долго еще «мнози отъ человекъ, приходящи къ волхамъ и чародѣямъ, принимали отъ нихъ нѣкая бѣсовская наузы и носили ихъ на себѣ» ²⁾. Въ рукописныхъ сборникахъ поучительныхъ словъ XVI столѣтія встрѣчаемъ упреки: «немошь волжбою лѣчатъ и наузы чарованіи и бѣсомъ требы приносятъ, и бѣса, глаголемаго трясцю (лихорадку) творять(ся) отгоняющи... Се есть проклято. Того дѣля многи казни отъ Бога за неправды наши находятъ; не рѣче бо Богъ лѣчитися чарованіи и наузы, ни въ стрѣчу, ни въ полазъ, ни въ чехъ вѣровати: то есть поганско дѣло» ³⁾. Царская окружная грамота 1648 года замѣчаетъ: «а иные люди тѣхъ чародѣевъ и волхвовъ и богомерскихъ

написахомъ толкованіи; понеже чародѣи и волхвы, написующе бѣсовская имена, даютъ ихъ простымъ людямъ, повелѣвающе имъ тая имена носити; иногда-же и на ядь какову написующе или надъ питіемъ именующе—даютъ та свѣдати простой чади. Сего ради здѣ объявихомъ имена сѣтанинская, да никто же отъ простой чади волчье имя пріиметь, и вмѣсто свѣта тму удержавъ, неразуміи ради душу свою погубитъ».—«Понеже бо злочестивіи волхвы и чародѣи въ различныхъ ихъ мнимыхъ заговорныхъ молитвахъ пишутъ иностранною рѣчью бѣсовская имена, тако-же творять и надъ питіемъ, шепчюще призываютъ та злая имена и даютъ ту ядь и питіе болвнымъ вкушати, овѣмъ-же съ тѣми злыми имени наузы на переѣхъ даютъ носити» — Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Бусл., 2; Сахаров., II, 140; Ч. О. И. и Д. 1858, IV, стат. Лавровскаго, 54). — ¹⁾ Аг. Арх. Экс., I, 243. — ²⁾ Щаповъ, 71; Времен., I, 38 («Домострой»). — ³⁾ Вариантъ: «жертву приносятъ бѣсомъ, недуги лѣчатъ чарами и наузы, немошнаго бѣса, глаголемаго трясцю, мнятся прогоняюще нѣкими ложными писмяны» — Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. I, стр. XXVII полов. 2, смѣсь, 48—49.

бабъ въ домъ къ себѣ призывають и къ малымъ дѣтемъ, и тѣ волхвы надъ болными и надъ младенцы: чинять всякое бѣсовское волхованіе¹⁾. Болгарская рукопись позднѣйшаго письма осуждаетъ женъ, «кои завѣзують зверове (вар. скоти) и мечки, и гледать на воду, и завезують деца малечки» (дѣтей²⁾). Знахарямъ, занимавшимся навязываніемъ такихъ амулетовъ, давались названія наузника³⁾ и узольника, какъ видно изъ одной рукописи с.-петербургской публичной библіотеки, гдѣ признаны достойными отлученія отъ св. причастія: обавникъ, чародѣй, скоморохъ и узольникъ⁴⁾. Наузы состояли изъ различныхъ привязокъ, надѣваемыхъ на шею: болъшею частію это были травы, корни и инныя снадобья (уголь, соль, сѣра, засушенное крыло летучей мыши, змѣиныя головки, змѣиная или ужовая кожа и проч.), которымъ суевѣріе приписывало цѣлбную смлу отъ той или другой болѣзни; смотря по роду немощи, могли мѣняться и самыя снадобья⁵⁾. Иногда, вмѣсто всякихъ цѣлительныхъ средствъ, зашивалась въ лоскутъ бумажка съ написаннымъ на ней заговоромъ и привѣшивалась къ шейному кресту. У германскихъ племенъ привязывались на шею, руку или другую часть тѣла руны (тайныя письмена) для излеченія отъ болѣзни и противодѣйствія злomu колдовству, и

---

¹⁾ Ак. Ист., IV, 35; Описаніе Архива старыхъ дѣлъ, 296—8. Въ житіе Зосимы и Савватія занесенъ разсказъ о новгородскомъ гостѣ Алексѣ Курнековѣ, который обращался къ волхвамъ, испрашивая у нихъ помощи своему болящему сыну „я ничтоже успѣше“ — Шаповъ, 43. — ²⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, полов. 2, 41. — ³⁾ Пам. стар. рус. литер., IV, 202: поученіе митрополита Давиіа; Обл. Сл., 125. — ⁴⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, ст. А. Поповъ, 37—38. — ⁵⁾ Пузин., 162; Этн. Сб., II, 29. Наузы (чешск. *nauza*, *navaa*; *navačovati* — колдовать) въ употребленіи и между другими славянскими племенами — Зап. морск. офицера, I, 278; О. З. 1853, VIII, отдѣлъ иностр. литер., 86.

амулеты эти назывались *ligaturae* (въ средніе вѣка) и *angeteucke* ¹⁾. Въ христіанскую эпоху употребленіе въ наузахъ ладона (который получилъ особенно-важное значеніе, потому что возжигается въ храмахъ) до того усмилось, что всѣ привязки стали называться ладонками — даже и тогда, когда въ нихъ не было ладону. Ладонки до сихъ поръ играютъ важную роль въ простонародьи: отправляясь въ дальнюю дорогу, путники надѣвають ихъ на шею въ предохраненіе отъ бѣдъ и порчи. Въ XVII вѣкѣ былъ приведенъ въ приказную избу и наказанъ батогами крестьянинъ Игнашка за то, что имѣлъ при себѣ «корешокъ невеликъ, да травки немного завязано въ узлишки у (шейнаго) креста» (см. гл. XXVII). Навѣшывая на себя лѣкарственные снадобья или клятвенныя, заговорныя письмена, силою которыхъ прогоняются нечистые духи болѣзней, предки наши были убѣждены, что въ этихъ наузахъ они обрѣтали предохранительный талисманъ противъ сглаза, порчи и вліянія демоновъ, и тѣмъ самымъ привязывали, прикрѣпляли къ себѣ здравіе. Подобными-же наузами дѣвы судьбы привязывали новорожденнымъ младенцамъ дары счастія — тѣлесныя и душевныя совершенства, здоровье, долголѣтіе, жизненныя радости и проч. Народныя сказанія смѣшиваютъ дѣвъ судьбы съ вѣщими чародѣйками и возлагаютъ на тѣхъ и другихъ одинаковыя обязанности; такъ скандинавскія вѣльвы отождествляются съ норнами: присутствуютъ и помогаютъ при родахъ и предсказываютъ будущую судьбу младенца (стр. 351, 358). Въ той-же роли выступали у славянъ вѣщія жонки, волхвицы; на это указываютъ: съ одной стороны, обычай приносить дѣтей къ волхвамъ, которые и налагали на нихъ наузы, а съ другой стороны — областной словарь, въ которомъ повитуха, помощница при

¹⁾ D. Myth., 1125—6.

родахъ называется бабка, глаголъ же ба́бкаты означаетъ: нашептывать, ворожить ¹⁾).

Но приведенное нами объясненіе далеко не исчерпываетъ всёхъ поводовъ и побужденій, какими руководствовались въ старину при наложеніи наузъ. Рѣченія связывать, дѣлать узлы, опутывать могутъ служить для указанія различныхъ оттѣнковъ мысли, и смотря по примѣненію — получаютъ въ народныхъ преданіяхъ и обрядахъ разнообразное значеніе. Въ заговорахъ на непріятельское оружіе выраженія эти означаютъ тоже, что запереть, забить вражескія ружья и тулы, чтобъ они не могли вредить ратнику: «завяжу я-рабъ божій по пяти узловъ всякому стрѣльцу немирному, невѣрному, на пищаляхъ, лукахъ и всякомъ ратномъ оружіи. Вы, узлы, заградите стрѣльцамъ всё пути и дороги, замкните всё пищаля, опутайте всё луки, повяжите всё ратныя оружія; и стрѣльцы бы изъ пищалей меня не били, стрѣлы бы ихъ до меня не долетали, всё ратныя оружія меня не побивали. Въ моихъ узлахъ сила могуча змѣиная сокрыта — отъ змѣи двенадцатьглаваго» ²⁾). По сходству ползучей, извивающейся змѣи и ужа съ веревкою и поясомъ, сходству, отразившемуся въ языкѣ (уж и ще — веревка — гужъ и ужъ; въ народнѣй загадкѣ поясъ метафорически названъ ужомъ), чародѣйнымъ узламъ заговора дается также могучая сила, какая приписывается мѣнчскому многоглавому змѣю. Въ старину вѣрили, что нѣкоторые изъ ратныхъ людей умѣли такъ «завязывать» чужое оружіе, что ихъ не брали ни сабли, ни стрѣлы, ни пули. Такое мнѣніе имѣли современники о Стенькѣ Разинѣ. — Увидѣвши первый цвѣтъ на огурцахъ, тыквахъ, арбузахъ или дыняхъ, хозяйка перевязываетъ огудину красною ниткою изъ пояса и прозноситъ: «какъ густо сей поясъ вязався, щобъ такъ и мои огурочки

¹⁾ Обл. Сл., 4. — ²⁾ Сахаров., 1, 27.

густо вязались у пупянки въ огудини» ¹⁾. Здѣсь высказывается желаніе, чтобы не было пустоцвѣту; цвѣтъ, зарождающій плодъ, называется завязью, и на этомъ словѣ содѣлался самый заговоръ и сопровождающій его обрядъ. — Того, кто сажалъ въ печь свадебный коровай, подвязываютъ утиральникомъ и сажаютъ на покутье, чтобъ коровай не разошелся, не расплылся ²⁾. — Чтобы ребенокъ сталъ скорѣе ходить, для этого на Руси разрѣзываютъ ножемъ промежъ его ногъ тѣ невидимые путы, которые задерживаютъ его ходу ³⁾. Подобныхъ повѣрій и обрядовъ много обращается въ средѣ поселянъ. Относительно болѣзней и вообще всякаго зловреднаго вліянія нечистой силы рѣченіе связывать стало употребляться: во 1-хъ, въ значеніи заповѣднаго слова, связывающаго мучительныхъ демоновъ и тѣмъ самымъ подчиняющаго ихъ — волѣ заклинателя. Апокрифическое слово о крестѣ честнѣ (по болгарской рукописи) заставляетъ Соломона заклинать демоновъ принести ему третье древо этой формулой: «завѣ(я)зую васъ азъ печатію господнею» ⁴⁾. Припомнимъ, что печать въ старину привѣшивалась на завязанномъ шнурѣ ⁵⁾. Тою же формулой дѣйствуетъ заговоръ и противъ злыхъ колдуновъ и вѣдьмъ: «завяжи, Господи, колдуну и колдунѣ, вѣдуну и вѣдунѣ и упирцу (уста и языкъ) — на раба божія (имярекъ) зла не мыслити» ⁶⁾. Завязать получило въ устахъ

¹⁾ Номис., 5. — ²⁾ Этн. Сб., I, 353. — ³⁾ Абев., 235. — ⁴⁾ Ист. очер. рус. слов., I, 490. — ⁵⁾ Печать—эмблема налагаемыхъ узъ: запечатать кому уста все равно, что «завязать кому ротъ», т. е. заставить молчать. Особенно важную роль играетъ это слово въ заговорахъ на остановленіе крови („запечатать рану“), вслѣдствіе сродства его съ выраженіемъ: кровь или рана запеклась (см. заговоръ, приведенный г. Буслаевымъ въ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, пол. 2, 40). — ⁶⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, пол. 2, 53—54.

народа смыслъ: воспрепятствовать, не допустить: «минн якъ за-
вляно» (малорос.) — мнѣ ничто не удастся. Заговорныя слова,
означавшія побѣду заклинателя надъ нечестыми духами болѣз-
ней и смерти, опутываніе ихъ, словно плѣнниковъ, цѣпами и
узлами, (по необходимому закону древнѣйшаго развитія, когда все
воплощалось въ наглядный обрядъ) вызвали дѣйствительное
завязываніе узловъ; узлы эти завязывались на тѣлѣ больного,
такъ какъ, по древнему воззрѣнію, демонъ болѣзни вселялся
въ самаго человѣка. До сихъ поръ еще наузы нерѣдко состо-
ятъ изъ простой нитки или бичевки съ узлами; такъ отъ ли-
хорадки носятъ на рукахъ и ногахъ повязки изъ красной
шерсти или тесьмы; девять нитокъ такой шерсти, навязанныя
на шею ребенка, предохраняютъ его отъ скарлатина — крас-
нухи; отъ глистовъ употребляютъ тоже навязыванье пряжи
на дѣтей ¹⁾. Красный цвѣтъ нити указываетъ въ ней сим-
волическое представленіе молніи, прогоняющей всякую де-
монскую силу. Въ тверской губ., для охраны стада отъ звѣ-
рей, вѣшаютъ на шею передовой ²⁾ коровы сумку съ какимъ-
то снадобьемъ; сумка эта называется вязло ³⁾, и значеніе
чары состоитъ въ томъ, что она связываетъ пасть дикаго
звѣря. При весеннемъ выгонѣ лошадей въ поле, крестьяне
берутъ всячій замокъ, и то запирая его, то отмыкая, об-
ходятъ трижды кругомъ стада и причитываютъ: «замыкаю
я симъ булатнымъ замкомъ сѣрымъ волкамъ уста отъ моего
табуна». За третьимъ обходомъ запираютъ замокъ окончатель-
но и кладутъ его въ воротахъ, черезъ которыя выгоняютъ
лошадей; послѣ того поднимаютъ замокъ и прачутъ гдѣ-нибудь,
оставляя замкнутымъ до поздней осени, пока табунъ гуляетъ

¹⁾ Иллюстр. 1845, 565; Пузын., 160; Neues Lausitz. Magazin
1843, III—IV, 322; Громаннъ, 112: красная повязка оберегаетъ
ребенка отъ порчи. — ²⁾ Корова, которая ходитъ впереди стада.
— ³⁾ Обл. Сл., 34.

*понила сивушъ болѣзней
молніей (молніей, красной)*

въ полѣ. Крѣпкое слово заговора, словно ключомъ, замыкаетъ уста волковъ ¹⁾. Подобнымъ образомъ болгары думаютъ сберечь свои стада суевѣрнымъ обрядомъ, основаннымъ на выраженіи зашить волчьи уши, очи и уста. Вечеромъ баба беретъ иголку съ ниткою и начинаетъ зашивать полу своей одежды, а какой-нибудь мальчикъ ее спрашиваетъ: «что шьешь, бабо?» — Зашивамъ, сынокъ, на влъцы-тѣ уши-тѣ, да не чуютъ овце-тѣ, козы-тѣ, свине-тѣ и теленца-та. Мальчикъ повторяетъ свой вопросъ, и получаетъ отвѣтъ: «зашивамъ, сынокъ, на влъцы-тѣ очи-тѣ, да не видятъ овце-тѣ» и т. дал. Въ третій разъ баба говоритъ: «зашивамъ на влъцы-тѣ уста-тѣ, да не ѣдятъ овецъ, козъ, свиней и телятъ ²⁾». Во 2-хъ, науза разсматривалась, какъ крѣпкой запоръ, налагаемый на человѣка съ цѣлію преградить (= замкнуть, завязать) доступъ къ его тѣлу. Нить или бичева съ наглухо-затянутыми узлами, или еще лучше — сѣть (потому что нигдѣ нѣтъ столько узловъ, какъ на ней) почитаются охранительными средствами противъ нечистой силы, колдуновъ и вѣдьмъ. Чтобы поймать вѣдьму, должно спрятаться подъ осиную борону и ловить ее узду; подъ бороною она не можетъ повредить человѣку, такъ какъ верхняя часть бороны дѣлается изъ свитыхъ (сцѣтенныхъ) вмѣстѣ лозъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, наряжая невѣсту къ вѣнцу, накидываютъ на нее бредень (рыболовную сѣть), или навязавъ на длинной ниткѣ, какъ можно — болѣе, узелковъ, подвязываютъ

¹⁾ Вибл. для Чт. 1848, IX, ст. Гуляева, 55—56. — ²⁾ Черниг. Г. В. 1861, 6. Въ смоленской губ., выгоняя скотъ на Юрьевъ день въ поле, читаютъ слѣдующее заклятіе: «глухой, глухой! чи слышишь? — Не слышу! — Когда-бъ далъ Богъ, чтобъ волкъ не слышалъ нашего скота. Хромой, хромой! чи дойдешь? — Не дойду! — Когда-бъ далъ Богъ — не дошелъ волкъ до нашего скота. Слѣпой, слѣпой! чи видишь? — Не вижу! — Дай Богъ, чтобъ волкъ не виделъ нашего скота» (Цебрик., 273).

ею невѣсту; дѣлается это съ намѣреніемъ противоудѣйствовать порчѣ. Точно также и женихъ и самые поѣзжане опоясываются сѣткою или вязаннымъ поясомъ — въ томъ убѣжденіи, что колдунъ ничего злаго не въ силахъ сдѣлать до тѣхъ поръ, пока не распутааетъ безчисленныхъ узловъ сѣти или пока не удастся ему снять съ человѣка его поясъ ¹⁾. Нѣкоторые крестьяне думаютъ, что ходить безъ пояса грѣшно ²⁾. Въ 3-хъ, съ наузою соединялось понятіе цѣлебнаго средства, связующаго и скрѣпляющаго разбитые члены больнаго. Если разовьется рука, т. е. заболитъ связка ручной кисти ³⁾, то на Руси принято обвязывать ее красною пряжею. Такое симпатическое лѣчение извѣстно и у нѣмцевъ. Кромѣ того, на *Vogelsberg*'ѣ отъ ложа въ костяхъ носятъ желѣзные кольца, выкованныя изъ такого гвоздя или крюка, на которомъ кто-нибудь повѣсился ⁴⁾. Чтобы избавиться отъ головной боли, нѣмцы обвязываютъ виски веревкою, на которой былъ повѣшенъ преступникъ; во Франціи же такую веревку носятъ для отвращенія зубной боли: эта повязка должна закрѣпить и черепъ, и зубы ⁵⁾. Въ случаѣ вывиха или перелома, и у насъ и въ Германіи поселане отыскиваютъ дерево, которое, раздѣлившись на двѣ вѣтви,

¹⁾ Иллюстр. 1846, 333; О. З. 1848, т. LVI, 204. Кто желаетъ добыть шапку-невидимку или неразвѣнный червонецъ отъ нечистаго, тотъ, по народному повѣрью, можетъ вымѣнить у него эти диковинки на черную кошку; но непременно долженъ обвязать ее сѣтью или ниткою съ узелками, а то — бѣда неминуемая! Сказанное же средство спасаетъ отъ несчастія, потому что нечистой до тѣхъ поръ связанъ въ своихъ злобныхъ дѣйствіяхъ, пока не распутааетъ всѣхъ узловъ — Ворон. Бес., 192; Сахаров., I, 55. —

²⁾ Владим. Г. В. 1844, 49. — ³⁾ То мѣсто, гдѣ кисть руки соединяется съ костью, идущею отъ локтя, крестьяне называютъ: завъ(н)тъ — Библи. для Чт. 1848, X, ст. Гуляева, 119. — ⁴⁾ D. Myth., 1117, 1121; Die Götterwelt, 197. — ⁵⁾ Beiträge zur D. Myth., I, 247.

потомъ снова срослось въ одинъ стволъ, и въ образовавшееся отъ того отверстіе протаскиваютъ больныхъ дѣтей; иногда нарочно раскалываютъ молодое зеленое дерево (преимущественно дубъ) надвое, протаскиваютъ больнаго сквозь расщепленные половины и потомъ связываютъ ихъ веревкою: пусть также сроснется поломанная кость, какъ срастается связанное дерево (II, 304—5). Наконецъ есть еще обычай, въ силу котораго снимаютъ съ больнаго поясъ и бросаютъ на дорогѣ; кто его подыметъ и надѣнетъ на себя, тотъ и заболѣтъ, т. е. къ тому болѣзнь и привяжется, а хворый выздоровѣтъ ¹⁾).

Вѣще мужи и жонки призываются для унятія разгнѣваннаго домоваго, кикиморъ и разныхъ враждебныхъ духовъ, овладѣвшихъ жильемъ челоуѣка; они обмываютъ притолки отъ лихорадокъ, объѣзжаютъ съ особенными обрядами поля, чтобы очистить ихъ отъ вредныхъ насѣкомыхъ и гддовъ ²⁾; когда на хлѣбныя растенія нападеть червь, то нарочно-приглашенная знахарка три зори выходитъ въ поле, нашептываетъ заклятія и дѣлаетъ при концахъ загоновъ узлы на колосьяхъ: это называется «заламывать червей», т. е. преграждать имъ путь на зеленѣющія нивы ³⁾. Колдунъ — необходимое лице на свадьбахъ; на него возлагается обязанность оберегать молодую чету и всѣхъ «поѣжанъ» отъ порчи. Въ пермской губ. при невѣстѣ всегда находится знахарка, а при женихѣ — знахарь. Этотъ послѣдній ѣдетъ впереди свадебнаго поѣзда — съ озабоченнымъ лицомъ, озираясь по сторонамъ и нашептывая: по народному объясненію, онъ борется тогда съ нечистою силою, которая слѣдуетъ за новобрачными и строитъ имъ козни ⁴⁾. Вообще въ затруднительныхъ

¹⁾ Этн. Сб., VI, 129. — ²⁾ Сахаров., II, 95. — ³⁾ Владим. Г. В. 1844, 49. — ⁴⁾ Сахаров., I, 56; II, 17, 107—9; Очеркъ арханг. губ. Верещагина, 181—3.

обстоятельствахъ жизни: нападетъ ли на сердце кручина, приключится ли въ домѣ покража или другая бѣда, отгуляетъ ли лошадь, угрожаетъ ли ищеніе врага и т. д. — во всѣхъ этихъ случаяхъ крестьяне прибѣгаютъ къ колдунамъ и колдуньямъ и просятъ ихъ помощи и совѣтовъ ¹⁾. Такъ ведется и старши. По свидѣтельству слова о злыхъ дусѣхъ: «когда (людямъ) кака-либо казнь найдетъ, или отъ князя пограбленіе, или въ дому пакость, или болѣзнь, или скоту ихъ пагуба, то они текутъ къ волхвомъ, въ тѣхъ бо собѣ помощи ищутъ» ²⁾. Въ Святославовомъ Изборникѣ замѣчено: «аште и сѣнь (сонъ) ты сѣмоутитъ, къ сѣннюоуоумоу сѣказателю течешн; аште и погоубиши (потеряешь) что, то къ влѣхвоу течешн» ³⁾. Колдуны и вѣдуньи тотчасъ обличаютъ вора и находятъ потерянную вещь; они обладаютъ способностью проникать въ чужія мысли, знаютъ все бывшее, настоящее и грядущее; для нихъ достаточно посмотрѣть человѣку въ очи или прислушаться къ его голосу, чтобы въ ту же минуту овладѣть его тайною ⁴⁾. Отъ глубокой древности и до нашихъ дней ихъ считаютъ призванными совершать гаданія, ворожить и давать предвѣщанія. В. кн. Олегъ обращался къ волхвамъ съ вопросомъ: какая суждена ему смерть? и получилъ въ отвѣтъ: «князь! ты умрешь отъ любимаго коня». Разказавши о томъ, какъ сбылось это предвѣщаніе, лѣтописецъ прибавляетъ: «се жѣдивно есть, яко отъ волхованія сбывается чародѣйствомъ» ⁵⁾. По указанію Краледворской рукописи Кублай собиралъ чародѣевъ, и тѣ гадали ему: на чью сторону должна склониться

¹⁾ Сахаровъ, I, въ отдѣлѣ: „Чернокнижнѣ“; Вѣст. Р. Г. О. 1852, V, смѣсь, 34; Ж. М. Н. П. 1846, XII, 208. — ²⁾ Москв., 1844, I, 244. — ³⁾ Ист. христом. Бусл., 274. — ⁴⁾ Иллюстр. 1846, 135. — ⁵⁾ П. С. Р. Л., I, 16. Гедмину волхвъ растолковалъ его чудесное видѣніе — Вѣст. Евр. 1821, XVI, 310—1. Напоминаніе и народными поговорки: „хорошо тому жить, кому бабушка ворожить“, „бабка надвое сказала!“

побѣда. Тѣже вѣщія дарованія нераздѣльны и съ понятіемъ жречества. Вездѣ, гдѣ только были жрецы и жрицы, на нихъ возлагались обязанности творить судъ, совершать гаданія, предсказывать будущее, произносить заклятія и врачевать недуги (см. стр. 85 ¹⁾); съ водвореніемъ же христіанства нѣкоторыя изъ этихъ обязанностей были усвоены служителямъ новой религіи. Не останавливаясь на такъ называемыхъ «божьихъ судахъ» и заклинательныхъ молитвахъ, наполняющихъ старинныя служебники, замѣтимъ одно, что во все продолженіе среднихъ вѣковъ духовенство предлагало свою врачебную помощь, пользовалось для этого частію религіозными обрядами, частію средствами, наследованными отъ незапамятной старины ²⁾.

Надѣлая вѣщихъ женъ и мужей тѣми-же эпитетами и названіями, какіе употреблялись для обозначенія облачныхъ духовъ, присвоивая тѣмъ и другимъ тождественныя признаки, естественно было породнить и смѣшать ихъ: за первыми признать стихійныя свойства, а послѣднихъ низвести на землю и поставить въ условія человѣческой жизни. Бѣльшая часть на-

---

¹⁾ У литовцевъ, напримѣръ, жрецы давали прорицанія, гадали по грику птицъ, гдѣчили болѣзни, заживляли раны, останавливали кровь, навязывали амулеты и пр.; верховный жрецъ назывался у нихъ криве кривейте—судья судей—Ж. М. Н. П. 1844, IV, ст. Боричевск., 15—21. По чешскому преданію, у Крока было три вѣщія дочери, изъ которыхъ одна знала силу травъ, умѣла цѣлить болѣзни и вѣдала все, о чемъ бы ее ни спросили, вторая была жрицею, научила чеховъ поклоняться богамъ и приносить имъ жертвы, а третьей Любушѣ принадлежали судъ и управа. — ²⁾ D. Muth., 1103; П. С. Р. Л., I, 81: „аще кто коли принесяше дѣтищъ болень..., ли свершенъ человекъ, кацѣмъ-любо недугомъ одержимъ, приходяще въ монастырь къ блаженному Феодосью—повелѣваше сему Дамьяну молитву створити болящему; и абы створяше молитву и масломъ помазаше, и принаху и(с)цѣленье приходящѣи къ нему“

*Лізі
Теліка*

родныхъ повѣрій о вѣдунахъ и вѣдмахъ представляютъ такія яркія, знаменательныя черты древнѣйшихъ воззрѣній на природу, которыя не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что первоначально онѣ могли относиться только къ демонамъ облачнаго міра. Таковы повѣрья: а) о насланіи вѣдунами и вѣдмами грозовыхъ тучъ, бурныхъ вихрей и града, б) о скрадываніи ими росы, дождей и небесныхъ свѣтилъ, с) о ихъ полѣтахъ въ воздушныхъ пространствахъ, d) сборищахъ на «лысой горѣ», неистовыхъ пляскахъ и нечестивыхъ оргіяхъ, е) о доеніи, вѣдмами коровъ, f) о вліяніи колдовства на земное плодородіе и наконецъ g) о волшебной силѣ оборотничества.

Въ Германіи вѣдмамъ даются названія: *wettermachein*, *wetterhexe*, *nebelhexe*, *strahlhexe*, *blitzhexe*, *zessenmachein* (отъ стар. *zessa*—*sturm*, буря, гроза), что, во 1-хъ рождаетъ ихъ съ валькиріями, которыя носятя на облачныхъ коняхъ и сотрясаютъ на землю росу, во 2-хъ—сближаетъ ихъ съ сербскими вилами, собирательницами облаковъ, и въ 3-хъ—напоминаетъ греч. $\nu\epsilon\varphi\epsilon\lambda\gamma\gamma\epsilon\rho\acute{\epsilon}\tau\eta\varsigma$ —одинъ изъ эпитетовъ Зевса ¹⁾. Славянская «Кормчая» (по списку 1282 г.) и «Домострой» называютъ чародѣевъ облакопрогонниками²⁾; митрополитъ Даніилъ совѣтуетъ налагать запрещеніе на «глаголемыхъ облакопрогонниковъ и чаровниковъ и наузниковъ и волшебниковъ»³⁾. Въ западной Европѣ существуетъ глубоко-укорененное вѣрованіе, что колдуны и вѣдмы могутъ носиться въ тучахъ, производить грозы, напущать бури, дождевыя ливни и градъ. Вѣрованье это идетъ изъ отдаленной древности. Фессалійскія волшебницы обвинялись между прочимъ и во всѣхъ бѣдствіяхъ, причиняемыхъ опустошительными бу-

¹⁾ D. Myth., 1042—3. — ²⁾ Истор. Христом. Бусл., 381; Времен., I, 43. — ³⁾ Пам. стар. рус. литер., IV, 202 Въ финскихъ рунахъ «колдунъ» называется *Ukon poika* = сынъ громовника Укко—Учен. Зап. Ак. Н. 1852, IV, 514—5.

рями. Въ средневѣковыхъ памятникахъ (VIII-IX в.) чародѣи именуются *tempestarii, immissores tempestatum*, и это основывалось на общемъ убѣжденіи, что «*homo malus vel diabolus tempestatem faciat, lapides grandinum spergat, agros devastet, fulgura mittat*». Скандинавская сага говоритъ о двухъ полубогиняхъ-получародѣйкахъ Ирпѣ и Торгердѣ (*Irpa* и *Thorgerd*), которыя производили ненастье, бури и градъ. Изъ преданій, сохраненныхъ германскими племенами, узнаемъ, что колдуны и вѣдьмы употребляютъ для этого кружки или чаши. Подобно тому, какъ древніе боги и богини проливали изъ небесныхъ урнъ дожди и росу, такъ точно колдуны и вѣдьмы, уносясь въ воздушныя выси, посылаютъ изъ своихъ кружекъ разрушительную бурю; опрокидывая одну кружку, они творятъ громъ и молніи, изъ другой пускаютъ градъ и мятели, изъ третьей—суровые вѣтры и ливни. Облака и тучи, содержащія въ своихъ нѣдрахъ дождь, градъ и снѣгъ, въ поэтическихъ сказаніяхъ старины представлялись сосудами, котлами и бочками, въ которыхъ изготовлялся и хранился волшебный напитокъ; или небесными родниками и колодцами. На этихъ давно-позабытыхъ метафорахъ основаны многія изъ народныхъ повѣрій. Такъ о вѣдьмахъ рассказываютъ, что, погружая въ воду горшки и взбалтывая ее, онѣ вызываютъ ненастье; съ тою-же цѣлью онѣ потрясаютъ котломъ или вздымаютъ пыль противъ солнечнаго заката; сверхъ того, въ своихъ котлахъ и горшкахъ онѣ страпаютъ (варятъ) непогоду, проливные дожди и градъ; рассказываютъ еще, что вѣдьмы пускаютъ по водѣ синіе огоньки, бросаютъ въ воздухъ кремневые камни (т. е. возжигаютъ въ дождевыхъ источникахъ молніи и мечутъ «громовыя стрѣлки») и катаютъ бочки, разрывъ которыхъ производитъ грозу и бурю. По нѣмецкимъ актамъ XVI и XVII столѣтій, вѣдьмы собирались око-

до озеръ и источниковъ, били по водѣ хлыстами, и когда отъ летящихъ брызгъ подымался туманъ, то сгущали его въ черныя тучи; на этихъ тучахъ ѣздили онѣ по воздушнымъ пространствамъ, направляя ихъ бѣгъ въ ту сторону, гдѣ хотѣли произвести опустошеніе. Бросая въ колодцы и пруды камни, чародѣи могутъ вызывать грѣзы, дожди и градъ: повѣрье, общее германцамъ съ кельтами и финнами. И лоза, и камень—символы молніи. Въ Греціи совершался слѣдующій обрядъ: когда наступала засуха, Зевсовъ жрецъ шелъ къ источнику, посвященному нимфѣ, творилъ тамъ жертвоприношеніе и дубовою вѣткою касаясь поверхности водъ; думали, что вслѣдствіе этого обряда непременно должны подняться туманы, собраться въ облака и напоить землю дождемъ. Нѣмецкая сага рассказываетъ о вѣдмѣ, которая изъ маленькаго облачка создала большую грозовую тучу, и носясь въ ней, словно въ воздушномъ кораблѣ, воздвигла сильную бурю; на ту пору шелъ по дорогѣ охотникъ; застигнутый ненастьемъ, онъ зарядилъ свое ружье священной пулею и выстрѣлилъ въ самую средину черной тучи, гдѣ иракъ былъ сгущенъ всего больше, и вслѣдъ за выстрѣломъ передъ нимъ упала убитая голая женщина; въ тоже мгновеніе буря затихла и небо стало проясняться. Сказаніе это извѣстно и словенцамъ¹⁾; смыслъ его—тотъ, что облачная жена гибнетъ отъ громовой стрѣлы дикаго охотника (Одина). Въ Каринтіи поселяне стрѣляютъ въ грозовыя тучи, чтобы разогнать злыхъ духовъ, собирающихся въ надземной области держать совѣтъ и уготовлять бѣды. Вѣтры, сопровождающіе полетъ тучъ, заставили уподобить эти послѣднія раздувательнымъ мѣхамъ. О норвежскихъ чародѣйкахъ сохранилось преданіе, что онѣ заключали вѣтры въ мѣшокъ (windsack) и завязывали его узлами, а въ случаѣ надобности разрѣшали эти

¹⁾ Рус. Вѣст. 1857, III, 112.

узы, произнося заклятіе: «wind, ins teufels namen!» — и въ ту же минуту подымался бурный вихрь, опустошалъ землю, волновалъ море и разбивалъ корабли. Норманны и вообще жители сѣверныхъ поморій вѣрили, что колдуны могли продавать вѣтры морякамъ, давая имъ кожаные мѣшки съ волшебными узлами: когда развязывали одинъ узелъ — начинали дуть тихіе и благопріятные вѣтры, развязывали другой — вѣтры крѣпчали, а велѣдъ за разрѣшеніемъ третьяго узла — наставала страшная буря. Напомнимъ, что съ дующими вѣтрами фантазія сочетала представленіе о буйныхъ, нечестовыхъ существахъ, которымъ удалось вырваться на свободу; въ тихое же время они сидятъ въ заключеніи, окованные и связанные своимъ владыкою (I, 311—2). Управляя вѣтрами, колдуны и вѣдьмы могутъ не только собирать, скучивать облака, но и прогонять ихъ съ небосклона и производить бездождіе и засуху, не менѣе гибельныя для жатвъ, какъ и безвременныя ливни и все-истребляющій градъ ¹⁾. Въ Испаніи простолюдины убѣждены, что вѣдьмы какъ только захотятъ — тотчасъ-же добудутъ вѣтра, потому что имъ самъ чортъ поддуваетъ ²⁾. Тоже возрѣніе на колдовство раздѣлялось и славянскими племенами. По ихъ рассказамъ, вѣдуны и вѣдьмы могутъ, по своему произволу, и насылать и отвращать бури, грѣзы, дожди и градъ; могутъ морочить (затуманивать или отводить очи), т. е. застилать окрест-

¹⁾ D. Myth., 559 — 560, 606, 1026, 1040 — 2; Der Ursprung der Myth., 260 — 1; Выбл. для Чт. 1842, XI, 56. Фритіоеасага предлагаетъ слѣдующее свидѣтельство: сыновья конунга Бели послали за двумя вѣдьмами, заплатили имъ деньги и заставили на погибель Фритіоеа возбудить морскую бурю. Вѣдьмы приготовили пары, и взобравшись на утесъ, вызвали заклинаніями буйные вѣтры. Море запанилось, заглубилось, и пловцовъ окружила непроницаемая тьма...—Опыты истор.-филологич. трудовъ Глав. Педаг. института (1852 г.), 154—9. — ²⁾ Телескопъ 1834, IV, 224.

ныя мѣста и предметы туманомъ, и придавая имъ обманчивые образы, заставляя человѣка видѣть совсѣмъ не то, что есть на самомъ дѣлѣ ¹⁾). Въ Малороссіи вѣдму называютъ мара, а словомъ заморокъ обозначается и чаровница, и темнота ночная ²⁾). Оба названія указываютъ на мракъ, производимый наплывомъ черныхъ тучъ. Эта связь съ тучами и вихрями, въ которыхъ издревле рисовались народному воображенію великаны, змѣи и другіе нечистые духи, враждебные свѣтлымъ богамъ неба, наложила на колдуновъ и вѣдмъ демоническій характеръ. Уже въ Индіи вѣрили въ злое вліяніе колдовства. Въ народныхъ сказкахъ колдунъ и вѣдма нерѣдко заступаютъ мѣсто дракона или чорта, и подобно имъ — налетаютъ грозивою тучею, ударяютъ громомъ и сверкаютъ молніями ³⁾). Отсюда-то возникъ цѣлый рядъ суевѣрныхъ преданій, по свидѣтельству которыхъ чародѣи и чародѣйки предаются дьяволу, заключаютъ съ нимъ договоры и дѣйствуютъ его именемъ, направляя свои вѣщія дарованія не столько на пользу, сколько во вредъ и на пагубу человѣческаго рода ⁴⁾). Въ южной Россіи существуетъ любопытный разсказъ о знахарѣ, который по собственному желанію могъ располагать и дождемъ, и градомъ. Бывало во время жатвы надвинется на

¹⁾ Киевлян. 1865, 69; Ганушъ: Дѣдъ и Баба, 53; Zagusy domove, III, 150, 166, Москв. 1848, VIII, 71—73; Маякъ, XII, 21. На Русѣ можно услышать разсказы о томъ, какъ положили колдуна или вѣдму наказывать плетью, а имъ и горя мало: всѣмъ кажется, что плеть бьетъ по голой спинѣ, а она ударяетъ по землѣ или бревну. Мороча людей, колдуны напускаютъ обманчивое наводненіе — марево (Н. Р. Ск., V, 16; VI, 21; Чудинск., 24). — ²⁾ Киев. Г. В. 1845, 13; Старосв. Банд., 333. — ³⁾ Чудинск., стр. 14, 32. —

⁴⁾ Поэтому и въ народныхъ заклятіяхъ испрашиваютъ защиты „отъ бабьихъ заворъ, отъ хитраго черноокишника, отъ заговорнаго кудесника, отъ яраго волхва, отъ слѣпаго знахаря, отъ старухи-вѣдуны, отъ вѣдмы киевской и злой сестры ея — муромской“ — Сахаров., I, 19.

небо дождевая туча; всё бросятся складывать снопы, станут уходить домой, а ему и горя мало! «Не будет дождя!» скажет он — и туча пройдет мимо. Разъ какъ-то собралась страшная гроза, все небо почернѣло; но знахарь объявилъ, что дождя не будетъ, и продолжалъ работать на своей нивѣ. Вдругъ, откуда не взялся, скачетъ къ нему черный челоуѣкъ на черномъ конѣ: «пусти!» умоляетъ онъ знахаря. — Ни, не пушу! отвѣчаетъ тотъ; было не набирать такъ богато! Черный ѣздокъ исчезъ; тучи посизѣли, поблѣднѣли, и мужики стали ожидать граду. Несется къ знахарю другой ѣздокъ — весь бѣлый и на бѣломъ конѣ: «пусти, сдѣлай милость!» — Не пушу! «Эй,пусти; не выдержу!» Знахарь приподнялъ голову и сказалъ: «ну, вже ступай, да тилько у той байракъ, що за нивою». И вслѣдъ за тѣмъ градъ зашумѣлъ по байраку ¹⁾). Чехи передаютъ этотъ разсказъ въ такой формѣ: завидя градовую тучу, заклинатель рѣшился отвести ее отъ засѣянныхъ полей на дальнія пустынные горы; но изъ середины тучи раздался голосъ: «пусти меня! я не въ силахъ сдерживать больше». Заклинатель бросился къ сосѣду своему — судѣ, выпросилъ у него позволеніе провезти грузъ черезъ его владѣнія, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ судейскія поля были побиты градомъ; прочія-же окрестныя поля остались нетронутыми ²⁾). Въ бурныхъ, стремительныхъ вѣтрахъ поселяне усматриваютъ полетъ колдуна или вѣдьмы. По нѣмецкому выраженію, колдунъ ѣдитъ на хвосту вѣтра; какъ скоро ему понадобится перенестись въ дальнюю сторону, Вѣтръ приглашаетъ его: «setz dich auf meinen schwanz!» ³⁾). На Руси существуетъ повѣрье, что на Благовѣщенье, когда

¹⁾ Кулишъ, II, 40; Москв. 1846, XI—XII, критика, 153—4. —

²⁾ Громаниъ, 34—35: по другому варианту, колдунъ велитъ граду спуститься на поля нечестивой бабы. — ³⁾ Die Götterwelt, 98; Beiträge zur D. Myth., II, 362.

повѣтъ весна, черти провѣтриваютъ колдуновъ, и съ этою цѣлью поднимаютъ ихъ на воздухъ и держатъ головами внизъ ¹⁾. Отъ малоруссовъ можно услышать слѣдующее преданіе: работалъ мужикъ въ полѣ; глядь — прямо на него летитъ вихорь, мужикъ выхватилъ изъ-за пояса сѣкиру и бросилъ въ самую средину вертящагося столба пыли. Вихорь понесся дальше и увлекъ за собою топоръ, вонзившійся въ него, словно въ дерево. Вскорѣ случилось этому мужику остановиться на ночлегъ въ одной деревушкѣ; было поздно, когда онъ вошелъ въ хату, въ которой еще свѣтился огонь. Въ хатѣ лежалъ больной, и на вопросъ пришельца домашніе сказали: «то нашъ батька скалечилъ себя сѣкирою!» Располагаясь спать, мужикъ ненарокомъ заглянулъ подъ лавку и увидѣлъ тамъ свой собственный топоръ; тотчасъ узналъ онъ, что ранилъ колдуна, и въ страхѣ, чтобы не попасться ему на глаза, поспѣшилъ изъ хаты вонъ ²⁾. Такимъ образомъ колдунъ, увлекаемый буйнымъ вѣтромъ, подвергается удару топора — точно также, какъ въ вышеприведенной сатѣ выстрѣлъ охотника поражаетъ вѣдму, несущуюся въ бурной тучѣ. О крутящемся вихрѣ крестьяне наши думаютъ, что это вертится нечистый духъ, что это — свадебная пляска, которой предается онъ вмѣстѣ съ вѣдкою; чехи о томъ-же явленіи выражаются: *bávu ča gijou*, т. е. вѣдмы чаруютъ, поднимаютъ вихрь. Чтобы напугать путниковъ, вѣдма нерѣдко превращается пыльнымъ столбомъ и мчится къ нимъ навстрѣчу съ неудержимою быстротою. По народному повѣрью, если въ столбъ пыли, поднятый вихремъ, бросить острый ножъ, то можно поранить чорта или вѣдму, и ножъ упадетъ на землю весь окровавленный ³⁾. Канцлеръ, Радзивилъ, описывая

¹⁾ Сахаров., I, 52. — ²⁾ Lud Ukrain., II, 100. — ³⁾ Иллюстр. 1846, 332; Полтав. Г. В. 1844, 20; Громанъ, 35; Beiträge zur D. Myth., I, 226; D. Myth., 599; Киевлян. 1865, 69: когда вѣдма ле-

въ своихъ мемуарахъ страшную бурю, которая была 5 мая 1643 года, утверждаетъ, что ее произвели вѣдьмы ¹⁾: такъ глубоко проникли въ народное убѣжденіе завѣты старины, что и самые образованные люди XVII-го вѣка не теряли къ нимъ довѣрія. Отсюда становится понятною примѣта, по которой ни одна баба не должна присутствовать при отправленіи рыбаковъ въ море; особенно стараются, чтобы она не видѣла — какъ забираютъ и кладутъ въ лодку рыболовныя и мореходныя свасты: не то ожидай большой бѣды! ²⁾ Примѣта эта возникла изъ боязни морской бури, которую можетъ наслать тайная колдунья, если только свѣдаетъ про отъѣздъ рыбаковъ. Желая произвести засуху, вѣдьма — какъ скоро покажется дождевая туча — машетъ на нее своимъ передникомъ, и туча удаляется съ горизонта ³⁾. Съ помощію «громовыхъ стрѣлокъ» чародѣйки могутъ низводить съ неба молніи, зажигать дома и поражать людей; словенскія вѣштицы, подобно виламъ, владѣютъ губительными стрѣлами ⁴⁾.

Въ Малороссіи разсказываютъ, что вѣдьмы скрадываютъ съ неба дождь и росу, унося ихъ въ завязанныхъ кринкахъ или мѣшкахъ (= въ облачныхъ сосудахъ и мѣхахъ) и запрятывая въ своихъ хатахъ и коморахъ (кладовыхъ). Въ старые годы похитила вѣдьма дождь, и во все лѣто не упало его ни единой капли. Разъ она ушла въ поле, а дома оставила наймичку и строго наказала ей не дотрогиваться до горшка, что стоялъ подъ покутомъ. Мучимая любопытствомъ, наймичка достала горшокъ, развязала его, смотреть — внутри не видать ничего, только слышится исходящій оттуда невѣдомый

титъ, должно воткнуть въ землю ножъ, освященный на Свѣтло-Христово Воскресенье, и она непременно опустится наземь. — ¹⁾ О. З. 1856, XI, ст. Солов., 10. — ²⁾ Совр. 1852, I, смѣсь, 122. — ³⁾ Ворон. Бес., 193. — ⁴⁾ Учен. Зап. 2. отд. Аз. Н., VII, в 2-й, 30; Иличъ, 305.

голосъ: «вотъ будетъ дождь! вотъ будетъ дождь!» Испуганная наймишка выскочила въ сѣни, а дождь уже льется — словно изъ ведра! Скоро прибѣжала хозяйка, бросилась къ горшку, накрыла его — и дождь пересталъ; послѣ того принялась бранить наймишку: «еслибъ еще немного оставался горшокъ непокрытымъ, сказала она, то затопило бы всю деревню!»¹⁾ Разсказъ этотъ передается и съ нѣкоторыми отиѣнами: вѣдьма запретила наймишкѣ входить въ одну изъ своихъ кладовыхъ, гдѣ стояли завязанныя кадки; та нарушила запретъ, развязала кадки и нашла въ нихъ жабъ, ужей, лягушекъ и другихъ гадовъ; гады подняли страшный гамъ и распозлались въ разныя стороны. И что же? то было ясно, тихо, безоблачно, а тутъ откуда чтѣ взялось! — понадвинулась черная-черная туча, подулъ вѣтры и пошелъ дождь. Вѣдьма поскорѣй домой, собирала гадинъ, сложила въ кадки, завязала, и только это сдѣлала, какъ дождь пересталъ идти. Принимая дожденосную облака за небесные источники, озера и рѣки, фантазія древняго человѣка населила ихъ тѣми-же гадами, какіе обитаютъ въ водахъ низменнаго міра: жабами, лягвами и ужами. Если припомнимъ, что сверкающія въ тучахъ молніи уподоблялись змѣямъ и ужамъ, что самыя тучи олицетворялись демоническими змѣями (гидрами, драконами) и что изстари представленія эти были распространяемы и на другихъ водяныхъ гадовъ (II, 624 — 5), то для насъ будетъ понятно, почему змѣи, ужи, лягушки и жабы признаны были созданиемъ нечистой силы, сокрывателями и проводниками дождей, а ихъ шипѣнье и кваканье — знаменіемъ небесныхъ громовъ. Рядомъ съ баснями о гадѣ-господарикѣ (домовомъ змѣѣ) удержалось у чеховъ вѣрованіе въ домовика (лягушку, кваканье которой служить предвѣстіемъ дождя (сравни II, 551-2). По свидѣтельству народныхъ легендъ, ааскіе колодцы, т. е. соб-

¹⁾ Морск. Сб. 1856, XIV, ст. Чужбинск., 64; Lud Ukrain., II, 82.

Змія
и жаба
и лягушка
и ужи

ственно грозовыя тучи, наполнены змѣями, жабами и лягушками (см. выше стр. 263); и понынѣ чехи убѣждены, что лягушки падаютъ съ неба вмѣстѣ съ дождевыми ливнями ¹⁾). Потому-то колдуны и вѣдьмы и стараются окружать себя всѣми ишчисленными гадами, и пользуются ими, какъ необходимыми орудіями при совершеніи своихъ чаръ. Баба-яга и вѣдьмы варятъ въ котлахъ или под жариваютъ на огнѣ (т. е. въ грозовомъ пламени) жабъ, змѣй и ящерицъ, готовятъ изъ нихъ волшебные составы и сами питаются ихъ мясомъ; онѣ нарочно приходятъ къ источникамъ, скликаютъ гадовъ и кормятъ ихъ творогомъ ²⁾). Въ Германіи вѣдьмы обзываютъ: «inhitzige krotensack!» Во время вѣдовскихъ сборищъ одна изъ чародѣекъ обязана сторожить жабъ ³⁾). И въ нѣмецкихъ, и въ славянскихъ земляхъ запрещается прѣсть на Рождественскіе Святки; не то вѣдьмы напустятъ въ домъ жабъ, мышей и крысъ ⁴⁾): повѣрье, въ основѣ котораго таятся мысль, что вслѣдъ за изготовленіемъ небесной пряжи (облаковъ и тумановъ) зарождаются ииенческіе гады и должна послѣдовать гроза; о крысахъ и мышяхъ, какъ воплощеніяхъ молніи, сказано было въ главѣ XIV-ой.

Въ бурныхъ грѣзахъ древнія племена узнавали битвы облачныхъ духовъ, и потому какъ валькирии и вилы помогаютъ сражающимся героямъ, а вѣдогоня одной страны воюютъ съ вѣдогонями сосѣднихъ земель, такъ и вѣдьмы (по малорусскому сказанію) слетаются на границѣ и сражаются однѣ противъ другихъ. Вооруженныя небольшими мечами, онѣ наносятъ другъ другу удары, и при этомъ приговариваютъ: «що вгнѹ, то не перетнѹ!» чтобы удары меча не были смертельными.

¹⁾ Beitrage zur D. Myth., II, 463; Громанъ, 82. — ²⁾ Škull. a Dobšinsky, I, 39—42; Lud Ukraïn., II, 85. — ³⁾ D. Myth., 1025. — ⁴⁾ Ч. О. И. и Д. 1865, III, 201.

ми. Такимъ образомъ вѣдмы, послѣ каждаго пораженія, возстаютъ снова къ битвѣ, подобно воюющимъ героямъ валгаллы, которые если и падаютъ бездыханными трупами, то всякой разъ воскресаютъ на новые подвиги. Въ ночь наканунѣ Духовадня вѣдмы воруютъ деревянные мѣчки, которыми поселанки трутъ конопля; затыкаютъ ихъ за поясъ, и слетаясь на лысую гору или пограничныя мѣста, рубятся ими, какъ саблями ¹⁾. Отсюда объясняется галицкая поговорка: «коли мисяць въ серпъ (т. е. ночью, во время новолунія), то чаровницы јмдутъ на грѣящи» ²⁾. Вѣдмы не остаются равнодушными и къ народнымъ битвамъ; помогая той сторонѣ, которая прибѣгла къ ихъ чародѣйной помощи, онѣ напускаютъ на вражескую рать сокрушительные вихри и вьюги. Таково скандинавское преданіе о Торгердѣ и Ирпѣ. Хроника св. Бертина повѣствуетъ, что Рихильда передъ битвою съ Робертомъ взяла горсть пыли, и творя заклятіе, бросила ее на воздухъ по направленію къ непріятелю; но пыль упала на голову чаровницы въ знакъ ея собственной гибели. Въ другой хроникѣ разсказывается, какъ нѣкая волшебница, взойдя на зубчатыя стѣны осажденнаго замка, вызвала своими заклинаніями дождь и бурю, и тѣмъ самымъ заставила враговъ удалиться изъ занятой ими области ³⁾. Подобное преданіе встрѣчается и у насъ. Въ XVI-мъ вѣкѣ ходила молва, что во время осады Казани (въ 1552 году) татарскіе колдуны и колдуньи, стоя на городскихъ стѣнахъ, махали одеждою на русское войско и посылали на него буйные вѣтры и проливные дожди: «егда солнце начнетъ восходить, въздутъ на градъ, вѣтъ намъ зрящимъ, ово престарѣвшіе ихъ мужи, ово бабы, и начнутъ вошїати сатанинскія словеса, машуще одеждою своими на войско наше и вертящеса неблагочїиннѣ. Тогда абїе востанетъ вѣтръ и сочинятся облаки, аще бы и

¹⁾ Рус. Бес. 1856, III, ст. Максимовича, 90. — ²⁾ Номис., 4. — ³⁾ D. Myth., 1041.

день ясенъ зѣло начинался, и будетъ такіи дождь, и сухіи мѣста въ блато обратятся и мокроты исполнятся; и сіе точію было надъ войскомъ, а по сторонамъ нѣсть¹⁾. Своимъ заповѣднымъ словомъ колдуны и вѣдмы могутъ давать бранному оружію побѣдоносную силу и неизмѣнную мѣткость, и наоборотъ могутъ заговаривать его такъ, что удары и выстрѣлы его дѣлаются совершенно-безвредными: первоначальный смыслъ этого повѣрья былъ тотъ, что колдуны и вѣдмы, возбуждая грѣзы, посылають разящія молніи, а похищая дожди и производя засуху, тѣмъ самымъ завязываютъ лукъ и стрѣлы бога-громовника (см. выше стр. 434²⁾).

Послушныя волшебнымъ чарамъ, тучи сгущаются, закрываютъ небесныя свѣтила и претворяють ясный день въ темную ночь. Отсюда возникло убѣжденіе, что вѣдуны и вѣдмы скрадываютъ солнце, луну и звѣзды, что ихъ шумныя сборища и воздушные полеты происходятъ обыкновенно по ночамъ. О ночныхъ поѣздахъ вѣдмъ уже свидѣтельствуетъ Эдда. Злыя чародѣйки, родственныя великанкамъ и дивоженамъ, называются на сѣверѣ *queldridha* (*abendreiterin*) и *тургидха* (*dunkelreiterin*³⁾). По русскому и сербскому повѣрью, вѣдмы летаютъ ночью по воздуху и блестятъ яркими огоньками, т. е. сверкають молніями⁴⁾; особенно любятъ онѣ носиться въ надземныхъ пространствахъ въ непроглядныя осеннія ночи⁵⁾. Точно также въ ночную пору совершаются и бурно-стремительныя поѣзды дикой охоты или неистоваго воинства Одина. Сокрытіе небесныхъ свѣтилъ тучами и астрономическія затмѣнія солнца и луны принимались нашими предками за явленія тождественныя и

¹⁾ Сказанія кн. Курбскаго (изд. 2-е), 27. — ²⁾ *Zagusy domove*, III, 168. — ³⁾ *D. Myth.*, 1006. — ⁴⁾ „Кад вѣштица лети ноћу, сна се сија као ватра“. — ⁵⁾ Сrp. рјечник, 66; *Zagusy domove*, III, 135; Полтав. Г. В. 1844, 20.

равно приписывались вражескому нападенію демона-змія или вліянію злаго чародѣйства. Такое убѣжденіе раздѣляли всѣ индоевропейскіе народы. Во время затмѣній напуганные жители собирались толпами, били въ металлическіе сосуды и заставляли лаять собакъ; дѣлалось это съ двоякою цѣлью: во 1-хъ, чтобы напугать нечистую силу, и во 2-хъ, чтобы чародѣйныя заклятія, заглушаемая звономъ и лаемъ, не могли долетать до небесной тверди и вредить пребывающимъ тамъ свѣтиламъ ¹⁾. Звонъ — старинная метафора грома, а собачій лай — завыванія бурныхъ вѣтровъ; съ тѣмъ и другимъ народная фантазія соединила понятіе о спасительномъ средствѣ, разгоняющемъ демоновъ мрака (= темныя тучи). Наравнѣ съ нечистыми духами, вѣдуны и вѣдмы боятся собакъ и не терпятъ колокольнаго звона (см. I, 300-1, 734). Древніе греки затмѣнія солнца и луны объясняли похищеніемъ ихъ съ неба; волшебницы изводили небесныя свѣтила на землю и гасили ихъ божественное пламя. Въ такомъ похищеніи преимущественно были подозрѣваемы фессалійскія колдуньи. Въ «Облакахъ» Аристофана Стрепсиадъ, объясняя Сократу придуманное имъ средство не платить долговъ, совѣтуетъ ему обзавестись фессалійскою колдуньей: она спрячетъ луну въ коробку, и тогда можно продолжить мѣсячный срокъ, на сколько угодно. У славянъ вѣрованіе это и донынѣ удерживается между поселянами. Болгары, во время луннаго затмѣнія, стараются выстрѣлами изъ ружей и пистолетовъ прогнать вѣдьмъ (шагесницъ), которыя, по ихъ мнѣнію, захватили луну и омрачили ея свѣтлый ликъ ²⁾. На Русѣ есть повѣрье, что вѣдмы, скрадывая съ неба мѣсяцъ и звѣзды, складываютъ ихъ въ горшки и кувшины и прячутъ въ глубокихъ погребяхъ, или опускаютъ въ кри-

¹⁾ О. З. 1842, VI, 49; Ж. М. Н. П. 1839, III, 309—314. —

²⁾ Ж. М. Н. П. 1846, XII, 208.

ницы, т. е. скрываютъ (погребаютъ, хоронятъ) ихъ за дождевыми тучами. Случится ли затмѣніе или густыя облака неожиданно заволокутъ небесныя свѣтила, поселяне съ наивно-дѣтскимъ, но твердымъ убѣжденіемъ обвиняютъ въ похвщеніи ихъ колдуновъ, вѣдьмъ и злыхъ духовъ, которымъ во мракѣ удобнѣе творить безбожныя дѣла и уловлять въ свои сѣти христіанъ. О падающихъ звѣздахъ въ Малороссіи говорятъ, что ихъ уносятъ вѣдьма и причетъ въ кувшины. Съ особенною ревностью занимаются вѣдьмы скрадываніемъ мѣсяца и звѣздъ на праздниги Коляды и Купалы, когда бываютъ главныя вѣдовскія сборища и нечистая сила предается самому дикому разгулу ¹⁾. Было село (разсказываютъ въ черняговской губ.), въ которомъ проживало до тысячи вѣдьмъ; то и дѣло — крали онѣ святыя звѣзды и до того довели небо, что «ничимъ было свитить нашему грешному міру.» Тогда Богъ послалъ святаго Андрея (замѣна Перуна), который ударилъ своею палицею — и все вѣдовское село провалилось сквозь землю, а на его мѣстѣ стало болото, т. е. ударъ громовой палицы разбилъ облачныя обиталища вѣдьмъ и отвергъ дождевые источники. Скандинавскую колдунью El (procella) называли *şō lag bōl*—*solis perniciosus*, изъ чего видно, что въ ея образѣ олицетворялась черная туча, помрачающая дневной свѣтъ ²⁾. У насъ сохранилось слѣдующее причитанье:

Красная дѣвица
По бору ходила,
Болесть говорила,
Травы собирала,
Корни вырывала,
Мѣсяць скрала,
Солнце съела.

¹⁾ Сахаровъ, II, 3, 70; Рус. прост. праздн., I, 175; Маякъ, XIII, 49—58; Lud Ukrain., II, 81; Этн. Сб., V, библиогр. указ., 8—9; VI, 117. — ²⁾ D. Myth., 1043.

Чуръ ес колдунью,
Чуръ ес вѣдунью! ¹⁾.

Здѣсь вѣдьма, подобно змѣю и великанамъ, представляется съѣдающею солнце, т. е. погружая это свѣтило въ тучи, она тѣмъ самымъ, въ качествѣ облачной жены, принимаетъ его въ свои собственныя нѣдра — проглатываетъ его. Въ Калевалѣ чародѣйка Лоухи силою волшебныхъ пѣсень (= съ помощію дикихъ напѣвовъ бури) похищаетъ солнце и мѣсяцъ и заключаетъ ихъ въ мѣдную скалу, т. е. въ облачныя горы, отчего и наступаетъ всеобщая тьма ²⁾).

Распоряжаясь стихійными явленіями природы, двигаясь вмѣстѣ съ грозовыми тучами, вѣдуны и вѣдьмы могутъ переноситься съ мѣста на мѣсто съ быстротою крылатаго вѣтра. Представленіе колдовства вездѣ неразлучно съ полетами и поѣздами по воздуху, чрезъ горы и доли ³⁾). Обычными орудіями воздушныхъ полетовъ колдуновъ и вѣдьмъ, по нѣмецкимъ, литовскимъ и славянскимъ разсказамъ, служатъ: метла (помело, вѣникъ), кочерга, ухватъ, лопата, грабли и просто палка (костыль) или прутъ; нѣмцы называютъ вѣдьму: *gabelreiterin, besenreiterin*; чешское изрѣченіе: «*staré baby na rometlo!*» указываетъ на полеты старыхъ вѣдьмъ на печномъ вѣникѣ ⁴⁾). Верхомъ на метлѣ или грабляхъ вѣдьма летаетъ по поднебесью: это не болѣе, какъ поэтическая картина вѣтра, несущаго на своихъ крыльяхъ облачную жену-чародѣйку (см. I, 569). Вѣтръ представлялся помеломъ, потому что мететъ туманы и тучи и разчищаетъ небо; представлялся граблями, потому что сгущива-

¹⁾ О. З. 1842, VI, 52—53; сравни Малорус. пѣсни, изд. Максимовича, 1827 г., 42. — ²⁾ Эманъ, 55. — ³⁾ Кулишъ, II, 38—39; Москв. 1846, XI—XII, 149; Киев. Г. В. 1845, 13. — ⁴⁾ D. Myth., 1001, 1024, 1037—8; *Zagysy domove*, III, 146; Этн. Сб., V, стат. о камубахъ, 96; *Slov. pohad.*, 498—500; Штиръ, № 3.

еть облака — сгребаетъ ихъ въ густыя, темныя массы: образы, взятые изъ быта земледѣльческаго народа. Въ числѣ различныхъ миенческихъ представленій молніи она, какъ мы знаемъ, уподоблялась карающей палкѣ, лозѣ или пруту; самая же туча, сверкающая молніями, рисовалась воображенію младенческихъ племенъ небесною печью, очагомъ, на которомъ высочайшій владыка огня и верховный жрецъ (богъ-громовникъ) возжигаетъ свое чистое пламя; вмѣстѣ съ этимъ громовая палица получила значеніе кухоннаго орудія: а) кочерги, которою мѣшается жаръ и разбиваются горящія головни, б) ухвата и лопаты, съ помощію которыхъ сажаются въ печь приготовленныя яства. Въ областныхъ говорахъ кочерга называется ожогъ (ожигъ), а печная лопата — пѣкло ¹⁾. Вотъ почему о вѣдмахъ, ночной полетъ которыхъ сопровождается блестящими огоньками — молніями, народныя преданія утверждаютъ, что онѣ, садясь на кочергу, ухватъ, лопату или вѣнникъ, вылетаютъ въ дымовую трубу, слѣдовательно тѣмъ же путемъ, какимъ являются огненные змѣи и нечистые духи, прилетающіе въ видѣ птицъ, т. е. грозовые демоны ²⁾ Миенческое представленіе разящихъ молній пучкомъ прутьевъ (ruthenbündel) слилось воедино съ сейчасъ-указаннымъ представленіемъ вихря чародѣйнымъ помеломъ или вѣникомъ; въ нѣмецкихъ сказаніяхъ вѣнникъ этотъ получилъ характеристическое названіе dopper besen. По бѣлорусскому преданію, баба-яга погоняетъ воздушныя силы огненною метлою. У лужичанъ, въ ночь главнаго вѣдовскаго сборища (Walpurgisnacht), есть обычай бѣгать по полямъ съ зажженными вѣниками, что называется: «kuzŕagničje palić» (жечь вѣдьмъ ³⁾). Ударяя ветлами и вѣниками по источникамъ (= дождевымъ тучамъ) и рассыпая по воздуху брызги воды, вѣдьмы производятъ дож-

¹⁾ Обл. Сл., 139, 154. — ²⁾ Сахаров., II, 6, 11. — ³⁾ Volkslieder der Wenden, II, 223.

ди, градъ и бурю; разбѣзжая на вѣнникахъ, во время шумныхъ грозъ, онѣ начисто выметаютъ небо отъ потемняющихъ его тучъ ¹⁾. Въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, когда находитъ дождевая или градовая туча, поселяне, желая отворотить ее отъ своихъ зрѣющихъ нивъ, выбрасываютъ изъ хаты сковороду (звонъ сковороды, тазовъ и прочихъ металлическихъ сосудовъ — эмблема грома) и помело, лопату или кочергу ²⁾. Въ основѣ этого суевѣрнаго средства скрывается мысль, что молніеносная палица должна разбить тучу прежде, чѣмъ она разразится надъ нивою, а помело-вѣтръ прогнать ее (= смететь) въ другую сторону. Желая предаться воздушному полету, вѣдьмы, по нѣмецкому повѣрью, готовятъ волшебную мазь, которою и намазываютъ себѣ ноги и плечи — ноги, какъ орудія движенія, скорого бѣга, и плечи, какъ начало рукъ, замѣняющихъ собою крылья ³⁾. По русскому повѣрью, у вѣдьмы постоянно хранится вода, вскипяченная вмѣстѣ съ пепломъ купальскаго костра; когда она захочетъ летѣть, то обрызгиваетъ себя этою водою — и тотчасъ подымается на воздухъ и мчится, куда только вздумаетъ. Съ тою-же цѣлью вѣдьма старается добыть траву ти (е)рличъ, корень ея варитъ въ горшкѣ, и приготовленнымъ снадобьемъ мажетъ у себя подъ мышками и колѣнками, и затѣмъ съ быстротою молніи уносится въ трубу. Соку тирлича приписывается чудесное свойство дѣлать человѣка оборотнемъ и сообщать ему силу полета: по всему вѣроятію, здѣсь таится воспоминаніе о Перуновой травѣ = молніи; чародѣйное же снадобье (мазь) есть живая вода дожда, которую кипятятъ вѣдьмы въ облачныхъ котлахъ и сосудахъ, при помощи грозоваго пламени ⁴⁾. Уже въ Эддѣ *seidhr* (*sieden* — кипѣть,

¹⁾ D. Myth., 1026; Der heut. Volksglaube, 130. — ²⁾ Черниг. Г. В. 1855, 21; Рус. Бес. 1856, III, 85; Вѣст. Евр. 1830, XV—XVI, 275; Номис., 263, 282. — ³⁾ D. Myth., 1023. — ⁴⁾ Иллюстр., 1845, 415; Lud Ukrain., II, 86—87; Булишъ, II, 38; Сахаров., I, 43; Иличъ, 291.

варить ¹⁾ переходить въ значеніе колдовства: *sedh madhr* — колдунъ, *seidh kona*, *seydh kona* — вѣщая жена, умѣющая варить цѣлебныя лѣкарства. Согласно съ метафорическимъ названіемъ дождя опьяняющимъ напиткомъ (виномъ, медомъ, пивомъ), въ собирающихся парахъ и туманахъ древняго племени усматривали варку небеснаго пива, совершаемую грозowymi духами и нимфами. Когда передъ дождемъ и жаритъ, т. е. настанетъ удушливый жаръ, въ Германіи выражаются: «*zwerge, wichte, unterirdische* (мнѣшескіе карлы) *bräuen*» или «*die bergmutter* (облачная жена) *kocht wasser*»; о Брокенѣ, куда обыкновенно слетаются вѣдьмы отпраздновать свои шумныя празднества, говорятъ: «*der Brocken bräut*», какъ скоро подымающаяся мгла покроетъ его вершину туманною шапкою (*nebellkarpe*). Вѣдьмы варятъ въ котлахъ ядовитыя травы и корни и распускаютъ по всему небесному своду клубящіяся пары; на др.-сѣверн. нарѣчій туманъ называется *kerlinga vella* = *hexengebräu*; старинные законодательные памятники указываютъ на бранное выраженіе: *hexenkesselträger* ²⁾). Русскія вѣдьмы и баба-яга носятъ по воздуху въ желѣзной ступѣ (котлѣ-тучѣ), погоняя пестомъ или клюкою (громовой палицею) и заметая слѣды помеломъ, при чемъ земля стонетъ, вѣтры свистятъ, а нечистые духи издають дикіе вопли (I, 291 ³⁾); когда онѣ собираются на лысой горѣ, тамъ горятъ огни яркіе и кипятъ котлы кипучіе. Такимъ образомъ, кипятя на грозовомъ пламени дождевую влагу и опрыскиваясь ею, вѣдьмы совершаютъ свои воздушные полеты и посылаютъ на поля и лѣса разрушительныя бури, съ градомъ, ливнями и вьюгою. Вѣдуны и вѣдьмы обладаютъ и другими баснословными дико-

¹⁾ „*Seydhr oder saudhr*—dichterisch ein name des siedenden, kochenden feuers“. — ²⁾ D. Myth., 988, 998, 1043; Die Götterwelt, 92. — ³⁾ Морск. Сб. 1856, XIV, 64; Zarysy domove, III, 146.

вивками, служившими нѣкогда для поэтическаго обозначенія летучаго облака: по свидѣтельству сказокъ, они хранятъ у себя живую и мертвую воды, летаютъ на коврахъ-самолетахъ и обуваются въ сапоги-скороходы. Нѣмецкія саги утверждаютъ, будто бы чортъ окутываетъ вѣдму въ своей плащъ (= облачный покровъ) и носигъ ее по воздушнымъ пространствамъ, почему и дается ей прозваніе *mantelfahrerin* ¹⁾. Сербская вѣщица, приготовляясь летѣть, мажетъ себѣ подъ мышками чародѣйною мазью и восклицаетъ: «ни отри, ни отри, *wei* на пометногумно!» ²⁾ Эта предохранительная формула (не оградившись ею, можно залѣгть на терновый кустъ или дубовое дерево и ушибиться) соответствуетъ нашему энически-му выраженію: «выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго» въ заклятіямъ, съ какими начинаютъ свой полетъ нѣмецкія вѣдмы: «auf und davon! hui oben hinaus und nirgend an!» «fahr hin, nicht zu hoch, nicht zu nieder!» Преслѣдуя сказочныхъ героев, вѣдма творитъ заклятіе: «vor mir tag, hinter mir nacht!» т. е. помрачая небо темною тучею, она освѣщаетъ передъ собою путь блестящими молніями ³⁾. По скандинавскому преданію, колдунъ беретъ козью шкуру (метафора облака), обвиваетъ ее около головы и произноситъ: «es werde nebel und werde zauber und allen wunder, dir hinter die suchen!» Объ индѣйскихъ колдуньяхъ извѣстно, что воздушному ихъ полету предшествовало произнесеніе заговора: Казаратри, сотворивъ волшебное заклинаніе, поднялась съ своими ученицами съ крыши коровника и полетѣла облачною дорогою (auf dem wolkenpfad). Одному человѣку посчастливилось подслушать ея вѣщія слова; онъ вздумалъ повторить ихъ и тотчасъ-же послѣдовалъ за чародѣйкою—точно также, какъ въ нѣмецкомъ, сербскомъ и русскомъ сказаніяхъ люди, которымъ удавалось

¹⁾ D. Myth., 1024, 1035. — ²⁾ Срп. рјечникъ, 66. — ³⁾ Сравни въ сбора. Гальтриха, № 34.

подслушать заклятіе, произносимое вѣдьмою при ея отлетѣ, и воспользоваться ея волшебнымъ снадобьемъ, летали вслѣдъ за нею на мѣста вѣдовскихъ сборищъ ¹⁾). Какъ вѣстелины вихрей, колдуны и вѣдьмы могутъ насылать на своихъ ненавистниковъ и соперниковъ порчи по вѣтру, подымать ихъ на воздухъ и кружить тамъ съ страшною, ничѣмъ-неудержимую быстротою. Такъ существуетъ разсказъ, что одинъ колдунъ, изъ ревности къ молодому парню, заставилъ его цѣлые мѣсяцы носиться въ стремительномъ вихрѣ. Невѣдомая сила подхватила его на воздухъ, закружила и понесла все выше и выше; томимый голодомъ и жаждою, летѣлъ онъ — самъ не вѣдая куда; отчаянныя жалобы его не достигали до людей, никто не видалъ его жгучихъ слезъ, несчастный изсохъ до костей и не чаялъ себѣ спасенія. Когда наконецъ буйный вихрь оставилъ его — парень спустился на землю; пытаясь отомстить своему ворогу, онъ отыскалъ хитрую колдунью и прибѣгнувъ къ ея помощи. Чародѣйка запала въ печи зелье — и среди яснаго, безоблачнаго дня вдругъ завылъ вѣтеръ, схватилъ колдуна, и понесъ его высоко надъ землею; съ той поры кружился онъ по воздуху въ неистовой пляскѣ, а за нимъ носились стаи крикливыхъ воронъ и галокъ ²⁾). Когда вѣдьма пожелаетъ призвать кого-нибудь изъ дальней стороны, она варитъ корень терлича, и какъ только вода закипитъ — въ ту же минуту призываемый «зниметца и полетитъ якъ птахъ»; въ своемъ воздушномъ полетѣ онъ томится жаждою и непрерывно повторяетъ возгласъ: «пить, пить!» Чаше всего чародѣйки пользуются этимъ средствомъ для призыва своихъ возлюбленныхъ; заваривая зелье, онѣ приговариваютъ: «терличъ, терличъ! мого много прикличь.» Чѣмъ сильнѣе закиваетъ снадобье, тѣмъ выше и быстрѣе онъ несется: «якъ дуже злля кипить (говорять малоруссы) — милій поверхъ дерева

¹⁾ D. Myth., 1037. — ²⁾ Пов. и пред., 76—80.

летить; а якъ не дуже — о половини дерева и въ этомъ послѣднемъ случаѣ легко можетъ налетѣть на древесный стволъ и ушибиться до смерти ¹⁾). Въ одной пѣснѣ дѣвица жалуется, что ея милый далѣко, за крутою горою, и по совѣту матери рѣшается на чару:

Уранци (корень) копала,
 А въ обиди варила,
 Козаченька манила:
 А ще „розмай“ не вкипивь,
 А вже милій прилетивь.
 „Ой, що-жъ тебе привесло —
 Чи човничокъ, чи весло?“
 — Ни човничокъ, ни весло,
 А дивоче ремесло! ²⁾

Тотъ, чьи волосы попадутся въдѣмѣ и она запалитъ ихъ на огнѣ, съ произнесениемъ заклятiя, также немедленно подымается на воздухъ и прилетаетъ на ея зовъ ³⁾).

Заправляя полетами тучъ и вихрей, вѣдуны и вѣдмы должны были стать въ самыя близкія отношенiя къ ихъ мифическимъ воплощенiямъ въ образѣ различныхъ животныхъ. Если припомнимъ, что темныя тучи представлялись небесными волками, а молнии — огненными змѣями, то для насъ совершенно объяснится то старонѣмецкое преданiе, по свидѣтельству котораго вѣдмы вечеромъ и ночью ѣздятъ по воздуху на осѣдланныхъ волкахъ, взнуздывая и погоняя ихъ змѣями. По указанiю Эдды, на волкѣ, взнузданномъ змѣею, ѣздила великанка. Шведская пѣсня упоминаетъ о поѣздахъ вѣдмъ на медвѣдѣ; народныя же повѣрья, доннынѣ живущiя въ устахъ поселянъ въ Германiи, утверждаютъ, что колдуны ѣздятъ на волкахъ, а колдуньи — на кошкахъ и козлахъ. Нерѣдко въ видѣ козла является къ услугамъ вѣдмы дьяволъ, на котора-

¹⁾ Кулишь, II, 39; Новис., 5. — ²⁾ Черниг. Г. В. 1861, 36; Нпр. бѣлорус. пѣсни Е. П., 32. — ³⁾ Lud Ukrain., II, 107—8.

го она тотчасъ-же садится — и пускается въ воздушное странствование. Все эти звѣри — древнѣйшія олицетворенія грозовыхъ облаковъ. Самые боги и богини, царствующие въ воздушныхъ сферахъ, разъѣзжали на тѣхъ-же звѣряхъ: такъ Фрея вослалась во мракѣ ночи на блистающемъ шетиную боровѣ или въ колесницѣ, запряженной кошками, сестра ея Нундла — на волкѣ, а Торъ — на козлахъ ¹⁾ На Руси рассказываютъ о поѣздкахъ колдуновъ на волкахъ ²⁾. На старой любочной картинѣ баба-яга изображена ѣдущею верхомъ на свиць ³⁾; въ пѣсенный сборникъ Коллара ⁴⁾ занесено слѣдующее причитанье:

Černokňazjk let j
W ohniwem oblaku,
Sediaci na draku.
Beda tomu lesu,
Kde ho krijdla nesu;
Beda tomu mestu,
Kadiel wezme cestu!

Въ сербской сказкѣ колдунья беретъ трехглавую змѣю, вмѣсто кнѣта, садится въ повозку, хлопаетъ змѣей и отправляется въ дорогу: преданіе, напоминающее намъ волшебницу Мелею, которая улетѣла на колесницѣ, запряженной драконами, и Деметру, которая снарядила въ путь Триптолема и дала ему подобную-же колесницу ⁵⁾. Колдунамъ и вѣдьмамъ приписывается умѣнье разводитъ (плодитъ) драконовъ и укоро-

¹⁾ D. Myth., 305, 997, 1006—9, 1024; Die Götterwelt, 277; Симрокъ, 281. — ²⁾ Маякъ 1845, XXIII, смѣсь, 117. Въ актахъ XVII столѣтія встрѣчаемъ любопытное обвиненіе, взведенное на одного попа, будто онъ вѣдлалъ на медвѣдѣ (Опис. города Шуи, 314). — ³⁾ Изв. Имп. археолог. общ., т. III. — ⁴⁾ Ниг. zpie-wanku, I, 13. — ⁵⁾ Матер. для изучен. нар. слов, 35, 49; Мнѣны влас. древности, I, 205; Griech. Myth. Преллера, I, 604: Триптолемъ былъ посланъ Деметрою auf einem geflügelten Schlangenzugwagen in alle Welt, um den in Eleusis gestifteten Segen unter allen Völkern und Menschen zu verbreiten.

чать ихъ бѣшеную ярость ¹⁾. Не мнѣе важно для исторіи народныхъ вѣрованій свидѣтельство сербской пѣсни, въ которой разсказывается о дѣвицѣ-чародѣйкѣ:

Она оде у зелену башчу,
 Желез-рогом шарца оседлала,
 Л(ь)утом га је змијом зауздала,
 Још га л(ь)ућом змијом ошибује, ²⁾
 Сама иде пред цареву војску:
 Једну војску буздованом бије,
 Другу војску бритком сабл(ь)ом сече,
 Трећу војску на воду натера ³⁾.

О вѣлахъ разсказываютъ, что онѣ ѣздятъ на оленяхъ, взнузданныхъ и погоняемыхъ змѣями (стр. 164). Выше было указано, что грозовыя облака издревле представлялись и конями, и оленями. Эда говоритъ о воздушныхъ поѣздахъ вѣдьмъ на быстроногихъ коняхъ; то же подтверждается и народными повѣрьями. Коніи эти являются передъ ними мгновенно, словно изъ земли выростая; самая дубинка, на которой летаетъ вѣдьма, нерѣдко превращается подъ нею въ волшебнаго коня. По рускому повѣрью, вѣдьмы во время купальскаго сборища пріѣзжаютъ на лысую гору не только на помелахъ, но и на брзыхъ, неутомимыхъ скакунахъ; въ сказкахъ онѣ надѣляютъ героевъ чудесными, летучими конями ⁴⁾. Разѣзжая на волкахъ или коняхъ, взнузданныхъ и бичуемыхъ змѣями, вѣдьмы собственно летаютъ на бурно-несущихся облакахъ и погоняютъ ихъ молніями (о ивнеческомъ представленіи молніи бичемъ или плетью см. I, 282). Съ теченіемъ времени, когда память

¹⁾ Фин. Вѣст. 1846, X, 47; Пѣсни разн. нар. въ переводѣ Берга, 503-7. — ²⁾ Переводъ: Пошла она въ зеленый садъ, осѣдлала коня оленьимъ рогомъ, зауздала его лютымъ змѣемъ, еще лютейшимъ змѣемъ погоняетъ... — ³⁾ Сри. н. пјесме, I, 160. — ⁴⁾ D. Myth., 1006, 1038; Симрокъ, 93; Фин. Вѣст. 1845, V, 77; Nag. zriewanku, I, 13: была вѣщица, „mata koŋa Tatošjka“, летала на немъ и въ Венгрію, и въ Польшу.

народная позабыла первичныя основы и дѣйствительный смыслъ зооморфизма, сказанія о небесныхъ животныхъ были перенесены на ихъ земныхъ близнецовъ. Вѣдьмамъ стали приписывать поѣздки на обыкновенныхъ волкахъ, лошадяхъ и кошкахъ, стали окружать ихъ стаями лѣсныхъ звѣрей и змѣями ползучими, осужденными пресмыкаться на землѣ, а не парить по поднебесью. У шведовъ есть повѣрье, что старыя бабы, живущія уединенно въ лѣсахъ, скрываютъ въ своихъ избушкахъ волковъ, преслѣдуемыхъ охотниками; этихъ бабъ называютъ волчьими матерями — *vargamödrar* (*wolfmütter* ¹⁾). По мнѣнію русскаго простолюдиня, волчье сердце, когти черной кошки и змѣя составляютъ необходимую принадлежность чародѣйныхъ составовъ, приготовляемыхъ колдунами и вѣдьмами. Обычное въ народной поэзіи олицетвореніе облаковъ и вѣтровъ легкокрылыми птицами также не осталось безъ вліянія на суевѣрные представленія о колдовствѣ. Впрочемъ преданія чаще говорятъ о превращеніи вѣдуновъ и вѣдьмъ въ различныхъ птицъ, чѣмъ о полетахъ на этихъ воздушныхъ странницахъ. Пѣтуху, какъ мы знаемъ, присвоилось въ язычествѣ особенно-важное значеніе; какъ представитель грозового пламени и жертвеннаго очага, онъ и донынѣ считается необходимымъ спутникомъ вѣщихъ мужей и женъ. Нѣмцы знаютъ о воздушныхъ поѣздахъ вѣдьмъ на черномъ пѣтухѣ; чехи рассказываютъ о колдунѣ, который ѣздилъ въ маленькой повозкѣ, запряженной пѣтухамъ; а русскіе поселяне убѣждены, что при вѣдьмѣ всегда находится черныи пѣтухъ и черная кошка ²⁾. Замѣтимъ, что въ старину осужденныхъ на смерть вѣдьмъ зарывали въ землю вмѣстѣ съ пѣтухомъ, кошкою и змѣею.

*сказки
Р. Л.*

¹⁾ D. Myth., 1014. — ²⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 439; Der Ursprung der Myth., 211; Пов. и пред., 74; Иллюстр. 1845, 415.

Колдуны обыкновенно представляются стариками съ длинными сѣдыми бородами и сверкающими глазами; о вѣдмахъ же рассказываютъ, что это — или безобразныя старухи незапамятныхъ лѣтъ, или молодыя красавицы. Тоже думаютъ нѣмцы о своихъ *hexen* ¹⁾. Такое мнѣнiе, съ одной стороны, согласуется съ дѣйствительнымъ бытомъ младенческихъ племенъ, ибо въ древности все высшее, священное «вѣдѣнiе» хранили старѣйшiе въ родахъ и семьяхъ; а съ другой стороны — совпадаетъ съ мнѣнчскимъ представленiемъ стихiйныхъ силъ природы. Облака и тучи (какъ неразъ было указано) рисовались воображенiю нашихъ предковъ и въ мужскомъ олицетворенiи бородатыхъ демоновъ, и въ женскихъ образахъ — то юныхъ, прекрасныхъ и полногрудыхъ нимфъ, несущихъ землѣ дожди и плодородiе, то старыхъ, вражескихъ бабъ, вѣющихъ стужей и опустошительными бурями. Въ ночную пору вѣдьмы распускаютъ по плечамъ свои косы, и раздѣвшись до-гола, накидываютъ на себя длинныя бѣлыя и неподпоясанныя сорочки (или саваны), затѣмъ садятся на метла, завариваютъ въ горшкахъ волшебное зелье и, вмѣстѣ съ клубящимися парами, улетаютъ въ дымовыя трубы творить порчи и злыя дѣла, или гулять на лысой горѣ ²⁾. По рассказамъ поселянъ, когда вѣдьма собираетъ росу, донть чужихъ коровъ или дѣлаетъ въ поляхъ заломы — она всегда бываетъ въ бѣлой сорочкѣ и съ распущенными волосами ³⁾. Своими раздѣвающимися косами и бѣлыми сороч-

¹⁾ Сахаровъ, II, 62—63; Рус. Предан., II, 103—III; D. Myth., 992. „Старая вѣдьма“—одно изъ наиболѣе употребительныхъ въ нашемъ народѣ бранныхъ выраженiй. — ²⁾ Киев. Г. В. 1845, 13; Lud Ukrain., II, 80; Иличъ, 292; D. Myth., 1007. Болгары уверяютъ, что вѣдьмы ходятъ ночью по рѣкамъ — раздѣтыя до-гола и созываютъ злыхъ духовъ для совѣщанiй съ ними—Ж. М. Н. П. 1846, XII, 208. — ³⁾ Въ заговорѣ заклиняется баба-вѣдунья, дѣвка простоволосая—Сахаровъ, I, 18.

ками (= поэтическія обозначенія облачныхъ прядей и пирововъ) вѣдмы сближаются съ русалками, вилами и эльфами; наравнѣ съ этими мифическими существами, онѣ признаются за небесныхъ пряхъ, изготовляющихъ облачныя ткани. Въ числѣ различныхъ названій, даваемыхъ вѣмцами вѣдмамъ, встрѣчаемъ: *feldfrau*, *feldspinnerin*; въ южной Германіи рассказываютъ о вѣдмахъ, что онѣ прядутъ туманы (стр. 354); народное выраженіе: «*die alten weiber schütteln ihren rock aus*», употребляемое въ сѣвѣ: «снѣгъ идетъ» ¹⁾ вполне соответствуетъ вышеобъясненному выраженію о Гольдѣ, вытрясающей свою перину (I, 500). По белорусскому повѣрью, вѣдма, обвиняясь съ ногъ до головы выпряденною изъ кудели ниткою, дѣлается невидимкою ²⁾, т. е. облакается въ туманную одежду (= надѣваетъ шапку-невидимку, *pebelkarpe*). И вѣдуны, и вѣдмы любятъ превращаться въ клубокъ пряжи, и въ этомъ видѣ съ неуловимой быстротою катаются по дворамъ и дорогамъ. Иногда случается: вдругъ раздастся на конюшнѣ страшный топотъ, лошади начинаютъ бѣситься и рваться съ привязи, и все отъ того, что по стойламъ и яслямъ катается клубокъ-оборотень, который также внезапно появляется, какъ и пропадаетъ ³⁾. Въ славянскихъ сказкахъ вѣдма или баба-яга даетъ странствующему герою клубокъ; кинутый на землю, клубокъ этотъ катится впереди странника и указываетъ ему дорогу въ далекое, невѣдомое царство ⁴⁾. Малоруссы обвиняютъ вѣдмъ въ покражѣ тѣхъ снарядовъ, которыми трутъ лёнъ ⁵⁾. По рассказамъ чеховъ, вѣдмы ѣздятъ по воздуху на

¹⁾ D. Myth., 1042. — ²⁾ Пантеонъ 1854, VI, ст. Шпилевскаго. — ³⁾ Москв. 1844 XII, 37. — ⁴⁾ Глянск., IV, 42: *k Źebek-wskazidgožek*; тоже указаніе находимъ и въ нѣмецкой сказкѣ—сборн. Грим., I, стр. 285. — ⁵⁾ Наканунѣ Пасхи финны ставятъ около хлѣбовъ серпы противъ летучихъ волшебницъ, которыя со-

прялкахъ (kuzly), а по рассказамъ словенцевъ на ткацкихъ «вратилахъ» ¹⁾, или катушкахъ, на которыя навивается полотно и пряжа. Кроме того, народныя преданія изображаютъ вѣдьмъ небесными прачками. Въ Баваріи уцѣляли саги, по свидѣтельству которыхъ вѣдьмы въ лунныя ночи бѣлятъ свои прекрасныя холсты, а послѣ дождей развѣшиваютъ на свѣтлыхъ облакахъ и просушиваютъ свое бѣлье. У французовъ существуетъ повѣрье, что въ полночь возлѣ уединенныхъ источниковъ, подъ стѣною развѣсистыхъ ивъ, раздаются громкіе и частые удары вальковъ мѣшеческихъ прачекъ; водяныя брызги поднимаются до самыхъ облаковъ и производятъ дожди и бурныя грозы. Подобно тому, и нѣмецкія вѣдьмы во время своихъ праздничныхъ сборищъ ударяютъ скалками и трепалами ²⁾, а русскія вѣщицы представляются въ томской губерніи могучими бѣлье. Эти черты приписываются вѣдьмамъ наравнѣ съ другими облачными женами. Такъ литовскія лаумы, сходясь позднимъ вечеромъ въ четвергъ (день громовника), колотятъ вальками бѣлье и притомъ съ такою силою, что ихъ оглушительный стукъ доносится до самыхъ отдаленныхъ окрестностей. Галицкія и польскія лисунки (дивожены) занимаются стиркою бѣлья, и вмѣсто вальковъ употребляютъ свои большія, отвислыя груди (II, 343 ³⁾). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, когда послышится громъ, крестьяне говорятъ: «unsere Herrgott mangelt» ⁴⁾. По ихъ мнѣнію, въ ясный солнечный день, наступающій вслѣдъ за продолжительными дождями, Гольда просушиваетъ свои покрывала. Въ Лужицахъ же существуетъ повѣрье: когда wódna

бираютъ тогда шерсть (волну) и уносятъ ее на высокую гору—Вѣст. Евр. 1828, XIII, 9—10. — ¹⁾ D. Myth., 1038; Иличъ, 289. — ²⁾ Трепало—орудіе, служащее для очистки льна отъ кострихи. — ³⁾ Въ Этн. Сб., III, 90, приведенъ рассказъ о вѣдьмѣ, которая убивала людей, ударяя своими грудями. — ⁴⁾ Mangeln—катать на каткѣ.

лопа разстилаетъ по берегу вымытое бѣлье, то слѣдуетъ ожидать дождливой погоды и поднятія водъ въ рѣкахъ и источникахъ ¹⁾. Уподобляя облака — одеждамъ, сорочкамъ, тканямъ, фантазія древняго человѣка стала изображать грозу въ поэтической картинѣ стирки бѣлья: небесныя прачки — вѣдьмы бьютъ громовыми вальками и полощатъ въ дождевой водѣ свои облачные покровы. Эти и другія представленія стихійныхъ силъ природы, представленія, заимствованныя отъ работъ, издревле-присвоенныхъ женщинамъ (какъ-то: пряжа, тканье, мытье бѣлья, доеніе коровъ и приготовленіе яствъ), послужили основаніемъ, почему въ чародѣйствѣ попреимуществу обвиняли женъ и дѣвъ и почему вѣдьмы пользуются въ народныхъ преданіяхъ болѣе видною и болѣе значительною ролью, нежели колдуны и знахари. Несторъ выражаетъ общее, современное ему воззрѣніе на женщину въ слѣдующихъ словахъ: «паче же женами бѣсовская волъшванья бывають; искони бо бѣсъ жену презети, си же мужа; тако въ си роди много волхвуютъ жены чародѣйствомъ и отравою и ивѣми бѣсовьскими козными?»

Лысая гора, на которую, вмѣстѣ съ бабою-ягою и нечистыми духами, собираются вѣдуны и вѣдьмы, есть свѣтлое, безоблачное небо (I, 115-120). Сербскія вѣщицы прилетаютъ на «пометно гумно»: такъ какъ громовые раскаты уподоблялись нашимъ предками стучу молотильныхъ цѣповъ, а вихри, несущіе облака, мѣтламъ, то вмѣстѣ съ этимъ небесный сводъ долженъ былъ представляться гумномъ или токомъ ²⁾. Выраженіе: «вѣдьмы летаютъ на лысую гору» первоначально относилось къ миенческимъ женамъ, вагоняющимъ на высокое небо темныя, грозовыя тучи. Позднѣе, когда значеніе этихъ метафоръ было затеряно, народъ связалъ вѣдовскіе полеты съ тѣми го-

¹⁾ Der heut. Volksglaube, 104; Совр. 1852, I, 78; Этн. Сб., VI, 148; Volkslieder der Wenden, II, 267. — ²⁾ Венгерскія вѣдьмы летаютъ на корasz teto (лысая макушка, вершина горы).

рами, которыя высились въ населенныхъ имъ областяхъ. Такъ малоруссы говорятъ о сборищахъ вѣдьмъ на Лысой горѣ, лежащей на лѣвой сторонѣ Днѣпра, у Кіева ¹⁾, этого главнаго города древней Руси, гдѣ нѣкогда стояли кумиры и былъ центръ языческаго культа; отъ того и самой вѣдьмѣ придается эпитетъ кіевской ²⁾. Названіе «Лысая гора» встрѣчается и въ другихъ славянскихъ земляхъ, и Ходаковскій насчитываетъ до пятнадцати мѣстностей, обозначенныхъ этимъ именемъ ³⁾. У чеховъ и словеновъ чародѣйки слетаются на бабыи горы ⁴⁾, и часть Карпатовъ между Венгріей и Польшей называется поляками *Babia gora*. По литовскому повѣрью, колдуны и вѣдьмы наканунѣ Иванова дня собираются на вершинѣ горы Шатрии (въ шавельскомъ уѣздѣ); нѣмецкія *hexen* летаютъ на *Brocken* (*Blocksberg*) *Horselberg*, *Bechelberg*, *Schwarzwald* и другія горы ⁵⁾. Полеты вѣдьмъ на лысую гору обыкновенно совершаются въ темныя, бурно-грозовыя ночи, извѣстныя въ народѣ подъ именемъ „воробьиныхъ“ ⁶⁾; но главныя сборища ихъ на этой горѣ бывають три раза въ годъ: на Коляду, при встрѣчѣ весны и въ ночь Ивана Купалы. Въ эти праздники крестьяне съ особенною заботливостью стараются оберегать своихъ лошадей, чтобы вѣдьмы и нечистые духи не захватили и не измучили ихъ въ быстромъ поѣздѣ. Время вѣдовскихъ сборищъ, совпадая съ началомъ весны и съ двумя солнечными поворотами, наводитъ на мысль, что дѣятельность вѣдьмъ стоитъ въ непосредственной зависимости отъ тѣхъ измѣненій, какія замѣчаются въ годичной жизни природы.

¹⁾ Пов. и пред., 180. — ²⁾ Сахаров., I, 26, 44. — ³⁾ Ист. Сб., VII, 237—8; Сахаров., II, 41; Рус. прост. празд., IV, 34; *Zagusy domove*, III, 146; Этн. Сб., V, ст. о кашубахъ, 72; Вѣст. Евр. 1820, XXIII, 186. — ⁴⁾ Съ болѣею вѣроятіемъ можно допустить, что названіе это знаменуетъ облачныя горы, а не сводъ небесный — см. выше, стр. 124. — ⁵⁾ D. Myth., 1003—5; Ганушъ, 178; Колевск. Губерн., 575. — ⁶⁾ Иллюстр. 1845, 251.

Духи бурныхъ грозъ, замирающіе на зиму, пробуждаются вѣстѣ съ рожденіемъ солнца, а въ половинѣ лѣта достигаютъ наибольшей полноты силъ и предаются самому неистовому разгулу; рожденіе же солнца старинные мѣны сочетали и съ зимнимъ его поворотомъ — на праздникъ Коляды, и съ благодатнымъ просвѣтлѣніемъ его весною. По указаніямъ, собраннымъ въ народномъ дневникѣ Сахарова, съ 26-го декабря начинаются бѣсовскія потѣхи, вѣдьмы со всего свѣта слетаются на лысую гору на шабашъ и сдружаются тамъ съ демонами; 1-го января вѣдьмы заводятъ съ нечестыми духами ночныя прогулки, а 3-го, возвращаясь съ гулянья, задаиваютъ коровъ; 18-го января онѣ теряютъ память отъ излишняго веселья на своемъ пиршествѣ¹⁾. По знаменательному повѣрью русиновъ, на Благовѣщенье (25 марта — день, въ который Весна побораётъ Зиму) зарождаются вѣдьмы и упыри (= гонители и сосуны дождевыхъ тучъ²⁾); На Юрьевъ день (23 апрѣля), посвященный громовнику = побѣдителю змѣя и пастырю небесныхъ стадъ, и въ «купаальскую» ночь на 24 іюня (празднество Перуну, погашающему въ дождевыхъ потокахъ знойные лучи солнца — I, 208) вѣдуны и вѣдьмы собираются на лысую гору, творятъ буйныя, нечестивыя и грѣшныя и совѣщаются на пагубу людей и домашнихъ животныхъ³⁾; въ эту-же таинственную ночь они ищутъ и рвутъ на лысой горѣ волшебныя зелья, что, конечно, имѣетъ связь съ мѣномъ пламеннаго Перунова цвѣта, почка котораго-зрѣетъ и распускается въ

¹⁾ Рус. Предан., II, 103—111; Рус. прост. праздн., III, 86; Сахаров., II, 3—4, 7, 70; Терещ., V, 75; Zagusy domove, III, 147. —

²⁾ Ганушъ, 103. — ³⁾ Lud Ukrain., II, 87; Сахаров., II, 41; Терещ., V, 87; Рус. прост. праздн., I, 175; IV, 33—34. Масляницу свою вѣдьмы отправляютъ на лысой горѣ, что бываетъ или на первой недѣлѣ великаго поста, или наканунѣ Воскресенія Христова—Ж. М. В. Д. 1848, XII.

ночь на Ивана Купалу ¹⁾. Если ухватиться за вѣдму въ ту минуту, когда она хочетъ летѣть на лысую гору, то можно совершить воздушное странствованіе: того, кто рѣшается на это, она уноситъ на мѣсто сборища. На Украинѣ ходитъ разсказъ о полетѣ одного солдата на вѣдовской шабашъ. Ночью, наканунѣ Иванова дня, удалось ему подсмотрѣть, какъ улетѣла въ трубу его хозяйка; солдатъ вздумалъ повторить тоже, что дѣлала вѣдма: онъ тотчасъ-же сѣлъ въ ступу, помазалъ себѣ подъ мышками волшебной мазью — и вдругъ, вмѣстѣ со ступою, взвился въ дымовую трубу и съ шумомъ понесся по поднебесью. Летитъ солдатъ, самъ не вѣдая куда, и только покрикиваетъ на встрѣчныя звѣзды, чтобы сторонились съ дороги. Наконецъ опустился на лысую гору: тамъ играютъ и пляшутъ вѣдмы, черти и разныя чудища; со всѣхъ сторонъ раздаются ихъ дикіе клики и пѣсни! Испуганный невиданнымъ зрѣлищемъ, солдатъ сталъ поодаль — подъ тѣнистымъ деревомъ; въ ту же минуту явилась передъ нимъ его хозяйка: «ты зачѣмъ? молвила она; скорѣе назадъ, если тебѣ жизнь дорога! Какъ только завидать наши, сейчасъ тебя задушатъ! Вотъ тебѣ славный конь, садись и утекай!» Солдатъ вскочилъ на коня и вихремъ пустился домой. Приѣхалъ, привязалъ коня къ яслямъ и залѣгъ спать; на утро проснулся, пошелъ въ конюшню, глядитъ — а вмѣсто коня привязано къ яслямъ большое полѣно ²⁾. Подобный-же разсказъ есть у сербовъ: «у Сријему се приповиједа да се онамо вјештице највише скупају више села Меловина на некакѣм ораху. Приповиједа се, како је некакав човјек видјевши из постеле како му је из куће вјештица одлетјела, нашао њезин лонац с масти, пак се њоме намазао и рекавши као и она, прометнуо

¹⁾ Сахаров., I, 43; Рус. прост. праздн., I, 75; Иллюстр. 1845, 262; Описан. олонец. губ. Дашкова, 190. — ²⁾ Lud Ukrain., II, 87—88.

се и он у нешто и одлетво за њом, и долетјевши на орах више Моловина нашао ондје много вјештица, гдје се часте за златнијем столом и пију из златнијех чаша. Кад их све сагледа и многе међу њима позна, онда се као од чуда прекрсти говорећи: анате вас мате било! У онај исти мах оне све прсну куд која, а он спадне под орах човјек као и прије што је био. Златна стола не стане као и вјештица, а њихове златне чаше претворе се све у папке којекакијех стрвина¹⁾. Точно также и нѣмецкія вѣдмы собираются не только на вершинахъ горъ, но и въ поляхъ подъ сѣнею дуба, липы или груши, а вѣдмы неаполитанскія подъ орѣховымъ деревомъ²⁾; на Руси указываютъ старыя дубы, подъ которыми сходятся вѣдмы на свои шумныя игрища (II, 296). Дубъ и орѣхъ были посвящены богу-громовнику и въ народной символики обозначаютъ дерево-тучу.

По свидѣтельству нѣмецкихъ сказаній, вѣдовскія сборища бывають на Рождественскія ноци, наканунѣ великаго поста (fastnacht), на Свѣтлой недѣлѣ, 1-го мая и на Иванову ночь. Русскому преданію о полетѣ вѣдмъ на лысую гору въ концѣ апрѣля (на вешній Юрьевъ день) соотвѣтствуетъ нѣмец-

---

¹⁾ Срп. рјечник, 67. Переводъ: Въ Срѣмѣ рассказываютъ, что вѣдмы наиболѣе собираются на орѣховомъ деревѣ у села Моловина. Рассказываютъ, что какой-то човѣкъ, усмотря съ постели, какъ отлетѣла изъ хаты вѣдма, досталъ ея горшокъ съ мазью, намазалъ, и произнесъ такое-же заклятіе, какъ и вѣдма, оборотился во что-то и полетѣлъ вслѣдъ за нею. Онъ прилетѣлъ на орѣховое дерево, нашелъ тамъ много вѣдмъ, которыя пировали за золотымъ столомъ и пили изъ золотыхъ чашъ. Глядя на вѣдмъ, онъ узналъ между ними многихъ, перекрестился отъ изумленія и произнесъ: „анаеема-бъ васъ побила!“ Въ ту же минуту прыснули всѣ вѣдмы—кто куда! а онъ свалился съ дерева и сдѣлался по врежнему човѣкомъ. Не стало ни золотого стола, ни вѣщицъ, а золотыя ихъ чаша превратились въ копыта стервъ (издохшихъ животныхъ). — ²⁾ D. Myth., 1003—5.

ков — о главномъ ихъ поѣздѣ, совершаемомъ ежегодно на первую майскую ночь (Walpurgisnacht). Въ этомъ поѣздѣ принимаютъ участіе и оборотни, и давно-умершія женщины — подобно тому, какъ въ полетѣ нечестоваго воинства участвуютъ души усопшихъ. Каждая вѣдьма является на празднество вмѣстѣ съ своимъ любовникомъ-чортомъ. Самъ владыка демонскихъ силъ — сатана, въ образѣ козла съ чернымъ человѣческимъ лицомъ, важно и торжественно возсѣдаетъ на высокомъ стулѣ или на большомъ каменномъ столѣ по срединѣ собранія. Всѣ присутствующіе на сходкѣ заявляютъ передъ нимъ свою покорность колѣнопреклоненіемъ и цѣлованіемъ. Сатана съ особенной благосклонностью обращается къ одной вѣдьмѣ, которая въ кругу чародѣекъ играетъ первенствующую роль и въ которой нетрудно узнать ихъ королеву (hexenkönigin). Слетаясь изъ разныхъ странъ и областей, нечистые духи и вѣдьмы докладываютъ, что сдѣлали они злаго, и сговариваются на новыя козни; когда сатана недоволенъ чьими продѣлками, онъ наказуетъ виновныхъ ударами. Затѣмъ, при свѣтѣ факеловъ, возженныхъ отъ пламени, которое горитъ между рогами большаго козла, приступаютъ къ пиршеству: съ жадностью пожираютъ лошадиное мясо и другія яства, безъ хлѣба и соли, а приготовленные напитки пьютъ изъ коровьихъ копытъ и лошадиныхъ череповъ. По окончаніи трапезы начинается бѣшеная пляска, подѣ звуки необыкновенной музыки. Музыкантъ сидитъ на деревѣ; вмѣсто волынки или скрипки, онъ держитъ лошадиную голову, а дудкою или смычкомъ ему служить то простая палка, то кошачій хвостъ. Вѣдьмы, схватываясь съ бѣсами за руки, съ дикимъ весельемъ и безстыдными жестами прыгаютъ, вертятся и водятъ хороводы. На слѣдующее утро на мѣстахъ ихъ плясокъ бывають видны на травѣ круги, какъ-бы претоптанные коровьими и козь-

нии ногами. Любопытнаго, который пришел бы посмотреть на них игрища, вѣдьмы схватываютъ и увлекаютъ въ вихрь своихъ плясокъ; но если онъ успѣетъ призвать имя божіе, то вся сволочь мгновенно исчезаетъ. Потомъ совершается сожженіе большого козла, и пепелъ его раздѣляется между всѣми собравшимися вѣдьмами, которыя съ помощію этого пепла и причиняютъ людямъ различныя бѣдствія. Крокъ козла, въ жертву демона приносится еще черный быкъ или черная корова. Гульбище заканчивается плотскимъ снѣтѣмъ, въ которое вступаютъ вѣдьмы съ нечистыми духами, при совершенномъ погашеніи огня, и затѣмъ каждая изъ нихъ улетаетъ на своемъ помелѣ домой — тою-же дорогою, какою явилась на сборище. Вся эта обстановка, всѣ эти подробности суть немецкіе образы, живописующіе весеннюю грозу. Полетъ вѣдьмъ и демоновъ на лысую гору — это также несущаяся по воздуху дикая охота или неистовая рать, только представленная въ поэтической картинѣ праздничнаго поѣзда. Въ сатанѣ узнаемъ мы демоническій типъ бога-громовника, являющагося во мракѣ черныхъ тучъ и въ шумѣ опустошительныхъ бурь; по другимъ сказаніямъ: присутствуя на праздникѣ вѣдьмъ, онъ не занимаетъ высокаго сѣдалища, а лежитъ подъ столѣмъ, прикованный на цѣпь, подобно хитрому Локи. Козель — животное, посвященное Тору и Ваху — зооморфическое представленіе дождевой тучи; сожженіе его указываетъ на грозное пламя. Горячіе факелы, освѣщающіе вѣдовское сборище — также метафора небесныхъ молвій. Соответственно уподобленію дождя опьяняющимъ напиткамъ, а облаковъ различнымъ животнымъ: лошадямъ, быкамъ, коровамъ, баранамъ и козламъ, въ 'грозѣ древнія племена видѣли иршество, въ которомъ стихійные духи и жены варяги, жаряги и пожиряги яства (жрать и горѣть — рѣченія тождественныя, см. II, 39) и опивались амритомъ (живою во-

дою, небеснымъ медомъ и виномъ), употребляя вмѣсто сосудовъ коровьи копыты и лошадиныя черепы. О пѣсняхъ, музыкѣ и пляскѣ грозовыхъ духовъ уже достаточно говорено выше. Колдуны и чародѣйки владѣютъ такими музыкальными инструментами, звуки которыхъ всѣхъ и каждого увлекаютъ въ быструю пляску; отъ ихъ волшебныхъ пѣсней дрожатъ земля и небо и волнуются глубокія моря. На Блоксбергъ привлекаютъ вѣдьмы «den schnee wegzu tanzen», т. е. кружась въ полетѣ стремительныхъ вихрей, онѣ сметаютъ и разбрасываютъ снѣгъ. Ночныя пѣсни и пляски нечистыхъ духовъ и вѣдьмъ сближаютъ ихъ съ эльфами; на такое сближеніе указываютъ и другія тождественныя черты. Подобно эльфамъ, вѣдьмы давятъ сонныхъ людей, ѣздятъ на нихъ по горамъ и доламъ, похищаютъ дѣтей, боятся колокольнаго звона и также легко проникаютъ въ замочныя скважины и дверныя щели: это послѣднее свойство свидѣтельствуетъ за нихъ воздушную (безтѣлесную) природу. Любодѣйная связь демоновъ съ вѣдьмами объясняется изъ древняго воззрѣнія на грозу, какъ на брачное сочетаніе бога-громовника и грозовыхъ духовъ съ облачными дѣвами, которыхъ они насилуютъ молніеносными фаллосами и заставляютъ проливать на землю оплодотворяющее сѣмя дождя. Крутящіеся вихри до сихъ поръ называются дявольскою свадьбою: чортъ женится на вѣдьмѣ, и нечистая сила, празднуя ихъ бракъ, вертится въ неистовой пляскѣ и подымаетъ пыль столбомъ. Такъ какъ сѣмя дождя признавалось за вдохновительный напитокъ, надѣляющій дарами мудрости и предвѣдѣнія; то съ его пролятіемъ, или что тоже — съ лишеніемъ вѣщей нимфы ея дѣвственности, она теряетъ свою чародѣйную силу. Такъ валькирія Брунгильда, отдаваясь послѣ долгаго сопротивленія мужу, шепчетъ ему: «я побѣждена! дѣлай со мною, что тебѣ угодно; съ дѣвствомъ я потеряла все, и стала такою-же простою женщиной, какъ и всѣ другія». Въ

народныхъ преданіяхъ и старинныхъ памятникахъ чортъ является къ избранной имъ любовницѣ въ видѣ статнаго, красиваго и сладострастнаго юноши, увлекаетъ ее съ собой на ночное гульбище и вводитъ въ сообщество колдуней и нечистыхъ духовъ; тамъ она принимается въ вѣдмы, при чемъ ее заставляютъ отречься отъ Бога, нарицаютъ ей новое имя и острыми уколами налагаютъ на ея тѣло особенную мѣтку; сохранилось еще преданіе, будто новопринятой вѣдмѣ чортъ выкаетъ въ задъ горящую свѣчу ¹⁾). Древнѣйшее свидѣтельство о плотской связи вѣдмы съ чортомъ встрѣчается въ памятникѣ 1275 года; но особенно обильны подобными указаніями акты вѣдовскихъ процессовъ XVI—XVIII столѣтій. По мнѣнію французовъ, демонъ не можетъ заключить договора съ дѣвственницею. Отъ смѣшенія вѣдмъ съ нечистыми рождаются существа эльфическія, называемыя *dinger, elbe, holden* и принимающія различныя образы то мотылька, то червя или гусеницы, то оборотня (*larvengestalt*); вѣдмы посылаютъ ихъ на людей и животныхъ, которые вслѣдъ затѣмъ чувствуютъ болѣзненное расстройство ²⁾). Смыслъ приведеннаго преданія — тотъ, что эльфъ — малютка-молнія рождается изъ вѣдръ тучи во время грозы, этого брачнаго торжества облачной жены съ демономъ. У сербовъ находимъ соотвѣтственное представленіе о смертоносномъ духѣ, излетающемъ изъ вѣщицы бабочкою; по нѣмецкому повѣрью, люди съ сросшимися бровями выпускаютъ изъ-подъ нихъ эльфа-бабочку, а по русскому повѣрью — вѣй поражаетъ своимъ пламеннымъ взоромъ, какъ скоро подняты его длинныя вѣки, т. е. какъ скоро вылетаетъ зоркая молнія изъ-за темныхъ облачныхъ покрововъ (I, 170-2).

¹⁾ „Eine solche angehende hexe stellt der teufel auf den kopf und steckt ihr ein licht in der after.“ — ²⁾ D. Myth., 1003, 1009—1018, 1022—1030, 1039; Der heut. Volksglaube, 92—93.

Сверхъ того, и самый любовникъ вѣдмы, соединяющійся съ нею чрезъ молнію, нерѣдко является въ видѣ эльфа или мотылька.

Таже обстановка дается вѣдовскимъ сборищамъ славянскими и литовскими преданіями. Слетаясь на лысую гору, вѣдмы предаются дикому разгулу и любовнымъ наслажденіямъ съ чертями, объѣдаются, опиваются, затагиваютъ пѣсни и пляшутъ подъ звуки нестройной музыки. За желѣзнымъ столомъ или на тронѣ возсѣдаетъ сатана; чехи увѣряютъ, что онъ присутствуетъ на этомъ праздествѣ въ образѣ чернаго kota, пѣтуха или дракона. Рассказываютъ также, что на лысой горѣ живетъ старшая изъ вѣдмъ, и къ ней-то въ известную пору года обязаны являться все чародѣйки; по литовскому преданію, на горѣ Шатрѣвъ угощаетъ чародѣекъ ихъ главная повелительница ¹⁾). Пѣсни и пляски — обыкновенное и любимое занятіе вѣдмъ. Если въ лѣтнее время поселяне замѣтятъ на лугахъ ярко-зеленѣющіе или пожелтѣлые круги, то думаютъ, что или хозяинъ поля поверстался въ колдуны на этихъ кругахъ, или старшая женщина въ его семьѣ покушилась съ вѣдмами; по мнѣнію народа, вѣдмы каждую ночь собираются на луга, водятъ хороводы и оставляютъ на травѣ слѣды своихъ ногъ ²⁾). «Покумитесь съ вѣдмами» — тоже, что «поверстаться въ колдуны», т. е. сдѣлаться чародѣйкою, принять на себя это вѣщее званіе. Такое вступленіе въ колдуны и вѣдмы сопровождается круговыми плясками. Отправляясь на шабашъ и при самыхъ игрищахъ, вѣдмы поютъ волшебныя пѣсни, доступныя только имъ и ни-

¹⁾ Pohadky a pověsti narodu moravského, I, 569; Volkslieder der Wenden, II, 265; Иличь, 291; Громант, 199; Пантеонъ 1855, V, ст. Вагилевича, 47; Кіевлянинъ 1865, 71; Морск. Сб. 1856, XIV, ст. Чужбин. 64; Иллюстр. 1846, № 27; Этн. Сб., I, 292. — ²⁾ Сахаров., I, 58.

кому болѣе ¹⁾). На лысой горѣ онѣ съ бѣшенымъ увлеченіемъ пляшутъ вокругъ кипящихъ котловъ и чортова третища, ²⁾ т. е. около жертвенника, на которомъ совершаются приношенія демонамъ. Народныя сказки знаютъ искусныхъ, неутомимыхъ танцовщицъ, которыя каждую ночь удаляются въ подземное (= облачное) царство и предаются неистовой пляскѣ съ духами, населяющими эту таинственную страну. Такъ какъ демоны грозовыхъ тучъ издревле олицетворялись драконами, то вѣдьмы заводятъ нецѣломудренныя гульбища и сочетаются плотски не только съ чертями, но и съ мифическими змѣями. На Руси существуютъ поверья, что женщина, съ которою живетъ огненный змѣй, есть вѣдьма, что всякая волшебница нарождается отъ нечистой связи дьявола или змѣя съ бабою, и что самыя вѣдьмы летаютъ къ своимъ любовникамъ, обращаясь огненными змѣями ³⁾). Рассказывая о томъ, какъ богатырь Добрыня училъ чародѣйку Марину, полюбивницу Змѣя Горыныча, пѣсня останавливается на слѣдующихъ подробностяхъ:

Онъ первое ученье—ей руку отсѣкъ,

Самъ приговариваетъ:

„Эта мнѣ рука ненадобна,

Трепала она Змѣя Горыныча!“

А второе ученье—ноги ей отсѣкъ:

„А и эта де нога мнѣ ненадобна,

Оплеталася со Змѣемъ Горынычемъ!“

А третье ученье—губы ей обрѣзалъ и съ носомъ прочь:

„А и эти де губы ненадобно мнѣ,

Цѣловали онѣ Змѣя Горыныча!“

Четвертое ученье—голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь:

¹⁾ Ibid., 46—47. Вѣдовскія пѣсни, напечатанныя Сахаровымъ, есть безсмысленная поддѣлка. — ²⁾ Рус. прост. прѣздн., III, 86. — ³⁾ Иллюстр. 1845, 203; 1846, 345; Рус. Предан., II, 103; Киев. Г. В. 1845, 13; Поэт. Воз., II, 576—8, 608—611. .

«А и эта голова ненадобна мнѣ
И этотъ языкъ ненадобенъ,
Зналъ онъ дѣла еретическія!»¹⁾

Старинная повѣсть о бѣсноватой Соломоніи (XVII в.) основана на глубоко-укорененномъ народномъ вѣрованіи въ возможность любодѣйнаго смѣшенія женъ съ злыми духами: «въ девятый день по брацѣ, по захожденіи солнца, бывши сей въ клѣтцѣ съ мужемъ своимъ на одрѣ, восхотѣста почистити, и внезапно видѣ она Соломонія демона, пришедша къ ней звѣрскимъ образомъ, мохната, и мущи когти, и ляже къ ней на одрѣ. Она же вельми его убояся—иступи ума. Тойже звѣръ оскверни ея блудомъ... и съ того-же дни окаяннии демони начаша къ ней приходити, кромѣ великихъ праздниковъ, по пяти и по шти человѣческимъ зракомъ, якоже нѣкоторые прекрасніи юноши, и тако нападаху на нея и скверняху ея и отхождаху, людемъ же ничто-же видившимъ сего». Нечистые увлекали ее въ воду, и отъ связи съ ними она родила нѣсколькихъ демоновъ²⁾). Подобные рассказы и донынѣ обращаются въ нашемъ простонародьи. Если послушать бывалыхъ людей, то чортъ нерѣдко принимаетъ на себя видъ умершаго или отсутствующаго мужа (любownika) и начинаетъ посѣщать тоскующую женщину; съ той поры она сохнетъ, худѣетъ, «словно свѣча на огнѣ таетъ» (срвни II, 579³⁾).

Подъ вліяніемъ этихъ мифическихъ представленій, поставившихъ вѣдуновъ и вѣдьмъ въ самыя близкія и родствен-

¹⁾ Бярша Дан., 65—71. — ²⁾ Пам. стар. рус. литер., I, 153—5. Чтобы Соломонія могла избавиться отъ водяныхъ духовъ, ей было сказано: „и ты у нихъ не ядь, не пей и ничтоже не отвѣщай, и они помучатъ да и отпустятъ. «Тоже условіе возврата изъ подземнаго, адскаго царства встрѣчаемъ и въ сказаніяхъ грековъ и другихъ индоевропейскихъ народовъ. — ³⁾ Н. Р. Св., V, стр. 45; VIII, стр. 449; Этн. Сб., VII, 143—4.

ныя отношенія съ демоническою силою, естественно, что на нихъ должны были смотрѣть съ робкою боязню и подозрѣвать ихъ во всегдашней наклонности къ злобѣ и нечестивымъ дѣйствіямъ. Съ своей стороны христіанство окончательно утвердило эти враждебныя воззрѣнія на колдовство, чародѣевъ и чародѣекъ. По народному убѣжденію, всякой колдунъ и всякая вѣдьма заключаютъ съ дьяволомъ договоръ, продаютъ ему свои грѣшныя души и отрекаются отъ Бога и вѣчнаго блаженства; договоръ этотъ скрѣпляется роспискою, которую приобѣгающіе къ нечистому духу пишутъ своею собственною кровью (см. I, 394), и обязываетъ первыхъ творить чары только на зло людямъ, а послѣдняго помогать имъ во всѣхъ предпріятіяхъ ¹⁾). На Руси ходитъ много разсказовъ о томъ, когда, какъ и при какихъ обстоятельствахъ отчаянные грѣшники продавали дьяволу свои души; названія еретикъ, еретица въ различныхъ мѣстностяхъ употребляются въ смыслѣ злаго колдуна, упыря и колдуньи; сравни: вѣрогъ — знахарь и врагъ — чортъ ²⁾). Все чудесное и страшное колдуны творятъ бѣсовскимъ содѣйствіемъ. Они — и властелины, и рабы демоновъ: властелины, потому что могутъ повелѣвать нечистою силою; рабы, потому что эта послѣдняя требуетъ отъ нихъ безпрестанной работы, и если колдунъ не прищеть для нея никакого занятія, то она тотчасъ же замучиваетъ его самого. Во избѣжаніе такой опасности колдуны придумали заставлятъ чертей, чтобъ они вили изъ песку и воды веревки, т. е. по первоначальному смыслу преданія: чтобы они крутили вихрями столбы пыли и подымали водяные смерчи ³⁾). Умирая, колдунъ и вѣдьма испытываютъ страшныя мучки; злые духи входятъ въ нихъ,

¹⁾ Иллюстр. 1845, 184; Сахаров., I, 52; О. З. 1840, II, смѣсь, 42; D. Myth., 1031. — ²⁾ Обл. Сл., 28, 54; Доп. обл. сл., 47. — ³⁾ Абев., 73; Укр. пѣсни Максимов., 91.

терзають имъ внутренности и вытягиваютъ изъ горла языкъ на цѣлые полъаршина; душа колдуна и вѣдмы до тѣхъ поръ не покидаетъ тѣла, пока ихъ не перенесутъ черезъ огонь и пока они не передадутъ своего тайнаго знанія кому-нибудь другому ¹⁾. Вся природа тогда заявляетъ невольный трепетъ: земля трясется, звѣри воютъ, отъ воронъ и вѣроновъ отбою нѣтъ; въ образѣ этихъ птицъ слетаются нечистые духи, тѣсняются на кровлю и трубу дома, схватываютъ душу умершаго колдуна или вѣдмы, и съ страшнымъ карканьемъ, шумно взмахивая крыльями, уносятъ ее на тотъ свѣтъ ²⁾. По свидѣтельству народныхъ сказаній и стиха о страшномъ судѣ, чародѣи и вѣдмы идутъ по смерти въ «дьявольскій смрадъ» и предаются на казнь сатанѣ и его слугамъ ³⁾. Напомнимъ, что, по древнѣйшимъ вѣрованіямъ, тѣни усопшихъ возносились въ загробный міръ въ полетѣ бурныхъ грозъ, преслѣдуемыя и караемыя адскими духами. Трясеніе земли и звѣриный вой — метафорическія обозначенія громовыхъ раскатовъ и завывающей бури; хищныя птицы — олицетворенія стремительныхъ вихрей.

Въ предыдущихъ главахъ объяснено нами, что старинныя религиозныя игрища и богослужебные обряды возникли изъ подражанія тѣмъ дѣйствіямъ, какія первобытныя племена созерцали на небѣ. Въ силу этого и вѣдовскія сборища (шабашы, сеймы) должны представлять черты, общія имъ съ древне-языческими празднествами, какъ по времени совершенія, такъ и по самой обстановкѣ тѣхъ и другихъ. И въ самомъ дѣлѣ полеты вѣдуновъ и вѣдмъ на лысую гору совпадаютъ съ главнѣйшими праздниками встрѣчи весны, Коляды и Ку-

¹⁾ Могилев. Г. В. 1851, 19; то же рассказываютъ и въ нижегородской губ. — ²⁾ Сахиров., II, 45—46; Иллюстр. 1845, 415; Москв. 1853, V, ст. Шпилевскаго, 16. — ³⁾ Чт. О. И. и Д., годъ 3, IX, 196; Lud Ukrain., II, 85; Н. Р. Сл., VIII, 16, б.

палы, на которые сходились нѣкогда роды и семьи устанавливать общественный распорядокъ и совершать общественныя жертвоприношенія, игры и пиршества. У германцевъ долгое время удерживались въ обычаѣ майскія народныя собранія и майскіе суды. Сходки бывали на мѣстахъ, изстари-признаваемыхъ священными: среди тѣнистыхъ лѣсовъ и на высокихъ горахъ. Кипучіе котлы и горшки, въ которыхъ вѣдьмы варятъ свои волшебные составы и оупьяняющій напитокъ, заклятіе, сожженіе и пожираніе ими небесныхъ животныхъ (козла, коровы, коня), въ которыхъ олицетворялись дождевыя облака, соотвѣтствуютъ жертвеннымъ и пиршественнымъ приготовлениямъ, дѣйствительно-совершавшимся во время народныхъ праздниковъ (см. II, 253—9). Вѣдьмамъ, по народному повѣрью, необходимы для чародѣйства ножъ, шкура и кровь (символы молніи, облака и дожда ¹⁾), слѣдовательно — все то, безъ чего немислимъ обрядъ жертвоприношенія; ножъ и шкура употребляются ими при оборотничествѣ, съ помощію ножа онѣ доятъ облачныхъ коровъ и допрашиваютъ вихри о будущемъ урожаѣ. Вѣдуны и вѣдьмы собираются на лысую гору для общей трапезы, веселья и любовныхъ наслажденій. Всѣ эти характеристическія черты были непрехитнымъ условіемъ языческихъ празднествъ, которыя обыкновенно сопровождались пѣснями, музыкой, плясками и шумными пирами. Такой разгулъ, при излишнемъ употребленіи крѣпкихъ напитковъ, и поклоненіе оплодотворяющей силѣ Ярила придали этимъ празднествамъ нецѣломудренный характеръ и превратили ихъ въ оргіи, «срамословіе и безстудіе». Лѣтописцы, проникнутые духомъ христіанскаго ученія, смотрѣли на нихъ, какъ на крайнее проявленіе разврата и нечестія (I, 444). Вѣдьмы являютя на свои сборища съ

¹⁾ Иллюстр. 1845, 415.

распущенными косами, въ бѣлыхъ развѣвающихся сорочкахъ или звѣринныхъ шкурахъ (оборотнями), и даже совѣмъ обнаженныя. Согласно съ этимъ, распущенныя косы, бѣлыя сорочки и звѣриныя шкуры признаны были необходимыми атрибутами для всѣхъ женъ и дѣвъ, принимающихъ участие въ религиозныхъ играхъ и обрядахъ. Такъ при обрядѣ опахиванія онѣ съ крикомъ и звономъ въ металлическія орудія несутся вокругъ деревни или совершенно-голыя, или въ однѣхъ сорочкахъ, съ распущенными косами (см. также I, 232, 241); въ дни Коляды и масляницы бѣгаютъ по улицамъ ряженые (окрутники); княжна Любуша явилась на сеймъ и сѣла на отчемъ столѣ творить судъ по закону вѣкожизненныхъ боговъ — въ бѣлой одеждѣ; скопцы, во время своихъ молитвенныхъ сходокъ, одѣваются въ длинныя бѣлыя рубахи и вертятся въ круговой пляскѣ, а старообрядцы, приступая къ молитвѣ, снимаютъ пояса ¹⁾. У нѣмцевъ, чеховъ и русскихъ встрѣча съ старой бабой или съ женщиной безъ головной повязки, съ распущенными волосами (mit fliegenden haagen), считается недоброю примѣтою, что объясняется смутною боязней быть изуроченнымъ при встрѣчѣ съ вѣдьмою. Отъ вѣщихъ женъ и мужей языческой старины примѣта эта позднѣе была перенесена на представителей христіанскаго богослуженія. Со временъ Нестора и до нашихъ дней встрѣча съ попомъ, монахомъ и монахиней признавалась и признается несчастливою: она предвѣщаетъ неожиданную бѣду, потерю, неуспѣхъ въ начатомъ дѣлѣ; поэтому простолюдины, повстрѣчавъ священника или монаха, спѣшатъ воротиться домой, или трижды плюютъ на

¹⁾ Извѣд. о скопц. ереси Надеждина, 229; Полн. истор. извѣстіе о старообрядцахъ, изд. 3-е, 139; Поэт. Вое., I, 337—8.

земь ¹⁾). Въ поучительномъ словѣ XVI или XVII столѣтія вы-
сказанъ слѣдующій упрекъ: «Духъ Святой дѣйствуетъ во свя-
щенницѣхъ и въ дьяконѣхъ и во мнишескомъ чину.... мы же
тѣхъ всѣхъ чиновъ на встрѣчѣ гнушаемся и отвращаемся
отъ нихъ, и укоряемъ ихъ на первой встрѣчѣ и поносимъ ихъ
въ то время на пути многимъ поношеніемъ». Въ Швеціи,
какъ скоро лицо, принадлежащее къ духовенству, выходитъ
со двора, окрестные жители ожидаютъ ненастной по-
годы ²⁾).

Одно изъ любопытнѣйшихъ преданій старины представля-
ютъ народные рассказы о доеніи вѣдьмами коровъ. На
Рождественскіе Святки, по мнѣнію нашихъ крестьянъ, не долж-
но выпускать изъ хлѣвовъ домашняго скота, чтобы предохра-
нить его отъ колдуновъ, вѣдьмъ и нечистой силы. 3-го января
голодная вѣдьма, возвращаясь съ гульбища, задаи-
ваютъ коровъ, для охраны которыхъ поселяне привязыва-
ютъ къ воротамъ свѣчу; наканунѣ Крещенія съ тою-же цѣ-
лію они пишутъ мѣломъ кресты на скотныхъ избахъ. Въ
день св. Власія (11 февраля) кропятъ хлѣва, лошадей, ро-
гатый скоть и овецъ крещенскою водою; въ это время,
по словамъ малоруссовъ, вовкулаки, обратившись въ
собакъ и черныхъ кошекъ, сосутъ молоко у ко-
ровъ, кобылъ и овецъ, душатъ лошадей и наводятъ

¹⁾ Въ новгородской и др. губ. думаютъ, что случайный приходъ мо-
наха или монахини въ домъ, гдѣ празднуется свадьба, сулитъ ново-
брачнымъ несчастіе. Примѣта эта, надо полагать, создалась вслѣд-
ствіе вноческаго отреченія отъ брака; наоборотъ встрѣча съ публич-
ною женщиною принимается шведами за счастливый знакъ. — ²⁾ Во-
ров. Г. В. 1851, 11; Абев., 79; Пузин., 8; Совр. 1852, I, смѣсь,
122; Громанъ, 220; Лѣт. рус. лѣт., т. V, 97; Повт. Вов., I, 30;
D. Myth., 1077—9. Въ числѣ темныхъ лицъ, способныхъ изуро-
чивать (портить), въ нашихъ заговорахъ упоминаются поппъ и
попадья, чернецъ и черница, схимникъ и схимница — Рыбник.,
IV. стр. XXX.

на рогатый скотъ падѣжъ ¹⁾. На вешній Юрьевъ день колдуны и вѣдьмы превращаются въ телятъ, собакъ или кошекъ и высасываютъ у коровъ молоко; крестьяне втыкаютъ тогда въ коровьихъ стойлахъ освященную вербу и страстныя свѣчи — въ томъ убѣжденіи, что этимъ прогоняются вѣдьмы, оборотни и нечистые духи, прилетающіе портить скотину; сверхъ того, они окропляютъ св. водою и окуриваютъ ладонемъ всѣ хлѣва и загоны. На Зеленые Святки или Троицу коровы также небезопасны отъ нападенія вѣдьмъ. Въ день Агрипины-купальницы крестьяне собираютъ крапиву, шиповникъ и другія колючія растенія въ кучу, которая служитъ замѣною горящаго костра; черезъ эту кучу скачутъ сами и переводятъ рогатый скотъ, чтобы воспрепятствовать вѣдьмамъ, лѣшимъ, русалкамъ и нечистымъ духамъ доить у коровъ молоко, которое послѣ такого доенья совѣтъмъ высыхаетъ (пропадаетъ) въ ихъ сосцахъ. На ночь разводятъ огни, для предохраненія стада отъ порчи; потому что въ купальскую ночь вѣдьмы и вовкулаки бываютъ особенно-страшны для коровъ: прокрадываясь въ скотныя загоны, они высасываютъ у коровъ молоко и портятъ телятъ. Осторожные хозяйки втыкаютъ по угламъ хлѣвовъ вѣтви лѣсточьяго зелья, на дверяхъ вѣшаютъ убитую сороку или прибиваютъ накрестъ кусочки срътенской свѣчи; тутъ-же при входѣ кладутъ вырванную съ корнемъ осину ²⁾, а по стойламъ — папоротникъ и жгучую крапиву. Телятъ на Иванову ночь не отдѣляютъ отъ дойныхъ коровъ, а лошадей запираютъ на замокъ. 30-го іюля вѣдьмы задаиваютъ коровъ до смерти, и опившись молокомъ, сами обмираютъ отъ чрезмѣрнаго пресыщенія ³⁾. Изъ приведенныхъ

¹⁾ Терещ., VI, 38; VII, 39; Сахаров., II, 4. — ²⁾ Иногда ставятъ осиновый пруть въ видѣ воротами. — ³⁾ Терещ., V, 73—

повѣрїи видно, что доеніе вѣдьмами коровъ совпадаетъ по времени съ вѣдовскими полетами на лысую гору. Мы уже объяснили, что дождевыя облака, по древне-арїйскому воззрѣнію, представлялись небесными коровами, кобылицами и овцами, а дождь и роса метафорически назывались молокомъ; Молнія, разбивая тучи, проливаетъ изъ нихъ живительную влагу дожда, или выражаясь языкомъ священныхъ гимновъ Ригъ-Веды: Индра доитъ (облачныхъ) коровъ молніями и молоко ихъ ниспосылаетъ на землю плодоноснымъ дождемъ. Огненный змѣй, въ качествѣ грозоваго демона, высасывающаго дождевыя облака и чрезъ то производящаго засуху и неурожай, получилъ у славянъ знаменательное названіе смока (=сосуна), и по свидѣтельству народныхъ сказаній, любитъ упиваться молокомъ (II, 556—562). Въ кїевской губ. утверждаютъ что вѣдьмы катаются огненными шарами ¹⁾, а въ витебской — что онѣ обращаются въ огненныхъ змѣевъ и въ этомъ видѣ высасываютъ у коровъ молоко ²⁾. Не менѣе важнымъ представляется для изслѣдователя и то повѣрье, что вовкулаки и вѣдьмы сосутъ молоко, обращаясь въ собакъ и кошекъ, такъ какъ въ образѣ гончихъ псовъ олицетворялись буйные вихри, а въ образѣ кошекъ — сверкающія молніями тучи; окутываясь въ облачныя покровы, вѣдуны и вѣдьмы принимали на себя звѣриныя подобія и дѣлались оборотнями (вовкулаками), о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже. Принимая во вниманіе эти данныя и зная, что вѣдьмы и до сихъ поръ обвиняются въ похищеніи дождей и росы, нельзя сомнѣваться въ мнѣшескомъ значеніи преданія о доеніи вѣдьмами коровъ, — преданія, которое, при забвеніи старинныхъ метафоръ, необходимо должно было перейти на

75, 87; VI, 28—30; Молодикъ 1844, 94; Сахаров., II, 41, 45; *Zaryay domove*, III, 154. — ¹⁾ Кїев. Г. В. 1845, 13. — ²⁾ Слич. въ D. Myth., 1045—о змѣѣ, сосущей коровъ (spackr).

обыкновенныхъ дойныхъ животныхъ. Въ устахъ народа хранятся много отрывочныхъ воспоминаній, наглядно-указывающихъ на коренное значеніе этого преданія. Ночью, когда заснутъ люди, вѣдьмы (какъ увѣряютъ въ кievской губ.) выходятъ на дворъ, въ длинныхъ сорочкахъ, съ распущенными волосами, и очертивъ рукою звѣздное небо, затмѣваютъ мѣсяцъ тучами (скрадываютъ его), и потомъ, при наступающей грозѣ, бросаются доить самыхъ тучныхъ коровъ, и доять ихъ такъ усердно, что изъ сосцевъ, вмѣстѣ съ молокомъ, начинаетъ капать кровь (другая метафора дождя ¹⁾); въ нѣкоторыхъ деревняхъ рассказываютъ, что вѣдьмы загоняютъ луну въ хлѣвъ (= въ облака или туманы, какъ строенія, возводимыя для небесныхъ стадъ — см. II, 436) и доять коровъ при ея свѣтѣ. По любопытному болгарскому повѣрью, магесницы (колдуньи) могутъ снимать луну съ неба, отчего и происходитъ ея затмѣніе; луна обращается тогда въ корову (т. е. обвертывается, облачается коровьей шкурою = облакомъ), а магесницы доять ее и приготавливаютъ изъ добытаго молока масло для врачеванія неисцѣлимыхъ ранъ (I, 666). На востокѣ вѣрили, будто во время затмѣнія луна проливаетъ амриту, которую боги собираютъ въ свои сосуды. Какъ яркo-блистающее солнце уподоблялось нашими предками свѣтильнику, наполненному горящимъ масломъ, такъ «блѣдная, холодная» луна представлялась чашею молока (II, 287-8 ²⁾); согласно съ этимъ, затмѣніе луны должно было разсматриваться, какъ утрата ею молока-свѣта, скрадываемого нечис-

¹⁾ Ж. М. В. Д. 1848, ч. XXII, 132 (изъ Киев. Г. В.); Учен. Зап., 2-го отд. А. Н., VII, в. 2, 30. — ²⁾ Шварцъ (Sonne, Mond u. Sterne, 9) указываетъ еще, что древнія пастушескія племена видѣли въ полной лунѣ изготовленный кругъ сыра; еще теперь есть мѣстности, гдѣ мѣсяцъ называютъ kāslaib; тоже возвращеніе встрѣчаемъ и въ сербской сказкѣ — Срп. и. припов., 50.

тою силою мрака. Но уже въ глубочайшей древности затмѣніе солнца и луны и сокрытіе ихъ свѣтлыхъ ликовъ темными тучами признавались за явленія тождественныя и равно приписывались злобному нападенію демоновъ; поэтому въ приведенномъ нами болгарскомъ повѣрьи хотя и говорится о затмѣніи луны, но рѣчь собственно идетъ о потемняющемъ ее облакѣ, изъ котораго вѣдьмы донтъ молоко-дождь. Въ Галиціи уцѣлѣла поговорка: «сонце свитить, дощикъ крапить, чаровница масло робить»; у поляковъ: «deszczuk pada, słońce świeci, szagownica masła kleci» ¹⁾; у сербовъ: «сунце грије, киша (дождь) иде, вјештице (или: ѣаволи) се легу» ²⁾, т. е. падаютъ поражаемыя громомъ. Приготовление вѣдьмами чародѣйнаго масла объясняется изъ древнѣйшаго уподобленія грозы взбиванію масла. Богъ-громовникъ сверлитъ тучи своею молніеюсною налицею; вращая ее въ облачной кадкѣ или бочкѣ, наполненной млекою дождя, онъ творитъ тоже на небѣ, что дѣлали на землѣ люди, взбалтывая молоко мутовкою: именно этимъ способомъ приготавлилось въ старину масло. Еще нынѣ въ Швеціи *donnerkeile* называется *smörg dubbar* (*butterschläger*), и для того, чтобы коровы давали обильное молоко, къ ихъ сосцамъ прикладываютъ «громовую стрѣлку». Поселяне думаютъ, что чародѣйки, шѣшая палкою воду въ источникѣ — подобно тому, какъ взбивается молоко въ маслобитнѣ (*butterfass*), тѣмъ самымъ похищаютъ у сосѣдей коровье молоко и масло. Разъ одна дѣвочка взяла шестъ и начала имъ взбалтывать въ колодецѣ; на вопросъ: что она дѣлаетъ? дѣвочка отвѣчала: «такъ взбалтываетъ моя мать, когда хочетъ, чтобы настало ненастье» ³⁾. Первоначально повѣрья эти относились къ дождевымъ источни-

¹⁾ Номмс., 4; Уч. Зап. 2-й отд. Ак. Н., VII, в. 2, 32. — ²⁾ Срп. послов. 296. — ³⁾ Die Götterwelt, 195, 208; Beiträge zur D. Myth., I, 67; II, 365.

камъ: возмущая ихъ воды, вѣдьмы производятъ непогоду и проливаютъ (= выдаютъ) небесное молоко. Масло, изготовляемое вѣдьмами, можетъ заживлять раны, слѣдовательно ему присвоивается таже цѣлебная сила, что и весеннему дождю. По свидѣтельству народныхъ сказокъ, колдуны и вѣдьмы хранятъ у себя живую и мертвую воду. Въ южной Россіи вѣдьмамъ приписываютъ приготовленіе сыру (творогу): надоенное и налитое въ кувшины молоко онѣ ставятъ въ глубоко вырытыхъ ямахъ и погребахъ (тамъ-же, гдѣ прячутъ чаровницы похищенные ими дожди и рѣсы), а потомъ дѣлаютъ изъ него волшебную мазь или сыръ къ своей масляницѣ, т. е. къ началу весны. Кто пожелаетъ свѣдать: какія изъ деревенскихъ бабъ занимаются чародѣйствомъ, тотъ долженъ въ послѣдній день масляницы взять кусочекъ сыру, завязать его въ узелокъ и носить при себѣ во все время великаго поста; въ ночь передъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ къ нему явятся вѣдьмы и станутъ просить сыра ¹⁾. Съ приходомъ весны пробужденный отъ зимняго сна богъ-громовникъ выгоняетъ на небо облачныя стада, несущія въ своихъ сосцахъ благодатное молоко дождя, — подобно тому, какъ въ ту же пору выгоняютъ поселяне коровъ и овецъ на покрывшіяся зеленью пастбища. Сближая свои земныя заботы съ творческимъ подвигомъ громовника, пастушескій народъ въ первомъ весеннемъ выгонѣ деревенскихъ стадъ призналъ религіозное дѣло, обставилъ его тѣми-же обрядами, какіе (по его мнѣнію) соблюдались тогда на небѣ, и самый день совершенія этихъ обрядовъ сталъ праздновать, какъ посвященный верховному владыкѣ грозъ. Въ Германіи первый выгонъ скота въ поле бываетъ въ маѣ-мѣсяцѣ раннимъ утромъ, когда еще не обсохла на травѣ роса; передовой коровѣ привязываютъ къ хвосту

¹⁾ Черниг. Г. В. 1842, 37; Ж. М. В. Д. 1848, т. XXII.

кусть или вѣтку, называемую *dausleipe* = *thanschlepper*: эта вѣтка — эмблема громовой метлы (*donnerbesen*), которая, ударяя по коровѣ-тучѣ, сотрясаетъ на землю росу и дождь. Привязанная къ хвосту коровы, майская вѣтка волочится по травѣ и сбиваетъ съ нея утреннюю росу, вслѣдствіе чего, по народному убѣжденію, все стадо надѣляется хорошимъ и обильнымъ молокомъ ¹⁾. На Руси стада выгоняются впервые на Юрьеву росу, т. е. на разсвѣтъ 23-го апрѣля, въ день, когда празднуютъ Егорію Храброму, на котораго перенесены древнія представленія о Перунѣ (I, 699—711); при этомъ коровъ ударяютъ освященною вербою, что символически знаменуетъ удары громоваго бича или прута, низводящаго на поля и нивы молоко-дождь ²⁾. Отъ Вербнаго воскресенья и до Юрьева дня, а нерѣдко и въ продолженіе цѣлаго года, во всякой избѣ сберегается освященная верба; увѣряютъ, что если въ великую субботу зажечь ее въ печи, то непременно явится вѣдьма и станетъ просить огня, который, какъ символъ грозоваго пламени, необходимъ ей для доенія коровъ ³⁾. Чехи выгоняютъ коровъ метлой или вербою на разсвѣтъ 1-го мая (на *kravské hody*); а на второй и третій дни Свѣтлой недѣли у нихъ въ обычаѣ ходить по домамъ съ помлазкою и ударять хозяевъ, чтобы велась у нихъ скотина. Слово *pomlázka* (сравни серб. *miaz* — струя молока, какую можно выдуть за одинъ разъ; отъ корня *miaz* = санскр. *marđj* — доить) означаетъ орудіе, дѣлающее коровъ молочными; такъ называютъ вѣтку вербы, или хлысть, спле-

¹⁾ D. Myth., 746—7; Der heut. Volksglaube, 123. — ²⁾ Терещ., VI. 28—29. — ³⁾ Lud Ukrain., II, 86. Точно также если на чистый четвергъ, во время такъ называемаго „стоянья“, за каждымъ церковнымъ звономъ бросать въ печь по одному полѣну, и потомъ на Великъ день запалить эти двѣнадцать полѣньевъ, то вѣдьмы придутъ за огнемъ. Четвергъ—день громовника, звонъ — метеора производимаго нивъ грохота.

Lau, Lou
ca. jam
 тенный изъ нѣсколькихъ лозъ (вербовыхъ, ивовыхъ, виноградныхъ), иногда даже изъ ремней, и украшенный пестрыми лентами. Обрядовый припѣвъ выражается о помлазкѣ: «proutek se otobí, korbel piva (= небснаго напшка) patobí!» (сравни II, 403). У сербовъ-хорватовъ на Юрьевъ день многія разсчетливыя хозяйки стараются ударить жетлою по вымени сначала сосѣдскихъ, а потомъ своихъ коровъ, и надѣются, что вслѣдствіе этого молоко отъ первыхъ перейдетъ къ послѣднимъ. Въ Германіи и Швеціи, когда наступаетъ пора, въ которую коровы доятся трижды въ день, ихъ ударяютъ вѣткою рябины или другаго посвященнаго громовнику растенія. Этотъ обрядъ въ Вестфалии обозначается словомъ quiken, т. е. дѣлать коровъ сильными, бодрыми, давать имъ новую жизнь ¹⁾. У чеховъ соблюдаются и другіе знаменательные обряды. Наканунѣ 1-го мая они украшаютъ одну изъ своихъ коровъ зелеными вѣтками, покрываютъ ее чистою пеленою и выводятъ въ поле на перекрестокъ; тамъ, сотворивъ обычное моленіе, снимаютъ съ нея покрывало, разстилаютъ его по травѣ и хлѣбнымъ всходамъ, смоченнымъ небсною росю, и когда оно сдѣлается мокрымъ — снова возлагаютъ его на корову. По возвращеніи домой, вѣшаютъ это покрывало въ избѣ и выжимаютъ изъ него росу въ нарочно-поставленный сосудъ, наблюдая при томъ, чтобы означенная ткань представляла подобіе коровьяго вымени съ четырьмя сосцами. Добытая такимъ образомъ роса примѣшивается къ коровьему поилу, отчего, по мнѣнію крестьянъ, коровы въ продолженіи цѣлаго года пользуются вождѣленнымъ здоровьемъ и даютъ много молока. Тую-же росю умываются дѣвочки, чтобы стать здоровыми и красивыми — то, что называется: кровь съ молокомъ! Рано поутру, передъ солнечнымъ

¹⁾ Археолог. Вѣст. 1867, IV, 152; Иличъ, 127.

всходомъ, чехи отправляются на поля, стрясаютъ съ хлѣбныхъ колосьевъ росу въ подойники, и потомъ эту собранную росу омывають у коровъ сосцы и вымя; нѣкоторые косятъ съ сосѣднѣхъ полей росистую траву и кормятъ ею свою скотину, съ полнымъ убѣжденіемъ, что у сосѣдей коровы будутъ давать дурное молоко, а у нихъ — хорошее. Подобными-же средствами пользуются и вѣдьмы — для того, чтобы отымать у чужихъ коровъ молоко: по чешскому повѣрью, «čarodějné baby chodí před slunce vychodem do trávy v pasěkách stírat rosu do loktuší ¹⁾, a tím nabudou moci že mohou z nich vydojiti mleko tech krav, jenž na oných pasěkách se pásly». Вѣшая на коль свои передники, онѣ доятъ изъ нихъ молоко ²⁾. На Руси рассказываютъ, что въ ночь передъ Юрьевымъ днемъ и на утренней его зорѣ вѣдьмы выходятъ въ поле, разстилаютъ по травѣ холстъ и даютъ ему намокнуть росой; этихъ холстомъ онѣ покрываютъ коровъ и дѣлаютъ ихъ тощими и недоивыми ³⁾: виѣсть съ тѣмъ, какъ высыхаетъ роса, собранная на холстъ, высыхаетъ и утрачивается и молоко у коровы. Целена или холстъ — эмблема облачной ткани: когда чаровница упуститъ нечаянно звѣзду, то не иначе можетъ поймать ее, какъ плахтою, черезъ которую процѣживалось молоко (черниг. губ.), т. е. она ловитъ звѣзды, закрывая ихъ дождевою тучею. На разсвѣтѣ Иванова дня вѣдьмы бродятъ по полямъ, засѣяннымъ рожью, и выбираютъ изъ росы содержащееся въ ней молоко ⁴⁾. Малороссіане коровье молоко и масло называютъ божьей росой (I, 667). Въ кievской губ. существуетъ повѣрье, что вѣдьма моетъ юрьев-

¹⁾ Рядно, плахта. — ²⁾ Громаниъ, 131—2; Ганушъ, 143; Nag. zrievanku, I, 429; Иличъ, 291; Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 290. — ³⁾ Сахаровъ, II, 24; Млякъ, XI, 16; Терещ., VI, 30. — ⁴⁾ Киевлян. 1865, 71.

скою россою цѣдилку (ситчко для процѣживанія молока), и потомъ когда станетъ ее выдавливать, то вмѣсто росы потечетъ молоко, а сосѣдскія коровы останутся съ пустыми сосцами ¹⁾; въ Литвѣ, наканунѣ Иванова дня, хозяйки варятъ цѣдилку въ святой водѣ, взятой изъ трехъ костѣловъ, и это (по ихъ словамъ) заставляетъ чародѣекъ возвращать коровамъ выдоенное молоко: подобно тому, какъ изъ цѣдилки льется роса или св. вода, такъ изъ коровьяго вымени должно политься молоко ²⁾. Вѣдьма можетъ выдавливать чужихъ коровъ на далекомъ отъ нихъ разстоянн, употребляя для того и другіе чародѣйные способы: стоить только ей воткнуть ножъ въ соху, столбъ или дерево — и молоко тотчасъ-же потечетъ по острию ножа, между тѣмъ какъ въ ближайшемъ стадѣ начинаетъ реветъ корова и остается съ пустымъ выменемъ ³⁾. Наканунѣ Юрьева дня, на Зеленые Святки и на Ивана Купалу вѣдьмы ходятъ по ночамъ голыя, отворяютъ въ крестьянскихъ дворахъ ворота и двери и срѣзываютъ съ нихъ по нѣскольку стружекъ; собранныя стружки онѣ варятъ въ подойникѣ и тѣмъ самымъ полищаютъ у сосѣдей молоко. Поэтому въ означенные дни каждая хозяйка считаетъ обязанностію осмотрѣть свои ворота и двери, и если замѣтитъ гдѣ новую нарѣзку, то немедленно замазываетъ ее грязью, послѣ чего, по мнѣнію поселянъ, вѣдьма лишается возможности отбирать у коровъ и овецъ молоко. Тогда-же взлѣзаютъ вѣдьмы на деревянные кресты, что стоятъ по дорогамъ, и стесываютъ съ нихъ стружки, которыя употребляютъ также, какъ и срѣзанныя отъ воротъ; или берутъ деревянный клинъ (нерѣдко колоть отъ бороны), вбиваютъ его въ скотномъ хлѣ-

¹⁾ Киев. Г. В. 1851, 20. — ²⁾ Черты литов. нар., 94. — ³⁾ Lud Ukrain., II, 81; Могилев. Г. В. 1851, 19; Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 291.

ву въ столбъ и начинаютъ доить, словно коровій сосокъ; молоко льется изъ этого кляна, какъ изъ крана бочки, и наполняетъ большіе ушаты и вѣдра ¹⁾. Тѣже повѣрья встрѣчаемъ и въ Германіи: вѣдьмы стрясаютъ съ травы росу, чтобы повредить чужимъ коровамъ, и уносятъ ее на свои поля, чтобы собственнымъ стадамъ доставить болѣе сочный и обильный кормъ; въ Остфрисландѣ колдуновъ и вѣдьмъ называютъ *daustriker* (*thaustreicher*). Нѣмецкія хелп втыкаютъ ножъ въ дубовый столъ или врубаютъ топоръ въ дверной косякъ — и тотчасъ-же изъ сдѣланнаго въ деревѣ разрѣза начинаетъ струиться молоко; кромѣ того, онѣ умѣютъ доить молоко изъ веретена и повѣшеннаго полотенца. Когда коровы дактъ водянистое (снѣватое) или смѣшанное съ кровью молоко—эту порчу приписываютъ вѣдьмѣ, которой, въ числѣ другихъ названій, присвоиваютъ и слѣдующія: *milchdiebin*, *milchzauberin*, *molkenstehlerin*, *molkenübersche*. въ лужицкомъ нарѣчій чаровница — *khodojta* отъ глагола доить, съ приставнымъ въ началѣ звукомъ *k* (сравни: *kosydlō* вмѣсто *osydlō*, *kedźba* вм. *dźba* и др.). *Milchdieb* и *molkenübersche* означаютъ также мотылька, что служитъ новымъ указаніемъ на связь вѣдьмъ съ эльфами; какъ молніеносные духи, эльфы летаютъ легkokрылыми бабочками и высасываютъ у коровъ молоко (II, 732 ²⁾). И по русскимъ, и по нѣмецкимъ рассказамъ, вѣдьмы часто показываются съ подошниками на головахъ; въ ненастную погоду старая Hulda (*Huldra*) надѣваетъ на голову подошникъ и гонитъ черезъ лѣсъ стадо чер-

¹⁾ Иллюстр. 1845, 415; Москв. 1846, XI—XII, 150; *Zagysy domowe*, III, 162. Когда вѣдьма доить коровъ и хозяинъ подкарауливаетъ ее, она силою своихъ заклятій заставляеть его сидѣть неподвижно на одномъ мѣстѣ—до тѣхъ поръ, пока не окончитъ своего дѣла.—

²⁾ Учен. Зап. 2. отд. Ак. Н., VII, в. 2, 32; *D. Myth.*, 1025—6; *Beiträge zur D. Myth.*, I, 227; *Germin. Mythen*, 371.

ныхъ коровъ и овецъ: поэтическая картина дождевыхъ тучъ, гонимыхъ буйными вѣтрами ¹⁾). Ножъ и топоръ—символы Перуновой палицы (donneraxt), доящей небесныхъ коровъ; дубовое дерево (столбъ, дверной косякъ, деревянный крестъ), изъ котораго вѣдмы съ помощію ножа или топора извлекаютъ молоко, знаменуетъ дерево-тучу; полотенце—облачная ткань, а веретено—орудіе, которымъ готовится для этой ткани пряжа; въ приведенномъ нами повѣрьи оно (наравнѣ съ клиномъ, вбиваемымъ въ дерево) принимается въ значеніи молніеносной стрѣлы (donnerkeile); наконецъ сохъ и боронъ дано участіе въ суевѣрныхъ сказаніяхъ о вѣдовскомъ доеніи—потому, что небесная гроза въ древнѣйшихъ мифахъ уподоблялась вспахиванію и заѣву полей.

Любопытно, что тѣже атрибуты, которыми вѣдуны и вѣдмы творятъ свои волхованія, могутъ быть обращаемы и противъ нихъ самихъ, какъ предохранительныя средства отъ ихъ злаго вліянія. По своему демоническому характеру вѣдуны и вѣдмы, подобно чертямъ и великанамъ, боятся разящихъ стрѣлъ молніи и потрясающихъ звуковъ грома; а потому всѣ орудія и обряды, какія изстари служили символическимъ знаменіемъ небесной грозы, заставляютъ ихъ поспѣшно удалиться. Такъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ увѣряютъ, будто вѣдма боится ножей, воткнутыхъ подъ верхнюю доску стола; а если приставить къ дверямъ кочергу—загнутымъ (желѣзнымъ) концемъ вверхъ, то колдунъ до тѣхъ поръ не уйдетъ изъ хаты, пока не будетъ принята эта неодолимая для него преграда. По нѣмецкимъ повѣрьямъ, если бросить въ оборотня освященный ножъ или огниво, то сила превращенія мгновенно уничтожается, и колдунъ или вѣдма предстаётъ въ своемъ настоящемъ видѣ, т. е. молнія снимаетъ съ оборотня звѣриную шкуру = облако. Въ хлѣвахъ дер-

¹⁾ D. Myth., 1032; Die Götterwelt, 306; Киевлян. 1865, 71.

жаты огниво, чтобы предохранить домашній скоть отъ болѣзней и порчи; огниво, положенное въ колыбель младенца, защищаетъ его отъ злаго очарованія — точно также, какъ и молотъ, завёрнутый въ пеленки¹⁾, или крестъ, повѣшенный надъ дѣтскимъ изголовьемъ. Напомнимъ, что въ большинствѣ случаевъ, при которыхъ въ древности считался необходимыми молотъ, — послѣ водворенія христіанства стали употреблять крестъ: такая замѣна, какъ извѣстно, условливалась крестообразною формою старинныхъ молотовъ. Побѣдоносное орудіе громовника, молотъ ограждаетъ человѣка отъ поѣдучей вѣдьмы. Въ Германіи въ первую майскую ночь, а у насъ наканунѣ Крещенія на всѣхъ дверяхъ и окнахъ видны начертанныя мѣломъ кресты. Въ Чехахъ, когда хозяинъ купитъ новую корову, онъ тотчасъ-же кладетъ на порогъ своего хлѣва топоръ или огниво, и затѣмъ уже вводитъ ее въ стойло. Другіе символы молніи: верба, осиновый колъ, папоротникъ и плакунъ-трава также предотвращаютъ отъ человѣка и домашнихъ животныхъ пагубные замыслы вѣдуновъ и вѣдьмъ. Осина есть вѣрнѣйшая оборона отъ блуждающихъ упырей; осиновыми коломъ поражаютъ змѣя-похитителя дождей, прогоняютъ Коровью Смерть (см. II, 305—8) и снимаютъ хлѣбный «заломъ» или «закрутъ», совершаемый чародѣями на безплодіе нивы²⁾. Туже предохранительную силу даетъ повѣрье и прутьямъ колючихъ растеній (тернъ, шиповникъ и др.), и жгучимъ травамъ, какова наприм. крапива. У насъ употребительно выраженіе: крапива жжется, жалитъ; серб. коприва жаре, пол. роkrzywa p агзу, чеш.

*красива
покрай
коприва*

¹⁾ „Malleum, ubi puerpera decumbit, obvolvunt candido linteo.“
— ²⁾ Кто на Свѣтло-Христово Воскресенье пойдетъ къ заутренѣ съ осиновою палкою или вербою, и черезъ эту палку или вербу станетъ смотрѣть на собравшійся народъ, тому всѣ колдуны и вѣдьмы покажутся стоящими головами внизъ, а ногами вверхъ (полтав. губ.).

korřiva žaha, žiha, pa li; въ областныхъ говорахъ крапиву называютъ жижка, жигучка, хорут. же (и) гавица, чеш. žahavka, žagavka; сравни лат. urtica, нѣм. brennessel и литов. poteres, patres отъ снк. path—ugere¹⁾). Наканунѣ Иванова дня крестьяне собираютъ крапиву и кладутъ на окнахъ и порогахъ домовъ, чтобы удалить отъ себя вѣдьмъ, лѣшнихъ и нечистыхъ духовъ. При первомъ выгонѣ стада на пастбище чехи обвязываютъ коровъ красными платками, а въ хлѣвахъ кладутъ терновыя вѣтки, что (по общему убѣжденію) предохраняетъ скотину отъ порчи. Если бы у кого заболѣла корова и стала доитьсѣ молокомъ, смѣшаннымъ съ кровью, тотъ долженъ срѣзать свѣжую вѣтку орѣшника или шиповника и бить ею испорченную корову по головѣ и вымени; другіе совѣтуютъ кипятить самое молоко и ударять по нѣмъ тою-же вѣткою. По народному повѣрью, вѣдьма-донтельница чужихъ коровъ чувствуетъ эти удары на своемъ собственномъ тѣлѣ и впадаетъ въ тяжкій недугъ. Подобныя-же мѣки испытываетъ вѣдьма и тогда, когда бочку, въ которой пахтается масло, начинаютъ бить терновымъ прутомъ, или когда завариваютъ въ горшкѣ подъ дымовою трубою вѣтви боярышника и терна. Лужичане думаютъ, что если у порога избы положить вѣнникъ — туда уже не осмѣлится войти вѣдьма, а если вѣнникомъ ударить собаку (= оборотня) — эта послѣдняя непременно зачахнетъ. Корову, у которой опухнетъ вымя, нѣицы лѣчатъ вѣнникомъ, связаннымъ на Рождественскіе Святки; зтотъ-же вѣнникъ они кладутъ на порогъ хлѣва, когда выгоняютъ свои стада въ поле. Зажженная свѣча и огонь домашняго очага служили знаменіями небснаго пламени, возжигаемаго въ тучахъ богомъ-громовникомъ. Ничто такъ не устрашаетъ вѣдьмъ, какъ четверговая (страстная) свѣ-

¹⁾ Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 306; Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 571.

ча: гдѣ горитъ она, тамъ безсилны ихъ чары и волхованія; хлѣбный заломъ поджигаютъ благовѣщенскою свѣчею; сложенные накрестъ восковыя свѣчи прогоняютъ вѣдьмъ отъ коровниковъ и конюшенъ. На Рюгенѣ соблюдался обычай бѣгать по полямъ съ зажженными лучинами, для предохраненія дойныхъ коровъ отъ злыхъ волшебницъ. Въ Германіи думаютъ, что горящая головня, кинутая въ колдуна или вѣдьму, разрушаетъ ихъ козни. У насъ съ цѣлію противо-дѣйствовать вѣдьмамъ, заговариваютъ дымовыя трубы, забиваютъ подъ князѣкъ заострѣнные колья и посыпаютъ на загнеткѣзолу, взятую изъ семи печей. По народному повѣрью, вѣдьмы боятся домового, который, какъ представитель очага и семейнаго благосостоянія, призванъ оберегать хозяйское добро ¹⁾. Звонъ — метафора грома, а св. вода, кровь и смола (варъ, деготь) — дождя. Звуки колоколовъ нестерпимы для вѣдьмъ и нечистыхъ духовъ; они разгоняютъ ихъ сборище, мѣшаютъ ихъ неистовой пляскѣ и не даютъ совершиться ихъ злобымъ намѣреніямъ. Нѣмецкія hexen называютъ колокола «лающими псами» (bellende hunde). Шведы рассказываютъ, что вѣдьмы подтачиваютъ пере-кладины, на которыхъ висятъ колокола, и сбрасывая ихъ съ высокихъ башенъ, восклицаютъ: «nie soll meine seele Gott näher kommen, als dieses erz wieder zur glocke werden!» Словенцы, во время грозы, звонятъ въ колокола и стрѣ-ляютъ на воздухъ, чтобы прогнать собравшихся вѣдьмъ ²⁾. Кто желаетъ исцѣлиться отъ «порчи», тотъ долженъ уда-

¹⁾ D. Myth., 1056—7; Beiträge zur D. Myth., I, 219, 226; II, 274; Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 282, 304; Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 342; Громанъ, 133—9; Рус. прост. праздн., IV, 33; Сахаров., I, 44; II, 7; Ворон. Г. В. 1850, 20; Куляшъ, II, 37; Н. Р. Ск., VII, 36, b. — ²⁾ D. Myth., 1039—40, 1057; Рус. Вес. 1857, III, ст. Клуяна, 112.

рить колдуна или вѣдму правою рукою на отмашь, прямо по переносицѣ — такъ, чтобы кровь брызнула; кровь эту собрать на полотенецѣ и сжечь на огнѣ ¹⁾. Какъ ударъ молніи, проливая дождь, обезсиливаетъ облачнаго демона, такъ въ настоящемъ случаѣ съ пролитіемъ крови уничтожается губительная сила колдуна или вѣдмы. Лужичане, оберегая дойныхъ коровъ, мажутъ на дверяхъ хлѣбовъ дегтярные кресты (сравни II, 97); и чортъ, и вѣдма, какъ скоро будутъ настигнуты серебряною пулею (= молніей), тотчасъ же разливаются смолою (I, 789 ²⁾). На всѣ исчисленные предохранительныя средства суевѣрный народъ наложилъ христіанское клеймо: свѣча берется страстная или благовѣщенская, вода — святая или крещенская, верба и ножъ — освященные во храмѣ.

Когда богъ-громовникъ доить облачныхъ коровъ, онъ это дѣлаетъ, чтобы напоить дождемъ жаждущую землю и возратить засѣяныя нивы; наоборотъ вѣдмы, согласно съ своимъ демоническимъ характеромъ, доить этихъ коровъ съ тою же цѣлю, съ какою высасываютъ ихъ мнѣшескіе змѣи, т. е. онѣ иссушаютъ облака, скрадываютъ росу и дожди, и тѣмъ самымъ обрекаютъ землю на безплодіе. Имъ приписываются и лѣтнія засухи, и зимнее бездождіе. Вѣдмы доить и высасываютъ коровъ не только лѣтомъ, но и зимою. По русскому повѣрью, вѣдма, опиваясь молокомъ, обмираетъ (= впадаетъ въ зимнее оцѣпенѣніе), и для того, чтобы она очнулась, надо запалить соломѣ и жечь ей пяты ³⁾, т. е. необходимо развести грозвое пламя. Во все продолженіе зимы творческія силы природы, по выраженію сказочнаго эпоса, бы-

¹⁾ D. Myth., 1056; Могил. Г. В. 1851, 19; Памяти. книжка арханг. губ. 1864, 92; то же повѣрье слышали мы и въ воронежской губерніи. — ²⁾ Volkslieder der Wenden, II, 223; Этн. Сб., III, 90. — ³⁾ Припомнимъ выраженіе: „душа въ пятки ушла!“

вают заколдованы. Вѣдьмы щедры только на безвременные и вредоносные ливни, сопровождаемые градомъ, вьюгами и опустошеніемъ. Стада сгущенныхъ облаковъ, изливаясь въ дождевыхъ потокахъ, мало по малу разрѣжаются, становятся блѣднѣе, прозрачнѣе, и наконецъ совсѣмъ исчезаютъ; явленіе это на старинномъ поэтическомъ языкѣ называлось пожираниемъ (= сожженіемъ, изсушеніемъ) небесныхъ коровъ драконами или порчею ихъ вѣдьмами; и драконы, и вѣдьмы равно представляются въ народныхъ преданіяхъ существами голыми и, жадными, любящими упиваться коровьимъ молокомъ до полного безчувствія. Низводя древне-миѳическія сказанія съ небесныхъ высотъ на землю, предки наши стали вѣрить, что вѣдьмы доятъ и сосутъ обыкновенныхъ коровъ, которыя вслѣдствіе этого лишаются молока, спадаютъ съ тѣла и въ скоромъ времени издыхаютъ — точно также, какъ чахнутъ и гибнутъ лошади, на которыхъ ѣздятъ вѣдьмы на своихъ буйныхъ сборища. Такимъ образомъ доеніе вѣдьмами коровъ признано было нечестивымъ дѣломъ, влекущимъ за собою скотскій падѣжъ, изсыханіе дождевыхъ источниковъ и повсемѣстный неурожай. Въ духовной пѣснѣ грѣшная душа, обращаясь къ своему тѣлу, говоритъ: «пойду я въ муку вѣчную, безконечную, въ горячи огни.» — Почему-жъ ты, душа, себя угадываешь? спрашиваетъ тѣло.

— Потому я, тѣло бѣлое, себя угадываю,
 Что какъ жили мы-были на вольномъ свѣту —
 Изъ чужихъ мы коровъ молоко выдаивали,
 Мы изъ хлѣба спорыню вынимали.
 Не ходили ни къ обѣдни, ни къ заутрени.

Въ другомъ стихѣ читаемъ:

Чѣмъ-же души у Бога согрѣшили?
 А первая душа согрѣшила:
 Во ржи залому ааломала,
 Въ хлѣбушкѣ споры вынимала...

Четвертая душа согрѣшила:
 Въ чистомъ полѣ корову закликала,
 У коровки молочко отымала,
 Во сырую землю выливала,
 Горькую осину забивала
 Горькую осину засушивала ¹⁾.

Сербская пословица: «ко се држи правице, тај не музе кравице» ²⁾ намекаетъ на тотъ-же грѣхъ. Приведенныя свидѣтельства духовныхъ пѣсень весьма знаменательны; сопоставленіе рядомъ отнятія у коровъ молока, а у хлѣба спорыньи звучитъ, какъ отголосокъ глубокой старины, которая подъ молокомъ разумѣла плодородящіе дожди. Выдаивать молоко — тоже, что похищать росу и дождь или отымать у хлѣба спорынью, производить неурожай и голодъ. Такое дѣйствіе необходимо должно было казаться самымъ страшнымъ грѣхомъ. Закликая корову, вѣдьма (по указанію стиха) донтъ ее, выливаетъ молоко нѣземь и забиваетъ въ то мѣсто осиновый колъ, съ которымъ связывается идея омертвѣнія ³⁾: какъ засыхаетъ срубленная осина, такъ у коровы должно изсохнуть вымя. У всѣхъ индоевропейскихъ народовъ градъ, бури, холодъ и засухи, дѣйствіемъ которыхъ истребляются зеленѣющія и созрѣвающія нивы, приписывались колдовству. Греческія эвмениды (название, объясняемое въ старинныхъ нѣмецкихъ глоссаріяхъ словомъ *h a z a s a* = *hexe*) уничтожали своею слюною (= дождевыми ливнями) и градомъ жатвы и овощи. Въ XII таблицахъ опредѣлено наказаніе тому, «*qui fruges excantassit*» или «*alienam segetem pellexerit*» (кто околдовывалъ плоды и творилъ заклятіе на чужую ниву ⁴⁾). Агобардъ, ліонскій епископъ

¹⁾ Ч. О. И и Д., годъ 3, IX, 210, 221; Лвт. рус. лит., кн. II, отд. 2, 155. — ²⁾ Переводъ: кто держится правды, тотъ не донтъ коровъ — Срп. н. послов.; 153. — ³⁾ Мертвецы, произвѣнные осиновымъ коломъ, уже не могутъ вставать изъ гробовъ. — ⁴⁾ D. Myth., 1040.

первой половины IX вѣка, записалъ слѣдующее любопытное преданіе: «plerosque autem vidimus et audivimus tanta demencia obrutos, tanta stultitia alienatos, ut credant et dicant quandam esse regionem quae dicatur Magonia, ex qua naves veniant in nubibus, in quibus fruges, quae grandinibus decidunt et tempestatibus pereunt, vehantur in eandem regionem, ipsis videlicet nautis aëreis dantibus pretia tempestiariis et accipientibus frumenta vel ceteras fruges» ¹⁾. По свидѣтельству буллы Иннокентія VIII, множество людей обоого пола не боялись вступать въ договоры съ адскими духами и посредствомъ колдовства дѣлали неплодными брачные союзы, губили дѣтей и молодой скоть, истребляли хлѣбъ на нивахъ, виноградъ и древесные плоды въ садахъ и траву на пастбищахъ. Въ 1488 году, когда буря опустошила окрестности Констанца на четыре мили вокругъ, двѣ женщины, признанныя виновницами такого бѣдствія, были осуждены и преданы смерти ²⁾. И германцы, и славяне обвиняли вѣдьмъ въ похищеніи благопріятной погоды, дождей, изобилія, и въ насланіи болѣзней, скотскаго падежа и мора, всегда сопровождавшихъ голодные годы; съ этимъ согласно и старинное убѣжденіе, что затмѣнія, обыкновенно производимыя вѣдунами и вѣдьмами, бываютъ «къ гладу и мору». На Украинѣ до сихъ поръ вѣрятъ, что вѣдьмы задерживаютъ дождь, производятъ градъ и посылаютъ неурожай. На всемъ пространствѣ, какое вѣдьма въ состояніи обнять своимъ взоромъ, она можетъ и произ-

¹⁾ Переводъ: „мы видѣли и слышали многихъ одержимыхъ такимъ безуміемъ, такою глупостью, что вѣруютъ и утверждаютъ, будто есть нѣкая страна именуемая Магонія, изъ которой приходятъ на облакахъ корабли; воздушные пловцы забираютъ зерновой хлѣбъ и другіе плоды, побитые градомъ и вихрями, уплачиваютъ за нихъ чародѣямъ, вызывающихъ бури, и увозятъ въ свое царство. —

²⁾ Germ. Mythen, 466; Моск. Наблюд. 1837, XI, кн. 2, 125—6.

вести голодъ, и отнять у коровъ молоко ¹⁾: сближеніе многозначительное! ²⁾ По мнѣнію болгаръ, вѣдьмы похищаютъ урожай съ чужихъ нивъ и передаютъ его своимъ любимцамъ; поэтому крестьяне выходятъ весною на поля и произносятъ заклятіе: «вражья душа! бѣгай отъ насъ» ³⁾. Русскіе поселяне также убѣждены, что колдуньи скрываютъ у себя большіе запасы хлѣба ⁴⁾. Въ Германіи рассказываютъ, что вѣдьмы катаются голыя по нивамъ, засѣянными льномъ и житомъ, что онѣ не только умѣютъ вредить посѣвамъ, но и могутъ присвоивать себѣ плоды чужихъ турдовъ, скрадывая съ сосѣднихъ полей зерновой хлѣбъ или овощи и наполняя ими свои закрома: повѣрье, извѣстное уже римлянамъ. Такъ, научи виноградниками, вѣдьма потрясаетъ шесты, около которыхъ вьются виноградные лозы, и тотчасъ-же зрѣлыя гроздія переносятся съ чужаго участка на ея собственный. (Однѣй старый колдунъ далъ своей внучкѣ палку, которую она должна была воткнуть на указанномъ мѣстѣ посреди нивы; наступившая на дорогѣ дождемъ, дѣвочка остановилась подъ вѣтвистымъ дубомъ и воткнула возлѣ него палку. Когда она воротилась домой, то нашла на поляхъ дѣда густыя кучи дубовыхъ листьевъ. Въ темныя ночи колдунъ раздѣвается догола, привязываетъ къ ногѣ серпъ, и творя заклятія, направляетъ путь черезъ нивы своихъ сосѣдей; вслѣдъ затѣмъ на этихъ нивахъ не остается ни единого полного колоса; все зерно, какое только уродилось, попадаетъ въ закрома и овины заклинателя ⁵⁾). Старинная метафора, уподобившая молніи острымъ

¹⁾ „На сколько забачила свиту, стьялко и вкѣнула голоду“ или: „стьялко и молога одибрала“. — ²⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 88; Жульшъ, II, 37; Пантеонъ 1855, V, ст. Вагилевича, 47; Кіевлян. 1865, 69. — ³⁾ Сообщено Каравеловымъ. — ⁴⁾ Чародѣи могутъ допрашивать вихрь о будущемъ урожаѣ, и допросъ свой совершаютъ, ударяя крутящійся вихрь острымъ ножомъ и держа въ рукахъ пѣтуха—Иллюстр. 1845, 505. — ⁵⁾ D. Myth., 443—4, 1043.

зубамъ мышей, придала этимъ звѣркамъ мнѣшечское значеніе. Аполлонъ, съ лука котораго слетали убійственныя стрѣлы заразы, въ гнѣвъ своемъ творилъ все-истребляющихъ мышей (Apollo Smintheus — I, 776); нѣмецкая клятва: «dass dich das mäuschen beisse!» употребляется въ томъ-же смыслѣ, какъ славянская: «бодѣй ты ясна стрѣла ранила!» или: «пусть тебѣ Перунъ покажетъ свои зубы!» Параличъ ударъ, наносимый по древнему воззрѣнію карающей рукою бога-громовника, у чеховъ называется муš (нѣм. hexenschuss). Поэтическія сказанія о небесныхъ мышахъ, являющихся во время бурныхъ, опустошительныхъ грозъ, въ послѣдствіи были перенесены на обыкновенныхъ полевыхъ мышей, которыя нерѣдко цѣлыми стаями нападаютъ на хлѣбныя поля, скирды и житницы и поѣдаютъ зерно. Чрезмѣрное размноженіе полевыхъ мышей народная фантазія приписала злomu влѣянію колдовства. Вѣдуны и вѣдьмы нарочно разводять ихъ и выпускаютъ въ домъ (стр. 451) и нивы, почему нѣмцы и называютъ вѣдуна mausschlägel, а вѣдью — mausschlägerin; старинныя вѣдовскія процессы упоминаютъ названіе mausesmacher (müsemaker) и сообщаютъ повѣрье, будто вѣдьма, кипятя волшебныя травы, причитываетъ: «maus, heraus ins teufels pamen!» — и въ силу ея заклятія мыши выпрыгиваютъ изъ горшка одна за другою. Рассказываютъ еще, что вѣдьма свертываетъ платокъ на подобіе мыши и восклицаетъ: «lauf hin und komm wieder zu mir!» — и тотчасъ-же отъ нея убѣгаетъ живая мышь. По свидѣтельству нидерландской саги, чародѣйкъ стѣнитъ только подбросить нѣскольکو глыбъ земли, чтобы въ то же мгновеніе все поле закопошилось мышами ¹⁾. Чехи считаютъ мышъ созданіемъ чорта. При началѣ міра, когда выросла и созрѣла первая

¹⁾ D. Myth., 1044; Гавушъ: Дѣдъ и Баба, 59.

жатва, чортъ сотворилъ этого хищнаго звѣрка и приказалъ ему истребить весь хлѣбъ; а Богъ, чтобы разрушить дьявольскія козни, тогда-же сотворилъ кошку (сравни I, 777). Въ чешской хроникѣ, по поводу многочисленныхъ мышей, явившихся въ 1380 году, замѣчено, что современники думали, будто мыши эти зародились отъ грозы («že by ty muši se zrodily z ro-
vĕtří rogušepéhe»). И донынѣ у чеховъ сохраняются слѣдующія любопытныя повѣрья: полевые мыши ниспадаютъ при началѣ весны съ мѣсяца (= съ неба) или зарождаются отъ дождя, выпадающаго на Петровъ день; если на Троицынъ день идетъ дождь, то въ продолженіи лѣта будетъ много мышей; полевые мыши изъѣдаютъ у коровъ вымя, т. е. высасываютъ молоко-дождь; когда онѣ появляются въ большомъ числѣ — это предвѣщаетъ голодъ и болѣзни; свистъ, звонъ, барабанный бой, удары молотильнаго цѣпа и крикъ чернаго пѣтуха (словомъ все, что на поэтическомъ языкѣ служитъ обозначеніемъ грозовыхъ звуковъ) признаются за тѣ спасительныя средства, которыми можно разогнать крысъ и мышей; чтобы избавиться отъ этихъ хищниковъ, крестьяне обкуриваютъ свои дворы козлиною бороною, что стоитъ въ несомнѣнной связи съ древне-языческимъ посвященіемъ козла боугромовнику ¹⁾). Кромѣ плодовъ земныхъ, вѣдьмы могутъ скрадывать и другіе припасы, необходимыя для благосостоянія человека; такъ онѣ уносятъ медъ изъ ульевъ ²⁾, загоняютъ къ себѣ рыбу и забираютъ птицъ и звѣрей, за которыми ходятъ на промыселъ охотники. Скрадываніе меда объясняется уподобленіемъ дождя медовому напитку, а захватъ рыбы, птицъ и лѣснаго звѣря — миѣческими представленіями грозы рыбною ловлею и дикою охотою. Между малоруссами хо-

¹⁾ Громанъ, 59—63, 75, 232; Beiträge zur D. Myth., I, 172. —

²⁾ Кулишъ, II, 41; D. Myth., 1026.

дуть такой рассказ: жили-были три брата, занимались рыболовством и звѣриной охотой; и на ловѣ, и на охотѣ братья не знали неудачи: закинуть ли сѣти — а онѣ ужь полнѣхоньки рыбою, возьмутся ли за ружья — зайцы сами бѣгутъ на выстрѣлы. Дѣло въ томъ, что мать у нихъ была вѣдьма. Разъ братья рѣшились ее испытать; взяли тенета и ружья, пошли за зайцами, а матери сказали, что идутъ ловить рыбу. Что же? раскинули тенета — и вмѣсто зайцевъ полѣзли въ нихъ окуни, караси да щуки! ¹⁾ Еще отъ XI-го вѣка донеслись до насъ интересныя лѣтописныя свидѣтельства о подобныхъ обвиненiяхъ, взводимыхъ на тѣхъ женщинъ, въ которыхъ подозрѣвали вѣдьмъ. Въ 1024 году, говоритъ лѣтописецъ, возсталъ въ Суздалѣ волхвы, «и збиваху старую чадь, по дьяволю наученю и бѣсованю, глаголюще, яко си держать гобино. Бѣ мятежъ великъ и голодъ повсей той странѣ. Слышавъ же Ярославъ... изымавъ волхвы, расточи, а другыя показни, и рекъ сице: Богъ наводитъ по грѣхомъ на скуждо землю гладомъ, или моромъ, или ведромъ (засухую?), ли иною казню, а человекъ не вѣсть ничтоже.» Подъ 1071 годомъ находимъ слѣдующее извѣстiе: «бывши бо единою скудо сти въ ростовстѣи области, всташа два волхва отъ Ярославля, глаголюща, яко вѣ свѣвѣ (мы вѣдаемъ) — кто обилѣе держитъ. И поидоста по Волзѣ; кдѣ придуть въ погость, ту же нарицаху лучшiй (добрыя) жены, глаголюща, яко си жито держать, а си медъ, а си рыбы, а си скору ²⁾. И привожаху къ нима сестры своя; матери и жены своя; она же въ мечтѣ прорѣзавше за плечемъ, выимаста любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, имѣныя ихъ отъимашета собѣ». Наконецъ волхвы пришли на Белоозеро; за ними слѣдовало до

¹⁾ Кулишъ, II, 36—37; Москв. 1846, XI—XII, критика, 150—1.

²⁾ Мягкую рухлядь, звѣринныя мѣха.

трехъ сотъ человѣкъ. Въ это время Янъ собиралъ на Бѣлоозерѣ княжескую дань. «Повѣдоша ему бѣлозерци, яко два купесника избѣла уже многы жены по Волъсвѣ и по Шекснѣ. Янъ потребовалъ отъ нихъ выдачи волхвовъ; но бѣлоозерцы «сего не послушаша». Янъ рѣшился дѣйствовать противъ волхвовъ собственными средствами, и когда они были схвачены, то спросилъ: «что ради погубиста толико человѣкъ?» Волхвы отвѣчали: «яко ти держать обилье; да аще избіевѣ сихъ — «будеть гобино; аще ли хощеша, то передъ тобою выни- «мевѣ жито, ли рыбу, ли ино что. Янъ же рече: по истинѣ лжа то!»¹⁾ Итакъ, по словамъ лѣтописи, волхвы обвиняли старыхъ женщинъ въ томъ, что онѣ производили голодъ, скрадывали обилье (гобино), т. е. урожай²⁾, и дѣлали безуспѣшными промыслы рыбака и охотника. Вѣра въ возможность и дѣйствительность подобныхъ преступленій была такъ велика въ XI вѣкѣ, что родичи сами выдавали на побіеніе своихъ матерей, женъ и сестеръ; жители не только не хотѣли сопротивляться волхвамъ, но слѣдовали за ними большою толпою. Обвиненіе «старой чади» въ бѣдствіяхъ голодныхъ годовъ вполне соответствовало грубому и суевѣрному взгляду тогдашняго человѣка на природу, и волхвы (даже допуская съ ихъ стороны обманъ и своекорыстные разсчеты) только потому и дѣйствовали такъ открыто и смѣло, что опирались на общее убѣжденіе своего вѣка³⁾. Всѣ физическія явленія

¹⁾ П. С. Р. Л., I, 64, 75. — ²⁾ Карама. И. Г. Р., II, примѣч. 26; Обл. Сл., 132. обилье — въ архангельской губ. всякій немолоченный хлѣбъ, въ псковск. губ. огородные овощи. — ³⁾ Г. Мельниковъ (Рус. Вѣст. 1867, IX, 245—7) описываетъ мордовскій обрядъ сбора припасовъ для общественнаго жертвоприношенія и наклоненъ видѣть въ немъ фактъ, однородный съ тѣмъ, какой занесенъ въ лѣтописное сказаніе о волхвахъ. Въ назначенный для сбора день замужнія мордовки обнажаютъ свои груди и плечи, и становясь задомъ къ дверямъ избы, закидываютъ за спину холще-

предки наши объясняли себѣ, какъ дѣйствія боговъ или демоновъ, вызванныя мольбами, заклятіями и чарами вѣщихъ людей. Позднѣе, послѣ принятія христіанства, таже сила властвовать и управлять природою была распространена и на представителей новаго вѣроученія. Бывали примѣры, что народъ обвинялъ духовныхъ лицъ въ засухахъ и другихъ физическихъ бѣдствіяхъ. Такъ въ 1228 году новгородцы, напуганные тѣмъ, что «тѣпло стоитъ долго», прогнали своего владыку, «аки злодѣя пѣхающе»¹⁾. Женщинъ, заподозрѣнныхъ въ чародѣйствѣ и обвиняемыхъ въ похищеніи дождей и земнаго плодородія, преслѣдовали въ старину жестокими казнями: жгли, топили и зарывали живыми въ землю. Противъ этого обычая рѣзко протестовалъ Серапіонъ, епископъ владимірскій (XIII в.): «Малъ часъ порадовахся о васъ, чада! видя вашу любовь и послушаніе... А ежъ еще поганскаго обычая держитесь, волхованію вѣруете, и по жигаете огнемъ «невинныя челоувѣкы и наводите на весь мѣръ и градъ убійство. Аще кто и не причастися убійству, но въ соньми бывъ «въ единой мысли — убійца же бысть, или мога(н)и помощи, «а не поможе — аки самъ убити повелѣлъ есть. Отъ которыхъ книгъ или отъ кихъ писаній се слышасте, яко волхovanіемъ глади бывають на земли, и пакы волхо-

вые мѣшки съ мукою, медомъ, масломъ и яйцами; янбедъ (помощникъ главнаго жреца) колеть ихъ слегка въ голыя плечи и спины жертвеннымъ ножомъ, потомъ перерѣзываетъ тесемки, на которыхъ висятъ мѣшки, и забираетъ приготовленные припасы. Мы, съ своей стороны, не усматриваемъ въ этомъ описаніи ничего общаго съ лѣтописнымъ рассказомъ: въ мордовскомъ обрядѣ уколъ кожа представляетъ не болѣе, какъ символическое дѣйствіе, и самый обрядъ этотъ имѣетъ цѣлю собрать припасы для общаго жертвоприношенія, какое совершается въ благодарность за дарованный богами урожай; лѣтопись же говоритъ о дѣйствительномъ избіеніи женъ, заподозрѣнныхъ въ похищеніи гобина. — ¹⁾ П. С. Р. Л., III, 44.

«ваніемъ жита умножаются? То же сему вѣруете, «то чему пожигаете я? Молитесь и читаете я, и дары приносите имъ, ать (пустъ) строить міръ, дождь пускають, тепло приводятъ, землі плодити велять. Се нынѣ «по три дѣт(а) житю рода нѣсть — не токмо въ Русѣ(и), но «(и) въ Латвіи: севѣлхове ли створиша? аще не Богъ ли строитѣ(ь) свою тварь, яко-же хоцетъ, за грѣхъ насъ томя?... «Молю вы: отступите дѣлъ поганьскихъ. Аще хоцетѣ градъ «ощѣстити отъ безаконныхъ человекъ, радуюся тому; оцѣщайте, яко Давидъ - пророкъ», который судилъ въ страхѣ божіемъ и по правдѣ; вы же осуждаете на смерть по враждѣ и ради прибытка, жадля пограбятъ. «Правила божественна-«(го) повелѣвають многими послухъ(и) осудити на смерть «человѣка; вы же воду послухомъ поставите, и глаго-«лите: аще утопати начнетъ — неповинна есть, аще «ли поплочеть — волховъ) есть. Не можетъ ли дья-«воль, видя ваше маловѣрье, подержати да не погрузится, «дабы вѣврши въ душгубство; яко оставльше послушство «(бо)творенаго человекъ, идосте къ бездушну естеству» 1). По своимъ стихійнымъ свойствамъ, вѣдуны и вѣдмы могутъ свободно носиться посреди облачныхъ источниковъ, и потому въ народѣ составилось убѣжденіе, будто они ходять по поверхности рѣкъ и озеръ и не тонуть въ глубинѣ водъ. На Украинѣ до позднѣйшаго времени узнавали вѣдмы по ихъ способности держаться на водѣ. Когда случалось, что дождь долго не орошалъ полей, то поселяне, приписывая его задержаніе злымъ чарамъ, собирались міромъ, схватывали заподозрѣнныхъ бабъ и водили купать на рѣку или прудъ. Они скручивали ихъ веревками, привязывали имъ на шею тяжелые камни, и затѣмъ бросали несчастныхъ узницъ въ глубокіе

1) Женская форма отъ слова волхвъ; сравни: свекровь.— 2) Ист. христом. Бусл., 496—7.

омуты: неповинныя въ чародѣйствѣ тотчасъ-же погружалась на дно, а настоящая вѣдьма плавала поверхъ воды вмѣстѣ съ камнемъ. Первыхъ вытаскивали съ помощію веревокъ и отпускали на свободу; тѣхъ-же, которыя признаны были вѣдьмами, заколачивали на смерть и топили силою ¹⁾. Квитка въ письмѣ своемъ къ Плетневу (1839 года), по поводу разсказа: «Конотопская вѣдьма», замѣчаетъ: «топленіе вѣдьмъ при засухѣ — не только бывалое, со всѣми горестными послѣдствіями, но къ удивленію и даже ужасу возобновленное помѣщицею сосѣдней губерніи» ²⁾. Гудулы топили вѣдьмъ въ 1827 году ³⁾. Обычай этотъ извѣстенъ и между сербами: когда пронесется молва «на коју жену да је вјештица, онда је вежу и баце у воду да виде: може ли потонути; јер кажу да вјештица не може потонути. Ако жена потоне, а они је извуку на поље и пуге; ако ли не могбуде потонути, а они је убију, јер је вјештица» ⁴⁾. Подобное испытаніе волю («судъ божій») въ Германіи называлось *hexenbad* ⁵⁾. По увѣренію г. Дая ⁶⁾ на Украинѣ ходитъ разсказъ, заимствованный изъ судебныхъ актовъ, какъ одна злая и пьяная баба, поссорясь съ своей сосѣдкою, обвинила ее въ скрадываніи росы; обвиненную объявили вѣдьмою и передали сожжевію. Въ половинѣ прошлаго столѣтія управляющій имѣніемъ графа Тышкевича, въ Литвѣ, писалъ къ нему: «ясневельможный пане! съ возвращающимися крестьянами доношу, что съ вашего позволенія сжегъ я шесть чаровницъ: три сознались, а остальные нѣтъ. Двѣ изъ нихъ престарѣлыя, третья тоже лѣтъ пятидесяти, да къ тому-же одиннадцать дней онѣ

¹⁾ Lud Ukrain., II, 82—83; Zagusy domowe, III, 166; Кулишъ, II, 37; Киевл. 1865, 71. — ²⁾ Основьяненко, соч. Г. Давилевскаго, 91. — ³⁾ Пантеонъ 1855, V 48. — ⁴⁾ Срп. рјечник, 67; Путешеств. въ Черногорію А. Попова, 223. — ⁵⁾ Dr Myth., 1028. — ⁶⁾ Иллюстр. 1845, 415.

всѣ просидѣли у меня подѣ чаномъ, такъ, вѣрно, и другихъ заколдовали. Вотъ и теперь господская рожь въ двухъ мѣстахъ заломана. Я собираю теперь съ десяти костеловъ св. воду и буду на ней варить кисель; говорятъ, непременно всѣ колдуньи прибѣгутъ просить киселя; тогда еще будетъ мнѣ работа! Вотъ и г. Эпернети, по нашему примѣру, сжегъ женщину и мужчину... этотъ несчастный ни въ чемъ не сознался, за то женщина созналась во всемъ и съ великимъ отчаяньемъ пошла на тотъ свѣтъ» ¹⁾. Сожженіе колдуновъ и вѣдьмъ засвидѣтельствовано многими старинными памятниками (см. гл. XXVII). Въ Грузіи, при всякомъ общественномъ бѣдствіи, хватали подозрительныхъ старухъ, истязали въ присутствіи князей и духовенства и выпытывали у нихъ признаніе во мнимыхъ сношеніяхъ съ нечистою силою. Въ 1834 году, во время бывшаго неурожая кукурузы и гоміи, въ нѣкоторыхъ грузинскихъ деревняхъ бросали колдуновъ въ воду, или вѣшали на деревьяхъ и прикладывали къ ихъ обнаженному тѣлу раскаленное желѣзо ²⁾. Поступая такъ, народъ не только думалъ удовлетворить чувству своего мщенія, но и былъ убѣжденъ, что казни эти суть единственные средства, какими можно отвратить засуху, вызвать дожди и плодородіе. Такое убѣжденіе возникло изъ древнеиндической основы. Облачныя жены, похищающія росу, дождь и урожай, только тогда возвращаютъ эти сокрытыя ими блага, когда сгораютъ въ небесномъ пламени молній, или купаются и тонутъ въ разливѣ дождевыхъ потоковъ. Позднѣе, когда въ засухахъ и безплодіи почвы стали обвинять смертныхъ женъ, народъ увѣровалъ, что сожженіе и потопленіе ихъ непременно должно возвратитъ землѣ дожди и плодородіе — точно также, какъ обливаніе водою «додома» признается

¹⁾ Москов. Вѣдом. 1858, 60. — ²⁾ Сборникъ газеты „Бавказъ“ 1847, 1-ое полугодіе, 22.

сербами за лучшее средство противъ лѣтней засухи. Но съ другой стороны, такъ какъ гроза, пожигающая тучи, нерѣдко сопровождается разрушительной бурей и градомъ; то отсюда родилось вѣрованіе, что вѣдьмы, желая произвести непогоду, градъ и буйные вихри, разсѣваютъ по полямъ дьявольскій пепелъ (— пепелъ демона градовой тучи). Я. Гриммъ приводитъ изъ одного стариннаго памятника любопытное свидѣтельство о чародѣйкѣ, которая, покаявшись передъ смертною казнью, просила снять ея трущъ съ висѣлицы, сжечь огнемъ и пепелъ высыпать въ воду, а не развѣивать по воздуху, дабы не постигли страну градъ и засуха ¹⁾).

Губительное вліяніе вѣдуновъ и вѣдьмъ распространяется на все, обѣщающее приплодъ, народненіе. По народнымъ повѣрьямъ, они дѣлаютъ бабъ неплодными, отымаютъ у жениха мужскую силу; присаживаютъ ему килу, а у невѣсты скрываютъ половой органъ. При всякой свадьбѣ необходимо соблюдать особенныя предосторожности, для охраны новобрачныхъ и поѣзжанъ отъ злаго очарованія; въ нѣкоторыхъ деревняхъ тамъ, гдѣ празднуется свадьба, нарочно затворяютъ двери и затыкаютъ трубы, чтобы не влетѣла вѣдьма (арзамас. уѣзда). Вѣдьмы глазятъ беременныхъ женщинъ и выкрадываютъ изъ нихъ зачатыхъ младенцевъ. Существуетъ примѣта: если на дворѣ стрекочетъ сорока, то беременная баба не должна выходить изъ-подъ крова избы, оберегаемой священнымъ пламенемъ очага; иначе вѣдьма, которая любитъ превращаться сорокою, похититъ изъ ея утробы ребенка; самый ребенокъ, еще до появленія своего на свѣтъ, легко можетъ быть испорченъ колдуномъ или вѣдьмою. Народный стихъ, наряду съ другими вѣдовскими грѣхами: доеніемъ коровъ и отыманьемъ у хлѣба спорыньи, указываетъ и на

¹⁾ D. Myth., 1026, 1041.

порчу дѣтей въ утробѣ. Въ старину рожденіе уродовъ признавалось слѣдствіемъ волшебства или дьявольскаго навожденія ¹⁾. Выше (II, 399—405) указано нами, что древній метафорическій языкъ допускалъ выраженія: «замкнуть, завязать плодородіе». Вѣдьмы, истребительницы земныхъ урожаевъ, держатъ росу и дожди въ покрытыхъ и завязанныхъ сосудахъ, и пока сосуды эти не будутъ развязаны — до тѣхъ поръ ни единая капля живительной влаги не упадетъ съ неба на жаждущія поля. Подобно тому, какъ зимніе холода и лѣтнія засухи запираютъ плодотворное сѣмя дождей, такъ точно съ помощію волшебства можно замкнуть силу плодородія въ обвѣчанной четѣ. Германцы приписываютъ вѣдмамъ такую чару надъ молодыми супругами: во время свадьбы вѣдьма запираетъ замокъ и забрасываетъ его въ воду, и пока замокъ не будетъ найденъ и отомкнутъ, супружеская чета дѣлается неспособною къ соитію. Чара эта называется *schloss-schliessen* и *nestelknüpfen* (nest — шнурокъ, ремешокъ, *knüpfen* — завязывать ²⁾). Въ Сербіи враги, желающіе, чтобы у новобрачныхъ не было дѣтей, украдкою завязываютъ одному изъ нихъ узлы на платѣ ³⁾; а лужичане съ тою-же цѣлью запираютъ, при совершеніи вѣнчальнаго обряда, замокъ — въ ту самую минуту, когда священникъ провозноситъ слова: «плодитесь и множитесь» ⁴⁾. Интересна жалоба, занесенная въ протоколъ стародубскаго магистрата 1-го генваря 1690 года. Тимошка Матвѣевъ билъ челомъ на Чернобая, который во время свадьбы обвязывалъ его невѣдомо для чего ниткою-портняжкою, и съ того

¹⁾ Абеv., 74; Иллюстр. 1045, 415; *Zarysy domowe*, III, 163; *Лѣт. рус. лит.*, кн. II, отд. 2, 155; *Поли. Собр. Зап.*, V, № 3159—60. —²⁾ *D. Myth.*, 1027; *Beiträge zur D. Myth.*, I. 215: „*nadeln, mit welchen ein todtenhemd genäht worden, dienen zum nestelknüpfen*“; такая игла зашиваеъ и вѣсть омертвляетъ силу чадородія. —³⁾ *Потебн.*, 139. —⁴⁾ *Neues Lausitz. Magazin* 1843, III—IV, 316.

де часу онъ Тимошка уже два года не имѣть съ своею женою никакого сполкованя (spółkowanie — соніе), а портинку Чернобай забросилъ и сказываетъ, что безъ нея пособить бѣдѣ не умѣть. Въ приведенныхъ чарахъ узлы производятъ плотское безсиліе — точно также, какъ закручиванье колосьевъ (ржи, овса, конопли и пр.) на нивѣ можетъ, по народному повѣрью, отнимать у хлѣба спорынью и вмѣстѣ съ тѣмъ производить гибель скота и людей — обычныя слѣдствія неурожаевъ и голода въ старину, когда не знали благо-разумной расчетливости и не дѣлали запасовъ на будущіе года. Неурожаѣ, голодѣ и повальнымъ болѣзнями бывали, по свѣдѣтельству лѣтописей, всегда неразлучны. Закрутъ (заломъ, завитокъ), до сихъ поръ наводящій ужасъ на цѣлыя села, не должно смѣшивать съ завиваньемъ колосьевъ на боролу Волосу; это послѣднее возникло изъ уподобленія связанныхъ созрѣлыхъ колосьевъ завитой бородѣ древняго бога, имѣло значеніе жертвеннаго приношенія и донынѣ совершается явно и съ добрыми пожеланіями — на урожай и обиліе. Напротивъ закрутъ завивается тайно изъ жажды мщенія, изъ желанія причинить хозяину нивы зло, и сопровождается заклятіемъ на гибель плодородія; онъ совершается такъ: злобный колдунъ беретъ на корню пучокъ колосьевъ, и загибая къ низу, перевязываетъ ихъ суровою ниткою, или заламываетъ колосья и крутитъ (свиваетъ) на западъ — сторона, съ которою соединяется понятіе смерти, нечистой силы и безплодія; въ узлѣ залама находятъ иногда распаренныя зерна и могильную землю: и то, и другое — символы омертвенія. Въ старинныхъ требникахъ встрѣчаются молитвы, которыя слѣдовало читать надъ такимъ очарованнымъ иѣстомъ: послѣ установленнаго молитвословія, священникъ выдергивалъ закрутъ церковнымъ крестомъ, и тѣмъ отстранялъ его зловредное вліяніе. Теперь для снятія закрута при-

глашаютъ знахаря, который вырубаетъ осиновый колъ, разщепливаетъ его надвое и этимъ орудіемъ выдергиваетъ зачарованныя колосья; затѣмъ закрутъ сожигается благо-вѣщенскою свѣчею, а на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, знахарь вбиваетъ въ землю осиновый колъ, что (по мнѣнію поселянъ) причиняетъ колдуну вестерпимыя муки ¹⁾. Донынѣ думаютъ, что узлы и поясъ замедляютъ роды; ибо съ ними нераздѣльно понятіе связыванія, замыканія, а въ настоящемъ случаѣ нужно, чтобы женщина разрѣшилась отъ бремени (нѣм. *entbunden werden*), чтобы ребенку былъ свободный, открытый путь. Вліяніе языка обнаружилось въ созданіи слѣдующихъ повѣрій: на родильницѣ не должно быть ни одного узла, даже расплетаютъ ей косу ²⁾. Но этого недостаточно: при трудныхъ родахъ призываютъ отца и заставляютъ его развязать или ослабить поясъ, отстегнуть воротникъ сорочки, распустить учкуръ (поясокъ у штановъ), и въ тоже время открываютъ у печи заслонку, отпираютъ сундуки и выдвигаютъ всѣ ящики ³⁾. Во многихъ мѣстахъ, во время трудныхъ родовъ, просятъ священника отворить царскія врата въ храмѣ, а повивальная бабка читаетъ при этомъ «Сонъ пресв. Богородицы» ⁴⁾. Въ курской губ. страждущую родильницу переводятъ троекратно черезъ порогъ избы, чтобы ребенокъ скорѣе переступилъ порогъ своего заключенія и явился на свѣтъ изъ утробы матери ⁵⁾. Въ Германіи увѣряютъ, что сложенные вѣстѣ руки и поставленные одна на другую ноги мѣшаютъ родильницѣ разродиться.

¹⁾ Сахаров., I, 53; Иллюстр. 1845, 538; Обл. Сл., 60, 95; Москв. 1844, XII, ст. Якушк., 35—36. Въ курской губ. срѣзываютъ одностѣбныя осиновые прутья и кладутъ ихъ накрестъ возлѣ нивы, на которой сдѣланъ заломъ. — ²⁾ Послов. Далъ, 404; Гласникъ срдруштва, V, 155. — ³⁾ Черниг. Г. В. 1854, 25. — ⁴⁾ Иллюстр. 1846, 649; Ворон. Г. В. 1851, 11. — ⁵⁾ Этн. Сб., V, 20.

Мнѣніе это раздѣляли и древніе греки. Когда Алкмена должна была родить Геркулеса, то Ἐλεῖθια съѣла у дверей, скрестила руки и положила правую ногу на лѣвую, чтобы помѣшать родамъ. Но служанка Алкмены обманула богиню ложнымъ извѣстіемъ, что роды уже совершились; раздосадованная богиня вскочила, разъединивъ свои руки и колѣни, и въ тотъ самый мигъ разрѣшилась Алкмена прекраснымъ малюткою ¹⁾). Въ ново-греческой сказкѣ мужъ, покидая свою беременную жену, опоясываетъ ее поясомъ и говоритъ: «ты не прежде родишь дитя, пока я не разстегну тебѣ этого пояса!» — и она дѣйствительно не могла разрѣшиться до того часу, пока не обрѣла своего мужа и пока онъ не разрѣшилъ ей пояса. Въ албанской редакціи этой сказки мужъ, вѣсто пояса, запираетъ чрево жены своей серебрянымъ ключемъ ²⁾). На Руси, чтобы помочь въ тяжелыхъ родахъ, читаютъ слѣдующій заговоръ: «пресвятая мати Богородица! соходи со престола господня и бери свои золотые ключи и отпирай у рабы божьей (имярекъ) мясныя ворота и выпускай младенца на свѣтъ и на божью волю» ³⁾). Какъ обвязанный вокругъ тѣла поясъ замыкаетъ чадородіе женщины, такъ, по свидѣтельству норвежской сказки, королевскій садъ потому не приноситъ плодовъ, что вокругъ его зарыта трижды-обведенная золотая цѣпь ⁴⁾). Круговая — со всѣхъ сторонъ замкнутая линія получила въ народныхъ вѣрованіяхъ значеніе наузы, столь-же крѣпкой, какъ и завязанная веревка или запертая цѣпь. Начертанная ножомъ, зажженною лучиною или углемъ (= знаменія разящей молніи), линія эта защищаетъ человека отъ зловреднаго дѣйствія колдовства и покушеній нечистой силы. Черезъ круго-

¹⁾ D. Myth., 1128; Sonne, Mond u. Sterne, 254. — ²⁾ Ганъ, 71, 100. — ³⁾ Памятн. книжка арханг. губ. 1864 г., 18. — ⁴⁾ Ск. воря., II, 18; Germ. Mythen, 683.

вую черту не может переступить ни злой духъ, ни вѣдма, ни самая Смерть; противъ чумы и другихъ повальныхъ болѣзней опахиваютъ кругомъ деревни и сѣла; при добываніи кладовъ и цвѣта папоротника, при совершеніи различныхъ чаръ и произнесеніи заклятій очерчиваютъ себя круговою линіей, для охраны отъ демонскаго навожденія ¹⁾. На Украинѣ дѣти, завидя полеть дикихъ гусей, причитываютъ: «гуси-гуси! завяжу вамъ доро́гу, щобъ не втрапили до дому» или: «гуси-гуси! колесомъ, червоннимъ поясомъ» ²⁾ и думаютъ, что отъ этихъ словъ гуси закружатся на одномъ мѣстѣ ³⁾. У лужичанъ, чеховъ и русскихъ передъ Рождествомъ даютъ курамъ кормъ, окружая его цѣпью или обручемъ, чтобы онѣ клали яйца дома: этотъ обрядъ замыкаетъ птицу въ границахъ хозяйскаго двора ⁴⁾. Въ ярославской губ. въ пламя пожара бросаютъ обручъ съ квасной шайки, чтобы огонь сосредоточился въ одномъ мѣстѣ и не распространялся дальше ⁴⁾. Въ моложскомъ уѣздѣ не обводятъ новобрачныхъ вокругъ стола, чтобы молодая не была безплодна, т. е. чтобы не замкнуть ея плодородія круговою чертою ⁵⁾.

Содѣйствуя стихійнымъ демонамъ, насылая неурожай, безкормицу и голодъ, вѣдуны и вѣдмы тѣмъ самымъ порождаютъ между людьми и животными различные недуги и усиленную смертность. Велѣдствіе ихъ чаръ, вмѣстѣ съ холодными

¹⁾ Этн. Сб., I, 53; Абев., 149—150; Зап. о Сибири, 64; Н. Р. Сл., VIII, стр. 646. — ²⁾ Номис., 7. — ³⁾ Volkslieder der Wenden, II, 259; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 61; Новгор. Сборн. 1865, I, 287; тоже дѣлаютъ и въ Германіи — Beiträge zur D. Myth., I, 228. — ⁴⁾ Чтобы воръ не могъ убѣжать, должно взять нитку изъ савана, смѣрять мертвеца и обойти съ нею трижды около дома и амбаровъ, приговаривая: „какъ мертвецъ не встаетъ и не выходитъ изъ могилы, такъ бы не вышелъ и воръ изъ этого круга“ — Библ. для Чт. 1848, IX, 56. — ⁵⁾ Этн. Сб., I, 50.

вьюгами и продолжительными ливнями, появляются простудные болѣзни, а вмѣстѣ съ знойнымъ дыханіемъ лѣта и повсемѣстной засухой — поднимаются вредныя испаренія и настаѣть моровая язва. Въ тѣхъ - же кипучихъ котлахъ, въ которыхъ вѣдьмы завариваютъ бурныя грѣзы и градъ, приготавливаютъ онѣ и мучительные недуги, несущіеся въ удушливыхъ парахъ по направленію вѣтровъ (сравни стр. 69, 104). Въ финской Калевалѣ Kivutar, дочь олицетворенной болѣзни (kiru, р. kivun — болѣзнь), соответствующая нашимъ и нѣмецкимъ вѣдьмамъ, всходитъ на гору и варитъ въ котлѣ скорби, немощи и язвы¹⁾. По мнѣнію русскихъ поселенцевъ, колдуны и колдуньи напускаютъ на людей и домашній скотъ порчу, т. е. томятъ ихъ, сушатъ, изнураютъ болѣзненными припадками. Испорченные колдовствомъ люди называются кликушами: это — несчастные, страдающіе палучею или другими тяжкими болѣзнями, соединенными съ бредомъ, пѣною у рта и корчами; они издаютъ дикіе вопли, и подъ вліяніемъ господствующаго въ народѣ суевѣрія — утверждаютъ, будто злые вѣроги посадили въ нихъ бѣсовъ, которые и грызутъ ихъ внутренности. Силою страшныхъ заклятій колдуны и колдуньи насылаютъ нечистыхъ духовъ по воздуху: послушные имъ вѣтры несутъ и навѣваютъ на людей неисцѣлимые недуги, называемые стрѣлами, и котю, повѣтріемъ или заразою. По свидѣтельству Боплана, колтуновъ приписывали на Украинѣ чародѣйству старыхъ бабъ. Эту и всѣ прочія болѣзни, постигающія людей, домашнихъ птицъ и животныхъ, кашубы до сихъ поръ считаютъ слѣдствіемъ околдованія. Опасно принимать изъ рукъ вѣдуна какой-бы то ни было напитокъ: вмѣстѣ съ чаркою вина, предложенною на пиру, онъ можетъ поднести злую немочь. Выпивая это вино, человекъ проглатываетъ сестеръ-лихора-

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1846, III, ст. Гримма, 183.

докъ или иныхъ мучительныхъ демоновъ, которые превращаются въ его утробѣ въ разныхъ гадинъ: змѣй, жабъ, лягушекъ и мышей, сосутъ его кровь, терзаютъ кишки и печень, раздуваютъ животъ и наконецъ доводятъ свою жертву до преждевременной кончины ¹⁾). Несчастнѣй, которымъ овладѣла болѣзнь, носить ее съ собою вездѣ, куда бы не направилъ свои стопы. Такая неотвязность болѣзни выражается въ повѣрьи, что злобные духи (эльфы, мары) поселяются внутри больного (= дѣлаютъ его бѣсноватымъ) или развѣзжаютъ на его спинѣ; налегая на человѣка страшною тяжестью, они заставляютъ его возить себя, изнуряютъ, ломаютъ и трясутъ его. Тоже представленіе соединяется и съ вѣдьмами: въ ночные часы онѣ являются въ избы, садятся на сонныхъ людей, давятъ ихъ и принуждаютъ носить себя по окрестностямъ; нерѣдко вѣдьма оборачиваетъ добраго молодца конемъ и скачетъ на этомъ конѣ по горамъ и дѣламъ до тѣхъ поръ, пока онъ не потеряетъ силъ и не упадетъ отъ усталости ²⁾). Рассказываютъ еще, будто вѣдьма ѣздитъ ночью на думѣ снѣгаго человѣка, который хотя и не сознаетъ, что съ нимъ дѣлается, но тѣмъ не менѣе, пробуждаясь на слѣдующее утро, чувствуетъ во всемъ тѣлѣ полное изнеможеніе ³⁾). Колдунъ и вѣдьмы собираютъ ядовитыя травы и коренья, готовятъ изъ нихъ отравное снадобье и употребляютъ его на пагубу людей;

¹⁾ Иллюстр. 1845, 184, 203; 1846, 345; Абев., 222, 270 — 1; Могилов. Г. В. 1851, 19; О. З. 1848, V, 17—18; Ч. О. И. и Д., годъ 3, III, словотолковн. Макарова, 106; Описание Украйны Боплана, 83; Этн. Сб., V, 73 (стат. о кашубахъ); Памятн. кн. арханг. губ. 1864, 92; Громаниъ, 199; Н. Р. Сж., V, 50: колдунъ подаетъ ендову пива, отъ котораго выскакиваютъ глаза и выпадаютъ всѣ зубы. — ²⁾ Н. Р. Сж., VII, 36, с; сб. Валянца, 59, 245 — 6; Гальтрихъ, 29; Совр. 1856, XII, 197. — ³⁾ Москва. 1846, XI—XII, критика, 150. Подобныя повѣдн приписываютъ и нечистому; на Украйнѣ говорятъ: „я на мудримъ дядько на лысу гору ѣздить“ — Номис., 126.

въ областныхъ говорахъ «отрава» обозначается словами: порча, портѣжъ, а колдуна и колдунью называютъ: порчельникъ (портѣжникъ) и порчельница; для всѣхъ одуряющихъ зелий существуетъ общее, собирательное имя бѣсиво ¹⁾. Народныя пѣсни говорятъ о дѣвахъ - чаровницахъ, приготавливающихъ отравный напитокъ: по-край моря синяго, по зеленымъ лугамъ,

Тутъ ходила-гуляла душа-красная дѣвица,
А копала она коренья—зелье лютое;
Она мыла тѣ коренья въ синѣмъ морѣ,
А сушила коренья въ муравленой печи, *качели*
Растирала тѣ коренья въ серебряномъ кубцѣ,
Разводила тѣ коренья меду сладкими,
Разсычала коренья бѣлымъ сахаромъ,
И хотѣла извести своего недруга... ²⁾

По указанію другой пѣсни, задумала сестра избыть посылкаго брата:

Брала стружки красна дѣвица,
Бравши стружки, на огонь клала,
Все змѣй пекла, зелье дѣлала;
Наливала чару прежде времени,
Подносила брату милому. *Naidi baba indmita, unar hada n' dachina, mli i, zelni, n' k' b' p' s' e.*

Зелье было страшное: едва

Кануда капля коню на гриву,
У коня грива загорѣлася ³⁾.

Колдуны и вѣдьмы могутъ причинить недуги прикосновеніемъ, дыханіемъ, словомъ, взглядомъ и самою мыслию; въ нихъ все исполнено губительной чародѣйной силы! Выше было объясне-

¹⁾ Обл. Сл., 19, 171—2. — ²⁾ Кирша Дан., 303; Сахаров., I, 206; Терещ., V, 172; О. З. 1840, II, смѣсь, 27. Вариантъ:

Напоила она коренья въ меду-въ патоку,
Напоила добра молодца допьяна.

³⁾ Сахаров., I, 202.

но, что подъ вліяніемъ древнѣйшаго метафорическаго языка, который уподобилъ громъ—вѣщему слову, вѣяніе вѣтра—дыханію, блескъ молній—сверкающимъ очамъ, а всѣ душевныя движенія сблизилъ съ стихіями,—возникли суевѣрныя убѣжденія, заставившія нашихъ предковъ чувствовать страхъ передъ всякимъ проявленіемъ души человѣческой. Недобрая мысль, затаенная зависть и неискренняя похвала уже влекутъ за собою несчастіе для того, кто возбудитъ ихъ въ чародѣѣ; высказанное колдуномъ злое пожеланіе дѣйствуетъ также неотразимо, какъ заговоръ или клятвенная формула; своимъ взглядомъ онъ можетъ сглазить, а своимъ дыханіемъ озвѣвать человѣка, т. е. наслать на него порчу (I, 411). Какъ небесныя стада теряютъ молоко и иссыхаютъ отъ ударовъ молній, такъ точно отъ взгляда вѣдьмы пропадаетъ молоко въ грудяхъ матери и чахнетъ ея ребенокъ; сглазу приписываются и болѣзни домашняго скота. Какъ небесныя волки и змѣи (драконы) страшатся блестящей молній, такъ точно взоръ волшебника смиряетъ волковъ и змѣй, населяющихъ лѣса и пустыни ¹⁾. Что вѣдьмы были обвиняемы въ распространеніи повальныхъ, заразительныхъ болѣзней, это засвидѣтельствовано грамотою царя Михаила Федоровича, упоминающею о бабѣ вѣдунѣ, которая наговаривала на хмѣль, съ цѣлію навести на русскую землю моровое повѣтріе ²⁾. Крестьяне до сихъ поръ убѣждены, что колдуну стѣитъ только захотѣть, какъ тысячи народу падутъ жертвами смерти ³⁾. Русская сказка возлагаетъ на вѣдьму ту же самую роль, какая обыкновенно исполняется Моровою дѣвою: въ глухую полночь она является въ бѣлой одеждѣ, просовываетъ руку въ окно избы, кропитъ волшебными соками и всю семью—отъ стараго и до малаго—усыпляетъ на вѣки смертельнымъ сномъ ⁴⁾. По уцѣ-

¹⁾ D. Myth., 1053. — ²⁾ Ак. Арх. Экс., III, 197. — ³⁾ Могилев. Г. В. 1851, 19. — ⁴⁾ Н. Р. Сл., VII, 36, а.

лѣвшимъ на Руси преданіямъ, въ старину при всякой повальной болѣзни и скотскомъ падежѣ обрекали на смерть женщину, заподозрѣнную міромъ въ зломъ волшебствѣ. Женщину эту завязывали въ мѣшокъ, вмѣстѣ съ собакою, черною кошкою и пѣтухой, и зарывали въ землю или топили въ рѣкѣ, съ полнымъ убѣжденіемъ, что послѣ этого моръ немедленно долженъ прекратиться ¹⁾. Еще недавно высказывалось поселянами мнѣніе, что если бы перваго заболѣвшаго холерою похоронить заживо, то означенная болѣзнь тотчасъ-бы пріостановила свои губительныя дѣйствія (новгородъ-сѣверск. уѣзда). Въ нѣкоторыхъ деревняхъ на томъ мѣстѣ, гдѣ пала первая зачумленная скотина, приготавливаютъ яму, и въ этой ямѣ зарываютъ падалъ, привязавъ къ ея хвосту живыхъ собаку, кошку и пѣтуха. Хозяина издохшей скотины община вознаграждаетъ за потерянную шкуру ²⁾. Въ нижегородской губ. отъ сибирской язвы вбиваютъ на перекресткахъ осиновые колы и посыпаютъ улицы пепломъ нарочно-сожженной собаки ³⁾. Иногда, для отвращенія заразы, крестьяне свечеру загоняютъ весь деревенскій скотъ на одинъ дворъ, запираютъ ворота и караулятъ до утра, а съ разсвѣтомъ начинаютъ разбирать коровъ; если бы при этомъ оказалась лишняя, неизвѣстно кому принадлежащая корова, то ее принимаютъ за Коровью Смерть, взваливаютъ на полѣнницу и сожигаютъ живьемъ ⁴⁾. Тотъ, кто прежде всѣхъ заболѣваетъ эпидемическою болѣзною, рассматривается, какъ пособникъ нечистой силы и проводникъ Смерти; отъ него начинается зараза и быстро переходитъ на

¹⁾ Сахаров., II, 13; Малор. и червон. нар. думы и пѣсни, 100; Терещ., VI, 42; Рус. въ св. посл., III, 217. — ²⁾ Москв. 1852, XXII, 87—88; Рус. Вѣдом. 1866, № 91. — ³⁾ Сѣвер. Почта 1868, № 180. — ⁴⁾ Иллюстр. 1846, 262; Терещ., VI, 42; сравни D. Myth., 1140.

все окрестное населеніе. Тотъ-же взглядъ прилагается и къ первой зачумленной скотинѣ. Вселяясь въ человѣка или корову, демонъ смерти заставляетъ ихъ носить себя по бѣлому свѣту и чрезъ ихъ посредство распространяетъ свое тлетворное дыханіе между людьми и стадами (см. выше стр. 107-9). Поэтому первыя жертвы заразы подлежатъ такой-же очистительной карѣ, какъ и вѣдьмы, избличенныя въ напущеніи мора. Сожженіе, потопленіе или зарытіе вѣдьмы въ землю исторгаетъ изъ нея злаго демона (= нечестивую душу) и удаляетъ его изъ здѣшняго міра въ міръ загробный (= въ подземное царство Смерти); пѣтухъ, кошка и собака, какъ мифическіе представители грозоваго пламени и вихрей, признавались необходимыми спутниками тѣни усопшаго, призванными сопровождать ее на тотъ свѣтъ. Въ образѣ коровы издревле олицетворялась черная молниеносная туча, а съ этою послѣднею были нераздѣльны представленія нечистой силы и смерти. Изъ свидѣтельствъ памятниковъ и народныхъ преданій извѣстно, что въ отдаленной языческой древности, вмѣстѣ съ трупомъ покойника, сожигались корова, собака и пѣтухъ. Впослѣдствіи этотъ погребальный обрядъ получаетъ характеръ уголовного возмездія и совершается только въ исключительныхъ случаяхъ, съ цѣлю увеличить позоръ смертной казни за особенно-важныя преступленія. Когда вайделотка, хранительница священнаго огня, теряла свое дѣвство, литовцы зашивали ее въ кожаный мѣшокъ съ кошкою, собакою и змѣею, вывозили на парѣ черныхъ коровъ на мѣсто казни и зарывали въ землю или топили въ водѣ ¹⁾. Въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику сказано: «кто убьетъ до смерти отца или мать, или кто хоти сродича своего убьетъ, и тому дати сыну муку: въ торгу его возити и тѣло его клещами рвати и по тому посадити на него

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1844, IV, ст. Боричевск., 20.

собаку, кура и ужа и кота, и то все вмѣстѣ собравши съ нимъ въ водѣ затопить. А которая дочь отца убьетъ или мать — и указъ тотъ-же.» Литовскій Статутъ за означенное преступленіе постановляетъ: «всадити въ мѣхъ скуряный съ псомъ, куремъ, ужомъ, кошкой и зашить» ¹⁾). У германцевъ мать-дѣтоубійцу завязывали въ мѣшокъ вмѣстѣ съ собакою, кошкою и змѣею и топили въ водѣ; таже кара у римлянъ постигала убійцу отца или матери, но кошка замѣнялась обезьяною ²⁾).

Съ колдовствомъ нераздѣльно понятіе о превращеніяхъ. Вѣра въ превращенія или оборотничество принадлежитъ глубочайшей древности; источникъ ея таится въ метафорическомъ языкѣ первобытныхъ племенъ. Уподобляя явленія природы различнымъ животнымъ, называя тѣ и другія тождественными именами, древній человѣкъ долженъ былъ наконецъ увѣровать въ дѣйствительность своихъ поэтическихъ представленій, какъ скоро обозначающія ихъ слова и выраженія потеряли для него свою первичную прозрачность. Въ началѣ способность превращеній исключительно связывалась съ существами стихійными, принадлежащими міру фантазіи и мифа. Ходячія по небу, дышашія вѣтрами, дождевыя, градовыя и снѣжныя облака (какъ мы знаемъ) олицетворялись то легкокрылыми птицами, то быстроногими конями и оленями, борзыми собаками, рыскающими волками, медвѣдами, кошками, рысями, дойными коровами, козами, овцами и такъ далѣе. Рядомъ съ этимъ, облака, тучи и туманы, какъ темные покровы, застилающіе собой ясное небо ³⁾, представлялись ру-

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. I, 83—84, 116—7. — ²⁾ Deutsche Rechtsalt., 697; сравни свидѣтельства о повѣшеніи преступниковъ съ волками и собаками — *ibid.*, 685—6. — ³⁾ До сихъ поръ о туманномъ, облачномъ небѣ говорится: заволокло; въ областныхъ говорахъ облако называется: наволока — ср. Поэт. Воз., I, 542—3.

номъ или звѣриными шкурами, въ которыя облачаются — одѣваются безсмертные владыки надземныхъ странъ. Богъ-громовникъ и сопутствующіе ему духи бури, вихрей и дождей постоянно являются въ облачныхъ нарядахъ, и слѣдовательно переодѣтыми или превращенными въ птицъ и звѣрей. Языкъ и преданія ярко засвидѣтельствовали тождество понятій превращенія и переодѣванія: слова оборотиться, обернуться (об-воротиться, об-вернуться) означаютъ собственно: укутаться, покрыть себя платьемъ, а пре-вратиться — переодѣться, измѣнить свою одежду (=своей внѣшній видъ), надѣть ее наизуворотъ; въ позднѣйшемъ переносномъ смыслѣ малор. перевертень, серб. превртльнь, превршага — человекъ измѣнчивый, непостоянный. Созерцая въ полетѣ грозовыхъ тучъ толпы оборотней, т. е. демоновъ, облачившихся въ животныя шкуры, и переводя это воззрѣніе въ символическій обрядъ, предки наши допустили въ своихъ религіозныхъ игрищахъ участіе окрутниковъ (I, 717-8). «Окрутниками» называются всѣ замаскированные, наряженные по святочному, одѣтые въ мохнатые шкуры или вывороченные тулупы, отъ слова крутить, которое отъ первоначальнаго значенія: завивать, плести перешло къ опредѣленію понятій: одѣвать, наряжать (окрута — женское нарядное платье и вообще одежда, окрутить — одѣть, окручаться и окрутиться — наряжаться, маскироваться¹⁾, и въ этомъ смыслѣ явилось синонимомъ глаголамъ: облача(и)ть и оборотить (обворотить), точно также, какъ слово округта — одежда тождественно по значенію съ словомъ облако (облаченіе). Очевидно, что и колдуны, и вѣдьмы, по своей тѣсной связи съ облачнымъ міромъ, должны были усвоить себѣ чудесную способность превращеній. Одно изъ названій, знаменующихъ волшебныя чары: кудеса въ новгородской губ. служить для обозначенія обрядоваго ряженья,

¹⁾ Обл. Сл., 140.

окручиванія въ мохнатая шкуры: кудесъ — замаскированный человекъ (кудесникъ, кудесница), кудеситься — маскироваться ¹⁾; сравни лат. *lagvo* — околдовать, оборозить и *lagva* (нѣм. *lagve*) — личина, маска, привидѣніе; боги, духи, вѣщіе люди и сильномогучіе богатыри (= представители стихійныхъ силъ природы, низведенные съ теченіемъ времени на степень народныхъ героев) превращаются въ различные образы, надѣвая на себя шапку-невидимку, т. е. окутываясь облакомъ. ²⁾ Согласно съ демоническимъ характеромъ колдуновъ, одно изъ главнѣйшихъ ихъ превращеній есть превращеніе въ волка; ибо этотъ хищный, лукавый звѣрь выступаетъ въ старинныхъ мѣтахъ, какъ воплощеніе иррациональныхъ бурь и зимней стужи, какъ демонъ, пожирающій небесныхъ коровъ (= дождевыя облака) и чрезъ то наводящій на землю неурожай и морь. Рядясь въ волчьи шкуры, колдуны рыщутъ голодными, жадными волками, и получаютъ названіе вовкулаковъ. Славянская Коричная книга сохранила драгоценное указаніе, что въ этихъ оборотняхъ народъ видѣлъ нѣкогда стихійныхъ духовъ, нагоняющихъ на горизонтъ темныя тучи, а не простыхъ смертныхъ: «облакъгонештеи отъ селянь влѣкодлаци нарицаются» (I, 736), что совпадаетъ съ вышеприведеннымъ названіемъ вѣдуновъ и чародѣевъ облакопрогонниками. Волкодлакъ (малор. вовкулакъ, вовкунъ, бѣлор. вавкалакъ, пол. *wilkołak*, *wilkołek*, чеш. *wlkodlak*, серб. *вукодлак*, дагм. *vakudluk*, фаруз. *vukolak*, трансл. *vasodlac*; у болгаръ и словаковъ удержалась болѣе древняя форма: *vrkodlak*; у леттовъ *wilkats* отъ *wilks*—*lupus*) — слово сложное изъ волкъ, сикр. *vrka*, и длака (*dlak*) — шерсть, руно, клочъ волосъ, и означаетъ существо, покрытое волчьей шерстью или шкурою. Преданія о волкахъ-оборотняхъ извѣстны у всѣхъ ин-

¹⁾ Ibid., 95; Док. обл. сл., 94. — ²⁾ D. Myth., 903.

доевропейскихъ народовъ, и тѣмъ ясно указываютъ на свое незапамятно-давнее происхождение. У нѣмцевъ вовкулакъ—*vegwolf* (англос. *vegevulf*, англ. *wegewolf*, гот. *vairg-vulfs*), т. е. *stappwolf*, волколюдъ, греч. *λοχάνθρωπος*; первая часть слова *veg*—гот. *vairs*, англос. *veg*, лат. *vir*—мужъ, человѣкъ. Замѣчательно что въ Митиленѣ и на прибрежьяхъ Малой Азій греки до настоящаго времени называютъ волчьихъ оборотней именемъ, буквально - тождественнымъ съ нашимъ вовкулакомъ: *βρούχολαχος*, и самыя сказанія о нихъ существенно ничѣмъ не отличаются отъ преданій славянскихъ ¹⁾. Древнѣйшее свидѣтельство о вовкулакахъ находимъ у Геродота ²⁾, который упоминаетъ, что Нурь или Невры (народъ, признаваемый Шафарикомъ за славянское племя) почитались у грековъ и скивовъ чародѣями и что про нихъ рассказывали, будто бы каждый изъ невровъ единожды въ году обращается на нѣсколько дней въ волка, а потомъ снова принимаетъ свой человѣческій обликъ ³⁾. Время такого превращенія, вѣроятно, совпадало съ колядскимъ праздникомъ, когда на лысой горѣ гуляютъ вѣдуны и вѣдьмы вмѣстѣ съ нечистыми духами и оборотнями, а въ деревняхъ и селахъ бѣгаютъ по улицамъ ряженые. Сербы утверждаютъ, что вукодлаки преимущественно показываются въ зимнюю пору «од Божића до Спасова дне» ⁴⁾. У поляковъ встрѣчаемъ повѣрье, что оборотни превращаются въ волковъ два раза въ годъ: на Коляду и Иванову ночь, следовательно въ тѣже сроки, въ которые бывають главныя вѣдвскія собранія. Жители Митилена и прибрежьевъ Малой Азій особенно опасаются вовкулаковъ на Рождественскіе Святки и въ страстную недѣлю, т. е. при поворотѣ солнца на лѣто и при

¹⁾ Москв. 1853, V, 3; D. Myth., 1048; Zeitschr. für D. M., IV, 195. — ²⁾ Кн. IV, гл. 105. — ³⁾ Слав. Древности, т. I, кн. I, 323, 327; Поэт. Воз., I, 741. — ⁴⁾ Срп. рјечник, 79.

началъ весны ¹⁾). Любопытны славянскія преданія о волчьемъ пастырѣ: подъ этимъ именемъ разумеется владыка бурныхъ грозъ, которому подвластны небесные волки, слѣдующіе за нимъ большими стаями и въ дикой (грозовой) охотѣ замиряющіе собою гончихъ псовъ. Въ германской мифологіи это — Одинъ, въ услугахъ котораго состоятъ два славные волка; на Руси волчьимъ пастыремъ считается Егорій Храбрый, наслѣдовавшій подвиги и заботы древняго громовника. Позабывъ о миѣическихъ волкахъ-тучахъ, народъ отдалъ ему во власть волковъ обыкновенныхъ, лѣсныхъ. Такъ какъ богъ-громовникъ является очамъ смертныхъ въ облачномъ одѣяніи, то создалось представленіе, что онъ самъ рядится въ мохнатую шкуру волка, принимаетъ на себя образъ этого звѣря и становится вовкулакомъ. Въ Бѣлоруссіи роль волчьяго пастыря возлагается на миѣическаго властелина лѣсовъ — Полисуна, котораго народная фантазія изображаетъ мохнатымъ и съ козлиными ногами (I, 711); древне-чешскій лексиконъ Вацерада толкуетъ слово *vilkodlak* — *faunus*, а въ Далмаціи *vakudluk* означаетъ великана, — каковыя данныя указываютъ на связь волчьяго пастыря съ исполинскимъ дикимъ охотникомъ, который во время бурной грозы гонится, въ сопровожденіи лающихъ собакъ, за лѣсными нимфами ²⁾). По хорутанскимъ преданіямъ, *vučji pastir* выѣзжаетъ верхомъ на волкѣ, имѣя въ рукахъ длинный бичъ, или шествуетъ впереди многочисленной стаи волковъ и ушмиряетъ ихъ дубинкою (громовою палицею). Онъ то показываетъ въ видѣ стараго дѣда, то самъ превращается въ волка, рыщетъ по лѣсамъ хищнымъ звѣремъ и нападаетъ на деревенскія стада. Народныя приповѣдки рассказываютъ, какъ этотъ оборотень, останавливаясь подъ тѣнистымъ деревомъ, превращается изъ звѣря въ старца, собираетъ вокругъ себя

¹⁾ *Zeitsch. für D. M.*, IV, 196—7. — ²⁾ *Ibidem.*

волковъ, кормить ихъ ¹⁾) и каждому опредѣляетъ его добычу: одному волку приказываетъ зарѣзать корову, другому заѣсть овцу, свинью или жеребенка, третьему растерзать человѣка и такъ дал. Кого назначить онъ въ жертву волка, тотъ, не смотря на всѣ предосторожности, уже не избѣгнетъ своей судьбы: въ урочный часъ звѣрь настигнетъ и пожретъ его. Чтобы охранить стадо отъ хищничества волковъ, крестьяне приносятъ въ даръ ихъ пастырю молоко ²⁾). У французовъ ходятъ рассказы о волчьихъ вожатыхъ — вѣщихъ людяхъ, обладающихъ тайною силою покорять волковъ, которые ласкаются къ нимъ, какъ смиренныя собаки ³⁾). По русскимъ повѣрьямъ, вовкулаки бываютъ двухъ родовъ: это или колдуны, принимающіе звѣриный образъ, или простые люди, превращенные въ волковъ чарами колдовства. Колдуны рыщутъ волками обыкновенно по ночамъ (т. е. во мракѣ, наводимомъ черными тучами), днемъ-же снова воспринимаютъ человѣческія формы; они состоятъ въ близкихъ сношеніяхъ съ нечистыми духами, и самое превращеніе ихъ въ волковъ совер-

¹⁾ По свидѣтельству одной приповѣдки, онъ раздавалъ волкамъ по небольшому куску хлѣба и сыра, и такую-же долю отдавалъ встрѣчному путнику, который, вкусивъ этой пищи, въ продолженіи двухъ недѣль не чувствовалъ ни малѣйшаго голода. — ²⁾ Сб. Валявца, 92—98. Согласно съ олицетвореніемъ тучъ то различными звѣрями, то птицами, то рыбами, хорутанская сказка (*ibid.*, 103) упоминаетъ еще пастырей птичьяго и рыбакаго, а сказки русскія говорятъ о трехъ вѣщихъ старухахъ, изъ которыхъ одна властвуетъ надъ лѣсными звѣрями, другая надъ воздушными птицами, а третья надъ морскими рыбами и гадами — Н. Р. Ск., VII, 4, 6, 7; Лѣт. рус. лѣт., кн. V, 11; сравни сб. Валявца, 104—6; Штиръ, 10—11. Валахская сказка даетъ власть надъ звѣрями и птицами св. Недѣлькѣ (= Фреѣ), которая играетъ въ свирѣль (= заводитъ грозовую пѣсню), и послушные могучиимъ звукамъ — бѣгутъ къ ней изъ лѣсовъ и полянъ звѣри и спускаются съ воздушныхъ высотъ птицы. — ³⁾ Совр. 1852, I, ст. Жоржъ-Завда, 74—75.

шается при помощи дьявольской ¹⁾. По словам барона Гакстауэна ²⁾, въ Арменіи существуетъ повѣрье, что нѣкоторыя женщины (вѣдьмы?) за тяжкіе грѣхи свои превращаются въ волчицъ на семь лѣтъ (т. е. на семь зимнихъ мѣсяцевъ); тоже число лѣтъ назначаютъ хорутанскія сказки для волчьяго пастыря: семь лѣтъ бѣгаетъ онъ волкомъ, а потомъ оборачивается человѣкомъ. Ночью является злой духъ къ нечестивой бабѣ, приноситъ волчью шкуру и приказываетъ надѣть ее; какъ скоро баба облечется въ этотъ нарядъ—въ ту же минуту совершается превращеніе, и вслѣдъ затѣмъ она получаетъ всѣ волчьи привычки и желанія. Съ той поры она всякую ночь рыщетъ прожорливой волчицею и наноситъ людямъ и животнымъ страшный вредъ, а съ наступленіемъ разсвѣтомъ снимаетъ съ себя волчью шкуру, тщательно прячетъ ее и принимаетъ свой прежній человѣческій образъ. Разъ кто-то забрѣлъ въ пещеру, въ которой была спрятана волчья шкура; онъ тутъ же развелъ огонь и бросилъ въ него шкуру. Вдругъ съ жалобнымъ воплемъ прибѣгаетъ баба и бросается спасать свою звѣриную одежду; попытка ея не удается, волчья шкура сгораетъ и баба-оборотень исчезаетъ вмѣстѣ съ клубящимся дымомъ. Такъ гибнетъ облачная жена въ грозовомъ пламени, пожигающемъ ея волчью «длаку», т. е. черную тучу. И по нѣмецкимъ повѣрьямъ превращеніе въ волка совершается чрезъ набрасываніе на себя волчьей сорочки (шкуръ, *Alfa hand* = *wolfhemd* или волчьяго пояса (*wolfgürtel*). Каждый, надѣвающий волчью сорочку, дѣлается оборотнемъ и въ теченіи девяти дней бѣгаетъ волкомъ; на десятый же день сбрасываетъ съ себя звѣриную кожу и возвращается въ прежнее свое состояніе. По указанію дру-

¹⁾ Москв. 1853, V, 11; Вѣст. Евр. 1828, V—VI, 90; Моск. Телеграфъ 1830, XIX, 416. — ²⁾ Закавказ. край, II, 61.

гихъ сагъ, онъ пребываетъ въ волчьемъ образѣ три, семь или девять годовъ (= семь зимнихъ мѣсяцевъ, или во все продолженіе осени, зимы и дождливой весны — до наступленія ясныхъ дней лѣта, каковыя три времени года равняются девяти мѣсяцамъ). Оборачиваясь волкомъ, человѣкъ пріобрѣтаетъ голосъ и хищническія наклонности этого звѣря: удаляется въ лѣса, нападаетъ на путниковъ и домашній скотъ, и томимый голодомъ дико воетъ и даже пожираетъ падаль ¹⁾).

Вѣдуны и вѣдьмы могутъ обращаться и во всѣхъ другихъ животныхъ, въ формахъ которыхъ фантазія младенческихъ народовъ любила живописать облака, тучи и туманы. Они или развѣзжаютъ по воздуху на мнѣческихъ звѣряхъ, птицахъ и гадахъ, или — что совершенно тождественно — сами принимаютъ ихъ образы и блуждаютъ по свѣту различными оборотнями. О вовкулакахъ великорусскіе поселяне, позабывъ коренной смыслъ означеннаго названія, рассказываютъ, что это — колдуны, одаренные способностью превращаться въ волковъ или медвѣдей ²⁾). Извѣстный писатель прошлаго столѣтія Татищевъ въ одномъ изъ примѣчаній къ своей «Россійской Исторіи» ³⁾ говоритъ: «я невесьма давно отъ одного знатнаго, но неразумнаго дворянина слышалъ, яко бы онъ самъ нѣскольکو времени въ медвѣдя превращался, что слышашіе довольно вѣрили». Скандинавская старина также допускала превращеніе въ медвѣжій образъ, и въ Норвегіи до сихъ поръ существуетъ убѣжденіе, что подобнымъ чародѣйнымъ искусствомъ обладаютъ лапландцы; а датская пѣсня упоминаетъ о желѣзномъ ошейникѣ (eisenhalsband), надѣвая который — человѣкъ дѣлается медвѣдемъ. Вѣдьмы часто превращаются въ коровъ и кобылицъ, а колдуны — въ быковъ и жеребцовъ, и отъ этихъ животныхъ образовъ удержива-

¹⁾ D. Myth., 1048—9; Germ. Mythen, 691—2. — ²⁾ Обл. Сл., 27. — ³⁾ I, 110.

ють они нѣкоторыя особенности даже въ то время, когда являются въ человѣческомъ видѣ. Такъ вѣдьму народъ нашъ изображаетъ съ хвостомъ, котораго она не въ силахъ скрыть ни въ одномъ изъ своихъ превращеній а колдуня — съ рогами ¹⁾. Сходно съ этимъ, человѣка-вовкулака легко узнать по шерсти, растущей у него подъ языкомъ ²⁾. Когда вѣдьма превращается въ кобылицу, чортъ подковываетъ ее и заставляетъ носить себя по воздуху. Народныя-сказки повѣствуютъ о добрыхъ мѡлодцахъ, которымъ удавалось накидывать на вѣдьму узду, и она тотчасъ-же оборачивалась кобылою; мѡлодецъ подковывалъ эту кобылу, садился на нее верхомъ, и ударяя ее осиновымъ полѣномъ, скакалъ по горамъ и доламъ. На другой день на рукахъ и ногахъ у вѣдьмы оказывались прибитыя гвоздями подковы ³⁾. Пугая по ночамъ людей, вѣдуны и вѣдьмы бѣгаютъ въ видѣ свиней, собакъ и кошекъ. На Украинѣ ходятъ рассказы, будто вѣдьмы превращаются въ огромныхъ, чудовищныхъ сукъ съ длинными сосцами, которые волочутся по землѣ — «ажъ телепаютца»: эта послѣдняя черта объясняется изъ древняго представленія дождевыхъ тучъ материнскими грудями. Фантазія надѣляетъ облачныхъ женъ длинными, отвислыми грудями (см. выше стр. 119, 468), и сохраняетъ за ними эту особенность при всѣхъ животненныхъ воплощеніяхъ. Рассказываютъ еще, что вѣдьмы, вмѣсто двухъ, имѣютъ три сосца ⁴⁾. Кошка — одно изъ любимыхъ воплощеній вѣдьмы,

¹⁾ По германскимъ сказаніямъ, богиня Perchta носитъ коровью шкуру, Huldra имѣетъ коровій хвостъ, а предводительница нечестоваго воинства надѣляется въ Норвегіи кобыльимъ хвостомъ и называется Ryssa-rofa (hryssa — лошадь, rofa — хвостъ) — Die Götterwelt, 27. — ²⁾ Терещ., VI, 102; Lud Ukrain., II, 80; Рус. Предан., II, 103 и дѣл.; Киев. Г. В. 1845, 16. — ³⁾ Н. Р. Ск., VII, 36, с; Иличъ, 290; Germ. Mythen, 711. — ⁴⁾ Москв. 1844, XII, 40; Иллюстр. 1846, 134; Укр. мелодіи, 112; Полтав. Г. В. 1844, 20; Киев. Г. В. 1845, 13.

равно известное у славянъ и нѣмцевъ; въ Германіи вѣдьмъ называютъ *wetterkatze*, *donnerkatze*, и тамъ существуютъ повѣрья, что кошка, когда проживетъ двадцать лѣтъ, становится вѣдьмою, и что чужимъ кошкамъ не слѣдуетъ причинять вреда, а то вѣдьмы будутъ за нихъ мстить ¹⁾). Чехи убѣждены, что черная кошка черезъ семь лѣтъ дѣлается вѣдьмою, а черный котъ — дьяволомъ, что черезъ нихъ совершаются волшебныя чары и что колдуны постоянно держатъ съ ними совѣтъ ²⁾). По русскимъ повѣрьямъ, въ кошекъ и собакъ входятъ во время грозы нечистые духи; вѣдьмы же, превращаясь въ этихъ животныхъ, высасываютъ у коровъ молоко. Въ Мазовіи есть разсказъ о вѣдьмѣ, которая въ образѣ кошки отымала у коровъ молоко; разъ ночью захватили эту кошку на промыслѣ, и прежде, чѣмъ она успѣла скрыться, обрубилъ ей два пальца на передней лапѣ; а на утро оказалось, что именно двухъ пальцевъ не доставало на рукѣ у одной вражьей бабы ³⁾). Какъ превращеніе въ звѣриныя образы совершается при посредствѣ мохнатыхъ шкуръ, надѣваемыхъ на себя человѣкомъ; такъ точно превращеніе въ птицу условливается набрасываніемъ на человѣческое тѣло окрыленной птичьей шкурки ⁴⁾), или такъ называемой пернатой сорочки. Народныя преданія нѣмецкія и славянскія разсказываютъ о прекрасныхъ нимфахъ, которыя, облекаясь въ лебединыя и голубиныя сорочки, летаютъ по воздуху бѣлыми лебедями и голубками, а снимая съ себя эти сорочки — становятся дѣвами (см. I, 540; II, 217; III, 187—193). Локи выпросилъ у Фрей ея соколюю одежду (*vals-hamr* = *falkengewand*) и полетѣлъ быстрымъ соколомъ; а великанъ Тіасси, нарядившись въ одежду орлиную, преслѣдовалъ его, какъ орелъ; одна изъ валькирій, предаваясь воздушному

¹⁾ D. Myth., 1042, 1051. — ²⁾ Громьянъ, 56—57, 201. — ³⁾ *Zarys domowe*, III, 172—3. — ⁴⁾ Рыбникъ, IV, 229—230.

полету, набрасывала на себя *krähengewand* ¹⁾). Сказка, занесенная въ сборникъ Боричевского ²⁾, упоминаетъ о превращеніи вѣдьмы въ огромнаго сокола. Въ Германіи увѣряютъ, что колдуну оборачиваются въ вѣроновъ, а вѣдьмы — въ воронъ ³⁾; въ областныхъ русскихъ говорахъ каркунъ означаетъ и вѣрона, и завистливаго человѣка, который можетъ сглазить, изурочить; каргá — ворона и бранное названіе злой бабы или вѣдьмы («ахъ, ты старая карга!»). Наконецъ вѣщица — не только вѣдьма, но и сорока ⁴⁾). Согласно съ своими демоническими наклонностями, вѣдьмы по преимуществу обращаются въ зловѣщихъ, темноцѣрыхъ и ночныхъ птицъ: лат. *strix*, род. *strigis* (στρυγίς) — ночная птица, сова, привидѣніе и колдунья, занимающаяся порчею дѣтей; чешск. *střiha*, словац. *struga*, пол. *strzyga* — вѣдьма, хорут. и хорв. *strigón* — ушырь ⁵⁾). Напротивъ о голубѣ существуетъ въ воронежской губ. повѣрье, что эта птица преисполнена такой чистоты и святости, что ни одна вѣдьма не въ силахъ воспринять ея образа ⁶⁾). Больше всего вѣдьмы любятъ превращаться въ сороку. О происхожденіи этихъ послѣднихъ рассказываютъ на Руси, что въ стародавніе годы обернулась вѣкая вѣдьма сорокою, да такъ навсегда и осталась птицею; съ тѣхъ поръ и явились на бѣломъ свѣтѣ сороки ⁷⁾. По свидѣтельству народной пѣсни, Марина Мнишекъ (признанная современниками за чародѣйку) въ ту самую ночь, когда разразилась московская смута, оборотилась сорокою и улетѣла изъ царскихъ теремовъ ⁸⁾. Въ олонецкой губ. сохраняется преданіе, будто одинъ старикъ поймалъ сороку за

каркунъ
каркунъ
каркунъ
каркунъ

каркунъ
каркунъ
каркунъ
каркунъ

¹⁾ Germ. *Mythen*, 691. — ²⁾ Пов. и пред., 107—111. — ³⁾ D. *Myth.*, 1052. — ⁴⁾ Обл. Сл., 34, 80; Вятск. Г. В. 1847, 45. — ⁵⁾ D. *Myth.*, 992, 1088; Диембахъ, II, 343. — ⁶⁾ Ворон. Г. В. 1850, 20. — ⁷⁾ Духъ Христіан. 1861—2, XII, 270. — ⁸⁾ Кирша Дан., 104.

хвостъ, но она вырвалась и улетѣла, а въ рукахъ старика осталась женская рубашка: пойманная имъ сорока была вѣдьма ¹⁾. Народная сказка говоритъ о вѣдьмѣ, которая прилетала къ своему любовнику птицею, и снимая съ себя перья—являлась передъ нимъ страстною женщиной ²⁾. Въ томской губ. думаютъ, что для такого превращенія вѣдьмѣ необходимо бучное корыто: намекъ на поэтическое представленіе грозы стиркою облачныхъ тканей въ дождевомъ щелокѣ. Ложась подъ это корыто, она тотчасъ-же выпархиваетъ оттуда сорокою, при чемъ руки ея преобразуются въ крылья ³⁾. Любопытенъ разсказъ Татищева: «въ 1714 году (говорить онъ) заѣхалъ я въ Лубны къ фельдмаршалу графу Шереметеву и слышалъ, что одна баба за чародѣйство осуждена на смерть, которая о себѣ сказывала, что въ сороку и дымъ превращалась, и она съ пытки въ томъ винилась. Я хотя много представлялъ, что то неправда и баба на себя жетъ, но фельдмаршалъ нимало мнѣ не внималъ». Послѣ долгихъ увѣщаній баба призналась, что наклепала на себя, не стерпя мучительной пытки, и что, кромѣ лѣчебныхъ травъ, она ничего не вѣдаетъ; казнь была отмѣнена и несчастную знахарку сослали въ монастырь подъ начало ⁴⁾. По словамъ престолюдиновъ, въ Москвѣ потому не видно сорокъ, что въ былое время въ видѣ этихъ птицъ прилетали сюда вѣдьмы, и одна изъ нихъ похитила частицу св. причастія, а митрополитъ Алексѣй проклялъ за это сорокъ и запретилъ имъ приближаться къ первопрестольному граду ⁵⁾. Чтобы напугать вѣдьмъ, крестьяне убиваютъ сороку и вѣшаютъ ее возлѣ коровниковъ и конюшенъ. Кромѣ того, вѣдуны и вѣдьмы могутъ превращаться и въ нѣкоторые неодушевленные предме-

¹⁾ Описаніе олон. губ. Дашкова, 190—1. — ²⁾ Н. Р. Ск., VIII, 16, а. — ³⁾ Этн. Сб., VI, 148. — ⁴⁾ Истор. Росс., I, 110—1. — ⁵⁾ Иллюстр. 1845, 415.

ты: въ клубокъ нитокъ (о чемъ сказано выше, стр. 467), въ свѣжнѣй комъ, камень и копну сѣна ¹⁾, что безъ сомнѣнїя стоитъ въ связи съ уподобленїемъ скученныхъ облаковъ прѣжѣ, скаламъ, стогамъ и копнамъ.

Народный эпосъ любить останавливаться на таинственной наукѣ оборотничества и нерѣдко заставляетъ своихъ героевъ

По темнымъ лѣсамъ летать чернымъ вó рономъ,
По чисту полю скакать сѣрымъ волкомъ,
По крутымъ горамъ тонкимъ, бѣлымъ горнostaемъ,
По синимъ морямъ плавать сѣрой утушкою ²⁾.

Богатырь Волхъ Всеславъевичъ, имя и подвиги котораго указываютъ на его чародѣйное значенїе (когда онъ родился — сотрясло все царство индѣйское), съ дѣтства учился тремъ премудростямъ: оборачиваться яснымъ соколомъ, сѣрымъ волкомъ и гнѣдымъ туромъ — золотые рога; далѣе былина рассказываетъ, что онъ оборачивался горнostaемъ и мурашкою. Царь Афромей, по свидѣтельству былины объ Иванѣ Годиновичѣ,

Скоро вражду (ворожбу) чинилъ:
Чистыя поля туромъ перескакалъ,
Темныя лѣса сободемъ пробѣжалъ,
Быстрыя рѣки соколомъ перелеталъ ³⁾.

Слово о полку замѣчаетъ о князѣ Всеславѣ, что у него вѣщая душа была въ тѣлѣ, что онъ «въ ночь влѣкомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до куръ (— до пѣтуховъ)

¹⁾ Анев., 79. — ²⁾ Рыбник., I, 434; IV, 95 — 96. — ³⁾ Кирша Дав., 47, 50—51, 142. Въ одной изъ великорусскихъ пѣсень (О. З. 1860, V, 110) дѣвица, отданная замужъ въ чужедальнюю сторону, прилетаетъ оттуда на родину горемычною кукушкою, а въ другой сестры идутъ искать своего милаго брата:

Какъ и старшая сестра въ морѣ щуюю,
А середняя сестра въ полѣ соколомъ,
А меньшая сестра въ чебѣ звѣздочкою.

Тмутороканя, великому Хръсови ¹⁾ влъкомъ путь прерыскаше ²⁾, т. е. достигалъ Тмутаракани до разсвѣта, предупредая восходъ Солнца.

Въ зимніе мѣсяцы небо и царствующія на немъ свѣтила помрачаются густыми туманами, богъ-громовникъ перестаетъ разить демоновъ и заключается въ окованныя стужей тучи; такимъ образомъ всѣ свѣтлые боги облакаются въ темные облачныя покровы и теряютъ свою благодатную силу, или выражаясь мнѣшески: надѣваютъ мохнатыя одежды, дѣлаются оборотнями и подчиняются злой чародѣйкѣ Зимѣ. Въ ту печальную пору колдуны, вѣдьмы и демоническіе духи овладѣваютъ небеснымъ царствомъ, набрасываютъ на боговъ волчьи и другія звѣриныя шкуры, превращаютъ ихъ въ мнѣшескихъ животныхъ, въ образахъ которыхъ и пребываютъ они до начала весны. Такое невольное превращеніе въ сказаніяхъ индоевропейскихъ народовъ называется околдованіемъ, зачарованіемъ, заклятіемъ. Въ разныхъ отдѣлахъ настоящаго сочиненія уже были приведены и объяснены нѣкоторыя изъ этихъ сказаній (см. I, 787-793 — о свиномъ чехлѣ и добромъ мѣлодцѣ Незнайкѣ, который радится въ волвьюшку); но зпосѣ народный чрезвычайно богатъ подобными поэтическими изображеніями, и мы позволяемъ себѣ указать еще нѣсколько примѣровъ. Остановимся на сказкѣ о

¹⁾ О значеніи Хорса см. статьи Бодянскаго — въ Ч. О. И. и Д., годъ 1-й, II, 8—11, Срезневскаго — въ Ж. М. Н. П. 1846, VII, 49—51, и Прейса—ibid. 1841, II, 31—37. Имя Хорсъ (Хърсъ, Хръсъ) встрѣчается во многихъ старинныхъ памятникахъ (П. С. Р. Л., I, 34; Изв. Ак. Н. 1853, 118; Лѣт. рус. лит., кн. V, 5; т. IV, 89, 92—99, 104; Оп. Румян. Муз., 228; Пам. стар. рус. литер., III, 119; Щаповъ, 8); изслѣдователи признаютъ его тождественнымъ Дажьбогу: въ сакр. солнце—sūgа (ведич. sūg, sūga) = svagya отъ svag—свѣтъ, небо: слову svag въ ведскомъ соответствуетъ hvagē, род. hūgō—солнце, перс. chūg, hōg, осс. chug (Пикте, II, 667). — ²⁾ Рус. Дост., III, 196—200.

заклятыхъ дѣтяхъ. «Еслибъ Иванъ-царевичъ взялъ меня за-
нужь (говорить красная дѣвица), я бы родила ему сыновей—
по колѣна ноги въ золотѣ, по локоть руки въ сереб-
рѣ, или: волбу красное солнце, на затылкѣ свѣтѣль-
шѣсяцъ, по косицамъ частыя звѣзды». Иванъ - царев-
вичъ взялъ за себя дѣвицу; пришло время, родила ему царев-
на сыновей—такихъ ненаглядныхъ, какихъ общала; но злая
вѣдьма (иногда ее замѣняютъ завистливыя сѣстры: пряха,
что съ помощію одного веретена можетъ одѣть все царство,
и искусная ткачиха, общающая выткать коверъ-самолѣтъ,
т. е. вѣщія жены, изготовительницы облачныхъ тканей, и
виѣсть съ тѣмъ злымъ парки) подмѣняетъ ихъ щенками и
котятками, а настоящихъ дѣтей прячетъ въ подземелье
возлѣ стараго дуба. Родила еще царевна сына-богатыря и
успѣла скрыть его отъ вѣдьмы за пазухой; между тѣмъ ее осу-
дили, посадили въ смоленую бочку, оковали желѣзны-
ми обручами и пустили въ океанъ-море глубокое,
а Иванъ-царевичъ женится на дочери хитрой волшебницы.
Долго носило бочку по морю и наконецъ прибило къ далекому
берегу, а тѣмъ временемъ сынъ-богатырь растетъ не по
днямъ, а по часамъ, какъ тѣсто на опарѣ всходитъ; выросъ,
потянулся—и вигъ бочку разорвало, желѣзные обру-
чи поспадывали. Мать съ сыномъ выходитъ изъ бочки;
богатырь съ помощію кремня и огнива, топора и дубин-
ки (эмблемы молніи) строитъ славный дворецъ, добываетъ
разныя диковинки (мельницу, которая сама мелеть, сама
вѣтеть, пылъ на сто верстъ мечеть, ката-баюна, кото-
рый пѣсни поетъ, сказки сказываетъ, и золотое дерево съ
пѣвчими на немъ птицами) и освобождаетъ изъ подземелья
братьевъ. Доходитъ о томъ слухъ до Ивана-царевича; онъ при-
ѣзжаетъ посмотрѣть на диковинки — тутъ все изобличается,
вѣдьму предають казни, и царевичъ беретъ къ себѣ прежнюю

жену. Интересенъ вариантъ, записанный въ пермской губернии: молодая царица родила трехъ чудесныхъ младенцевъ; баба-яга вызвалась быть повитухою, оборотила царевичей волчатами, а взявъ ихъ подложила простаго крестьянскаго мальчика. Царь разгнѣвался на жену, велѣлъ посадить ее вмѣстѣ съ ребенкомъ въ бочку и пустить въ синѣе море. Бочка пристаеъ къ пустынному берегу и разваливается; царица и подкидышъ выходятъ на сухое мѣсто, молятъ Бога даровать имъ хлѣбъ насущный, и по ихъ молитвѣ превращается вода въ молоко, а песокъ въ кисель. Проходили мимо нищіе и нисколько не дивились, что вотъ живутъ себѣ люди — о хлѣбѣ не думаютъ: подъ руками рѣка молочная, берега кисельные; пришли къ царю и рассказали ему про то диво неслыханное. А царь уже успѣлъ на другой жениться — на дочери бабы-яги. Услышала тѣ рѣчи новая царица, выскочила и крикнула: «какое диво рассказываютъ! у моей матушки есть получше того: кувшинъ о семи рожкахъ — сколько ни ѣшь, сколько ни пей, все не убываетъ». Этими словами она отуманила царя: то хотѣлъ было ѣхать, на диво посмотреть, а то и думать пересталъ. Когда свѣдалъ про это подкидышъ, тотчасъ-же собрался въ путь и увезъ у бабы-яги завѣтный кувшинъ. Снова заходятъ къ царю нищіе, рассказываютъ про рѣку молочную, берега кисельные и кувшинъ о семи рожкахъ. Ягвинишна выскочила: «нашли, говоритъ, чѣмъ хвастаться! у моей матушки получше того: зеленый садъ, въ томъ саду птицы райскія, поютъ пѣсни царскія». Подкидышъ отправился садъ добывать, обошелъ вокругъ него, и произнесъ заклятіе: «какъ дуетъ вѣтеръ, такъ лети за мною зеленый садъ!» заигралъ въ дудочку — и въ ту же минуту деревья двинулись съ мѣста и послѣдовали за своимъ вожатымъ. Тогда ягвинишна стала похваляться зеркальцемъ: «у моей матушки есть почище того: чудное зеркальце — какъ взгля-

нешь въ него, такъ сразу весь свѣтъ увидишь!» Подкидышъ заказалъ кузнецу сковать три прута желѣзные да щипцы, пришелъ къ бабѣ-ягѣ, поймалъ ее за языкъ щипцами, началъ бить прутьями желѣзными и заставилъ отдать себѣ зеркальце. Принесъ зеркало домой; царица глянула въ него и увидѣла своихъ дѣтокъ волчатами—на чистой полянѣ, промежъ густаго орѣшника, по травкѣ-муравкѣ валяются. Подкидышъ вызвался на новое дѣло: онъ пришелъ на поляну, и пока волчата спали—развелъ костеръ и связалъ у нихъ хвосты въ одинъ крѣпкой узелъ, да какъ крикнетъ зычнымъ голосомъ: «не пора спать, пора вставать!» Волчата вскочили и рванулись бѣжать въ разныя стороны—волчьи шкуры съ нихъ мигомъ слетѣли, и явились три добрыхъ мѡлодца, три родныхъ братца. Подкидышъ схватилъ волчьи шкуры и бросилъ въ огонь; когда онѣ сгорѣли, братья воротились къ матери. Услыхалъ царь про царицу и царевичей, не вытерпѣлъ, поѣхалъ къ нимъ и узналъ все, что было; въ тотъ-же день онъ приказалъ разстрѣлять бабу-ягу вмѣстѣ съ ея дочкой. Сказка эта передается еще съ слѣдующими отмѣнами: царица породила двухъ сыновей и третью дочь-красавицу, которая когда улыбалась—розы сыпались, а когда плакала—вмѣсто слезъ алмазы съ брилліантами падали. При самомъ рожденіи дѣти подминаятся щенками да котятами; впоследствии царевичи были превращены въ камни, а царица добываетъ птицу-говорунию, поющее дерево и живую воду; этою водою она возвращаетъ братьевъ къ жизни, колдовство рушится и правда торжествуетъ надъ злобою ¹⁾). Въ нѣмецкой редакціи поющее дерево названо соннебаумъ, а живая вода—springende wasser; на солнечномъ деревѣ красуются золотые плоды и блескъ ихъ такъ силенъ, что прогоняетъ ночную тьму. Подоб-

¹⁾ Н. Р. Сж., VI, 68—69; VIII, 553—6.

ныя сказки составляютъ общее наслѣдіе индоевропейскихъ народовъ ¹⁾. Вниманіе наше прежде всего останавливается на тѣхъ чудесныхъ примѣтахъ, съ какими рождаются на свѣтъ царевичи: во лбу красное солнце, на затылкѣ свѣтѣль мѣсяцъ, по бокамъ (или косицамъ) часты звѣзды; по колѣна ноги въ золотѣ, по локоть руки въ сѣребрѣ; волоса у нихъ золотые или на каждомъ волоскѣ по жемчужинѣ; сымая свои шапочки, они все вокругъ себя освѣщаютъ яркими лучами ²⁾. Такія примѣты указываютъ, что это—не простые смертные, а свѣтлые боги, представители высокаго неба и тѣхъ блестящихъ свѣтилъ, которыя присвоены имъ, какъ всегда-присущіе атрибуты. Красное солнце во лбу напоминаетъ глазъ Одина, мѣсяцъ на затылкѣ—лунный серпъ, вѣнчающій голову Діаны, частыя звѣзды по тѣлу—многоочитаго Аргуса; золотые волосы, руки и ноги суть поэтическія обозначенія солнечныхъ лучей. Сестрою этихъ сказочныхъ героевъ является прекрасная дѣва Зоря, разсыпающая по небу розовые цвѣты и роняющая алмазныя слезы въ утренней и вечерней росѣ. Въ соответственной новогреческой сказкѣ ³⁾ прямо указано, что царицею была рождены Солнце, Луна и Денница (о мифической связи денницы съ зорею см. I, 86-88). Рожденіе Солнца праздновалось на Коляду, когда оно поворачиваетъ на лѣто; но этотъ поворотъ совпадаетъ съ самыми сильными морозами, вьюгами, метелями и самымъ неистовымъ гульби-

¹⁾ Slov. pohad., 470—7; Пантеонъ 1854, V, смѣсь, 1—4; Матер. для изуч. нар. слов., 32—33, 57—72; Ганъ, 69; Рус. Вѣст. 1857, V, 32 (о древне-французской повѣсти: „Le chevalier au Cygne“); Вольфъ, 168—177; Zeitschr. für D. Myth., I, 453—8. — ²⁾ Н. Р. Ск., VI, 62; Худяк., III, стр. 131; Приб. къ Изв. А. Н. 1853, 167; сб. Валавца, 124; Шлейхеръ, 10; Срп. припов., стр. 74: „чадо златоруко и златокосо“, стр. 128: дѣва съ звездою на правомъ колѣнѣ; D. Myth., 364; сказ. Гримъ, I, стр. 56; Шоттъ, 16, 23; Повт. Воз., I, 699. — ³⁾ Ганъ, II, стр. 40.

щемъ нечистыхъ духовъ и вѣдьмъ. Злая колдунья Зима тотчасъ-же овладѣваетъ свѣтоноснымъ героемъ и его братьями и обращаетъ ихъ въ волчатъ (на языкѣ Эдды: зима — wolfzeit); подмѣня новорожденныхъ щенками и котятами обозначаетъ ту же мысль: боги ли превращаются въ звѣрей, или звѣри заступаютъ ихъ мѣсто—это только различныя формы выраженія, суть же остается неизмѣнною. Сверхъ того, фантазія воспользовалась и другими метафорическими выраженіями: вѣдьма прячетъ новорожденныхъ въ темныя подземелья (= въ мрачныя вертепы тучъ) и даже подвергаетъ ихъ окаменѣнію. Но съ приходомъ весны владычество темныхъ силъ оканчивается: богъ-громовникъ, заключенный въ бочку-облако, несется по воздушному океану, разрываетъ свою темницу и творитъ молочныя рѣки и кисельные берега, т. е. пускаетъ на землю дождевые потоки и производитъ грязи (II, 134-5); окаменѣнные герои оживаютъ, а превращенные сбрасываютъ съ себя чуждыя имъ звѣринныя шкуры и предстаютъ во всей своей неслезанной красотѣ. Такой актъ освобожденія совершается тотчасъ, какъ скоро добыта живая или «прыгающая» вода, т. е. какъ скоро прольется съ неба дождь и зимніе льды и снѣга претворятся въ журчащія, скачущіе съ горъ потоки. Вотъ почему сказки заставляютъ богатыря - громовника или по другимъ вариантамъ: красавицу - Зорю (богиню весны) съ такою неустанною заботою отыскивать и отыгивать у вѣдьмы разныя диковинки — знаменія творческихъ силъ природы. Непосчерпаемый кувшинъ соответствуетъ тѣмъ урнамъ, изъ которыхъ небесныя богини слали на поля и нивы плодородящія дожди; дерево съ золотыми плодами есть дерево туча, съ которымъ преданія связываютъ источники живой воды; оно названо поущимъ, потому что съ нимъ нераздѣльно представленіе о пѣсняхъ, заводимыхъ весеннею грозой; на томъ же основаніи птица-туча названа говоруньею, а мюнче-

скому коту (donnerkatze) приданъ эпитетъ баюна (отъ глагола баять). О чудесной мельницѣ и летучемъ садѣ сказано было выше (I, 295; II, 292). Въ числѣ другихъ диковинокъ богъ-громовникъ отымаеть у вѣдьмы славное зеркальце, въ которое можно видѣть весь міръ, т. е. выводитъ изъ за тучъ все-озаряющее солнце, издревле уподобляемое зоркому глазу и блестящему металлическому щиту или зеркалу; щипцы, которыми таетъ онъ за языкъ бабу-ягу, и желѣзные прутья, которыми бьетъ ее—символы разящихъ молній: тѣми-же орудіями побѣждаютъ богатыри и чертей, и драконовъ. Снятыя съ царевичей волчьи шкуры сожигаются на кострѣ, т. е. въ грозовомъ пламени.

Сила околдованія или заклятія превращаетъ сказочныхъ героевъ различными звѣрями (волкомъ, медвѣдемъ, рысью, конемъ, собакою, козломъ и бараномъ), чудовищными змѣями (см. II, 621-5) и гадами (жабою, лягушкою и пр. ¹), и во всѣхъ этихъ метаморфозахъ главное значеніе принадлежитъ шкурѣ животнаго. Въ Бѣлоруссіи для тѣхъ оборотней, которые являются въ видѣ жабъ, лягушекъ и кошекъ, употребительны названія: жабалѣка и кошкалѣчень, названія, образовавшіяся на подобіе слова вовкулакъ и буквально-означающія: жабью (лягушечью) и кошачью длаку ²). По свидѣтельству народной сказки, царевна-лягушка освобождается отъ заклятія послѣ сожженія ея лягушечьею кожурны; точно также предаются огню змѣиная сорочка, свиной кожухъ и другія шкуры, въ которыя рялятся очарованные царевичи и царевны. На Руси хранился такое преданіе: красавица, превращенная мачихой - вѣдьмою въ рысь,

¹) Н. Р. Сл., II, 29; IV, 45; VI, 50; VII, 27, 43; VIII, 12; сказ. Грм., 11, 92, 141; Гаять, 14, 31, 100; Вольвъ, 9—15, 206—216, 304; Срп. припов., 9, 10. — ²) Москв. 1853. V, 6.

прибѣгала къ своему осиротѣлому ребенку, сбрасывала съ себя звѣриную шкурку и кормила его материнскою грудью, а накормивъ — снова оборачивалась рысью и удалялась въ дремучій лѣсъ; мужъ красавицы, улучивъ удобную минуту, захватилъ звѣриную шкурку, спалилъ ее на огнѣ, и тѣмъ самымъ освободилъ свою подругу отъ волшебнаго очарованія. Въ норвежской сказкѣ ¹⁾ одинъ изъ королевичей, превращенныхъ въ жеребятъ, говоритъ своему забавителю: «возьми этотъ старый мечъ; въ день твоей свадьбы ты долженъ отрубить намъ головы и снять лошадиныя кожи; тогда мы опять сдѣлаемся людьми. Злой тролль набросилъ на насъ эти кожи — и мы стали жеребятами.» Подобное указаніе встрѣчается и въ сказкахъ нѣмецкихъ и славянскихъ ²⁾; мечъ—метафора молніи, которая, нанося ударъ оборотню, солекаетъ съ него облачный покровъ. Наряду съ этими преданіями существуютъ другія—о превращеніи зачарованныхъ царевичей въ птицъ. Такъ, по свидѣтельству русской сказки ³⁾, дѣти, рожденныя по колѣна въ сѣребрѣ, по грудь въ золотѣ, съ мѣсяцемъ во лбу и звѣздами по бокамъ, были превращены въ голубей, и только тогда приняли человѣческіе образы, когда у нихъ вырвали изъ хвостовъ по перу, что равносильно снятію пернатоі одежды. По другому указанію, возстановленіе человѣческихъ формъ условливается сожженіемъ птичьей шкурки и крыльевъ ⁴⁾. Норвежская сказка ⁵⁾ говоритъ о вѣдьмѣ (trollkone), которая оборотилась двѣнадцать королевичей дикими утками; но королева родила еще дочь—бѣлую что снѣгъ и румяную что кровь. Новорожденная была названа Schneeweiss-Rosenroth; она является въ той-же роли забавительницы, каковую въ выше-

¹⁾ II, 1. — ²⁾ Сб. Валавца, 136—141; сказ. Грим., 57; Вольфъ, 242. — ³⁾ Н. Р. Сл., VI, 68, d. — ⁴⁾ Н. Р. Сл., IV, 46; VIII, 17 и стр. 141; сказ. Грим., 135. — ⁵⁾ II, 3.

приведенной сказкѣ исполняетъ богиня Зоря. Бѣлоснѣжка выросла и отправилась искать братьевъ; послѣ долгаго странствованія, ей удалось достигнуть своей цѣли. «Для того, чтобы избавить насъ, сказали ей королевичи, ты должна набрать пуху съ цвѣтовъ одуванчика, расчесать этотъ пухъ, выпрясть, выткать и сшить намъ двѣнадцать сорочекъ и столько-же шапочекъ и шейныхъ платочковъ; во все время этой работы ты обязана ни говорить, ни плакать, ни смѣяться.» Бѣлоснѣжка согласилась и братья повели ее на широкій лугъ, на которомъ пестрѣли одуванчики. Всякій день она собирала мягкій пухъ и долго сидѣла за пряжею, дожидаясь братьевъ. Однажды, когда прекрасная королевна собирала пухъ съ цвѣтовъ, вблизи того мѣста охотился молодой король. Онъ увидалъ Бѣлоснѣжку, и пораженный ея красотою, остановился и повелъ было рѣчь; но дѣвица упорно молчала. Король посадилъ ее на коня и увезъ къ себѣ, вмѣстѣ съ мѣшкомъ, въ которомъ лежала начатая ею работа. Вскорѣ онъ задумалъ на ней жениться; но его матица была противъ этого брака: «смотри, говорила она, чтобъ не взять за себя вѣдьмы! вѣдь не даромъ же она все молчитъ, не плачетъ и не смѣется». Король не послушался и женился. Бѣлоснѣжка и послѣ свадьбы продолжала шить братнины сорочки. До истеченія года она родила сына; но злая матица вошла ночью въ спальню, унесла ребенка и бросила его въ змѣиную яму, потомъ разрѣзала свой палець, обрызгала кровью губы спящей матери и сказала королю: «ступай-посмотри: твоя жена съѣла свое собственное дитя!» Король сильно запечалился, но, любя жену, простилъ ее. На другой годъ Бѣлоснѣжка опять родила сына, а на третій—дочь; старая королева выкрала и этихъ дѣтей. Тогда раздраженный отецъ отдалъ приказъ сжечь свою жену на кострѣ. Приготовили костёръ, зажгли и повели Бѣлоснѣжку; она захватила съ собой и свое рукодѣлье: только сорочка младшаго брата была не до-

шта, все остальное было готово. Вдруг послышался шумъ въ воздухѣ — прилетѣло двѣнадцать дикихъ утокъ, всякая ухватила свое платье въ носикъ и накинула на себя, и въ ту же минуту все двѣнадцать превратилось въ королевичей; только у меньшаго брата, вмѣсто лѣвой руки, осталось утиное крыло. Срокъ испытанія кончился; Бѣлоснѣжка могла говорить, плакать и смѣяться; истина открылась и злоба мачихи была наказана ¹⁾. Съ перваго взгляда свидѣтельство этой сказки какъ-бы противорѣчитъ сдѣланнымъ нами выводамъ: не совлеченіе, а напротивъ накладываніе верхнихъ покрововъ возвращаетъ превращеннымъ королевичамъ ихъ настоящіе образы. Но взглянемъ ближе, и мы увидимъ, что никакого противорѣчія не существуетъ. По древнему представленію, тѣло есть одежда (lik-hamг), въ которую облачается безсмертный духъ на извѣстное время; это — та жизненная сорочка, изготовляемая дѣвами судьбы, въ какой является на божій свѣтъ новорожденное дитя (см. стр. 359—360). Отсюда возникло вѣрованіе, что душа можетъ мѣнять свой тѣлесный покровъ, воплощаться то въ одну, то въ другую форму. Вотъ почему какъ набрасываніе мохнатой шкуры или пернатой сорочки (т. е. звѣриной или птичьей тѣлесной оболочки) превращаетъ человѣка звѣремъ и птицею, такъ точно набрасываніе людской одежды (= köperhemd, fleischgewand) должно возвращать оборотню образъ и подобіе человѣка ²⁾. По народному убѣжденію, если унести человѣческое платье оборотня, то онъ уже не въ силахъ будетъ возста-

¹⁾ См. подобныя же сказки въ собраніи Грим., 9, 25, 49. 93; Вольфъ, 217—224; Zeitsch. für D. M., I, 310—5; Westsl. Märch., 112—6; Slov. pohad., 275—295; сб. Валявца, 218—221: „Mati zaklela sine na gavrane“. — ²⁾ Germ. Mythen, 691: „Da nannte man hamaz das Gewand umziehen, die Verwandlung hieß hamazskipti“.

новить свой прежній образъ и останется навсегда звѣремъ; отъ того-то вѣдунъ, снимая одежду — съ цѣлю перекинуться въ звѣря, старается запретать ее такъ, чтобы никто не могъ найти и овладѣть ею. Въ старинной французской повѣсти (Lai du Bisclavaret—XIII в.) разсказывается объ одномъ рыцарѣ, проживавшемъ въ Бретани; каждую недѣлю онъ уходилъ отъ своей молодой жены, раздѣвался донага, пряталъ снятое платье, и превращаясь въ волка, въ теченіи трехъ дней оставался въ лѣсу. Коварная жена выпытала отъ мужа тайну, и похитила его платье; съ тѣхъ поръ онъ рыскалъ волкомъ и не прежде сдѣлался человѣкомъ, какъ получивъ обратно свою похищенную одежду ¹⁾. Возвращаемся къ Бѣлоснѣжкѣ и ея братьямъ: восстановление человѣческаго образа совершается при посредствѣ тонкой, вытканной изъ пуха цвѣтовъ сорочки. Въ нѣмецкой редакціи героння, чтобы избавить братьевъ, превращенныхъ вѣдьмою въ лебедей, приготовляетъ для нихъ сорочки изъ цвѣтовъ *sternenblumen* ²⁾; а въ хорутанской редакціи братья-вороны требуютъ отъ сестры рубашекъ «*iz samih perlov i dragih kamenov, i da pod ovim časom dok bude ove gubače delala, z nikom se ne bu spominjala*» ³⁾. Эти сорочки тождественны съ тѣми чудесными нарядами, блистающими какъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, о которыхъ упоминаютъ другія народныя сказки (I, 787—8).

¹⁾ Какъ-то охотился король; собаки наслѣдили Бисклаварета и страшно его искусади. Увидя короля, волкъ подбѣгаетъ къ нему, цѣлуетъ его ноги и проситъ знаками о пощаду. Король взялъ волка съ собою и держалъ въ своей опочивальнѣ; волкъ былъ кротокъ, какъ ягненокъ, и только однажды обнаружилъ звѣрское бѣшенство, росявшись на королевскомъ праздникѣ на свою бывшую жену и откусивъ у нея носъ. Это возбудило подозрѣнія; произвели допросъ, и виновная жена вынуждена была признаться и возвратитъ рыцарю его платье — О. З. 1860, X, 680—2; D. Myth., 1050. — ²⁾ Сказ. Грим., 49. — ³⁾ Сб. Валица, 219.

Одѣтые во время зимы въ животненныя шкуры, небесныя боги просвѣтляются съ возвратомъ весны — рядятся въ блестящія, свѣтозарныя одежды, и съ тѣмъ вибѣтѣ снова обрѣтаютъ тѣ вѣрныя человѣкоподобныя формы, въ какихъ обыкновенно олицетворяла ихъ фантазія. Этотъ счастливый исходъ возможенъ только подъ условіемъ, чтобы сказочная героиня не плакала, не смѣялась и не говорила цѣлыя семь лѣтъ¹⁾, т. е. освобожденіе наступаетъ не прежде, какъ по истеченіи семи зимнихъ мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ дѣва Зоря (= царевна Несмѣяна) не плачетъ — не роняетъ росы и не смѣется — не разсыпаетъ розовыхъ, золотистыхъ лучей; въ ту же печальную пору она, какъ богиня весеннихъ грозъ, пребываетъ безчувственной и нѣмою — не льетъ дождевыхъ слезъ и не вѣщаетъ громовыхъ глаголовъ.

Приписывая превращенія вліянію злаго колдовства и въ то же время признавая души человѣческія за существа стихійныя, способныя мѣнять свои тѣлесныя одежды (см. стр. 230, 301), предки наши пришли къ убѣжденію, что колдуны, вѣдьмы и нечистые духи, могутъ превращать людей въ различныхъ животныхъ. Убѣжденіе это глубоко вкоренилось у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ и вызвало множество любопытныхъ сказаній. На Руси думаютъ, что колдунъ, зная имя человѣка, можетъ по собственному произволу сдѣлать его оборотнемъ; а потому имя, данное при крещеніи, необходимо утаивать и называться инымъ, вымышленнымъ. Въ пылу злобы и мщенія колдуны и вѣдьмы творятъ чары и оборачиваютъ своихъ недруговъ навсегда или на извѣстный срокъ звѣрями. На Украинѣ и въ Бѣлоруссіи такихъ невольныхъ оборотней называютъ вовкулаками, потому что всего чаще ихъ представляютъ въ видѣ волковъ. Это — болѣе страждущія, чѣмъ зловредныя существа; они живутъ въ берлогахъ, рыскаютъ по лѣ-

¹⁾ D. Myth., 1052.

самъ, воютъ по волчьи, но сохраняютъ человѣческій смыслъ и почти никогда не нападаютъ на деревенскія стада; только нестерпимый голодъ можетъ понудить ихъ искать себѣ поживы. Нерѣдко бродятъ они возлѣ роднаго села, и когда завидятъ человѣка, смотрятъ на него такъ жалостливо, какъ будто умоляютъ о помощи; случалось замѣчать при этомъ, что изъ глазъ бѣднаго вовкулака струились въ три ручья слѣзы; сыраго мяса, которое ему предлагаютъ, онъ не беретъ, а брошенный кусокъ хлѣба поѣдаетъ съ жадностью. Одинъ пригожій юноша презрѣлъ любовь вѣдьмы, и вскорѣ его постигло жестокое ищеніе: разъ поѣхалъ онъ за дровами, остановился въ лѣсу, взялся за топоръ и только чтò замаяхнулся на дерево — какъ руки его превратились въ волчьи лапы, а затѣмъ и весь онъ покрылся мохнатою шкурою; несчастный бросился къ своимъ воламъ, но тѣ въ испугѣ шарахнулись въ сторону; хотѣлъ было остановить ихъ своимъ голосомъ, но вмѣсто людской рѣчи раздался протяжный дикій вой. Другая вѣдьма оборотила волкомъ своего сосѣда, который впоследствии, когда освободился отъ заклятія, рассказывалъ, что, будучи оборотнемъ, онъ подружился съ настоящимъ волкомъ, ходилъ съ нимъ на добычу, и хотя чувствовалъ себя человѣкомъ, но не могъ выражать своихъ мыслей словами, а вылъ по-волчьи ¹⁾. Выше указано, что въ лѣтнихъ грозахъ древній человѣкъ созерцалъ свадебное торжество, брачный союзъ, въ который богъ громовникъ вступалъ съ облачными нимфами. Чтобы воспрепятствовать этому благодатному союзу, злая вѣдьма Зима накидывала на нихъ волчьи шкуры, т. е. оцѣпеняла стужей и лишала плодотворящаго сѣмени дождя. Отсюда родилось повѣрье, что колдуны и вѣдьмы всего чаще оборачива-

¹⁾ Москв. 1846, XI—XII, 152; Кулишъ, II, 35—36; Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 8—9; Рус. Вѣст. 1842, V—VI, 123; Совр. 1856, XII, 194; Пов. и пред., 91—96.

ютъ въ волковъ или собакъ новобрачную чету и свадебныхъ поѣзжанъ ¹⁾). Въ числѣ вѣдовскихъ грѣховъ народный стихъ упоминаетъ:

По свадьбамъ душа много хаживала,
Свадьбы звѣрями оборачивала ²⁾).

У бѣлоруссовъ сохраняется преданіе, что нѣкогда праздновалась свадьба, и вдругъ неожиданно-негаданно среди шумнаго веселья, женихъ и всѣ прочіе мужчины были превращены чародѣемъ въ волковъ, женщины — въ сорокъ, а невѣста — въ кукушку; съ той самой поры эта горемычная кукушка носится слѣдомъ за своимъ суженымъ и роняетъ несчетныя слезы; тамъ, гдѣ она пролетаетъ, текутъ ручьи и растутъ трава, известная подъ названіемъ «кукушечьихъ слѣзъ» ³⁾). Скандинавская мѣологія заставляетъ волковъ сопутствовать богу побѣды; а потому шведы появленіе вовкулаковъ связываютъ съ военной грозой. Когда, во время послѣдней войны Швеція съ Россіей, около Кальмара появилось множество волковъ, то между окрестными жителями пронесся слухъ, что эти волки суть шведскіе пѣвники, превращенные чарами непріятеля въ звѣрей и посланные опустошать свое собственное отечество ⁴⁾). По указанію старинной былины, чародѣйка Марина, полюбовница Змѣя Горыныча, превратила девять богатырей быками, а десятого — Добрыню гнѣдымъ туромъ-золотые рога ⁵⁾).

Средства, употребляемыя колдунами и вѣдьмами для превращенія людей въ животненныя образы, сходятся съ тѣми, силою которыхъ они сами становятся оборотнями. Средства эти

¹⁾ Иллюстр. 1845, 183; Кіев. Г. В. 1845, 16. — ²⁾ Лѣт. рус. лѣт., кн. II, 156. — ³⁾ Иллюстр. 1846, 149. — ⁴⁾ Zeitsch. für D. Myth., IV, 197. — ⁵⁾ При этомъ Марина похвализалась: «а и ятъ меня хитрѣе, мудрѣе». Но смыкалась волшебница похитрѣе ее: «я не хвастаю, сказала она, а хочешь — оберну тебя сукою!» — Бирша Дан., 66—69; Нар. Сказ. Сахарова, 30—36.

Марина
речка
Холмская
9 марта 1845
10. 30. 1845

слѣдующія: а) набрасываніе звѣриной шкуры. Крестьяне увѣряютъ, что въ старыя годы случалось, снимая шкуру съ убитой волчицы или медвѣдицы, находятъ подъ нею бабу въ сарафанѣ. Есть разсказъ, что на охотничьей облавѣ убили трехъ волковъ, и когда стали снимать съ нихъ шкуры, то подъ первую нашли молодого жениха, подъ вторую — невѣсту въ ея вѣнчалномъ уборѣ, а подъ третьей — музыканта со скрипкою ¹⁾. Однажды пристала на дорогѣ къ извозчикамъ черная собака — такая умная, что всѣмъ на диво! что ни скажутъ ей — все понимаетъ, только говорить не умѣетъ. «Ужь не оборотень ли это?» подумали извозчики и показали собаку знахарю. Тотъ сейчасъ узналъ, что собака — не простая, и говоритъ имъ: «истопите баню, какъ можно жарче, и тащите туда чернаго пса, положите на полокъ и парьте такъ, чтобы шкура долой слѣзла; слѣзетъ шкура — человекъ будетъ!» Извозчики такъ и сдѣлали: ошпарили оборотня, шкура слѣзла — и сталъ передъ ними знакомый парень изъ сосѣдней деревни; начали его спрашивать, и узнали, что его оборотила собакою старая колдунья ²⁾. Разсказъ этотъ любопытенъ, какъ отголосокъ древняго представленія, что облачныя шкуры исчезаютъ въ потокахъ дождя — въ грозовой банѣ. — б) Волшебная науза. Чтобы превратить свадебное сборище въ стаю волковъ, колдуны берутъ столько ремней или мо-

¹⁾ Семеновск., 142; Абев., 80; Иллюстр. 1845, 415; Н. Р. Лег., стр. XI: медвѣдь, говорятъ поселяне, былъ прежде человекомъ. Когда-то встарину странствовали по землѣ св. Петръ и св. Павелъ. Случилось имъ проходить черезъ деревню около моста. Злая жена и мужъ согласились испугать святыхъ путниковъ, надѣли на себя вывороченныя шубы, притаились въ укромномъ мѣстѣ, и только апостолы стали сходить съ моста — они выскочили имъ на встрѣчу и заревѣли помедвѣжь. Тогда апостолы сказали: „щобъ же вы рвали отныни и до века!“ Съ той самой поры и стали они медвѣдями. — ²⁾ Чудинск., 115—6; сравни Н. Р. Ск., VIII, стр. 678—9.

чалокъ, сколько нужно оборотить лицъ; нашептываютъ на нихъ заклятiя, и потомъ этими ремнями или мочалами подпоясываютъ обреченныхъ, которые тотчасъ-же и становятся вовкулаками. Такой оборотень не иначе можетъ получить прежнiй человѣческiй образъ, какъ развѣ въ томъ случаѣ, когда чародѣйный поясъ изотрется и лопнетъ; но и послѣ избавленiя долгое время бываетъ дикъ, сумраченъ и нескоро навываетъ людской рѣчи ¹⁾. Въ подляшской Руси рассказываютъ, что вѣдьма, съ цѣлю обратитъ свадебный поѣздъ въ волковъ, скрутила свой поясъ и положила его подъ порогъ избы, гдѣ праздновалась свадьба, и всѣ, кто только переступилъ черезъ поясъ, оборотились волками. По другому рассказу, она крутила для этого липовыя лыки, варила ихъ и приготовленнымъ отваромъ обливала поѣзжанъ. Черезъ три года вѣдьма покрыла каждого оборотня тулупомъ (человѣческой одеждою — *lithamo*), и въ ту же минуту всѣ они сдѣлались людьми; только у жениха уцѣлѣлъ волчiй хвостъ, потому что случайно не попалъ подъ тулупъ, брошенный вѣдьмою. По указанiю славянскихъ сказокъ, вѣдьма оборачиваетъ добраго мѡлодца конемъ, накидывая на него узду. Нѣмецкiя преданiя говорятъ о волчьемъ поясѣ и медвѣжьемъ ошейникѣ, чрезъ посредство которыхъ совершается превращенiе въ волка и медвѣдя (см. выше стр. 531-2); на шведскихъ островахъ новобрачные, превращенные въ волковъ, узнаются по кольцамъ, надѣтымъ на ихъ шею. Въ «Мифологiи» Гримма, приведенъ рассказъ о гусѣ-оборотнѣ, который однажды покусился съ другою птицею, и та сорвала ему съ шеи волшебную повязку (*tüchlein*); едва повязка упала — какъ въ то же мгновенiе гусь превратился въ чело-вѣка. Наконецъ сами колдуны и вѣдьмы, желая преобразить-

¹⁾ Ворон. Вѣста, 195; Пов. и пред., 178-9; Lud Ukrain., II, 229.

ся въ звѣрей, набрасываютъ на себя кольцо или кувыркаютъ черезъ обручи. Польск. *przedziernąć* — перевязать узломъ, *przedziernąć się* (*przedziernąć się*) — преобразить, принять иной видъ. По древнѣйшему воззрѣнiю, душа, облекаясь въ тѣлесную одежду, соединяется съ нею таинственною связью; какъ скоро эта связь (веревка, цѣпь или кольцо) будетъ разорвана, душа покидаетъ тѣло и остается на свободѣ до новаго воплощенiя въ ту или другую матеріальную форму (стр. 357—8). Вотъ почему всякая метаморфоза чловѣка (= воплощенiе его души въ звѣриное или птичье тѣло) скрѣпляется наложенiемъ волшебной наузы; а восстановленiе чловѣческаго образа требуетъ ея снятiя. По другимъ же сказанiямъ, колдунъ или вѣдьма не прежде можетъ превратить чловѣка въ звѣря, какъ снявши съ него поясъ, т. е. разрѣшивъ ту связь, которая существуетъ между его душою и чловѣческимъ тѣломъ. Въ романской и нѣмецкой средневѣковой литературѣ встрѣчаемъ преданiе о рыцарѣ-лебедѣ. Молодой витязь женился на вѣщей красавицѣ (валькири), и она родила ему шесть сыновей и одну дочь; у всѣхъ мальчиковъ на шеяхъ было по золотому ожерелью. Злая свекровь велѣла подмѣнить дѣтей щенятами. Обманутый мужъ зарываетъ невинную жену по поясъ среди двора; надъ головою ея поставили лохань, въ которой дворовая челядь мыла свои руки и стирала ихъ прекрасными волосами несчастной женщины. Такъ пробыла она цѣлая семь лѣтъ. Между тѣмъ дѣтей ея прiютялъ нѣкій пустынникъ, а робкая лань вскормила ихъ своимъ молокомъ. Когда они выросли, злая свекровь послала слугу снять съ нихъ золотыя ожерелья; слуга пришелъ на рѣку: шестеро братьевъ, въ видѣ лебедей, плавали и рѣзвились по водѣ, а сестра сидѣла на берегу; тутъ-же лежали и золотыя цѣпи. Слуга захватилъ цѣпи и принёсъ въ замокъ; свекровь приказала сковать изъ нихъ кубокъ. Но кузнецъ употребилъ въ

дѣло только одну цѣпь, а прочія спрятали. Мальчики-лебеди, лишенные ожерельевъ, уже не могли возстановить свои человѣческія формы; они полетѣли на озеро, къ замку своего отца, а вслѣдъ за ними пошла и сестра. Обстоятельства слагаются такъ, что отецъ узнаетъ своихъ дѣтей, освобождаетъ красавицу-жену и караетъ преступную мать. Отданныя кузнецомъ ожерелья возвращаютъ патернымъ сыновьямъ ихъ человѣческіе образы, и только шестой, ожерелье котораго было уничтожено, остался навсегда лебедемъ ¹⁾. — с) Народныя сказки свидѣтельствуютъ еще, что колдуны и вѣдьмы превращаютъ людей различными звѣрями и птицами, ударяя ихъ зеленымъ прутикомъ, палкою или плетью (кнутомъ-самобоемъ ²⁾). Такое вѣрованіе раздѣлялось и греко-италійскимъ племенемъ. Знаменитая чародѣйка Цирцея быстрымъ ударомъ жезла оборотила въ свиней спутниковъ Одиссея; Пикъ былъ наказанъ превращеніемъ въ дятла: едва волшебница коснулась его тростью, какъ онъ тотчасъ-же сдѣлался пестрокрылою птицею ³⁾. Эта чудесная трость (wunschruthe) или плеть — эмблема молніи и указываетъ на тѣсную связь оборотничества съ грозowymi тучами; съ этой эмблемою (какъ объяснено выше — II, 423) сочетались противоположныя представленія: съ одной стороны ударъ волшебнаго прута повергаетъ сказочныхъ героевъ въ окаменѣніе и непробудный сонъ (= зимнее оцѣпенѣніе), а съ другой — призываетъ ихъ къ жизни (= къ весеннему творчеству). Тоже двойное значеніе придается удару волшебнаго прута и въ преданіяхъ о

¹⁾ Потеби., 140; Н. Р. Ск., VII, 36, с; Иличь, 290; Germ. Mythen, 693—6; D. Myth., 399—401, 1049—1052; Nord. Märchenbuch, 107; О. З. 1860, X, 649 — ²⁾ Такъ колдунъ и его любовница превращаютъ мужика въ кобеля, дятла, воробья и чернаго ворона; тѣмъ-же способомъ самъ колдунъ былъ превращенъ въ жеребца, а его любовница — въ козу или кобылицу — Н. Р. Ск., VIII, 22, 26. — ³⁾ Одис., X; Пропил., II, 113—4.

вовкулакахъ и оборотняхъ: имъ превращаются люди въ звѣрные образы и наоборотъ имъ-же разрушается сила заклятiя и превращенные возвращаются въ среду людей. На Украинѣ думаютъ, что если ударить вовкулака вилами или цѣпомъ, то онъ тотчасъ же дѣлается человѣкомъ ¹⁾, т. е. богъ-громовникъ, ударяя своей палицей, срываетъ съ него волчью шкуру (= разноситъ тучу). Оборотни, т. е. стихійные духи и тѣни усопшихъ, облеченные въ облачныя шкуры, появляются и исчезаютъ вмѣстѣ съ бурными грѣзами. Съ каждымъ дуновенiемъ вѣтра, съ каждымъ извивомъ молнiи и раскатомъ грома, облака и тучи мѣняютъ свои прихотливыя формы, или выражаясь метафорическимъ языкомъ: съ каждымъ ударомъ громовой палицы стихійные духи перекидываются, перебрасываются, куврякаются, и тѣни самымъ какъ-бы переворачиваютъ или перемѣняютъ свои облачныя одежды и переходятъ изъ одного видимаго (тѣлеснаго) образа въ другой. Для того, чтобы обозначить актъ превращенiя, народныя сказки и пѣсни употребляютъ выраженiя, указывающiя на быстрое движенiе, стремительный ударъ и круговой поворотъ: молодець «ударился оземь и оборотился собакою»; «колдунъ хлопнулся о сырую землю, сдѣлался сѣрымъ волкомъ и пустился въ погоню», «перекинулся медвѣдемъ, жеребцомъ, добрымъ молодцемъ», «перекинула ся въ сиву зозуленьку»; «колдунъ можетъ окинуться и въ кошку, и въ собаку»; пол. *prze wierzgnąć* и *przeżgnąć* — перекинуть, перебросить, перевернуть, *prze wierzgnąć się*, *przeżgnąć się*, *przekinąć się* — превратиться во что, измѣнить свой образъ; въ томъ-же смыслѣ употребительны серб. *проврћи* (провргнем) *се* и *прометнути се* (сравн: метать, переметчникъ, опрометныя лица—стр. 301): «проврже се пријем жагѣтомъ», «ах да ми се бувом прометнути!» ²⁾

¹⁾ Lud Ukrain., II, 228; Семеновск., 142—3. — ²⁾ Н. Р. Сл., V, 22; VI, 45; Труды моск. археол. общ., I, в. 2, 241—2.

Въ ближайшемъ сродствѣ съ вѣдунами, вѣдьмами и оборотными стоятъ упыри или вампиры. Названіе это, упоминаемое въ Пашевскомъ сборникѣ («а переже того клали потребу упиремъ и берегинямъ»), и донинѣ извѣстно почти во всемъ славянскомъ мірѣ. У насъ повѣрья о злобныхъ, блуждающихъ упыряхъ преимущественно уцѣлѣли на Украинѣ и въ Бѣлоруссіи; это — жертвцы, бывшіе при жизни своей колдунами, вовкулаками и вообще людьми, отверженными церковью, каковы: самоубійцы, опойцы, еретники, богоотступники и проклятые родителями. Впрочемъ, и въ губерніяхъ великорусскихъ несовсѣмъ исчезло воспоминаніе объ этихъ загробныхъ выходцахъ. По указанію словарей, упирь — колдунъ, превращающійся волкомъ, человѣкъ съ хвостомъ ¹⁾. По мнѣнію малоруссовъ, упыри нарождаются отъ блудной связи вовкулака или чорта съ вѣдьмою ²⁾, и народная пословица утверждаетъ: «упиръ и непевній усниѣ видьмамъ родичъ кровній» ³⁾. Въ глухую полночь выходя изъ могилъ, гдѣ лежатъ они нетлѣнными трупами, упыри принимаютъ различные образы, летаютъ по воздуху (харьков. губ.), рыщутъ на коняхъ по окрестностямъ, подымаютъ шумъ и гамъ и пугаютъ путниковъ, или проникаютъ въ избы и высасываютъ кровь изъ сонныхъ людей, которые вслѣдъ затѣмъ непремѣнно умираютъ; особенно любятъ они сосать кровь младенцевъ. Если сложенные накрестъ руки упыря окоченѣли и онъ не въ состояніи ихъ развести, то прибѣгаетъ къ помощи зубовъ; а зубы у него — словно стальные клыки и сокрушаютъ всякія преграды ⁴⁾. Прогрызая двери, онъ прежде всего бросается къ зыбкѣ, высасываетъ кровь ребенка, и потомъ уже нападаетъ на взрослыхъ. Предразсвѣтный крикъ

¹⁾ Обл. Сл., 239; Труды общ. любит. рос. слов., III. 320. —

²⁾ Маркович., 78 - 79. — ³⁾ Номис., 4. — ⁴⁾ Иличь, 294: у вукодзаконъ желѣзные зубы.

пѣтуховъ заставляетъ упыря мгновенно исчезать, или повергаетъ его окровавленнаго наземь — въ совершенномъ безчувствіи. Посыпая полъ около постелей мелкою солью, замѣчаютъ поутру слѣды ногъ, оставляемые ночнымъ гостемъ; а раскапывая его могилу, находятъ въ ней мертвеца съ свѣжимъ румянцемъ на щекахъ и съ запекшеюся на устахъ кровью ¹⁾. Въ тамбовской губ. ²⁾ можно услышать слѣдующій разсказъ: ѣхалъ мужикъ мимо кладбища, а ужь стемнѣло. Нагоняетъ его незнакомецъ въ красной рубахѣ и новомъ полушубкѣ; «остановись! говоришь, возьми меня въ попутчики». — Изволь, садись! Пріѣзжаютъ они въ село, подходятъ къ тому-къ другому дому: хоть ворота и настѣжь, а незнакомый говоритъ: «заперто!» — потому что на тѣхъ воротахъ кресты выжжены. Подходятъ къ крайнему дому, ворота на запорѣ и зашлѣ въ полпуда висить, но креста нѣту — и ворота сами собой отворяются. Вошли въ избу; тамъ на лавкѣ спятъ двое: старикъ да молодой парень. Незнакомецъ взялъ ведро, поставилъ позади парня, ударилъ его по спинѣ — и тотчасъ спина открылась и полилась алая кровь; нацѣдилъ полное ведро и выпилъ. Затѣмъ другое ведро крови нацѣдилъ онъ изъ старика, утолилъ свою звѣрскую жажду, и говоритъ мужику: «ужь свѣтаетъ! пойдемъ теперъ ко мнѣ.» Въ одинъ мигъ очутились они на кладбищѣ. Упырь обхватилъ было мужика руками, да на его счастье пѣтухи зашлѣ — и мертвецъ сгинулъ. Наутро смотрятъ: и молодой парень, и старикъ — оба померли. По другому разсказу ³⁾ колдунъ-мертвецъ является на свадьбу, вынимаетъ два пузырька, ранилъ шильцемъ руки жениха и невѣсты и точитъ изъ нихъ горячую кровь. Болгары убѣждены, что, по смерти злодѣевъ, грабителей и

¹⁾ Маркенич., 78 - 79; О. З. 1848, IV, 146; Москв. 1853, V, 14; Zeitschr. für D. Myth., IV, ст. Маннгардта, 264. — ²⁾ Тамб. Г. В. 1857, 4 — ³⁾ Н. Р. Св., V, 30, d.

вообще людей съ порочными наклонностями, въ тѣла ихъ вселяются нечистые духи, и они становятся вампирами. Увѣряютъ еще, что если кошка перепрыгнетъ черезъ покойника, когда онъ лежитъ въ избѣ, то умершій непременно сдѣлается вампиромъ; поэтому во все время, пока не похоронятъ покойника, при немъ находится одинъ изъ родичей и заботливо оберегаетъ его отъ такого несчастія. Спустя сорокъ дней послѣ кончины человѣка, злой духъ, поселившійся въ его трупъ, начинаетъ выходить изъ могилы, бродитъ по домамъ и сосетъ кровь изъ ушей младенцевъ и взрослыхъ. Какъ только пронесется молва о загробномъ выходцѣ, поселяне собираются на ночь по нѣскольку семействъ въ одну избу, и двое изъ мужчинъ поочередно караулятъ до самаго раз-

свѣта: если кто-нибудь во снѣ атакуетъ процедуру борьбы съ шаманствомъ. Въ Якутскомъ округѣ, по настоянію мѣстнаго причта, инородческимъ старостой былъ приведенъ къ священнику октемской церкви шаманъ Иванъ Жалбарка, отъ котораго была отобрана подписка, засвидѣтельствованная установленнымъ порядкомъ, что онъ отрекается отъ шаманства и не будетъ шаманить. Затѣмъ ему было приказано сжечь самому на кострѣ, разложенномъ на площади, шаманскую одежду, бубенъ и колотушку. Говорятъ, когда костеръ съ одеждой разгорѣлся и пошелъ густой дымъ, то шаманъ сталъ подѣ вътревую сторону и глоталъ дымъ. Этимъ способомъ онъ желалъ принять въ себя ту силу нечистаго духа, который жилъ въ его одеждѣ и уносилъ его въ царство духовъ. Послѣ этого курьезнаго ауто-да-фэ шаманъ былъ отпущенъ.

и въ несколько воевъ дровъ и дѣрну и бросаютъ кувшинъ въ средину пламени: когда сосудъ раскалится и лопнетъ съ сильнымъ трескомъ, «народъ успокаиваетъ себя мыслью, что вампиръ уже сгорѣлъ» ¹⁾. Точно также и сербы отождествляютъ вампира съ вукодлакомъ. По словамъ Караджича, вукодлакомъ называется человѣкъ, въ котораго спустя сорокъ дней послѣ его кончины входитъ дьявольскій духъ и оживляетъ его безчувствен-

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1846, XII, 206 . 8

ное тѣло («повампирит се»). Вставая изъ гроба, онъ бродитъ по ночамъ одѣтый въ саванъ («с покровом на рамену»), прокрадывается въ избы, давитъ спящихъ людей и пьетъ изъ нихъ кровь, отчего эти несчастные не только умираютъ, но и сами становятся вампирами (кровососами). Каждый покойникъ можетъ «повампириться», если черезъ него перелетитъ птица или перескочитъ какое-нибудь животное ¹⁾; потому сербы и считаютъ священной обязанностью наблюдать, чтобы ничего подобнаго не случилось съ ихъ усопшимъ родичемъ. Упитанный человѣческой кровью, вукодлакъ лежитъ въ могильной ямѣ — тучный, раздутый и румяный. Иногда вукодлакъ является къ своей овдовѣвшей женѣ (особенно если она молода и красива) и спитъ вмѣстѣ съ нею; говорятъ, «да оно дијете нема костију ²⁾», које се роди с вукодлаком». Вампиръ можетъ проникать въ дома сквозь всякую щель, и потому запираеть отъ него двери также бесполезно, какъ и отъ вѣдьмы ³⁾. Словенцы и кашубы называютъ ушырей вѣщми и (vieszcy), т. е. признають ихъ вѣдунами и вѣдьмами; а сосѣдніе съ кашубами нѣмцы даютъ имъ прозванія begierig, unbegierig и blutsauger. «Вѣщій» — это человѣкъ, рождающийся на свѣтъ съ зубами или въ сорочкѣ; когда онъ умираетъ, лицо его сохраняетъ яркой румянецъ, а лѣвый глазъ остается открытымъ. Къ покойникамъ, у которыхъ замѣтять эти признаки, простолюдины относятся съ чувствами невольнаго страха и озлобленія. На Руси и въ Германіи существуетъ примѣта, по которой открытыя очи мертвеца высматриваютъ какъ бы увлечь кого-нибудь въ могилу

¹⁾ „...ако да преко њега мъртва прелети каква тица или друго какво живинче пријеће“; по указанію Илича (стр. 294), надо заботиться, чтобы черезъ мертваго не перескочили кокош, патка и рвето. — ²⁾ Не имѣеть костей. — ³⁾ Срп. рјечникъ, 79: Вѣст. Евр. 1829, ХХІV, 254—5.

(I, 42—43); оскаленные зубы мертвеца и румянецъ на его щекахъ указываютъ въ немъ вампира. По рассказамъ кашубовъ, зарытый въ землю вампиръ, пробуждаясь отъ могильнаго сна, начинаетъ грызть свои руки и ноги, и покуда онъ грызётъ — одинъ за другимъ заболѣваютъ и умираютъ сперва его родственники, а потомъ и другіе обыватели. Когда вампиръ изглохнетъ свое собственное тѣло, онъ встаетъ въ полуденный часъ изъ гроба, отправляется въ стадо и губитъ крестьянскую скотъ, или взбирается на колокольню и принимается звонить: всякой, кто услышитъ этотъ звонъ, дѣлается добычею смерти. Но чаще всего вѣщіе мертвецы являются ночью въ домъ, подступаютъ къ соннымъ людямъ и высасываютъ изъ нихъ кровь, а насытившись, возвращаются въ могилы. Тотъ, кого сосалъ «вѣщій», уже не пробудится больше: поутру находятъ его въ постели мертвымъ, съ маленькою, едва замѣтною ранкою на лѣвой сторонѣ груди, прямо противъ сердца, или съ очевидными знаками укушенія на лѣвомъ грудномъ соскѣ. Если разрыть могилу вампира (хотя бы черезъ годъ послѣ его погребенія), то легко убѣдиться, что заключенный въ ней мертвецъ не подвергается глѣнию, что руки и ноги его страшно-изгрызены, а губы обгарены свѣжею кровью ¹⁾. Подобныя басни обращаются и между поляками, чехами и другими славянскими племенами (пол. *upióg*, *upíg* и *upięzusa*, чеш. *upíg* и *upěgíse*); марлаки и далматинцы рассказываютъ о вакодлакахъ, сосущихъ кровь младенцевъ ²⁾; истрияне называютъ упыря *stígop*; по лужицкому повѣрью, когда мертвецъ принимается жевать свой саванъ или сосать собственную грудь, то вслѣдъ за нимъ сходятъ въ могилу и всѣ его родственники;

¹⁾ Zeitsch. für D. Myth., IV, 259—264, 274; Этн. Сб., V, ст. Гильсбердинга, 69—70; 133. — ²⁾ Вост. Евр. 1823, XXIII—IV, 200; Москв. 1853. V, 14.

поляки также приписываютъ упырямъ пожирание погребальныхъ одеждъ и покрововъ ¹⁾. Преданія о вампирахъ не составляютъ исключительной принадлежности славянъ; они распространены почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ и должны быть возведены къ древнѣйшей эпохѣ племеннаго единства. Валахи знаютъ вампировъ подъ именами *мигону* и *приссолитш*. *Мигону*, по ихъ мнѣнію, — духъ умерщвленнаго вампиромъ, или существо, рожденное отъ любодѣйной связи; днемъ покоится онъ въ могилѣ, а ночью прилетаетъ къ людямъ, питается ихъ кровью и принимаетъ различные образы, превращаясь въ собаку, кошку, жабу, лягушку или кровососныхъ насекомыхъ (вошь, блоху, клопа, паука). Разрывая его могилу, находятъ въ ней дѣльный, нестлѣвшій трупъ, изъ глазъ, ушей, носа и рта котораго струится свѣжая кровь, а на рукахъ и ногахъ видны недавно-выросшіе ногти. *Priscolitsch* — оборотень, являющійся въ образѣ собаки; въ ночное время онъ рыщетъ по лѣсамъ, пастбищамъ и селамъ, умерщвляетъ своимъ прикосновеніемъ лошадей, коровъ, овецъ, козъ, свиней, и чупивается ихъ кровью. Новые греки смѣшиваютъ вампировъ съ вовкулаками. Злые демоны, овладѣвая трупами усопшихъ подъ церковнымъ проклятіемъ, одушевляютъ этихъ мертвецовъ, дѣлаютъ ихъ оборотнями (*βουρξόλαχες*), и чрезъ нихъ посредствомъ распространяютъ повсюду свое губительное вліяніе. *Βουρξόλαχες* бѣгаютъ ночью по улицамъ, стучатся въ двери домовъ и выкликаютъ имена мѣстныхъ жителей; кто отзовется на ихъ окликъ — тотъ немедленно умираетъ, подобно тому, какъ, по славянскимъ преданіямъ, всѣ отозвавшіеся на голосъ Моровой дѣвы гибнуть отъ заразы. Въ Германіи существуетъ повѣрье, что съ кончиною ребенка, рожденнаго съ зубами во рту, начи-

¹⁾ Zeitsch. für D. M., IV, 265—9.

нается всеобщая, повальная смертность; существуют также сказанія о жертвецахъ, которые, лёжа въ могилахъ, грызутъ свое собственное тѣло и одежды, а по ночамъ выходятъ изъ гробовъ, давятъ сонныхъ и насылаютъ на окрестное населеніе моръ ¹⁾. Чудовищный Грендель, о которомъ упоминаетъ поэма о Беовульфѣ и который приходилъ ночью сосать кровь изъ жилъ спящихъ воиновъ, вполне соответствуетъ жаднымъ вампирамъ и вовкулакамъ; мать Гренделя носила прозваніе волчицы (II, 696). Як. Гриммъ указываетъ подобное-же свидѣтельство въ одной изъ древне-сѣверныхъ сагъ ²⁾.

Слово вампиръ = упырь (упиръ, впиръ, женск. вампѣра, упирница, упирина, упиря) доселѣ не объяснено надлежащимъ образомъ; изслѣдователи сближаютъ его съ литовскимъ *wempti* — пить (*ađu wempti* — потягивать брагу, *wempti*, *wampti* — ворчать, бурлить, бормотать), или производятъ отъ корня *pi* (пить), съ приставкою *u=av*, *va*. Если принять это производство, то вампиръ будетъ означать опойцу, существо, которое вливается въ живое тѣло и сосетъ изъ него кровь, какъ пьявка. Хорутане именуютъ вампира *rija wisa*; человекѣ съ краснымъ отъ опьяненія лицомъ сербы выражаются: «првен као вампиръ»; и сербы, и словаки горькаго пьянцу обызываютъ *vlk od lak'omъ* ³⁾. Это существенное, характеристическое свойство упыря роднитъ его съ зитѣмъ (смокомъ), высасывающимъ изъ своихъ жертвъ молоко и кровь, и съ великаномъ Опивалою. Первоначально подъ именемъ упыря предки наши должны были разумѣть грозового демона, который сосетъ тучи и упивается дождевою влагою; ибо въ древнѣйшихъ мифическихъ сказаніяхъ дождь

¹⁾ Ibid., 270-6 279-282; Шоттъ, 297-8. — ²⁾ D. Myth., 969. — ³⁾ Изв. А. Н., I, ст. Милудк., 113; Zeitsch. für D. M., IV, 197-201; Часопись чешск. музея 1840, III, 242; Москв. 1853, V, 6.

уподоблялся крови, текущей въ жилахъ облачныхъ духовъ и животныхъ. Очевидно, высасываніе крови вампирами есть тоже самое, что высасываніе вѣдьмами и вовкулаками молока изъ небесныхъ кобылицъ и коровъ; мѣняются только поэтическія краски, основная же мысль и тамъ, и здѣсь — одна. Зимній холодъ, оцѣпняющій дождевыя тучи, повергаетъ творческія силы природы усыпленію, смерти, проклятію; богъ-громовникъ и молніеносные духи = сосуны дождей скрываются въ облачныхъ подземельяхъ и засыпаютъ въ гробахъ-тучахъ (I, 579; II, 440). Но эта смерть — временная; съ возвратомъ весны они пробуждаются, встаютъ изъ гробовъ и начинаютъ сосать молоко или кровь, т. е. живительный дождь, изъ облаковъ, усыпленныхъ чарами Зимы. Сосутъ они по ночамъ, т. е. во иракъ грозовыхъ тучъ, которыя, облекая со всѣхъ сторонъ небо, претворяютъ свѣтлый день въ темную ночь; съ возгласомъ пѣтуха (= знаменіе утренняго разсвѣта и громовыхъ ударовъ, разсѣивающихъ тучи) духи эти немедленно исчезаютъ. Вампиръ можетъ высасывать жизненные соки (питаться кровью), не только являясь въ домъ и нападая на сонныхъ; той-же цѣли достигаетъ онъ, терзая собственное тѣло острыми, желѣзными зубами, или принимаясь жевать свой саванъ, а по кашубскому повѣрью — и тогда, когда ударяетъ въ колоколъ. Саванъ въ данномъ случаѣ есть туманный, облачный покровъ, облекающій молніеноснаго духа = та тѣлесная риза, въ которой пребываетъ пламенная душа усопшаго; желѣзный зубъ есть метафора молніи, а звонъ — громовыхъ раскатовъ. Такимъ образомъ пробужденная молнія начинаетъ грызть облако, какъ свое тѣло или свой саванъ, и точитъ изъ него живую воду дождя, или выражаясь поэтически: упивается горячею кровью. Замирая на зиму, духи-вампиры лежатъ въ гробахъ-тучахъ нетлѣнными мертвецами, — подобно тому,

какъ въ дѣйствительности трупы усопшихъ, покоясь въ землѣ, охваченной зимнею стужею, не разлагаются до наступленія теплой весны. Въ русскомъ народѣ донинѣ удерживается суевѣрное убѣжденіе, что колдуны, вѣдьмы, опоицы и вообще люди, предавшіеся злomu духу, проклятые или отлученные отъ церкви, по смерти своей, не гниютъ, что мать-сыра земля не принимаетъ ихъ, что они выходятъ по ночамъ изъ гробовъ, бродятъ возлѣ прежняго своего жилища и являються къ роднымъ и сосѣдямъ; поэтому и называютъ ихъ погуночниками. Существуетъ разсказъ о матери, которая прокляла своего сына, и трупъ его оставался нетлѣннымъ цѣлыя сто лѣтъ; наконецъ его откопали, старуха-мать, которая еще продолжала жить, изрекла прощеніе — и въ тоже мгновеніе мертвецъ рассыпался прахомъ ¹⁾. Болгары черезъ каждые три года разрываютъ могилы, и если найдутъ неистлѣвшіе трупы, то, признавая этихъ мертвецовъ состоящими подлѣ родительскимъ или священническимъ проклятіемъ, снова отпѣваютъ ихъ и возносятъ за нихъ заупокойныя молитвы ²⁾. По древнему воззрѣнію, въ шумѣ весенней грозы праздновался брачный союзъ дьявола или вовкулака съ вѣдьмою; плодомъ этого союза была летучая молнія — упырь, существо эльфическое, воздушное, всюду свободно-проникающее, и потому, по мнѣнію народа, рожаемое безъ костей ³⁾. Отсюда возникли сказанія: во 1-хъ—о плотскомъ смѣшеніи вовкулаковъ съ женщинами, и во 2-хъ—о появленіи упырей на свадьбахъ и высасываніи ими изъ жениха и невѣсты крови. Рядомъ съ этими мнѣніями представленіями необходимо поставить сербское преданіе о духѣ, вылетающемъ изъ вѣдь-

¹⁾ Статист. описаніе саратов. губ. I, 59—60; Тульск. Г. В. 1852, 26; О. З. 1848, IV, 148; Морякъ, VII, 72. — ²⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 80—84. — ³⁾ Иличъ, 294; Часопись чешск. музея 1863, I, 12: въ «Mater verborum» vilkodlaci истолковано: incubi.

мы: «вјештица, говоритъ Караджичъ, има у себи некакав ђаволски дух, који у сну из ње изиђе и створи се у лешира, у кокош или у ћурку, па лети по кућама и једе људе, а особито малу дјецу; кад нађе човјека гдје спава, а она га удари некаквом шипком преко лијеве сисе те му се отворе прси док извади срце и изједе, па се онда прси опет срасту. Неки тако изједени људи одмах умру, а неки живе више времена, колико је она одсудила кад је срце јела, и онаковом смрти умру, на какову она буде намијенила... Кад у каквом селу помре много дјете или људи, и кад сви повичу на коју жену да је вјештица и да их је она појела» — ту связываютъ и вѣдутъ на публичную расправу ¹⁾. Этотъ кровососный духъ называется једогоња и признается существомъ, тождественнымъ вампиру ²⁾. Когда въ семьѣ умирають дѣти, то вновь-народившагося ребенка мать нарицаетъ Вукомъ (волкомъ): имя это даетъ она подъ вліяніемъ мысли, что дѣтей у нея поѣла злая вѣщица, «а на вука да не ће смјети ударити» ³⁾. Въ одной изъ сербскихъ пѣсень спящій мальчикъ, котораго будить сестра, отвѣчаетъ ей:

„Нека я, сејо, не могу;
Вѣштице су ме изеле;
Мајка ми срце вадила,
Стрина јој лучем светлила“ ⁴⁾.

¹⁾ Срп. рјечникъ, 66—67. Переводъ: вѣщица явлетъ въ себѣ вѣщій дьявольскій духъ, который выходитъ изъ нея во время сна, превращается въ бабочку, курицу или индѣйку, летаетъ по домамъ и поѣдаетъ людей, особенно младенцевъ. Находя спящаго человека, вѣщица ударяетъ его прутомъ въ лѣвый сосокъ, открываетъ ему грудь, достаетъ и съѣдаетъ сердце, послѣ чего грудь опять срастается. Нѣкоторые изъ этихъ лишенныхъ сердца людей тотчасъ же умирають, а другіе продолжаютъ жить столько времени, сколько присудила имъ поѣдучая вѣдьма, и потомъ погибають назначенною отъ нея смертію. — ²⁾ Ibid., 251. — ³⁾ Ibid., 78. — ⁴⁾ Срп. и. пѣсме, I, 162; Иличъ, 291—3. Переводъ: не могу, сестрица! вѣщица меня изѣла: мать вынула мое сердце, тетка ей лучиной свѣтила.

Итакъ упырь есть порожденіе вѣдьмы, плодъ ея чрева (=облака), или, по другому представленію, онъ — вѣчно-живая, бодрствующая душа, исходящая изъ тѣла вѣщей жены во время ея глубокаго, непробуднаго сна. Но сонъ — эмблема смерти, и въ русскомъ народѣ существуетъ убѣжденіе, что когда человѣкъ обмираетъ (лежитъ въ летаргическомъ снѣ), то душа его, вылетая на свободу, странствуетъ на томъ свѣтѣ, созерцаетъ рай и адъ, и потомъ снова возвращается въ свое покинутое, бездыханное тѣло (см. выше стр. 37 ¹). Отсюда очевидно тѣсное сродство упырей и вѣдьмъ съ душами-эльфами или марами; подобно этимъ стихійнымъ карликамъ, они незамѣтно проскользаютъ сквозь щели и замочныя скважины, налегаютъ на сонныхъ людей и причиняютъ имъ удущье (см. стр. 234-5, 476-7). Падающія звѣзды и метеоры, связь которыхъ съ представленіемъ души человѣческой достаточно объяснена выше, въ харьковской губ. принимаются за вѣдьмъ, посѣщающихъ на бѣсовскія игрища. Малоруссы вѣдму называютъ марою (стр. 446); чехи упырями и волкодаками даютъ названія: *thógu*, *thúgu*, *thogùsi*, *thúgasi* (сравни волошск. *thigony*). Появляясь ночью, *thúgu* нападаютъ на спящихъ, давятъ ихъ и сосутъ кровь изъ сердца и молоко изъ женскихъ грудей; родильницы должны тщательно оберегать и себя, и своихъ дѣтей отъ злой мары, заклиная ее не приближаться къ своему ложу: «*thúgo, thúgol ne přistupuj k thému loži, pokud nespočítáš řísek v moři, hvězdu na nebi, cestu na zemi*». По свидѣтельству Илича, *thoga* — старая баба, которая по ночамъ превращается въ муху или бабочку, прилетаетъ въ избы и душитъ людей ²). Эльфическія существа, извѣстныя въ Малороссіи подъ именемъ мавокъ, защековываютъ парубковъ для того, чтобы упиваться ихъ

¹) Иллюстр. 1846. 262. — ²) Часопись чешск. музея 1863, I, 11—12; Громаничъ, 25—26; Иличъ, 298.

кровью ¹⁾; о навахъ лѣтопись сохранила любопытное извѣстіе, что они избивали народъ—губили его моровою язвою. Илетающій изъ вѣдьмы кровососный духъ принимаетъ образъ птицы, ночного мотылька или мухи и открываетъ грудь обреченнаго на смерть человѣка ударомъ прута, т. е. молніи, что вполне согласуется съ русскимъ повѣрьемъ, будто упырь прокалываетъ свою жертву острымъ шильцемъ, и съ повѣрьемъ кашубскимъ, будто умерщвленный вампиромъ имѣетъ на груди маленькую рану. По нѣмецкимъ и славянскимъ повѣрьямъ, колдуны и вѣдьмы выпускаютъ альфа-бабочку изъ-подъ своихъ густыхъ, сросшихся вмѣстѣ бровей, т. е. молніи разить, какъ пламенный взоръ, сверкающій изъ-подъ нависшихъ облаковъ. О вовкулакѣ рассказываютъ, что когда онъ показывается въ человѣческомъ образѣ, то отличительною его примѣтою бываютъ сросшіяся вмѣстѣ брови ²⁾. Птица, мотылекъ и муха — общезвѣстныя у аріискіхъ племенъ представленія души, разлучившейся съ человѣческимъ тѣломъ. Тоже значеніе придавалъ индѣи и летучей мыши (см. стр. 301); замѣчательно, что слово «вампиръ» употребляется не только въ смыслѣ загробнаго выходца, полуночника, но и въ смыслѣ летучей мыши ³⁾, которая обыкновенно прячется днемъ и показывается уже по закатѣ солнца, почему и была названа нетопыремъ *υοχτερς, vesperilio* (II, 385). Сверхъ того, какъ существо стихійное, душа наравнѣ съ дующими вѣтрами и грозовымъ пламенемъ олицетворялась с собакою и кошкою. Отсюда создано повѣрье, что мертвецъ тотчасъ-же оживаетъ и дѣлается вампиромъ, какъ скоро черезъ трупъ его перепрыгнетъ собака, кошка, или перелетитъ птица; на Украинѣ же думаютъ, что человѣкъ, котораго овѣетъ (= одушевитъ)

¹⁾ Семеновск., 124; Маякъ, XV, 31—35. — ²⁾ D. Myth., 1050. — ³⁾ Москв. 1851, V, ст. Срезнев., 62.

степной вѣтеръ, становится упырешъ ¹⁾). Подобно сербскимъ вѣщницамъ, греко-италійскія стриги, нападая на сонныхъ; вынимають трепещущее сердце, жарятъ его и съѣдаютъ, а въ-замѣнъ кладутъ въ раскрытую грудь солому или полѣно, послѣ чего человѣкъ продолжаетъ жить безъ сердца ²⁾). Румыны вѣрятъ, что чародѣи могутъ обвить сердце человѣческое клубкомъ ужей или змѣй, которыя не перестаютъ сосать его до тѣхъ поръ, пока не высосутъ всю кровь до послѣдней капли ³⁾). Могучій двигатель крови и необходимое условіе жизни—сердце издревле принималось за вѣсталище души и ея способностей: мысли, чувства и воли ⁴⁾). Поэтому выраженіе: вѣдьма съѣдаетъ сердце слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что она похищаетъ у человѣка жизнь, извлекаетъ изъ него душу, обращаетъ его въ безкровный трупъ. Такое объясненіе вполне оправдывается повѣрьями, отождествляющими вѣдьмъ съ нечистыми духами повальныхъ болѣзней и съ богинею смерти (Моровою дѣвою). Но, сверхъ этого, указанное выраженіе могло примѣняться и къ стихійнымъ явленіямъ природы: какъ «высасываніе крови» относилось первоначально къ пролітію дождя, такъ «съѣданіе сердца» могло обозначать мысль о молніеносномъ духѣ, терзающемъ внутренности, сердцевины ⁵⁾ дождевой тучи. Въ этомъ отношеніи народныя сказанія о вѣдьмахъ и вампирѣхъ сближаются съ древне-нѣмецкимъ преданіемъ о драконѣ Фафнирѣ и греческимъ мифомъ о Прометѣѣ. Зигурдъ, побѣдитель Фафнира, вынимаетъ изъ него сердце, жаритъ на

¹⁾ Часовникъ чешск. музея, ѣгипетск. гоѣпукъ, в. III, ст. Ваглевича: «о upřech a wid'mach», 238. — ²⁾ D. Myth., 1035. — ³⁾ Телескопъ 1833, VIII, 504. — ⁴⁾ У насъ говорится: человѣкъ съ сердцемъ, съ душою, съ чувствомъ, сердечный; это ему по сердцу (по желанію); Богъ проникаетъ въ глубину сердца, онъ знаетъ: у кого что на сердцѣ; сердчатъ — гнѣваться, и т. д. — ⁵⁾ Срьдце, срьда, средина.

огнь и съѣдаетъ, и чрезъ то самое обрѣтаетъ высокій даръ предвидѣнія, т. е. герой-громовникъ разводитъ грозовое пламя, пожигаетъ дракона-тучу или (что тоже) пожираетъ его внутренности и упивается вѣщимъ, вдохновительнымъ напиткомъ дождя. Мнѣ о Прометѣѣ изображаетъ этого титана похитителемъ небеснаго огня; разгнѣванные боги приковали его къ скалѣ (см. I, 756-7) и послали орла, носителя Зевсовыхъ молній, клевать его печень ¹⁾. Та любопытная черта, что вѣдьма, пожирая сердце, замѣняетъ его обрубокъ дерева или пучокъ соломы, можетъ быть легко объяснена поэтическимъ уподобленіемъ грозоваго пламени — во первыхъ, живому огню, добываемому изъ дерева, и во вторыхъ, костру горюшей соломы; самая молнія, какъ извѣстно, представлялась волшебнымъ прутомъ, вѣткою и стеблемъ разрывъ-травы. Мазовецкое преданіе рассказываетъ о рыцарѣ, который долгое время славился своимъ мужествомъ и отвагою; но вотъ однажды, пользуясь его сномъ, явилась

---

¹⁾ Шварцъ (Sonne, Mond u. Sterne, 14—22), объясняя эти преданія, принимаетъ „сердце“ за поэтическое обозначеніе солнца, закрытаго тучами, такъ какъ у древнихъ писателей оно называлось „сердцемъ вселенной“. Что вѣдьмамъ приписывалось пожираніе солнца — объ этомъ сказано выше. Здѣсь прибавимъ, что ребенокъ, родившійся съ зубами, признается у венгровъ существомъ чародѣйнымъ (по мнѣнію чеховъ, это — мора); когда онъ умираетъ, то въ ротъ ему кладутъ камень; въ противномъ-же случаѣ онъ проглотитъ и солнце, и мѣсяцъ. Точно также славяне кладутъ камень въ ротъ вампира, дабы онъ не могъ высасывать кровь — Zeitschr. für D. M., IV, 273. Слово упырь перешло отъ русскихъ къ татарамъ и чувашамъ; у первыхъ убыръ — колдунья, вѣдьма, у послѣднихъ вабуръ—чародѣй, поѣдающій луну — Сбоева: Исслѣдов. объ инородц. казан. губ., 115. Въ яркихъ краскахъ зори и въ преломленныхъ лучахъ солнца предки наши видѣли потоки крови, а солнечныя затмѣнія приписывали демону, который въ образѣ волка грызетъ дневное свѣтило и точитъ изъ него горячую кровь.

вѣдьма, ударила его въ грудь осиновою вѣткою, и когда грудь раскрылась — вынула изъ нея трепещущее сердце, а на мѣсто похищеннаго положила другое — заячье сердце. Храбрый рыцарь проснулся бояливымъ трусомъ и оставался такимъ до самой смерти. Въ Польшѣ ходилъ разсказъ о вѣдьмѣ, которая выкрала у одного крестьянина сердце и посадила ему въ грудь пѣтуха; съ тѣхъ поръ несчастный постоянно кричалъ пѣтухомъ. Основа этихъ преданій — чисто-миончская; ибо и заяцъ, и пѣтухъ принимались символами огня и сверкающихъ молній. Позднѣе, переработывая старинныя мифы, фантазія налагаетъ на нихъ печать нравственныхъ воззрѣній, и пользуется для этого всякимъ готовымъ намекомъ; такъ какъ заяцъ возбуждаетъ представленіе трусости, то отсюда въ разсказѣ о рыцарѣ съ заячьимъ сердцемъ главный интересъ сосредоточился на тѣхъ душевныхъ страданіяхъ, какія долженъ испытывать воинъ съ утратою мужества и доброй славы. Съ похищеніемъ сердца связываются и чары на любовь. По народному воззрѣнію, чувство любви охватываетъ человѣка, какъ внутреннее пламя, возжигаемое въ его сѣрдцѣ стрѣлою громовника и раздуваемое буйными вихрями (I, 448-455). Желая пробудить это страстное чувство, волшебницы вынимаютъ изъ груди юноши или дѣвicy сердце, жарятъ его и наговариваютъ любовную тоску. По справедливому замѣчанію Я. Грима, въ связи съ этимъ повѣршемъ должны быть поставлены и слѣдующія доселѣ-употребительныя выраженія: «она похитила мое сердце» — заставила полюбить себя, «онъ отдалъ ей сердце» «онъ очарованъ, обвороженъ ею» ¹⁾).

Мы знаемъ, что вѣдуны и вѣдьмы, выдавая облачныхъ коровъ, производятъ засухи, неурожай, голодъ и моровую язву; тѣже гибельныя послѣдствія соединяетъ народъ и съ выса-

¹⁾ Пов. и пред., 29—33, 172—3. D. Myth., 1035.

сываніемъ крови вампирами. Злому вліанію упырей и вѣдьмъ приписываются какъ зимнее оцѣпенѣніе дождевыхъ тучъ, такъ и лѣтній всё-пожигающій зной. Русскіе поселяне убѣждены, что упыри и вовкулаки могутъ творить бездождіе, насылать бури, неурожай, скотскіе падежи и различныя болѣзни; тамъ, гдѣ они бродятъ, одна бѣда слѣдуетъ за другою ¹⁾. По сербскому повѣрью, вукодлакъ преимущественно показывается зимою и въ голодные годы: «У врїеме гладѣ често га привиѣају око воденица ²⁾, око амбара житнијех и око чардака и кошера кукурузнијех», гдѣ и поѣдаетъ заготовленный хлѣбъ и кукурузу ³⁾. Въ такихъ общественныхъ бѣдствіяхъ изстари и донныи обвиняются блуждающіе мертвецы. Еще въ XIII вѣкѣ Серапіонъ обращался съ укоромъ къ современникамъ, которые воспрещали погребать тѣла удушенныхъ и утопленниковъ и вырывали ихъ изъ могилъ, какъ виновниковъ засухи и неурожаявъ. Обычай этотъ въ XVI вѣкѣ настолько былъ силенъ, что Максимъ Грекъ призналъ необходимымъ вооружиться противъ него особымъ посланіемъ: «кїи отвѣтъ сотворимъ (говоритъ онъ) въ день судный, тѣлеса утопленныхъ или убитыхъ и поверженныхъ не сподобляюще ѧ погребанію, но на поле извлекше ихъ, отынемъ коліемъ, и еже беззаконнѣйше и богомерско есть, яко еще случится въ веснѣ студенымъ вѣтромъ вѣяти и сїми садимая и сѣмая нами не преспѣвають на лучшее, оставивше молитися содѣтелю и строителю всѣхъ... еще увѣмы нѣкоего утопленнаго или убитаго неиздавна погребена .. раскопаемъ окаяннаго и извержемъ его нѣгдѣ далѣ и непогребена покинемъ... по нашему по премногу безумію виновно стужи мнѣше быти погребеніе его» ⁴⁾. Димитрія Са-

¹⁾ Иллюстр. 1846, 134. — ²⁾ Водяная мельница. — ³⁾ Сербичинъ, 79; Иличъ, 295. — ⁴⁾ Изв. Ак. Н., III, 95; Котляревскаго: О погребальн. обычаяхъ, 34—35.

мованца народная молва обвиняла въ чародѣйствѣ ¹⁾; когда онъ погибъ насильственной смертію, трупъ его былъ выставленъ на Красной площади, и въ продолженіи трехъ дней лежалъ на столѣ съ дудкой, волынкою и маскою — атрибутами окрутниковъ и скомороховъ, а затѣмъ погребенъ въ убогомъ домѣ за Серпуховскими воротами. Это было въ половинѣ мая 1606 года; какъ нарочно, настали тогда сильные морозы, вредные для полей, садовъ и огородовъ. Столь поздніе холода москвичи приписали самозванцу; они вырыли его трупъ, сожгли на Котлахъ, и смѣшавши пепелъ съ порохомъ, выстрѣлили имъ изъ пушки ²⁾). Запрещеніе хоронить утопленниковъ, удавленниковъ, чародѣевъ существовало и у другихъ славянскихъ племенъ; самоубійцы и донинѣ лишаются христіанскаго погребенія. Всякое физическое бѣдствіе (бездождіе, буря, градъ, чрезмѣрный зной или стужа) приписывается народомъ вліянію мертвецовъ, погибшихъ насильственнымъ образомъ: ихъ стихійныя души блуждаютъ въ воздушныхъ сферахъ, носятся буйными вихрями и грозой, и нарушая порядки природы, какъ-бы мстятъ людямъ за свою неестественную разлуку съ жизнью. Предубѣжденіе противъ такихъ мертвецовъ до сихъ поръ не истребилось между русскими поселянами; особенно боятся они опойцевъ. Еще недавно бывали случаи, что крестьяне во время долгихъ засухъ, по общему мірскому приговору, выкапывали изъ могилы трупъ опойцы и топили его въ ближайшемъ болотѣ или озерѣ, твердо вѣруя, что послѣ того непременно пойдетъ дождь ³⁾). Засуха нынѣшняго лѣта и опасеніе неурожая заставили крестьянъ Тихаго Хутора

¹⁾ Въ современныхъ грамотахъ говорится, что Отрепьевъ — еретикъ, впалъ въ чернокнижіе и оболѣстывалъ народъ бѣсовскими мечтами — Ак. Арх. Эксп., II, 28; Доп. къ Ак. Ист., I, 151. — ²⁾ Ист. Росс. Солов., VIII, 154. — ³⁾ Иличъ, 312; Духъ Христіанства 1861—2, XII, 271; С. Петерб. Вѣдом. 1865, 47, 129.

(въ тарашавскомъ уѣздѣ) прибѣгнуть къ слѣдующему средству: они разрыли могилу скончавшагося въ декабрѣ прошлаго года и похороненнаго на сельскомъ кладбищѣ раскольника, приподняли его изъ гроба, и между тѣмъ, какъ одинъ изъ нихъ билъ мертвеца по черепу, приговаривая: «давай дождя!» — другіе лили на усоншаго воду сквозь рѣшето; затѣмъ снова уложили его въ гробъ и закопали на прежнемъ мѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, съ цѣлію вызвать дождь, въ могилу заподозрѣннаго мертвеца лили воду цѣлыми бочками ¹⁾. Эти представленія о вампирахъ, сосущихъ кровь, т. е. скрадывающихъ дожди и насылающихъ неурожай заставляли фантазію сроднить ихъ съ богиней смерти, во первыхъ — потому, что вслѣдъ за неурожаями начинаются повальные болѣзни, а во вторыхъ — потому, что самая Смерть, падая на людей и животныхъ, высасываетъ изъ нихъ кровь и оставляетъ одни холодные и безжизненные трупы (см. стр. 43). Обитатели загробнаго царства, вампиры являлись слугами и помощниками Смерти, и каждая отшедшая изъ сего міра душа разсматривалась, какъ-бы увлеченная ими въ свое сообщество. Поселяне наши убѣждены, что Коровья Смерть (чума рогатаго скота) есть оборотень, который принимаетъ на себя образъ черной коровы, гуляетъ вмѣстѣ съ деревенскими стадами и напускаетъ на нихъ порчу. Всюду въ славянскихъ земляхъ гибельное дѣйствіе моровой язвы объясняется злобою вампировъ, и не только преданія, но и положительныя свидѣтельства памятниковъ утверждаютъ, что для отвращенія повальной смертности народъ прибѣгалъ къ разрытію могилъ, извлеченію труповъ и различнымъ надъ ними истязаніямъ. Такъ какъ отъ зачумленнаго покойника прежде всего заражаются тѣ, посреди которыхъ онъ скончался, то отсюда возникло повѣрье, что вампиры сначала умерщвляютъ своихъ роди-

¹⁾ Рус. Вѣдомости 1868, 139; Москва 1867, 98.

Саратовская судебная палата въ гор. Самарѣ разбирала новое уголовное дѣло, возникшее на почвѣ народнаго невѣжества и суевѣрія. Пять лѣтъ тому назадъ возлѣ дер. Новоматюшкиной, Николаевского уѣзда, въ омутѣ рѣки Узени найденъ былъ трупъ женщины, очевидно утопленной, такъ-какъ къ ногамъ трупъ привязаны были тяжелые камни. По другимъ признакамъ замѣтно было, что женщина утоплена не живою, а послѣ смерти и погребеніа. Недалекѣ нашли и клочекъ разрѣшительной молитвы, которую обыкновенно кладутъ во гробы умершихъ. По рассказамъ указаніямъ народной молвы, слѣдствіе заподозрило, что утопленная—крестьянка Арина Новикова, незадолго предъ тѣмъ умершая. По повѣркѣ оказалось, что могила ея на кладбищѣ дѣйствительно разрыта и трупа въ ней нѣтъ. Допрошенные лица объяснили, что въ средѣ мѣстныхъ крестьянъ, преимущественно мордвы, существуетъ повѣрье, по которому народныя бѣдствія ниспосылаются между прочимъ, за погребеніе на кладбищѣ какъ-либо нечестивыхъ людей. Годъ былъ голодный, засуха свирѣпствовала, и вотъ крестьяне пришли къ мысли, что надо опредѣлить, какой именно нечестивецъ былъ у нихъ погребенъ и слѣдовательно чей трупъ надо вырыть и утопить въ рѣкѣ. Староматюшкинцы долго совѣщались съ новоматюшкинцами и въ результатѣ рѣшили вырыть изъ могилы Арину Новикову, которая слыла въ народѣ колдуньей умѣющею «напущать» недуги и страхи; кромѣ того, слухи ходили будто умерла она «не своею смертью», а отравилась. Долго шли колебанія, нѣмѣ не рѣшались, ихъ подбодряли водкою, и наконецъ собралось на кладбищѣ человекъ пятьдесятъ, которые и исполнили свой замыселъ. Въ числѣ исполнителей были двое сельскихъ старостъ, сотскій, десятскій и сборщикъ податей, т.-е. все сельское начальство. Дальнѣйшее слѣдствіе подтвердило эти свѣдѣнія, и къ отвѣтственности привлечены были девять человекъ, въ томъ числѣ упомянутыя должностныя лица. Они не отрицали обстоятельствъ преступленія, только нѣкоторые отвергали свое личное участіе въ исполненіи. Священникъ показалъ, что въ его приходѣ царитъ такая непроглядная тьма невѣжества, которая даетъ полный прѣсторъ всякимъ суевѣріямъ, вѣрѣ въ колдуновъ, въ таинственные средства отвращенія бѣдствій и т. под. Такія суевѣрія не поддаются дѣйствию словомъ и всѣ усилія разсвѣтать ихъ были бесплодны.

...оменовъ, т.-е. предоставить каждому свободу вход
артели собственно по соображеніямъ выгодности артельного
ства, но не въ видѣ средства къ полученію ссудъ, которыя
ыдаваться и помимо артелей.

— До какой степени затрудняются нѣкоторые земства въ
леніи текущихъ расходовъ, показываетъ примѣръ казанскаго
аго земства. Оно давно уже перебывается частными займами
олжало оно нѣкой г-жѣ Романовской 10 тысячъ рублей,
ысячи обществу взаимнаго кредита. Пришлось срокъ плати
ить нечѣмъ, а кредиторы отсрочивать не желаютъ. На
права нашла доктора Годнева, который согласился дать
а 6%, но этого недостаточно. Въ результатъ рѣшено
стальныя пять тысячъ изъ текущихъ земскихъ ресурсе
рисканія» лица, которое согласится ссудить эти деньги не
% . Выходитъ, что общественное учрежденіе покрываетъ
аймы другими, разыскивая новыхъ кредиторовъ, словно
ійся частный человѣкъ, и остается въ полной зависимо
лучайныхъ кредиторовъ, которые могутъ найтись и не
если не найдутся—что дѣлать? Давно-бы пора упорядоч
торону земской жизни.

— Саратовская городская дума, по поводу обложенія
кимъ земствомъ городскихъ недвижимостей, жаловалась въ
ое губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе, но по
ставило эту жалобу безъ послѣдствій. Теперь дума рѣшил
ести дѣло въ сенатъ, отъ котораго уже будетъ зависеть
оноцъ саратовской общественной распрѣ.

Экономическія вѣсти.

Железная дорога къ Дербенду.—Пересмотръ тарифа на провозъ
Новыя залежи минеральныхъ богатствъ.

Разрѣшена постройка новой желѣзной дороги отъ г. Пестря
зъ Каспійскомъ морѣ до Дербенда. Неважная сама по себ
гбеть значеніе какъ первый шагъ рельсового пути по нап
ю къ Баку, который могъ-бы связать, наконецъ, нашу ви
юю желѣзнодорожную сѣть съ закавказскою дорогою и от
кинской нефти прямой путь внутрь Россіи, безъ перегруза

ней, а потомъ уже сосѣдей и другихъ обывателей. На Русь главнѣйшимъ средствомъ противъ смертоносной силы упырей считается заострённый осиновый колъ, который биваютъ въ грудь или въ спину мертвеца, между лопатокъ, а иногда въ могильную насыпь ¹⁾). Въ кievской губ. рассказываютъ, что въ могилахъ колдуновъ и вѣдьмъ всегда есть отверстіе, въ которое вылѣзаютъ они ночью въ видѣ мышей и ящерицъ; отверстіе это совѣтуютъ затыкать осиновымъ коломъ, а самые гроба, въ которыхъ покоятся ихъ трупы, заколачиваютъ осиновыми гвоздями. Если и затѣмъ мертвецъ продолжаетъ тревожить населеніе, то необходимо предать его сожженію. «Привезли (говоритъ сказка) осиновые дрова на кладбище, свалили въ кучу, вытащили колдуна изъ могилы, положили на костеръ и зажгли; а кругомъ народъ обступилъ — всѣ съ метлами, лопатами, кочергами. Костеръ облился пламенемъ, началъ и колдунъ горѣть; утроба его лопнула, и полѣзли оттуда змѣи, черви и разные гады, и полетѣли оттуда вороны, сороки и галки; мужики бьютъ ихъ да въ огонь бросаютъ», чтобы и въ червякѣ не могъ ускользнуть волшебникъ отъ заслуженной имъ кары ²⁾). Вбивать осиновый колъ въ тѣло упыря должно съ размаху за одинъ разъ, и притомъ остерегаться, чтобы кровь, которая брызгнетъ изъ него въ разныя стороны, не омочила кого-нибудь изъ присутствующихъ; повторенный ударъ оживляетъ мертвеца и сообщаетъ ему способность превращеній. Тотъ-же совѣтъ не ударять дважды дается и сказочнымъ героямъ, вступающимъ на борьбу съ Вихремъ, бабой-ягою, великанами и змѣями. Отъ огненного змѣя можно отдѣлаться, поразивъ его, во время сна, единымъ богатырскимъ ударомъ; если же

¹⁾ Абев., 74; Терещ., VI, 101; Москв. 1844, XII, 40. — ²⁾ Киевлянинъ 1865, 52, 71; Н. Р. Сл., V, 30, b, d; Тамбов. Г. В. 1857, 4.

ударить его въ другой разъ — то змѣи немедленно оживаетъ (см. II, 419 ¹⁾). Сверхъ того, упырямъ подрѣзываютъ пятки, связываютъ лыками руки, а на грудь кладутъ основные кресты ²⁾. Тѣже средства употребляются противъ вампировъ и прочими славянами. По свидѣтельству Караджича: «какъ почну људи много умирати по селу, онда (сербы) почну говорити да је вукодлак у гробљу, в стану погаћати ко се повампирно. Кашто узму врана ждријепца без бильеге, па га одведу на гробље и преводе преко гробова, у којима се боје да није вукодлак: јер кажу да такови ждријебац не ће, нити смије пријећи преко вукодлака. Ако се о ком увјере и догоди се да га ископавају, онда се скупе сви селаци с глоговијем ко љем, па раскопају гроб, и ако у њему ваћу човјека да се није распао, а они га избуду онијем ко љем, па га баце на ватру те изгори» ³⁾. «Кад умре човјек, за којег се мисли да је једогоња, ударе му глогово тръе под нокте и ножем испресијецају жиле испод ко љена, да не би могао излазити из гроба, као вам-

---

¹⁾ Н. Р. Ск., I, 14; VII, 9; VIII, 6 и стр. 402—3; Могилев. Г. В. 1851, 19. — ²⁾ Часописъ чешск. муз., 1840, III, ст. Вагилевича, 236. — ³⁾ Срп. рјечник, 79; см. также Путешествіе въ Черногорію А. Попова, 221; Иличъ, 294; Вѣст. Евр. 1829, XXIV, 254—5. Переводъ: Когда начнетъ на селѣ умирати много людей, то стануть говорить, будто на кладбищѣ есть вукодлакъ, и пріймутся гадать, кто это повампирился? Для этого берутъ воронаго жеребца безъ отиѣтнѣ, ведутъ на кладбище и переводятъ черезъ тѣ могилы, въ которыхъ можно опасаться присутствія вукодлака. Говорятъ, что такой жеребецъ не захочетъ и не посмѣетъ переступить черезъ вукодлака. Когда убѣдятся въ вампирствѣ покойника и вздумаютъ выкопать его, то всѣ поселане собираются вмѣстѣ, разрываютъ могилу, и если найдутъ въ ней неистлѣвшій трупъ — прободаютъ его глоговымъ коломъ (глог — *weissdorn*, *crataegus* Linn., боярышникъ), а потомъ бросаютъ въ огонь и предають сожженію.

пир» ¹⁾. Болгары, какъ скоро заподозрять усопшаго вампиромъ, немедленно готовятъ заострённые терновые или глоговые колья, идутъ съ ними на кладбище, разрываютъ могилу, и скипавши нѣсколько ведеръ винограднаго вина, пробиваютъ мертвеца кольями и обливаютъ его кипящимъ виномъ, думая, что такимъ образомъ они истребляютъ вселившагося въ трупъ злаго демона ²⁾. Въ Червонной Руси, во время засухъ и холеры, жгли упырей и вѣдьмъ на терновомъ огнѣ ³⁾. Маннгардтъ собралъ много интересныхъ указаній на подобныя расправы съ мертвецами, засвидѣствованныя памятниками различныхъ народовъ. Въ одной чешской деревнѣ въ 1337 году умеръ пастухъ и сталъ являться вампиромъ; когда его откопали и вонзили ему колъ въ тѣло, то изъ него брызнула кровь, а самъ онъ промолвилъ: «съ этою палкою мнѣ еще лучше будетъ отъ собакъ отбиваться!» После того онъ былъ преданъ сожженію, и сгорая, ревѣлъ какъ быкъ или оселъ. Въ 1345 году скончалась женщина, ославленная промежъ чеховъ вѣдьмою и была погребена на перекресткѣ; выходя изъ могилы, она оборачивалась звѣремъ и пожирала попадавшіеся ей жертвы. Дубовый колъ, которымъ ее пронзили, она извлекла вонъ и стала еще больше умерщвлять народу, чѣмъ прежде. Напуганные жители сожгли ея трупъ, а оставшіеся пепель зарыли въ могилу; замѣчательно, что на мѣстѣ, гдѣ совершилась эта посмертная казнь, нѣсколько дней сряду кружился сильный вихрь. Въ 1567 году въ Tgutnau (въ Богеміи) отрубилъ вампиру голову. Нѣсколько позже (въ 1572 г.), когда появилась въ Польшѣ чу-

¹⁾ Срп. рјечник, 251; Вѣст. Евр. 1823, XXIII—IV, 200. Переводъ: Когда умретъ человекъ, о которомъ думаютъ, что онъ — вѣдогоня, то забиваютъ ему подъ ногти глоговые иглы и подрывають ножемъ жилы подъ когтями, чтобы онъ не могъ выходить изъ гроба, какъ вампиръ. — ²⁾ Ж. М. Н. П. 1846, XII, 207. — ³⁾ Пантеонъ 1855, V, 48.

ма, обвиненіе въ этомъ бѣдствіи пало на умершую бабу, которую народъ признавалъ за вѣдьму. Въ могилѣ она поконилась совершенно-голая, потому что пожрала всѣ свои одежды; рѣшено было отрубить ей голову могильнымъ заступомъ и потомъ снова закопать въ землю; когда это сдѣлали — чума тотчасъ-же прекратила свой губительный набѣгъ. Венды считаютъ необходимымъ ударить вампира заступомъ по затылку и увѣряютъ, будто при этомъ ударѣ онъ визжитъ, какъ поросенокъ. Въ 1672 году, недалеко отъ Лайбаха, умеръ человекъ по прозванью Giuge Grando; по смерти своей онъ показывался ночью, стучался въ двери домовъ и цѣлыя семьи увлекалъ за собою на тотъ свѣтъ. Староста Miho Radetich приказалъ разрыть его могилу; колдунъ (strigou) лежалъ нетлѣнный, съ багровымъ, усмѣхающимся лицомъ и открытою пастью. Ударили его въ животъ терновымъ коломъ (hagedorn) — онъ выдернулъ колъ обратно; отрубили ему голову киркою—онъ вскрикнулъ, словно живой, а могильная яма наполнилась свѣжею кровью. По мнѣнію кашубовъ, чуму и другія повальныя болѣзни производятъ «вѣщіе»; первый, кто падаетъ жертвою холеры, вслѣдъ за которымъ начинаютъ умирать и другіе, признается вампиромъ. Разрывая могилу «вѣщаго», кашубы отсѣкаютъ ему голову желѣзнымъ заступомъ и промежь ею и туловищемъ насыпаютъ нѣсколько земли, или кладутъ отрубленную голову къ ногамъ мертвеца; иногда-же влагаютъ ему въ ротъ камень, набиваютъ ему глотку землею, поворачиваютъ трупъ лицомъ къ-низу, бросаютъ въ гробъ что-нибудь сплетенное или связанное (напр. чулокъ), обсыпаютъ могилу макомъ, и думаютъ, что пока мертвецъ не распутаетъ всѣхъ петлей и не сочтетъ всѣхъ маковыхъ зѣренъ, до тѣхъ поръ онъ не можетъ удалиться съ кладбища. Въ южной Россіи есть повѣрье,

что путь, которымъ приходитъ мертвецъ къ живымъ людямъ, должно посыпать макомъ: тогда онъ не прежде можетъ повторить свое посѣщеніе, какъ подобравши всё до единого разбросанныя зёрна (сравни примѣчаніе на стр. 330). Волохи вбиваютъ въ сердце упыря деревянный колъ, вгоняютъ ему въ черепъ гвоздь, кладутъ возлѣ него лозу шиповника, иглы котораго, цѣпляясь за саванъ, должны задержать мертвеца въ могилѣ, или наконецъ сожигаютъ его. Въ Силезіи въ 1592 году разнеслась молва объ одномъ умершемъ сапожникѣ, что онъ является по ночамъ и давить сонныхъ людей — съ такою силою, что оставляетъ на ихъ тѣлѣ синія пятна; мертвеца вынули изъ могилы, отсѣкли ему голову, туловище сожгли, а голову зарыли на позорномъ мѣстѣ. Въ Гессенѣ еще въ недавнее время, какъ только наставала моровая язва, крестьяне разрывали могилы, и если находили неиставшіе трупы, то отсѣкали у нихъ головы. У скандинавовъ былъ обычай — тѣла заподозрѣнныхъ мертвецовъ сожигать на кострѣ, а пепелъ бросать въ море ¹⁾. Всѣ исчисленные нами обряды имѣютъ цѣлію воспрепятствовать вампиру выходить изъ могилы, высасывать кровь и губить населеніе. Они направлены: а) противъ ногъ, съ помощію которыхъ вампиръ посѣщаетъ людскія жилища; чтобы лишить его возможности двигаться, ему подрѣзываютъ подкожные жилы и пятки; б) противъ рукъ, которыми онъ схватываетъ и давить свою жертву: ихъ связываютъ лыками; с) противъ поѣдучей части мертвеца: ему стараются забить глотку, зажать ротъ камнемъ или землею; пока онъ не разжуетъ этого камня, не съѣстъ этой земли, до тѣхъ поръ уста его и зубы не свободны и не въ

¹⁾ Zeitsch. für D. Myth., IV, 260—282; Часопись чешск. муз. 1863, I, 13—15; Громанъ, 191; Этн. Сб., V, ст. Гильеердинга, 69—70; Шоттъ, стр. 297—8.

состояніи ни сосать, ни грызть живаго человѣка. d) Магъ, какъ снотворное зелье, долженъ усыпить могильнаго обитателя. e) Словацкая сказка повѣствуетъ о вовкулакѣ, у котораго было девять дочерей; восемь старшихъ онъ умертвилъ, а когда погнался за девятою — догадливая дѣвица сбросила съ себя платокъ и сказала: «не догнать тебѣ, пока не изорвешь этого платка въ лоскутья, пока не разщиплешь его на тонкія нити, и потомъ не выпрядешь и не соткѣшь снова!» Вовкулакъ исполнилъ эту трудную задачу и погнался за дѣвицей; съ тѣми-же словами она сбрасываетъ съ себя платье, оплечье, кофту, рубашку, и голая спасается отъ страшной смерти ¹⁾. Согласно съ стариннымъ уподобленіемъ облаковъ прядеву, тканямъ и одеждамъ, вампиръ только тогда и можетъ упиваться кровью (=дождевою влагою), когда прядетъ туманы, тклетъ облачныя покровы или разрываетъ ихъ въ бурной грозѣ. Это мнѣическое представленіе, вмѣстѣ съ вѣрою въ предохранительную силу наузы (узла, петли), привело къ убѣжденію, что пока вампиръ или вообще нечистый духъ не распутаетъ всѣхъ узловъ и петель—онъ связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ и не можетъ повредить человѣку. f) Вѣрнѣйшимъ же средствомъ противъ блуждающихъ мертвецовъ признается совершенное уничтоженіе ихъ труповъ. По древнему воззрѣнію, душа усопшаго только тогда дѣлается вполне-свободною, когда оставленное ею тѣло разсыпается прахомъ, и наоборотъ пока оно не истлѣетъ, между нимъ и душою не перестаетъ существовать таинственная связь. Замѣчая, что нѣкоторые трупы долгое время остаются нетлѣнными, что у покойниковъ даже остаются волосы и ногти, предки наши видѣли въ этомъ несомнѣнные признаки продолжающейся жизни, и вѣрили, что душа невдвугъ покидаетъ брѣнную оболочку, что и по смерти она

¹⁾ Zeitsch. für D. M., IV, 224—8.

сохраняетъ къ своему тѣлу прежнюю привязанность, прилетаетъ къ нему въ могилу, входитъ въ него, какъ въ знакомое ей обиталище, и такимъ образомъ временно оживляетъ мертвеца и подымаетъ его изъ гроба. Чтобы порвать эту посмертную связь души съ тѣломъ, чтобы окончательно удалить ее изъ здѣшняго міра, необходимо было предать трупъ сожженію. Только въ пламени погребальнаго костра отрѣзалась она отъ всего матеріальнаго, влекущаго долу, очищалась отъ земнаго праха и содѣянныхъ грѣховъ, сопричиталась къ стихійнымъ духамъ и вмѣстѣ съ ними восходила въ свѣтлое царство боговъ. У всѣхъ индоевропейскихъ народовъ существовало глубоко-вкорененное убѣжденіе, что пока надъ тѣломъ усопшаго не будетъ совершенъ погребальный обрядъ — пока оно не будетъ разрушено огнемъ, до тѣхъ поръ душа его не обрѣтаетъ покоя, томится, мучится, и блуждая въ семь мірѣ, мститъ за себя своимъ безпечнымъ родичамъ и землякамъ неурожаемъ, голодомъ и болѣзнями (см. стр. 249). Въ наше время думаютъ, что такая страдальческая участь по смерти ожидаетъ всѣхъ лишенныхъ христіанскаго погребенія. Въ силу этихъ вѣрованій сожженіе вампировъ первоначально было не столько казнью, направленною противъ злыхъ демоновъ, сколько благочестивою заботою объ успокоеніи душъ, очищеніи ихъ огнемъ и водвореніи въ райскихъ обителяхъ. Вся обрядовая обстановка такого сожженія служитъ знаменіемъ небесной грозы, въ бурномъ полетѣ которой (по мнѣнію нашихъ праотцевъ) возносились на тотъ свѣтъ легкія тѣни усопшихъ. Основной или дубовый колъ, вбиваемый въ грудь мертвеца, — символъ громовой палицы; въ погребальномъ обрядѣ ему соответствуетъ молотъ Индры или Тора, которымъ издревле освящали покойника и приуготовленный для него костеръ. Тоже значеніе соединялось и съ колючей лозою терна, боярышника или шиповника; сербы называютъ терновый кустъ: вук одржица (дер-

жащій волка—вовкулака ¹⁾). Острый гвоздь и могильный заступь суть позднѣйшія замѣны этихъ древнѣйшихъ символовъ. Огонь, на которомъ сожигаютъ вампировъ, стараются добывать изъ дерева посредствомъ тренія, такъ какъ именно этотъ огонь и признавался равносильнымъ «живому» пламени грозы ²⁾; въ другихъ же мѣстностяхъ ихъ сожигаютъ на терновомъ кострѣ. Пепель, остающійся послѣ сожженія вампира, бросаютъ въ воду; самый трупъ его окачиваютъ вскипяченнымъ виномъ или обливаютъ сквозь рѣшето водою, что си мволически означаетъ омовеніе усопшаго въ дождевомъ ливнѣ, погруженіе его души въ небесный потокъ, переплывая который можно достигнуть царства блаженныхъ (вино—метафора дождя; о ииеническомъ значеніи рѣшета или сита см. I, 571). Въ народной памяти уцѣлѣли суевѣрныя представленія, что пронзѣнный коломъ и пожигаемый пламенемъ вампиръ реветъ, какъ раненый звѣрь (=завыванье грозовой бури) и истекаетъ кровью (=дождемъ); изъ его тѣла выползаютъ гады (=змиѣ-молніи), а вокругъ пылающаго костра поднимаются вихри.

Какъ производители неурожаевъ, голода и повальныхъ болѣзней, упыри и вѣдьмы отождествлялись съ поѣдучею Смертію, и наравнѣ съ этою злобною богинею и другими демоническими существами (великанами, змѣями и чертами) являются въ народныхъ сказаніяхъ пожирающими человеческое

¹⁾ Književnik, годъ 3, III—IV, 450; Срп. рјечник, 79. — ²⁾ Часопись чешск. муз. 1840, III, ст. Вагилевича, 236—7. Такъ какъ вампиры умерщвляютъ людей чрезъ высасываніе изъ нихъ крови, то наоборотъ: умерщвленные вампирами тотчасъ-же оживаютъ, какъ скоро будетъ возвращена имъ высосанная кровь (Н. Р. Сл., V, 30, d); кто заботится въслѣдствіе укушенія жертвеца, тому совѣтуютъ давать хлѣбъ или питье, съ примѣсью крови, добытой изъ вампира, или тою-же кровью предлагаютъ ему натирать недужное тѣло — Zeitsch. für D. M., IV, 261; Пузин., 128.

мясо. Когда человекъ умираетъ, душа его увлекается въ общество загробныхъ духовъ, а тѣло дѣлается снѣдью червей, глѣбеть и разрушается; отсюда родилось убѣжденіе, что духи эти, призывая къ себѣ смертныхъ (=отымая у нихъ жизнь), питаются ихъ мясомъ. Manducus—оборотень, чудовище съ большою пастью, Я. Гриммъ производитъ отъ mandege, manducage—ѣсть, жевать; а masca (=larva, привидѣніе, оборотень, личина), итал. maschera, сближаетъ съ словами mascher, mascher и masticage (значеніе тоже, что и глагола «mandege»). Вѣдьмамъ нерѣдко давались названія larve, maske, и начиная съ индусовъ, у всѣхъ племенъ арійскаго происхожденія онѣ представляются жадными на человѣческое мясо ¹⁾. На Украинѣ увѣряютъ, будто упыри гоняются по ночамъ за путниками съ громкимъ возгласомъ: «ой, мяса хочу, ой, мяса хочу!» ²⁾ По свидѣтельству народныхъ преданій, колдуны являются по смерти въ ночное время, бродятъ по деревнѣ, морятъ и поѣдаютъ живыхъ людей ³⁾. Въ одной сказкѣ ⁴⁾ повѣствуется о мертвецѣ, который пришелъ на свадьбу, увертилъ жениха и невесту, пожралъ всѣ приготовленныя яства, виѣтъ съ посудомъ, ложками и ножами; а затѣмъ закричалъ: «ѣсть хочу! голоденъ!» и бросился было на солдата, но тотъ отдѣлался отъ него, благодаря осиновою полѣтну и раздававшемуся крику пѣтуха. Выше (стр. 271—3) мы привели любопытное преданіе о человекѣ, ищущемъ безсмертія; оно извѣстно въ двухъ вариантахъ, и та роль, которую въ одномъ вариантѣ исполняетъ Смерть, въ другомъ приписывается вѣдьмѣ: эта послѣдняя пожираетъ людей и точитъ на нихъ свои страшные зубы. И славяне, и вѣнцы надѣляютъ вѣдьмъ огромными зубами ⁵⁾. По народнымъ рассказамъ, когда

¹⁾ D. Myth., 1036. — ²⁾ Lud Ukrain., II, 56—57. — ³⁾ Н. Р. Сл., VI, 65, а, е, 66; сб. Валявца, 237—9; Slov. pohad., 29. — ⁴⁾ Н. Р. Сл., V, 30, е. — ⁵⁾ D. Myth., 247.

умираетъ вѣдьма или «заклятая» царевна (=та, которую овладѣлъ нечистый духъ), тѣло усопшей заключаютъ въ гробъ, окованный желѣзными обручами, выносятъ въ церковь и заставляютъ кого-нибудь «отчитывать» ее ¹⁾; ночью, ровно въ двѣнадцать часовъ, вдругъ подымается сильный вихрь, желѣзные обручи лопаются съ оглушительнымъ трескомъ, гробовая крышка спадаетъ долой—и вслѣдъ затѣмъ вѣдьма или заклятая царевна встаетъ изъ гроба, летитъ по воздуху, бросается на испуганнаго чтеца и пожираетъ его—такъ, что къ утру остаются отъ него однѣ голыя кости ²⁾. Только тотъ можетъ избѣгнуть опасности, кто очертится круговою чертою и станетъ держать передъ собою молотъ, это священное орудіе бога-громовника. Рассказываютъ еще, что нѣкогда, въ старые годы, умеръ отчаянный безбожникъ; тѣло его вынесли въ церковь и приказали дьячку читать надъ нимъ псалтырь. Тотъ догадался захватить съ собой пѣтуха. Въ полночь, когда мертвецъ всталъ изъ гроба, разинулъ пасть и устремился на свою жертву, дьячокъ стиснулъ пѣтуха; пѣтухъ издалъ обычный крикъ—и въ ту же минуту мертвецъ повалился навзничь оцѣпенѣлымъ и неподвижнымъ трупомъ (харьков. губ.). Какъ глубоко запала въ нашихъ предковъ суевѣрная боязнь мертвецовъ, лучше всего свидѣтельствуетъ любопытное посланіе царя Алексѣя Михайловича къ знаменитому Никону о кончинѣ патріарха Іосифа ³⁾. [Вечеру, пишетъ царь, пошелъ я въ соборную церковь проститься съ покойникомъ, «а надъ нимъ одинъ священникъ говоритъ псалтырь, и тотъ.... во всю голову кри-

¹⁾ Отчитыванье, т. е. чтеніе въ службѣ священнаго писанія надъ „заклятыми“ и усопшими, считается въ рязанскихъ средствею для избавленія ихъ отъ демонской власти. — ²⁾ Н. Р. Ск., VII, 35, 36, b, c; Н. Р. Лег., стр. 143—5; Пермск. Сб., II, 173—4; Худяк., 11; Штиръ, 10; Вольфъ, 258—262 («Die Leichenfresserin»). — ³⁾ Ав. Арх. Эксп., IV, 57.

«читъ, а двери всѣ отворилъ; и я почалъ ему говорить: для чего ты не по подобію говоришь? «Прости де, государь, страхъ нашелъ великой, а во утробѣ де, государь, у него святителя безмѣрно шумѣло... Часы де въ отдачу вдругъ взнесло животь у него государя (усопшаго патріарха) и лицо въ тужь пору почало пухнуть: то-то де меня и страхъ взялъ! я де чаялъ—ожилъ, для того де я и двери отворилъ, хотѣлъ бѣжать». И меня прости, владыко святыи! отъ его рѣчей страхъ такой нашелъ, едва съ ногъ не свалился; а се и при мнѣ грыжа-то ходитъ прытко добрѣ въ животѣ, какъ есть у живого, да и мнѣ приде помышленіе такое отъ врага: побѣги де ты вонъ, тотчасъ де тебя вскоча удавить... да поостоялся, такъ мнѣ полегчѣло отъ страху».

Такъ какъ души представлялись малютками—эльфами, марами, то отсюда родилось повѣрье, что упыри и вѣдьмы крадутъ и поѣдаютъ младенцевъ, т. е. по первоначальному смыслу: исторгаютъ у людей души, уничтожаютъ ихъ жизненные силы. Стриги и ламіи классическихъ народовъ и вѣдьмы хетевъ, являясь въ дома, похищаютъ изъ колыбелей младенцевъ, терзаютъ ихъ и жарятъ на огнѣ; на своихъ несчастивыхъ сборищахъ вѣдьмы убиваютъ дѣтей, добытую изъ нихъ кровь смѣшиваютъ съ мукою и пепломъ, а жиръ употребляютъ на изготовленіе волшебной мази ¹⁾. Памятники XV—XVII столѣтій сохранили намъ свидетельства о тѣхъ несчастныхъ жертвахъ народнаго суевѣрія, которыхъ обвиняли, будто они превращаются въ волковъ, пьютъ младенческую кровь, пожираютъ дѣтей, и вслѣдствіе этихъ обвиненій подвергали суду и предавали сожженію. По словамъ барона Гакстгаузена ²⁾, въ Арменіи рассказываютъ, что когда волчій оборотень приблизится къ людскому жилищу—окна и двери сами

¹⁾ D. Myth., 1012, 1018, 1027, 1035. — ²⁾ Закавказ. край, II, 61.

собой отворяются, вовкулакъ входитъ внутрь дома, бросается на дѣтей и утоляетъ свой голодъ ихъ кровью и мясомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи поселяне убѣждены, что вѣщицы выкрадываютъ изъ утробы спящей матери ребенка, разводятъ на шесткѣ огонь, жарятъ и сѣдаютъ его, а взаменъ похищеннаго дитяти кладутъ ей въ утробу голякъ, головню или краюшку хлѣба: повѣрье, напоминающее вышеприведенные рассказы о похищеніи вѣдьмою сердца, на мѣсто котораго она влагаетъ обрубокъ дерева или связку соломы. Поэтому беременныя женщины, въ отсутствіе мужей своихъ, не иначе ложатся спать, какъ надѣвая на себя что-нибудь изъ мужниной одежды, или по крайней мѣрѣ опоясываясь мужнинымъ поясомъ; эта одежда служитъ знаменіемъ, что онѣ продолжаютъ состоять подъ покровомъ (=защитою) главы семейства, а поясъ преграждаетъ (=завязываетъ) къ нимъ доступъ злой чародѣйкѣ ¹⁾. Въ народныхъ сказкахъ вѣдьмы уносятъ тайкомъ или заманиваютъ къ себѣ маленькихъ дѣтей, жарятъ ихъ въ печи, и пресытившись этою яствою, катаются по землѣ и причитываютъ: «покачуся, повалюся, Ивашкина мяса наѣвшись!» ²⁾ Бѣлоруссы увѣряютъ, что Смерть передаетъ усопшихъ бабѣ-ягѣ, вмѣстѣ съ которою разъѣзжаетъ она по бѣлому свѣту, и что баба-яга и подвластныя ей вѣдьмы питаются душами покойниковъ, и отъ того дѣлаются столь-же легкими, какъ самыя души ³⁾: преданіе въ высшей степени знаменательное! Раз-

¹⁾ Этн. Сб., VI, 147—8; Совр. 1856, XII, 196; Lud Polski Gołębiowskiego, 155. — ²⁾ Въ образъ альфа (какъ указано выше) представленіе души сочеталось съ представленіемъ грозоваго генія, и потому сказка о вѣдьмѣ и хитромъ мальчикѣ, котораго она хочетъ пожрать, живописуетъ: во 1-хъ, черную тучу, поглощающую молніи (Поэт. Воз., II, 481), и во 2-хъ, Смерть (Моровую дѣву), похитительницу душъ человѣческихъ. — ³⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 19—20, 110.

сказываютъ также, что баба-яга крадетъ дѣтей, подымаетъ ихъ на воздухъ и бросаетъ оттуда мертвыми на кровлю дома ¹⁾. У валаховъ, когда въ семьѣ народится младенецъ, одинъ изъ присутствующихъ при этомъ перекидываетъ черезъ себя камень; а прочіе восклицаютъ: «вотъ тебѣ, стрига, въ глотку!» ²⁾ Во Франціи существуетъ повѣрье, что въ глухую полночь вѣдьмы собираются возлѣ источниковъ и занимаются стиркою, но вмѣсто бѣлья—моютъ, крутятъ и бьютъ вальками младенческіе трупы (сравни выше стр. 363 ³⁾).

Бабѣ-ягѣ принадлежитъ весьма важная и многознаменательная роль въ народномъ эпосѣ и преданіяхъ славянскаго племени. Въ разныхъ отдѣлахъ настоящаго сочиненія мы не разъ останавливались на этихъ преданіяхъ, и объясняя ихъ первоначальный смыслъ, указывали на сродство бабы-яги съ вѣщими облачными жеванами. Она живетъ у дремучаго лѣса въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ, которая поворачивается къ лѣсу задомъ, а къ пришельцу передомъ; летаетъ по воздуху и ѣздитъ на шабашахъ вѣдьмъ въ желѣзной ступѣ, погоняя толкачемъ или клюкою и заметая слѣдъ помеломъ. Бѣлоруссы утверждаютъ, что баба-яга ѣздитъ по поднебесью въ огненной ступѣ и погоняетъ огненною метлою, что во время ея поѣзда воютъ вѣтры, стонетъ земля, трещать и гнутся вѣковыя деревья. Какъ эта ступа, такъ и подвижная избушка (= домашній очагъ)—метафоры грозовой тучи, а толкачъ или клюка—Перунова палица (I, 291; II, 530-1). Сверхъ того, баба-яга обладаетъ волшебными, огнедышщими конями, сапогами-скороходами, ковромъ-самолетомъ, гуслими-самогудами и ме-

---

¹⁾ Ганушъ: Дядь и Баба, 61 — ²⁾ Шоттъ, 297. По греческому сказанію, новорожденный Зевсъ обязанъ своимъ спасеніемъ камню, который дали проглотить Кроносу. — ³⁾ Совр. 1852, I, ст. Жоржъ-Занда, 78.

чемь-самосѣкомъ ¹⁾, т. е. въ ея власти состоятъ и быстро-
лѣтныя облака, и бурныя напѣвы грозы, и разящая молнія.
Преслѣдуя сказочныхъ героевъ, убѣгающихъ отъ ея злобы и
мщенія, она гонится за ними черною тучею ²⁾. У чеховъ и
дониѣт дождевыя облака называются бабами (см. выше стр.
120). Что же касается слова яга (ега, пол. jędza, jądza,
jędži-baba, словац. jenzī, jenzī, jęži-baba, чеш. jezinka,
галиц. язя), то оно соответствуетъ снкр.-му ahi—змѣѣ (ко-
рень ah и съ носовымъ пазвукомъ aŋh—II, 512 ³⁾). Тамъ,
гдѣ въ славянскихъ сказкахъ дѣйствующимъ лицомъ является
баба-яга, параллельныя мѣста новогреческихъ и албанскихъ
сказокъ выставляють ламію и дракониду ⁴⁾: лат. lamia—
колдунья, вѣдьма, и болг. ламья, ламя—баснословная змѣя.
Скажемъ болѣе: у самыхъ славянъ баба-яга и миѣтическая змѣи-
ха выступаютъ въ преданіяхъ, какъ личности тождественныя;
что въ одномъ вариантѣ приписывается змѣѣ, то нерѣдко въ дру-
гомъ исполняется ягою, и наоборотъ; на Украинѣ поѣдучію вѣдь-
му обыкновенно называютъ змѣею ⁵⁾. Замѣчательно, что тѣже
эпическія выраженія, какими обрисовывается избушка бабы-яги,
прилагаются и къ змѣиному дворцу. Словацкая сказка изобра-

¹⁾ Терещ., VII, 162; Иллюстр. 1845, 298: Ч. О. И. и Д., годъ
3, III, ст. Макаров., 106; Пов. и пред., 185; Абев., 324—5; Рус.
Преданія, I, 60—63; II, 17—25; Н. Р. Св., I, 3, а; IV, 44; VII,
30; VIII, 8; Глянск., II, 23. — ²⁾ Škultety a Dobšinsky: Slov
povesti, I, 45; Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 270. — ³⁾ Звукъ h, со-
храненный въ русскомъ, въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ смяг-
чается въ *hd*—*zd* (пол. dz), *ж* и *з*. Чешск. jedu-baba, по мнѣнію
г. Лавровскаго (Ч. О. И. и Д. 1866, II, 24—25), образовалась
позднѣе изъ „яждати, вздѣти, ѣдѣ“. Согласно съ сварливымъ, не-
угомоннымъ характеромъ бабы-яги, областныя русск. ягаты, яжить
стали употребляться въ значеніи: кричать, шумѣть („что ты яжишь,
каль яга-баба?“) яганъ—буянь, грубіанъ—Обл. Сл., 273; Доп. обл.
сл., 313. — ⁴⁾ Ганъ, I, стр. 40; II, 178—182, и Н. Р. Св., VII, 30.
— ⁵⁾ Худяк., 46; Н. Р. Св., I-II, стр. 36; VI, стр. 283.

жасть сыновей ежи-бабы лютыми змѣями ¹⁾. Очевидно, что подь этимъ именемъ, смыслъ котораго давнымъ-давно утраченъ народною памятю, предки наши разумѣли мать змѣя-Вритры, демона, похищающаго дожди и солнечный свѣтъ (сравни II, 534; III, 14). Подобно змѣю, баба-яга любитъ сосать бѣлыя груди красавиць, т. е. извлекать молоко (= дождь) изъ грудей облачныхъ нимфъ; подобно змѣю, она ревниво сторожитъ источники живої воды и заботливо прячетъ въ своихъ кладовыхъ мѣдь, серебро и золото, т. е. сокровища солнечныхъ лучей ²⁾. Такъ, по свидѣтельству одной сказки, жили-были два богатыря, взяли къ себѣ названную сестру, и повадилась къ ней ходить и сосать груди баба-яга ³⁾. Богатыри заприимъ-тили, что сестра ихъ стала хирѣть и сохнуть; подстерегли ягу, наловили и заставили указать себѣ источникъ съ живою водою. Приводитъ ихъ яга въ лѣсную трущобу, указываетъ на колодець и говоритъ: «вотъ цѣлющая и живущая вода!» Тогда богатырь, по имени Катомъ, сломилъ съ дерева зеленую вѣтку и бросилъ въ колодець; не успѣла вѣтка до воды долетѣть, какъ вся огнемъ вспыхнула. Разгнѣвались добрые молодцы, вздумали за такой обманъ бросить бабу-ягу въ огненный колодець (= метафора грозовой тучи); но она упростила-умолила пощадить ее и привела къ другому колодцу. Катомъ отломилъ отъ дерева сухой прутикъ и только что кинулъ въ воду — какъ онъ тотчасъ-же пустилъ ростки, зазеленѣлъ и разцвѣлъ ⁴⁾. Словаки вѣрятъ, что баба-яга можетъ по собственному произволу насылать ненастье и ясную погоду ⁵⁾. Такъ какъ наводимый

¹⁾ Slov. pohad., 338 и дал. — ²⁾ Ганушъ: Дядь и Баба, 63. —

³⁾ По другому варианту это дѣлаетъ змѣй. — ⁴⁾ Н. Р. Ск., V, 35; VIII, 23; Lud Ukrain., I, 325. Наравнѣ съ драконами (I, 586-8), вѣдуны и вѣдмы тотчасъ-же разрываютъ наложенныя на нихъ оковы и пропадаютъ изъ темницы, какъ скоро добудутъ воды и утолятъ свою жажду. — ⁵⁾ Пов. и пред., 124—5; Nag. zriewanky Колляра, I, 420—1.

тучами мракъ уподоблялся ночи, а слѣдующее за грозой проясненіе солнца напоминало утренній разсвѣтъ, то русская сказка ¹⁾ отдаетъ во власть яги трѣхъ таинственныхъ всадниковъ — бѣлаго, краснаго и чернаго, олицетворяющихъ собою день, солнце и ночь. Наконецъ подобно змѣю, баба-яга пожираетъ человѣческое мясо. Вокругъ избы, въ которой живетъ она, тянется заборъ изъ человѣческихъ костей или высокой тынь съ воткнутыми на немъ черепами; изъ тѣхъ-же костей устроены и ворота: веревки служатъ ноги, засовомъ — рука, а замкомъ — челюсть съ острыми зубами ²⁾). Баба-яга и вѣдьмы чуютъ присутствіе скрытаго человѣка, и при всякой встрѣчѣ съ странствующими героями восклицаютъ: «фу-фу! доселева русскаго духа видомъ не видано, слыхомъ не слыхано, а нынѣ русской духъ въ очью проявляется!» или: «что это русскимъ духомъ пахнетъ!» Тѣже слова произносятся при встрѣчѣ съ людьми и всѣ другія мпеческія лица, которымъ приписывается пожирание человѣческаго мяса: Чудо Морское, Вихрь, драконы, великаны, черти. Въ нѣмецкихъ сказкахъ означенныя восклицанія замѣняются выраженіемъ: «у-у-у! я чую — здѣсь пахнетъ человѣческимъ мясомъ!» На ряду съ вѣдьмами, баба-яга воруетъ дѣтей, жаритъ и поѣдаетъ ихъ; на ряду съ вѣдьмами, она питается душами усопшихъ ³⁾. Какъ олицетвореніе черной тучи, какъ существо, равносиль-

Handwritten note: "Handwritten note: 'Баба-яга' (the witch) is a figure from Russian folk tales, often depicted as an old woman with a pointed hat and a broom, who is said to kidnap children and eat their flesh. The text discusses her role in various folk tales and her connection to the sun and moon." data-bbox="0 610 150 760

¹⁾ Н. Р. Ск., IV, 44. — ²⁾ Ibidem; Маякъ, XV, смѣсь, 21—22. — ³⁾ Н. Р. Ск., I. 3. 4. 13. Пов. и пред., 181; сказ. Грим., I, стр. 180; Norweg. Volksmärch., I, 5, 24, 27; II, 6. У финновъ баба-яга соответствуетъ Сибетеръ=пожируха (Зап. Ан. Н. 1862, I, ст. Шюнера, 136); въ чувашской сказкѣ старая вѣдьма какъ только вошла въ избу, такъ и закричала: „что это человѣческимъ духомъ пахнетъ?“—Матушка, возразила ей дочь, да развѣ ты не каждый день употребляешь въ пищу человѣческое мясо; такъ какому-же запаху быть въ нашей избушкѣ! (Чуваш. разговоры и сказки, 36—37.)

ное змѣю, производителю засухъ, бесплодія и мороваго повѣтрія, баба-яга въ средѣ вѣщихъ облачныхъ женъ является съ значеніемъ третьей паркы и родится съ богинею смерти (см. выше стр. 355, и II томъ на стр. 780-3 — преданія, сближающія бабу-ягу съ литовской лаумой ¹⁾). Народная фантазія представляетъ ее злою, безобразною съ длиннымъ носомъ, растрепанными волосами, огромнаго роста старухою. Именемъ «яги» — точно также, какъ именемъ «вѣдьмы» — поселяне называютъ въ брань старыхъ, сварливыхъ и некрасивыхъ женщинъ. Слѣдуя эпическому описанію сказокъ, баба-яга, костяная нога, голова пестомъ, лежитъ въ своей избушкѣ изъ угла въ уголь, носъ въ потолокъ вросъ, груди черезъ грядку повисли. Замѣчательно, что Лихо (Недоля, злая парка) олицетворяется въ нашихъ сказаніяхъ бабой-великанкою, жадно-пожирающею людей; по выраженію южнорусскаго варианта: Лихо поконится на ложѣ изъ человѣческихъ костей, голова его лежитъ на покути, а ноги упираются въ печку (II, 698-9). Бабу-ягу называютъ на Руси: а) ярою, бурюю, дикою ²⁾, что указываетъ на связь ея съ бурными, грозвыми тучами и съ неустовой породою великановъ (I, 616; II, 618), и б) желѣзною. Малороссіяне, не позволяя дѣтямъ щипать гороха, говорятъ: «нейди въ горохъ, бо тамъ зализна баба сидить!» Тою-же угрозою останавливаютъ они ребятишекъ, чтобы не бѣгали въ лѣса и сады ³⁾. Въ пошехонскомъ уѣздѣ крестьяне съ цѣлю удерживать дѣтей отъ своевольнаго бѣганья по огородамъ и нивамъ запугиваютъ ихъ полевымъ дѣдомъ или бабой-ягою,

¹⁾ Желая навести дождь, яга выставляетъ на дворъ мертвую голову (= Морану=черную тучу—сравни II, 157). — ²⁾ Украински приказки, 70, 285: „чортъ ярой баби!“ „чортъ бурой (или дикою) баби!“ Н. Р. Сл., II (изд. 3), 34, в: яга-бура. — ³⁾ Номис., 274.

костяной ногою, съ большими грудями и сопливымъ носомъ. Въ другихъ славянскихъ земляхъ увѣряють дѣтей, что въ колосистомъ хлѣбѣ сидитъ *baſa jedza*, *žitna matka*, *ššerpašija*, ловить шалуновъ и давить ихъ своими желѣзными грудями. По мнѣнію чеховъ, житная баба является на поляхъ и нивахъ по преимуществу въ то время, когда хлѣбъ начинаетъ цвѣсти и наливаться. Сербы пугають шаловливыхъ дѣвочекъ и мальчиковъ гвоздензубою—бабою съ желѣзными зубами ¹⁾. Тѣже самыя повѣрья и эпитеты нѣмцы соединяють съ Бертою—Гольдою. Свѣтлая богиня рая, кроткая владычица эльфовъ (блаженныхъ душъ), она, въ силу присвоенныхъ ей обязанностей неумолимой Смерти, получаетъ демоническій характеръ и преобразуется въ дикую или желѣзную Берту (*wilde Bertha*, *Eisenbertha*), отличительными признаками которой считаются: страшное лице, исключенные волосы, длинный носъ, вѣникъ въ рукахъ и коровья шкура, наброшенная вмѣсто верхней одежды. Гольда (*Hulda*, *Huldra*) представляется то молодою красавицей, то сгорбленной, длинноносою и косматою старухою, съ большими зубами ²⁾. У кого вихряется волоса, о томъ принято выражаться: «*er ist mit der Holle gefahren!*» Страшая капризныхъ дѣтей, говорятъ: «*schweig! die eiserne Bertha (или: Percht mit der eisernen nas) kommt.*» Въ Альтмаркѣ и Бранденбургѣ плачущаго ребенка заставляютъ умолкать слѣдующими словами: «*halts maul! sonst kommt roggenmöhme (kornweib ³⁾ mit schwarzen langen (или: mit eisernen) zitzen und schleppt dich hinweg!*» Эта *roggenmöhme* представляется женщиной огромнаго роста; ее считаютъ матерью блуждающихъ по нивамъ волчьихъ оборот-

¹⁾ Гавушь, 160; Срп. рѣчникъ, 84; Громаниъ, 15. — ²⁾ По свидѣтельству нѣкоторыхъ сагъ, она прекрасна спереди и безобразна сзади. — ³⁾ *Möhme* = *muhme*, *mutter*.

ней (roggenwolfen). Чтобы дѣти не трогали сноповъ, ихъ пугаютъ вовкулакомъ: «der wer wolf sitzt im korn!» «der wolf ist im korne; wenn er euch frisst, müssen eure seelen von baum zu baum fliegen, bis das korn eingefahren ist.» Kornmutter имѣетъ огненные пальцы и съ горячими желѣзными сосками груди, которая заставляетъ сосать заблудившихся дѣтей; груди ея такъ длинны, что она можетъ закидывать ихъ за плечи. Когда вѣтеръ волнуется ниву — это она гоняется за малютками, и пойманныхъ толчетъ въ желѣзной маслобойнѣ или, подобно Бертѣ (I, 165), отнимаетъ у нихъ зрѣніе. Во время жатвы нѣмцы, славяне и литовцы послѣдній связанный снопок посвящаютъ «житной бабѣ»; его наряжаютъ въ женское платье, украшаютъ цвѣтами и зеленью, и торжественно, съ пѣснями, несутъ въ деревню; снопокъ этотъ называютъ бабою, когируппе, grosze shutter, die alte ¹⁾. Такимъ образомъ народныя повѣрья сближаютъ бабу-ягу съ царицею эльфовъ; истребляя родъ людской, она забираетъ къ себѣ прекрасныхъ малютокъ, т. е. эльфоподобныя души, и вмѣстѣ съ ними скрывается въ колосистыхъ нивахъ; сравни съ вышеприведенными сказаніями о мавкахъ, русалкахъ и полудницахъ (стр. 137-8, 242). Острые желѣзные зубы бабы-яги (первоначально: метафора разящихъ молній) отождествляютъ ее съ поѣдучею Смертію; длинныя желѣзныя груди, которыми она удушаетъ дѣтей, указываютъ на ея средство съ дивоженами; у послѣднихъ груди такъ велики, что онѣ упогребляютъ ихъ вмѣсто вальковъ (II, 343). Эти груди — дождевыя облака, а смертельные удары, наносимые ими, знаменуютъ громъ. Замѣчательно, что бабѣ-ягѣ приписывается обладаніе волшебнымъ пруткомъ ²⁾, которымъ стоитъ только махнуть, какъ тотчасъ-

¹⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 422; D. Myth., 247—9, 255—6; Die Götterwelt, 293—5; Roggenwolf und roggenhund, 26, 29—32; Korn-dämonen, 20; Гауша: Дядь и Баба, 9. — ²⁾ Lud Ukrain., I,

же все живое превращается въ камень: это—тотъ молние-носный жезлъ, прикосновеніемъ котораго Гермесь (=проводникъ усопшихъ въ загробное царство) погружалъ людей въ непробудный, вѣчный сонъ. Длинный сопливый носъ бабы-яги—черта нелишенная значенія и столь-же древняя, какъ и спутанныя, растрепанныя ея косы. Напомнимъ, что, по свидѣтельству сказокъ, прекрасный герой (=богъ свѣтлаго неба) на семь зимнихъ мѣсяцевъ дѣлается неопрятнымъ замарашкою (Не у мойкою): во все это время онъ не чешется, не стрижется, не моется и не сморкается, т. е. покрывается облаками и туманами, которые изстари уподоблялись косматымъ волосамъ, и не проливаетъ дождей (II, 773). Г. Потевня слово сопля производить отъ глагола сыпать, который въ малорусскомъ нарѣчій употребляется въ смыслѣ: лить; старо-слав. сачити, сакнѣти, пол. sąszuć — испускать жидкость («источникъ из-сякъ») и малорос. сякати, высыкати-ся — сморкати, высморкаться. По другому преданію, сказочный герой превращается въ соплю ваго козла; но вотъ наступаетъ пора освобожденія: онъ берется за гусли и начинаетъ (грозовую) пѣсню; наносимые ему удары (=удары грома) прекращаютъ силу чародѣйнаго заклятія, козлиная шкура спадаетъ и передается сожженію ¹⁾. Бѣлоруссы рассказываютъ, что во время жатвы ходить по нивамъ Бѣлунъ, заставляетъ встрѣчныхъ утирать себѣ носъ и за эту услугу разсыпаетъ передъ ними деньги (I, 93—94), т. е. золото солнечныхъ лучей. Тождество бабы-яги съ Бертою и Гольдою подтверждается еще тѣмъ, что всѣ онѣ равно представляются пряжами. По указанію народныхъ преданій, баба-яга прядетъ кудель, тклетъ холсты и гоняется за своими жертвами съ желѣзнымъ грѣбнемъ въ рукахъ ²⁾; сербская гвоздензуба носитъ

321—4; сб. Валявца, 120—7; Срп. припов., 29. — ¹⁾ Н. Р. Ск. VI, 50. — ²⁾ Ibid., I, 3; Глинск., I, 88; Slov. pohad., 250.

въ горшкѣ горячіе уголья, и встрѣчая нерадивыхъ пряхъ, жжетъ имъ пальцы. Выше (стр. 345, 349, 357) мы указали, что изъ понятія смерти возникла мысль о могучей судьбѣ, представительницами которой явились три мойры, норны или моровыя дѣвы. Согласно съ этимъ, сказки нерѣдко упоминаютъ о трехъ вѣщихъ сестрахъ—бабахъ-ягахъ, изображая ихъ хотя и сварливыми, но добрыми и услужливыми старухами: онѣ предвѣщаютъ страннику что ожидаетъ его впереди, помогаютъ ему мудрыми совѣтами, даютъ ему богатырскаго коня, клубокъ, указывающій дорогу въ невѣдомыя страны, коверъ-самолетъ и другія диковинки. Изъ святочныхъ игръ ¹⁾ можно заключать, что баба-яга мастерица загадывать загадки и разрѣшать ихъ таинственный смыслъ.

---

¹⁾ Терещ., VII, 162.

XXVII.

ПРОЦЕССЫ О КОЛДУНАХЪ И ВЪДЬМАХЪ.

Въ предыдущей главѣ указано нами, что обвиненія волхвовъ и женъ-чародѣекъ въ сношеніяхъ съ нечистыми духами, въ похищеніи дождей и земнаго плодородія, въ насланіи болѣзней, голода и моровой язвы возникли изъ древнѣйшихъ основъ языческаго міросозерцанія. Подобныя обвиненія всякой разъ, какъ только страну постигало общественное бѣдствіе, возбуждали противъ нихъ народную месть и вызывали суровыя казни сожженія, утопленія и зарыванія въ землю. Впослѣдствіи, когда водворилось христіанство, высшія духовныя власти рѣдко и безусловно возвышали свой голосъ противъ несправедливости и жестокости такихъ казней. Мы знаемъ только протестъ епископа Серапіона (XIII в.), который впрочемъ не отвергаетъ возможности колдовства, а осуждаетъ произволь народнои мести и требуетъ для обвиняемыхъ правильнаго суда. По необходимому закону всякаго историческаго развитія, новая религія должна была стать во враждебныя отношенія къ старымъ народнымъ вѣрованіямъ, и главнымъ образомъ противодѣйствіе свое направить на лицъ, которые были предста-

вителями и хранителями языческаго культа: умѣли гадать, предвѣщать, цѣлать недуги, обладали тайной молитвенныхъ заклинаній и священныхъ обрядовъ. Такими лицами были волхвы, кудесники, чаровницы, мужи и жены вѣщїе. Христіанская іерархїя не могла относиться къ нимъ индеферентно; по ея выраженію, это—были «бѣсовскіе сосуды», пособники сатаны, черезъ посредство которыхъ онъ разсѣваетъ въ народѣ злое сѣмя невѣрія. Съ своей стороны волхвы и кудесники также не могли оставаться равнодушными при видѣ тѣхъ успѣховъ, какіе дѣлала религія, чуждая ихъ интересамъ, недоступная ихъ пониманію, направленная противъ «старожизненныхъ» боговъ и праотческихъ завѣтовъ.

При самомъ введеніи христіанства св. Владиміромъ, дѣло не обошлось безъ борьбы. Іоакимовская лѣтопись сохранила намъ свидѣтельство о возстаніи новгородцевъ, которые, не желая измѣнять вѣру и отказываясь креститься, взяли за оружіе; по словамъ этой лѣтописи: «Богомилъ, высшїй надъ жрецы словянъ, вельми претя люду покоритися» ¹⁾. Теодоръ и Иларіонъ, первые епископы Ростова, принуждены были бѣжать отъ озлобленія тамошнихъ язычниковъ, а св. Леонтій пострадалъ отъ нихъ смертію; въ посланіи Симона о немъ сказано: «первый ростовскїй Леонтій священномученикъ... его-же невѣрнїи, много мучивше, убиша; и се третїй гражданинъ небесный бысть руськаго міра съ онѣма варягома (убитыми при в. кн. Владимірѣ), вѣнчався отъ Христа». Событіе это изслѣдователи относятъ ко времени около 1070 года. Такая-же мученическая кончина постигла и препод. Кукшу, который въ половинѣ XII в. проповѣдывалъ вятичамъ: всѣ свѣдаютъ (писалъ про него Симонъ), - како вятичи крести... и по многихъ мукахъ усѣченъ бысть съ своимъ ученикомъ Никономъ» ²⁾.

¹⁾ Рос. Ист. Татищева. I, 39. — ²⁾ Истор. рус. церкви Филарета, еписк. рижскаго, изд. 1848 г., I, 30—34.

По свѣдѣніямъ, занесеннымъ въ «Повѣсть временныхъ лѣтъ», въ XI-мъ столѣтіи волхвы громко, всенародно хулили христіанство, и пользуясь своимъ вліяніемъ на массу населенія, старались возбуждать ее къ открытому сопротивленію. Такъ въ 1071 году въ Кіевѣ явился волхвъ, который предсказывалъ, что черезъ пять лѣтъ Днѣпръ потечетъ назадъ, земля греческая станетъ на мѣстѣ русской, а русская на мѣстѣ греческой; тогда-же переставятся и прочія земли. Въ народѣ нашлись невѣгласи, которые охотно слушали волхва и вѣрили его предсказаніямъ; но «вѣрные» посмѣялись ему, говоря: «бѣсъ тобою играетъ на пагубу тобѣ»—и дѣйствительно волхвъ пропалъ въ одну ночь, безъ вѣсти. Переяславскій лѣтописецъ дополняетъ, что, по словамъ волхва, ему предстали пять боговъ и велѣли повѣдать людямъ о будущихъ измѣненіяхъ странъ, и что самъ онъ погибъ, вринутый въ ровъ («и вринуша его бѣси въ ровъ»). Также и волхвъ, явившійся въ Ростовѣ въ 1091 году, погибъ вскорѣ. Можно догадываться, что волхвы гибли не безъ участія ревностныхъ приверженцевъ христіанской стороны. На это имѣется и нѣсколько положительныхъ указаній. Посланный на Бѣлоозеро для сбора княжеской дани Янъ, вмѣстѣ съ священникомъ и двѣнадцатью вооруженныхъ отроковъ, выходилъ на волхвовъ, которыхъ не хотѣли выдать ему мѣстные жители. Волхвовъ было двое, но у нихъ были свои сторонники; эти люди ринулись на Яна, одинъ изъ нихъ уже замахнулся на него топоромъ, но по старинному выраженію—огрѣшился, не попалъ; тогда Янъ, оборотя топоръ, ударилъ своего противника тульемъ, а остальныхъ приказалъ рубить отрокамъ. Мятежная толпа не устояла и побѣжала въ лѣсъ. Въ этой схваткѣ убитъ и священникъ. Наконецъ настоянія и угрозы Яна заставили бѣлозерцевъ схватить и выдать ему волхвовъ. Начался допросъ. Волхвы требовали поставить ихъ передъ княземъ Святославомъ; «самъ ты

ничего не можешь намъ сдѣлать, говорили они Яну: такъ повѣдаютъ наши боги!» — Дгутъ ваши боги! возразилъ Янъ и велѣлъ ихъ бить и рвать за бороды; потомъ связалъ ихъ, посадилъ въ ладью и вмѣстѣ съ ними поплылъ по Шекснѣ. Остановясь на устьѣ этой рѣки, онъ спросилъ: «что вамъ повѣдаютъ боги?» — Боги повѣдаютъ, отвѣчали волхвы, что не быть намъ въ живыхъ. «Правду говорятъ!» — Но если отпустишь насъ — много будетъ тебѣ добра; а погубишь — многую печаль и зло приимешь. Янъ не повѣрилъ предсказанію; оба волхва были убиты и повѣшены на дубъ; трупы ихъ достались въ пищу лѣснымъ звѣрямъ. Болѣе значительное возстаніе волхва было въ Новгородѣ при князѣ Глѣбѣ, о чемъ лѣтопись повѣствуетъ такъ: «всталъ волхвъ... творяся акы Богъ, многы прелести, мало не всего града; глаголашеть бо, яко все вѣдаю, и хуля вѣру хрестыянскую, глаголашеть бо, ако перейду по Волхову предъ всѣми. И бысть мятежь въ градѣ, и вси яша ему вѣру и хотяху погубити епископа; епископъ же вземъ крестъ и облекъся въ ризы, ста рекъ: иже хошетъ вѣру яти волхву, то да идетъ за нь; аще ли вѣруеть кто, то ко кресту да идетъ. И раздѣлишася надвое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа у епископа, а люде вси идоша за волхва, и бысть мятежь великъ межи ими.» Тогда князь, скрывши подъ верхнею одеждою топоръ, подошелъ къ волхву и спросилъ: «знаешь ли, что будетъ утромъ и что будетъ къ вечеру?» — Все знаю! отвѣчалъ волхвъ. «Знаешь ли, что теперъ должно совершиться?» — Я сотворю великія чудеса! При этихъ словахъ князь выхватилъ топоръ и ударилъ волхва съ такою силою, что онъ тотчасъ-же палъ мертвый; смерть его поразила народное воображеніе, толпа разувѣрилась въ его пророческомъ призваніи и тако разошлась по домамъ ¹⁾).

¹⁾ П. С. Р. Л., I, 75—78, 92; Лѣтоп. Переяслав., 47.

Хотя народъ и принялъ христіанство, но уставы и преданія предковъ не вдругъ утратили для него свою обаятельную силу; втай еще продолжали жить старыя вѣрованія и соблюдаться старыя обряды. «Невѣгласи» (а такими слѣдуетъ признать цѣлыя массы населенія) еще долгое время совершали мольбы и требы языческимъ богамъ, и во всѣхъ сомнительныхъ и тревожныхъ случаяхъ прибѣгали къ помощи колдуновъ и чародѣевъ. Заветы древней религіи и культа сохранились въ семьяхъ, передавались по наслѣдству отъ отцевъ дѣтямъ, и потому легко укрывались отъ посторонняго вмѣшательства и преслѣдованій. Сверхъ того, при всеобщей грубости нравовъ и отсутствіи образовательныхъ началъ, предки наши и не въ состояніи были возвыситься до воспріятія христіанства во всей его чистотѣ; мысль ихъ, опутанная сѣтью мнѣческихкихъ представленій, на всякое новое пріобрѣтеніе налагала свои обманчивыя краски и во всякомъ новомъ образѣ силилась угадывать уже знакомыя ей черты. Результатомъ этого было странное, исполненное противорѣчій смѣшеніе естественной религіи съ откровенною: преданія и мнѣы о древнихъ богахъ переносятся на Спасителя, Богородицу и святыхъ угодниковъ; суевѣрные обряды и чары обставляются предметами, освященными въ церкви, каковы: ладонъ, пепелъ кадила, св. вода, свѣчи страстная, богоявленская, срѣтенская и вѣичальная, верба, сбереженная отъ недѣли Ваій, соль «четверговая» ¹⁾, которую, по свидѣтельству Стоглава, клали подъ престолъ, и проч.; заговоры сливаются съ христіанскими молитвами, и рядомъ съ воззваніями къ стихійнымъ силамъ природы народъ призываетъ ангеловъ, апостоловъ и Пречистую Дѣву; языческія празднества пріурочиваются къ христіанскому календарю; священниковъ заставляютъ кататься по нивамъ—на плодородіе почвы,

1) Пережженная на чистый четвергъ.

выдвигать хлѣбные заломы, принимать неустановленные церковными правилами приношенія. Старинные моралисты называли нашихъ предковъ людьми двоевѣрными, и нельзя не признаться, что вшитеть этотъ вѣрно и мѣтко обозначалъ самую существенную сторону ихъ нравственнаго характера.

Духовенство, въ высшихъ своихъ представителяхъ, сознавало вредъ и незаконность такого положенія дѣлъ, и въ поученіяхъ своихъ постоянно возвышало голосъ какъ противъ басней и обрядовъ, наслѣдованныхъ отъ языческой старины, такъ и противъ народнаго довѣрія къ волхвамъ, вѣдунамъ и вѣдуньямъ. Кириллъ Туровскій возстаетъ на скоморошество, игры, волхованіе, потворы, и запрещаетъ искать и посѣщать волхвовъ. Въ правилахъ митрополита Іоанна (XII в.) предписывается: кто будетъ творить волхованіе и чары, тому не давать св. причастія ¹⁾. Въ Кормчѣй книгѣ, по списку 1282 года, вѣлно вѣхъ, «иже вѣслѣдоуе(ю)тъ поганымъ обычае(я)мъ и къ волхвомъ или обавникомъ ходять, или въ домъ свой призывають, хотяще увидѣти отъ нихъ нѣкая неизрѣченная» — отлучать на шесть лѣтъ отъ церкви ²⁾. Подобные же запреты встрѣчаемъ въ грамотахъ игумена Памфила (1505 года), митрополитовъ Фотія и Даніила, въ Домостроѣ, Стоглавѣ и другихъ памятникахъ, направленныхъ противъ народнаго суевѣрія. Въ поученіи священнослужителямъ 1499 года сказано, чтобы они не принимали приношеній отъ волхва, потворника, играца (скомороха); а въ дополнительномъ указѣ (1552 г.) къ Судебнику повелѣно было кликать по торгамъ, чтобы къ волхвамъ, чародѣямъ и звѣздочетцамъ не ходили, подь опасеніемъ опалы и духовнаго запрещенія ³⁾. Въ патріаршей грамотѣ на основаніе Львовскаго братства 1586 года читаемъ: «а еслибы

¹⁾ Памят. XII в., 90, 121; Рус. Достоп., I, 91. — ²⁾ Ист. Христом. Бусл., 381—2. — ³⁾ Доп. къ Ак. Ист., I, 22; Пам. стар. рус. литер., IV, 202; Ак. Ист., I, 109, 154.

въ которомъ мѣстѣ или селѣ будетъ чаровница или ворожка—сосуды діавольскія, или волшебница... да истребится отъ церкви, и тѣхъ, которые діаволомъ прельстившися до чаровницъ и до ворожокъ ходять, отлучайтесь» ¹⁾). Въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ XVI вѣка ²⁾ мы нашли слѣдующее правило: «грѣхъ есть стрячи (встрѣчи) вѣровавши—опитеми 6 недѣль, поклоновъ по 100 на день; грѣхъ есть въ чохъ вѣрова(ти) или въ полазъ—опитеми 15 дней, по 100 поклоновъ на день... грѣхъ есть къ волхвамъ ходити, вопрошать или въ домъ приводити, или чары дѣявше—опитеми 40 дней, поклоновъ по 100 на день; грѣхъ есть пивши зеліе молока дѣля или дѣтей дѣля—опитеми 3 недѣли, поклоновъ по 60... грѣхъ есть дѣявше чары каковы-любо въ пити — опитеми 5 лѣтъ, поклоновъ по 100 на день; грѣхъ есть носивше наузы какиѣ-любо—опитеми 40 дней, поклоновъ по 60 на день», и т. дал.

Къ волхвамъ и чаровницамъ чаще всего обращались съ просьбами объ исцѣленіи недуговъ. Духовенство старалось искоренить этотъ обычай; оно убѣждало, что чародѣи служатъ сатанѣ и врачуютъ его силою, а потому если и спасаютъ тѣло, то губятъ душу. Изъ вопросовъ Кирика и отвѣтовъ Нифонта узнаемъ, что всякой, кто приходилъ къ волхвамъ лѣчиться или приносилъ къ нимъ дѣтей для навязки предохранительныхъ наузъ, подлежалъ опитеми ³⁾). Въ словѣ «о злыхъ дусѣхъ», приписанномъ св. Кириллу ⁴⁾, высказаны сильные упреки тѣмъ, которые въ случаѣ болѣзни обращались къ женамъ-чародѣйкамъ: «о горе намъ прельщеннымъ бѣсомъ и скверными бабами... идемъ во дно адово съ проклятыми бабами!» Проповѣдникъ совѣтуетъ недужнымъ приглашать поповъ, «да творять молитвы врачевныя, Бога призывающе». Митрополитъ Фотій

¹⁾ Памятн., изд. Врем. Кіевск. Комис., III, 18. — ²⁾ Рукопись, принадлеж. купцу Болотову. — ³⁾ Памят. XII в., 202. — ⁴⁾ Москв. 1844, I, 243—5.

въ посланіи своемъ новгородцамъ (1410 года) предписываетъ священникамъ: «такоежъ учите ихъ (паству), чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не приѣмали, ни узловъ, ни примовленья, ни зелья, ни вороженья и елика такова; занеже съ того гнѣвъ божій приходитъ, и гдѣ таковыя бабы находятся—учите ихъ, чтобы престаили и каялись бы, а не имуть слушати—не благословляйте ихъ; христіаномъ заказывайте, чтобы ихъ не дръжали между себѣ нигдѣ, гонили бы ихъ отъ себе, а сами бы отъ нихъ бѣгали, аки отъ нечистоты; а кто не имать слушати васъ, и вы тѣхъ отъ церкви отлучайте» ¹⁾. Тѣже требованія заявляютъ царская грамота 1649 года, различныя назидательныя статьи и «Домострой». Изъ послѣдняго памятника видно, что бабы-колдуньи ходили по боярскимъ домамъ, лѣчили недуги, гадали, переносили вѣсти, и особенно-охотно были принимаемы на женской половинѣ. Слѣдующее свидѣтельство, занесенное въ притчу о женской злобѣ, не смотря на общій тонъ этого сочиненія, явно-враждебный женщинѣ, кажется, указываетъ на дѣйствительныя бытовыя черты: «издѣтка начнетъ она у проклятыхъ бабъ обавничества навывкати и еретичества нескати, и вопрошати будетъ многихъ, како-бъ ей замужъ выйтити и какъ-бы ей мужа обавити на первомъ ложѣ и въ первой банѣ; и взыщеть обавниковъ и обавницъ, и волшебствъ сатанинскихъ, и надъ ѣствоу будетъ шепты ухищрати и подъ нозѣ подсыпати, и въ возглавіе и въ постелю вшивати, и въ порты рѣзаючи, и надъ челомъ втыкаючи, и всякія прилучившія къ тому промышляти, и кореніемъ и травами примѣшати, и вѣсмъ надъ мужемъ чаруетъ» ²⁾. Когда приключится болѣзнь, «Домострой» совѣтуетъ возлагать надежду на Бога, а съ волхвами и тѣми, кто промышляетъ зельемъ, отнюдь не знать-

¹⁾ Ак. Арх. Эвсп., I, 369; сравни поученіе Петра-митрополита въ Пам. стар. рус. лит., IV, 187. — ²⁾ Пам. стар. рус. лит., II, 463—4.

ся и на дворъ ихъ къ себѣ не приводить ¹⁾. Троицко Сергіевскій монастырь, въ приговорной грамотѣ 1555 года, запрещалъ въ своихъ волостяхъ держать скомороховъ, волхвовъ и бабъ-ворожеекъ; за нарушение этого указа назначалась пѣня въ десять рублей съ каждой сотни, а скомороха, волхва или бабъ-ворожейку, «бивъ да ограбивъ, выбити изъ волости вонъ» ²⁾.

Другою заботою духовенства было уничтоженіе народныхъ игрищъ; вмѣстѣ съ музыкой, пѣснями, плясками и ряженьемъ въ мохнатыхъ шкуры и личины, игрища эти вызывали строгія запретительныя мѣры, какъ дѣло нечестивое, бѣсовское, принадлежащее некогда къ религиознымъ обрядамъ язычества. Свидѣтельства памятниковъ были приведены нами выше (I, 339-345), а потому, избѣгая повтореній, считаемъ достаточнымъ указать на царскую окружную грамоту 1648 года. «Многіе люди (сказано въ этой грамотѣ), забывъ Бога и православную хрестыанскую вѣру, тѣмъ прелестникомъ—скоморохомъ послѣдуютъ, на безчинное ихъ прел(ъ)щеніе сходятся по вечерамъ на позорища, и на улицахъ и на поляхъ богомерзкихъ ихъ и скверныхъ пѣсней и всякихъ бѣсовскихъ игръ слушаютъ... да въ городѣхъ же и въ уѣздахъ отъ прелестниковъ и отъ малоумныхъ людей дѣлается бѣсовское сонмище, сходятся многіе люди мужского и женского полу по зорямъ и въ ночи чародѣйствуютъ... и чинятъ безчинное скаканіе и плясаніе», поютъ пѣсни, играютъ во всякія бѣсовскія игры и накладываютъ на себя личины и платье скоморошеское. Запрещая все это подъ страхомъ наказанія батогами и ссылкой, грамота предписываетъ: скомороховъ никуда не принимать, а буде гдѣ объявятся домры, сурны, волынки, гудки, гусли и хариф—таковыя немедленно отбирать, ломать и огнемъ жечь ³⁾.

¹⁾ Времен., I, 33, 38, 40—44, 57. — ²⁾ Ак. Арх. Эксп., I, 244. — ³⁾ Ак. Ист., IV, 35.

Съ особенною ревностью были преслѣдуемы такъ называемыя «отреченныя» или «отметныя» книги, принесенныя къ намъ, вмѣстѣ съ грамотностію, изъ Византіи и отчасти съ запада; къ нимъ причислялись и тѣ листы и тетрадки, въ которыхъ записывались народные заговоры, примѣты и суевѣрныя наставленія. Слѣдуя церковному индексу, запретными книгами признавались: а) Острологъ (другія названія: Мартолой, Острономія, Звѣздочетецъ и Зодій). Въ статьѣ о ложныхъ книгахъ сказано: «Звѣздочетецъ—12 звѣздъ; другій Звѣздочетецъ, ему-же имя Шестодневъ: въ нихъ-же безумніи люди вѣрующе волхвуютъ, ищуще днѣй роженія своего, сановъ полученія и урока житію». Это—сборникъ астрологическихъ замѣчаній о вступленіи солнца въ различные знаки зодіака, о вліяніи планетъ на счастье новорожденных младенцевъ (=тоже, что Рожденникъ, Родословіе), а также на судьбы цѣлыхъ народовъ и общественное благоденствіе; отсюда почерпались предсказанія о грядущихъ событіяхъ: будетъ ли миръ или война, урожай или голодъ, повсемѣстное здравіе или моровая язва. б) Рафли = греч. *ραφλιον*—астрологическая книга, раздѣленная на двѣнадцать схемъ (*σχηματα*), въ которой трактуется о вліяніи звѣздъ на ходъ человеческой жизни ¹⁾. Стоглавъ ²⁾ замѣчаетъ, что тяжущіеся, какъ скоро доходило до судебного поединка, призывали на помощь волхвовъ—«и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творятъ, кудесы бьютъ, и въ Аристотелевы Врата и въ Рафли смотрятъ, и по планетамъ глядають и смотрятъ днѣй и часовъ... и на тѣ чарованія надѣяся, поклепца и ябедникъ не мнятъ и крестъ цѣлуютъ и на поли бьютца, и поклепавъ побиваютъ». Вслѣдствіе этого современный Стоглаву указъ требуетъ, подъ опасеніемъ опа-

¹⁾ Правосл. Собесѣд 1860, XI, 250. -- ²⁾ Глава 40, вопр. 17.

лы и духовнаго запрещенія, чтобы къ чародѣямъ и звѣздочетцамъ не ходили и у поля бы чародѣи не были ¹⁾). Одна изъ грамотъ 1628 года называетъ Рафли «гадальными тетрадами». Кроме того, о Рафляхъ упоминаетъ еще Домострой; но въ статьѣ о ложныхъ книгахъ, тщательно перечислившей запретныя тетрадки, этого имени не встрѣчаемъ—вѣроятно, потому, что въ сущности оно обозначало тоже самое, что «Острологъ» или «Зодій» ²⁾. с) Аристотелевы Врата—переводъ средневѣковаго сочиненія: «*Secreta secretorum*», составленіе котораго приписывалось Аристотелю. Книга эта, сверхъ нравственныхъ наставленій, содержитъ свѣдѣнія по астрологій, медицинѣ и физиогномикѣ; она состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣловъ, называемыхъ вратами. d) Громникъ или Громовникъ—греч. *βροντολόγια*: въ рукописи императорской вѣнской библіотеки означенъ «твореніемъ премудраго Ираклія, царя перскаго». Книга эта извѣстна по спискамъ XV—XVI столѣтій, сербскаго письма, и заключаетъ въ себѣ различныя, расположенныя по мѣсяцамъ, предзнаменованія (о состояніи погоды, о будущихъ урожаяхъ, болѣзняхъ, ратахъ и пр.), соединяемая съ громомъ и землетрясеніемъ; къ этому присоединяются иногда и замѣтки «о состояніи луны право или полово», съ указаніемъ на значеніе такихъ признаковъ въ разные времена года ³⁾. е) Молникъ (Молніяникъ), сохра-

¹⁾ Ак. Ист., I, 154. — ²⁾ Словомъ *gafflin* на западѣ означалось: метаніе жребія, азартная игра въ кости. Поэтому г. Пыпинъ приписываетъ «Рафлямъ» западное происхожденіе и думаетъ, что гадательными тетрадами названы они въ смыслѣ извѣстной книжки «Соломона», которая и доньякъ съ успѣхомъ расходится въ народъ чрезъ посредство дешевыхъ (любочныхъ) изданій. Въ этой книжкѣ изображенъ кругъ съ цифрами и напечатаны различныя краткія изреченія, долженствующія служить отвѣтами на вопросы гадающихъ; на какой цифрѣ остановится брошенный шарикъ или зерно (=зерно), та цифра и указываетъ гадающему номеръ отвѣта. — ³⁾ Въ числѣ отреченныхъ книгъ упоминаются

нившійся въ сербской рукописи XV столѣтія: здѣсь собраны свѣдѣнія, въ какіе дни мѣсяцевъ что предвѣщаетъ ударъ молніи. f) Коле(я)дникъ — *καλανδολόγια* содержитъ въ себѣ примѣты, опредѣляемыя по днямъ, на какіе приходится Рождество Христово (праздникъ Коляды); наприимѣръ: «аще будетъ Рождество Христово въ среду — зима велика и тепла, весна дождева, жатва добра, пшеницы помалу, вина много, женамъ моръ, старымъ пагуба» (по списку XV стол.). g) Записка о дняхъ и часахъ добрыхъ и злыхъ. h) Мысленикъ — вѣроятно, тоже самое, что Разумникъ, содержащій апокрифическія сказанія о созданіи міра и человѣка. i) Волховникъ — сборникъ суевѣрныхъ примѣтъ, «еже есть се: храмъ трещитъ, ухозвонъ, вороноградъ, курокликъ, окомигъ, огонь бучитъ, песь выеть», и проч. Нѣкоторыя статьи Волховника переписывались отдѣльно, и занесены въ индексъ подъ своими частными названіями, каковы: Вороноградъ (примѣты и гаданія по крику вороновъ), Куроглашенникъ (— по крику пѣтуховъ), Птичникъ или Птичьи чарове (— по крику и полету птицъ вообще) и Трепетникъ — истолкователь примѣтъ, основанныхъ на трепетѣ различныхъ частей человеческого тѣла: «аще верхъ главы (челюсть, бровь, око и т. дал.) потрепешеть, лицо или уши горять, во ухо десное и лѣвое пошумитъ (или позвонитъ), длань посвербитъ, подошвы отерпнуть...» Подлинникъ Трепетника найденъ въ одной изъ греческихъ рукописей вѣнской бібліотеки. k) Сноеудецъ (Сновидецъ, Сонникъ). l) Путникъ — «книга, въ ней-же есть написано о стрѣчахъ добрыхъ или злыхъ, m) Зеленикъ — описаніе волшебныхъ и цѣлебныхъ травъ (зелій), съ указаніемъ на заговоры и другія суевѣрныя средства,

также: „мѣсяць окружится“ и „стѣнемъ (луннымъ и солнечнымъ затмѣніемъ) званянь“.

употребительныя въ народной медицинѣ; подобныя тетрадки и донынѣ обращаются между простолюдинами—подъ названіемъ «травниковъ», «цвѣтниковъ» и «лѣчебниковъ». п) Чаровникъ, состоящій изъ 12-ти главъ, «въ нихъ-же суть двенадцать опрометныхъ лицъ звѣринныхъ и птичійхъ» (см. выше, стр. 301), т. е. сказанія о блуждающихъ оборотняхъ. о) Метаніе (Метаньевецъ или Розгомечецъ)—книга гаданій посредствомъ жребія (см. выше, стр. 383). У г. Пыпина описана подобная тетрадка конца XVII или начала прошлаго вѣка, названная «Книгой пророка и царя Давида». Желающіе допросить Судьбу метали жребіи, т. е. прутики (розги) съ нарѣзанными на нихъ чертами; вмѣсто этихъ прутиковъ могли употребляться и помѣченныя точками игральныя кости; по числу выпавшихъ нарѣзокъ или точекъ опредѣлялся номеръ того нарѣченія гадательной книги, которое должно было служить отвѣтомъ на задуманный вопросъ. Такія нарѣченія въ «Давидовой книгѣ» скрѣпляются ссылкой на псалмы и другіе отдѣлы священнаго писанія; напримѣръ: «что во умѣ держишь и жадаешь, возрадуешься и сердце весело будетъ; о томъ царь Давидъ рече: возьми мя, Господи, отъ чловѣка лукава, и отъ мужа неправедна избави мя. Аще мечеши о болѣзни, и та болѣзнь минется; аще о дому, въ домѣ твоємъ здраво, и путь тебѣ доброй, и пропаша твоя сыщется». При нѣкоторыхъ отвѣтахъ добавлено: «эта метъ добрая», или: «берегися—метъ злая!» Наконецъ р) альманахи. Максимъ Грекъ, который неразъ протестовалъ противъ заблужденій современниковъ въ одномъ обличительномъ словѣ коснулся и альманыховъ, обыкновенно наполнявшихся разными астрологическими предсказаніями. Къ намъ они занесены съ запада ¹⁾. Такимъ

¹⁾ Стоглавъ, гл. 40, вопр. 22; Лѣтопись занят. Археогр. Ком. I, 29—32, 42—49, 53; Времен., I, 38 («Домострой»); Іоаннь, в-зархъ болгар., 211—2; Архивъ ист.-юр. свѣд., II, предислов

образомъ календарныя прогностики, напечатанныя въ 1710-мъ и послѣдующихъ годахъ, ¹⁾ уже имѣли своихъ предшественниковъ въ рукописныхъ сборникахъ допетровскаго времени. Отреченныя книги ясно свидѣтельствуютъ, что научныя познанія о природѣ были смѣшиваемы съ языческими вѣрованіями и волшебствомъ ²⁾. Духовная власть устанавливаетъ бѣгать этихъ книгъ, аки Содома и Гомора, и если онѣ попадутся въ руки, то немедленно истреблять ихъ огнемъ: «аще кто заповѣдь божію преступитъ, а имѣть еретическія писанія у себя держати, еже есть врагъ божій, и волхованію ихъ вѣровати имѣть кто, съ тѣми со всѣми еретикы да будетъ проклятъ. Аще который отецъ духовный, вѣдая у себѣ такового въ сынѣхъ, а вѣдая то... имѣть ему въ томъ постоковы (потачку) дѣяти, и приѣмля его на частое покаяніе

стр. XXII, XXV; статья г. Пыпина—въ Архивѣ истор. и практич. свѣд. 1860—1 г., I, 8—12; II, 15—27; Рус. Сл. 1862, I, 94, 100; О. З. 1857, XI, 344—6; Археолог. Вѣстникъ 1867, III, 113—8; Памят. отречен. рус. лит., II, 361—444. — ¹⁾ Магазинъ землед. и путешеств. Фролова, стат. Перевощикова, 507—604; Свѣд. Архивъ 1828, XI, 132. — ²⁾ Олеарій говоритъ, что русскіе признавали астрономію и астрологію за науки волшебныя, что умѣнье вычислять и предсказывать солнечныя и лунныя затмѣнія казалось для нихъ сверхъестественнымъ даромъ. Когда въ Москвѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что царь желаетъ принять Олеарія на службу въ званіи придворнаго астронома, то въ народѣ пошла молва, что въ скоромъ времени долженъ явиться волшебникъ. Эта молва и была причиною, почему ученый иноземецъ отказался отъ сдѣланнаго ему царемъ предложенія—Архивъ ист. и прат. свѣд. 1859, кн. III, 25—26. Въ началѣ XVIII в. извѣстный Брюсъ, составитель календаря, дополненнаго астрологическими предсказаніями, считался въ народѣ колдуномъ и черноокнижникомъ. По рассказамъ престолюдиновъ волшебники обладаютъ черною книгою, и съ ея помощію вызываютъ чертей, узнаютъ тайное и творятъ злыя чары. Кто случайно найдетъ такую книгу, и станетъ читать ея, къ тому немедленно явятся черти и потребуютъ отъ него работы—Иллюстр. 1845, 183—4; Абев., 73.

«безъ опитеми и безъ отлученія церковнаго, или иметь (и) самъ тоже творити... да извержется сана своего по правилу св. отецъ, и съ прежеречеными еретики съ тѣми со всѣми да будетъ проклятъ, и написанная та на тѣлѣ его да сожгутся». Осужденія, высказанныя статьею о ложныхъ книгахъ и другими памятниками (Стоглавомъ, Домостроемъ), были для своего времени какъ-бы официальной ценсурой. Предостерегая паству отъ чтенія запретныхъ сочиненій, духовенство называло ихъ «болгарскими баснями»: знакъ, что сочиненія эти явились къ намъ чрезъ посредство южнославянской письменности, которая уже прежде заимствовала ихъ изъ Византіи; уцѣлѣвшіе донынѣ списки особенностями языка и правописанія прямо обнаруживаютъ свое болгаро-сербское происхожденіе. Бѣольшая часть отреченныхъ книгъ проникла въ Россію именно этимъ путемъ, и только нѣкоторыя должно считать занесенными съ запада ¹⁾. Не смотря на то, народъ принималъ ихъ съ постоянно-возбужденнымъ любопытствомъ и довѣріемъ; потому что основы сообщаемыхъ ими свѣдѣній были тѣже самыя, на какихъ держались и національныя, наследованныя отъ предковъ повѣрья. Книги эти были въ уровень съ умственнымъ развитіемъ общества; онѣ не противорѣчили его заветнымъ убѣжденіямъ и обращали его къ тѣмъ-же вопросамъ, какими издавна интересовалась народная мысль.

Христіанскіе пастыри не ограничились только поученіями и запретами; они требовали преданія обличаемыхъ строгому суду и казнямъ. Тотчасъ послѣ крещенія Русской земли, дѣла о волшебствѣ уже подлежали разсмотрѣнію духовной власти. Въ церковномъ уставѣ св. Владиміра къ вѣдомству духовнаго суда отнесены: вѣтство, зелейничество, потворы, чаро-

¹⁾ Кромѣ альманаховъ и книги: „Аристотелевы Врата“, можно указать еще на „Луцидаріусъ“, напечатанный въ I-й кн. Лѣтописей г. Тихонравова, и отчасти на „данидинки“.

дѣянiя, волхованья» ¹⁾). Обычною карою за эти преступленiя было сожженiе; какъ сожигались музыкальные инструменты и волшебныя книги, такъ подобную-же участь испытывали и колдуны, и вѣдьмы. Въ 1227 году, по сказанiю лѣтописца, въ Новгородѣ «изъ жгоша волховъ четыре, творяхуть ѿ потворы дѣюша, а Богъ вѣсть, и сожгоша на Ярославлѣ дворѣ». По свидѣтельствѣ Никоновской лѣтописи, волхвы были приведены сперва на архіепископскiй дворъ, а потомъ уже преданы сожженiю на Ярославомъ дворѣ, не смотря на заступничество бояръ ²⁾). Въ началѣ XV столѣтiя (въ 1411 году) псковичи сожгли двѣнадцать вѣщихъ женокъ ³⁾); замѣтимъ, что около этого времени дѣйствовала на Руси страшная моровая язва, которая и могла послужить поводомъ къ ихъ обвиненiю. О князѣ Иванѣ Андреевичѣ Можайскомъ сохранилось извѣстiе, что онъ сжегъ за волшебство мать Григорiя Мамона ⁴⁾). Повѣсть о волхованiи, написанная для Ивана Грознаго, доказываетъ необходимость строгихъ наказанiй для чародѣевъ, и въ примѣръ выставляетъ царя, который, вмѣстѣ съ епископомъ, «написать книги повелѣ и утверди, и проклятъ чародѣянiе, и въ весѣхъ заповѣда такихъ огнемъ пожечи» ⁵⁾). Котошихинъ говоритъ, что въ его время мужчинъ за богохульство, церковную татьбу, волховство, чернокнижество и ереси сожигали живыхъ,

¹⁾ Доп. къ Ак. Ист., I, 1. — ²⁾ П. С. Р. Л., III, 42; IV, 29; Никон. лѣт., II, 357: «явишася въ Новгородѣ волхвы, вѣдуны, потворицы, и многая волхованiя и потворы и ложная знаменья творяху, и много зла сотворяху, многихъ прельщающе. И собравшеся новгородцы изымаша ихъ, и ведоша ихъ на архіепископовъ дворъ. И се мужи княже(и) Ярославли вступишася о нихъ; новгородцы же ведоша волховъ на Ярославль дворъ, и складше огонь велiй на дворѣ Ярославли, и связавше волховъ всѣхъ и вринуша во огонь, и ту згорѣша вси». — ³⁾ П. С. Р. Л., V, 22. — ⁴⁾ Лѣтописецъ русск. Н. Львова, III, 167; И. Г. Рос., V, 356 (изд. Слевина). — ⁵⁾ Москв. 1844, I, 246—9.

а женщинамъ за тѣже преступленія отсѣкали головы ¹⁾. Изъ слѣдственныхъ-же дѣлъ XVII-го столѣтія видно, что за ворожбу и чародѣйство большею частію наказывали ссылкой въ дальнія мѣста и заключеніемъ въ монастырь; слѣдовательно, кромѣ сожженія, употреблялись и другія болѣе легкія наказанія. Вѣроятно, при назначеніи мѣры взысканія, принимались въ расчетъ какъ замыслы обвиняемыхъ лицъ, такъ и степень причиненнаго ими вреда. Въ грамотѣ, данной царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ на учрежденіе въ Москвѣ Славено-греко-латинской академіи, сказано: «а отъ церкви возбраняемыхъ наукъ, наипаче-же магін естественной и иныхъ, такимъ не учить и учителей таковыхъ не имѣти. Аще же таковыя учителя гдѣ обрящутся, и оны со учениками, яко чародѣи, безъ всякаго милосердія да сожгутся». Блюстителю и учителямъ академіи предписывалось имѣть тщательное наблюденіе, чтобы никто изъ духовныхъ и мірскихъ людей не держалъ у себя «волшебныхъ, чародѣйныхъ, гадательныхъ и всякихъ отъ церкви возбраняемыхъ книгъ и писаній, и по онымъ не дѣйствовалъ, и иныхъ тому не училъ.» У кого-же объявятся такія богопротивныя книги, тотъ, вмѣстѣ съ ними, «безъ всякаго милосердія да сожжется» ²⁾. Колдовство поставлялось на ряду съ богохульствомъ, безбожіемъ и ересями и подлежало тому-же возмездію, какъ и эти послѣднія ³⁾. Сожженіе чародѣевъ на кострахъ согласовалось съ общимъ народнымъ убѣжденіемъ, которое, обвиняя колдуновъ и вѣдьмъ въ засухахъ, неурожаяхъ и повальныхъ болѣзняхъ, почитало такую казнь за единственное средство противъ постигшихъ бѣдствій. Выше (стр. 509—

¹⁾ По первому изд., стр. 91—92. — ²⁾ Др. Рос. Визліое., изд. 2, VI, 408, 415—6. — ³⁾ Такъ были преданы сожженію жидовствующіе, обвиняемые между прочимъ и въ занятіяхъ астрологіею; такъ въ 1689 году сожженъ за ересь иноземець Кульманъ —Собр. Гос. Гр. и Дог., IV, 204.

512) мы указали на любопытные примѣры народнаго самоуправства съ этими мнимыми виновниками неурожаевъ и моровой язвы; очень можетъ быть, что и засвидѣтельствованное лѣтописцами сожженіе волхвовъ и вѣщихъ женокъ въ Новгородѣ и Псковѣ было совершено вольницею этихъ городовъ. По словамъ пѣсни, дѣвица-чародѣйка напекла змѣй, сварила зелье, и приготовила снадобье на гибель роднаго брата; но братъ смѣтилъ ея злой умыселъ:

Снималъ онъ съ сестры буйну голову...
И онъ бралъ со костра дрова,
Онъ клалъ дрова среди двора;
Какъ сжегъ ея тѣло бѣлое
Что до самаго до пепелу,
Онъ развѣвалъ прахъ по чисту полю,
Заказалъ всѣмъ тужить, плакати ¹⁾.

Тому-же наказанію подвергаются колдуны и вѣдьмы и по свидѣтельству народныхъ сказокъ ²⁾ Христіанскіе пастыри не только скрѣпили своимъ авторитетомъ старинное мнѣніе о связи чародѣйства съ нечистою силою, но и придали этому мнѣнію болѣе-рѣшительный характеръ. Какъ на сообщниковъ злыхъ демоновъ, народъ возставалъ на колдуновъ и вѣдьмъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ общественныхъ бѣдствій; въ обыкновенное же время онъ до вѣрчиво и съ уваженіемъ относился къ ихъ вѣщимъ дарованіямъ и охотно пользовался ихъ помощью. Напротивъ христіанство на всѣ проявленія колдовства смотрѣло безразлично; на его строгой взглядъ равно были грѣховны: и похитители дождей, напускатели града, вихрей, болѣзней, и составители цѣлебныхъ снадобій, наузники, ворожен, гадатели. Отсюда возникли многія столкновенія, которыя живо рисуютъ передъ нами прошлую жизнь съ ея внутренней стороны.

¹⁾ Терещ., I, 107; Сахаров., I, 202. — ²⁾ Н. Р. Сл., II, 29; VII, 27; сказ. Грим., 11, 60 и др.

Вѣра въ колдовство, составляющая теперь исключительную принадлежность простонародья, въ допетровское время была общимъ достояніемъ всѣхъ классовъ общества. По незначительной степени доступнаго тогда образованія, высшіе сословные разряды въ умственномъ и нравственномъ отношеніи почти не рознились отъ низшихъ: черта, существенно-отличающая древнюю нашу исторію отъ новѣйшей. Старинные обычаи равно соблюдались и во дворцѣ, и въ боярскихъ палатахъ, и въ избѣ крестьянина, на что указываетъ весь строй домашняго быта и въ особенности свадебный обрядъ; духъ суевѣрія одинаково властвовалъ надъ всѣми, начиная отъ поселянъ и до царя. Въ 1467 году скончалась супруга Ивана III-го Марія ¹⁾, тѣло усопшей «разошлось» (распухло, отекло), и смерть ея приписана была дѣйствию отравнаго зелья. Подозрѣніе пало на жену Алексѣя Полуектова Наталью, которую обвиняли въ томъ, будто она посылала поясъ великой княгини къ какой-то бабѣ (ворожеѣ); тогда, замѣчаетъ летописецъ, восполѣся князь на Алексѣя и его жену, и шесть лѣтъ не допускалъ его на свои пресвѣтлыя очи ²⁾. Отъ брака съ Маріей в. князь имѣлъ сына, который умеръ еще при жизни отца и оставилъ ему внука Дмитрія—отъ Елены, дочери молдавскаго господаря. Во время спора, возникшаго за наследство престола между внукомъ Ивана III и сыномъ его отъ новаго брака съ греческою царевною Софіей, сторонники Елены оговорили великую княгиню въ злыхъ умыслахъ и съ сношеніяхъ съ бабами-чародѣйками, «и въ то время (1497 г.) опалу положилъ князь великій на жену свою на вел. княгиню Софію о томъ, что къ ней приходила бабы съ зельемъ; обыскавъ тѣхъ бабъ лихихъ, князь великій велѣлъ ихъ казнити—потопити въ Москвѣ-рѣкѣ ношію, а съ нею съ тѣхъ мѣстъ нача

¹⁾ Дочь в. кн. тверскаго. — ²⁾ П. С. Р. Л., VI, 186.

жиги въ бреженіи» ¹⁾. Димитрій былъ вѣнчанъ на царство; но торжество его партіи было непродолжительно и—какъ извѣстно—окончилось заключеніемъ въ темницу этого несчастнаго царевича. Софія побѣдила, но за нею осталось названіе «чародѣйки греческой»: такъ обзываетъ ее Курбской въ исторіи Ивана Грознаго ²⁾. Великая княгиня Соломонія, супруга Василія Ивановича, вѣрная воззрѣніямъ своего вѣка, прибѣгала къ чарамъ и ворожбѣ, чтобы излѣчиться отъ неплодія. Изъ розыскаго дѣла узнаемъ, что она развѣдывала о колдуньяхъ и приказывала приводить ихъ къ себѣ Ивану Юрьевичу Сабурову. «Есть, говорила ему вел. княгиня, на Москвѣ жонка — Стефанидою зовутъ, рязанка, и ты ее добудь и ко мнѣ пришли.» Сабуровъ исполнилъ просьбу, и съ помощію своей жены привелъ Стефаниду къ вел. княгинѣ; ворожея смотрѣла ей брюхо и сказывала, что дѣтей у нея не будетъ; потомъ наговаривала въ рукомоиникѣ воду и совѣтовала вел. княгинѣ тою водою умываться, чтобы любилъ ее мужъ, а когда понесутъ къ вел. князю сорочку, чехолъ или порты, и въ то время она бы, омочивъ свои пальцы въ рукомоиникѣ, охватывала ими бѣлье. Соломонія послѣдовала наставленію и дѣйствительно смачивала наговорной водою мужнино бѣлье и платье. Въ другой разъ она говорила Сабурову: «сказали мнѣ черницу, что она дѣти знаетъ (т. е. можетъ отвращать неплодіе), а сама безноса, и ты ту черницу добудь.» Черница была найдена, приведена къ Сабурову на подворье, и тамъ наговаривала не то масло, не то медъ прѣсный, и «посылала къ вел. княгинѣ съ Настею (женою Сабунова), а велѣла ей тѣмъ тертиса отъ того-жъ, чтобъ ее князь великій любилъ, да и дѣтей дѣла» ³⁾—и вел. княгиня тѣмъ снадобьемъ терлась. Въ

¹⁾ Бережно, остерегаясь—*ibid.*, 279. — ²⁾ Сказанія кн. Курбскаго, изд. 2, 128. — ³⁾ Въ старыя годы чары на любовь мужей были въ большомъ ходу. Когда кн. Курбской женился въ Литвѣ

заключеніе своихъ показаній Сабуровъ добавилъ: «а что ми говорити? того мнѣ не испаятовати, сколько ко мнѣ о тѣхъ дѣлѣхъ жонокъ и мужиковъ прихаживало!» ¹⁾ Но все было напрасно: чары не помогали, Соломонія не рождала дѣтей, а безъ нихъ исчезала и любовь вел. князя, который страстно желалъ имѣть наслѣдника, и однажды, по словамъ лѣтописца, увидя на деревѣ птичье гнѣздо, зарыдалъ и въ этихъ поэтическихъ выраженіяхъ жаловался на свою судьбу: «лютѣ мнѣ! кому уподоблюся азъ? не уподобихся ни птицамъ небеснымъ, яко птицы небесніи плодовицы суть, ни звѣремъ земнымъ, яко звѣри земніи плодовицы же суть; не уподобихся азъ никому-же — ни водамъ, яко воды сія плодовицы суть, волны бо ихъ утѣшающе и рыбы ихъ глумящеса! ни земли сей, яко и земля приноситъ плоды своя на всяко время!» Бояре отвѣчали ему: «государь! неплодную смоковницу поѣдкають и измешуть ѣзъ вертограда.» И вел. князь, послѣ двадцати лѣтъ супружества съ Соломоніей, повелѣлъ постричь ее въ монахини: несчастную княгиню вывели изъ дворца, насильно постригли и заключили въ женской обители въ Суздали ²⁾. Князь Курбскій обвиняетъ и самого Василя въ такой-же заботливости помочь себѣ чарами: женившись снова на молодой женѣ, «самъ «старъ будучи, онъ искалъ чаровниковъ презлыхъ отовсюду, «да помогутъ ему ко плодотворенію. О чаровникахъ оныхъ «такъ печашеса, посылающе по нихъ тамо и овамо, ажъ до «Корелы, и оттуду провожаху ихъ къ нему... совѣтниковъ «сатанинскихъ, и за помощію ихъ отъ прескверныхъ сѣменъ,

на Марьѣ Юрьевнѣ Козинской, довольно-пожилой вдовѣ, то она подобными-же средствами хотѣла упрочить расположеніе своего мужа. При обыскѣ въ сундукѣ ея найденъ былъ мѣшочекъ съ пескомъ, волосами и другими снадобьями, которыя (по свидѣтельству служанки) дала княгиня одна старуха—для того, чтобы ее любилъ князь—Живень кн. Курбскаго, I, 98. — ¹⁾ Ак. Ист., I, 130. — ²⁾ П. С. Р. Л., IV, 295—6; Карамз. И. Г. Р., изд. 2, VII, 137.

«по произволенію презлому, а не по естеству отъ Бога вложенному, уродилешся ему два сына: единъ таковой прелютый и кровопійца..., а другій былъ безъ ума и безъ памяти и безсловесенъ. Ту ми зрите и прилежно созерцайте, христіанскіе родове! яже дерзають непреподобнѣ приводити себѣ на помощь и къ дѣткамъ своимъ мужей презлыхъ чаровниковъ и бабъ, смывателей и шептуней, и иными различными чарами чарующихъ, общую со діаволомъ и призывающе его на помощь, что за полезную и яковую помощь отъ того имѣете!»¹⁾ Въ 1547 году Москву постигла страшная кара: великій пожаръ испепелилъ всѣ зданія, ни огороды, ни сады не уцѣлѣли, около 2000 народу сдѣлалось добычею пламени; народная молва приписала это бѣдствіе чародѣйству и обвинила въ немъ Глинскихъ, родственниковъ молодого царя по матери; были они, говорятъ лѣтописецъ, у государя въ приближеніи и жалованіи, допускали грабежъ и насильство, и чрезъ то возбудили противъ себя общую ненависть черныхъ людей. Царскій духовникъ Благовѣщенскій протопопъ Ѳеодоръ Барминъ, бояринъ князь Ѳеодоръ Скопинъ-Шуйскій да Иванъ Ѳеодоровъ довели о томъ до свѣдѣнія государя, и онъ приказалъ розыскать боярамъ. Бояре пріѣхали въ Кремль на площадь, къ Успенскому собору, собрали черныхъ людей и стали спрашивать: кто зажигалъ Москву? Толпа закричала: «внягиня Анна Глинская съ своими дѣтьми и съ людьми волховала, вынимала сердца человѣческія, клала ихъ въ воду, да тою водою, ѣздячи по Москвѣ, кропила — и отъ того Москва выгорѣла!» На площадь явился и Юрій Глинскій, родной дядя государя; но, слыша такое ужасное обвиненіе, поспѣшилъ укрыться въ Успенскомъ соборѣ. Озлобленная чернь бросилась за нимъ, убила его въ самой церкви и поволокла

¹⁾ Сказанія ки. Курб., изд. 2, 101—2.

трупъ на торговое мѣсто, гдѣ обыкновенно совершались казни; побили и многихъ людей его, а имущество разграбили. На третій день послѣ этого толпа приходила къ царю въ село Воробьево и требовала выдачи Анны Глинской и кн. Михаила Глинскаго, и только строгія мѣры, принятыя Иваномъ IV, заставили ее разбѣжаться ¹⁾. Какъ въ смерти Маріи Тверской подозрѣвали участіе волшебства, такъ къ тому-же обычному обвиненію прибѣгли и противники Адашева и Сильвестра, при кончинѣ царицы Анастасіи (1560 г.); по свидѣтельству Курбскаго ²⁾, они говорили, «аки бы счаровали ее оные мужи» ³⁾, и совѣтовали царю не допускать ихъ передъ свое лице: «аще припустишь ихъ къ себѣ на очи, очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ... обяжутъ тя паки и покорятъ аки въ неволю себѣ»; и до сихъ поръ держали тебя, великаго государя, словно въ оковахъ, «а то творили они своими чарѣвствами, аки очи твои закрывающе, не дали ни на что зрѣти, хотяще сами царствовати и надъ всѣмъ владѣти». Внушенія эти должны были производить сильное вліяніе на воспримчивую и подозрительную душу Ивана Грознаго, который относительно вѣры въ колдовство стоялъ невыше своихъ современниковъ. Такъ знаменитый воевода князь Михайлъ Воротынский, обвиненный въ тайныхъ сношеніяхъ съ вѣдьмами, былъ преданъ имъ жесточайшимъ пыткамъ. Связаннаго князя привели и поставили передъ царемъ, который сказалъ ему: «се на ты свидѣтельствуешь слуга твой, иже мя еси хотѣлъ счаровати и добывалъ еси на меня бабъ шепчущихъ». Воротынский отвѣчалъ: «не научихся, о царю! и не навыкохъ отъ прародителей сво-

¹⁾ Царств. книга (СПБ., 1769), 137—143. — ²⁾ Связан. кн. Курб., 76. — ³⁾ Испрашивая церковнаго разрѣшенія на четвертый бракъ, Иванъ IV говорилъ, что первая жена его изведена «вражїимъ наветомъ и злыхъ людей чародѣйствомъ и отравами» — Др. Рес. Визлїон., XIII, 104.

ихъ чаровать и въ бѣсовство вѣрнѣти, но Бога единого хвалити... А сей клеветникъ — мой есть рабъ и утече отъ меня, окравши мя: не подобаетъ ти сему вѣрнѣти и ни свидѣтельства отъ таковаго прїимати, яко отъ злодѣя и отъ предателя моего, лже-клеветущаго на мя!» По царскому повелѣнію, Воротынскаго положили на бревно между двухъ огней и начали медленно поджаривать, при чемъ самъ Грозный жезломъ своимъ подгребалъ къ его обнаженному тѣлу горячіе уголья. Послѣ пытки еле-живаго князя повезли въ ссылку на Бѣлоозеро, но на дорогѣ туда онъ скончался ¹⁾. Если вѣрнѣти Горсею, Иванъ IV въ послѣдніе годы жизни вполне отдался предрасудкамъ своего вѣка. Зимой 1584 года явилась комета; больной царь вышелъ на Красное крыльцо, долго смотрѣлъ на нее и потомъ, измѣнившись въ лицѣ, сказалъ окружающимъ: «вотъ знаменіе моей смерти!» Встревоженный этой мыслію, онъ рѣшился прибѣгнуть къ волшебству; по его указу, на сѣверѣ Россіи ²⁾ было собрано до шестидесяти чародѣекъ; привезенныя въ Москву, онѣ содержались здѣсь подъ стражею, и царскій любимецъ Богданъ Бѣльскій ежедневно посѣщалъ ихъ, выслушивалъ и передавалъ царю ихъ предвѣщанія. Колдуньи утверждали, что свѣтила небесныя враждебны для государя и что онъ умретъ 18-го марта. Царь пришелъ въ бѣшенство и высказалъ желаніе, чтобы въ этотъ самый день живыя колдуньи были преданы сожженію. Утромъ 18-го марта онъ почувствовалъ себя лучше и послалъ Бѣльскаго объявить чародѣйкамъ: какая ожидаетъ ихъ казнь за ложное предсказаніе. «Не гнѣвайся, бояринъ! отвѣчали онѣ, день начался съ восходомъ солнца, а кончится только съ его закатомъ.» Между тѣмъ царь соби-
241. 1788
1584
241. 1788
V

¹⁾ Сказ. вн. Курб., 99—100. — ²⁾ Между Холмогорами и Лапландіей.

но вдругъ упалъ въ обморокъ, и вскорѣ затѣмъ испустилъ послѣднее дыханіе ¹⁾). Подъ 1570 годомъ Псковской лѣтописи находимъ интересное свидѣтельство, что Иванъ Грозный, по возвращеніи изъ ливонскаго похода, приблизилъ къ себѣ «нѣмчина лютаго волхва, нарицаемаго Елисъя, и бысть ему любимъ». Это былъ медикъ Божелій, родомъ голландецъ. Онъ навелъ на царя «страхованіе» (боязливое недовѣріе къ своимъ), «на русскіхъ людей царю возложи свирѣпство, а къ нѣмцамъ на любовь преложи». Это вліяніе иноземца лѣтописецъ объясняетъ такъ: узнали безбожные нѣмцы посредствомъ гаданій, что бытъ имъ отъ русскаго государя разореннымъ до конца, и того ради прислали къ нему такого злаго еретика, «понеже русскіе люди прелестни и падки на волхованіе» ²⁾).

Изъ крестоцѣловальныхъ записей на вѣрность царямъ Борису Годунову, Василю Шуйскому и Михаилу Ѳедоровичу видно, до какой степени сильна была въ ту эпоху вѣра въ возможность и могущество волшебныхъ чаръ; по всемъ городамъ и селеніямъ подданные обязаны были клясться: «а лиха смнѣ государю, царицѣ и ихъ дѣтямъ не хотѣти, не мыслити см не дѣлати некоторою хитростію — ни въ ѣствѣ, ни въ спитѣ, ни въ платѣ, ни въ иномъ чемъ никакого лиха см не учинити, и зелья лихаго и коренья не давати и не смспортити; да и людей своихъ съ вѣдовствомъ да со всякимъ лихимъ зельемъ и съ кореньемъ не посылати, а вѣдуновъ и вѣдуней не добывати на государево лихо, и ихъ, государей, на слѣду всякимъ вѣдовскимъ мечтаніемъ не смспортити, ни вѣдовствомъ смпо вѣтру никакого лиха не посылати и слѣду смне выимати». Всякой, кто узнаеть о подобныхъ злыхъ

¹⁾ О. З. 1859, IX, 113—5; Библи. для Чтен. 1865, V, 63—65; Карамз. И. Г. Р., IX, 433. — ²⁾ П. С. Р. Л., IV, 318.

умыслахъ другаго человѣка, долженъ схватить его или сдѣлать на него извѣтъ ¹⁾. О Борисѣ Годуновѣ, еще правитель при царѣ Федорѣ Ивановичѣ, рассказывается въ одной современной повѣсти, что онъ по разнымъ городамъ собиралъ волхвовъ и кудесниковъ, и ихъ «волшебствомъ и прелестію сотвори, яко и самъ царь Федоръ Ивановичъ вельми любляше его.» Въ Морозовскую лѣтопись занесено любопытное извѣстіе, будто волхвы предсказали Борису, что ему суждено царствовать, но что царствованіе его будетъ недолгое: «призвавъ къ себѣ волхвовъ и волшебницъ, и вопросы ихъ: возможно ли вамъ сіе сдѣло усмотрѣти... буду ли я царемъ? Врагоугодницы же ему «сказаша: истинно тебѣ возвѣщаемъ, что получиши желаніе «свое—будеши на царствіи московскомъ; только на насъ не «прогнѣвайся... недолго твоего царствія будетъ, только семь «лѣтъ. Онъ же рече имъ съ радостію великою и лобызавъ «ихъ: хотя бы семь дней, только бы нима царское положити «и желаніе свое совершити!» ²⁾ Въ старину ни одно важное дѣло не обходилось безъ обвиненій въ чародѣйствѣ, и вотъ когда началось слѣдствіе объ убіеніи царевича Дмитрія, то въ числѣ показаній, отобранныхъ отъ различныхъ лицъ, встречаемъ и такія: была у Михайла Битяговскаго юродивая жончка и хаживала къ царицѣ Марьѣ ³⁾ «для потѣхи», и какъ царевичу приключилась смерть, царица Марья приказала ту жонку отыскать и убить—за то, что она царевича портילה; а Михайло Нагой велѣлъ убить Битяговскаго, который съ нимъ почасту бранивался и уличалъ, будто онъ добываетъ на государя и государыню вѣдуновъ и хочетъ ихъ портить. Между этими вѣдунами названъ былъ Андрюшка Мочаловъ, котораго предписано было сыскать и въ оковахъ (по рукамъ и ногамъ)

¹⁾ Ак. Арх. Эксп., II, 10, 44; Доп. къ Ак. Ист., II, 1; Юрид. Ак., 333. — ²⁾ Карам. И. Г. Р., X, примѣч. 221. — ³⁾ Мать Дмитрія.

привезти въ Москву съ великимъ бережецьемъ; что было потомъ съ Мочаловымъ? — неизвѣстно ¹⁾. Ко времени царя Ѳеодора Ивановича относится розыскъ надъ вѣдунами, которые сгубили въ Астрахани крымскаго царевича Муратъ-Гирея. Въ 1591 г., рассказываетъ лѣтопись, басурмане прислали изъ Крыму вѣдуновъ, и тѣ испортили царевича. Воеводы, видя его болѣзнь, привели къ нему лѣкаря-арапа. Лѣкарь отозвася, что «его излѣчить не можно, покаиѣста сыщеть вѣдуновъ, «кои его портили; и взя съ собою людей русскихъ и пошелъ «въ юрты, и въ юртахъ переималъ вѣдуновъ, и приведе къ «нему и муча ихъ.. Вѣдуны ему рекоша: буде де кровь ихъ «не замерзла ²⁾, инъ де можно пособить. Тотъ-же арапъ, «многий знатець, повелѣ имъ вѣдунамъ изъ себя метати «кровь въ лохань. Они же изъ себя выметали всю кровь, «кои татарове и татарки перепорчены съ царевичемъ». Лѣкарь спросилъ: «коево чья кровь? и они начаша сказывати все по «ряду; коя де кровь не замерзла, и тою кровью помажутъ ко- «торого татарина или татарку, и онъ живъ станетъ; царевича «же кровь и царицына всѣ замерзли, и они сказали, что имъ «живымъ не быть.» Воеводы дали знать о томъ въ Москву; царь Ѳеодоръ послалъ въ Астрахань Астаѳья Пушкина и велѣлъ ему учинить розыскъ и «тѣхъ вѣдуновъ пытать накрѣпко, по чьему умышленію царевича и царицу и татаръ испортили? и пытавъ ихъ, государь велѣлъ пережечь». По приѣздѣ въ Астрахань, Пушкинъ принялся за пытки, но ничего не могъ доискаться. Тогда пришелъ арапъ и посоветовалъ вложить колдунамъ въ зубы конскія удила, повѣсить ихъ за руки и бить не по тѣлу, а по стѣнѣ противъ нихъ, «и они все почали «сказывати. Воеводы же, пытавъ ихъ, велѣли жечь; а жегъ

¹⁾ Собр. Гос. Грам. и Дог., II, стр. 107, 118, 123. — ²⁾ Т. е. не сгустилась. У Карамзина (И. Г. Р., X, примѣч. 254), вмѣсто этого слова, стоитъ: «не умерла».

«тотъ-же арапъ своимъ мастерствомъ. А какъ стали ихъ жечь, и туто слетѣлися сорѸкъ и воронъ многое множество... и какъ ихъ пережгли — и онѣ (птацы) все исчезли. А на пыткахъ тѣ вѣдуны сказывали, что портили царевича и царицу и татаръ—пили изъ нихъ изъ сонныхъ кровь» ¹⁾. Вѣроятно, смерть татарскаго царевича, его женъ и людей произошла отъ тайной отравы, но была приписана вѣдунамъ, на которыхъ (какъ мы знаемъ) нерѣдко падало обвиненіе въ томъ, что они высасываютъ человѣческую кровь. Лѣтописецъ передаетъ это событіе по тѣмъ слухамъ, какіе ходили о немъ въ народѣ, и потому оставилъ свой рассказъ суевѣрными подробностями, очевидно-заимствованными изъ народныхъ преданій о колдунахъ и вампирахъ. Приведенные на пытку, вѣдуны «морочили» своихъ палачей, отводили имъ глаза и до тѣхъ поръ оставались нечувствительными къ мѹкамъ, пока хитрый лѣкаръ не научилъ ударять по стѣнѣ (сравни стр. 446, 557, 575, 582). По воцареніи Бориса Годунова, онъ подозрительно смотрѣлъ на окружающихъ его бояръ, изъ которыхъ многіе вели свой родъ отъ Рюрика, а другіе были въ свойствѣ съ вымершимъ царскимъ домомъ. Опасаясь крамолъ, онъ охотно выслушивалъ донощиковъ, награждалъ ихъ помѣстьями и деньгами, и тѣмъ самымъ поощрялъ боярскихъ холопей къ шпіонству и ложнымъ извѣтамъ на своихъ господъ. Наиболѣе легкій способъ обнести кого-бы то ни было въ государственной измѣнѣ и заставить вѣрить своему доносу — было обвиненіе въ чарахъ противъ государева здоровья. Таковъ извѣтъ сдѣланъ былъ на Романовыхъ. Лѣтописецъ рассказываетъ объ этомъ такъ: дворовый челоувѣкъ и казначей боярина Александра Никитича Романова, Второй Бартеневъ, пришелъ тайно къ дворецкому Семену Годунову и объявилъ ему:

¹⁾ Лѣтоп. о многихъ мятежахъ, 15—16.

«что ми царь повелитъ сдѣлать надъ государя моиѣ, то и сотвори!» Дворецкій обрадовался и возвѣстилъ царю Борису; а «Борисъ велѣлъ ему сказать многое свое жалованье. Семенъ же умысли со Вторымъ и наклаша всякого коренья въ мѣшки, и повелѣлъ ему положить въ казну Александра Никитича. Той-же Второй, сотворя тако, приде доводить на государя своего.» Послѣдовалъ обыскъ, коренье было вынута, привели Романовыхъ Федора Никитича съ братьями, отдали ихъ подъ стражу, пытали и потомъ сослали въ отдаленныя мѣста ¹⁾. О Василии Шуйскомъ въ хронографѣ Кубасова сказано, что онъ «къ волхвованію прилѣжаше» ²⁾; а по свидѣтельству Петрея ³⁾, онъ, желая поддержать себя на престолѣ, собиралъ отовсюду колдуновъ и колдуней, и для ихъ вѣдовскихъ дѣлъ, приказывалъ вынимать изъ живыхъ коней сердца и вырѣзывать плодъ изъ беременныхъ женщинъ: когда колдуны чаровали и творили заклятія—царскія войска одерживали верхъ надъ непріателемъ, а когда чары прекращались—въ то время одолѣвали поляки.

При царѣ Михайлѣ Федоровичѣ въ 1632 г. была отправлена во Псковъ грамота съ запрещеніемъ, подъ смертною казнію, покупать у литовцевъ хмѣль; потому что посланные за рубежъ лазутчики объявили, что есть въ Литвѣ баба-вѣдунья и наговариваетъ она на хмѣль, вывозимый въ русскіе города, съ дѣлю навести чрезъ то на Русь моровое повѣтріе ⁴⁾. Въ то же царствованіе 1625 годѣ велѣно было вы-

¹⁾ Лвт. о мног. мятеж., 56—60. Федоръ Никитичъ былъ постриженъ и сосланъ въ Антоніевъ Сійскій монастырь, а Александръ Никитичъ въ Усолье-Луду къ Бѣлому морю. Есть еще извѣстіе, что Михайло Молчановъ „за воровство (въ древнемъ значеніи этого слова) и чернокнижество былъ на пыткѣ кнудомъ битъ“—Карамз. И. Г. Р., XII, примѣч. 49. — ²⁾ Рус. Дост., I, 175. — ³⁾ Ч. О. И. и Д. 1866, II, 627. — ⁴⁾ Ак. Арх. Эксп., III, 197. Патриархъ константинопольскій навѣщалъ однажды Михаила, чтобы

слать въ Москву изъ Верхотурья протопопа Якова, вмѣстѣ съ «воровскимъ кореньемъ», такъ какъ во время обыска у него найдены были въ коробѣ: трава багрова, три кореня да «комѣкъ перхчевать бѣлъ», а въ допросѣ онъ самъ показалъ, что снадобья эти далъ ему казакъ Степанко Козьи Ноги ¹⁾. Подобный-же случай извѣстенъ намъ отъ XIV столѣтія, когда на берегахъ Вожи схваченъ былъ попъ, пробиравшійся изъ орды съ мѣшкою «злыхъ и лютыхъ зелій»; «истязавше много», отправили его въ заточеніе на Лачь-озеро ²⁾. Въ 1628 г., по доносу архимандрита нижегородскаго Печерскаго монастыря и по указу патріаршему, былъ розыскъ надъ дьячкомъ Семейкою, который держалъ у себя «недобрыя ересныя» тетради да приговору нѣсколько строкъ. Семейко показалъ, что тетради онъ поднималъ въ одной каменной башнѣ, а заговоръ далъ ему стрѣлецъ и писанъ онъ «къ борьбѣ» (т. е. на охрану въ бою). По осмотру, тетради оказались гадательныя, называемыя Рафли, по которымъ (какъ извѣстно) ворожили во время судебныхъ поединковъ («поля»). Тетради эти были сожжены, а дьячокъ сосланъ въ монастырь, гдѣ велѣно было сковать его по ногамъ въ желѣза и приставить къ чернымъ работамъ, а причастія не давать ему впредь до патріаршаго разрѣшенія, исключая только смертнаго часу ³⁾. Въ 1660 г. подана была челобитная на другаго дьячка Ивана Харитоновна въ томъ, что онъ травы рветъ и коренья копаетъ по лугамъ, и свадьбы отпускаетъ, и жены съ младенцами къ нему часто приходятъ. При челобитной приложены въ уликъ два заговора, писанные Харитоновымъ: одинъ на

онъ остерегалъ свое здоровье отъ грамотъ турецкаго царя и его подарковъ, потому что султанъ пишетъ на него досаду за миръ съ Польшею: такъ не было бы какого „часмычюнаго дурна“—Истор. Рос. Соловьева, IX, 449. — ¹⁾ Ак. Ист., III, 137. — ²⁾ П. С. Р. Л., VIII; 33. — ³⁾ Ак. Арх. Эксп., III, 176.

закливленіе ранъ, а другой на умиленіе «сердца сердитыхъ людей» ¹⁾ Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ заключить, что до начала XVIII-го столѣтія бѣлое духовенство немного чѣмъ превосходило въ умственномъ развитіи другіе классы общества и раздѣляло съ ними одинаковые предразсудки. [Статья о ложныхъ книгахъ говоритъ: «суть же между божественными писаніями ложная писанія — насѣяно отъ еретикъ на папскость невѣжамъ попомъ и діакonomъ: льстивые сборники сельскіе и худые маноканонцы (номоканонцы) по молчтвенникомъ — у сельскихъ, у неразумныхъ поповъ, лживые молитвы, врачевальныя, о трясавицахъ и о нежитѣхъ и о недузѣхъ, и грамоты трясавскія пишутъ на прософрахъ ²⁾ и на яблочѣхъ, болѣзти ради; все убо то не свѣжди дѣють и держатъ у себя отъ отецъ и прадѣдъ, и въ томъ безуміи гинуть» ³⁾ (Въ грамотѣ на основаніе Львовскаго братства (1586 г.) сказано: «а если бы былъ который попь чаровникъ или ворожить книжный, или ворожку и волшебницу, або чаровницу при церкви держалъ, или въ мѣстѣ, или въ селѣ, или бы самъ до ворожекъ ходилъ или кого посылалъ... оповѣдати его епископу, да приметъ судъ по правиломъ св. отецъ» ⁴⁾). Здѣсь, конечно, указаны случаи — не только возможные, но и бывавшіе въ жизни.] Процессы о вынутыхъ травахъ, кореньяхъ, заговорныхъ письмахъ и другихъ волшебныхъ снадобьяхъ составляли въ XVII вѣкѣ весьма обыкновенное явленіе. Въ 1666 году посланъ былъ въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь, на исправленіе, посадскій чело-вѣкъ Аничка Громниковъ за то, что учился «заговорнымъ словамъ» — съ цѣлю отомстить недружбу; велѣно было

¹⁾ Волог. Г. В. 1843, 23 — ²⁾ О томъ-же упоминаетъ и грамота 1551 года — Ак. Арх. Эксп., I, 232. — ³⁾ Лѣтопись занятій Археогр. Ком., I, 41. — ⁴⁾ Памятн., изд. Киев. Врем. Комис., III, 17—18.

везти его скованнымъ и бережно, а въ монастырѣ держать подъ началомъ до государева указу ¹⁾). Въ тревожное время возстанія Стеньки Разина извѣстны два случая сожженія за чародѣйство (1671—2 годовъ). Когда Юрій Долгорукой двинулся съ войскомъ къ Темникову, то жители вышли къ нему на встрѣчу съ крестами и иконами, молили о прощеніи и выдали двухъ поповъ, какъ главныхъ заводчиковъ смуты, и старицу, которая «войско себѣ собирала и съ ворами вмѣстѣ воровала, да съ нею-же принесли воровскіе заговорные письма и коренья». Воевода приказалъ ихъ пытать и огнемъ жечь, и «воръ-старица въ распросѣ и съ пытки сказала: зовутъ ее Аленю, родиною де она города Арзамаса Выѣздные слободы крестьянская дочь и была замужемъ тое-жъ слободы за крестьяниномъ, и какъ де мужъ ее умеръ—и она постриглась и была во многихъ мѣстехъ на воровствѣ и людей портила; а въ нынѣшнемъ 1671 году пришедъ она изъ Арзамаса въ Темниковъ и собирала съ собою на воровство многихъ людей... и стояла въ Темниковѣ на воевоцкомъ дворѣ съ атаманомъ съ Федькою Сидоровымъ и его учила вѣдовству». Поповъ повѣсили, а «вора-старицу за ее воровство и съ нею воровскіе письма и коренья» сожгли въ срубѣ ²⁾). Точно также въ Астрахани былъ живо сожженъ бунтовщикъ Кормушка Семеновъ— за то, что у него найдена тетрадка съ заговорами ³⁾). Въ 1674 году въ Тотмѣ сожжена въ срубѣ, при многочисленном стеченіи народа, женка Федосья, оговоренная въ порчѣ; передъ самую казню она заявила, что никого не портила, а поклепала себя при допросѣ, не стерпя пытки ⁴⁾). Судебный розыскъ сопровождался въ эту эпоху страшными истязаніями; жестокость пытокъ была такова, что съ одной стороны она

¹⁾ Доп. къ Ак. Ист., V, 12. — ²⁾ Матер. для исторіи возмущ. Ст. Разина, 107—8. — ³⁾ Ак. Ист., IV, 202, LXXV. — ⁴⁾ Истор. Рос. Соловьева, XIII, 167.

дѣйствительно вынуждала обвиняемыхъ къ оговариванію себя въ небывалыхъ преступленіяхъ, а съ другой заставляла ихъ прибѣгать къ помощи чаръ и заклятій, дабы тѣло свое сдѣлать нечувствительнымъ къ боли. Такъ въ 1648 г. устюжанинъ Ивашка, прозвищемъ Солдатъ, когда во время розыска вынули у него изъ-подъ пяты какой-то камень, повинился, что сидѣлъ съ нимъ въ тюрьмѣ разбойникъ Бубень и училъ его вѣдовству — какъ отъ пытки оттерпѣться; надо де наговаривать на воскъ эти слова: «небо дубяно и земля дубяна, и какъ въ землѣ мертвые не слышатъ ничего, такъ бы имарекъ не слыхалъ жесточи и пытки!» ¹⁾. Въ разрядной книгѣ 1675 года записаны два краткія извѣстія: одно — о Григоріи Косаговѣ, на котораго духовникъ его подалъ извѣтъ, будто онъ держитъ у себя еретическія книги, и по тому извѣту царь приказалъ Косагова послать къ патриарху для изслѣдованія и очной ставки съ обвинителемъ; другое — о бояринѣ князѣ Ѳеодорѣ Куракинѣ, которому велѣно было не сѣзжать съ своего двора до государева указа — за то, что онъ держалъ у себя въ домѣ «вѣдомую вориху дѣвку Ѳеньку, слѣпую и ворожею»; самую Ѳеньку, вмѣстѣ съ дворовыми людьми Куракина, велѣно было пытать жестокою пыткою комнатнымъ боярамъ да дяку тайныхъ дѣлъ, и которыхъ людей станетъ она оговаривать — тѣмъ давать съ нею очныя ставки и пытать ихъ накрѣпко ²⁾. Въ 1677 году приведенъ былъ въ сѣзжую избу бо-
Vбыль олонецкаго уѣзда Калининъ Ортемьевъ, и вынуты у него изъ узловъ: травы, коренья, табакъ, кость жженая съ воскомъ, змѣя и летучія мыши; а въ распросѣ и съ пытки показалъ, что всѣ эти снадобья далъ ему коновалъ Симонъ-вѣичинъ. Велѣно было пытать его вторично и допрашивать съ великимъ пристрастіемъ, и что онъ покажетъ — о томъ донес-

¹⁾ Ibid., X, 164. — ²⁾ Дворц. Разряды, III. 1288, 1428

ти государю. Чѣмъ кончилось это дѣло? — неизвестно ¹⁾. Другой подобный-же процессъ, вызванный волшебными «узлами» (наузами), былъ въ 1680 году. Иноземецъ Зинка Ларионовъ сдѣлалъ доносъ на нѣсколькихъ крестьянъ въ лихихъ кореньяхъ и подалъ въ приказную избу полицнаго «крестъ иѣдный да корешокъ невеликъ, да травки немного — завязано въ узлишки у креста». Изъ числа обвиняемыхъ Игнашка Васильевъ призналъ крестъ своимъ и на распросѣ показывалъ: корень тотъ «девесилной, а травка де растетъ въ огородахъ, а какъ зовутъ ее — того онъ не вѣдаетъ; а держитъ онъ тотъ корешекъ и травку отъ лихорадки, а лихихъ де травъ и кореня онъ не знаетъ и за дурномъ не ходитъ». По осмотру посадскаго человѣка Якушки Паутова оказалось, что корень именуется «девятины — отъ сердечные скорби держать, а травшко держать отъ гнетенишныя скорби (лихорадки), а лихаго де въ томъ ничего нѣтъ». Другой подсудимый объявилъ, что ему положили въ зепь ²⁾ травы въ то время, какъ онъ былъ на кружечномъ дворѣ пьяный, въ безпамятствѣ. Крестьянъ, оговоренныхъ иноземцемъ Зинкою, пытали, а потомъ били батогами, чтобъ впередъ неповадно было нашивать-ся до безпамятства и носить при себѣ кореня ³⁾.

¹⁾ Доп. къ Ак. Ист., VIII, 29. — ²⁾ Карманъ. — ³⁾ Ак. Юрид., 30; см. также въ Лѣтоп. занятій Археогр. Ком., I, 17 — указаніе на оговоръ одной черемиски въ порчахъ отравнымъ зельемъ. Замѣчательно, что рядомъ съ этими преслѣдованіями за держаніе при себѣ травъ и кореній — самъ благочестивый царь Алексѣй Михайловичъ приказывалъ стольнику Матюшкину высылать крестьянъ въ купальскую ночь для сбора серебориннаго цвѣту, интерьяновой и мятной травъ и дягильнаго корня, а сибирскимъ воеводамъ предписывалъ развѣдывать про лѣкарственныя травы и присылать ихъ въ Москву — Доп. къ Ак. Ист., III, 71; VI, 127. Такое противорѣчіе легко уживалось; потому что зелья бываютъ разными: и лихія, и добрыя, а недостатокъ научныхъ свѣденій и духъ взаимнаго недовѣрія заставляли всякой разъ, когда находили у кого-нибудь невѣдомый корень или траву, подозревать злой умыселъ.

Обвиненія въ чародѣйствѣ нерѣдко возникали изъ чувства личнаго недоброжелательства, ненависти и мести; при этомъ хватались за первое неосторожное слово, сказанное въ раздраженіи, запальчивости, съ-пьяну или ради шутки. Отъ временъ царя Алексѣя Михайловича дошло до насъ судное дѣло между Никитою Арцыбашевымъ и Иваномъ Колобовымъ. Сначала Арцыбашевъ, въ поданной имъ челобитной, обзывалъ Колобова кудесникомъ и утверждалъ, будто видѣлъ у него «волшебныя заговорныя письма», которыми тотъ испортилъ его жену и околдовалъ бояръ и воеводъ; а потомъ противники помирились и подали заявленіе, что желаютъ прекратить это дѣло, что Никита возбудилъ его затѣйкою, исполняя свою недружбу, такъ какъ между ними и допрежъ сего были многія тяжбы въ помѣстномъ приказѣ и взаимныя искн о безчестьи ¹⁾). Въ 1636 году въ ошмянскую гродскую книгу записана жалоба арендатора еврея Гошка Ескевича на крестьянина Юрка Войтюлевича: былъ Юрко у него въ домѣ, пилъ горѣлку съ своими знакомыми и задумалъ сдѣлать ему зло — «здоровья позбавити». Какъ только вошелъ Гошко въ свѣтлицу, то Юрко «съ чародѣйскою приправою» подалъ ему изъ своихъ рукъ стаканъ водки, молвя: «привитайте!» Жидъ ~~пился~~ взялъ за стаканъ, но съ великаго страху руки у него затряслись и онъ пролилъ горѣлку. Тогда Юрко погрозилъ ему пальцемъ и сказалъ: «это тебѣ не пройдетъ даромъ!» а Гошко, припомнивъ, что на него Войтюлевича «отъ многихъ людей поголоска идетъ, же чарами своими шкодить», началъ протестовать передъ людьми на тотъ случай, если бы ему, его женѣ или дѣткамъ учинился какой ущербъ въ здоровьи. — Чтожъ съ того? отвѣчалъ Юрко; «на мнѣ не все угонишь!» На ту пору вошелъ въ свѣтлицу сынъ хозяина, четырех-лѣтній мальчикъ; люди же называютъ: «кгда чаровникъ при своихъ дѣлахъ будетъ уда-

¹⁾ Новгор. Сборн. 1865, II.

ренный», то его чары будутъ недействительны, и потому Гошка бросился на Юрка и сталъ его бить; ихъ тотчасъ-же развели, и Юрко отправился домой. Какъ нарочно, къ вечеру того-же дня сынъ еврея Гошка впалъ въ тяжкую болѣзнь, которая (какъ свидѣтельствуесть сдѣланный осмотръ) такъ изсушила его, что только и остались кожа да кости. Винови-комъ этой болѣзни отецъ призналъ Юрка Войтюлевича и подалъ на него жалобу; какъ велось это дѣло и чѣмъ оно окончилось? — мы не знаемъ. Въ книгу полоцкой ратуши 1643 года занесенъ процессъ по обвиненію въ чародѣйствѣ Василя Брыкуна. Обвинителями его были полоцкіе мѣщане: а) Янушъ, сынъ Толстаго, жаловался, будто Василій Брыкунъ, прійдя на Великъ день съ улицы, дѣлалъ на стѣнахъ нарѣзки и похва-кою своею чаровницкою молвилъ женѣ Якова Толстаго: «конеч-не згинешь! не того зацѣпила!» Такъ и случилось: «мусела, она на тотъ свѣтъ итти, нарекаячи на Брыкуна». б) Яско Пав-ловичъ доносилъ: поссорился онъ съ Брыкуномъ, и тотъ молвилъ ему въ очи: «ты, Яско, згинешь съ маетностью своею, также и домъ твой; будешь волочиться — гдѣ день, гдѣ ночь!» И чтоже? — слова эти сбылись въ теченіи одного года. в) Иванъ Быкъ подалъ заявленіе, что Брыкунъ похвалялся передъ нимъ, его женою и дѣтми: «будете одинъ отъ другаго, увадзѣвшись з' собою, бѣгать з' дому своего!» — и вслѣдъ затѣмъ двое сыновей ея ушли невѣдомо куда, да и съ женой таже бѣда: «бѣжить на лѣсъ, дѣтей своихъ не любить!» Какъ-то Быкъ сталъ усовѣщевать Брыкуна: «незбожнѣе! покуль я того маю терпѣть отъ тебе, што мои дѣти и жона будутъ бѣгать?» а случилось то у воротъ, гдѣ были складены дрова. — Не только жена и дѣти, отвѣчалъ Брыкунъ, но если «скажу на тые дрова, которые склалъ ты подъ моею стѣною, заразомъ и з' грунту выверну ихъ вонъ!» — и въ ту же минуту дрова дѣйствительно полетѣли сажени на три отъ земли. д) Исаку

Кондратовичу молвилъ однажды Брыкунъ: «ты конечно за два геды усе твое добро з' дому якъ метлою выметешъ, и самъ вязенья натерпишься!» Такъ и сталося: въ тотъ-же день вечеромъ издохла у него корова, а въ продолженіи года погиле до тридцати лошадей, коровъ и свиней, и самъ онъ попалъ въ тюрьму. А лиходѣй еще насмѣхается: «знай, говоритъ, Брыкуна! не сварься со мною; ото-жь тобѣ за тое!» е) Мѣщане слободы Бѣлчицкой Хома Гуца и Петръ Демидовичъ заявили, будто покойный Аникей Кожемяка хворалъ цѣлый годъ, а умирая — говорилъ: «ни отъ кого иду на тотъ свѣтъ въ той моей хоробѣ, только отъ Брыкуна!» Когда они передали эти слова Брыкуну, то онъ «вیتالъ Демидовича пивомъ по полудню, а до вечера трохе не разорвало его, ажъ мусили люди Брыкуну кланяться, абы одходзилъ». Обвинители подтвердили свои извѣты присягою. Выставленные ими свидѣтели показали: а) Павелъ Ивановъ — что восемь лѣтъ тому назадъ умеръ у него отецъ и въ послѣднемъ своемъ издыханіи нарекалъ на Брыкуна: пилъ онъ съ Брыкуномъ горѣлку, и съ того приключилась ему болѣзнь, а когда скончался — тѣло его распухло. б) Игнатъ Семеновичъ: «готовили у насъ на дому пиво; на ту пору пришелъ Брыкунъ — и пиво испортилось (się zepsowało, że przez pięć dni jak brań chodziło); вылили его свиньямъ, но и свиньи подохла!» Сталъ я на Брыкуна сердиться, а онъ пригрозилъ мнѣ: ты и самъ высохнешь!» с) Василій Хараковичъ: «позвали меня въ гости на медъ; былъ тамъ и Брыкунъ съ женою; я обнялъ его жену, а онъ закричалъ: облапъ ты лучше печку! — и въ ту же минуту (самъ не вѣдаю для чего) полѣзъ я въ печь, прямо въ дымовую трубу, и пробылъ тамъ часа три». Изъ прочихъ свидѣтелей одни показали, что во время попойекъ отъ «привитанья» Брыкуна брсаало ихъ оземь; другіе, что дѣйствіемъ его чаръ они заблудились въ лѣсу и едва не погубили своихъ коней; наконецъ третьи,

что хотя лично они не видали отъ Брыкуна ничего злаго, но слышали отъ людей, будто онъ — чаровникъ и *wiedźma*. Панъ Саковскій прислалъ письменное удостовѣреніе (аттестацию), что Брыкунъ просилъ у него въ-займы денегъ, и получивши отказъ, молвилъ ему: «раздашь свои деньги людямъ, да назадъ не сыщешь!» Такъ и сдѣлалось: съ той самой поры ни одинъ должникъ ему не платитъ! Адвокатъ со стороны обвиняемаго произнесъ въ его защиту рѣчь, въ которой между прочимъ высказалъ слѣдующія возраженія: «говорятъ, что Брыкунъ — чаровникъ, что молва объ этомъ существуетъ уже десяти лѣтъ; но почему-же никто не доносилъ на него прежде? Почему въ тотъ самый годъ, какъ умерла жена Якова Толстаго, не было сдѣлано никакого протеста? мужъ ея не жаловался. Тоже слѣдуетъ сказать и относительно Кожемяки; когда онъ скончался, ни жена, ни дѣти его не протестовали. Яско Павловичъ считаетъ Брыкуна виноватымъ въ своей бѣдности; но спросите его: когда онъ былъ бѣденъ? Лѣтъ пять, какъ появился онъ въ Полоцкѣ, а до того занималъ дрова на продажу — тѣмъ только и кормился, и съ такимъ состояніемъ пришелъ сюда, съ такимъ и остался. Да и мало ли на свѣтѣ людей обѣдняло и за долги сидятъ въ тюрьмахъ? Что-же, во всемъ этомъ виноватъ Брыкунъ? Вотъ и Кондратовичъ позабиралъ денегъ въ долгъ, растратилъ ихъ и за неплатежъ попалъ въ тюрьму; такъ неужели-жъ Брыкунъ этому причиною? Иванъ Быкъ жалуется, что у него въ дому несогласіе и ссоры; и не диво: самъ онъ человекъ упрямый, а жена его и дѣти — тоже! Что-же касается разсказа о дровахъ, то это — просто вымыселъ». Показаніе Хараковича защитникъ объяснилъ опьяненіемъ, а не чарами: «мало ли чего пьянымъ не грезится!» Также критически отнесся онъ и къ прочимъ пунктамъ обвиненія. При обыскѣ найдены были у Брыкуна узелки съ пескомъ и перцемъ, и когда ихъ представили на судъ, то несчастный

поблѣднѣлъ и затрясся отъ страху. Его пытали огнемъ и встряскою (siagnięciem па drabine), но онъ ни въ чемъ не сознался. Судъ приговорилъ Брыкуна къ сожженію, вмѣстѣ съ найденными у него волшебными наузами, и назначилъ день казни. Брыкунъ не дожидъ до этого дня; онъ перерѣзалъ себѣ ножемъ горло. Трупъ его вывезли въ поле и сожгли рукою палача ¹⁾).

Въ 1606 году поданы были въ Пермь двѣ любопытныя жалобы; оба челобитчика сдѣлали извѣтъ — одинъ на крестьянина Тренку Талева, что тотъ напустилъ икоту на его жену, а другой на посадскаго Семейку Ведерника, который будто бы напустилъ икоту на его товарища по торговлѣ; обвиняемыхъ пытали и вкинули въ тюрьму. Тренку жгли на розыскъ огнемъ и были ему три встряски, а Семейку приводили къ пыткѣ два раза. Мнимыя преступники жаловались въ Москву государю — на поклепъ и несправедливое истязаніе, почему велѣно было произвести повальный обыскъ; попы по священству, а посадскіе люди и волостные крестьяне подъ присягою должны были показать: пускаютъ ли порчу Тренка Талевъ и Семейка Ведерникъ? и буде обыскные люди очистятъ ихъ, скажутъ, что они тѣмъ не промышляютъ, то немедленно отпустить ихъ на свободу ²⁾. Томительная икота и донинѣ въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи считается нечистымъ духомъ, котораго чародѣи насылаютъ по вѣтру на

¹⁾ Археограф. Сборн. документовъ, относящ. къ ист. сѣверо-запади. Руси, I, 295—7, 338—346. Здѣсь-же напечатаны: а) заявленіе полоцкаго мѣщанина Василя Паука (1638 г.) объ очарованіи его дома: кто-то, явившись ночью, облилъ у него невѣдомо чѣмъ ворота и стѣны, въ чемъ Паукъ усматриваетъ чару на свое собственное здоровье и на здоровье своей жены и дѣтей; б) протестъ пана Лисовскаго (1640 г.) на мѣщанина Старымовича, который напустилъ „своей радюю и намовою“ въ его домъ таракановъ (ibid., 307, 323). — ²⁾ Ак. Ист., II, 66.

своихъ враговъ и супротивниковъ; бѣсъ поселяется въ чело-
вѣка и мучитъ его. Обвиненія въ насланіи икоты продолжаютъ
волновать сельское населеніе и еще недавно вызывали вѣща-
тельство мѣстныхъ судовъ (см. стр. 66). Тоже возрѣніе
распространяется и на болѣзни, сопровождаемыя конвульсі-
ями, каковы: падучая и витова пляска. Страдающіе этими недугами
извѣстны въ народѣ подъ общимъ названіемъ «кликушъ».
Подъ вліяніемъ глубоко-корейшагося суевѣрія, кликуши
выкрикиваютъ проклятія и жалобы на тѣхъ, кого подозрѣва-
ютъ въ своей порчѣ. Въ старину появленіе кликушъ было ве-
личайшимъ несчастіемъ для всей общины; ихъ болѣзненный
бредъ принимался съ полнымъ довѣріемъ и вызывалъ судеб-
ныя преслѣдованія. По одному оклику бѣснующейся бабы бра-
ли оговореннаго ею челоуѣка къ допросу, подвергали пыткамъ
и вымучивали у него признаніе въ небываломъ преступленіи.
Кликушество сдѣлалось наконецъ самымъ обыкновеннымъ и
вѣрнымъ способомъ мстить за обиды и недружбу: стоило толь-
ко прикинуться кликушею, чтобы подвергнуть своего врага
страшнымъ истязаніямъ и даже смертной казни. Сверхъ того,
кликуши служили орудіемъ корыстолюбивыхъ дьяковъ и вое-
водъ, которые нерочно подущали ихъ оговаривать богатыхъ
людей, и потомъ, пользуясь обвиненіемъ, обирали чужое добро.
Въ 1669 г. предписано было дознаться въ Шуѣ, какія и отъ
кого именно бываютъ порчи посадскимъ людямъ, ихъ женамъ
и дѣтамъ, да накрѣпко распросить Микишку, какое воровство
онъ вѣдаетъ за Григорьемъ Трофимовымъ, что его де надо
«въ срубѣ сжечь»? Въ слѣдующемъ году ото всего посаду го-
рода Шуи подано было такое явочное челобитье: «въ прошлыхъ
«и въ нынѣшнемъ годѣхъ пріѣзжаютъ въ Шую къ чудотворному
«образу пресв. Богородицы Смоленскія со многихъ городовъ и
«уѣздовъ всякихъ чиновъ люди молитися — мужескій и жен-
«скій полъ и дѣвичь; а привозятъ съ собою всякихъ чиновъ

людей, различными скорбми (одержимых)... и которые при-
 «ѣзжіе люди и шуявъ посацкихъ людей жены и дѣти одержи-
 «ми отъ нечистыхъ духовъ, страждущіе, въ божественную
 «литургію и въ молебное время мечтаются всякими различны-
 «ми кознодѣйствы и кличутъ въ порчѣ своей стороны на уѣзд-
 «ныхъ людей, что де ихъ портятъ тотъ и тотъ человекъ. И
 «въ прошломъ году страдала отъ нечистаго духа шуянина по-
 «сацкаго человекъ Ивашкова жена Маурина, Иринка Федоро-
 «ва, а кликала въ порчѣ своей на шуянина посацкаго человекъ
 «ка, на Федьку Якимова; и по твоему великаго государя ука-
 «зу, по тое Ивашковы жены Маурина выключки, тотъ Федька
 «Якимовъ взять въ Суздаль и кончился злою смертію
 «(конечно, на пыткѣ). А нынѣ та Иринка и уѣздные люди,
 «страждущіе отъ нечистыхъ духовъ, кличутъ въ порчахъ на
 «иныхъ шуявъ посацкихъ людей» — на Ивашку Телегина съ
 товарищи ¹⁾ Заявленіе это сдѣлали шуяне въ съѣзжей избѣ
 воеводѣ—для того, какъ они выразились, «чтобы намъ всѣмъ
 шуяномъ посацкимъ людишкамъ въ томъ не погибнуть, и въ
 пѣнѣ и въ опалѣ не быть; а кто тѣхъ страждущихъ, скорб-
 ныхъ людей портитъ, про то мы не вѣдаемъ». Въ 1671 году
 заявилъ въ шуйской земской избѣ посадской человекъ Федька
 Саратовцовъ: «была де у нихъ свадьба, женился братъ его
 Степка, и на той де свадьбѣ учинилась надъ матерью ихъ Фе-
 доркою и надъ снохою Овдотьицею скорбь—почали быть безъ
 ума и безъ памяти, стали кликать въ порчѣ; а отпуская де
 ту свадьбу отъ всякаго лиха Гришка Трофимовъ сынъ Па-
 нинъ». Въ 1674 г. поступило явочное челобитье отъ шуяни-
 на Гришки Юешина на Федосью, жену Степана Иконника, ко-

¹⁾ Въ другой челобитной сказано: «а послѣ того Оринка въ
 порчѣ кличетъ на Федькину жону на Антонидку, Федѣву дочь,
 будто она Антонидка ее Оринку портитъ и послѣ мужа своего Фе-
 дьки Якимова».

торая бранила его всякою бранью и поносными словами, да ввела на него злохитрымъ своимъ умысломъ, будто онъ ее испортилъ ¹⁾). Чтобы противодѣйствовать этой нравственной заразѣ, Петръ Великій указомъ своимъ 1715 года повелѣлъ хватать кликушъ обоого пола и приводить въ приказы для розыска, дѣйствительно ли они больны, или нарочно накидываютъ на себя порчу? Въ указѣ приведенъ слѣдующій примѣръ притворнаго кликушества: въ 1714 г. въ Петербургѣ плотничья жена Варвара Логинова стала кричать, что она испорчена. Взятая къ допросу, она повинилась, что кричала нарочно: случилось ей быть въ гостяхъ, вмѣстѣ съ своимъ деверемъ; тамъ произошла ссора, и деверя ея прибили. Желая отомстить за родича, Варвара умыслила обвинить своихъ недруговъ въ порчѣ, и спустя нѣсколько дней послѣ драки стала выкрикивать дома и въ церкви, раза по два и по три въ недѣлю, какъ-бы въ совершенномъ безпамятїи ²⁾). Въ 1770 году, въ яренскомъ уѣздѣ, вологодской губерніи, нѣсколько бабъ и дѣвокъ притворились кликушами и по злобѣ на разныхъ лицъ стали оговаривать ихъ въ порчѣ. Оговоренные были схвачены, привезены въ городъ, и тамъ подъ плетью вынуждены были признать себя чародѣями и чародѣйками. Одна изъ этихъ шимыхъ преступницъ (по ея собственному сознанію) напускала порчу по вѣтру посредствомъ червей, полученныхъ ею отъ дьявола; она доставила судьямъ и самымъ червей, а тѣ препроводили ихъ въ сенатъ; оказалось, что это—личинки обыкновенныхъ мухъ. Сенатъ отрѣшилъ за такое невѣжество городскія власти отъ мѣсть, а кликушъ, за ихъ ложныя обвиненія, приговорилъ къ наказанію плетью; да и впредь подобныхъ кликальщицъ предписалъ наказывать и оговаривать ихъ не вѣрить ³⁾).

¹⁾ Опис. гор. Шунъ Борисова, 338—340, 345, 456; Старин. акты, служащ. дополненіемъ къ Описанію г. Шунъ, 193—5, 199. — ²⁾ Полн. Собр. Зак., V, 2906. — ³⁾ Библ. для Чт. 1859, VIII, 9—10.

Вліянієм колдовства объяснялись не только болѣзни, но и всякія житейскія неудачи. Въ 1660 г. заявилъ къ съѣзжей избѣ на Тюмени кречатій помощникъ Дмитрій Головинъ: «въ прошломъ де году онъ Митька не добылъ кречета, потому что де на него хвалили кречатьи помощники Ѳедька Онохинъ съ братомъ съ Ивашкомъ съ Меншимъ, и говорили ему, что де тебѣ не добыть кречета, и надъ нимъ де Митькою Ѳедька съ братью вѣдовалъ; да кто подлѣ нихъ и рыбу ловить, ино де ничего не добудуть... Да пашенной же крестьянинъ Ивашко Букинъ сказывалъ ему Митькѣ: за то де надъ тобою Ивашко Онохинъ и похимостилъ (поколдовалъ ¹⁾), что де ты его бранилъ; а онъ де Митька его Ивашка не бранивалъ ²⁾).

Царскія свадьбы въ старину также рѣдко обходились безъ подозрѣній въ зломъ чародѣйствѣ, какъ теперь не обходятся безъ нихъ свадьбы поселянъ. В. кн. Симеонъ Гордый, по кончинѣ первой жены своей въ 1345 г., сочетался бракомъ съ Евпраксіей, дочерью одного изъ князей смоленскихъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отослалъ ее къ отцу — для того, что «великую княгиню на свадьбѣ испортили: ляжетъ съ великимъ княземъ, и она ему покажется мертвецъ ³⁾).

Третья жена Ивана Грознаго Марѳа Васильевна Собакина, дочь новгородскаго купца, занемогла еще невѣстою, стала сохнуть и черезъ двѣ недѣли послѣ брака скончалась, что также приписано порчѣ злыхъ людей ⁴⁾). И первыя заботы о семейномъ счастіи царя Михаила Ѳедоровича были неудачны: когда не состоялась его свадьба на Марью Ивановну Хлоповой ⁵⁾), онъ взялъ за себя княжну Марью Владиміровну

¹⁾ Обл. Сл., 174, 247. — ²⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, отдѣл. 6, 57. — ³⁾ [Родословн. книга, II, 207. — ⁴⁾ Карамз. И. Г. Р., IX, 187 (изд. 2-е). — ⁵⁾ По мысли цари взята была ко двору „въ верхъ“ дѣвица Марья Ивановна Хлопова и объявлена царскою невѣстою; вскорѣ она заболѣла, обкушавшись сластями. Михайло Салтыковъ донесъ государю, что болѣзнь у Хлоповой

Долгорукову; но она вскорѣ умерла, и лѣтопись утверждаетъ, что царица была испорчена: «грѣхъ же нашихъ ради отъ начала врагъ нашъ дѣволъ, не хотяи добра роду хрестыанскому, научи врага челоувѣка своимъ дѣвольскимъ ухищреніемъ испортиша (-ти) царицу Марью Володимеровну, и бысть государыня больна отъ радости (т. е. со дня свадьбы, которая совершилась 18-го сентября) до Крещенія Господня», а въ

вой великая и нельзя чаить долгаго живота ей, вслѣдствіе чего она была сослана, вмѣстѣ съ своими родичами, въ Тобольскъ, откуда послѣ переведена въ Нижній. Въ 1623 г. дѣло это было поднято снова, такъ какъ до цари дошли слухи, что невѣста его, со времени отсылки ей, находится въ вождѣвленномъ здравіи. Врачи, лѣчившіе невѣсту, сказали, что болѣзнь ея была ничтожная и легко-излѣчимая; а Хлоповы обвиняли во всемъ окольныхъ Михайлу да Бориса Салтыковыхъ. Дядя невѣсты, Гаврило Хлоповъ показалъ: „ходилъ государь въ Оружейную палату и смотрилъ оружейныя казны, и поднесли де къ государю турецкую саблю и почали хвалить, и Михайло де Салтыковъ учалъ говорить, что и на Москвѣ государевы мастера такую саблю сдѣлають. И государь де пожаловалъ, тое саблю далъ въ руки ему Гаврилъ и говорилъ ему: часть ли оны, что такую саблю сдѣлають на Москвѣ? и оны де говорилъ, что сдѣлають, только, чаю, не такову, какова та. И Михайло де тое саблю у него изъ рукъ вырвалъ и молвилъ; что оны говорить не знаючи. И оны де за то съ Михайломъ побранился и поговорилъ съ Салтыковыми гораздо въ разговоръ, и съ тѣхъ де мѣсть Борисъ да Михайло Салтыковы любити ихъ не учали. А послѣ того, недѣли съ двѣ спустя, учала Марья Иванова дочь Хлопова понеомати и почала блевати часто, и часть де отъ сладкихъ идей, потому что ѣдала слясти“. Марья Хлопова показала, что рвало и ломало ее, и опухоль была, а думаетъ, что то учинилося отъ супостаты ея. Результатомъ слѣдствія была ссылка Салтыковыхъ съ ихъ женами въ Галичь и Вологду, такъ какъ они для своей недружбы съ Хлоповыми „любити ихъ не почали—для того, чтобы однимъ быть при государѣ, и ихнею смутю почала быти Марья Хлопова больна“. Больной невѣстѣ (какъ видно изъ слѣдственнаго дѣла) давали пить св. воду съ мощей да камень безуи—Собр. Гос. Гр. и Дог., III, 63—65, 98. Въ 1655 г. доставлены были въ аптекарской приказъ три рога нироговые, и докторъ Грамавъ

Крещенье предала душу свою Богу¹⁾. Известна печальная судьба первой невесты царя Алексѣя Михайловича, дочери Рафа Всеволожскаго. Котошихинъ говоритъ, что избранную невесту испортили жившія во дворцѣ матери и сестры знатныхъ дѣвиць, упоявъ ее изъ-зависти отравами; а по свидѣтельству Коллинса, когда, по принятому свадебному обряду, расчесывали и окручивали невестѣ волосы, то назначенныя къ тому женщины нарочно завязали ей косу такъ крѣпко, что бѣдная дѣвушка упала въ обморокъ. Тогда ее огласили страдающею падучей болѣзною; отпа ея высѣкли кнутомъ, и невестѣ съ дочерью сослали въ Сибирь; но послѣ царь узналъ истину и назначилъ своей бывшей невестѣ двойное содержаніе²⁾. Рассказъ Коллинса подтверждается отчасти и нашими оффиціальными актами: въ 1647 году царь Алексѣй указалъ послать въ заточеніе въ Кирилловъ монастырь подъ крѣпкое начало крестьянина Мишку Иванова «за чародѣйство и косныи разводъ и за наговоръ, что объявились въ Рафовѣ дѣлѣ Всеволожскаго»³⁾. Изъ челобитной боярина Матвѣева, на которую укажемъ ниже подробности, видно, что враждебная ему

осмотри ихъ, сказалаъ, что тѣ рога—прямые (настоящіе) и помогають въ лихорадкѣ, огневой (горячѣ), отъ мороваго повѣтріа, въ черной немочи и когда укусить змѣя, „а принимать того рога противъ двенадцати зеренъ съ каменемъ безуемъ—съ теплымъ репскимъ или въ романѣ“; рога оцѣнены: два большихъ въ 5000 р., а меньшей около 1000 руб. — Доп. къ Ак. Ист., IV, 9. Встрѣчается еще упоминаніе о камнѣ безваръ: въ 1587 г. эрцгерцогъ австрійскій Максимилианъ прислалъ въ даръ Федору Ивановичу этотъ камень, „взявъ изъ казны отца своего, а имѣеть силу и дѣйбу великую отъ порчи“ — Памятн. дипломат. снош., I, 972, 980. —

¹⁾ Никои. лѣт., VIII, 247—8. — ²⁾ Съ 1653-года двадцѣ Всеволожской дозволено было проживать въ касимовской деревнѣ. —

³⁾ Котоших., 5; Ч. О. И. и Д., годъ 1-й I (Коллинсъ), 4—5; Свѣ. Архивъ 1822, II, 152—3 (письмо шведск. повѣреннаго въ дѣлахъ при русскомъ дворѣ 1647 года); Ак. Арх. Эксп., IV, 18; Ак. Ист., IV, 59; Собр. Гос. Гр. и Дог., III, 155.

боярская партія, стараясь помѣшать браку царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кириловною Нарышкиною, прибѣгнула для этого къ обычному оговору въ волшебствѣ. Понятно теперь, почему такъ заботливо старались оберегать на царскихъ свадьбахъ и жениха, и невѣсту, и ихъ платье («страцію»), и мѣста для сидѣнья, и подаваемые ѣсты и напитки. Ежедневная жизнь царской семьи обставлялась тѣми-же заботами; зорко слѣдили за всякими попытками къ чародѣйству и порчѣ, и непрерывно возникали дѣла о волшебствѣ. Отъ XVII-го вѣка сохранились въ архивахъ нѣкоторые изъ этихъ любопытныхъ дѣлъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что на Москвѣ, въ разныхъ концахъ города, жили бабы-ворожейки или колдуньи, къ которымъ прѣзжали боярскія и иныхъ сословій жены просить помощи противъ супружеской ревности, совѣтоваться о своихъ любовныхъ интригахъ и о средствахъ, какъ умѣрять мужнинъ гнѣвъ или изводить недруговъ. Въ 1635 г. одна «золотная» мастерица выронила во дворцѣ платокъ, въ которомъ былъ завернутъ корень. По этому поводу произвели розыскъ. Мастерица — на вопросъ: гдѣ она взяла корень и зачѣмъ ходитъ съ нимъ къ государю?—отвѣчала, что корень нелихой, а носить его при себѣ «отъ сердечной боли, что сердцемъ больна». Жаловалась она одной жонкѣ, что до нея мужъ лихъ, и та жонка дала ей корень обратимъ (т. е. обращающій на любовь), а велѣла класть его на зеркальное стекло, и глядѣсь въ то зеркало, приговаривать: «какъ люди въ зеркало смотрятся, такъ бы мужъ смотрѣлъ на жену да не насмотрѣлся!» Тогда мужъ будетъ къ ней ласковъ и милостивъ ¹⁾. На цар-

¹⁾ Таковы была вѣра въ силу «приворотныхъ кореньевъ». Изъ розыскныхъ дѣлъ видно, что и любовь Петра Великаго къ Екате-
ринѣ, и расположеніе его къ Меншикову объяснялись въ народѣ
тѣмъ, будто бы она и Меншиковъ обвели государя кореньемъ—
Время 1862, IV, стат. Семеновскаго: „Семейство Монозовъ“, 316.

скомъ же дворѣ она никого портить не хотѣла и съ иными корешницами не знается. Золотную мастерицу и ту жонку, на которую она сослалась, пытали и потомъ отправили въ ссылку въ дальніе города. Другое подобное дѣло было въ 1638 году; оно возникло вслѣдствіе ссоры нѣсколькихъ мастерицъ изъ-за какой-то пропажи. Подъ вліяніемъ личнаго озлобленія, сдѣланъ былъ извѣтъ на мастерицу Дарью Ламанову, что она сыпала порошокъ на слѣдъ государыни царицы и говорила: «только-бъ мнѣ умилишь царское и царицыно сердце, а другіе мнѣ дешевы!» Ее допрашивали, и она, обливаясь слезами, призналась: ходила она къ бабѣ-ворожейкѣ, что людей приворачиваетъ и у мужей къ женамъ сердце и ревность отымаешь; баба эта наговаривала ей на соль и мыло и приказывала соль давать мужу въ ѣствѣ, а мыломъ умываться самой, и увѣряла, что послѣ того мужъ станетъ молчать — что-бъ она ни дѣлала, хотябъ воровала (любилась) съ другими. Наговоры были слѣдующіе: «какъ де соль въ ѣствѣ любятъ, такъ (бы) мужъ жену любилъ!» «сколь де мыло борзо смоеся, столь бы (скоро) мужъ полюбилъ; а какова рубашка на тѣлѣ бѣла, столь бы мужъ былъ свѣтелъ!» И другой мастерицѣ таже колдунья давала наговоренную соль для того, чтобы мужъ ея былъ добръ до дѣтей. Кроме того, дознались, что Дарья Ламанова приносила къ бабѣ-ворожейкѣ оторванный воротъ отъ своей рубашки ворожея сожгла воротъ на шесткѣ, и спросивъ: прямое ли имя Авдотья? ¹⁾— наговорила и велѣла тотъ пепелъ сыпать на государскій слѣдъ, чтобы царь, царица и ихъ ближніе люди были милостивы къ Дарьѣ и ко всѣмъ ея челобитьямъ. Привлеченная къ дѣлу колдунья объявила, что зовутъ ее Настасьицею, родомъ черниговка, замужемъ за литвиномъ Янкою, а учила ее вѣдѣ-

¹⁾ Царицу звали Евдокіей Лукьяновной; это была вторая жена Михаила Фѣдоровича.

ству другая баба. Привели эту последнюю, и на допросъ она показала, что умываетъ малыхъ дѣтей, уговариваетъ болѣзнь жабу и наметываетъ на животъ горшки, а ворожбу эту оставила ей покойная мать; да и не одна она промышляетъ такимъ ремесломъ: есть на Москвѣ многія ворожейки — Ульяна слѣпая и другія, къ которымъ ходятъ всякіе люди. Собрали и остальныхъ ворожеекъ, допрашивали, грозили, пытали огнемъ, и вотъ все, что узнали изъ ихъ показаній: если кто страдаетъ лихорадкою или сердечной тоскою, тому онѣ наговариваютъ на вино, чеснокъ и уксусъ; отъ грыжи наговариваютъ на громовую стрѣлку и медвѣжьей ноготь, и съ той стрѣлки и ногтя заставляютъ больныхъ пить воду, причитывая слѣдующія слова: «какъ де старой жонкѣ дѣтей не раживать, такъ-бы у раба (ниярекъ) грыжи не было!» Если у кого пропадетъ что-нибудь, тому ворожейки гадаютъ по сердцу, какъ оно трепещетъ; у которыхъ торговыхъ людей залежится товаръ, тѣмъ приказываютъ умываться наговорнымъ медомъ, а на медь онѣ наговариваютъ: «какъ де пчелы ярая роятся да слетаются, такъ-бы къ торговымъ людямъ покупатели сходились!» Мастерницу Дарью и вѣдунью Настасьицу допрашивали съ пытокъ: не было-ль къ нимъ подсылу отъ польскаго короля, чтобъ они портили царя и царицу? не даромъ де въ послѣдніе годы великая государыня стала недомогать и печалиться, царевичи Иванъ и Василій Михайловичи померли, а промежь царя и царицы въ любви стало не по прежнему; не дѣлала-ль чего Дарья къ отвращенію ихъ государей между собою? Ни мастерица, ни вѣдунья въ этихъ умыслахъ не сознались. Отъ жестокихъ истязаній Настасьица и Ульяна слѣпая померли во время производства розыска; прочія ворожейки разосланы были по дальнимъ мѣстамъ; Дарью Ламанову съ мужемъ сослали въ Пелымъ, а прикосновенныхъ къ дѣлу мастерицъ велѣно было отставить отъ двора и впредь въ царицыномъ чинѣ ихъ

не числятся ¹⁾). Въ одномъ сыскномъ дѣлѣ, хранящемся въ архивѣ Оружейной палаты, постельница Домна Борисова дала показаніе, будто царица Евдокія Лукьяновна какъ скоро найдетъ гдѣ людскіе волосы — тотчасъ сучить изъ нихъ свѣчки и сжеть, а потомъ жалуется, что ее портятъ постельницы ²⁾). При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1648 г. дворницы золотной мастерицы Ульяны Яхонинной: вдова Аленка Ѳедотова да иноземцева жена Марьяца, обѣ напившись пьяны, стали промежь себя драться, попрекать одна другую кореньемъ, и Марьяца говорила Аленкѣ: «ты де мнѣ сказывала, что видѣла золотную мастерицу Анну Коробанову, какъ она сквозь перстень проволакивала полотенце тонкое, и съ тѣмъ де полотенцемъ та Анна входила въ верхъ (во дворецъ) — въ свѣтлицу». Случившійся при этомъ боярскій сынъ Ѳедоръ Яхонинъ отдалъ Аленку и Марьяцу рѣшоточнымъ сторожамъ, за пристава, и донесъ о слышанной имъ побранкѣ царицыну дворецкому да дьяку. Аленка и Марьяца потребованы были къ допросу, но обѣ заперлись, что такихъ словъ говорено не было. Послѣ нѣсколькихъ очныхъ ставокъ, послѣдняя показала: «сказывала ей Аленка Ѳедотова, будто де мастерица Анна Коробанова сквозь перстень проволакивала полотенце, а тѣ де рѣчи слышала она у ней Аленки у пьяной, какъ она Ман(ь)ку бранила, рнясь тому, что де еѣ Манкинъ братъ родной живетъ у мастерицы у Анны Коробановой». Къ сожалѣнію, конецъ этого розыскаго дѣла утратился, и къ какимъ открытіямъ

¹⁾ Комета, альманахъ Н. Щепкина, стат. Заблыва: „Омыслины дѣла во вороженьхъ и колдуньяхъ“, 477—492. — ²⁾ Сообщено И. Е. Забалинымъ. Въ мнѣгу полоцкой ратуши въ 1643 г. занесено заведеніе службы Петра Мартиновича, что невѣдомый чело-вѣкъ, чаруя надъ его домомъ, подбросилъ къ нему въ кадку съ водою пучокъ женскихъ волосъ—Археогр. сбор. документ. свѣдѣнн. Руси, I, 324.

оно привело — остается неизвестным¹⁾. Из старинных актов, уцѣлѣвшихъ въ сибирскихъ архивахъ, видно, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ ссылались въ Якутскъ и Енисейскъ люди, обличенные въ чернокнижін и въ «тайномъ богомерзскомъ общеніи съ нечистою силою»; мѣстнымъ властямъ наказывали содержать подобныхъ преступниковъ, какъ можно, строже, сажать ихъ въ тюремныя каюты отдѣльно, приковывать къ стѣнѣ на цѣпь и отнюдь не допускать къ нимъ никого посторонняго. Встрѣчается еще любопытное извѣстіе, что чародѣевъ истомляли жаждою; такъ въ одной грамотѣ предписано было не давать воды Максиму-мельнику, сосланному въ Сибирь за волшебство, потому что «онъ, Максимъ, многожды уходилъ въ воду» (сравни выше стр. 589²⁾).

Знаменитый Никонъ, низверженный съ патриаршаго престола и заточенный въ бѣлозерскомъ Терапонтскомъ монастырѣ, задумалъ отомстить своимъ врагамъ, возбудивъ въ Алексѣѣ Михайловичѣ опасеніе волшебныхъ чаръ и недовѣріе къ ближнимъ боярамъ. Въ октябрѣ 1668 года явился отъ него въ Москву монахъ Флавіанъ и подалъ письмо, въ которомъ говорилось: отпущенъ де Флавіанъ къ государю объявить про великое дѣло, что на Москвѣ измѣнники царскіе хотять очаровать его государя. Бояре, въ присутствіи самого Алексѣя Михайловича, спрашивали старца Флавіана, въ чемъ состоитъ великое дѣло? Тотъ отвѣчалъ: на Петровъ постъ пришелъ въ Терапонтovu обитель Воскресенскаго монастыря чернецъ Палладій и объявилъ Никону, что былъ онъ въ Москвѣ на Кирилловскомъ подворьи, и сказывалъ ему черный попъ Іоиль про окольногочаго Федора Ртищева; просилъ де его Ртищевъ: «сдѣлай то, чтобъ мнѣ у великаго государя быть первымъ бояриномъ.»

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, отд. 6, 58—61. — ²⁾ Рус. Сл. 1861, VIII, ст. И. Сельскаго („Ссылка въ восточн. Сибирь за мѣчат. лицъ“), 6.

Юль возразилъ: «мнѣ этого сдѣлать нельзя, а есть у тебя во дворѣ жонка-цыганка, которая умѣетъ эти дѣла дѣлать лучше меня!»—Жонкѣ говорить про то нельзя, сказалъ Ртищевъ, потому что она хочетъ за меня замужъ. Вслѣдъ затѣмъ Никонъ прислалъ письмо, въ которомъ излагалъ рѣчи Палладія, но вмѣсто Ртищева и цыганки указывалъ на боярина Богдана Матвѣевича Хитрова и жонку-литовку. По свидѣтельству этого письма, Юль говорилъ Палладію: «Никонъ меня не любитъ, называетъ «колдуномъ и чернокнижникомъ; а за мною ничего нѣтъ, только «я умѣю звѣздочетіе — то у меня гораздо твердо учено! Меня «и въ верхъ государь бралъ, какъ болѣла царевна Анна, и я «сказалъ, что ей не встать, что и сбылось; и мнѣ государь «указалъ жить въ Чудовѣ, чтобъ (быть) поближе. Мнѣ и Богданъ Хитрой — другъ и говорилъ мнѣ, чтобъ я государя очаровалъ, чтобъ государь больше всѣхъ его Богдана любитъ «и жаловалъ, и я, помня государеву милость къ себѣ, ему «отказалъ; и онъ мнѣ сказалъ: нишкни-же! И я ему молвилъ: «да у тебя литовка то умѣетъ; здѣсь на Москвѣ нѣтъ ея «силыѣ. И Богданъ говорилъ: это такъ, да лихо запросы «велики — хочетъ, чтобъ я на ней женился; и я бы взялъ ее, «да государь не велитъ.» Призваны были къ допросу Юль и Палладій; первый объявилъ, что приходилъ къ Палладію лѣчить его и, кромѣ болѣзни, ни о чемъ другомъ съ нимъ не разговаривалъ, а у Хитрова никогда и на дворѣ не бывалъ; Палладій подтвердилъ тоже, и добавилъ, что приписанныхъ ему рѣчей Никону вовсе не сказывалъ: «вольно старцу Никону меня поклепать, онъ затѣвать умѣетъ!» Юля подвергли обыску и нашли у него книгу «счету звѣздарскаго», напечатанную въ 1586 г. въ Вильнѣ, книгу письменную лунамъ и днямъ, планетамъ и рожденіямъ человѣческимъ, тетрадку о пусканіи крови жильной и рожечной и записку — кого Юль вылѣчилъ. Разнорѣчіе между показаніемъ Флавіана и

письмомъ Никона и разныя обвиненія, которыя въ тоже время пали на бывшаго патріарха, заставили извѣтъ его оставить безъ вниманія ¹⁾).

Въ царствованіе Федора Алексѣевича замѣчательно дѣло о заточеніи ближняго боярина Артамона Сергѣича Матвѣева, любимца покойнаго государя. Враги не могли придумать лучшаго средства для отдаленія Матвѣева отъ двора и правитель-ства, какъ обвинивъ его въ чародѣйствѣ. Это тѣмъ легче было исполнить, что бояринъ Артамонъ Сергѣичъ любилъ сближаться съ иноземцами и цѣнилъ научныя знанія; десятилѣтній сынъ его, Андрей, учился языкамъ греческому и латинскому подъ руководствомъ переводчика посольскаго приказа Спафари; а въ тотъ вѣкъ достаточно было имѣть при себѣ какую-нибудь иностранную книгу и медицинскія пособія, чтобы возбудить подозрѣніе въ волшебствѣ. По свидѣтельству Олеарія, во время пожара, бывшаго въ Москвѣ при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ, у одного нѣмца-живописца нашли черепъ и только по этому хотѣли сжечь его, какъ волшебника; при стрѣлецкихъ смутахъ докторъ фонъ Гаденъ заплатилъ жизнь за то, что у него въ домѣ нашлись сушенныя змѣи. Вслѣдствіе подговора, Давыдко Берловъ, лѣкарь, и карло Захарка, проживавшій въ домѣ Матвѣева, донесли на него, будто-бы онъ виѣстѣ съ докторомъ Стефаномъ и переводчикомъ Спафари, запершись въ палатѣ, читали черную книгу, и въ то время явилось къ нимъ множество нечистыхъ духовъ. По этому доносу Матвѣевъ былъ сосланъ въ заточеніе въ Пустозерскій острогъ; боярство у него отнято, а имѣнія отобраны въ казну. Матвѣевъ нѣсколько разъ писалъ въ Москву къ государю, патріарху и боярамъ, стараясь оправдаться во взведенномъ на него преступленіи; но попытки эти не имѣли успѣха. Въ одной челобитной его, писанной на имя царя, интересны слѣдую-

¹⁾ Исторія Рос. Соловьева, XI, 379—383.

шія строки, изъ которыхъ видно, что подобные доносы въ старой, допетровской Руси были самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, характеристической чертою тогдашняго быта: «При великомъ государѣ царѣ и вел. князѣ Михаилѣ Теодоровичѣ, говоритъ Матвѣевъ, также ненависти ради подкинули письмо воровское на боярина И. Д. Милославскаго (будущаго тестя царя Алексѣя), будто онъ имѣеть у себя перстень волшебной думнаго дьяка Грамотина, и по тому воровскому письму немного не пришелъ въ конечное разореніе: былъ за приставомъ многое время, животы пересмотриваны и запечатаны были и ничего не найдено... и за свою невинность освобожденъ... А при великомъ государѣ царѣ и вел. князѣ Алексѣ Михайловичѣ также завистию и ненавистию извѣтъ «былъ составной-же и наученой о волшебствѣ на боярина С. Л. Стрѣшнева, и за тотъ извѣтъ страдалъ невиннѣ, честь «(т. е. боярство) была отнята и сосланъ былъ на Вологду, а животы и помѣстья и отчины и дворы не отняты. Да и на многихъ, великій государь, такихъ воровскихъ писемъ было, а на иныхъ и въ смертномъ страху были... А и я, холопъ твой, отъ ненавидящихъ и завидящихъ при отцѣ же твоемъ государевѣ великомъ государѣ немного не пострадалъ: та-кожде воры, составя письмо воровское подметное, кинули въ «грановитыхъ сѣнѣхъ и въ проходныхъ, и хотѣли учинить «божіей волѣ и отца твоего государева намѣренію и къ супру-жеству — второму браку препону, а написали въ письмѣ «коренья» ¹⁾).

Князь М. Щербатовъ замѣтилъ, что «наипросвѣщеннѣйшій мужъ въ Россіи князь Василій Васильевичъ Голицынъ (известный наперсникъ царевны Софіи) гадателей призывалъ и на мѣсяцъ смотрѣлъ о познаніи судьбы своей» ²⁾. Отзывъ

¹⁾ Исторія о невинн. заточеніи ближн. боярина А. С. Матвѣева (1785 г.), 11, 161—3. — ²⁾ О. З. 1858, III, 240.

этотъ подтверждается официальными документами. Во время крымскаго похода, кн. Голицынъ, извѣщая Шакловитаго о безимянномъ письмѣ, въ которомъ писано было къ малоруссамъ, чтобъ пребывали съ крымцами въ миру: «Москва де вамъ не вѣрить, и большаго вашего хотятъ убить», — прибавляетъ: «и то, чаю, вѣдали они по чарованью нѣкоему». Въ 1689 году, по его челобитью, пытанъ былъ въ земскомъ приказѣ Иванъ Бунаковъ за то, что вынималъ княжой слѣдъ. Изъ дѣловыхъ бумагъ розыскаго приказа узнаемъ, что кн. Голицынъ совѣщался съ колдунами, и опасаясь, чтобы не остыла къ нему любовь Софіи, прибѣгалъ къ чарамъ: какой-то знахарь давалъ ему травы, и князь сыпалъ ихъ для «прилюбленія» въ ѣствы, подносимыя царевнѣ, а потомъ того знахаря велѣлъ сжечь въ банѣ, дабы не было отъ него проносу. Такое показаніе далъ Сильвестръ Медвѣдевъ, а ему про то сказывалъ иконникъ Васька Владиміровъ. Ваську взяли къ допросу, пытали, и онъ повторилъ тѣже самыя рѣчи. Обращалась къ колдунамъ и прорицателямъ и царевна Софія; для предварительнаго испытанія, она обыкновенно посылала ихъ къ Медвѣдеву, который и самъ занимался астрологіей, гадалъ по звѣздамъ и предсказывалъ будущее. Между волхвами особеннымъ довѣріемъ ея пользовался Димитрій Силинъ, вызванный царевною изъ Польши лѣчить болѣзненные очи царю Ивану Алексѣевичу; года съ три жилъ онъ въ кельѣ Медвѣдева, увѣрялъ, что умѣетъ глядѣть въ солнце и угадывать: что кому будетъ, зналъ заговаривать грыжу, пособлять женѣ и мужу и вылѣчивать отъ болѣзней живота. Силинъ врачевалъ на Москвѣ многихъ, въ томъ числѣ и князя Голицына: шутилъ ему животъ и нашелъ, что князь «любитъ чужбину, а жены своей не любитъ». Этому пришельцу Медвѣдевъ открылъ, что царевна хочетъ выйти замужъ за Голицына, Шакловитаго намѣрена сдѣлать первымъ у себя правителемъ, а

его Медвѣдева патриархомъ, и просилъ посмотрѣть въ солнце: сбудется ли это? Силинъ два раза всходилъ на Ивановскую колокольню и будто-бы видѣлъ, что «у государей вѣнцы на главахъ, у Голицына вѣнецъ мотался на груди и на спинѣ, самъ онъ стоялъ тѣмень и ходилъ колесомъ, царевна была печальна и смутна, Медвѣдевъ былъ тѣмень, а Шакловитый повѣсилъ голову». Когда Петръ началъ торжествовать надъ своею сестрою, Медвѣдевъ бѣжалъ въ монастырское сельцо Микулино съ тремя стрѣльцами; тамъ они видѣлись съ волхвомъ Ваською Иконникомъ и совѣтовались, что дѣлать. Волхвъ увѣрялъ ихъ, что онъ владѣетъ сатану, и если царевна дастъ ему 5000 р., то все останется по прежнему; но ему уже не повѣрили ¹⁾. Въ тайныхъ сношеніяхъ съ Шакловитымъ и въ волшебныхъ чарахъ на царское здоровье былъ обвиненъ и стольникъ Андрей Безобразовъ. Уже въ преклонныхъ лѣтахъ былъ онъ отправленъ (въ 1689 г.) воеводою въ крѣпость Терки; мѣсяца полтора плылъ онъ рѣками Москвой и Окою до Нижняго Новгорода, гдѣ застигнутый морозами остановился и послалъ челобитную къ государямъ и письма къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ, умоляя освободить его отъ такой дальней службы и воротить въ столицу. Изъ Нижняго бѣжали отъ него крѣпостные люди Петрушка Персидской да Якимка Семеновъ, обокравши напередъ своего господина, какъ это видно изъ поданныхъ имъ явочныхъ прошеній. Они явились въ Москвѣ въ розыскной приказъ и сдѣлали на Безобразова извѣтъ, что онъ сносился съ Шакловитымъ, и на пути къ Нижнему посылалъ по городамъ и селамъ людей своихъ отыскивать ворожей и волхвовъ — версть за двадцать и далѣе: посланные приводили къ нему разныхъ колдуновъ: въ Москвѣ — мельника Сеньку Антонова, въ Коломнѣ — волхва

¹⁾ Исторія Петра В., соч. Устрялова, I, 354; II, 48—49, 68—69, 90, 344; Записки Желябужск., изд. Языкова, 21.

Ганьку, въ Касимовѣ — жонку-татарку и бабу Аксютку, въ Нижнемъ — коновала Дорошку Кабанова, портнаго Ивашка Матвѣева и дворника Осъку Охалкина, и тѣ колдуны и колдуньи ворожили на костяхъ, деньгахъ и на водѣ о здравіи царя Петра Алексѣевича и матери его Наталіи Кирилловны, умышляючи злое дѣло, и о бунтѣ и побѣдѣ на боярѣ. Волхвъ Дорошка «накупился у Безобразова напустить по вѣтру тоску на царя и парицу, чтобы они сдѣлались къ нему добры и поворотили бы его въ Москвѣ»; для этого, снабдивъ Дорошку запасомъ и виномъ, Безобразовъ отправилъ его къ Москвѣ съ человѣкомъ своимъ Ивашкомъ Щербачовымъ, и велѣлъ этому послѣднему указать ему государя Петра Алексѣевича и парицу мать его. А жена Безобразова заставляла писать царскія имена: Петръ и Наталія на семи старыхъ полотняныхъ лоскуткахъ, и вставивъ лоскутки въ восковыя свѣчи, на мѣсто фитилей, посылала тѣ свѣчи по церквамъ и приказывала, затѣля, ставить ихъ передъ иконами да смотрѣть, пока онѣ догорятъ ¹⁾. По этому извѣту послали за обвиняемымъ въ Нижній Новгородъ; жену его призвали къ допросу; коновальъ Дорошка былъ взятъ на ея дворѣ, гдѣ укрывался онъ отъ розыска, а Щербачовъ пойманъ въ подмосковной деревнѣ Безобразова; захвачены были и другія оговоренныя лица. Жена Безобразова сначала запиралась и отвергала всѣ обвиненія; но потомъ на очныхъ ставкахъ вынуждена была сознаться, что получала отъ мужа письма къ Шаковитому и что вѣдала, съ какою именно цѣлью присланъ былъ на Москву коновальъ Дорошка. Кабановъ объявилъ, что онъ заговариваетъ руду и лѣчитъ всякія болѣзни тайными заговорными словами — шоптами; что учился этому мастерству у другаго нижегородскаго коновала Федора Бобыля; что привезъ съ собою бобы для ворожбы, росной ладонъ для охраны новобрачныхъ отъ

¹⁾ О значенія этой чары см. выше, стр. 201.

вѣдуновъ, богородицкую траву отъ сердечной болѣзни и поричную — для лѣченья лошадей; что въ Москву пріѣхалъ онъ вслѣдствіе даннаго Безобразову обѣщанія—сдѣлать царя Петра добрымъ къ нему и милостивымъ. Въ то время, какъ шли вел. государи изъ саввинскаго походу, Щербачовъ возилъ его въ село Хорошево, и онъ, Дорошка, на царя Петра заговорными словами напускалъ по вѣтру; да и въ село Преображенское для того-же вражескаго дѣла они ходили, но не дошедъ того села — воротились назадъ. Тоже подтвердилъ и Щербачовъ. Мельникъ Семень Антоновъ, сысканный въ московскомъ уѣздѣ, повинился въ ворожбѣ у Безобразова только послѣ двоекратной пытки. Наконецъ привезли самого Безобразова съ тремя колдунами: коноваломъ Бобылемъ, дворникомъ Охалкинымъ и портнымъ Матвѣевымъ. Очныя ставки съ пыткою вынудили у него признаніе въ справедливости всѣхъ сдѣланныхъ извѣтовъ; вмѣстѣ съ нимъ пытаны Кабановъ (дано 17 ударовъ), Бобыль (35 ударовъ), Охалкинъ (10 ударовъ); прочіе вѣдуны подыманы только для страху. При этомъ нѣкоторые изъ нихъ объявили и свои шопты (заговоры) а другіе показывали, что никакой ворожбы не знаютъ, а ворожили «издѣвающихся». Очевидно, все преступленіе состояло въ суевѣрныхъ попыткахъ помощію чаръ и заговоровъ призвать царскую милость на опальнаго боярина. Бояре приговорили: Безобразову отсѣчь голову, жену его сослать въ Тихвинскій Введенскій монастырь, а дворъ ихъ, помѣстья и вотчины отобрать безповоротно; коноваловъ Дорогеея Кабанова и Федора Бобыля съ жечъ въ срубѣ; остальныхъ колдуновъ и Щербачова бить нещадно кнутомъ на козлѣ и сослать въ Сибирь, вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми. Казнь совершилась 8-го января 1690 года. Донощики были награждены: имъ выдано изъ описной казны Безобразова по сто рублей на человѣка, оба они освобождены отъ крѣпостной зависимости и взяты въ задворные конюхи.

Но дѣло этимъ не кончилось; оно тянулось еще около двухъ лѣтъ; розыски производились воеводами — въ Коломнѣ, Касимовѣ, Переяславѣ Рязанскомъ и Нижнемъ Новгородѣ. Одинъ вѣдунъ оговаривалъ другаго, другой — третьяго, и такъ далѣе. Воеводскіе розыски были ужасны: привлеченныхъ къ дѣлу ворожей и колдуновъ пытали по нѣскольку разъ со встряскою. Нѣкоторые изъ нихъ винулись въ ворожбѣ на бобахъ, водѣ и деньгахъ; другіе же, нѣ смотря на истязанія, ни въ чемъ не сознавались и умирали подъ пыткой или въ тюрьмѣ до окончанія слѣдствія ¹⁾.

Реформа Петра Великаго не могла поколебать вѣковаго предубѣжденія противъ колдуновъ и вѣдьмъ. Въ ту эпоху, когда она совершалась, — во всей западной Европѣ, служившей для насъ образцомъ и примѣромъ, вѣра въ колдовство составляла общее достояніе умовъ и подчиняла своимъ темнымъ внушеніямъ не только простолюдиновъ, но и духовенство, ученыхъ и самыя правительства. Между тѣмъ, какъ у славянъ, соответственно простотѣ ихъ быта, далекаго отъ строгихъ юридическихъ опредѣленій, книжной учености и богословской схоластики, преданія о волшебствѣ удерживались въ устныхъ, отрывочныхъ и безыскусственныхъ разказахъ, — на западѣ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ учено-богословскихъ трактатовъ о духахъ злобы и ихъ связяхъ съ людьми, трактатовъ, обработанныхъ систематически и доведенныхъ до изумительнаго анализа всѣхъ мелочныхъ подробностей. Эта средневѣковая литература дополняла и формулировала народное суевѣріе, скрѣпляла его своимъ авторитетомъ и имѣла огромное вліяніе на общественные нравы, судебные процессы и законодательныя установленія. Уполномоченные отъ высшихъ правительственныхъ властей, инквизиторы ѣздили по различ-

¹⁾ Исторія Петра В., соч. Устрялова, II, 347—350; Записки Желябужскаго, 23

вымъ областямъ Италіи, Франціи, Германіи и другихъ земель, гдѣ только проносилась молва о чародѣйствѣ; слѣдственные комиссіи приступали къ дѣлу со всеми ужасами пытокъ и вынуждали самыя чудовищныя признанія. Число жертвъ, погибавшихъ отъ руки палача, превосходитъ всякое вѣроятіе. Отъ изданія буллы Иннокентія VIII (1484 г.), направленной противъ колдуновъ и вѣдьмъ, до окончанія казней за волшебство — въ одной Германіи насчитываютъ болѣе ста тысячъ человекъ, осужденныхъ на смерть, въ Англіи за все время, пока продолжались тамъ подобныя преслѣдованія, погибло болѣе 30,000 человекъ ¹⁾. Не подлежитъ сомнѣнію, что не однѣ пытки заставляли признаваться въ небывалыхъ сношеніяхъ съ чертами; что бывали и добровольныя самообвиненія, исходящія изъ того болѣзненно суевѣрнаго настроенія, отдаваясь которому — человекъ всякое непонятное ему дѣйствіе и всякую тревожившую его мечту готовъ былъ приписать сверхъестественнымъ, демоническимъ силамъ. Съ особенною наглядностію раскрывается это въ тѣхъ процессахъ, гдѣ были замѣшаны дѣти. Подъ обаяніемъ предразсудковъ, всосанныхъ съ молокомъ матери, впечатлительная фантазія дѣтей принимала сновидѣнія, горячешный бредъ и мечты напуганнаго воображенія за живую дѣйствительность. Въ знаменитомъ процессѣ 1669 года, въ шведской деревнѣ Мора, малолѣтныя дѣти смѣ-

¹⁾ Въ продолженіе 1485 г. Кумонъ, въ граествѣ Вурліа, сжегъ за колдовство 41 женщину; въ слѣдующемъ году онъ продолжалъ дѣйствовать съ тою-же ревностію, такъ что болѣшая часть народа разбѣжалась. Алціастъ говоритъ, что въ это-же время инквизиторъ сжегъ въ Пиемонтѣ 100 колдуновъ и своими преслѣдованіями вывелъ наконецъ изъ тарифніа жителей... Въ 1515 г. въ Женевѣ казнено 500 чел. подъ именемъ протестантскихъ колдуновъ; въ Равенсбургѣ въ четыре года было сожжено 48 чел. по рѣшенію Менго, автора извѣстнаго сочиненія *Malleus maleficarum*; ученый инквизиторъ Реми хвалился, что онъ въ продолженіе 15 лѣтъ казнилъ 900 человекъ.

ло и настойчиво утверждали, что они околдованы и были въ сношеніяхъ съ дьяволомъ. Такое гибельное заблужденіе дѣйствовало нерѣдко, какъ нравственная зараза, и зародившись въ умахъ нѣкоторыхъ мальчиковъ или дѣвочекъ, немедленно сообщалось отъ нихъ всему лѣтскому населенію. Во Франціи въ одномъ благотворительномъ заведеніи, въ продолженіи полугода, почти всѣ воспитанницы объявили себя вѣдьмами, рассказывали о сообщеніи своемъ съ чертями, о своихъ полуночныхъ сборищахъ, пирахъ и пляскахъ. Несчастныхъ дѣтей также безжалостно пытали, какъ и взрослыхъ. Сожженіе и казни вѣдьмъ продолжались почти до конца XVIII-го столѣтія. Въ исторіи Англіи извѣстенъ процессъ 1716 года, когда Гиксъ и его девятилѣтняя дочь были повѣшены за то, что предались дьяволу и производили бури; въ 1728 году въ венгерскомъ городѣ Сигединѣ сожгли тринадцать колдуней; въ 1749 г. въ Вирцбургѣ сожжена, какъ волшебница, Марія Рената; въ католическомъ кантонѣ Гларусъ подобная-же казнь совершена надъ вѣдьмою въ 1786 году ¹⁾. Ясно, что при Петрѣ Великомъ вліяніе западной Европы не могло подѣйствовать смягчительно на духъ нашего законодательства. Въ артикулахъ Воинскаго устава 1716-го года предписывается: если кто изъ воиновъ будетъ чернокнижникъ, ружья заговорщикъ и богохульный чародѣй, такого наказывать шпицрутеномъ и заключеніемъ въ оковы, или сожженіемъ. Въ толкованіи къ этой статьѣ прибавлено, что сожженіе опредѣляется чернокнижникамъ, входящимъ въ обязательство съ дьяволомъ ²⁾. Лицъ, пойманныхъ съ волшебными заговорами и гадательными тетрадами, или уличенныхъ въ ихъ перепиискъ,

¹⁾ Моск. Телеграфъ 1830, XIX—XXI, статья по поводу изданія Горста: „Zauber-Bibliothek“; Моск. Наблюдат. 1837, XI, 117—139 („Судъ надъ вѣдьмами“). — ²⁾ П. С. Зап., V, 3006, гл. I, арт. 1 и 2.

продолжали подвергать тѣлеснымъ истязаніямъ; самые заговоры и тетрадки (на основаніи указа царя Ѳедора Алексѣевича) посылались на просмотръ къ ректору славяно-греко-латинской академіи. Въ 1726 году были представлены къ ректору Гедеоу для увѣщанія и вразумленія іеродіаконъ прилуцкаго монастыря Аверкій, у котораго найдены волшебныя письма, и дворовый челоуѣкъ Василій Даниловъ, обвиненный въ сношеніяхъ съ дьяволомъ, по наущенію котораго похищена имъ золотая риза съ образа Богородицы. По образцу западныхъ теорій, въ курсъ богословія внесено было объясненіе различныхъ видовъ волшебства; такъ въ лекціяхъ, читанныхъ въ академіи въ 1706 году, встрѣчаемъ цѣлый отдѣлъ de contractibus diabolicis. «Contractus diabolicus (сказано въ этихъ лекціяхъ) est pactum cum diabolo initum, et dividitur in magiam, divinationem superstitiosam, vanam observantiam et maleficium»; колдуны, по словамъ ученаго профессора, могутъ съ корнемъ вырывать крѣпчайшія деревья, переставлять засѣянные поля съ одного мѣста на другое, дѣлаться невидимками, превращаться въ различные образы и совершать многія другія чары ¹⁾. Судныя дѣла XVIII-го столѣтія до сихъ поръ остаются неизданными и малодоступными для изслѣдователя; но даже изъ тѣхъ немногихъ матеріаловъ, на которые можно сослаться въ настоящее время, нетрудно убѣдиться, какъ сильно-живучи народныя суевѣрія и какъ долго еще послѣ реформы Петра В. продолжались преслѣдованія мнимаго чародѣйства. Въ 1750 году возникло, напримѣръ, дѣло о сержантѣ Тулубьевѣ, который обвинялся въ совершеніи любовныхъ чаръ. Обстоятельства этого дѣла такъ изложены въ промеморіи тобольской консисторіи: ширванскаго пѣхотнаго полка сержантъ Василій Тулубьевъ, квартируя въ городѣ Тю-

¹⁾ Исторія моск. славяно-греко-лат. академіи, соч. Смирнова, 129—130, 135, 150.

меня у жены разночинца Екатерины Тверитиной, вступилъ въ блудную связь съ ея дочерью Ириною; а потомъ ея, Ирину, насильно обвѣнчалъ съ своимъ дворовымъ человѣкомъ Родіономъ Дунаевымъ, но жить съ нимъ не позволилъ. Чтобы закрѣпить любовь и вѣрность Ирины, онъ на третій день послѣ вѣнца бралъ ее съ собой въ баню и творилъ надъ нею разныя чары: взявъ два ломтя печенаго хлѣба, Тулубьевъ обтиралъ ими съ себя и съ своей любовницы потъ; затѣмъ хлѣбъ этотъ смѣшалъ съ воскомъ, печиною, солью и волосами, сдѣлалъ два колобка и шепталъ надъ ними невѣдомо-какія слова, смотря въ волшебную книгу. Онъ-же, Тулубьевъ, срѣзывалъ съ хороминыхъ угловъ стружки, собиралъ грязь съ тележнаго колеса, клалъ тѣ стружки и грязь въ теплую банную воду и приготовленнымъ настоемъ поилъ Ирину; поилъ ее и виномъ, смѣшаннымъ съ порошкомъ и роснымъ ладономъ; наговаривалъ еще на воскъ и сѣру, и тѣ снадобья заставлялъ ее носить, пригѣпивъ къ шейному кресту, а самъ онъ постоянно носилъ при себѣ ея волосы, надъ которыми также нашептывалъ. Подобными чарами Тулубьевъ такъ приворожилъ Ирину, что она безъ него жить не могла, и когда ему случалось уходить со двора—бѣгала за нимъ слѣдомъ, тосковала и драла на себѣ платье и волосы. Консисторія опредѣлила: лишить Тулубьева сержантскаго званія и сослать его на покаяніе въ енисейскій монастырь, а бракъ Ирины съ Дунаевымъ расторгнуть; какъ блудница, Ирина должна бы подлежать монастырскому заключенію, «но понеже она навращена къ тому по злодѣянію того Тулубьева, чародѣйствомъ его и присушкою, а не по свободной волѣ, — для такихъ резоновъ отъ посылки въ монастырь ее освободить» ¹⁾.

¹⁾ Эпх. Сб., VI, 141—3; см. также Памат. книжку арханг. губ. 1864 г., 79—90 (судныя дѣла 1729 и 1785 годовъ, возникшія по обвиненію въ наущеніи икоты).

Но рано или поздно — духъ суевѣрiя долженъ былъ уступить передъ успѣхами ума и общественнаго просвѣщенiя. Философское движенiе второй половины XVIII-го вѣка вызвало болѣе свѣтлыя взгляды на природу и человѣка, потрясло вѣковыя предрасудки, заставило сознаться въ бесполезной жестокости пытокъ и утвердило великую идею вѣротерпимости; вмѣстѣ съ этимъ оно погасило костры инквизицiи и остановило преслѣдованiя мнимыхъ колдуновъ и вѣдьмъ во всей Европѣ. У насъ, на Руси, это благотворное влiянiе европейской науки выразилось въ законодательныхъ памятникахъ Екатерины II-й.

XXVIII.

НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Дѣленіе года у древнихъ славянъ опредѣлялось тѣми естественными, для всѣхъ наглядными знаменіями, какія даются самою природою. Годъ распадался на двѣ половины: лѣтнюю и зимнюю, и начинался съ перваго весенняго мѣсяца—марта, такъ какъ именно съ этой поры природа пробуждается отъ мертвеннаго сна къ жизни и свѣтлые боги приступаютъ къ созиданію своего благодатнаго царства. Апокрифы и народныя повѣрья относятъ сотвореніе міра и перваго человѣка къ марту-мѣсяцу ¹⁾. Водвореніе христіанства на Руси нескоро измѣ-

---

¹⁾ Въ житіи св. Стефана Пермскаго читаемъ: „мартъ мѣсяць — начало всѣмъ мѣсяцемъ, иже и первый наречется въ мѣсяцѣхъ, ему-же свидѣтельствуесть Моисій законодавецъ, глаголя: мѣсяць же вамъ первый въ мѣсяцѣхъ да будетъ мартъ... Марта бо мѣсяца начало бытіа—вся тварь Богомъ сотворена бысть отъ небытіа въ бытѣе, марта же мѣсяца въ 21 (25?) день и перевозанный человѣкъ, родоначальникъ Адамъ, рукою божіею созданъ бысть“—Пам. стар. рус. лит., IV, 130. Съ марта мѣсяца начинали годъ и евреи, египтяне, мавры, персы, древніе греки и римляне; латинскія названія мѣсяцевъ: сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь (=седьмой, восьмой,

нило старинный обычай начинать новолѣтіе мартомъ. Церковь, руководствуясь византійскимъ календаремъ и святами, приняла годичный кругъ индиктовый — сентябрьскій; народъ же и князья оставались при своемъ мартовскомъ годѣ и продолжали обозначать мѣсяцы древле-славянскими именами. И Несторъ, и его продолжатели держались мартовскаго года; къ сентябрьскому счисленію лѣтописцы перешли уже въ позднѣйшее время: такъ въ Троицкой лѣтописи сентябрьское счисленіе начинается съ 1407 года, а въ новгородскихъ — не прежде покоренія Новгорода Иваномъ III. Въ дѣлахъ житейскихъ и гражданскихъ мартовскій счетъ, вѣроятно, продолжался до конца XV-го вѣка. Въ 1492 г. созданный въ Москвѣ соборъ, установивъ церковную пасхалию на осьмое тысячелѣтіе, перенесъ начало гражданского года съ 1-го марта на 1-ое сентября; январскій же годъ введенъ уже Петромъ Великимъ ¹⁾).

Изъ четырехъ временъ года весна рассматривалась, какъ предверіе лѣта, а осень, какъ первая пора зимы; у сербовъ, чеховъ и другихъ славянъ весна называется пролѣтье (про-
 лѣће), подлѣтье, налѣтній часъ, младо лѣто (pro-
 mlad), а осень — przedzima, rodzim, rodzimek (rod-
 zimak), назимній часъ ²⁾. Дѣлить годичный періодъ на мѣсяцы подали поводъ постоянно-повторяющіяся фазы луны; поэтому основаніемъ древнѣйшаго лѣтосчисленія принимался годъ лунный. Времена года и мѣсяцы получили свои названія отъ тѣхъ характеристическихъ признаковъ, какіе усвоивались за ними періодическими измѣненіями погоды и ея вліяніемъ на возрожденіе и увяданіе природы, плодородіе земли и

девятый и десятый) исто указываютъ, что первоначально счетъ велся съ марта—Ж. М. Н. П. 1849, т. LXI, отд. VI, 145; Времен., XV, 14 („О ходу въ персидск. царство“). — ¹⁾ Ж. М. Н. П. 1849, II, 146; Ч. О. И. и Д., годъ 2-й, II, стат. Вязлева, 1—38. — ²⁾ Труды Росс. Академ., III, 66—68.

трудъ человѣка. Ведя жизнь пастуховъ, звѣролововъ и пахарей, первобытные племена по своимъ обиходнымъ занятіямъ должны были обнаруживать самое усиленное вниманіе ко всемъ явленіямъ природы, и дѣйствительно наблюденія ихъ отличались необыкновенной живостью и закрѣплялись мѣткими, живописующимъ словомъ. Весна (пол. wiosna, чеш. весно) отъ санскр. *vas—lucere*, откуда образовались также: санскр. *vasu—radius, ignis, vāsaga—dies, vastag—mane, vāsanta* — весна, литов. *wasaga—лѣто (pa-wasagis—предлѣтье, весна)*, сканд. *vāg—frühling*, лат. *ver* и греч. *ἦρ, ἔαρ, εἶαρ (=Fέαρ, Fέσαρ)*; слѣдовательно весна означаетъ собственно: свѣтлое, ясное, теплое время года ¹⁾, что подтверждается и другимъ присвоеннымъ ей названіемъ: ярь (*iar, iago—I, 439*). Лѣто обозначается въ санскритѣ словами, заключающими въ себѣ понятіе теплой, жаркой поры: *ushna, ushma* отъ *ush (=vas)—ugere, grishma* и *gharma* — жаръ, тепло, *tara, tarana* отъ *tar—calefacere*, откуда происходятъ и лат. *tempus, tereo*. Очевидно, что слова *tempus*, нѣм. *jahr (=ярь, iar)* и слав. время (отъ врьти) первоначально служили только для опредѣленія лѣтней поры, а потомъ уже перешли въ общее понятіе года и времени (II, 287). Точно также и лѣто (пол. *lato*, нл. *lito*, нѣм. *le p z—весна*) соединяетъ въ себѣ оба указанныхъ понятія; мы говоримъ: «лѣта замѣняютъ человѣка», «онъ прожилъ столько-то лѣтъ», возрастъ двухлѣтній, трехлѣтній и т. дал. Пикте сближаетъ это слово съ санскр. *ṛtu*, зенд. *gatu—tempus*. Такимъ образомъ лѣто почиталось славянами за время по-преимуществу, а самый счетъ годовъ они вели по лѣтамъ,

¹⁾ Курціусъ, 355—6; Диеенбахъ, I, 120—1; D. Myth., 741. По мнѣнію другихъ весна отъ санскр. *vas* — одѣвать (*vasana—vestis*), потому что она одѣваетъ лѣса лѣтвоню, а земаю травой—
Записки Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, 565.

т. е. по числу истекшихъ лѣтнихъ періодовъ ¹⁾. Зима у аріевъ называлась временемъ падающихъ (разбрасываемыхъ) снѣговъ: санскр. hiṣa — какъ существительное: снѣгъ, какъ прилагательное: холодный, hēṣanta — зима, греч. χιὼν — снѣгъ, χεῖμα — буря, непогода, χειμῶν — зима, лат. hiem̄s — зенд. zjāo (zjam), осет. zimag, литов. žiema, слав. зима отъ hi (hiṅṅti) — ясере, пројисере. Въ Остромировомъ евангеліи слово «зима» употребляется въ смыслѣ стужи, холоднаго вѣянія, и замѣняетъ собою греч. ψυχος; въ старинныхъ актахъ съ этимъ названіемъ соединяется мысль о сѣверѣ, какъ о той странѣ, откуда дуютъ суровые вѣтры ²⁾; въ областныхъ говорахъ зимно значить. холодно. Нѣм. winter (др.-в.-нѣм. wintar, сканд. vetr, готск. vintrus) = hvintrus отъ санскритскаго çvind — album esse и frigere; çvindra — зима, т. е. бѣлая = устилающая землю снѣгами. Осени каждый изъ индоевропейскихъ народовъ далъ свое особенное названіе: знакъ, что названія эти явились уже позднѣе, послѣ раздѣленія аріискаго племени на различныя вѣтви ³⁾. Въ санскритѣ одни и тѣже слова служатъ для обозначенія дождя, дождливой погоды и осенней поры. По мнѣнію г. Микуцкаго, слово осень (церковно-слав. есенъ, серб. јесен, польск. iесień, илл. јесен) можетъ быть возведено къ санскрит. корню as — lucere, отъ котораго произошли и санскр. asaṇ, латыш. asins — кровь (собственно: красная), и готск. asaṇ — жатва (зрѣлые, золотистые колосья); подобно тому у литовцевъ осень — гудуо (летт. guddens) отъ gudas — красноватый, рыжий,

¹⁾ Миклошичъ (Radices linguae slov., 47) и Ганушъ (Bajeslowen. kalendar, 126—7) производятъ лѣто отъ снѣ. li — лять; лит. lytus — pluvia; по ихъ объясненію, лѣто будетъ означать: время дождей.

²⁾ Взиму — на сѣверъ, зимняя сторона — сѣверная; наоборотъ, лѣто въ архангел. г. употребляется въ смыслѣ юга — Radices linguae, slov., 31; О вл. христ. на сл. яв., 17; Обл. Сл., 107. — ³⁾ Пикте I, 90—93, 98—102, 107; Курциусъ, 169; Дюенбахъ, I, 158—9.

рудыѣ, т. е. та часть года, когда листья деревь становятся желтыми и красными ¹⁾. Ниже будетъ указано, что въ падающихъ и гнѣющихъ листьяхъ славянѣ усматривалъ главный, отличительный признакъ осенняго времени.

Древле-славянскія названія мѣсяцевъ частію занесены въ «церковный сборникъ», приложенный къ Остромирову евангелію (1056 г.), въ харатейное евангеліе 1144 года и въ нѣкоторыя другія старинныя рукописи; частію и доннынѣ удерживаются между болгарами, поляками ²⁾ и иными славянскими племенами: 1) генварь — древ. просивецъ (болг. просиниць, карниол. prosenz, кroat. proszinesz), малор. сѣчень (нл. sieban, szeben), пол. styczni, чеш. и словац. leden, болг. студени-ятъ и лов' заецъ. Первое названіе производятъ отъ про-синѣти (синутьи—совершенный видъ отъ глагола сѣяти) и видятъ въ немъ указаніе на возрождающееся солнце. 12-го декабря у насъ слыветъ солоноротъ: солнце поворачиваетъ на лѣто, и въ генварѣ дни уже начинаютъ замѣтно увеличиваться (проясняться), а ночи сокращаются. У болгаръ декабрь называется коложегъ, т. е. мѣсяцъ возженія солнечнаго колеса; сравни готск. jūleis (ноябрь и декабрь) и англос. geola (декабрь и генварь)—названія, указывающія на поворотъ солнца (h v e l —колесо, I, 212 ³⁾). Сѣчень (отъ глагола сѣчь) вполне соответствуетъ польскому styczень (отъ s-tykać, тыкать,

¹⁾ Изв. Ак. Н., IV, 48, 413. — ²⁾ Малорусскія названія мѣсяцевъ тождественны съ польскими и вѣроятно—уцѣляли въ народной памяти, благодаря вліянію польскихъ календарей. — ³⁾ Линде ставитъ имя просивецъ въ связь съ польск. prosić, чешск. prahe, рус. поросѣ—на томъ основаніи, что къ времени зимняго поворота солнца относятся мнѣя о рожденіи золотаго поросенка и выѣздъ Фрейра на золотошестинистомъ вепрѣ (I, 778). Въ декабрѣ приносилась въ жертву свинья, и люнебургскіе славяне давали этому мѣсяцу названіе trehemón (отъ треба—жертва).

ткнуть, тнуть и старин. тати или тети — сѣчь, бить); съ этимъ именемъ предки наши могли соединять мысль о «переломѣ зимы» (въ генварѣ половина зимы оканчивается, а половина остается), или еще вѣроятнѣе—мысль о трескучихъ, всё-поражающихъ морозахъ. Декабрь, генварь и февраль-мѣсяцы издревле назывались волчьимъ временемъ, потому что Зима, въ образѣ волка, нападала тогда на божій миръ и мертвила его своими острыми зубами. Для обозначенія февраля также употреблялось названіе сѣчень; сверхъ того, его называли лютымъ — эпитетъ, постоянно прилагавшійся къ волку. 2) Февраль—др. сѣчень (болг. сѣчень или сѣчко) и сѣженъ, пол. luty (малор. лютый), чеш. и словац. upog (аupog ¹⁾), словен. svečan (карн. svičan, венд. svičnik, кроат. szvečen, лэтт. swetschu-mehness) и hromečnjak (въ Силезіи, около Фрейштата). Имена «свѣчанъ» и «громечникъ» стоятъ въ связи съ подобными-же названіями праздника Срѣтенья (2-го февраля, когда, по народному повѣрью, Зима встрѣчается съ Лѣтомъ): svečko vnica Maria, svečnica, свѣтло, den sviček, hromnice (I, 483), у нѣмцевъ kerz-wihe, kerz-(licht-)messe, и указываютъ на февраль, какъ на мѣсяцъ, удлиняющій дни, ведущій за собою весну и богиню благодатныхъ грозъ. У литовцевъ февраль слыветъ «весеннимъ» — wassaris. Лужичане называютъ генварь wulki góžk, а февраль—mažugóžk—литов. didijs ragutis и mažas ragutis (большой рожокъ и малый рожокъ), что должно обозначать время, когда вѣ некоторыя животныя мѣняютъ рога. 3) Мартъ — др. и болг. сухы(i)и

1) Ганушъ (Vajesl. kal., 127) сближаетъ это слово съ сакр. nāga—вода, серб. норити—погружать въ воду, чеш. ро-poriti, малор. поринати (нырять); если принять такое производство, то upog будетъ означать время начинающейся растопели, таянья льдовъ и снѣгу.

(карн., кroat. и венд. suszeć), малор. березозолъ, чеш. и словац. březen (венд. brezen, лит. birželis) отъ bříza — береза, рус. област. свистунъ (=пора вѣтровъ) и пролѣтье. 4) Апрель — др. березозоръ и березозолъ, пол. kwiecień (малор. цвѣтень, нѣм. blumenmonath), чеш. и словац. duben (время, въ которое начинаетъ распускаться дубъ), нлл. travan (кroat. traven или mali traven, нѣм. grasmond, швед. gräs-månad), рус. простонарод. заиграй-овражки, т. е. пора весеннихъ потоковъ, скачущихъ по скатамъ горъ и овраговъ. Названіе березо-золъ = березо-зоръ ¹⁾ есть сложное; вторая половина слова указываетъ на дѣйствіе вѣшняго тепла, которымъ вызывается въ березахъ сладкій сокъ, употребляемый поселянами вмѣсто напитка (сравни: «зорить ягоды» — выставлять ихъ на солнце, чтобъ доспѣли; «зорнить пряжу» — выставлять ее въ весеннее время на утрамъ, чтобъ она побѣлѣла; июль = мѣсяцъ сущенія скошенной травы извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ стнозорника). Эты называютъ апрель mahla-ku отъ mahl — древесный сокъ, березовая вода, а летты — sullu-mehness отъ sulla — сокъ. 5) Май — др. и болг. травень (травный, кroat. и венд. veiki traven, карн. travn velike, болг. лѣтень, чеш. и словац. kwěten, кroat. goz-pjak и gozocvət. У нашихъ поселянъ май называется муръ (=мурава — трава), а начало этого мѣсяца — росеникъ ²⁾). 6) Июнь — др. изокъ, пол. szegwies (малор. червецъ, чеш. и словац. сегвен), карн. и венд. gozencvət (сараб. gozowe mészasztwo), кroat. klaszen (время, когда хлѣбъ начинаетъ колоситься) и шлѣбен (молочный), нлл. lipan (lipanj), литов. siejas mėnuo — мѣсяцъ посява.

¹⁾ Подобно тому, какъ февраль = феврърь, пролубъ = про-
рубъ. — ²⁾ Обл. Сл., 192.

Слово *изокъ* означаетъ кузнечика ¹⁾; въ одной рукописи XVIII вѣка, при исчисленіи старинныхъ названій *иѣсяцевъ*, *июнь* названъ «пау тной, сирѣчь комарной» ²⁾; въ областномъ словарѣ ³⁾ *пау ть* — слѣпень, оводъ. Слѣдовательно *июнь* обозначался, какъ время стрекотанія кузнечиковъ, появленія комаровъ, слѣпней и оводовъ. Соответственно декабрю — коложегу (зимнему повороту солнца), *июнь* назывался *кресникъ* отъ *кресъ* — огонь, *лѣтній солоноворотъ* — праздникъ Купалы, когда солнечное колесо, достигнувъ высшей точки на небѣ, начинаетъ спускаться внизъ. На Руси *иѣсяць* этотъ слыветъ *макушкою лѣта*: «вѣзмъ лѣто пригоже, да макушка тяжела» (т.е. утомительна зноеть); сравни кельт. *goghrenhaf* — голова, вершина лѣта. 7) *Июль* — др. червень (болг. чървьнъ, чеш. и словац. *segrwenes*), пол. *lipiec* (малор. *липець*, литов. *lieras menuo*, латт. *leeru mehness* отъ *leera* — липа), болг. *сръпанъ* (илл. *szegren, szagran*, карн. *ser-
rap male*). Червень, червенець отъ слова червь, что подтверждается и датскими названіями этого мѣсяца: *ogmethaaned, madkethaaned*, т.е. время собиранія наѣтокныхъ, извѣстныхъ подъ именемъ червца и употребляемыхъ на окраску; червленый — темнокрасный, багряный. Чехи называютъ *июль* — «*sečen, w nemž se seno seče*» (сѣно косятъ): названіе, соответствующее рус. сѣного(а)рникъ, сѣноставъ (время гребли и складыванія сѣна въ стога), литов. *siėpris*, латт. *seenu mehness*, иѣм. *heumonath* (сѣнокосный). Другія названія, даваемые русскими поселянами *июлю*: *страдникъ* (отъ *страда* — пора жатвы и сѣнокоса) и *грознникъ* ⁴⁾. 8) *Августъ* — др. и болг. *заревъ*, пол.

¹⁾ Г. Микудній (Записки Р. Г. О. по отд. этногр., I, 598) сравниваетъ славян. *изокъ* съ литов. *жогас* — кузнечикъ, считая гласную и благозвучною приставкою. — ²⁾ Вологод. Г. В. 1855, 50. — ³⁾ Обл. Сл. 153. — ⁴⁾ Сахаров., II, 43; Обл. Сл., 224.

siегрећ (малор. серпень, чеш. и словац. sгpen, карн. ser-
 ran velike), сераб. žencz, žnejska, (жатвенный), болг.
 коловезъ, илл. kolovoz, рус. обл. зорничникъ и ка-
 пустникъ. Это время созрванія нивъ (зорничникъ отъ
 зорить—зрѣть—см. I, 151 ¹⁾), жнитвы, дѣйствія серпомъ
 и перевозки сжатаго лѣба (коловозъ). У литовцевъ августъ—
 rugriutis, riušonies, по переводу Нарбута: žyto žniw-
 pu; календарнымъ знакомъ его былъ «серпъ»; латт. gudsu
 mehness (отъ gudsi—рожь), нѣм. aegndmonath (aегe-
 monath), швед. skörde månad (жатвенный). Въ Македо-
 нии жатва собирается въ сентябрь-мѣсяцъ, который потому и
 называется γορπιαῖος отъ ἄρπη (γορπή) — серпъ ²⁾.
 9) Сентябрь—др. рюе(и)нъ, болг. рюенъ, руянъ, илл.
 и кroat. гијап, чеш. и словац. zàřj, zàřig, zařuj, литов. *zari*
 рус отъ сик. гу—sonum edere, др.-слав. рю-ти (ревм. ³⁾),
 чеш. řeti—ржеть, рывать, říti—ревѣть (говоря объ оле-
 няхъ); литов. руя—brunzeit или lauftzeit des wildes, си-
 бир. рѣвъ—время половыхъ отношеній копытчатыхъ звѣрей;
 августъ-мѣсяцъ—др. заревъ ⁴⁾. Чехи даютъ подобное-же
 названіе и мѣсяцу октябрю—řigen; сравни сканд. ulig (ок-
 тябрь) отъ ula—выть, ревѣть. Такимъ образомъ августъ и
 два слѣдующіе за нимъ мѣсяца обозначались, какъ періодъ,
 въ который олени и другія копытчатая животныя бываютъ
 въ течкѣ и поднимаютъ дикій ревъ. Другія названія, даваемая
 сентябрю: пол. wrzesień (малор. вресень отъ wrzos,
 вресъ, вересъ — erica ⁵⁾), болг. гроздоберъ = время
 сбора вереска и виноградныхъ гроздій, рус. обл. осенины.

¹⁾ Сахаров., II, 46. — ²⁾ Курциусъ, 229. — ³⁾ Въ одной
 старинной рукописи читаемъ: „и паки дохнувше вихри и шумы
 воспущаху и руянія творяху“. — ⁴⁾ Radices ling. slov., 77;
 Зап. Р. Г. О. по отд. вѣногр., I, 604; Доп. обл. сл., 231. — ⁵⁾ У
 литовцевъ сентябрь также назывался „вересковымъ мѣсяцемъ“.

10) Октябрь—общеслав. листопадъ, пол. *razdzielnik* (малор. паздерникъ, лит. *spaliu šienų*—съ тѣмъ-же значеніемъ) отъ слова паздеръ — кострика, ибо въ этомъ мѣсяцѣ начинаютъ мять ленъ и коноплю; сораб. *wino we tês zaszczwo, winski* (нѣм. *weimonath*—приступаютъ къ сбору винограда), рус. обл. зазимье и грязникъ ¹⁾; финны и эсты также называютъ его грязнымъ (*loka-kuu, gojaku*). Въ Силезіи сентябрь—*koseń* (отъ косить), а октябрь—*seweń* (отъ сѣять); лит. *gugšiejis* (житосѣвный)—сентябрь-мѣсяць. 11) Ноябрь—др. и болг. груденъ (грудный), общеслав. листопадъ, карн. и венд. *listognoi (gniles)*; у литовцевъ мѣсяць этотъ назывался *lapakritis*—листопадъ и календарнымъ знакомъ его служилъ древесный листъ; вл. *studeni (sztudeni, нѣм. wintermonath и wintermonath)*, сораб. *mloszni* (молотильный). 12) Декабрь—др., болг. и малор. студень (студёный, студный), рус. обл. зимникъ, болг. просинець, чеш. и слов. *pro(a)šipes*, вл. *prošinas, proszina(e)s*, пол. *grudzień*, карн. *grudn*, кроат. и венд. *gruden* (въ старину у чеховъ такъ назывался генварь), литов. *grodinnis*, латыш. *saīnas* или *sallas* — морозный. Название «грудень» тождественно старонѣмецкому *herti-mānot* и сканд. *hrūt-mānuþr*, т. е. суровый = студёный мѣсяць; сравни лат. *crudelis*, греч. *χρύος, χρωδης*, старонѣм. *hrud*, англос. *hrēth*. Въ древней лѣтописи встрѣчаемъ слѣдующія любопытныя указанія: «поидоша на колѣхъ (на колесалъ), а по грудну пути; бѣ бо тогда мѣсяць груденъ»; «а зима была гола (безснѣжна) и ходъ конемъ былъ нужнъ; грудовать» ²⁾, т. е. отъ

¹⁾ Вѣстн. Р. Г. О. 1852, V, 36; Сахаров., II, 59. — ²⁾ Труды Имп. Рос. Академіи, III, 25—76; Записки и труды Общ. ист. и древ. рос., II, 49—59; Карамз. И. Г. Р., I, изд. 2, стр. 71 и примѣч. 159; Матер. для исторіи письменъ, ст. Бусл., 12; Вѣст. Евр.

стужи застыла, смерзлась грязь; литов. *g r ó d a s* — замерзшій комъ земли; рус. гряда (=нѣм. *h r ū t*) донынѣ употребляется поселянами въ значеніи мерзлой, занесенной снѣгомъ грязи, лежащей по улицамъ и дорогамъ ¹⁾. Исчисленныя нами славянскія названія мѣсяцевъ преимущественно указываютъ на бытъ земледѣльческій. Кругъ наблюденій ограничивается произрастаніемъ травы, распусканіемъ цвѣтовъ и деревьевъ (березы, дуба, липы), сѣнокосомъ, жатвою, молотбою, уборкою льна, сборомъ винограда (въ южныхъ мѣстностяхъ) и тѣми рѣзкими измѣненіями въ погодѣ, которыя, условливаясь разлчнымъ положеніемъ солнца, такъ могущественно вліяютъ на плодородіе земли и благосостояніе человѣка. Зимній и лѣтній повороты соляца, стужа и снѣгъ зимою, журчащія ручьи и осушеніе земли весною, паденіе росы, появленіе комаровъ и оводовъ, стрекотаніе кузнечиковъ, зной въ поло-

h r ū t
рече
снѣгъ

1818, ст. Добровскаго, IV, 283—295; Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Бусл., 33—35; Архивъ ист. и практич. свѣд. 1860—1. I, (о книгѣ „Громовникъ“), 9—10; Рус. Бес. 1857, III, 108; IV, 111 (ст. Эрбена); Каравел., 173—270; Толк. Слов. Даля, I, 964; Изв. Имп. Археолог. Общ., V („Древній литовск. календарь“), 335—352; Ж. М. Н. П. 1844, IV, ст. Боричевскаго, 38—39. — ¹⁾ Двеембахъ, II, 378; Обл. Сл., 42. У черемисовъ и чувашей февраль и мартъ—мѣсяцы оттепели, апрѣль—пашни, май—посѣва, июнь—лѣтній, июль—сѣнокосный, июль и августъ—мѣсяцы серпа, сентябрь—льна, октябрь—молотбы (овинный), ноябрь—поминокъ, декабрь—жертвоприношенія; декабрь и январь—сильноморозный, январь и февраль—менѣе морозный—Сбоева: Исслѣдов. объ природцахъ казан. губ., 45—46; сочин. г-жи Фуксъ о чувашахъ и черемис., 165. У карагассовъ мѣсяцы получили свои названія отъ прозябанія травы, приготовленія березовой коры (бересты) для юрты, цвѣтенія и сбора сараны, сбора кедровыхъ орѣховъ, течи оленей, ловли соболей, охоты на лыжахъ и т. дал.—Вѣст. Р. Г. О. 1854, VI, 241—2. У самодвовъ олень, составляющій главное ихъ богатство, далъ названія пяти мѣсяцамъ; июнь—комарный мѣсяць, июль—оводный, и проч.—Иславина: Самодвы въ домашн. и обществ. быту, 139—140.

винѣ лѣта, паденіе листьевъ и грязь въ осеннюю пору — все это отразилось въ народномъ календарѣ славянина. Отъ древнѣйшаго пастушескаго быта удержались только три названія, указывающія на тѣ періоды, когда скотина мѣняетъ свои рога, когда начинаетъ она спариваться (пора течки или рѣва) и когда коровы бываютъ обильны молокомъ. Обозначая различныя времена года по ихъ характеристическимъ признакамъ, предки наши не соединяли съ приведенными названіями мѣсяцевъ строго-опредѣленныхъ границъ; одно и то же имя прилагалось къ двумъ и тремъ сосѣднимъ мѣсяцамъ. Съ одной стороны самые признаки, подмѣченные народомъ, могли относиться къ болѣе или менѣе продолжительному времени: такъ стужа, морозы и снѣга продолжаются во всю зиму; имя «просница» (=просвѣтляющаго, увеличивающаго дни) съ равнымъ правомъ могло прилагаться и къ концу декабря, и къ двумъ послѣдующимъ мѣсяцамъ; эпитетъ «травянаго» одинаково идетъ и къ апрѣлю, и къ маю, и такъ далѣе. Съ другой стороны, періодическія измѣненія въ жизни природы совершаются въ разныхъ мѣстностяхъ не одновременно, а раньше или поздне; на югѣ, напримѣръ, весна устанавливается ранѣе, а зима поздне, чѣмъ на сѣверѣ; съ тѣмъ вмѣстѣ и земледѣльческія работы тамъ и здѣсь пригоняются къ различнымъ срокамъ. Этими естественными условіями объясняется и перемѣщеніе нѣкоторыхъ названій съ одного мѣсяца на другой. Такъ имя «листопада», даваемое въ южныхъ мѣстностяхъ ноябрю, въ средней и сѣверной полосахъ должно было перейти на октябрь.

Отдѣльные дни или числа мѣсяцевъ получили у поселянъ свои особенныя прозванія, сообразно съ соответствующими имъ признаками обновляющейся или замирающей природы и съ приуроченными къ нимъ крестьянскими работами: января 16-го — Петръ-полукормъ (половина запасовъ съѣдена), 18-го — Аонасій-домонось («на Аонасія береги

ность!» — намекъ на сильные морозы), 22-го — Тимофей-полужимникъ, 24-го — Акси́нья-полужимица или полухлѣбница; февраля 11-го — Власій-сшиби ро́гъ съ зими! 28-го — Васи́лій-капельникъ; марта 1-го — Евдокія-плюшника (плющать — капать, течь, издавать звукъ падающихъ капель, плюшка и плюшина — сосульки подь крышами ¹⁾), 4-го — Герасимъ-грачевникъ (прилетъ грачей), 17-го — Алексій-съ горъ вода или съ горъ потоки, 19-го — Дарья-засери (загрязни) проруби; апрѣля 1-го — пустые щи, 8-го — Родио́нъ-ледоломъ, 11-го — Анти́пъ-водопо́лъ, 12-го Васи́лій-выверни оглобли (оставляй сани, снаряжай телѣгу), 23-го — Егорій-скотопасъ (выгонъ скота въ поле), 26-го — Степанъ-ранопащецъ; мая 2-го — соловьиный день, 3-го — зеленые щи, 5-го — Ирша-разсадица (разсадка капусты), 6-го — Ювъ-горошникъ (посѣвъ гороха), 9-го — Никола вешній, травной, 13-го — Лукерья-комарница (появленіе комаровъ), 23-го — Леонтій-огуречникъ (посадка огурцовъ), 29-го — Ѳедосья-колосьяница (рожь начинаетъ колоситься); іюня 12-го — Петръ-поворотъ (лѣтній поворотъ солнца), 13-го — Акулина-гречушница (посѣвъ гречи) или задеря хвосты, т. е. время, когда скотина, кусаемая комарами, мошками и оводами, бѣгаетъ по полю, задравши хвосты («строчится»); іюля 23-го — Пудъ и Трифонъ-бессонники (пора усиленныхъ работъ, страды), 27-го — Никола качанный; августа 4-го — Евдокія-малинуха (сборъ малины), 26-го — Наталья-овсяница, 28-го — Анна-скирдница; сентября 15-го — Никита-рѣпорѣзъ (сборъ рѣпы) или гусепролѣтъ, 24-го — Ѳекла заревница; октября 14-го — Пракосья-льняница; декабря 12-го — Спиридонъ-солонново-

¹⁾ Дов. обл. сл., 183.

ротъ ¹⁾). Мы знаемъ, какое сильное вліяніе оказывалъ языкъ въ области народныхъ представленій; въ этомъ отношеніи дневникъ русскихъ поселянъ предлагаетъ много любопытныхъ данныхъ. Расчитывая дни и распредѣляя занятія по святцамъ, принесеннымъ на Русь вмѣстѣ съ христіанствомъ, поселянинъ непонятныя для него, по ихъ чужеземному лингвистическому образованію, имена мѣсяцевъ и святыхъ угодниковъ сближаетъ съ разными выраженіями отечественнаго языка, насколько эти послѣднія могутъ опредѣлять характеръ даннаго времени, связанныхъ съ нимъ работъ и погоды — теплой или холодной. Не справляясь съ дѣйствительнымъ происхожденіемъ и смысломъ того или другаго имени, русской человѣкъ старается объяснить его собственными средствами, приписываетъ ему свой подходящій по звукамъ корень, и такимъ образомъ, играя словами, стремится все чуждое претворить въ свое родное, легко-доступное его простому пониманію ²⁾). На Срѣтенье

¹⁾ Ворон. Г. В. 1851, 9; Перм. Сбор., II, отд. 2, 31—32. —

²⁾ Вообще слѣдуетъ замѣтить, что какъ скоро проникаетъ въ массу народа иностранное слово—оно почти никогда не остается въ своей первоначальной формѣ; простолюдинъ не только измѣняетъ его соотвѣтственно своимъ грамматическимъ законамъ, но и старается между туземными выраженіями подыскать такое созвучное, которое бы нагляднѣе опредѣляло для него смыслъ иностраннаго слова; такъ *magasin* обращается въ *міродѣра*, *августъ* въ *густарь* (Вѣст. Р. Г. О. 1852, V, 36) и т. д. Тоже бываетъ иногда съ названіями и словами архаическими, значеніе которыхъ уже затеряно народомъ, и потому чувствуется потребность подновить ихъ, осмыслить. Въ старинныхъ актахъ, на примѣръ, упоминается во владимірскомъ уѣздѣ Волосовъ Николаевскій монастырь, нынѣ упраздненный; наследователи догадываются, что такъ названъ онъ потому, что былъ выстроенъ на мѣстѣ древняго чествованія Волосу. Отъ этого монастыря сохранилась икона св. Николы Волосовскаго, и народъ для объясненія означеннаго эпитета создалъ легенду, что икона эта явилась на деревѣ—висящею на волосахъ—Владим. Г. В. 1856, 14.

(2-го февраля), по народному повѣрью, зима съ лѣтомъ встрѣчается; въ мартѣ-мѣсяцѣ солнце начинаетъ марить, т. е. припекать землю, отчего надъ нею струится парь; но по утрамъ еще продолжаются морозы (утренники), которыхъ со дня Сорока мучениковъ (9 марта) бываетъ сорокъ; думаютъ, что въ этотъ день возвращаются изъ вирія сорокъ разныхъ птишекъ, а сорока начинаетъ строить гнѣздо и кладетъ въ него сорокъ палочекъ. Холода или сѣверы оканчиваются днемъ св. Сидора (14 мая), котораго потому называютъ сиврянъ. 5-го апрѣля: «пришелъ Оедуль—теплый вѣтеръ подуль»¹⁾. Въ апрѣлѣ земля прѣтеть, или подругому выраженію: со дня св. Руфа (8 апр.) земля рухнетъ, т. е. оттаиваетъ и принимаетъ въ себя воду; 12-го апрѣля Василій Парійскій землю паритъ. Въ маѣ домашній скотъ мантса отъ безтравницы²⁾; въ первый день этого мѣсяца на Еремея³⁾ запрягальника или ярѣтника начинаютъ пахать и потому на рабочихъ лошадей и быковъ надѣваютъ ярмо (ярѣмъ); работа эта оканчивается къ 31-му мая — ко дню Еремея⁴⁾ распрягальника. 2-е мая, посвященное памяти князей Бориса и Глѣба, крестьяне называютъ барышденъ — вслѣдствіе созвучія имени Борисъ съ словомъ барышъ; торговцы стараются тогда продать что-нибудь съ выгодой, дабы во весь годъ торговать прибыльно. «Борисъ и Глѣбъ застѣваютъ хлѣбъ». 24-е іюля посвящено тѣмъ-же святымъ, и поговорка, относящаяся къ этому числу, увѣряетъ: «Борисъ и Глѣбъ — поспѣлъ хлѣбъ». Въ деревняхъ и селахъ празднуютъ оба означенные дня — для того, чтобы круглый годъ получать барыши и чтобы отвратить отъ нивъ губительныя грозы.

¹⁾ „Оедуль губы надуль“ — настало ненастье. — ²⁾ Есть примѣта: „кто женится въ маѣ, тотъ будетъ мантса“. — ³⁾ Иеремія, въ простонародномъ произношеніи Еремей, Ярѣма. — ⁴⁾ Св. Ермій.

Это случайное совпаденіе словъ: Глѣбъ — хлѣбъ, Борисъ — барышъ (т. е. выгоды отъ торга хлѣбомъ, главнымъ богатствомъ земледѣльца) и самое время празднованія Борису и Глѣбу при началѣ посѣвовъ и въ жатвенную пору — дали поводъ перенести на этихъ святыхъ древнее чествованіе Перуну, какъ творцу урожаявъ. По народному повѣрью, кто станетъ работать 24-го іюля, у того молнія спалитъ всѣ коны; на югѣ Россіи день этотъ слыветъ праздникомъ Бориса и Глѣба-палико на или паликопна¹⁾. Точно также не работаютъ и 27-го іюля на Палѣя (Пантелеймона), чтобы небесный огонь не спалилъ сжатого хлѣба. 10-го мая на Симона Зилота собираютъ травы — зилѣя, которымъ, по мнѣнію поселянъ, сообщается тогда особенная цѣлебная сила, ищутъ золота (кладовъ) и сѣютъ пшеницу, чтобы она уродилась и вырѣла какъ золото; увѣряютъ еще, что хлѣбъ, посѣянный въ чистый четвергъ, родится чистымъ, безъ сорныхъ травъ. Напротивъ, кто сѣетъ рожь на мученика Вассу, у того непременно заглушатъ ее васильки. Въ день обновленія Царграда (11 мая) поселяне не работаютъ, опасаясь, чтобы царь градъ, за непочтеніе къ его празднику, не выбилъ зеленѣющаго на поляхъ хлѣба. Если на Мокія, прозваннаго мокрымъ (того-же 11 мая) идетъ дождь, то все лѣто будетъ мокрое; если же дождь случится на св. мученицу Макрину (Макриду—19 іюля), то предстоящая осень будетъ мокрая, дождливая, и наоборотъ отсутствіе дождя въ эти дни предвѣщаетъ сухое лѣто и сухую осень. Подобно тому: если на Сидора (14 мая) будетъ сиверко, то ожидай лѣта холоднаго; а если на Пахомія (15 мая) будетъ тепло, то и лѣто пахнетъ тепломъ. На Константина и Елену (Алѣна-длинные льны, леносѣйка—21 мая) совѣтуютъ сѣять лёнъ, а на Макавѣевъ (1 августа) соби-

¹⁾ „На Глѣба и Бориса за хлѣбъ (т. е. за его уборку) не берся!“

рать макъ. 16 юня на Тихона затихаютъ (перестаютъ пѣть) птицы; 29 юля, посвященное имени св. Калиника, называется калинники — зарницы, отдаленныя молніи, видимыя по вечерамъ на горизонтѣ въ концѣ юля и августа ¹⁾, отъ калить (раскалять, калена стрѣла, калина — красная ягода); 23 августа на св. Луппа утренній морозъ овсы и льны лупить. 1 сентября — Семеновъ праздникъ, и потому въ этотъ день грѣшно засѣвать сѣмена; 14 сент. на Воздвиженъе становится холодно: птица уже на отлетъ двинулась; со дня Ѳедора Студита (11 ноября) начинается студить (холодѣть): «Ѳедоръ Студить землю студить». Ко Воздвиженью «хлѣбъ съ поля сдвинется», свезѣтся, а въ ноябрѣ овинъ уже ноетъ отъ укладенныхъ сноповъ. 4-го декабря Варвара дорогу заваритъ (заморозитъ): «Варвара заваритъ, а Савва (5 дек.) засалитъ (сало — плаваюція по рѣкамъ ледяныя пленки). Съ того-же времени замѣчаютъ сокращеніе ночей: «Варвара ночи урвала, дни приточала». Есть даже повѣрья, которыя возникли на основаніи одного созвучія, безъ всякаго отношенія къ дѣйствительнымъ явленіямъ природы: такъ, напримѣръ, въ день пророка Наума (1 дек.) начинаютъ учить дѣтей, съ полнымъ убѣжденіемъ, что «пророкъ Наумъ наведетъ на умъ» ²⁾.

Въ послѣдовательныхъ превращеніяхъ природы, въ характеристическихъ признакахъ и свойствахъ различныхъ временъ года древнія племена усматривали не проявленіе естественныхъ законовъ, а дѣйствіе одушевленныхъ силъ — благотвор-

¹⁾ Обл. Сл., 78. — ²⁾ Сахаров., II, 17, 20, 30, 50, 56; Терещ., VI, 48, 53, 67; Вѣст. Р. Г. О. 1851, VI, 3—4; Маякъ, XIII („Еще замѣч. о праздн. и повѣрьяхъ“), 49—58; Иллюстр. 1846, 247; Ворон. Г. В. 1850, 44; 1851, 9, 13—14; Полтав. Г. В. 1845, 15, 19, 24; 1846, 18; Калуж. Г. В. 1845, 1; Москв. 1849, IX, 9; Послов. Даля, 978—1001; Ч. О. И. и Д. 1867, VI, смѣсь, 180—201.

ныхъ и враждебныхъ, ихъ вѣчную борьбу между собою, торжество то одной, то другой стороны. Поэтому времена года представлялись нашимъ предкамъ не отвлеченными понятіями, но живыми воплощеніями стихійныхъ боговъ и богинь, которые поочередно нисходятъ съ небесныхъ высотъ на землю и устрояютъ на ней свое владычество. По указанію старинныхъ пасхалій, «Весна наречется, яко дѣва украшена красотою и добротою, сіяюще чудно и преславиѣ, яко «дивитися всѣмъ зрящимъ доброты ея, любима бо и сладка всѣмъ... Лѣто же нарицается иужь тихъ, богатъ и красенъ, питая многи человекѣ и смотря о своемъ дому, и любя дѣло прилежно, и безъ лѣности возстая заутра до вечера и дѣлая безъ покоя. Осень подобна женѣ уже старѣ «и богатъ и многочадѣ, овогда дряхлаючи и стѣючи, овогда же радующися и веселящися, рекше иногда (печальна отъ) скудости плодъ земныхъ и глада человекомъ, а иногда весела сущи, рекше ведрена и обильна плодомъ всѣмъ, и «тиха и безмятежна. Зима же подобна женѣ — мачихѣ «злой и нестройной и нежалоствивой, ярѣ и немилостивѣ; егда милуетъ, но и тогда казнить; егда добра, но «и тогда знобитъ, подобно трясавицѣ, и голодомъ морить, и «мучить грѣхъ ради нашихъ». Согласно съ этимъ, церковная живопись допускала аллегорическія изображенія Весны, Лѣта, Осени и Зимы ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя изображенія заимствованы нашими художниками изъ античныхъ источниковъ, чрезъ посредство Византіи; но такое заимствованіе нимало не противорѣчило народному пониманію, ибо поэтическія олицетворенія временъ года шли изъ глубокой древности и принадлежали славянамъ наравнѣ со всѣми другими родственными племенами. Въ Эддѣ Лѣто (Sumar, сынъ Svá-sudhr' a — отъ svás — carus, proprius, domesticus, готск.

¹⁾ О. З. 1851, IX, 29—30.

svæs, др.-в.-н. suás) и Зима (Vetr, отцомъ котораго былъ Vindlóni или Vindsvallr—der windbringende, windkühle) представляются одушевленными существами: первое — добрымъ, дружелюбнымъ, а вторая—злымъ, жестокосердымъ. И у нѣмцевъ, и у славянъ до сихъ поръ уцѣлѣли слѣды этихъ образныхъ представлений въ народныхъ поговоркахъ и общепринятыхъ оборотахъ рѣчи: «der Sommer или der Winter ist vor thür, tritt ein, kehrt ein», у насъ: «Весна (Лѣто, Осень или Зима) на дворѣ, воротилась, пришла». Лѣто и Май-мѣсяцъ (Весна) рядятся въ зеленые, густолиственные уборы, а Зима надѣваетъ на себя бѣлоснѣжный покровъ или саванъ (вслѣдствіе сближенія ея съ богиней Смертію); и Лѣто, и Зима являются съ своими слугами и помощниками: первое—съ грѣзами, буйными вѣтрами и дождями, послѣдняя — съ снѣгомъ, инеемъ, мятелями, вьюгами и морозомъ, которые въ древне-поэтическихъ сказаніяхъ олицетворялись сильномогучими богатырями и великанами. Оба они состоятъ въ нескончаемой враждѣ («Зимѣ и Лѣту союзу нѣту»¹⁾), преслѣдуютъ другъ друга («der leide Winder hât den Sumer hin v er j a g e t») и сражаются между собою точно также, какъ День сражается съ Ночью (см. стр. 691). Сходныя, аналогическія черты, подмѣченныя въ смѣнахъ дня и ночи, лѣта и зимы, заставили народную фантазію сближать ежедневную борьбу свѣта и мрака съ ежегодною борьбою тепла и холода и повели къ постоянному смѣшенію миеовъ, относящихся къ этимъ разнороднымъ физическимъ явленіямъ. Лѣто отличается ясностью, блескомъ солнечнаго свѣта, какъ бѣлый день; зима же потемняется снѣжными облаками и туманами и уподобляется ночи. День и весна пробуждаютъ спящую, безмолвную природу и радуютъ весь міръ, а ночь и зима погружаютъ ее въ сонъ—

¹⁾ Рус. въ сг. посл., II, 5.

подобіе смерти и придаютъ ей печальный характеръ ¹⁾. Въ нашемъ областномъ языкѣ слѣтье употребляется въ значеніи не только лѣтнаго времени и урожая, но и вообще удачи, успѣха; напротивъ слова неслѣтье и безлѣтье означаютъ во первыхъ: неурожайное лѣто, и во вторыхъ: неудачу, несчастье; поэтому говорятъ: «пришло на него безлѣтье!» — что равносильно выраженію: «пришла на него невзгода!» Прилагательное веселый нѣкоторыми лингвистами сближается съ словомъ весна; «настали для кого свѣтлые, ясные дни» — дни радости, веселья; черный день — день печали, несчастія; смотрѣть сентябрьемъ, отуманиться — быть унылымъ, печальнымъ ²⁾. Закликая въ мартѣ и апрѣлѣ-мѣсяцахъ весну, поселяне обращаются къ ней, какъ къ существу живому, благодатному, творческому:

а) Весна, Весна красная!
Приди, Весна, съ радостью,
Съ великою милостью:
Со льдомъ высокимъ,
Съ корнемъ глубокимъ,
Съ хлѣбами обильными.

б) Весна красна!
На чемъ пришла,
На чемъ пришла?
На сошечкѣ,
На бороночкѣ. ³⁾

¹⁾ D. Myth., 715, 719, 721—2; Смирновъ, 254—5. — ²⁾ Обл. Сл., 8, 128, 207; Изв. А.к. Н., IV, ст. Микуцкаго, 405. — ³⁾ Сахаровъ, I, 260; II, 16; Маякъ, XIII; Пасека, V, 175:

Весна, Весна — днѣмъ красна!
Что ты намъ принесла?
Принесла я вамъ лѣтечко,
Чтобъ родило зяльчико,
И рута, и червоный макъ,
И мята, и зеленый барвинокъ.

О Зимѣ и Осени рассказываютъ, что онѣ прѣзжаютъ на пѣгнхъ кобылахъ; съ половины ноября Зима, по народному повѣрью, встаетъ на ноги, куетъ морозы, стелетъ по рѣкамъ мосты и выпускаетъ на бѣлый свѣтъ подвластныхъ ей нечистыхъ духовъ; съ 12-го декабря она ходитъ въ медвѣжьей шубѣ, стучится по крышамъ избушекъ, будитъ бабъ и заставляетъ топить печи; идетъ ли она по полю—за ней слѣдуютъ вереницами Мятели и Вьюги и настойчиво просятъ дѣла, идетъ ли по лѣсу—сыплетъ изъ рукава иней, идетъ ли по рѣкѣ — на три аршина куетъ подъ своими ногами воду ¹⁾. Болѣе наглядныя олицетворенія времени года встрѣчаемъ у бѣлоруссовъ. Весну они называютъ Ляля, лѣто — Цеця, осень — Жыцень, зиму — Зюзя. Ляля представляется юною, красивою и с.ройною дѣвою; существуетъ поговорка: «пригожая, якъ Ляля!» Въ честь ея празднуютъ наканунѣ Юрьева дня, и праздникъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ Ляльника. На чистомъ лугу собираются крестьянскія дѣвицы; избравши изъ своей среды самую красивою подругу, онѣ наряжаютъ ее въ бѣлые покровы, перевязываютъ ей шею, руки и станъ свѣжею зеленью, а на голову надѣваютъ вѣнокъ изъ весеннихъ цвѣтовъ: это и есть Ляля. Она садится на дѣрнѣ; возлѣ нея ставятъ разные припасы (хлѣбъ, молоко, масло, творогъ, сметану, яйца) и кладутъ зеленые вѣнки; дѣвицы, схватившись за руки, водятъ вокругъ Ляли хороводъ, поютъ обрядовыя пѣсни и обращаются къ ней съ просьбою объ урожаѣ:

Дай намъ жытцу ²⁾
 Да пшаницу,
 Въ агародзѣ,
 Связжаць ³⁾ —
 Ровны гряды,
 Ровны зряды.

¹⁾ Сахаровъ, II, 65—69. — ²⁾ Жыта. — ³⁾ На покосѣ.

Ляля раздаёт имъ вѣнки и угощаетъ всѣхъ приготовленными яствами. Эти вѣнки и зелень, въ которую наряжалась Ляля, собираютъ до слѣдующей весны ¹⁾. Цеця — дородная, красивая женщина; въ лѣтнюю пору она показывается на поляхъ — убранная зрѣлыми колосьями, и держитъ въ рукахъ сочные плоды ²⁾. Жыцень представляется существомъ малорослымъ, худощавымъ, пожилыхъ лѣтъ, съ суровымъ выраженіемъ лица, съ тремя глазами и всклокоченными, косматыми волосами. Онъ появляется на нивахъ и огородахъ, послѣ снятія хлѣба и овощей, и осматриваетъ: все ли убрано, какъ слѣдуетъ въ добромъ хозяйствѣ. Запримѣтивъ много колосьевъ, несрѣзанныхъ или оброненныхъ жнецами, онъ собираетъ ихъ, связываетъ въ снопы и переноситъ на участокъ того хозяина, у котораго хлѣбъ убранъ начисто, съ бережливостію; вслѣдствіе этого на будущій годъ тамъ, гдѣ Жыцень подобралъ колосья, оказывается неурожай, а тамъ, куда перенёсъ онъ связанный снопы, бываетъ обильная жатва. Когда Жыцень странствуетъ въ видѣ нищаго и при встрѣчѣ съ людьми грозитъ имъ пальцемъ, это служитъ предвѣстіемъ всеобщаго неурожая и голода въ слѣдующемъ году: «Жыцень зъ казобой (съ нищенской сумою) — голодъ на дворѣ!» Во время осеннихъ посѣвовъ онъ незримо присутствуетъ на поляхъ и утапываетъ въ землю разбросанныя зѣрна, чтобы ни одно не пропало даромъ. Судя по этимъ даннымъ, Жыцень принадлежитъ собственно къ породѣ эльфическихъ духовъ, блуждающихъ по нивамъ и помогающихъ росту и зрѣнію хлѣбныхъ

¹⁾ Румуны чествуютъ особымъ празднествомъ Лялю и смѣшиваютъ ее въ своихъ пѣсняхъ съ Пресв. Дѣвою; холостые парни и дѣвцы обращаются къ Лялѣ съ просьбою послать имъ ровню (устроить ровный бракъ). Очевидно, Ляля (Леля) — тоже, что древняя Лада, богиня весенняго плодородія и любви — Телескопъ 1833, VIII, 511—2. — ²⁾ Поговорка: „маракавъ на Цецю, а трамивъ на пѣцю!“ — иетилъ (женихъ) на красавицу, попалъ на безобразную.

злаковъ (сравни съ повѣрьями о полудницахъ, мавкахъ, полевицахъ, житной бабѣ — II, 330 и гл. XXIII); бѣлоруссы сочетали съ нимъ представленіе осени, такъ какъ къ этому времени года относится окончательная уборка и умо-лотъ сноповъ и поспѣвъ озимаго хлѣба. Имя Жыцень есть производное отъ слова жито (рожь), что подкрѣпляется и народными поговорками: «Жыцень хлѣба давъ», «барджѣй на Жытня, кали въ засѣкѣ хлѣба не прытне» ¹⁾. Зюзя — старикъ небольшого роста, съ бѣлыми и что снѣгъ волосами и длинною сѣдою бородою, ходитъ босой, съ непокрытою головою, въ теплой бѣлой одеждѣ, и носить въ рукахъ желѣзную булаву. Большую часть зимы проводитъ онъ въ лѣсу, но иногда заходитъ и въ деревню, предвѣщая своимъ появленіемъ жестоку стужу. Чтобы умилостивить Зюзю, бѣлоруссы наканунѣ Нового года откладываютъ нѣсколько ложекъ кутьи въ особую миску и оставляютъ ее на ночь на столѣ, чтобы Зюзя пришелъ кутьи паѣсьци и не вредилъ бы морозами нивашъ и домашнимъ животнымъ: «Зюзя на дворѣ — кутья на столѣ». Подобно тому, въ другихъ мѣстностяхъ Россіи существуетъ у крестьянъ обычай приглашать Морозъ на кутью и на кисель (см. I, 319). Когда Зюзя гнѣвается на людей, онъ ударяетъ своей булавою въ какой-нибудь пень, и тотчасъ-же трескаются стѣны домовъ и самая земля; «тре-скачье» морозы приписываются его ударамъ: «Зюзя стукниае, людей ушуае» (страшаетъ ²⁾). Происхожденіе именъ Ляля, Цаця и Зюзя остается необъясненнымъ; каждое изъ нихъ образовалось чрезъ удвоеніе кореннаго слога и всѣ равно уцѣ-лѣли въ дѣтскомъ языкѣ: ляля и цаця (малорус. цаця) употребляются, какъ ласкательныя названія ребенка (въ смыс-

¹⁾ Тотчасъ на Жытня (сваливаютъ бѣлу), если не окажется въ амбарѣ хлѣба. — ²⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 94—97, 105—7, 120—1.

лѣ: милый, пригожий, умница), а также для означенія игруш-
ки ¹⁾; зюзя употребляется въ замѣну слова «холодно»: «не
ходи на дворъ, тамъ зюзя!» ²⁾ бѣлорус. зюзѣць — мерзнуть,
цѣпенѣть отъ холода ³⁾. Въмѣсто олицетворенныхъ временъ
года, въ славянскихъ сказкахъ нерѣдко выводятся дѣйствующи-
ми лицами Мѣсяцы, какъ двѣнадцать братьевъ, возста-
дающихъ на стеблянной горѣ, т. е. на небѣ, вокругъ пылаю-
щаго костра = солнца. Костеръ этотъ горитъ то сильнѣе
(въ лѣтнюю пору), то слабѣе (зимою), смотря по тому, какой
изъ Мѣсяцевъ беретъ въ свои руки правительственный жезлъ.
Весенніе Мѣсяцы изображаются цвѣтущими юношами, лѣт-
ніе — достигшими полного развитія силъ мужчинами, осенніе —
пожилыми, старѣющими братьями, а зимніе — сѣдовласыми
старцами (смотри выше стр. 265—270). Подобное-же олице-
твореніе мѣсяцевъ встрѣчаемъ и въ итальянской сказкѣ ⁴⁾,
но обстановка ея уже значительно подновлена: съ горы-неба
сцена переносится въ гостиницу. Было два брата — богатый
и бѣдный. Бѣдный, оставленный безъ помощи богатымъ бра-
томъ, пошелъ искать счастья; на пути остановился онъ въ од-
ной гостиницѣ, въ которой грѣлись у огня двѣнадцать мужей
и подсѣлъ къ нимъ, дрожа отъ холода. Одинъ изъ двѣнадцати
незнакомцевъ, мрачный и суровый по виду, спросилъ пришель-
ца: «что ты думаешь о теперешнемъ времени года?» — Что ду-
маю? отвѣчалъ этотъ; я убѣжденъ, что всѣ мѣсяцы года ис-
полняютъ свое дѣло, но мы сами не зная — чего намъ желает-
ся, хотимъ давать законы небу и не разсуждаемъ о томъ, что
намъ полезно или вредно; когда бываетъ вѣтрено и дождь

¹⁾ Обл. Сл., 108, 252; Доп. обл. сл., 295; Старосв. Банд., 578. —

²⁾ Обл. Сл., 322. — ³⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 96. Въ одной
изъ валахскихъ сказокъ (Шоттъ, 6: „Die altweibertage“) Весна
является, какъ богиня, наказующая злую мачиху. — ⁴⁾ Pentame-
gone, II, 42.

идеть—мы желаемъ жаровъ, а въ августѣ просимъ тучъ, нисколько не думая, что отъ этого могутъ погибнуть жатвы. «Ты разсуждаешь, какъ Соломонъ; но нельзя-же не признать, что настоящій мѣсяць мартъ своимъ холодомъ, дождемъ, снѣгомъ, вѣтрами и туманами причиняетъ намъ много печали». — Ты говоришь только о неприятныхъ качествахъ этого мѣсяца, отвѣчалъ бѣднякъ; а не говоришь о той пользѣ, какую приноситъ онъ, приводя съ собою весну. Незнакомецъ съ радостью выслушалъ такой отвѣтъ, ибо это былъ самъ мѣсяць Мартъ съ одиннадцатю своими братьями, и подарилъ благоразумному гостю ящичекъ, въ которомъ можно найти все, чего только пожелаешь. Бѣднякъ взялъ подарокъ, возвратился домой и вскорѣ такъ разжился, что богатый братъ его почувствовалъ всю горечь зависти и немедленно собрался въ путь. Онъ зашелъ въ ту же гостинницу, но въ разговорѣ съ мѣсяцемъ Мартомъ разбралъ погоду и его самого послалъ къ чорту. Мѣсяць Мартъ подарилъ ему молотильный цѣпъ: «всякой разъ, какъ пожелаешь чего, скажи только: цѣпъ! дай мнѣ сотню». При первой-же пробѣ цѣпъ осыпалъ ударами неосторожнаго искателя приключеній. Такимъ образомъ, по свидѣтельству сказки, мѣсяць Мартъ обладаетъ и чудеснымъ ящичкомъ (=тоже, что скатерть-самобранка), и дубинкою-самобоемъ.

Главная мысль, лежащая въ основѣ простонародныхъ праздничныхъ обрядовъ, можетъ быть выражена въ этихъ немногихъ словахъ: смерть природы зимою и обновленіе или воскресеніе ея весною. Съ первыми признаками весны поселяне уже начинаютъ зазывать (закликать) ее. Такими признаками служатъ: пробужденіе животныхъ, подверженныхъ зимней спячкѣ, прилѣтъ птицъ, появленіе насекомыхъ и цвѣтеніе поденъжниковъ. 1-го марта, по русской примѣтѣ, бабакъ просыпается, выходитъ изъ норы и начинаетъ свистать; 4-го прилетаютъ грачи, 9-го—жаворонокъ и;

мартъ

къ 17-му числу лёдъ на рѣкахъ становится настолько непрочный, что, по народному выраженію, щука его хвостомъ пробиваетъ; 25-го марта ласточка вылетаетъ изъ вѣрія, и посѣщая въ здѣшній міръ, несетъ съ собою тепло; 5-го апрѣля пробуждаются сверчки, а 12-го медвѣдь выходитъ изъ берлоги, въ которой проспалъ цѣлую зиму; въ маѣ-мѣсяцѣ земля уже «принимается за свой родъ»¹⁾. Приведенныя примѣты не вездѣ и не всегда оказываются вѣрными; во первыхъ разныя мѣстности пользуются и разными климатическими условіями, и во вторыхъ—независимо отъ этихъ условій, годъ на годъ не приходится: зимніе холода заканчиваются иногда ранѣе, иногда позднѣе. Поэтому начало весны (ея приходъ) издревле опредѣлялось не наступленіемъ извѣстнаго въ году дня, а дѣйствительнымъ появленіемъ ея знаменій. У германцевъ тотъ, кто усматривалъ первую фиалку (viole), спѣшилъ объявить о томъ мірской общинѣ; цѣлая деревня сбѣгалась на указанное мѣсто, найденный цвѣтокъ подымали на шесть, танцевали вокругъ него, рѣзались и пѣли веселыя пѣсни. Это называлось: находить лѣто. Подобно тому, въ южной Россіи радуются появленію голубаго ряета (*scilla bifolia*), одного изъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ Украйны; собираясь на поляхъ, поселяне начинаютъ скакать, приплясывать и причитывать: «топчу, топчу ряеть! дай, Боже, потоптати и того року дождати!» Съ тою-же непритворною радостью встрѣчаютъ пѣвицы и перваго майскаго жука²⁾, а первый при-

¹⁾ Маркевич., 2—3; Сахаров., II, 16, 22; Ч. О. И. и Д. 1867, IV, 180—1. — ²⁾ По числу черныхъ точекъ на крыльяхъ *Meligethes* заключаютъ о будущемъ урожаѣ; если этихъ точекъ окажется болѣе семи, то хлѣбъ будетъ дорогъ, а если менѣе, то предстоитъ богатая жатва—D. Myth., 658. По русскому повѣрью: если во время посѣвы подъ брюшкомъ жука будетъ много яичекъ—это предвѣщаетъ изобиліе хлѣба и наоборотъ; если яички помѣщаются у переднихъ ногъ жука, то лучшей урожай будетъ для равнинъ

летѣвшій аистъ и первая ласточка привѣтствуются ими, какъ правдивые вѣстники возвратившейся весны. Обѣ эти птицы признаются священными (ласточка—у нѣмцевъ *Heiligvogel*, у французовъ *la poule de Dieu*); причинять имъ вредъ и разорать ихъ гнѣзда считается величайшимъ грѣхомъ. На домъ, въ которомъ онѣ гнѣздятся, никогда не упадаетъ молнія. Въ Швеціи крестьяне зазываютъ ласточку тоекратнымъ окликомъ. Возвращеніе ласточки праздновали и греко-италійскія племена. На Родосѣ дѣти носили весною ласточку, пѣли обрядовыя пѣсни, и получали за то въ даръ разные припасы. И донныя существуетъ въ Греціи обычай, слѣдующему юноши ходять 1-го марта по улицамъ, съ пѣснями и носятъ вырѣзанную изъ дерева ласточку. Равнымъ образомъ принято было у грековъ за правило давать тому награду, кто первый возвѣщалъ о прилетѣ аиста ¹⁾. На Русѣ ласточку называютъ святою, божьею птицею, у чеховъ—птицею Дѣвы Маріи ²⁾. Гдѣ она поселится, тому дому приноситъ благословеніе, счастье, и предохраняетъ его отъ грозы и пожара; поэтому крестьяне нарочно прибываютъ подъ

посѣвонъ, а если у заднихъ ногъ, то лучше всего уродятся поздніе посѣвы—Иллюстр. 1846, 246; Этн. Сб., II, 55. — ¹⁾ Рус. Бес. 1856, I, ст. Максимовича, 63; D. Myth., 722—3; Пѣсни разн. народовъ въ пер. Берга, 199, 205; Beiträge zur D. Myth., I, 232; II, 432. — ²⁾ У египтянъ ласточка служила символомъ Иизды въ ту пору весенняго обновленія природы, когда богиня эта искала тѣло своего супруга, умерщвленнаго злобнымъ Тифономъ; у грековъ образъ этой птицы принимала Аенна—*Andeutungen eines Systems der Myth.*, 170; Одисс., XXII. Такъ, какъ мысль о воскресающей природѣ сочеталась въ христіанскую эпоху съ празднованіемъ Свѣтло-Христово Воскресенія, то вмѣстѣ съ этимъ ласточкѣ было дано участіе въ легендарныхъ сказаніяхъ: своимъ чирканьемъ она предостерегаетъ Спасителя отъ преслѣдующихъ иудовъ, а когда предали его на распятіе, то похищала и прятала приготовленные гвозди.

Andeutungen eines Systems der Myth.

кровлями планки и маленькія дощечки, чтобы ласточкамъ удобнѣе было прилаживать свои гнѣзда. За убіеніе ласточки и разореніе ея гнѣзда Богъ караетъ преступника смертію, или истребляетъ его домъ пожаромъ, насылаетъ на его стада падежъ, отымаетъ у его коровъ молоко ¹⁾. Ранній прилѣтъ ласточки предвѣщаетъ счастливый, урожайный годъ. «И отъ ластовицъ (читаемъ въ старинномъ памятникѣ) не вѣроуеши ли, яже оу тебѣ щьбъчетъ все лѣто зѣло краснѣ?» Въ Малоросіи дѣти ходятъ въ началѣ марта по домамъ, славятъ ярь и зеленачку и носятъ съ собою деревянную ласточку или испеченныхъ изъ хлѣба жаворонковъ; тотъ-же обычай носить деревянную ласточку соблюдается и болгарами ²⁾. Не менѣе важная роль принадлежитъ въ народныхъ преданіяхъ и повѣрьяхъ кукушкѣ. У древнихъ индусовъ она была посвящена Индрѣ, у германцевъ — Торю ³⁾; у грековъ въ образѣ этой птицы являлся Зевсъ; у славянъ, по свидѣтельству старинной польской хроники (*Chronicon slavosarmaticum Procosii*—*Kronika polska przez Prokosza*), чествованіе кукушки связывалось съ культомъ богини Живы: «*divinitati Zywie factum exstructum erat in monte ab ejusdem nomine Zywie dicto, ubi primis diebus mensis maji innumerus populus pie conveniens precabatur ab ea, quae vitae auctor habebatur, longam et prosperam valetudinem. Praecipue tamen ei litabatur*

¹⁾ Существуетъ еще повѣрье: кто разоритъ гнѣздо ласточки, у того выступаютъ на лицѣ веснушки. Завидя первую ласточку, малороссы умываются водою и приговариваютъ: „ластивко, ластивко! нѣ тоби веснянки, дай мени былянки“—*Номис.*, 5. — ²⁾ Иллюстр. 1846, 262, 333; *Объ истор. зн. нар. повѣ.*, 72; *Записки Авдѣев.*, 140—2; *Архивъ ист.-юрид. свѣд.*, I, стат. Кавел., 8; *Нар. сл. раз.*, 138, 144, 153; *Херсон. Г. В.* 1852, 17; *Полт. Г. В.* 1845, 15; *Сахаров.*, II, 81; *Цебриков.*, 264; *Громанич.*, 70; *Миладин.*, 522; *Volkslieder der Wenden*, II, 260; *Neues Lauzitz. Magazin* 1843, III—IV, 336; *Иоаннъ, вѣд. болг.*, 137. — ³⁾ *Germ. Mythen*, 237.

ab iis, qui primum cantum cuculi audivissent, ominantes superstitiose, tot annos se victuros, quoties vocem repetiisset. Opinabantur enim supremum hunc universi moderatorem transfigurari in cuculum, ut ipsis annuntiaret vitae tempora: unde crimini ducebatur, capitalique poena a magistratibus afficiebatur qui cuculum occidisset.» ¹⁾

Жива — богиня весны, названная такъ потому, что приходомъ своимъ животворитъ = воскрешаетъ умирающую на зиму природу, даетъ землѣ плодородіе, растить нивы и пажити. Отъ снк. *dźiv* — живу, *dźiva* — живою образуются два слова: одно съ суффиксомъ *t*: *dźivita* — наше животь, означающее: во 1-хъ — брюхо, чрево, какъ ту часть тѣла, гдѣ совершаются главные жизненные процессы; во 2-хъ жизнь («положить животь за отечество»), и въ 3-хъ — имущество, состояніе и домашній скоть (животы, животное; въ лѣтописяхъ съ этимъ значеніемъ употребляется и слово жизнь); другое съ суффиксомъ *n*: *dźivana* — прилагат. *vivificus*, сущ. *vita*. Жива есть сокращенная форма имени Живана или Живена, пол. *Ziewonia* ²⁾, и значить: «дающая жизнь». О весеннемъ половодьи, разлитіи рѣкъ поселяне донынѣ выражаютъ: «вода заживаетъ». Все, что служить условіемъ жизни: пища (жито, житница, житникъ и житоръ — ячмень, живность — съѣстные припасы; сравни нѣм.

¹⁾ D. Myth., 643—4. Переводъ: Божеству Живъ было устроено капище на горѣ, названной по ея имени Живецъ, гдѣ въ первые дни мая благоговѣнно сходилъ многочисленный народъ испрашивать отъ той, которую почиталъ источникомъ жизни, долговременнаго и благополучнаго здравія. Особенно-же приносились ей жертвы тѣми, которые слышали первоначные кукушки, предвозвѣстившіе имъ столько лѣтъ жизни, сколько разъ повторился ея голосъ. Думали, что высочайшій владыка вселенной превращался въ кукушку и самъ предвѣщалъ продолженіе жизни; поэтому убіеніе кукушки вышло въ преступленіе и преслѣдовалось отъ правителей уголовнымъ наказаніемъ. — ²⁾ D. Myth., 733.

leben—жить, leib—животъ и laib—гот. hlaiþ, хлѣбъ), домашній кровъ (жилье, жилой покой т. е. теплый, съ печкою), матеріальное довольство (жира, жирова, житуха—хорошее, привольное житье, жировать—жить въ изобиліи, ѣсть вдоволь, жировой—счастливый, богатый—зажиточный, житія людѣ—лучшіе, достаточные, жировикъ—домовой, какъ блюститель домашняго счастья и хозяйства; въ старинныхъ памятникахъ существ. жиръ употребляется въ смыслѣ «памяти», «памятника» а глаголь жить въ смыслѣ «пасться»), здравіе (заживлять раны, зажило, подобно тому, какъ отъ слова быть образовалось бытѣть — зорувѣть, толстѣть ¹⁾), славянинъ обозначаетъ рѣченіями, происходящими отъ того-же плодovitаго корня. Названія: «жизнь моя!» «жизнёнокъ!» употребляются въ народѣ, какъ самая нѣжная, задушевная ласка. Наоборотъ слова, производныя отъ глагола жить, съ отрицаніемъ не, получили значеніе недоброе: областн. нежительный—непріязненный ²⁾), нежить или нежить — олицетвореніе мучительной болѣзни, духъ смерти (стр. 96-98). Посвященная богиня Живѣ, кукушка признавалась вѣщею, небесною посланницею; она повѣдаетъ наступленіе лѣта («зозуля ковала—лѣтечко казала» ³⁾), начало грозъ и дождей, опредѣляетъ долготу человѣческой жизни и сроки брачныхъ союзовъ. По ея голосу земледѣлецъ заключаетъ о будущемъ урожаѣ: если она закукуетъ при восходѣ солнца и на зеленомъ деревѣ (т. е. въ то время, когда лѣса одѣнутся листьями), то годъ будетъ урожайный, а если закукуетъ на ночь и на голомъ деревѣ—будетъ голодъ и моръ. Кто впервые услышитъ кукушку на тощій (пустой)

¹⁾ Обл. Сл., 19, 56—57; Матер. для сравнит. слов., II, 7; Ч. О. И. и Д., годъ 3, I, 9—10; Radices linguae slov., 29; Археол. Вѣстн. 1867, II, 89. — ²⁾ О. З. 1851, VIII, 46. — ³⁾ У литовцевъ май назывался «мѣсяцемъ кукушки».

желудокъ, тому настоящій годъ сулитъ несчастія; такому челоѣку не слѣдуетъ закармливать скотину: не то-голодать ей всю зиму! По чешскому повѣрью, если зозуля не кукуетъ до Иванова дня, то надо ожидать неурожая; своимъ крикомъ она прогоняетъ градъ, бури, бесплодіе и дороговизну. Чехи обращаются къ ней съ вопросомъ: почѣмъ будетъ продаваться жито, ячмень, овесъ? и смотря по тому, сколько разъ она кукуетъ, судятъ о будущихъ цѣнахъ на хлѣбъ. Весною, слышавъ въ первый разъ кукушку, простолюдины спѣшатъ побранчать деньгами—для того, чтобы они не переводились до слѣдующаго года; отсюда возникли поговорки: «сховай грашулку на зязюлку», «сховай три грошы у руку на кук у!» Если-же на ту пору не будетъ въ карманѣ денегъ—это принимается за вѣрный знакъ, что ихъ не будетъ и въ продолженіе цѣлаго года. Тѣже самыя примѣты существуютъ у сербовъ, румыновъ и нѣмцевъ ¹⁾. И вообще всѣ птицы, прилетающія къ намъ съ юга, встрѣчаются, какъ вѣстницы благодатной весны. По народному повѣрью, онѣ являются изъ райскихъ странъ (виріа), отпираютъ замкнутыя зимнею стужею облака, проливаютъ на землю живительный дождь и даруютъ ей силу плодородія. Въ пѣніи овсянки малороссамъ слышатся слова: «покинь сани, возьми возъ!» ²⁾ *А. С. Д.*

Призывъ весны начинается съ 1-го марта; дѣти и дѣвцы влѣзаютъ на кровли амбаровъ, всходятъ на ближайшіе холмы и пригорки, и оттуда причитываютъ: «Весна, Весна красная! приди, Весна, съ радостью, съ великою милостью» (см. стр.

¹⁾ Нар. сл. раз., 136—8, 155, 165; Москв. 1852, XVI, 132; Приб. къ Изв. Ак. Н. 1853 г., 189; Этн. Сб., II, 56; Пузин., 195; Сахаров., I, 271; Громанъ, 68—70; Чешск. пѣсни Эрбена, 77; Срп. рјечник, 312; Телескопъ 1833, VIII, 501—2; D. Myth., 641—3; Beiträge zur D. Myth., I, 210, 232; Zeitschrift für D. Myth., III, 222; Die Wissenschaft des slav. Mythus Гануша, 317, — ²⁾ Украин. мелодія, 142; Рус. въ св. посл., IV, 15.

678). Тотъ же призвъе повторлется 9-го и 25-го марта, на Свѣтлую недѣлю и на Красную Горку (воскресенье Оминой недѣли). На 9-е марта, когда (по народной примѣтѣ) прилетаютъ жаворонки, поселянки пекутъ изъ тѣста изображенія этихъ птичекъ, обмазываютъ ихъ медомъ золотятъ имъ крылья и головы сусальскимъ золотомъ, и съ такими самодѣльными жаворонками ходятъ закликать Весну. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обрядовыя причитанія прямо обращаются къ Ладѣ, богинѣ лѣтняго плодородія, любви и брачныхъ связей:

Благослови, мати,
Ой мати Лада, мати,
Весну закликати!

Или: Благослови, Боже,
Благослови, мати,
Весну закликати,
Зиму провожати!
Зимочка—въ возочку,
Лѣтечко—въ човночку,

т. е. Зима отъѣзжаетъ по сухому пути — на возу, а Лето приплываетъ на челнокѣ, пользуясь весеннимъ разливомъ воды. Въ старину закликаніе Весны должно было сопровождаться жертвенными приношеніями. И донынѣ 1-го марта, на утреннемъ разсвѣтѣ, болгары выходятъ встрѣчать Весну съ нарочно-приготовленнымъ круглымъ хлѣбомъ¹⁾; наши поселянки разстилаютъ на полѣ новый холстъ, кладутъ на него пирогъ, и обращаясь на востокъ, говорятъ: «вотъ тебѣ, матушка Весна!» Затѣмъ, оставляя свои дары подъ открытымъ небомъ, онѣ возвращаются домой, съ надеждою, что матушка Весна одѣнется въ новину и за принесенную ей хлѣбъ-соль уродитъ въ изобиліи лёнъ и конопля²⁾.

¹⁾ Сообщено г. Каравеловымъ. — ²⁾ Сахаров., II, 16, 18, 22, 75, 81; Вѣст. Евр. 1821, III, 193; Полтав. Г. В. 1845, 15; Маякъ, XI, 8; Слав. Мис., 75.

При встрѣчѣ Весны поются обрядовыя пѣсни (в снѣжкѣ: со-
 держаніемъ ихъ служить любовь, возжигаемая Ладювъ серд-
 цахъ дѣвицъ и юношей) и совершаются праздничныя игрища,
 идущія изъ глубокой древности. По народному выраженію, на
 Срѣтенъѣ Зима встрѣчается съ Лѣтомъ, «чтобъ поборотьца:
 кому йти напередъ, кому вертаться назадъ», а на Благовѣ-
 щенъѣ последнее осипливаетъ первую: «Весна Зиму поборо-
 да»¹⁾). Въ естественной смѣнѣ время года: зимы и лѣта древ-
 ній человекъ видѣлъ борьбу двухъ противоположныхъ, взаим-
 но-враждебныхъ силъ, и свое воззрѣніе запечатлѣлъ въ симво-
 лическихъ обрядахъ, до сихъ поръ совершаемыхъ при началѣ
 весны. Въ Германіи въ этихъ обрядахъ принимаютъ участие
 юноши и дѣвицы, раздѣляясь на двѣ половины: одна половина,
 признается свитою Лѣта, другая — Зимы. Того, кто предста-
 вляетъ Лѣто, наряжаютъ въ зеленый плюшь и барвинокъ
 (singrün), а представляющаго Зиму — въ мохъ и солому; они
 выступаютъ другъ противъ друга и долго сражаются между
 собою, пока наконецъ не побѣдитъ Лѣто и съ поверженной на-
 земь Зимы не будутъ сорваны ея уборы. Послѣ того торже-
 ственно носятъ по деревнѣ зеленую вѣтвь или вѣнокъ, возгла-
 шая пѣсню:

Der Sommer der ist da;
 wir wollen hinaus in garten
 und wollen des Sommers warten.
 Wir wollen hinter die hecken
 und wollen den Sommer wecken.
 Der Winter hats verloren.
 der Winter liegt gefangen.

Или: а) Der Sommertag ist da,
 er kratzt dem Winter die augen aus
 und jagt die bauern zur stube hinaus.

б) Stab aus! dem Winter gehn die augen aus...

¹⁾ Номис., 282; Послов. Дая, 976.

c) *Violen und die blumen
bringen uns den Sommer;
der Sommer ist so keck
und wirft den Winter in den dreck.* ¹⁾

Такимъ образомъ, по свидѣтельству пѣсень, Лѣто, пробуждаясь отъ сна, побѣждаетъ Зиму, захватываетъ ее въ плѣнъ, выкалываетъ ей очи и повергаетъ свою соперницу въ грязь, производимую весеннимъ таяньемъ снѣговъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ поселянинъ, избранный представлять Лѣто, является въ одной сорочкѣ, держа въ рукахъ разукрашенное плодами и лентами дерево; а тотъ, кто представляетъ Зиму, выходитъ въ теплой одеждѣ или въ мохнатой шкурѣ. Оба они похваляются своими доблестями, перебрасываются взаимною бранью и бьютъ другъ друга по плечамъ палками. Состоящіе въ свитѣ Зимы вооружаются снѣжными глыбами, а сторонники Лѣта — деревянными мечами, серпами, вилами и другими земледѣльческими орудіями. Обрядовыя пѣсни имя Зимы (Winter) нерѣдко замѣняютъ именемъ Смерти (Tod), ибо въ воззрѣніяхъ первобытныхъ племенъ понятія эти точно также отождествлялись между собою, какъ и понятія Весны и Жизни. Въ зимнюю пору природа чахнетъ, цѣпенѣтъ, умираетъ, а весною пробуждается къ новой жизни:

*wir haben den Tod hinaus getrieben,
den lieben Sommer bringen wir wieder.* ²⁾

Въ Нюрнбергѣ дѣвицы, отъ семи до шестнадцати лѣтъ, въ праздничныхъ нарядахъ, совершаютъ при началѣ весны слѣдующій обрядъ: онѣ носятъ по предмѣстью и городскимъ улицамъ маленькой гробъ, въ которомъ лежитъ покрытая полотномъ деревянная или соломенная кукла, и поютъ: «*wir tragen den Tod ins wasser!*» И дѣйствительно —

¹⁾ D. Myth., 724—5. — ²⁾ Переводъ: мы выгнали Смерть и привесли милое Лѣто.

куклу эту бросают потѣмъ въ воду или сожигаютъ на кострѣ ¹⁾. У славянъ существуетъ старинный обычай: встрѣчая весну въ мартѣ-мѣсяцѣ, совершать изгнаніе Смерти или Зимы. Они выносятъ изъ деревни соломенное чучело, изображающее Смерть, топятъ его въ рѣкѣ, или предають сожженію, а пепелъ бросаютъ въ воду; ибо Зима гибнетъ подъ жгучими лучами весенняго солнца, въ быстрыхъ потокахъ растопленныхъ ими снѣговъ. Въ Богеміи, при совершеніи означеннаго обряда, поютъ:

giz nesem Smrt z wsi,²
nowé Létó do wsi;⁴
wítez Létó líbezne,
obiljécko zelené!

т. е. уже несемъ Смерть изъ села (веси), а новое Лѣто въ село; здравствуй, любезное Лѣто, зеленый поствъ! Или:

Smrt plyne po wodě.
nowe Leto k nam gede. ³⁾

Въ другихъ славянскихъ земляхъ, вынося изъ деревни чучело, наряженное въ женскіе уборы, возглашаютъ:

Wynesli sme Murienu se wsi,
prinesli sme Mag nowy (новый Май) do wsi,

или (какъ поютъ въ Моравіи): nesem, nesem Mařen u. Въ Краледворской рукописи встрѣчаемъ выраженіе: «i iedínu dřižu pam imiéti po puti wšei z wesny po toga u» — и единую подругу имѣть намъ на пути отъ весны до мораны, т. е. отъ юности до смерти. Юность представляется здѣсь въ поэтическомъ образѣ весны, согласно съ обычнымъ и почти у-всѣхъ народовъ распространеннымъ эпическимъ приемомъ изображать Весну прекраснымъ юношею или дѣвою, а Зиму бѣловласымъ

¹⁾ D. Myth., 726—9. — ²⁾ Т. е. Смерть плыветъ по водѣ, идетъ къ намъ новое Лѣто.

и дряхлымъ старцемъ. Въ одной южнорусской сказкѣ царь спрашиваетъ престарѣлаго крестьянина: «давно ли, старикъ, легли на горахъ снѣга? и давно ли пошла изъ-подъ горъ вода?» и вопросы эти означаютъ: давно ли голова посѣдѣла и давно ли текутъ изъ глазъ слезы? ¹⁾ Въ словацкой сказкѣ юная морская дѣва говоритъ старому королю: «*moje lico rûžemi prekvitá, tvoja hlava sněhom zapadá*» = мое лице розами цвѣтеть, твоя голова снѣгомъ покрыта ²⁾. Термины, обозначающіе въ языкахъ индоевропейскихъ народовъ понятіе смерти: снкр. *maṅ-ga* (съ тѣмъ-же суффиксомъ, какъ и *dživana*), слав. моръ, мо(а)рана, польск. *mażana*, лат. *mons*, произошли отъ корня *mgi* (усилен. *mag*), выражающаго впечатлѣніе мрака, холода, пустыни, увяданія: снкр. *mṛin*, *mṛijā*, греч. *μετρησ*, лат. *morī*, лит. *mirtī*, слав. мръти (съ приставками: оу-мръти, съ-мръть, литов. *s-mertis*), мръ-кнути, мръ-знути, чеш. *mṛzpauti*, пол. *mażpać* ³⁾. Очевидно, что въ приведенныхъ выраженіяхъ Краледворской рукописи и народныхъ пѣсень Морана, противопоставляемая Веснѣ=юности, означаетъ не только Смерть, но и Зиму = старость. Въ Подляхін и Польшѣ чучело Смерти-Зимы дѣлаютъ изъ коноплей и соломы и бросаютъ его въ прудъ или болото съ возгласомъ: «*szort tebe zabery!*» ⁴⁾ Вслѣдъ за этимъ всѣ участвующіе въ обрядѣ поспѣшно разбѣгаются по домамъ, и если на бѣгу кто-нибудь спотыкнется и упадетъ—тотъ (по обще-принятому повѣрью) непременно долженъ умереть въ теченіи года. Въ Верхнихъ Лужицахъ чучело Смерти готовится изъ соломы и тряпокъ; куклу эту вѣшаютъ на высокой шестъ и начинаютъ бросать въ нее палками и камнями: кто сшибетъ ее съ шеста, тотъ навѣр-

¹⁾ Кулишъ, I, 230—4. — ²⁾ Slov. pohad., 630. — ³⁾ Котлярев. О погребальн. обычаяхъ, 171; D. Myth., 733. — ⁴⁾ Zagysy domowe, III, 275—7.

но останется живъ въ продолженіи цѣлаго года. Въ заключеніе обряда куклу топятъ въ водѣ или тащатъ на пограничную межу и бросаютъ на чужую землю; затѣмъ, возвращаясь въ деревню, приносятъ съ собою зеленую вѣтвь или нарочно-срубленное въ лѣсу дерево—эмблему весенней жизни, воцаряющейся намѣсто прогнанной Смерти. Иногда куклу наряжаютъ въ бѣлую сорочку (=саванъ), даютъ ей въ одну руку вѣникъ (=знаменіе зимнихъ вьюгъ), а въ другую серпъ, съ которымъ обыкновенно и представлялась нашими предками Морана, какъ богиня, пожинающая все живое въ семь міръ (см. стр. 47); женщины въ траурныхъ покрывалахъ запѣваютъ пѣсню и въ сопровожденіи мальчишекъ, кидających въ куклу камнями, несутъ ее на границу собственныхъ полей и тамъ разрываютъ на части. Жители соседней деревни, какъ скоро замѣтятъ на своей землѣ подобную куклу, тотчасъ-же перебрасываютъ ее назадъ, по ту сторону межи, такъ-какъ Смерть—никому не радость ¹⁾. Въ Польшѣ, Богеміи, Силезіи и Лужицахъ изгнаніе Смерти совершается въ воскресенье четвертой недѣли великаго поста, которое большею частію приходится въ мартъ-мѣсяцъ; чехи называютъ этотъ день *smrtná (smrtedlna) neděle*, сорабы *ssmerdniza*, нѣмцы *todtensonntag* и *sonnertag*. Въ Италиіи и Испаніи въ срединѣ великаго поста дѣлаютъ чучело старухи и переплываютъ его пополамъ—обычай, слѣды котораго Я. Гриммъ указываетъ и у племенъ нѣмецкихъ и славянскихъ: «рѣзати старую бабу» означаетъ тоже, что сожигать и топить Смерть-Зиму, представляемую славянами злою, демоническою старухою. У словенцевъ въ среду на третьей недѣлѣ великаго поста принято сожигать бабу; это происходитъ такъ: готовятъ куклу, кладутъ ее

¹⁾ D. Myth., 730—3; Вѣст. Евр. 1826, IV, 257—8; Терещ., V, 6—10; VI, 212—3.

на бревно, колотятъ дубинами, перешиливаютьъ надвое и затѣмъ уже предають огню ¹⁾. Въ Малороссіи, при встрѣчѣ весны, носятъ по улицамъ и полямъ чучело Мары (Марены) одѣтое въ женское платье, и поютъ весеннія пѣсни; потомъ ставятъ это чучело на возвышенномъ мѣстѣ и зажигаютъ его: пока оно горитъ, поселяне пляшутъ и закликаютъ обычными причитаніями Весну. Въ великорусскихъ губерніяхъ торжество Живы и гибель Мораны чествуются возженіемъ праздничныхъ огней на масляницу. Такъ какъ недѣля эта сходится съ началомъ весны и такъ какъ слѣдующій за нею постъ долженъ былъ вызывать особенно-строгія церковныя запрещенія, направленныя противъ языческаго культа, то неудивительно, что во всей Европѣ масляница (карнавалъ) получила значеніе самаго разгульнаго праздника, посвященнаго проводамъ Зимы и встрѣчи Лѣта. Воспоминаніе древнее преданіе о потѣдѣ богини лѣта (Изиды, Фрей, Гольды—Лады), рассыпающей по землѣ щедрые дары плодородія (см. I, 554-6), у насъ возили во время масляницы дерево, украшенное бубенчиками и разноцвѣтными лоскутьями, или деревянную куклу. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ и донныѣ возятъ пьянаго мужика, обязаннаго представлять Масляницу; для этого запрягаютъ въ сани или повозку лошадей десять и болѣе гуськомъ, и на каждую лошадь сажаютъ по вершику, съ кнутомъ или метлою въ рукахъ; вездѣ, гдѣ только можно, привѣшиваютъ маленькіе колокольчики и погремушки; сани или повозку убираютъ вѣниками, мужику-Масляницѣ даютъ въ руки штофъ съ водкою и чарку, и сверхъ того ставятъ подлѣ него боченокъ съ пивомъ и коробъ съ съѣстными припасами. Въ Сибири устраиваютъ на нѣсколькихъ саняхъ корабль, на которомъ сажаютъ раженокъ

¹⁾ D. Myth., 734, 741—2; Чешск. пѣсни Эрбена, 57—58; Ильяш, 117—8; Рус. Бес. 1857, III, стат. Клуна, 109.

медвѣдя и Масляницу, и возятъ по улицамъ, въ сопровожденіи пѣсенниковъ. Дерево, корабль и медвѣдь — все это эмблемы весенней природы и ея творческихъ, плодоносныхъ силъ; звуки колокольчиковъ и бубенчиковъ—знаменія грозовой музыки, метла, вѣникъ и кнутъ—вихрей и молній, пиво и вино — всёоживляющаго дождя. Въ такомъ обрядовомъ поѣздѣ празднуется пришествіе (возвратъ) благодатной Весны. Наряду съ этимъ совершаются и другіе обряды, указывающіе на борьбу Весны съ Зимой и пораженіе послѣдней. Въ разныхъ губерніяхъ въ субботу сырной недѣли строятъ на рѣкахъ, прудахъ и въ поляхъ снѣжный городъ съ башнями и воротами—царство Зимы (демона-Вритры), долженствующее пасть подъ ударами Перуна; участвующіе въ игрѣ вооружаются палками и метлами и раздѣляются на двѣ стороны: одна защищаетъ городъ, а другая нападаетъ на него, и послѣ упорной, болѣе или менѣе продолжительной схватки, врывается въ ворота и разрушаетъ укрѣпленія; воеводу взятаго съ боя и разрушеннаго города въ старину купали въ проруби. Вечеромъ въ воскресенье (послѣдній день масляницы, называемый ея проводами) поселяне выносятъ изъ своихъ дворовъ по снопу соломы, и сложивши ихъ на окраинѣ деревни, сожигаютъ при радостныхъ кликахъ и пѣняхъ собравшагося народа, — каковой обрядъ называется сожженіемъ Масляницы. Иногда пучки соломы навязываютъ на шесты, разставляютъ по дорогѣ и палятъ послѣ солнечнаго заката, а иногда замѣняютъ ихъ дегтярными бочками. Существуетъ еще обычай сожигать на прощенное воскресенье ледяную гору, для чего собираютъ по дворамъ хворостъ, щепки, худыя кадки, складываютъ все это на ледяной горѣ, и затѣмъ разводять костѣрь, служащій символическимъ знаменіемъ весенняго солнца, яркіе лучи котораго растапливаютъ снѣжные покровы зимы. Такимъ образомъ, олицетворяя самое празднество и ста-

вя это олицетвореніе на мѣсто древнихъ богинь, заправлявшихъ смѣною годовыхъ временъ, народъ русской встрѣчу Весны назвалъ встрѣчею Масляницы, а изгнаніе Зимы—сожженіемъ Масляницы или ея проводами ¹⁾). Одновременно съ пробужденіемъ природы отъ зимняго сна (омертвенія), пробуждаются къ жизни и души усопшихъ, осужденныя пребывать въ воздушныхъ и заоблачныхъ сферахъ (см. выше стр. 287—292); поэтому праздникъ весны былъ вмѣстѣ и праздникомъ въ честь усопшихъ предковъ, обычною порою сношеній съ ними, посѣщенія кладбищъ и поминокъ. До сихъ поръ на масляницу бѣгаютъ по улицамъ ряженые, что знаменуетъ появленіе освободившихся изъ загробнаго царства стхійныхъ духовъ—оборотней, и во всѣхъ домахъ приготовляются блины, изстари составлявшіе необходимую принадлежность всякаго поминальнаго пиршества.

Тѣже обряды приурочиваются и къ послѣдней недѣлѣ великаго поста, и къ празднику Пасхи, и къ Троицкой недѣлѣ, такъ какъ мысль о воскресающей Веснѣ ²⁾) = Живѣ сочелась въ народныхъ представленіяхъ съ мыслию о пресвѣтломъ воскресеніи праведнаго солнца—Христа. Прилетая въ сей міръ, богиня Весна разводитъ пламя небесныхъ грозъ, разитъ и гонитъ злобныхъ демоновъ, выводитъ изъ-за холодныхъ зимнихъ тумановъ и тучъ свѣтозарное солнце, или выражаясь поэтически: снова воспламеняетъ его свѣтильникъ, и пожигая снѣжное, ледяное царство Зимы, топчетъ ее въ разливѣ стремительныхъ водъ. Символическимъ обозначеніемъ этой творческой дѣятельности богини издревле

¹⁾ Сахаров., II, 73—74; Терещ., VII, 331—3; Этн. Сб., II, 41—43; Ч. О. И. и Д., годъ 1, II, 20; Рус. прост. праздн., II, 130; Москв. 1849, IX, 6—7; Каравел., 189. — ²⁾ „Ой, вже весна воскресла!“—Ч. О. И. и Д. 1866, III, галицк. пѣсни, 677; Маякъ, XI, 48.

служили возжигаемые на землѣ огни. Раннимъ утромъ въ четвергъ страстной недѣли, какъ въ день, посвященный громовнику, предки наши, по свидѣтельству Стоглава, палили солому и кликали мертвыхъ. День этотъ называется на Руси чистымъ—свѣтлымъ ¹⁾; крестьяне ходятъ въ чистый четвергъ на проруби и закликаютъ Весну ²⁾, а послѣ «всенощнаго стоянья» приносятъ изъ церкви горящія восковыя свѣчи и выжигаютъ ими на дверяхъ и потолкахъ своихъ домовъ кресты—для отогнанія злыхъ духовъ. Эта «страстная» свѣча, будучи зажжена во время грозы, предохраняетъ домъ отъ громоваго удара; поставленная въ пчельникѣ, она даруетъ изобиліе меда (намекъ на медовый напитокъ дождя, низводимый молніями); съ нею-же соединяютъ цѣлебную, облегчающую страданія силу, и потому, затеплявая эту свѣчу, даютъ ее въ руки трудно-больнымъ, во время болѣзненныхъ припадковъ, и родильницамъ—при мукахъ разрѣшенія). Къ заутренѣ на Свѣтло-Христово Воскресенье бѣлоруссы собираются съ зажженными лучинами; въ великорусскихъ губерніяхъ и въ Чехахъ жгутъ тогда около храмовъ смоляныя бочки; уголья, оставшіеся отъ этихъ бочекъ, а равно и свѣчи, съ которыми одстояли заутреню, приносятъ домой и затыкаютъ за стрѣхи, чтобы охранить зданія отъ грозы, а домашнюю скотину отъ порчи ⁴⁾. Въ Германіи въ ночь на первый день праздника зажигаютъ на горахъ и холмахъ большіе костры (osterfeuer), складывая ихъ изъ дровъ, дѣрна и соломы; на Везерѣ прикрѣпляютъ дегтарную бочку, обвитую соломой, къ еловому дереву, и зажигая ее ночью, пляшутъ вокругъ огни, а когда пламя погаснетъ—собираютъ головки и уголья и разносятъ по домамъ ⁵⁾. Су-

¹⁾ Великую субботу сербы и чехи называютъ бѣлою; серб. биједа медјед(ь)а—масляница (Срп. речник, 24). — ²⁾ Сахаров., II, 96. — ³⁾ Полтав. Г. В. 1845, 15. — ⁴⁾ Ганушь, 117. — ⁵⁾ D. Myth., 581—2.

шествуетъ еще обыкновеніе зажигать ночью деревянныя стрѣлы, обмазанныя смолою и метать ихъ вверхъ—такъ, чтобы пущенная стрѣла описывала въ воздухѣ огненную дугу ¹⁾). Свѣтло-Христово Воскресенье у нѣмцевъ именуется *ostern*, а мѣсяцъ апрѣль, въ который бѣльшую частію приходится его праздновать, — *ostermonat*; въ старинныхъ памятникахъ праздникъ Пасхи — *ostara* (*ostartaga*, *aostortagā*), апрѣль — *ostarmānoth*. Остара (*Ostara*, *Eāstre*, *Eostre*)—древне-германская богиня зори, блестящаго утра и весны, приводящая съ востока воскресающее (возстающее отъ ночнаго и зимняго сна) солнце, культъ которой пустилъ такіе глубокіе корни, что имя ея сочеталось съ главнѣйшимъ христіанскимъ праздникомъ. Имя это восходитъ къ скр. корню *ush*, отъ котораго образовались рѣченія: скр. *ushas*—зоря, *usgā* (въ Ведахъ) — утро, разсвѣтъ, лит. *auszga* — утренняя зоря, *auszta*—разсвѣтаетъ, zend. *ushastara*—восточный, др.-нѣм. *ostan* (*ost*), англос. *east*, скан. *austur* — востокъ, слав. утро, *jutro*; сравни скр. *vāsara*—день, *vastar*—утро, *vasanta*—весна отъ корня *vas*. Соответственно нѣмецкому *ostern*, лужичане называютъ праздникъ Пасхи — *jutru* (*jatru*, *jastru*), полабскіе славяне—*justroj* (*jostraj*, *jystroj* ²⁾). Игру лучей восходящаго солнца поэтическая фантазія младенческихъ народовъ объясняла тѣмъ, что свѣтило это, пробуждаясь отъ сна, пляшетъ поутру на востокъ. Такую пляску можно наблюдать только съ началомъ весны, когда небо очистится отъ потемнявшихъ его зимнихъ облаковъ и тумановъ. Отсюда возникло повѣрье, общее славянамъ и нѣмцамъ, что на разсвѣтѣ Свѣтло-Христова Воскресенья солнце отъ радости пляшетъ, играетъ и скачетъ

¹⁾ Die Götterwelt, 200. — ²⁾ D. Myth., 267—8; Beiträge zur D. Myth., I, 177; Пикте, I, 156—7; II, 673—4; Курціусъ, 368; Ганушь, 120.

въ три прыжка. На Руси въ первый день Пасхи крестьяне собираются на колокольни, крыши и пригорки смотрѣть на восходящее солнце. Тоже повѣрье прилагается и ко дню Благовѣщенья (25 марта); замѣтимъ, что на Благовѣщенье поселяне жгутъ старыя соломенные постели и прыгаютъ черезъ разведенное пламя, которому приписываютъ силу укрѣплять здравіе ¹⁾. По народному убѣжденію, на первый день Пасхи открывается свѣтлый рай (т. е. просвѣтляется небо), и врата его (Goldtor, откуда восходитъ солнце—см. стр. 257) остаются открытыми во все продолженіе праздника; потому всякой, кто умираетъ на этой недѣлѣ, признается святымъ: душа его безпрепятственно входитъ въ селенія праведныхъ. Тогда-же открываются зарытые въ подземельяхъ драгоценныя клады и горятъ яркимъ пламенемъ, т. е. изъ-за темныхъ облаковъ и тумановъ, разбѣянныхъ весенними грозами, является очамъ смертныхъ золото солнечныхъ лучей. Въ черниговской губ. Святая недѣля слыветъ гремяцкою, а чехи называютъ ее Червонными Святками ²⁾. Съ мыслию объ отверстомъ раѣ тѣсно связаны: во 1-хъ, суевѣрное мнѣніе, противъ котораго еще въ XVI вѣкѣ выступалъ съ обличительнымъ словомъ Максимъ Грекъ, будто во все продолженіе пасхальной седмицы солнце не заходитъ и тѣмъ самымъ какъ-бы обращаетъ ее въ одинъ продолжительный день (малоруссы Свѣтло-Христово Воскресенье называютъ Великъ день ³⁾); во 2-хъ, вѣрованіе, что именно въ эту благодатную пору свѣтлые боги сходятъ съ небесъ на землю и надвѣляютъ ее дарами плодородія. Вѣрованіе это, наследован-

¹⁾ Die Symbolik von Sonne und Tag, 29; Сахаров., II, 75—76; Москов. Вѣстн. 1827, VI, 360; Иллюстр. 1846, 262 и далѣе; О вл. христ. на сл. яз., 17—18; Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 340. — ²⁾ Маякъ, XI, 18; Сахаров., II, 75; Ганушь, 122. — ³⁾ Правосл. Собесѣдн. 1858, I, 147.

ное отъ языческой старины, въ христіанскую эпоху было перенесено на Спасителя, Богородицу и святыхъ угодниковъ. По народнымъ разсказамъ, съ перваго дня Пасхи и до Вознесенія Христоръ и апостолы странствуютъ по землѣ: въ нищенскихъ рубищахъ, испытуютъ людское милосердіе, награждаютъ добрыхъ и караютъ злыхъ. Въ смоленской губ. утверждаютъ, что Христоръ сходитъ на землю въ чистый четвергъ, и потому, для встрѣчи божественнаго гостя, въ каждомъ домѣ готовится къ этому дню хлѣбъ, называемый стульце ¹⁾. Въ бѣлорусскихъ деревняхъ на Свѣтло-Христово Воскресенье ходятъ по домамъ волочebники и поютъ обрядовыя пѣсни, слава святыхъ Юрія и Николу, что коровъ и коней запасаютъ, Пречистую Дѣву, что застѣваетъ нивы, и Илью-пророка, зажинающаго колосистую рожь. Всѣ освященныя на этотъ праздникъ яства украшаются зелеными вѣтками брусники; къ такимъ яствамъ принадлежитъ и жареный барашекъ или поросенокъ, кости котораго частію зарываютъ на пашняхъ, съ цѣлю предохранить нивы отъ града, а частію держать въ домахъ и во время лѣтнихъ грозъ бросаютъ въ огонь, разведенный на домашнемъ очагѣ, дабы отвратить ударъ грома ²⁾. Въ костромской губ. существуетъ обычай: передъ Христовской заутреней всходить на колокольни и стрѣлять оттуда изъ пистолетовъ и ружей; тоже дѣлаютъ и лужичане ³⁾. Выстрѣлы эти знаменуютъ весенній громъ, прогоняющій нечистую силу Зимы — Смерти. На второй день Пасхи, на Красную Горку и въ Ошвинѣ понедѣльникъ молодые парни и дѣвицы обливаютъ другъ друга ключевою водою — обрядъ, напоминающій сербскую Додоу и символически-обозначающій про-

¹⁾ Рус. Бес. 1856, I, ст. Максимовича, 78; Цебриков., 275—7. —

²⁾ Рус. прост. праздни., I, 160; Ввст. Евр. 1828, V—VI, 75—83; Ввст. Р. Г. О. 1853, VI, 103. — ³⁾ С. Петерб. Ввд. 1864, 118; Volkslieder der Wenden, II, 223.

литіе небесныхъ источниковъ, оѣмненіе матери-Земли оплодотворяющей влагою дождя ¹⁾. Объ этомъ Густинская лѣтопись ²⁾ рассказываетъ такъ: «отъ сихъ (языческихъ боговъ) единому нѣкому богу на жертву людей топяху, ему-же и донынѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память творять: во день Воскресенія Христова собравшеся юніи, играюще, вметають чловѣка въ воду, и бываетъ иногда дѣйствомъ тыхъ боговъ, си есть бѣсовъ, разбиваются и умирають, или утопають; по иныхъ-же странахъ не вкидають въ воду, но токмо водою поливають, но единаче тому-же бѣсу жертву сотворяють». На Красную Горку (въ воскресеніе Троицкой или радуницкой недѣли), при солнечномъ восходѣ, сельскія дѣвицы собираются на ближній холмъ или пригорокъ и становятся въ кругъ; одна изъ нихъ выступаетъ въ средину круга—съ хлѣбомъ и краснымъ яйцомъ въ рукахъ, и обращаясь на востокъ, творитъ молитву, а послѣ молитвы закликаетъ Весну: «Весна красна! на чемъ пришла» и т. дал. Въ калужской губерніи укрѣпляютъ при этомъ на горкѣ длинный шестъ съ соломенной куклою, которая вечеромъ сожигается съ пѣснями и плясками; въ орловской же губ. поселяне на радуницкой недѣлѣ прогоняють Смерть изъ своего села, для чего въ полночь дѣвицы выходятъ съ метлами и кочергами, и взмахивая ими по воздуху, гоняются за невидимой Мораню ³⁾. Обрядъ этотъ—и по своему значенію, и отчасти по самой обстановкѣ—тождественъ съ обрядомъ «опашиванія», каковой совершается въ нашихъ деревняхъ и селахъ для изгнанія повальныхъ болѣзней: чумы, холеры и коровьей смерти. Въ старые годы въ Литвѣ друзья усопшаго,

¹⁾ Терещ., VI, 106, 110; Бопланъ: Описаніе Украйны 79. Къ этому-же времени относится и обрядовое поздравленіе молодыхъ супруговъ—такъ называемый въюнецъ. — ²⁾ П. С. Р. Л., II, 257. — ³⁾ Сахаров., II, 81, 83.

провожая его тѣло въ могилу, махали по воздуху ножами, съ возгласомъ: «бѣгите, бѣгите, злые духи!»¹⁾

Какъ скоро богиня весны побѣдитъ демоновъ зны, она тотчасъ-же одѣваетъ поля, сады и рощи свѣжею зеленью и цвѣтами. Прекрасные, благословенные дни мая и начала іюня издревле признавались посвященными этой богинѣ и чествовались общенародными игрищами. Въ христіанскую эпоху такія игрища, совершаемыя въ честь Весны, были приурочены къ Вознесенію и Троицѣ, такъ какъ праздники эти болѣею частью приходятся въ маѣ-мѣсяцѣ. Четвергъ, въ который празднуется Вознесеніе, и четвергъ, предшествующій Троицѣ (такъ называемый Семикъ, потому что бываетъ на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи) получили въ глазахъ народа особенно-важное значеніе по извѣстной намъ связи четверга съ культомъ громовника. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ къ завиванію вѣнковъ приступаютъ уже въ день Вознесенія; обыкновенно же обрядъ этотъ совершается на Семикъ или Троицу. Предъ

1) Черты литов. нар., 111. Вотяки и черемисы передъ весеннимъ посевомъ хлѣба гоняютъ шайтана; парни и дѣвки садятся верхомъ на коней, берутъ въ руки зажженные лучины, бичи, палки, метлы, и съ дикимъ воплемъ начинаютъ скакать по деревнѣ изъ конца въ конецъ, махая метлами и ударяя по хлѣвамъ и угламъ избъ, чтобы шайтанъ не осмѣлился повредить посѣву; потомъ отправляются въ поле, ставятъ двѣ палки и дѣлаютъ загородку—въ знакъ того, что шайтанъ прогнанъ и возвратный путь для него прегражденъ—Записки Александры Фуксъ о чуваш. и черемисахъ казан. губ. (Казань, 1840 г.), 221, 261—2; Вятск. Г. В. 1851, 25. Сравни извѣстія, занесенныя въ книгу „Обряды еврейскіе“ (Орель, 1830 г.), 179, и въ путевыя записки XVII вѣка „О ходу въ Персидское царство“ (Времен., XV, 17—18): „и возять наряднаго мужика, сдѣланъ мѣжомъ да набить соломой, и сагадакъ и стрѣлы сдѣланы изъ лучины, а ему ругаются и плюютъ на него, а жонки плачутъ... того соломеннаго мужика вывезутъ на поле за городъ и вынесутъ соломы и нести и сожгутъ, а сами выземъ бьются—а то они (персы) празднуютъ влатымъ своимъ“.

наступленіемъ означенныхъ праздниковъ, поселяне отправляются толпами въ поля и рощи, собираютъ разныя травы, преимущественно благовоныя: чоберъ; мяту, зюрю и калуферъ, и рубятъ молодыя березы и другія лиственныя деревья; и по городамъ, и по сёламъ стѣны внутри домовъ убираются древесными вѣтвями, полы устилаются скошеною травою, а окна пахучими зельями и цвѣтами; на дворахъ и по улицамъ устанавливаются въ землю цѣлыя ряды березокъ, липокъ и кленовъ, такъ что каждый городъ и каждая деревня превращаются на нѣсколько дней въ зеленые сады. Точно также убираются къ Троицѣ и самыя храмы; наканунѣ праздника благочестивые прихожане привозятъ срубленныя деревья, разставляютъ ихъ около перилъ, столбовъ, клиросовъ и по угламъ церкви, втыкаютъ ихъ за образа, подсвѣшники и люстры, полъ усыпаютъ травою, а мѣстныя иконы украшаютъ цвѣтами. Утромъ слѣдующаго дня женщины, дѣвушки и дѣти приходятъ къ обѣднѣ съ пучками цвѣтовъ и пахучихъ травъ въ рукахъ, и потомъ въ продолженіи года хранятъ ихъ, какъ святыню; вѣрятъ, что сложенная въ церквѣ березовая вѣтка и принесенные оттуда цвѣты и травы обладаютъ цѣлебною силою противъ всякихъ недуговъ. Въ великорусскихъ губерніяхъ поселяне и городская чернь собираются на Семикъ въ лѣса и рощи, поютъ пѣсни, завиваютъ вѣйки, срубаютъ молодое березовое дерево и наряжаютъ его въ женское платье, или обвѣшиваютъ разноцвѣтными лентами и лоскутьями. Затѣмъ слѣдуетъ общій пиръ, изготовляемый въ складчину или есыпчину, т. е. изъ мірскаго сбора мукі, молока, крашенныхъ яицъ и другихъ припасовъ; на покупку вина и пива назначаются денежные взносы. По окончаніи пиршества поднимаютъ наряженную березку, съ радостными пѣснями и плясками несутъ ее въ деревню и становятся въ избранномъ съ общаго согласія домѣ, гдѣ она и остается гостею до Трои-

*Слѣдуетъ
доплатить
на 100*

цына дня. Въ пятницу и субботу приходятъ навѣщать «гостейку», а въ Троицкое воскресенье выносятъ ее къ рѣкѣ и бросаютъ въ воду. Тогда-же пускаются по водѣ и семицкіе вѣнки. Въ пинскомъ уѣздѣ на Духовъ день крестьянскія дѣвушки избираютъ изъ своей среды самую красивую подругу, обвязываютъ ее березовыми и кленовыми вѣтвями, и подъ именемъ куста водятъ по улицамъ и дворамъ, что живо напоминаетъ намъ сербскую додолу, съ головы до ногъ убранную въ цвѣты и зелень. Въ полтавской губ. водятъ на Духовъ день тополь¹⁾, которую представляетъ дѣвушка, въ разноцвѣтной плахтѣ, съ яркими лентами въ косахъ и монистами на груди. Въ старые годы, около Воронежа, строили на Троицу посреди дубовой рощи небольшой шалашъ, убирали его вѣнками, цвѣтами и душистыми травами, а внутри ставили на возвышеніи соломенную или деревянную куклу, одѣтую въ праздничное мужское или женское платье; къ этому мѣсту стекались со всѣхъ сторонъ окрестные жители, приносили съ собой различные напитки и яства, водили вокругъ шалаша хороводы и предавались беззаботному веселью и играмъ. Въ семицкой березкѣ, «тополѣ», «кустѣ» и въ троицкой куклѣ народъ чествовалъ лѣсную дѣву, оживающую въ зелени дубравъ (см. II, 328), или самую богиню Весну, одѣвающую деревья листьями и цвѣтами. На Троицынъ день молодежь отправляется въ лѣса и рощи завивать вѣнки, возглашая хоромъ:

Благослови, Троица,
 Богородица!
 Намъ въ лѣсъ пойти,
 Намъ вѣнки завивать,
 Ай Дидо, ой Лудо!
 Намъ вѣнки завивать
 И цвѣты сорывать.

¹⁾ Тополь.

Приготовивъ вѣнки, дѣвицы и парни обмѣниваются ими другъ съ дружкой; дѣвицы надѣваютъ ихъ на головы, парни украшаютъ ими свои шляпы, и затѣмъ приступаютъ къ хороводнымъ играмъ. Вечеромъ, какъ только сядетъ солнце, или на слѣдующій день ходятъ они на рѣку и кидаютъ вѣнки въ воду; въ нѣкоторыхъ-же уѣздахъ этотъ послѣдній обрядъ совершается на Всесвятской недѣлѣ. Мѣстомъ завиванія вѣнковъ преимущественно выбираютъ ту рощу, которая прилегаетъ къ засѣянному полю, — для того, чтобы рожь уродилась гуще и прибыльнѣе. Въ литовскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ даже коровамъ на Троицынъ день надѣваютъ на рога и шею вѣнки, сплетенные изъ зелени и полевыхъ цвѣтовъ ¹⁾. Вѣнокъ издревле служилъ эмблемою любви и супружеской связи. Такъ какъ въ весеннюю пору Земля вступаетъ въ брачный союзъ съ Небомъ и такъ какъ богиня весны (Жива) была не только представительницею земныхъ урожаевъ, но и вообще покровительницею брака и любовныхъ наслажденій; то и посвященный ей праздникъ необходимо долженъ былъ считаться лучшимъ въ году временемъ для заявленій любви и для гаданій о будущемъ семейномъ счастьи. Бросая вѣнки въ воду, юноши и дѣвицы допрашиваютъ эту пророческую стихію о своей грядущей судьбѣ (см. II, 192; III; 341—2, 349): если брошенный вѣнокъ уплыветъ, не коснувшись берега, — это предвѣщаетъ исполненіе желаній, счастливый бракъ и долгую жизнь; если вѣнокъ закружится на одномъ мѣстѣ — это знакъ неудачи (свадьба разстроится, любовь останется безъ отвѣта),

¹⁾ Сахаровъ, II, 83—89; Этн. Сб., II, 52; Ворон. Г. В. 1850, 8; Москон. Телеграфъ 1830, XVII, 31; Вѣст. Евр. 1821, III, 198; 1828 г., V—VI, 83—84; Москв. 1849, IX, 10; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 28; 1827, IV, 278; Терещ., VI, 173—186, 193—5; Казан. Г. В. 1846, 3; Минск. Г. В. 1866, стр. 328—9; Маякъ, XI, 22; Украин. Журналъ 1824, XI, 255—6.

а если потонетъ — знакъ смерти, вдовства или безсеме-
ной жизни (молодцу не быть женатому, дѣвицѣ оставаться
незамужнею). Замѣчаютъ еще: уцѣлѣлъ ли свѣжимъ или за-
вялъ вѣнокъ, сбереженный отъ Семика до Троицына дня? въ
первомъ случаѣ рассчитываютъ на долготѣнее и счастливое
супружество, а въ послѣднемъ — ожидаютъ скорой смерти.
Не такъ давно въ калужской губ. существовало обыкновение,
по которому парень, задумавшій жениться, обязанъ былъ вы-
тащить изъ воды вѣнокъ полюбившейся ему дѣвицы ¹⁾. Та-
кимъ образомъ зелень и цвѣты играютъ главную роль на ве-
селомъ праздникѣ Весны; ея благотворное вліяніе именно въ
томъ и выражается, что мать-сыра земля, словно юная и пре-
красная невѣста, рядится въ роскошные уборы растительнаго
царства; апрѣль и май-мѣсяцы получили поэтому названія
травня и квѣтня ²⁾; семицкая недѣля слыветъ въ народѣ
зеленою, клечальною, а три послѣдніе дня этой недѣли
и слѣдующіе за ними праздники Троицы и Св. Духа называ-
ются Зелеными Святками. Тѣже обряды совершаются на
Троицу и въ Литвѣ, и въ Польшѣ ³⁾. У германскихъ племенъ
на Троицынъ день или въ началѣ мая соблюдался въ старыя
годы такой обычай: изъ среды юношей избирался *maigaf*
(*maiköpig*); затѣмъ привозили изъ лѣсу повозку, нагружен-
ную зелеными вѣтками и вѣнками (*maiwagen*); одинъ вѣ-
нокъ (*maikranz*) былъ вручаемъ бургомистромъ и город-
скимъ совѣтомъ майграфу; остальные связки зелени шли въ
раздѣлъ между мѣстными жителями, но самая большая часть
ихъ отдавалась въ монастыри и церкви. Церковныя башни

¹⁾ Рус. прост. празд., III, 132—3, 136; Терещ., VI, 197—8. Въ
нѣкоторыхъ городахъ троицкое гульбище превратилось въ обрядо-
вый смотръ невѣсть. — ²⁾ Квѣтъ—цвѣтъ; римляне съ 28
апрѣля по 1е мая праздновали *Floralia*—въ честь богини Флоры.—
³⁾ Терещ., VI, 174.

были украшаемы древесными вѣтвями, а помосты храмовъ усыпаны обрѣзками кустарниковъ и полевыми цвѣтами. Нерѣдко майграфу вручались два вѣнка и предоставлялось право избрать изъ числа дѣвицъ царицу праздника (*maigräfin, maikönigin, maibraut*); на эту послѣднюю онъ возлагалъ одинъ изъ своихъ вѣнковъ. Существовалъ также обычай и скатъ *maikönig'a*: для этого вооруженная толпа юношей отправлялась въ лѣсъ, и немного погодя возвращалась оттуда вѣстѣ съ «майскимъ королемъ», который ѣхалъ верхомъ на конѣ, опутанномъ гибкими зелеными вѣтвями, или въ повозкѣ, запряженной въ четыре лошади и убранной разнымъ «клевачьемъ». Этимъ торжественнымъ поѣздомъ означался возвратъ бога весенняго плодородія (Одина или Тора) изъ дальнихъ невѣдомыхъ странъ, гдѣ проводилъ онъ зиму. О такомъ поѣздѣ датчане выражались: *at ride Sommer i bye (den Sommer in das land reiten)*. Въ разныхъ мѣстахъ Германіи на Троицынъ день и донинѣ продолжаютъ украшать дома зеленью. Въ Англіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ на первый день мая раннимъ утромъ юноши и дѣвицы, въ сопровожденіи музыкантовъ, отправлялись въ ближайшій лѣсъ, слагали древесныя вѣтви, убрали ихъ цвѣтами, и воротившись домой, ставили эти майскія знаменія на дверяхъ и окнахъ своихъ жилищъ. Тогда-же общими усилиями срубали они большое дерево и привозили его въ городъ или деревню на нѣсколькихъ парахъ быковъ; каждому быку прикрѣпляли между рогами букетъ цвѣтовъ; дерево это — *maibaum* — ставили посреди площади и предавались вокругъ него играмъ и пляскамъ. Распорядитель праздника назывался *lord of the may*, а избранная ему въ подруги — *lady of the may*¹⁾. Чехи на майскій праздникъ избираютъ краля и краляку, и недѣля, въ которую происходитъ это народное гульбище, на-

¹⁾ D. Myth., 736—8; Die Götterwelt, 144—7.

Всѣмъ милымъ мамѣ на доброй
ночь доброй мамѣ,
идти утромъ милымъ мамѣ
всѣмъ милымъ мамѣ.

вѣтна подь именовъ крѣловой (králova peděle). Краль и кралька являются на праздникъ увѣчанные коронами и убранные цвѣтами. Словенцы, празднуя возвратъ весны, назначаютъ одного изъ юношей представлять Зеленаго Егора (Юрія) и обвязываютъ его березовыми вѣтками (см. II, 175). Срубленные деревья, которыми украшаютъ въ это время дома, называются майями. Въ Литвѣ 1-го мая уставляли на лугу зеленое дерево, обвѣшанное разноцвѣтными лентами; сельская молодежь, избравъ изъ своей среды самую красивую дѣвушку, надѣвала ей на голову вѣнокъ, обвивала ее станъ березовыми вѣтвями и веселою толпою сопровождала ее на мѣсто гульбища. Тамъ, возлѣ майскаго дерева, начинались танцы и пѣсни, съ постоянно-повторяемымъ возгласомъ: о майя, о майя! ¹⁾

Но лѣто гостить на землѣ короткое время. Солнце, достигнувъ полнѣйшаго проявленія своихъ творческихъ силъ, поворачиваетъ на зиму, и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе утрачиваетъ свой живоносный свѣтъ; дни начинаютъ умалаться, а ночи удлиняются. Этотъ поворотъ Солнца (supnewende) — выѣздъ его въ далѣкій зимній путь сопровождается народнымъ празднествомъ, приуроченнымъ ко дню Іоанна Крестителя (24-го іюня). Пламя костровъ, разводимыхъ въ навечеріи этого дня (Johannisfeuer) служитъ символическимъ знаменіемъ знойнаго іюньскаго солнца. Нѣмцы въ XIV и XV столѣтіяхъ называли это пламя supnewentfeuer. «Ивановы огни» зажигаются подь открытымъ небомъ на площадяхъ, поляхъ и горныхъ возвышеніяхъ; въ нѣкоторыхъ областяхъ принято, чтобы священникъ благословлялъ возженное пламя, и до тѣхъ поръ, пока оно продолжаетъ горѣть, народъ молится Богу. Возженіе огней при лѣтнемъ поворотѣ солнца — обы-

¹⁾ Ганушъ, 155; Иличъ, 132; Volkslieder der Wenden, II, 223; Тереш., VI, 212.

Всѣмъ милымъ мамѣ на доброй
ночь доброй мамѣ,
идти утромъ милымъ мамѣ
всѣмъ милымъ мамѣ.

чай, равно-встрѣчаемый какъ у народовъ индоевропейскихъ, такъ и семитическихъ; въ старые годы въ совершеніи его принимали участіе не одни простолюдины, но и владѣтельные князья и благородныя сословія. Въ западной Европѣ относящіяся къ этому вопросу свидѣтельства памятниковъ начинаются уже съ XII-го вѣка. Въ XV, XVI и XVII столѣт. въ большихъ городахъ (какъ напримѣръ Парижѣ, Метцѣ и др.) костѣрь складывали передъ ратушею, убирали его цвѣтами и зеленью, а почетную обязанность зажигать его предоставляли меру. Въ Пиренеяхъ 1-го мая отыскивали самое высокое дерево: ель, сосну или тополь, обрубали на немъ всѣ вѣтви, вбивали въ стволъ нѣсколько кольевъ и оставляли на корню до 23-го іюня; наканунѣ же Иванова дня, послѣ даннаго священникомъ благословенія, сваливали это дерево наземъ и предавали сожженію. У священнаго огня толпился народъ; молодежь украшала себя вѣнками, пѣла и танцевала; всѣ же вообще — и старые, и молодые прыгали черезъ пламя, переносили черезъ него дѣтей и бросали въ костѣрь разныя травы — съ цѣлюю за пасться здоровьемъ и отстранить отъ себя губительныхъ демоновъ. Бросая въ огонь травы, причитывали: «да сгорятъ съ этимъ зельемъ и всѣ мои бѣды!» Или дотрогивались до огня вѣтками орѣшника и потомъ втыкали ихъ у дверей коровьихъ хлѣвовъ. Каждый считалъ обязанностью захватить съ собою головешку или нѣсколько угольевъ и пеплу отъ Иванова костра; подобно «громовой стрѣлкѣ», уголья эти и пепелъ предохраняютъ домъ отъ удара молніи и служатъ цѣлебнымъ средствомъ противъ волшебнаго очарованія и болѣзней. Въ срединѣ лѣта природа во всѣхъ своихъ стихійныхъ проявленіяхъ обнаруживаетъ особенно-живительную силу. Какъ пламенные лучи солнца прогоняютъ демоновъ мрака, холода и безплодія, такъ и эмблема ихъ — земной огонь въ воззрѣніяхъ язычниковъ получилъ тоже благодѣтельное свойство про-

гонять болѣзни и моръ; надо только пройти сквозь его очистительное пламя, проникнуться его священнымъ вѣяніемъ (сравни II, 18—21). Вместе съ огнемъ, и вода, какъ стихія, знаменующая амриту (плодоносный дождь), получаетъ на Ивановъ день чудесное свойство смывать съ больного тѣла всѣ недуги и надѣлать его крѣпостью и здоровіемъ; поэтому въ числѣ совершаемыхъ тогда обрядовъ непоследнее мѣсто занимаетъ и купанье въ рѣкахъ и источникахъ. Наконецъ и самыя травы и цвѣты, сорванные въ періодъ солнечнаго поворота, считаются попреимуществу-цѣлебными, такъ какъ съ ними соединяется мысль о плодородящей силѣ земли, возбужденной яснымъ солнцемъ и лѣтними дождями ¹⁾. У славянъ и литовцевъ встрѣчаемъ ту же обстановку Иванова праздника. Словенцы называютъ Ивановъ день и самый поворотъ солнца — kres (кroat. kresz—огонь), а мѣсяцъ июнь — kresnik; серб. кресови — dies solstitiales («три дана прије и три посліје Илијна дне»), кријес — огонь, разводимый накануне Иванова, Витова, Петрова и Юрьева дней, съ которыми народная мысль связываетъ старинныя воспоминанія о богѣ-громовникѣ, возжигателѣ небеснаго пламени ²⁾; въ одномъ изъ рукописныхъ прологовъ крѣсъ, крѣсины — поворотъ солнца на лѣто (I, 188, 255). Поляки и чехи называютъ Ивановъ огонь — sobótka (малая суббота, канунъ воскреснаго дня, издревле-посвященнаго солнцу), въ отлчіе отъ огня, возжигаемаго въ ночь на Пасху, которому присвояютъ названіе sobota (Ostersonnabend, великая суббота, канунъ Свѣтло-Христова Воскресенія ³⁾). На Руси Ивановъ праздникъ извѣстенъ подъ именемъ Купалы. По указанію профессора

¹⁾ D. Myth., 584—593; Beiträge zur D. Myth., I, 217; Ж. М. Н. П. 1841, т. XXXI, стат. Сабинина. — ²⁾ Срп. рјечник. 301 — 3; Москв. 1844, IX, ст. Срезнев., 214, 222. Свѣтѣишии Ивановскій жукъ называется у словенцевъ kersnica. — ³⁾ D. Myth., 590

Буслаева, корень куп совмѣщаетъ въ себѣ тѣже понятія, что и корни яръ и буй. Во первыхъ, говоритъ онъ, куп имѣетъ значеніе бѣлаго, яраго, а также буйнаго въ смыслѣ роскошно-растущаго, откуда въ нашемъ языкѣ употребительны: купавый—бѣлый, купава—бѣлый цвѣтокъ, купавка—цвѣточная почка и особенно бѣлыхъ цвѣтовъ. Такъ какъ у и ы въ извѣстныхъ случаяхъ чередуются, то корень куп можетъ имѣть и другую форму кыц, откуда кыпѣть и кипень (кыпень)—въ значеніи бѣлой накипи и вообще бѣлизны («бѣлъ, какъ кипень»). Во вторыхъ, «ярый» и «буйный» заключаютъ въ себѣ понятія кипучаго, неукротимаго, бѣшенаго, раздраженнаго; соответственно этому, въ санскритѣ kup — не только блистать, но и яриться, гнѣваться, слав. кыпѣти, кыпати, кыпяти́ться—горячиться, сердиться. Наконецъ, въ третьихъ, какъ съ словами «ярый», «ярость» нераздѣльно понятіе желанія, похоти, такъ при нашемъ «кыпѣти» находимъ лат. cupio ¹⁾. Допустивъ эти лингвистическія соображенія, надо будетъ признать, что имена Куп-ало и Яр-ило обозначали одно и то же плодотворящее божество лѣта; такой выводъ, во 1-хъ, подтверждается стариннымъ свидѣтельствомъ о «безстудномъ» характерѣ купальскихъ игрощъ (см. I, 444), а во 2-хъ—тѣмъ обстоятельствомъ, что въ ярославской, тверской и рязанской губ. празднество Купалы еще недавно называлось Ярилою ²⁾. Согласно съ этимъ, составитель Густинской лѣтописи принималъ Купалу за бога земнаго плодородія: «Купало, яко-же мню, баше богъ обилія, якоже у еллинъ Цересь, ему-же безумныи за обиліе благодареніе приношаху въ то время, егда и мѣшѣ настати жатва. Саму Купалу-бѣсу еще и донныѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память совершаютъ, наченше іюня 23 дня, въ навечеріе

¹⁾ Исторія Росс. Соловьева, II, приложен., стр. 25—26; Radices linguae slov., 42. — ²⁾ Рус. прост. пражд., I, 179.

Рождества Іоанна Предтечи, даже до жатвы и далѣй, сицевымъ образомъ: съ вечера собираются простая чадь обоого полу и соплетаютъ себѣ вѣтви изъ ядоваго зелія или коренія, и препонсавшеса быліемъ возгнѣтають огонь; индѣ-же поставляютъ зеленую вѣтвь, и емшеса за рудѣ околу, обращаются окрестъ онаго огня, поюще свои пѣсни, преплетающе Купаломъ; потомъ чрезъ оный огонь прескакують» ¹⁾. По древне-поэтическому представленію богъ-громовникъ кипититъ въ грозовомъ пламени дождевую воду, купаетъ въ ея ливняхъ небо и землю, и тѣмъ самымъ даруетъ послѣдней силу плодородія; въ христіанскую эпоху дождящій громовникъ уступилъ свое мѣсто Іоанну-крестителю, къ имени котораго стали прилагать народное прозваніе «Купалы»: Иванъ-Купало. Эта замѣна условливалась: во 1-хъ, совпадениемъ праздника, посвященнаго Іоанну-крестителю, со временемъ купальскихъ игръ, и во 2-хъ—вліяніемъ языка, такъ какъ самое слово «купало» должно было возбуждать мысль о крестителѣ: купать — погружать въ воду, омыватъ тѣло, дѣлать его чистымъ, бѣлымъ, купель — сосудъ, употребляемый для крещенія, илл. *kipalo*, чеш. *kipadlo*—мовница, снкр. *kupa*—источникъ, колодець ²⁾). Наравнѣ съ прочими родственными племенами, славяне при лѣтнемъ поворотѣ солнца возжигаютъ костры, совершаютъ омовенія въ рѣкахъ и источникахъ и собирають цѣлебныя травы. Костры раскладываются на открытыхъ поляхъ, по берегамъ рѣкъ и преимущественно на холмахъ и горныхъ возвышеніяхъ: въ ночь на 24 іюня, какъ скоро загорятся Ивановскіе огни, Карпаты, Судеты и Исполиновы горы представляютъ истинно-великолѣпное зрѣлище. На Руси для возженія купальскаго костра употребляется живой огонь ³⁾);

¹⁾ П. С. Р. Л., II, 257; тоже сказано и въ Синописевъ. — ²⁾ Пикте, II, 268. — ³⁾ Тоже соблюдалось нѣкогда и въ Германіи — D. Myth., 578.

почетные старики добываютъ его треніемъ изъ дерева, и пока продолжается эта работа—собранный вокругъ народъ стоитъ въ благоговѣйномъ молчаніи, но какъ только огонь вспыхнетъ — тотчасъ-же вся толпа оживляется и запѣваетъ радостныя пѣсни. Дѣвицы въ праздничныхъ нарядахъ, опоясанныя чернобыльникомъ и душистыми травами, съ цвѣточными вѣнками на головахъ, и холостые юноши схватываются по-парно за руки и прыгаютъ черезъ разведенное пламя; судя по удачному или неловкому прыжку, имъ предсказываютъ счастье или бѣды, раннее или позднее супружество; сверхъ того, на Украинѣ дѣвушки пускаютъ свои вѣнки въ воду, прилѣпивъ къ нимъ зажженные восковыя свѣчи, и по этимъ плывущимъ вѣнкамъ гадаютъ о своей будущей судьбѣ. Прыганье черезъ огонь избавляетъ отъ недуговъ, злаго очарованія и безплодія ¹⁾; матери нарочно сожигаютъ на купальскомъ кострѣ снятыя съ хворыхъ дѣтей сорочки — для того, чтобы виѣтъ съ этимъ обѣльемъ сгорѣли и самыя болѣзни. Чтобы скотина не болѣла и чтобы коровы давали больше молока, въ Литвѣ, на Руси и въ Чехахъ принято перегонять стада черезъ Ивановскіе костры. Въ Сербіи, наканунѣ Иванова дня, пастухи зажигаютъ свёрнутые изъ бересты факелы; съ этими факелами они обходятъ овечьи закуты и коровьи загоны, а затѣмъ складываютъ ихъ на ближайшемъ холмѣ и оставляютъ догорать въ одной общей кучѣ. Словенцы разбрасываютъ по полямъ и огородамъ пепель, уголья и головешки, взятые отъ Иванова костра, для того, чтобы черви и другія насѣкомыя не портили посѣвовъ и капустной разсады. Тоже самое дѣлаетъ и чехи—для предохраненія своихъ нивъ, садовъ и огородовъ отъ непогоды и града; сверхъ того, у чеховъ существуетъ обычай зажигать наканунѣ Иванова дня обмокнутыя въ деготь мѣт-

¹⁾ По требованію свадебнаго обряда, новобрачная чета должна перѣхатъ черезъ зажженные пучки соломы.

лы и бѣгать, размахивая ими по воздуху. Въ белорусскихъ деревняхъ въ ночь на Ивана-Купала вбиваютъ въ землю большой колъ, обкладываютъ его соломой и кострикой, и зажигаютъ; когда пламя разгорится, крестьянки бросаютъ въ него березовыя вѣтки и приговариваютъ: «кабы мой лёнъ былъ также великъ, какъ эта березка!»¹⁾ Обычай творить омовеніе на разсвѣтъ Иванова дня засвидѣтельствованъ Стоглавомъ: «егда ночь мимо ходитъ (читаемъ въ этомъ памятникѣ), тогда отходятъ къ рѣцѣ (вар. къ рощѣ) съ великимъ кричаніемъ, аки бѣснѣи, (я) омываются водою» (вар. росю). Поселяне наши не только сами купаются на этотъ праздникъ — ради здравія тѣла, но съ тою-же цѣлю купаютъ и больныхъ лошадей. Роса, выпадающая въ купальскую ночь, въ высшей степени обладаетъ живительными и цѣлебными свойствами и сообщаетъ ихъ полевымъ цвѣтамъ и травамъ. Русины умываются этой росой, дабы отогнать отъ себя злыя немощи и недуги; въ Литвѣ канунъ 24-го іюня даже называется праздникомъ росы²⁾. По народному повѣрью, лѣкарственные травы только тогда и оказываютъ дѣйствительную помощь, когда будутъ сорваны на Иванову ночь, или на утренней зорѣ Иванова дня — прежде, чѣмъ обсохнутъ на нихъ роса. Изстари и донинѣ ночь на Ивана Купала почитается лучшимъ въ году временемъ для сбора цѣлебныхъ травъ, цвѣтовъ и кореній (см. выше стр. 429, 629); сорванные тогда цвѣты и травы, называемые въ виленской губ. свято-янскимъ зельемъ, сохраняются въ семьяхъ, какъ нѣкая святыня; въ случаѣ надобности, ими окуриваютъ больныхъ, а

¹⁾ Сахаров., II, 39; Рус. прост. празд., IV, 34; Терещ., V, 54; Вѣст. Евр. 1818, XXI, 54; 1819, XIII, 42—45; Украин. Вѣсти. 1824, XII, 318—324; Рус. Сл. 1860, V, 37; Ганушъ; 187; Срп. рјечник, 215—6; Иличъ, 156, 164—6; День 1864, 43. — ²⁾ Рус. прост. празд., IV, 37—38; Сахаров., 38—39, 101.

во время грозы ихъ бросаютъ въ затопленную печь, чтобы предохранить домъ и надворныя строенія отъ удара молніи ¹⁾. Съ тою-же цѣлю чехи зарываютъ подъ порогомъ избы и затыкаютъ за стрѣхи сбереженные отъ Ивановскаго костра головни и уголья, или—какъ только начнется гроза—жгутъ на шесткѣ частицы купальскихъ вѣнковъ; сербы вѣшаютъ эти вѣнки подъ кровлями домовъ и въ хлѣвахъ, для защиты отъ злыхъ духовъ и вѣдьмъ, а болгары кладутъ ихъ въ камильницу и окуриваютъ болящихъ ²⁾).

Въ половинѣ юня полуденное солнце достигаетъ высочайшей точки на небѣ, дни становятся наиболѣе-продолжительными, и наступаетъ пора томительнаго зноя; на этой вершинѣ оно остается въ теченіи нѣсколькихъ дней, называемыхъ днями лѣтняго солнцестоянія, а затѣмъ, поворачивая на зимній путь, начинаетъ все ниже и ниже спускаться по небесной горѣ. У нашихъ поселянъ юнь-мѣсяць слыветъ макушкою лѣта, а шведы соединяютъ съ нимъ названіе *midsummar* (середина лѣта; *midsummersnight* — Иванова ночь). Болгары увѣряютъ, что на Ивановъ праздникъ солнце пляшетъ, кружится и вертитъ саблями, т. е. разбрасываетъ яркіе, пламенные лучи; по выраженію русскаго народа, оно играетъ тогда, пляшетъ и мечется во всѣ стороны ³⁾. Въ Силезіи дѣвушки пекутъ къ этому дню пирожки, именуемые *słońca*, и выходя на утренней зорѣ въ поле,

¹⁾ Рус. прост. праяд., IV, 31—33; Терещ., V, 73. 87; Сахаров., I, 43; II, 41; Украина. Журн. 1824, XII, 318—9; Вѣст. Р. Г. О. 1857, IV, 274; Вѣст. Евр. 1828, V—VI, 84—85; Рус. въ св. посл., IV, 32—33; Шафонскаго: Топограф. описаніе черниговск. намістничества, 31; Ч. О. И. и Д., годъ 1, IV, 60; Оп. Румян. Муз., 551: „въ Ивановскую ночь... на травы парятся въ баняхъ, и травы рвутъ и кореніе копаютъ“ (изъ сборника прошлаго столѣтія). — ²⁾ Каравел., 234; *Beiträge zur D. Myth.*, II, 395. — ³⁾ Каравел., 234; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 107; 1857, IV, 274.

раскладываютъ ихъ на бѣломъ убрусу и причитываютъ: «gгај, sđońce, gгај, tutaj są twoi sđończeta!» ¹⁾ Въ сербской пѣснѣ играющее солнце противопоставляется пасмурному, похмолу ²⁾. Лѣтнее солнцестояніе сербы и словенцы объясняютъ тѣмъ невольнымъ страхомъ, какой должно чувствовать это свѣтило — прежде, чѣмъ двинется въ далекое зимнее странствованіе: Ивановъ день (говорятъ они) — такой великой праздникъ, что «на ъега сунце на небу трипут (троекратно) од страха стане» ³⁾. Когда наступали томительныя жары и грозили полямъ и нивамъ засухой, а стадамъ и людямъ зловредными испареніями (заразою), — индусы ведійской эпохи обращались съ мольбою къ Индрѣ, призывая этого всеильнаго бога сорвать съ небесной вершины солнечное колесо и погасить его палищіе лучи въ дождевыхъ потокахъ. Такимъ образомъ поворотъ солнца на зиму былъ признанъ за одинъ изъ благотворныхъ подвиговъ бога-громовника, и на Ивановскомъ празднествѣ сталъ обозначаться скатываніемъ съ горы въ воду обмазаннаго смолою и зажженнаго колеса: обрядъ, и донинѣ совершаемый славянами и нѣмцами (I, 208—212 ⁴⁾). У словенцевъ сохранилась слѣдующая любопытная пѣсня, которую поютъ при лѣтнемъ поворотѣ солнца:

Tužilo se žarko sunce
 Sa vedra neba,
 Tužilo se svetom Ivi
 Na dan Ivanja,
 Da ga vila dvorit neče
 S hladjanom vodom ⁵⁾.
 Al' govori svei Ivo
 Na dan Ivanja:

¹⁾ Ганушь, 176. — ²⁾ Срп. н. пјесме, I, 486. — ³⁾ Срп. рјечник, 215; Гласник срп. друштва 1867, V, 104—5; Иличь, 166. — ⁴⁾ День 1864, 43. — ⁵⁾ Не хочетъ услужить ему (=омыть его) холодной водою.

«Stan de, sunce, do tri puta
 Na dan Ivanja;
 Dojt će tebi mlade dive
 S hladjanom vodom,
 S hladjanom će te vodom dvorit
 Na dan Ivanja,
 S vinci će ti zlatne kose
 Lipo kititi.»

По болгарскому повѣрью, солнце на Ивановъ день не знаетъ предстоящей ему дороги, а потому является дѣва и ведетъ его по небу ¹⁾. Эта дѣва — богиня Зоря, которая каждое утро умываетъ солнце росою и открываетъ путь его свѣтозарной колесницѣ, и которая (какъ мы знаемъ) постоянно отождествлялась съ богиней лѣтнихъ грозъ; словенская пѣсня замѣняетъ ее вилою (сравни преданія о солнцевыхъ дѣвахъ — I, 82—85). То дѣятельное участіе, какое приписывали боугромовнику въ поворотѣ солнца, ярко отразилось во всѣхъ повѣрьяхъ и обрядахъ, относящихся къ этому времени. Иванова ночь исполнена чудеснаго и таинственнаго значенія: въ эту ночь источники и рѣки мгновенно превращаются въ чистое серебро и золото, папоротникъ разцвѣтаетъ огненнымъ цвѣтомъ, подземныя сокровища выходятъ наружу и загораются пламенемъ, деревья движутся и ведутъ между собой шумную бесѣду, вѣдьмы и нечистые духи собираются на лысой горѣ и предаются тамъ неистовому гульбищу ²⁾. Всѣ эти повѣрья возникли изъ древне поэтическихъ выраженій, какими народная фантазія живописала лѣтнія грозы. Призванный повернуть солнцево колесо и освѣжить удушливый воздухъ, Перунъ совершаетъ этотъ подвигъ во иракѣ ночи, т. е. облагаетъ небо тучами и превращаетъ ясный день въ непроглядную ночь; поэтому и самое празднованіе поворота солнца про-

¹⁾ Иличъ, 162—3; Каревел., 234. — ²⁾ Рус. Бес. 1857, III, 117.

исходить въ ночное время. На потемнённомъ небѣ загораются молніи, или выражансь метафорически: раздвѣтають огненные цвѣты; облака и тучи, эти дожденосные источники и рѣки, озаряются блескомъ грозоваго пламени; бурные вихри потрясають дубравы, въ шумѣ и трескѣ которыхъ слышатся чело-вѣку невѣдомые голоса; удары грома разбивають облачныя горы и открывають затаённое въ нихъ подземельяхъ золото солнечныхъ лучей; стихійные духи затягивають дикія пѣсни и увлекаются въ быструю, бѣшеную пляску. Костры, разводимыя на Иванову ночь, могли служить эмблемами не только знойнаго іюнскаго солнца, но и возжигаемаго Перуномъ грозоваго пламени; это доказывается: во 1-хъ тѣмъ, что угольямъ и головнямъ, взятымъ отъ купальскаго костра, приписывается сила и свойства громовой стрѣлки, и во 2-хъ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи купальскій костеръ за-мѣняется кучею крапивы, каковая замѣна стоитъ въ несо-мнѣнной связи съ представленіемъ молніи жгучею травою. Словенцы, во время засухи, втыкають въ заборъ Ивановскую головешку, съ увѣренностью, что она вызоветъ дождь ¹⁾. Рядомъ съ скатываніемъ огненнаго колеса въ рѣку, топили въ ней и самаго Купала. Въ Малороссіи уцѣлѣлъ слѣдующій обрядъ: наканунѣ Иванова дня дѣлають изъ соломы идола Купала — иногда величиной съ ребенка, а иногда въ настоя-щій ростъ челоуѣка, надѣвають на него женскую сорочку, плахту, монисты и вѣнокъ изъ цвѣтовъ. Тогда-же срубають дерево (преимущественно: чернокленъ, вербу или то-поль), обвѣшиваютъ его лентами и вѣнками и устанавливають на избранномъ для игрища мѣстѣ. Дерево это называютъ Ма-реною; подъ нимъ ставятъ наряженную куклу, а подлѣ нея столъ съ разными закусками и горѣлкою. Затѣмъ зажигають костёръ и начинаютъ прыгать черезъ него попарно (молодець

¹⁾ Иличъ, 165.

съ дѣвнцемъ), держа въ рукахъ купальскую куклу; игры и пѣсни продолжаются до разсвѣта. На другой дѣнь куклу и Марену приносятъ къ рѣкѣ, срываютъ съ нихъ украшенія и бросаютъ ту и другую въ воду. На праздникѣ возглашается обрядовая пѣсня:

Ходыли дивочки коло Маринѣчки,
 Коло моего вудола Купала.
 Гратеме сонечко на Йвана!
 Купався Ивааъ, та въ воду упавъ;
 Купало на Йвана!

Чехи (около Эгера) ставятъ на возвышенномъ мѣстѣ вырубленную въ лѣсу смолистую ёлку или сосну, убранную вѣнками, цвѣтами и красными лентами; вокругъ нея накладываютъ и зажигаютъ вечеромъ кучу хворосту и другихъ горючихъ матеріаловъ, и какъ только вспыхнетъ пламя — парни бросаются къ Иванову дереву и лѣзутъ на него доставать вѣнки и ленты. Перунъ-оплодотворитель (Ярило) и Лада, богиня зори (= просвѣтленнаго солнца) и лѣтнихъ грозъ, принимали равное участіе въ жизни природы и чествовались нашими предками, какъ нераздѣльная божественная чета. Литовцы и лётты, сходясь на купальское празднество, славили Ладу ¹⁾ и приносили ей въ жертву бѣлаго пѣтуха; ту же богиню призываютъ въ своихъ обрядовыхъ пѣсняхъ и карпаторуссы ²⁾. Возлѣ Купала, слившася въ христіанскую эпоху съ Іоанномъ-крестителемъ, — въ нашихъ преданіяхъ выступаетъ Купальница, имя которой сдѣлалось эпитетомъ съ.

¹⁾ Lada, Lada, dido musu deve! — Лада, Лада, великая наша богиня! — ²⁾ Вѣстн. Р. Г. О. 1857, IV, 271; Терещ., V, 56, 68, 73; Рус. прост. праздн., IV, 21; D. Myth., 569. По свидѣтельству автора „Абвеги русскихъ суевѣрій“ (стр. 2), ижорки (недалеко отъ Петербурга) собирались наканунѣ Иванова дня подъ старую липу, разводили огонь и при пляскахъ сожигали бѣлаго пѣтуха.

Аграфены, такъ какъ память этой послѣдней празднуется на 23-е июня. Соотвѣстно-же Лада смѣнилась въ воззрѣніяхъ народа Пречистой Дѣвою Марією, которую сербы называютъ огниа Марія, хорутане — свеіпа Магіје, лужичане — svejkovnica. Въ Переяславѣ Залѣскомъ есть храмъ Пресв. Богородицы, именуемой мѣстными жителями Купальницею. Народныя причитанія и колядки приписываютъ Богородицѣ ниспосыланіе дождя и воздѣлываніе пашней. 24-го июня, при восходѣ солнца, бѣлоруссы собираются у пылающихъ костровъ и смоляныхъ бочекъ и поютъ слѣдующую пѣсню:

Иванъ да Марья
 На горѣ купались;
 Гдѣзъ Иванъ купався —
 Берегъ колыхався,
 Гдѣзъ Марья купалась —
 Трава расцилалась,

т. е. Перунъ и Лада купались въ дождевыхъ потокахъ, на небесной горѣ, при чемъ первый потрясалъ землю громовыми раскатами, а послѣдняя растила на поляхъ травы. Что именно таково значеніе приведенныхъ стиховъ, это подтверждается другою купальскою пѣсней, въ которой разсказывается: какъ «въ озерѣ самъ Богъ купався съ дитками-судитками» (II, 477). День Аграфены купальницы посвящается собиранію лѣкарственныхъ травъ; изъ числа этихъ зелій особеннымъ уваженіемъ въ народѣ пользуются купаленка или купальница (*trollius europaeus*, желтоголовъ) и цвѣтокъ Иванъ да Марья (*melampyrum nemorosum*, нѣм. tag und nacht): крестьяне парятся на нихъ въ баняхъ, дабы смыть съ себя худобу и болѣзни. Съ тѣми-же именами Ивана и Марьи соединяетъ купальская пѣсня и уборку хлѣба:

Ой! чіе то жито падъ гору стояло?
 Иванкове жито падъ гору стояло,
 Падъ гору зелененько, по мисяцу видненько.

*Марица
Марица*

Молода Марячка ходить жито жати:

„Молодой Иванко! не вмю я жать“.

—Якъ я тебе визьму, жито жати научу! ¹⁾

Случайное созвучіе имени Марія съ словомъ Марена (=Зима, Смерть) повело къ смѣшенію связанныхъ съ ними представлений; такая ошибка произошла тѣмъ легче, что, по требованію стародавнаго культа, въ началѣ весны топили чучело Марены, а при лѣтнемъ поворотѣ солнца таже судьба постигала Ладу. Вотъ почему зеленое дерево, служившее эмблемою Лѣта, на Ивановомъ праздникѣ бросается въ воду и вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ названіе Марены. Хотя народъ и продолжаетъ по преданію совершать купальскіе обряды, но давнымъ-давно утратилъ живое ихъ пониманіе и постоянно смѣшиваетъ Купала съ Купальницею. Мы видѣли, что куклу, называемую Купалою, наряжаютъ въ женскіе уборы; въ харьковской же губ. кукла эта извѣстна подъ именемъ Марены ²⁾. У бѣлоруссовъ, съ разсвѣтомъ Иванова дня, крестьянки выбираютъ изъ своей среды самую красивую дѣвушку, обнажаютъ ее и опутываютъ съ ногъ до головы гирляндами изъ цвѣтовъ; затѣмъ отправляются въ лѣсъ, гдѣ Дѣтвко-Купало (такъ называютъ избранную дѣвушку) обязана раздавать своимъ подругамъ заранѣе-приготовленные вѣнки. Къ этой раздачѣ она приступаетъ съ завязанными глазами — въ то время, какъ вокругъ нея движется веселый дѣвичій хороводъ. Смотря по тому, какой вѣнокъ кому достанется, заключаютъ о своей будущей судьбѣ; свѣжій вѣнокъ сулитъ богатую и счастливую жизнь замужемъ, а вѣнокъ сухой, увядшій — бѣдность и несчастливый бракъ: «счастья-доли не бачить ей, жить у недо-

¹⁾ Сахаров., II, 36, 40, 85; Украин. Журн. 1824, XII, 318 — 324; Терещ., V, 74—83; VI, 194; Рус. прост. праздн., III, 11; IV, 30—33, 39—40, 49; Пассежъ, I, 100—9; Дневъ 1864, 43. — ²⁾ Археолог. Вѣсти. 1867, III, ст. Потебни, 97.

ли!» ¹⁾ Наоборотъ, срубленное дерево принимается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ за самаго Купалу: на Воляни и Подолѣ дѣвѣны приносятъ убранныя цвѣтами вербу, устанавливаютъ ее въ землю, и вокругъ этого дерева, называемаго Купайломъ, водятъ хороводъ и поютъ жалобныя пѣсни; между тѣмъ собираются парни, и выждавъ время, вступаютъ въ притворную борьбу съ хороводомъ, овладѣваютъ вербою и рвутъ ее на части ²⁾. Въ этомъ обрядѣ кроется мысль о начинающемся, послѣ лѣтняго поворота солнца, замираніи плодотворящихъ силъ природы; богиня-Солнце, пускаясь въ зимнюю дорогу, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе теряетъ свою царственную власть надъ міромъ: дни сокращаются, ночи увеличиваются, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся природа близится къ старости и увиданію. Въ лѣтніе жары народъ призывалъ громовника погасить пламя солнечныхъ лучей въ разливѣ дождевыхъ потоковъ; но самое это погашеніе должно было напоминать древнему человѣку аналогическія представленія Ночи, съ приходомъ которой дневное свѣтло тонетъ въ волнахъ всемірнаго океана, Зимы, которая погружаетъ его въ море облаковъ и тумановъ, и наконецъ Смерти, которая гаситъ огонь жизни. Прибавимъ къ этому, что на пути въ загробный міръ усопшіе, по мнѣнію нашихъ предковъ, должны были переплывать глубокія воды. Мысль о замирающихъ силахъ природы особенно-наглядно выражается въ тѣхъ знаменательныхъ обрядахъ, которые еще недавно совершались на Всесвятской недѣлѣ или въ первое воскресенье послѣ Петрова дня, празднуемаго 29-го іюня, и были извѣстны въ нашемъ народѣ подъ названіемъ похоронъ Костромы, Лады и Ярига. По всему вѣроятію, обряды эти принадлежали въ старину къ купальскимъ играмъ; но такъ-какъ по своему вакханальному

¹⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 13—15. — ²⁾ Рус. прост. праздн., IV, 30.

характеру они должны были вызывать постоянные протесты со стороны духовенства, находившаго подобное «безстудіе» несоотвѣтствующимъ святости поста и церковнаго праздника, то и были перемѣщены на другіе дни. Сверхъ того, съ именемъ апостола Петра суевѣрный народъ связывалъ свои старинныя представленія о богѣ-громовникѣ (II, 403); а потому и купальскія игрища легко могли приурочиваться ко времени около Петрова дня. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вечеромъ наканунѣ 29-го іюня крестьяне зажигаютъ костры, а на утро слѣдующаго дня наблюдаютъ игру восходящаго солнца ¹⁾. Похороны Костромы въ пензенской и сибирской губ. совершались такимъ образомъ: прежде всего дѣвцы избирали изъ среды себя одну, которая обязана была представлять Кострому; затѣмъ подходили къ ней съ поклонами, клали ее на доску и съ пѣснями несли къ рѣкѣ; тамъ начинали ее купать, при чемъ старшая изъ участвующихъ въ обрядѣ сгибала изъ лубка лукошко и била въ него, какъ въ барабанъ; напоследокъ возвращались въ деревню и заканчивали день въ хоровахъ и играхъ. Въ муромскомъ уѣздѣ соблюдалась иная обрядовая обстановка: Кострому представляла кукла, которую дѣлали изъ соломы, наряжали въ женское платье и цвѣты, клали въ корыто и съ пѣснями относили на берегъ рѣки или озера; собравшаяся на берегу толпа раздѣлялась на двѣ половины: одна защищала куклу, а другая нападала и старалась овладѣть ею. Борьба оканчивалась торжествомъ нападающихъ, которые схватывали куклу, срывали съ нея платье и перевязи, а соломѣ топтали ногами и бросали въ воду, между тѣмъ какъ побѣжденные защитники предавались неутѣшному горю, закрывая лица свои руками и какъ-бы оплакивая

¹⁾ Сахаров., II, 41; Рус. прост. правд., IV, 66—67; Вѣст. Евр. 1821, III, 198—9.

смерть Костромы. Должно думать, что кукла эта приготовлялась не только из соломы, но также из сорных травъ и прутьевъ, и что именно поэтому она получила названіе Костромы. Въ областныхъ говорахъ слово кострома означаетъ: пруть, розгу и растущія во ржи сорныя травы; костра, кострецъ, костёръ, костера — трава метлица, костерь, костера — жесткая кора растеній, годныхъ для пряжи, кострыка — крапива, кострубый (кострубатый) — шероховатый, въ переносномъ смыслѣ: придирчивый, задорный ¹⁾. Напомнимъ, что пруть, крапива, колючія и цѣпкія травы принимались за символы Перуновыхъ молній. Въ Малороссіи соломенная кукла, которую хоронили въ первый понедѣльникъ Петровки, называлась Кострубомъ, и обрядъ ея похоронъ сопровождался печальною пѣсней:

Померъ, померъ Кострубонько,
Сивый, милый голубонько!.. ²⁾

Подобный-же обрядъ въ саратовской губ. называется провадами Весны: 30-го юня дѣлаютъ соломенную куклу, наряжаютъ ее въ кумачвый сарафанъ, ожерелье и кокошникъ, носятъ по деревнѣ съ пѣснями, а потомъ раздѣваютъ и бросаютъ въ воду. Яриловѣ празднество отличалось тѣми же характеристическими чертами. Въ Воронежѣ толпы народа съ ранняго утра сходились на городской площади и съ общаго согласія опредѣляли: кому изъ присутствующихъ быть представителемъ Ярила; по разрѣшеніи этого важнаго вопроса, — избраннаго облевали въ пестрое, разноцвѣтное платье, убирали

¹⁾ Обл. Сл., 91; Доп. обл. сл., 90; Географ. извѣст. за 1850 г., II, ст. Бавелин; 9; Старосв. Банд., 372; Толк. Слов., I, 783. Въ саратовской губ. костромою называется куча соломы, сожигаемая подъ Новый годъ—Терецъ, VII, 116. — ²⁾ О Кострубѣ, по словамъ О. Миллера, есть въ Малороссіи пѣсни съ неудобными для печати подробностями—Ж. М. Н. П. 1867, стат. 2-я, 637.

дѣтями и лентами, навѣшивали на него колокольчики и бубенчики, на голову надѣвали ему распушенный бумажный колпакъ съ пѣтушьими перьями, а въ руки давали колотушку, которая изстари принималась за эмблему громовой палицы (I, 441—3). Шествіе Ярила возвѣщалось барабаннымъ боемъ: обходя площадь, онъ пѣлъ, плясалъ и кривлялся, а слѣдомъ за нимъ двигалась шумная толпа. Народъ предавался полному разгулу, и послѣ разныхъ игръ, сопровождаемыхъ пѣснями, музыкой и плясками, раздѣлялся на двѣ стороны и начиналъ кулачный бой — стѣна на стѣну. Въ Костромѣ горожане сходились на площадь, избирали старика, одѣвали его въ рубище и вручали ему небольшой гробъ съ куклою, которая изображала Ярила и нарочито дѣлалась съ огромнымъ дѣтороднымъ удомъ. Затѣмъ отправлялись за городъ; старикъ нёсъ гробъ, а вокругъ него шли женщины, причитывали нараспѣвъ похоронныя жалобницы и жестами своими старались выразить скорбь и отчаянье. Въ полѣ вырывали яму, хоронили въ ней куклу съ плачемъ и воемъ, и тотчасъ-же начинали игры и пляски, напоминавшія языческую тризну. Въ Малороссіи соломенное чучело Ярила приготавливалось совѣнн и естественными принадлежностями мужскаго пола; куклу эту клали въ гробъ и по захожденіи солнца выносили на улицу. Пьяныя бабы подходили къ гробу, плакали и печально повторяли: «померъ онъ, померъ!» Мужчины подымали и трясали куклу, какъ-бы стараясь разбудить усопшаго Ярила, и потомъ замѣчали: «эге, баба не брешет! вона знае, що їй солодче меду.» Бабы продолжали горевать и причитывать: «якій же винъ бувъ хорошій!.. Не встане винъ більше! о якъ-же намъ розставатися съ тобою? и що за жизнь, коли нема тебе? Приподнились хоть на часочикъ! но винъ не встае и не встане...» Когда Ярило былъ уже достаточно убаженъ и оплаканъ, куклу его зары-

вали въ могилу ¹⁾. Нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ видятъ въ именахъ Купала, Ярила, Костромы только названія лѣтнихъ праздниковъ, и ничего болѣе. Но если принять въ соображеніе, что фантазія младенческихъ народовъ любила свои представленія облекать въ живые, пластическіе образы, что это было существенное свойство ихъ мышленія и міросозерданія, что самыя времена года казались уму древняго чело-вѣка не отвлеченными понятіями, а дѣйствительными боже-ствами, посѣщающими въ извѣстную пору дольний міръ и творящими въ немъ тѣ перемѣны, какія замѣчаются въ жизни, цвѣтеніи и замираніи природы; то несостоятельность вышеука-заннаго мнѣнія обнаружится сама собою. Изъ приведеннаго нами описанія праздничныхъ обрядовъ очевидно, что народъ еще недавно представлялъ Купала и Ярила, какъ существа живыя, чело-вѣко-подобныя, и въ этомъ нельзя не признать отголоска глубочайшей древности, когда поэтическое чувство господствовало надъ мыслию чело-вѣка.

Послѣ Иванова дня поселянинъ начинаетъ слѣдить за тѣми знаменіями, которыя пророчатъ ему о грядущей смирѣ лѣта зимою. Къ концу іюня замолкаютъ кукушка, соловей и другія пѣвчія птицы; такъ какъ это случается около того времени, когда въ поляхъ колосится хлѣбъ, то о замолкшей кукушкѣ крестьяне выражаются, что она подавилась житнымъ колосомъ; малоруссы говорятъ: «соловейко вдавился яч-миннымъ колоскомъ, а зозуля мандрикою» ²⁾. Съ сентаб-ря начинается отлетъ птицъ въ теплыя страны или виріи; о ласточкахъ разсказываютъ, что въ первый день этого мѣсяца онѣ прячутся въ колодцы, т. е. улетаютъ въ рай (= цар-ство вѣчнаго лѣта), лежащій по ту сторону облачныхъ источ-

¹⁾ Сахаров., II, 42, 91—93; Терещ., V, 100—4; Рус. прост. празд., I, 234; IV, 51—65; Рус. Вес. 1856, III, 105; Труды владим. стат. ком. 1867, VII, 29. — ²⁾ Мандрики—ватрушки, которыя пекутся въ Петрову дню.

никовъ. Въ тотъ-же день крестьянки хоронятъ мухъ и таракановъ въ гробахъ, сдѣланныхъ изъ свекловицы, рѣпы или моркови, чѣмъ символически обозначается оцѣпенѣніе этихъ наѣдомыхъ на все время зимы. 14-го сентября змѣи уползаютъ въ виріи, или-же собираются въ ямахъ, свертываются въ клубки и засыпаютъ зимнимъ сномъ ¹⁾. Мало по малу увеличиваются холода, трава увядаетъ, съ деревьевъ опадаютъ листья, и наконецъ является суровая Зима, налагаетъ на весь міръ свои оковы, стелетъ по водамъ ледяные мосты, землю одѣваетъ въ бѣлоснѣжный саванъ и выпускаетъ изъ адскихъ подземелій вереницы вьюговъ, метелей и морозовъ.

Если съ поворотомъ солнца на зиму соединялась мысль озамираніи творческихъ, плодотворящихъ силъ природы, то съ поворотомъ этого свѣтила на лѣто необходимо должна была соединяться мысль о ихъ возрожденіи, на что и указываютъ обряды донынѣ совершаемые во время Рождественскихъ Святковъ — на такъ называемомъ праздникѣ Коляды. Коля(е)-да, пол. *kolęda* = латин. *calendae* — собственно: первое въ каждомъ мѣсяцѣ число, по которому велся счетъ и предшествующимъ ему днямъ съ половины или точнѣе — послѣ идъ предыдущаго мѣсяца; впоследствии слово это стало по преимуществу употребляться для обозначенія январскихъ календъ (съ 14 декабря по 1 января включительно), какъ исходнаго пункта, съ котораго начинается годъ, и затѣмъ уже въ средніе вѣка перешло въ названіе святочныхъ игривъ: фран. *chalepdes*, прован. *calendas*, нижненѣм. *kaland*. Къ намъ оно проникло изъ Византіи, видѣвъ съ отреченными книгами, и согласно съ звуковыми законами славянскаго языка измѣнилось въ коляду. Никифоръ Омологета, жившій въ IX вѣкѣ, въ опроверженіи своемъ ложныхъ писаній говоритъ, что не должно

¹⁾ Послов. Даля, 988, 995—6; Номис., 282; Сахаровъ, II, 50—52; Кіев. Г. В. 1850, 22.

держатъ у себя βροντολόγια и χαλανδολόγια (въ древне-славянскомъ переводѣ: громниковъ и колядниковъ—см. стр. 607 ¹⁾). Кормчая книга по списку 1282 года, приводитъ запрещающее колядскіе обряды, присоединяетъ такое толкованіе: «каланди соуть первіи въ коемъждо мѣсяци днѣе, «въ нихъ-же обычай бѣ елиномъ творити жертвы, и въ таже «евроуманія елиньстїи бѣаху празднїици; вроумъ бо пореклъ «естъ Дїонисово, и иная вься яже соуть идольская прельсти «и соуетьства отмещюще святїи отъ вѣрныхъ житїа, возбра- «няють крестяномъ таковая творити... и не повелѣвають «моужемъ облачатися въ женьскыя ризы, ни женамъ въ «моужьскыя, еже творять на празднїицы Дїонисовы пляшюще, «ни лицъ же косматыхъ възлагати на ся; ни козлихъ, ни са- «тоурьскыхъ... яже нынѣ творять селяне, не вѣдоуще что «творять» ²⁾). На тождество рус. коляды съ латин. сален. дае указалъ еще Яковъ Гриммъ ³⁾, и нельзя не удивляться, что изслѣдователи наши какъ-будто не замѣтили этого простаго объясненїя и постоянно придумывали свои собственныя производства, основанныя на бесплодной игрѣ созвучїй ⁴⁾. Когда наступали самыя короткіе дни и самыя длинныя ночи въ году, древній человекъ думалъ, что Зима побѣдила солнце, что оно одряхлѣло, утратило свою лучезарность и гото-

¹⁾ Лѣтоп. занятїй Археогр. Ком. 1861, 29—32; Рус. прост. празд., II, 5. — ²⁾ Ист. Христом. Бусл., 382—3. — ³⁾ D. Myth., 594. — ⁴⁾ Г. Геденонъ сближаетъ коляду съ греч. χαλῆ φδῆ—Зап. Имп. Ак. Н. 1862, II, кн. 2, 173; Дм. Щепкинъ видитъ въ этомъ словѣ кол-ѣдъ (вокругъ вдушїй) или кол-ѣдѣ (круговая яства)—Объ источн. и формахъ рус. баснословія, II, 64; г. Безсоновъ подозреваетъ здѣсь колоду (зажженный пень)—Балъки Пер., IV, 46; г. Костомаровъ производитъ коляду отъ слова коло (колесо)—Слав. мнѣ., 99; г. Соловьевъ указываетъ на сложныя: коло Лада, ко-Ладу—Архивъ ист. — юрид. свѣд., I, 29, и такъ дал.

вится умереть, т. е. погаснуть. Но торжество злых силъ продолжается не далѣе 12-го декабря—день, въ который солнце поворачиваетъ на лѣто и который поэтому слыветъ въ народѣ поворотомъ, поворотникомъ и содоловоротомъ ¹⁾). Какъ на Ивана Купала Солнце, по русскому повѣрью, выѣзжаетъ въ колесницѣ на серебряномъ, золотомъ и алмазномъ коняхъ, такъ и теперь наряженное въ праздничный сарафанъ и кокошникъ — оно садится въ телегу и направляетъ своихъ коней на лѣтнюю дорогу ²⁾). Народъ сочеталъ съ этой древней богиней имя Коляды, и прославляя въ обрядовой пѣснѣ выѣздъ Солнца на лѣто, употребляетъ слѣдующее выраженіе: «ѣхала Коляда въ малеваномъ возочку, на вороненькомъ конечку» ³⁾). Въ прежніе годы существовалъ даже обычай возить Коляду, которую представляла нарочно-избранная дѣвушка, одѣтая въ бѣлую сорочку ⁴⁾). Отсюда становится понятнымъ, почему составители старинныхъ хроникъ причисляли Коляду къ сонму языческихъ боговъ и въ обрядахъ колядскаго праздника усматривали слѣды идолослуженія. Послѣ зимняго поворота, солнце мало по малу начинаетъ брать верхъ надъ демонами мрака: по

¹⁾ Въ Иллюстраціи 1847 года (стр. 253—4) напечатано преданіе, будто бы въ XVI—XVII стол. звонарный староста московскаго Успенскаго собора два раза въ году обязанъ былъ являться предъ царскія очи: 12-го декабря—съ докладомъ, что „отсегаъ возвратъ солнцу съ зимы на лѣто, день прибываетъ, а ночь умалется“, и за такую радостную вѣсть государь жаловалъ ему 24 серебряныхъ рубля; 12-го июня—съ докладомъ, что „отсегаъ возвратъ солнцу съ лѣта на зиму, день умалется, а ночь прибываетъ“, и за эту печальную вѣсть старосту запирали на 24 часа въ темную палатку на Ивановской колокольнѣ. Преданіе это не подтверждается ни дворцовыми расходными книгами, въ которыя записывалась всякая царская награда, ни другими письменными свидѣтельствами того времени. — ²⁾ Сахаров., II, 68—69. — ³⁾ Вост. Р. Г. О. 1853, VI, 98. — ⁴⁾ Сахаров., II, 69.

народному выраженію, день къ Новому году прибавляется на куриный шагъ или на гусиную лапку ¹⁾, а въ началѣ февраля лучи солнечные уже «нагрѣваютъ у коровы одинъ бокъ», почему крестьяне и называютъ февраль-мѣсяць бокогрѣемъ ²⁾. Въ этомъ переходѣ отъ постепенной утраты къ постепенному возрастанію свѣтоносной силы солнца предки наши видѣли его возрожденіе или воскресеніе (=возженіе солнца свѣтильника—I, 187-8) и въ честь столь радостнаго событія, совершавшагося на небѣ, зажигали по городамъ и селамъ костры. Такъ какъ около того-же времени христіанскія правила установили праздновать Рождество Спасителя, называемаго въ церковныхъ пѣсняхъ «праведнымъ солнцемъ, пришедшимъ съ востока» ³⁾, то древле-языческій праздникъ рождающемуся солнцу и былъ приуроченъ къ Рождественскимъ Святкамъ; по мнѣнію народа, высказанному въ его обрядовой пѣснѣ, Коляда нарождается наканунѣ Рождества ⁴⁾. Къ этому необходимо добавить, что, вмѣстѣ съ перенесеніемъ новолѣтія на 1-е января, мысль о нарождающемся новомъ годѣ весьма удачно совпала съ стариннымъ мнѣніемъ о рожденіи солнца, движеніемъ и поворотами котораго опредѣляется обычная смѣна временъ. Замѣтимъ, что еще у римлянъ праздникъ *patales solis in victi* совершался въ январскія календы ⁵⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи удержалось обыкновеніе раскладывать по берегамъ рѣкъ костры — въ ночь на 12-е декабря; вообще-же паленію костровъ посвящаютъ у насъ ночи на Рождество Христово, на Новый годъ и Крещеніе. Во время

¹⁾ Послов. Даля, 970, 1002; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 100; Weihnachten in Schleswig-Holstein, Гандельманна, 35. — ²⁾ Сахаров., II, 8—9; Рус. въ св. послов., IV, 24. — ³⁾ На родинахъ, ставя на столъ кашу, поютъ тропарь: «Радуйся, благодатная Богородице Дѣво! въ тебѣ бо явиле солнце правды—Христосъ, Богъ нашъ». — ⁴⁾ Терещ., VII, 57; Маякъ, VIII, 63. — ⁵⁾ Ж. М. Н. П. 1838, т. XX, 340; Пропплев, IV, 137.

Рождественской заутрени почти по всѣмъ городамъ и селамъ жгутъ у церкви смоляныя бочки. На Украинѣ, начиная съ 25-го декабря, крестьяне цѣлую недѣлю не выкидываютъ изъ избы сора, а тщательно собираютъ его въ одну кучу; на Новый же годъ, передъ самымъ восходомъ солнца, выносятъ соръ въ садъ и зажигаютъ — съ твердою увѣренностью, что оживленныя дѣйствіемъ этого огня деревья принесутъ на будущее лѣто обильные и вкусные плоды. Нѣкоторые хозяева собираютъ соръ въ продолженіи цѣлаго года и зажигаютъ его на дворѣ или въ саду наканунѣ Рождества Христова ¹⁾. У сербовъ, кроатовъ и далматинцевъ канунъ Рождества называется бадья дан (бадній день) отъ слова бадьякъ ²⁾, означающаго сырую дубовую колоду, сожигаемую въ это время на домашнемъ очагѣ, а самое Рождество — Боживъ (сынъ божій, новорожденный божественный младенецъ). На бадній день сербъ-домохозяинъ (домашин) отправляется въ лѣсъ, прискиваетъ молодой дубъ, вырубаетъ изъ него колоду и привозитъ ее на свой дворъ; въ Герцеговинѣ для этой перевозки употребляютъ шесть или восемь воловъ. Какъ только смеркнется, хозяинъ вноситъ колоду въ избу, и обращаясь къ домочадцамъ, приветствуетъ ихъ: «добар вече ³⁾ и честит ⁴⁾ вамъ бадья дан!» Ему отвѣчаютъ: «дао ти Богъ добро сретњи и честити!» ⁵⁾ Принесенную колоду обмазываютъ по краямъ медомъ, посы-

¹⁾ Молодинъ 1844, 101. — ²⁾ Г. Потехинъ производитъ бадьякъ отъ сѣвр. badh—бить (слав. бодать, литов. badyti; сравни колоть и колода)—Ч. О. И. и Д. 1865, II, 1; а г. Лавровскій (ibidem 1866 г., II, 15), оспаривая это производство, указываетъ на др.-славян. корень бѣд (бѣдѣти, боудити) и соединяетъ со словомъ бадьякъ понятие пробужденія, бодрствованія: въ исходѣ декабря солнце пробуждалось отъ зимняго сна—загоралось новымъ пламенемъ и выступало на лѣтнюю дорогу. — ³⁾ Вечеръ. — ⁴⁾ Счастливый. — ⁵⁾ Въ Черногоріи принято отвѣчать: „и с тобомъ заедно сретчно и честито!“

паютъ зерновымъ хлѣбомъ и кладутъ въ печь на горячія уголья. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, кромѣ большого бадняка, возлагаютъ на огнище еще пять мѣньшихъ, называемыхъ баднячица или блажена на лица. Вслѣдъ затѣмъ хозяинка устилаетъ полъ соломой и разбрасываетъ по ней орѣхи. Послѣ ужина поютъ и веселятся, а на разсвѣтъ слѣдующаго дня стрѣляютъ изъ ружей. Первый гость, который войдетъ въ избу на Рождественскій праздникъ, называется положейникомъ или полазникомъ; ему приписываютъ и всѣ радости, и всѣ бѣды, какія выпадаютъ на долю хозяевъ и ихъ семьи въ теченіи цѣлаго года. Поэтому всякій домашніи заранѣе избираетъ себѣ въ положейники такого знакомаго, о которомъ думаетъ, что онъ навѣрно принесетъ ему счастье; слѣдуя обще-принятому обычаю, никто другой и не является на первый день праздника. При входѣ въ избу, положейникъ бросаетъ горсть хлѣбныхъ зеренъ и произноситъ: «Христос се роди!» а кто-нибудь изъ домашнихъ отвѣчаетъ: «ва истину роди!» и осыпаетъ его самого житомъ. Послѣ этого положейникъ приближается къ огнищу, и ударяя кочергой по горящему бадняку — такъ, что искры сыплются во всѣ стороны, причитываетъ: «оволико говеда, оволико коња, оволико коза, оволико оваца, оволико крмака, оволико кошница, оволико среѣне и наплетка!» (см. II, 42.) Передъ обѣдомъ всѣ присутствующіе берутъ въ руки по зажженной восковой свѣчѣ, молятся Богу и цѣлуютъ другъ друга — со словами: «мир божји! Христос се роди, ва истину роди, поклаѣмао се Христу и Христоу рожанству.» По окончаніи молитвы и взаимныхъ привѣтствій, свѣчи передаются домохозяину, который соединяетъ ихъ въ одинъ пучъ и ставитъ въ чашку; наполненную разнаго рода хлѣбными зернами; немного погодя онъ гаситъ ихъ въ этихъ зернахъ, опуская зажженными концами внизъ. Кромѣ другихъ яствъ, для рождественской трапезы необходимы медъ и

чесница, т. е. прѣсный пшеничный хлѣбъ съ запеченною въ немъ серебряною или золотою монетою. Когда усядутся за столъ, домашин разламываетъ чесницу и раздаетъ всѣмъ по куску; тотъ, кому достанется кусокъ съ монетою, будетъ «наисретнији оне године». Баднякъ, по мнѣнiю сербовъ, обладаетъ цѣлительной и плодородящей силою: уголья и зола его употребляются, какъ лѣкарство противъ болѣзней рогатаго скота и лошадей; тлѣющей головней его окуриваютъ улья, и потомъ, когда она погаснетъ — относятъ ее въ садъ и ставятъ на молодую сливу или яблоню: такъ поступаютъ для того, чтобы будущiй годъ былъ изобиленъ на медъ и садовые плоды. Туже производительную силу сербы соединяютъ и съ божитными сѣменами, и съ божитною соломой; сѣменами этими они закармливаютъ куръ, чтобы не было недостатка въ яйцахъ, а соломѣ относятъ на нивы, «да би боле родиле» ¹⁾). Въ Черногорiи на баднiй день каждая семья приготовляетъ толстое дубовое бревно, обвитое лавровыми вѣтвями. По закатѣ солнца вносятъ бревно въ избу, посыпаютъ его пшеницею и причитываютъ: «я тебя пшеницею, а ты меня мужскими главами (т. е. даруй мнѣ потомство), скотиною, хлѣбомъ и всякимъ счастьемъ!» Затѣмъ старѣйшина, вмѣстѣ съ домочадцами, кладетъ бревно на очагъ и зажигаетъ съ обѣихъ концевъ, а когда оно разгорится — льетъ на него вино и масло и бросаетъ въ огонь горсть муки и соли. Отъ священнаго пламени очага онъ затепливаетъ восковыя свѣчи и лампаду передъ иконами, и сотворивъ молитву о благоденствiи своей семьи и всѣхъ православныхъ христіанъ, беретъ чашу вина, отвѣдываетъ немного и передаетъ старшему сыну; этотъ въ свою очередь долженъ передать ее слѣдующему родичу, и такъ да-

¹⁾ Срп. рјечник, 11—12, 34—35, 533, 822—3; Терещ., VII, 19—27; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 2—4; Гласник срп. друштва 1867, V, 122; Иличъ, 95.

лѣе, пока круговая чаша ни обойдетъ всѣхъ мужчинъ и женщинъ. Но каждыи, взявши чашу, прежде-нежели отпѣеть изъ нея, плещетъ виномъ на баднякъ съ такимъ привѣтомъ: «будь здравъ, бадняче-веселяче, съ великомъ и добромъ счастьемъ у кучу улега!» По окончаніи описанныхъ обрядовъ, дѣлаютъ нѣсколько залповъ изъ ружей и приступаютъ къ вечерней трапезѣ, при чемъ столъ бываетъ устланъ соломой, по срединѣ стола лежатъ одинъ на другомъ три хлѣба, а надъ верхнимъ хлѣбомъ красуется воткнутая въ него лавровая вѣтка съ апельсиномъ или яблокомъ. Баднякъ остается въ печи и тлѣетъ тамъ до Новаго года; во все это время праздничныя яства не снимаются со стола и всегда готовы на угощеніе друзей, знакомыхъ и странниковъ. Всякой гость входя на Рождественскіе Святки въ избу, подвигаетъ баднякъ къ задней сторонѣ печи, и какъ только посыплются искры, высказываетъ доброе пожеланіе: «да будетъ у хозяина столько-же дѣтей, коровъ, овецъ или денегъ, сколько выпало искръ!»¹⁾ У болгаръ канунъ Рождества—б жди вечеръ, и сопровождается слѣдующими обрядами. Глава семейства, жена его и дѣти выходятъ на дворъ съ зажженными лучинами въ рукахъ, отправляются къ мѣсту, отведенному для рубки дровъ, и выбираютъ толстое, длинное и сырое дубовое полѣно. Когда оно будетъ найдено, домовладыка снимаетъ шапку и съ благоговѣніемъ произноситъ: «помози, Боже и ти Коледо, да поживѣемъ и до друга година!» Потомъ, взваливъ дубовое полѣно на плечо, возвращается въ избу, кладетъ его въ печь и разводитъ огонь; приступая къ очагу, онъ возглашаетъ молитву и обращается къ присутствующимъ со словами: «Христось са роди!»—Истинно са роди! отвѣчаютъ ему домочадцы и пѣлуются другъ съ другомъ. Это возженное наканунѣ Рождества полѣно называется

¹⁾ Записки морск. офицера, соч. Броневскаго, I, 258—9; Путешествіе въ Черногорію А. Попова, 223—4.

ся баднякъ; оно должно медленно и постоянно горѣть во все продолженіе Святковъ — до самаго Крещенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи 24-го декабря тушатъ во всей деревнѣ старый огонь, и въ замѣнъ его вытираютъ изъ сухаго дерева новый—божій или святой огнець, которымъ и возжигаютъ домашніе очаги ¹⁾. Когда баднякъ загорится, домовладѣйка подымаетъ его и ударяетъ имъ нѣсколько разъ, приговаривая: «за плодъ и здраве!» Искры, которыя посыплются отъ перваго удара, знаменуютъ приплодъ лошадей, искры отъ втораго и третьяго ударовъ — приплодъ коровъ и овецъ, и такъ далѣе. На разведенномъ огнѣ пекутъ прѣсный хлѣбъ, съ золотой или серебряною монетою внутри, называемый боговица (=серб. чесница); по полу разбрасываютъ солому, грецкіе орѣхи и пшеницу; къ ужину готовятъ вино, медъ и разные плоды: яблоки, сливы, сухіе персики, изюмъ, виноградъ, стручки и орѣхи. Какъ скоро столъ будетъ накрытъ и устроенъ яствами и напитками, глава семейства беретъ кадильницу, читаетъ молитву и кадитъ по избѣ ладономъ; послѣ того садятся за ужинъ, но съѣдаютъ не все, а часть меда и фруктовъ откладываютъ въ особую миску, ставятъ подъ образа и берегаютъ на случай болѣзней, какъ самое надѣжное лѣкарство. Набожные люди, вѣрные завѣтамъ старины, стараются не спать на Рождественскую ночь; сидя возлѣ очага, они заботливо наблюдаютъ, чтобы какъ-нибудь не погасло священное пламя. Пепелъ, остающійся отъ бадняка, частію употребляютъ на лѣченіе домашней скотины, а частію рассыпаютъ по нивамъ, пастбищамъ и виноградникамъ — съ твердымъ убѣжденіемъ, что это способствуетъ хорошему урожаю; ту часть бадняка, которая не успѣваетъ сгорѣть ко дню Крещенія, зарываютъ въ землю — посреди виноградника, или

¹⁾ Подобный обрядъ совершается на Руси наканунѣ 1-го сентября (Терещ., V, 145; Сахаров., II, 52) — вѣроятно потому, что

хранить въ дому до слѣдующаго Рождественскаго сочельника и тогда разводять ею «новый огонь» ¹⁾). У германскихъ племенъ сербо-болгарскому бадняку соответствуютъ weihnachtsblock, julblock, о которыхъ упоминають писатели XII-го вѣка; во Франціи еще донинѣ чествуется souche de Noël ²⁾; въ Марсели зажигаютъ calendau или caligneau—большой дубовый обрубокъ, опрыскивая его виномъ и масломъ: обрядъ возженія совершается старѣйшимъ представителемъ семьи; летты канунъ Рождества Христова называютъ blukku wakkaгs — вечеръ чурбана, ибо тогда привносится и возжигается чурбанъ (blukkis). Подобный-же обрядъ въ Швеціи и Норвегіи приуроченъ ко дню Крещенія: раннимъ утромъ хозяйка затапливаетъ печь; передъ устьемъ очага собираются домочадцы, становятся въ полукругъ и преклоняють колѣна; затѣмъ они вкушаютъ приготовленныя печенья и напитки, и часть отъ тѣхъ и другихъ бросаютъ и льютъ въ разведенное пламя ³⁾).

По древне-арійскому представленію, всякой разъ, когда облачные демоны погасятъ (= омрачатъ) дневное свѣтило, — тотчасъ-же выступаетъ богъ-громовникъ, буравитъ своею палицей дерево-тучу, добываетъ изъ него живое пламя грозы и снова зажигаетъ солнцего колесо. Тоже представление прилагалось и къ зимнему повороту солнца: если съ этого времени оно начинаетъ возрождаться—приобрѣтаетъ все большую и большую свѣтоносную силу, то именно потому, что благодѣтельный Перунъ возжѣгъ его новымъ, чистѣйшимъ пламенемъ. Такъ думали наши предки, и подъ вліяніемъ означенной мысли декабрь, какъ и всѣяцъ поворота и возженія солнцего коле-

---

въ допетровское время съ этого числа начинался у насъ новый годъ. — ¹⁾ Каравел., 276—8; Москов. Газета 1866 года: „Святки у болгаръ“. — ²⁾ Souche — пень, вырытый съ корнемъ; Noël—dies natalis. — ³⁾ D. Myth., 593—5.

са, былъ названъ именемъ коло-жега (= Julfeuer ¹⁾). Этотъ творческій подвигъ, совершаемый Перуномъ на радость всѣмъ людямъ на небѣ, чувствуется на землѣ въ символическомъ обрядѣ возженія бадняка. Суровое время года, въ которое происходитъ поворотъ солнца на лѣто, помѣшало колядскому празднику развиться до общиннаго, публичнаго значенія и удержало за нимъ чисто-семейный характеръ. Морозы, вьюги и ятели гонять человѣка подъ домашній кровъ, заключаютъ его въ тѣсныхъ предѣлахъ избы, и вмѣстѣ съ этимъ необходимо ограничиваютъ кругъ его интересовъ и обязанностей. Вотъ почему возженіе бадняка совершается не всенародно, не подъ открытымъ небомъ, а въ стѣнахъ избы — на родовомъ очагѣ, который изстари признавался святынею — жертвенникомъ и обиталищемъ дружелюбнаго Агни. Баднякъ готовится изъ дубоваго дерева: какъ извѣстно, дубъ былъ посвященъ Перуну и до сихъ поръ «живой огонь» по преимуществу добывается изъ этого дерева. Тому же богу были посвящены и орѣхи, а потому разбрасываніе ихъ по избѣ указываетъ на культъ громовника; чехи молятъ въ обрядовой пѣснѣ: «koleda, koleda! Dědku, dej oříšku k snědku» ²⁾). Масло и вино, которыми поливаютъ баднякъ, и хлѣбныя зѣрна, которыми его осыпаютъ, служатъ знаменіями дождя, приносимаго грозовой тучей, осмѣняющаго землю и дарующаго ей плодородіе. Очевидно, что старыи баднякъ и молодой Божичъ, прославляемые въ сербскихъ пѣсняхъ ³⁾, скрываютъ подъ своими именами Дѣда-Перуна, возжигателя небеснаго пламени, и просвѣтленное этимъ

¹⁾ Въ сѣверныхъ рунахъ зимній поворотъ солнца обозначается изображеніемъ колеса. Въ Шлезвигѣ наканунѣ Рождества Христова крестьяне катятъ въ деревню колесо: это называется Weihnachten hineinrüdeln (Гандельманъ: Weihnachten in Schleswig-Holstein, 36). — ²⁾ Гавушъ, 21. — ³⁾ Ср. в. пјесме, I, 115—6.

koleda, koleda, koleda, dej oříšku k snědku!

пламенемъ Солнце. Согласно съ уподобленіемъ солнечнаго свѣта золоту, сербы причитываютъ наканунѣ Рождества:

Божић, Божић бата
 На обоја врата,
 Носи киту злата,
 Да позлати врата, ¹⁾

т. е. новорожденное Солнце стучится въ небесныя врата, и открывая ихъ, позлащаетъ востокъ блескомъ утренней зори. У русскихъ и чеховъ уцѣлѣла старинная свѣточная игра, основную мысль которой составляетъ: исканіе золотого кольца — солнца, сокрытаго змѣемъ. Вритрою во мракѣ зимнихъ облаковъ и тумановъ (II, 368). Всѣ участвующіе въ игрѣ садятся въ кружокъ, и передавая тайкомъ изъ рукъ въ руки золотое кольцо, запѣваютъ хоромъ:

И я золото хороню-хороню,
 Чисто серебро хороню-хороню.
 Гадай, гадай, дѣвица,
 Отгадывай, красная,
 Въ коей рукѣ былица—
 Змѣиная крылица?
 Наше золото пропало,
 Оно порохомъ запало,
 Призвандѣвѣло, призвандѣвѣло...

Пока продолжается пѣсня, одна изъ дѣвицъ ходитъ въ среднѣмъ кругу и старается угадать: у кого находится кольцо; если угадаетъ, то присоединяется къ подругамъ, а на смѣну ей иска-
 тельницей золота выступаетъ другая дѣвица, и законченная игра начинается сызнова ²⁾). Всѣ вечера, начиная съ 24-го

¹⁾ Ibid., 117. — ²⁾ Сахаров., I, 15; Терещ., VII, 177 — 180; Гавушъ, 11; Чешск. пѣсни Эрбена, 96. Такъ какъ кольцо было эмблемой супружеской связи, и такъ какъ весна (съ наступленіемъ которой золотое кольцо-солнце открывается изъ-за снѣжныхъ облаковъ) была временемъ брачнаго союза между Небомъ и Землею, то отсюда возникло слѣдующее гаданіе: дѣвицы приносятъ блюдо

декабря по день Крещенія, называются у насъ святыми (вѣм. Weih-nachten). По мѣтнію поселянъ, въ эти святыя вечера нисходитъ съ неба и странствуетъ по землѣ новорожденный Богъ, и потому всякая работа считается тогда за великій грѣхъ ¹⁾. Явленіе божества сопровождается чудесными знаменіями. Въ полночь наканунѣ Рождества и Крещенія отверзаются небесныя врата; пресвѣтлый рай, въ которомъ обитаетъ Солнце, открываетъ свои сокровища; воды въ рѣкахъ и источникахъ оживають (приходятъ въ движеніе, волнуются), претворяются въ вино и получаютъ цѣлебную силу (I, 778; II, 188); на деревьяхъ распускаются цвѣты и зрѣють золотыя яблоки. Въ этотъ таинственный часъ божество разсыпаетъ щедрые, богатые дары на весь міръ: о чемъ помолишься отверстому небу, то и сбудется. Чтобы узрѣть, какъ будетъ отворяться небо, сербы выходятъ на богоявленскую ночь въ поле и остаются тамъ до самаго разсвѣта ²⁾. У лужичанъ наканунѣ Рож-

свѣгу, бросаютъ въ него кольцо и поручаютъ кому-нибудь раздѣлить между ними свѣгъ; въ чьей долѣ окажется кольцо, та въ теченіи года непрѣменно будетъ замужемъ—Херсон. Г. В. 1846, 4
Одна изъ святочныхъ подблюдныхъ пѣсень (Сахаров., I, 13) гласитъ: дѣвица красная дѣвица

Часто по воду ходить;
Она таяла свѣгъ
На печномъ столбу,
Она вытанла
Золотъ перстень.
Да кому перстнемъ обручатися?
Обручатися отроку съ отрочицею,
Еще млладцу со дѣвицею.

Пѣсня эта предвѣщаетъ скорую свадьбу. — ¹⁾ Цебриков., 269. — ²⁾ Терещ., VII, 42; Послов. Даля, 971; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 65; Москов. Газета 1866, стат. Каравелова; Ганушъ, 10; Рус. Вѣст. 1862, I („Чешская деревня“), 350; Срп. рјечникъ, 33; Иличъ, 108.

дества Христова ходитъ по домамъ *voße džješо*: подъ этииъ именемъ совершаетъ обходъ дѣвушка, одѣтая въ бѣлое платье; въ одной рукѣ она держитъ узелъ съ яблоками и орѣхами, а въ другой — вѣтку, съ привѣшеннымъ къ ней звонкомъ. Подводя дѣтей къ святочному дереву, убранному плодами и орѣхами, родители увѣряютъ ихъ, что всѣ эти лакомства принесло *voße džješо* ¹⁾. По нѣмецкимъ преданіямъ, въ періодъ зимняго солнце-поворота растворяется небо, свѣтлые боги: Одинъ, Фрейръ, Гольда и Фрея нисходятъ на землю и благословляютъ воды и растенія; тамъ, гдѣ они шествуютъ, воды превращаются въ вино, а деревья—въ розмаринъ: «*alle wasser—wein, alle bäume — rosmagein*» ²⁾. Эти цвѣтушія деревья и текушія виномъ источники суть деревья и источники небеснаго рая; въ зимнюю пору, когда на землѣ замираетъ всякая растительность и воды стоятъ окочеванныя льдами, въ райскихъ садахъ (т. е. на востокѣ, откуда богиня Зоря выводитъ Солнце, усыпая ему путь золотомъ и розами) продолжается вѣчно-юная жизнь: цвѣтутъ роскошныя цвѣты, зрѣютъ золотыя плоды и бьютъ животворныя ключи нектара. Вмѣстѣ съ богами спускаются съ заоблачныхъ высотъ и блаженные предки, посѣщаютъ своихъ родичей, садятся возлѣ пылающаго очага и участвуютъ въ ихъ семейной трапезѣ. Тѣже мифическія представленія: отверстыя врата рая, сошествіе безсмертныхъ на землю и превращеніе водъ въ вино соединяются и съ праздникомъ Пасхи; такое совпаденіе во взглядахъ на два разновременные праздника вполне понятно, ибо и зимній поворотъ солнца, и весеннее его просвѣтленіе равно возбуждаютъ мысль о благодатномъ возрожденіи творческихъ силъ природы. Боги и духи усопшихъ праотцевъ, являясь въ среду живыхъ поколѣній, открываютъ передъ ними тайны бу-

¹⁾ *Volkslieder der Wenden*, II, 221—2. — ²⁾ Розмаринъ былъ посвященъ Фрейру.

лучаго, т. е. тѣ грядущія событія, которыя опредѣлены непреложнымъ судомъ божіимъ; поэтому Рождественскія Святки есть по преимуществу время гаданій и все, что видится тогда во снѣ и на яву, получаетъ вѣщее значеніе. По состоянію погоды въ продолженіи двѣнадцати праздничныхъ дней отъ 25 декабря по 6-е января (нѣмец. *Zwölften*) заключаютъ о томъ, каковъ будетъ наступающій годъ; каждый изъ этихъ дней даетъ предзнаменованіе о погодѣ соотвѣтствующаго ему мѣсяца ¹⁾).

Въ нашемъ народѣ колядскіе обряды съ бѣльшею свѣжестью удержались на Украинѣ и въ бѣлорусскихъ губерніяхъ. Въ старыя годы украинцы уже 12-го декабря варили пиво и съ того-же числа каждый день откладывали по одному полѣну—такъ, что къ кануну Рождества Христова всѣхъ полѣньевъ набиралось двѣнадцать; этими полѣньями и затапливалась печь на святой вечеръ ²⁾). Въ день, предшествующій Рождественскимъ Святкамъ, поселяне не вкушаютъ пищи до восхода вечерней звѣзды, которая появленіемъ своимъ свидѣтельствуетъ о рожденіи божественнаго младенца, и тѣмъ самымъ знаменуетъ начало праздника (сравни I, 778). Какъ только загорится на небѣ вечерняя звѣзда, тотчасъ-же приносятъ въ хату связку соломы или сѣна, разстилаютъ ее въ переднемъ углу — на прилавкѣ, покрываютъ сверху чистою скатертью и на приготовленномъ мѣстѣ ставятъ подъ образами необилоченный снопъ жита или пшеницы, кутью и узварь; снопъ этотъ остается здѣсь до 31-го декабря. Въ Галиціи ставятъ по снопу во всѣхъ четырехъ углахъ избы. Кутьей называется каша изъ зерновой пшеницы, ячмени или рису, разведенная медовою сытою; узварь (вз-варь)

¹⁾ Die Götterwelt, 140 — 2; Beiträge zur D. Myth., I, 127; II, 124—8; Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 337. — ²⁾ Малъ, XI, 55

приготавливается из сушеных плодов (яблок, груш, слив, вишен, изюма и проч.), сваренных на водѣ. Оба горшка съ кутьей и узваромъ накрываются кнѣшамн (пшеничными кѣбамн). Передъ вечерю (т. е. ужиномъ) хозяинъ дома зажигаетъ у образовъ лампадку и восковыя свѣчи, читаетъ вслухъ молитвы и кадитъ ладономъ; вся семья благоговѣнно молится Богу и потомъ усаживается за столъ, усыпанный сѣномъ и застланный чистою скатертью; глава семейства занимаетъ почетное мѣсто на покутьѣ (въ переднемъ углу); рядомъ съ нимъ, по правую руку, садится его жена, а далѣе слѣдуютъ ихъ родичи и дѣти. Кутья и узваръ подаются обыкновенно послѣ всѣхъ другихъ кушаній, и если не будутъ съедены въ тотъ-же вечеръ, то докончиваются въ продолженіи Святوکъ; часть кутьи отдѣляютъ курамъ, чтобы давали больше яицъ. Сидя за «вечерю», гадаютъ о будущемъ урожаѣ: вытягиваютъ изъ-подъ скатерти нѣсколько былиннокъ сѣна, и по ихъ длинѣ заключаютъ о томъ, каковъ уродится лёнъ; или выдергиваютъ изъ снопа соломинку, и если она окажется съ полнымъ колосомъ, то наступающій годъ будетъ изобильный, и наоборотъ—пустой колосъ сулитъ неурожай. По остающимся на столѣ травянымъ сѣменамъ дѣлаютъ такое заключеніе: если сѣмянъ будетъ больше черныхъ, то слѣдуетъ ожидать урожая на гречиху, а если желтыхъ, то надо рассчитывать на овсы, просо и пшеницу. Подобная-же обрядовая трапеза, съ кутьею и узваромъ, бываетъ и на крещенскій сочельникъ, послѣ водосвятія. Нанемунѣ Нового года обмолачиваютъ стоящій въ переднемъ углу снопъ, и полученныя зѣрна отдаютъ мальчкѣмъ-посыпальщикѣмъ, а соломой прикармливаютъ домашній скотъ или употребляютъ ее на обвязку плодовыхъ деревьевъ¹⁾. Вечеръ 31-го декабря извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ щедраго

¹⁾ Сравни со свѣдѣніями, сообщенными о рождественской соломе (julstroh) въ Beitrage zur D. Myth., I, 120—1.

и богатаго; ибо съ наступленіемъ новаго года нераздѣльна мысль о явленіи возрожденнаго бога, несущаго міру ясное лѣто, изобиліе плодовъ земныхъ и всякое довольство ¹⁾). Хозяйка приготовляетъ къ щедрому вечеру, какъ можно, болѣе пироговъ и кнышей, складываетъ ихъ въ одну общую кучу на столѣ и проситъ мужа исполнить законъ. Этотъ затѣливаетъ передъ иконами восковую свѣчу, куритъ по избѣ ладономъ и садится на покутѣ; входятъ домочадцы, молятся Богу, и притворяясь, будто не видятъ отца за накладенными на столѣ пирогами, спрашиваютъ: «дѣ-жь нашъ батько?»—Хиба-жь вы мене не бачите? спрашиваетъ отецъ. «Не бачимо, тату!» отвѣчаютъ дѣти.—Дай-же, Боже, щобъ и на той рокъ не побачылы, т. е. чтобы и въ будущемъ году было такое-же изобиліе въ яствахъ, какъ въ настоящую минуту. Затѣмъ жена и дѣти садятся за столъ, и отецъ раздѣляетъ между ними пироги ²⁾). Сходно съ этимъ, въ Герцеговинѣ на Рождественскій праздникъ «узму двојница чесницу, па је окрећу међу собом и пита један другога: милам ли се? (т. е. выдался ли я—видѣнъ ли изъ-за «хлѣба») Онај му одговори: милаш мало. А онај први онда рече: сад мало, а до године ни мало!» т. е. да родится доброе жите и да будетъ чесница такъ велика, чтобы за нею можно было совсѣмъ укрыться ³⁾). Эти обряды малорусскій и сербскій идутъ изъ отдаленной старины. По свидѣтельству Саксона-грамматика, къ Святovitову празднику, какой ежегодно совершался въ Арконѣ по окончаніи жатвы, приготовляли огромный медовый вирогъ—величиною почти въ ростъ челоуѣка. Жрецъ становился за этимъ пирогомъ и спрашивалъ у народа: видятъ ли

¹⁾ Терещ., VII, 19, 28; Могил. Г. В. 1852, 4, 11; Цебриков., 289; Вѣст. Р. Г. О. 1853, V, 12; VI, 99; Кіев. Г. В. 1850, 16; Херсон. Г. В. 1844, 52; Молодикъ 1844, 98—100; Маякъ, XV, 22; Москв. 1852, VI, 83; Ганушъ, 15. — ²⁾ Маркевичъ, 65; Шаоковскаго: Топограф. описаніе чернигов. намѣстничества, 29; Молодикъ 1844, 100—1. — ³⁾ Срп. рјечник, 356.

его? и когда ему отвѣчали утвердительно, онъ тотчасъ-же высказывалъ желаніе, чтобы будущій годъ былъ еще плодороднѣе, а праздничный пирогъ еще больше ¹⁾). На первый день новаго года по всему русскому царству совершается обрядъ за сѣванія. Рано поутру, передъ обѣдею, ходятъ по домамъ мальчики, нося въ мѣшкѣ или рукавицѣ хлѣбныя зѣрна; при входѣ въ избу они посыпаютъ по ней этими зернами, съ слѣдующими эпическими причитаніями: «на счастье, на здоровье — на новое лѣто роди, Боже, жито-пшеницу и всякую пшеницу!» или: «ужь дай ему Богъ, зароди ему Богъ, чтобы рожь родилась, сама въ гумно свалилась, изъ колоса осьмина, изъ полузерна пирогъ — съ топориче долинны, съ рукавицу ширины!» Посыпальщику даютъ что-нибудь въ подарокъ, а разбросанныя имъ зѣрна тщательно собираютъ, хранятъ до весны и при посѣвѣ яровыхъ смѣшиваютъ съ прочими сѣменами. Когда посыпальныя зерна будутъ собраны, — по роду и количеству ихъ заключаютъ о томъ, какіе именно хлѣба дадутъ на будущее лѣто большій или меньшій урожай. Иногда кормятъ этими зернами куръ, и по ихъ клѣву гадаютъ о будущемъ плодородіи нивъ. Обрядъ «посыпанія», совершаемый у насъ на первый день Новаго года, а у сербовъ на Рождество, знаменуетъ весеннее осѣменение матери Земли, вступающей въ брачный союзъ съ просвѣтленнымъ Небомъ, при чемъ хлѣбныя зѣрна служатъ эмблемою оплодотворяющаго сѣмени дождя (1, 283 — 4, 571 — 2) и солнечныхъ лучей ²⁾). Замѣтимъ, что на старинныхъ свадьбахъ новобрач-

¹⁾ Срезнев., 88; И. Г. Р. Карамз., I, 100. — ²⁾ Слово сѣять нерѣдко употребляется въ значеніи свѣтитъ; такъ хорутанская пѣсня говоритъ о солнцѣ, что оно обсѣваетъ долины (Ч. О. И. и Д. 1865, III, 225), а малорусская загадка выражается объ очахъ: „двама узликами все поле засію“ или „два вузлики все поле освитать“ — Семенов., 9, 39.

ную чету осыпали овсомъ, ячменемъ и пшеницею и укладывали спать на ржаныхъ (необмолоченныхъ) снопахъ, и что донынѣ крестьянки наши гадаютъ о своихъ суженыхъ по хлѣбнымъ сѣменамъ и колосьямъ ¹⁾. Для того, чтобы земля принесла добрый урожай, поселянинъ, отправляясь засѣвать поле, надѣваетъ на себя подвѣчную сорочку; встрѣтитъ, при выѣздѣ на посѣвъ, вдовца, вдову, холостаго парня или дѣвушку считается дурною примѣтою, и наоборотъ—встрѣча съ женатымъ человѣкомъ или замуженю женщиною принимаетъ за счастливый знакъ.

Въ великорусскихъ преданіяхъ уцѣлѣло темное воспоминаніе о миенческомъ лицѣ Овсеня; обрядовая пѣсня славитъ его пріѣздъ, совпадающій по времени съ наступленіемъ новаго года:

Мосточки мостали,
Сукномъ устилали,
Гвоздьми убивали.

Ой Овсень, ой Овсень!

¹⁾ Терещ., VII, 108 — 9; Шафонск. Описаніе чернигов. намѣстничества, 29; Молодикъ 1844, 101; Москв. 1849, IX, 15; Сахаров., II, 2 — 3. По указанію Сахарова, 1-го генваря хозяйка варитъ кашу, и вынимая горшокъ изъ печи, приговариваетъ: „чистости просимъ изъ намъ во дворъ — со своимъ добромъ!“ Потомъ замѣчаетъ: „положь ли горшокъ и хорошо ли уварилась каша? Если каша будетъ бѣлая или выльзетъ изъ горшка, то предвѣщаетъ голодъ и всякія бѣды; наоборотъ каша красная, изготовленная вровень съ краями горшка, предвѣщаетъ изобиліе и счастье. — О женихахъ гадаютъ такъ: а) вечеромъ на Святкахъ дѣвица сѣдетъ гдѣ-нибудь на дворѣ горсть коноплянаго сѣмени, заволакиваетъ зѣрна сорочкою или исподницею и приговариваетъ: „кто мнѣ суженый, тотъ придетъ со мною конопля. брать.“ Послѣ этого суженый непременно явится во снѣ. б) Другое гаданье состоитъ въ томъ, что собравшіяся дѣвицы выдергиваютъ по стеблю соломы, и по этимъ стеблямъ догадываются о своей судьбѣ: если попадется колосъ съ зерномъ—женихъ будетъ богатый, пустой колосъ предвѣщаетъ бѣднаго жениха, а стебель безъ колоса—безбрачную жизнь (Херсон. Г. В. 1846, 4, 10; Ворон. Г. В. 1850, 17; Маякъ, XI, 31—32; Совр. 1856, IX, смѣсь, 81).

Кому-жь, кому ѡхать
 По тому мосточку?
 ѡхать тамъ Овсеню
 Да Новому году.
 Ой Овсень, ой Овсень! ¹⁾

Имя Овсень (Авсень, Говсень, Усень) можетъ быть возведено къ тому-же санскритскому корню ush, къ которому возводится и вышеобъясненное имя Остары (стр. 700 ²⁾); согласно съ этимъ производствомъ, Овсень долженъ означать бога, возжигающаго солнечное колесо и дарующаго свѣтъ міру (т. е. приводящаго съ собой утро дня или утро года—весну). Весеннее просвѣтленіе неба постоянно отождествляется и въ языкѣ и въ народныхъ повѣрьяхъ съ утреннимъ разсвѣтомъ; лит. auszga — утренняя зоря, auszti — свѣтаетъ, rawasaris isz-auszta—весна свѣтаетъ, т. е. начинается. У нѣмцевъ богиня Остара (зоря) сообщила свое названіе свѣтлому празднику весны; у насъ имя Овсеня сочеталось съ праздникомъ новорожденнаго солнца, такъ какъ свѣтло это возгоралось тогда новымъ пламенемъ и дневной свѣтъ начиналъ побѣждать ночную тьму. По свидѣтельству царской грамоты XVII-го вѣка ³⁾, въ самой Москвѣ въ навечеріи Рождества Христова многіе люди по улицамъ, переулкамъ и ямскимъ слободамъ кликали Коледу и Усень, а въ навечеріи Богоявленія Господня кликали плугу, т. е. возглашали хвалебныя пѣсни плугу, съ помощію котораго воздѣлываются пашни (I, 563-4). Одна изъ обрядовыхъ пѣсень заставляеть добраго мѣлнца Овсеня выѣзжать на свиньѣ:

На чѣмъ ему ѡхати?
 На сивинькой свиняѣ.
 Чѣмъ поговяга?
 Живымъ поросенкомъ ⁴⁾.

¹⁾ Терещ., VII, 124. — ²⁾ Ч. О. И. и Д. 1865, II, 21. Сабинск. ausel, этрус. usil — солнце (Гамушъ, 56). — ³⁾ Сахаров., II, 99. — ⁴⁾ Терещ., VII, 118.

Черта — въ высшей степени знаменательная, ибо она указывает на тождество нашего Овсена съ свѣтоноснымъ богомъ германцевъ — Фрейромъ, который въ періодъ зимняго солнце-поворота выѣзжалъ на небо на златощетинистомъ боровѣ и которому въ это время совершались обильныя жертвоприношенія (I, 778—781). Являясь въ сей міръ, Овсенъ открываетъ путь новому лѣту (новому году), несетъ изъ райскихъ странъ щедрые дары плодородія, и какъ определено божественнымъ судомъ — такъ и распределяетъ ихъ между смертными: однимъ даетъ много, съ избыткомъ, а другихъ лишаетъ и самого необходимаго. Бѣлоруссы выражаютъ эту мысль въ слѣдующемъ символическомъ обрядѣ: наканунѣ Нового года они водятъ по домамъ двухъ юношей, изъ которыхъ одинъ, называемый богатою Коледою, бываетъ одѣтъ въ новое, праздничное платье и имѣетъ на головѣ вѣнокъ изъ ржаныхъ колосьевъ; на другога-же (бѣдную Коледу) надѣваютъ разорванную свитку и вѣнокъ изъ обмоченной соломы. При входѣ въ избу, обоихъ юношей завѣшиваютъ длинными покрывалами, и заставляютъ хозяина выбирать изъ нихъ любаго; если онъ выберетъ «богатую Коледу», то хоръ поетъ ему пѣсню, предвѣщающую урожай и богатство; наоборотъ если выборъ падетъ на «бѣдную Коледу» — это служитъ предзнаменованіемъ неурожая и бѣдности ¹⁾. Отсюда объясняется и то важное значеніе, какое приписывается сербами положайнику: этотъ первый рождественскій гость, отъ котораго зависитъ все счастье домохозяина и его семьи въ теченіи цѣлаго года, является таинственнымъ представителемъ самаго божества; по бѣлорусской пословицѣ: «госць у домъ, Богъ у домъ» (II, 62—64). *Мал. до земл., год. поведеніе.*

На тѣсную связь праздника Коляды съ культомъ громаownika указываютъ и многіе другіе святочные обряды и обык-

¹⁾ Маякъ, XVII, 43—44.

новенія, о которыхъ мы уже имѣли случай говорить прежде, а именно: а) обычай наряжаться въ мохнатыя шкуры и принимать на себя звѣриныя подобія, въ каковыхъ изображеніе древняго человѣка олицетворяло дожденосныя тучи (I, 718 — 9 ¹⁾); б) обычай водить по деревнѣ волка или носить змѣю (I, 765); в) воззванія, обращенныя къ Туру, о тождественности котораго съ Фрейромъ замѣчено на 662 стр. 1-го тома; «нѣдци, говоритъ Гизель, памяти того бѣса Коляды «и доселѣ не престають обновляти, наченше отъ самаго Рождества Христова, по вся святыя дни собирающесе на богомерскія игралища, пѣсни поють, и въ нихъ еще и о рождествѣ Христовомъ воспоминають, но здѣ-же беззаконно и Коляду, ветхую прелесть дѣвольскую, много повторяюще присовокупляють; къ сему на тыхъ-же своихъ законопротивныхъ соборищахъ и нѣкоего Тура-сатану и прочія богомерскія скареды измышляюще воспоминають». д) Стрѣльба изъ ружей и пистолетовъ наканунѣ Рождества, послѣ обрядовой «вечери», и въ день Крещенія—во время совершаемаго тогда водосвятія, служитъ знаменіемъ громовыхъ ударовъ, поражающихъ темныхъ демоновъ ²⁾. е) Съ поворотомъ солнца на лѣто тотчасъ-же возникала мысль о грядущемъ освобожденіи земныхъ и небесныхъ источниковъ отъ зимняго оцѣпенѣнія, о превращеніи мертвыхъ водъ (=окованныхъ льдами рѣкъ и озеръ и снѣговыхъ тучъ) въ живые потоки, несущіе землѣ обновленіе и силу плодородія, или выражаясь метафорически: о превращеніи ихъ въ вино = нектарь. Поэтому на праздникъ Коляды принято было совершать религиозныя омовенія, каковой обрядъ въ христіанскую эпоху приурочень ко дню церковнаго водосвятія (Крещенія). По словамъ Герберштейна, въ Москвѣ XVI-го столѣтія въ іорданской про-

¹⁾ Weihnachten in Schleswig-Holstein, 73 — 75. — ²⁾ Терещ., VII, 64.

руби купались и здоровые и больные, послѣдніе—съ надеждою на исцѣленіе. Маржеретъ увѣряетъ, что не только простолудины, но и бояре и самъ царь погружались въ этотъ день въ воду. Обыкновеніе это и донныѣ удерживается между русскими поселянами и сербами. Вода, почерпнутая въ полночь передъ Крещеніемъ, помогаетъ отъ недуговъ и никогда не портится; этою водою окропляютъ избы, хлѣва и ульи, поятъ больныхъ и домашнюю скотину — для предохраненія ея отъ заразы ¹⁾. f) Какъ праздникъ, посвященный возрожденію творческихъ силъ природы, Коляда всею своею обстановкою указываетъ на тѣ щедрые дары, которые несетъ шествующее изъ дальнихъ странъ Лѣто. Необмолоченный снопъ, поставляемый въ переднемъ углу и величаемый именемъ Дѣда ²⁾, солома и сѣно, постилаемые на столѣ и покутѣ, хожденіе по домамъ съ плугомъ (обрядъ, уцѣлѣвшій въ Червонной Руси), посыпаніе зерновымъ хлѣбомъ, разнообразныя гаданія о будущемъ урожаѣ, семейная трапеза, за которою вкушаютъ праздничный хлѣбъ («боговицу»), кутью, медъ и садовые плоды, — все говоритъ о посѣвѣ, жатвахъ и изобиліи плодовъ земныхъ. Зерно—символъ зачатія, рожденія къ новой жизни: брошенное въ землю, оно вырастаетъ зеленой былинкою и даетъ колось; медовая сыта знаменуетъ амриту. Узваръ и каша донныѣ считаются необходимыми на родинахъ, а медъ и кутья—на похоронахъ и поминкахъ, ибо смерть человѣка по народному воззрѣнію есть вторичное его рожденіе для иной, загробной жизни. Вместе съ поворотомъ солнца на лѣто, вся природа призывается къ пробужденію отъ зимняго сна. У чеховъ наканунѣ Рождества, передъ самымъ разсвѣтомъ, семья отправляется въ садъ; отецъ и мать трясутъ плодовые деревья, приговаривая: *«stroměčku, v stávej, ovoce dávej! dnes je štědrý*

¹⁾ Ibid., 41 — 42; Срп. рјечник, 33; Иличъ, 95. — ²⁾ Маякъ, XI, 55.

den» ¹⁾—и бросаютъ на нихъ яблоки и груши, а дѣти подбираютъ падающіе плоды. Тотъ-же обрядъ исполняется моравами, лужичанами и нѣмцами; послѣдніе произносятъ при этомъ: «bäumchen schlaf nicht, frau Holla kommt!» или: «bäumchen wa ch auf, Neujahr ist da!» Сербы и малороссы замахиваются на дерево топоромъ (—символъ молніи), съ угрозою срубить его, если оно не родитъ лѣтомъ (II, 320—1 ²⁾). Во всей Европѣ извѣстенъ обычай готовить къ Рождественскимъ Святкамъ елку; это вѣчно-зеленое дерево, убранное зажженными восковыми свѣчами и обвѣшанное яблоками, грушами, золотыми орѣхами и другими лакомствами, напоминаетъ собою то райское древо жизни, на которомъ растутъ золотые яблоки и орѣхи (см. гл. XVII). На Руси обычай этотъ появился въ недавнее время и заимствованъ отъ нѣмцевъ; нельзя не замѣтить однако, что подобное-же дерево, украшенное искусственными цвѣтами, зеленью и плодами, возили у насъ въ старину въ крестномъ ходѣ на цвѣтоносное или Вербное воскресенье ³⁾).

Всѣ указанныя нами представленія, какія связывались съ праздникомъ Коляды, засвидѣтельствованы въ святочныхъ пѣсняхъ: колядкахъ и щедривкахъ. Начиная съ вечера 24-го декабря и до Крещенія, ходятъ по дворамъ коледовщики, славятъ праздникъ, т. е. поютъ обрядовыя пѣсни и собираютъ отъ хозяевъ дары разными припасами и деньгами; въ кievской и во львovской губ. половина собранныхъ ими денегъ отдается въ приходскую церковь. По всему вѣроятію, и сборъ припасовъ имѣлъ нѣкогда религіозное назначеніе: жертвенныя приношенія и праздничное пиршество могли совершаться не

¹⁾ Вставай, деревцо, давай намъ плодovъ; нынче вѣдь щедрый день. — ²⁾ Ганушъ, 31, 117—8; Срп. рјечникъ, 35; Маякъ, XI, 39; Beiträge zur D. Myth., II, 126; Die Götterwelt, 286. — ³⁾ Домашній бытъ рус. царей, соч. Забѣлина, I, 327—8.

только въ каждой отдѣльной семьѣ передъ ея отцовскимъ очагомъ, но и сверхъ того—передъ очагомъ князя, отъ имени всего подвластнаго ему племени, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ должны были устроиться на общій счетъ, въ складчину ¹⁾). Колядки и щедривки сохранили для насъ черты народныхъ возрѣвнѣй, идущія изъ глубочайшей древности; не смотря на цѣлый рядъ вѣковъ, на протяженіи которыхъ пѣсни эти должны были подвергаться постоянной переделкѣ, не смотря на то, что повидимому онѣ воспѣваютъ рождество Спасителя,—въ нихъ и донынѣ довольно-явственно выступаютъ преданія и образы, принадлежащія язычеству. Когда родился молодой Богъ, поютъ болгары, то мать искупала его въ золотыхъ котлахъ; сербы въ своей обрядовой пѣснѣ выражаютъ желаніе, да будутъ у нихъ коровы дойныя, да надоютъ имъ полное ведро молока,

да окупам, коледо!
 малог Бога, коледо!
 и Божиѣа, коледо!

Малорусская же колядка говоритъ о купаньи новорожденного Бога въ морѣ:

Божья Матя въ полозѣ лежить,
 Въ полозѣ лежить, сынойка родить;
 Сына вродила, въ морѣ скупала... ²⁾

Припомнимъ, что по общему индоевропейскому представленію восходящее солнце является изъ морскихъ волнъ, что Солнцева

¹⁾ Поэтому слово коледовать стало употребляться въ смыслѣ: собирать милостыню, просить хлѣба; коледа—дневной сборъ милостивы нищими; пол. kołęda—подарки на Святки и Новый годъ; въ другихъ славянскихъ нарѣчійхъ „коледа“ стала означать славленіе; рус. поговорка: „полю коледу томить“ = давай милостыню, не томи бѣднаго—Обл. Сл., 87—88; Терещ., VII, 13; Архивъ ист.-юр. свѣд., II, полов. 2, 131. — ²⁾ Показалець Раковскаго, I, стр. XVI; Времен. О. И. и Д., XXII, 10—11; Срп. рјечник, 285. — ³⁾ Объ истор. знач. нар. рус. повз., 15.

мать (богиня утренней зори), нарождая свѣтоноснаго сына; купаетъ его въ молоко небесныхъ коровъ—въ росѣ или весеннихъ дождяхъ (II, 123—9). Такъ какъ рожденіе солнца по другому поэтическому выраженію называлось его воскресеніемъ, то колядки воспѣваютъ не только рождество, но и возстаніе Спасителя изъ мертвыхъ: изъ-за горы изъ-за высокой

Выходить намъ золотый хрестъ,
А пидъ тимъ хрестомъ самъ милый Господь;
На немъ сорочка та джунджовая,

т. е. жемчужная. Усмотрѣла жидовская дѣвочка, «же русскій Богъ изъ мертвыхъ уставъ»; сказала про то своему отцу, но еврей возразилъ: «тогда русскій Богъ воскреснетъ, когда жареный пѣтухъ полетитъ!» — и въ ту же минуту жареный пѣтухъ полетѣлъ, усѣлся на облако и «красенько запѣлъ» (I, 521¹⁾). Пѣтухъ—провозвѣстникъ утра, побуждающаго ночную тьму, и вмѣстѣ съ тѣмъ представитель грозового пламени, которымъ возжигается солнце, потушенное облачными демонами. Небесные владыки, пробуждаясь отъ зимняго сна, являются въ сей мѣръ дружелюбными и щедрыми на дары гостями:

Цы дѣма бываешь, пане господарь?
Твои рыночки позамиѣтаны,
Твои столочки понадерываны,
За твоимъ столомъ трои гостейки:
Ледень гостейко—свѣтле Сонейко,
Другій гостейко—ясень Мѣсячокъ,
Третій гостейко—дробень Дожджейко.
Сонейко говорить: „вѣтъ якъ надъ мене,
Якъ я освѣчу горы, долины,
Горы й долины, поля й дубровы!“
Ясенъ Мѣсячокъ: „вѣтъ якъ надъ мене!
Якъ я освѣчу тѣмну ночейку,

¹⁾ Ч. О. И. и Д. 1864, I, нар. пѣсни галицкія и угорской Руся, 6; Объ истор. зн. нар. рус. повз., 18.

Возрадуются гости въ дорожѣ,
 Гости въ дорожѣ, волойки въ стожѣ".
 Дробень Дождейко: лѣтъ якъ надѣ мене!
 Якъ я перейду три разы на ярь,
 Три разы на ярь мѣсяца маи —
 Возрадуются жита, пшеници,
 Жита, пшеници и всѣ ярици". 1)

По другому варианту Солнце похваляется снять съ рѣкъ и потоковъ ледяные оковы, а Дождь (т. е. дождящій Перунъ) озеленить горы, долины и верховины 2). Богъ-громовникъ выѣзжаетъ на своемъ златогривомъ конѣ, выбиваетъ изъ облачныхъ скалъ искры—молніи и созидаетъ райскій пресвѣтлый чертогъ или храмъ—весеннее небо, съ окномъ, черезъ которое является очамъ смертныхъ новорожденное солнце:

Ой въ горѣ-въ горѣ (т. е. на небѣ) стоитъ шовковый наметъ,
 А въ томъ наметѣ золотый столычкы,
 На томъ столычкы можный панонько,
 Трома яблочки поджидаючи,
 Двома орѣшки та цитаючи.
 Вычитавъ коня та з-подъ короля,
 А въ того коня золота грива,
 Золота грива, сребни копыта,
 Сребни копыта, шовковый хвостикъ;
 Золота грива коника верыла,
 Сребни подковы кремень лупають,
 Кремень лупають, церковь мурують,
 Мурують же ја з' трома верхами,
 З' трома верхами, з' двома вогонцы:
 Въ одно вогонце исходить сонце,
 Въ друге вогонце заходить сонце,
 А въ райски двери Господь входитъ,
 Господь входитъ, службоньку служить.

1) Ч. О. И. и Д. 1864, I, 8—11. 19; Приб. къ Изв. Ак. Н. 1852 г., 29—30; въ черниговской губ. поютъ: застилайте столы коврами, насыпайте кубки винами, да и буде къ вамъ трое гостей: первый гость — ясенъ Мѣсячка, другій гость — ясная Сонейка, третій гость—дробень Дожчикъ, и т. дил. — 2) Ч. О. И. и Д. 1864, I, 4.

Въ другихъ вариантахъ на золотомъ престолѣ возсѣдаетъ самъ Богъ или божье дитя—«красный панычъ», который подбираетъ золотыя яблочки и перебираетъ серебряныя орѣшки, т. е. играетъ сверкающими молніями (II, 309; 318); пущенная имъ стрѣла несется, какъ громъ по небу. Постройка райскаго чертога есть очищеніе неба отъ зимнихъ тумановъ и снѣжныхъ облаковъ силою весенней грозы; топоры-молніи ударяютъ по камнямъ-тучамъ, дробятъ ихъ и прорубаютъ для свѣтлыхъ боговъ окна и двери:

Зъ-за той ми горы, зъ-за высокой,
 Видны (слышны?) ми тонойкій голось,
 Тонойкій голось, топоры дзвенять,
 Топоры дзвенять, каменя тешуть,
 Каменя тешуть, церковь мурують,
 Церковь мурують во три двери,
 Во три двери—во три облаки;
 У једныхъ дверейъ иде самъ Господь,
 У другихъ дверейъ Матенка Божя,
 У третихъ дверейъ святой Петро.
 Передъ милымъ Богомъ органы грають,
 Передъ святымъ Петромъ свѣчи горѣють,
 Передъ Матенковъ Божовъ ружа проквітать,
 А з' той ружи пташокъ выникать:
 Не је то пташокъ, демъ самъ милый Господь ¹⁾.

Господь означаетъ здѣсь солнце (сравни I, 79), Пречистая Дѣва заступаетъ древнюю Ладу, а св. Петръ—Перуна; звуки органовъ—грозовая музыка, горящія свѣчи—молніи, цвѣтущая ружа—утренняя зоря, при блескѣ которой вылетаетъ на небо свѣтоносная птица-солнце; о небесномъ чертогѣ, его дверяхъ и окнахъ см. т. I, стр. 158-162. Согласно съ древне-поэтическимъ представленіемъ тучи—кораблемъ, яснаго неба—раемъ, молніи—ключемъ, создалась слѣдующая любопытная колядка:

¹⁾ Ibid., 7, 66; Ж. М. Н. П. 1867, стат. О. Миллера, 626—8.

На сивомъ морѣ (=небѣ)
 Корабель на водѣ,
 Въ томъ кораблейку
 Трое воротцы;
 Въ першихъ воротейкахъ
 Мвсичокъ свѣтитъ,
 Въ другихъ воротейкахъ
 Соненько сходить,
 Въ третехъ воротейкахъ
 Самъ Господь ходитъ,
 Ключи тримае,
 Рай вотмиае ¹⁾.

Не забыты въ колядскихъ пѣсняхъ и другія мнѣнческія пред-
 ставленія о небесныхъ стадахъ, выгоняемыхъ Перуномъ, о
 его громовой трубѣ и безсмертномъ напикѣ:

- а) Зачорилася чорна горонька,
 Выйшла зъ-за неѣ чорна хмаронька,
 Чорна хмаронька—овець турмонька;
 Выйшовъ за ними гордый молодець,
 Гордый молодець на передовець,
 Заперезався гей ожинкою ²⁾,
 За товъ ожинковъ ³⁾ двѣ-три трубоньки:
 Једна трубонька та роговая,
 Друга трубонька та мѣдная,
 Третья трубонька та зубровая.
 Ой якъ затрубивъ та въ роговую—
 Пошовъ голосокъ ай по-пидъ лясокъ,
 Ой якъ затрубивъ та въ мѣдную—
 Пошовъ голосокъ по верховинахъ,
 Ой якъ затрубивъ та въ зубровую—
 Пошли голоса по-пидъ небеса ⁴⁾.
- б) Зажурилася чорная гора,
 Що не зродила жито-пшеницю,
 А изродили зелене вино,
 Зелене вино, що Богу мило.

¹⁾ Ч. О. И. и Д. 1864, I, 157. — ²⁾ Подпоясана житною со-
 ломою. — ³⁾ За тою ожинкою затянуты. — ⁴⁾ Ibid., 61.

Стерегла-жь его красная панна,
 А стерегучи бароу уснула.
 Двь ми ся взяли райскіи пташки,
 Та исхопили зелене вино...

Въ этой пѣснѣ слышится отголосокъ древнѣйшаго мѣта о похищеніи небеснаго вина (= всеоживляющей дождевой влаги) молніеносными птицами: такъ Индра похищалъ сому, превращаясь въ сокола, а Одинъ, въ образѣ орла, овладѣлъ драгоценнымъ медомъ, который сторожила облачная дѣва Гуннлѣда (I, 372, 395—6¹). Свѣтлые боги, силою которыхъ возвращается лѣто и земля осѣменяется дождемъ, представляются въ колядкахъ воздѣлывающими нивы:

Ей въ полѣ, полѣ, въ чистейкомъ полѣ—
 Тамъ-же ми й оре золотый плужокъ,
 А за тимъ плужкомъ ходить самъ Господь;
 Ему погонять та святой Петро;
 Матенка Божа насвнечько (свиена) носитьъ,
 Насвнѣя носитьъ, пана Бога проситьъ:
 „Зароди, Бошойку, яру пшеничейку,
 Яру пшеничейку и ярейке житце!
 Буде тамъ стебевце саме тростове²),
 Будуть колосойки, якъ былиннойки,
 Будуть копойки, якъ звяздойки,
 Будуть стогойки, якъ горойки,
 Зберутси возойки, якъ черны хмаройки.

т. е. будетъ кошенъ также много, какъ звѣздъ, стоги стануть словно горы, а возы пріѣдутъ за хлѣбомъ тучами. По указанію другихъ вариантовъ, плугъ влекуть волю златорогіе³).

¹) Ibid., 93, 614; Терещ., VII, 80. Въ другихъ колядкахъ райскія птицы прилетаютъ на дерево-тучу, обламываютъ съ него вѣтви, золотую кору и рясу и сотрясаютъ жемчужную росу (Поэт. Вов., II, 293; Пѣсни Звнкевича, 19—20); „золота ряса (т. е. плоды; рясы й—изобильный, осыпанный плодами) дуже звенѣла, дуже звенѣла—дѣву збудила.“ — ²) Стебли, какъ трости. — ³) Или: „волю въ золотѣ горѣли“—Ч. О. И. и Д. 1864 I, 8, 16—17, 39; Шафоновскаго: Топограф. описаніе чернигов. намѣстничества, 29.

У лужичанъ известно слѣдующее преданіе: бѣдный крестьянинъ сѣялъ ячмень при дорогѣ; проходила мимо Пресв. Марія съ малюткою Христомъ и сказала: «помогай тебѣ Богъ, добрый человекъ! какъ только посѣешь, ступай за серпомъ и начинай жать». Только что скрылась она за горою, а жида уже гонять за Пречистою Дѣвою. «Не проходила-ль тутъ женщина съ малымъ ребенкомъ?» спрашиваютъ они у крестьянина. — Недавно прошла—въ ту пору, какъ я ячмень сѣялъ. «Охъ, ты глупой! вѣдь этому будетъ двѣнадцать недѣль» возразили жида, видя, что ячмень уже поспѣлъ и мужикъ жнетъ его ¹⁾. Малорусская колядка, передавая тоже преданіе, даетъ Пречистой Дѣвѣ вмѣсто младенца-Христа птицу-сокола, что указываетъ на древнее представленіе новорожденного (восходящаго) солнца птицею и на суевѣрное смѣшеніе богини Лады (Зори) съ Богородицею: пашеть убогій селянинъ,

З' једного коньця оре, з' другого сѣе,
 Лежать ми тамъ, лежить давно стежейка,
 А стежейковъ иде Матенька Божа,
 Несе ѣна, нессе на ручкахъ сокола:
 „Богъ помогай вбогій седлячку!“
 — Бодай здорова, Матенька Божи!
 „Будуть ту ити жида и жидовки,
 Не повѣдай-же ты, же я теперъ ишла;
 Повѣдай-же ты, же я тоди ишла,
 Коли ты-й оравъ, пшеничейку сѣявъ!“
 Ище Мати Божи пречъ гору не преишла,
 Стали ей, стали жидове вгоняти...
 „Ци не ишла тоди така бѣдоглава,
 Ци не несла ѣна на рукахъ сокола?“
 — Ишла ѣна, ишла, коли я ту оравъ,
 Коли я ту оравъ, пшеничейку сѣявъ;
 А теперъ ужъ я пшеничейку зажавъ.

Жида выслушали отвѣтъ и поворотили назадъ ²⁾. Между

¹⁾ Volkslieder der Wenden, I, 275—6. — ²⁾ Ч. О. И. и. Д. 1864, I, 9—10; Объ истор. зн. народ. рус. поэз., 18—19; Семеньск., 18—19; Духъ Христіанина 1861—2, XII, 274.

памятниками апокрифической литературы имѣется сказаніе о томъ, какъ св. Петръ и другіе апостолы увидѣли въ полѣ чело-
 ловѣка, оруща волю, и просиша хлѣба; онъ же иде въ градъ
 хлѣба ради; апостоли же безъ него взоравше ниву и настѣяв-
 ше, и приде съ хлѣбы и обрѣте пшеницу зрѣлу¹⁾. По сви-
 дѣтельству обрядовыхъ причитаній, произносимыхъ на Новый
 годъ при посыпаніи зерновымъ хлѣбомъ, Илья-пророкъ носитъ
 пугу житяную: гдѣ ея махнѣтъ — тамъ жито ростетъ
 (I, 283—4). И апостоль Петръ, и пророкъ Илья являются въ
 народныхъ повѣрьяхъ съ чертами древняго громовника, бога-
 нивводителя дождей, растителя злаковъ и творца урожая²⁾.

*и др. см. в
 рукоп. ми-
 ниска*

¹⁾ Лѣтоп. занятій Археогр. Ком. 1861, I, 38; Памят. отречен.
 рус. литер., I, стр. IV; II, 5—10; сравни Н. Р. Лог., 7. — ²⁾ Болга-
 ры и словенцы называютъ Рождественскіи Святки Крачунъ,
 харпато-руссы — Керечунъ (сочельникъ — Керечунъ вечеръ),
 румыны — Кгеѣи пи; сверхъ того, въ Болгаріи называется Крачу-
 номъ и всякій родившійся 25-го декабря. Названіе это въ стари-
 ну было извѣстно и на Руси; въ Новгородской лѣтописи подъ
 1143 годомъ сказано: „стояше вся осенина дѣждева отъ Госпожи-
 на дни до Корочюна“—П. С. Р. Л., III, 9; Изв. Ак. Н., II, 289;
 Ганушъ, 42—43; Каравел., 279; Терещ., VII, 20—21. Слово Кор-
 очунъ донныѣ остается необъясненнымъ. Карамзинъ производилъ
 его отъ коротать (укорачивать) на томъ основаніи, что въ
 декабрѣ бываютъ самые короткіе дни; но съ половиною декабря
 солнце поворачиваетъ на лѣто и дни начинаютъ удлиняться,
 чтó и было признано за самый характеристическій признакъ этого
 мѣсяца, названнаго коложегомъ и просинцемъ. Г. Эрбенъ (Рус.
 Бес. 1857, IV, 95, 124 — 5) сближаетъ названіе Корочунъ съ
 именами Къртъ и Кракъ (отъ крѣти); основываясь на глос-
 сахъ Вацерада, въ которыхъ сказано: „Mercurius—Radihost, wnuk
 Kirtow“, онъ признаетъ Кърта славянскимъ Сатурномъ; извѣстно,
 что празднованіе сатурналій начиналось съ 17-го декабря. По ука-
 занію г. Срезневскаго, у хорутанъ и хорватовъ слово къртъ упот-
 ребляется въ значеніи „огня“; у послѣднихъ существуютъ погово-
 рки: „ne wsi gremo w K'rtowo, marsikeri w ċ'rtowo“ (не всѣ пой-
 дѣтъ въ Кърту, иные къ чорту), „wsi gremo w K'rtowo“ (всѣ пой-
 дѣтъ въ Къртово царство=всѣ погремъ); K'rtowa deŕda (Кърто-

Все, что раститъ земля, есть даръ небесныхъ боговъ (Святовита, Дажьбога, Перуна, Волоса, Ляды), согрѣвающихъ ее солнечными лучами и поящихъ лѣса, поля и нивы живительною влагою дождя. На Руси говорятъ о хлѣбѣ: «даръ божій» (пол. *z boże* — жито), «святой хлѣбъ», «снопъ святаго жита»; хлѣбъ-соль принимается за эмблему плодородія, богатства и счастья, служить необходимою принадлежностью всяка-

ва область) — небо или рай — Ж. М. Н. П. 1846, VII, 50—51. Другое имя славянскаго Сатурна, сообщаемое въ глоссахъ Вацерада, — *Sitivrat* (Сити-вратъ). По мнѣнію Эрбена (Рус. Бес. 1857, IV, 88), оно обозначаетъ поворотъ свѣта (серб. *сит* = *сјет* = свѣтъ — Срп. рјечник, 682); Яковъ же Гриммъ (D. Myth., 227—8) высказала догадку, что начальная половина этого имени должна указывать на сито, которое во 1-хъ своею кругловидною формою приравнивается „колесу“, а во 2-хъ самымъ названіемъ своимъ возбуждаетъ мысль о посѣвахъ и земномъ плодородіи (обл. ситиво, сътево — лукошко для высѣва хлѣбныхъ зеренъ = сѣялка, серб. *ситар* — сѣятель). Такимъ образомъ Ситивратъ (= коло-вратъ) будетъ богъ, поворачивающій солнечное колесо на лѣто, и вмѣстѣ съ этимъ возвращающій землѣ силу плодородія; выше (I, 571—2) были приведены и объяснены народныя повѣрья, сближающія капли дождя съ хлѣбными сѣменами и утверждающія, что дождь падаетъ съ неба сквозь рѣшето или сито. Финны называютъ сѣялку *Уккопак* (коробка бога-громовника *Укко*). Въ Малороссіи при „посыпаніи“ на Новый годъ причитываютъ (Метлинск., 344):

Сито, сито
На нове літо!
Зароды, Боже, жыто-пшеницю,
Усяку пашныцю.

Нѣмцы, празднуя на Рождественскія Святки возвратъ свѣтлыхъ боговъ, представляютъ это событіе въ драматическомъ обрядѣ, при чемъ лице, играющее роль Одина, держитъ на высокоиъ шестѣ сито — *Die Gottegwelt*, 141—2. Память о Ситивратѣ уцѣлѣла въ названіяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей: Ситомиръ, Ситивратевштейнъ = Ситивратовъ камень, и др. — Макушева: Сказан. о бытѣ и нрав. славянъ, 82. — Идея борьбы между лѣтомъ и зимою, жизнью и смертію составляетъ главнѣйшую основу всѣхъ мифологій. По указанію Зендавесты, Ормуздъ (свѣтъ) постоянно борется

го семейнаго и общественнаго торжества ¹⁾), предохраняетъ отъ колдовства и нечистой силы ²⁾); первая пѣснь, при святочныхъ гаданіяхъ, возглашается хлѣбу: «мы хлѣбу пѣснь поемъ,

съ Ариманомъ (тьмою), каждый торжествуя въ свою очередь. Египтяне ежегодно весною праздновали возвращеніе къ жизни Озириса (бога свѣта и плодородія), уиитаго Тифономъ: явившись на землю въ образѣ чловѣка, онъ оказывалъ людямъ благодѣнія и предъ возвратомъ на небо былъ умерщвленъ, но въ определенное время возсталъ для новой жизни. По греческому сказанію, Діонисъ, въ которомъ олицетворялась плодотворящая сила весны и лѣта, страствуя по землѣ, поучалъ людей добру и побѣждалъ зло; былъ убитъ злыми титанами, но потомъ воскресъ и принялъ участіе въ управленіи вселенной; дѣтородныя части этого бога, найденныя послѣ его смерти, послужили залогомъ нескончаемой жизни въ природѣ. Весенній праздникъ Адонису выражалъ ту же мысль; онъ продолжался два дни: въ первый день носили изображеніе (куклу) умершаго Адониса, пѣли печальныя пѣсни и совершали погребальную жертву; въ Александріи изображеніе это выносили на огромномъ катафалкѣ и топили въ водѣ. На другой день совершался обрядъ обрѣтенія или возстанія Адониса, сопровождавшійся шумными и веселыми оргіями (I, 783). Сходно съ этимъ, на Украинѣ въ началѣ весны празднуютъ воскресеніе Коструба (Рус. Бес. 1856. III, 106—7). Поселянки водятъ хороводъ и заунывнымъ голосомъ поютъ: „померъ-померъ нашъ Кострубонько!“ Въ срединѣ круга лежитъ на землѣ дѣвица, представляющая мертваго Коструба; немного погодя, она вскакиваетъ, и въ ту же минуту хороводъ измѣняетъ печальный тонъ на веселый и запѣваетъ:

Оживъ, оживъ нашъ Кострубонько!

Оживъ, оживъ нашъ голубонько!

¹⁾ Какковы: новоселье, крестины, свадьба, встрѣча почетныхъ гостей; въ мосальскомъ уѣздѣ приносимыя на домъ иконы встрѣчаются всегда съ хлѣбомъ и солью. — ²⁾ D. Myth., 1056; Эги. Сб., II, 57. Противъ уроковъ я сглаза преимущественно употребляютъ соль четверговую (т. е. пережженную въ чистый четвергъ) — Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 102; Посл. Даля, 429; D. Myth., 1030; Черты литов. нар., 95. Разсыпать соль — дурной знакъ; подавая за столомъ солонку, необходимо положить въ нее кусочикъ хлѣба, т. е. надо подавать не просто соль, а хлѣбъ-соль — Пузан., 8, 164; D. Myth., 1090.

хлѣбу честь воздаемъ!»¹⁾ Принимаясь за новую ковригу хлѣба, крестьяне произносятъ: «Господи благослови!» «Сказать на хлѣбъ худое слово» они считаютъ за величайшее беззаконіе; не слѣдуетъ ни сорить хлѣбомъ, ни катать изъ него шариковъ — не то Богъ накажетъ неурожаемъ и голодомъ. Кто, вкушая хлѣбъ, роняетъ крошки на землю, за тѣмъ подбираютъ нечистые духи, и если собранныя ими крошки будутъ вѣсить больше самого человѣка, то душа его, по смерти, достается дьяволу. Напротивъ, кто не брезгаетъ хлѣбомъ, ѣсть его чорствый и цвѣлый (съ плесенью), тотъ не будетъ бояться грома, не потонетъ въ водѣ, доживетъ до преклонной старости и не извѣдаетъ нищеты. Крестьяне тщательно собираютъ хлѣбныя крошки и кормятъ ими домашнюю птицу, а чорствыя корки бросаютъ въ затопленную печь²⁾. Всѣ земледѣльческія работы (посѣвъ, жатва, молотьба и проч.) уже въ глубочайшей древности получили священное значеніе; онѣ обставлялись различными религіозными церемоніями, жертвоприношеніями и призываніемъ боговъ³⁾.

Съ приходомъ весны приступаютъ къ удобренію и вспахиванію полей и заѣву яровыхъ хлѣбовъ. Передъ началомъ этихъ работъ, а равно и послѣ — передъ покосомъ и жнитвою, совершается крестный ходъ на поля, при чемъ церковныя хоругви и образа бываютъ увиты свѣжею зеленью и цвѣтами; священникъ благословляетъ нивы и кропитъ ихъ святою водою. На Срѣтенье каждый хозяинъ освящаетъ для себя восковую свѣчу; эту свѣчу онъ заботливо хранитъ въ амбарѣ, а при посѣвѣ и зажинкахъ выноситъ ее на собственное поле, какъ эмблему того небснаго огня, который возжигается богинею Ладюю и дѣйствіемъ котораго земля получаетъ силу плодородія. На

¹⁾ Сахаровъ, I, 11. — ²⁾ Херсон. Г. В. 1852, 17; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 40; Громанъ, 102—4; Beiträge zur D. Myth., I, 218. —

³⁾ Куланжъ, 209

Благовѣщеніе и въ чистый четвергъ поселяне освящаютъ просвиры и потомъ привязываютъ ихъ къ сѣялкамъ; въ нѣкоторыхъ же деревняхъ просвиры эти высушиваются, стираются въ порошокъ и смѣшиваются съ хлѣбными зёрнами, предназначенными для поствѣ ¹⁾; въ черниговской губ. принято освящать въ церквахъ самыя сѣмена ²⁾. Засѣвальщики, выходя въ поле, молятся на три стороны: восточную, южную и западную, въ каждую бросаютъ по горсти зѣренъ съ низкими поклонами, и затѣмъ уже принимаются за поствѣ ³⁾.

Во владимірской губ. уцѣлѣлъ любопытный обрядъ водить колосокъ. Около Троицына дня, когда озимая рожь начинаетъ колоситься, бываетъ обрядовое шествіе на засѣянные ею поля. Молодыя женщины, дѣвушки и юноши, собираясь на окраинѣ селенія, схватываются попарно руками ⁴⁾ и устанавляются въ два ряда, обращенные другъ къ другу лицами; по ихъ соединеннымъ рукамъ, словно по мосту, идетъ маленькая дѣвочка, убранная разноцвѣтными лентами. Каждая пара, которую она прошла, спѣшитъ забѣжать впередъ и стать въ концѣ ряда; такимъ образомъ процессія подвигается до самой нивы. Здѣсь дѣвочку спускаютъ наземь; она срываетъ нѣсколько колосьевъ, бѣжитъ съ ними въ село и бросаетъ ихъ возлѣ церкви. Во время шествія поютъ слѣдующую пѣсню:

Пошелъ колосъ на ниву,
На бѣлую пшеницу.
Уродися на лѣто
Рожь съ овсомъ,
Со дикушей ⁵⁾, со пшеницею.

¹⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 101, 103; Терещ., V, 35. — ²⁾ Черниг. Г. В. 1855, 20. — ³⁾ Сахаров., II, 28. — ⁴⁾ Это дѣлается такъ, чтобы четыре руки составили квадратъ; каждый сначала беретъ правой рукою свою собственную дѣву, а этой послѣднею схватываетъ около локтя руку того, кто съ нимъ въ парѣ. — ⁵⁾ Гречихою.

Или: Ходятъ колосья по яри,
 По бѣлой пшеницѣ;
 Гдѣ царица шла —
 Тамъ рожь густа:
 Изъ колосу осьмина,
 Изъ зерна коврига,
 Изъ полужерна пирога.
 Родися, родися
 Рожь съ овсомъ;
 Живите богато
 Смиѣ съ отцомъ! ¹⁾

Когда рожь, ячмень и пшеница поспѣютъ, хозяйка съ хлѣбомъ-солью и громнитною ²⁾ свѣчей въ рукахъ отправляется зажинать ниву. Первый нажатый ею снопокъ называется иняинникомъ; хозяйка приноситъ его въ избу и ставитъ въ переднемъ углу у божицы. Впослѣдствіи снопокъ этотъ обмолачиваютъ отдѣльно; собранныя отъ него зерна носятъ для освященія въ церковь и частію мѣшаютъ съ сѣменами, оставаемыми для засѣва полей, частію-же берегутъ какъ цѣлебное снадобье—на случай различныхъ недуговъ. Соломою отъ этого снопа кормятъ больную скотину. Въ старину — для того, чтобы умолотъ былъ изобильнѣе и лучше, первый (зажиночный) снопокъ относили въ овинъ или на гумно и оставляли тамъ до молотбы. По обычаю, принятому въ нѣкоторыхъ малорусскихъ уѣздахъ, зажинъ дѣлается священникомъ. По окончаніи жатвы, жницы обходятъ ниву, собираютъ случайно-несрѣзанные серпомъ колосья и выютъ изъ нихъ золотистый вѣнокъ ³⁾, переплетая его васильками и другими полевыми цвѣтами; вѣнокъ этотъ надѣваютъ на самую красивую дѣвушку, и затѣмъ отправляются на хозяйскій или господскій дворъ съ пѣснями.

¹⁾ Москв. 1853, XV, 147-8; Владим. Г. В. 1853, 29. Болгары обвиняютъ первыми колосьями мальчика, поднимаютъ его на руки и поютъ пѣсни (сообщено Каравеловымъ). — ²⁾ Срѣтенскою. —

³⁾ Иногда-же два вѣнка: одинъ изъ ржи, другой изъ пшеницы.

Впередѣ идетъ мальчикъ и несетъ украшенный цвѣтами снопъ.
Подходя къ воротамъ, поютъ:

Одомкни, пане, новы ворота,
Несемъ вяночекъ з' ширяго злота;
Ой выйдзи, пане, хоць на ганечекъ ¹⁾,
Ой выкупъ-выкупъ злоты вяночекъ,
Бо то вяночекъ з' злота увитый.

Хозяинъ или помѣщикъ выходитъ на крыльцо, встрѣчаетъ жницъ съ хлѣбомъ-солью и угощаетъ ихъ обѣдомъ и горѣлкой. Вѣнокъ, свитый изъ послѣднихъ колосьевъ, и снопъ, принесенный мальчикомъ, передаются хозяину со словами: «дай Боже, щобъ в на той годъ уродывся хлѣб!» и до 6-го августа должны оставаться въ переднемъ углу подъ образами; въ этотъ-же праздничный день носить ихъ въ церковь и освящаютъ, вмѣстѣ съ разными первинками, а именно: вмѣстѣ съ хлѣбомъ, приготовленнымъ изъ новаго жита, сотами, только что вырѣзанными изъ улья, новыми яблоками и грушами. Зѣрна отъ этихъ освященныхъ колосьевъ сохраняются для будущаго посѣва. Чтобы узнать, какой посѣвъ будетъ урожайнѣе: ранній, средній или поздній, отрываютъ отъ вѣнка три колоса и закапываютъ ихъ въ землю; одинъ колосъ знаменуетъ ранній посѣвъ, другой — средній, третій — поздній, и смотря по тому, какой изъ трехъ колосьевъ скорѣе и лучше пуститъ ростки, заключаютъ о срокѣ наиболѣе-выгодномъ для осѣмененія полей ²⁾. У лужичанъ большой снопъ, перевитый цвѣтами, устанавливается на возу стоймя, поверхъ всѣхъ другихъ сноповъ, и доставляется въ деревню въ сопровожденіи жницъ, изъ которыхъ одна несетъ вѣнокъ изъ колосьевъ, а другіе

¹⁾ На крылечко. — ²⁾ Вѣст. Р. Г. О 1853, VI, 108—110; 1857, IV, 271; Мавкъ, VII, 73; Черниг. Г. В. 1856, 22; Молодикъ 1844, 95; Меглин., 328; Малорос. деревня, соч. Кулжинскаго, 47—50; Вѣст. Евр. 1827, XI, 191; Трещ., V, 105, 109, 128—9; Сахаров., II, 44, 47; Нар. сл. ряз., 154.

держатъ въ рукахъ полевые цвѣты. Въ пензенской и симбирской губерніяхъ послѣдній (дожиночный) снопь называютъ имянинникомъ и наряжаютъ его въ сарафанъ и кокошникъ; въ смоленской губ. придѣлываютъ къ нему руки и одѣваютъ его въ бѣлую накидку и кичку. Съ пѣнями и плясками несутъ эту куклу на господскій дворъ, гдѣ уже загодя готовится для жницъ обильное угощеніе. Во время пиршества имянинный снопь стоитъ на столѣ, а потомъ переносится въ передній уголъ. Существуетъ еще обычай: по святіи хлѣба, обвязывать серпы житною соломой и полагать ихъ подъ иконами ¹⁾). Праздникъ окончанія жатвы извѣстенъ подъ названіями обжинокъ, дожинокъ и талаки. Послѣднее названіе употребительно въ бѣлорусскихъ губерніяхъ. Какъ скоро у какого-нибудь зажиточнаго землевладѣльца назначается окончательная уборка хлѣба, къ нему тотчасъ-же со всѣхъ сторонъ собираются жницы, готовые на бесплатную работу ради талаки, т. е. собственно ради праздничнаго угощенія ²⁾). Подъ сумерки, когда дожинаютъ послѣдній загонъ, каждая жница откладываетъ по нѣскольку колосевъ, изъ которыхъ и связывается общій дожиночный снопь. Послѣ того дѣвицы-талачейки, для рѣшенія вопроса: кому изъ нихъ нести этотъ снопь, или (какъ онѣ сами выражаются) кому изъ нихъ быть Талакою, бросаютъ между собой жребій. Указанную жребіемъ Талаку онѣ убираютъ цвѣтами, въ руки ей даютъ дожиночный снопь, а на голову надѣваютъ ей длинное бѣлое покрывало и вѣнокъ, сплетенный изъ хлѣбныхъ колосевъ, пахучихъ травъ и цвѣтовъ; при этомъ поютъ слѣдующую обрядовую пѣсню:

¹⁾ Терещ., V, 110, 131—4; Рус. прост. праздн., IV, 83—84; Сахаров., II, 49—50; Volkslieder der Wenden, II, 221. — ²⁾ Въ великорусскихъ областяхъ толокъ — общинная уборка хлѣба или сѣна, помочъ; толокъ — токъ, гдѣ молотятъ хлѣбъ, и нива, оставленная подъ парь — Обл. Сл., 230.

Добры вечарь, Талака!
 Да вазьми-жъ адъ насъ, вазьми-но
 Гэты збожны ¹⁾ ты снапокъ;
 Да надзвнъ-же, надзвнъ-но
 Зъ красками ²⁾ прыгожъ вѣнокъ!
 Зъ гэтымъ дóбрымъ пойдземъ же мы
 Къ пану да къ гаспадару,
 Принесемъ же мы ямú
 Счасьщечко тваё въ хоромы.
 Ловъ той панъ-госпадарыкъ
 Справидь намъ дажныачи...

Затѣмъ жницы выстраиваются въ длинный рядъ—пара за парой, становать впереди себя Талаку и отправляются на хозяйскій дворъ съ пѣсней, въ которой приглашаютъ пана-господаря приготовиться къ надлежащей встрѣчѣ. Заслышавъ ихъ голоса, хозяинъ и хозяйка выходятъ къ воротамъ, кланяются Талакѣ въ поясъ и подносятъ ей хлѣбъ-соль, а отъ нея принимаютъ дожиночный снопокъ; Талаку, какъ самую почетную гостью, они усаживаютъ на покутѣ, подъ образами; всѣ же прочія жницы размѣщаются частію въ избѣ и сѣняхъ, частію на дворѣ. По окончаніи пиршества, за которымъ бываетъ всего вдоволь — и меду, и пива, и саламахи ³⁾, слѣдуютъ веселыя пляски и пѣсни. Праздникъ заключается тѣмъ, что Талака снимаетъ съ себя вѣнокъ и отдаетъ его хозяину, при чемъ хоръ обращается къ ней съ такою просьбою:

А Талака-жъ ты, Талака,
 Да щырая-жъ ты, Талака!
 Да нагадуй-же дгъ узндвъ
 Гаспадару таму снапковъ,
 Да нарадзи-жъ ты ямú
 Жытца-жытца сто карабовъ...

Въ гродненской губ. вѣнокъ этотъ надѣвають на кіоту; что же касается «дожиночнаго» снопа, то его кропятъ св. водою

¹⁾ Житный. — ²⁾ Цвѣтами. — ³⁾ Напитокъ, приготовляемый изъ водки, меду, сливъ и вишенъ.

и ставятъ на покутьѣ, рядомъ съ другимъ — прежде-принесеннымъ ими «заживочнымъ» снопомъ, гдѣ и остаются они нѣсколько продолженіе цѣлаго года ¹⁾). Болгары дѣлаютъ изъ послѣдняго снопа куклу, называемую жтварка-цѣрка (житная царица) или жтварска мома, одѣваютъ ее въ женскую сорочку и носятъ вокругъ села, а потомъ или бросаютъ въ рѣку (дабы призвать на постьвы обильные дожди и росы), или сжигаютъ на огнѣ и пепелъ разбрасываютъ по нивамъ. Въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ куклу эту берегаютъ до будущей жатвы, и когда случается засуха — носятъ ее въ крестномъ ходѣ, съ мольбами о дождѣ и съ возглашеніемъ обрядовой пѣсни:

Катъ жтварка бѣгаше,
Тихъ вѣтрець вѣше;
Кога мома плачеше,
Ситна роса росеше;
Мома-те са засмѣя,
Ясно слънце огрѣя, и проч.

Того, кто приноситъ житный вѣнокъ съ поля, въ венгерской Сербіи окачиваютъ водою; у насъ же въ бѣлорусскихъ деревняхъ ведро воды выливается на самый вѣнокъ. Но цѣль обряда и тамъ, и здѣсь одна: это именно — желаніе, чтобы въ будущемъ году не было недостатка въ дождяхъ ²⁾). Покончивъ жнитво и приступая къ запахтѣ полей подъ озимые постьвы, великорусскіе крестьяне завариваютъ пиво или брагу и назначаютъ ближайшій праздничный день для служенія общественнаго молебна. Когда наступитъ этотъ день, каждый домохозяинъ приноситъ въ церковь освящать баранье плечо или пѣтуха, и потомъ приготовленными яствами, пивомъ и брагою угощаютъ своихъ сродниковъ и знакомыхъ. Въ нѣкото-

¹⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 111—120; Описаніе гродненск. губ., I, 840. — ²⁾ Сообщ. Каравеловымъ; Миладин., 524; Археолог. Вѣст. 1867, II, 57.

рых деревнях пиршество отправляется всѣми крестьянами вмѣстѣ: къ назначенному дню они варятъ брагу, пекутъ пироги и заколаютъ барана на мірской счетъ, т. е. въ складчину ¹⁾. Въ старину, по окончаніи жатвы, заколали въ житницѣ козла; кровь его собирали въ чашу и окропляли ею присутствующихъ, а мясо варили и съѣдали за общую ²⁾.

Съ сентября-мѣсяца принимаются молотить ³⁾ многихъ великорусскихъ деревняхъ въ тотъ день, съ котораго начинается эта работа (замолотки), овинъ слыветъ украинянь и мянинникомъ. Вечеромъ, наканунѣ этого дня, хозяинъ протапливаетъ овинъ, а на утро созываетъ туда молотильщиковъ и угощаетъ ихъ кашею; послѣ завтрака, приступая къ работѣ, затыкаютъ во все углы гумна или риги по нѣскольку колосьевъ — для того, чтобы умолотъ былъ хорошій, изобильный. Молотить обыкновенно начинаютъ съ такъ называемаго «мяниннаго» снопа. Въ нѣкоторыхъ-же деревняхъ мянины овина справляются въ день окончанія молотбы и приготовляемая тогда каша называется домолотною ⁴⁾. Овинъ, какъ мѣсто, гдѣ просушивается зерновой хлѣбъ, издревле пользовался тѣмъ-же самымъ религиознымъ почетомъ, что и домашній очагъ (см. II, 70). Церковный уставъ св. Владимира, въ числѣ другихъ остатковъ языческаго суевѣрія, подлежащихъ духовному суду, указываетъ и на моленье подъ овинномъ ⁵⁾. Въ словѣ христолюбца встречаемъ подобное-же указаніе: «еже молятся огневѣ подъ овинномъ» ⁶⁾. Въ орловской губ. и донинѣ рѣжутъ куръ подъ овинномъ 4-го сентября, слѣдовательно при началѣ молотбы;

¹⁾ Рус. прост. праздн., IV, 82—83; Сахаров., II, 48—49, 54. —

²⁾ De diis samagitarum, 19—20. — ³⁾ Сахаров., II, 59; Рус. прост. праздн., IV, 83; Терещ., V, 140—1; Нар. сл. раз., 154. —

⁴⁾ Доп. къ Ак. Ист., I, 1: «или кто молятся подъ овинномъ». —

⁵⁾ Лвт. рус. лит. и древн., т. IV, 90, 94; Оп. Румян. муз., 229.

въ другихъ-же мѣстностяхъ уцѣлѣлъ обычай рѣзать въ овинѣ пѣтуха 1-го ноября ¹⁾. Въ ярославской губ. крестьяне, чувствуя боль въ поясицѣ, ходятъ въ подлазъ овина, и потираясь спиной объ его стѣну, произносятъ слѣдующія слова: «батюшка овинъ! проси мой уц(т)винъ» ²⁾. Отсюда объясняется и старинная поговорка: «церкви — не овини, въ нихъ образа всё едины» ³⁾, т. е. все равно въ какой ни молиться церкви — въ своей приходской, или въ чужой; напротивъ, языческой культъ ограничивался исключительнымъ чтваніемъ своего очага, своего овина.

Земные урожаи зависятъ отъ дѣятельности стихійныхъ духовъ. Носясь по воздушнымъ пространствамъ въ буйномъ полетѣ грозовыхъ тучъ и вѣтровъ, духи эти нисходятъ на землю оплодотворяющимъ сѣменемъ дождя, преобразуются въ ея материнскихъ вѣдрахъ въ безчисленные зародыши и затѣмъ нарождаются разнообразными и роскошными злаками. Вообще все растительное царство представлялось древнему человѣку воплощеніемъ стихійныхъ духовъ, которые, соединяя свое бытіе съ деревьями, кустарниками и травами (=облекаясь въ ихъ зеленія одежды), чрезъ то самое получали характеръ лѣсныхъ, полевыхъ или житныхъ геніевъ. По нѣмецкимъ, славянскимъ и литовскимъ преданіямъ, житные духи ⁴⁾ въ лѣтнюю половину года обитаютъ на нивахъ. Когда хлѣбъ посеѣтъ и поселяне начинаютъ жать или косить его, полевикъ бѣжитъ отъ взмаховъ серпа и косы и прячется въ тѣхъ колосьяхъ, которые еще остаются на корню; вмѣстѣ съ послѣд-

¹⁾ Литовцы, заканчивая молотбу, убивали чернаго или бѣлаго пѣтуха, съ мольбою, обращенною къ богу, который обитаетъ въ овинѣ и сушитъ зерновой хлѣбъ — *De diis samagitarum*, 39—40. У нѣмцевъ житвенное пиршество называется *hahn mahlzeit*. — ²⁾ Эгн. Сб., I, 164. — ³⁾ Архивъ ист.-юрид. сѣзд., II, 2-ая полов., 217. — ⁴⁾ Славяне даютъ имъ названія: полевой дѣдъ, полевикъ, гречуха, жыцень.

не-срѣзанными колосьями онъ попадаетъ въ руки жнеца и въ послѣднемъ — дожиночномъ снопу приносится на гумно или въ домъ земледѣльца. Вотъ почему дожиночный снопокъ наряжаютъ куклою и ставятъ его на почетномъ мѣстѣ, подѣ образами. Въ Германіи египтирре помѣщается иногда въ переднемъ углу, иногда у домовой двери или на верхушкѣ кровли, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ остается тамъ въ продолженіи цѣлаго года—до тѣхъ поръ, пока новая кукла не смѣнитъ прошлогодней. Вѣрятъ, что пребываніе ея въ домѣ приноситъ хозяину, его семьѣ и житницамъ божье благословеніе. Большую же частію кукла эта сберегается только до времени посѣва: тогда ее обмолачиваютъ и добытыми изъ нея зернами осѣменяютъ поля—съ тою цѣлю, чтобы житный духъ, заключенный въ послѣднемъ снопѣ, могъ возродиться и заявить свою благотворную силу въ новыхъ всходахъ. Дожиночный снопокъ одѣваютъ въ мужскіе или женскіе наряды; въ первомъ случаѣ его называютъ: нѣмцы—*roggenmann* ¹⁾, *erntemann*, *grossvater*, славяне — дѣдъ, *dziad*, *dědek*; во второмъ случаѣ нѣмцы называютъ его *kornmutter*, *erntemutter*, *roggenalte*, *grossmutter*, а славяне — баба, *żytna baba*, *żytna* (*pszeniczna*, *grochowa*) *matka*. По литовскому повѣрью, послѣдній ударъ, наносимый серпомъ во время жатвы, или цѣпомъ во время молотбы, падаетъ на житную бабу, и тотъ, кто его наноситъ, называется ея убійцею. Въ Германіи жнецы къ тому изъ своихъ товарищей, кто срѣзываетъ послѣдніе колосья или связываетъ послѣдній снопокъ, обращаются съ слѣдующимъ восклицаніемъ: «*du hast den Alten und musst ihn behalten!*» Растя хлѣбные злаки и творя урожай, житные духи приготавливаютъ запасы для своего собственнаго пропитанія, подобно тому, какъ пчелы запасаютъ для себя пищу въ медовыхъ сотахъ. Человѣкъ питается плодами ихъ твор-

¹⁾ Или *weizen(gersten, hafer)-mann*.

ческой дѣятельности, но не долженъ забирать всего; часть хлѣба онъ обязанъ оставлять для житныхъ духовъ, дабы они могли прозимовать безъ нужды и заботы. Слѣдующа стародавнему обычаю, крестьяне оставляютъ на поляхъ нѣсколько несрѣзанныхъ колосьевъ, въ саду нѣсколько несорванныхъ яблокъ, а на току нѣсколько пригоршей обмолоченнаго зерна, и за все это ожидаютъ на будущій годъ богатаго урожая. Кто не исполняетъ этой обязанности, у того житные духи похищаютъ хлѣбъ изъ закромовъ ¹⁾. Западныя славяне рассказываютъ, что дѣдко всю зиму сидитъ заключенный въ житницѣ и поѣдаетъ сдѣланные запасы (II, 487 ²⁾). Какъ существа стихійныя, являющіяся въ бурныхъ грозахъ и дождевыхъ ливняхъ, житные духи смѣшиваются съ духами дикой охоты и нестоваго воинства. Въмѣстѣ съ этимъ житный дѣдъ сближается съ Однимъ, а житная баба, kornmutter, съ frau Gode, Гольдою или Бертою. И Одинъ, и frau Gode чествуются, какъ податели земнаго плодородія; и тому, и другой поселяне оставляютъ на лугахъ и нивахъ часть нескошеннои травы и несжатаго хлѣба; frau Gode сидитъ въ колосистомъ житѣ и послѣдній

¹⁾ Въ Германіи насѣкомое, пожирающее зерновой хлѣбъ въ амбарахъ, называется kornwolf; о связи житныхъ духовъ съ мифическими волками и другими животными сказано было выше (Поэт. Вoz., I, 769). Не менѣе любопытны повѣрья, одичетворяющія житнаго духа въ образъ пѣтуха (getreidehahn). Нѣмцы приготовляютъ изображеніе пѣтуха изъ зрѣлыхъ колосьевъ и ставятъ его на шесть, посреди сжатаго поля. Въ Галиціи и Польшѣ поверьѣ вѣнка, сплетеннаго изъ цвѣтовъ и колосьевъ и надѣтаго на голову избранной жницы, привязываютъ живаго пѣтуха, и если пѣтухъ начинаетъ клевать колосья—это принимается за предвѣстіе урожая на слѣдующій годъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи привязываютъ живаго пѣтуха къ послѣднему снопу, или зарываютъ его на нивѣ въ землю, оставляя свободною одну голову; затѣмъ жнецъ беретъ за серпъ и срываетъ ему голову. — ²⁾ Въ Галиціи житнаго дѣда представляютъ старикомъ съ тремя длинноробородными головами и тремя огненными языками.

снопь называется *Egntewod*; чтобы Гольда (*frau Holle*) не поѣдала хлѣба изъ житницъ, для нея оставляють на нивѣ три несрѣзанныхъ колоса. Согласно съ двойственнымъ представленіемъ Гольды то свѣтлою, благотѣльной богинею, то злою, демоническою вѣдьмою, житная баба не всегда даруетъ урожай; раздраженная на земледѣльца, она цалитъ его нивы и пожираетъ его хлѣбъ ¹⁾; славяне отождествляютъ ее съ бабой-ягою, а нѣмцы съ желѣзною Бертою (см. выше стр. 591-3). Описанные нами обряды «водить колосъ», водить «Талаку» и носить наряженный въ женскія платья снопь знаменуютъ шестіе богини земнаго плодородія. Чтѣ уборка хлѣба обставлялась у славянъ различными религіозными церемоніями, на это имѣются положительныя свидѣтельства. По словамъ Ибнъ-Дасты ²⁾, славяне въ пору жатвы насыпали въ ковшъ просяныя зерна, подымали ихъ къ небу и молились: «Господи—ты который даешь намъ пищу! снабди теперь насъ ею въ полной мѣрѣ». Въ Арконѣ жатвенный праздникъ сопровождался мольбою и жертвоприношеніями Святовиту, гаданіями о будущемъ урожаѣ и общественнымъ пиршествомъ (I, 377-8; III, 745-6). Иногда кукла, приготовляемая изъ послѣдняго снопа, представляется ребенкомъ (*egntekind, kornkind*). Въ зрѣломъ колосистомъ хлѣбѣ древній человекъ видѣлъ прекрасное дитя, порожденное плодovitою Землею, (сравни II, 489-490)—дитя, которое въ жатвенную пору отдѣляется отъ ея материнскаго лона. Это воззрѣніе очевидно изъ польскаго обыкновенія кричать тому, кто срѣзываетъ послѣдніе колосья: «ты отрѣзалъ пуповину!» По народной примѣтѣ, та жница, которая связывала послѣдній снопь, должна непременно родить въ продолженіи года ³⁾.

¹⁾ Т. е. производить засуху, пускаетъ градъ и посылаетъ истребительныхъ насѣкомыхъ. — ²⁾ Ж. М. Н. II. 1868, X, стат. Хвольсона, 671. — ³⁾ *Die korndämonen*, соч. Маннгардта, 7—32.

Послѣ представленныхъ нами изслѣдованій мы въ правѣ сказать, что духовная сторона человѣка, міръ его убѣжденій и вѣрованій, въ глубокой древности не были вполне-свободнымъ дѣломъ, а неизбежно подчинялись матеріальнымъ условіямъ, лежавшимъ столько-же въ природѣ окружающихъ его предметовъ и явленій, сколько и въ звукахъ роднаго языка. Слово человѣческое, по мнѣнію нашихъ предковъ, надѣлено было властительною, чародѣйною и творческою силою; и предки были правы, признавая за нимъ такое могущество, хотя и не понимали, въ чемъ именно проявляется эта сила. Слово, конечно, не можетъ заставить свѣтитъ солнце или падать дождь, какъ вѣрили язычники; но если не внѣшнюю природою, за то оно овладѣло внутреннимъ міромъ человѣка и тамъ заявило свое чарующее вліяніе, создавая небывалыя отношенія и образы, и заставляя младенческія племена на нихъ основывать свои нравственныя и религіозныя убѣжденія. Часто изъ одного метафорическаго выраженія, какъ изъ зерна, возникаетъ цѣлый рядъ примѣтъ, вѣрованій и обрядовъ, опутывающихъ жизнь человѣческую тяжелыми цѣпями, и много-много нужно было усилій, смѣлости, энергіи, чтобы разорвать эту невидимую сѣть предрасудковъ и взглянуть на божій міръ свѣтлыми очами!

ДОПОЛНЕНИЯ И ПОПРАВКИ.

ТОМЪ I.

Стр. 34: Кто упадетъ въ первый день новаго года, тому предстоитъ скорая смерть — *Neues Lausitz. Magazin* 1843, III—IV, 332.

Стр. 38: Свѣжіе слѣды, оставленные вормъ, совѣтуютъ собирать въ мѣшокъ и вѣшать въ дымовую трубу, чтобы онъ изсохъ какъ щепка — *Beiträge zur D. Myth.*, I, 240.

Стр. 66: «Zaklinjem te suncem i misecom» — Илчъ, 275 (народная пѣсня).

Стр. 73: Во Франціи крестьяне, завидя на небѣ молодой мѣсяцъ или вечернюю звѣзду (Венеру), преклоняютъ колѣна и творятъ молитву — *Beiträge zur D. Myth.*, I, 252-3.

Стр. 74-76: «Die Ehe ist also die glücklichste, wenn während der Trauung Sonne und Mond zu gleicher Zeit am Himmel stehn, also das himmlische Paar ebenfalls ihre Vereinigung findet. Nach dem Grishyasûtra wurde die indische Hochzeit mit einem Hymnus auf die Hochzeit der Sonne und des Mondes (Sûrya und Soma) eingeleitet» — *Громанъ*, 116.

Стр. 80: Луна (luna вмѣсто lucina, lucina, т. е. свѣтящаяся) отъ снкр. *ruk* — luceo; лат. luc-s, lumen (см.

luc-men), гр. λύχνος — leuchte, λευχός — бѣлый, слав. лучь — Курциусъ, 130.

Стр. 86-88: У различныхъ славянскихъ племень утренка означаетъ то утреннюю зорю, то звѣзду денницу (kgasorani). *hikula*

Стр. 93: Věľbožice—въ Чехахъ, Věľbožnicja — въ Галиціи (Часопись чешск. муз. 1863, I, 28). Въ «Сборникѣ памяти. нар. творчества въ сѣв.-запад. краѣ» (I, 115—7) напечатаны двѣ пѣсни, записанныя будто-бы въ минской губ., въ которыхъ упоминается про Чернаго бога; но пѣсни эти—не болѣе, какъ неудачная поддѣлка. Г. Котляревскій въ критической статьѣ своей, посвященной I-му т. Поэт. Воз., (стр. 23) доказываетъ, что бамбергскій истуканъ есть просто изображеніе льва, какія ставились въ средніе вѣка у церковныхъ дверей, и не имѣетъ никакого отношенія къ Чернобогу.

Стр. 96: Velepis въ древнихъ надписяхъ сопоставляется рядомъ съ именемъ Аполлона; ирл. beal, beul, bel—солнце—Галлы, соч. Георгіевск., 136-7.

На той-же страницѣ, 9 и 10-ую строки снизу слѣдуетъ читать: «Слова свѣтъ и святъ если не филологически, то по значенію тождественны; ибо по древнѣйшему убѣжденію святой...» и т. дал. По замѣчанію г. Котляревскаго (Разборъ I т. Поэт. Воз., 30), мысль о средствѣ означенныхъ словъ не можетъ быть принята, такъ какъ въ противномъ случаѣ слѣдовало бы допустить несогласуемый переходъ звуковъ: двогласнаго —a + i и носоваго л. «Нѣтъ сомнѣнія (говоритъ онъ), что слова эти различнаго образованія, отъ двухъ корней: svit и sva или svan ; оттого въ Ведахъ употребляется svanta , въ санскр.— sveta , zendъ имѣетъ spenta и spāeta , Литва— szventas и svētas , славяне—святъ и свѣтъ.»

Стр. 119: Οδρανός нельзя сблизать съ ὄρος; такому «сближенію противорѣчатъ разность корней: ὄρος—кор. gig

(древ. *gag*), отсюда сикр. *gigis*, зенд. *gaigi*, слав. гора; *обравос* отъ кор. *vag*—покрывать.—Разборъ г. Котлярев., 30.

Стр. 120: О названіи горы «*Apaŕielas*» см. въ Разб. Котляр., 44. Сербы думаютъ, что обрѣзанные ногти слѣдуетъ класть за пазуху, ибо на томъ свѣтѣ по ногтямъ будутъ судить: что дѣлалъ человекъ во время земной своей жизни (Гласник срп. друштва 1867, V, 193). Кашубы совѣтуютъ класть обрѣзанные ногти въ мѣшочекъ и носить на груди; а не то, по смерти, придется искать ихъ. Эти славянскія повѣрья напоминаютъ запретъ Эдды обрѣзывать ногти усопшему (Герман. Mythen, 630). Графъ А. С. Уваровъ сообщилъ намъ, что въ одной изъ разрытыхъ имъ могилъ (во владимірской губ.) онъ нашелъ горшокъ съ обрѣзанными ногтями.

Стр. 129: Въ народномъ заклѣтіи (Рыбник., IV, 246) читаемъ: «ты Небо—отецъ, ты Земля—мать!»

Стр. 133: Въ Угорской Руси уцѣлѣли поговорки: «прабогъ го знае!» «види до сто прабоговъ», «бѣсъ ти и сто прабовъ!»—Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, 692.

Стр. 135-6: Сикр. *пá*, наст. *пиб-ати*—пить и *пи-јати*—становиться плодороднымъ, жирѣть, *піван*, *півара*—жирный, тучный; сравни *лой* и *лить* — Труды Моск. Археол. Общ., I, в. 2й, 229.

Стр. 138: *Brisinga-ŕen*, санскр. *mañi-gem̐a*, *margarita*, *monile*, перс. *minu*, греч. *μάννος*, *μόννος*, лат. *monile*, рус. монисты—Герм. Mythen, 702.

Стр. 141: Русскіе и чехи смачиваютъ первымъ весеннимъ дождемъ свои головы—для того, чтобы волосы росли также быстро и роскошно, какъ майская трава—Громантъ, 52.

Стр. 142: «Земля—свята мати» (Ч. О. И. и Д. 1866, III, 706). Чехи о негодномъ человекѣ выражаются: «*peni hoden, že ho země posil!*» (Гануша: Дѣдъ и Баба, 7.) При первомъ

весеннемъ громѣ они трижды цѣлуютъ землю и думаютъ, что это спасаетъ отъ удара молніи (Громаннъ, 40).

Стр. 146: Авторъ статьи «De diis samagitarum» (14, 40) рассказываетъ, что послѣ сбора жатвы народъ совершалъ жертвоприношеніе и обращался къ землѣ съ такою молитвою: «*Haec tibi o Zemiennik deus, gratias agentes offerimus: quodd nos hoc anno incolumes conseruaris, et omnia nobis abundè dederis, idem ut et in posterum facias, te oramus*».

Стр. 147-9: По свидѣтельству Олеарія (Ч. О. И. и Д. 1868, II, 65), латыши для разрѣшенія поземельныхъ споровъ выходили на поле, клали на голову глыбу торфа и произносили слѣдующую клятву: «утверждаю, что земля, на которой я стою, есть земля, данная мнѣ Богомъ; если-же слова мои ложны, то да изсохнемъ, почеркнемъ и пропадемъ, подобно этому торфу, я самъ, моя семья и мой скотъ!»

Ромулъ и его товарищи, оставивъ Альбу, взяли съ собою по кѣмъ земли, и эту священную для нихъ землю положили въ основаніе Рима—Куланжъ, 178.

Стр. 151: Въ гродненской губ. по окончаніи жатвы поютъ (Сборн. пам. нар. творч. въ сѣв.-западн. краѣ, 158-9):

Выйди, пане, за ворота,
Выкупъ вѣнка з' золота!
Не з' золота вѣнокъ витый,
Да й з' густаго жита...

Стр. 153: Въ сербской пѣснѣ (сборникъ Петрановича, 493) встрѣчаемъ слѣдующіе стихи:

Што ће мени данакъ безъ сунашца, *)
Што ли ће ми лице безъ очију?

Въ восточной Сибири поселяне говорятъ о солнцѣ: Богъ глядитъ съ неба (Щаповъ, 68).

*) День безъ солнца.

Стр. 157: По чешскому повѣрью, кто указываетъ на звѣзды пальцемъ, тому упадетъ звѣзда на очи — и онъ ослѣпнетъ (Громаннъ, 32).

Стр. 163: Въ польской сказкѣ (Глинск., IV, 44—45) Солнце, воротившись вечеромъ домой, «gozciągnęło się na łożu kopalowém» и вскорѣ заснуло.

Стр. 170: Сравни рус. моргать и литов. *mirgu, mirgėti* — мерцать, сверкать (Дифенбахъ, II, 764; Зап. Р. Г. О. но отд. этногр., I, 545).

Стр. 175: Народная пѣсня, записанная въ гродненской губ., говоритъ о погибшей дѣвицѣ: «гдѣ ея очки упали, тамъ свѣчки горѣли» (Сбор. памяти. нар. творч. въ сѣв.-зап. краѣ, 244).

Стр. 176: Въ Младшей Эддѣ солнцу дается поэтическое названіе *eldr himins ok lopts* (*feuer des himmels und der luft*), и наоборотъ огонь называется *sól húsanna* (*die sonne der häuser*) — *Die Symbolik von Sonne und Tag*, 49.

Стр. 181: «*Už se s ním svečevíva*» говорятъ чехи объ умирающемъ — Котляр. О погребальн. обычаяхъ, 186. Сербы не совѣтуютъ засыпать въ то время, когда садится солнце (Гласник срп. друштва 1867, V, 150): повѣрье, возникшее изъ боязни, чтобы умирающее вечеромъ (=отходящее ко сну) солнце не увлекло вслѣдъ за собою въ загробное царство и того, кто при его закатѣ пожелаетъ отдаться безмятежному покою.

Стр. 184: По мнѣнію чеховъ. послѣ солнечнаго заката не слѣдуетъ продавать молока; кто нарушитъ это правило, у того коровы не будутъ доеться — Громаннъ, 138.

Стр. 192: Періодъ возрастанія луны чехи считаютъ самымъ благопріятнымъ временемъ для стрижки волосъ, подрѣзыванія кустовъ, посадки деревьевъ и сѣванія хлѣба — Громаннъ, 30; болгары увѣряютъ, что хлѣбъ, посѣянный въ пол-

иолуніе, бываетъ крупный, золотистый и полный, какъ луна (сообщ. Каравеловымъ). См. также Труды Моск. Археолог. Общ., в. II, ст. Потебни 157.

Стр. 200. Загадка: «мати—товсюха, дочка—золотуха» означаетъ: печь и огонь—Сбор. памяти. нар. творч. въ сѣв.-зап. краѣ, 295.

Стр. 205: Больныхъ желтухою (*gelbsucht*) чехи заставляютъ смотрѣть въ золотую чашу или носить на шеѣ золотое кольцо—Громанъ, 154. Къ подобнымъ средствамъ прибѣгали и древніе индусы. Золотая чаша—эмблема солнца (Поэт. Воз., I, 177; у нѣмцевъ употребительно выраженіе «goldne sonne»—*Die Symbolik von Sonne und Tag*, 30).

Стр. 213: «Свѣти, мѣсячку, свѣти ясно, якъ млынске коло»; «зѣйди, мѣсячку, такъ, якъ млынске коло» — воззванія карпато-русинскихъ пѣсень (Ч. О. И. и Д. 1866, III, 704). Въ чешской сказкѣ (Малый: *Narodní báchorky a pověsti*, 180) богатырь, смотря на солнце, говоритъ чорту: «*dívám se na to kolečko, zdali bych je mohl dolů srazit*».

Стр. 214: Польская сказка (Глинск., III, 7) упоминаетъ о перстнѣ-златодавцѣ. — Въ народномъ заговорѣ (Новг. Г. В. 1866, 4) читаемъ: «и всѣ частыя звѣздочки — бѣлинькіе камушки».

Стр. 216—7: Когда солнце, прорѣзывая своими лучами темныя гряды облаковъ, озаряетъ ихъ золотистымъ свѣтомъ, — скандинавскій ратникъ усматривалъ въ этихъ облакахъ воинственныхъ дѣвъ Одина (валькирій), несущихся по воздуху на дикихъ коняхъ и вооруженныхъ копьями и щитомъ — *Die Symbolik von Sonne und Tag*, 11.

Стр. 219: Старинный хронографъ сообщаетъ слѣдующее повѣрье: «одежда и вѣнецъ царскій на немъ (солнцѣ)... и егда зайдетъ солнце на западъ, тогда ангелы господни со-

влекають съ него одежду тою и вѣнецъ царскій на престолѣ господни»—Рыбник, IV, 185.

Стр. 222: Пряжити сближается съ снскр. *bṛadḍḍi*—*as-sare* (*Radic. linguae slov.*, 66); слово пряжа происходитъ отъ другаго корня.

Стр. 232 Заговоръ, напечатанный въ Ч. О. И. и Д. 1867 г. (IV, смѣсь, 166), замѣняетъ дѣву Зорю св. Анастасіей: на морѣ-на окіанѣ, на островѣ (на Буянѣ) сидитъ въ церкви св. дѣвица Анастасія, «держитъ она у себя разныя иглы и шелковою нитью зашиваетъ рану кровавую, а ранѣ болѣть и крови идти заповѣдуетъ».

Стр. 234: 28 го октября крестьянки мнутъ новый ленъ и приносятъ «первину» въ церковь — Ч. О. И. и Д. 1867, IV, смѣсь, 198.

Стр. 251: Къ Перкуну обращались съ такимъ воззваніемъ: «Perkune dēvaiti! ne muszki unt mana dirvōs, melsu, tavi palti messu»—Perkun Gottchen! schlage nicht auf mein Saatsfeld, (darum) werde ich bitten, ich werde dir eine Speckseite hinwerfen. По другому чтенію: «Perkune dewajite! ne muszki und mana: Tiewe meldzio tawi paltu messu»—Perkun Gottchen! schlage nicht auf das Meinige, o Vater, ich bringe dir mit Gebet das Fleisch einer Speckseite dar (*De diis samagitarum*, 32, 57; см. также Труды Моск. Археол. Общ., I, 47, матер. для словаря).

Стр. 253: Тувару соотвѣтствуетъ у галловъ *Tanagus*; кмир. и армор. *ta gan*—громъ, молнія, блудящій огонь (Галлы, соч. Георгіев., 111). *Mjölnir* означаетъ: «раздробитель» отъ корня *ma g*—*mal*—растирать, дробить, ломать; слав. молнія, молотъ и млѣть (увядать) относятся къ тому-же корню (М. Мюллеръ, см. Филол. Записки 1868, IV-V, 306).

Русскія няньки унимають капризныхъ дѣтей угрозою: Богъ камушкомъ убьетъ!»

Стр. 256: Петрей («Истор. о вел. княжествѣ московскомъ», пер. Шемякина, 48) записалъ народное преданіе, будто изъ камня, который держалъ въ своей рукѣ идолъ Перуна, вылетали во время грозы огненные искры. ✓

Стр. 257-8: У кельтовъ, передъ началомъ войны, вождь собственнымъ мечемъ заколалъ козу и обагралъ ее кровью обожженную въ огнѣ палку; воины носили эту палку изъ одного селенія въ другое и призывали народъ готовиться къ битвамъ (Оссіанъ, перев. Кострова, I, стр. XXX).

Стр. 265: Когда послышится громъ, литвины говорятъ: «werzajs bagrahs!» — старикъ ворчитъ! (Труды Моск. Археол. Общ., I, 48, матер. для словаря.)

Стр. 267: Кто носитъ при себѣ «громовую стрѣлку» или осколокъ дерева, въ которое ударила молнія, тотъ будетъ здоровъ и силенъ — Громаннъ, 39-40.

Стр. 291: Если на Юрьевъ день (23 апр.) падаетъ крупа (мелкій градъ), то это предвѣщаетъ хорошій урожай гречихи. — Чтобы разогнать собирающуюся грозу, старухи выбрасываютъ за окно пестъ съ этими словами: «иди, гроза, дальше! пестомъ убью» (пошехонск. уѣзда.) №

Стр. 297: Лужичане лѣчатъ больные глаза водою, собранною утромъ, при восходѣ солнца, изъ брызгъ, летящихъ отъ мельничнаго колеса — Neues Lausitz. Magazin 1843, III-IV, 327.

Стр. 308: Когда свиститъ дѣвица, то Богородица плачетъ, а чортъ смѣется (Громаннъ, 224; Beiträge zur D. Myth., I, 237), т. е. свистящія вихри вызываютъ грозу; слезы Богородицы (Фрей) — дождь, а дьявольскій хохотъ — громъ.

Стр. 320: По поводу названій Pogoda и Pochwist г. Котляревскій (Разб. I-го т. Поэт. Воз., 44-45) высказалъ слѣдующее мнѣніе: «Погода и Похвистъ въ первый разъ упоминаются Длугошемъ. Кажется, что первое имя произошло

изъ желанія объяснить Подагѹ Гельмольда; Длугошъ для этого только переставилъ слоги въ выраженіи своего источника. Имя Похвисть... какъ собственное не древнѣ польскаго хрониста».

Стр. 322: Г. Микуцкій названіе музыкальнаго инструмента домра (дѣмна) производитъ отъ снкр. *dham*, литов. думти (наст. дую), др.-слав. дуги (дѣму)—Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, 580.

Стр. 332: Польскія сказки (Глинск., II, 33; III, 35—37) рассказываютъ о гусяхъ-самогравяхъ, что они издають такіе чудные звуки, «*że w sałym dworze zdrowi w skoczny taniec poszli, chorzy wnet rozdrowieli, smutni śmiać się zaczęli*». Въ миниатюрахъ средневѣковыхъ рукописей царь Давидъ изображается играющимъ передъ гробомъ Спасителя, дабы звуками музыки пробудить его изъ мертвыхъ (Гануша: Дѣдъ и Баба, 19).

Стр. 338: Г. Котляревскій (Разб. I т. Поэт. Воз., 45) приписываетъ скоморохамъ (*scamari, scamaratores, σκαμάρεις*) иноземное происхожденіе.

Стр. 350-1: Чехи называютъ радугу *boží duha* и думаютъ, что она убиваетъ того, кто станетъ указывать на нее пальцемъ—Громаннъ, 40-41.

Стр. 352-3: По мнѣнію г. Микуцкаго, слово радуга первоначально произносилось рай-дуга, т. е. райская, небесная дуга; звукъ *й* поглощенъ—точно также, какъ въ словѣ поди вмѣсто пойдѣ (Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 597). Чешск. оў—ковъ происходитъ отъ корня *gu—sonum edere* (ржать), и не можетъ быть сближаемо съ словами: ага, агван, агеліс и пр.—Разб. I т. Поэт. Воз., 31; Дифенбахъ, I, 71.

Стр. 355: Кашубск. *ta ga—da ga*, дуга—Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этн., I, 595.

Стр. 356. Загадка: «крашеное коромысло черезъ рѣку

свисло» означаетъ радугу — Дѣтск. Пѣсни, собран. Безсонов., 221.

Стр. 363: Чехи не позволяютъ указывать на радугу пальцемъ, ибо на ней, какъ на тронѣ, возсѣдаетъ царица небесная Пресв. Марія (Гануша: Дѣдъ и Баба, 60).

Стр. 374-5: Авторъ статьи «Die Symbolik von Sonne und Tag, 68, предлагаетъ слѣдующее объясненіе мива обь Одиновомъ глазѣ, сокрытомъ въ источникѣ Мимира: небо имѣетъ одно солнце (свѣтло, называемое въ Младшей Эддѣ *euglða* — *augenglanz*), и потому Одинъ—одноглазый; другой глазъ его сокрытъ въ источникѣ Мимира, что указываетъ на отраженіе солнца въ водахъ земныхъ потоковъ.

Стр. 378: Обычай пить на здравіе и благополучіе г. Котляревскій объясняетъ изъ древнѣйшаго воззрѣнія на вино, какъ напитокъ, знаменующій амриту (О погреб. обыч., 216).

Стр. 385: Нѣмцы даютъ челѣ названія *Herrgottsvogel*, *Marienvogel* — *Beiträge zur D. Myth.*, II, 450—1; у чеховъ существуетъ повѣрье, что пчелы прилетали къ распятому Христу и пили выступившій на его челѣ потъ — Громаннъ, 84.

Стр. 394: Скифы, заключая договоръ, наливали въ большую глиняную чашу вино, смѣшивали его съ своею кровью, которая тутъ-же добывалась изъ нарочно-сдѣланныхъ на тѣлѣ порѣзовъ или уколовъ; затѣмъ погружали въ чашу мечъ и стрѣлы, и приготовленный такимъ образомъ напитокъ выпивали послѣ произнесенія клятвы—Геродотъ, IV, гл. 70. У армянъ, иверцовъ и другихъ древнихъ народовъ цари, при заключеніи мира и дружественныхъ союзовъ, перевязывали на своихъ рукахъ большіе пальцы, прокалывали ихъ и лизали другъ у друга выступавшую кровь—*ibid.*, I, гл. 74; Appales Тацита, XII, гл. 47. О кровавыхъ роспискахъ, вручаемыхъ чорту, см. Кіевлян. 1865, 57; Громаннъ, 27.

Слвр. *svas* (вмѣсто *kv as*)—*spirare, sibilare, stridere*, скан. *h vasa*—шипѣть, чеш. *кысати*—находиться въ броженіи, киснуть—Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 558. Въ старинныхъ славянскихъ рукописяхъ *квасъ* употребляется въ значеніи хмѣльнаго напитка, *квасникъ*—пьяница—Опис. слав. рукоп. моск. синод. библиот., отд. II, в. I, 164, в. II, 264.

Стр. 397: Чтобы вылѣчить больнаго желтухою, чехи совѣтуютъ плюнуть ему неожиданно въ лицо или очи—Громанъ, 154; см. также стр. 224. У народовъ античныхъ произнесеніе заговоровъ сопровождалось сплевываніемъ—Куланжъ, 282.

Стр. 426: По народному убѣжденію, если заговоръ произнесенъ правильно, не измѣняя ни одного выраженія—онъ непремѣнно сбудется (Иллюстр. 1845, 250). Греки и римляне дѣйствовали на боговъ строго-опредѣленными формулами; «такая-то молитва, изъ такихъ-то словъ, увѣнчалась тѣмъ именно успѣхомъ, о какомъ просили; конечно, это оттого, что богъ ее выслушалъ, что она оказалась сильною, сильнѣе самаго бога, такъ какъ онъ не смогъ ей воспротивиться. Вотъ «и сберегли въ памяти таинственныя и священныя выраженія этой молитвы. Сынъ повторялъ ихъ вслѣдъ за отцемъ. «Какъ скоро научились писать, они были записаны. У каждой семьи была книга, содержащая въ себѣ извѣстныя заклятія, которыя произносились предками и непремѣнно выполнялись богами. Это было оружіе, употребляемое человекомъ противъ неостоянства его боговъ. Только не надо было измѣнять въ заклятіяхъ ни одного слова, ни одного звука ни—главное—того ритма, какъ произносились они на распѣвъ; тогда молитва потеряла бы свою силу, и боги были-бы властны ея не выполнить... Напрасно живой языкъ измѣнялся вмѣстѣ съ нравами и вѣрованіями; слова и ритмъ священныхъ пѣсней оставались тѣже, и во время празднествъ попрежнему пѣли ихъ, ничего въ нихъ не понимая» —Куланжъ, 221-3.

Стр. 447: См. замѣчанія, высказанныя г. Котляревскимъ въ Разборѣ 1 т. Поэт. Воз., 41. «Wenn ein frauenzimmer einem manne von ihrem menstrualblut beizubringen weiss, so dass ers im essen oder trinken nimmt, dann hat sie seine liebe fur ewig sicher gewonnen» — Beiträge zur D. Myth., I, 210.

Стр. 471, строка 18-я сверху: Неточное выраженіе: «и островъ. и камень—метафоры тучи» слѣдуетъ замѣнить ссылкой на главу XVI.

Стр. 497: Въ славянскихъ сказкахъ упоминается о вѣро-нахъ, облетающихъ весь свѣтъ и приносящихъ вѣсти старцу, который записываетъ эти вѣсти въ книгу—Гануша: Дѣва 19.

Стр. 500: Когда идетъ свѣгъ, чехи говорятъ, что *vilá rapí* и ангельчики перестыдаютъ свои постели; а въ Моравіи думаютъ, что въ это время Богъ ударяетъ бичомъ и сшибаетъ съ голубей перья — Гануша: Дѣдъ и Баба, 21, 30.

Стр. 501-2: Если вынуть изъ трехъ вороновъ и трехъ кротовъ сердца, пережечь ихъ въ пепель, и потомъ смѣшать этотъ пепель съ порохомъ и дробью, то ни одинъ ружейный выстрѣлъ не пропадетъ даромъ—Громанъ, 208.

Стр. 504: Въ старинныхъ рукописяхъ словомъ ногъ (нон, пог) переводится «грифъ» — Опис. слав. рук. синодальн. библиот., отд. II, ъ. II, 147.

Стр. 510-511: Полетъ орла предвѣщаетъ побѣду (Воен. Библиот., 132 — Ксенофонта: Отступленіе десяти тысячъ, кн. VI). Когда дерутся галки и щебечутъ сороки, чехи ожидаютъ скорой войны; сову они называютъ *smr topoška*: садясь на окно или кровлю дома, птица эта предвѣщаетъ пожаръ и смерть — Громанъ, 65—67. Вороны своимъ полетомъ и крикомъ пророчатъ болѣзни и морь — Beiträge zur D. Myth., I, 250—3.

Стр. 512: Когда летитъ Гаруда, отъ удара ея крыльевъ возстаеъ буря—*Beiträge zur D. Myth.*, II, 362.

Стр. 517: Въ старинный хронографъ занесено слѣдующее повѣрье: «и егда пойдетъ солнце отъ востока къ западу, тогда огненные птицы, нарицаемыя финиксы и ксалавъ, летаютъ предъ солнцемъ и омокаютъ крылія свои въ водѣ окъянстей и кропятъ ими солнце, да не попалятъ лучами своими. Отъ огня солнечнаго тѣмъ птицамъ періе обгораеъ, и бываютъ голы... и пакы купл(а)ются въ окъванѣ и обновляеются»—*Рыби.*, IV, 185. По замѣчанію г. Миллера (*ibid.*, стр. XXXI), двѣ огненные птицы, прочищающія дорогу солнцу, напоминаютъ индійскихъ Асвиновъ; «о первоначальномъ значеніи «этихъ послѣднихъ, какъ свѣтоносныхъ солнечныхъ птицъ, «см. въ *Zeitschrift für vergl. Sprachforsch.* Куна, XIII, 114; «объ Асвинахъ, какъ миахъ зори утренней и вечерней, «см. у Петерсена въ его *Mythologie der Griechen*. Что касается того, что птицы въ нашемъ сказаніи омокаютъ крылія свои въ водѣ океанстей и кропятъ ими солнце, то въ «этомъ, повидному, сохранилось прекрасное мифическое указаніе на сопряженное съ зорею явленіе росы». Съ своей стороны мы думаемъ, что подробность эта стоитъ въ тѣсной связи съ мифомъ о купающемся солнцѣ — см. *Поэт. Воз.*, II, 123—130.

Стр. 522-5: Если пѣтухъ остановится посреди двора, и ударяя крыльями, издастъ троекратный возгласъ, то ожидаеъ пожара. Тоже предвѣстіе соединяютъ и съ крикомъ красноперой курицы. Въ Богеміи до сихъ поръ на церквахъ, часовняхъ, домахъ и придорожныхъ крестахъ ставятъ красныя или вызолоченыя жестяныя изображенія пѣтуховъ. Пѣтухъ и куры считаеются у чеховъ вѣщими птицами, предсказывающими хорошую погоду или невастье, изобиліе или неурожай. Курица, поющая пѣтухомъ, предзнаменуетъ разоре-

ніе, пожаръ и близкую кончину кого-либо изъ домашнихъ; чехи совѣтуютъ убивать ее, а словаки — бросать въ воду («čertovi poslat»). Бѣлый пѣтухъ приноситъ въ домъ счастье и охраняетъ его отъ злыхъ чаръ — Громаннъ, 75—76, 229.

Стр. 529: Нечистый духъ охотно принимаетъ образъ ворона. У индѣйцевъ воронъ и ворона признавались зловѣщими птицами; по мнѣнію чеховъ, онѣ появленіемъ своимъ и карканьемъ пророчатъ бѣдствія и распри. Коршунъ прилетаетъ къ чародѣямъ, какъ гонецъ, присланный чортомъ — Громаннъ, 65—66.

Стр. 532: По чешскому повѣрью, если яйцо, снесенное черною курицею въ четвергъ, носить девять дней подъ мышкою, то изъ него вылупится šotek, который станетъ заботиться о счастіи своего хозяина и будетъ исполнять всѣ его желанія — Громаннъ, 16, 18; Beiträge zur D. Myth., I, 250.

Стр. 534: Когда раздастся сильный, потрясающій ударъ грома, приречинскіе жители говорятъ въ ужасѣ: do fallen alle nüng! (упали всѣ девять кеглей!) Народная сказка заставляетъ героя Молнію (Blitz) играть въ кегли и бросать шаръ (kugel), который въ быстромъ полетѣ свѣтится яркимъ пламенемъ, и послѣ каждаго удара, подобно Торову молоту, самъ собою возвращается въ руки миенческаго игрока. Славяне знаютъ Перуновъ шаръ (Рагомс gula), поражающій нечестивыхъ и преданныхъ проклятію — Beiträge zur D. Myth., II, 120—1. По мнѣнію чеховъ, молнія есть круглый огненный камень, величиною съ пулю или съ волошскій орѣхъ. Во время лѣтней грозы ангелы, апостоль Петръ или самъ Господь бросаютъ эти камни и производятъ громовый грохотъ — Громаннъ, 37, 212.

Стр. 541. Slov. povesti, изд. Škultety a Dobšín., I, 5: сказочный богатырь сражается съ дракономъ, а голуби крыльями своими отмахиваютъ отъ него змѣнный пламень.

Стр. 543: Г. Микуцкій сближаетъ слово Guth, Gud, Got (богъ) съ санскр. guh (см. gudh) — tegere, osculere, и думаетъ, что первоначально оно означало небо (=кровь), точно также, какъ литов. дангус—небо отъ денгти—крыть и латыш. юмалс отъ юмт (съ тѣми-же значеніями) — Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 591. Говоря о частыхъ и продолжительныхъ дождяхъ, бѣлоруссы употребляютъ выраженіе: «небо продралося»—*ibid.*, 361.

Стр. 552: «Облацы плаваютъ»—Опис. слав. рук. синод. библ., отд. II, в. II, 242.

Стр. 557-8: «Въ Народ. южнорус. сказкахъ» (изд. Рудченко, I, 123) упоминается кабанъ, «що носомъ оре, ушима сије, а хвостомъ волочить.» *Beiträge zur D. Myth.*, II, 409: «Im symposion sagt Plutarch von dem schwein, dass es rostro terram findens vestigium arationis impresserit ac vomeris opus subministraverit; und Grimm sagt auch: einen grund der heilighaltung des ebers findet man darin, dass er die erde aufwühlt und die menschen von ihm das pflügen gelernt haben.»—Въ Гаривантѣ боги спускаютъ съ неба плугъ, булаву и лукъ—*Вѣст. Евр.* 1868, II, 654.

Стр. 565-9: Въ Чехахъ уцѣлѣлъ обычай, по которому, при началѣ весеннихъ поѣздовъ, крестьяне отправляются ночью на поле, вмѣстѣ съ голою дѣвицею и чернымъ котомъ, и тащатъ за собою плугъ; тамъ готовятъ они глубокую яму, бросаютъ въ нее черного кота и зарываютъ его въ землю. Въ прежніе годы плугъ вывозили на поле три голыя женщины—*Громаннъ*, 143-4.

Стр. 570: Въ бурныя лѣтнія грозы чехи выставляютъ надъ стрѣхою помело, или кладутъ топоръ остриемъ кверху—для того, чтобы предохранить свои нивы отъ града (*Громаннъ*, 38; *Гануша: Дѣдъ и Баба*, 55).

Стр. 571: Когда дождь идетъ при солнечномъ сіяніи, бѣлоруссы говорятъ: «коробомъ солнце, ситомъ дождь!» — Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 332. По чешскому повѣрью, Мелюзина, осужденная носиться по воздуху въ бурныхъ вихряхъ, держитъ въ рукахъ сито и сыпетъ изъ него градъ и крупу—Громаннъ, 3.

Стр. 574: На страстную пятницу хозяинъ обѣзжаетъ свои поля верхомъ на помелѣ и втыкаетъ въ землю осиновыя вѣтки; дѣлается это съ тою пѣлюю, чтобы кро-ты не рыли полей и не вредили посѣвамъ—Громаннъ, 59.

Стр. 579: На берегахъ Рижскаго залива найдены могилы, около которыхъ лежатъ камни, сложенные на подобіе лодокъ; латыши называютъ эти могилы чортовыми лодками — Археолог. Вѣстникъ 1867, I, 33.

Стр. 581: Владиміръ Мономахъ, по его собственному выраженію, писалъ свое поученіе дѣтямъ «сѣдя на санѣхъ», т. е. на смертномъ одрѣ.

Стр. 595: Отголосокъ древняго мѣа о Фазтонѣ находимъ въ малорусской сказкѣ (см. сборн. г. Рудченка, I, 93-94). Добрый молодецъ женится на солнечной дочери, и купаясь въ молокѣ, дѣлается такой «ясній, неначе солнце» (сравни Поэт. Воз., II, 125). Солнце уступаетъ ему свой стулъ (престолъ), на которомъ и выѣзжаетъ онъ погулять по свѣту; всѣ встрѣчные на пути принимаютъ его за праведное Солнце. Во время этого поѣзда добрый молодецъ попалъ чуть не половину небесныхъ виноградниковъ.

Стр. 600: Малороссійская сказка (Рудченко, I, 138) повѣствуетъ о заключенной подъ землею царевнѣ: «вона вже не одинъ цеберъ наплакала, такъ що слези їѣи ажъ на сей свить сходять... Якъ тилько сонечко зажеврије, то по всякому дереву и по всякій билини роса и выступаје. Оце-жъ не що, якъ тѣ слѣзи!» Въ литовской пѣснѣ (Юшкевич., 9-10) Солн-

це, общаясь оплакать убитаго мѣлодца, говорить, что оно въ продолженіи девяти дней каждое утро будетъ восходить во мглѣ.

Стр. 601: Если въ день свадьбы идетъ дождь, то невѣста будетъ оплакивать свое замужство (чехи увѣряютъ, что ей придется пролить столько-же слезъ, сколько упало въ этотъ день дождевыхъ капель), а если сіяетъ солнце, то будетъ смѣяться, веселиться — Громаннъ, 119; Die Symbolik von Sonne und Tag, 68.

Стр. 603: О дождѣ, идущемъ при солнечномъ сіяніи, бѣлоруссы выражаются: «царевна (=богиня Фрея) плачетъ» — Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 460.

Стр. 612. Народная загадка: «сива (вар. бѣлая) кобыла весь лѣсъ поѣла» означаетъ: пламя очага — Сборн. памятн. нар. творч. въ сѣв.-запад. краѣ, I, 298, 300.

Стр. 615: О конѣ Ильи Муромца народная пѣсня (Рыбн., IV, 24) говорятъ:

Куда падаютъ копыта лошадиныя,
Тутъ становятся колодцы ключевой воды.

Стр. 634: По мнѣнію чеховъ, бѣлые кони приносятъ дому счастье; если свадебный поѣздъ, выходя изъ церкви, повстрѣчаетъ бѣлую лошадь (или корову) — это знакъ, что Богъ благословитъ молодую чету чадородіемъ; напротивъ встрѣча съ черною лошадью (или быкомъ) сулитъ новобрачнымъ бездѣтство; громкое ржаніе коней предвѣщаетъ войну — Громаннъ, 53, 120. Дарій Истаспъ былъ избранъ на царство по ржанію коня. — Геродотъ, кн. III, гл. 84.

Стр. 637: Священное значеніе конской головы до сихъ поръ имѣетъ силу въ Персіи; личность преступника считается тамъ неприкосновенною до тѣхъ поръ, пока онъ пребываетъ въ конюшнѣ или держится за конскую голову — Археол. Вѣстникъ 1867, II, 53.

Стр. 640: «Иля насюкавъ въ рѣку» — Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 317. Если олень валяется на лугу или нивѣ—это служить предвѣстиемъ урожая; по болгарскому повѣрью, онъ приноситъ съ собою росу, которая капаетъ изъ его глазъ (сообщ. г. Каравеловымъ). По свидѣтельству народной саги, олень, ударяя въ землю копытомъ, выбиваетъ изъ нея водный источникъ—*Beiträge zur D. Myth.*, II, 425.

Стр. 641-2: Заяцъ, пробѣжавшій черезъ деревню, принимается у чеховъ за предвѣстника пожара — Громаннъ, 57-58.

Стр. 645: Бѣлоруссы о томъ, кто нечаянно прожжетъ свою одежду, выражаются: «лисицу поймавъ!» — Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 338, 404. Финны сѣверное сіяніе называютъ лисьимъ огнемъ — см. *Reinhart fuchs* Гримма. Г. Микуцкій слова лисъ, лиса производитъ отъ снкр. рш — *laedere, perdere, interficere* (Зап. Р. Г. О. по отдѣлен. этногр., I, 576).

Стр. 646: Стихійные духи, посылающіе на землю дожди, даруютъ людямъ хлѣбъ насущный (урожай). Вотъ почему по вѣнорусскому повѣрью: когда гремитъ громъ — это Господь ѣздитъ по небу въ своей колесницѣ и возитъ калачи (см. *Повт. Воз.*, I, 265); въ дѣтской пѣснѣ ворона варитъ кашу (т. е. завариваетъ въ грозовомъ пламени зѣрна дождя; сравни *Повт. Воз.*, I, стр. 522); наконецъ и лиса приноситъ при началѣ весны вкусные гостинцы.

Стр. 648: Трехцвѣтная кошка охраняетъ домъ отъ пожара; когда кошка играетъ съ своимъ хвостомъ — надо ожидать вѣтренной погоды; наканунѣ Рождества Христова или весною чехи ловятъ чернаго кота и зарываютъ его въ полѣ или въ саду подъ деревомъ—для того, чтобы злые духи не вредили урожаюмъ (Громаннъ, 55-56, 87; *Beiträge zur D. Myth.*, II, 439).

Стр. 663: Литов. акис — око, глазъ, означаетъ также и водяную жилу, родникъ; у латышей ака — колодезь; въ Карпатахъ и Татрахъ горнымъ озерамъ даютъ названіе: морске око—Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 585.

Стр. 667: Чехи во время грозы боятся дотрогиваться до молока, чтобы не убила молнія—Громаннъ, 38.

Стр. 683: Когда на небѣ видны бѣлыя облачки — это, по словамъ чеховъ, «св. Петръ пасетъ овечекъ» или: «св. Петръ печетъ хлѣбы» (готовить урожай)—Громаннъ, 32.

Стр. 687: Въ Болгаріи, наканунѣ Нового года, старуха беретъ сухое овечье руно и выставляетъ его на ночь въ сѣни; если по утру руно будетъ влажно (отсырѣетъ), то наступающій годъ обѣщаетъ изобиліе, и наоборотъ: если руно останется сухимъ, то годъ будетъ несчастливый (неурожайный)—Моск. Газета 1866, Каравелова: «Святки у болгаръ».

Стр. 711-2: Въ парохіи Вишневской (говоритъ Иличъ, стр. 144), есть церковь св. Георгія, куда ежегодно на Юрьевъ день приходятъ пастухи и молятся объ охраненіи ихъ стада отъ волковъ.

Стр. 721: По мнѣнію г. Микуцкаго (Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 606), слова хортъ (хрътъ, литов. куртас)—борзая собака и хръль — сеіег одного корня.

Стр. 727: Для того, чтобы утихла буря, чехи высыпаютъ за окно, на улицу, муку и соль—Громаннъ, 36.

Стр. 730: На Исполиновыхъ горахъ рассказываютъ о лѣсномъ охотникѣ, который въ извѣстные дни носится по лѣсамъ, сопровождаемый четырьмя огненными собаками. Въ Арнау думаютъ, что дикой охотникъ является виѣсть съ бурей и ломаетъ деревья; кто повстрѣчается съ нимъ въ лѣсу, того ожидаетъ скорая смерть. Рассказываютъ еще, будто дикой охотникъ ѣздитъ въ глухую полночь на безголовомъ козлѣ, а передъ нимъ бѣгутъ двѣ собаки, послушныя его

громкому свисту. Народная фантазія даетъ ему зеленое платье, длинные охотничьи сапоги, ружье и кортикъ. Когда въ полночь надвинутся черныя тучи — крестьяне думаютъ, что въ нѣмъ скрывается дикой охотникъ, и чтобы прогнать его—совѣтуютъ стрѣлять въ облака (Громаннъ, 3-4). Въ повѣрьяхъ этихъ нельзя не замѣтить значительнаго вліянія нѣмецкихъ сагъ.

Стр. 732: По чешскому повѣрью, передъ кончиною чело-вѣка является огромная черная собака, обходитъ во-кругъ дома, въ которомъ лежитъ умирающій, и располагается гдѣ-нибудь въблизи этого жилища; когда чело-вѣкъ умретъ—собака немедленно исчезаетъ. Точно также въ Вестфалии раз-сказываютъ о собакѣ, которая ночью, передъ смертію каждого изъ членовъ семейства, трижды обѣгаетъ домъ, и затѣмъ не-медленно удаляется на церковный дворъ; во время заразитель-ныхъ, повальныхъ болѣзней она бываетъ жирная и тучная. Въ этой собакѣ нетрудно узнать небеснаго пса (Sâgameya), который, по индѣйскимъ преданіямъ, являлся къ людямъ, какъ посланникъ Ямы, властителя усопшихъ—Громаннъ, 187.

Стр. 733: У болгаръ существуетъ примѣта: если собака валяется на засѣянной нивѣ, то этимъ она предвѣщаетъ хо-рошій урожай (сообщено г. Каравеловымъ).

Стр. 736: У чеховъ глазная болѣзнь извѣстна подъ названі-емъ поѣпí mlha или vlčí mlha (мгла)—Громаннъ, 174.

Стр. 738 и 740: Сканд. vargr—latro, maleficus, lupus г. Микуцкіи сближаетъ съ рус. вергать, литов. варгти—быть отвержену, брошену, варгас — нужда, бѣдность, вер-гас—рабъ; врагъ (ворогъ)—отверженный, извергъ — Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 576.

Стр. 739: Сопутствуя богу весеннихъ грозъ, волки-виури ичатся въ дикой охотѣ, какъ его ловчіе псы, и помогаютъ ему истреблять темныхъ демоновъ. По народному повѣрью,

чертей столько-бы расплодилось, «що-й свиту-бъ не було, якъ би їхъ громъ не бивъ та вовки не вижидали!» (Рудченко: Нар. южнорус. сказки, I, 73.)

Стр. 756: «Loki den wolf Fenrir und die schlange Jörmungandr zeugte, gandr aber wiederum wolf bedeutet»—D. Myth., 1049. Въ русскихъ сказкахъ змѣй и желѣзный волкъ выступаютъ съ одинаковымъ демоническимъ характеромъ.

Стр. 766: Въ 1302 году, когда французы снаряжались къ битвѣ и графъ Артуа сталъ надѣвать оружіе, ручной волкъ его бросился на своего господина и принялся срывать съ него воинскіе доспѣхи. Графъ прогналъ волка, вступилъ въ битву, но потерялъ поражение—Beiträge zur D. Myth., I, 27.

Стр. 771: Чтобы дѣти не трогали огня, имъ говорятъ: «онъ тебя укуситъ»—Вилен. Сборн., I, 190-1.

Стр. 775: Иличъ (стр. 251) сообщаетъ поговорку: «tko па шѣсес laje, izrast će mu zubi».

Стр. 782: Встрѣча съ овечьимъ гуртомъ считается добрымъ знакомъ, а встрѣча со стадомъ свиней сулитъ несчастье—Громаннъ, 220.

Стр. 787: Сѣверные поэты называли солнце свѣтлою невѣстою (heidh brúðhr himins)—Die Symbolik von Sonne und Tag, 68.

ТОМЪ II.

Стр. 2: Ибнъ-Даста (въ началѣ X-го вѣка) называетъ славянъ огнепоклонниками — Ж. М. Н. П. 1868, X, 671.

Стр. 3-4: Названіе радунца г. Котляревскій (О погребал. обычаяхъ, 251) сопоставляетъ съ ведійс. gādāh—жертвоприношеніе отъ корня gād—давать, готовить, и даетъ ему значеніе объѣта (сер. дати). Но г. Лерхъ (Ж. М. Н. П. 1868, XI, 624) замѣчаетъ, что слова gādāh не существу-

еть. «Авторъ (говоритъ онъ), вѣроятно, хотѣлъ привести зендское $gādañh$, которому въ санскритѣ слѣдуетъ считать соответствующимъ $gādh-as$. Но гортанное $ñ$ передъ h въ зендскомъ языкѣ не имѣетъ ничего общаго по происхожденію со звукомъ n въ словообразовательномъ слогѣ *ни* русскаго радунца». Г. Даль производитъ слово «радуница» отъ глагола радовать; соглашаясь съ его мнѣніемъ, г. Лерхъ добавляетъ: «по корню своему и радуница и радовать могутъ быть одного происхожденія съ зенд. $gādañh$ и санкр. $gādh-as$, но суффиксы ихъ разные».

Стр. 19: Чтобы избавиться отъ болѣзни, сербы проходятъ промежъ двухъ костровъ, разведенныхъ съ помощію живаго огня— Гласник срп. друштва 1867, V, 167.

Стр. 40: Въ малорусскихъ сказкахъ (Рудченко, I, 83, 86) Солнце и Мѣсяцъ, при посѣщеніи ихъ странствующими героями, говорятъ: «що це таке, що руська кость смердит!»

Стр. 42-43: Въ Ливоніи прежде, чѣмъ семья приступала къ изготовленнымъ яствамъ и напиткамъ, было въ обычаѣ бросать въ огонь кусокъ мяса и плескать на горячіе уголья пивомъ— Ч. О. И. и Д. 1868, II, 62 (Олеарій).

Стр. 55: По свидѣтельству Аристотеля: «забота вѣдать всенародныя жертвоприношенія гражданской общины принадлежала, по религіозному обычаю, не особымъ жрецамъ, но лицамъ, «занявшимъ санъ свой отъ огнища, и которыхъ здѣсь называли «царями, тамъ пританами, индѣ архонтами». Каждая община имѣла свой государственный очагъ, свое огнище, блюстителемъ котораго былъ царь; неспособный къ жречеству не могъ быть и царемъ. Такъ одинъ изъ древнихъ царей Сикіона былъ низвергнутъ, потому что, осквернивъ руки смертоубійствомъ, уже не могъ приносить жертвъ. «Гомеръ и Виргилій представляютъ намъ царей, безпрерывно-занятыхъ священными обрядами. Мы знаемъ изъ Демосѣена, что древніе цари Атти-

ки сами совершали всё жертвоприношенія, предписанныя религіей гражданской общины; знаемъ изъ Ксенофонта, что спартацкіе цари были главами лакедемонской религіи... Тоже самое и римскіе цари; преданіе всегда изображаетъ ихъ священниками.—Куланжъ, 230-1, 239.

Стр. 61-62: У древнихъ писателей встрѣчаемъ выраженія: «боги, сидящіе у моего очага; Зевсъ моего огнища; Аполлонъ моихъ праотцевъ». «Умоляю тебя, говоритъ Текмесса Аяксу, именемъ твоего пріочажнаго Зевса»; волшебница Медея говоритъ у Еврепида: «клянусь Гекатой, богиней, обитающей въ святилищѣ моего очага!»—Куланжъ, 160.

Стр. 67: Обычай зажигать на храмовой праздникъ большую восковую свѣчу, покупаемую на общій мірской счетъ, соблюдается во многихъ селахъ. Въ мосальскомъ и жиздренскомъ уѣздахъ такая свѣча въ продолженіи цѣлаго года хранится въ очередной избѣ, и дому этому, какъ хранителю святыни, оказывается особенное уваженіе. За нѣсколько дней передъ наступленіемъ храмоваго праздника со всѣхъ дворовъ собираютъ ржаной солодъ, хмѣль и разные съѣстные припасы, изъ которыхъ варится пиво и готовится обильная трапеза. Въ день праздника поселяне сходятся въ церковь, и послѣ обѣдни поднимаютъ чествуемую икону и несутъ въ ту избу, гдѣ стоитъ мірская свѣча. Хозяинъ и хозяйка встрѣчаютъ икону съ хлѣбомъ-солью ставятъ ее на лавкѣ, усыпанной рожью, ячменемъ и овсомъ, и зажигаютъ передъ нею мірскую свѣчу. Затѣмъ совершается молебствіе, и по окончаніи его икона и свѣча переносятся въ слѣдующій очередной домъ, гдѣ также служатъ молебень. Послѣ того икону возвращаютъ въ церковь, и праздникъ заключается общественнымъ пиршествомъ. — Вѣст. Р. Г. О. 1853, III, 3-4; Географ. Извѣстія 1850, III, 329; Терещ., V, 150.

Стр. 90: Лат. *tergo, termen, terminus*, греч. *τέρμα, τέρμων* — граница, рубежъ, межа (*in-terage, ex-*

trage, trans—вед. tigas, гот. thairh, др.-в.-нѣм. durh—черезъ)—Курціусъ, 189.

Стр. 92: Перемѣщать жежевые знаки съ недобрымъ умысломъ (т. е. ради собственной выгоды) считается у словенцевъ за величайшій грѣхъ; кто это дѣлаетъ, того наказываютъ злые духи—Кнјижевникъ, година 3-я, вып. III-IV, 456.

Стр. 94: На Руси принято некрещенныхъ дѣтей хоронить подъ порогомъ дома, а самоубійцъ — на дорогахъ; перекрестки потому и страшны народному воображенію, потому и признаются за мѣста полуночныхъ бѣсовскихъ сборищъ, что они изстари были посвящаемы усопшимъ и состояли подъ охраною родовыхъ эльфовъ (т. е. блуждающихъ душъ предковъ). По свидѣтельству Олеарія (Ч. О. И. и Д. 1868 г., II, 60), въ Ливоніи некрещенныхъ дѣтей хоронили не на кладбищахъ, а гдѣ-нибудь на дорогѣ, преимущественно на перекресткахъ. Литовцы еще въ XVII в. совершали погребальные обряды среди полей или въ лѣсахъ, и каждый отдельный родъ имѣлъ свое собственное огнище—для сожженія своихъ усопшихъ. У Длугоша читаемъ: «Lituani tamen, cum silvarum et nemorum abundantem multitudinem habebant speciales sulvas, in quibus singulae villae et quaelibet domus atque familia speciales focos obtinentes decedentium cadavera solebant conflagrare». Онъ же говоритъ о жемантахъ: «In praefatis sylvis habebant focos in familias et domos distinctos, in quibus omnium charorum et familiarum cadavera cum equis sellis et vestimentis potioribus incendebant.» Могильные холмы служили въ старое время пограничными знаками; ežagulis означаетъ въ литовскомъ языкѣ могилу, курганъ и жежевой камень; deus Ežagulis (Ežagullys) — тотъ, кто поконится на жежѣ (усопшій) = deus tumuli (Joh. Lasicii Poloni de diis samagitarum libellus, 34-35, 58, 66).

Стр. 103: Чехъ, замѣчая на своемъ тѣлѣ темныя пятна—какъ-бы отъ ухаба, говоритъ: «ишglý na шпе sáhnul v posí»—мертвецъ давилъ меня ночью (Труды Моск. Археолог. Общ., I, вып. II, ст. Потебни, 171).

Стр. 107: Въ костромской губ. вѣшаютъ въ курятникахъ камни (такъ называемые курячьи боги) для того, чтобы кикиморы не давили куръ—Послов. Даля, 1058. Одинъ изъ этихъ камней, доставленный въ Московское Археологическое Общество (см. Археол. Вѣстникъ 1867, IV, 186), носитъ на себѣ слѣды искусственной отдѣлки: онъ изображаетъ голову, у которой видны глаза, уши, носъ и просверлены ноздри.

Стр. 139: По мнѣнію г. Котляревскаго (О погребал. обыч., 198), «этимологія слова рай указываетъ на понятіе солнечной, воздушной области: корень гај (радж), отъ котораго оно происходитъ, обозначалъ первоначально впечатлѣніе небеснаго блеска, небеснаго моря, свѣтлой облачной страны; въ такомъ смыслѣ терминъ употреблялся въ Ведахъ... Ирій и вырїй только иныя лингвистическія формы слова рай, прямо происшедшія отъ того-же корня, только въ иной формѣ агј». Г. Лерхъ (Ж. М. Н. П. 1868, XI, 623-4) замѣчаетъ, что въ нашемъ праязыкѣ не могло существовать корня гај; общендоевропейскою формою для санскр. гај должно принять агg. М. Мюллеръ, на котораго ссылается г. Котляревскій, говоритъ о санскр. существительномъ гájаs (раджас)—первоначально блескъ, потомъ вода (т. е. блестящая) и наконецъ облако; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ригъ-Веды множеств. число отъ раджас означаетъ: облачное небо.

Стр. 148-9: Рус. алатырь-камень и греч. ἡλέκτρον восходятъ къ санскр. корню агḱ (=अक) —блестать, испускать лучи (агk-as—лучь, солнце, кристалъ, мѣдъ, агkís—блескъ); ἡλέκτωρ—солнце, т. е. сіяющее, ἡλέκτρον—блестящій металлъ (смѣсь золота и серебра—Курдіусъ: Grund-

züge der griech. etymol., I, 107; Bulletin de l'Academie Imp., т. XII, стат. Куника о нѣкот. славян. названіяхъ пурпура, солнца и янтара, 40; Вѣст. Евр. 1868, IX, ст. Гильфердинга, 212: латырь = лак-тырь; окончаніе тар, тра означаетъ существо или предметъ, производящіе какое-либо дѣйствіе). Въ азбуковникахъ читаемъ: «и лектръ-камень зѣло честенъ отъ великихъ камней, именуемъ златовиднѣнъ, убо вкупѣ и сребровиднѣнъ... проявляетъ неумаляемую и чистую свѣтлость... и свѣтовидную и небесную зарю» — Сахаров., II, 160. Въ древнѣйшемъ англосаксонскомъ памятникѣ на вопросъ: «что такое солнце?» данъ слѣдующій отвѣтъ: «солнце — горючъ камень» — Миллера: Опытъ ист. обзор. рус. слов., I, 335 (изъ Migne: Dict. des apocryphes).

Стр. 156: Которая рыба пранетъ сама изъ рѣки въ лодку, ту рыбу сваря и дай съѣсть женѣ: отъ того жена станетъ дѣтей родить — Ч. О. И. и Д. 1867, IV, смѣсь, 157.

Стр. 167: Въ старинномъ литовскомъ словарѣ *Deivaitis* — синонимъ Перкуна; женская форма *Deivaitė* (*Dėvaitė*) означаетъ богиню дождей, а во множественномъ числѣ *deivaitės*, *dėvaitės* — нимфы источниковъ и рѣкъ (первоначально: дождевыхъ потоковъ) — *Lituania* Шлейхера, 24.

Стр. 177: Снкр. *dhā*, *dhajāmi* — *bibo*, *lacteo*, *dhātr* — *nutrix*, *dhēnus* — доящаяся корова, *milchkuh*, зенд. *daina* — *weibchen*, греч. *θησα* — доить, *τιθηνη*, *τῆθη* — кормилица, *τῆθος* — материнская грудь, гот. *daddja* — кормить грудью, швед. *dadda* — кормилица, мамка, швц. *dodō* — мать, др.-в.-нѣм. *tāu* — *lacto*, *tila* — *mamma*, сл. дою, доялица — Курціусъ, 217; Дифенбахъ, II, 608. Вѣроятно, къ одному корню съ этими словами относится и сербская *додола*; если принять такое производство, то подъ именемъ *дододы* должно разумѣть богиню, изливающую изъ своихъ облачныхъ грудей

молоко-дождь, производительницу земныхъ урожаевъ и всеобщую кормилицу.

Стр. 183: Чтобы излѣчиться отъ желтухи, сербы берутъ желтогогаго пѣтуха, купаютъ его въ водѣ, и потомъ пьютъ эту воду, какъ лѣкарство—Гласникъ срп. друштва 1867, V, 187.

Стр. 240: Въ олонеккой губ. (Памяти. книжка олон. губ. на 1866 г., 18—19) рассказываютъ, что водяной, переселяясь на другое мѣсто, прорывается ручьемъ и приготовляетъ для себя новое озеро.

Стр. 249: По свидѣтельству Ибнъ-Дасты, руссы приносили въ жертву мужчинъ, женщинъ и лошадей. Жрецъ (кудесникъ) накидывалъ на шею обреченнаго человѣка или животнаго петлю, подымалъ его на бревно, и умертвивъ удушениемъ, восклицалъ: «вотъ это жертва богу!»—Ж. М. Н. П. 1868, XII, ст. Хвольсона, 674.

Стр. 271: У руссовъ, говоритъ Ибнъ-Даста (Ж. М. Н. П. 1868, XII, 674, 769), если обѣ тяжущіяся стороны недовольны приговоромъ вел. князя, то окончательное рѣшеніе дѣла предоставляется оружію: чей мечъ острѣе, тотъ и одержитъ верхъ. Побѣжденный долженъ смириться и удовлетворить побѣдителя.

Стр. 303: Чтобы предохранить себя отъ зубной боли, чехи берутъ осколокъ дерева, въ которое при первой весенней грозѣ ударила молнія, готовятъ изъ этого осколка порошокъ и чистятъ имъ зубы, или: заслышавъ первый весенній громъ, они берутъ кусокъ желѣза и держатъ его въ зубахъ во все время, пока продолжаются небесные раскаты—Громаниъ, 40, 169.

Стр. 304: Въ нижегородской губ. раскалываютъ осину и принимаютъ сквозь нее дѣтей, больныхъ грыжею (Нижегор. Сборн. 1867, I, 179); въ рукописныхъ сборникахъ заговоры

и лѣчебныхъ настѣвленій предлагается совѣтъ: «сыщи рябину древо, чтобъ отроstellина была бы отъ нея, да отсѣки ее, да расколи надвое, да свяжи въ концѣхъ посконною ниткою, и пройди сквозь рябину трожды» (Рыбник., IV, 250).

Стр. 307: Въ «Кіевлянинѣ» (1865, 52) записано народное преданіе, что крестъ, на которомъ распяли Спасителя, былъ сдѣланъ изъ осины и что въ наказаніе за это Богъ обрекъ означенное дерево на вѣчную дрожь. Въ Германіи увѣряютъ, что дерево, на которое садится мара (shär), дрожить—хотя бы вовсе не было вѣтра, и вскорѣ потомъ засыхаетъ—Bergm. Mythen, 712.

Стр. 321: Ливонцы, самогиты и русскіе чтли духа, пребывающаго въ священнѣхъ рощахъ и деревьѣхъ; думали, что онъ обитаетъ «sub sambuco» и подъ этимъ деревомъ ставили для него хлѣбъ, пиво и другія приношенія — De diis samagitarum, 20. Въ Ливоніи, по словамъ Олеарія (Ч. О. И. и Д. 1868, II, 61), народъ обвязывалъ нѣкоторыя избранныя деревья красными лентами и совершалъ подъ ними суевѣрныя моленія и обѣты.

Стр. 343-4: По разсказамъ гуцуловъ (Пантеонъ 1855, V, ст. Вагилевича, 50), дикія жены живутъ въ пещерахъ, на неприступныхъ мѣстахъ; ночью онѣ собираются толпами, бѣгаютъ по полямъ и лѣсамъ, хлопаютъ въ ладоши, и завидя путника, бросаются на него и начинаютъ щекотать. Гуцулы представляютъ ихъ высокими, худощавыми, съ блѣдными лицами и длинными, растрепанными волосами; вмѣсто пояса онѣ обвязываются травою.

Стр. 385: Папороть, папоротокъ—птичье крыло (Толков. слов., II, 12).

Стр. 396: Стонъ мандрагоры — громъ; сравни стонати, греч. στενο, лат. tonare, tonitru и нѣм. thunar—Археол.

Вѣст. 1867, IV, 150. Гроза стонетъ: «ночь стонуши ему грозою птичь убуди» (Слово о полку).

Стр. 398: Разрывъ-травъ соотвѣтствуетъ камень, приносимый по нѣмецкому повѣрью дятломъ (donnerstein). Если завязать платкомъ гнѣздо сойки, то, по рассказамъ чеховъ, она принесетъ камышекъ, отъ прикосновенія котораго тотчасъ-же распутаются всѣ наложенные узлы. Съ помощью этого камня можно находить сокрытые въ землѣ клады -- Археол. Вѣстн. 1867, IV, 150.

Стр. 415-6: Широколистый, красноцвѣтный чертополохъ обладаетъ великою силою. Чтобы избавиться отъ преслѣдующаго чорта, совѣтуютъ бросать въ него цѣпкими шишками этого растенія. Чертополохъ прогоняетъ, изводитъ червей: повѣрье, относимое первоначально къ демоническимъ змѣямъ. На то же могучее свойство поражать демоновъ (волка или змѣя-тучу) указываетъ и названіе звѣробой, придаваемое различнымъ травамъ и между прочимъ желтоголовнику (малор. горлицвѣть) и купальскому желтоцвѣтному зелью (польск. świętojańskie ziele, нѣм. Johanniskraut) — Археол. Вѣстн. 1867, IV, 148—150.

Стр. 434: Въ Германіи существуетъ повѣрье: если при поворотѣ солнца выстрѣлить въ него въ самый полдень, то на землю кануть три капли крови, изъ которыхъ, какъ изъ сѣмени, и вырастаетъ папоротникъ — Кунь, 221.

Стр. 491: Слав. рамо, нѣм. агн и лат. gashus — сукъ, вѣтвь, отрасль.

Стр. 514: Греч. τῦφω — жгу, τῦφος — дымъ, мракъ, τὸ φῶς, τὸ φῶς — вихрь, ср.-в.-нѣм. dīmpfen (dampfen) — испускать пары, чадъ, литов. dūprja — раздуваю огонь, сивр. dhûr, dhûrajāmi — suffio, fumo, dhûrikā — туманъ. (Курціусъ, 194).

Стр. 525. Въ сербскихъ пѣсняхъ Петрановича (стр. 181—2, 187, 190) читаемъ: а) «змај доле ће — код језера у траву пануо, око себе очим' расв'јетлио; онда скиде крила и окриље, крај језера у траву турно, па се купат' стаде у језеру». Юнакъ пускаетъ въ змиѣ стрѣлу — тогда змиѣ «из' језера у траву скочио, па обуче крила и окриље» и поднялся къ небу подь облака. б) «Лети змаје као ватра жива... очим' витла, а ватру просица.» с) «Кад се змаје крила добавио, начини се гуја шаравита — су шест крила од пламена жива.»

Стр. 533: Когда случится солнечное затмѣнiе, въ Краинѣ думаютъ: «да нека аждаја Врколак хоће да прогута (проглотить) сунце.» Большiе и малые выбѣгаютъ тогда въ поле и ударяють въ котлы, тазы и во все, что только можетъ издавать громкіе звуки, дабы испугать змиѣ-оборотня — Гласник срп. друштва 1867, V, 194.

Стр. 557: «Пријихавъ у такій-то городъ, и на весь городъ той одна криница, и въ тѣй криници сидитъ змиѣ з' дванадцятьма головами. И то такъ: якъ идутъ вси по воду и вѣдутъ одну душу, то винъ ззистъ јији, а вони наберутъ соби води, а инакше не можна» (Рудченко, 126). Въ другой сказкѣ упоминается колодець съ цѣлющей водою, возлѣ котораго приковано къ столбамъ двѣнадцать огнедышащихъ змиѣвъ (ibid., 135).

Стр. 558: Когда бываетъ засуха, сербы думаютъ, что гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ появилась змиѣ, ловятъ ее и убиваютъ — Гласник срп. друштва 1867, V, 95.

Стр. 582: Заклинатель, желающій уничтожить жатву въ поляхъ своего недруга, беретъ обѣими руками змиѣ, и произнеся заговоръ, выпускаетъ ее въ окно или двери съ этими словами: szmikszt per eszè! (иди черезъ поле). Вслѣдъ затѣмъ жатва будетъ истреблена градомъ и червями. Если-же заклинатель имѣетъ въ виду хлѣбъ, собранный въ амбарахъ,

то говорить змѣѣ: *szmikszt per arūda!* (ступай въ закрѣма) — *De diis samagitarum, 37.*

Стр. 634: Олеарій (Ч. О. И. и Д. 1869, I, 429), описывая путешествіе свое по Волгѣ, упоминаетъ о двухъ краснопятнастыхъ змѣяхъ, которыя вползли на корабль. Когда русскіе гребцы увидѣли этихъ змѣй, то очень обрадовались и говорили, что надо ихъ беречь и кормить, что это добрыя змѣи, предвѣщающія попутный вѣтеръ.

Стр. 638: Гр. *χαλνω*—разверзаться, зѣвать, *χαος*—пропасть, бездна Курціусъ (стр. 164) сближаетъ съ лат. *hiſco, hio, hiatus*, скан. *gin (gähne)*, слав. зѣяти, зѣять, зѣвъ.

Стр. 729: Латинское *manes* (души усопшихъ предковъ и пенаты) стоитъ въ родствѣ съ инд. *manus*, нѣм. *шанп*, слав. м ж жъ—Дифенбахъ, II, 32; такимъ образомъ, по буквальному значенію этого слова *manes* соотвѣтствуютъ лужицкимъ людкамъ.

Стр. 738: Литов. *barstukai (barstuccae=парстукѣ)*—гномы, обитающіе въ домахъ и житницахъ; домохозяева чествовали ихъ приношеніями; для этого вечеромъ накрывали столъ въ житницѣ (*in hoggeo*), ставили на немъ хлѣбъ, мясо, сыръ, коровье масло и пиво, а по утру на другой день приходили смотрѣть: отъ какихъ именно яствъ вкусили домовые духи? Если это былъ хлѣбъ, то ожидали хорошаго урожая въ поляхъ, а если — мясо, то умноженія стада. Другое литовское названіе, присвоенное домовымъ барликамъ—*кауки*, о которыхъ сохранилось слѣдующее извѣстіе: «*kaukie sunt lemures, quos russi ubože appellant, barbati, altitudine unius palmi extensi*» т. е. бородатые, величиною съ ладонь — *De diis samagitarum, 16, 20; Lituania Шлейхера, 25.* У гуцуловъ извѣстенъ домовый геній дидо, дидухъ—самъ величиною съ пядень, но съ старческой, безобразной наружностью, большою головою и сѣдой бородой—Пантеонъ 1855, V, 46.

. ТОМЪ III.

Стр. 47: Въ малорусской сказкѣ Смерть олицетворяется въ женскомъ образѣ: «на дорози въ болоти сидитъ баба и проситъ царевича, щобъ винъ јији витягъ з' болота. Що стаи не царевичъ идѣјизжати, то кинь такъ харапудниця: хрое да сопе, та низдрами паше... (Наконецъ) царевичъ витягъ ту бабу з' болота. Отъ баба та и каже царевичу: я—не баба, я—Смерть!» Замахнулась на него— и въ ту же минуту царевичъ палъ бездыханный (Рудченко, I, 99).

Стр. 91: Въ сербскихъ заговорахъ къ демонамъ болѣзней причисляются: «немитнице, недојеници—виле, вештице и ветрови;» нападаая на челоувѣка, эти злобные духи пьютъ его очами, поѣдають зубами, а зубы у нихъ остры, какъ серпъ. Силою заповѣднаго слова заклинатель изгоняетъ ихъ изъ головы, мозга и другихъ частей тѣла и посылаетъ туда, гдѣ не блеютъ овцы, не ревутъ коровы, не лають псы и не поютъ пѣтухи, гдѣ не палятъ въ храмахъ свѣчей и не поютъ священныхъ пѣсней. Умывая больного цѣлебной водою — съ громовой стрѣлки и угольевъ, причитываютъ: «иди, больо, у гору и у воду, у високе висине, у дубоке дубине, где певац не нева, где кока не кокоће». Кто заболѣетъ грозницею, тотъ долженъ обойти вокругъ вербы и прилѣпить къ ней восковую свѣчу, дабы передать свою болѣзнь этому дереву. Отъ костолома прибѣгають къ слѣдующему средству: берутъ калачъ и несутъ къ глоговому дереву, «држеи га на оном мѣсту, где боли»; потомъ этимъ больнымъ мѣстомъ трижды потирають о дерево, съ приговоромъ: «у глог улог, а у тело одлог!» Калачъ оставляють на деревѣ, а сами уходятъ домой, не оглядываясь назадъ — Гласник срп. друштва 1867, V, 166, 170, 179, 187, 194.

Стр. 157: Въ сербскихъ пѣсняхъ, собранныхъ Петрановичемъ (стр. 48, 50) читаемъ:

- а. Извила се (вила-нагоркиња) небу под облаке
И одлеће стрмо низ планину.
в. Ал' се вила кроз облаке вија.

Стр. 164:

Вијају се (виды) небу под облаке,
Златне стр'јеле носе у рукама,
Те гађају орла под облаком (ibid., 288).

Стр. 165-7, 175-6: Въ пѣснѣ, озаглавленной «Женидба Релѣе Бошњанина с вилом»:

Како Рел(ъ)а танко попијева,
Планина се планини одзива,
А долина долини одзива,
А са горе полијеће лишће.
То зачуле на планини виле,
Јере су се саставуле биле,
На ливади кодо ухватиле,
Пак окрећу кодо наоколо.

Говорить имъ «најстарија» вила: дорогія мои сестры!

Која ћете мене послушати —
Да обуче крила позлаћена,
Да изиће на друм у планину,
Да дочека Рел(ъ)у Бошн(ъ)анина,
Извади му оба ока црна?

Вила Анђелија надѣла позлаченныя крылья, вышла на широкое поле, полетѣла и нагнала юнака:

Бирдем н(ъ)ему очи помрачила,
Помрачила, па их ископала.

— Не печалься! говорить ему Марко-королевичъ; есть у меня два хорта и два сокола: побѣжить ли вила по землѣ — хорты ее поймають, полетить ли подъ облаками — соколы ее настигнутъ! И вотъ, когда вила была поймана, бросился на нее Марко съ плетью о двѣнадцати концахъ и грозился сжечь ее на

огнѣ. Вила выпросила себѣ пощаду; она отдала свои крылья королевичу, собрала цѣлебныя травы, вылѣчила Релю и сдѣлалась его вѣрной любовью.— Другая пѣсня рассказываетъ про Янка Сибинянина: остановился онъ съ войскомъ на вилномъ игрищѣ, и провѣщала ему вила изъ облака: удались отсюда! не то—все твое войско изгинетъ и тебя самого возьмутъ турки и замучатъ до смерти;

Ков(ь)ма ѣу ти траву отравати,
 На јунаке болест натурити —
 Главобол(ь)у, л(ь)уту срдобол(ь)у. -

— Не боюсь! отвѣчалъ Янко; въ облакахъ настигнуть тебя мои стрѣлы, въ дубравахъ—мои соколы, на поляхъ—хорты, а въ морской глубинѣ златокрылая птица. Разгнѣвалась вила,

Па се диже небу по облаке,
 Те стријел(ь)а од боја јунаке
 Посред паса у јуначко срце.
 Доѣ му трипут облећела војску,
 Попадале по пол(ь)у јунаци,
 Као да ихъ громови побише.

Янко нагналъ вилу, и побѣжденная она обѣщалась быть ему посестримой, помогать ему въ битвахъ съ турками и оживить его юнаковъ; тотчасъ-же набрала она травъ, приложила ихъ къ ранамъ побитыхъ воиновъ — и чудо великое! всѣ воины поднялись на ноги, начали игры и пѣсни—словно вновь народились къ жизни (Срп. н. пјесме Петрановича, 245-255, 375, 387-390).

Стр. 182: Слово јудо г. Гильфердингъ объясняетъ др.-индійскимъ јадас — водяное животное (Вѣст. Евр. 1868, IX, 201). О самовилахъ см. статью Верковича въ Моск. Универ. Извѣстияхъ 1863, III, 255-8.

Стр. 185-6:

Вјетра нема, а планина јекну,
 Зелене се повијају јеле,

Врхови им у тле ударају,
 Док ево ти виле бродарице,
 Вила паде код тиха језера.

Сняла сѣ себя «крыла и окриѣ», оставила ихъ на берегу и бросилась въ свѣтлыя воды; пока вила купалась, Богданъ Лютичъ, похитилъ ея крылья и тѣмъ самымъ заставилъ ее сдѣлаться своею женою. Векорѣ послѣ того, какъ родился у нихъ сынъ, вздумала вила показать свое искусство въ танцахъ, выпросила у мужа крылья,

Три пута је колом окренула,
 Четврти се небу подигнула.

Съ той поры, какъ только начиналъ плакать ребенокъ, Богданъ Лютичъ приносилъ его къ озеру и клалъ у самага берега; тогда выходила изъ озера вила, кормила ребенка грудью, купала его и повивала пеленками (Срп. в. цјесме Петран., 377-386).

Стр. 196: Польское *z włoki* (свѣлякъ), равносильное русскому останки, указываетъ на представленіе трупа вѣшнымъ покровомъ, одѣяніемъ, оставленнымъ отлетѣвшею душою — О погреб. обычаяхъ Котляревскаго, 195.

Стр. 207: Завида падующую звѣзду, приморскіе сербы говорятъ: «чья-нибудь свѣча погасла!» т. е. кто-нибудь умеръ. Чехи утверждаютъ, что каждый человекъ имѣетъ на небѣ свою звѣзду, и когда наступитъ ея конецъ — веѣг, звѣзда слетаетъ на землю, а человекъ умираетъ и удаляется въ горнія области. По болгарскому повѣрью, звѣзда и нарождается и умираетъ вмѣстѣ съ человекомъ. Чтобы погубить человека, вѣщица снимаетъ съ неба его звѣзду и гаситъ ее въ колодцѣ—О погребал. обыч., 190-1.

Стр. 216 и 218: Въ сербской народной поэзіи постоянный эпитетъ души—легкая: лака душа. По мнѣнію болгаръ, душа по выходѣ изъ тѣла летитъ въ видѣ птички или бабочки и садится на ближайшее дерево. Въ чешской Алексан-

дроядѣ души павшихъ въ бою представляются летящими, какъ распущенное стадо. По закатѣ солнца души летаютъ на кладбищахъ, какъ голуби—О погреб. обыч., 189-190.

Стр. 231: По мнѣнію г. Котляревскаго (О погр. обыч., 21), «передавая греч. *παράδεισος* словомъ порода, переводчики желали избѣжать употребленія языческаго термина рай и для этого только слегка славянизировали греческое слово; что слово рай имъ было извѣстно, это доказывается обстоятельствомъ, что въ тѣхъ-же памятникахъ мы встрѣчаемъ и его, но какъ-бы обмолвкой, мимоходомъ. Родъ, родство въ значеніи геены явились: во первыхъ — вслѣдствіе отсутствія народнаго термина, который могъ бы обозначить предметъ, чуждый понятіямъ; во вторыхъ же — по близости и смѣшенію двухъ греческихъ словъ: *γέννα* и *γενεά*, *γέννησις* = родъ, родство». Мы позволяемъ себѣ не соглашаться съ этимъ мнѣніемъ почтеннаго ученаго. Трудно доказать, чтобы термины «родъ» и «родство» употреблялись нашими переводчиками безсознательно — только вслѣдствіе плохаго знанія греческаго языка и смѣшенія слова *γέννα* съ *γενεά*; что переводчики хорошо понимали различіе означенныхъ словъ — это доказывается тѣмъ, что въ геенѣ они усматривали не просто родъ, но родъ огненный, родство огненное или огонь родной, родствѣнный. По древлеязыческимъ представленіямъ, жизнь по смерти была жизнью въ средѣ усопшихъ праотцевъ; «умереть» значило: удалиться въ то загробное царство, гдѣ собираются всѣ отжившіе родичи — и добрые, и злые — «отойти къ предкамъ», вселиться въ родъ. Когда, съ принятіемъ христіанства, появилась необходимость рѣзко разграничить области посмертнаго пребыванія праведныхъ и грѣшныхъ, то переводчики предназначенную для послѣднихъ геену стали истолковывать «огненнымъ родомъ», а для обозначенія царства блаженныхъ приняли тер-

минъ «по-рода», на что, можетъ быть, и были наведены случайнымъ созвучіемъ этого слова съ греч. *παράδεισος*. Терминъ этотъ однако не удержался и смѣнился словомъ рай — вѣроятно потому, что самое названіе рай (цвѣтушій садъ) болѣе соответствовало понятію библейскаго эдема, тогда какъ «порода» намекала на языческое представленіе о странѣ дѣдовъ. «Удивительно (замѣчаетъ г. Котляревскій), что термины родъ, родство, порода придуманы разными лицами почти въ одно и тоже время, ибо встрѣчаются въ различныхъ одновременныхъ памятникахъ; быть можетъ, они идутъ изъ одной школы (?), отъ одного учителя.» Думаемъ, что такое удивленіе напрасно; употребленіе этихъ терминовъ объясняется тѣмъ значеніемъ, какое соединяла съ ними народная рѣчь.

Стр. 237. Душа представлялась малюткою, и потому народъ любитъ называть ее уменьшительными именами: душкѣ, душица, душичка — О погреб. обыч., 190.

Стр. 239: «*Vielona (Velonis — deus animarum. cui tum oblatio offertur, cum mortui pascuntur)*. Лит. *vēle* — мертвецъ, латт. *welli* (муж.) и *weles* (жен.)—*manes (De diis samagitarum, 13, 35)*.

Стр. 254: Сербы принимаютъ крикъ гайврановъ за предвѣстіе смерти, и слышавъ его, говорятъ: «ту ти глас, а за моремъ частъ» (Гласник 1867, V, 195). По чешскому повѣрью, души усопшихъ пасутъ на лугу пѣтушковъ (т. е. стерегутъ въ раю небесные блески=молніи) и съ дикими и гусями (мифическое обозначеніе плывущихъ облаковъ) свѣтъ сторожатъ — О погреб. обыч., 86, 197.

Стр. 261: При полетѣ неистоваго воинства (т. е. во время грозы) раздаются многочисленные голоса плачущихъ дѣтей; вопли ихъ=завываніе бури, слезы = дождь — *Roggenwolf und roggenhund, 13*.

Стр. 262-3: Сербская пѣсня о хожденіи Богородицы по аду и раю (Петранович., 20) говоритъ: отворились врата «рая бѣлаго» — «играју се по росној ливади, играју се све праведне душе». По указанію малорусской сказки (Рудченко, 101-2), добрый мѡлодецъ, спустившись въ глубокій колодезь, очутился на томъ свѣтѣ—среди большого сада, въ которомъ зрѣли плоды, надѣляющіе богатырскою силою.

Стр. 265: Отецъ и мать, у которыхъ умеръ ребенокъ, до тѣхъ поръ не должны вкушать отъ новыхъ плодовъ, пока не одѣлятъ ими бѣдныхъ сиротъ — въ поминокъ за душу своего дитяти; въ противномъ случаѣ усопшее дитя не получитъ на томъ свѣтѣ райскихъ плодовъ, вынуждено будетъ грызть свои пальцы и станетъ горько плакаться на своихъ родителей — Гласник срп. друштва 1867, V, 98.

Стр. 276-7: Чехи и мазуры вѣшаютъ на дверяхъ платокъ — для отдохновенія прилетающей души (О погреб. обыч., 207).

Стр. 280. Котлярев. О погребал. обычаяхъ, 194—5: «Со смертію душа отправляется въ иную, далекую область... Въ этомъ смыслѣ говорилъ Владиміръ Мономахъ своимъ дѣтямъ, что онъ стоитъ на далечи пути; по малорус. поговоркѣ: смерть — неминующая дорога; рус. обл. странствовать значить: хворать; удорожить — дѣвести кого-нибудь побоями до смерти; въ сербскомъ причитаніи къ мертвому обращаются съ вопросомъ: *ће ђеш, господаре, на том тамо пѹту далеко ме оклено се никад не долази*; словинцы также причитаютъ надъ умершимъ отцемъ: *na dalek mi ti put ode s' kog te pešu dopogledat*; душа на пути = человекъ умираетъ... Въ пѣснѣ о Забоѣ два раза упоминается объ отшествіи къ отцамъ въ смыслѣ смерти (*otide k otcem*); равносильное этому выраженіе встрѣчаемъ и въ Повѣсти врем. лѣтъ: *приблизитися или приложитися ко отцемъ и дѣ-*

домъ». Къ преданіямъ о переправѣ усопшихъ черезъ воздушное море можно добавить слѣдующее указаніе: въ малорус. пѣснѣ дѣвушка проситъ ангела поплыть «до батенька (умершаго) по морю» и принести отъ него вѣсти. Судя по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, у славянъ существовало представленіе о проводникѣ душъ, который сопровождаетъ ихъ по трудному пути на тотъ свѣтъ. «Такимъ, кажется, былъ Ніи или Ніа, о которомъ упоминаетъ Длугошъ: *Plutonem cognominabant Niia, quem inferorum et animarum, dum corpore relinquunt, servatorem et custodem opinabantur, postulant se adeo post mortem in meliores inferni sedes deduci*. Въ лингвистическомъ отношеніи имя Ніа или Ныа не представляетъ препятствій къ сближенію съ Нава... Не сюда ли относится и славянскій Нава ть, о которомъ однажды упоминается въ Супрасельской рукописи: ѿ наване, чимъ дръзныжъ отвѣштати хоштеши наватомъ (т. е. смертію) поем'емъ.» Гайкъ указываетъ на старинный обычай класть въ руку усопшаго деньги, назначаемыя для уплаты загробному проводнику—Водцѣ и перевозчику черезъ великій потокъ или воздушное море — Плавцѣ (*ibidem*, 142, 200, 204).

Стр. 284: Болгары даютъ млечному пути названіе влакненъ (волоконистый) шость и думаютъ, что по немъ проходятъ души усопшихъ—О погреб. обыч., 203.

Стр. 286: Чехи даютъ мертвому сапоги, которые онъ долженъ износить на пути къ небесному жилищу отцевъ — О погр. обыч., 210.

Стр. 298. Дѣтская пѣсенка (Безсонов., 27):

А и донъ, донъ, донъ!
Загорѣлся жучій домъ;
Бѣжитъ жукъ съ ведромъ
Заливать свой домъ.

Стр. 299-300: По русскому повѣрью, если женщина будетъ сильно, безутѣшно тосковать по умершему, то она станетъ летать къ ней въ видѣ огненнаго змѣя — О погреб. обыч., 190. Въ нижегородской губ. рассказываютъ, будто нѣкогда въ незапамятную старину младенецъ, проклятый матерью, превратился въ лягушку, и потомъ уже отъ этой лягушки произошли всѣ другія. Кадаубекъ въ своей хроникѣ сообщаетъ преданіе о томъ, какъ Попѣлъ младшій отравилъ своихъ дядей, и когда они умерли — отказалъ имъ даже въ погребеніи. За такое нечестивое дѣло жестокой тиранъ былъ постигнутъ страшнымъ наказаніемъ: изъ брошенныхъ труповъ его дядей вышло множество мышей, которыя напали на Попѣла и пожрали его, т. е. озлобленныя души усопшихъ, лишенныхъ погребальной почести и посмертнаго успокоенія, превратились въ мышей и отомстили своему врагу. Подобное преданіе встрѣчается у многихъ индоевропейскихъ народовъ, и между прочими (почти въ буквальномъ сходствѣ съ польскимъ) у чеховъ — О погреб. обыч., 103-7.

Стр. 371: «Смерть разрѣшаетъ, развязываетъ узелъ или нить существованія, и кажется, что слова кончина, судъ и судьба, употребляющіяся въ языкѣ для обозначенія смерти, имѣли въ старину именно такое, а не иное знаменованіе: конъ (позд. чинъ) — отрѣзанный предѣлъ, кончина — отрѣзанная нить жизни, судъ же и судьба — развязка, разрѣшеніе, расплетеніе. Первоначальное этимологическое значеніе слова судъ явствуется изъ родственныхъ нѣмецкихъ: гот. *sunþro*, др.-в.-н. *suntari*, нынѣш. *sondern*, др.-сѣв. *sunþra* — *dissecare, discerpere*, отдѣлять, развязывать, разрѣшать (узъ?); значеніе же слова конъ ясно и изъ славянскаго запаса: по-чинъ, о-чинить и др. Корень будетъ кап — колоть, рѣзать, прекращать существованіе» — О погреб. обыч., 194.

Стр. 396—7: Въ малорусской сказкѣ (Рудченко, I, 161-2) Бѣда, встрѣтившись съ богачемъ, говоритъ ему: «чего хочешь, чоловіче, чи за молоду м'ясо їсти, а на старость кистки гризти, чи за молоду кистки гризти, а на старость м'ясо їсти?» Богачъ выбралъ послѣднее — и тотчасъ-же обѣднялъ; снова разжиться удалось ему только къ старости.

Стр. 436: Въ виленской губ., при выгонѣ скота въ поле, знахарь беретъ поясъ, затыкаетъ его въ дужку замка, кладетъ замокъ и поясъ посреди дороги и перегоняетъ черезъ нихъ стадо, причитывая: «какъ замкнуть этотъ поясъ, такъ да будутъ замкнуты у звѣрей пасти!» — Вилен. Сборн., I, 192.

Стр. 569, 591: Баба-яга, зализна нога, сторожитъ цѣлющую воду — Рудченко, I, 87, 135.

К О Н Е Ц Ъ .

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ *).

- Абудады 657.
Авдула 656, а 637—9.
Аги 208, а 512—3.
Агни 204, 513, 771, а 1, 5—6,
14, 26, 34, 45—46.
Адонисъ 783, в 762.
Адскія муки в 29—33.
Адскія рѣки в 26.
Адъ 182—3, в 16—33, 231, 256
—7, 263—5, 282—7, 811; см.
Гелла и пекло.
Аждаја а 514.
Алатыря а 529.
Алатырь-камень а 142—9, 548,
в 800—1.
Александръ Македонскій а 454
—7.
Алконость а 135.
Альвина 329, а 727.
Альманахи в 608.
Альраунъ а 395—6.
Амалтея 684.
Амброія 367.
Амръта 367, 371—2.
Аннстасія св. 232, в 782.
Ангелы смерти в 54—57.
Ангирасы в 230—2.
Андвари а 158—9.
Арас а 203, в 119—120.
Аполлонъ 246, 691, а 136.
Апсарасы а 205, в 119—120,
188.
Арахна в 133.
Аргонавты а 352.
Аргусъ 157, 172.
Аресъ 270.
Ариманъ а 465, 514.
Аристотелевы Врата в 606.
Аріама в 283.
Артемьда в 129, 319.
Асвины в 788.
Асгардъ в 18, 258.

*) Цифры, слѣдующія за буквою а, указываютъ на страницы I-го тома, а слѣдующія за буквою в—на страницы III-го тома; цифры же, передъ которыми не стоитъ ни той, ни другой буквы, означаютъ страницы I-го тома.

Асклепій а 566.
 Асуры 262, а 686—7.
 "Атропос" в 346, 349.
 Auszgiene 87, 178.
 Асродита а 125—6.
 Ажилесь а 521—2.
 Авина 276, в 129, 133.
 Вабу (бабы) в 120.
 Бабье лѣто в 274.
 Баганъ а 72.
 Бадній день в 733—8.
 Баднякъ в 733—9.
 Балда 389, а 746—9, 753.
 Бальдуръ 96, а 431—4.
 Банный а 69.
 Баргавасы а 530.
 Бездольный в 415.
 — Берегяня а 529—530, в 124—5.
 — Береза а 281, 390.
 Берта 564, в 130—1, 188, 252,
 259—260, 353, 592, 773—4.
 Blasius а 704—8.
 Блуждающіе огни в 197—9.
 Богатый вечеръ см. щедрый
 вечеръ.
 Боговица в 737.
 Богородица 223—6, 234—240,
 354—6, 360—1, 456, 480—7,
 563, 572, 599—600, а 143—4,
 312, 401, 410—5, в 134, 174,
 263—5, 274—6, 295, 722, 756
 — 9
 Богородицны слѣзки а 415.
 Богъ в 376.
 Bože dejeso в 742.
 Bože sedleško а 82.
 Божичъ в 733, 739—741, 753.
 Божіе суды а 194—201 (огнемъ
 и водою), 270—6 (судебные

послѣднѣ), в 511 (водою).
 Болотняникъ а 236.
 Большая Медвѣдѣца (созвѣздіе)
 356, 386—7, 563, 609—611,
 763, в 284
 Болѣзни (ихъ связь съ эльфами
 и злыми духами и народные
 лѣчебные обряды) 141—3,
 203—6, 635—6, а 15—21, 30
 —31, 181—190, 303—5, 308,
 312, 319, 323, 360, 390, 563—
 6, 729—730, в 58—116, 132,
 135, 519—524, 807.
 Борисъ см. 560—2
 Боянь 405—7, 694.
 Браги 393.
 Врачные обряды 237—8, 378,
 460—4, 467, а 34—37, 174,
 178, 180, 317, 324—5, в 372—
 3, 747.
 Вреботіе а 491.
 Вhrgu 371, а 5, в 230.
 Брко. а 778—9.
 Брунгильда а 427, 632.
 Врѣхолохис (Зорхилохис) в 528,
 562.
 Буря-богатырь а 533—4, 638.
 Буянь-островъ а 131—6, 140—
 2, 295, 599, в 271.
 Быстрозоркой 170, а 710—4.
 Бѣлая змѣя а 550—2, 570—5.
 Бѣлбогъ 92—96, в 777.
 Бѣлоснѣжка а 716, в 546—9.
 Бѣлувъ '93—94, а 372, в 594.
 Бѣлыя жены и дѣвы (biele pa-
 nje) а 569, 575, 627—9, в 155, X
 168, 334.
 Бѣда в 396—7, 816.
 Бѣдовикъ в 415.
 Бѣсъ 116.

- Вазила а 72.
 Вакагине 87, 178.
 Вакханки 374, а 393.
 Вакхъ 373—4, 400, 437, 655,
 а 354—5, в 762.
 Vala (valva, vōla, vōlva) в 351,
 426.
 Валгалла а 140, 281, в 18.
 Валибукъ 295, а 776—7.
 Валигора 765, а 776—7.
 Валькирии 598, 684, а 314—5,
 в 53, 189—191, 363—8.
 Walpurgisnacht в 474—5.
 Вампиръ и вампера см. упыри.
 Варуна 63, 543, а 166.
 Василаскъ 532.
 Вейделотки а 7.
 Вейнемейненъ 293—5, 325—7,
 401—2, 536, 603, а 152—4,
 297.
 Велесъ см. Волосъ.
 Велетни а 650—1, 784.
 Великаны 155, 279—280, 292,
 318, 352, 502, 582—3, 656—7,
 721—4, 739, 784, а 41, 216,
 310—1, 330—4, 454—7, 472—
 7, 522—3, 617—9, 636—9,
 642—716, 726—7, 740—6, 765
 —772, 784.
 Веляжъ а 651.
 Венцелій а 450.
 Верба а 389—393, 434, 505.
 Werdandi в 349, 356.
 Верпея в 328—330.
 Вертогоръ (Вернигора)}
 Вертодубъ (Вернидубъ)} 295,
 765, а 776—7, в 272—3.
 Весна 608, в 661, 676—681,
 690—9.
 Велта а 8, 14, 26—28, 34—35,
 45—46, 113, 338.
- Wechselbalg в 305—7.
 Вечерница 736, а 124, в 776.
 Вечорка а 779.
 Вилкомиръ 741.
 Вилы 169, 231, 586—7, 622, а
 290—1, 295—6, 335, 358, 384,
 417, 422—3, 615—7, 733, в
 76, 152—186, 239—240, 309—
 313, 339—342, 361, 366, 420,
 464, 718—9, 807—810.
 Вильва в 154, 158, 173.
 Вильцы 741.
 Windsbraut 329, в 120.
 Вино=кровь 368—370.
 Вить св. 523.
 Вихорево гвѣздо а 275, 432.
 Вій 171, 550.
 Власій св. 695—8.
 Вовгулаки см. волкодлаки,
 оборотни и упыри.
 Вода=кровь 139, а 499; =деготь
 788; ея плодородящая, цѣлеб-
 ная, очистительная и въщая
 силы, поклонение водъ 169, а
 179—201, 206—211, 646; см.
 живая и мертвая вода.
 Водовикъ, водяникъ, водяной
 дѣдъ, водяные духи 140—1,
 295, 308, 328, 381—2, 635—6,
 662, а 203—6, 234—248, 630,
 731—2, 735, 773, в 123, 262,
 310, 802; см. Морской Царь.
 Водца в 814.
 Водяны, воданы, водяницы, vod-
 na žopa или rapna а 213,
 239, 620, в 121—3, 126, 355,
 469.
 Воздушная арфа 323.
 Воздушный океанъ в 280—1.
 Возліявія (жертвенныя) а 252—3.
 Волкодлаки (вилкодлаки) 736,

- 792, а 333, в 527—532, 549—551, 586, 593.
- Волоса 36, 117; волоса—трава а 499; коса—символь дѣвственности 238—9.
- Волосова борода 141, 697—8.
- Волосожары 222.
- Волось 401—2, 474, 691—8.
- Волотка а 651.
- Волоты см. велетни.
- Волхвы 343, а 57—61, в 425—6, 430—2, 440, 507—8, 596—605.
- Волховникъ в 607.
- Волховъ а 225, 557.
- Волчій пастырь 710—711, в 529—531.
- Волчки см. Вилыцы.
- Волчьи праздники 745.
- Волчья звезда 736.
- Воробьиная ночь а 377—9.
- Вороноградъ в 607.
- Востокъ 181—2, в 24, 277—8.
- Времена года в 676 682.
- Вритра 262, 561, а 350 1, 437, 512—3, 528—532, 582, 607.
- Wunsch в 378.
- Выгонъ стадъ на поля в 490—3.
- Выдра а 158, 554 5.
- Вырій (вирий) а 137—141, 405.
- Вѣдогонъ (жедогонъ) а 77, 95, в 196, 211, 234—5, 361, 566.
- Вѣдовскія сборища в 471—9.
- Вѣдувы и вѣдьмы 291, 300, 330, 355, 370, 405—7, 435, 545, 553, 569, 622, 667, 712, 739, 773—4, а 103, 306—7, 407—8, 422, 481—2, 504, 530, 578, 606, в 15, 109, 121, 196. 216, 218, 234—5, 272—3, 281, 311, 354. 422—433, 439—557, 565—571, 575, 582—7, 807, 810.
- Вѣкъ золотой и желѣзный а 445—6.
- Вѣсы судьбы в 273—4, 279—380.
- Vjetrec hólcу 315.
- Вѣтрова мать 313.
- Вѣтровъ батько 315.
- Вѣтры 290, 309—317. 321, 329—331, 365. 418, а 357, 531, 580, 646. в 445—8. 794;—лмханіе божіе 284—7, 310, 397;—дуновеніе мѣховъ 280. 311—2;—помело 275 291, 569—570, в 456—8, 790.—грабли в 456—8;—стрѣлы 490;—окрыленныя существа 311—2. 539;—хищныя птицы 309, 330, 502—510;—кони 470. 611—6, 628—9;—олени 640, а 280.—собки 331. 720 8. 732—3;—волки 738, 761—2, 765—7;—свиньи 557, 768—9;—великаны а 652—4;—карлы а 727—730, 733;—свистъ и завываніе вѣтровъ—дѣтскій плачь 329, в 812;—зѣмный шипъ а 526;—соловьиный щекотъ 301—2, 306—9, 320;—звуки военныхъ и охотничьихъ роговъ 269, 277, 294—5, 323;—пѣсни и музыка 321—8, 331—6;—полетъ вихря—плиска 323, 328.
- Вѣштица см. вѣдьмы.
- Vieszey в 560.
- Wünschelruthe а 392—5.
- Гаданія 632—4, а 192—4 259—260, 485, в 382—6, 740—1, 744 7.
- Had-hospodarik а 540, 552. 562.
- Hantlugia в 361.
- Гандарвы 323, 624—5.

- Ганимедъ 373, 493.
 Гаруда 512. в 788.
 Гардуки 506, а 357, 735.
 Гвозденуба в 592.
 Heilgätinneп в 353—5.
 Гендалль 324, 361, в 285.
 Геката в 250.
 Helweg в 283.
 Гелла 525—7, 732, 756, а 583,
 в 16—19, 25—26; 112.
 Гелиосъ 218—9, 690—1, 754, а
 123, 288.
 Гении-хранители в 361—3.
 Геркулесъ 504, 546—7, 655—6,
 а 288, 309—310, 516, 521,
 554, 587, 736.
 Гермесъ 172, 324, 540, 656, а
 140, 393, 423, 474, 566, 764,
 в 53.
 Гестія см. Веста.
 Геэсть 276, 280—1, 437, а 5,
 356, 696. в 2.
 Гея 128, 436.
 Нехе в 423.
 Гиганты а 515.
 Гидра а 515, 554, 736.
 Глазъ 164, 172—5, =святильникъ
 165, 175; =птица 165; =терно-
 вая ягода а 499.
 Глазъ св. 560—2.
 Годъ =дерево 517, начало года
 и его дѣленіе в 659—660.
 Голубинная книга 50—52.
 Гольда 545, 657, 683, а 127,
 471, 629—630, в 129—130,
 133, 252—9, 274, 287, 295,
 353, 592, 773—4.
 Гомиизъ в 111.
 Гора — стеклянная, хрустальная
 120—4; поклоненіе горамъ и
 камнямъ а 356—361.
 Горгоны 172, а 515.
 Горе в 397—407.
 Горохъ а 757—760.
 Горынииа (баба-горыиника) а
 355, 529.
 Горынычъ (Горыничще) а 518,
 528—530.
 Горыня 295, а 529, 666, 706,
 776.
 Горьлки 448—9.
 Hospodaričky а 77, 113.
 Гостепримство а 62—66.
 Gott в 790.
 Градъ 319, 365; =крупа 291, в
 783.
 Гремящая недѣля в 701.
 Гремячіе (громовые) ключи 168,
 а 171—2.
 Грендель в 563.
 Гречухи в 149.
 Грятурсы а 637—9, 660.
 Гризъ 503—4.
 Гроза =битва 247, 258, 261—271,
 274—9, 350, в 173; =повѣздъ
 нештоваго воинства 324; =ди-
 кня охота 324, 724—732; =иг-
 ра богатырей, игра въ шары
 (кегли) 534—5, а 652—4, в
 789; =добываніе и ковка ме-
 талловъ 279—282, 296—7, 323,
 465—6; =рыбная ловля а 154
 —5, в 25; =вспахиванье и
 засѣвъ 434—5, 622; =молотьба
 и приготовленіе муки 288—
 297; =варка пива и вообще
 хмѣльныхъ напитковъ 370—1,
 375, в 459; =доеніе коровъ в
 485—9; =взбиваніе масла 665
 —6, в 489; =стирка бѣлья в
 468—9; =щекотанье а 339—
 340; =спутываніе и расчесы-

- ваніе волось а 771—3; щел-
канье орѣховъ а 318, в 755
—6; роенье и мужжаніе пчель
382—3; брачный (любовный)
союзъ 435, 448—468; вѣдв-
ской повадъ, пирь и пляска
в 475—9; всемірныи пожарь
и потопь 760—2; возженіе
очага или жертвеннаго костра
680, в 457; баня 477.
- Грошникъ (Громовникъ) в 606.
- Громовыя стрѣлки а 367.
- Громъ 365; слово божіе 284—
7; колокольный звонъ 297—
—301, 383, 443, а 664—5, в
499; небесная труба (рогъ)
762, в 757; трещотка (коло-
тушка) 387, 443, 504, 716; ударь
молота 276—7; хло-
панье бича 282; стугъ ору-
жія 269, 470; грохотъ колес-
ницы 250, 265, 303, 470, 480,
630; топоть и ржаніе коня
612, 618—620; ревъ быка, мы-
чанье коровы 656, 661; зивъ-
ный шипъ а 511, 526; стоны и
крики великановъ а 653—4;
хохоть 778, а 338, в 783;
звукъ поцѣлуя а 435—6; ис-
пусканіе вѣтровъ а 754—5;
шумъ мотвила в 132.
- Grochowa matka в 772.
- Гуменникъ а 69—70.
- Гусли-самогуды 332—3, в 784.
- Гусляры 338—9.
- Дажьбогъ 65, 131, 193, а 486.
- Дажанды 582.
- Dāsapatui а 607.
- Daimesdick а 738.
- Дворовый а 89.
- Dziwozna (Ziwoznia, Dziwica) см.
Дѣвана.
- Dziwożony см. дивожоны.
- Дѣвда см. дѣдько.
- Дѣяды см. дѣды.
- Dēvaratni а 607.
- Девкаліонъ 353, а 474, 646.
- Девы 127, а 465.
- Dēdek в 772—3.
- Dejwes waldtojes в 330.
- Деметра 128, 138.
- Демьянъ св. см. Кузьма.
- Деница 73—88, 104, 178, 604,
в 777.
- День 102—6, 596—8, 659.
- Дервичи см. Древляне.
- Дервь (дѣрьнь въскроушь) 147.
- Дива (Дивія) 128, 137, 225.
- Дивіи люди а 454—7, 525, 618,
651, 655.
- Дивлянъ а 700.
- Дивогорскъ и Дивьи горы а 361.
- Дивожоны (dive ženy) а 343—4,
в 310—311, 468, 803.
- Дивъ 127—134, 260.
- Дивы а 616—9, в 424.
- Дикая охота 724—732, в 794—5.
- Дикій мужичовъ а 331—2.
- Дитрихъ фонъ-Бернъ (Dyterber-
nat) 730.
- Диана 137, а 400.
- Дlouhy а 710—3.
- Дневникъ народный в 670—5.
- Дни (часы) легкіе и тяжелые в
332—6, 413—4.
- Добрыня а 672—3, 741.
- Додола 336, ~~а 172—9, в 801~~
- Дождь в 754—5; слезы 167—8,
325—7, 600—4, а 413—5, 653,
в 260—1, 783; слюна 145,
393—400, 507, в 786; моча

397, 640, 670—3;=кровь 260, 367, 382, 388, 390—5, 399, 437, 657, 783—5, а 223—4, 306—7, 644—5, в 563—4;=кровь змѣиная 702—4, а 518—521, 565, 568;=змѣиная и волшебная мазь 793, а 548—551, в 458;=молоко 296, 376—8, 621—5, 653—4, 658, 665—9, 671, 764—5, а 288, 296, 306—8, 559—561, в 485—496;=масло 146, 376—7, 665—7;=живая вода 364—7, 433, а 277—8;=медь, вино 368, 372—382, 395, а 281, в 757—8;=пиво 146, 304—5, 368, 370—1, 375, 400;=вдохновляющій, мудрый напитокъ 391—7, 400—3;=сокъ золотыхъ яблокъ а 309—317;=смола, деготь 265, 788—9, а 299, 382, в 500;=випятокъ а 291;=хлѣбныя сѣмена 136, 571—3, 746—7, 793;=мука 291, а 177—8;=плотское сѣмя 135—6, 437, 447—8, 655, а 177—8, в 787;=любовный напитокъ 459—464, а 315;=стрѣлы 490;=перлы, жемчугъ 603;=коровій экскрементъ 389, 672.

Дожинки в 767.

Доля в 376, 392—7, 403—412.

Домовой 303, 390—1, 631, 714—5, 728, а 67—119, 485—7, 724, 730, в 310, 499, 806; см. цмокъ.

Домъ: обряды при закладкѣ и постройкѣ дома, а также при переходѣ на новоселье а 83—86, 109—110, 115—9.

Доваръ 110, 630.

Дорога (перейти кому дорогу) 37;=полотно, скатерть 40.

Драконъ а 520; см. змѣя.

Drebni (dremni) а 734.

Древляне а 480.

Древо жизни а 311.

Дриады а 346.

Дружичало в 229.

Дубъ 307, а 294—304.

Дубыня 675, а 652, 704—5, 776.

Дугния а 776.

Дунавки а 239.

Душа=огонь в 197—206; звѣзда в 206—9, 323—4, 810;=дымъ, парь в 209—210;=вѣтръ в 210—2, 262;=птица в 214—225, 230, 254, 292—4, 810—811; гусеница (червякъ), бабочка, муха, комаръ, сверчокъ, жулъ, пчела в 214—8, 254, 292—8, 300;=грозовый, воздушный духъ в 213—4, 230—2, 237—8, 244—9, 252, 573—4;=русадка, мавка в 228, 240—4;=вѣдогонъ в 234—5;=вила в 239—240;=эльфъ, карликъ а 729—731, в 232—7, 585—7, 812;=рыбка в 254;=звѣя, мышь, кошка, ласточка, жаба, лягушка, ящерица в 299—301, 815;=оборотень (корова, собака, конь, борозъ, овца, заяцъ и пр.) в 301—5, 566—9; см. ушгъри.

Души усопшихъ 120—5, 574—9, 732—3, а 74—87, 99, 102—3, 112, 325—5, 365, 374, 441, 445, 470—2, 479, 494—508, 739, в 18—21, 25—26, 79—81, 195—317, 547—8, 553—4, 580—2, 593, 742, 806, 812—4.

Дыи 126.

Дымъ = чортъ 100, = кудри 116,
= покровъ 545.

Дьяволъ а 617.

Дьяваа 730—1.

Дввы судьбы в 204, 273, 433 и
XXV глава.

Дѣдо см. Дѣдъ.

Дѣдовникъ а 415.

Дѣдъ-Всеѣдъ 180, в 390—1.

Дѣдъ (Дидъ) а 371—2, 487—8,
770, в 21, 739, 772—3.

Дѣды (didky) а 76, в 231, 806.

~~Дюдюль а 476.~~

Датель а 398.

Егорій Храбрый см. Юрій.

Еленя а 776.

Елисейскія поля а 140, в 19.

Engelland в 253, 287, 293—6.

Ереѣс а 638, в 26.

Ерусланъ 215—7.

Жаба в 450—1.

Жагооку 170.

Жаръ-птица 512—5, а 311.

Желкине (жельне жене) в 334.

Желъзная баба в 591.

Železomej 295.

Жертвы а 39—50, 230—1, 245
—264, в 416—421, 770—1,
797—8, 802.

Жива (Живана) 100, в 49, 686
—8.

Живая вода (богатырская, силь-
ная, цѣлющая) 119, 168, 364
—7, а 168, 352—4, 551—3,
568.

Живяцы в 334.

Жисой оговъ 257, а 18, в 737
—8.

Жировикъ а 89.

~~Житная баба (Žitnababa) в 592
—3, 776.~~

~~Житные луки в 774—4.~~

Жмурики в 38.

Жолудъ а 299—300.

Жребій а 194, 199—201, 212,
260—1, в 382—5.

Жрецы а 51—61, 265.

~~Жуки в 664.~~

Жыжь а 7—8.

~~Жымень в 679—684.~~

~~Жѣтваря царя в 109.~~

Забидящая (задушная) свѣча в
201.

Загадки 22.

Заговоры 43, 404—431, а 406—7,
563, 576, в 786.

Зажинъ в 765.

Заклятая царевна а 625—633.

~~Закруть или зякомъ хлѣбный в
501, 515—6.~~

Западъ 182—3, в 24.

Затмѣнія солнечное и лунное 112,
742—755, 764, а 532—3, в 805. ✓

Заяцъ в 255, 793.

Заячій богъ 642.

Звѣздочетецъ в 322, 605.

Звѣзды 72—73, 79—82, 163, 193,
417—8, а 131, 581; = очи 153,
156—160, 165, в 780; = окна
161; = огоньки, свѣтильники
176—7; = драгоцѣнные каменья
157, 214—5, в 781; = гвозди
281; = стрѣлы 246; = приголы
609, 611; = золотые клубки 198,
222; = золотыя яблоки а 310; =
яйца 533, 536; = горохъ, орѣ-
хи, хлѣбныя зерна а 760—1;
= пчелы 385; = стадо овецъ или

- козь 691—3: = кони 608 — 611; падающая звезда = зивий а 510—1. ✓
- Звѣреница 736, 778—9.
- Зевсь 64, 97, 128, 171, 373, 400—2, 437, 493, 601, 629—630, 655, 681—4, 739, а 63, 352—6, 492—3, б 379—380.
- Зеленийкъ б 607.
- Зеленая недѣля б 708.●
- Зеленый Егоръ 706, б 710.
- Зеленяя Святки б 144, 708.
- Земля 64, 127—9, 137—150, 653, а 355, 476, 514—5, 638, 677—8, б 778—9.
- Зигурдь а 427, 521—2, 537—8, 566, 573.
- Зигуридь а 521, 537—8.
- Зима 108—9, а 399, б 662, 676—681, 690—8; = сонь а 429; = мачиха 788; = демонъ а 582; = волякъ 744—6, 758; = вепрь 783, 787, а 430; = кузнецъ и строитель мостовъ 583—591.
- Зирка б 327.
- Зноа 230.
- Злыдни б 404—9.
- Зивинная дѣва а 624.
- Зивинная мать 561.
- Зивинная травка а 566—9.
- Зивинное ложе = золото а 536.
- Зивинныи горы и царства а 356, 530.
- Зивий 208, 275, 283, 292—6, 299, 307, 363—6, 397—9, 437, 471—2, 481—3, 532—3, 545—8, 559—562, 584—8, 590, 614, 619—620, 647, 666—8, 678—9, 683, 702—4, 749—750, 756, 759, 765, 772—3, 789; а 156, 165—6, 216, 225, 279—285, 290—1, 295, 305—6, 310, 313, 365, 368, 373, 389, 432, 435, 438, 454, 464—5, 505, 509—625, 633—5, 642—3, 736, 751—2, 757—9, 762—3, 766, 770—2, 777, б 178—9, 182, 185, 463, 479, 487, 588—9, 789, 805—6; зивий речез'ну, žitny и mloko-wy а 539, 561—2.
- Знахарь б 423.
- Зничъ а 7, 29, 46.
- Зодий б 605.
- Золото 200—3.
- Зорька а 779—780.
- Зоря 82—89, 178, 180, 226, 418, 524, 599, 658, 735, а 125—130, 136, 142—4, 400, 642; ея оружіе 273—4, престолъ 198, 223, и слезы 167, 599—603; = окно 71, 158—162, 197, 205; = розовая ткань 222—6; = червонное платье 788; = кровь, румянецъ 223—4, 669; = розы 601—2, а 370, 414—5; = улыбка неба 601—3; = птица 516—7, 529; = конь 594; = пастырь небесныхъ стадъ 690.
- Зюзи б 679—682.
- Ивановъ день, Иванова ночь см. Купало.
- Игдразилъ 374, а 279—284, 314, 318, 472—3, б 255.
- Игоша а 102, б 317.
- Идолище нечестивый а 708.
- Идолы а 264—8.
- Идува а 310, 314—6, 319.
- Изида 554.
- Икота б 70; 634.
- Ильмариненъ 280—1, 293—4, 494, а 153—4.

- Ильмень-озеро а 211—2 229—230.
- Илья-Муромецъ 302—7, 582, 614, 621, а 667—674, 678—9, 741, 771.
- Илья-пророкъ 225, 283, 303, 385, 469—483, 546, 576, 621, 628, 630, 640, 683, 698, 737, 762, а 6, 133, 143—4, 171, 256, 293, 401—2 461, 464, 516, 582, в 793.
- Имьрь 656, 784—5, а 476—7, 637—9, 644, 648, 718.
- Имянинный снопъ в 765—7.
- Индра 208, 248, 252—3, 262, 282, 349—350, 371—2, 396—7, 491—3, 629, 653—5, 690, 768, а 1, 228, 350—1, 388, 437, 440, 513, 532, 536, 552—3, 686, 702, 717, в 93, 280.
- Индра (Индрикъ)-звѣрь а 553—6.
- Иппокрена 403.
- Ириса 353.
- Х Продида 329, в 93—94.
- Источники, текущие мѣлю, серебряномъ и золотомъ а 283—294.
- Х Иоаннъ-креститель а 11, 406, 506.
- Иуда а 216, 307, 770.
- Юбунгаандр 756, а 122, 313, 549, 551, 583, 693, 744.
- Юбунн а 695.
- Језинка в 588.
- Јуту (јустрој, јатру) в 700.
- Каженикъ в 78.
- Казни колдуножь и вѣдьмъ в 507—513, 523—5.
- Калина—эмблема дѣвичьей красоты а 499.
- Камни—кости земли 139.
- Капища а 268—9.
- Карауни 63—64, 603.
- Карлики 157, 230, 255, 279—281, 301, 370, 384—5, 395, 548, 554, 564, 578 740, 795—6, а 78—82, 97—103, 113, 152, 158—9, 204—5, 235, 297, 330—3, 373, 396, 481—3, 716—784, в 806, см. эльфы, цверги, кауки, кикиморы, русалки, мавки, мары, злыдни.
- Кауки а 81, в 806.
- Квасиръ 394—5.
- Кентавры 624—5.
- Керечунъ см. Корочунъ.
- Керы в 43, 346, 366—7.
- Кикиморы а 100—2, в 79: 136—7, 317.
- Кирилло-вожыяка 559—560, а 589—591.
- Китъ а 151, 160—6.
- Кичига 288, 610.
- Кит-бій 274—7.
- Клады 202, а 361—377, 380—5, 392—8, 413, 536—9, 541, 630, 734.
- Клепальная недѣля в 708.
- Кликуши в 519, 635—7.
- Клодъ в 346—9.
- Клѣцьникъ а 89.
- Клятва 431, в 785; клятвы оружіемъ 272—3, землею 147—9, в 779.
- Кобольды а 78—80, 98, 106, 541, 562, в 409.
- Колдуны 312, 328, 330, 549, 553, 588, 618—9, 794—5, а 306—7, 365, 407—8, 587, 771, в 196, 216, 423—5; см. вѣдьмы.

- Колесо счастья в 413—5.
 Коляда 211, 300, 378, 607, 663, 765, 778—781, и 367—8, в 470—1, 729—733, 738—9, 748—752, 752—760.
 Колядки в 752—760.
 Колядникъ в 607.
 Комета (ея хвостъ, метла, борода, мечъ и копысь) 73—74, 82, 244.
 Кони (ихъ чествованіе) 631—7, в 792; кони морскіе 621—4.
 Кончина міра а 446—7, в 22—27.
 Конюшнякъ а 72.
 Kognkind в 774.
~~Коровы-Смерть в 47, 115, 523, 524.~~
 Корочунъ (Крачунъ) в 760.
 Кострома в 724—6.
 Кострубъ в 726, 762.
 Кошелекъ-замотъ ёль 197. 314.
 Кошей а 594—604.
 Kravské hody в 491.
 Králova neděle в 710.
 Крапива в 497—8.
 Красная Горка а 360, в 702—3.
 Kresnik, кресови, крѣст, крѣсины в 712.
 Кресницы в 334.
 X Крещеніе вѣкушекъ в 226—9.
 X Криницы а 219—220, в 128.
 Кривоноши а 529.
 Крохъ (Кракъ) а 529.
 Кронось 436—7.
 Кроснята а 81, 734.
 Кругъ в 517—8.
 Крупеничка а 493—4.
 Вуга в 82, 108 112—3.
 Будесники в 423—5.
 Бузьма св. 560—2, 584.
 X Букушва в 225—6, 294, 686—9.
- Купало 212, 744, а 376—7, в 470—1, 710—724, 728.
 Купальница в 721—3.
 Курентъ 334, а 649—650.
 Куроглашенникъ в 607.
 Курачій богъ в 800.
 Кутья в 743—4, 751.
 Къртъ в 760.
 Лада 227—9, 439, 483, а 127, 143, 400 409—410, 414—5, 438, в 690. 721—4
 Лидо (Лидъ) 228.
 Ладонки в 433.
 Лазавики а 774—5.
 Ламія (ламля) 299, 545, а 354, 582, 593, 763, в 588. L
 Лары а 28, 77—80. ✓
 Ласточка 454—5, 669, в 685—6, 728.
 Лаумы 359—360, 648, а 562, 781—3, в 110, 307—8, 331—3, 468.
 Лѣзосъ в 346, 349.
 Лебединая пѣсня в 191.
 Лебединыя дѣвы а 204—5, 217—8, 314—5, 568, 765, в 160, 162, 186—193.
 Леда 536.
 Лѣла а 488.
 Лемлинкейненъ а 714.
 ✓ Летавица в 209.
 Лизунъ 728.
 Лихо а 698—700, 396, 404 591.
 Лихоплеси (lichoplezi) в 342.
 Лихорадки в 81—96.
 Локи 756—7, а 5, 154—5, 310, 319, 431, 453—4, 661, 688—9, 743—4, в 2, 7—8.
 Лоскоталка в 125.
 Лоухи 293—5, 569.

Лукавый в 4.

Лукъ (растение) а 569—571.

Луна 66, 72—84, 111, 163, 189—193, 385, 417—8, 426, 641—2, 775, а 41, 130, 400, 581, в 249—252, 272—5, 488, 754—7, 776, 780—1, 796—7; = око 102, 153. 157—160; = окно 161—2; = свѣтильникъ 176—7; = сосудъ а 287; = золотое сокровище 198; = драгоценный камень 214—5; = запонка 63, 215; = колесо 213, в 781; = лысая голова 116; = ликъ 218; = кругъ сыра в 488; = краюха (хлѣба) 190; = гвоздь 611; = молодой мѣсяцъ = серпъ и мечъ 244, 437; = рога 199, 660; = ладья а 130—1; = конь и олень 597—8, 608; = быкъ, корова, баранъ, козель 660, 666; = пастырь стада 691—3; лунный свѣтъ = молоко а 287—8.

Лутона а 480.

Лучи солнечные = золотые волосы и зрѣлые колосья 138, 220—1, 230, 288; = нити 221—3; = возжи 594; = спицы колеса 220; = стрѣлы и копья 245—6; = вѣнецъ, нямбъ 218—220; = руки 71, 199, 221; = ноги 788; = кровь 749

Лыбедь а 218.

Лысая гора 116, в 469—472, 478—9.

Лысый бѣсъ 116.

Лылая сторона 185—7.

Лыса (поклоненіе имъ) а 320—5; лыса мѣдные, серебряные и золотые а 283—5, 294.

Лысени а 776.

Лысуни (лышачиха) а 343—9, в 120, 146.

Лѣтницы (Letnice) 664.

Лѣто в 661, 676—681, 691—4.

Лѣчебные обряды см. болѣзни и наузы.

Лѣшіе 140, 711, 715, а 235, 243, 325—349, 718, 722, в 78, 309—313, 803.

Любуша (вишня) 559, а 197, в 371, 441

Людки 301, а 733, 762.

Лягушка в 450—1.

Ляльникъ, в 679.

Ляля в 679—681.

Мавки в 124, 145, 149, 228, 241—2, 263, 367, 567.

Мавра (māvra) в 284.

Maibaum в 709.

Maibraut в 709.

Maikönig и maikönigin в 708—9.

Майя в 710.

Малая Медвѣдица 609, 763.

Мальчикъ-съ пальчикъ а 297, 738—9.

Мандрагора а 396, 412, 421, в 803.

Manes в 806.

Ману (Маннъ) а 476, 486, 637, 647—8.

Марана (Морена, Морана, Маряпа, Мара) 101, 300, в 35—36, 49, 205, 692—6, 703—4.

Марена (купальское дерево) в 720—3.

Марко-королевичъ а 668, 680, в 162—172, 176, 184.

Марсъ 260, 270.

Мартолой в 605.

Маруты 321, 372, 629, 654, 771,
в 230—2, 280.

Марухи см. мары.

Мары (моры) а 81, 100—3, 113,
432, 721, в 35, 79, 136—7,
218, 232, 235, 305, 309, 446,
567—8, 803.

✓ Масленица 556, в 696—8.

Медвядко (Междовић) 389—
390, а 776—780.

Медвядь 386—391, 464—5.

Медуза 172.

Мерекъ в 35.

Мертвая вода а 420, 551—3.

Мертвецы 42—43, в 37—38, 800;
см. упыри.

Метаніе, Метаньенмечь в 383,
608.

Метницы в 344—5.

Метеоръ—змѣй а 510—1.

Мечь—самостѣкъ, мечь—кладенець
275.

Мизинчякъ а 738.

Микула Селлиновичъ 559, а
679—682.

Милошь в 166—7.

Мимиръ 374—5, 403.

✓ Михаилъ—архангелъ 576—7, 585
762, а 7, 407, 418, 462—4,
593, в 55—57.

Midgardhsormr см. Iðgmu-
gandr.

Mjölmir 253, в 782.

Млечный путь 291, 595, а 288,
в 282—5;—мосьт в 814.

Можжевальникъ а 389.

Мойры в 345—351, 367.

Мокошь а 266—7.

Молникъ (Молніянникъ) в 606.

Молнія—огненные искры, свѣчи
179, 205—6, 254—6, в 499;

—огниво в 496—7;—пожигаю-
щіе глаза 170—4; кошачья и
рысьи глаза 647;—волосы, ни-
ти 231, 312, 327, а 769—771;
—возжи, узла 740;—рука 199;
а 701:—палець 259, а 701, 735—
7, 747;—хромая нога 621, а
665, 686, в 2—6;—фаллюсь
137, 435—8, 447;—буравъ
395—6;—веретено в 495—6;
мотовило а 519;—зубъ 156,
324, 728, 734, 772;—зубъ мы-
шинный, крысій, бѣличій, вол-
чій 396, 771—8, в 505;—зубъ
и щетива кабана 771, 783—6;
—зубъ дракона 276, 559, 656;
—рогъ 679—680, а 347;—
языкъ 286, 728—9;—щипцы в
541, 544;—страда, копье 245,
250—1, 265—6;—молоть, то-
поръ, камень 247—256, 264,
268, 275—6, а 297—8, в 444,
494—8, 782—3, 790, 804;—
золотя и серебряная руля
278;—шаръ, клубокъ, золотое
яблоко или яйцо 533—9, а
154, 309, в 789, 755—6;—
мечь 216—7, 260—1, 366, 439;
—искры отъ удара мечей 269;
—ножь 261, 289, 330, в 494—
6;—дубинка, палица 248, 256—
8, 314, в 783;—сухое дерево,
сухъ 258—260;—головешка,
вочерга 329, в 457—8, 496;
—осиновый и терновый колъ
а 306—8, в 475—581;—тирсь
373. —стрезубецъ а 393;—моло-
тильный цѣпъ 288—9, 296,
314;—пестъ 291, в 783;—кир-
ка—саморойка а 298;—золотой
ремень, бичъ, плеть 282—4,

в 555—6; $\equiv$ пруть, вѣтка, вѣ-
 никъ а 388—395, 422—3, 566,
 в 444, 457—8, 491—3, 498,
 555—6; $\equiv$ верба 706—7; трав-
 ва и огненный или золотой
 цвѣтокъ 375, 744, л 370, 375—
 388, 395—9, 409—422, 492,
 в 804; $\equiv$ роза, піонъ, а 387—8;
 $\equiv$ разрывъ-трава 496, л 397—
 9, 546; $\equiv$ омела а 431—4; $\equiv$
 игла 786—7; $\equiv$ птичій клювъ,
 коготь и перо 123, 501, 504,
 а 386—7, 394—5; $\equiv$ ключъ 355,
 388, 421—2, л 401—412; $\equiv$
 пчела 373, 381—4, 403; $\equiv$ червь
 л 718—9; $\equiv$ линя 357, 374, 395,
 400—1, 740—1, 786, л 510—
 512, 528, 547, 561, 707, в
 462—4; $\equiv$ змѣй шокъ л 435—6;
 $\equiv$ змѣиное жало а 526—8; $\equiv$
 змѣиный языкъ а 275, 520—2;
 $\equiv$ змѣиный рогъ а 544—5,
 555—6; $\equiv$ змѣиная трава а
 566—9; $\equiv$ птица (орелъ, соколъ,
 воронъ, дятль, аистъ, пѣтухъ
 и др.) 372, 396, 489—502,
 510—532, 540—1, 590, а 280,
 286, 295; $\equiv$ заяць, бѣлка, кротъ,
 мышъ, крыса 641—5, л 280, 318;
 $\equiv$ конь 281, 611—3, 618, в 792;
 $\equiv$ лошадиный и коровій пометъ
 636, 672—3; $\equiv$ дьявольскій по-
 метъ * 264; $\equiv$ кость-невидимка
 650; $\equiv$ зерно, горохъ а 757—9;
 $\equiv$ дѣтя, карликъ л 717—720,
 738—745; $\equiv$ мальчикъ-съ палъ;
 чикъ 549—550, 626, 740, л
 738.

Морная корова в 115.

~~Моровая дѣва в 109—110, 669.~~

Моровая дѣва 565—8, в 522—4;
 см. Моровая дѣво.

Морозъ 109, 312—3, 318; $\equiv$ куз-
 нецъ 584—5; Морозъ-Трескунъ
 (Пердунъ) 318—9, л 703—4,
 708, 755.

Морская пани (morska djevica)
 л 124—9, в 155.

Морская Пучина а 145—6.

Морской Царь 91, 292, 624, 785,
 л 167, 202, 211—9, 290—1,
 594.

Моряны л 239, 246—8, в 122;
 см. морская пани.

Мраченка в 120.

Мужичокъ-съ ноготокъ, борода
 съ локотокъ л 774, 779—780.

Музы 328, 402—3.

Музыка 339—344.

Мигонъ в 562.

Muspellsheimr а 637—8, в 27.

Мысленикъ в 607.

~~Мышь в 506—6.~~

Мѣсяцы 178—9, 586, в 266—
 270; 663—670, 682—3.

Nav в 263.

Навать в 814.

Навы (навъ, навье) 578, в 80,
 235—6, 278—9, 309.

Навьскій великъ день в 278,
 290—1.

Навякъ в 240.

Наитокъ забвенія а 420, 436.

Нагака в 16.

Наржници в 343.

Natio в 319.

Наузы а 563—5, в 429—439,
 514—8, 552—5, 816.

Nachtvolk в 244—5.

Небо 62—64, 126—9, 417; $\equiv$ риза

Господня 63; $\equiv$ покровъ а 760
 —1, в 790; $\equiv$ гора (стекля-
 ная, лысая) 119—126, а 133

- 4, 356, в 270, 469—472;= куполь (сводь), теремъ, храмъ 79, 114—5, 160—2;=черепъ 115;=воздушный океанъ а 120—6, 130—1, 166—7;=островъ а 131—6;=мостъ 692;=поле 691—2;=гумно в 469.
- Недоля в 396, 403—4.
- Недѣлька 241—2, 360, а 615—6, в 131, 530.
- Нежить (нежить) в 96—98.
- Нектаръ 367, 373, 393—5.
- Немушти језик а 573.
- Неразвѣнный червонецъ 197.
- Несивьян-царевна 602.
- Несреѣа в 411.
- Неумойка а 372, 773—4.
- Нечистая сила 91—92, 99—102, 108—112, 208, 261—8, 299, 309, 328—340, 379—381, 471—3, 478, 481, 523, 529, 533, 624, 715, 718, 743, 749, 751, 754, 778, 789, а 215—6, 236, 327—8, 365, 373—6, 380—2, 418, 428, 430, 581—4, 659—665, 668, 726, 736, в гл. XXII, 445—8, 460, 471—482, 486; см. сатана и черти.
- Николай св. 475—6, 576, 698, а 214—5, 293, 408, в 373—4.
- Никсы а 203—5, 731—2, в 147, 188, 305, 354.
- Х Нимфы 327—9, в 120.
- Нички (Ночки) в 137.
- Ній (Нія) в 814.
- Nifheimr 732, а 538, 637, в 17—19, 26.
- Nigri в 16, 282.
- Новый годъ а 390—1, в 732—3, 744, 749.
- Ногай-птица 505, в 787.
- Нокоть а 775.
- Норны 374, а 279, в 349—357, 360, 365—6, 420.
- Nöschen в 95.
- Ночь 102—6, 180, а 638, 643—4;=слѣпота 168;=покрывъ 544;=шапка-невидимка 544;=птица 526, 544;=конь 596—8;=корова 659—660;=овца 683;=волягъ 735—6, в 795.
- Нѹжа в 403.
- Обжинки см. дожники.
- Обида в 191, 367.
- Облако см. туча.
- Облакопрогонники в 442.
- Облачныя дѣвы 703, а 581, 587, 709, в гл. XXIII.
- Оборотни 792—6, а 332—3, 621—5, в 302, 485—7, 525—556, 562.
- Объѣдло а 703, 707—8.
- Овсень в 747—9.
- Овинъ в 770—1.
- Огненная рѣка в 22—25.
- Огнищанинъ а 25, 51.
- Огонь 65, 166, 193—4, 204—6, а 1—51, 66, в 796—8;=золото и серебро 200—2, в 781;=глазъ 194;=зубъ 771, в 796;=языкъ 728; птица, преимущественно пѣтухъ 502, 513, 522—3;=заяць 641;=лиса в 793;=быкъ 661;=конь в 792;=златошестинистая свинка 771;=змѣй а 520; трескъ огня=хохоть а 338; добываніе огня треніемъ=соотіе а 470; горячіе угляя=золотыя яйца 533.
- Одерень 149.
- Одинъ 153—4, 215—6, 268—9,

- 374—5, 392—403, 424, 493, 496—7, 575, 596, 630, 698—9, 724—9, 739, 746—7, 783—5, а 122—3, 140, 202—3, 345, 427, 441—5, 448, 473, 707, в 247, 279—285, 301, 364—5, 377—9, 773—4, 785.
- Одолень-трава а 415—7.
- Озеро, источникъ—глазъ 663, в 794.
- Океанъ а 201, 215.
- Окрутници 300, 336, 717—9, в 526, 750.
- Олегъ 786, а 579.
- Олимпъ 121.
- Омела а 431—4.
- Опахиванье 300, 565—574, в 790—1.
- Опивало а 703, 706—8.
- Орисницы в 183, 343—4.
- Орionъ (соавъздiе) 288, 563, 610.
- Ормуздъ а 465.
- Орей 323.
- Орѣхъ а 310—1, 318—320, 388, 392—3.
- Осень 608, в 662, 676—681.
- Осина а 305—8, в 802—3.
- Остара в 700.
- Острова блаженныя, макарійскіе 575, а 134—6, 140.
- Острологъ, Острономія в 605.
- Отреченныя книги в 605—610.
- Ожерушь 722—3, а 741.
- Очагъ а 23—48, 61—62, 66; см. домовою.
- Паликопъ 479—481.
- Palčik а 738, 741—2, 756, 761, 767.
- Панъ 695.
- Папоротникъ а 375—389, 759, в 804.
- Paŋjanу 136, 248, 264, 312, 655, а 169.
- Парки в 114, 345—8.
- Paŋom см. Перунъ.
- Парстуки а 738, 774, в 806.
- Пасха см. Святая недѣля.
- Паукъ в 132—5.
- Пегасъ 621.
- Педячовѣкъ-лакѣтъграда (pedenjelovec-laketgrada) а 774.
- Певло а 593, 733, в 16, 20—22.
- Пенаты а 28, 77—78.
- Пенелюга а 177, 484.
- Пеперуга (преперуга) а 176—7.
- Перата (Перхта) см. Берта.
- Перекрестокъ 37, в 799.
- Перелеть-трава а 385—7, 393.
- Perkuna tete (Perkuniја) 484, а 126.
- Перкунъ 75, 190, 197, 248—9, 256, 359, 432, 493, а 6—7, 46, 206, 299—300, 355, 502, в 782.
- Перуновъ цвѣтъ а 376.
- Перунъ 90—91, 110—2, 128—136, 171, 179, 189, 247—251, 257, 272—6, 291, 303, 351, 364—5, 432—9, 469—483, 506, 559, 579, 589, 628, 662, 655, 676—9, 695, 701—3, 707, 737, 771, а 46, 143, 167, 174, 225, 298—9, 354—8, 401, 405—411, 439, 464, 467, 488, 534, 559, 621, 769, 781—3, в 739, 783, 789, 801.
- Песиголовцы 721, 724, а 655.
- Pesta в 113.
- Петръ-апостолъ 639—640, а 146—7, 255, 403—4, 411—2, 460, 464, в 725, 756—8, 760, 789.
- Пагмен а 738.
- Pikuljk а 733, в 20—21.

- Pırchunis 130.
 Pıtris b 18—19, 230—2.
 Плавца b 814.
 Плавунъ-трава a 413—5.
 Plevnik (plivnik) a 555, 651.
 Плевды 221—2, 288, 533, a 404, 761.
 Plon см. plevnik.
 Плутонъ b 2.
 Пляски 339—345.
 Повороты солида b 710, 717—9, 724, 729—731.
 Погода 320, b 783—4.
 Погребальные обряды 121, 182, 577—581, a 22, 325, b 281—3, 791, 799, 813—4.
 Подводные города и храмы a 629—631.
 Поддонной царь см. Морской Царь.
 Подминышъ b 305—313.
 Подовинникъ a 69.
 Покатигорошекъ a 491—2, 757, 761—3.
 Rokole b 20.
 Поле см. судебные поединки.
 Полевикъ b 771.
 Полисунъ 711, b 529.
 Полземъ a 696—7.
 Полманъ 625.
 Половайники a 454.
 Положайникъ (положиникъ) b 734, 749.
 Полоникъ a 651.
 X Полудницы 329, b 76—77, 136—9, 311.
 Полуночка a 779.
 X Полуночницы b 77.
 Полуночники b 248.
 Полярная звезда 609.
 Поминки усопшихъ 378, b 288—292
 Pomlázka b 491—2.
 Понедѣльникъ b 252.
 X Popeluška см. пепелюга.
 Popelvar см. Попяловъ.
 Попяловъ a 483—4, 586.
 Поревить a 524.
 Порогъ дома a 113—5, b 799.
 Порода b 231, 811—2.
 Посейдонъ a 167, 201.
 Посолонъ 181.
 Постриги b 420.
 Потожь-богатырь a 218, 567—9.
 Потопъ 362, a 165, 477, 644—650.
 Похвистъ (Носовистъ) 320, b 783—4.
 Позвія—даръ боговъ 393—7, 401—4, 413.
 Прабогъ 133, b 778.
 Правая сторона 185—7.
 Праздники b 683—774.
 Пражнинасъ a 474, 645—6, b 386.
 Превращенія см. оборотни.
 Премысль 559, 634, 676.
 Прибоги 133.
 Призоръ и прикосъ см. сглазь.
 Прикаты 27.
 Прятаны a 27.
 Priscolitsch b 562.
 Pripořnica b 138.
 Прія 137—8, 227—8.
 X Проводы русалокъ b 150—1. —
 Проклятіе 427—431, b 201.
 Проклятые b 314—7.
 Прометей 212, 756—7, a 5, 7, 454, 471.
 Проне 301.
 Прострѣль-трава 267, a 418.
 Процессы о колдунахъ и вѣдьмахъ b 596, 610—658.

✱ Праща, прпоруше а 175—8.

Психея в 217.

Птичникъ в 607.

Путникъ в 607.

Пчела 385, в 785.

Pszeniczna matka в 772.

Пышки а 784.

Пѣтухъ 42, 299, 467—8, 518—525, а 106—7, 117—8, 295, в 465, 788—9, 802.

Пурпурова а 177.

Пятница св. (Пятинка) 231—242, а 219—220, в 131.

Радио(а)сть 270—2, 712, а 2—4.

— Радс(у)ница а 3, в 796—7.

Радуга а 646, 653;=лукъ, дуга, арка 349—353, в 784;=серпъ 352;=кольцо 358, 363;=поясъ, головная повязка 358—363;=мостъ, дорога въ небесное царство 361—3, 732, в 282—6;=престоль 363, в 785;=труба, насосъ 354—5;=коромысло 356, в 784—5; воздушная розга 352;=змѣй 356—8.

Разинъ Стенька а 451—4.

Разрывъ-трава 496, а 397—9, 410, 546.

Разумникъ в 607.

Рай 181—3, а 133—142, 150, 294, 312, 401—5, 440, 445, в 231, 253—281, 287, 741—2, 752, 757, 800, 811—3.

Райскія птицы а 135.

Ракшасы а 695.

Расковникъ а 397.

Растения=волосаземли 138—141, 147, 226, в 778.

Рафя в 605—6.

✱ Рахманы а 141, в 278.

Рибу (ribhus) 280, 323, в 230—2. Roggenmann (Kornmann) в 772—3.

Roggenmuhme (Kornmutter) в 139, 307, 592—3, 772—3.

Rodowestec (rodowestnik) в 326. Rodosловіе в 322.

Родословное древо а 479.

Родство (родъ) в 231, 811—2.

Родъ в 319—320, 368, 386—9, 416—9.

Рожа(е)ницы в 318—328, 333—340, 368, 388—9, 416—420.

Рожденникъ в 322, 368.

Рождество (роженіе) см. родословіе.

Розгомечецъ в 383, 608.

Роса 168—9, 604, а 279—280; =слезы 167—8, 599—603, а 499, в 791—3;=медъ, живая вода 374, а 277, 281;=молоко в 490—5;=пѣна съ удиля солнечнаго коня 596—8;=алмазы, жемчугъ 601—3, а 293—4.

Рота 431.

Рудра 768, а 768.

Руевить 270—1, 443, а 524.

Руны 411, 424.

Русалки 140—1, 578, а 217, 239, 244—8, 331, 339—340, 506, 718, 733, 773, в 76, 78, 122—8, 139—152, 164, 181, 188, 197, 218, 228, 240—4, 250, 281, 309—310, 486.

Русальи в 141—4.

Русальная недѣля в 141, 290.

Русальный (русальчникъ) великъ день в 141, 278.

Рыгль (Ерьгль) а 266.

Рѣки а 169—170, 201—3, 213—234;=кони 622—4.

- Рябина а 377, 388—9, 392, в 803.
 Рябиновыя ночи а 377.
 Ряженье см. окруткии.
- Сага 402—3.
 Садко а 211—5, 229.
 Самовилы в 104, 182—6.
 Самодывы в 104, 182—8, 240.
 Сампо 293—4, 325.
 Сарайникъ а 72.
 Сатана (Сатаниль) 311, 457, 585, 757—8, а 458—464, 476—8, 604—5.
 Сатиры а 238, 326, 348.
 Сварогъ 64—65, 129—134.
 Сварожичъ 65, 91, 131, 193, 270—1, 771, а 2.
 Свняня=плугъ в 790.
 Světlonosi в 6.
 Свѣтзоръ а 779.
 Свѣтъ=влага, жидкость а 287—8.
 Святая недѣля (Свѣтло-Христо-во Воскресенье) в 698—703.
 Святovitъ (Свѣтовитъ) 95, 133—5, 270—1, 377—8, 523, 631—2, 684, а 170, в 745, 774.
 Святогоръ 303, 582—3, а 631—2, 668—674, 679—680, 741.
 Святополкъ а 451.
 Сглазъ 172—5.
 Saelde в 411—3.
 Селена 74, 596—7, 660.
 Семикъ в 144, 291, 704—5, 708.
 Семилѣтокъ а 151—2, 155.
 Серебро 200—3.
 Сива 137—8, 230—1, 234.
 Сила царевичъ 588—9, а 607—8.
 Сильомъ в 258.
 Ситивратъ в 8, 761.
 Skalimej 295—6.
- Скоморохи 300, 338—9, 342—8, в 784.
 Скороходъ а 703—4, 709.
 Secret (šerjtek, schrat) а 332—3.
 Skuld в 349, 352, 356.
 Слуга-невидимка а 783—4.
 Слѣдъ 37—41, в 776.
 Smela в 20.
 Смертная недѣля в 695.
 Smertnica (Smrtna žena) в 108.
 Sm(e)rtonoška в 35, 787.
 Смерть 564—8, а 365, в 33—68, 103—9, 112, 201—5, 244, 272—4, 335—9, 363, 586, 807, 815;=птица 528—9;=корова 660;см. Моровая дѣва, моровая язва, Коровья Смерть.
 Смерчь а 514.
 Смокъ а 70—71, 333, 435, 539—541, 559—562, 633—5.
 Сновидецъ (Сносудецъ) в 607.
 Снѣгурна (Снѣжевничка) а 497—8, 639—641.
 Снѣгъ 240, 318, а 660;=покровъ, саванъ 239;=мука 290;=пухъ, перья 500, в 787.
 Сobotка в 712.
 Созданіе міра и человека а 458—488.
 Солнце 65—83, 106—112, 180—9, 193, 235, 312—3, 413, 599, 615, 744, а 40—41, 122—130, 134, 137, 376, 435, 486—7, 604—5, в 389—390, 413—4, 730—2, 753—7, 776, 791—2, 796—7;=огонь в 780;=око 102—3, 151—163, 166, 175, 213, 236, 374, в 779—780, 785;=небесный стражъ а 400;=окно 161—2;=зеркало 160;=свѣтильникъ 87—88, 176—9;

- =чаша, блюдо 198, а 288, в 781; =колесо 207—213, в 739; =кольцо 178, 205—7, 213—4, 776—7, а 368, 715, в 740, 781; =щитъ 163, 215—7, в 781; =шаръ 207—213; =ликъ божій 178, 218; =золото, червонецъ 194—8, а 361—2, 367—373; =драгоценный камень 214—5, а 142, 541—4, 548, в 800—1; =вѣнецъ, корона 218—9, а 541—4, в 781; =царь 96, 218—9; =пригла 222—3, 226; =дѣва, жѣвота 237, а 710, 714—6; =Несмѣяна-царевна 601—2; =птица 515—520, 542, в 756, 759; =яйцо 529—536; =корова 658—660; =олень 638—640; =пастырь стадъ 691; =жолчь 216—8; =жолудь л 715; солнцѣвы кони и колесница 103, 592—8, 604—8, 612, дворець, престолъ и ложе 163, 198—9. Солнцева мать 177, 180, а 40—41, 124—6, 129, в 390. Солнцево царство а 135—8. Солнцевы дѣвы или сестры 82—86, 111, в 272—4. Солнцѣвы источники а 288—9. Солнышко (божья коровка) в 205—8. Соловей-разбойникъ 302, 306—9, 514. Сома 371—2, 393. Сѣнное (или окаменѣнное) царство а 422—435. Сѣнное воинство а 441—457. Сѣнь в 36—42, 54. Сѣнь-трава а 419—422, 433. Сорока а 604—6. Сѣска-богатырь а 707, 777. Šotek в 789. Spánek а 433. Спрыгъ (прыгунъ, скакунъ)-трава а 397. Среда 242—3. Среѣа в 409—411. Sserpyschya в 138, 592. Стожары 611. Страна вѣчной юности (страна бессмертія) а 314, в 258, 271—3. Стратимъ (Стравиль)-птица 505, 520. Страшило (strašidla, strashnik, pristrachy) а 99. Стрибогъ 91, 320. Стрига и strigon в 535. Стрѣла=птица 490—1. Стрѣлокъ а 703—4, 709. Стрѣлы (болванъ) в 70, 75. Студенець 318, а 703. Судебные поединки а 270—6, в 802. Судицы, судички в 334, 339, 371, 420. Судьба 161, 411, 428, а 233—4, 422—4, 572, 632, в 338, 346, 368—392, 410, 414, 815. Сужевцы см. судицы. Сургуръ 759—760, а 447, в 27. Сусѣдко а 78. Šushna 208, а 513. Счастіе в 376, 393—4. Счастливая сорожка в 359—361. Счастливы в 415—6. Сѣверное сїяніе а 652. Сѣверъ 183, в 25—28. Tabiti а 24, 28—29. Табунникъ а 72. Тадака в 767—8.

- Таласамъ а 84.
 Θαλασος в 54.
 Тартаръ а 514, в 19—20, 28.
 Татошь (конь) 619—620.
 Тельпушокъ см. Лутоня.
 Тирлячъ в 458, 461.
 Титаны 436—7, а 677—8, 687.
 Тисонъ а 514—5.
 Товаряча Смерть в 115.
 Топоръ-саморубъ 274, 277.
 Торъ 248, 252—5, 375, 387,
 434, 465, 630, 647, 685, 759,
 а 354, 357, 670, 677, 681—
 694, 702, 740—5, 768, в 93,
 379.
 Требища а 268—9.
 Трепетникъ в 607.
 Триглавъ а 524, 643.
 Троицкй праздниъ в 704—9.
 Троянъ а 641—4, 723.
 Тугаринъ Зивевичъ а 519, 523
 —6, 555.
 Туманъ=покровъ, тканъ, пря-
 жа 545;=потъ а 476—7, 639;
 =сопли а 372;=свинья 768.
 Турица в 163.
 Турицы (Туры) 664.
 Турсы а 695.
 Туръ 662—3, в 750.
 Туча=кудель, пряжа, тканъ а
 517, в 128—136, 154, 276,
 354—5, 467—8, 492—3;=пря-
 жа, руко а 73—74, 102—5;=
 руно, шерсть, шкура, одъяніе
 201, 680—1, 687—690, 711—
 2, 793, в 794;=волоса, брови,
 рѣсницы, усы, борода 115—7,
 167, 170—1, а 763—773, в 154;
 =одежда, покровъ, плащъ, фа-
 та 221, 237, 313, 542—6, а 723
 —4, в 460;=пламенная рубаш-
 ка 179;=щитъ 681—2;=шап-
 ка-невидимка 547—8, 743;=
 повязка на глаза 170—1;=
 слънота 168;=саванъ в 564;
 =перчатка 648;=коверь-са-
 молетъ (летучій плащъ) 313,
 547;=скатерть-самобранка 314,
 547, 550—1;=рогъ изобилія
 674, 684, а 170;=сапоги-ско-
 роходы 540;=парусъ 289, 605;
 =корабль, ладья 277, 325—6,
 552—6, 578;=коробъ 582;=
 гробъ 179, 574—583, 588;=
 плугъ 555—565, 569—573;=
 сито, сѣялка 570—2, в 791;
 =мельничный снарядъ, жор-
 новъ, ступа 289—297;=мъ-
 шокъ, сумка 197, 277, 282,
 291, 299, 311—4, 355;=разду-
 вательный мѣхъ 280, 311—2,
 в 444—5;=кузница 279—282,
 296—7;=источникъ (колодець,
 рѣка, море) 357, 376, а 120—
 1, 126—7, 134, 145, 171—2,
 291, 394, в 444, 489, 589;=
 огненный, кипучій потокъ 367,
 576—7, в 22—25;=дьяволь-
 скіе омуты 379;=сосудъ, ко-
 тель, ведро, бочка, застольный
 кубокъ (рогъ) 277, 377—8,
 581—2, 587—9, 623, а 169—
 170, 291, 369, 692—4, 702, в
 443, 449—455, 459;=гора,
 скала, камень, пещера, под-
 земелье 171, 179, 254—5, 275,
 280, 291, 323, 395, 619—
 620, а 143—6, 350—7, 394,
 440—2, 464, 528—530, 585—
 6, 655—8, 666—670;=подзем-
 ное царство а 356;=пещера,
 погребъ, могильный холмъ а

361—374, 382;=темница а 439;
 =городъ, замокъ, дворець 171,
 277, 323—4, а 436—441, 530
 —2, 585—6, 659—665;=изба
 на курьихъ ножкахъ а 531;
 =очагъ, печь б 457;=дерево
 323—6, 371, 620, а 277—286,
 292—320, б 494—6;=рыба 325
 —6, 421—2, а 151—166;=пти-
 ца 294—5, 491—532, 539—
 542;=пернатая сорочка 540,
 545;=конь, кобылица 314, 324,
 381—4, 598, 605, 611—631,
 786, б 464, 485—496;=колес-
 ница 286, 628—631;=олень
 637—640, б 464, 793;=быкъ,
 корова 276, 372, 375, 382—4,
 389, 559, 561, 653—8, 660—8,
 672—9, 707, 712—7, б 485—
 496;=коровій хлввъ а 351,
 532;=козель, баранъ, овца
 314, 481, 586, 682—9, 714—7,
 761, б 757, 794;=свинья 561,
 768—771, 778, 782—3, 786,
 790—2, б 462—3;=лиси 643—
 6;=рысь, кошка 266, 647—
 651, б 462—3, 793;=собака
 266, 728—9, 732—4;=волкъ
 171, 709—711, 736—743, 746,
 755—767, б 462—3;=медвѣдь
 793, б 462—3;=змѣй 357, а
 511—528;=клубъ (шаръ), го-
 лова 276, а 156—7;=могъ
 115, 118—9;=кисель а 134—
 —5; грудь, вымя 359, 655,
 671, а 343, б 117—9;=дѣва и
 жена 327—330, 395, 400, 435,
 а 217, 224, б 119—121;=не-
 чистая сила 108—9, 309;=ве-
 ликаны (см. подъ этимъ сло-
 вомъ); полеть облаковъ и тучъ
 =пляска 323, 328, 332—6.

Тѣло=одежда души б 196, 359
 —363, 547—8, 553—4, 810.

Тѣни усопшихъ б 212—4.

Углы дома 39, а 111—3.

Ужъ а 305—6, 633—4.

Узольникъ (наузникъ) б 432.

Укко 254—6, 260, 351, 375, а
 202, 489.

Ундины а 203—5, б 148.

Упирь, упиряца (упиря, упи-
 рина) см. упыри.

Упыри а 306—7, 408, 498, б
 38, 138—9, 471, 557—587.

Уранъ 128, 436—7.

Urdharbrunnen 374, а 279, б
 255.

Urdhr б 349, 356—7.

Урисяцы см. орисяны.

Усови (богъзынь) б 101—2.

Усуд б 410.

Усыня а 776—9.

Утгардъ а 743.

Фараоны а 248.

Fatum б 347.

Фаниръ 548, а 521, 537, 566,
 573.

Фавтонъ 219, 595, б 796.

Фей а 728, б 193, 347—8, 369,
 421.

Фениксъ 514—5.

Фенрирь 755—760, б 796.

Фильгин б 361—2.

Фрейръ 269, 438—9, 554, 662,
 778—9.

Фрея 141, 226—7, 230, 269, 439,
 540, 555, 603, 647, 729—730,
 778, а 661—2, 688—690, б
 129, 366.

Фригга 226—9, а 355.

Forniotr а 2, 660.

- Хаось а 638, в 806.
~~Хавь в 761—8.~~
 Хавникъ а 72.
 Ховала 550.
~~Холера в 114.~~
 Хороводъ 337.
 Хорсь 128, 250, в 538.
 Храмы а 264—270.
 Христофоръ св. 721—4, а 653,
 667, 741, 770.
 Хромоу бвсь в 6.

 Царь Горохъ см. горохъ.
 Царь Градъ см. градъ.
 Царь-двница 228, а 124—8, 314
 —5.
 Царь-змѣй а 541—550, 559, 572.
 Царь Огненный Щить 215—7,
 630.
 Царьки лѣсовые, съ золотыми
 рожками, а 332, 335.
 Цверги а 721—6, 730—2, 743,
 760, 772.
 Церберъ 732, в 282.
 Цеця в 679—681.
 Циклопическія постройки а 659.
 Циклопы 155, 280, а 454, 696
 —701.
 Цмокъ см. смокъ.
 Сгнојевиѣ Ivan а 451.

 Чара 411—2.
 Чаровникъ, чародѣй в 423, 608.
 Червоныя Святки в 701.
 Черная книга в 609.
 Чернобогъ 92—93, в 777.
 Чернобыль а 574—5.
 Черный день в 325.
 Черти 435, 585, а 682—3, 686,
 747—756, 781—3, в 313—7,
 795—6; =кузнецы 296—301;
 =мельники 295; =волки 609,
 735, 740—2, 763; =псы 733,
 763—4; =свиньи 768, 781—2;
 воронъ в 789.
 — Чертовки в 14.
 Чертополохъ а 415—6, в 804.
 Чесница в 735, 745.
 Чеснокъ а 569—571.
 Четвергъ 248, 263; чистый чет-
 вергъ в 699.
 Чороје в 163.
 Чортова бабка (мать, жена) в
 14—15.
 Чортова свадьба 330, 435.
 Чохъ а 338.
 Чудо, Чудо-Юдо а 215, 290—1,
 581, 618.
~~Чума в 103—116.~~
 Чуръ а 89—94, в 798—9.
 Чуткой а 703—4, 710—4

 Шестодневъ в 605.
 Широкий а 710—3.
 Шшимора см. кижиморы.
 Щедривки см. колядки.
 Щедрый вечеръ в 744—5.
 Щука а 151—161.
 Щѣдъ а 618.

 Эгиръ а 202, 537.
 Эльем а 217—8, 242, 331, 346
 —7, 420, 630, 720—733, 772,
 в 71—82, 132—5, 232—5, 250,
 258—260, 281, 287, 305—8,
 459, 476—8, 495.
 Эолъ 312, а 357.
 Эось 163, 199, 594.
 Эросъ 461.
 Эхидна а 515.
 Эхо=откликъ лѣшаго а 339.
 Эя а 136.

- Югъ 183.
 Юды в 182, 185, 809.
 Юмона 137.
 Юпитеръ 128, 248, 670, а 300.
 Юрата а 205—6, в 123.
 Юрий св. 699—711, 763, а 175,
 254—5, 402—3, 517—9, 535,
 591—3, 633, 676—7, в 791.
 Юрьевъ день в 491—2.

 Яблоко-золотос, молодильное 125,
 а 308—317, 370; наводящее
 сонъ а 420, 433.
 Яворъ а 306.
 Яга-баба (jǎdza, jǎdza, jenzi,
 enzi, ježi-baba) 217, 291, 333,
 363, 384, 569, 573, 597, 622,
 775, а 531, 595, 780, 783, в
 540—1, 586—595, 816
 Язвояъ 270.
 Язя в 588.
 Яйцо 537.
 Яма (Уама) а 141, 471, в 18—
 19, 253, 282—3.
 Январъ а 148—9.
 Январъ а 400—1.
 Ярило 137, 336, 432, 438—446,
 662, в 713, 724—8.
 Яровитъ 270—1, 443.
 Ясень а 279—283.
 Ясонъ (Хасонъ) 444.
 Федоръ Тиронъ а 592—3.

О П Е Ч А Т К И.

Стр.	Строка.	Напечатано:	Читай:
3	3 снизу	I, 685)	(I, 685)
5	2 сверху	вельскихъ	кельскихъ
27	9 снизу	выводитъ вмѣсто Суртура-	выводитъ, вмѣсто Суртура,
33	3 сверху	ѣ псняхъ	пѣсняхъ
65	12 —	Селу	Сему
88	9 —	Предтечи	Предтечѣ
92	19 —	заговора,	заговора;
140	3 снизу	Беетиславъ	Бретиславъ
156	17 сверху	yilu	vilu
158	2 —	пристаништа	пристаништа,
164	17 —	п rotegi	и rotegi
171	8 снизу	говорила чтобы,	говорила, чтобы
174	1 —	лѣзеленинъ сомъ	зеленинъ лѣсомъ
192	9 сверху	шкуры,	шкуры;
199	2 —	slerogeni	sler ogeni
206	1 —	agonia	agonia,
216	3 снизу	некакая	некакая
337	8 сверху	тетка	тетка,
345	15 —	рмирать	умирать
376	14 —	часть,	часть.
410	3 —	Добыть	добыть
411	12 снизу	Ѣвојке	Ѣвојке!
442	10 сверху	доени,	доени
448	4 снизу	Канцлеръ,	Канцлеръ
457	11 сверху	б)	в)
460	11 снизу	dir hinter die	die hinter dir
504	10 сверху	турдовъ	трудовъ

531	14 —	съ туреннимъ	съ утреннимъ
—	7 снизу	wolfhemd	wolfhemd)
554	4 сверху	преобразить	преобразиться
605	5 —	записывались	записывались
622	7 —	отозвался	отозвался
642	9 снизу	рубашки	рубашки;
650	4 —	далее:	далее;
690	5 сверху	медомъ	медомъ,
734	2 —	горячя	горячяе
769	2 —	ими	или
773	9 снизу	во голову	на голову
798	10 —	солью	солью,
799	11 —	sulvas	sulvas

Въ I-мъ томѣ:

146	14 сверху	вина	пива
177	7 —	страны тумановъ	страны, противополож- ной царству тумановъ
412	6 —	XIII в.	X в.
480	14 —	у стрижеде	и стрижеде
671	5 —	стоятъ	стоятъ Спасъ

Во II-мъ томѣ:

67	5 сверху	гл. XXVIII	т. III, 798.
102	2 снизу	198	298.

SK ČSR Praha

SK ČSR Praha

SK ČSR Praha

SK ČSR Praha

SK ČSR Praha

A 6/32

3186059503